DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Н. КАРАЗИНА.

ГОЛОСЪ КРОВИ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе П. П. Сойкина.
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Отремянная, 12, соб. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 98, уг. Надежд.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 сентября 1905 г.

Типографія П. П. Сойкина, С.-Петербургъ, Стремянная, 12.

891.733
K18P
t.15-17

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Прологъ.

— Nadine, вамъ письмо!

Это произнесла полная, приземистая классная дама, появившаяся въ дверяхъ общей залы института.

— Тамъ еще какой-то военный хочетъ васъ видѣть. Онъ и письмо это привезъ. Поправьте вашу косынку, приведите въ порядокъ прическу, прочтите прежде, что вамъ пишутъ, и можете выйти въ пріемную.

Nadine вспыхнула до ушей, широко раскрыла свои и безъ того замѣчательно большіе, сѣрые глаза, словно испугалась чего то, робко протянула за письмомъ свою пухлую ручку и принявъ толстый пакетъ съ темно-бурою печатью и съ четко, крупно выведеннымъ адресомъ, хотѣла было, по институтской привычкѣ, спрятать его подъ передникъ.

— Прочтите же! не заставляйте себя ждать!—подтвердила классная дама.—Mesdames, не мѣшайте Горкиной,—обратилась она къ другимъ институткамъ.

Пять или шесть «mesdames», такихъ же юныхъ, только что окончившихъ курсъ, взялись подъ руки и отошли отъ своей подруги, а Надя, тутъ же посреди зала, надорвала конвертъ и принялась за чтеніе.

Ея глаза оживлялись все болѣе и болѣе, бѣлая косынка на груди заколыхалась живѣе и выше... Машинально она подвигалась къ сторонѣ оконъ, ближе къ свѣту и, коснувшись колѣномъ дубоваго диванчика, сѣла, опустила руку съ письмомъ, наскоро отерла слезу другою, свободною, и тотчасъ же снова принялась за чтеніе, жадно впиваясь глазами въ каждую строчку, въ каждое слово.

— Не надо волноваться! Это и наивно, и вредно!—внушительно замѣтила классная дама и направилась къ своему креслу, гдѣ лежалъ ея мѣшокъ съ какою то начатою вязальною работою.

Надя читала... Подруги ея заговорили шепотомъ, держась въ сторонѣ. Въ залѣ стало совсѣмъ тихо... Только издали, изъ классныхъ комнатъ, доносился монотонный голосъ учителя, да по временамъ слышалась дробная топотня маленькихъ ножекъ, пробѣгавшихъ украдкою по коврамъ длинныхъ полутемныхъ корридоровъ.

Надя читала... А въ открытыя высокія окна, словно на штурмъ, лѣзли зеленыя вѣтви старыхъ липъ институтскаго сада, широкими волнами врывался теплый весенній воздухъ, и будто изъ иного, полнаго невѣдомой жизни, волшебно-таинственнаго міра, неслись чарующіе звуки: пѣніе птицъ, грохотъ колесъ, плескъ прибоя, свистки пароходовъ, обрывки то заунывной, то бойко-разгульной пѣсни, глухой гулъ базарной площади, протяжный, мирный звонъ монастырскаго колокола... И всѣ эти звуки глубоко проникали въ душу читавшей дѣвушки, рисуя передъ ея глазами чудныя картины этого инаго міра; и картины эти сливались во-едино со смысломъ словъ и строкъ письма; онѣ безконечною лентою вились и сплетались со строками, разстилая передъ Надей чудную панораму, пополняющую писаное слово живою иллюстраціею.

Глухія рыданія неожиданно, разомъ, огласили пыльные своды институтской залы, но въ этихъ рыданіяхъ не слышалось горя... Это были слезы счастья, слезы перехода изъ одной жизни въ другую, слезы цѣлой массы сразу нахлынувшихъ, неопредѣленныхъ предчувствій...

Поднявшаяся было въ залѣ суматоха по этому случаю, требованіе воды и спирту, сочувственные «ахи» и «охи»... все это улеглось очень скоро. Роковое письмо перешло въ руки классной дамы, а все еще всхлипывающую, сквозь слезы уже смѣющуюся Надю окружили ея подруги, тоже взволнованныя, сгорающія любопытствомъ, предлагающія ей всевозможныя успокоительныя услуги.

«Милое мое, горячо любимое, родное дитятко, Надюшенька!» читала въ свою очередь классная дама, сдвинувъ брови и придавъ своему лоснящемуся лицу самое сосредоточенное выраженіе.

«Въ нашу глухую сторону—почта хоть и нескоро доходитъ, да все-таки доходитъ же. И, вотъ, спустя два мѣсяца, я получилъ твое письмецо, несказанно меня порадовавшее и утѣшившее. Эхъ, кабы матушка твоя жива была, да мы бы вмѣстѣ это письмо читали, то-то бы ей радость была!.. Не привелъ Господь!.. Его на то Святая Воля! Благодареніе Всевышнему, ты выдержала молодцомъ свой послѣдній, выпускной экзаменъ и теперь вольный казакъ! Прочелъ я и отмѣточки, къ сему твоему письму приложенныя, и очень уже особенно порадовало меня, что по Закону Божью и по русской словесности у тебя по пятку, да еще съ крестами. Это самое главное! По математикѣ у тебя слабѣе, да это не бѣда! Было-бы что считать, послѣ, въ жизни своей, еще научишься. За музыку тоже спасибо! Оно, знаешь ты, очень пріятно, когда, вечеркомъ, зимою, на фортепьянѣ... Я даже приторговалъ здѣсь, въ Ташкентѣ, одинъ иструментикъ, недорого, и не такъ, чтобы уже очень подержанный. Языки, особенно французскій, это тоже очень хорошо! У насъ многія дамы изъ высшаго начальства и сама губернаторша любятъ, когда сойдутся гдѣ, перекинуться на семъ діалектѣ, при прочей публикѣ; въ случаѣ чего и ты у меня передъ ними лицемъ въ грязь не ударишь... Да это все потомъ увидимъ, а вотъ теперь перейдемъ къ главному.

«Осталась ты у меня, Надюха, послѣ твоей покойной матушки и моей супруги Марьи Дементьевны, малолѣткою по девятому году. Милостью начальства и щедротами хозяина моего, Михайлы Алексѣевича, свезъ я тебя въ институтъ и помѣстилъ на все казенное содержаніе, да съ тѣхъ самыхъ поръ и не видѣлись мы съ тобою болѣе, только письмами перекидывались. Шутка ли! Вѣдь безъ малаго три тысячи верстъ разстоянія насъ раздѣляло. Семь лѣтъ прошло, и въ эти семь лѣтъ много воды утекло... Многое перемѣнилось! Помню я тебя ребенкомъ, милымъ, ласковымъ, послушнымъ, а по письмамъ твоимъ вижу, что ты теперь еще лучше стала... Умница ты, моя драгоцѣнная!.. То-то, думаю, какая ты теперь у меня изъ себя красавица... Была, вѣдь, ты ребенкомъ только мастью въ меня, а лицомъ, глазами особенно, вся въ покойницу маменьку. Пріѣдешь, погоди, у нашихъ здѣшнихъ молодцовъ какъ глаза разгорятся!.. Пишешь ты, что трудиться хочешь, мѣстовъ

искать въ гувернантки, или тамъ въ учительницы какія... не надо—брось! Своихъ, можетъ быть, крошекъ учить будешь... довольно съ тебя этого, имъ вотъ и передашь всѣ свои знанія... Да ты не стыдись, голубушка, не краснѣй, читая мои простыя слова, я вѣдь и за три тысячи верстъ сердцемъ своимъ тебя какъ глазами вижу. Извѣстно, дѣло житейское!

«Люди же, не знаю, какъ у васъ, а въ нашей сторонѣ есть отличные! ребята отмѣнные! Укажу котораго,—бери смѣло, если сердце у тебя отзовется... Жду не до дождусь такой себѣ подъ старость радости... Сторона же у насъ превосходная! Вѣришь ли? Осетрина свѣжая по шести копѣекъ, икра зернистая по гривеннику, фазановъ пара пятнадцать копѣекъ, а винограду, персиковъ, фруктовъ разныхъ, такъ даромъ бери и кушай—сколько душа потребуетъ...

«Домъ я себѣ здѣсь, въ «Глухомъ фортѣ», отстроилъ хорошій; при домѣ и главная контора нашего торговаго агентства—шесть комнатъ, конюшня о четырехъ стойлахъ, коровникъ, ледникъ первый въ фортѣ, садъ на восьми безъ малаго танапахъ (такая мѣра есть) и какой садъ! Тѣни-то, тѣни сколько! И купальня въ немъ устроена съ палаткою.

«По вечерамъ у насъ музыка батальонная на барбетѣ играетъ, господа офицеры собираются, изъ жителей, кто почище, флотскіе тоже, когда пароходы снизу подходятъ... Помнишь ты Ивана Акимовича? высокаго такого, толстаго... Онъ еще тебѣ куклы все шилъ изъ цвѣтного сукна?.. Онъ живъ! Въ полковники теперь вышелъ, и у насъ артиллерійскимъ складомъ завѣдуетъ... Два года тому назадъ сынъ его изъ кадетскаго корпуса пріѣхалъ, ротою въ здѣшнемъ батальонѣ командуетъ. Отличный молодой человѣкъ, красавецъ писаный, только усовъ еще и признака не имѣется, а все-таки покручиваетъ пальцами по голой губѣ. Забавно!

«Мы часто вмѣстѣ ѣздимъ на затоны рыбу ловить, самоваръ беремъ съ собою,—сазаны больше аршина попадаются. Иванъ Акимовичъ мнѣ говоритъ какъ-то: «Скоро ли, говоритъ, эта красоточка наша пріѣдетъ?» а самъ это искоса на сына поглядываетъ, да меня въ бокъ локтемъ толкаетъ... Чудакъ, право!.. Ну, да тамъ, впрочемъ, все сама увидишь.

«Батюшка нашъ, отецъ Павелъ, все тотъ же, что и тогда, помнишь, молебенъ служилъ напутственный, просфору тебѣ далъ

большую? Много новыхъ понаѣхало въ нашъ край, много старыхъ перемерло; многое вообще перемѣнилось. Дѣлишки мои тоже поправились; будетъ съ чѣмъ коротать остатокъ жизни, да и тебѣ останется... Ты вѣдь у меня теперь не безприданница! Тысячъ десять тебѣ наличными припасъ, не считая дома и всякаго прочаго. Душою рвался самъ къ тебѣ, да дѣла не позволили. Хозяинъ у насъ новый объявился, сдача дѣлъ и суммъ, время горячее! Все на моихъ плечахъ: и по красному товару, и по питейному. И вотъ надумалъ я послать за тобою Силантія Иванова, потому на этого человѣка у меня какъ на самого себя полное упованіе. Онъ тебя привезетъ сюда бережно и сохранно какъ царицу индіанскую. Тарантасъ велѣлъ купить новый, покойный, съ фордекомъ и на прогоны деньгъ не жалѣлъ, а пароходомъ по Волгѣ-матушкѣ вплоть до Самары поѣдешь, такъ наказъ мой Силантію, чтобы въ первомъ классѣ особую каюту взялъ и зорко бы поглядывалъ,—дабы кто тебя, не только дѣломъ или словомъ, взглядомъ бы какимъ пустымъ не обидѣлъ бы.

«Дорога предстоитъ тебѣ дальняя, да ты не тревожься, ночью не ѣзди, а пережидай на станціяхъ, спи побольше, не утомляй себя напрасно. Изъ Ташкента выѣдешь съ нарочнаго, мы тебѣ здѣсь торжественную встрѣчу устроимъ.

«Силантію Иванову предписано передъ выѣздомъ молебенъ отслужить съ водосвятіемъ въ вашей же институтской церкви и пакетъ вручить вашему батюшкѣ, со вложеніемъ такого же пакета и ея высокопревосходительству, начальницѣ вашей, съ благодарностью; не побрезгуетъ пусть, отъ чистоты и признательности отцовскаго сердца. Окромя этихъ двухъ пакетовъ, Силантію дано на дорогу пятьсотъ рублей, да и сотню особенно, на твои собственныя руки... Можетъ, что купить понадобится, или задолжала кому въ институтѣ—плати и покупай, не стѣсняйся.

«Третьяго дня у насъ саранча пролетѣла, чуть только всего сада не задѣла... Туча-тучею! даже темно середь полудня стало. Шелобовъ капитанъ, волкъ его заѣшь, молодчина! Седьмого тигра одинъ на одинъ ухлопалъ и, вѣришь ли?—пить пересталъ... уже второй годъ, послѣ болѣзни своей и видѣній разныхъ. Отслужилъ молебенъ, девять дней отговѣлъ, исповѣдывался, святыхъ таинъ принять сподобился и бросилъ... Узнать

нельзя что за человѣкъ сталъ: здоровый, могучій, богатырь-богатыремъ, только натурою сталъ словно не такъ веселъ какъ прежде—степеннѣе.

«Теперь у насъ въ степи покойнѣе стало, а то было начали пошаливать азіаты. Наши въ отрядъ отсюда ходили, мѣсяца три въ походѣ пробыли. Водилъ маіоръ Грузиковъ (это изъ новыхъ), а я спиртъ и аптечный товаръ поставлялъ; аттестатъ благодарный получилъ отъ самого генералъ-губернатора.

«Здоровьемъ я отмѣнно хорошъ, хоть и посѣдѣлъ сильно, только о тебѣ, ангелѣ моемъ утѣшителѣ, все скучаю... Ну, да ужъ недолго осталось! Получилъ твое письмо послѣднее, Силантія отправилъ, и въ домѣ у меня веселѣе стало, чувствуется будто ты уже здѣсь. То по комнатамъ, то въ саду—все твой голосокъ звонкій слышится. А за чай сажусь, такъ ужъ нарочно налью себѣ стаканъ, да и сяду въ сторонѣ, и кажется, что ты изъ-за самовара выглядываешь, спрашиваешь: «А не налить ли тебѣ, папочка, еще стаканчикъ горяченькаго...» Я это сейчасъ говорю: «Налей, душенька»,—самъ обойду стороной, да и самъ же налью себѣ... Мыслью это о тебѣ словно ребенокъ брежу... Хе-хе... вотъ оно мнѣ старику какое счастье сказочное подваливаетъ!

«Вчера Павлуша приходилъ (это сынокъ Ивана Акимыча), принесъ лозу виноградную, изъ Бухары ему особенную привезли. Самъ и посадилъ ее передъ твоими окошками. Говоритъ, будто гроздь розовая будетъ и жасминомъ пахнуть... Да, чуть не забылъ! Днемъ въ дорогѣ будетъ жарко, а ночи пойдутъ холодныя, такъ ты на ночь ножки хорошенько мѣхомъ окутывай. Я тебѣ съ Силантіемъ, сего ради, выслалъ одѣяло бѣлое изъ тибетскихъ козъ... Не забудь же!

«На сырье, на арбузы, дыни и что подобное сразу не накидывайся. Да, впрочемъ, во всемъ слушайся Силантія, я его настрочилъ какъ слѣдуетъ, да и самъ онъ старикъ разсудительный и бывалый.

«Еще разъ заочно благословляю тебя, крѣпко прижимаю къ своему родительскому сердцу и жду не дождусь твоего пріѣзда—моя родная, ненаглядная голубка-Надюшенька.

Твой, горячо-любящій тебя отецъ

Федоръ Горкинъ.

«P. S. Платьевъ себѣ много не надѣлывай, потому тащить ихъ такую дорогу не стоитъ, да и здѣсь у насъ разныхъ матерій сколько хочешь! И дешевле, и не въ примѣръ добротнѣе. А ложки серебряныя, что я съ тобой въ институтъ далъ, не оставляй, заплати деньгами лучше, хоть вдвое, что слѣдуетъ, потому на ложкахъ этихъ вензеля твоей покойной матушки, а моей супруги, Маріи Дементьевны. Царство ей Небесное! Еще разъ до свиданья и еще разъ заочно благославляю тебя и крѣпко цѣлую...»

«И я тоже... Въ пріятномъ ожиданіи,

Иванъ Акимовъ, сынъ Глухаревъ, подполковникъ и кавалеръ».

«Позвольте и мнѣ приписать, хотя и не имѣю чести Васъ знать лично, но съ позволенія Вашего батюшки, что, вполнѣ сочувствуя радости Вашего родителя, присоединяю и свои искреннія пожеланія счастливой и скорой дороги.

Павелъ Глухаревъ, подпоручикъ».

— Quelle drôle de manière d'écrire!—пожавъ плечами улыбнулась классная дама, дочитавъ все письмо до конца очень внимательно, и отправилась съ нимъ въ комнаты директрисы. Проходя черезъ пріемную, она съ такимъ же вниманіемъ осмотрѣла съ ногъ до головы высокаго старика, въ длинномъ солдатскомъ, отставномъ сюртукѣ, сидѣвшаго на кончикѣ стула, у самой двери.

Шелестъ дамскаго платья заставилъ стараго инвалида вскочить и вытянуться по военному, въ струнку.

— Ахъ! это вы за дѣвицею Надеждою Горкиной?—полюбопытствовала дама.

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство!

— Силантій?

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство!

— Ахъ, Боже мой! зачѣмъ же такъ громко!.. Надя Горкина сейчасъ выйдетъ...

— Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство!..

Титулы эти видимо понравились дамѣ; она снисходительно улыбнулась и прошла мимо, а старый служивый все еще не рѣшался присѣсть, несовсѣмъ ловко чувствуя себя въ этой, непривычной для него, обстановкѣ пріемнаго институтскаго зала.

I.

— Итакъ, Поль, вотъ, гдѣ судьба привела намъ увидѣться!

— Да, Анатоль! Я радъ отъ души! Здѣсь вѣдь просто одичать можно! Словомъ перекинуться не съ кѣмъ...

— Да, послѣ петербургской жизни тебѣ, я думаю, трудновато. Два года, кажется, какъ ты здѣсь, въ «ссылкѣ»?

— Почти два. Проклятый Шефель, помнишь? представилъ таки въ штабъ мои веселья. Подвялась цѣлая исторія... Если-бы не тетушка и кузина Мадъ, хоть въ отставку подавай... Кое-что уплатили, кое-гдѣ пообѣщали... кое-кого въ шею, а меня сюда! Хоть бы въ казаки,—еще ничего бы, а то въ этотъ батальонъ, въ эту трущобу и на неопредѣленное время.

— Какъ неопредѣленное?!

— Очень просто... «Для поправленія дѣлъ». А какъ ты ихъ тутъ поправишь, когда и роты не даютъ. Багринцевъ хлопочетъ о переводѣ меня въ оренбургское войско... Тамъ получу сотню; но вѣдь это все такіе пустяки... Впрочемъ, я думаю, все это скоро уладить.. Ну, а ты какъ сюда попалъ?..

— Я командированъ сюда въ распоряженіе генералъ-губернатора. Тамъ у насъ довольно сносно... Я даже не ожидалъ—нашихъ много, и живется недурно... Впереди все-таки карьера!.. Теперь, вотъ, поручили это слѣдствіе — Ренсгардтъ говорилъ мнѣ передъ отъѣздомъ, что ты здѣсь. Я выхожу отъ губернатора, а онъ дежурнымъ былъ въ этотъ день, и говоритъ мнѣ: «Знаешь, тамъ ты встрѣтишь стараго знакомаго». «Кого?» спрашиваю. «Поля Криницына!..» Я очень обрадовался и...

— А мнѣ сообщилъ комендантъ, что назначенъ Грунинъ. Я думаю: ужъ не тотъ ли? Бѣгу сюда—и прямо въ твои объятія.

— Fatalité!..

— Fatalité!..

Такъ разговаривали два молодыхъ человѣка, сидя у стола въ комнатѣ довольно большой и свѣтлой, но болѣе чѣмъ скромно обставленной. Стѣны этой комнаты были начисто оштукатурены алебастромъ, потолокъ въ натяжку подбитъ—тоже выкрашенный известкою холстомъ, полъ новый, досчатый, не-

крашенный. Вдоль стѣнъ стояло нѣсколько вѣнскихъ мягкихъ стульевъ, мягкій диванъ, обитый ковромъ и ярко-цвѣтнымъ канвусомъ, большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, мѣсто засѣданія молодыхъ людей, и сплошь сколоченный шкафъ, съ стеклянными дверцами, съ полками, уставленными фарфоровыми вещицами, пакетиками въ синей бумагѣ и разною мелочью. На стѣнахъ висѣли въ самодѣльныхъ рамкахъ двѣ роскошныя литографіи, изображавшія морскія сраженія; карта туркестанскаго края съ помѣтками и, почернѣвшая отъ пыли, портретъ женщины, въ платкѣ на головѣ и въ клѣтчатомъ платьѣ. Другой портретъ, фотографическій, стоялъ на столѣ, но этотъ портретъ изображалъ молодую дѣвушку въ институтскомъ костюмѣ.

Передъ Анатолемъ, собесѣдникомъ въ штатскомъ платьѣ, лежалъ на столѣ большой кожаный портфель съ мѣдными застежками и оковками ремней, а передъ другимъ собесѣдникомъ, Полемъ, въ бѣломъ офицерскомъ кителѣ, лежала фотографическая карточка той же дѣвушки, которую онъ только что передъ этимъ разсматривалъ, повидимому очень внимательно, да и теперь искоса поглядывалъ на нее, приговаривая:

— Mais, parole d'honneur! Прелюбопытная мордочка!..

Встрѣча этихъ двухъ молодыхъ людей произошла въ «Глухомъ фортѣ», въ домѣ Федора Петровича Горкина, отставного штурманскаго офицера и главнаго торговаго агента фирмы «Хмуровъ и Компанія». Изъ оконъ комнаты видѣлась широкая пыльная площадь форштата, за нею рядъ жиденькихъ тополей, за ними плоскія крыши базарныхъ сакель съ закопченными, приземистыми трубами, дальше серебристая лента рѣки, съ тонувшими въ знойномъ туманѣ очертаніями противоположнаго, поросшаго камышами, берега. На площади человѣкъ восемь казаковъ, въ сѣрыхъ рубахахъ и желтыхъ кожаныхъ шароварахъ, держали въ поводу своихъ осѣдланныхъ лошадей; ближе къ крыльцу стоялъ распряженный тарантасъ, въ глубинѣ котораго копошилась фигура денщика, вынимавшаго разныя дорожныя вещи. Пестрая группа туземцевъ сидѣла на корточкахъ, въ тѣни глинобитнаго забора, другая группа русскихъ женщинъ и мужчинъ, обитателей форта, держалась ближе, почти у самыхъ оконъ, а ребятишки,

такъ тѣ, цѣпляясь за подоконники, пытались заглянуть внутрь: «что, молъ, тамъ дѣлается?...» Хоть ихъ и отгонялъ, грозя нагайкою, казакъ-урядникъ, ожидавшій «начальство» у послѣдней ступеньки крыльца.

На всѣхъ лицахъ ясно выражалось тревожное любопытство и ожиданіе. Очевидно было, что произошло нѣчто необыкновенное, разомъ нарушившее ихъ однообразное, сѣрое прозябаніе въ Глухомъ фортѣ.

По боковой улицѣ, ведущей къ воротамъ форта, окруженная облакомъ пыли, быстро приближалась конная группа, мелькали бѣлыя офицерскія фуражки и доносился сдержанный храпъ горячившихся лошадей.

— Его высокоблагородіе, господинъ комендантъ! — добавилъ урядникъ, заглядывая въ дверь, и скомандовалъ выстроившимся казакамъ:

— Смирно!

Поль и Анатоль встали и взялись за фуражки.

Первый успѣлъ сунуть карточку институтки въ карманъ и вытянулся въ струнку; второй, сохраняя небрежную независимую позу, ограничился только тѣмъ, что выпулъ изо-рта окурокъ сигары.

— А въ саду стоятъ часовые?.. Поставить, поставить, непремѣнно поставить! Вездѣ насовать часовыхъ!.. Мало ли что!.. Печати печатями, а дѣло дѣломъ... Прапорщикъ Ползунковъ!.. Позвать прапорщика Ползункова!.. — раздавался на крыльцѣ комендантскій голосъ. — А гдѣ господинъ пріѣзжій слѣдователь?..

И на порогѣ появился маленькій старичекъ, совсѣмъ лысый, съ коротко подстриженными, сѣдыми усами, съ ярко-красными щеками и носомъ, и съ самыми добродушными, залплывшими жиромъ глазами.

— А, очень пріятно! — обратился онъ къ штатскому. — Скоренько пожаловали. Это хорошо! Анатолій Робертовичъ Грунинъ, если не ошибаюсь? очень радъ!.. Полковникъ Огурчиковъ, здѣшній комендантъ! Пріятно познакомиться... Господа!.. Позвольте васъ познакомить съ моими офицерами!... Господа офицеры!.. Иванъ Тимоѳеевичъ, Павелъ Ивановичъ, Иванъ Кузмичъ... Вотъ слѣдователь! Грунинъ, коллежскій совѣтникъ, Анатолій Робертовичъ. Такъ за дѣло—за дѣло-съ!.. Время те-

рять нельзя! Прапорщикъ Ползунковъ, распорядились на счетъ лошади господину слѣдователю?

— Готово, полковникъ!

— Такъ ѣдемъ, ѣдемъ скорѣе... Господи благослови!.. лошадь! Урядникъ, возьми портфель у господина слѣдователя...

— Я полагаю,—началъ было слѣдователь,—что прежде надо сдѣлать осмотръ на мѣстѣ, то есть, я хочу сказать,—здѣсь... Снять нѣкоторыя предварительныя показанія съ домашнихъ...

— Это не уйдетъ, батюшка, не уйдетъ... Домъ то у меня еще до свѣта опечатанъ, часовые разставлены... Вы изволите видѣть какая жара... страсть!.. Дали то мнѣ знать вчера, въ восьмомъ часу вечера, я команду туда услалъ, для неприкосновенности, да нарочнаго въ городъ... Вы изволили въ которомъ часу выѣхать?..

— Въ половинѣ восьмаго, утромъ...

— А теперь уже безъ четверти три по полудни-съ... Такъ-то! Тутъ позамѣшкаемъ, темно станетъ... скакать то верстъ четырнадцать... Тамъ до утра отложить придется... Потомъ и къ тѣлу не подступишься... Вѣрно я говорю, господинъ докторъ?..

— Вѣрно, вѣрно!—отозвался докторъ, съ трудомъ взбираясь на казачью лошадь.

— А развѣ нельзя доѣхать туда въ экипажѣ?..—замялся Анатолій Робертовичъ, подозрительно поглядывая на корнаухаго, рыжаго жеребчика, не особенно ласково косившагося умнымъ глазомъ: какого это молъ ему сѣдока аллахъ посылаетъ?..

— Не проберемся въ тарантасѣ... За гнилымъ ставомъ вязко будетъ на колесахъ то,—отвѣчалъ кто-то изъ толпы...

— Садитесь!..

— Сѣли!..

Всадники, потѣснясь немного въ воротахъ, выбрались на просторъ. Два казака впереди разогнали съ дороги пѣшій людъ. Облако сплошной пыли скоро затянуло кавалькаду, и опять въ этомъ облакѣ замелькали бѣлыя шапки и разномастые хвосты галопирующихъ лошадей.

Впереди, легко покачиваясь въ сѣдлѣ, дробною иноходью ѣхалъ комендантъ, за хвостомъ его лошади подскакивалъ казакъ съ полковничьей шинелью черезъ сѣдло и едва сдерживалъ горячаго карабаира щеголеватый адъютантъ Ползунковъ.

Сторонкою, отъ пыли подальше, рысилъ докторъ, распустивъ поводья и пытаясь свернуть себѣ папироску... Непривыкшій къ верховой ѣздѣ, пріѣзжій слѣдователь поминутно терялъ стремя и прихватывалъ за переднюю луку сѣдла, бокъ-о-бокъ съ нимъ фыркалъ и широко раздувалъ ноздри вороной жеребецъ Криницына... Остальные офицеры отстали значительно: «что молъ за охота глотать пыль изъ подъ начальства, поспѣемъ!..» Встрѣчные по пути конные киргизы и сарты почтительно сворачивали съ дороги, торопливо соскакивали съ лошадей и низко кланялись, сложивъ руки на животѣ... Вдали, у переправы черезъ рѣку, гдѣ надъ потемнѣвшею сплошною щеткою камышей развѣвался полосатый флагъ и кудрявымъ столбомъ поднимался дымъ сторожеваго костра, толпилось уже нѣсколько конныхъ, ранѣе прибывшихъ, и даже бѣлѣлъ холщевой верхъ чьего то тарантасика...

— Никому не позволю, никому!..—ворчалъ комендантъ,—что за балаганъ! нечего тамъ смотрѣть... Ишь наѣхало сколько! Все равно никому не позволю!..

Кавалькада остановилась у переправы.

— Я былъ *тамъ*, сейчасъ только что вернулся,—подъѣхалъ къ коменданту высокій, сутуловатый, пожилой офицеръ съ длинными сѣдыми усами.—Иванъ Тимофѣевичъ съ Павлушей тамъ остались, а я вотъ за вами...

Это былъ капитанъ Шелобовъ.

— Ежели мы,—продолжалъ онъ,—поднимемся еще верстъ пятокъ повыше, тамъ теперь обмелѣло, по брюхо коню, больше не будетъ, да и коса песчаная выходитъ... Много короче будетъ, чѣмъ по дорогѣ. Гнилой затонъ-то въ сторонѣ прійдется, объѣзжать не надо...

— Обмелѣло?

— Только что по брюхо...

— Въ бродъ, такъ въ бродъ... — согласился комендантъ.—Господа, гайда за мною... Что же, и въ бродъ можно!.. Мадамъ, бонжуръ-съ!.. — сдѣлалъ онъ ручкою двумъ дамамъ, тревожно выглядывающимъ изъ подъ зонта тарантаса.

— Полковникъ, полковникъ!.. Семенъ Семеновичъ!.. — запищали дамы и даже платками замахали.

Но комендантъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, и вся кавалькада снова тронулась въ путь, растянувшись по узкой,

кочковатой береговой тропинкѣ, межъ сплошными стѣнами непролазно-спутаннаго камыша.

— Mon cher! — обратился Криницынъ къ своему другу, слегка коснувшись ручкою хлыста его локтя.

— Tiens!—отозвался тотъ.

Они заговорили по-французски.

— Я хочу... ты позволишь мнѣ сдѣлать тебѣ маленькое замѣчаніе?.. По нашей старой дружбѣ...

— О, сдѣлай одолженіе!

— Ты назначенъ сюда слѣдователемъ спеціально по этому дѣлу. Ну, такъ я тебѣ скажу: держись независимѣй... Ты здѣсь главное лицо...

— О, я понимаю это... Я отдаю отчетъ только своему прямому начальству... Мои полномочія... мои спеціальныя знанія...

— То-то... А уже на тебя сразу насѣлъ этотъ толстый шутъ, нашъ комендантъ... Ты уступилъ сразу... А я бы на твоемъ мѣстѣ, не стѣсняясь, замѣтилъ бы ему, что, молъ, не ваше дѣло!..

— То есть почему же?.. Я самъ нашелъ нужнымъ... время дѣйствительно жаркое... чрезмѣрное разложеніе трупа...

— Который и до завтрова могъ бы пролежать тамъ очень покойно, а ты бы не тресся на этой клячѣ, по этой мерзѣйшей дорогѣ,—и они врутъ, что нельзя доѣхать въ экипажѣ,—просто горячку порятъ, и тебя заставляютъ... C'est drôle!..

— Ты правъ, mon cher. Видишь, я соглашаюсь... ты правъ... Однако это сѣдло мнѣ ужасно третъ лѣвую ногу. И куда они дѣйствительно ломятъ, очертя голову!

— Сюда!—послышался голосъ капитана Шелобова.

Онъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу, и, махнувъ рукою, уже повернулъ къ рѣкѣ и началъ осторожно спускаться съ осыпающагося подъ конскими ногами глинистаго берега.

— Какъ это все глупо,—ворчалъ Криницынъ.—Вся эта суматоха, эта масса непрошенныхъ помощниковъ, сующихъ свой носъ... По моему, это все только мѣшаетъ правильному и покойному ходу слѣдствія... Подбирай, mon cher, ноги выше, подбери поводъ—споткнется конь, выкупаешься...

— Да, что еслибъ Бланшъ и Бека увидали меня въ этомъ положеніи!?.—кисло улыбнулся Грунинъ...

Выбравшіяся на песчаную косу лошади стали встряхиваться, рыжій жеребчикъ обнаружилъ было желаніе поваляться, и навѣрное привелъ бы это желаніе въ исполненіе, еслибы Криницынъ ударомъ хлыста по его жирному крупу, не привелъ бы его въ повиновеніе...

Переправа совершилась вполнѣ благополучно.

— Теперь уже недалеко, господа, недалеко!—кричалъ комендантъ.—Ну, съ Богомъ... Паддай, ребята! Прапорщикъ Ползунковъ, а кажется я свой портсигаръ-то тю-тю! Нѣтъ, здѣсь! Урядникъ—огниво!..

И снова густыя чащи камыша засверкали по сторонамъ, и то и дѣло, чуть не изъ-подъ ногъ всадниковъ, поднимались шумные взлеты перепуганныхъ фазаньихъ выводковъ.

II.

Узкая тропинка раздвоилась, обходя громадный кустъ камыша; этотъ кустъ былъ сильно примятъ; длинные, надломленные стебли загораживали лѣвый обходъ и изъ-за нихъ виднѣлась какая то неопредѣленная масса, прикрытая рогожами. Шагахъ въ трехъ отъ нея стоялъ казакъ, съ саблею наголо. Еще нѣсколько казаковъ сидѣли въ сторонѣ, шагахъ въ сорока, около небольшого костра, полупотухшаго, гдѣ на таганѣ кипѣлъ походный котелокъ... Лошади этихъ казаковъ, осѣдланныя, но стреноженныя, паслись неподалеку; неистово отмахиваясь хвостами отъ докучливыхъ комаровъ и слѣпней. По правой тропинкѣ, заложивъ красныя, сильныя руки за спину, не выпуская изъ зубовъ коротенькой трубки, взадъ и впередъ прохаживался старый офицеръ, по своей колоссальной фигурѣ очень похожій на Шелобова, видимо погруженный въ глубокую думу... Дѣло подходило къ вечеру, но солнце еще припекало порядочно; только съ рѣки, да со стороны широкихъ, сверкавшихъ сквозь густой камышъ, водныхъ затоновъ, доносился легкій вѣтерокъ, предвѣщающій вечернюю свѣжесть...

Топотъ копытъ приближающейся кавалькады заставилъ богатыря выйти изъ своего раздумья. Онъ остановился, поглядѣлъ изъ подъ руки вдаль по дорогѣ, вынулъ изъ зубовъ свою, давно уже потухшую, трубку и небрежно сунулъ ее въ карманъ широкихъ кожаныхъ шароваръ.

— А Павлушки то все еще нѣтъ!—произнесъ онъ, обращаясь должно быть къ самому себѣ.—И куда это онъ запропастился?

Кавалькада сильно растянулась по дорогѣ; за комендантскимъ иноходцемъ трудно было угнаться. Больше всѣхъ отсталъ губернаторскій слѣдователь, а съ нимъ и Павелъ Петровичъ Криницинъ.

Когда наши друзья подъѣхали, уже всѣ спѣшились и молча окружили лежащую подъ рогожею массу... Криницинъ слышалъ, какъ Иванъ Тимофѣевичъ, тотъ, кто прогуливался въ ожиданіи кавалькады, говорилъ:

— Вотъ тутъ, господа, не топчитесь... осторожнѣй... Тутъ есть слѣдочки, которые весьма желательно было бы сохранить.

— Господи! да здѣсь кажется всѣ записались въ слѣдственные волонтеры!..—пожавъ плечами, вполголоса обратился Криницинъ къ Грунину.

А тотъ, измученный быстрою непривычною ѣздою, едва переступалъ своими затекшими ногами, отирая потъ съ своего, преждевременно полысѣвшаго, лба тонкимъ, надушеннымъ батистомъ.

— Не теряя времени приступимъ!—пригласилъ комендантъ.

Группа офицеровъ подалась назадъ. Всѣ молчали, не отрывая глазъ отъ рогожъ... Часовой казакъ стоялъ, какъ столбъ, вытянувшись въ струнку, не смѣя даже согнать комаровъ, усѣвшихся на его носъ и калмыцкія, выпуклыя скулы.

— Мой портфель!.. Разстегни его па...жалуста... Спасибо, братецъ...

Грунинъ вытащилъ изъ портфеля чистый листъ съ помѣченнымъ заголовкомъ и нумеромъ, отвинтилъ крышку дорожной чернильницы и приготовился было писать.

— У меня все уже приготовлено... Вотъ... первое постановленіе: осмотръ тѣла на мѣстѣ...

— Сними рогожи!—скомандовалъ комендантъ...—Однако того! уже попахивать начинаетъ... Я говорилъ, потарапливаться надо!

Слѣдователь приблизился къ трупу.

— Я бы обратилъ вниманіе ваше, господинъ слѣдователь, на черезчуръ уже спокойное положеніе трупа...—глухимъ голосомъ, въ которомъ слышалось волненіе горя, началъ Иванъ Тимофѣевичъ...

Грунинъ поднялъ глаза и тотчасъ же встрѣтился съ полунасмѣшливымъ взглядомъ Криницина и съ его характернымъ движеніемъ плечъ.

— Я бы прежде всего попросилъ, господа, не вмѣшиваться въ мои прямыя обязанности,—сухо отвѣчалъ онъ, не обращаясь лично къ вопрошавшему, а такъ вообще.—Криницынъ, не будете ли такъ добры записывать, что я буду диктовать...

— Нѣтъ,—сухо отвѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Позвольте мнѣ-съ!—подскочилъ адъютантъ Ползунковъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

— По прибытіи на мѣсто происшествія,—диктовалъ Грунинъ,—тѣло было найдено въ лежачемъ положеніи, лицомъ внизъ, затылкомъ кверху, руки вытянуты вдоль тѣла, съ открытыми ладонями, ноги также... головою обращено къ сѣверо-востоку.

— Прямо на югъ, вдоль дороги,—замѣтилъ Шелобовъ.

— Благодарю васъ! — въ свою очередь пожавъ по криницынски плечами, кивнулъ головою слѣдователь.

— Къ югу...—записалъ Ползунковъ...—Я къ «югу» записалъ, господинъ слѣдователь!

— Мегсі, пишите дальше: тѣло одѣто въ суконное пальто, такіе же панталоны, на ногахъ высокіе сапоги—безъ шпоръ, черезъ плечо сумка кожаная, замокъ которой... посмотрите, пожалуйста, замокъ отпертъ, или нѣтъ?

— Замокъ безъ ключа,—просто защелкнутъ...—нагнулся къ тѣлу одинъ изъ сопровождавшихъ офицеровъ, — сумка пустая...

— Такъ и запишите. Я думаю теперь все!.. Докторъ, что вы скажете о ранѣ?

— Рана видимо смертельная,—нагнулся и докторъ:—затылочная кость раздроблена совсѣмъ, вонъ и мозгъ виденъ... Вотъ послѣ вскрытія я и дамъ вамъ свое заключеніе; не тутъ же вскрывать, на дорогѣ...

— Хорошо... Ахъ, да... Господинъ Ползунковъ, если не ошибаюсь, потрудитесь еще записать... Тамъ есть графа: «осмотръ мѣстности»... нашли-съ?

— Нашелъ-съ!..

— Мѣстность ровная, поросшая кустарниками и высокой травой...

— Камышемъ!—подсказалъ опять кто-то.

— Камышемъ... въ четырнадцати верстахъ отъ форта Глухаго, по дорогѣ... Куда ведетъ эта дорога, господа?

— Въ Алаевскіе аулы!

— Такъ и запишите... Вблизи берега рѣки, въ двѣнадцати шагахъ отъ казачьяго поста...

— Позвольте-съ, позвольте-съ,—вмѣшался тутъ самъ комендантъ,—этого поста здѣсь не существуетъ вовсе; это спеціально къ тѣлу командировалъ я... Поднимутъ тѣло, сейчасъ телѣга пріѣдетъ, и постъ снимутъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?!.. Ну, такъ не пишите... Теперь, значитъ, все!.. Что же, господа, неужели же мы назадъ опять верхомъ поѣдемъ?

— А то какже...—отозвался докторъ.

— Что, батенька, заморились? Хе-хе, по штатскому то положенію! — подшутилъ комендантъ.—Ну, да ничего; мы то назадъ полегоньку, шажкомъ поѣдемъ. Оно даже пріятно по вечерней прохладѣ, кончили-съ?

— Полагаю, что больше здѣсь нечего дѣлать... Казакъ, подай портфель!

— Нѣтъ, уже позвольте!—подошелъ тутъ Иванъ Акимовичъ...—не все-съ! Вы хоть и обидѣлись на мое вмѣшательство... Позвольте представиться: полковникъ Глухаревъ! Прошу не упустить: главное то вы проморгать изволили... Тѣло-то гдѣ лежитъ? Здѣсь? Такъ. А убитъ-то этотъ человѣкъ гдѣ-съ? Здѣсь, скажете? Нѣтъ-съ. Вонъ оно гдѣ! шаговъ пятьдесятъ отсюда, и съ того мѣста его, за воротникъ, ничкомъ сюда приволокли. Вотъ онъ и слѣдъ, точно метлой мели... видите-съ?!

Грунинъ опѣшилъ немного... Криницынъ закусилъ губы,—словно ему досадно и больно стало за своего товарища и друга.

— Я вашему показанію, господинъ подполковникъ, охотно дамъ мѣсто въ журналѣ слѣдствія, хотя самъ и не признаю особенной важности выясняемаго вами факта...

— Чего важнѣе... Тамъ вонъ... Эхъ, господа, ну что вы топчетесь, право!.. Павелъ Петровичъ,—ну, чего вы тамъ разгарцовались!.. Всѣ слѣды сбили... Тамъ, господинъ слѣдователь, отпечатки копытъ двухъ лошадей ясно были обозначены, тамъ и кровавая лужа до сихъ поръ немного замѣтна... Тамъ-съ *это все* произошло... это вѣрно!..

— По моему, батюшка, все это надо теперь же замѣтить и занести въ протоколъ,—вставилъ свое мнѣніе и комендантъ...

— Мы вотъ здѣсь съ утра все роемся,—заговорилъ Шелобовъ:—я, вотъ, Иванъ Тимофѣевичъ и Павлуша, а гдѣ онъ?

— Онъ въ аулъ погналъ, тамъ... справляется... Реветъ мальчуганъ... Жалко ему покойника!.. Поскакалъ, говоритъ: живъ не буду, а розыщу...

Криницынъ опять сошелъ съ коня, кинулъ поводья казаку и приблизился къ Грунину...

— Я тебѣ говорилъ,—началъ онъ по-французски,—ты съ этою ордою помощниковъ, названныхъ и непрошенныхъ, только съ толку собьешься...

— О, не безпокойся,—улыбнулся его пріятель...—Обстоятельство, сообщенное полковникомъ Глухаревымъ, мною принято къ свѣдѣнію. Вы, господинъ комендантъ, распорядитесь выслать мнѣ сегодня же ночью всѣхъ, кого я найду нужнымъ вызвать къ допросу. И васъ, господа, всѣхъ желающихъ и имѣющихъ показать что либо, прошу тоже...

Грохотъ приближающихся колесъ отвлекъ на минуту общее вниманіе. Это прибыли за тѣломъ. Казаки подняли трупъ и бережно уложили его на дно телѣги. Докторъ снялъ съ себя шинель и прикрылъ покойника.

— Съ Богомъ!.. осторожно на толчкахъ!.. Эхъ, Федя... Не дождался ты своей радости...

Иванъ Акимычъ совсѣмъ вплотную сдвинулъ свои косматыя брови и сталъ набивать трубочку... Шелобовъ пустилъ своего косматаго, карнаухаго маштака итти по волѣ, а самъ пошелъ пѣшкомъ за телѣгою... Офицеры сѣли на лошадей и сгруппировались около коменданта... Грунинъ и Криницынъ опять отдѣлились отъ общей группы...

— Что же я могу сдѣлать, господа,—вполголоса, словно оправдываясь, говорилъ комендантъ...—Дѣло находятъ экстреннымъ, нашимъ не довѣряютъ, прислали спеціалиста, что же я могу сдѣлать? Вмѣшаться... на меня же послѣ свалятъ... Вотъ, молъ, Огурчиковъ превысилъ власть, все дѣло испортилъ...

— Такъ-то такъ... только дѣло это совсѣмъ нечисто выходитъ... Тутъ, братъ, не простой разбой... тутъ...

— Не наше дѣло!.. Вотъ что тутъ... Однако поздновато... Гайда!

— Я тебѣ скажу, — говорилъ въ свою очередь Крипицынъ,—скажу другое... Я очень, очень даже радъ, что тебя прислали, но только напрасно ты предполагаешь, что преступленіе, или просто несчастный этотъ случай представляетъ собою что нибудь особенное... Просто убили и ограбили, а можетъ быть и грабить-то было нечего... Здѣсь, вѣдь, это дѣло самое обыкновенное, это не Петергофъ, не Красное Село... И тамъ случается... здѣсь вѣдь глубокая Азія!.. Шайки разбойничьи бродятъ на каждомъ шагу, населеніе неспокойное, къ намъ настроенное враждебно.

— Часто здѣсь это случается?

— О, сплошь да рядомъ. Да вотъ хоть третьяго дня. Поѣхалъ я прогонять немного моего Абрека... О-го-го... Дури! . Недалеко отсюда, вонъ тамъ,—Крипинынъ показалъ кончикомъ хлыста,—встрѣчаю я четырехъ оборванцевъ, всѣ конные, рожи воровскія; конечно, я былъ хорошо вооруженъ, за плечами карабинъ, ну, они посмотрѣли, послѣдили за мною и отстали, а могло случиться и иначе... Мы, вѣдь, не въ Петергофѣ...

— Я тоже начинаю приходить къ убѣжденію, что простое убійство... и ничего больше... — подумавъ глубокомысленно, рѣшилъ судебный слѣдователь.

— И оружіе допотопное. Ты замѣтилъ? просто ударъ дубиною или батикомъ; такое оружіе у нихъ есть, вродѣ булавы...

— О, какъ же, это я хорошо замѣтилъ... знаешь... это даже на меня непріятно подѣйствовало. Сѣдые волосы, запекшаяся кровь и грязь, эта черная, зіяющая рана... круглая лысина... вздернутый воротникъ пальто... Бррр... и потомъ этотъ запахъ... Что ты?

— Холодно въ одномъ кителѣ. Съ рѣки пронизываетъ насквозь сырость...

— А помнишь, у Фелисьена... на бережку?..

Но Крипицынъ ничего не отвѣчалъ на это напоминаніе и сосредоточенно смотрѣлъ впередъ, словно слѣдилъ за движеніями тонкихъ, строго очерченныхъ, кровныхъ ушей своего аргамака...

Стало темнѣть... въ густомъ туманѣ, поднявшемся надъ рѣкою, замелькали красные огоньки строеній Глухого форта... Безчисленные рои комаровъ стояли въ воздухѣ звенящимъ

туманомъ, кони рвались и горячились, чуя конюшню... И чуть слышно доносились удары убогаго, надтреснутаго колокола фортовой церкви, гдѣ отецъ Павелъ собирался служить панихиду «по убіенномъ рабѣ Божіемъ Ѳеодорѣ...»

III

Должно быть и на Павла Петровича видъ трупа подѣйствовалъ очень сильно. Всю дорогу онъ ѣхалъ молча, не отвѣчая даже на разныя общія воспоминанія, которыми засыпалъ его петербургскій другъ.

«Сѣдые волосы, запекшаяся кровь и грязь... эта черная, зіяющая рана, круглая лысина, вздернутый воротникъ пальто... Бррр... И потомъ этотъ запахъ...» не выходили у него изъ головы...

Вороной аргамакъ его шелъ крупнымъ шагомъ, звучно пережевывая тонкія удила; Грунинъ на своемъ малорословъ жеребчикѣ отставалъ поминутно...

— Ты, Поль, пожалуйста,—говорилъ онъ,—меня не оставляй, у меня и ночуй, въ этомъ домѣ... Поможешь по-дружески... потолкуемъ на досугѣ...

— Нѣтъ, не прійду! — разслышалъ наконецъ Грунинъ. — Еще и про меня, пожалуй, скажутъ, что я «*превысилъ власть... руководилъ, такъ сказать, слѣдствіемъ... имѣлъ вліяніе...*»

— Какъ тебѣ не стыдно! Удивительно тоже, важное дѣло, таинственная запутанность, самое обыкновенное происшествіе, простой подорожный разбой... Мы, вѣдь, не въ Петергофѣ!..

Криницынъ не могъ не улыбнуться.

— Ну, тамъ увидимъ!—произнесъ онъ и наддалъ ходу.

Грунинъ зарысилъ тоже, стараясь не отставать.

Эту ночь большая часть обитателей Глухого форта провела безъ сна.

Исторія значительно осложнилась. Отъ фирмы «Хмуровъ и Компанія» пріѣхали два уполномоченныхъ для разбора книгъ и счетовъ убитаго Горкина. При ихъ участіи, слѣдователь и комендантъ часа два возились, вскрывая печати и

провѣряя дѣла покойнаго; кромѣ того, желающими давать показанія явились чуть не всѣ офицеры форта... Всѣ писали эти показанія сами, подписывали ихъ и подкладывали въ распоряженіе слѣдователя. Грушинъ волновался больше всѣхъ, онъ благодарилъ направо и налѣво, и только крайнее утомленіе заставило его, и то утромъ, когда солнце уже довольно высоко поднялось надъ горизонтомъ, прекратить работу... и, поблагодаривъ еще разъ всѣхъ вообще и каждаго порознь, онъ просилъ *«не оставить его и впредь, по сему дѣлу, своимъ полезнымъ содѣйствіемъ для раскрытія этого таинственнаго и загадочнаго происшествія...»*

Одинъ только Крипицынъ не принималъ никакого участія въ общей тревогѣ; онъ всю ночь не выходилъ изъ своей квартиры, и только поздно, часу въ одиннадцатомъ утра, щегольски одѣтый во все бѣлое, отправился посѣтить своего петербургскаго друга...

Грушинъ только что успѣлъ заснуть, но разбудить велѣлъ себя не позже какъ черезъ два часа, и во всякомъ случаѣ, ежели что понадобится, то сію минуту. Его денщикъ приготовилъ дорожный нессесеръ для умыванья, вѣстовой казакъ— возился надъ самоваромъ. Часовые все еще стояли у дверей и противъ каждаго угла дома, гдѣ, между прочимъ, въ комнатѣ, выходящей окнами въ садъ, самой красивой и уютной изъ всѣхъ, защищенной отъ свѣта и мухъ сплошными войлочными ставнями, храпѣли, что называется во всю, — оба уполномоченные фирмы «Хмуровъ и Компанія». На садовой верандѣ стоялъ длинный столъ, заставленный остатками ужина, присланнаго комендантомъ, и уныло торчали до дна опорожненныя бутылки... Полуголый туземецъ, смуглый, точно отлитый изъ бронзы, мелъ дорожки сада, ревниво поглядывая на большую кость отъ телятины, усѣянную мухами... Тамъ, вѣдь, было еще очень много хорошаго, чтобы весьма годилось для удовлетворенія его утренняго апетита, но этотъ солдатъ, что стоитъ на углу—онъ тоже хорошо видитъ и остатокъ мяса, и его, Ахметку, и уже крикнулъ разъ: «Ну, мети, мети!.. чего по сторонамъ зѣваешь... Ишь поднялъ пыли, азіатъ! Нѣтъ того чтобы водою полить перво-на-перво»...

— Баринъ всталъ?—освѣдомился Павелъ Петровичъ у денщика.

— Полчаса, не болѣе, какъ почивать прилегли. Прикажете разбудить?

— Не надо... Я зайду послѣ,—рѣшилъ, подумавъ немного, Криницынъ и медленно направился къ базарной площадкѣ.

Едва онъ успѣлъ отойти нѣсколько шаговъ, какъ тотъ же денщикъ крикнулъ ему вслѣдъ:

— Ваше благородіе! Пожалуйте! Анатолій Робертовичъ васъ просятъ!

— А!—обернулся Криницынъ и медленно вернулся.

Грунинъ сидѣлъ на складной походной кровати; лицо его было совсѣмъ желто отъ безсонной ночи, глаза заспанные, и онъ ихъ тщательно промывалъ, намоченнымъ въ холодной водѣ, полотенцемъ.

— Я слышалъ твой голосъ,—говорилъ онъ...—Очень радъ, очень радъ! Что же ты не заходилъ ночью? У меня всѣ были, ужинали... Садись, пожалуйста. Станиславъ, чаю!.. Мнѣ есть съ тобою чѣмъ подѣлиться... Дѣло важное, крайне сложное. Пахнетъ карьерою и какою карьерою! Станиславъ! уйди вонъ и дѣлай свое дѣло! чего торчишь! Садись-же, Поль. Чаю хочешь?! Мнѣ ужасно интересно знать, что ты скажешь. Я всегда дорожилъ твоимъ мнѣніемъ. Да садись-же!.. Помнишь, мы съ тобою вчера рѣшили, что это просто разбой и ничего больше... Помнишь?

— А теперь что же оказалось?—пожалъ плечами Павелъ Петровичъ.—Экстроардинарное происшествіе, хитро задуманная кровавая драма и ты, хитроумный Лекокъ, напалъ на вѣрные слѣды. Въ твоихъ рукахъ руководящая нить. Такъ, что-ли?.. Кто-же таинственные злодѣи?

— Именно, именно такъ... Ты смѣешься? а мнѣ не до смѣха. Нервы мои возбуждены. Я провелъ ночь безъ сна, въ самой лихорадочной работѣ и, вѣришь-ли, нисколько не хочу спать. Ну, да садись и я тебѣ все разскажу по-порядку.

Станиславъ подалъ чай на серебряномъ подносѣ и два разрѣзанныхъ граната вмѣсто лимона и обнаружилъ было намѣреніе приводить постель въ порядокъ.

— Ступай вонъ!—остановилъ его неумѣстное рвеніе Анатолій Робертовичъ.

— Видишь-ли, другъ мой, оказывается вотъ что...—началъ онъ свой разсказъ о событіяхъ тревожной, слѣдственной ночи.

Во время своего разсказа, очень длиннаго и весьма послѣдовательнаго, онъ поминутно справлялся съ листками показаній, аккуратно уже сшитыми вмѣстѣ и перенумерованными.

— Во-первыхъ, оказывается, что Федоръ Петровичъ Горкинъ поѣхалъ съ цѣлью посѣтить всѣ передовые форты лѣваго фланга, гдѣ есть отдѣленія его фирмы. Тамъ онъ намѣревался сдѣлать нѣчто вродѣ частной ревизіи, передъ главною, общею, и, между прочимъ, долженъ былъ раздать значительную сумму денегъ, восемьдесятъ двѣ тысячи, триста семьдесятъ два рубля, сорокъ четыре копѣйки, каковую сумму и взялъ съ собою.

— Какъ это глупо!

— Что глупо, что?

— Брать съ собою большія деньги и одному рыскать по степи... конечно, я думаю, больше чѣмъ глупо, — замѣтилъ Криницынъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ одному... —оправдывалъ дѣйствіе убитаго Грунинъ.—Онъ имѣлъ основанія... онъ... Я, впрочемъ, это потомъ. Все по порядку. Въ доказательство сего — есть точныя показанія,—господа уполномоченные фирмы «Хмуровъ и Компанія» и справки по книгамъ. Проводить его долженъ былъ Шелобовъ, капитанъ Шелобовъ. Вотъ его личное показаніе! Онъ долженъ былъ встрѣтить его въ Алаевскомъ аулѣ, это верстъ двадцать далѣе мѣста происшествія, и за тѣмъ уже сопровождать его дальше. Онъ его не дождался и поѣхалъ навстрѣчу. Онъ же первый и нашелъ тѣло.

— Ничего нѣтъ пока необыкновеннаго!—пожалъ плечами Криницынъ, не дотрогиваясь до своего, уже остывшаго стакана.

— Слушай дальше: Шелобовъ поскакалъ стремглавъ въ фортъ и далъ знать коменданту, а самъ, съ другими офицерами, немедленно вернулся къ мѣсту. Здѣсь они нашли слѣдующее: вотъ показаніе полковника Глухарева и его сына! Конскій слѣдъ (лошади убитаго) велъ отъ переправы и былъ очень хорошо виденъ; за версту до мѣста катастрофы къ этому слѣду присоединился еще слѣдъ коня, тоже кованнаго русскими подковами, обыкновенными, и этотъ слѣдъ сопровождалъ первый до того пункта, гдѣ лежало тѣло; то-есть несовсѣмъ до того, а немного ближе. Затѣмъ этотъ второй слѣдъ отдѣлился и направился. Вотъ тутъ дѣло затемняется. Надо тебѣ замѣ-

тить, что преступленіе было совершено, случайно конечно, на такомъ пунктѣ, гдѣ недавно прошелъ табунъ и всѣ слѣды перепутались. Но все-таки, много дальше, у самаго берега, тоже найденъ слѣдъ кованный, два или три отпечатка, тождественный съ тѣмъ, что сопровождалъ убитаго. Соображаешь?

Криницынъ слушалъ разсказъ своего друга очень внимательно, но еще внимательнѣе разсматривалъ [illegible] узоръ на ручкѣ подстаканника.

— Слѣдъ этотъ велъ къ берегу: значитъ, всадникъ, предположимъ убійца, хотѣлъ переправиться на ту, то-есть на эту нашу сторону, то-есть вернуться въ фортъ. Кажется, ясно?..

— Ясно!..—отвѣчалъ Криницынъ.

— Но на этой сторонѣ до сихъ поръ еще [illegible] этого слѣда не найдено. Искали, но не нашли.

— Чего же яснѣе,—улыбнулся Павелъ Петровичъ...

— Слѣдъ же лошади убитаго все-таки былъ опять найденъ,—продолжалъ Грунинъ,—и велъ въ степь, гдѣ [illegible] и найдена была сама лошадь Горкина, съ [illegible], мирно насущаясь... Эту лошадь нашелъ и [illegible] Глухаревъ-сынъ. Что же изъ этого выходитъ?

— По моему пока ничего...

— Нѣтъ, не ничего! Общія показанія говорятъ, что если покойный Горкинъ былъ убитъ туземными разбойниками, съ цѣлью грабежа, то, во всякомъ случаѣ, хорошая лошадь составляетъ для таковыхъ большую цѣнность и они бы ее не бросили, а увели бы съ собою. Это и комендантъ, и всѣ говорятъ... Непремѣнно увели бы съ собою!

— Очень можетъ быть! Ну, дальше!

— Дальше вотъ что: выходитъ теперь, что убійца одинъ изъ здѣшнихъ. Одинъ изъ тѣхъ, кто могъ знать—какую большую сумму имѣлъ при себѣ убитый,—и желаніе овладѣть этою суммою было главнѣйшимъ мотивомъ преступленія. Такъ или нѣтъ?

— Такъ, само собою разумѣется,—согласился Павелъ Петровичъ...

— Всѣ офицеры почему-то, особенно этотъ Глухаревъ съ сыномъ и Шелобовъ, крайне, до страстности, заинтересованы открытіемъ убійцы. Они предложили мнѣ, между прочимъ, произвести повальный обыскъ во всемъ Глухомъ фортѣ—это меня удивило сначала, но, по зрѣлому размышленію...

— Какъ, и въ офицерскихъ квартирахъ?—удивился Крицынъ.

— Да, у всѣхъ вообще. Даже комендантъ говоритъ:— Я, господа, ничего противъ этого не имѣю. Начинайте, для примѣра, съ моего дома. Онъ даже хочетъ настаивать на этомъ...

— Что за дичь!.. что за нравы!—пожалъ плечами Крицынъ...—И ты произведешь этотъ «новальный», какъ ты выразился, сбискъ.

— Надо произвести. О, Боже мой! если бы мнѣ удалось найти какой-нибудь гвоздь, какую-нибудь подозрительную пуговицу... Вѣдь ты понимаешь—это карьера! Это пойдетъ въ Петербургъ. Мое имя,—понимаешь ты—мое имя, связанное съ открытіемъ того запутаннаго, кроваваго дѣла! и обо мнѣ заговорятъ, обо мнѣ напишутъ...

— Напишутъ, какъ о «гороховомъ шутѣ»—pardon за выраженіе, и, повѣрь мнѣ, ты дашь пищу самымъ острымъ насмѣшкамъ, общему глумленію—и только...

Грунинъ взглянулъ на своего друга глазами полными недоумѣнія—рѣзкій выводъ Крицына, высказанный холоднымъ, сухимъ тономъ, такъ мало соотвѣтствовалъ его собственному выводу. Прежній авторитетъ Павла Петровича, начинавшаго въ кружкахъ, такъ называемой, золотой молодежи—одержалъ и и здѣсь свое вліяніе... Недоумѣніе во взглядѣ Анатолія Петровича стало уже принимать другой характеръ,—молчаливой мольбы не разрушать его иллюзій, настолько уже созрѣвшихъ, настолько приблизившихся къ дѣйствительности...

— Почему же?—протянулъ онъ, тоскливо поглядывая на нити свидѣтельскихъ показаній.

— По весьма простой причинѣ. Слушай же и ты меня. Но прежде пойми въ свою очередь, что если я высказываю свое мнѣніе, то только: во-первыхъ, изъ дружбы къ тебѣ; а во-вторыхъ,—изъ принципа: я не хочу, чтобы порядочные люди изъ нашего круга разыгрывали здѣсь шутовъ, pardon, передъ этими полудикарями. А ты самъ именно подставляешь свою голову подъ шутовской колпакъ.

— Я очень тебѣ благодаренъ...

Грунинъ прикоснулся рукою къ перчаткѣ Павла Петровича.

— Слѣды русскихъ подковъ, присоединившіеся къ слѣдамъ лошади Горкина, ничего не доказываютъ, потому что на всѣхъ

здѣшнихъ базарахъ русскія подковы продаются тысячами туземцамъ, и нашимъ, и чужимъ, одинаково; что эти слѣды потомъ вели къ рѣкѣ,—положимъ, что это была лошадь убійцы, также какъ и лошади всякаго мирнаго гражданина, потребенъ водопой—и ничего болѣе. Этихъ слѣдовъ не отыскали на этомъ берегу, что же мудренаго, что продолженіе ихъ не нашли и на томъ... Ты уже вообразилъ, что здѣсь все индѣйцы куперовскіе, слѣдоискатели, которые, съ чутьемъ лягавой собаки, могутъ добраться по намекамъ до цѣли розыска... Смѣшно!.. Лошадь убитаго, якобы оставленная разбойниками,—это уже совсѣмъ туманно. Всякая лошадь можетъ вырваться и поскакать домой... за нею можетъ быть и гнались, но прими во вниманіе рискъ подобной погони. Вѣдь разбойники могли очень легко наткнуться на погоню, въ свою очередь высланную за ними, и, конечно, были настолько благоразумны, что пожертвовали конемъ, которому и цѣна базарная вся—полсотни. Тебѣ совѣтуютъ... какъ это можно совѣтовать спеціально уполномоченному слѣдователю!.. Тебѣ совѣтуютъ произвести повальный обыскъ—обыскъ этотъ сдѣлать нетрудно—но смотри!.. Обыскъ не принесетъ, конечно, никакихъ результатовъ, я въ этомъ глубоко увѣренъ! Не будетъ же убійца, въ самомъ дѣлѣ,—еслибы это и былъ кто изъ здѣшнихъ, хранить у себя окровавленныхъ уликъ, или, тѣмъ болѣе, крупной суммы... Сколько ты сказалъ?

— Восемьдесятъ слишкомъ тысячъ...

— Ну, такъ вотъ видишь ли? Не будутъ же хранить эту, довольно порядочную, несоотвѣтствующую офицерскому карману, сумму у себя въ чемоданахъ... а, между прочимъ, я еще не знаю какъ высшее начальство, особенно военное, посмотритъ на этотъ, позорящій офицерскій мундиръ, обыскъ, хотя бы и нашлись господа офицеры, добровольно соглашающіеся на подобное посрамленіе...

— Но если въ виду этого, если, такъ сказать, будетъ что-нибудь обнаружено...

— Да развѣ я тебя стѣсняю... я говорю только—что самъ думаю, я откровенно, по праву нашей старой дружбы, высказываю тебѣ свое мнѣніе... и только... пожалуста не думай, что я могу тебя учить—какъ производить слѣдствіе. Ты кончилъ правовѣдѣніе,—ты спеціалистъ; я въ школѣ гвардейскихъ под-

прапорщиковъ,—я кавалеристъ... Пожалуста не думай... Я слишкомъ далекъ отъ какого-нибудь вмѣшательства въ твое дѣло...

— Ну вотъ ты уже и обидѣлся! это нехорошо, это не потоварищески!..—успокаивалъ его Грунинъ.—Я всегда готовъ охотно тебя слушать. Твой практическій умъ стоитъ спеціальности...Я самъ начинаю думать...

— То-то—самъ,—Криницынъ улыбнулся...—А главное я тебѣ доскажу вотъ что: въ погонѣ за таинственнымъ Фрадьяволо ты потратишь даромъ дѣло—представишь по начальству тысячу листовъ всевозможной чуши, а главное будетъ упущено. Донося просто, какъ оно и есть, о набѣгѣ барантачей—ты этимъ донесеніемъ вызовешь мѣры, а за эти мѣры всѣ мирные жители нашего околодка скажутъ тебѣ большое спасибо. Усилятъ здѣсь кавалерію—выставятъ посты, построятъ можетъ быть укрѣпленіе, обезпечивающее весь путь на лѣвый флангъ, до сихъ поръ совершенно открытый доступу всевозможной бродячей сволочи. Вѣдь мы здѣсь не въ окрестностяхъ Петербурга, повторяю тебѣ еще разъ—и тогда, повѣрь мнѣ, всякіе Горкины, не съ восемью десятью тысячами въ карманѣ, а хоть съ милліонами, могутъ кататься по степи, сколько имъ угодно... Такъ-то...

Криницынъ замолчалъ и тутъ только вспомнилъ о своемъ остывшемъ чаѣ, прихлебывая изъ стакана большими глотками.

Грунинъ помолчалъ нѣсколько минутъ тоже.

— Ахъ, да, кстати, тутъ есть въ одномъ показаніи и о тебѣ нѣсколько словъ—вотъ я сейчасъ найду...

— Въ самомъ дѣлѣ—что же такое, именно? это интересно!

— Вотъ! Молодой Глухаревъ показываетъ, что видѣлъ тебя въ день выѣзда Горкина на томъ берегу—и что ты вернулся довольно поздно, ночью.

— Вотъ какъ! Это очень важно!.. Дай-ка мнѣ пожалуйста листъ бумаги—я нахожу нужнымъ тоже дать показаніе, для пополненія слѣдствія.

— Я хотѣлъ тебя просить объ этомъ... понимаешь? формальность. Мнѣ вѣдь могутъ замѣтить: почему я не опросилъ тебя, особенно, въ виду показанія молодого Глухарева?

Криницынъ уже сидѣлъ и, покраснѣвъ до ушей, не то улыбаясь, не то закусивъ свои тонкія, нервныя губы, бойко водилъ перомъ по листу форменной, обрѣзной бумаги

— Я кончилъ. Хочешь прочту?—тряхнулъ онъ головою— и взглянулъ прямо въ глаза своему другу.

— Сдѣлай одолженіе!

«Сего числа, въ три часа пополудни,—я велѣлъ осѣдлать своего вороного жеребца, шести лѣтъ, росту три вершка, лѣвая задняя бѣлоножка»...—началъ читать Криницынъ.

— Ты вѣчно шутишь. Ну, какъ тебѣ, право, не стыдно. Къ чему эти подробности.

— Нисколько не шучу,—сухо отвѣчалъ Криницынъ. Въ серьезномъ слѣдственномъ дѣлѣ никакая мельчайшая подробность не можетъ быть лишняя. Я продолжаю:

... кличка «Абрекъ»—дабы размять его хорошенько, такъ какъ вышеописанная лошадь чрезмѣрно застоялась. Я переправился на ту сторону въ бродъ и, постоянно мѣняя аллюры, ѣздилъ до половины одиннадцатаго вечера, послѣ чего, пилъ чай у татарина Гайкулы, что содержитъ косую переправу, а въ часъ ночи былъ уже дома, приказавъ своему денщику, Семену Гладкову, разсѣдлать лошадь и выводить ее хорошенько. Кромѣ того я долженъ присовокупить, что, по словамъ Ивана Гладкаго, солдатка Лукерья, ночевавшая на сѣновалѣ, всю ночь видѣла во снѣ окровавленнаго пѣтуха и говорила, что это не къ добру. Что-же касается до свѣдѣнія по дѣлу смерти господина Горкина, то ничего особеннаго показать не могу, ибо, находясь на томъ берегу, ничего не слышалъ и не видѣлъ подозрительнаго».

— Но зачѣмъ же ты сюда приплелъ эту солдатку Лукерью и пѣтуха—это странно! Къ чему это школьничество?—жаловался Грунинъ.

— Какъ къ чему? Я нахожу, что это также точно важно и серьезно, какъ и всѣ эти показанія, — ткнулъ Криницынъ пальцемъ въ бумаги.—Не могу же я умолчать о такомъ фактѣ... Вѣдь ты, пожалуй, притянешь всѣхъ насъ къ присягѣ?

— Этого требуетъ формальность.

— Ну вотъ, видишь-ли? Что это, опять къ тебѣ — слѣдственные волонтеры.

Въ окнахъ мелькнули тѣни лошадей и у крыльца раздался конскій топотъ.

— Это Шелобовъ,—выглянулъ Грунинъ.—Онъ условился ѣхать вмѣстѣ со мною и съ другими офицерами провѣ-

рить лично показанія относительно слѣдовъ. Ты поѣдешь съ нами?

— Нѣтъ, уволь! По такой жарѣ я не охотникъ до прогулокъ. Вечеркомъ, если хочешь. До свиданья! Приходи послѣ обѣда ко мнѣ—я тебя буду ждать съ холоднымъ крюшономъ съ гранатами. Это у насъ, въ глухомъ фортѣ, водится.

Въ дверяхъ Павелъ Петровичъ встрѣтился съ Шелобовымъ и адъютантомъ Ползунковымъ. Криницынъ почти незамѣтно раскланялся съ своими товарищами по батальону, — прикоснувшись къ козырьку фуражки. Оба вошедшіе посмотрѣли ему только вслѣдъ, а потомъ переглянулись между собою.

— Я къ вашимъ услугамъ, господа! Не прикажете-ли прежде чаю?—въ качествѣ любезнаго хозяина привѣтствовалъ офицеровъ Анатолій Робертовичъ.

IV.

Природа наградила Павла Петровича Криницина красивою внѣшностью, не отказала при этомъ и въ умѣ, и даже недюжинномъ. Онъ вступилъ на праздникъ жизни... но... сорвалось...

«Оскудѣніе» отозвалось въ немъ скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ... Онъ былъ выброшенъ за бортъ... пришлось-бы тонуть, еслибы судьба, въ видѣ тетушки княгини и кузины Мэдъ, не усадила его на необитаемомъ островѣ, въ ожиданіи другого корабля, въ ожиданіи какой нибудь счастливой случайности, имѣющей дать ему возможность снова взобраться на палубу корабля жизни и занять свое мѣсто въ каютѣ.

Этотъ необитаемый островъ оказался «Глухимъ фортомъ».

Волею-неволею пришлось примириться съ обстоятельствами, пришлось оставить на время «праздникъ жизни» и поскучать въ одиночествѣ, подъискивая себѣ утѣшительныя иллюзіи...

Здѣсь, напримѣръ, можно отличиться на боевомъ полѣ: военная карьера вѣдь не прервана, она продолжается непрерывно и, конечно, представляетъ болѣе шансовъ на полученіе какого ни на есть вѣнка героя, а тѣмъ временемъ, скандалъ, поднятый кредиторами, постепенно уляжется. Вѣдь этому скандалу тетушка и кузина не дали разгорѣться во всю силу, ну и пусть онъ пока тлѣетъ, до прибытія пожарной команды... Время лѣчитъ все, время даже пассивно вліяетъ на уплату

долговъ... и, кто знаетъ, что можетъ впредь случиться... Здѣсь, болѣе или менѣе защищенный, не жалкими земляными валами Глухого форта, а десятками тысячъ верстъ, отдѣляющими этотъ фортъ отъ Петербурга, и годовыми сроками какой бы то ни было переписки,—здѣсь онъ можетъ «отсидѣться».

Тяжело это отсиживаніе, невыносимо томительно дѣйствовало оно на душу Павла Петровича—и главная тягота заключалась въ томъ, что оно безсрочно... Кто знаетъ! Случайность—и оно прекратится завтра. Случайность—и оно затянется на долгіе годы.

Совершенно иныя, чуждыя условія о потребности жизни Глухого форта захватили врасплохъ Криницына... Онъ бы могъ примириться съ этими условіями, могъ бы ужиться съ новымъ кругомъ, съ новымъ положеніемъ вещей, но онъ смотрѣлъ на все это, какъ на нѣчто временное, вовсе ему не обязательное, и не ударилъ пальцемъ о палецъ ради сближенія. Къ нему не пошли навстрѣчу и установился постепенно родъ какой-то враждебности въ отношеніяхъ съ нимъ новыхъ товарищей.

На поклонъ одного изъ товарищей, онъ отвѣтилъ сухимъ, форменнымъ прикладываніемъ руки къ козырьку фуражки,—это вызвало смѣхъ; и онъ подглядѣлъ разъ какъ прапорщикъ Ползунковъ, мальчишка, сынъ писаря, передразнивалъ его граціозное движеніе. Одному изъ офицеровъ онъ сказалъ: M-sieur такой-то», тотъ даже обидѣлся и замѣтилъ, что онъ не мусье, а своему государю капитанъ и крещенъ Фадѣемъ, а по отцу Николаевичемъ... «Не могу же я называть ихъ, какъ они привыкли между собою: Ванька, Федька, Сашонокъ и пр.» писалъ Криницынъ кузинѣ Мэдъ, комично разсказывая этотъ случай, ради характеристики той ужасной трущобы, куда его закинула судьба. «Представь себѣ, описывалъ онъ ей свое житье-бытье. Вчера былъ батальонный праздникъ и здѣшніе офицеры дѣлали другъ другу визиты, это было презабавно: одинъ изъ офицеровъ зашелъ къ другому, выпили вмѣстѣ водки, закусили, утерлись рукавомъ—они не имѣютъ привычки употреблять для этого дѣла салфетки,—и отправились, уже вдвоемъ, къ третьему—продѣлали тоже самое тамъ, и, уже втроемъ, потащились къ четвертому... Такъ росла цѣлая гурьба, и эта гурьба шаталась чуть не до вечера по улицамъ... Это смѣшно! Я принялъ, на всякій случай, мѣры: велѣлъ сказать, что меня

нѣтъ дома; но, слава Богу, они забыли о существованіи моей квартиры...»

— Ко мнѣ прошу пирожка отвѣдать, Павелъ Петровичъ,—любезно пригласилъ его разъ фортовой батюшка, отецъ Павелъ.

Крипицынъ пошелъ.

У отца Павла въ домѣ жила прехорошенькая племянница, ходила въ ситцевымъ платьѣ и въ косыночкѣ, прислуживала за столомъ и вѣчно улыбалась, показывая при этомъ свои ровные, бѣлые зубки. Офицеры форта ее очень любили, вѣчно баловали; старики гладили по головкѣ и называли птенчикомъ; молодежь посмѣивалась...

Крипицынъ, на котораго разъ Груня пристально заглядѣлась, поймалъ этотъ взглядъ и позволилъ себѣ шутку, по его мнѣнію очень остроумную и нисколько не оскорбительную... Но Груня, должно быть, не съумѣла понять и оцѣнить этого вниманія... Глазенки ея вспыхнули и она не безъ язвительности произнесла:

— Вы, Павелъ Петровичъ, полагаете, что надъ нами деревенскими дурами, такъ уже и можно надсмѣхаться?.. Извините! напротивъ того... Мы тоже очень понимаемъ, что слѣдоваетъ...

И Крипицынъ тогда же замѣтилъ, что этотъ неожиданный отпоръ нашелъ себѣ общее сочувствіе и даже вызвалъ шумное одобреніе со стороны присутствующихъ.

— Молодецъ Груняха!—во все горло гаркнулъ кто-то въ сосѣдней комнатѣ гдѣ старики засѣли, послѣ завтрака, за партію «по маленькой».

Это все-таки опять мелочи, но вѣдь эти мелочи—вся жизнь въ Глухомъ фортѣ, здѣсь какъ то умѣютъ обходиться безъ крупныхъ событій... И съ каждымъ днемъ жизнь въ этомъ фортѣ становилась для Крипицына невыносимѣй невыносимѣй.

А тутъ, какъ на обиду, мирное положеніе особенно затянулось долго. На азіатскомъ горизонтѣ было ясно, и громъ пушекъ, окончательно, не предвидѣлось...

— О, Господи!—томился Павелъ Петровичъ.—Когда же прійдетъ эта счастливая минута, когда мнѣ можно будетъ вырваться отсюда снова на свѣтъ Божій...

Онъ не былъ виноватъ въ томъ, что этотъ *свѣтъ Божій* рисовался для него такъ ограниченно.

Цѣлые дни проводилъ онъ одиноко въ своей квартирѣ, появляясь только офиціально на своемъ мѣстѣ. Онъ приготовилъ и перечитывалъ массу французскихъ романовъ, которые ему высылала, по временамъ, кузина Мэдъ. Она также высылала ему «Journal Amusant», нумера котораго Криницынъ хранилъ особенно, даже саморучно подшивалъ ихъ по порядку. Когда спадалъ дневной жаръ, онъ по нѣскольку часовъ прогуливался верхомъ на своемъ «Абрекѣ»—и успѣлъ уже очень хорошо изучить всѣ тропинки мѣстности, лежащей вокругъ Глухого форта... Пробираясь въ густыхъ камышахъ, молодцовато сидя въ своемъ щегольскомъ сѣдлѣ, опершись рукою о ложу карабина, онъ мечталъ даже о разныхъ приключеніяхъ, и всегда приходилъ къ одному: «что еслибы кузина Мэдъ, или кто нибудь изъ *нашихъ* увидѣлъ его въ этомъ интересномъ видѣ...» Но въ окрестностяхъ Глухого форта было, какъ нарочно, все покойно. Полувооруженные, жалкіе бандиты не показывали болѣе своего носа...

Криницынъ часто писалъ въ Петербургъ своимъ друзьямъ обоего пола. Письма къ хорошенькой кузинѣ Мэдъ были особенно подробны и длинны, какъ и ея отвѣты... И, надо сказать, что именно эти отвѣты наиболѣе болѣзненно разрывали сердце Павла Петровича. Кузина Мэдъ краснорѣчиво описывала ему всѣ прелести свѣтской жизни, она пересыпала ихъ эпизодами хроники свѣта, она разжигала его любопытство, усиливая до нельзя его страстное желаніе поскорѣе вернуться.

Портретъ кузины Мэдъ, красивой брюнетки, съ роскошно развитымъ бюстомъ и чудными округленными плечами,—стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ стола, а по вечерамъ переносился даже на ночной столикъ.

Глаза этого портрета лукаво щурились и словно говорили... и Криницыну, при каждомъ пристальномъ взглядѣ на изображеніе своей красавицы, слышался нѣсколько глухой, гармоническій, проникающій въ душу контральто:

— Когда же ты появишься вновь на нашемъ горизонтѣ—мой романическій герой... «иль на щитѣ,—иль со щитомъ?..»

И Павелъ Петровичъ повторялъ за этимъ голосомъ послѣднюю фразу, а такъ какъ онъ былъ человѣкъ умный и

романтизмомъ не особенно увлекающійся, то добавлялъ отъ себя:

— Во всякомъ случаѣ «не на щитѣ», ибо со щитомъ гораздо пріятнѣе.

V.

Теперь вернемся къ слѣдственному дѣлу.

Опытный спеціалистъ, Анатолій Робертовичъ Грунинъ, провелъ весь день въ розыскахъ и изслѣдованіи *слѣдовъ*, въ обществѣ капитана Шелобова, старика Глухарева, его сына Павлуши и еще нѣсколькихъ офицеровъ. Въ его головѣ снова воцарилась мысль объ экстраординарномъ событіи, онъ даже заявилъ объ этомъ громогласно своимъ спутникамъ, увѣряя ихъ, что для него сразу, съ перваго взгляда на трупъ, было ясно все; что онъ не колеблясь, отрицаетъ всякую возможность приписывать настоящій, прискорбный случай простому разбою; при этомъ онъ привелъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ хроники интересныхъ уголовныхъ процессовъ, сему дѣлу соотвѣтствующихъ... Говорилъ безъ умолку, вплоть до заставы Глухого форта и, при разставаніи, снова горячо поблагодарилъ господъ офицеровъ за оказанное ему сочувствіе и энергичное содѣйствіе.

Господа офицеры настаивали на повальномъ обыскѣ—и Грунинъ рѣшился наконецъ на этотъ рѣзкій, весьма щекотливый шагъ и на всякій только случай послалъ гонца къ высшему начальству, прося тамъ о разрѣшеніи этого обыска. Джигита-туземца онъ отправилъ съ письмомъ секретно, ни слова ни сказавъ объ этомъ даже Павлу Петровичу, и очень былъ удивленъ полученнымъ изъ города отвѣтомъ. Удивленъ, огорченъ и сконфуженъ.

Ему писали:

Все, что найдетъ онъ необходимымъ для раскрытія истины, отъ него, какъ отъ спеціальнаго слѣдователя, зависитъ лично. Напоминали, что самъ онъ лично долженъ во всемъ согласоваться съ законами, конечно, ему, какъ спеціалисту, хорошо извѣстными... и тому подобное...

Даже покраснѣлъ до ушей Анатолій Робертовичъ, читая полученную бумагу, и вопросъ о повальномъ обыскѣ былъ имъ порѣшенъ теперь безповоротно.

— И такъ.—не безъ язвительности началъ было Павелъ Петровичъ, случайно накрывшій своего, друга какъ разъ въ ту минуту, когда онъ давалъ «на чай» вернувшемуся джигиту.

— Конечно!—горячо прервалъ его Грушницъ.—Разъ я нашелъ это необходимымъ, я не долженъ останавливаться передъ какими-то нелѣпыми предразсудками... И къ чему тутъ «честь мундира», что за глупая фраза!—Нашли улики,—ты воръ—и снимай съ себя этотъ мундиръ, не нашли ничего,—носи его на здоровье... Наконецъ, столько примѣровъ... Вотъ тебѣ недавній, и очень подходящій... Въ окрестностяхъ Мадрида...

Но Павлу Петровичу, впрочемъ, никогда было слушать о томъ, что недавно случилось въ окрестностяхъ Мадрида, онъ прервалъ разсказъ въ самомъ началѣ легкимъ пожатіемъ руки и словами: «Pardon, mon ami», и не спѣша, зашагалъ по улицѣ, придерживаясь тѣневой стороны, сбивая кончикомъ хлыста головки густо выросшихъ у глинянаго забора крапивы и репейника.

По постановленію Грушница, квартиры коменданта и фортоваго священника были освобождены отъ обыска. Но комендантъ воспротивился этой льготѣ, объяснивъ, что обыскъ, именно, долженъ начаться съ его квартиры и съ самою нарочитою строгостью «*для примѣра прочимъ*». Отецъ же Павелъ заявилъ просто, что онъ сего изъятія не допуститъ по христіанскому смиренію, ибо Единъ Богъ безъ грѣха!

Дѣлать было нечего. Начали обыскъ съ комендантскаго помѣщенія.

Всѣ жители форта, военные и невоенные, ровно какъ и туземцы, обязаны были въ данный день и часъ оставить свои жилища и выйти на площадь, на «эспланаду», какъ здѣсь привыкли выражаться. Ко всѣмъ жилымъ и нежилымъ помѣщеніямъ поставлены были парные часовые со строгимъ наказомъ никого не впускать «до приказанія».

Обыскъ долженъ былъ производить, конечно, самъ слѣдователь съ помощниками: двумя депутатами отъ военнаго сословія и двумя отъ мирныхъ обывателей. Грушницъ самъ выбралъ себѣ первыхъ двухъ: Крицына и Шелобова, но Павелъ Петровичъ наотрѣзъ отказался отъ такой чести и его мѣсто заступилъ молодой Глухаревъ.

Обыскъ производился довольно поверхностно и быстро: входили въ квартиру, отпирали замки, гдѣ только таковые нахо-

дились, паскоро осматривали, за тѣмъ заносили въ протоколъ, что, молъ, все обстоитъ благополучно и ничего подозрительнаго не найдено, и снимали часовыхъ... Добрались такимъ образомъ до квартиры Криницына.

Здѣсь именно мирный, нѣсколько скучный своимъ однообразіемъ характеръ обыска измѣнился. Неизвѣстно почему— квартира эта овладѣла общимъ интересомъ. Всѣ обыватели Глухого форта столпились сюда, занявъ пестрыми группами плоскія крыши сосѣднихъ, осмотрѣнныхъ уже строеній. Капитанъ Шелобовъ перекрестился, переступилъ порогъ этой квартиры, глаза молодого Глухарева горѣли лихорадочнымъ огнемъ и его лицо было блѣдно отъ волненія, отецъ Павелъ глубоко вздохнулъ, смиренно склонивъ на бокъ свою гладко-расчесанную голову; депутаты отъ мирныхъ гражданъ, татаринъ-маркитантъ Шафиръ и отставной горнистъ, Мойша Лудель, засучили рукава и попросили лопаточки... Батальонныя дамы смолкли, а до сей минуты онѣ щебетали, какъ скворцы надъ мельницею... Комендантъ, полковникъ Огурчиковъ, почему-то рѣшился, несмотря на жару, застегнуться на всѣ пуговицы... Гробовое молчаніе царило въ группѣ столпившихся въ кучу офицеровъ.

Криницынъ не могъ замѣтить всего этого и стоялъ поодаль; блѣдный, какъ полотно, судорожно стиснувъ въ своихъ зубахъ мундштукъ папиросы...

Только Грунинъ должно быть ничего не замѣчалъ и весело крикнулъ своему другу:

— Ну вотъ, Поль, мы и къ тебѣ съ визитомъ!

Онъ даже вспомнилъ о крюшонѣ съ гранатами, едва только замѣтилъ, черезъ отворенную настежь дверь, предназначенную для такого прохладительнаго дѣла, сверкающую на столѣ посуду.

Тутъ сказалось общее недоброжелательство къ Криницыну. Чуть не цѣлый часъ копались депутаты въ его квартирѣ. Молодой Глухаревъ весь вывалялся въ пыли, лазя подъ кровать и заглядывая подъ шкафы и прочую мебель. Шелобовъ внимательно осматривалъ помѣщеніе и движеніемъ глазъ указывалъ маркитанту и эксъ-горнисту, гдѣ надо «пришалечь съ особымъ рвеніемъ». Грунинъ любовался портретомъ кузины

Мэдъ, и даже потянулъ его изъ рамки, любопытствуя, нѣтъ-ли чего написаннаго тамъ, сзади. Смотрѣли ковры и подъ ними, перерыли и перещупали всѣ ящики, обратили должное вниманіе на чердакъ и полы, въ одномъ мѣстѣ даже половицы были приподняты, ощупали и вскрыли подушки постели и сѣделъ, заглянули въ конюшню, въ чуланъ къ денщику... и, въ концѣ концовъ, съ видомъ полнаго недоумѣнія, подписались подъ протоколомъ того же невиннаго содержанія.

У большинства присутствующихъ словно отлегло на душѣ. Сдержанное молчаніе разрѣшилось оживленнымъ говоромъ. Отецъ Павелъ сотворилъ крестное знаменіе и привѣтливо кивнулъ головою въ сторону, гдѣ стоялъ Криницынъ: «поздравляю, молъ, и душевно радуюсь!» Комендантъ повеселѣлъ, и не только что разстегнулся снова, но даже потянулъ съ потной шеи, досадно лѣзущій подъ самыя уши, форменный галстукъ и сунулъ его въ карманъ; только дамы форта какъ будто бы остались недовольны результатами осмотра, за исключеніемъ одной Груни, громогласно произнесшей.

— Ну, Слава Тебѣ, Владычица Небесная!

Казалось, все шло въ общему благополучію, но тутъ случилось одно обстоятельство, совершенно неожиданное, сразу нарушившее общее благодушное настроеніе.

— Наплюй и брось ты это дѣло! — шепнулъ Шелобовъ молодому Глухареву, все время не спускавшему глазъ съ Криницына...

— Нѣтъ, я этого такъ не оставлю!—задорно огрызнулся Павлуша, и прежде чѣмъ кто-нибудь могъ помѣшать ему въ этомъ, подскочилъ вплотную къ Павлу Петровичу.

— А позвольте-съ узнать, по какому случаю у васъ на столѣ оказался этотъ предметъ?

Молодой человѣкъ держалъ въ своей рукѣ карточку Нади, вертя ее чуть не передъ самымъ носомъ Криницына.

Тотъ отодвинулся немного, видимо озадаченный такою неожиданною атакою, и удивленными глазами смотрѣлъ на разгорячившагося мальчика.

— Изволили вы когда-нибудь знать эту особу?.. И по какому праву овладѣли ея портретомъ, на которомъ даже написано, что онъ принадлежитъ не вамъ, а покойному отцу ея, Федору Петровичу?

Криницынъ тутъ только понялъ въ чемъ дѣло. Онъ чуть было не расхохотался, и, играя хлыстомъ, снисходительно, свысока глядя на противника, произнесъ:

— Ну, это, молодой человѣкъ, положимъ не ваше дѣло! и я вамъ отчета давать не намѣренъ...

Онъ хотѣлъ было продолжать, что особы этой онъ совсѣмъ не знаетъ, что эта карточка на его столѣ простая, невинная случайность, что если особа извѣстна лично Павлушѣ и онъ почему либо интересуется ею, то можетъ сохранить карточку у себя... Онъ даже хотѣлъ закончить свою тираду легкимъ замѣчаніемъ и совѣтомъ впредь не горячиться такъ, ибо и пылкое заступничество подобнаго рода можетъ слегка компрометировать ту, за которую непрошенно заступаются... Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ, можетъ быть, и порисоваться немного, но сдѣлалъ послѣ первыхъ словъ маленькую паузу, а этой паузы было совершенно достаточно, чтобы молодой Глухаревъ, вспылившій до невозможности, успѣлъ громогласно произнести:

— Хлыщъ! Петербургскій фазанъ!

Какъ разъ въ это критическое мгновеніе въ дѣло успѣлъ вмѣшаться полковникъ Огурчиковъ.

Онъ слышалъ все, сообразилъ, пробрался къ ссорящимся и во все горло крикнулъ:

— Молчать!.. Господинъ адъютантъ, прапорщикъ Ползуновъ! Посадить подъ арестъ Павлуш... Тьфу ты, Господи! подпоручика Глухарева, за неумѣстное выраженіе... во фронтѣ... то бишь—въ публичномъ мѣстѣ... въ присутствіи начальства... сію минуту!..

— Я говорилъ тебѣ,—укоризненно замѣтилъ провинившемуся Шелобовъ.

— Посиди, братъ, остынь!—неодобрительно покачалъ головою самъ Иванъ Акимовичъ и направился къ Криницыну.

— Вы ужъ батюшка, Павелъ Петровичъ, не взыщите съ сына... Молодъ, горячъ... Вы, вѣдь, многаго здѣсь не знаете...

— Вашъ сынъ носитъ мундиръ и можетъ отвѣчать самъ за себя,—холодно замѣтилъ Криницынъ и прошелъ къ себѣ въ калитку, отсалютовавъ двумя пальцами господамъ офицерамъ.

До ушей побагровѣлъ старикъ Глухаревъ за свое извиненіе и съ минуту стоялъ передъ захлопнутою передъ его носомъ

калиткою, потупивъ сѣдую, усатую голову, уставивъ осоловѣлые глаза на концы тяжелыхъ, запыленныхъ сапогъ.

— Пойдемъ, Ваня, къ отцу Павлу на поросенка!—позвалъ его Шелобовъ, потянувъ за рукавъ кителя.

VI.

Верстахъ въ шести отъ Глухого форта, не на той зарѣчной, степной сторонѣ, гдѣ на сотни верстъ разстилалась голодная пустыня, безъ признака какого-нибудь жилья, а на этой, подъ кручею, когда-то матераго берега, въ тѣни развѣсистыхъ вѣковыхъ карагачей и тутовыхъ деревьевъ—уютно раскинулся кишлакъ Бешь-арыкъ.

До прибытія русскихъ, значитъ, и до возведенія Глухого форта, этотъ кишлакъ игралъ видную роль: здѣсь была постоянная стоянка всѣхъ караванов, идущихъ въ Бухару и оттуда; здѣсь все кипѣло жизнью: длинный, крытый базаръ пестрѣлъ туземными товарами... Теперь стало не то. Караваны пошли стороною, на новую, русскую, конечно болѣе скорую и удобную переправу, и Башь-арыкъ на двѣ трети опустѣлъ, обезлюдѣлъ и стихъ.

Только въ центральной его части, выдвинувшейся къ самой дорогѣ, сохранились еще слѣды прежней жизни. Здѣсь—маленькая площадь перекрестка все еще, особенно подъ вечеръ, кишѣла народомъ; здѣсь сгруппировались нѣсколько лавочекъ со сбруею, зеленымъ чаемъ, кунжутнымъ масломъ, тертымъ табакомъ, дешевымъ краснымъ товаромъ и прочими потребностями скромной туземной жизни; здѣсь же самое видное мѣсто занималъ чай-хане (постоялый дворъ съ продажею чая роспивочно) купца Миробая, лица, очень вліятельнаго во всей окружной мѣстности, человѣка со средствами, владѣльца четырехъ женъ и двухъ красивыхъ батчей, мальчиковъ-прислужниковъ при наливаніи и разноскѣ чая.

Никто изъ туземцевъ не позволялъ себѣ проѣхать мимо, не остановившись хотя на нѣсколько минутъ подъ гостепріимнымъ, тѣнистымъ и прохладнымъ навѣсомъ чай-хане,—посидѣть на чистыхъ циновкахъ, глотнуть плоскую чашечку ароматнаго «кокчая», затянуться дымкомъ кальяна и перекинуться словомъ, другимъ съ достопочтеннымъ, уважаемымъ Миробаемъ...

А у этого самаго Миробая всегда можно было узнать всѣ новости дня: отъ мелкихъ событій до высшей политики включительно... Вѣдь съ Миробаемъ самъ генералъ-губернаторъ знакомъ,—и двухъ лѣтъ не прошло, какъ, проѣздомъ въ степь, самъ генералъ останавливался у Миробая,—колесо соскочило въ коляскѣ,—чай пилъ, говорилъ ему ласковыя слова, халатъ приказалъ дать, зеленый съ голубыми полосками и, даже,—это уже всѣ видѣли,—прощаясь, хлопнулъ его по плечу и сказалъ: «якши!..» А «якши» значитъ: хорошо,—то-есть, самъ генералъ-губернаторъ очень Миробаемъ доволенъ и вѣроятно напишетъ, если не написалъ уже, о немъ самому Акъ-падишаху.

Сюда, въ Бешь-арыкъ, навѣдывались и русскіе офицеры изъ Глухого форта, и всегда тоже останавливались у Миробая, но чаще всѣхъ пріѣзжалъ на своемъ Абрекѣ тюра (начальникъ) Крипицынъ; привозилъ леденцы Алибею и Мамуну, батчамъ-прислужникамъ, и здоровался съ Миробаемъ всегда за руку, какъ равный съ равнымъ.

Купецъ Миробай очень дорожилъ вниманіемъ къ нему русскихъ вообще—и дружбою офицеровъ въ особенности... Онъ сознавалъ, что это, во-первыхъ, усиливаетъ къ нему почетъ его земляковъ, а во-вторыхъ... Мало ли что можетъ случиться во-вторыхъ? Вотъ, напримѣръ, русскіе строго-на-строго запретили торговлю опіумомъ, особенно раскурочную, а могутъ же, несмотря на почетъ и вліяніе Миробая, найтись какіе-нибудь нехорошіе люди, завидующіе его положенію, и шепнуть гдѣ слѣдуетъ о существованіи якобы на заднемъ дворѣ чайхане спеціальныхъ помѣщеній для кукнаръ-базовъ, то-есть для курильщиковъ опіума—«ганаши». Притоны же подобные, хотя и опасны для содержателей, но зато соблазнительно прибыльные.

Миробай былъ очень хорошій человѣкъ,—и во снѣ, и на яву бредилъ о той счастливой минутѣ, когда, долженъ же онъ, въ поощреніе прочимъ, получить отъ начальства большую медаль на красной лентѣ, съ желтыми полосочками по краямъ.

И онъ былъ глубоко увѣренъ, что медаль эту рано или поздно, а непремѣнно получитъ.

Вечерѣло... Крутизна обрыва покрыла уже сплошною тѣнью кишлакъ Бешь-арыка; карагачи и базарные навѣсы усилили

эту тѣнь и Миробай распорядился повѣсить на косой жерди большой бумажный фонарь, когда по мощеной крупнымъ камнемъ улицѣ, звонко щелкнули подковы коня и красноватый свѣтъ фонаря упалъ на бѣлый китель Павла Петровича.

Криницынъ имѣлъ привычку каждый день проѣзжать своего коня, а дорога къ Бешь-арыку была одна изъ самыхъ пріятныхъ для вечернихъ прогулокъ.

— Аманъ Тюра! — привѣтствовалъ его Миробай, тяжело поднимаясь съ мѣста.

Алибей и Мамунъ бросились къ лошади, одинъ къ поводьямъ, другой къ стремени, и тоже весело привѣтствовали пріѣзжаго, помогая ему слѣзть, и уже поглядывали искрящимися глазками на оттопыренныя кобуры сѣдла, гдѣ, по обыкновенію, всегда находились предназначенныя для нихъ сласти.

Павелъ Петровичъ едва отвѣтилъ на привѣтствіе. Онъ имѣлъ видъ почему-то крайне усталый, и тотчасъ растянулся на циновкахъ, подтянувъ себѣ подъ голову шелковую подушку валикомъ.

— Чаю хочешь, тюра? Кальянъ... пилавъ только что сварили...

Алибей, босоногій, въ одной только длинной, красной рубахѣ, подпоясанной золотымъ шнуркомъ, граціозно сталъ передъ Криницынымъ на одно колѣно, предлагая дымящійся кальянъ.

— Ну, какъ здоровье могучаго, достоуважаемаго коменданта, полковника Огурчикова?—заговорилъ хозяинъ, очевидно этикета ради, и, не дождавшись отвѣта, добавилъ самъ же:

— Должно быть очень хорошо... что ему дѣлается... Аллахъ ко всѣмъ многомилостивъ... Ты самъ вотъ, тюра, здоровъ ли?..

Миробай пристально поглядѣлъ въ лицо Криницына, тотъ отвернулся.

— Я-то здоровъ... а вотъ что...

Офицеръ приподнялся на локоть и внимательно сталъ всматриваться въ темноту опустѣлаго къ ночи базара.

— Алибей!—крикнулъ догадливый хозяинъ.—Ты садись на лошадь господина, а ты, Мамунъ, потихоньку води ее за поводъ... Видите, какъ она вспотѣла! Да не здѣсь водите, по камнямъ, а туда ступайте, дорога мягкая... Ну, живо!

Павелъ Петровичъ улыбнулся. Мальчики мигомъ поняли своего патрона и тоже размѣнялись лукавыми улыбками.

— Такъ вотъ оно какъ все вышло... и-да! — произнесъ Миробай, глубоко вздохнувъ, когда голоса батчей и щелкотня подковъ, постепенно удаляясь, стихли гдѣ-то за поворотомъ.

— Такъ!—пожалъ плечами Криницынъ.

Помолчали съ минуту.

— Этотъ большой чиновникъ, что отъ самого генералъ-губернатора пріѣхалъ,—прервалъ молчаніе Миробай,—вѣдь онъ тебѣ другъ будетъ, самый близкій человѣкъ, вотъ!

Татаринъ показалъ для большей выразительности два пальца, сжатые вплотную.

— Да, ты почему же знаешь?

— Миробай все знаетъ... Миробай все долженъ знать... У Миробая вездѣ глаза и вездѣ уши...

— Знаю!..—Криницынъ гадливо отодвинулся отъ этого остроносаго старика, сидѣвшаго передъ нимъ на корточкахъ.

Опять помолчали немного, словно выжидая другъ друга.

— Большой дуракъ!—произнесъ Павелъ Петровичъ.

— Есть у насъ хорошая пословица: «дуракъ-другъ хуже умнаго врага»,—согласился Миробай, очевидно не принявшій на свой счетъ слова гостя.

Тихо было вокругъ, но собесѣдники говорили еще тише, и любопытный Мамунъ, оставивъ своего товарища при дѣлѣ, какъ ни подобрался близко, положительно не могъ разслышать ни одного слова, кромѣ послѣдней фразы русскаго:

— Однако, поздно! Пора уже и ѣхать!

Батча, какъ кошка, беззвучно прыгая съ камня на камень, пустился за лошадью, и черезъ минуту, подъ сводами базара, снова защелкли подковы Абрека, послышалось его сдержанное ржаніе и звонкіе голоса мальчиковъ, усердно сосавшихъ привезенные имъ леденцы.

— Есть у меня къ тебѣ большая просьба,—говорилъ Миробай, самъ уже помогая Криницыну сѣсть на сѣдло.

— Ну, что такое? говори, не стѣсняйся!

— А вотъ что: твой другъ, о которомъ мы съ тобой говорили... Вѣдь онъ отъ самого генералъ-губернатора пріѣхалъ?

— Отъ самаго...

— Генералъ, значитъ, позвалъ его и сказалъ: «Ну, ты поѣзжай!..» такъ что ли?

— Должо быть, что такъ.

— Генералъ, значитъ, говоритъ съ нимъ, и онъ говоритъ съ генераломъ?

— Говоритъ!

— Такъ ты скажи ему, твоему другу, чтобы онъ напомнилъ обо мнѣ генералу, о Мирбабѣ значитъ... Если Шарочкѣ, рыжей собакѣ, дали медаль за то только, что онъ пронырa и лисица, такъ мнѣ, Мирбабѣ... Вѣдь ты понимаешь?

— Понимаю и скажу!—коротко отвѣтилъ Крыницынъ и тронулъ Арбека концомъ нагайки.

Первый конь вздрогнулъ и поднялся на дыбы.

— Прощай тюра! Помни всегда, что Аллахъ многомилостивъ!—крикнулъ хозяинъ вслѣдъ гостю.

— Прощай!—послышалось уже далеко по выѣздѣ изъ кишлака.

— Единъ Богъ, единъ!.. и все въ Его власти... Ну, тушите огонь и пора спать!—распорядился хозяинъ.

И въ кишлакѣ Бешь-арыкъ, черезъ нѣсколько минутъ, стихло все окончательно.

Дорога къ Глухому форту выдѣлялась въ темнотѣ чуть замѣтною лентою, сплошныя стѣны камыша по сторонамъ словно перешептывались между собою... Абрекъ шелъ ходкою переступью, строго поводя своими острыми ушами... и скоро впереди показались темныя, приземистыя массы строеній форта и заскрипѣли огоньки въ окнахъ, ближайшихъ къ окраинамъ домиковъ.

Проѣзжая мимо дома Горкина, Павелъ Петровичъ замѣтилъ въ окно фигуру своего друга, уныло сидящую передъ столомъ, сплошь заваленнымъ листами исписанной бумаги.

Здѣсь онъ слѣзъ съ коня, отправилъ его съ вѣстовымъ казакомъ къ себѣ домой, а самъ поднялся на крыльцо.

— Ахъ, это ты?! Я очень, очень радъ!..—оживился Анатолій Робертовичъ, протягивая своему пріятелю обѣ руки.— Я даже посылалъ за тобою, но мнѣ сказали, что ты уѣхалъ и куда—неизвѣстно... Очень, очень радъ! Садись!.. Вотъ кресло... Хочешь чаю!.. Впрочемъ, мы сейчасъ будемъ ужинать...

— Ну, какъ твои дальнѣйшіе подвиги на пути открытій? Поймалъ? нашелъ, накрылъ, засыпалъ?.. а?.. Ну, подѣлись же со мною твоими радостями... Разсказывай!

Павелъ Петровичъ проговорилъ свою тираду веселымъ голосомъ, одобрительно хлопнулъ по плечу Грунина, подмигнулъ ему на бумажную гору и, сибаритомъ, не усѣлся, а скорѣе улегся, въ большое складное кресло, затрещавшее слегка отъ его довольно вѣской, хотя и стройной фигуры.

— Ахъ, оставь это глупое дѣло!—досадливо махнулъ рукою Анатолій Робертовичъ. Оно мнѣ положительно начинаетъ надоѣдать...

— Неужели?!

Крипицынъ сдѣлалъ комически удивленный видъ.

— А что же блестящіе результаты обыска? Я тебя положительно не понимаю! Вѣдь, не даромъ же ты поднялъ всю эту глупую и грязную кутерьму. Весь этотъ пошлый балаганъ, въ которомъ ты игралъ роль первенствующую, роясь въ грязномъ бѣльѣ, въ навозныхъ кучахъ, выпуская на волю крысъ, мирно обитавшихъ въ подпольяхъ. Не даромъ же... Ну, кто же убійца?

Тутъ только замѣтилъ Грунинъ, что его другъ вовсе не такъ весело настроенъ, какъ могло показаться съ перваго взгляда. Тонкія, сухія губы Павла Петровича характерно сжались, глаза горѣли недобрымъ блескомъ.

— Что съ тобою?—заботливо произнесъ онъ.—Ты такъ взволнованъ. Охота, право, вспоминать тебѣ обо всѣхъ этихъ, дѣйствительно глупыхъ и нелѣпыхъ, но необходимыхъ формальностяхъ.

— Формальностяхъ!—повторилъ сквозь зубы Павелъ Петровичъ.—Ну, хорошо. Чѣмъ же ты меня будешь подчивать, что у тебя за ужинъ?

— Не знаю! Это комендантъ распорядился. Онъ звалъ меня къ себѣ, но, право, неловко какъ-то, я сослался на усиленныя работы и отказался. Человѣкъ! что тамъ есть? сервировать здѣсь, вотъ на томъ столѣ!.. да распорядились бы, чтобы ставили что ли поставили—шторъ нѣтъ, такое, право, неудобство!

Пока «сервировали» ужинъ: блюдо заливной осетрины мѣстнаго лова, жареныхъ фазановъ, дымящіяся котлеты и прочіе продукты комендантской кухни—Анатолій Робертовичъ изливался въ откровенностяхъ передъ своимъ пріятелемъ.

Онъ, видите ли, откровенно сожалѣетъ, что поддался вліянію нелѣпыхъ бредней здѣшнихъ идіотовъ, осложнившихъ

этимъ такое простое и ясное дѣло. Вѣдь обыскъ не привелъ ни къ какимъ желательнымъ результатамъ; ничего не было найдено подозрительнаго, за что хоть бы уцѣпиться можно было... что основанія, на которыхъ можно было бы дать дѣлу такое странное и щекотливое направленіе, крайне шатки, и онъ охотно бы вычеркнулъ изъ слѣдственнаго дѣла всю эту часть, но, къ сожалѣнію, это положительно теперь уже невозможно. Сознался, наконецъ, господинъ спеціальный слѣдователь, что все это его затрудняетъ на столько, что онъ не знаетъ какъ свести концы съ концами и выйти, болѣе или менѣе, съ честью изъ положенія, дѣйствительно имѣющаго немного комическій характеръ.

Грунинъ все это высказывалъ на французскомъ языкѣ, въ виду суетливаго присутствія въ комнатѣ денщика и вѣстоваго казака, накрывавшихъ столъ, и закончилъ наконецъ приказаніемъ прислугѣ убираться вонъ и не входить болѣе, безъ зова.

Подвинулись къ столу. Грунинъ налилъ водки... Криницынъ ужинать отказался наотрѣзъ и закурилъ сигару, извинившись при этомъ передъ хозяиномъ, и вполнѣ увѣренный, что ароматъ табачнаго дыма не повліяетъ дурно на его аппетитъ...

За ужиномъ разговоръ шелъ больше насчетъ пріятныхъ воспоминаній о Петербургѣ и объ общихъ знакомыхъ. Вспоминалось и школьное житье-бытье, когда онъ, Грунинъ, уже щелкалъ шпорами и замѣчательно ловко и изящно дирижировалъ кадрилью на балѣ у князя П.

Павелъ Петровичъ говорилъ, впрочемъ, очень мало, больше слушалъ и даже не улыбнулся ни разу, и на вопросъ своего друга:

— Такъ какъ же, mon cher,—ты такъ и намѣренъ застрять здѣсь, въ этой трущобѣ, или думаешь, наконецъ, вернуться на свѣтъ Божій. Когда же это сбудется?

Отвѣчалъ коротко и ясно:

— Теперь скоро!

— И такъ выпьемъ же, мой дорогой Поль, за твое воскресеніе...

Анатолій Робертовичъ потянулся за бутылкой портвейна, стоявшей передъ Криницынымъ, и тутъ только замѣтилъ, что она совсѣмъ пуста.

— Однако мнѣ спать хочется!—лѣниво потянулся Павелъ Петровичъ...—Я не хочу итти домой... Я лягу здѣсь, на этомъ диванѣ, и...

— Ахъ, я очень, очень радъ,—перебилъ его Грунинъ, вскочивши со стула...—Я распоряжусь сейчасъ. Эй, человѣкъ!..

— Ничего не надо. Тамъ подушка есть... Пожалуйста, оставь людей въ покоѣ... Вели только убрать все это...

Криницынъ брезгливо покосился на объѣдки ужина и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Пришли люди, оба изрядно заспанные, убрали столъ, разоблачили Грунина и уложили его въ постель. Вытянулся и Криницынъ на диванѣ, не раздѣваясь, не снимая даже сапогъ.

— Ты кажется здѣсь совсѣмъ отвыкъ отъ комфорта, отъ своихъ европейскихъ привычекъ?..—замѣтилъ Анатолій Робертовичъ.

Криницынъ не отвѣчалъ.

— Ты уже заснулъ?.. А я, знаешь, не могу. Я непремѣнно долженъ перебрать въ головѣ всѣ впечатлѣнія дня, анализировать ихъ, привести въ систему, и потомъ уже...

Криницынъ неожиданно поднялся съ дивана, подошелъ къ столу и потушилъ свѣчи...

— Ты это, конечно, можешь все продѣлать въ потемкахъ,— сказалъ онъ, снова ложась на диванъ...

Странна показалась Грунину эта рѣзкая выходка, но особенно озадачило его то, что онъ не узналъ теперь голоса своего друга... Послѣднюю фразу произнесъ будто кто-то другой, посторонній...

Грунинъ объяснилъ это, про себя конечно, опорожненной бутылкою портвейна—и сталъ «анализировать...»

Прошло такимъ образомъ полчаса, можетъ быть и больше немного... Анализъ Грунина сталъ принимать формы туманныя, расползающіяся,—уже онъ даже и похрапывать началъ, потянувъ себѣ на ухо байковое одѣяло...

— А знаешь, я тебѣ сообщу нѣчто, крайне для тебя интересное!..—громко произнесъ Криницынъ, прервавъ дремоту Грунина.

— А... что такое, что случилось?.. что ты сказалъ?!

— А вотъ услышишь... сейчасъ... Ты бы очень хотѣлъ самымъ блистательнымъ образомъ закончить твое слѣдствіе...

найти убійцу, арестовать его—распутать, такъ сказать, всѣ нити и дать правосудію полное торжество!.. А! хотѣлъ бы?.. Говори откровенно!..

Анатолій Робертовичъ торопливо принялся чиркать спичкою...

— Не надо! — остановилъ его Крицынинъ,—для ясности дѣла, темнота въ комнатѣ не мѣшаетъ... Не надо же!..

Сильнѣйшее раздраженіе слышалось въ голосѣ Крицицына... Анатолій Робертовичъ начиналъ трусить... и машинально щупалъ стѣну около кровати, словно отыскивая, на всякій случай, электрическую пуговку, но въ Глухомъ фортѣ не дошли еще до такихъ удобствъ.

— Я тебѣ скажу просто и коротко... — продолжалъ Крицицынъ. Федора Горкина убилъ и ограбилъ я... Ну, а теперь, покойной ночи!..

Павелъ Петровичъ повернулся къ стѣнѣ лицомъ и замолчалъ.

Несмотря на запрещеніе, Анатолій Робертовичъ все-таки справился со спичками, и слабый свѣтъ загорѣвшейся свѣчи освѣтилъ комнату.

— Поль, ради Бога! Поль... такъ вѣдь не шутятъ... Объяснись же пожалуйста... ну, что за глупости... Ну, подумай только... Поль!..

Онъ растерялся и струсилъ и почти повѣрилъ—повѣрилъ и обрадовался... Да, это пріятное, чуть развивающееся подъ давленіемъ волненія и страха чувство, робко дрогнувшее въ его сердцѣ, было началомъ радости... Ему дано отчетливо проявиться подходящій случай въ окрестностяхъ Мадрида.

— Объяснись же, Поль,—повторялъ онъ почти машинально.

— Изволь, объяснюсь! Слушай внимательно!

Крицицынъ говорилъ, не мѣняя позы, и Грунинъ видѣлъ только его затылокъ и бѣлый китель, гладко обтягивающій широкую спину и стройную талію.

— Послушай, мой милый, неужели ты ничего не замѣтилъ особеннаго во время слѣдствія, а главное во время *твоего* обыска?..

Павелъ Петровичъ подчеркнулъ слово «твоего».

— Ты видѣлъ ясно, что всѣ и все подозрѣваютъ въ убійствѣ Горкина меня одного... У меня рылись какъ на призъ, у меня перевернули вверхъ дномъ все, въ полной увѣренности

найти наконецъ явныя улики... На меня смотрѣли, какъ на убійцу и вора... и—дурраки!.. какія они глупыя и пошлыя состроили рожи, когда остались съ носомъ! Но вѣдь это они—идіоты, полудикари! а ты—психологъ, тонкій изслѣдователь человѣческой души... Ты-то какъ же прозѣвалъ все, во время *своего дружескаго визита?*

Криницынъ опять приналегъ на послѣднемъ словѣ.

— Да, конечно, я замѣтилъ что-то странное: я, впрочемъ, не придалъ этому обстоятельству никакого значенія...—оправдывался Грунинъ.—Я только констатировалъ фактъ, что тебя здѣсь не особенно долюбливаютъ... Я понимаю это...

— Недолюбливаютъ... Нѣтъ, этого мало... Меня здѣсь ненавидятъ... Мнѣ тяжело здѣсь... Мнѣ здѣсь невыносимо!.. И я тебѣ скажу откровенно... Я здѣсь, дѣйствительно, способенъ былъ бы кого-нибудь убить и ограбить, чтобы только имѣть возможность вырваться изъ этой тюрьмы, изъ этой выточной ямы...

— Mon pauvre ami... О, я тебя теперь понимаю... Но къ чему же такъ волноваться?.. Вѣдь ты же самъ говоришь, что это все скоро кончится...

— Скоро!.. Могло бы затянуться на вѣки!.. еслибы не Горкинскія деньги.

— Ты опять начинаешь шутить,—пугливо оглядывался Грунинъ.

— Шучу, конечно... А ты ужъ и обрадовался. Вотъ какъ, молъ, легко стяжать себѣ лавры, а тамъ и карьеру... Нѣтъ, погоди немного... Это не такъ легко, какъ тебѣ кажется... Я еще въ дѣтствѣ читалъ одну испанскую сказку... Ты, кстати, такъ любишь эпизоды въ окрестностяхъ Мадрида; впрочемъ, это было немного дальше... въ Пиринеяхъ... Горы такія есть, большія, граничатъ съ Франціей... Такъ тамъ одинъ пастухъ все гонялся за золотою мухой... Прыгалъ за ней по скаламъ, рискуя головою на каждомъ шагу, ловилъ долго и, наконецъ, поймалъ... но уже больше ни гонялся... Золотая муха насквозь прожгла ему руку... и улетѣла... Ты, мой другъ, когда станешь ловить, надѣвай, на всякій случай, перчатку потолще...

Замолчалъ Криницынъ... Молчалъ и Антонъ Робертовичъ.

— Меня оскорбляли на каждомъ шагу,—снова заговорилъ Павелъ Петровичъ,—и не давали повода придраться къ оскорбленію... Наконецъ, меня оскорбили явно... это было при тебѣ...

Я радъ, я очень этому радъ... Глупая вспышка поросенка, жалкаго мальчишки, нестоющаго моего щелчка, даетъ мнѣ выходъ — я на немъ сорву все, за всѣхъ. Я пошлю ему вызовъ... Ты, вѣдь, конечно, не откажешься быть моимъ секундантомъ...

Грунинъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и въ душѣ своей проклялъ ту минуту, когда такъ радушно подхватилъ рѣшеніе своего друга провести ночь подъ однимъ съ нимъ кровомъ...

— Объ этомъ надо говорить серьезно,—началъ онъ.—Ты вѣдь знаешь, что мое оффиціальное положеніе, какъ слѣдователя, какъ лица обязаннаго не только чтить и исполнять законы государства, но...

— Успокойся... Тебя не приглашу... Да мнѣ секундантовъ и не нужно. Развѣ здѣсь дуэль мыслима!.. Мой вызовъ покажетъ просто коменданту, а затѣмъ... А все-таки я пошлю... Не потому пошлю, чтобы меня дѣйствительно мучила выходка мальчишки, скорѣе смѣшная, чѣмъ оскорбительная, а такъ... это мнѣ пригодится впослѣдствіи... Однако, все-таки... Кто же по твоему убилъ Федора Горкина?..

Тутъ уже въ свою очередь Анатолій Робертовичъ принялъ тонъ успокоительный и даже нѣсколько поучительный, и очень былъ доволенъ, что Крипицынъ, самъ Поль Крипицынъ, его, повидимому, внимательно и даже почтительно выслушиваетъ.

— Видишь, другъ мой... Я всегда предпочитаю или чистое шампанское или самое простое, домашнее вино, но терпѣть не могу всѣ эти елисѣевскія фабрикаціи.

Онъ показалъ рукою на то мѣсто, гдѣ за ужиномъ стояла пустая бутылка.

— Эта гадкая спиртная смѣсь прескверно вліяетъ на голову и нервы... Ты усталъ, ты былъ обиженъ, ты имѣлъ всѣ данныя быть нервно разстроеннымъ, и вотъ это вино подѣйствовало на тебя очень дурно... Я тебѣ совѣтую выпить стаканъ холодной воды, освѣжить лобъ и виски одеколономъ и постараться заснуть хоть часа на два, по возможности... О, Поль, мой дорогой, я понимаю твои чувства и отъ души сочувствую...

— Да ты меня, дѣйствительно, хорошо понимаешь. Мерçі... и покойной ночи!..

— Bonne nuit! Поль! Теперь ты позволишь мнѣ снова погасить свѣчи?

Анатолій Робертовичъ не замѣтилъ ироніи, которая сквозила въ каждомъ звукѣ послѣдней фразы своего друга.

VII.

А на другой день случилось событіе, тоже взволновавшее населеніе форта, и особенно обрадовавшее господина спеціальнаго слѣдователя. У комендатскаго крыльца выважывали высокую старую лошадь Миробая, а самъ, а самъ онъ, окруженный офицерами, энергично разсказывалъ что-то, должно быть крайне интересное, присѣдалъ къ землѣ, хваталъ себя за горло, боролся точно съ кѣмъ-то невидимымъ и вообще, со страстностью, свойственною азіатской натурѣ, жестикулировалъ отчаянно. Батча Алибей, пріѣхавшій вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ, тоже давалъ объясненія по-своему, тоже неистово размахивалъ руками, успѣвая при этомъ, съ дѣтскимъ любопытствомъ, обѣгать глазами все диковинное, невиданное имъ убранство русскаго дома.

Такъ какъ дѣло касалось именно волнующаго всѣхъ, въ данную минуту, слѣдствія по убійству Федора Горкина, то Анатолій Робертовичъ находился тутъ же съ своимъ портфелемъ и очень удивлялся, что въ числѣ присутствующихъ нѣтъ его друга, Павла Петровича.

Черезъ часъ, когда все успокоилось и показанія новыхъ свидѣтелей по дѣлу были формально занесены въ протоколъ и подписаны, припечатаны даже восковою, треугольною тамгою Миробая, Анатолій Робертовичъ прямо направился къ квартирѣ Криницына и, узнавъ, что онъ дома, чуть не бросился къ нему въ объятія.

— Представь себѣ, мой дорогой, какъ все это просто разъяснилось!—началъ онъ.—Ты былъ правъ!.. Тысячу разъ говорю: ты былъ правъ, и тутъ моему слѣдствію конецъ... Улики запечатаны и сданы пока на храненіе коменданту. И какъ все это просто разъяснилось... Да вотъ, я тебѣ все разскажу по порядку...

— Очень радъ! Въ чемъ же дѣло?

— Сейчасъ увидишь... Здѣсь, то-есть близко отсюда, на старой караванной дорогѣ, есть кишлакъ, какъ они называютъ...

*

Бе...бе...бе...—Грунинъ поспѣшилъ справиться съ листомъ протокола.

— Бешь-арыкъ!—помогъ ему Криницынъ.

— Да, ты знаешь? Очень радъ... Въ этотъ «Бешь-арыкъ» сегодня ночью пріѣхали два бухарца, верхомъ оба, и одинъ изъ нихъ вздумалъ,—вѣдь вотъ [illegible] дикарь!—вздумалъ мѣнять русскую сторублевую бумажку. Молодецъ хозяинъ...

— Миробай,—помогъ и тутъ Павелъ Петровичъ.

— Да, Миробай, ты и его знаешь? [illegible] Миробай заподозрилъ пріѣзжихъ молодцевъ, тайно [illegible] своимъ слугамъ осмотрѣть ихъ багажъ и, представь себѣ, въ [illegible] сумкѣ одного изъ нихъ, найдены были явныя [illegible] участія этихъ двухъ бухарцевъ въ убійствѣ Горкина... [illegible] связалъ всѣ эти факты въ одну нить, и разсказалъ [illegible] картину всего дѣла... Послушай! Федоръ Горкинъ [illegible] одинъ по дорогѣ и везъ съ собою большую сумму [illegible], въ составъ этой суммы, какъ показали повѣренные фирмы «[illegible] и Компанія», входила пачка сторублевыхъ [illegible] съ указаніемъ крайнихъ номеровъ, такъ какъ пачка [illegible] изъ казначейства, новая и даже не распечатанная. [illegible] обрати особенное вниманіе на это характерное обстоятельство. Дальше: прежде чѣмъ капитанъ Шелобовъ успѣлъ [illegible] къ путешественнику, на него напала шайка [illegible], какъ они здѣсь называются, и, конечно, убила [illegible]... Затѣмъ они поскакали дальше, тамъ въ [illegible], что ли, ну, къ себѣ домой, и подѣлили добычу. Слушай [illegible] изъ этихъ молодцовъ, родомъ изъ Нураты, это въ [illegible] уже предѣлахъ, явились сюда, пріѣхали, идіоты, [illegible] въ чемъ не бывало, въ Бешь-арыкъ, остановились у [illegible] кормить лошадей... Но написано же въ самомъ [illegible] на лбу, что они воры и разбойники, а не мирные путешественники! И вотъ одинъ изъ нихъ вытащилъ изъ-за [illegible] сторублевую бумажку, съ цѣлью размѣнять оную... [illegible], совершенно справедливо заподозрилъ, принялъ мѣры и что же: въ сумкѣ одного изъ бухарцевъ найденъ былъ портсигаръ серебряный, всѣми признанный за принадлежащей покойному. Бумажка же, оставшаяся въ рукахъ Миробая, тоже оказалась съ номеромъ, соотвѣтствующимъ номерамъ, указаннымъ представителями фирмы

«Хмуровъ и Компанія»... И ты видишь самъ теперь, что все дѣло стало ясно, какъ день... и я...

— А бухарцы эти гдѣ?—полюбопытствовалъ Павелъ Петровичъ.—Я тебѣ, прежде всего, другъ мой, совѣтую подвергнуть ихъ самому строгому вопросу... знаешь, попытать даже не грѣхъ въ такомъ случаѣ, и затѣмъ, согласно ихъ указаній, можно будетъ дать возможность, дипломатическимъ путемъ, добиться отъ бухарскаго эмира выдачи остальныхъ соучастниковъ преступленія... Я тебѣ это отъ души совѣтую...

— Да бухарцевъ этихъ нѣтъ!..

— Какъ нѣтъ?!.

— Ну, посуди самъ, гдѣ же можно было старику съ двумя мальчиками справиться съ двумя здоровыми молодцами... Бѣдному Миробаю они разорвали халатъ и чуть-чуть не перерѣзали горла... Едва только замѣтили эти молодцы, что ихъ хотятъ накрыть, какъ вскочили на коней и исчезли, оставивъ въ нашихъ рукахъ неопровержимыя улики...

— Ты послушай, какъ горячо говорилъ обо всемъ этомъ этотъ Миробай... Я ничего не понялъ, но переводчики и офицеры мнѣ объяснили, какъ онъ жалѣлъ, даже плакалъ отъ досады, что не удалось ему живьемъ захватить хоть одного изъ разбойниковъ... Онъ, знаешь, просилъ меня замолвить объ немъ словцо генералъ-губернатору... Я ему обѣщалъ медаль... Я помѣшу о немъ въ своемъ докладѣ, и онъ получитъ награду навѣрное!..

— Ты не повѣришь, мой другъ, какъ я душевно радъ, что все это такъ хорошо кончилось и разъяснилось...

И Грунинъ, утомленный горячимъ разсказомъ, опустился на складной стулъ и заявилъ хозяину, что теперь не грѣхъ выпить чего нибудь холодненькаго.

VIII.

Такимъ образомъ, благополучно и округленно закончилось слѣдственное дѣло по убійству Федора Горкина. Всѣ подозрѣнія, въ какихъ бы формахъ они ни проявлялись, мало-по-малу разсѣялись, какъ дымъ, и въ Глухомъ фортѣ осталось только, въ видѣ исключенія, весьма немного скептиковъ, сомнительно покачивающихъ головою, при воспоминаніяхъ о подвигѣ «плута Миробайки»...

Грунинъ уѣхалъ дня черезъ два, увезя съ собою многолистную чистенькую тетрадь и всѣ «неопровержимыя доказательства», и на сцену выступило новое дѣло «объ оскорбленіи, нанесенномъ подпоручикомъ Глухаревымъ капитану Криницыну въ публичномъ мѣстѣ, и о послѣдствіяхъ онаго».

Собственно говоря, никакого дѣла здѣсь и не послѣдовало, такъ бы все сгладилось и разошлось. Тѣмъ болѣе, что и виновникъ оскорбленія, Павлуша, «поостывъ немного», охотно согласился съ доводами Шелобова, своего отца, а отчасти даже самого коменданта, убѣждавшими его, для порядка и по справедливости, подойти, при случаѣ, въ присутствіи, конечно, тоже публики, къ оскорбленному и извиниться въ своей неумѣстной запальчивости. Но вышелъ казусъ, котораго офицеры Глухого форта никакъ уже не ожидали.

Денщикъ Криницына принесъ письмо подпоручику Глухареву отъ своего барина и, не заставъ Павлуши дома, оставилъ его на столѣ.

Вернувшись, Павлуша прочелъ это письмо, и показалъ своему отцу, тотъ Шелобову, тотъ кому то еще, и, черезъ часъ уже весь Глухой фортъ, съ комендантомъ включительно, зналъ наизусть содержаніе криницынскаго посланія.

А въ посланіи этомъ значилось слѣдующее:

«Милостивый Государь, господинъ Глухаревъ!

«Въ извѣстный вамъ день, вы, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ и чуть не всего общества форта, позволили себѣ, относительно меня, выходку, глубоко меня оскорбившую...

«Ваша дерзость не должна и не можетъ остаться безъ результатовъ. Ваши лѣта и ваше воспитаніе значительно извиняли бы васъ; въ данномъ случаѣ, и я могъ бы ограничиться только тѣмъ, что выдралъ бы васъ, какъ мальчишку, за уши; но вашъ мундиръ заставляетъ меня смотрѣть на васъ, какъ равный на равнаго, а потому, если вамъ знакомы хотя самыя элементарныя понятія о чести и благородствѣ, то вы должны были ждать, и вѣроятно ни сколько не удивитесь, получивъ мой вызовъ.

«Хотя я, такъ же какъ и вы, милостивый государь, заинтересованъ выборомъ съ моей стороны секундантовъ, но, къ сожалѣнію, не могу разсчитывать, въ этомъ случаѣ, на кого

либо изъ моихъ товарищей по мундиру... Вы, конечно, поймете сами почему... Я предоставляю вамъ право этого выбора, вполнѣ подчиняясь всѣмъ условіямъ дуэли, которыя мнѣ вашими секундантами будутъ предложены. Надѣюсь, милостивый государь, что вы не станете откладывать дѣло чести въ долгій ящикъ и не вынудите меня этимъ къ необходимости напомнить вамъ вашу обязанность болѣе энергичнымъ и, можетъ быть, несовсѣмъ пріятнымъ для васъ образомъ.

«Павелъ Криницынъ».

Понятно, что получивъ такое письмо, готовность извиниться разомъ оставила Павлушу. Вся молодежь форта навязывалась къ нему въ секунданты. Старики запротестовали и не позволили никому носа совать въ это дѣло. Порѣшено было собрать всѣхъ офицеровъ къ коменданту, на нейтральную, такъ сказать, почву, вызвать Криницына туда же, и потолковать сообща, составить, такъ сказать, нѣчто въ родѣ, закономъ дозволеннаго и установленнаго, офицерскаго суда, а если что, то и настоящій судъ по формѣ...

— Ты, братецъ, виноватъ,—говорилъ Глухаревъ сыну,— значитъ и молчи... притихни и жди своего рѣшенія... что твое будетъ, то при тебѣ и останется; что на его долю выпадетъ, то съ нимъ и будетъ... такъ то!

«А не продержать ли мнѣ Павлушу еще хоть недѣльку подъ арестомъ?—думалъ комендантъ.—Все какъ то, пока что, спокойнѣе будетъ!»

Но, къ счастію Павлуши, эта идея полковника Огурчикова не приняла исполнительнаго характера.

Изъ дамъ форта только одна Анастасія Львовна Голубцова-дѣвица акушерскаго званія, была того мнѣнія, что «дуэль... ахъ! это такъ интересно!» Всѣ остальныя барыни были мнѣнія противуположнаго, и просили коменданта приставить даже къ обоимъ противникамъ, на всякій случай, по караульному... «Мало ли что можетъ случиться, особенно среди ночи!» Задала работу дамскимъ языкамъ эта дуэль! Только одна Груня молчала, и предпочла, если уже высказывать свое мнѣніе, то высказать его обѣимъ сторонамъ, лично.

Случайно, будто бы, встрѣтившись съ Криницынымъ, когда

тотъ возвращался съ обѣденной прогулки, она укоризненно посмотрѣла на него и произнесла:

— Грѣхъ вамъ, большой грѣхъ будетъ... Вѣрьте мнѣ, Павелъ Петровичъ!

А послѣ того, прямо пошла къ Павлушѣ, и тому уже отпѣла въ иномъ тонѣ:

— И кто васъ любить послѣ того будетъ!.. Помните!.. Вы меня, послѣ такихъ дѣловъ, не только Груней, Аграфеной Васильевной называть не смѣйте. Глазъ не показывайте... Слышите!..

И это двойное обращеніе доброй дѣвушки произвело почти одинаковое примиряющее дѣйствіе.

Павелъ Петровичъ вполнѣ почему то былъ убѣжденъ, что ему не придется огорчать Груни, онъ подумалъ только, глядя на ея, опущенныя скромно, длинныя рѣсницы и стройный профиль, что «не дурно бы этотъ полевой цвѣтокъ пересадить въ лучшую, культурную почву». Павлуша, чуть не со слезами, принялся увѣрять ее, что все, хотя и его вина, но теперь уже зависитъ не отъ него, а какъ порѣшатъ старшіе, что, во всякомъ случаѣ, если и порѣшать чтобы стрѣляться, онъ выпалитъ въ сторону.

Однимъ словомъ, въ воздухѣ, окружающемъ Глухой фортъ, пока еще кровью не пахло, и все предвѣщало, что скопившаяся грозовая туча разсѣется сама собою.

День офицерскаго собранія былъ уже назначенъ, и всѣ этого дня ожидали съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ.

Въ тотъ же день Крипицынъ получилъ петербургскую почту и съ нею письмо отъ кузины Мэдъ. Письмо весьма для него пріятное. Въ числѣ близкихъ знакомыхъ Павла Петровича, въ его петербургскомъ кружкѣ былъ нѣкто Тальцинъ, разжирѣлый толстякъ, циникъ и обжора, но человѣкъ, пользующійся большимъ авторитетомъ по законамъ охраны чести и свѣтской порядочности. Крипицынъ, зарвавшись, проигралъ ему около тридцати тысячъ и, конечно, отдать не могъ даже сотой части этой суммы; онъ далъ ему честное слово уплатить этотъ долгъ черезъ два года, не предчувствуя, конечно, никакой возможности сдержать это слово.

Долгъ по картамъ — долгъ чести. Это посерьезнѣе будетъ

какого-нибудь вексельнаго долга, и неаккуратность, въ подобномъ случаѣ, никогда не прощается. Больше всего тяготилъ Криницына этотъ роковой долгъ; и вотъ, кузина Мэдъ, весело и радостно увѣдомляетъ его о смерти Тальцина, внезапно скончавшагося отъ удара, въ ресторанѣ Дюссо, послѣ ужина. Кузина Мэдъ даже вырѣзку изъ газеты, въ черной рамкѣ, съ приглашеніемъ на панихиды и выносъ усопшаго, приложила къ письму, и добавила при этомъ: «Вы видите, monsieur Paul, что фортуна начинаетъ, видимо, склоняться въ вашу сторону...» Она увѣдомляла его и о томъ, что его векселя сильно падаютъ, что кредиторы отчаяваются получить хотя что-нибудь, что если бы теперь всего какихъ-нибудь тысячъ пятьдесятъ, даже менѣе, наличными,—и всѣ бы эти векселя можно купить очень удобно. Однимъ словомъ, кузина Мэдъ сообщала ему, на шести страницахъ мелкаго, убористаго письма, столько пріятнаго, что Павелъ Петровичъ и самъ могъ смѣло согласиться съ своей хорошенькой покровительницей, что госпожа фортуна дѣйствительно начинаетъ оборачиваться къ нему своимъ прихотливымъ и капризнымъ личикомъ.

IX.

Офицерскій судъ, съ тѣхъ поръ какъ былъ установленъ законами, въ первый разъ примѣнялся на дѣлѣ въ нашемъ батальонѣ.

Въ назначенный день, съ восьми часовъ утра, въ большой, сараеобразной пріемной залѣ комендантскаго дома, стали собираться господа штабъ и оберъ-офицеры; всѣ были при оружіи, даже въ перчаткахъ, и, входя въ залъ, молча раскланивались съ полковникомъ, хозяиномъ дома, и присаживались, также молча, гдѣ кому было удобнѣе... Самъ Огурчиковъ, красный отъ галстука и застегнутаго воротника кителя, ходилъ по залѣ взволнованный и все посматривалъ на свою большую золотую луковицу... Иванъ Акимовичъ, какъ старшій послѣ Огурчикова и отецъ одного изъ подсудимыхъ, игралъ роль выдающуюся, и сидѣлъ на самомъ видномъ мѣстѣ; адъютантъ Ползунковъ, легко позванивая шпорами и потупивъ глаза, постоянно входилъ и выходилъ изъ залы, придерживая рукою саблю, чтобы не такъ звякала... Капитанъ Шелобовъ

запоздалъ немного. Его массивная фигура какъ то робко съежилась, переступая порогъ двери.

— Иди сюда!—шепнулъ ему Иванъ Тимофеевичъ, указывая на стулъ рядомъ.

— Началось?—также шепотомъ спросилъ тотъ.—А Павлушка?

— Его комендантъ въ кабинетѣ посадилъ... тамъ ждетъ...

— Однако, господа, что же это?.. Криницына нѣтъ еще!.. Ползунковъ! Вы въ которомъ часу въ повѣсткахъ обозначили?

— Въ десять часовъ, какъ вы изволили приказать!—подскочилъ адъютантъ.

— Въ десять... Что же это онъ запаздываетъ!.. это изъ рукъ вонъ!.. это...

— Еще только девять безъ четверти! — отозвался одинъ изъ офицеровъ.

— Это почему?!.. Чертъ возьми... Однако мы, господа, рановато собрались... Чайку, пока, что-ли!..

Комендантъ засуетился, по привычкѣ отыскивая глазами своего адъютанта.

— Не время, Сеня, послѣ! — шепнулъ ему Глухаревъ-отецъ. — Что-жъ, подождемъ!.. Эге!.. Вонъ и нашъ схимникъ изволитъ жаловать!..

Всѣ глаза обратились къ дверямъ. Тамъ показалась странная фигура въ офицерскомъ костюмѣ... Лицо у этой фигуры было расплывшееся до нельзя, сѣдыя бакенбарды торчали щетками по сторонамъ, усы лѣзли впередъ, вродѣ щетины у моржа, сплошная лысина оканчивалась сзади широкимъ, багровымъ, двойнымъ затылкомъ... Это былъ одинъ изъ старѣйшихъ ветерановъ батальона, дослуживающій только сроки пенсіи... Онъ страдалъ запоемъ каждый мѣсяцъ, что у него занимало ровно половину времени... Много послужилъ старикъ на своемъ вѣку, много потеръ лямокъ, и ему прощали эту слабость и службою не безпокоили... Въ послѣднее время онъ уже начиналъ заговариваться немного и появлялся въ кружкѣ офицеровъ очень рѣдко, только въ торжественныхъ случаяхъ... За мѣсяцъ до батальоннаго праздника «батько Максимъ», какъ его всѣ называли, не пилъ вовсе... Онъ глубоко и свято чтилъ этотъ день и весь мѣсяцъ проводилъ обыкновенно за клейкою бумаж-

ныхъ, разноцвѣтныхъ фонариковъ, для приданія торжеству особаго блеска.

Тяжело перевалилъ батько Максимъ черезъ довольно высокій порогъ, волоча лѣвую «пошаливающую» ногу, мутными глазами окинулъ собраніе, приложилъ руку ко лбу, хотя былъ безъ шапки, и проговорилъ:

— Здравія желаю... Не опоздалъ?

— Садись, другъ, коли причалилъ... Вотъ сюда на диванчикъ!—пригласилъ Огурчиковъ.

Молодежь захихикала втихомолку.

— Мерсисъ парфетеманъ... — прохрипѣлъ новоприбывшій, усаживаясь и не доставая до пола своими короткими ножками: усѣлся, крякнулъ и добавилъ одобрительно:—Комса, бонъ!..

Офицеры захохотали теперь уже громко.

— А вотъ и Павелъ Петровичъ идутъ-съ!.. — вбѣжалъ Ползунковъ.

Все сразу примолкло.

Вошелъ Криницынъ, по обыкновенію щегольски и строго по формѣ одѣтый, граціозно поклонился на обѣ стороны и видя, что всѣ сидятъ, сталъ тоже искать себѣ мѣста глазами.

— Встать! — довольно громко произнесъ Глухаревъ-старикъ.

Всѣ встали.

— Гм... гм!—откашлялся комендантъ.—Итакъ, господа!.. приступимъ...

— Пирогъ пора ставить въ печь или погодить прикажете, ваше высокоблагородіе? — неожиданно совершенно, изъ противуположныхъ дверей появился комендантскій денщикъ Фома, онъ же и поваръ, съ засученными до плечъ, перепачканными тѣстомъ, мускулистыми руками.

— Тс!.. тс!..—замахалъ на него адъютантъ Ползунковъ.

— Пирогъ!..—озадачился комендантъ.—Пошелъ вонъ, каналья!.. Экая бестія!.. Ползунковъ... скажи ему, голубчикъ, что пора... Итакъ, господа...

— Сочиненіе господина Криницына... сетъ летръ криминалъ, прочесть предварительно можно?..—прохрипѣлъ «батько Максимъ».

Комендантъ досадливо передернулъ плечами.

— Павелъ Петровичъ!—рѣшилъ онъ итти на прямикъ къ цѣли. — Вы изволили написать это письмо, адресованное подпоручику Глухареву?

Огурчиковъ протянулъ руку съ письмомъ.

— Оно мною подписано, значитъ, я! — отвѣчалъ Криницынъ.

— Гм... гм... господинъ капитанъ, вѣдь за подобное письмо я бы могъ васъ немедленно арестовать!

Огурчиковъ, очевидно, хотѣлъ произвести большой эффектъ такимъ энергичнымъ вступленіемъ.

— Это ваше дѣло, господинъ полковникъ! — спокойно и почтительно отвѣчалъ Криницынъ.

Комендантъ взглянулъ на группу офицеровъ съ видомъ полнаго недоумѣнія.

— Эхъ, Павелъ Петровичъ, Павелъ Петровичъ, какой вы право!.. Мы здѣсь собрались, — снова обратился онъ къ Криницыну, — по душѣ, по семейному, такъ сказать, дѣлу... Свои обязанности я, смѣю вамъ доложить, понимаю хорошо! Но желательно кончить дѣло миромъ... по семейному... такъ то-съ... Васъ офицеръ обидѣлъ, товарищъ, такъ сказась, вашъ... Прекрасно-съ!.. Я его арестовалъ... онъ былъ виноватъ, это всѣ раздѣляютъ... Онъ даже вотъ извиниться хотѣлъ, да вы сами помѣшали съ вашимъ вызовомъ... такъ-съ!.. Вы, вотъ, сами тамъ употребили выраженія неподходящія... «Мальчишкой» его обозвали, на счетъ тоже ушей... Негодится... Предположимъ, что мы дуэль допустимъ, и онъ васъ, того-съ, — подстрѣлитъ... Вы же были первые обижены, вы же головою поплатились... а молодому человѣку вся карьера испорчена... Убьете вы его, — положимъ такъ, такъ вѣдь, батенька мой, у насъ смертная казнь только за измѣну противу престола и отечества полагается, а не за бранныя слова... Кара то, выходитъ, проступку сильно несоотвѣтствующая... Сообразили-съ?.. Такъ вотъ, принимая все это во вниманіе, неугодно-ли будетъ вамъ взять свое письмецо назадъ, и дѣлу конецъ!.. Такъ, господа, что ли?

Въ группѣ офицеровъ послышался глухой ропотъ. Огурчиковъ понялъ, что его мнѣнія и доводы если и раздѣляются, то не совсѣмъ.

— Вамъ неугодно ли? Иванъ Акимычъ! Ну-ка, ты!—отстранился комендантъ.

— Я отецъ, мнѣ говорить нечего, — уклонился старикъ Глухаревъ.

Выдвинулся Шелобовъ.

— Вашего вызова, Павелъ Петровичъ, Павлушѣ мы принять не дозволили... Вы такъ и знайте... и прошу не объяснять отказъ трусостью. Офицеръ этотъ не трусъ, это я вамъ заявляю и заявятъ всѣ. Мы его храбрость уже довольно видѣли, вашей еще пока не приходилось... Не нравится вамъ у насъ... Ну, вотъ не сошлись просто, чего тамъ разбирать причины, что и почему, — такъ вѣдь офицерская служба у насъ не подневольная: хочешь здѣсь служи, хочешь въ другомъ мѣстѣ... А мы васъ задерживать не намѣрены...

— Вѣрно!

— Такъ!

— Вотъ это, что надо!.. Шелобовъ вѣрно сказалъ, прямо!—послышались въ разныхъ мѣстахъ офицерскіе голоса.

Криницынъ чувствовалъ, какъ кровь бросилась ему въ голову. Онъ, конечно, понялъ сразу, что его выгоняютъ, онъ вовсе не того добивался, онъ хотѣлъ оставить самъ этотъ батальонъ, но оставить съ честью, съ нѣкоторымъ даже блескомъ для него, а тутъ говорятъ прямо: «убирайся, молъ, вонъ!»

— Прежде всего, господинъ полковникъ, — началъ онъ, сдерживаясь по возможности.—Позвольте мнѣ спросить васъ, гдѣ я присутствую въ данную минуту?

— У меня, батенька, у меня, — поторопился выяснить вопросъ комендантъ.

— Я это знаю. Я хочу также знать, это мое право, что это: судъ, законно примѣненный ко мнѣ, или обыкновенное совѣщаніе?..

— Мы вѣдь хотѣли просто, сообща!.. Къ чему тутъ судъ? просто, по семейному...

— А хоть бы и судъ!—рѣзко прервалъ Огурчикова капитанъ Шелобовъ.

— А, это другое дѣло!..—обратился уже лично къ нему Павелъ Петровичъ. — Тогда мнѣ говорить нечего. Факты на лицо, неугодно ли вести все дѣло по формѣ и по закону...

Я болѣе ничего говорить не намѣренъ. Только, господинъ комендантъ, позвольте мнѣ предварительно вручить вамъ эту бумагу...

И онъ вынулъ изъ-за борта тщательно сложенный листъ бумаги и передалъ его полковнику Огурчикову.

— Что это такое?..—озадачился тотъ, принимая документъ и, по привычкѣ, передавая его адъютанту.

— Прошеніе мое объ отпускѣ на одиннадцать мѣсяцевъ для хлопотъ по переводу моему въ другое оружіе...

— Ну, вотъ и слава Богу!..—вздохнулъ по наивности комендантъ.—Давно бы такъ, Павелъ Петровичъ... Вѣрьте вы мнѣ, что я ничего, вотъ рѣшительно таки нисколько, не имѣю противъ васъ. Съ офицерами вы не сошлись, ну, что за бѣда!.. Вы человѣкъ со связями, съ протекціей... Вы всегда хорошо пристроитесь... Вотъ развѣ долишки ваши, извините пожалуйста, васъ сюда бросили, — дастъ Богъ съ долгами справитесь...

— Мои долги касаются только меня одного! — холодно замѣтилъ ему Криницынъ.

— Понимаю-съ!..

— Семенъ Семенычъ,—дернулъ его за рукавъ адъютантъ Ползунковъ,—извольте прочесть это прошеніе...

— Это почему?.. Хорошо.. что же тамъ такое?..

Огурчиковъ принялся читать про себя, присвистнулъ почему-то и передалъ бумагу Глухареву, строго взглянувъ на Криницына, Иванъ Акимычъ тоже прочелъ, тоже поглядѣлъ на автора, и передалъ документъ Шелобову, Шелобовъ, прочтя, не взглянулъ на Павла Петровича, а просто плюнулъ и передалъ прошеніе дальше. Такимъ образомъ, акуратно сложенный листъ обошелъ все собраніе и попалъ, наконецъ, въ руки батьки Максима. Тотъ читалъ долго, и вдругъ безпокойно заерзался на диванѣ, обнаруживая намѣреніе подняться, сладилъ таки со своими ослабѣвшими членами и выступилъ на середину зала.

Этой энергіи со стороны «схимника» не ожидалъ никто, и въ залѣ воцарилась мертвая тишина.

— Пишите вы, господинъ капитанъ,—началъ тотъ, стараясь какъ можно отчетливѣе произносить слова,—что, получивъ оскорбленіе отъ офицера, послали ему вызовъ и полу-

чили въ отвѣтъ полный отказъ, поддержанный прочими, а посему, не считая возможнымъ продолжать службу въ такомъ обществѣ, гдѣ существуютъ такія странныя, чтобы не сказать болѣе, понятія о чести вообще, и чести мундира въ особенности, предпочитаете оставить сей батальонъ, для чего, и прочее и прочее. Такъ вы пишете... вотъ тутъ, на этомъ листѣ бумаги?

— Да! — произнесъ Павелъ Петровичъ.

— Вамъ нужно уѣхать... Вы хотите, такъ сказать, предупредить вашъ выгонъ. Пардонъ-съ за экспресьонъ... и хотите выйти козыремъ шевальеромъ санъ-перъ ни репрошъ... и на батальонъ, на нашъ славный, четвертый номеръ, наложить позорное пятно, жаме-съ, атанде-съ и сильвупле-съ!..

— Батя Максимъ, ты куда?—попытался было остановить схимника полковникъ Огурчиковъ.

— Сюда!—захрипѣлъ тотъ пронизывая Криницына своими, вдругъ ожившими, сверкающими глазами.

— Я старъ! — возвысилъ онъ голосъ, крича уже теперь на весь залъ. — Я слабъ! Лѣвая рука у меня уже вовсе не поднимается, въ правой полное «мэнъ-дрраже», но «экскюзе!..» Вашъ вызовъ принимаю я! Стрѣляться съ вами, милостивый государь, буду я! Но, извините, не формы ради, безъ шутокъ, безъ балагана!.. Черезъ платокъ! и хоть сію минуту!

Старый ветеранъ захрипѣлъ, двинулся впередъ всѣмъ корпусомъ и покачнулся. Его поддержали.

— Господа! это нельзя! Это уже изъ рукъ вонъ... ни на что не похоже... Въ моемъ присутствіи!..—засуетился полковникъ Огурчиковъ, тщетно пытаясь принять внушительный, начальствующій тонъ.

— Я принимаю вашъ вызовъ, — чуть слышно произнесъ Павелъ Петровичъ.

— Принимаете-съ?.. Нѣтъ, этого мало! Атанде-съ!—снова началъ батько Максимъ.

И снова въ залѣ все стихло.

— Вѣрою и правдою прослужилъ я Царю и Отечеству, какъ могъ, и сколько моихъ силъ хватило!.. Теперь меня, пьяную собаку, держатъ изъ милости... Спасибо!.. Но никто меня ни въ чемъ безчестномъ упрекнуть не могъ никогда и не можетъ... Богъ это видитъ, и люди знаютъ!.. Потрудитесь

же и вы, милостивый государь, здѣсь, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, передъ лицомъ сего знамени... вонъ оно стоитъ въ углу, подъ образами... передъ лицомъ Святаго Николы, Угодника Божія... Глядите повыше!.. дать мнѣ честное слово, что рука ваша ни къ какому безчестному дѣлу не касалась, что на рукѣ вашей нѣтъ и не было никакого позорнаго дѣянія... И тогда только вы можете имѣть честь сказать: принимаете-ли, или нѣтъ, предложенный мною поединокъ... Ну-съ!.. я жду!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Дѣло приняло такой оборотъ, котораго Павелъ Петровичъ никакъ не могъ ожидать и предвидѣть...

Нападеніе было сдѣлано врасплохъ, Криницынъ чувствовалъ уже на себѣ не одни, пронизывающіе его душу, глаза батьки Максима — всѣ не спускали съ него глазъ. Каждый фибръ его лица былъ предметомъ сосредоточеннаго, пытливаго, лихорадочнаго наблюденія. Силы ему стали измѣнять. Энергія, а съ нею и находчивость, таяли съ каждымъ мгновеніемъ...

Бѣлѣе стѣны стоялъ онъ посреди залы... Дальше и дальше отходилъ отъ него шумъ голосовъ... Ему казалось, что онъ тонетъ, мышцы свело судорогою... Бороться съ волнами нельзя... Зеленою пеленою застилаетъ вода его глаза, заливаетъ уши... Вязкая тина, цѣпкія, ползучія водоросли путаютъ ноги, тянутъ книзу... И тамъ, гдѣ-то на днѣ, глубоко зарывшись въ песокъ, торчитъ и странно свѣтится старческій затылокъ... сѣдые волосы, запекшаяся кровь и грязь... эта черная, зіяющая рана, круглая лысина, вздернутый воротникъ пальто...

«Что это?!. обромокъ... глупая до пошлости слабость!.. Не можетъ быть!.. Я этого не хочу... не могу... я стою на ногахъ. Да, на ногахъ!..» какъ молнія промелькнуло въ головѣ Павла Петровича.

На него уже теперь никто не смотрѣлъ... это уже не глаза... нѣтъ, это все спины, все затылки... Объ немъ не думаютъ его забыли... Ему стало легко... Смолкъ, Божьимъ гнѣвомъ,

укоромъ гремѣвшій, голосъ... Вонъ чья то безобразная голова, неестественно откинулась назадъ, видны только отекшее, багровое горло, щетинистый, сѣдой, небритый подбородокъ, разорванный воротъ кителя... Нѣсколько рукъ поддержало эту голову, и на Криницына снова уставились глаза, уже теперь оловянные, безжизненные...

— Воды!.. спирту... доктора!.. — шепчутъ со всѣхъ сторонъ. Почему же шепчутъ, почему не требуютъ громко? Вотъ понесли... должно быть тяжело?.. задѣли въ дверяхъ... Кажется уронили?.. Что то безжизненное стукнуло о порогъ... нѣтъ... вотъ его ноги, въ разорванныхъ сапогахъ, съ скрившимися каблуками, эти ноги высоки, почти въ уровень съ плечами Шелобова.

— Сюда, сюда, на диванъ! — слышится уже изъ другой комнаты голосъ коменданта.

— Надѣюсь, что и *это*... — Криницынъ сдѣлалъ головою указательное движеніе, — мнѣ поставятъ въ вину также.

Но онъ ни къ кому собственно не обратился съ этимъ саркастическимъ замѣчаніемъ, и никто не слышалъ его, должно быть, никто ничего не отвѣтилъ...

Павелъ Петровичъ вышелъ изъ залы, спустился съ крыльца комендантскаго дома, и съ наслажденіемъ вздохнулъ воздухомъ, пропитаннымъ острымъ запахомъ молодыхъ тополей и свѣжаго сѣна.

Прошло нѣсколько дней, и вся исторія офицерскаго суда съ ея причинами мало-по-малу стушевалась и почти забылась.

Мирно и уныло загудѣлъ надтреснутый колоколъ батальонной церкви, также какъ и въ день привоза тѣла Горкина; также стройно вытянулся развернутымъ фронтомъ батальонъ, на церковной площадкѣ, также собрались офицеры и прочіе обитатели форта, также у каждаго въ рукахъ затеплились тоненькія восковыя свѣчки, также зарокотали барабаны... также точно заколыхался парчевой гробъ, несомый на рукахъ товарищами и друзьями покойнаго...

Павелъ Петровичъ настоялъ на своемъ. Онъ не взялъ назадъ своего компрометирующаго батальонъ прошенія. Дѣлать нечего: пришлось его бумагѣ дать ходъ, съ приложеніемъ осо-

баго протокола, объясняющаго событіе съ другой стороны, протокола подписаннаго всѣми офицерами.

Теперь онъ уже былъ здѣсь мало того, что чужимъ человѣкомъ, но и чѣмъ то въ родѣ отверженнаго, ненавистнаго всему окружающему. Онъ уже и не салютовалъ офицерамъ, при случайныхъ встрѣчахъ, онъ не избѣгалъ этихъ встрѣчъ, держалъ себя гордо, съ достоинствомъ; ему даже, будто, удовольствіе доставляло нарочно, замѣтивъ группу офицеровъ, пройти мимо нихъ своею красивою легкою походкою, или шагомъ проѣхать на своемъ Абрекѣ, будто не замѣчая своихъ враговъ, хотя и чувствуя на себѣ провожающіе его, пристальные, недружелюбные взгляды.

Павелъ Петровичъ только, на всякій случай, всегда держалъ въ карманѣ револьверъ-бульдогъ и чувствовалъ себя какъ то покойнѣе, когда его рука касалась круглой, полированной ручки этого оружія.

Выѣхать изъ Глухаго форта онъ не могъ безъ ожидаемаго разрѣшенія отпуска изъ штаба; оставить фортъ, по домашнему, сказавшись только батальному командиру, какъ обыкновенно, хотя и противузаконно, продѣлывали всѣ офицеры, когда кому что надо было въ городѣ, онъ тоже не могъ, ибо это было все-таки противузаконно, и давало поводъ подвергнуть его крупнымъ непріятностямъ.

Итакъ, Павелъ Петровичъ сидѣлъ въ фортѣ и ждалъ, ждалъ, поневолѣ, терпѣливо. Только, чуть не ежедневно, писалъ Грунину и другимъ *своимъ*, прося ихъ по возможности повліять на ускореніе его дѣла, сократить срокъ его нравственной пытки.

Комендантъ успѣлъ уже, вслѣдствіе донесенія Анатолія Робертовича, получить отъ высшаго начальства легкую нахлобучку, за недостаточную, якобы, бдительность по охранѣ ввѣреннаго ему района, и всю ночь просидѣлъ съ Ползунковымъ, за сочиненіемъ документа оправдательнаго характера.

Подошелъ тутъ день Петра и Павла. Фортовой священникъ справлялъ свое тезоименитство и служилъ обѣдню съ особой торжественностью. Онъ сказалъ глубоко прочувствованную проповѣдь—примирительнаго содержанія, упомянулъ, что всѣ люди братья, а тѣмъ болѣе, крещеные во имя одного и того же апостола, святаго проповѣдника ученія о любви и смиреніи.

Отецъ Павелъ даже просфору послалъ на домъ къ Криницыну при запискѣ, гдѣ сказано было, что онъ вполнѣ понимаетъ причины, почему не видѣлъ своего соименника во храмѣ Божіемъ, въ радостный для него день, и что, если господину Криницыну угодно будетъ, то отецъ Павелъ отслужитъ у него молебенъ на дому.

Криницынъ былъ даже тронутъ этимъ вниманіемъ, но предложеніе отца Павла отстранилъ, выславъ съ денщикомъ пяти-рублевку для пріобщенія таковой суммы къ церковному сбору.

— Холодный и гордый человѣкъ! — покачалъ головою отецъ Павелъ, отстраняя лѣвою рукою широкій рукавъ шелковой рясы и благословляя правою — яства и питія, предназначенныя для собравшихся къ нему съ поздравленіемъ офицеровъ и почетныхъ обитателей форта.

Иванъ Акимовичъ, въ качествѣ душеприкащика покойнаго Горкина, уѣхалъ въ городъ устраивать дѣла по наслѣдству, и уже успѣлъ написать сыну и Шелобову о томъ, что дѣла эти идутъ какъ нельзя лучше и что вѣроятно ему скоро можно будетъ вернуться; тѣмъ болѣе, что имъ сообща надо потолковать объ одномъ вопросѣ, крайне щекотливомъ и весьма не легко разрѣшаемомъ. У Павлуши болѣзненно и радостно при этомъ щемило сердце, Шелобовъ хмурился и обкусывалъ концы своихъ длинныхъ усовъ. Отецъ Павелъ, посвященный отчасти въ суть дѣла, тяжело вздыхалъ и указывалъ на обязанности каждаго христіанина смириться передъ рукою Всевышняго. «Дѣвица акушерскаго званія» имѣла привычку вести аккуратно свой дневникъ, и уже вывела причудливымъ почеркомъ заглавіе: «печальное возвращеніе», предлагая вскорости занести подъ нимъ всѣ подробности. Груня втихомолку плакала по ночамъ, а днемъ вышивала подушку, на голубомъ фонѣ вѣнокъ изъ красныхъ цвѣтовъ, въ серединѣ вензель П. Г., а подъ нимъ надпись: «на память отъ вѣчнаго друга». У всѣхъ прочихъ дамъ форта чаще и чаще заиграло на языкѣ новое имя, завладѣвая понемногу всѣми темами задушевныхъ разговоровъ.

И это имя было «Надя».

Иванъ Акимовичъ вернулся наконецъ изъ города и тотчасъ же углалъ сына отыскивать Шелобова, да забѣжать и къ отцу Павлу попросить ихъ «на чашечку и на рюмочку».

Отецъ Павелъ явился немедленно, Шелобова же прождали порядочно. Тотъ былъ на охотѣ, еще со вчерашняго утра и вернулся только подъ вечеръ, прямо, не заходя домой, во всемъ охотничьемъ нарядѣ, съ тяжелою связкою степныхъ куропатокъ на поясѣ.

— Вотъ и ужинъ для всей честной компаніи!—произнесъ онъ, входя. Облобызался съ хозяиномъ дома, поздоровался съ остальными гостями и пошелъ на кухню, мыть руки.

Тяжело пыхтя, внесъ денщикъ самоваръ, высвистывающій на всѣ лады; Павлуша сталъ перемывать стаканы и устанавливать графинчики. Зажгли свѣчи, такъ какъ уже совершенно стемнѣло, и вся компанія дружно принялась за чаепитіе.

— Благополучно покончили дѣла, Иванъ Акимовичъ?—спросилъ отецъ Павелъ, отирая о скатерть донышко стакана, такъ какъ имѣлъ обыкновеніе пить чай съ блюдечка.

— И не ожидалъ!—отвѣчалъ Глухаревъ-отецъ.—Да я, вотъ, все попорядку.

— Папаша этихъ скаредовъ — вотъ какъ! — отозвался Павлуша.—Онъ ихъ со всѣхъ сторонъ обошелъ.

— Ну, ужъ и скаредовъ! Люди хорошіе, тоже душу и сердце имѣютъ,—соскромничалъ «папаша».—Вѣдь покойникъ то Горкинъ какъ имъ служилъ! Вѣдь онъ, можно сказать, не одну сотню тысячъ сберегъ имъ и удвоилъ. Вотъ, напримѣръ: поставилъ я имъ на видъ.

— Постой, Ваня, ты хотѣлъ попорядку!..—остановилъ его Шелобовъ.

— Ладно! Отецъ Павелъ, подливай отсюда, вонъ изъ того пузатенькаго. Такъ, вотъ, пріѣзжаю я къ нимъ. Такъ и такъ, говорю, по такому дѣлу. Бумаги всѣ со мною: опись, завѣщаніе и прочее, книги всѣ у нихъ уже вытребованы были отъ слѣдователя. Говорятъ, сами не могутъ—ждутъ Михаила Алексѣевича. Ладно! Когда, молъ, пріѣдетъ? Завтра, послѣ-завтра, непремѣнно. Подождемъ. Пошелъ это я въ баню... славныя бани выстроилъ шельма Егорка, лучше чѣмъ въ Оренбургѣ: особыя ванны, полока таловые и даже вѣники березовые, изъ горъ ему сарты особенно привозятъ.

— Это за Чимкентской заставою? — полюбопытствовалъ отецъ Павелъ.

— Тутъ, сейчасъ же на выѣздѣ, на рѣкѣ. Остановился я у Прохорова, поужиналъ послѣ бани, спать легъ. Не спится! Все у меня это дѣло изъ головы не выходитъ! На другой день закупилъ все, что надо, въ клубѣ обѣдалъ... тамъ же пульку составили, по полкопѣйки: Перепелкинъ, Круторѣзовъ, Грифель и я.

— Грифель?..Грифеля знаю!—разгладилъ бороду батюшка.— Онъ еще при мнѣ старшимъ писаремъ состоялъ при покойномъ Безакѣ... помню!

— Теперь, братъ, его и рукою не достанешь!.. Статскаго совѣтника ждетъ къ новому году. Далеко мѣтитъ. Ну-съ, и скука, я вамъ доложу въ городѣ, страшнѣйшая!.. Опять же все въ застегнутомъ положеніи... все по формѣ... Большія тамъ пошли теперь на этотъ счетъ строгости.

— Пріѣхалъ Хмуровъ что-ли?—нетерпѣливо махнулъ рукою Шелобовъ.

— Пріѣхалъ! Какъ сказали, вышло вѣрно. Пріѣхалъ я, мнѣ знать сейчасъ дали... Я къ нему... Такъ и такъ, говорю... объясняю все дѣло подробно. «Знаю, говоритъ, почтеннѣйшій Иванъ Акимовичъ, знаю! и все дѣло мною уже рѣшено. Я Федоромъ Петровичемъ болѣе чѣмъ былъ доволенъ, что уже говорить: не только правая рука моя былъ, еще меня училъ многому... Грѣхъ пополамъ!..» То есть, какъ это, думаю, пополамъ? восемьдесятъ тысячъ, это значитъ будетъ сорокъ. Да если и домишко и все продать, бумажонки какія собрать и деньги, что въ банкѣ, я вѣдь ничего не утаилъ,—такъ дай Богъ, чтобы на пятнадцать тысячъ набралось!.. Гдѣ же остальные добыть?.. Опять же дѣвушка нищею, бездомною сиротою должна остаться! Соображаю это, да и говорю Хмурову: «Не тяжело ли сиротскимъ плечамъ будетъ?.. Вы бы Бога-то вспомнили!..» А онъ: «Да я, говоритъ, Его и не забываю. Я ей отца вернуть не могу, ей тоже моихъ денегъ вернуть неоткуда,—вотъ и грѣхъ пополамъ! Вотъ я въ какихъ смыслахъ...» Повеселѣлъ я! Ну, говорю, Михайла Васильевичъ, руку!.. Поцѣловались... Только я, постой думаю, Иванъ—Акимовъ сынъ, держись! не за свое дѣло хлопочешь, не поддавайся!..—Не худо бы, Михайло Васильевичъ, документъ по сему поводу,

мало ли что можетъ послѣ выйти?! Дѣло не мое, дѣло святое, сиротское. Надю-то оберечь некому!..» Тутъ онъ всталъ сейчасъ, сказалъ: «И это понимаю», подошелъ къ конторкѣ и принялся писать. Написалъ, подаетъ. «На, говоритъ, читай—такъ ли будетъ?» на ты со мною перешелъ. Я ему тоже: «Давай братъ, Миша, прочту!..» И читаю: «Глубоко цѣня вѣрность и долгую службу нашей фирмѣ покойнаго отставного маіора Федора Петровича Горкина, и соболѣзнуя отъ души его тяжкой кончинѣ, послѣдовавшей ради службы фирмы, я, главный представитель сей фирмы, Михайло Васильевъ, сынъ Хмуровъ, симъ заявляю: всѣ счеты съ покойнымъ фирма считаетъ правильно законченными и никакихъ претензій къ имуществу и всему, что останется въ пользу наслѣдниковъ Горкина, не предъявляетъ и впредь предъявлять не имѣетъ. Въ чемъ и дается сіе удостовѣреніе, съ приложеніемъ торговой печати фирмы, моей именной и за моею собственноручною подписью».

— Вотъ и бумага эта! Павлуша, достань тамъ изъ сумки; синею бумагою обернута и шнуркомъ перевязана. Эта самая!.. Давай сюда!

Удостовѣреніе Михайлы Хмурова обошло всѣхъ присутствующихъ.

— Благословляю десницу, писавшую сіе!—провозгласилъ отецъ Павелъ по прочтеніи и осѣнилъ листъ крестнымъ знаменіемъ.

— Душа-человѣкъ!—хлопнулъ по листу Шелобовъ.

— Позвольте, папаша, я опять заверну!.. — сунулся Павлуша.

— Заверни, Павлуша,—согласился Иванъ Акимовичъ,—да шторку опусти на окнѣ, а то акушерка уже два раза заглядывала... Экія эти бабы любопытныя!..

Тутъ принесли ужинъ и всѣ приступили къ «первой», послѣ которой, говорятъ обыкновенно, «не закусываютъ...» Иванъ Акимовичъ выждалъ, когда аппетитъ гостей удовлетворился, и приступилъ, не медля, къ главной цѣли «сего почтеннаго собранія».

— Извольте видѣть, государи мои, — началъ онъ очень торжественно. — Небезызвѣстно вамъ, что послѣднее письмо покойнаго къ его дочери, писанное нами, отчасти даже, со-

обща, по разсчету моему, только что должно прибыть на мѣсто назначенія. Теперь Силантій уже тамъ; въ сборахъ и прочемъ пройдетъ, положимъ, еще недѣля, а затѣмъ Надя выѣдетъ сюда. Какъ вы это полагаете?..

Шелобовъ крякнулъ, потеръ лобъ и уставился глазами въ уголъ, гдѣ его должно быть очень занималъ яркій блескъ на ручкѣ отдушника. Отецъ Павелъ смахнулъ что-то съ глаза рукавомъ... Павлуша вышелъ въ другую комнату... Отецъ его прислушивался, кивнулъ головою по направленію къ двери и произнесъ, словно про-себя: «ишь! опять разрюмился!..»

— Такъ какъ же вы это, господа, полагаете?—повторилъ онъ свой роковой вопросъ.

— Предупредить надо, деликатно и со всею предосторожностью,—понизивъ голосъ, заговорилъ отецъ Павелъ.—Дѣвица воспитанія нѣжнаго, можно сказать—возвышеннаго; здоровье въ этихъ заведеніяхъ не Богъ вѣсть какъ укрѣпляется, паче того въ разстройство приходитъ... Сразу нельзя... печальныя могутъ быть тому послѣдствія...

— Знаю, что нельзя...—произнесъ Иванъ Акимовичъ.—Въ томъ-то и дѣло—«предупредить»... Да какъ?

— Письменно!—тряхнулъ головою батюшка.

Шелобовъ промолчалъ и тутъ.

— Я, папаша, уже составилъ черновую,—появился молодой Глухаревъ.—Такъ, можетъ, хорошо будетъ?

— Составили и чудесно! Не прочтете ли?—обрадовался отецъ Павелъ.

— Читай!—сказалъ Иванъ Акимовичъ.

«Многоуважаемая Надежда Петровна!—началъ чтеніе молодой Глухаревъ.—Повѣрьте, что въ лицѣ моемъ...—я отъ вашего имени пишу, папаша,—повѣрьте, что въ лицѣ не только моемъ, но и всѣхъ насъ, вы найдете себѣ такихъ же родныхъ, горячо любящихъ васъ отцовъ, что...»

Голосъ Павлуши задрожалъ, послышалось легкое всхлипыванье.

— Постой, постой!—перебилъ его Иванъ Акимовичъ.—Это ты уже сразу! Это ты просто обухомъ по лбу!.. Этакъ, братецъ, нельзя!..

— Негодится!—согласился и отецъ Павелъ.

Шелобовъ упорно молчалъ, по прежнему созерцая отдушникъ.

— Совѣтовалъ бы я написать слѣдующее, и написать въ тонѣ религіозномъ, ибо Вѣра—прибѣжище страждущихъ и болящихъ душою...

Отецъ Павелъ тряхнулъ головою, обтеръ ротъ салфеткою и откашлялся.

— Совѣтую,—продолжалъ онъ,—писать такъ: «Господу Богу угодно было призвать вашего родителя въ мѣсто, идѣ же нѣтъ печалей и воздыханія. Пути Господни не исповѣдимы...»

— А это развѣ не прямо, какъ обухомъ по лбу, какъ палаша?—остановилъ оратора Павлуша, обиженный немного проваломъ своего проекта.

— Тоже, какъ будто предупрежденія маловато,—согласился съ сыномъ хозяинъ дома.

— Это я конецъ письма проэктирую,—постарался вывернуться отецъ Павелъ.

— Кончить-то мы и сами съумѣемъ! А вотъ начало трудно... Эхъ, ты, Господи, и чему-то насъ учили смолоду? Шелобовъ, ты что же молчишь, слова не скажешь?!

Шелобовъ очнулся и вышелъ изъ своего созерцательнаго положенія.

— По моему,—началъ онъ,—надо просто написать, что отецъ ея посланъ въ очень дальнюю и продолжительную командировку... Затѣмъ, ну, поддѣлать что ли почеркъ и написать будто бы отъ него, изъ этой командировки, изъ самой Бухары... Объяснить ей, что отецъ поручилъ намъ встрѣтить ее и устроить какъ слѣдуетъ, пока онъ вернется... А тамъ, мало-по-малу... только...

Тигровый охотникъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, подошелъ къ столу, уперся въ него руками и продолжалъ:

— Только такъ, какъ я говорю, дѣлать ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ!..

— Что такое?—озадачился Иванъ Акимычъ.

— А такъ, потому что и глупо, и подло!.. Я вотъ одиннадцать лѣтъ изъ батальона ни шагу... Я хочу въ отпускъ... Тебѣ вѣдь ѣхать самому нельзя, не слѣдуетъ!.. Сообрази почему!.. Павлушкѣ ни подъ какимъ предлогомъ... поѣду я... возьму отпускъ и поѣду.

— Куда же ты поѣдешь? Въ Ташкентъ?..

— Нѣтъ дальше! Прямо вотъ по дорогѣ поѣду и буду

ѣхать, пока не встрѣчу. Съ нею и вернусь вмѣстѣ... Живой человѣкъ, живое слово. Небось, не испорчу дѣла!.. Тамъ оно, на мѣстѣ, виднѣе будетъ; а вы здѣсь сидите и ждите... Вотъ, что надо сдѣлать, по моему!..

— Мысль превосходная!—восхитился отецъ Павелъ.

— А мнѣ нельзя ѣхать вмѣстѣ?—сунулся молодой Глухаревъ.

— Ни-ни!—въ одинъ голосъ замѣтили всѣ трое.—Ни подъ какимъ предлогомъ!

— Ну, батько, значитъ, рѣшено! Служи завтра напутственный!.. Завтра же скажу Ползункову, чтобы писалъ отпускъ. На двадцать на восемь дней, — этого будетъ недостаточно... Опоздаю ежели немного, ты, Ваня, скажешь Огурчикову, чтобы сквозь пальцы проглядѣлъ. Небось, не подведу его подъ отвѣтственность...

Этимъ Шелобовскимъ рѣшеніемъ окончилось засѣданіе въ домѣ старика Глухарева и затруднительный вопросъ былъ разрѣшенъ къ общему удовольствію.

II.

По ровной, степной дорогѣ Орско-Казалинскаго тракта катился укладистый тарантасъ, запряженный тройкою косматыхъ, большеголовыхъ киргизскихъ лошадей. Киргизъ-ямщикъ, несмотря на страшную іюльскую жару, въ тяжеломъ, подбитомъ бараньимъ мѣхомъ малахаѣ на головѣ, и въ верблюжьемъ халатѣ, лѣниво обмахивалъ кнутомъ оводовъ и слѣпней, назойливо облѣпившихъ костлявыя конскія спины; рядомъ съ нимъ, облокотившись о высокую спинку козелъ, дремалъ намъ знакомый уже Силантій, усердно поклевывая носомъ; въ откинутые для прохлады фартуки фордека видна была, тоже спящая, Надя, полуутонувшая въ мягкихъ подушкахъ, покрытыхъ ситцевыми наволочками; мирно колыхались надъ ея головою, подвѣшанные на ремешкѣ, шляпныя картонки, въ ногахъ серебрился уголъ кованнаго погребца; вездѣ, гдѣ только можно было что-нибудь сунуть, торчали разныя дорожныя принадлежности, «крайне необходимыя» по словамъ стараго, бывалаго служиваго. За тарантасомъ, на подкладныхъ дрогахъ, покоился, прикованный цѣпями и весь оплетенный веревками, громадный сундукъ, плотно обернутый рогожами, поверхъ сундука еще какой-то

ящикъ, сверхъ всего, еще мягкая, высоко приподнятая укладка, и все это, вмѣстѣ съ парусиннымъ верхомъ экипажа, густо было напудрено тонкою, солонцеватою степною пылью...

Маловыѣзженныя лошади давно уже отскакали свои первыя, горячія версты,—обыкновенная привычка степныхъ коней,—давно успокоились, остыли, и шли ровною, покойною рысью... Кругомъ безконечно разстилалась выжженная солнцемъ равнина, изрѣдка только, тамъ и сямъ пересѣкаемая неглубокими, каменистыми балками. Поднятая колесами и ногами лошадей пыль почти недвижно стояла въ воздухѣ, знойная мгла дрожащимъ туманомъ заволакивала горизонтъ, и въ этой мглѣ, то будто близко, въ нѣсколькихъ шагахъ, то гдѣ-то далеко-далеко, сверкали водныя поверхности, ложныя озера степныхъ, полуденныхъ миражей...

Тихо было въ пустынѣ и глухой звонокъ разбитаго колокольчика слышался далеко, тревожа табунчики сайгаковъ, молніями исчезавшіе изъ глазъ, при первомъ подозрительномъ звукѣ; только маленькія, сѣрыя черепахи безбоязненно ползали по всѣмъ направленіямъ, да зоркія ящерки стрѣлою шмыгали тамъ и сямъ, гоняясь другъ за другомъ, или же кейфовали, неподвижно, разинувъ пасть, лежали на самомъ припекѣ, съ наслажденіемъ представляя почти отвѣснымъ солнечнымъ лучамъ свою чешуйчатую спинку...

Ни одного мотылька надъ жалкими остатками выгорѣвшей растительности; ни одной птицы въ раскаленномъ воздушномъ пространствѣ!

Роскошная, полная жизни, зеленая степь, съ своими дымящимися аулами, съ безчисленными табунами коней и верблюдовъ, съ атарами густорунныхъ овецъ, съ бойкими косоглазыми всадниками, носящимися по зеленымъ равнинамъ съ гикомъ и свистомъ, съ звонкими голосами чумазыхъ ребятишекъ, съ цѣлыми стаями собакъ, несущихся съ лаемъ навстрѣчу проѣзжему экипажу, съ щебечущими мелкими пташками и съ орлами, плавно парящими на синемъ фонѣ лѣтняго неба... Эта чудная, такъ понравившаяся Надѣ, степь далеко осталась сзади... Давно уже кругомъ пошли унылые солончаки, полное безлюдье, а дальше мертвые пески, горячіе, сыпучіе, безо всякаго признака растительности... и такъ далеко еще, вплоть до новой водной артеріи, до новой полосы осѣдлости, до глинистыхъ, поросшихъ густымъ камышомъ береговъ рѣки «Сыра».

Колесо набѣжало на камень, звякнуло и тряхнуло тарантасъ; вдрогнулъ Силантій, сонно поглядѣлъ по сторонамъ, вытянулъ изъ кармана тавлинку съ табакомъ и принялся набивать свой багровый носъ... Полѣзъ въ эту тавлинку и ямщикъ-киргизъ, глубоко засунувъ туда свои черные какъ сажа пальцы; тотъ уже не къ носу понесъ, тотъ прямо въ ротъ, за щеку, сплюнувъ сквозь зубы предварительно...

— Какъ жарко!—послышался въ глубинѣ тарантаса томный голосокъ и легкое позѣвываніе...

— Испить не желательно ли, барышня?—встрепенулся старикъ, привставъ и, перегнувшись, заглядывая въ экипажъ...

— Дай, голубчикъ!.. Да скоро ли это мы пріѣдемъ!.. какая тоска!.. Господи!

— Скоро!—усмѣхнулся Силантій.—Нѣтъ, матушка, Надежда Федоровна, еще очень не скоро... Повремените... А вотъ испить у меня запасено... Я еще съ Джаловлей захватилъ три пары бутылочекъ, тамъ вода скусная, хорошая! не то что здѣсь пойдетъ, соленая... Посогрѣлась маленько, ничего! Я вотъ сейчасъ одну откупорю... Пожалуйте!.. Стаканчикъ тамъ, барышня, въ лѣвомъ карманѣ... повыше маленько... вотъ тутъ! Пожалуйте, я оботру его... Ну, да и пылища же анафемская!. Ей Богу! Прости Господи...

— Скоро станція?—полюбопытствовала путешественница, глотая мутную, теплую воду.

— Скоро!.. Вонъ за тѣмъ пригоркомъ еще пригорокъ будетъ, тамъ логомъ пойдетъ дорога... опять лѣвѣе мазарка видна будетъ, а тамъ на спускѣ, а тамъ сейчасъ... отъ мазарокъ уже видна будетъ... Теперь недалеко!

— Станцый «джакымъ» (близко)!—подтвердилъ и ямщикъ, мало-мало понявшій смыслъ объясненія Силантія.

— Гайда! Погоняй, чумазый!—внушительно замѣтилъ ему тотъ.—И что за народъ, право!.. Чуть замѣтилъ, что задремалъ пассажиръ, сейчасъ и самъ спать, а лошади шагомъ идутъ... только бы все изъ подъ кнута; нѣтъ чтобы постараться... Погоняй!..

И тройка пошла живѣй, колокольчикъ залязгалъ усиленно, пристяжныя, взмахивая спутанными гривами, даже подскакивать стали.

— Тебѣ тамъ жарко... Садись сюда, ко мнѣ... здѣсь все-

таки тѣнь,—произнесла Надя, напившись и пряча стаканъ на свое мѣсто.

— Да я, матушка, видѣлъ, что вы дремать начали... Думаю, поразоспитесь, пораскинетесь... все просторнѣе будетъ... Вотъ и перебрался сюда. Намъ что, мы народъ привычный!.. Мы вотъ въ шестьдесятъ пятомъ году...

— А это что видно?.. Тамъ?..

Надя показала рукою.

— Это вотъ они самыя мазарки и есть! Могилы такія, святыхъ ихнихъ, что ли! Вотъ теперь и станція скоро... На той станціи урядникъ Бородинъ, за станціоннаго, землякъ мой; у него самоваръ есть... корову тоже держитъ, молочкомъ попотчуетъ. А ты, знай свое дѣло, пошевеливай!.. Теперь, барышня, дня на два еще этакой то каторжной дороги будетъ, а послѣ опять пойдетъ хорошая сторона... Тамъ уже, чѣмъ дальше, то лучше... Мы, гляди, къ самому винограду поспѣемъ...

При словѣ «виноградъ» дѣвушка даже повеселѣла. Отъ наблюдательнаго глаза опытнаго спутника не скрылось такое обстоятельство. Онъ тоже улыбнулся и продолжалъ:

— Тамъ, барышня милая, чего-чего нѣтъ! Сады какіе, тѣни сколько! Птицы райскія и чаи китайскіе... Такъ то! хе! хе!.. Вотъ потерпите... къ вечеру много прохладнѣе будетъ... Теперь у насъ ночи мѣсячныя, свѣтлыя... Мы всю ночь проѣдемъ... Вы себѣ спите покойно, не сумлѣвайтесь... я постерегу...

Старикъ словно оборвалъ свою фразу. Смолкъ и отвернулся... Надя пытливо поглядѣла ему въ затылокъ.

— Все отъ Господа! все отъ Него!—вздохнулъ Силантій и продолжалъ:

— Въ пути, что во храмѣ... да! Безъ креста и молитвы ни-ни!.. Потому, какъ Онъ ежели захочетъ,—уважитъ... Благодареніе и слава Ему, Всемилостивому!.. Нѣтъ коли,—на все Его Святая воля!.. Такъ то, матушка Надежда Федоровна... Такъ то!...

— А гдѣ ты леденцы спряталъ?.

— Леденцы! конфетики то эти?! Они тамъ, въ синемъ мѣшкѣ... Гдѣ сахаръ и чай, тамъ и они. Я ихъ нарочно въ погребецъ не запиралъ, чтобъ подъ руками были...

Киргизъ-ямщикъ замахалъ рукавами и особенно оживился, икнувъ пронзительно на усталыхъ лошадей и пройдясь по

всѣмъ тремъ спинамъ ременнымъ кнутомъ. Тройка подхватила вся вскачь.. Впереди, на косогорѣ, на желто-сѣромъ фонѣ солончака, ярко забѣлѣлась на солнцѣ приземистая мазанка съ двумя подслѣповатыми окнами и растворенною дверью посрединѣ... Сзади къ мазанкѣ примыкалъ камышевый загонъ и полурастрепанный навѣсъ; недалеко чернѣлъ срубъ колодца... Табунчикъ коней бродилъ по близости... У крыльца стоялъ тарантасъ, съ приподнятыми кверху оглоблями... Изъ подъ крыши, изъ отверстія, замѣнявшаго трубу, валилъ густой столбъ чернаго дыма.

Это и была давно жданная станція.

III.

Услышавъ грохотъ приближающагося экипажа, какой то проѣзжій офицеръ показался на порогѣ станціи и, прикрывшись рукою отъ солнца, сталъ пристально всматриваться.

— А вѣдь это нашъ, барышня!—обрадовался Силантій, обращаясь къ Надѣ.—Такъ и есть! Его благородіе капитанъ Шелобовъ!.. Они самые?!.

— Василій Ивановичъ?!.

— Такъ точно... Вонъ и «барантачъ» ихъ выскочилъ... Ишь ты шельмецъ! должно узналъ меня... Ишь какъ на встрѣчу задуваетъ!.. Экко умный песъ!..

Большая сѣрая, косматая собака очутилась уже у самаго тарантаса, прыгая съ привѣтливымъ лаемъ и взвизгиваніемъ...

— Ого-го!.. Охъ, ты «барантачъ», и впрямь «барантачъ...» ахъ ты, бестія!..

— Здорово Силантій!—крикнулъ Шелобовъ, тоже двинувшись на встрѣчу.—Везешь?!.

— Везу!..

Тарантасъ остановился. Надя выглянула оттуда, и ея глаза смотрѣли на Василія Ивановича скорѣе испуганно, чѣмъ радостно. Сердце билось усиленно... Вопросъ словно замеръ на устахъ...

— Отецъ?!.—начала было она и остановилась.

— Слава Богу, все хорошо... То бишь, что я сказалъ... Я не знаю... должно быть хорошо... Я вѣдь самъ вотъ давно не былъ, теперь возвращаюсь... Вотъ и отлично!.. значитъ

теперь вмѣстѣ и поѣдемъ... Вы какъ здоровы, Надежда Федоровна?..

Шелобовъ растерялся. Онъ не ожидалъ, что уже будто бы такъ сразу и придется приниматься за дипломатію.

— А я полагалъ, что вы отъ насъ, значитъ, въ Россію, ѣдете?—вставилъ свое замѣчаніе Силантій.—Я гляжу, что тарантасикъ вашъ туда оглоблями стоитъ...

— Да я... я, то есть, изъ отпуска... а теперь вмѣстѣ... гм...

Силантій разомъ смолкъ, потупился, зашелъ за тарантасъ и долго копался тамъ, провѣряя крѣпко ли кладь привязана, не разслабло ли что... А киргизъ отпрегъ уже одну пристяжную, тоже пріостановился и на старика смотритъ: чего это, молъ, онъ стоитъ и ничего не дѣлаетъ? стоитъ, не то плачетъ, не то соринку изъ глаза вытираетъ... да все крестится, словно своему Богу молится...

— Какая же вы большая стали, какая хорошая!—говорилъ Шелобовъ, помогая Надѣ вылѣзть изъ экипажа.—Встрѣтилъ бы гдѣ и не узналъ бы, Надежда Федоровна, ей Богу-съ!

— «Надежда Федоровна!»—укорительно улыбнулась дѣвушка,—а *Надя* бы васъ всегда узнала... Вы постарѣли, почти сѣдой стали, а все бы узнала... Стыдно!

— Да вѣдь въ мои лѣта десятокъ годовъ ничего, совсѣмъ мѣняться нельзя, а вѣдь вы, Над... ну хоть Надя, будь по вашему... Вы вѣдь ребеночкомъ отъ насъ вывезены, а теперь—ишь ты... Урядникъ, самоваръ, живѣе!

Вошли въ горницу, на-бѣло оштукатуренную, довольно просторную саклю, вдоль стѣнъ которой, вмѣсто мебели, были сдѣланы глинобитные прилавки, покрытые дешевыми киргизскими коврами. На стѣнахъ висѣли росписанія, почтовыя правила, разсчетный прогонный листокъ и портретъ генерала въ штатской формѣ, со звѣздою и взбитымъ кокомъ на головѣ; все это въ рамкахъ, за разбитыми, запыленными стеклами. Чуть не четверть всей комнаты занимала громадная русская печь съ лежанкою, полъ былъ кирпичный, смазанный глиною, засоренный окурками папиросъ, скорлупою отъ яицъ и разными объѣдками дорожныхъ припасовъ; на грязномъ столѣ стояла коробка отъ сардинъ съ крупною сѣрою солью, лежали мѣшокъ съ сухарями, свертки бумажные съ сахаромъ и чаемъ,—остатокъ колбасы... Урядникъ Бородинъ, оставивъ самоваръ на

попеченіе одного изъ ямщиковъ, приводилъ въ порядокъ чайный приборъ, вытирая стаканъ полою своей армячинной рубахи... Барантачъ, вернувшійся со встрѣчи, вытянулся, высунувъ языкъ, на одномъ изъ прилавковъ, стеречь бурку и чемоданчикъ своего хозяина.

— А ты позаботься чтобы лошадей сейчасъ, въ оба тарантаса, живо!—распорядился Шелобовъ, обращаясь къ станціонному.

— Вы какъ-же, ваше благородіе?..—удивился тотъ.

— А такъ-же... я назадъ ѣду!—шепнулъ капитанъ уряднику на ухо.

— Слушаю-съ!—также шепотомъ отвѣчалъ тотъ, и вышелъ.

Явился и Силантій, убѣдившійся, должно быть, что все привязано крѣпко, и снова выдержалъ на себѣ испытывающій, пристальный взглядъ Нади.

— Вы, Надя, вотъ что...—обратился Василій Ивановичъ къ дѣвушкѣ.—Вамъ можетъ быть что поправиться надо? Мы съ Силантіемъ выйдемъ пока, тамъ позовете... Пойдемъ, старина!..

— Сейчасъ! вотъ только полотенчико достану, да воды свѣжей нацѣжу въ умывальникъ... Я мигомъ управлюсь... Вотъ и вода готовая припасена... Ходить не зачѣмъ...

Управился Силантій, а Шелобовъ его на дворѣ подождалъ. Притворила Надя дверь, на крючекъ защелкнула, а сама къ окну. Стекла пыльныя, мухами засиженныя... ей на свѣтъ видно почти все, а ее никто не видитъ... Только, жаль, говорятъ очень тихо. Поговорятъ, да сюда посмотрятъ, поговорятъ опять и опять обернутся...

Присѣла Надя на прилавокъ, опустила руки и задумалась... Тяжелое предчувствіе давно уже стало закрадываться въ ея сердце... Уже дня три замѣтила она, что ея старый спутникъ сильно измѣнился. То все былъ такой веселый, разговорчивый, даже пѣсни ей пѣлъ, солдатскія, своимъ старческимъ, разбитымъ голосомъ, а вдругъ, не то: послѣ того какъ фортъ Иргизъ проѣхали, совсѣмъ измѣнился старикъ: если и улыбнется, если и начнетъ разсказывать про что-нибудь веселое, то, видимо, насильно, нехотя, какъ то дѣланно,—и не веселитъ это ее, Надю, пуще прежняго разстроиваетъ, болѣзненно растравляетъ ея мучительное предчувствіе чего то недобраго, роко-

вого!.. И дорога опять, эта длинная утомительная дорога! Прежде, бывало, сотни верстъ мелькали незамѣтно, дни за днями, словно часы пролетали, а теперь словно черепаха ползетъ время, безъ конца тянется эта сѣрая, пыльная лента... Тяжко!..

На крылечкѣ Шелобовъ и Силантій тихо и печально разговаривали.

— Да, братъ!—покачалъ головой Шелобовъ.

— Это точно!—потупился Силантій.

— И вотъ, братецъ мой, какъ снѣгъ на голову, все это обрушилось!

— Божья воля!..

— Нѣтъ, ты посуди!.. Добро-бы померъ, отъ болѣзни что-ли какой, отъ старости... А то...—Шелобовъ покосился на окно, взглянулъ туда же и Силантій...

— Въ Иргизѣ я слышу... Такъ и обмеръ... Куда уже вѣсть зашла!.. Сказывали, изъ-за капитала польстились!..

— Теперь я вотъ затѣмъ и выѣхалъ навстрѣчу... чтобы, знаешь, не сразу...

— Это на что же лучше!.. Вѣрите ли, Василій Ивановичъ, я за эти три дня просто измучился! Какъ это разговоръ пойдетъ промежъ насъ, такъ и бѣда! Не знаю какъ и языкомъ ворочать... Все слова разныя придумываю, и все неладно выходитъ... Самъ вижу, что неладно... Я уже и по нихъ это замѣтилъ...

— Что ты?

— Сами увидите... извѣстно дѣло, кровь говоритъ... не чужой кто,—отецъ родной! вотъ она, кровь эта, и сказывается...

Звякнула задвижка, встрепенулись бесѣдующіе... Вошли. Стоитъ Надя у стола, къ нимъ спиною, умывальникъ не тронутъ, полотенце такъ и лежитъ, свернутое, на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ его Силантій положилъ.

Шелобовъ и старикъ переглянулись молча между собою.

— Торопи самоваръ поскорѣе! Да скажи: что-же, молъ, лошадей не закладываютъ?!—засуетился капитанъ.—Ну, Надя, устали таки вы, я думаю, порядкомъ!..

— Устала!—проговорила дѣвушка...

— Ну, теперь уже недалеко...То бишь оно очень далеко, слишкомъ полторы тысячи верстъ... Да я такъ вотъ радъ что,

вы нагнали... эко случай то какой, счастливый!.. Теперь вмѣстѣ, такъ двумя тарантасами, каравапомъ значитъ, и покатимъ! чудесно!

— Вмѣстѣ!—повторила Надя, почти машинально.—Я очень рада...

— Тутъ вотъ скоро верблюжьи станціи пойдутъ. Знаете, пески этакіе страшные! лошадямъ не свезти, такъ верблюдовъ запрягаютъ... забавно! Тамъ, я думаю, вы, у себя въ институтѣ, на верблюдахъ не ѣздили?!. А потомъ все отлично пойдетъ... Недѣли въ двѣ докатимъ, скорѣе можетъ быть даже. А вотъ и самоваръ тащутъ! Посторонитесь немного!.. Ставь сюда на столъ!.. да, позвольте, я самъ заварю, что вамъ, право, безпокоиться.

— Заварите, Василій Ивановичъ...

— Силантій!.. Или, нѣтъ! Онъ тамъ киргизятъ учитъ тарантасъ подмазывать... Силантій! покончишь, иди чай пить!.. нечего проклажаться!.. Пожалуйте!.. Сахаръ сами положите, по вкусу?

Тронулись дальше.

Тарантасъ Нади впереди, Шелобовскій сзади. Дорога съ каждымъ шагомъ становилась хуже. Уже начались пересыпи, песчаные заносы, грядами пересѣкающіе твердо утрамбованный колесами путь; полузамученныя почтовыя клячи шли почти шагомъ, трогая рысцою изрѣдка, развѣ гдѣ дѣло шло подъ горку. Солнце перешло за полдень и жара, казалось, еще болѣе усилилась. Силантій снова усѣлся на козлы передняго тарантаса, но дорогою перебрался къ Шелобову.

Онъ понималъ необходимость, что называется, спѣться какъ слѣдуетъ, и вотъ, ради этой именно цѣли, онъ, сначала, соскочилъ съ козелъ, пріостановился, а затѣмъ пошелъ рядомъ съ Шелобовскою повозкою, придерживаясь рукою за облучекъ.

— Потолковать надо бы какъ слѣдуетъ! — началъ онъ первый.

— Толкуй не толкуй, а дѣло дрянь!—замѣтилъ Шелобовъ, надымивъ полный тарантасъ своими крученными папиросами.

— Вотъ теперь, по моему, если сказать все прямо, повиниться-бы, да и камень съ души... Что же, вѣдь, воля Божія!.. рано-ли—поздно-ли, узнать должна. Чтожъ и себя, да и ее,

голубушку, томить... Вы, думаете, ей легко тоже? Я такъ полагаю, что коли ежели запала у ней на сердце эта самая предчувственность, то ужъ шабашъ... Либо уже прямо надо обманомъ брать, либо все на чистоту... А то ни то, ни се... Пытка—одно слово!

— Пытка!—согласился Василій Ивановичъ.—Это вѣрно!.. Легче бы, кажется палецъ за пальцемъ тупымъ ножемъ рѣзать... Хочешь папироску?

— Покорнѣйше благодаримъ! Мы другимъ манеромъ употребляемъ... Моего не прикажете-ли?

Вытянулъ Силантій тавлинку, зарядился... Стали оба въ молчанку играть; минутъ десять забавлялись такимъ образомъ. Не замѣтили какъ Надя выглянула назадъ изъ тарантаса и снова спряталась. Пошли кони рысцею, привскочилъ старикъ на подножку, присѣлъ на облучекъ...

— Ты, вотъ, говоришь, повиниться надо, все разсказать, какъ слѣдуетъ!.. А что изъ этого выйти можетъ, а? Ты какъ объ этомъ думаешь?—прервалъ тяжелое молчаніе Василій Ивановичъ.

— Это уже какъ Богу угодно... Большая, можно сказать, печаль...

— Печаль! То-то... А что ежели, да съ такого горя бѣда какая приключиться! Обморокъ—что!.. Это еще поправимо! А вотъ если что хуже!.. Бываетъ разрывъ сердца, ударъ—и готово! Да оборони Богъ!.. Болѣзнь ежели даже, не приведи Господи... Здѣсь, въ степи, въ пескахъ этихъ! Ни аптеки, ни доктора... Что мы съ тобою дѣлать станемъ?..

— Это точно!..

— Опять, вѣдь, что грѣха таить! Намъ вотъ съ тобою тяжело, мы и думаемъ, что намъ тогда полегче станетъ, изъ-за того больше и хлопочемъ... Нѣтъ, не ладно!

— Зачѣмъ изъ-за себя!.. Перетерпимъ!..—потупился старый инвалидъ.

— Нѣтъ уже врать, такъ врать до конца. Все, молъ, благополучно, ничего худого не слыхать, да и не слышно было... Поберегать только, чтобы стороною не узнала... Ну, да вдвоемъ это нетрудно... А тамъ, какъ пріѣдемъ, или близко подъѣзжать станемъ, тамъ уже видно будетъ, какъ и что... Тамъ посмотримъ!

— Что же! И это можно!—согласился Силантій.—Отчего не такъ!

Порѣшили на томъ, чтобы «врать» до конца.

Такъ бы оно, можетъ быть, и вышло, если бы это твердое рѣшеніе, въ эту же ночь, не разрушила сама Надя.

IV.

Проѣхали и эту станцію, проѣхали и другую. Добрались, наконецъ, до верблюжьихъ перегоновъ.

Горбатые, неуклюжіе «корабли пустыни» сначала очень занимали юную путешественицу. Она припоминала, въ дѣтствѣ еще, странныя формы этихъ животныхъ, но теперь отвыкла и сначала побаивалась ихъ, а главное ихъ отвратительнаго болѣзненнаго рева. Медленно двигался поѣздъ посреди сыпучаго, накаленнаго песка; изнуренные верблюды останавливались чуть не на каждомъ шагу, доводя до отчаянія неистовавшихъ, усердія ради, возницъ. Шелобовъ и Силантій почти все время шли пѣшкомъ, помогая ямщикамъ одолѣвать препятствія, хватались за колеса, подпихивали сзади; кнуты, погайки, все, чѣмъ можно было нанести ударъ, вволю гуляло по ребрамъ несчастныхъ «кораблей». И, все-таки, только послѣ заката солнца, дотянулись, наконецъ, до станціи Акъ-Джульпасъ, и то остановились въ виду, не доѣзжая, такъ какъ передъ самыми, полузанесенными пескомъ кибитками и мазанкою станціоннаго дома, поднималась сплошная сыпучая гора, окончательно непреодолимая для измученныхъ верблюдовъ.

— Что это тамъ?—спросила Надя, указывая рукою въ ту сторону, гдѣ кровавымъ блескомъ, отражая вечернее зарево, свѣтилась узкая полоса воды.

— Это море,—отвѣчалъ Шелобовъ.—Аральское называется, по нашему просто Аралъ. Оно сюда концомъ подходитъ. Теперь уже и Сыръ-Дарья недалеко... Станцій—полдюжины, больше не осталось.

— Рыбы что въ этомъ морѣ страсть! — замѣтилъ Силантій.

— Сомы въ пять аршинъ попадаются. Осетровъ, такъ это сколько угодно.

— Лебеди тоже, эти долгошейные. Цапли, эво какія! а

крылья у нихъ какъ кумачъ красныя. Краснокрылыми такъ и называютъ...

— Въ прошломъ году тюленей видѣли. Одного зашибли.

— А бабы-птицы! знаете, этакъ въ родѣ гуся, только много погрузнѣе и подъ носомъ снизу будто мѣшокъ подвѣшенъ, онѣ въ него рыбу собираютъ, про запасъ.

Но не особенно должно быть занимали Надю эти зоологическія подробности. Задумчиво, облокотившись на руку, смотрѣла она, какъ гасло понемногу красное зарево, какъ темнѣе и темнѣе становились силуэты песчаныхъ горъ, какъ плавно рѣяли надъ водою какіе-то пернатые хищники, или неподвижно сидѣли на отмеляхъ, подстерегая добычу...

Здѣсь, въ это время, невыносимый дневной жаръ быстро смѣняется рѣзкимъ холодомъ ночи. Порѣшили путешественники, чтобы дождаться до разсвѣта на томъ же мѣстѣ, потребовать со станціи свѣжихъ верблюдовъ, а затѣмъ уже, продолжать дальнѣйшій путь.

Силантій съ Шелобовымъ пошли собирать прошлогодній бурьянъ по берегу и сухой пометъ по дорогѣ для костра; киргизы выпрягли верблюдовъ и погнали ихъ къ станціи, Надя осталась одна въ тарантасѣ и вдругъ зарыдала, уткнувшись лицомъ въ подушку. Только голосъ Шелобова, да красный свѣтъ зажженнаго костра вывели ее изъ этого положенія. Оправившись насколько можно было, Надя вышла изъ экипажа и стала прогуливаться по берегу. Силантій завозился съ закусками и чаемъ. Шелобовъ досталъ изъ чехла ружье и пошелъ за Надею,—ему хотѣлось позабавить хоть чѣмъ-нибудь дѣвочку.

— Дай, думаю, подстрѣлю орла. Красиво глядѣть какъ онъ оттуда, сверху, турманомъ, да прямо въ воду.

— Не надо, не надо,—замахала Надя руками, едва завидѣла смертоносное оружіе...— Зачѣмъ убивать... Не надо!

У Шелобова руки опустились.

Напились чаю. Силантій приготовилъ въ тарантасѣ постель для Нади, застегнулъ ее снаружи фартуками, Шелобовъ улегся у себя, старикъ-инвалидъ предпочелъ запросто «на песочкѣ», подостлавъ подъ себя, спеціально для сего предназначенную, кошемку. Заснули.

Луна, громадная такая, шафранно-желтая, поднялась надъ

песчаными курганами, мало-по-малу заливая все своимъ фосфорическимъ свѣтомъ. Настала мертвая тишина, положительно непрерываемая ни единымъ звукомъ.

Заснула печальная пустыня.

— Ваше благородіе! А, ваше благородіе!—заглянулъ Силантій въ тарантасъ Шелобова.

— А, что такое?—выглянулъ тотъ изъ-подъ шинели и приподнялся на локоть.

— Встаньте-ка, да послушайте!

Силантій говорилъ шепотомъ. Василій Ивановичъ въ одно мгновеніе былъ на ногахъ.

— Тихонько, ваше благородіе. Подойдите сюда, да послушайте сами. Я уже давно прислушивался, думалъ пройдетъ, а тутъ еще хуже пошло. Васъ вотъ разбудилъ... Подойдемъ поближе.

Спутники осторожно подошли къ тарантасу Нади и стали вслушиваться.

Бѣдную дѣвушку должно быть мучилъ во снѣ тяжелый кошмаръ. Она металась и глухо стонала. Эти стоны мало-помалу перешли въ истерическія рыданія и вдругъ завершились громкимъ, полнымъ ужаса крикомъ.

Шелобовъ рванулъ закрывавшіе фордекъ фартуки такъ, что всѣ ремни и пряжки отлетѣли въ стороны. Силантій растерялся и принялся унимать барантача, неистово почему-то завывшаго.

— Надя, Надичка! что съ вами?—заботливо спросилъ Василій Ивановичъ.

— Да цыцъ ты, проклятый! Барышня, голубушка, да, помилуй Богъ! что такое попритчилось?

— Надя, проснитесь же!

— Сонъ... ужасный, страшный сонъ!—простонала дѣвушка и смолкла.

Опять переглянулись спутники; на этотъ разъ очень уже выразительно.

Прождали минуты три... послышалось ровное, спокойное дыханіе спящей.

— Вы, ваше благородіе, идите почивать себѣ, съ Богомъ, я постерегу. Вотъ тутъ посижу на откидочкѣ...

Старикъ присѣлъ на подножку тарантаса.

Шелобовъ постоялъ, постоялъ, обошелъ съ другой стороны и тоже присѣлъ на другую подножку. Луна поднялась высоко. На востокѣ, за грядою песчаныхъ бархановъ, показались блѣдные признаки предразсвѣтной зари.

— Когда именно умеръ отецъ? Въ какой день?—раздался голосъ Нади надъ самымъ ухомъ Шелобова.

Тотъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и обернулся.

Ярко освѣщенная луною голова дѣвушки была почти около самаго его лица, ея глаза смотрѣли прямо ему въ глаза. И въ этомъ дѣтскомъ, кроткомъ взглядѣ такъ и читалось: «Говорите правду, потому что я все понимаю, все знаю... Я горячо благодарна за то чувство ваше, которое заставляло васъ скрывать отъ меня ужасную истину... Теперь это безполезно. Теперь, когда я знаю все, лгать больше незачѣмъ... Говорите!»

— Семнадцатаго, въ пятницу,—проговорилъ Шелобовъ.

— Въ Иргизѣ мнѣ сказывали: одиннадцатаго, — добавилъ Силантій.

— Его убили?—продолжала Надя.

— Да!..

— Убили, матушка!.. Злодѣи на капиталъ польстились... Убили кровопійцы окаянные! — зарыдалъ старый инвалидъ, сразу давшій волю своему, долго сдерживаемому горю.

— Надя, вы откуда же это знаете?—спросилъ озадаченный Шелобовъ.

— Сонъ, страшный сонъ... Я во снѣ видѣла все... все... Я видѣла кровь... много крови... и тамъ мой отецъ...

Снова истерическія рыданія прервали голосъ дѣвушки, снова заметались около нея не приспособившіеся къ такимъ дѣламъ спутники.

— Не выдержалъ, старина, прорвался... Эхъ, ты!—укоризненно замѣтилъ Шелобовъ.

— Да вѣдь вы первые, Василій Ивановичъ!.. Я послѣ,— оправдывался тотъ.

Оба огорчились. Въ глаза другъ другу смотрѣть не хотѣли.

До самаго восхода солнца продолжался припадокъ Нади. Молодая натура, да и усталость, взяли верхъ надъ горемъ, и она незамѣтно заснула.

Привели тѣмъ временемъ свѣжихъ верблюдовъ, говорили шепотомъ, грозными взглядами и внушительными жестами успокоивая безцеремонную болтовню киргизовъ-ямщиковъ. Не могли только унять отвратительнаго рева верблюдовъ, недовольныхъ, надо полагать, ихъ предстоящею работою (впрочемъ и эти звуки не въ силахъ были прервать глубокій, словно заколдованный, сонъ дѣвушки). Покончили съ запряжкою—и тронулись дальше...

V.

Время лѣчитъ все. Дорога, со всѣмъ разнообразіемъ своихъ впечатлѣній, усиливаетъ цѣлительныя свойства времени.

«Предчувственность», какъ выражался старикъ Силантій, сама собою подготовила дѣвушку къ роковому удару. Нѣжная, инстинктивно доходящая до самыхъ тончайшихъ оттѣнковъ заботливость этихъ, сопровождавшихъ ее, съ вида такихъ суровыхъ, воякъ, сдѣлала свое дѣло.

Надя не чувствовала себя одинокою, чужою.

Она понимала и вѣрила, что ее любятъ. Она не спрашивала «за что?» Она по-дѣтски, довѣрчиво отдала себя въ полное распоряженіе этихъ людей, привязалась къ нимъ всею душою—и сознаніе себя круглою сиротою, одинокою съ первыхъ ступеней наступающей жизни, ни разу не приходило ей въ голову.

Ей не давали задумываться... Ея вниманіе постоянно отвлекалось отъ рокового вопроса.

Ея будущее рисовали передъ нею въ розовыхъ краскахъ, и эта длинная, утомительная дорога, казалась ей легка, и даже отрадна, уже потому, что съ каждымъ шагомъ приближала ее къ чему то такому, гдѣ ее ждетъ—любовь, тепло роднаго гнѣзда, все чѣмъ, обыкновенно, дорога родина, дороги нѣдра семьи.

Кровавыя, тяжелыя подробности убійства ея отца, эпизоды слѣдственнаго дѣла, всѣ ненужныя, растравляющія только раны сердца мелочи, все это было сглажено и обойдено, а между тѣмъ любовь и уваженіе къ покойному, проглядывающія въ каждомъ словѣ о немъ ея спутниковъ, живо рисовали передъ глазами Нади его образъ, только образъ этотъ теперь какъ будто бы раздваивался, воплощаясь въ другія, живыя формы.

Заглянетъ-ли, бывало, Силантій къ ней въ тарантасъ, заботливо поправитъ подушку, поприкроетъ колѣна... Добрымъ такимъ, мягкимъ огонькомъ заискрятся, въ тѣни угрюмыхъ, сѣдыхъ бровей, его глаза,—отецъ! Шелобовъ-ли подойдетъ, возьмется рукою за грядку повозки, идетъ рядомъ, а то на облучекъ подсядетъ, все что видитъ она новаго, чуднаго, объяснятъ ей толково и просто, точно ребенку чудныя сказки разсказываетъ,—отецъ!.. И тамъ, дома, все такіе-же... Тамъ Надю ждутъ будто дочку любимую... Тамъ грустятъ ея грустью, болѣютъ ея болью, радуются ея радостью.

Ея счастіе—ихъ счастіе, ея горе—ихъ горе... Тамъ вѣдь все «отцы»...

Шелобовъ и самъ не сознавалъ, какъ это онъ успѣлъ подготовить и развить въ Надѣ это чувство.

А тутъ Силантій говоритъ: «на все, молъ, воля Божія!» сказалъ запросто, но глубоко вѣруя въ сказанное. И цѣликомъ передалъ въ сердце дѣвушки эту святую вѣру, вѣру успокоительную, все исцѣляющую.

Василій Ивановичъ разсказывалъ Надѣ о Глухомъ фортѣ, о томъ какъ они это мѣсто у бухарскаго эмира штыками добывали, какъ строились и укрѣплялись, какую на томъ самомъ мѣстѣ благодать обрѣли, разсказывалъ объ Иванѣ Акимовичѣ, напоминая Надѣ ея годы дѣтства, говорилъ объ Огурчиковѣ, такіе все смѣшные анекдоты разсказывалъ, объ отцѣ Павлѣ и его семьѣ, о Грунѣ, общей любимицѣ, говорилъ о Павлушѣ... Въ послѣднемъ случаѣ его разсказъ особенно оживлялся... Шелобовъ очень любилъ этого молодого человѣка, за его простоту и скромность, за дѣтскую искренность и чистоту его сердца.

— Красная дѣвица, да и все тутъ! — говорилъ онъ.—А какой молодецъ! Храбрости и силы непомѣрной... сказалъ ежели что, такъ уже никакихъ векселей тамъ, либо удостовѣреній не надо... Вѣрно!.. Росту высокаго, стройный, лицомъ красавецъ писанный... На конѣ посмотрѣть, совсѣмъ картина!.. Да что тутъ говорить. Весь въ отца, какимъ тотъ былъ смолоду, а лицомъ въ мать... Извѣстная была красавица!

Случалось, что Силантій, вполнѣ раздѣлявшій въ такихъ случаяхъ мнѣніе Шелобова, улучивъ минутку удобную, подмигивалъ Василію Ивановичу, шепча:

— Вотъ бы намъ, ваше благородіе, сосватать такую парочку!

— Очень просто! — соглашался и Шелобовъ. — Полагаю, что это имъ обоимъ такъ на роду написано... Поживемъ — увидимъ!..

Бывало и такъ, что Василій Ивановичъ, отойдя куда нибудь подальше, задумается, потрясетъ головою своею гладко остриженною, потянетъ за сѣдой усъ, вздохнетъ и про себя скажетъ:

— Эхъ ты, Вася, Вася, сѣдой чертъ... Еслибы тебѣ, этакъ, годковъ безъ пятка тридцать съ костей—можетъ быть и самъ бы ты охотно пристроился!..

Засмѣется и пойдетъ стороною, по терновымъ зарослямъ, пострѣлить фазанятъ пару, пока тарантасы шагомъ въ гору выберутся.

Разъ какъ-то въ переднемъ тарантасѣ кони пристали. Въ тотъ годъ проѣздъ былъ усиленный. Новый губернаторъ штаты мѣнялъ. Старые уѣзжали, новые ѣхали на открывшіеся мѣста... Какъ ни выносливы степные кони, а и тѣ сдались, изъ силъ выбились, — и ночевать на полдорогѣ проѣзжимъ случалось частенько. Станція эта была одна изъ самыхъ тяжелыхъ, — по урочищу Кара-Кузакъ, въ объѣздъ розливовъ Сыръ-Дарьи. Топкій, мѣстами совершенно распустившійся, солончакъ задавалъ усиленную работу лошадямъ; экипажи глубоко врѣзывались своими колесами, тащились шагомъ, да и то слава Богу, что тащились.

Солнце еще не сѣло, когда стала тройка въ тарантасѣ Нади. Ямщикъ распрегъ лошадей и поѣхалъ на нихъ на станцію, за свѣжими; вернуться засвѣтло не могъ; а въ этихъ мѣстахъ ночью ѣздить опасно. Тутъ, по сторонамъ дороги, безконечно растянулись густыя поросли камыша, джиды и терновника, любимыя мѣста для тигровъ,—и киргизъ, пробирающійся съ тройкою по такой дорогѣ, легко могъ бы сдѣлаться добычею четвероногаго хищника. Вотъ почему ямщикъ и могъ вернуться къ оставленнымъ экипажамъ только на слѣдующій день, утромъ.

Нашему поѣзду пришлось провести ночь подъ открытымъ небомъ, бивуакомъ, что, конечно, нисколько не смущало Шелобова, давно уже привыкшаго и освоившагося съ подобными обстоятельствами.

Сѣло солнце, густой туманъ затянулъ чащу,— стемнѣло быстро. Силантій огонекъ развелъ, чай варить собрался... Пока Шелобовъ постель устраивалъ, Надя на козлы забралась, тамъ ей веселѣе казалось, и все прислушивалась къ странному, грубоватому, немного дѣтскому плачу—то и дѣло раздававшемуся по сторонамъ, то будто далеко гдѣ то, то совсѣмъ уже близко... Шелобовъ объяснилъ ей, что это чекалки развылись, потому съѣстное чуютъ—«подлецъ звѣрь, вродѣ собаки—совсѣмъ безопасный, трусливый, только надоѣдливый до страсти»... Но тутъ шакалій вой смолкъ разомъ и воцарилась мертвая тишина. Въ сторонѣ, должно быть далеко отсюда, кто то вздохнулъ, протяжно такъ, будто со сна потянулся и прикрылъ рукою зѣвоту... Черезъ нѣсколько минутъ вздохъ этотъ повторился слышнѣе, ближе и закончился глухимъ рокотаніемъ, словно громъ прогремѣлъ въ отдаленіи...

— Что это?—спросила испуганно Надя.

— Это тигръ поднялся... *Круги* свои начинаетъ дѣлать,— удовлетворилъ ея любопытство Шелобовъ.

— Тигръ,—машинально повторила Надя, струсила и поблѣднѣла.

— Тигра эта самая,—пояснилъ Силантій,—звѣрь лютый... стра-а-а-шенный!.. Разъ вотъ одного такого Василій Ивановичъ ухлопалъ, вѣрите ли?! безъ малаго четыре аршина, хвоста не считая...

Страхъ дѣвушки усиливался.

— А что если *онъ* сюда придетъ?—сказала она—и уже слѣзла съ козелъ.

— Что же, милости просимъ!—произнесъ въ отвѣтъ Шелобовъ.

И сказалъ это такимъ покойнымъ, увѣреннымъ голосомъ, что весь страхъ Нади исчезъ въ одну минуту... И тигръ показался ей такимъ же безопаснымъ и мирнымъ, какъ тѣ косматыя, жирныя овцы, что встрѣчались ей дорогою цѣлыми атарами...

— А Павлуша?..

Надя произнесла это уменьшительное имя нечаянно и очень сконфузилась.

— А Павелъ Ивановичъ,—поправилась она,—онъ тоже охотится на тигровъ?

— Пашка-то?!. Да онъ у меня первый сподручный!.. Одного то его я еще не пускаю: горячится малость, осторожности и сноровки настоящей нѣтъ,—разсказывалъ Шелобовъ,—а со мною все ходитъ. Лучшаго товарища не найти! Паша у меня и изъ воли не выйдетъ, и уже не продастъ, это точно... Вотъ разъ въ прошломъ году было,—сидѣли мы въ «лабазѣ»; тигръ подошелъ было хорошо, да за падаль закрылся; мнѣ только верхъ головы да уши его видны... Выжидалъ я, выжидалъ, выстрѣлилъ, должно быть задѣлъ не на смерть... Тотъ какъ взвился, да прямо на меня... Не успѣлъ я и за револьверъ взяться, а онъ уже тутъ, подлѣ... Павлуша прямо къ нему, открытымъ то мѣстомъ... подошелъ это покойно, приложился, ружье словно въ станкѣ зажато, не дрогнетъ... бацъ!.. и готово!.. — Я ему говорю: ты, братъ, этого другой разъ не дѣлай! а онъ мнѣ:— Что же мнѣ ждать, когда онъ тебя калѣчить станетъ?.. Молодецъ!.. Мужчина!..

Не поняла Надя изъ этого разсказа многаго: что, молъ, за штука такая лабазъ? почему выходить оттуда не надо... Поняла только, что Павлуша совсѣмъ герой, сказочный богатырь какой-то, наивный и безстрашный... ей даже снился онъ въ эту ночь: густые камыши, полная луна свѣтитъ на темно-синемъ, усыпаномъ яркими звѣздами небѣ... а вотъ и онъ стоитъ, сжимая въ рукахъ оружіе. Стройный красавецъ, залитый съ ногъ до головы серебрянымъ свѣтомъ, а кругомъ все сверкающіе глаза тигровъ и глаза эти, горящіе ненавистью и гнѣвомъ, тухнутъ при встрѣчѣ съ спокойнымъ, величественнымъ взглядомъ героя... Страшныя чудовища униженно ползутъ къ его ногамъ, какъ жалкіе рабы пресмыкаются у ногъ царя властелина...

Сонъ ли это, на яву ли грезы представляются... Вонъ и Силантій сидитъ у огня на корточкахъ, чернымъ, сгорбленнымъ силуэтомъ рисуется его фигура... Вонъ и Шелобовъ отошелъ къ сторонѣ и вслушивается, лошади жуютъ что то и фыркаютъ, хвостами отмахиваются... Нѣтъ, на яву... откуда же Павлуша взялся?.. Вотъ онъ опять стоитъ, словно въ ореолѣ свѣта... И этотъ Павлуша ее, Надю, очень любитъ... Вѣдь онъ *тамъ;* а *тамъ* всѣ ее любятъ, и она всѣхъ ихъ любитъ, очень, очень любитъ, а его, Павлушу, почему то больше... не то чтобы больше, а какъ то иначе... И хотѣлось бы ей скорѣе и скорѣе итти къ нему навстрѣчу... такъ бы и полетѣла!.. А тутъ полная

неподвижность: камыши, костеръ, все,—не мелькаетъ передъ глазами, неподвижно стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, не вѣетъ вѣтромъ навстрѣчу... И чего же они стоятъ?.. Чего же мы стоимъ?.. Что же мы не ѣдемъ?..

Должно быть громче остальнаго раздались послѣднія слова Надиныхъ грезъ...

— Лошадей нѣтъ, матушка, оттого и стоимъ,—пояснилъ Силантій:—на одной тройкѣ двухъ тарантасовъ не увезешь, на себѣ не потащишь... Вотъ свѣтать станетъ, подъѣдетъ ямщикъ, тогда и тронемся...

VI.

Дорога подходила къ концу...

Остались сзади безлюдныя мѣста... Нашъ поѣздъ вошелъ въ предѣлы сплошной осѣдлости. Замелькали маленькіе кишлаки по сторонамъ со своими приземистыми саклями, потонувшими въ сочныхъ массахъ зелени, потянулись обработанные участки земли, глинобитныя изгороди, журчащіе арыки, маленькіе, квадратные прудики, словно зеркала, оправленныя въ зеленыя рамы; золотистыя поля дозрѣвающаго риса, меланхолически шелестящія чащи джугары и кукурузы, говоръ рабочаго народа, пестрыя группы, тамъ и сямъ копошащіяся на плантаціяхъ, скрипъ высокихъ арбяныхъ колесъ, люди въ цвѣтныхъ халатахъ и большихъ бѣлыхъ чалмахъ, то ѣдущіе навстрѣчу, то обгоняющіе поѣздъ, то молчаливо и пытливо поглядывающіе на проѣзжихъ, сидя въ тѣни базарныхъ навѣсовъ...

Надю все это занимало очень... все это такъ ново было для нея!.. Проѣхали уже нѣсколько большихъ азіатскихъ городовъ, ходили въ Азретѣ смотрѣть старую, знаменитую мечеть, помнившую еще славныя времена Тимура. Вдали на горизонтѣ росла и росла голубая гряда горъ, покрытыхъ вѣчнымъ льдомъ и снѣгами...

— Теперь уже близко!..—говорилъ, потирая руки, Василій Изановичъ...

— Совсѣмъ рукою подать!—поддакивалъ Силантій...—Еще съ пятокъ деньковъ потрясемся, а тамъ и дома будемъ.

— Близко!—вторила имъ машинально Надя...

И бойко, дружно гремѣли колеса тарантасовъ по прекрасной утрамбованной какъ шоссе, культурной дорогѣ.

Словно безконечное зеленое море, развернулись передъ ихъ глазами сады долины Ташкента съ его живописными дачами, съ бѣлѣющимися куполами православныхъ церквей... чаще и чаще замелькали русскія фигуры, заслышалась русская рѣчь...

— Ну, ей-же-ей, словно въ нашей Орловской губерніи! — замѣчалъ Силантій...—Ну-ты, шапка крученая, пошевеливай!..

Изъ Ташкента Шелобовъ покатилъ впередъ, убѣдивъ Надю отдохнуть день въ этомъ городѣ, оправиться какъ слѣдуетъ... Самому ему уже очень хотѣлось поскорѣе предупредить друзей; дать имъ время приготовить все въ домѣ къ встрѣчѣ своей любимицы-сиротки.

На другой же день, вслѣдъ за Шелобовымъ, выѣхала и Надя. Силантій, несмотря на жару, надѣлъ почему-то свой новый суконный сюртукъ съ краснымъ воротникомъ, новую шапку съ лакированнымъ козыремъ и кокардою и, сидя на козлахъ, подбоченился особенно ухарски... Лошадей гнали шибко, почти что вскачь... «На водку, молъ, получишь достаточно». Съ разгона вкатилъ тарантасъ въ узкую улицу кишлака Бешъ-арыкъ, добрались до базара, а тутъ и стали...

Дорога была загорожена двумя, случайно зацѣпившимися колесами, арбами, навьюченный кипами хлопка; верблюдъ упрямо легъ на самомъ проѣздѣ и никакъ не хотѣлъ подняться... Цвѣтные халаты возились около, пытаясь разсчистить дорогу, Силантій, съ высоты козелъ, покрикивалъ на нихъ, совсѣмъ по генеральски...

Надя высунулась изъ экипажа, смотрѣла на все съ крайнимъ любопытствомъ, и вдругъ видитъ: въ тѣсномъ, боковомъ переулкѣ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ солнечный лучъ, пробившись въ отверстіе навѣса образовалъ яркую полосу, стоитъ чудный вороной конь... Уши насторожены, глаза горятъ, нервныя ноздри широко раздуваются, легкое копыто звучно бьетъ камень мостовой; двое красивыхъ мальчиковъ съ трудомъ держатъ этого коня подъ уздцы, а около стоитъ офицеръ, высокій и стройный, какъ тополь... Бѣлый китель на немъ, словно латы, облегаетъ его широкія плеча и тонкую, какъ въ корсетѣ, талію... Онъ стоитъ сюда спиною, разговариваетъ со старикомъ въ золотистомъ халатѣ и въ пестрой чалмѣ; тотъ стоитъ передъ нимъ, согнувшись подобострастно, какъ рабъ передъ

властелиномъ... Вотъ этотъ офицеръ на коня садится... Кто стремя подаетъ, кто подъ руки подсаживаетъ... вотъ сѣлъ, сюда лицомъ повернулся... на Надю прямо, въ упоръ смотритъ...

«Это онъ, Павлуша!—промелькнуло въ головѣ Нади... Красавецъ!.. дѣйствительно красавецъ!..»

Большіе темные глаза, матовая блѣдность лица, чудный, слогно рѣзцомъ изваянный, профиль... Меланхолически грустное выраженіе лица и холодная гордость... Царское величіе и презрѣніе ко всему этому мелкому, что такъ приниженно копошится подъ его ногами...

«Конечно, это Павлуша... то есть нѣтъ... Павлуша—это мелко! зачѣмъ такъ!.. Поль—это лучше... Мой Поль!..»

И захотѣлось Надѣ крикнуть ему:

— Поль... вѣдь это я, твоя Надя!.. ты вѣдь меня никогда не видалъ, но ты меня знаешь. Я тебя тоже не видѣла, но знаю... больше чѣмъ знаю! я полюбила тебя... да, полюбила...

Яркая краска бросилась въ лицо дѣвушки, она не выдержала пристальнаго взгляда красавца и откинулась въ глубину экипажа...

«Нѣтъ, послѣ!» сама себѣ уяснила Надя это стыдливое движеніе...

А тутъ, расцѣпили арбы, подняли упрямаго верблюда, очистили дорогу, и тройка коней рванулась впередъ, вынося путешественницу изъ подъ сводовъ кишлака Бешь-арыкъ, снова на залитую солнцемъ, пыльную дорогу.

Шагомъ ѣхалъ сзади встрѣчный красавецъ, ничего конечно не подозрѣвающій...

«Однако какіе перлы стали залетать въ эту глушь!—замѣтилъ онъ про себя...—и какъ она похожа... На кого это она похожа?..»

Криницынъ задумался и припомнилъ злополучную карточку, надѣлавшую такъ много шуму по всему Глухому форту, фатально отразившуюся и на немъ самомъ...

Онъ вспомнилъ и судорожно остановилъ коня... Ему непріятно было видѣть удаляющійся тарантасъ... Такой запыленный, широко раздвинувшійся... Чернымъ пятномъ какой то чемоданъ посреди... все сѣро, словно сѣдина на плѣшивомъ затылкѣ...

Попятился Абрекъ и мотнулъ головою... онъ не привыкъ, чтобы его такъ рѣзко осаживали...

Тише и тише замиралъ почтовый колокольчикъ... совсѣмъ смолкъ... Тронулся шагомъ впередъ Павелъ Петровичъ. И еслибы Надя могла бы видѣть лицо его въ эту минуту, то, можетъ быть, оно ей и не такъ бы понравилось сразу.

VII.

домъ покойнаго Федора Петровича Горкина принялъ торжественно праздничный видъ.

На всѣхъ дверяхъ повѣшены были ярко цвѣтныя ситцевыя драпировки, шторы на окнахъ сверкали своею безукоризненною бѣлизною, свѣже покрашенные, только что просохшіе полы слегка попахивали масляною краскою; на всѣхъ подоконникахъ стояли букеты цвѣтовъ; потолки выбѣлены заново и каждая паутинка была тщательно убрана. Спальная Нади выглядывала просто игрушкою и благоухала... Нога утопала тамъ въ мягкихъ, туземныхъ коврахъ, прикрытыхъ на проходахъ узкими холщевыми дорожками.

Садъ подчищенъ и выметенъ; гдѣ только глинобитная стѣнка поразмылась и обвалилась, вездѣ выведена заново. На клумбахъ и грядкахъ пестрѣли цвѣты, самаркандскія розы и гвоздики. Дворникъ-сартъ получилъ приказъ надѣть чистую рубаху, и не забыть, что ему, спеціально для даннаго торжества, подаренъ красивый полушелковый халатъ и десять аршинъ кисеи на чалму. Глухаревскіе денщики ходили на цыпочкахъ, поскрипывая густо наваксенными сапогами.

Въ переднемъ углу залы, подъ образами, стоялъ столъ, покрытый скатертью, на немъ хлѣбъ и соль на форфоровомъ блюдѣ, двѣ восковыя свѣчки въ подсвѣчникахъ, а посрединѣ образа Богородицы, мучениковъ Федора и Надежды. Въ сторонѣ, на особомъ столикѣ, лежало полотенце съ шитыми концами и тоненькія восковыя же свѣчки, особенно, въ бумажномъ сверткѣ.

Отецъ Павелъ, въ новой шелковой рясѣ, прохаживался по залѣ, расправляя волосы. Иванъ Акимычъ подфабрился и ходилъ козыремъ. Шелобовъ, уже оправившійся съ дороги, по разсѣянности, пришелъ въ томъ же запыленномъ кителѣ, но ему замѣтили эту разсѣянность и онъ поспѣшилъ переодѣться.

Дѣвица-акушерка два раза уже подсылала Ползункова

узнать: не пріѣхала ли? Груня, сама шившая драпировки и убиравшая спальную Нади, почему-то не пришла на «встрѣчу». Кажется, не раздѣляла общаго праздничнаго настроенія духа.

Совѣтъ друзей порѣшилъ встрѣтить *наслѣдницу* на порогѣ, затѣмъ отслужить панихиду по усопшемъ, потомъ торжественный, благодарственный молебенъ по случаю благополучнаго пріѣзда, а тамъ уже видно будетъ, что дальше.

Батюшка настоялъ на панихидѣ, Шелобовъ рѣшилъ, что можно. Ему лучше было знать; онъ исполнилъ затруднительную миссію блистательно.

Народъ сталъ уже собираться у крыльца.

— Что жъ, пускай и они посмотрятъ. Всѣмъ, значитъ, любопытно и радостно!—допустилъ это Иванъ Акимычъ.

— Жаль, что Павлуши нѣтъ!—говорилъ Василій Ивановичъ.

— Да, и надо же было такъ случиться! Совсѣмъ уже некстати! Пришла очередь, третьяго дня съ «*оказіей*» ушелъ; дня черезъ два, раньше не вернется,—сожалѣлъ Иванъ Акимовичъ.

— Прискорбно, но это отъ него не уйдетъ!—резонировалъ отецъ Павелъ.—Въ которомъ часу ожидать разсчитываете?

— Да теперь вотъ половина пятаго! съ каждою минутою можетъ подъѣхать. Мнѣ все звонокъ слышится.

Шелобовъ, походилъ, походилъ по залѣ, вышелъ на крыльцо и присѣлъ на ступенькѣ.

Дамы рѣшили, что, во всякомъ случаѣ, Надя обязана первая всѣмъ сдѣлать визиты и чтобы имъ впередъ не забѣгать ни въ какомъ случаѣ.

— Ѣдутъ-съ!—вбѣжалъ деньщикъ.

Всѣ встрепенулись. Иванъ Акимовичъ взялъ со стола блюдо съ хлѣбомъ и вышелъ въ сѣни.

Тревога на этотъ разъ оказалась фальшивою: ѣхала фурштадтская тройка, только что отвезшая по назначенію батальоннаго фельдшера.

— Ѣдутъ-съ, ѣдутъ-съ!—снова раздались тревожные голоса и на этотъ разъ, дѣйствительно, въ облакѣ бѣлой пыли, замахали головы пристяжныхъ, замелькала зеленая дуга и подъ нею сѣдые бакенбарды и красный воротникъ стараго инвалида.

— Пожалуйте!—первый, по праву, подступилъ къ остановившемуся тарантасу Шелобовъ и на рукахъ вынесъ оттуда Надю и бережно опустилъ ее на площадку крыльца.

— Ишь ты, и впрямь краля какая! — послышалось въ толпѣ.

— Съ пріѣздомъ, Надюша, съ пріѣздомъ, милая,—началъ было свою роль Иванъ Акимовичъ, передалъ на-скоро блюдо съ хлѣбомъ кому-то изъ посторонникъ, обнялъ дѣвушку и вдругъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

И Надя растерялась и заплакала и съ увлеченіемъ поцѣловала мозолистую руку Глухарева.

Тутъ уже и отецъ Павелъ расчувствовался, благословилъ пріѣзжую обѣими руками и заморгалъ глазами.

— Въ комнаты, въ комнаты!—засуетился Шелобовъ.—Ну, что, старина, довезъ благополучно?

— Какъ видите, ваше благородіе, къ сдачѣ готовъ, въ полномъ порядкѣ... Какъ бы теперь Федоръ Петровичъ порадовались. Царство ему Небесное!

Послѣднія слова онъ произнесъ очень тихо, чтобы Надя, не ровенъ часъ, не слыхала, но та все-таки услышала и прошептала:

— Бѣдный папа!

Всѣ уже ушли въ комнаты, но двери остались гостепріимно раскрытыми настежъ.

— Пріѣхала-съ—стремительно влетѣлъ Ползунковъ въ квартиру дѣвицы-акушерки.

Облачился отецъ Павелъ и началъ служеніе.

Всю панихиду Надя стояла на колѣняхъ и тихо плакала. Горе ея улеглось и приняло ровный, спокойный характеръ. Она молилась горячо, внимательно вслушивалась въ слова евангелія, и разъ только покосилась въ сторону, словно отыскивала кого-то глазами...

Иванъ Акимовичъ стоялъ посреди залы, скрестивъ на груди руки, и подтягивалъ причетнику; Шелобовъ прижался въ самый уголъ и, казалось, ждалъ съ нетерпѣніемъ окончанія панихиды... На него непріятно дѣйствовалъ видъ черной траурной рясы, такъ мало гармонирующей съ веселой обстановкой «дня пріѣзда».

Силантій стоялъ въ сѣняхъ, вздыхалъ, трясъ своею полысѣлою головою и тоже подтягивалъ причетнику, стараясь поймать втору.

Отобрали свѣчи, пропѣли послѣднюю «вѣчную память»— отецъ Павелъ поспѣшилъ переоблачиться. На этотъ разъ свѣтло-зеленая съ золотыми голунами ряса весело заблистала на его плечахъ и всѣ вздохнули свободнѣе.

Приложились ко кресту. Батюшка пошелъ по комнатамъ съ кропиломъ въ рукѣ, Шелобовъ несъ чашку съ водою, Иванъ Акимовичъ повелъ Надю подъ руку.

Какъ хорошо, какъ уютно, свѣтло показалось Надѣ ея новое гнѣздо. Она даже вскрикнула радостно, увидѣвъ свою спаленку, и еще разъ бросилась цѣловать Ивана Акимовича.

— Это все Павлуша хлопоталъ,—улыбнулся старикъ Глухаревъ.

— А гдѣ же онъ?—сорвалось таки съ языка у Нади.

— Въ оказію ушелъ... Вотъ некстати совсѣмъ!.. Вернется, впрочемъ, скоро.

— Что такое оказія?

— А это, знаете ли, тутъ вѣдь нельзя зря... Тутъ осторожность наблюдать требуется, дальше, по степи. Ежели транспортъ соберется,—ему сейчасъ прикрытіе назначутъ. Вотъ Павлуша и ушелъ съ отрядомъ.

— Верхомъ?

— Верхомъ! Не пѣшкомъ же итти такую даль.

Иванъ Акимовичъ не проникъ въ тайну этого вопроса.

— Онъ, я думаю, скоро вернется,—замѣтилъ Шелобовъ.— Обидно будетъ, что безъ него встрѣтили.

— А я его видѣла!—хотѣла было сказать Надя, но удержалась. Ей пришло въ голову, какъ можетъ быть это смѣшно и интересно, когда тотъ пріѣдетъ, его будутъ ей представлять, а она лукаво улыбнется и скажетъ: «мы уже знакомы немного».—Какъ? гдѣ?..—сейчасъ вопросы пойдутъ, а онъ догадается и покраснѣетъ; ему будетъ стыдно сознаться, что онъ видѣлъ и не догадался, не подъѣхалъ, не заговорилъ... Какъ это будетъ забавно, какъ это будетъ забавно!.. Вѣдь это онъ тогда-то именно и ѣхалъ верхомъ въ эту противную оказію. И зачѣмъ я его не позвала?..

Все это быстро промелькнуло въ головкѣ Нади... Передъ

нею распахнулась широкая дверь прямо въ садъ. Масса зелени хлынула ей навстрѣчу, согрѣтый воздухъ теплою волною ворвался въ спальную, разнося ароматъ цвѣтовъ. Фигура въ бѣлой чалмѣ и пестромъ халатѣ двинулась къ ней навстрѣчу, съ блюдомъ винограда и персиковъ. Надя попятилась было назадъ, но потомъ протянула ручку и стала кушать...

— А вотъ это и не слѣдуетъ передъ обѣдомъ!—замѣтилъ Иванъ Акимовичъ.—Да что же тамъ, не готово, что ли? Отецъ Павелъ, ты разоблачайся, да съ нами.

— Весьма благовременно!—согласился фортовой батюшка.

На садовой террасѣ загромыхали посудою, и оттуда потянуло жаренымъ.

Всѣ вышли въ садъ, Надя осталась одна въ своей спальнѣ. Надо же было ей переодѣться и хоть руки помыть съ дороги. Солдатка Анисья, договоренная Глухаревымъ къ Надѣ въ горничныя, юркая и расторопная бабенка, тоже явилась къ ея услугамъ, съ пирогомъ и поздравленіемъ, новоселья ради.

VIII.

Обѣдъ начался довольно натянуто. Дѣло въ томъ, что у каждаго присутствующаго на языкѣ такъ и вертѣлось имя покойнаго хозяина. Не будь на лицо Нади, разговоръ естественно вертѣлся бы на воспоминаніяхъ о Федорѣ Петровичѣ... Покойный незримо присутствовалъ въ средѣ своихъ друзей, какъ бы воплотившись въ красивыя формы своей дочери, теперешней хозяйки. А между тѣмъ каждый считалъ своимъ долгомъ отнюдь «не провраться», то есть ни единымъ словомъ не намекнуть на то великое горе, которое переживала Надя.

Всѣ радовались, глядя на ея спокойно-веселое, беззаботное личико и боялись нагнать на него неосторожнымъ словомъ печальную сѣрую тучку.

Разсчитывая на слезы, на острый припадокъ горя, отецъ Павелъ приготовилъ было цѣлую проповѣдь, но пока въ этой проповѣди надобности не было и онъ все молчалъ, не отвѣчая даже впопадъ на вопросы, ибо въ это время придумывалъ другую застольную рѣчь и подбиралъ подходящіе тексты.

Шелобовъ молчалъ и ѣлъ, методически запивая явства превосходнымъ квасомъ.

Надя требовала, чтобы Силантій тоже сидѣлъ за столомъ, но тотъ наотрѣзъ отказался, заявивши, «что, молъ» это будетъ совсѣмъ уже «не порядокъ».

Иванъ Акимовичъ, когда на столъ поставили дымящееся блюдо «плова», чуть-чуть не проговорился...

— Вотъ эту штуку особеоно любилъ пок...—началъ было онъ, но покраснѣлъ до ушей и оборвался...

— Бѣдный папа!—снова повторила Надя.—Какъ бы онъ былъ радъ, какъ бы онъ былъ счастливъ... Гдѣ его мѣсто было обыкновенно?

Дѣвушка произнесла это спокойно, хотя и съ чувствомъ. И тотчасъ же всѣ присутствующіе вздохнули полною грудью.

— А вотъ, Наденька, тутъ вотъ, гдѣ ты сама сидишь... То бишь, виноватъ, гдѣ вы сидите...—отвѣчалъ Иванъ Акимовичъ.

— Гдѣ *вы* сидите!...—подчеркнула Надя и засмѣялась.

— Привычка-съ!—оправдывался тотъ.—Вѣдь вотъ помню еще, когда крестили... Росла на глазахъ, да на моихъ рукахъ... Все бывало: Ну-ка ты, Надюшокъ-катышокъ!.. Была ты, то есть, вы,—тьфу, ты! такая кругленькая, наливная, пузырь-пузыремъ...

— А тамъ забыли,—прервала его Надя, — разлюбили... Уѣхалъ катышокъ, а пріѣхала—дѣвица Надежда Федоровна... Такъ, что ли!.. Стыдно!

Она укоризненно посмотрѣла прямо въ глаза Глухареву, лукаво улыбнулась и протянула къ нему обѣ ручки.

— Дочурка ты моя!—вскочилъ съ мѣста старикъ.

Лицо Нади, при этомъ словѣ, засіяло широкою, счастливою улыбкою, слезы хлынули изъ ея глазъ буквально въ два ручья, она вскочила, также порывисто, опрокинула стулъ своимъ движеніемъ и бросилась на шею Глухарева.

И слышали присутствующіе слова: «дочка моя, дочка родная, безцѣнная...» Слышали и другой голосъ, шепотомъ, тихо, словно въ забвеніе, лепетавшій: «Папа, папочка...»

И не вѣяло грустью отъ этихъ слезъ, ничего печальнаго въ нихъ не слышалось.

А все таки, ни самъ Глухаревъ, никто изъ собесѣдниковъ не поняли истиннаго значенія порыва Нади. Объяснить его себѣ объяснили, да не совсѣмъ такъ, какъ слѣдуетъ.

— Пророческія наименованія! — произнесъ торжественно отецъ Павелъ.

— Дай-то Господи! — перекрестился стоящій поодаль Силантій.

Шелобовъ наложилъ себѣ еще полную тарелку и неистово трясъ перечницу, по разсѣянности.

— Радуетъ меня, — началъ батюшка, когда всѣ успокоились и заняли свои мѣста. — Радуетъ меня весьма, что въ вашемъ заведеніи священное писаніе преподавалось правильно и неукоснительно. Кто законоучитель былъ-съ?

— Нашъ батюшка!—отвѣчала Надя.

— Имя онаго, имя-съ, позвольте узнать, сего пастыря достойнаго?

— Отецъ Александръ.

— Такъ-съ! Доброе сѣмя сѣялось на добрую почву. Духъ кротости и смиренія передъ волею Всевышняго внѣдренъ въ мѣрѣ достаточной. Одобряю!

Подали фрукты въ корзинѣ и поставили передъ приборомъ Нади.

Иванъ Акимовичъ самъ раскупорилъ бутылку шампанскаго, вина, здѣсь рѣдкаго и дорогаго, и сталъ разливать.

— Торжество!—провозгласилъ отецъ Павелъ.—Съ пріѣздомъ!

Всѣ стали чокаться.

Глухаревъ шепнулъ что-то Надѣ, та засмѣялась и переспросила.

— Такъ?

— Такъ!

— Выпимай па-тронъ! — скомандовала она своимъ звонкимъ голоскомъ.

Всѣ расхохотались и взялись за портъ-сигары.

— Совсѣмъ по нашему!—заливался отъ души Иванъ Акимовичъ.—Молодецъ, новая хозяюшка!

— Однако, господа, курить и чай пить пожалуйте въ садъ. Тамъ расчудеснѣе будетъ.

Всѣ подошли къ ручкѣ «новой хозяйки» и стали спускаться со ступенекъ террассы, направляясь къ прудку, гдѣ въ тѣни развѣсистаго карагача, золотомъ сверкалъ дымящійся самоваръ и садовникъ Гайкула разливалъ зеленый чай въ плоскія китайскія чашечки.

IX.

Прошло нѣсколько дней.

Надя успѣла уже сдѣлать всѣ нужные визиты. Глухой фортъ невеликъ, разстоянія, отдѣлявшія одну квартиру отъ другой, очень коротки и Надя исполнила, требуемыя этикетомъ, обязанности пѣшкомъ, подъ руку съ Иваномъ Акимовичемъ.

Вездѣ ее встрѣтили крайне радушно, со всѣми признаками искренности. Новая обитательница Глухого форта вернулась довольная и счастливая.

Но больше всѣхъ понравилась ей Груня. Та поцѣловала ее какъ то особенно тепло, пожелавъ покоя и счастья, такимъ дружескимъ, проникающимъ въ душу голосомъ, что Надя чуть ей на шею не бросилась.

Въ полчаса обѣ дѣвушки сдружились, словно много лѣтъ росли вмѣстѣ. Только всѣ, кто знали Груню раньше, не могли понять почему это ихъ веселая, живая, простодушная любимица на этотъ разъ какъ будто бы пріуныла, печально такъ смотрѣла своими кроткими глазами, не улыбнулась ни разу и ходила словно въ воду опущенная.

Иванъ Акимычъ составилъ штатъ новопріѣзжей очень удачно. Главнымъ лицомъ, на обязанности котораго было блюсти весь домъ и отчасти руководить молодою хозяйкою, былъ, конечно, Силантій: это было его неотъемлемое право. Персоналъ женской прислуги олицетворяла солдатка Анисья. Гайкула садовникъ, онъ же и дворникъ, онъ же и поваръ, ибо превосходно приготовлялъ всѣ азіатскія блюда и понималъ уже русскіе вкусы, особенно подъ руководствомъ стараго инвалида, ретиво вступившаго въ отправленіе обязанностей мажордома.

Внѣшняя жизнь Нади стала сразу въ правильныя рамки. Осталось только позаботиться объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, но тутъ уже Надя съ перваго дня засыпана была самыми разнообразными предложеніями въ этомъ родѣ.

Старый Глухаревъ заходилъ къ ней по десяти разъ въ день, справлялся все ли въ порядкѣ, совѣщался съ Силантіемъ о самыхъ пустыхъ мелочахъ; Гайкула изъ кожи лѣзъ, стараясь, чтобы и его усердіе не осталось незамѣченнымъ; Анисья нѣсколько разъ зазывала къ себѣ, попить кофейку, дѣвица-аку-

шерка и даже ни за что, ни про что подарила ей рублевую бумажку; Шелобова вызвали въ аулы, верстъ за пятьдесятъ отсюда, такъ какъ тамъ появилась тигровая чета и стала пошаливать; Павлуша все еще находился въ оказіи, и его поджидали съ часу на часъ.

Однимъ словомъ, все шло превосходно.

— Онъ меня любитъ, онъ меня полюбилъ, не видя и не зная меня, и я его люблю,—мечтала она, оставаясь одна, ложась въ свою уютную постельку.

И она дѣйствительно его любила. Молодое, неиспорченное сердце дѣвушки не требуетъ большой подготовки къ воспринятію этого чувства. Она полюбила Павлушу такимъ, какимъ его описывалъ Шелобовъ, такимъ, какимъ она представляла его изъ писемъ своего покойнаго отца. Она его теперь видѣла, и къ покойному, теплому, отрадному чувству примѣшалась жгучая страстность, охватившая все ея юное существо; и Надя безотчетно, довѣрчиво отдалась этой страстности. Вѣдь этого всѣ хотятъ: и *онъ* хочетъ, и она ждетъ не дождется... «противная, злая, эта глупая оказія!»

И вотъ передъ ея глазами загорается во мракѣ ночи свѣтлое пятно. Это пятно растетъ, принимаетъ формы. Милыя, дорогія сердцу формы! Вотъ *онъ* стоитъ, верхомъ на чудномъ конѣ, весь залитый золотымъ солнцемъ, и на нее смотритъ, и руки къ ней протягиваетъ. Лицо его блѣдно какъ мраморъ, глаза горятъ, его уста шепчутъ слова... никто ихъ не слышитъ, а Надя понимаетъ ихъ смыслъ. Онъ говоритъ: «ну, иди же ко мнѣ, не бойся! Я тебя давно жду!.. мое сердце давно тобою одною живетъ и бьется!..» И она рванулась къ нему, хочетъ итти, хочетъ броситься въ его объятія, повиснуть у него на шеѣ, спрятать лицо на его богатырскую грудь и замереть.

А тутъ ее держатъ невидимыя, злыя руки. Ручей зашумѣлъ и рванулся, загораживая дорогу. Сердито бьютъ волны о камни, дробятся и стонутъ—выше и выше брызжетъ башенная пѣна,—шире разливается недобрый ручей... дальше и дальше отходитъ дорогой образъ.

— Иди-же! — чуть слышно доносится призывный голосъ. Какъ ножемъ рѣжетъ сердце Нади этотъ страдальческій звукъ.

— Иду,—замираетъ въ ея горлѣ. И она рвется снова и снова въ ужасѣ отступаетъ назадъ.

Воды ручья краснѣютъ, въ воздухѣ пахнетъ кровью... это уже не вода—это... это...

— Барышня, а барышня!—будитъ ее осторожно Анисья.—Вы бы на правый бочекъ легли!.. нехорошо такъ то вотъ, на спинкѣ...

Проснулась Надя и испуганно протираетъ глазки... и снова засыпаетъ, и снова видитъ вороного коня и залитаго солнцемъ своего рыцаря. Только теперь онъ уже не молитъ ее ни о чемъ, онъ стоитъ гордо, пропуская мимо стройные полки... Трубятъ трубы, грохочутъ барабаны, словно стальная нива волнуются штыки... Удалая пѣснь несется по вѣтру... и все тише и тише... дальше и дальше...

Опять проснулась Надя... уже свѣтло, солнце высоко, шторы подняты и окно отворено настежъ. Анисья свѣжую воду льетъ въ умывальникъ, говоритъ: «съ добрымъ утромъ, барышня!..» а вдали и на яву замираетъ грохотъ барабана, стихаетъ залихватская пѣсня... только голосокъ тонкій сюда по вѣтру доносится.

— Имѣемъ честь поздравить!—привѣтствуетъ ее Силантій, какъ только Надя показалась полуодѣтая на садовой террасѣ.

— Съ чѣмъ?

— Подпоручикъ Глухаревъ, ихъ благородіе Павелъ Ивановичъ изволили вернуться... перестрѣлочка у нихъ была, только легонькая,—нашихъ, слава Богу, никого не зацѣпило.

Заходило, заметалось въ груди Нади ея молодое сердце, она даже руками схватилась и почувствовала, какъ горячая краска бросилась ей въ лицо.

— Сегодня пожалуютъ!—замѣтилъ Силантій ея смущеніе и ухмыльнулся.

— Сегодня! — повторила Надя и, какъ птичка, порхнула назадъ, въ свою уютную спальню.

X.

— Пріѣхала? — говорилъ Павлуша, энергично умываясь, плеская водою на всю комнату.—Экая досада, право! Папаша, сегодня и съ визитомъ можно?

— Отчего же нѣтъ!—отвѣчалъ Иванъ Акимовичъ...—Вотъ позавтракаемъ, да и пойдемъ. Ты пріуберись хорошенько, сапоги надѣнь новые, лаковые.

— Я, папаша, мундиръ надѣну и рубашку крахмальную, съ запонками!..

— И мундиръ надѣнь, отчего не надѣть! — соглашался папаша.—Пускай видитъ, что у тебя уже Анна есть съ мечами... это хорошо!..

— Фадѣевъ! мундиръ почисти хорошенько! Экая, право, досада!..

Шелобовъ забѣжалъ. Онъ тоже сегодня только вернулся.

— Ну, говоритъ, Пашка, твое счастье—смотри не забудь: меня шафером!

— Первымъ дѣломъ!—поторопился согласиться Павлуша.

— Такъ вотъ сейчасъ! Нѣтъ, я съ невѣстиной стороны буду, а ты себѣ другихъ подбирай. Огурчикова позови съ Ползунковымъ, они холостые оба. Да, братъ, Ваня, раскошеливайся...

Шелобовъ хлопнулъ Глухарева-отца по плечу, тотъ даже на стулѣ покачнулся.

— За мною, говоритъ, дѣло не станетъ! только пошли Господи!

— Эхъ! вѣдь дернула меня нелегкая на прошлой недѣлѣ наголо остричься! щетина щетиною торчитъ, и помада не беретъ!—соболѣзновалъ Павлуша, разсматривая себя въ маленькое, походное зеркальце.

— Хорошъ и такъ будешь!.. А перчатки чистыя есть...

— Перчатки?.. Ахъ' да! Фадѣевъ! есть чистыя перчатки?

— Есть одна пара, только два пальца прорвавшись!.. Да я сейчасъ, ваше благородіе, цѣлыя помою, пока завтракать станете, попросохнутъ живо.

— Мой скорѣе!

— Послушай, Вася, ты скажи откровенно, будь другъ!.. Про меня что она говорила?.. то, бишь, обо мнѣ какой разговоръ былъ между вами?

— Какой разговоръ! — усмѣхнулся Шелобовъ, — никакого разговора о тебѣ не было...

— Стоитъ тоже о всякихъ пустякахъ разговаривать, — подшучивалъ и Иванъ Акимовичъ.

И его глаза мягко, любовно такъ глядѣли на смущеніе сына.

— Говорилъ я ей,—разсказывалъ Шелобовъ.—Вотъ у насъ есть богатырь-остолопъ, росту девять вершковъ, безъ малаго. Вы, говорю, Наденька, такихъ и въ кунсткамерѣ не видѣли.

— Ну что за глупыя шутки!

— Ничего не шутки... Ну-ну, не пѣтушись!.. Небось, не продали тебя!.. Такъ это все дѣло подготовили, что хоть сейчасъ иди и кайся! А тамъ и къ отцу Павлу на законный передѣлъ. Батька-то нашъ уже на фурштатскій дворъ бѣгалъ, колесныя втулки подбиралъ, на вѣнцы чтобы годились...

— Ишь ты что придумалъ... Ха-ха-ха!— заливался Иванъ Акимовичъ,— колесныя втулки!..

— Букетъ бы надо! — остановился въ раздумьи Павлуша...

— Это зачѣмъ? Что же ты и впрямь сразу съ предложеніемъ?.. Погоди еще, для приличія, немного, поприсмотрись къ ней, къ себѣ дай поприсмотрѣться тоже... экій прыткій!..

— Шарфъ новый прикажете, ваше благородіе? — сунулся въ дверь деньщикъ Фадѣевъ.

— Натурально новый! — накинулся на него Павлуша. — Да давайте-же, право, скорѣе завтракать... съ двухъ часовъ ночи все шли степью, проголодался, какъ волкъ... Всего одинъ стаканъ чаю вылокалъ на привалѣ... Вода соленая, мутитъ съ такой, натощакъ-то!

Позавтракали наскоро, но плотно. Любовь нисколько не испортила богатырскій аппетитъ Павлуши, вызванный усиленнымъ ночнымъ переходомъ.

— Ты одинъ пойдешь?—спросилъ Иванъ Акимовичъ сына, когда тотъ пристегивалъ свою гремящую саблю.

— Одному-то какъ будто неловко!—отвѣчалъ тотъ, не попадая на крючекъ.

— То-то, я самъ думаю... одному не того! Я пойду съ тобою и представлю какъ слѣдуетъ быть, по всей формѣ. Шелобовъ, пойдешь?

— Иди, Василій Ивановичъ,—пригласилъ и Павлуша.

— Мнѣ зачѣмъ?.. Я вотъ жду киргизовъ, они звѣря должны привезти скоро... Попался мнѣ здоровенный подъ пулю... Самка, да еще съ дѣтенышами... Еле справился!.. Вотъ я за скорнякомъ послалъ, сейчасъ ее раздѣлаемъ, и вамъ свадебный презентъ,—коверъ къ постели чудесный выйдетъ!

— Спасибо, братъ! — пожалъ Шелобовскую руку Иванъ Акимовичъ.

— Ишь ты вѣдь какой,—укорительно замѣтилъ Павлуша,—

самъ, уѣзжая, не велѣлъ мнѣ ходить одному, а теперь не могъ меня подождать денекъ... не годится!..

— Хватитъ и на тебя!—засмѣялся Василій Ивановичъ.— Только, братъ, тебѣ скоро хвостъ пришпилятъ... скажутъ: нѣтъ, монъ ами, ходи щелкай перепеловъ, а туда не суйся, гдѣ, того гляди, самому свернутъ шею... Это для насъ, безотвѣтныхъ бобылей, забава, не вашему брату, женатому!.. Ну, прощай! желаю тебѣ успѣха и полнаго счастья!.. труби «къ атакѣ!»

Вышли изъ дому Глухаревы оба и направились по пыльной улицѣ; прошли мимо воротъ дома отца Павла. Груня стояла въ калиткѣ и смотрѣла на Павлушу изъ подъ руки... Солнце уже очень ярко свѣтило.

— Ишь ты какимъ франтомъ разодѣлся! — замѣтила она и плечами передернула.

— Здравствуй, Груничка, — протянулъ ей руку молодой Глухаревъ... но его протянутая рука такъ и осталась на воздухѣ.

— Здравствуйте-съ, съ визитомъ изволите-съ?.. желаю успѣха-съ!—отвѣтила дѣвушка, подчеркивая слова, налегая особенно на окончанія.

— Груничка, что-жъ ты сердишься... я право...

— Я вамъ не Груничка, — отвернулась та и порывисто добавила: Ну, чего же ты остановился и глаза пялишь?!. Видишь, отецъ дожидается! иди къ своей невѣстѣ!..

— Я, Груничка... — снова замялся Павлуша, махнулъ рукой и побѣжалъ догонять «папашу».

А Груня зашла за уголъ, оперлась руками на заборъ, опустила на нихъ свою головку и ея плеча стали судорожно вздрагивать.

— Груня! Груняха, не дури! — послышался съ крыльца голосъ отца Павла.

— Есть чего дурить то! — отозвалась его племянница, слегка вздрогнувъ отъ неожиданности, и порывисто, слишкомъ уже энергично, принялась снимать бѣлье, просыхавшее на растянутыхъ черезъ дворъ веревкахъ.

XI.

— Надя! Наденька! А вотъ и гости къ тебѣ пришли!— громко доложилъ самъ о себѣ Иванъ Акимовичъ.

Надя слышала изъ спальни его голосъ, поняла конечно, какіе такіе гости, заглянула мимоходомъ въ зеркало, зардѣлась и вышла въ залъ, потупивъ глазки.

Павлуша остолбенѣлъ. Его скромная фантазія не могла представить ему образъ дѣвушки такимъ, какой онъ видѣлъ теперь, передъ собою. У него, что называется, духъ захватило... Онъ только кланяться началъ, а языкъ словно связало чѣмъ-то крѣпко-накрѣпко... Дорогою онъ все вступительную фразу сочинялъ, такъ это хорошо и складно выходило, а теперь вотъ и забылъ... сказалъ: «Имѣю честь...» и только... и остановился.

Подняла и Надя свои длинныя рѣсницы, взглянула и даже назадъ попятилась.

— Не этотъ же?—невольно подумала она.—Тотъ сейчасъ войдетъ...

И она пытливо посмотрѣла на дверь.

— Вотъ, позволь представить тебѣ, голубка моя, моего первенца, — двинулся къ ней Иванъ Акимовичъ.—Прошу любить и жаловать...

И разбилъ этими словами слабую надежду молодой хозяйки.

— Да что съ тобою? — продолжалъ онъ заботливо. — Ты вѣрно ночь провела худо?.. блѣдная какая... здорова ли, моя милая?..

— Здорова!—произнесла Надя и поперхнулась.

А Павлуша стоитъ и молчитъ, глазами какъ-то особенно помаргиваетъ.

Въ своемъ новомъ мундирѣ, съ таліей не на мѣстѣ, съ узкими, коротковатыми рукавами, онъ, надо сказать, представлялъ собою фигуру неособенно привлекательную. Сапогъ должно быть жалъ ногу до боли, перчатки, не натянутыя вплотную, образовали на концахъ пальцевъ скрученные сосочки, воротникъ сжималъ горло чуть не до удушья, вызывая на лицѣ неестественный румянецъ, даже кожа на головѣ покраснѣла, сквозь щетину гладко остриженныхъ волосъ.

Эта фигура была такъ мало похожа на то, что видѣла Надя тамъ, въ Бешь-Арыкѣ, она совсѣмъ уже не соотвѣт-

ствовала тому образу, который рисовался ей въ ея грезахъ, который неразрывно сросся съ ея молодымъ, первымъ порывомъ сладкаго чувства.

— Не тотъ!—промельнуло какъ молнія въ ея головѣ.

— Вотъ познакомьтесь хорошенько, — улыбался Иванъ Акимовичъ, подводя, правильнѣе подталкивая Павлушу, поближе къ Надѣ.—Онъ у меня немного того, диковатъ, а парень добрый! Ты съ нимъ не церемонься, пообтеши его хорошенько, пополируй...

— Я съ удовольствіемъ...—началъ было и Павлуша.

— Что это, какъ будто не метено еще въ саду?..—взглянулъ Глухаревъ-отецъ въ окошко. — Я вотъ, сейчасъ, пойду обзоръ сдѣлать. Да ты, Надюша, не стѣсняйся, ты его хорошенько!.. хе, хе!..

Иванъ Акимовичъ еще разъ подтолкнулъ Павлушу впередъ и вышелъ.

— Садитесь!—прошептала Надя, и вдругъ, поступила уже совсѣмъ по институтски, она не ушла даже, а просто убѣжала изъ залы, вскочила въ спальню, захлопнула за собою дверь, даже задвижку защелкнула, сѣла на стулъ, испуганно посмотрѣла кругомъ и заплакала.

А Павлуша воспользовался тѣмъ временемъ и сталъ запихивать за воротникъ свой, вылѣзшій кверху, галстухъ, усиленно мотая головою и вытягивая вспотѣвшую шею.

— Что же вы?.. А гдѣ Надя?—озадачился немного Иванъ Акимовичъ, входя снова въ залъ.

— Не знаю, папаша! Надичка-съ сейчасъ были и ушли-съ... должно быть что поправиться надо,—отвѣчалъ смущенный Павлуша.

— Эхъ ты!.. Молодежь, молодежь!—развелъ руками отецъ-Глухаревъ. — Оставили ихъ вдвоемъ, а они и растерялись. Фррръ—въ разныя стороны!.. Я думалъ, она побойчѣй тебя будетъ... Ну, ничего, ничего... Обойдетесь оба... Посмѣюсь же я надъ вами ужо, вечеромъ!..

Иванъ Акимовичъ направился къ спальнѣ и тронулъ за ручку двери.

— Заперлась!—проговорилъ онъ.—Надя, мы сегодня вечеромъ къ тебѣ чай пить придемъ, Василія Ивановича захватимъ... Слышишь?.. гм!.. Ну, пойдемъ, братъ, домой! Собирайся!..

Вышли.

— Вотъ оно, институтское то воспитаніе!—резонировалъ дорогою Иванъ Акимовичъ.—Оно вѣдь и точно: держатъ ихъ взаперти, только и мужчинъ видятъ, что плюгавые учителишки, да истопникъ. Вотъ оно и дико кажется, съ перваго разу... Это, впрочемъ, хорошо, даже очень хорошо!.. А ты все-таки будь поразвязнѣе!.. Вотъ вечеромъ поразскажи ей про охоту, про походъ... Ты поразвязнѣй!.. Небось, съ нашими дамами ты въ карманъ за словомъ не лѣзешь... Ты ея не бойся: она дѣвушка добрая и простая, ласковая и умница... Ты смѣлѣе!..

— Я, папаша, и самъ, право, не знаю, что со мною сдѣлалось... Ошалѣлъ совсѣмъ, право слово!—оправдывался Павлуша.

— А хороша?!—толкнулъ его локтемъ отецъ.

— Царица! — вздохнулъ молодой человѣкъ и энергично сорвалъ, наконецъ, съ шеи этотъ досадный галстухъ.

XII.

Хотя Надя, не по своей винѣ, конечно, и обошла визитомъ дѣвицу-акушерку, но та первая разлетѣлась къ ней, прошла черезъ всѣ комнаты, внимательно всматриваясь въ обстановку, и нашла хозяйку на садовой террасѣ.

— Извините за мою, можетъ быть, нескромность, — начала она. — Позвольте представиться: дѣвица Аделаида Францовна Розенблюмъ, служу здѣсь въ качествѣ женскаго доктора.

— Здравствуйте!—протянула ей руку Надя.

— Давно, давно уже ждали мы васъ, съ большимъ нетерпѣніемъ... Я васъ не знала, но, извините за откровенность, была одна изъ самыхъ пламенныхъ вашихъ поклонницъ. Позвольте васъ поцѣловать...

Аделаида Францовна стремительно рванулась и обняла Надю, обдавъ ее прянымъ букетомъ пачули.

— Мерси!—высвободилась изъ ея объятій сконфузившаяся хозяйка.

— Удивлялась я только и, признаться сказать,—продолжала гостья,—что вамъ за охота была сюда ѣхать?!. Вы не повѣрите, здѣсь такая глушь, такая глушь!.. и люди—самые невѣжественные!

Надя попыталась было протестовать.

— Ахъ нѣтъ!—не дала ей даже раскрыть ротъ дѣвица—и не возражайте... совсѣмъ дикари!.. Нравы самые грубые и никакого понятія о свѣтскихъ приличіяхъ!

— Они всѣ такіе добрые...—успѣла произнести Надя.

— Добрые! Ахъ, Боже мой!.. Это только съ перваго взгляда такъ кажется... Вотъ вы увидите... Не могу я только говорить, потому что терпѣть не могу никакихъ сплетней... Вы еще не знаете... Ну, да я послѣ вамъ все разскажу... Вы позволите мнѣ посѣщать васъ, душечка?

— Сдѣлайте одолженіе...

— Какъ у васъ тутъ все мило... Какое на васъ божественно-прелестное платьице... Сейчасъ видно, что у француженки заказано...

— Нѣтъ...

— Не говорите, не говорите... Я тоже знаю, я вѣдь понимаю все хорошо. Я вѣдь получила высокое воспитаніе въ кругу, можно по истинѣ сказать, самомъ аристократическомъ!.. Мой покойный папаша... Ахъ, пожалуйста, не примите это за нескромный намекъ. Впрочемъ, это послѣ. Я тоже воспитывалась въ институтѣ, и мы съ вами почти, значитъ, подруги... Вы мнѣ позволите еще разъ поцѣловать васъ!

— Гляжу я на васъ и, право, сердце обливается кровью,—продолжала гостья, снова усѣвшись на мѣсто. — Завезли васъ въ эту трущобу, втянули васъ въ свою ужасную, варварскую жизнь... Вы, такая молодая, красивая... Бутонъ! ну, право же, бутонъ!.. И вотъ этотъ благоухающій бутонъ, да въ лапы какого-нибудь мужика... Боже мой, какъ это грустно, какъ это грустно!.. Ну вотъ, вы уже и плачете...

— Ахъ, перестаньте, перестаньте! Я не могу видѣть этихъ слезъ! Я васъ разстроила... Ну, перестаньте-же плакать, мой ангелъ...

Надя дѣйствительно заплакала. Ей представилась массивная, неуклюжая фигура утренняго визитера и слова акушерки произвели нѣкоторое дѣйствіе...

— Я васъ разстроила, но успокойтесь!.. Здѣсь все-таки есть порядочные люди... здѣсь есть, напримѣръ...

Аделаида Францовна осторожно оглядѣлась по сторонамъ, словно удостовѣриться захотѣла, что ее никто не подслушиваетъ, и продолжала:

— Тутъ есть, напримѣръ, Криницынъ, Павелъ Петровичъ... Это уже, дѣйствительно, можно сказать, красавецъ-мужчина и образованія самаго возвышеннаго... Кровный, прирожденный аристократъ.

— Криницынъ?—машинально повторила Надя.

— Павелъ Петровичъ... Только, жаль, онъ скоро уѣзжаетъ... Вотъ это, можно сказать, кавалеръ! По-французски говоритъ, знаете, этакъ съ легкою картавостью, совсѣмъ какъ парижанинъ... Мы съ нимъ разговариваемъ иногда... Знаете, вѣдь здѣсь никто не умѣетъ говорить по-французски! Когда они верхомъ катаются, просто заглядѣться можно...

— Не онъ ли?—невольно подумала Надя, слушая болтовню своей гостьи.

— Вы, душечка, я думаю много навезли костюмовъ? Покажите, Бога ради, покажите... Я такъ давно не видѣла модныхъ вещей. Пойдемте къ вамъ въ спальню, пойдемте, душечка!.. Я вамъ тамъ много, много разскажу интереснаго!

Аделаида Францовна замѣтила въ концѣ сада фигуру Силантія, угрюмо поглядывающую въ ея сторону, и почти силою подняла Надю съ мѣста и повлекла въ спальню.

— Я вамъ тамъ много, много разскажу интереснаго!— повторяла она, пропуская хозяйку въ дверь, впередъ, и окинувъ приближающагося мажордома презрительнымъ взглядомъ.

Черезъ минуту, уютная спальная Нади, гдѣ все было такъ прибрано по мѣстамъ, получила видъ полнѣйшаго разгрома... Словно въ дорогу собирались. Комоды отворены, платья разбросаны на креслахъ и на постели, бѣлье тоже все перерыто. Гостья не пропускала ни одной мелочи, прикидывала все къ своему лицу, вертѣлась передъ зеркаломъ и ото всего приходила въ восторженное состояніе.

— Ахъ, какъ это мило!—твердила она.—Какъ все это со вкусомъ! и для кого здѣсь, зачѣмъ? Развѣ здѣсь могутъ оцѣнить все это, такіе дикари и невѣжды?.. Если-бы еще Павелъ Петровичъ оставался, ну тогда другое дѣло, но теперь...

— Почему-же онъ уѣзжаетъ? — почти бозсознательно вырвалось у Нади.

— Ахъ я вамъ разскажу! — подхватила акушерка.—Это цѣлый романъ. Это такая несправедливость, такая дикая невѣжественность! Я вамъ все разскажу по порядку...

И она, оставивъ осмотръ костюмовъ, пододвинула стулъ къ Надѣ и сѣла совсѣмъ вплотную, еще разъ осмотрѣвшись по сторонамъ.

— Видите-ли-съ. Тутъ былъ, знаете, обыскъ, то-есть не совсѣмъ обыскъ...—Аделаида Францевна замялась немного, ей не хотѣлось касаться обстоятельства, которое она понимала, не могло быть Надѣ особенно пріятно.

— Ну, да все равно! Только у Крыницына нашли, представьте себѣ, вашу карточку.

— Какимъ образомъ!—удивилась Надя.

— Не знаю!—протянула акушерка и многозначительно посмотрѣла на дѣвушку.—Молодой Глухаревъ, этотъ, знаете, что у васъ сегодня съ визитомъ былъ, возьми, да ни съ того, ни съ сего, и вломись въ амбицію. «По какому праву, да по какому случаю, очутился у васъ, милостивый государь, этотъ портретъ? »Павелъ Петровичъ сейчасъ, гордо, но вѣжливо: «это, говоритъ, молодой человѣкъ, не ваше дѣло». Карточку вашу сейчасъ взялъ и къ себѣ въ карманъ, на сердце, понимаете?.. Это я все своими глазами видѣла. Ну, натурально, Глухаревъ сейчасъ ему дерзость... Мужики вѣдь только и берутъ, что руганью... А Павелъ Петровичъ опять ему вѣжливо, съ достоинствомъ и благородствомъ: «я, говоритъ, объ этомъ объяснюсь съ вами послѣ...» И что же бы вы думали? Взялъ да и послалъ къ нему вызовъ,—на дуэль значитъ...

— Ахъ, Боже мой!

Надя теперь вслушивалась внимательно въ разсказъ акушерки

— Тутъ,—продолжала та,—сейчасъ бунтъ поднялся... Офицеры здѣшніе не любятъ Павла Петровича, всѣ за Глухарева стали...Судъ собрали... Всѣ на одного!.. Вы подумайте только!.. Нѣтъ, чтобы у кого хватилъ благородства стать за праваго... Павелъ Петровичъ и порѣшилъ имъ въ глаза: «Ежели, говоритъ, отъ благороднаго поединка отказываетесь, такъ я, съ такими низкими людьми, служить не хочу и съ вами компанію водить не согласенъ!» взялъ это и вышелъ отъ нихъ .. Теперь вотъ рѣшенія ждетъ отъ начальства, когда ему можно будетъ отсюда уѣхать...

Надя задумалась.

— За что же его не любятъ здѣсь?—спросила она.

— За то больше, что онъ имъ не компанія... Зависть, видите ли, прежде насъ родилась, вотъ за то только и не любятъ... Павелъ Петровичъ привыкъ къ обществу аристократическому, онъ и сюда попалъ только за благородство и пылкость своего характера, а тутъ, вотъ вы сами увидите, мужикъ на мужикѣ—самые неотесанные. Опять же не можетъ Павелъ Петровичъ, чтобы съ ними заодно. Они вотъ водкою напиваются, а онъ этого не любитъ, онъ все этакъ стороною и держалъ себя гордо и съ достоинствомъ. Вотъ за то и не сошлись характерами. Наши то, чѣмъ бы учиться, да примѣръ брать съ Павла Петровича, сейчасъ всякіе ему шиканы, а онъ на все съ пренебреженіемъ. Не унижаться же ему передъ этими сиволапыми!? И вотъ сами теперь виноваты: былъ у нихъ въ батальонѣ офицеръ, примѣръ благородства, а теперь плюнулъ и ушелъ—купайтесь, молъ, въ своей грязи по уши! Ахъ, Боже мой! какой я у васъ безпорядокъ произвела! Вы меня пожалуста извините, душенька! Я такъ давно не видала ничего модиаго. Я сейчасъ все уберу... Позвольте... я сама!

И она торопливо принялась собирать и складывать въ ящики комода принадлежности Надинаго туалета.

— Не безпокойтесь!—остановила было ее хозяйка.

— Какое-же безпокойство!.. Ахъ, да... можно вамъ, мой ангелъ, сказать по секрету одну мысль, которая мнѣ сейчасъ пришла въ голову. Можно?

— Что такое?

— Только вы не конфузьтесь... честное слово?... да?..

Акушерка завертѣлась на стулѣ и снова безпокойно оглядѣлась кругомъ.

— Знаете-ли, почему, я думаю, Павелъ Петровичъ до сихъ еще не уѣхалъ, знаете ли почему?

И не дожидаясь отвѣта, пригнулась къ уху Нади и почти шепотомъ продолжала:

— Онъ ждалъ!..

— Чего?—удивилась та...—Да, вы мнѣ говорили, разрѣшенія какого то...

— Ну, нѣтъ, тутъ другое совсѣмъ... онъ ждалъ одну особу... ту, чью карточку хранилъ у себя на сердцѣ... Я глубоко, глубоко вѣрю этому.

Надя покраснѣла

— Повѣрьте вы мнѣ... Я очень-очень хорошо знаю человѣческое сердце.

Надя задумалась. Ей вспомнился въ эту минуту разсказъ ихъ классной дамы, которая увѣряла, что одинъ молодой человѣкъ, какой то французскій графъ, влюбился въ нее по портрету, просилъ руки, но жестокіе родители отказали—и онъ застрѣлился передъ ея окнами...

Надя и ея подруги конечно не имѣли никакихъ данныхъ сомнѣваться въ истинѣ словъ своей классной дамы и горячо оплакивали романическую судьбу французскаго графа...

— И очень можетъ быть, что и дождавшись,—акушерка усиленно подчеркнула это слово,—что и дождавшись,—повторила она,—Павелъ Петровичъ еще нескоро уѣдетъ... Ну, душенька, до свиданья, засидѣлась я у васъ... Я такъ рада, такъ рада, что вы пріѣхали!.. Позвольте мнѣ еще разъ обнять васъ и надѣюсь, что и вы ко мнѣ... Я здѣсь недалеко, изъ окошекъ вашей залы даже моя крыша видна, бѣлая труба и на ней всегда голуби—я ихъ прикармливаю. Я такъ люблю этихъ чудныхъ голубковъ, это мои друзья, единственное утѣшеніе въ моемъ одиночествѣ.

Аделаида Францовна прекратила наконецъ свою болтовню и вышла. На порогѣ столкнулась носомъ къ носу съ Шелобовымъ

— Успѣли уже?—пожалъ плечами тотъ.

— Успѣла-съ!—кокетливо улыбнулась та, и съ трескомъ раскрыла свой оранжевой зонтикъ.

— А ты бы ее въ шею,—замѣтилъ Василій Ивановичъ, обращаясь къ Силантію, когда гостья отошла подальше, поднявъ на улицѣ пыль своимъ распущеннымъ шлейфомъ.

— Слѣдовало бы-съ,—согласился тотъ...—то есть вотъ какъ бы слѣдовало!.. прошмыгнула то она, я не видалъ... другой разъ умнѣе буду... Столикъ карточный для вечера прикажете приготовить?..

— Столикъ?!. да кто же играть то будетъ?.. развѣ отецъ Павелъ прійдетъ?.. Приготовь на всякій случай!..

XIII.

Въ этотъ вечеръ Павлуша исправилъ нѣсколько то невыгодное впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на Надю своимъ утреннимъ визитомъ.

Молодой Глухаревъ пришелъ, во-первыхъ за просто, въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, бѣлой шелковой рубахѣ съ пристегнутыми офицерскими погонами. Этотъ костюмъ гораздо больше шелъ къ нему и онъ высматривалъ положительно молодцемъ. Онъ вѣдь былъ если и не красавецъ, то очень симпатиченъ: его прекрасные глаза смотрѣли скромно, но весело; его пріятный ротъ, еле прикрытый усами, складывался въ добродушную, наивно-дѣтскую улыбку... Онъ былъ, правда, угловатъ своими движеніями, но эта угловатость, изобличавшая здоровую силу, даже шла отчасти къ его атлетической фигурѣ.

Довольно было только одной улыбки Нади, можетъ быть и нечаянно обращенной къ нему, чтобы онъ значительно разошелся и разговорился...

Иванъ Акимовичъ смотрѣлъ на сына и нарадоваться не могъ, Шелобовъ тоже одобрилъ... Хмурая тучка, набѣжавшая было на сердце старика Глухарева послѣ утренняго посѣщенія, сама собою скоро разсѣялась.

Отецъ Павелъ пришелъ и втроемъ сѣли за преферансикъ. Надя разливала чай, Павлуша ей помогалъ, разносилъ стаканы и два раза успѣлъ даже разсмѣшить хозяйку, чѣмъ именно— и самъ не догадывался.

Надя смѣялась и ему смѣяться хотѣлось. Правда, смѣхъ Нади отдавалъ какъ будто чѣмъ то дѣланнымъ—это не былъ ея обыкновенный смѣхъ, заражавшій, бывало, еще въ институтѣ всю залу своею веселостью, но Павлуша не вдавался въ оцѣнку этого смѣха и былъ вполнѣ счастливъ, даже за котенкомъ погнался, который, спасаясь отъ преслѣдованія собакъ, вскочилъ на заборъ сада, а оттуда на крышу бесѣдки. Онъ очень ловко взобрался туда же и съ торжествомъ поднесъ Надѣ бѣдное, дрожащее отъ страха, робко мяукающее существо.

Надя приняла котенка и тутъ же на столѣ принялась поить его сливками со своего блюдечка.

— Жаль, племянницу свою не захватилъ съ собою! — замѣтилъ отецъ Павелъ. — Дѣвушка добрая и вамъ, барышня, компанія подходящая, развѣ годочками двумя постарше будетъ.

— Груня прелесть!—согласился Шелобовъ.

— Что-жъ не привелъ? — взглянулъ на отца Павла и Иванъ Акимовичъ.

— Въ другой разъ приведу... А, ну-ка, въ бубнахъ семь!

— Повистую,—покрутилъ усъ Василій Ивановичъ.—Ты, Ваня, что?

— Пасъ!

— Открывай! да попробуемъ батьку безъ хвостика оставить... Что! наскочилъ на самъ четвертаго!

— Вотъ уже третій разъ такъ... Оказія!—задумался отецъ Павелъ, поглаживая бороду и обдумывая ходъ.

— Тигрятки будутъ такіе же—только покрупнѣе.—объяснялъ Павлуша Надѣ, вытирая своимъ носовымъ платкомъ послѣдствія невоспитанности спасеннаго котенка.

— А они кусаются?—спросила Надя.

— Подростутъ, такъ страсть какіе злые! У насъ, года три тому назадъ, вынули изъ гнѣзда пару—такъ только до шести недѣль держать на волѣ можно было. На цѣпь посадили послѣ. Вы, Надежда Федоровна, что больше любите—виноградъ или персики?

— Персики!—произнесла Надя и по разсѣянности забыла запереть кранъ самовара.

Павлуша бросился исправлять эту ошибку и опять пустилъ въ ходъ свой носовой платокъ.

Веселость Нади, все-таки нѣсколько искусственная, стала испаряться понемногу. Она выждала моментъ, когда ея молодой гость, не отстававшій отъ нея ни шагу, подошелъ, наконецъ, къ играющимъ и остановился за стуломъ отца, заинтересовавшись розыгрышемъ, и тихонько пошла въ глубину сада.

Она дошла до самаго конца, гдѣ стѣнка была значительно ниже и подняла голову. Звукъ копытъ вывелъ ее изъ задумчивости.

— Надежда Федоровна! Надежда Федоровна! гдѣ вы?—послышался голосъ молодго Глухарева.

— Я... я сейчасъ,—растерялась Надя, бѣгомъ побѣжала по дорожкѣ и прямо черезъ террасу, въ свою комнату. Оттуда, убѣдившись, что за нею не слѣдятъ, она перешла въ залъ и приподняла опущенную стору.

— Надежда Федоровна!—снова послышался голосъ Павлуши.

Надя досадливо передернула плечами, отошла отъ окна и снова погрузилась въ задумчивость.

Вышла она въ садъ уже не такая веселая, и это обстоя-

тельство не укрылось отъ наблюдательнаго взора старика Глухарева.

— Что, не головка ли опять разболѣлась?—обратился онъ къ ней съ участіемъ.

— Да,—чуть слышно отвѣтила дѣвушка.

— Можетъ сегодня, въ жару, не выходили-ли вы на солнце съ открытою головою?—замѣтилъ отецъ Павелъ.—Этого здѣсь отнюдь не слѣдуетъ дѣлать.

— Устала тоже!—резонировалъ старый Глухаревъ.—Вѣдь съ такой дороги въ одну ночь не отдохнешь... Она, другому, съ непривычки ежели, мѣсяцами отдается... Кому сдавать, господа?..

— Ничего, это пройдетъ! — тряхнула головою Надя.— Только...

— А вотъ что, голубка моя,—оставилъ карты Иванъ Акимовичъ.—Ты иди-ко себѣ спать, кликни Анисью и съ Богомъ... Мы тутъ и безъ тебя справимся! Вотъ доиграемъ пульку, закусимъ да и уйдемъ—десятый часъ, если не ошибаюсь?

— Безъ четверти!—справился съ своею луковицею Шелобовъ.

— Можно?—переспросила Надя и обрадовалась.

— Должно, не только что можно,—сказалъ Глухаревъ-отецъ.—Анисья, иди укладывать барышню! Анисья!.. Силантій, разыщи ты эту востроносую!.. Ну, господа, кто что говоритъ?

— Да я опять въ бубны,—произнесъ отецъ Павелъ.

Надя ушла. Гости ея, хотя и отдѣляло отъ спальни хозяйки порядочное пространство, понизили голосъ.

— Пасъ!

— Пасъ!

— И превосходно!.. Занесемъ въ книгу судебъ... Гдѣ мѣлокъ то? Эвона гдѣ, сронили!..

Батюшка нагнулся и сталъ шарить около своего стула.

Абрекъ, должно быть своевольно, повернулъ въ эту сторону и повезъ Павла Петровича какъ разъ мимо садовой стѣнки. Хотя подъ такимъ ѣздокомъ, какъ Криницынъ, никакой ретивый конь не можетъ имѣть своей воли, но на этотъ разъ вышло исключеніе.

Павелъ Петровичъ очень хорошо видѣлъ красивое, взволнованное лицо дѣвушки, смотрѣвшее на него въ упоръ широко раскрытыми глазами. Надя была увѣрена, что ея незамѣтно въ густой тѣни кустовъ. Обогнувъ домъ, Павелъ Петровичъ опять повернулся на сѣдлѣ и видѣлъ, какъ колыхнулась оконная занавѣска, видѣлъ опять на мгновеніе—тѣ же, широко раскрытые чудные глаза... и улыбнулся, про себя только. Онъ умѣлъ такъ улыбаться, что ни его глаза, ни малѣйшее движеніе губъ не выдавали этой улыбки. Однако, въ эту ночь, портретъ кузины Мэдъ былъ почему то забытъ на письменномъ столѣ и не попалъ на ночной столикъ, къ постели Павла Петровича.

Онъ собирался было писать въ Петербургъ и отложилъ свое намѣреніе до другого раза. Ему не спалось.

А на другой день онъ получилъ, совершенно неожиданно, записку съ запахомъ пачули, слѣдующаго, простаго, но все-таки загадочнаго содержанія:

«Милостивый государь,

Уважаемый Павелъ Петровичъ!

Не откажите пожаловать завтра въ пять часовъ вечера ко мнѣ на чашку чая. Васъ, можетъ быть, удивитъ мое приглашеніе, но, тѣмъ не менѣе, остаюсь въ полной увѣренности, что вы не захотите обидѣть меня вашимъ отказомъ.

Глубоко уважающая васъ

Аделина Розенблюмъ.

P. S. Никого изъ вашихъ враговъ у меня вы не встрѣтите. Еще разъ жду и жду... Вы будете довольны.»

Павелъ Петровичъ рѣшилъ, что пойти можно.

XIV.

— А ты не торопись,—говорилъ Иванъ Акимовичъ Павлушѣ, сидя въ халатѣ и раскуривая свою длинную турецкую трубку.—Ты не сразу. Она тебя не только что въ первый разъ видитъ, она о тебѣ и не думала никогда, существованія твоего на семъ свѣтѣ не предполагала. Федоръ-то, покойный, въ письмахъ когда упоминалъ, это пустяки. Шелобовъ дорогою, это тоже не важность! Иной разъ этакъ-то хва-

лить—и перехвалить можно... бываетъ! Такъ вотъ ты это все сообрази и не горячись!

— Я понимаю, папаша, я это все очень хорошо понимаю,—тоскливо нылъ, лежа подъ одѣяломъ, Павлуша.—Я вотъ тоже ее не видалъ, а сразу, съ перваго взгляда, да что съ перваго взгляда! Я вотъ, и не видѣвши ее вовсе, полюбилъ, а какъ увидѣлъ...

— Да вѣдь, понимаешь ты, это не уйдетъ. Только и съ твоей стороны надо все-таки осторожнѣе быть и послѣдовательнѣй. Я тебѣ скажу откровенно, и ты на отца не обижайся. Я вѣдь все видѣлъ и все понималъ. И скажу тебѣ прямо, безъ обиняковъ, по-солдатски: ты ей съ перваго взгляда не понравился.

— Папаша!..

— Что, папаша, что! Ты вотъ самъ солдатъ, а разрюмился. Нѣтъ, братъ, раскисать нельзя, этого тоже женское сословіе не любитъ. То-есть, я хотѣлъ сказать, что... ну, какъ бы это тебѣ выразить понятнѣе. Она, можетъ быть, тебя представляла себѣ нѣсколько иначе. Богъ ее знаетъ! но только, когда ты къ ней пришелъ, она поглядѣла на тебя и подумала: «Ахъ, молъ, не то!» Уже это, другъ мой, я тогда же намоталъ себѣ на усъ. Тутъ ты не виноватъ и огорчаться пока нечѣмъ. Не съ одного маха города берутъ! Съ перваго взгляда не понравился, съумѣй понравиться послѣ. Оно, знаешь, еще прочнѣе бываетъ. И ты моего совѣта слушай. Я тоже прожилъ довольно и всякихъ видовъ перевидалъ порядочно! За своею женою, а твоею матерью—я, можетъ быть, не одинъ годъ ухаживалъ. Такія траншеи выводилъ, что и нашему инженеру не вывести, а все-таки на своемъ поставилъ. Маменька твоя меня цѣлый годъ видѣть не могла, а потомъ души во мнѣ не чаяла. Всяко, братъ, бываетъ!

— За что же? за что же мнѣ-то, папенька!—всхлипнулъ Павлуша.—Что же во мнѣ-то она нашла такого противнаго?

— А во мнѣ что твоя маменька? Я вѣдь тоже почище тебя молодецъ былъ. Я, братъ, на ея глазахъ, на пожарѣ цѣлую семью повытаскивалъ, самъ чуть не сгорѣлъ. Кругомъ стонъ-стономъ стоялъ: «Молодецъ, да молодчина. Герой!»—а не помогло тогда, прислала только въ госпиталь, гдѣ я лежалъ, банку варенья, а сама и не навѣдалась даже. Такъ-то!

Въ женскомъ сердцѣ, что въ колодцѣ глубокомъ, ничего не разглядишь, пока само не всплыветъ наверхъ.

— Всѣ вотъ по форту говорятъ, что я женихъ, невѣста, молъ, моя пріѣхала, а тутъ вонъ оно какъ!

Павлуша сѣлъ на постели и свѣсилъ на коверъ свои босыя ноги.

— Я, папаша, тоже понимаю хорошо,—продолжалъ онъ,— и заслужить ея любовь постараюсь. Вотъ если бы только другой кто не перебилъ.

— «Другой!.. Ну», подумалъ старикъ Глухаревъ...—Другой,— повторилъ онъ вслухъ;—этого, другого, пока не видать что-то. Ползунковъ развѣ? Гдѣ тому? такой ей не понравится. Нѣтъ, Пашка, твое счастье, а здѣсь конкурентовъ опасаться нечего. Только опять-таки я совѣтую держать себя съ нею умно и толково и отнюдь нюни не распускать, подтянись, братъ! Обращайся съ нею просто, дружески, какъ братъ съ сестрою, будь всегда веселъ, ублажай ее со всѣхъ концовъ, только не надоѣдай. Понимаешь ли ты, что значитъ: *не надоѣдай?* — это значитъ: ни единой минуты, слышишь, ни единой минуты не будь ей въ тягость, и съ любовью своей не приставай ни въ какомъ случаѣ. Каждый день тоже нечего шляться, роли не выдержишь, повторяться станешь... Вотъ завтра на охоту ступай, да дня на три. Выжди пока сама не спроситъ: «а гдѣ же, молъ, Павелъ Ивановичъ?» Тамъ я уже знаю, что и какъ отвѣчать ей надо. Покажись ей, молодецъ-молодцомъ, а тамъ—опять въ отлучку. Богъ дастъ добьешся, что и о тебѣ соскучатся, а отъ скуки уже не далеко и до чего другого. Бываетъ, знаешь ли ты, что бываетъ полезно иной разъ? То-то, не знаешь! А я тебѣ скажу: бываетъ полезно, когда ты и за другой при ней приволокнешься. Вотъ хоть за Груней. Впрочемъ, нѣтъ, ту оставь... ту жалко, а вотъ, вали хоть за докторшей нашей.

— Папенька!

— Да вѣдь я для шутки, для примѣра только. Главное только не напоминай ей самой о своей любви, съ чувствами-то этими какъ можно подальше. Вотъ что главное! И все, повѣрь мнѣ, будетъ въ свое время обстоять вполнѣ благополучно. Ну, ложись спать! пора! Вотъ я докурю и самъ завалюсь. Утро вечера мудренѣе!

Улегся Павлуша, минуту спустя и старикъ Глухаревъ сталъ постукивать о подоконникъ своею трубкою.

— Не объ одномъ тебѣ хлопочу я,—началъ опять резонировать Иванъ Акимовичъ.—Объ ней, о Надѣ, можетъ быть еще больше. Я увѣренъ, что лучше тебя ей не найти мужа. Не потому говорю это, что ты сынъ мой,—коли бы ты былъ не подъ пару, такъ я и не посмотрѣлъ бы, что сынъ, самъ бы скомандовалъ тебѣ: «отчаливай!»—такъ-то! Знаю я почему жду не дождусь этой свадьбы. Умру покойно и съ чистою совѣстью явлюсь тамъ, къ матушкѣ твоей и къ другу Федору съ отчетомъ. Опять же она дѣвушка не безъ средствъ къ жизни, у тебя тоже есть; будетъ чѣмъ и дѣтей на ноги поставить. Эхъ, Паша, Паша! Ну, однако, все-таки спи! Вонъ оно, ужъ и свѣтать скоро станетъ, а завтра мнѣ рано въ складъ надо, казакамъ патроны выдавать. Ты которымъ часомъ требованіе помѣтилъ?

— На половину шестого назначилъ.

— То-то!

— Иванъ Акимычъ, а Иванъ Акимычъ!—раздался голосъ Шелобова за перегородкою.—А я такъ все думаю: не купить ли мнѣ Абрека Кининцынскаго—ты какъ полагаешь?

— Я думалъ—ты ужъ второй сонъ видишь!—отвѣчалъ старикъ Глухаревъ.

— Не спится что-то. Кининцынъ хочетъ за коня пять радужныхъ. Я дамъ. Хоть и дешевле можно купить, а я дамъ, Богъ съ нимъ! Ему, можетъ быть, на дорогу деньги нужны. Получитъ да и уѣдетъ поскорѣе! Какъ ты думаешь?

— Гм!—поперхнулся Иванъ Акимовичъ.—Давно бы ему пора убираться отсюда! что жъ, покупай, лошадь хорошая.

— А то можетъ быть ты купишь, для Павлуши? я перебивать не намѣренъ. Оно, знаешь, очень пріятно; Павлуша, ты спишь что ли? Осѣдлаешь этакъ лихого коня, да мимо окошекъ чьихъ-нибудь козыремъ, Павлуша?..

Но ни Павлуша, ни Иванъ Акимовичъ не отвѣчали на эту Шелобовскую шутку. Шелобовъ больше не продолжалъ.

Всѣ трое одинаково поняли ея значеніе, и на всѣхъ трехъ напоминаніе о Кининцынѣ подѣйствовало, почему-то, крайне раздражительно.

Заснули наши пріятели или нѣтъ, но только въ квартирѣ Глухарева настало теперь полное молчаніе.

XV.

Туманъ, сплошной, холодный, непроницаемый повисъ въ воздухѣ и подъ этою сизою стѣною высятся далекія горы, уходя въ лазурное небо своими вершинами. Вѣчные льды покрываютъ мшистый гранитъ, алмазами сверкаютъ они на солнцѣ, чудными линіями рисуясь въ прозрачномъ золотистомъ эфирѣ. Несется вверхъ крылатый конь, не чувствуя шпоръ, не чувствуя, струною натянутаго, повода. Это не конь, это самъ вѣтеръ... и охватилъ онъ безсильнаго всадника, отнялъ у него сознаніе, отнялъ волю, и несетъ въ безконечное пространство.

И все также далеко алмазныя выси, словно онѣ тоже уносятся дальше и дальше и съ собою уносятъ дивный образъ, образъ женщины.

Съ укоромъ смотрятъ кроткіе глаза, золотою короною обложили мраморный лобъ роскошныя косы, ея губы шепчутъ призывъ. И никто этого призыва, кромѣ него, не слышитъ...

— Сюда... ко мнѣ! Что же ты, безсильный! Мнѣ холодно здѣсь, мое сердце замираетъ и стынетъ, а съ нимъ и жизнь. Сюда!..

Машетъ могучими крыльями конь, гудитъ уныло вѣтеръ, пронизывая крѣпкія кольца желѣзной цѣпи. Это тамъ, внизу, за неподвижною стѣною тумана, держитъ его злая, невидимая сила и борется эта сила съ силою крыльевъ волшебнаго коня, борется съ силою другихъ крыльевъ, словно выросшихъ изъ его сердца.

Это не ударъ грома, это не молнія ослѣпительно блеснула въ глаза, это разомъ лопнула проклятая цѣпь, и подхватило горное эхо металлическіе, предсмертные стоны, понесло его по ущельямъ безконечными перекатами.

Съ размаха ринулся освобожденный конь, словно солнце засверкала вверху кроткая, радостная улыбка. Близко-близко. Вотъ-вотъ готовы коснуться ея съ мольбою протянутыя руки. Темная, угрюмая скала выросла въ мгновеніе передъ его глазами и закрыла собою все. Съ розмаха ударился разлетѣвшійся конь, грудью хватился очарованный всадникъ. Скала! нѣтъ, это не скала! это страшный затылокъ, сѣдой, съ черною сіяющей пробоиной. И разомъ настала ночь, разомъ оку-

тала все непроницаемою тьмою. Красные огни замелькали внизу. Это волки въ кустахъ, это тигръ, сквозь камышъ завидѣвшій легкую добычу. Это факелы! Да, погребальное, унылое шествіе. Вотъ они движутся безконечною вереницею, поютъ и разноситъ вѣтромъ огненныя искры ихъ факеловъ. Кони, покрытые черными попонами, тяжело тащатъ высокую, траурную колесницу, неистово визжатъ и скрипятъ немазанныя колеса, гнутся дроги подъ страшною тяжестью и не балдахинъ это, какъ казалось прежде, издали нѣтъ, это висилица. Стаи воронов усѣлись въ рядъ на ея перекладинѣ. Колышется веревочная петля, словно змѣя вьется съ раскрытою пастью, готовая ринуться на добычу.

— Кому?

— Я не хочу знать кому, это не я спрашивалъ,—нѣтъ! это сердце само, безъ моей воли, спросило. Не надо отвѣта! не надо! молчи!

— Тебѣ!—стонетъ неумолимое горное эхо.

Черные люди, съ закрытыми лицами, окружили его со всѣхъ сторонъ и съ розмаха воткнули въ землю свои факелы. Его берутъ, его тянутъ на эшафотъ, прямо подъ эту ненавистную петлю. Навстрѣчу ему двинулся страшный палачъ, и лицо этого палача знакомо ему, знакомъ ему этотъ багровый носъ, эти, щетиною торчащіе усы, эти осоловѣлые отъ пьянства, безжизненные, глаза.

— Покажи мнѣ свои руки! руки покажи! чисты ли онѣ у тебя?—хрипитъ знакомый голосъ.

И вдругъ, розовое, теплое, мягкое такое облачко налетѣло на него, окутало и вынесло изъ этого страшнаго круга. И опять въ этомъ облачкѣ мелькаютъ чудныя формы, опять тѣ же кроткіе, дѣтски чистые глаза, опять надъ мраморнымъ лбомъ—золотая корона. И исчезли вмѣстѣ съ ночною тьмою ненавистные призраки позора и казни. Чудная картина разворачивается передъ глазами: зеленые сады, журчащіе ручьи, серебряная пѣна рокочущихъ водонадовъ. Стройныя пальмы, бѣлые, легкіе минареты, призывной голосъ муллы, мелодія струнъ и веселый дребезгъ тамбурина.

Откинувъ бѣлую чадру, змѣею извивается женщина, чуть касаясь ковра своими легкими, полуобнаженными ногами. Это она! это кузина Мэдъ. Она видитъ его и хохочетъ. Звонко

разносится ея злой, насмѣшливый хохотъ, а ему все равно. Ему здѣсь такъ хорошо, такъ отрадно лежать на мягкомъ коврѣ, ему такъ сладко чувствовать на своемъ пылающемъ лбу эту нѣжную, любящую руку. Только зачѣмъ этотъ черный, этотъ курносый негръ смотритъ сюда и тоже смѣется. Словно сажею вымазанное лицо лоснится на солнцѣ, сверкаютъ и щелкаютъ оскаленные зубы. И не зубы это, не ротъ! это затылокъ и на немъ...

— Уйди ты отъ меня, сгинь ненавистное видѣніе! Тамъ за гробомъ, твоя сила, здѣсь жизнь! Я живу, и не хочу знать ничего, что за предѣлами могилы... Сгинь!

— Ты ближе къ ней, чѣмъ думаешь! — говоритъ кузина Мэдъ.

— C'ette affreux!—шепчутъ желтыя, высохшія губы княгини Расбросовой.

Вотъ она сидитъ въ своемъ зеленомъ креслѣ и гладитъ косматую, слѣпую болонку.

— Ну, ужъ этого я никакъ не могъ ожидать,—шепелявилъ Грунинъ, вытирая ротъ салфеткою.—И, конечно, Поль, ты согласишься со мною, что правосудіе выше дружбы.

— C'ette affreux!—все заладила свое старушка-княгиня. Кусь его! кусь гадкаго! Мимишка, кусь, кусь!

И вдругъ эта дрянная, жалкая собаченка все ростетъ и растетъ, она весь садъ наполняетъ своею косматою фигурою. Она съ ревомъ бросается на него, вцѣпилась ему въ горло зубами, душитъ его по кускамъ разрываетъ на части.

— Готово?—спрашиваетъ нагнувшись Шелобовъ.

— Готово,—отвѣчаетъ Иванъ Акимовичъ.

И хочетъ онъ имъ сказать: «Нѣтъ, еще рано! я живъ! я жить хочу и буду!» И чувствуетъ уже, что жизнь снова начинаетъ пробиваться въ его жилахъ, снова, медленно, тихо начинаетъ биться сердце. Струя свѣжаго воздуха сладко такъ пробирается въ его легкія. Сѣрыя стѣны отошли и стали, и онъ видитъ на нихъ безчисленныя трещины, слѣды аляповатой живописи и позолоты, полки съ какими-то синими горшками и банками, а дальше дверь, и за дверью зелень деревьевъ, залитая лучами солнца. И это все уже прочное, не призрачное.

— Что это, сонъ? Нѣтъ, это уже не сонъ... Вонъ и го-

лосъ Миробая, вонъ и лязгъ мѣднаго кунгана, топотня босыхъ ногъ по циновкамъ. Это Алибей и Мамунъ хлопочутъ.

Крипицынъ съ трудомъ поднялъ съ подушки свою отяжелѣвшую голову и приподнялся.

Около него, съ одной стороны, лежалъ на коврѣ какой-то нищій-оборванецъ, разметавшись, въ полномъ опьяненіи. Его ротъ растянулся въ циничную улыбку, глаза были полураскрыты, но ничего не видѣли. Съ другой стороны лежалъ кто-то въ красномъ халатѣ, ничкомъ, его трясло какъ въ лихорадкѣ; въ углу сидѣла угрюмая фигура, тоже въ лахмотьяхъ, опустивъ гладко обритую голову на колѣна.

— Какая мерзость!—подумалъ Павелъ Петровичъ, съ трудомъ поднялся на ноги, покачнулся и сталъ приводить въ порядокъ одежду.

— Хорошо спалъ?—спросилъ Миробай, заглядывая въ двери сакли.

— Сначала оно всегда тяжело немного,—продолжалъ онъ, не дождавшись отвѣта.—А зато послѣ хорошо! Охъ, какъ хорошо будетъ! Я тебѣ сейчасъ Мамуна пошлю; онъ тебѣ воды принесетъ, холодной, умыться, а чай пить ко мнѣ иди. Зеленый чай очень послѣ этого помогаетъ.

— Потомъ хорошо, потомъ очень хорошо будетъ! — повторялъ и батча, входя съ мѣднымъ тазомъ и шелковымъ полотенцемъ.

— Теперь еще рано! Солнце только что взошло и весь народъ спитъ. Иди сюда! тебя никто не можетъ видѣть,—пригласилъ Миробай, съ гордостью поправляя на своемъ халатѣ свѣтло-бронзовую медаль на анненской лентѣ.

Павелъ Петровичъ намочилъ полотенце, обвилъ имъ свою воспаленную голову и съ жадностью принялся глотать горячій чай, чувствуя, какъ этотъ ароматическій напитокъ успѣшно начиналъ бороться съ тяжелыми послѣдствіями опьяненія.

Алибей не успѣвалъ подливать его маленькую чашечку изъ кунга. Миробай пытливо, искоса поглядывалъ на своего гостя, поглаживая рѣдкую, сѣдую бороду, скользя съ наслажденіемъ крючковатыми пальцами по чекану своей, достойно заслуженной «награды».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

«Да, надо ѣхать! Надо ѣхать, и какъ можно скорѣе!» рѣшилъ Павелъ Петровичъ и приказалъ укладываться.

Такъ нетерпѣливо ожидаемый отпускъ давно уже былъ полученъ и праздно лежалъ на письменномъ столѣ Криницына. Замедленіе отъѣзда давно уже служило темою разговоровъ по всему Глухому форту, перетолковываясь на разные лады... Имя Нади неразрывно слилось съ этими толками и пересудами.

«Что это? Любовь?—не разъ задумывался Павелъ Петровичъ.—Это вздоръ! Ребенокъ, институтка, смазливое, молодое личико... Какъ это глупо, странно!.. Это пустяки! это бредъ разстроеннаго воображенія, нелѣпыя грезы, навѣянныя дымомъ гашиша».

И Павелъ Петровичъ самъ разбивалъ свои доводы, самъ растравлялъ свое болѣзненное чувство, припоминая черты очаровавшей его дѣвушки, изучая эти черты до малѣйшей подробности, вызывая ихъ въ своемъ воображеніи.

Онъ только разъ слышалъ ея голосъ, и то не къ нему обращенный: и этотъ голосъ такъ и сохранился въ его памяти, мелодично звуча въ минуты полнаго затишья, каждый разъ тоскливо сжимая его сердце.

«Почему же тоскливо?.. Почему такъ болѣзненно?.. Развѣ любовь чувство тяжелое, злое? Развѣ не любовь заставляетъ сердце биться живѣе, радостнѣе?..

«Значитъ это не любовь!» рѣшалъ Криницынъ, снова принимаясь тщательно анализировать свое новое чувство.

Много разъ любилъ онъ въ своей жизни... Случалось, что и разсудокъ терялъ подъ вліяніемъ этого чувства... Приходила любовь жгучими порывами, уходила, быстро охлаждаясь, не оставляя никакихъ тяготящихъ послѣдствій. Или то не была любовь? А вотъ теперь-то именно она и настала... И вотъ онъ, сильный опытомъ жизни, привыкшій смотрѣть на женщинъ свысока, съ исключительно чувственной стороны, онъ разбитъ теперь самъ и лежитъ у ногъ дѣвчонки-институтки. Глупо и неправдоподобно! Унизительно!..

«Это пройдетъ,—рѣшилъ Криницынъ.—Надо бросить все и уѣхать. Тамъ, сила новыхъ впечатлѣній, сила жизни, выбьетъ болѣзненный бредъ изъ его головы,—бредъ томительный и опасный. И онъ самъ будетъ хохотать надъ своею романической слабостью, только скроетъ ее глубоко, чтобы не вызвать со стороны своихъ вполнѣ заслуженнаго смѣха...

«Я не могу понять, что говоритъ она своимъ довѣрчиво-кроткимъ взглядомъ»,—снова возвращался Павелъ Петровичъ къ исходной точкѣ своихъ терзаній и начиналъ обыкновенно припоминать себѣ все—отъ первой встрѣчи въ кишлакѣ Бешъ-арыкъ.

Онъ вспомнилъ теперь то, что въ минуту этой первой встрѣчи имъ было почти совсѣмъ незамѣчено. Теперь онъ не сомнѣвался въ томъ, что ея глаза смотрѣли на него восторженно. Надя смотрѣла на него не какъ на человѣка незнакомаго... Она точно звала его, точно говорила ему: «Здравствуй... Вотъ и я!.. твоя...» Затѣмъ опять... два раза, два раза, менѣе чѣмъ въ минуту... Тамъ, изъ-за стѣны сада, тамъ, въ окнѣ, за колыхнувшейся занавѣскою...

Ну, что за важность! Криницынъ сознавалъ себя красавцемъ, на котораго заглядѣться нетрудно, особенно для молоденькой институтки. Онъ не разъ испытывалъ на себѣ подобные взгляды... Это ему льстило, это заставляло его иной разъ выпрямиться особенно гордо, порисоваться немного, пококетничать... это все пустяки! Такіе взгляды никакихъ слѣдовъ не оставляютъ и забываются скоро... Эти же были не такіе...

Разъ она сидѣла въ экипажѣ... съ нею рядомъ Груня, на козлахъ Павлуша; Шелобовъ и Глухаревъ скакали по бокамъ. Сзади, въ пыли, виднѣлись еще экипажи. Они тамъ, гдѣ-то на озерѣ, пикникъ устроили. Должно быть весело было! До-

рогою смѣялись и пѣли. Голосъ Нади раздавался особенно громко.

Шелобовъ тронулъ коня плетью и загородилъ отъ него Надю, но она успѣла взглянуть, она увидѣла и разомъ смолкла. Шелобовъ ударилъ свою лошадь не случайно, это ясно. Однако Надя уже больше не смѣялась. Она молчала всю дорогу. Вѣдь Криницынъ до самаго дома, проводилъ ее, стороною отъ дороги, правда, но, тѣмъ не менѣе, настолько близко, что не могъ бы проронить ни малѣйшаго звука ея голоса.

Онъ видѣлъ ее въ церкви. Онъ самъ попалъ въ церковь только потому, что видѣлъ, какъ она вошла туда, подъ руку со старикомъ Глухаревымъ.

Всѣ кругомъ смотрѣли на него двусмысленно, но какое ему дѣло до всѣхъ?! Онъ прошелъ впередъ и сталъ у клироса—и Надя стояла впереди тоже. Лицо у ней было покойное, легкій румянецъ игралъ на полненькихъ щечкахъ. Она его не могла видѣть, но видѣла—она опустилась на колѣна и простояла такъ всю службу. Она поблѣднѣла, какъ полотно. Она не молилась, нѣтъ!.. Это всѣ думали, глядя на нее, всѣ принимали ея чувства за жаркую, дѣтски-чистую молитву, но она не молилась... И Криницынъ зналъ, что занимало ее въ эти минуты. Зналъ и не спускалъ съ нея глазъ, но чувствовалъ, что еслибъ у ней хватило силы на его пристальный взглядъ отвѣтить тѣмъ же, онъ бы не выдержалъ и потупился.

Разъ, выходя отъ Аделаиды Розеблюмъ, Павелъ Петровичъ столкнулся на порогѣ, лицомъ къ лицу съ самой Надею. Провожавшая гостя, хозяйка успѣла таки представить его новой гостьѣ. Надя попятилась и прислонилась къ косяку двери; лицо ея вспыхнуло яркою краскою, глаза заискрились и страхомъ и радостью, она протянула ему руку... Въ первый разъ въ своей жизни Криницынъ испыталъ подобное прикосновеніе.

— Останьтесь еще... Поговорите,—приставала хозяйка, но Криницынъ не остался. Онъ стремительно шагнулъ черезъ порогъ и вышелъ. Почему? и самъ не могъ отдать себѣ отчета. И проклиналъ онъ свое невольное движеніе и хотѣлъ было вернуться, предлогъ даже подъискалъ подходящій, но не вернулся... И снова провелъ мучительно сладкую ночь, подъ гостепріимнымъ сводомъ потаенной сакли Миробая.

Что-то особенно часто онъ сталъ туда навѣдываться, втягиваясь все болѣе и болѣе въ чарующія лапы этой отвратительной страсти.

И не одну ночь онъ провелъ безъ сна, охваченный безсознательнымъ бредомъ. Павелъ Петровичъ сталъ накрѣпко запираться у себя въ комнатѣ. Онъ вовсе не хотѣлъ, чтобы кто нибудь могъ быть посвященъ случайно въ тайну его мучительныхъ галлюцинацій.

Странный случай произошелъ съ нимъ однажды, во время прогулки. Криницынъ проходилъ базарною площадью. Прямо на землѣ, повсюду были разложены войлоки и циновки, на нихъ незатѣйливый туземный товаръ. Продавцы-киргизы сидѣли около, зазывая покупателей. Развьюченные верблюды лежали неподвижно, пережевывая свою зеленую жвачку. Группы бараповъ, предназначенныхъ подъ ножи мясниковъ, покорно и тупо смотрѣли въ глаза своимъ палачамъ. Въ воздухѣ стономъ стоялъ базарный гулъ. Солнце палило невыносимо, и въ одномъ мѣстѣ, на самомъ припекѣ, сидѣлъ старикъ, слѣпой нищій и бормоталъ какія-то молитвы. Около стояла глиняная чашечка для сбора подаяній, пока еще пустая. На головѣ старика была громадная, сѣрая баранья шапка, сдвинутая на затылокъ, грязныя лохмотья едва прикрывали его сухое, словно изъ темной бронзы отлитое тѣло. Криницынъ прошелъ мимо, но вернулся и остановился какъ разъ передъ этимъ нищимъ. Заслышавъ эти шаги, слѣпой поднялъ голову и заморгалъ своими, сплошь залитыми бѣльмами глазами. Онъ уже давно не видѣлъ свѣта, для него давно уже наступила вѣчная ночь, но Криницыну эти мертвые глаза показались живыми. Просительная, жалкая гримаса несчастнаго показалась ему злою усмѣшкою.

— Я хорошо вижу,—будто бы произнесъ старикъ. — Но тебя... мои глаза не могутъ видѣть тѣла, но Аллахъ даровалъ имъ возможность видѣть душу... а я твою душу вижу. Я вижу въ ней все, что тобою такъ ревниво хранится... Я вижу все!..

Криницынъ швырнулъ въ его чашку пригоршню серебряной мелочи. Звонъ металла заставилъ нищаго съ жадностью ринуться на добычу. Кругомъ загудѣли удивленные голоса.

— Менеке! менеке! (мое! мое!),—забормотали сухія, желтыя губы. Слѣпой прикрылъ чашку обѣими, трясущимися руками

и навалился на нее своимъ тѣломъ. Онъ боялся, чтобы у него не отняли эти деньги... Не подумалъ бы кто нибудь, что это уже слишкомъ много для его насущныхъ потребностей.

Обаяніе исчезло. Павелъ Петровичъ вздохнулъ свободно и удалился.

— Откупился!—мелькнуло у него въ головѣ—и, оглянувшись по сторонамъ, онъ повернулъ налѣво по узкой тропинкѣ, по задамъ базарныхъ сакель, словно желая избѣгнуть этой торной и людной дороги.

— Да, надо ѣхать—и ѣхать какъ можно скорѣе!..—рѣшилъ онъ еще разъ.

Но прошли дни, за днями недѣли, а сложенный аккуратно, форменно обрѣзанный листъ бумаги, съ печатью и начальническими подписями, до сихъ поръ еще праздно лежалъ на своемъ мѣстѣ, на письменномъ столѣ Павла Петровича.

II.

Своею неизмѣнною чередою проходило время. Наступила осень, съ темными, морозными ночами. Пожелтѣли и осыпались листья на деревьяхъ... краснымъ заревомъ запылали желтыя заросли камышей... Весь горизонтъ затянуло дымомъ осеннихъ паловъ. Только въ полдень еще усиленно грѣло южное солнце, радужнымъ блескомъ играя на легкой паутинѣ, носящейся въ воздухѣ...

Много измѣнилось въ жизни Глухого форта, многое пошло не такъ, какъ предполагалось его обитателями.

Павлушѣ не удалось вызвать въ сердцѣ Нади хотя тѣнь сочувствія. Онъ понималъ это ясно, онъ понималъ даже болѣе; онъ видѣлъ, что, вмѣсто желаннаго сочувствія, любимая дѣвушка относится къ нему съ чувствомъ чуть не гадливости.

Молодой Глухаревъ осунулся и чуть было не запилъ съ горя... Трудно только было это сдѣлать, подъ строгимъ присмотромъ отца и Шелобова.

Веселаго, краснощекаго мальчика нельзя было узнать: онъ бродилъ, какъ тѣнь, выискивая случай, какъ бы повидаться съ Надею... Случаи были далеко не рѣдки, и, послѣ каждаго такого посѣщенія, между нимъ и Надею шире и глубже развертывалась раздѣлявшая ихъ пропасть...

Посѣщенія влюбленнаго жениха стали для бѣдной невѣсты положительно невыносимы. Это замѣтилъ и Иванъ Акимовичъ, и готовъ уже былъ запретить своему сыну эти посѣщенія.

Старикъ Глухаревъ и самъ все понималъ, но все еще не терялъ надежды. Онъ даже проникъ близко въ тайныя причины всего происходящаго, молчалъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъѣзда Криницына... Онъ только зорко стерегъ, чтобы какъ нибудь не случилось чего худшаго, и постоянно совѣщался на эту тему со своимъ другомъ, Шелобовымъ.

— Головы не унесетъ!—успокаивалъ его Василій Иванович.—Ноги переломаю, если только тотъ подумаетъ о такомъ дѣлѣ.

— Насильно милъ не будешь!—вздохнулъ Иванъ Акимовичъ...—Эхъ! проваливалъ бы поскорѣе!.. Все послѣ перемелется!

Сердце добраго старика болѣло двойною болью: и за сына, и за свою пріемную дочь, Надюшеньку.

Груня тоже смирилась. Она, видя страданія Павлуши, смѣнила гнѣвъ на милость.

Добрая дѣвушка часто видѣлась съ молодымъ Глухаревымъ, утѣшала его, какъ могла, хотя, по временамъ, ея утѣшенія походили скорѣе на горькіе упреки... Она ему не разъ говорила...

— Ну, что разрюмился! Баба ты, а не мужчина!.. тряпка, прости Господи!.. Ну чего лѣзешь къ ней? видишь, что опостылѣлъ ты ей, ну и не ходи! и себя, и ее пуще тревожишь... Эхъ, терпѣть не могу, когда мужчина, да въ бабьи слезы ударится... Съ глазъ моихъ долой сейчасъ убирайся!

И Павлуша покорно исполнялъ ея повелѣніе.

Тогда Груня сама его останавливала, цѣловала въ голову, ласкала и мѣняла тонъ.

— Да полно же тебѣ, голубчикъ, да ты потерпи... Бываетъ, что сегодня постылъ, а завтра милъ дружекъ будешь... Понимаю я твое сердце, ухъ, какъ понимаю!.. А ты не опускай хвостъ, держись козыремъ, сдѣлай хоть видъ, что плюнулъ да забылъ... Ей же Богу, прости Господи, лучше будетъ... Вотъ ты и въ лицѣ осунулся, заболѣешь того и гляди, ну, что хорошаго... Милый ты мой, голубчикъ подстрѣленный!

И Груня снова принималась гладить Павлушу по его стриженной головѣ и сама съ нимъ вмѣстѣ плакала... А въ такія минуты Павлуша чувствовалъ себя лучше, покойнѣе и давалъ

слово непремѣнно послѣдовать Груничкиному совѣту, а на другой, а то и въ тотъ же день, забывая о своемъ словѣ, нарушалъ его почти безсознательно.

— Вотъ, не забиралъ бы себѣ въ голову вмѣстѣ со отцомъ своимъ, не прыгалъ бы выше носа, много лучше было бы,—говорила Груня отходя всторону и, будто сердито, глядя на Павлушу...—Вишь ты, братъ, образованную барышню захотѣлъ. Вотъ теперь и кайся!.. Эхъ, любилъ бы ты меня,—счастливѣе жилось бы... Другую нашелъ, ну и иди къ той... уходи! слышишь... Ну, да постой! куда рванулся? не гонятъ тебя, на самомъ дѣлѣ... Что же ты рубахи свои не прислалъ чинить?.. изорвался чай весь, безъ женскаго присмотру.

— Я, Груня, пришлю...—бормоталъ молодой Глухаревъ,—я, вотъ ты говоришь, «не люблю тебя...» Это напрасно! я очень, очень... я все по прежнему люблю тебя, ты мнѣ все равно, что сестра родная... я...

— Сестра! ишь ты! сестра! нѣтъ, шалишь! ищи себѣ сестеръ въ другомъ околодкѣ... Любишь то ты меня любишь, да не такъ, какъ мнѣ надобно... такъ, какъ я тебя... Да что же ты стоишь, не идешь... Ужъ ты и вправду не подумай, что мнѣ отъ тебя прибыль какая... Прощайте, братецъ!

И Груня особенно подчеркивала послѣднее слово, а сама долго стояла у калитки, провожая глазами широкую спину и стриженный затылокъ своего Павлуши.

Иванъ Акимовичъ попытался поговорить съ Надею откровенно, по душѣ, онъ посовѣтовался предварительно съ Шелобовымъ и съ отцомъ Павломъ.

Первый сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, дѣло не испортишь.

Второй рѣшилъ, что «такъ и подобаетъ, назиданіе старшихъ и внушеніе можетъ быть не безполезно».

И вотъ Глухаревъ, выбравъ удобную минуту, приступилъ къ *внушенію*.

Онъ началъ издалека, съ описанія главнѣйшихъ чертъ семейной жизни и со всего того, что для семейнаго счастья необходимо, но едва только онъ коснулся Павлуши и своего завѣтнаго желанія, какъ умоляющій, полный отчаянія,

безпомощно покорный взглядъ Нади разомъ обезоружилъ всѣ его доводы...

— Иванъ Акимовичъ!.. папа!.. отецъ мой!.. что же вы со мною дѣлаете!..—истерически зарыдала Надя и колѣна у нея сами собою подогнулись.

— Голубка моя, дитя мое!—разрюмился тутъ и старикъ Глухаревъ.—Да что же мы, палачи твои, что-ли?.. Да вѣдь ты для меня все равно, что и Пашка... Господь съ тобою... Будь, что будетъ... но только до худого не допущу... Не буду, не буду больше!.. ну перестань же, ну посмотри, что ты съ собою сдѣлала! Такая ли ты къ намъ сюда пріѣхала?.. Ну, не буду, не буду!..

— Рано значитъ еще,—рѣшилъ Иванъ Акимовичъ, уходя послѣ своего внушенія, — что-же, подождемъ. А ты опять сюда?—встрѣтилъ онъ сына на порогѣ.

— Я, папаша, книжку вотъ... Онѣ книжку просили меня достать...

— Отдай книжку Силантію, да и ступай домой. Вотъ сейчасъ къ Огурчикову пойду похлопотать, нельзя ли тебя въ степь угнать съ командою, хоть на мѣсяцъ...

Только Шелобовъ одинъ умѣлъ успокоить Надю и не тяготить ее своимъ присутствіемъ. Онъ, обыкновенно, приходилъ къ ней весело, какъ ни въ чемъ не бывало, словно чуждый совершенно всего, что происходило. Онъ самъ мало разсказывалъ, все больше распрашивалъ ее объ интитутской жизни, объ томъ, чему ихъ тамъ учили, особенно интересовался всѣми мелочными подробностями и заставлялъ Надю припоминать ему всѣ трагическіе и комическіе эпизоды ея дѣтства. Обыкновенно, разсказчикъ особенно увлекается темою своего разсказа, когда замѣчаетъ возростающее вниманіе слушателей, а Шелобовъ былъ слушателемъ образцовымъ, и если пускался въ разсказы самъ, то всегда выбиралъ эпизоды самые занимательные и совсѣмъ чуждые тому, что болѣзненно томило душу дѣвушки.

Василій Ивановичъ никогда не спрашивалъ Надю объ ея здоровьѣ; онъ дѣлалъ видъ, что вовсе не замѣчаетъ никакихъ худыхъ перемѣнъ, онъ, напримѣръ, часто приходилъ къ обѣду и не заставлялъ Надю кушать, усиленно предлагая того и другого, а просто самъ подавалъ блестящій примѣръ своимъ

аппетитомъ и веселостью, и примѣръ его, какъ и всякій примѣръ, имѣлъ свойство заразительное. Надя кушала и слушала.

Василій Ивановичъ добился наконецъ того, что Надя ждала его посѣщеній, и на его громкое, веселое привѣтствіе отвѣчала даже иногда улыбкою и радушно протянутыми обѣими ручками.

— Вотъ, братъ, какъ надо! — объяснялъ все это Шелобовъ своему молодому другу, то есть Павлушѣ.

— Тебѣ хорошо, когда у тебя этого самаго чувства нѣту,—оправдывался неудачный женихъ.

— Нѣту!—переспрашивалъ Василій Ивановичъ.—Ты такъ и думаешь, что нѣту... Ну, пожалуй!.. Только, братъ, лучше, еслибы и у тебя его было поменьше.

Несмотря на мѣры, принятыя Глухаревымъ, Аделаида Францовна Розенблюмъ успѣвала врываться къ Надѣ, и не одинъ разъ даже. Она разсказывала ей о Криницынѣ, расписывала его терзанія по своему, врала, сочиняя цѣлыя тирады, якобы произносимыя на ея счетъ Павломъ Петровичемъ, заставляла Надю плакать навзрыдъ и сама рыдала съ нею вмѣстѣ, и, къ чести Криницына, дѣйствовала сама на свой рискъ, по своему собственному вдохновенію, безъ полномочій Павла Петровича.

И вотъ, мало-по-малу, Надя составила себѣ полную картину своего настоящаго положенія.

Тамъ терзается и гаснетъ любимый герой, одинокій, всѣми ненавидимый,—здѣсь она, окруженная непреодолимою стѣною, тоже одинокая, тоже гаснущая. Она чувствовала, какъ эти люди, предательски любящіе, нѣжны, сжимаютъ ее все болѣе и болѣе въ своихъ томительныхъ тискахъ и нѣтъ ей выхода, нѣтъ даже средствъ къ отступленію. Есть въ этой стѣнѣ только одна калитка, хотя и запертая тоже, но, вотъ-вотъ, готовая открыться, при малѣйшемъ ея прикосновеніи. Это—Василій Ивановичъ: и довѣрчиво жмется она къ нему.

Розенблюмъ увѣряла ее, что оба Глухаревы низкіе интриганы, что они льстятся ея домомъ и оставшимися по наслѣдству крохами. Она этому не вѣрила; она даже просила непрошенную покровительницу никогда и не заикаться объ такихъ вещахъ... Она вѣрила и любви отца, и любви Павлуши; и только сознавала, что именно эта любовь и составляетъ

всю суть ея несчастія. Когда она видѣла изъ окна приближающуюся фигуру Глухарева-отца, ей становилось невыносимо тяжело, но она все-таки охотно шла къ нему навстрѣчу и горячо цѣловала, если посѣщеніе обходилось безо всякихъ намековъ на роковой вопросъ... Убитый видъ Павлуши ей былъ ненавистенъ и она уже больше не показывалась ему вовсе. Но еслибы этотъ самый Павлуша, вмѣсто своей любви, предложилъ бы ей такую, какую онъ предлагалъ Грунѣ, то Надя съ восторгомъ кинулась бы къ нему на шею и назвала бы своимъ дорогимъ, горячо любимымъ братомъ.

А тутъ имя бѣдной, новоприѣзжей сиротки стало богатымъ матерьяломъ для сплетенъ по всему Глухому форту и даже за его предѣлами. Дамскіе языки Богъ вѣсть чего только не придумали. Если Надя появлялась въ обществѣ, то, хотя и встрѣчала всюду любезность и полное вниманіе, но не могла не замѣчать оскорбительной двусмысленности, сквозившей въ каждомъ словѣ, къ ней обращенномъ.

Это заставило ее скоро, какъ улитку, войти въ свою скорлупу и затаиться тамъ, испуганно и недовѣрчиво относясь ко всему окружающему.

Между тѣмъ, разжигаемая препятствіями страсть пустила въ неопытномъ сердцѣ дѣвушки глубокіе корни. Это чувство росло и росло и скоро охватило собою все существованіе Нади, и ея фантазія, раскаленная еще съ институтской скамьи разными романическими терзаніями, рисовала ей таинственныя, сладкія картины встрѣчи лицомъ къ лицу со своимъ идеаломъ. Она рвалась и искала этой встрѣчи, но этотъ порывъ ни разу не обнаружился у ней осязательно. Даже на уже вовсе не двусмысленныя предложенія пособничества для устройства свиданія, со стороны дѣвицы-акушерки, Надя отвѣчала: «Нѣтъ, ни за что»! Отвѣчала такъ энергично и рѣшительно, что отнимала всякую возможность дальнѣйшаго настаиванія, а сама, черезъ минуту, проклинала это «нѣтъ», вырвавшееся у нея инстиктивно, словно не по ея, а по чужой чьей-то волѣ, вѣчно противорѣчащей съ желаніями ея сердца... Еслибы это свиданіе состоялось какъ нибудь нечаянно, помимо ея воли, тогда... Но нечаянныя-то встрѣчи одинъ на одинъ были положительно немыслимы. Зоркіе глаза дружеской компаніи парализировали всякую возможность подобнаго случая. И разъ даже Аделаида

Францовна получила отъ Ивана Акимовича такое внушительное предостереженіе, что цѣлую недѣлю послѣ этого не рѣшалась встрѣчаться съ нимъ, одинъ на одинъ, на улицѣ. На предложеніе Розенблюмъ Криницыну, «выразить свои чувства письменно, излить, такъ сказать, пламень своей страсти на бумагу», Павелъ Петровичъ ничего не отвѣтилъ, только плечами по своему передернулъ; на подобное же предложеніе Нади, та отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Аделаида Францовна удивлялась только ихъ обоюдному упорству, не замѣчая той брезгливости, съ которой обѣ стороны стали явно относиться къ ней.

Аделаида Францовна каждый вечеръ заносила въ свой дневникъ подробную хронику «несчастной любви», коментируя ее по своему, и, неизвѣстно уже по чьей винѣ, содержаніе наиболѣе пикантныхъ страницъ стало общимъ достояніемъ, неизвѣстно потому, что авторъ дневника прочитывалъ эти страницы только одному Ползункову, и то подъ самымъ строжайшимъ, честнѣйшимъ словомъ—сохраненія тайны.

III.

Зашла разъ Груня къ Ивану Акимовичу. Самого съ ранняго утра не было дома, въ складахъ сидѣлъ, за конторкою. Шелобовъ какъ ушелъ съ вечера на куропатокъ въ степь, тамъ и заночевалъ должно быть, назадъ еще не возвращался. Павлуша одинъ былъ дома. Прошла Груня прямо въ его комнату, а тотъ лежитъ на кайкѣ одѣтый и спитъ. Подошла гостья потихоньку, хотѣла попугать, разбудить неожиданно, и отшатнулась. Ея Павлуша, этакій то скромникъ, красная дѣвица, былъ пьянъ мертвецки.

Покачала головою Груня.

— И когда это онъ успѣлъ такъ нарѣзаться?..

Словно про себя спросила она это, а денщикъ Фадѣевъ уже и отвѣтилъ:

— Да вотъ, какъ полковникъ ушли, они только чай были покушавши, а потомъ сами достали графинчикъ, да и прикончили, даже безъ закуски. Я предлагалъ имъ яичницу сдѣлать—долго-ли! да не захотѣли, говорятъ: «Пошелъ вонъ! Не твое дѣло!»

Бросила Груня узелокъ съ бѣльемъ на столъ, сама вышла и прямо направилась черезъ базаръ, а оттуда наискосокъ, черезъ площадь, къ дому Горкина. Застала Надю въ саду. Въ бесѣдку угловую забралась та и книжку перелистовала.

— Здравствуйте, барышня, Надежда Федоровна!—поклонилась Груня.

— Груничка! Это вы! Здравствуйте.

Поцѣловались.

— Жаль мнѣ васъ, Надежда Федоровна,—сказала потупившись гостья.—Вѣрите ли какъ жалко... А только вы меня простите. Можетъ быть вамъ мои слова обидны покажутся, можетъ быть что непріятное съ языка сорвется... А вы уже простите.

— Не знаю, что вы сказать мнѣ хотите,—проговорила Надя, а сама уже поблѣднѣла, какъ полотно.

Груня замѣтила это и взяла ее за руки.

— Родная моя! Вѣдь я не мучить сюда пришла васъ... Я вѣдь очень, очень это все понимаю... Я люблю васъ и можетъ быть человѣка вамъ не сыскать другаго, кто-бы столько, какъ я, желалъ вамъ счастья... Только и самой мнѣ больно... Ужъ такъ то больно, такъ больно, что вся душа наружу просится. Вотъ и пришла я поговорить съ вами... Вы не плачьте. Вонъ у васъ уже слезинки на глаза навернулись. А уже коли плакать, то давайте вмѣстѣ... Говорятъ будто отъ этого на сердцѣ легче дѣлается.

Сѣла Груня рядомъ на диванчикѣ, обвила Надю за талію одною рукою, голову свою прижала къ ея плечу и, впрямь, обѣ вмѣстѣ заплакали.

Поплакали, поцѣловались и улыбнулись обѣ. Значитъ, дѣйствительно, полегчало.

— Ну, о чемъ же разговарить вы хотите? — спросила Надя.

— Да объ немъ же все,—потупилась Груня.—Объ комъ же больше!

Вздохнула Надя глубоко-глубоко.

— Я въ этомъ не виновата,—проговорила она, и ея мгновенная улыбка снова смѣнилась выраженіемъ не то печали, не то, скорѣе утомительной, тоскливой скуки.

— Запивать никакъ началъ,—произнеслаГруня...—Жаль вѣдь

тоже; ни за грошъ пропадетъ человѣкъ... Здѣсь, вѣдь, въ нашей сторонѣ, это бываетъ...

При словѣ «запивать» Надя сдѣлала брезгливую гримасу; гостья это замѣтила и будто обидѣлась...

— Что, говорить нечего, хорошаго мало, только и его вина вся въ томъ, что полюбилъ не по разуму... Вѣдь человѣкъ то онъ золото былъ до сихъ поръ, вѣдь такого парня днемъ съ огнемъ не сыскать. Честный, рабочій, дѣльный, кроткій, словно ребенокъ. Вѣдь такого...—Груня воодушевилась и глаза у нея заблистали.—Вѣдь такого,—повторила она,—нельзя не любить! его всякая дѣвушка полюбитъ, безъ души, безъ разума. Вѣдь въ его глаза только посмотрѣть, такъ сердце радостью встрепенется... Вѣдь съ такимъ подъ вѣнецъ стать,—такъ всю жизнь Богу Его милость не замолишь...

— А вѣдь вы его, Груня, крѣпко любите?—спросила Надя и остановила этимъ вопросомъ потокъ краснорѣчія гостьи.

— Люблю,—отвѣтила та... и глазомъ не моргнула,—прямо, смѣло, и взглянула ей въ очи...

— И я люблю,—прошептала Надя...

— Знаю,—сказала Груня...—Только человѣкъ онъ недобрый... Большое горе вы этою любовью себѣ готовите... Наденька, Надежда Федоровна, одумайтесь вы, Христомъ Богомъ заклинаю васъ, отмолитесь вы отъ любви вашей: «сгинь», молъ, «отыди сатана отъ меня, оставь мое дѣвичье сердце»... Бросьте вы его, забудьте, а возьмите лучше Павла Ивановича, возьмите Павлушу моего... Онъ будетъ съ вами всю жизнь счастливъ и ваше счастье, несразу можетъ, а устроитъ... Вѣрьте вы мнѣ, моя добрая, хорошая, вѣрьте... Не я говорю вамъ, сердце мое говоритъ за меня, а сердце не обманываетъ... А ваша любовь—навожденіе дьявольское!.. это вѣрно!. И откуда любви то этой взяться?.. Я вотъ Павлушу третій годъ знаю, и набѣгались мы, и наигрались до сыта, словно братъ съ сестрою... я то его наскрозь всего узнала, я могла полюбить, а вотъ вы... Да вы и разу путемъ не видались, вы и словомъ не перекинулись—я вѣдь все знаю: только что глазъ видѣлъ, да и все тутъ; а глаза что, въ глаза сатана какого хочетъ туману напустить можетъ... Наличка, полюбите вы моего Павлушу!

Зарыдала Груня, чуть не на весь садъ и въ ноги повалилась Надѣ,—руки ея ловитъ да цѣлуетъ...

Насилу подняла ея Надя, кое какъ успокоила.

— Пойдемте отсюда,—попросила Груня,—хоть къ вамъ, въ спальню; я вотъ тутъ словно ошалѣла, а мѣсто такое, что того и гляди, кто чужой подслушаетъ.

Перешли обѣ дѣвушки въ спальню.

— Вы вотъ, Груничка, меня полюбить Павлушу просите—начала Надя,—вѣдь я у васъ же отниму его...

— А что мнѣ въ немъ теперь... по крайности счастливъ будетъ съ вами.

Задумалась глубоко Надя... Въ первый разъ въ жизни она слышала то, чего и подозрѣвать не могла въ институтѣ. Тамъ вѣдь любовь служила частенько предметомъ всесторонняго разбора, только тамъ все иначе складывалось, тамъ вотъ, если двѣ женщины сталкиваются на одномъ предметѣ страсти, такъ совсѣмъ иначе поступаютъ... сейчасъ пойдетъ вражда, полная непримиримой ненависти—борьба на жизнь и смерть... такъ страшно и такъ занимательно выходитъ, а тутъ Груня сама отдаетъ, да еще упрашиваетъ, руки цѣлуетъ...

— Вѣдь вы думаете, можетъ,—прервала ея размышленія Груня...—Вы, можетъ, думали когда, что я изъ разсчета какого Павлушу полюбила—въ мужья себѣ, корысти ради, намѣтила... Какже, молъ, полковницкій сынъ, дворянинъ, офицеръ съ орденами, а я простая, неграмотная дѣвушка изъ духовнаго званія, дьячкова дочка... Вотъ, молъ, и глаза мои разгорѣлись. Нѣтъ, коли бы такъ было, такъ не отдала бы добромъ, сама для себя съумѣла бы уберечь, со всѣхъ концовъ обошла бы и окрутила: не любишь теперь—послѣ полюбишь,—нѣтъ, не такъ... А по мнѣ онъ, не только дворянинъ, да офицеръ заслуженный, будь онъ хоть разбойникъ послѣдній, ссыльно-каторжный, не разлюбила бы—въ рудники за нимъ пошла бы и тамъ бы душу его спасала... Потому и прошу васъ не за себя, не для себя, можетъ сердцу своему на погибель—возьмите его, полюбите,—ну, ей же Богу, онъ вамъ послѣ это заслужитъ...

— Груня,—остановила ее Надя,—скажите сами: пошли бы вы замужъ за человѣка нелюбимаго?

— Пошла бы, еслибы сердце свободно было, другимъ кѣмъ не занято. Мало-ли нашей сестры не по сердцу выходятъ; живутъ ничего, ладно.

— И я вотъ, можетъ быть, пошла бы и навѣрное пошла-

бы... готова была даже, да теперь не могу... силъ моихъ нѣтъ...

— Знаю я все... знаю,—проговорила гостья.—Только вотъ что скажу я вамъ,—Груня понизила голосъ.

— Хорошо вотъ, что днемъ солнышко, ишь ты, какъ свѣтитъ, на ночь бы не сказала... Любитъ ли тотъ васъ, Криницынъ-то?

— Не знаю...

— А я знаю, что любитъ только любовь его нечистая, какъ сказала я вамъ: дьявольское напущеніе—это вѣрно. Развѣ кто любитъ, такъ поступаетъ? Онъ бы прямо долженъ идти къ вамъ, что ему запоры да запреты разные! Сказать долженъ прямо: такъ молъ и такъ—пойдемъ къ вѣнцу, въ церковь Божію! да послѣ этого съ вами прямехонько въ эту церковь самую, прямехонько, безъ обходовъ лукавыхъ, подъ Божье благословеніе... Такъ ли онъ дѣлаетъ?.. Другой бы подумалъ, что такъ только надсмѣяться онъ хочетъ, благо сама дѣвушка къ нему тянется, такъ вотъ и думаютъ другіе, я такъ не думаю... Онъ можетъ пуще васъ самъ терзается, а подойти не смѣетъ, словно его отъ васъ ангелъ-хранитель невидимый отгоняетъ. Знаете ли вы, что Павла Петровича узнать нельзя... Знаете ли вы, что онъ какъ свѣча горитъ, самъ просто тѣни своей боится... Знаете ли, какими дѣлами онъ у этого нехристя, Мироблйки, занимается?.. То-то, не знаете! а я знаю, да и другимъ не тайна. Онъ такъ маковымъ думаномъ закуривается [illegible] это прямая погибель... Вамъ вотъ можетъ Господь въ испытаніе любовь эту послалъ, ему—въ наказаніе... Человѣкъ онъ не добрый, холодный—за то можетъ быть. Вотъ и отвернулся отъ него Всемилостивый, попустилъ сатанѣ въ его душу внѣдриться, и мучитъ его теперь нечистая сила, изводомъ изводитъ... Вотъ что такое съ Павломъ Петровичемъ дѣлается. И такого человѣка вы, не знаючи, не вѣдаючи, полюбили... Бросьте! отмолитесь отъ помысловъ вашихъ, отмолитесь отъ любви такой... и Господь васъ помилуетъ, очиститъ и успокоитъ сердце ваше... Наденька, Наденька... что же это такое съ вами дѣлается... Напугала я, обидѣла васъ своими словами глупыми! Наденька!..

Крѣпко стиснуты были зубы Нади, глаза закатились, судорога вытянула ея ноги, руки. Она не рыдала, она, молча,

вздрагивала всею грудью и въ горлѣ ея слышался подозрительный, хриплый клекотъ.

— Падучая!—промельнуло въ головѣ Груни. Она порывисто рванула легкое покрывало, накинула его на больную, и, съ громкимъ крикомъ, выбѣжала звать на помощь.

IV.

Въ эту ночь денщикъ Криницына былъ очень озадаченъ несвоевременнымъ приказомъ осѣдлать Абрека.

Давно уже миновала полночь. Луна свѣтила холоднымъ, ослѣпительнымъ блескомъ. Глухой фортъ спалъ и ни одного огонька не мигало въ его окнахъ. Была мертвая тишина, изрѣдка только прерываемая воемъ собакъ и другимъ, слабымъ, едва слышнымъ, отвѣтнымъ завываніемъ, доносившимся сюда съ того берега. Лента рѣки разстилалась покойнымъ зеркаломъ отражая безчисленныя звѣзды. Воздухъ былъ ясенъ и всѣ предметы видны были отчетливо на далекомъ разстояніи.

Голова Криницына горѣла, какъ въ огнѣ; ему казалось, что вмѣсто мозга подъ его черепомъ наложены раскаленные уголья. Садясь на коня, онъ замѣтилъ, что силы ему измѣняютъ. Абрекъ видѣлъ кто на него садится, но еслибы ему завязали глаза, онъ не узналъ бы своего обычнаго всадника.

Шагомъ проѣхалъ Павелъ Петровичъ по форту и, конечно, какъ разъ мимо дома Горкина, шагомъ выѣхалъ за околицу, предоставивъ коню полную свободу выбора дороги.

Абрекъ и выбралъ обычную, на бродъ, за рѣку.

Печальная картина разстилалась кругомъ. Кое-гдѣ уныло торчали случайные остатки пожелтѣвшаго камыша, повсюду же виднѣлась равнина, покрытая золою и выжатою морозомъ изъ почвы солью. Утренняя звѣзда уже заискрилась алмазомъ на горизонтѣ, но до разсвѣта было еще далеко.

Криницынъ, опершись обѣими руками о переднюю луку, казалось, дремалъ на сѣдлѣ, Абрекъ, съ ослабленнымъ поводомъ, шелъ, вытягивая шею, обнюхивая по временамъ дорогу, зорко вглядываясь въ каждый предметъ, казавшійся ему чѣмъ нибудь подозрительнымъ.

«И ты страдаешь!—думалъ Павелъ Петровичъ въ эту минуту о Надѣ. — Бѣдный ребенокъ! Но еслибы ты знала, что

въ моей душѣ, еслибы ты могла заглянуть въ мое сердце! Нѣто силъ терпѣть болѣе! Я возьму тебя, я вырву тебя отсюда, увезу далеко, далеко. Я всю жизнь отдамъ тебѣ, и ты никогда ничего не узнаешь...»

И вотъ, въ воспаленномъ воображеніи Криницына сталъ постепенно развертываться весь планъ дѣйствія. Онъ долженъ видѣть Надю во что бы то ни стало. Онъ долженъ силою разрушить всѣ препятствія, еслибы такія оказались. Онъ скажетъ ей: «Я твой, иди за мною!» И она пойдетъ. Онъ скроетъ отъ нея все... зачѣмъ ей знать? На ея дѣтской, чистой груди — отдохнетъ, успокоится его изболѣвшееся сердце. За крѣпкимъ щитомъ ея чистоты укроется онъ отъ этихъ мучительныхъ грезъ, отъ этихъ неумолимыхъ видѣній. Она будетъ принадлежать ему одному, ему,—и никому больше! Она хороша собою,— ее не стыдно будетъ показать тамъ, въ Петербургѣ, она не испортитъ его карьеры. Криницынъ въ эту минуту нисколько не думалъ о вѣнцѣ и налоѣ—это просто не приходило ему въ голову. Онъ только думалъ теперь о томъ, какъ бы вырваться скорѣе отсюда, но вырваться не одному, а вмѣстѣ съ нею, помимо его воли, овладѣвшею всѣми его помыслами.

— Да, это будетъ такъ! — рѣшилъ онъ и сталъ вслушиваться.

Ему показалось, что впереди его ѣдетъ еще кто-то. Звукъ копытъ слышенъ ясно; этотъ звукъ приближается, но очень медленно. Должно быть всадникъ ѣдетъ въ ту же сторону, но тише, и Абрекъ его скоро нагонитъ.

Криницынъ подобралъ поводъ и прикрылъ рукою глаза. Звукъ копытъ слышался все яснѣе и яснѣе.

Странно, что Абрекъ идетъ совершенно покойно и не ржетъ! Онъ, обыкновенно, далеко чуетъ чужаго коня и рѣзко выражаетъ при этомъ признаки своего нетерпѣнія, а теперь онъ идетъ ровно, даже ушами не поводитъ. Странно!

Еще минута и Криницынъ нагонитъ того, кто ѣдетъ впереди. Вотъ уже близко.

Впереди выступило неяснымъ контуромъ бѣловатое пятно. Это крупъ лошади, вонъ и короткій хвостъ колышется. Да, точно, всадникъ туда ѣдетъ. Криницынъ хорошо теперь видитъ его широкую спину и узкій черный ремешокъ, съ лѣваго плеча на правое бедро. Ноги, въ тяжелыхъ сапогахъ, глубоко засу-

нуты въ стремена, голова наклонена. Онъ дремлетъ, должно быть...

Павелъ Петровичъ опустилъ руку въ карманъ... и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Тамъ его рука коснулась чего-то такого, чего теперь быть не могло. Это былъ кастетъ, очень вѣскій, отполированный; онъ состоялъ изъ четырехъ массивныхъ стальныхъ колецъ, спаянныхъ вмѣстѣ; противъ кольца, отвѣчающаго среднему пальцу, находился выступающій тупымъ шипомъ, массивный приливокъ. Ударъ такимъ кастетомъ, направленный въ голову сильною рукою, безусловно смертеленъ. Это оружіе усовершенствовано Наполеоновскими мушарами. Базиль-Пршендзіевскій, одинъ изъ безчисленныхъ пріятелей Крипицына, вывезъ его изъ Парижа, вмѣстѣ съ лѣвою перчаткою какой-то опереточной знаменитости; перчатку онъ оставилъ у себя, а кастетъ подарилъ Павлу Петровичу. И этотъ кастетъ онъ, Павелъ Петровичъ, бросилъ, давно, *тогда* еще. Онъ бросалъ его въ рѣку, тамъ глубоко, очень глубоко; вѣдь это было мѣсто, подъ самымъ обрывомъ. Тяжелый кусокъ металла, глухо булькнулъ въ воду—и на сердцѣ Крипицына отлегло, словно тяжесть кастета ощущалась у него не въ рукѣ, а въ сердцѣ.

Какимъ же образомъ этотъ кастетъ теперь снова въ его карманѣ?

Откуда опять, передъ его глазами, этотъ конскій крупъ, эта широкая спина, этотъ сѣдой, наклоненный затылокъ.

Взмахнувъ вооруженной рукою, Крипицынъ далъ варварскій, безчеловѣчный ударъ шпоръ въ бока Абрека и рипулся впередъ.

Видѣніе исчезло. . . . . .

Только бѣдное, кровное животное, взвившееся на дыбы, застонало болѣзненно и осѣло на заднія ноги, повинуясь судорожно затянутому поводу.

А рядомъ кто-то стоитъ въ кустахъ, согнувшись въ три погибели, опершись на палку, и тихо смѣется. Косматая шапка даетъ на его лицѣ широкую тѣнь, а въ тѣни бѣлѣютъ только глаза, на вѣки лишенные силы и значенія.

— Вотъ я и видѣлъ,—шепчетъ старикъ. — Я тебѣ говорилъ уже, что видѣлъ все и знаю. Вотъ ты, теперь, и самъ убѣдился въ этомъ.

Опять смѣется страшный слѣпой нищій. Не смѣхъ это,—

это змѣя, потревоженная неожиданнымъ шумомъ, разворачиваетъ свои блестящія кольца, подняла голову и быстро шевелитъ своимъ раздвоеннымъ язычкомъ.

Опять бѣшенный ударъ шпоръ; опять отчаянный скачокъ коня, и чудится Криницыну, что его Абрекъ имѣетъ и топчетъ своими ногами стонувшее, конвульсивно барахтающееся въ пыли тѣло. Безсмысленный страхъ овладѣлъ всѣмъ его существомъ и заразительно передался коню. Закусивъ удила, зажавъ злобно назадъ тонкія уши, поджавъ хвостъ, Абрекъ круто повернулъ назадъ и понесся по знакомой дорогѣ.

А сзади, слѣдомъ, опираясь на палку, скачетъ раздавленный старикъ. Вотъ-вотъ нагонитъ, — нагналъ и вцѣпился въ крупъ коня, словно кошка впился въ него когтями. Поддалъ задомъ конь и сбилъ своего преслѣдователя, пуще прежняго понесся, съ размаха ринулся въ воду и вынесъ своего всадника на ту сторону.

V.

Солнце взошло. На дворѣ квартиры Павла Петровича собралась уже порядочная толпа народу.

— Ну, унесъ же его Господь!—разводилъ руками отставной служивый, нынѣ рыбакъ, Голунчиковъ,—и понесла же его нелегкая, по ночамъ променажи дѣлать! Дня, вишь ты, для господъ мало!

— У насъ, такъ вотъ, коло Перовскаго, тигра почтальона накрыла, только на третій день кости отыскались оглоданныя, разсказывалъ мѣщанинъ, въ пуховомъ картузѣ, кутаясь въ старую солдатскую шинель, безъ погонъ и пуговицъ.

— Лошадь добра!— замѣтилъ казакъ-уралецъ.—Будь конь поплоше—не уйти, «поштрѣли его въ бороду!»

— А глядѣлъ какъ она его ободрала... задъ-то почитай весь клочьяхъ,—эво какая лужа стоитъ!

— Хошь бы пескомъ присыпали. Доктора звали, что ли?

— Тамъ, уже часъ сидитъ, а на конюшню коновалъ пошелъ, антимону требуетъ.

— Самъ что? Ему какъ попало?

— Самъ, сказываютъ, ничего, только напужавшись очень.

— Испужаешься, тоже!

Пришелъ Шелобовъ и прямо направился въ конюшню. Его ночное происшествіе заинтересовало съ этой, исключительной, стороны.

Подъ навѣсомъ, въ просторномъ денникѣ, стоялъ искалѣченный Абрекъ. Больное животное печально опустило голову и уныло, кротко смотрѣло на людей поблекшими, тусклыми глазами; окровавленный крупъ коня былъ уже обмытъ и прикрытъ мокрыми компресами, вывихнутая нога болѣзненно приподнята и чуть касалась подстилки концомъ копыта. Лошадь слегка вздрагивала и довѣрчиво отдалась на попеченіе бородатаго урядника-коновала, безцеремонно лазящаго у нея подъ ногами.

Криницынскій денщикъ стоялъ съ ведромъ воды около.

— Открой-ка!—приказалъ коновалу Василій Ивановичъ.

— Гм!—сталъ онъ осматривать...—Вишь ты! коготь слабый, дуракъ, молодой, пошалилъ; отъ стараго не увернулся бы... Какого же это выводка?..

Подумалъ-подумалъ извѣстный тигровый охотникъ, хотѣлъ было зайти и къ Криницыну, вѣдь тотъ, говорили, до сихъ поръ еще лежитъ безъ памяти,—да махнулъ рукою и вышелъ со двора, многозначительно переглянувшись съ Иваномъ Акимовичемъ, попавшимся ему въ воротахъ навстрѣчу.

Старикъ Глухаревъ тоже узналъ объ этомъ дѣлѣ и тоже зашелъ навѣдаться, энергично растолкавъ собравшуюся въ воротахъ толпу.

— Зайди потомъ ко мнѣ, поговорить надо!—шепнулъ ему Шелобовъ.

— Зайду,—сказалъ Иванъ Акимовичъ.—Ты куда, востроносая?—крикнулъ онъ на Анисью, замѣтивъ въ толпѣ ея лукавую физіономію.—Пошла домой!.. Барышня еще не вставала?

— Почиваютъ!.. Я вотъ, Иванъ Акимычъ, только на минуточку... я сейчасъ!..

Въ комнатѣ у Павла Петровича сидѣлъ докторъ и полковникъ Огурчиковъ.

— Странно, мужчина не трусъ, а такія послѣдствія страха!—задумѣвалъ докторъ.

— А что?—полюбопытствовалъ комендантъ.

— На столбнякъ будто похоже...

Павелъ Петровичъ, словно трупъ, вытянувшись навзничь, лежалъ на своей кровати. Глаза его были полуоткрыты и зрачки

неподвижны. Намоченные холодною водою полотенце тяжелымъ комомъ давило ему лобъ.

Докторъ отошелъ къ окну и тщательно готовилъ маленькій шприцъ для подкожнаго вспрыскиванія. Онъ полагалъ, что необходимо ввести въ кровь больного что нибудь сильно возбуждающее.

— Семенъ Семеновичъ! — окликнулъ коменданта Глухаревъ,—выйди-ка сюда, поговорить надо.

— Что еще такое?—отозвался тотъ и подошелъ.

— Видишь-ли,—Глухаревъ сильно понизилъ голосъ.—Тутъ дѣло нехорошимъ пахнетъ. Ты ничего не думаешь?

— А что?

— Зачѣмъ его понесло въ ночь и на то самое мѣсто?

— Развѣ на то?

— Ну, можетъ быть, поблизости гдѣ. Это все равно. Только, что такое по твоему означаютъ эти ночныя путешествія? Уже не въ первый разъ это за нимъ замѣчено.

— Гм... я и самъ уже что то неладное за нимъ замѣчаю. Давно замѣчаю... Мнѣ, вонъ, Ползунковъ докладывалъ, что у Миробайки онъ того... чертъ знаетъ чѣмъ занимается...

— Потягиваетъ!.. Потянешь въ его положеніи! Я бы тамъ пошарилъ хорошенько... Я вотъ хочу Шелобова тоже позвать, да знаешь, эдакъ, хорошенько кругомъ ощупать...

— Гдѣ? у Миробайки?

— Зачѣмъ у Миробайки? тамъ, по окрестности... Эхъ, сердце меня и тогда на правду настоящую наводило, а теперь вотъ опять... Знаешь, даже увѣренность какая-то явилась... Заходи и ты ко мнѣ, хоть сегодня вечеркомъ, втроемъ съ Шелобовымъ потолкуемъ.

— Зайду!

Огурчиковъ подозрительно посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ лежалъ Криницынъ.

— Не приставить-ли часового? — замѣтилъ онъ нерѣшительно.

— Ну, теперь еще рано!—улыбнулся Иванъ Акимовичъ.—Поспѣемъ!

Докторъ привелъ уже въ исполненіе свое намѣреніе вспрыснуть, и прописалъ больному полную тишину и темноту; заставили окна снаружи войлочными ставнями, денщику отданъ

былъ приказъ не отлучаться ни на минуту и слѣдить за компресомъ, чтобы «отнюдь не просохъ», а все бы этакъ примачивать холодненькой.

Всѣ вышли и оставили, наконецъ, Павла Петровича въ покоѣ.

Условившись переговорить вечеркомъ по душѣ, комендантъ и Шелобовъ аккуратно собрались у Ивана Акимовича къ назначенному часу.

Павлушу угнали въ командировку, хотя онъ и поупрямился немного. Уже второй день, какъ его не было въ фортѣ. И теперь пріятели могли свободно говорить съ глазу на глазъ.

Первый началъ Иванъ Акимовичъ.

— Итакъ,—пошелъ онъ прямо къ цѣли, безъ обиняковъ,— онъ зарылъ деньги тамъ, гдѣ-нибудь, по близости. Не станетъ же онъ держать улику въ своей квартирѣ. И обыскъ, что мы произвели, понятно, ни къ чему не привелъ.

— Похоже!—согласился Семенъ Семеновичъ Огурчиковъ.

— Вотъ и ѣздитъ все по почамъ навѣдываться—цѣло ли? И вчера туда же поѣхалъ, да на непрошеннаго сторожа и наткнулся.

— Похоже!—согласился и Василій Ивановичъ.

— Значитъ, надобно искать!—хлопнулъ по колѣну кулакомъ Глухаревъ.

— Значитъ, надобно искать!—снова хладнокровно согласился и Шелобовъ.

— Полагаю взять команду, роты полторы, двѣ, — засуетился Огурчиковъ,—и секретно обложить всю мѣстность... Стягиваться мало-по-малу кольцомъ и тщательно изслѣдовать почву. Взять съ собою лопатъ побольше, ломовъ—и чуть только гдѣ что подозрительнаго,—сейчасъ...

— Огласки дѣлать нельзя,—замѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Зачѣмъ огласка? Самая строгая тайна!—поднялъ кверху палецъ комендантъ.

— А если ничего не найдемъ?

— Все равно, держать послѣ въ строгомъ секретѣ.

— Это секретъ съ полутора ротами солдалъ... Очень удобно!—улыбнулся Василій Ивановичъ.

— Неудобно!—затянулся дымомъ и старикъ Глухаревъ.

— Ужъ если искать гдѣ надо, такъ это у Миробайки,—

заговорилъ Шелобовъ.—Подозрительны показались мнѣ эти бумажки, да портсигаръ. Ухъ, какъ подозрительны! Тамъ и искать надо. Да и то не зачѣмъ.

— Это какже?—возразили ему въ одинъ голосъ собесѣдники.

— А очень просто. Допустимъ, что Криницынъ убилъ и ограбилъ Горкина. Является вопросъ—для чего онъ это сдѣлалъ? Натурально, не для того, чтобы держать деньги въ землѣ, или у кого-нибудь на вѣчномъ храненіи. Значитъ, уѣзжая отсюда,—рано или поздно, онъ долженъ же уѣхать,—онъ заберетъ эти деньги съ собою. Онъ самъ и укажетъ намъ мѣсто ихъ храненія.

— Слѣдить за нимъ!—догадался комендантъ.

— Натурально. Тогда мы до чего-нибудь и доберемся. Осмотрѣть его и его экипажъ, уже на дорогѣ, мы всегда найдемъ, если не приличный поводъ къ этому, то просто возможность... А до тѣхъ поръ, ни гу-гу... Понимаете?

— Понятно!

— Мнѣ вотъ говорили, когда я сюда маршировалъ, что онъ уже пришелъ въ сознаніе, разговаривать началъ. Докторъ находитъ, что нервное возбужденіе дошло чертъ знаетъ до чего, но за горячку не боится... Здоровая натура! Только, чего это могъ онъ такъ встряхнуться... Человѣкъ-то—онъ далеко не изъ робкихъ... Не понимаю!.. Что же ты, хозяинъ, созвалъ гостей, а угощенія не ставишь? Распорядись-ка ужиномъ!

— Сейчасъ!—встрепенулся Иванъ Акимовичъ и, отстегнувъ крючокъ у двери, крикнулъ:

— Фадѣевъ! Собирай на три прибора.

VI.

Надя узнала, благодаря расторопности Аделаиды Францовны и востроносой Анисьи, все, что произошло.

Разсказъ дѣвицы-акушерки, разукрашенный до невозможности самыми пряными романическими красками, произвелъ на дѣвушку глубоко-потрясающее впечатлѣніе.

«Израненый, истекающій кровью, близкій къ смерти, и одинъ, всѣми брошенный, всѣми ненавидимый,—представлялось ей.—И вокругъ ни одного сочувственнаго слова, ни одного лас-

коваго взгляда. И она, слабодушная, здѣсь, а не съ нимъ... Его Надя, его сердце, не придетъ къ нему, не обниметъ его, не простится съ нимъ, отходящимъ въ могилу. Нѣтъ, этого не будетъ»...

Она, съ энергическою рѣшимостью, выпрямилась гордо, словно выросла разомъ цѣлою головою, накинула платокъ и вышла изъ спальни.

Это было ночью уже. Старикъ Силантій спалъ въ своей каморкѣ и не слышалъ ни паденія легкаго стула, опрокинутаго Надею во время переходовъ черезъ темную залу, ни стука замка, ни слабаго скрипа отворяющей двери.

— Божественно! Прелестно!—раздался около нея шепотъ Аделаиды Фронцовны.—Вы героиня! Вы сдержали свое слово!.. Прелестно!

Надя шла скоро, плотно прижимая концы платка къ своей, почти задыхающейся отъ волненія, груди, и не слушала похвалъ дѣвицы-акушерки. Та шла за нею слѣдомъ, но, не доходя до дверей Криницынской квартиры, остановилась и спряталась въ тѣни.

Это произошло какъ разъ въ ту минуту, когда Иванъ Акимовичъ, наливъ до краевъ три рюмки, обратился къ своимъ гостямъ со словами:

—Прошу. По первой!

Павелъ Петровичъ пришелъ въ сознаніе.

Онъ все еще лежалъ, ощущая сильную слабость, но въ его глазахъ свѣтился огонекъ жизни. Онъ съ большимъ усиліемъ, хватаясь по временамъ за голову руками, старался, по возможности, припомнить и уяснить себѣ все, что съ нимъ произошло. Мысль, что онъ самъ, въ бреду, могъ себя выдать, вызвала холодный потъ на его воспаленномъ лбу.

Нечеловѣческое усиліе нужно было сдѣлать для того, чтобы, по возможности, хотя привести въ порядокъ тотъ безсмысленный хаосъ, царившій у него въ головѣ. Онъ уже проэкзаменовалъ денщика и, видимо, былъ успокоенъ результатами этого экзамена. Больше всего смущало его посѣщеніе коменданта и Шелобова; къ визиту Ивана Акимовича онъ отнесся почему то равнодушнѣе.

«Надо бросить, думалъ онъ, эту предательскую страсть. Надо бѣжать... Пора...»

И тотчасъ же мысль о бѣгствѣ неразрывно связалась съ мыслью о Надѣ.

«Съ нею, но не одному...» Образъ дѣвушки отчетливо рисовался передъ нимъ. Онъ мысленно тянулся къ ней руками, мысленно сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Надя! Ты мое искушеніе!..—машинально шептали губы Криницына.

— Надя!—еще разъ, громче повторилось это имя.

Живая, уже не призрачная, Надя стояла на порогѣ его дверей и слышала этотъ молящій призывъ.

Павелъ Петровичъ вздрогнулъ, рванулся съ постели и закрылъ лицо руками.

Онъ видѣлъ дѣвушку, но за нею, въ высокомъ темномъ четвероугольникѣ дверей стоялъ еще кто-то. Этотъ кто-то былъ самъ покойный Федоръ Горкинъ... Теперь уже не затылокъ съ пробоиной смущалъ Криницына своимъ молчаливымъ укоромъ: теперь прямо на него, въ упоръ смотрѣли, изъ подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей, два глаза.

Павелъ Петровичъ попятился къ стѣнѣ, онъ готовъ былъ опрокинуть, повалить эту преграду, своимъ напоромъ, но стѣна не подавалась.

Глаза призрака неподвижно были устремлены на него.

Криницынъ упалъ на колѣна.

VII.

Глухаревъ, комендантъ и Шелобовъ, безмятежно, и даже весело, кончали свой ужинъ, какъ вдругъ въ дверь, не растворившуюся, а точно съ петлей сорвавшуюся, какъ бомба, влетѣлъ докторъ.

— Сознался!—крикнулъ онъ, задыхаясь и падая на стулъ.

— Что?

— Какъ?

— Кто? Въ чемъ дѣло?

Послышались торопливые вопросы.

— Криницынъ сознался... Онъ убилъ... Сознался... О, Господи... что это у васъ?

И, не дожидаясь отвѣта, докторъ налилъ себѣ полный стаканъ изъ первой, попавшейся подъ руку, бутылки и выпилъ залпомъ

— Да говори толкомъ!—обратился къ нему Шелобовъ.

— По порядку, по порядку... Съ самаго начала... По порядку!—засуетился полковникъ Огурчиковъ, отыскивая глазами: куда это, молъ, онъ свою саблю запряталъ?

— Сейчасъ! Дайте духъ перевести!.. Я предполагалъ навѣдаться къ нему, думаю, погляжу, что, какъ у него къ ночи? Иду, вхожу и слышу... Знаете, онъ, этакъ, на полу на колѣняхъ... Она...

— Кто она?—заревѣлъ Иванъ Акимовичъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— Надежда Федоровна... Наденька...

— Куда же ты, Ваня, постой!—хотѣлъ было остановить Ивана Акимовича Шелобовъ.

Но того уже и слѣдъ простылъ. Несмотря на свои лѣта, старикъ бѣгомъ пустился по улицѣ, бормоча что-то несвязное.

— Ну, дальше, дальше?..

— Я остановился въ сѣняхъ,—продолжалъ докторъ.—Я все видѣлъ и слышалъ. Криницынъ говоритъ: «Это я убилъ твоего отца.» Потомъ я ничего не могъ разобрать. Слышу только: «Ты моя, ты будешь моя... Я твой... Я, говоритъ, замѣню... Я всю жизнь...»

— А Надя?—спокойно спросилъ Шелобовъ.

— Надя?..—докторъ сталъ какъ будто припоминать.— Ахъ, да... Она была, но потомъ ее увели, то-есть унесли, эта Розенблюмша и баба одна, подхватили подъ руки, а я сюда..

— Да когда вы вошли, въ сѣни-то, вы видѣли Надю?.. Она тамъ была?

— Ну да, ну да... Она стояла посреди комнаты. Я, думаю, кто бы это могъ быть? Спиною она ко мнѣ стояла, а потомъ упала, то есть не совсѣмъ упала, а этакъ качнулась. Ее и подхватили... Да, да... Я самъ же и подхватилъ, а тутъ ее у меня изъ рукъ взяли. Павелъ Петровичъ уже ко мнѣ обратились, они можетъ меня за кого другого приняли... и еще разъ: «Я убійца...» Начали еще говорить что-то, а вдругъ какъ возрятся въ меня, да за горло. Рванулся, что было мочи, не успѣлъ и «караулъ!» крикнуть... едва отбился, да сюда къ вамъ... Вотъ посмотрите: воротникъ пальто чуть совсѣмъ не оторванъ, а фуражка моя тамъ осталась...

— Арестовать немедленно!—должно быть самъ себѣ приказалъ комендантъ, отыскалъ, наконецъ, свою саблю, пристегнулъ и вышелъ... Шелобовъ за нимъ, докторъ подождалъ минуту, выпилъ еще полстакана и отправился тоже...

Въ окнахъ уже уснувшихъ домиковъ форштата стали, тамъ и сямъ, загораться огоньки...

Не успѣлъ Глухаревъ пробѣжать половину разстоянія до квартиры Криницына, какъ на встрѣчу ему попалась, медленно движущаяся группа—это несли Надю... Аделаидѣ Францовнѣ и Анисьѣ должно быть не по силамъ пришлась подобная ноша: онѣ поминутно останавливались и переводили духъ...

— За такія дѣла, сударыня, знаете-ли что?..—прохрипѣлъ Иванъ Акимовичъ по адресу акушерки.—Прочь!—оттолкнулъ онъ ногою сунувшуюся было къ нему Анисью...

Аделаида Францовна хотѣла было обидѣться, да уже очень струсила, бросила Надю и скрылась, Анисья заревѣла благимъ матомъ:

— Не виновата, батюшка!..

Глухаревъ поднялъ свою пріемную дочь, какъ ребенка, на руки, и повернулъ къ дому.

Между тѣмъ, полковникъ съ Шелобовымъ уже входили во дворикъ Криницынской квартиры... Докторъ догналъ ихъ и шелъ сзади... Изъ сосѣднихъ дворовъ тоже появились заспанные зрители...

Комендантъ энергично крикнулъ, пощупалъ на всякій случай, съ нимъ ли револьверъ и переступилъ порогъ первый.

На столѣ, догорая, чадила свѣча; кровать Павла Петровича въ безпорядкѣ, сдвинута была подъ угломъ на средину, прямо лежало опрокинутое кресло и столикъ, около котораго осколки умывальной чашки и мокрые компресы... Самого хозяина на лицо не оказалось.

— Гдѣ же господинъ штабсъ-капитанъ Криницынъ? — оффиціальнымъ тономъ спросилъ комендантъ.

— Не могу знать-съ, ваше высокоблагородіе! — отвѣчалъ деньщикъ.

Онъ тоже смотрѣлъ растерянно.

— Баринъ гдѣ?—повторилъ вопросъ Василій Ивановичъ.

— Ушедши-съ...

— Куда?

— Не могу знать!... Вышли недавно-съ... такъ безъ сюртука, безъ сапогъ... Ничего не сказали-съ... Я думалъ куда, недалеко... Я сейчасъ погляжу-съ...

— Ищи!—приказалъ полковникъ Огурчиковъ...—Такъ какъ вы полагаете, господа?..

Докторъ остановился на порогѣ и осматривалъ слабо освѣщенную комнату съ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ. Шелобовъ, въ раздумьѣ, стоялъ, прислонившись къ печкѣ...

— Никакъ нѣтъ-съ!—появился въ дверяхъ деньщикъ.

— Что, никакъ нѣтъ-съ... что?..—заревѣлъ ему навстрѣчу комендантъ.

— Не нашелъ-съ... ихъ и тамъ нѣту. На конюшню заглянулъ, тоже нѣтъ. Такъ, разумшись... Въ одномъ бѣльѣ-съ... Что же это такое?... Прости Господи!

Комендантъ многозначительно посмотрѣлъ на Шелобова, тотъ пошевелилъ плечами и сталъ закуривать папиросу...

— Далеко не могъ уйти... Здѣсь гдѣ-нибудь, по близости... фонарика бы гдѣ найти... Поискать надо...

Принялись за розыски... волонтеровъ по такому дѣлу нашлось довольно, достали и фонарей. Черезъ нѣсколько минутъ въ темнотѣ замелькали двигающіеся огоньки, освѣщая встревоженныя фигуры искателей...

Заглядывали въ канавы, подъ каждый кустъ... слышались голоса, почему-то шепотомъ: «Здѣсь посвѣти... Сюда!.. Далеко не уйдетъ!.. Гдѣ уйтить... Можетъ лежитъ, въ безчувствіи... Можетъ померши уже... А ну-ка, это что?.. гдѣ... гдѣ?.. Ахъ ты чортъ... это куль съ ячменемъ... ишь куда засунули!..»

Прапорщикъ Ползунковъ прибѣжалъ тоже и съ нимъ еще нѣсколько офицеровъ. Комендантъ, на всякій случай, распорядился приготовить разъѣзды изъ шести казаковъ и собраться сюда, да и его лошадь осѣдлать немедленно...

— Если здѣсь не найдемъ, то надо ѣхать по дорогѣ къ Бешь-арыку... больше некуда! — сообщилъ свою догадку Василій Ивановичъ и тоже послалъ за своимъ «рыжкою».

Ночь выдалась, на этотъ разъ, крайне тревожная...

VII.

Давно уже погашены были фонари, освѣщавшіе гостепріимный пріютъ купца Миробая, давно уже, какъ сурки, сладко спали Мамунъ съ Алибеемъ, прижавшись другъ къ другу, подъ однимъ одѣяломъ, давно уже и самъ хозяинъ наслаждался полнымъ покоемъ въ своемъ комфортабельномъ логовищѣ, какъ неожиданно, сильный ударъ въ закрывавшія главный входъ доски, нарушили общее спокойствіе.

— Кого это чортъ несетъ въ такое позднее время?—первый проснулся Миробай и сталъ боязливо прислушиваться...

Ударъ повторился, значительно сильнѣе прежняго.

— Мамунъ! Алибей! Не слышите чтоли?!. спросите, что тамъ нужно? Кто ломится?—окликнулъ татаринъ. Да не отворяйте—спросите прежде!

— Кто тамъ?

— Что нужно?

Встрепенулись оба мальчика, тревожно высунувъ головы изъ подъ теплаго стеганаго одѣяла.

— Отворяй!—послышался голосъ, словно какъ будто знакомый, но какой-то странный...

Тотъ, кто говорилъ, будто простоналъ свое требованіе.

— Хозяинъ!.. никакъ тюра Криницынъ!—отозвался Алибей.

— Павла Петровичъ... что такое?! Зажги огонь... Что такое, право?... зажигай скорѣе!... Это ты, Павла Петровичъ?..

— Я... отворяй скорѣе!...—послышалось въ отвѣтъ.

Миробай торопливо, на свои, уже надѣтые два халата, натянулъ третій и появился въ лавкѣ. Мамунъ раздулъ уже уголья и чадилъ огаркомъ сальной свѣчки...

— Ты, Павла Петровичъ?—переспросилъ еще осторожный хозяинъ.

— Я... я... я... да отворяй-же!..

— Сичасъ—сичасъ!.. Аллахъ-Аллахъ! Чтобы это значило?.. Мамунъ, отцѣпи крючекъ!

Послышался звукъ засова, затѣмъ щелкотня поочередно вынимаемыхъ изъ пазовъ досокъ; въ нагрѣтую атмосферу лавки хлынулъ потокъ холоднаго ночного воздуха... Миробай остолбенѣлъ, глаза закрылъ даже, и попятился...

Черезъ порогъ не перешелъ, а переползъ Криницынъ.

Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ, въ грязи... Его глаза горѣли горячечнымъ блескомъ... Кровавый шрамъ тянулся ото лба—черезъ щеку наискось... наткнулся на что нибудь въ темнотѣ дорогою...

— Аллахъ-Аллахъ!—шепталъ, охваченный ужасомъ, Миробай.

Оба мальчика смотрѣли на неожиданнаго гостя своими громадными, черными, какъ у козлятъ, красивыми глазками...

— Тюра, что ты?.. что случилось?..—повторилъ хозяинъ.

— Что случилось?! ничего не случилось, — пробормоталъ Криницынъ...—Давай деньги... пора... время уже... неси сюда все... ну, скорѣе!..

— Сейчасъ!—отвѣчалъ глухимъ голосомъ Миробай и вышелъ.—Мамунъ, чай варить скорѣе, для Павлы Петровича!..—донесся уже издалека его приказъ.

Криницынъ легъ на коверъ и машинально потянулъ на себя первое, что попалось подъ руку...

Ему было холодно... голова горѣла, а все тѣло его охвачено было лихорадочнымъ ознобомъ...

Мамунъ раздулъ уголья и зазвенѣлъ чайниками...

— Ты пѣшкомъ пришелъ, тюра?—любопытствовалъ Алибей.

Павелъ Петровичъ не отвѣчалъ, только ближе пододвинулся къ тагану, ярко уже освѣщавшему всю внутренность чайхане... Недалеко отъ огня виднѣлось мѣдное блюдо съ обрѣзками дыни, тутъ же лежалъ кривой ножъ, предназначаемый именно для этой цѣли... чашка съ остывшимъ пловомъ, обглоданная тщательно нога барашка... По стѣнѣ тревожно бѣгали юркія сороканожки, захваченныя свѣтомъ врасплохъ, прячущіяся въ щеляхъ штукатурки...

— Скажи же ты мнѣ, тюра, что такое случилось?—произнесъ Миробай, входя снова и покойно усаживаясь подлѣ Криницына.

Всезнающій, многомудрый хозяинъ чай-хане, видимо, уже овладѣлъ собою, кое что сообразилъ и теперь пристально, пытливо глядѣлъ прямо въ глаза гостю.

— Деньги принесъ?

Криницынъ протянулъ руки.

— Денегъ тебѣ нужно?—покойно спросилъ въ свою очередь Миробай.—Я дамъ тебѣ денегъ... Я никогда не откажу

другу въ такой просьбѣ... Вотъ у меня теперь есть три золотыхъ... бумажками рублей на восемь найдется... Довольно съ тебя?

— Тѣ деньги неси... тѣ... слышишь? Бери себѣ свою четвертую долю... неси остальныя...

Павелъ Петровичъ сбросилъ съ себя войлокъ и приподнялся...

— Какія?—спокойно передернувъ плечами спросилъ Миробай...

— А!..—застоналъ Павелъ Петтовичъ...

И прежде чѣмъ хозяинъ успѣлъ приготовиться, успѣлъ понять движеніе своего гостя, Криницынъ схватилъ ножъ и ринулся на татарина.

Ударъ пришелся неловко, лезвіе ножа, направленное слабою рукою нападавшаго, запуталось въ безчисленныхъ складкахъ халатовъ. Миробай вскочилъ, бросился, къ дверямъ и во все горло закричалъ: «караулъ!..»

Въ эту минуту подъ сводами базара замелькали огни и послышался топотъ копытъ... Цѣлая кавалькада всадниковъ наполнила узкій проѣздъ между лавками, изъ-за поворота появились еще косматыя конскія головы.

Два казака впереди освѣщали дорогу фонарями, за ними отчетливо выдѣлялись фигуры коменданта и Василія Ивановича, сзади краснѣлись малиновые околыши уральцевъ и искрились концы винтовокъ у нихъ за плечами...

— Что такое?—громко окликнулъ Семенъ Семенычъ.

— Не знаю... ничего не знаю... — скороговоркою, задыхась отъ страха, затараторилъ Миробай...—Тюра Криницынъ здѣсь... Онъ пришелъ... я его не звалъ... Я ничего не знаю... Откуда мнѣ знать!.. Я торгую чаемъ, это самъ губернаторъ знаетъ... я честный купецъ... заслуженный... у меня медаль... Мамунъ неси скорѣе мою медаль... Большую медаль—главную самую... она тамъ, на зеленомъ халатѣ... неси скорѣе... Видишь, самъ господинъ полковникъ посмотрѣть хочетъ...

Но ни Мамунъ, ни Алибей не откликнулись на зовъ своего хозяина. Они, какъ крысы, забились, гдѣ то по темнымъ угламъ и затаили духъ.

Миробай, согнувшись въ три погибели, кинулся къ стремени коменданта и чуть не на рукахъ снялъ его съ сѣдла.

Шелобовъ давно уже слѣзъ, и первый вошелъ въ лавку.

— Здѣсь!—произнесъ онъ обернувшись и пропустивъ въ двери коменданта.

Павелъ Петровичъ лежалъ на лѣвомъ боку, почти ничкомъ. Василій Ивановичъ подхватилъ лежащаго подъ мышки и приподнялъ. О плиты пола зазвенѣлъ выпавшій откуда-то ножъ... Подъ тѣломъ Криницына разлилась громадная кровавая лужа.

— Самъ зарѣзался...—поторопился трепеща съ оправданіемъ Миробай...

— Протоколъ!—торжественнымъ тономъ произнесъ Семенъ Семеновичъ и снялъ шапку...

Составили протоколъ. Миробая арестовали, усадили на лошадь и отправили подъ конвоемъ въ фортовой казематъ, до выясненія дѣла, мальчиковъ разыскали и арестовали тоже. Къ гаремной саклѣ, гдѣ выли, обезумѣвшія отъ ужаса, ничего не понимающія жены хозяина, приставили часового; ко входу въ лавку, со стороны улицы,—тоже. Шелобовъ сообщилъ, что позади двора изъ сада есть еще калитка; калитку эту нашли и тоже поставили казака, съ обнаженною шашкою.

Семенъ Семеновичъ здѣсь же составилъ донесеніе къ высшему начальству и тотчасъ же это донесеніе отправлено было съ нарочнымъ джигитомъ въ городъ. Шелобовъ написалъ нѣсколъ Глухареву, приглашая его, если можно, пріѣхать въ Бешь-арыкъ съ разсвѣтомъ. Все остальное отложили до утра; дожидаться же этого утра порѣшили здѣсь же, на мѣстѣ загадочнаго происшествія.

Иванъ Акимовичъ бережно донесъ Надю до дому. На порогѣ встрѣтилъ его Силантій. Глухаревъ хотѣлъ было накинуться на старика съ упреками: «ты-же какъ прозѣвалъ, старый чортъ!..» Началъ было онъ, но замѣтилъ убитый видъ стараго инвалида—и замолчалъ.

Раздѣли Надю, уложили въ постель. Анисья хлопотала особенно усердно, ежась подъ вліяніемъ гнѣвнаго взгляда Ивана Акимовича.

Обморокъ Нади держался упорно. Бѣдная дѣвушка не обнаруживала никакихъ признаковъ жизни.

— Уже не конецъ ли это?—задавалъ себѣ вопросъ Глухаревъ и его сердце болѣзненно сжималось... рыданія подступили къ горлу, старый солдатъ крѣпился какъ могъ и не спускалъ руки съ груди Нади... Онъ все ждалъ первыхъ признаковъ пробуждающагося сердцебіенія.

Побѣжалъ Силаній за докторомъ, вернулся ни съ чѣмъ. Докторъ, вишь ты, поскакалъ, говорятъ, въ Бешь-арыкъ, за комендантомъ.

— Анафема!—проворчалъ Иванъ Акимычъ.

Прошелъ часъ, прошелъ другой... Мирный бой часовъ съ кукушкою уныло раздавался по горкинскимъ комнатамъ.

— За Аделаидою Францовною послать бы?—робко осмѣлилась вымолвить слова Анисья.

Иванъ Акимовичъ подумалъ, посмотрѣлъ на Надю вздохнулъ и произнесъ:

— Пошли.

Побѣжалъ за акушеркою Силантій,—вернулся съ отказомъ, говоритъ: «ни за что не пойду... Еще убьетъ меня этотъ медвѣдь необразованный...»

Дѣйствительно, если бы Аделаида Францовна появилась въ эту минуту, послѣ своего отказа, такъ бы и случилось.

Получили записку Шелобова. Тигровой охотникъ писалъ:

«Другъ Ваня!

Этотъ зарѣзался... Чортъ съ нимъ! Сообщи, что Надя? Если можешь, пріѣзжай... Ну, и дѣла же!

Шелобовъ».

Внимательно прочелъ Иванъ Акимовичъ эту записку и, молча, передалъ ее Силантію. Тотъ вооружился большими очками и сталъ разбирать, водя по строчкамъ дрожащимъ пальцемъ.

Разобралъ и набожно перекрестился... Иванъ Акимовичъ счелъ нужнымъ послѣдовать его примѣру...

Надя въ первый разъ вздохнула только съ разсвѣтомъ и ея закрытыя вѣки слегка дрогнули...

Глухаревъ торопливо вышелъ въ другую комнату и расплакался.

IX.

Снова въ Глухомъ фотрѣ появился губернаторскій слѣдователь. На этотъ разъ только другой, не Анатолій Робертовичъ. Снова пошли безконечные допросы и передопросы. У Миробая перерыли все верхъ дномъ. Дворъ сакли и садъ были перекопаны вдоль и поперегъ, мѣстами даже стѣны выломаны. Уликъ въ запрещенной торговлѣ опіумовъ раскурочно нашли вволю, но больше ничего... Хитрый татаринъ упорно держался на ничего невѣдѣніи и непониманіи. Мамунъ и Алибей несли такую чепуху, изъ которой, буквально, ничего нельзя было извлечь для дѣла.

Отецъ Павелъ наотрѣзъ отказался предать тѣло Криницына христіанскому погребенію: «аки атеиста отмѣннаго и самоуійцы окаяннаго».

Комендантъ снесся по этому поводу съ начальствомъ и изъ города, отъ самого владыки, получено было «разрѣшеніе», несогласное съ воззрѣніями фортог го батюшки.

Ночное похожденіе Нади дало обильную пищу злымъ языкамъ. Оно было истолковано самымъ дурнымъ образомъ для бѣдной дѣвушки. Только Груня, одна изо всѣхъ дамъ Глухого форта, шла въ разрѣзъ съ общими толками и даже переселилась совсѣмъ къ Надѣ, взявъ и ее, и все ея хозяйство на свое попеченіе.

Наступила поздняя осень, дождливая, несносная, прерываемая изрѣдка морозами и даже чѣмъ то похожимъ на снѣгъ. Это явленіе—въ нашей сторонѣ большая рѣдкость.

Въ горкинскомъ домѣ около постели Нади тѣснымъ кружкомъ группировалась дружеская компанія. Это сдѣлалось какъ то само собою, постепенно.

Сначала старикъ Глухаревъ провелъ нѣсколько ночей подрядъ, дремля въ креслахъ, въ сосѣдней отъ спальной комнатѣ. Мало-ли что можетъ случиться ночью, Надя была очень плоха, докторъ, вишь ты, сказалъ, что съ такою нервною горячкою шутки плохи, и надо стеречь ходъ болѣзни, что называется, въ оба. Затѣмъ старикъ, позамаявшись порядкомъ, изъ кресла перебрался на диванчикъ.

— Чѣмъ валяться по диванамъ, лучше я велю тебѣ койку твою перенести...—замѣтилъ разъ Шелобовъ, и распорядился ..

Самъ Василій Ивановичъ заглядывалъ каждый день раза по три, потомъ зачастилъ... потомъ, случайно, переночевалъ тоже въ залѣ, на стульяхъ. Ливень очень большой разыгрался на дворѣ—охота тоже мокнуть!.. Спалъ онъ крѣпко, на неудобномъ ложѣ... а все-таки рѣшилъ, что на диванѣ удобнѣе... Пришелъ разъ какъ-то вечеркомъ и подушку съ собой принесъ, такъ и не относилъ ее обратно...

Павлуша вернулся изъ командировки недѣлю спустя послѣ катастрофы. Тотъ долго къ Надѣ на глаза не показывался... Надя-бы и не узнала его... Она, почему-то, только Шелобова узнавала, да и то не открывая глазъ, инстинктивно...

Молодой человѣкъ былъ сильно огорченъ всѣмъ случившимся... У него даже хватило такта не высказать своего удовольствія по поводу смерти «заклятаго врага», а удовольствіе это онъ ощущалъ безмѣрное. Его болѣе всего смущали невыгодные толки по поводу посѣщенія Надею Криницынской квартиры... онъ даже отцу высказался такъ:

— Э-эхъ!.. Вѣдь она, говорятъ, у него не первый разъ такъ-то?..

— Дуракъ!—обрѣзалъ его Иванъ Акимовичъ и цѣлый день не говорилъ съ сыномъ больше ни слова.

Не понялъ Павлуша, какъ надо объяснить себѣ выходку отца, и остался, на этотъ разъ, со своимъ мучительнымъ сомнѣніемъ.

Попробовалъ онъ къ Василію Ивановичу обратиться. Тотъ посмотрѣлъ на него пристально.

— Да тебѣ-то какое дѣло?

— Какъ какое?!.—озадачился Павлуша.

Вмѣсто отвѣта, Шелобовъ взялъ Павлушу за талію и вывелъ въ залъ. Тамъ они стали ходить изъ угла въ уголъ. Павлуша слушалъ, а Василій Ивановичъ говорилъ.

— Эхъ, Пашка-Пашка, ты, братъ, ей же Богу, въ рубашкѣ родился. Ну, поздравляю отъ души!.. что у тебя за женка будетъ, такъ это я тебѣ скажу...

Но Шелобовъ должно быть не съумѣлъ подобрать подходящаго сравненія, только пальцами прищелкнулъ очень выразительно.

— Экая душа... экая право душа... золото—не дѣвушка, а, тебѣ совсѣмъ подъ пару... Любитъ тебя какъ, души не чаетъ... да не то чтобы какъ-нибудь, а съ толкомъ, съ разумомъ... это вѣдь на вѣкъ...

— То есть какже это?—недоумѣвалъ Павлуша...

Но въ эту минуту Груня выглянула въ дверяхъ.

— Павелъ Ивановичъ, идите завтракать... я вамъ яичницу приготовила...

Она ему уже больше «ты» не говорила, и всякій разъ даже поправляла его, когда тотъ, по старой привычкѣ, обращался къ ней попрежнему, запросто.

Выглянула Груня, красивая, кроткая, улыбающаяся, глазенки такъ и играли... платокъ клѣтчатый соскользнулъ съ плечъ... а плеча такія круглыя и шейка видна немного, бѣлая какъ снѣгъ, а на шейкѣ ниточка голубыхъ бусъ, черною бархоткою подвязана...

Толкнулъ къ ней Павлушу Шелобовъ.

— Иди, — говоритъ, — ѣшь яичницу, да благодари Господа... Что, развѣ неправду я говорилъ тебѣ, найди-ка поди что лучше.

Пошелъ завтракать Павлуша, а все-таки понялъ не сразу въ чемъ дѣло.

Иванъ Акимовичъ былъ, надо полагать, пособразительнѣй. Онъ уже не разъ заговаривалъ съ Шелобовымъ на эту тему.

— Понимаю я, — говорилъ старикъ Глухаревъ. — Это я хорошо, даже очень хорошо понимаю... онъ ей не пара... я не могу это тебѣ ясно выразить почему, но чувствую... Признаюсь, прежде думалъ не такъ, но теперь чувствую... Ты, можетъ быть, думаешь, что я, какъ отецъ, больше о сынѣ старался.

— Нѣтъ, не думаю!—вставилъ Василій Ивановичъ.

— Тоже... Я больше потому, что вѣдь надо же дѣвочку было какъ слѣдуетъ пристроить... Чего-же, думалъ лучше! Малый честный, молодой, не совсѣмъ дуракъ... съ положеніемъ тоже... чего-же ждать и искать лучшаго... Опять же влюбленъ... взаимное счастье и прочее... Ну, ты вѣдь меня понимаешь?

Понимаю.

*

— Ну, а теперь я и самъ ничего понять не могу... Вотъ, можетъ, дастъ Богъ, пронесетъ бѣду... вотъ тогда, можетъ быть, перемѣнится къ лучшему. Полюбитъ Пашку Надя, готово дѣло! Нѣтъ, я и слова не скажу...

— Будемъ глядѣть!—улыбнулся Шелобовъ...—Вчера вотъ я не сплю—слышу, и они шу-шу-шу... шепоткомъ такъ, шепоткомъ... Ты, Ваня, поглядывай!

— Кто, кто они?

— Да Паша съ Грунею... Да, забылъ было Силантій говорилъ мнѣ, что дрова на исходѣ... Ты распорядился?

Наступилъ переломъ болѣзни. Кризисъ миновалъ счастливо, это случилось такимъ образомъ.

Была ночь. Иванъ Акимовичъ давно уже спалъ. Павлуша, котораго особенно часто въ спальню Нади не пускали, ушелъ спать домой, и у постели больной оставались Шелобовъ съ Грунею.

Груня сидѣла въ уголкѣ, около свѣчки, закрытой зеленымъ абажуромъ, и что-то чинила; Шелобовъ на креслѣ, у ногъ больной, и не спускалъ глазъ съ блѣднаго лица Нади... Онъ пристально всматривался въ ея исхудалыя черты, и первый замѣтилъ какъ открылись медленно ея глаза и пытливо посмотрѣли вокругъ. Теперь уже ничего не было лихорадочнаго въ этомъ ясномъ взорѣ.

— А лѣса у насъ, — началъ Шелобовъ ровнымъ, покойнымъ голосомъ.—Дремучіе, зелени что лѣтомъ, цвѣтовъ!.. запахъ какой чудный... то смолою, то ягодою спѣлою... на лужайкахъ, гдѣ изумрудомъ горитъ, а въ глуши, темень стоитъ, прохладная... Тишина такая вокругъ, спокойствіе... и слышно какъ всякая мелкая пичужка свою пѣсенку чиликаетъ... Сидишь, бывало, съ ружьемъ, подъ дубомъ, и не шелохнешься, такъ бы и просидѣть весь вѣкъ, слушалъ бы все, да слушалъ... Ручеекъ, это, бурлитъ; въ травѣ шелеститъ что-то... Козочка дикая, черноглазая, копытцами, этакъ, тукъ-тукъ... Меня не видитъ, а я ее вижу... Вѣтеръ чуть колыхнетъ вершинами; заговоритъ лѣсъ инымъ голосомъ... А соловьи по веснѣ, тамъ, въ трущобѣ, за оврагами... Тамъ все кусты пойдутъ непролазные; такъ больше въ кустахъ... Щелконетъ ра-

зокъ, другой, смолкнетъ, присвиснетъ, да какъ закатится трелью... тс...

Василій Ивановичъ сталъ все тише говорить, да тише... смолкъ, прислушался еще—и къ Грунѣ обернулся...

— Заснула опять... слава тебѣ Господи!

— Что это, слушаю я,—прошептала Груня.

Она подошла сзади и стояла за кресломъ разсказчика.

— Что это вы ей Василій Ивановичъ про лѣса свои вздумали разсказывать?

— А то что же ей говорить?.. Про это, что случилось, что ли?

Поняла Груня тутъ въ чемъ дѣло... сама догадалась почему надо было въ первое же мгновеніе сознанія отвлечь его отъ роковыхъ вопросовъ, въ здоровый, покойный сонъ перевести мучительныя, безсознательныя грезы.

— И гдѣ это вы научились такъ-то?—спросила она и улыбнулась.

— Въ кадетскомъ корпусѣ, голубушка, въ кадетскомъ...—удовлетворилъ ея любопытство Василій Ивановичъ.

Вообще Груня очень тонко понимала Шелобова, словно между ними двумя, само собою, безъ всякихъ предварительныхъ совѣщаній, установился полный, согласный во всемъ, планъ дѣйствій и взаимной самопомощи.

— Вотъ бы тебѣ жениться!—догадался таки Иванъ Акимовичъ.

— На комъ?—отвѣтилъ Шелобовъ.

— Еще спрашиваетъ на комъ? Конечно, на Грунѣ.

— А Паша мнѣ другъ, или нѣтъ?

— Другъ!

— Ну, то-то! Стану я у друга такую невѣсту перебивать!..

Шелобовъ разсмѣялся... Иванъ Акимовичъ задумался... А время все шло да шло и неумолимо дѣлало свое нехитрое дѣло.

X.

Не стану разсказывать какъ шло дѣло. Происходятъ другія вещи и гораздо сложнѣе, и запутаннѣе,—здѣсь не такъ, здѣсь все это просто и ясно. Мало-по-малу, Надя узнала все, что случилось. Узнавала толково толково и принималось все ея

сердцемъ. Вѣдь ей, кромѣ Шелобова, никто не брался ничего ни пояснить, ни разсказать. Полюбила ли она Василія Ивановича, или нѣтъ,— она и сама путемъ не знала. Если и полюбила, то совсѣмъ не такъ, какъ Криницына, не такъ, какъ ее въ институтѣ учили, но чувствовала, что, когда Шелобовъ при ней, ей тепло, уютно и уже вовсе не страшно, ни за настоящее, ни за будущее... Нѣтъ Шелобова, она ждетъ терпѣливо, когда тотъ вернется, и тоже, ни за себя, ни за него ничего не боится! Груню, ту Надя полюбила такъ, какъ и сестра сестру не всякая любитъ, поясъ даже отцу Павлу принялась вышивать, только не дошила почему-то. Даже и Павлушу Надя полюбила, и теперь находила его совсѣмъ красавцемъ; тотъ ее все на рукахъ носилъ, потому что у Нади еще ножки очень слабы были, а у того руки здоровенныя...

Въ такихъ случаяхъ Груня не ревновала нисколько, да ей и некогда было: У Ивана Акимовича она нашла въ хозяйствѣ, въ туалетѣ особенно, такіе невозможные безпорядки и упущенія, что исправленіе всего этого заняло чуть не все время отъ Рождества до Пасхи.

Иванъ Акимовичъ на цѣлую недѣлю, это какъ разъ на Страстной было, въ городъ уѣхалъ, тамъ обратился къ женѣ сво его пріятеля одного, и съ нею цѣлые дни по лавкамъ тоскался. Чего-чего не закупилъ для себя и сына, а главное для Груни... Кольца тоже заказалъ тамъ, и имена велѣлъ вырѣзать, а числа помѣтить такія, чтобы какъ разъ на красную горку выходило!..

— И ты бы въ одинъ, вмѣстѣ!—говорилъ онъ Василію Ивановичу, вернувшись...

— Нельзя!.. — отвѣчалъ Шелобовъ. — У меня матушка жива... Хуторишко есть тамъ, подъ Омскомъ... Мы вотъ туда поѣдемъ, представимся, да и къ отцу протопопу, если живъ только старикъ...

— Это гдѣ «лѣса такіе дремууучіе!..» — полюбопытствовала Надя.

— Въ самомъ томъ мѣстѣ!—улыбаясь, цѣловалъ ея лобикъ Василій Ивановичъ...

И всѣ были очень счастливы.

Эпилогъ.

Прошло лѣтъ девять... Да, ровно даже девять... я это отлично помню. Въ этомъ году снаряжена была большая научная экспедиція, для самаго всесторонняго изслѣдованія верховьевъ рѣки Аму. Чуть не цѣлый годъ тогда мы шатались по горамъ и долинамъ, заходили въ такія мѣста, гдѣ до насъ не только европейской ноги, а никакой человѣческой не было... Изучили и изслѣдовали все какъ слѣдуетъ, пора была и домой возвращаться.

Вотъ обратною-то дорогою посѣтилъ я глухой фортъ... Ничего, слава Богу, все стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, только Иванъ Акимовичъ уже не служитъ больше, устарѣлъ очень, бѣлый какъ лунь сталъ, самъ не ходитъ, а его подъ руки водятъ, и начальства своего прямого въ грошъ не ставитъ. Удивительный сталъ либералъ!.. Можетъ быть потому, что начальство у него немножко пристрастное... Комендантомъ форта теперь вѣдь Павелъ Ивановичъ Глухаревъ, маіоръ и кавалеръ, а комендантша такая, что и въ главномъ штабѣ глубокое уваженіе чувствуютъ... Я у нихъ трое сутокъ прожилъ и Груня, виноватъ, мадамъ Глухарева, прощаясь, говорила мнѣ:

— Вы вѣдь, я знаю, тамъ все описываете, романы да повѣсти разныя сочиняете... Вы ужъ не компрометируйте меня передъ публикою, не говорите, что у меня уже шестеро... Пожжжалуйста...

Я ей обѣщалъ, и видите, я промолчалъ объ этомъ обстоятельствѣ...

Узнали Глухаревы, что я на Омскъ поѣду, западно-сибирскимъ большимъ трактомъ, сейчасъ письмами и порученіями завалили. Письма бы еще ничего, а вотъ порученія... Думалъ было

на-легкѣ, на парочкѣ прокатиться, а пришлось припрягать третью... Шутка ли! Какъ вытащили мнѣ боченковъ разныхъ, да кулечковъ, да ящичковъ... Впрочемъ, ничего! Тарантасъ у меня казанской работы, крѣпкій и накатистый, выдержалъ дорогу, все довезъ, ничего не попортилось.

Нашелъ я Шелобовыхъ въ добромъ здоровьѣ... У нихъ всего только трое, но ребята отмѣнные, особенно старшій мальчишка, Павлушею почему-то назвали...

Надежда Федоровна похорошѣла, потолстѣла, только немного... Шелобовъ говоритъ, что это ничего, ей къ лицу...

Самъ онъ давно бросилъ службу, хозяйничаетъ, охотится.

Конецъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Н. КАРАЗИНА.

ДУНАЙ ВЪ ОГНѢ.

Дневникъ корреспондента.

Въ 2-хъ частяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе П. П. Сойкина.
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, 12, соб. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 96, уг. Надежд.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 25 СЕНТЯБРЯ 1905 Г.

ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА, СПБ., СТРЕМЯННАЯ, № 12.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ ЖЕЛАННЫЕ КРАЯ.

I.

— Ну, народу!—раздалось изъ-за колоссальнаго медвѣжьяго воротника, загородившаго мнѣ дорогу у входа въ вокзалъ.

— Проѣзжающихъ много, а впрочемъ и ѣдущихъ тоже достаточно,—проговорила лисья шуба, съ узломъ и двумя кулями.

— Потому—дѣло къ празднику. Господа, извольте проходить... не загораживайте дорогу. Ваше степенство, пожалуйте.

— Oh, mon Dieu, mon Dieu!.. Неужели все это съ нами поѣдетъ!—не то поетъ, не то стонетъ что-то грузное, яркоклѣтчатое съ голубинымъ крылышкомъ на шляпкѣ.

Все не все, но вагоны будутъ набиты биткомъ, и на нѣкоторый комфортъ простора кажется разсчитывать нечего. Дѣйствительно, дѣло къ празднику. Въ громадной, сводчатой аванзалѣ стоитъ какой-то мракъ и туманъ, въ этомъ туманѣ движется и волнуется сплошная толпа, газовые рожки чуть мелькаютъ, шлепанье калошъ по плитному полу заглушаетъ громкіе возгласы пріемщиковъ багажа. А багажа-то этого—горы! цѣлые кряжи горные выросли на широкомъ прилавкѣ и около, весь полъ заваленъ грудами чемодановъ, сундуковъ, корзинъ, узловъ и проч., и проч. У кассы безконечно длинный хвостъ. Лицо кассира, освѣщенное зеленою лампочкою, смотритъ сурово, озабоченно, сосредоточенно. Уже четвертый разъ слышу я его отчетливую, громкую, хотя весьма неутѣшительную фразу: «Билеты въ спальные вагоны уже всѣ разобраны. Въ спальные вагоны билетовъ нѣтъ...»

— Да помилуйте, чуть не за часъ до отхода пришелъ. Это чертъ знаетъ что такое!

— Билетовъ въ спальные вагоны больше нѣтъ!

Что дѣлать? я слышалъ эту фразу, когда еще входилъ въ вокзалъ, слышу и въ данную минуту. Самое главное удобство курьерскаго поѣзда парализовано, сведено на нуль. Досадно! дѣйствительно же досадно—человѣкъ за день усталъ, за ночь разсчитываетъ хорошенько выспаться дорогою, и свѣжимъ, бодрымъ явится завтра въ Москву... а теперь въ перспективѣ, вмѣсто отдыха, новое утомленіе... сиди, значитъ, всю ночь, безконечную, *вагонную ночь*, въ самомъ неудобномъ положеніи, безпокоемый сосѣдями и самъ ихъ безпокоющій, осязающій со всѣхъ сторонъ острые углы сакъ-вояжей, картонокъ и разныхъ дорожностей. Отчего это такъ наши соотечественники не любятъ отдавать свои вещи въ багажный вагонъ? Они рѣшаются сдать туда только то, что уже положительно нельзя протащить въ двери пассажирскаго вагона. Не думаю, чтобы здѣсь играла роль только пустая разсчетливость, это вѣдь такъ несовмѣстимо съ широкой тароватой натурой русскаго человѣка.

— А вы изволили ѣзжать по прежнимъ шоссейнымъ трактамъ въ ямскихъ тарантасахъ? — обратился ко мнѣ сосѣдъ, бывшій помѣщикъ изъ-подъ Твери.

— Ѣзжалъ не разъ.

— Вотъ это все одно какъ и тогда: толконетъ тарантасъ гдѣ-нибудь, качнетъ что-ли въ сторону, сейчасъ тебя картонкою со шляпкою по носу, кулькомъ какимъ-нибудь въ бокъ, ящикомъ въ колѣно, а то и сверху что-нибудь свалится. Поскрипываетъ, повизгиваетъ, побрякиваетъ. Сначала, словно, неудобно немного, а потомъ ничего—привыкаешь. Даже иногда прелесть эдакую, нѣкоторую чувствуешь, поэзію, такъ сказать, дорожную.

Поѣздъ двинулся. Всѣ мѣста въ вагонѣ заняты, тѣсно и неудобно въ высшей степени. Кажется даже, что число пассажировъ значительно превышаетъ число мѣстъ въ вагонѣ, но это только кажется. Недаромъ, чей-то голосъ, въ самомъ дальномъ углу, заявляетъ, что все это только «пока, а тамъ пообомнутся, пораздѣнутся и будетъ какъ разъ въ аккуратъ». Дѣйствительно, со слѣдующей же станціи стало похоже что-то на этотъ «аккуратъ». Даже дышать стало какъ будто полегче.

Новое открытіе. Оказалось, что вагонъ, въ который насъ помѣстили, имѣетъ всѣ спальныя приспособленія: и поднимаю-

щіяся спинки, образующія верхніе ярусы коекъ и нижнія сидѣнья, сдвигающіяся вмѣстѣ—однимъ словомъ все, что слѣдуетъ.

— Господа, да мы можемъ превосходно спать.

— А развѣ можно?

— Можно. Вотъ видите-ли: это поднять, на крюкъ зацѣпить...

— Нѣтъ, я не къ тому, а дозволятъ-ли.

— Почему не дозволятъ? мы даже имѣемъ полное право.

— Эхъ, какъ бы не забранили.

— Вздоръ! Да вотъ спросимъ кондуктора.

Кондукторъ, просѣкая звѣздообразныя дырочки на билетахъ, отвѣчаетъ на отрѣзъ: нельзя!

— Позвольте... я юристъ... я это сейчасъ!..—выступаетъ на сцену щеголеватое пальто съ бобромъ. — Господа, вы меня уполномочиваете?

— Вали! — громогласно соглашается купецъ, тотъ самый, что опасался: «какъ бы не забранили».

— Г-нъ кондукторъ, мы воспользуемся спальными приспособленіями!—приступаетъ къ дѣлу юристъ.

— Нельзя-съ!..—еще разъ заявляетъ господинъ кондукторъ.—На то есть спальные вагоны, ихъ два и тамъ комплектъ, а это обыкновенный.

— Нѣтъ, такой же спальный, вы видите, а не обыкновенный.

— Тамъ приплачивается два рубля, а здѣсь нѣтъ.

— Мы тоже приплатимъ. Извольте получить.

— Этого мы не можемъ. Спальные вагоны совсѣмъ сторонней компаніи. Они и получаютъ. Это же дѣло до насъ не касается.

— Да вѣдь это безсмыслица, вы поймите: вагонъ имѣетъ спальныя приспособленія, а мы не можемъ ими пользоваться. Въ комплектныхъ вагонахъ всѣ мѣста заняты, мы не отказываемся платить и здѣсь, такъ сказать, въ некомплектномъ.

— Да кому же вы будете платить?

— Вамъ.

— Это не наше дѣло.

— Наконецъ, тому артельщику, что при комплектныхъ.

— Онъ права не имѣетъ. По условію только два вагона на поѣздъ полагается.

— Ну, а если...

Юристъ понижаетъ голосъ и переговоры идутъ уже нѣсколько конфиденціальнѣй. Слышна фраза кондуктора: «мы за это только не отвѣчаемъ».

— Да за что?

— Ежели что случится.

— Да что такое можетъ случиться?

— Мало ли что...

А между тѣмъ пассажиры уже дѣлали свое дѣло: койки устраивались довольно даже удобно; нѣкоторые даже и вытянулись на нихъ во весь ростъ. Полѣзъ и купецъ, не снимая съ себя лисьей шубы и еще разъ не то вздыхая, не то зѣвнувъ, протянулъ свое: «эхъ, какъ бы не забранили...» Начальство, въ лицѣ кондуктора, отчаянно махнуло рукою и поспѣшило дальше.

— Почемъ съ персоны? — освѣдомился кто-то у юриста, пробиравшагося мимо на свое мѣсто.

Проходитъ ночь и проходитъ довольно покойно, еслибъ только не эта компанія юнцовъ, двухъ пажей, одного лицеиста и одного гвардейскаго подпрапорщика, занявшая сосѣднее купэ и всю ночь напѣвавшая мотивцы Оффенбаха, наслаждаясь своими воспоминаніями Буффа и Берга, и несносный сосѣдъ, тверской помѣщикъ, выходившій изъ вагона на каждой буфетной станціи и по возвращеніи на мѣсто громогласно заявлявшій, чѣмъ онъ изволилъ подкрѣплять свои силы. И всю-то ночь слышались мнѣ сбоку умышленно-картавыя, фальшивыя нотки привиллегированныхъ юнцовъ и громогласное: «А я таки-того... ломоть осетрины съ хрѣномъ отработалъ».

Зима стоитъ снѣжная и метелями весьма обильная. Только и слышно кругомъ: на такой-то станціи замело поѣздъ — и простоялъ этотъ поѣздъ часовъ шесть, а то и больше; тамъ вонъ тоже образовались снѣжные заносы и совсѣмъ сообщеніе прекратилось. На одной изъ дорогъ, кажется на ряжско-вяземской, поѣздъ простоялъ двое сутокъ. Съ чувствомъ невольнаго безпокойства и сомнѣнія подъѣзжаешь къ вокзалу — и думается: вотъ и на твою долю выпадетъ подобное же удовольствіе. Мнѣ даже совѣтывали въ Москвѣ не выѣзжать безъ хорошаго съѣстного и питейнаго запаса: мало-ли, молъ, что

можетъ случиться. А тутъ, какъ на бѣду, въ самый день отъѣзда моего изъ Москвы по курской дорогѣ поднялась сильная метель, дававшая себя чувствовать даже на городскихъ улицахъ, защищенныхъ домами. Что же должно было дѣлаться въ открытомъ полѣ!

Болѣе всего опасались за промежутокъ между Тулою и Орломъ; здѣсь, на совершенно открытой мѣстности, болѣе всего свирѣпствуютъ снѣжныя метели, такъ называемыя «понизи» или «поземки». Кромѣ того, здѣсь часто встрѣчаются длинныя выемки, тянущіяся иногда на три и четыре версты. Такія выемки, узкія и довольно глубокія, при снѣжномъ заносѣ представляютъ препятствія почти непреодолимыя. Случается, что въ два-три часа непрерывной метели — подобныя выемки вплоть до краевъ заносятся снѣгомъ, и тогда требуются тысячи рукъ и многіе часы времени, чтобы привести снова въ порядокъ дорогу. А если при этомъ еще господствуетъ полная небрежность со стороны правленія желѣзной дороги — явленіе, всосавшееся въ плоть и въ кровь всѣхъ россійскихъ желѣзнодорожныхъ правленій—и полнѣйшее отсутствіе мѣръ къ устраненію и предупрежденію подобныхъ случайностей, — то можно себѣ представить, чѣмъ рискуютъ ни въ чемъ неповинные путешественники. Я говорю: полное отсутствіе мѣръ, потому что мѣры, въ дѣйствительности принимаемыя желѣзнодорожными правленіями, поражаютъ только своею крайнею нелѣпостью, чтобы не сказать болѣе.

Напримѣръ, плуговъ-локомотивовъ для разгребанія снѣга нѣтъ вовсе, а если гдѣ и есть таковые, то по одному на сто верстъ, а то и менѣе. Употребляютъ эти плуги не какъ предупрежденіе заноса, т. е. чтобы подобный плугъ двигался безпрестанно во время метелей, не допуская заносу лечь толстымъ слоемъ. Нѣтъ, этотъ приборъ употребляютъ тогда только, когда заносъ уже образовался и никакой плугъ не въ состояніи ничего подѣлать. Приходится прибѣгать тогда къ рабочимъ рукамъ, а этихъ рукъ требуется много. Плата поденная 30 коп. представляетъ мало соблазнительнаго и достать такихъ дешевыхъ работниковъ трудно, особенно въ скоромъ времени и нужномъ числѣ. Попробовали разъ пообѣщать по рублю на человѣка, а потомъ напомнили имъ, что обѣщать и исполнить обѣщаніе не одно и тоже, и разсчитали ихъ по 30 коп. Удалося

это, положимъ, разъ, но за то потомъ и вовсе нельзя было найдти рабочихъ, ни за какія обѣщанія.

Для того, чтобы удерживать заносы протягиваютъ по сторонамъ полотна дороги, въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи досчатые щиты—заборы. Это стоитъ Богъ знаетъ какъ дорого, особенно, если принять въ разсчетъ, что такіе заборы возобновляются ежегодно и вдобавокъ тоже почти не приносятъ никакой пользы, потому что порывы вѣтра валятъ легкіе досчатые щиты, переносятъ черезъ нихъ массу снѣга и заваливаютъ сугробами ничѣмъ уже незащищенное полотно дороги.

А между тѣмъ дѣло такъ просто: стоитъ только разъ затратить сумму и посадить по сторонамъ дороги непрерывный рядъ молодыхъ елокъ, которыя чрезвычайно легко принимаются, и въ два-три года образуютъ непроницаемыя сплошныя стѣны, несокрушимыя никакими вѣтрами и непогодами. Тамъ, гдѣ по климатическимъ и другимъ какимъ причинамъ не можетъ расти ель, — есть другіе виды растительности, не менѣе пригодные для образованія живыхъ изгородей. Мой сосѣдъ въ вагонѣ, уже теперь не тверской помѣщикъ, а курскій, сообщилъ мнѣ, что онъ уже не разъ дѣлалъ разсчеты и заявлялъ желѣзно-дорожному правленію о готовности взять на себя посадку елокъ. По его разсчетамъ оказывалось, что эта посадка обошлась бы дешевле того, что въ три года тратится на возобновленіи досчатыхъ щитовъ-заборовъ.

— И никакого проку изъ того не будетъ! — вмѣшался тутъ другой сосѣдъ, тоже курскій помѣщикъ, да еще предсѣдатель какой-то земской управы.

— Почему же это такъ?—не безъ язвительности спросилъ его первый.

— А потому-что, что ни посади,—все подлецы вырубятъ. Вѣрите-ли,—обратился онъ ко мнѣ со вздохомъ,—что наши помѣщичьи лѣса, сады даже, повырубали, у самаго дома, подъ самымъ, такъ сказать, носомъ. Да что сады! Екатерининскія аллеи, изволите знать, что покойная императрица по всѣмъ большимъ дорогамъ понасадила. Вѣковыя, такъ сказать, березы—и то вырубили... разбой! Техасъ, — одно слово!.. разнузданность!.. безъ револьвера не выѣзжай!..

— Да вѣдь вотъ вы сами земскій дѣятель,—продолжая язвительно улыбаться, замѣтилъ первый,—приняли бы мѣры, но-

ложили бы штрафы, наказанія тамъ различныя, ну, и не доводили бы до этого разбоя, до Техаса что-ли, какъ вы изволили выразиться.

— Ничего не помогаетъ. Двадцать пять рублей штрафу за каждое дерево, а за екатерининское пятьдесятъ, и все-таки все повырубили. Не помогаетъ.

— Это точно, что не помогаетъ,—вступила тутъ въ разговоръ бородка клиномъ.—Потому кто его усторожитъ ночью, да вотъ хоть бы въ этакую погоду. Опять же между ними грамотные попадаются.

— Такъ что же, что грамотные?

— А то-съ: иной свалитъ деревцо, да на свѣжій комель насмѣхъ неприличіе сдѣлаетъ, а угольком напишетъ около: «Вотъ тебѣ штрафъ, получи и роспишись въ полученіи».

— Глухой протестъ, протестъ народа противъ обездоленья его лѣснымъ матеріяломъ, вотъ что-съ...—сильно понизивъ голосъ и подозрительно косясь куда-то въ сторону, рѣшилъ тотъ, кто предлагалъ желѣзнодорожному правленію посадить живыя изгороди.

— У самого ни одного прутика нѣтъ въ имѣньишкѣ! — также понизивъ голосъ спарировалъ земской дѣятель: — вотъ онъ и толкуетъ: «обездолили», соболѣзнуетъ, видите-ли, о меньшемъ братѣ. Вѣрите-ли: когда ему приходится пороть своихъ ребятъ, а онъ ихъ въ недѣлю разъ уже непремѣнно поретъ,—такъ къ моему лѣснику за розгами посылаетъ. «Обездолили». Хе-хе!..

Кстати разскажу одинъ фактъ, весьма характеризующій зимнія поѣздки по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ. На ряжско-вяземской линіи образовался нѣсколько дней тому назадъ снѣжный заносъ, остановившій сообщеніе на цѣлыхъ двое сутокъ. Одному изъ пассажирскихъ поѣздовъ пришлось простоять эти двое сутокъ въ полѣ. Ни взадъ, ни впередъ, такое вышло положеніе. На поѣздѣ былъ переносный телеграфный аппаратъ имъ, конечно, воспользовались, чтобы дать знать на ближайшую станцію о своемъ бѣдственномъ положеніи. Но вотъ бѣда: на поѣздѣ не оказалось лѣстницы, чтобы добраться до столбового изолятора и соединить проволоку постояннаго телеграфа съ переноснымъ. Начался рядъ упражненій въ высшей гимнастикѣ; не только кондуктора, но даже многіе изъ пассажировъ приняли участіе въ этихъ импровизированныхъ олимпійскихъ играхъ. Оледенѣлые телеграфные столбы оказались неодолимы.

Взлѣзетъ кто-нибудь аршина на два—и внизъ, полѣзетъ другой, еще хуже. Образовали даже премію по подпискѣ, но все напрасно. Тогда рѣшили просто-напросто оборвать проволоку; достали у кочегара кочергу, навязали ее на случайно найденную по близости жердь и этимъ крюкомъ зацѣпили за проволоку и оборвали ее. Сладили все, что слѣдуетъ и дали о себѣ знать. Получили и отвѣтъ: «ждите, надѣйтесь, мѣры приняты...» Ждали часовъ восемь, прибыли наконецъ рабочіе, да мало очень, покопались немного и разбрелись по деревнямъ; а деревни-то эти далеко; верстъ за десять, а то и больше. Только *на второй день* прибыло наконецъ достаточное число рабочихъ рукъ и поѣздъ могъ продолжать движеніе... движеніе, впрочемъ, только до первой маленькой станціи. Нѣкоторые пассажиры до того озлобились на желѣзную дорогу, что наняли розвальни и предпочли кончать путешествіе на саняхъ.

Болѣе терпѣливые принуждены были еще цѣлые сутки стоять на станціи, какъ я уже сказалъ, маленькой, не приспособленной къ такому наплыву посѣтителей.

Но вотъ счастье—погода улучшилась, проглянуло даже что-то похожее на солнце — и мы разсчитывали проѣхать благополучно. На этой линіи спальныхъ вагоновъ не существуетъ вовсе (странно почему, ибо число мѣстъ со спальнымъ приспособленіемъ не меньше числа обыкновенныхъ мѣстъ и отъ такого нововведенія — желѣзная дорога ничего не теряетъ, а пассажиры выигрываютъ). «Тарантасная поэзія» давала себя и здѣсь изрѣдка чувствовать, — только теперь въ этой поэзіи преобладалъ кулинарный характеръ — предохранительная, такъ сказать, мѣра на случай ожидаемой катастрофы.

Вотъ и Тулу съ ея пряниками и желѣзными издѣліями, выставленными въ шкапикахъ и витринахъ, проѣхали, и Орелъ миновали, къ ночи попали и въ Курскъ.

Объ этихъ городахъ напоминаютъ вамъ только надписи надъ дверьми вокзаловъ. Сами города далеко отстоятъ отъ дороги, гдѣ на три версты, гдѣ на пять, а то и болѣе, и для глазъ путешественника остаются невидимы. Это также свойство русскихъ желѣзныхъ дорогъ, миновать города, тщательно обходя ихъ стороною.

Причина подобнаго явленія, какъ говорятъ, все одна и таже. Городская дума никакъ не могла сойдтись въ цѣнѣ по

уступкѣ мѣстности съ желѣзнодорожною компаніею. Дума обыкновенно запроситъ вдесятеро, а компанія не соглашается, проситъ даже противъ нормальныхъ цѣнъ уступки. Дума держится крѣпко, выжидаетъ, а компанія и заложитъ вокзалъ верстъ за десять, на земляхъ уже городу не принадлежащихъ. Дума потомъ и готова на уступки, даромъ даже отдаетъ, а компанія *на зло* продолжаетъ начатыя работы и такъ, какъ по пословицѣ: паны дерутся, а у мужиковъ чубы болятъ — такъ и въ данномъ случаѣ: отъ распри между думою и компаніею проигрываютъ и горожане, и путешественники.

Погода намъ положительно благопріятствуетъ; самыя опасныя, открытыя мѣста мы миновали благополучно. Началась даже довольно сильная оттепель и полотно желѣзной дороги, совершенно свободное отъ снѣга, тянулось вдаль черною, безконечною полосою. А все-таки мы опоздали въ Курскъ, на цѣлый часъ опоздали, и пассажиры, имѣющіе билеты прямого сообщенія, едва имѣли время перескочить изъ одного поѣзда въ другой—курско-кіевскій.

Канунъ праздника и первый день Рождества мы провели въ дорогѣ. Тутъ началось новое безпокойство и сомнѣніе, на счетъ состоянія духа машинистовъ, кондукторовъ и прочей желѣзнодорожной прислуги, безпокойство, имѣющее весьма значительное основаніе: а, ну, какъ всѣ эти отвѣтственные субъекты да начнутъ дорогою праздновать?!. Ужъ и такъ нашъ кондукторъ, на вопросы пассажировъ, отвѣчаетъ какъ-то угрюмо, сухо и сдержанно; съ каждою станціею его отвѣты становятся все короче и обрывистѣй, начинаетъ даже слышаться какой-то озлобленный, недовольный тонъ.

— Этотъ кондукторъ, что съ вами ѣдетъ, ничего,—успокоилъ меня одинъ изъ начальниковъ,—ежели и напьется, такъ головы не потеряетъ, развѣ дерзость какую скажетъ, выругаетъ, что ли, ну побьетъ тамъ кого-нибудь въ третьемъ классѣ, а то ничего—вы не безпокойтесь.

Но нашъ поѣздъ — такъ называемый курьерскій — только 1 и 2 классы, третьяго нѣтъ вовсе, и побить кондуктору было некого. Дотянулись мы и до Кіева благополучно, и все-таки ухитрились опоздать — безъ всякихъ видимыхъ причинъ на цѣлые два часа и три четверти; поѣздъ въ Одессу уже ушелъ и ѣдущимъ дальше пришлось заночевать въ Кіевѣ.

II.

Малороссія — богатѣйшій край, житница Россіи, воспѣтая поэтами, какъ страна сытыхъ, довольныхъ, даже облѣнившихся отъ этого довольства, страна баловней природы, варениковъ въ сметанѣ, галушекъ, сала и доброй горилки... Но при всемъ этомъ, страна жидовъ, особенно ея югозападная часть, а одного этого уже довольно, чтобы окончательно парализовать, свести на нуль всѣ вышеприведенныя блага...

Жиды, жиды, жиды!.. Это все, что видитъ здѣсь вашъ глазъ, слышитъ ваше ухо, обоняетъ носъ; эта темная, непроизводительная, гнетущая край, сила уже заполнила «россійскую житницу» и отодвинула на самый задній планъ ея исконное, чубатое населеніе. Зависимость несчастной Болгаріи отъ турецкаго султана ничто въ сравненіи съ той зависимостью, подъ которую подпали къ дѣтямъ Израиля потомки гетмановъ и ихъ храбрыхъ «лыцарей сподвижниковъ».

Жиды забрали въ свои руки всю торговлю края и превратили ее, эту торговлю, изъ явленія благотворнаго, полезнаго въ нѣчто, истощающее край, высасывающее его лучшіе жизненные соки.

Лишенные закономъ права быть землевладѣльцами, они успѣли обратить этотъ законъ въ мертвый звукъ и фактически забрали въ свои руки лучшія земли, богатѣйшія имѣнья; владѣльцы этихъ земель, юридическіе владѣльцы довольствуются, т. е. принуждены довольствоваться скромною арендною платою, а то и вовсе обходиться безъ всякой платы; фактическіе же владѣльцы, жиды, наживаютъ себѣ крупныя состоянія, безпощадно, безразсчетливо эксплоатируя эти тучныя, черноземныя пажити, не заботясь о ихъ будущемъ, преслѣдуя только одну, единственную цѣль—извлечь возможно большія выгоды въ настоящемъ...

Цѣлая система-паутина, система займовъ и долговыхъ обязательствъ, опутала помѣщиковъ и держитъ ихъ въ полнѣйшей зависимости отъ безчисленныхъ Янкелей, Мойшъ, Гербертштейновъ, Кагановъ и пр., и пр., и пр. и во вѣки вѣковъ вамъ, несчастные Чубенки и Дорошенки, не выпутаться изъ этой хитросплетенной, не по вашему лѣнивому разуму, паутины.

— Безъ грошей ничего не подѣлаешь, а гроши всѣ у жидовъ,—говорятъ эти несчастные, глубоко вздыхая, съ какою-то лѣнивою,—да, именно лѣнивою,—тоскою во взорѣ...

А какимъ образомъ сдѣлалось такъ, что гроши эти попали единственно въ жидовскія руки, и гроши, не привезенные откуда-нибудь со стороны, а добытые здѣсь же, изъ этой благодатной почвы, добытые изъ вашихъ же широкихъ кошелей и кармановъ?..

Жиды, жиды, жиды!..

Если желѣзныя дороги весьма удачно сравниваютъ съ артеріями, правильно разносящими по краю его кровь, его лучшіе жизненные соки, то жидовъ, сгруппировавшихся именно по этимъ дорогамъ, не менѣе удачно можно сравнить съ піявками, присосавшимися вплотную, безотрывно, къ жизненнымъ артеріямъ... Вы входите въ вокзалъ:—все и вся занято группами жидовъ, ѣдущихъ и провожающихъ... Изрѣдка кое-гдѣ только мелькнетъ что-то славянское, да и то больше украшенное цвѣтнымъ околышемъ военной фуражки... Идете на платформу: жидъ хватаетъ ваши чемоданы, жидъ усаживаетъ васъ въ вагонъ, жидъ бѣгаетъ подъ вагонами, постукивая по осямъ и колесамъ молоточкамъ, жидъ свиститъ въ кондукторскую дудочку!.. Въ запахѣ даже самаго пара, клубами вырывающаго изъ открытаго крана паровика, отдаетъ какъ будто чеснокомъ и лукомъ.

Въ вагонахъ третьяго класса биткомъ набиты жиды, въ вагонахъ второго—тоже, даже въ первомъ жиды,—но здѣсь они уже негоціанты и банкиры, съ блестящими перстнями на пальцахъ, въ чистомъ батистовомъ бѣльѣ, изъ-подъ котораго, впрочемъ, видна грязная, засаленная шерстяная фуфайка,—здѣсь они уже выдаютъ себя за нѣмцевъ, нерѣдко величая другъ друга баронами...

Поѣздъ трогается, пролетаетъ одну станцію за другою,—и въ окнахъ вагона вамъ только и мелькаютъ характерныя семетическія физіономіи, засаленные лапсердаки... Да гдѣ же вы, настоящіе историческіе граждане страны? Куда вы попрятались? Хоть бы на минуту выглянули и показали путешественнику свои усатыя лица!..

— Остановка—пять минутъ, фейфъ минутенъ!—взываетъ путеводитель.

Пассажиры торопливо выскакиваютъ изъ вагоновъ, сливаются съ группами на платформѣ .. Всѣ-то знакомые, всѣ знаютъ другъ друга, называютъ по именамъ; все это тѣсно сближено, связано вмѣстѣ, живетъ и дышитъ единствомъ мышленія... И въ этомъ-то единствѣ заключается вся сила, вся мощь Израиля, мощь, создавшая ему, вмѣсто потерянаго царства, всюду и вездѣ новыя земли, обѣтованныя...

Братъ славянинъ, хоть бы ты позаимствовался у нихъ и воспользовался этимъ поучительнымъ примѣромъ!..

Въ одномъ вагонѣ со мною находилось двадцать два пассажира, почти комплектъ; и изъ этихъ двадцати двухъ былъ только одинъ русскій—я самъ, остальные все жиды или псевдонѣмцы... Шелъ непрерывный, оживленный говоръ, и въ говорѣ этомъ только и слышались разныя цифры, гешефты и гандели... Одно купэ, впрочемъ, сосѣднее, поражало своею молчаливостью, грустными вздохами и изрѣдка тоскливымъ нашептываніемъ о чемъ-то печальномъ, таинственномъ... Вы знаете уже конечно о томъ крахѣ, который случился съ кіевскимъ частнымъ коммерческимъ банкомъ; этотъ крахъ, то-есть собственно не крахъ, а простое воровство, открылся какъ разъ въ сочельникъ, изображая собою, такъ сказать, нѣчто въ родѣ подарка на елку... Ну, вотъ въ этомъ-то купэ вздоховъ и засѣдали лица, слишкомъ уже заинтересованныя судьбою банка, а потому ихъ печальный видъ и грустныя нашептыванія были весьма понятны.

Въ воровствѣ этомъ, въ систематическомъ обкрадываніи банка, обвинены и дѣйствительно оказались виноватыми: кассиръ, бухгалтеръ и контролеръ, т. е. главнѣйшіе заправители дѣла; съ 1872 года велись фальшивыя книги, ложные балансы, небывалые текущіе счеты и все это открылось разомъ, на пятый годъ, только потому, что уже, несмотря на геніальность тріумвирата, не было никакой возможности свести концы съ концами... виновники арестованы, директоры поплатятся, но банкъ все-таки не въ силахъ будетъ подняться на ноги и, по словамъ одного изъ вздыхателей, банкротство неизбѣжно...

Близость театра крупныхъ операцій, историческихъ, такъ сказать, событій, взволновавшихъ весь край и поднявшихъ на ноги все, чуящее добычу, даетъ себя уже чувствовать. Начи-

ная отъ Жмеринки, т. е. съ поворота отъ Кіева на одесско-брестскую желѣзную дорогу, въ воздухѣ пахнетъ чѣмъ-то особеннымъ: глаза дѣтей Израиля сверкаютъ какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ, руки дрожатъ и пальцы сгибаются, словно на этихъ пальцахъ разомъ выросли не ногти, обыкновенные человѣческіе ногти, а ястребиные когти, длинные такіе, крючковатые... Такія простые слова и звуки, какъ напримѣръ: сѣно, овесъ, крупа, мука, водка, полушубки производятъ необыкновенное, электризующее вліяніе на нервы пассажировъ... Даже зубы начинаютъ выбивать лихорадочную дробь... Но это не отъ холода, нѣтъ. На дворѣ три градуса выше нуля, въ вагонѣ даже жарко и всѣ сидятъ въ однихъ сюртукахъ, а то даже и безъ оныхъ... И сколько надеждъ, сколько выгодъ впереди, сколько самыхъ радужныхъ, розовыхъ такихъ предположеній...

Тепло. Кругомъ стоитъ густой, непроницаемый туманъ, скрывая за собою всѣ окрестности. Ничего не видно—ни этихъ дубовыхъ лѣсовъ, что должны быть по сторонамъ, ни приземистыхъ малороссійскихъ мазанокъ, осѣненныхъ развѣсистыми яблонями и стройными тополями—только развѣ къ ночи, сквозь пелену тумана, мигаютъ во мракѣ тусклые огоньки въ окнахъ, а около нихъ движутся какія-то темныя тѣни-силуэты, и чуть-чуть доносятся до слуха пассажировъ заунывная, однообразная нота народныхъ колядокъ... Какую тоску на душу наводятъ эти неподвижныя, тяжелыя стѣны тумана; какія безотрадныя мысли лѣзутъ въ голову; какія невыносимые сны одолѣваютъ, когда, утомленный, невольно смыкаешь глаза и сквозь дремоту слышатся все тѣ же: гандели, гешефты, сѣно, полушубки, вызывая рядъ грустныхъ, давно уже позабытыхъ призраковъ...

Нѣтъ! Эти призраки не забыты, они только временно отошли на задній планъ, и тотчасъ же, какъ нѣчто роковое, выступаютъ наружу, едва только явится намекъ на ихъ существованіе.

Я помню мы тихо-тихо проходили по тилигульской насыпи... Я и не зналъ тогда, по какому роковому мѣсту мы проходимъ, но это тихое, плавное движеніе поѣзда, безъ толчковъ, безъ швыряній со стороны въ сторону, дало мнѣ возможность на минуту забыться и задремать.

И мнѣ приснились холмы, прорѣзанные по всѣмъ направленіямъ рвами и насыпями; мнѣ приснились старыя морскія орудія, стоявшія на высокихъ, безобразныхъ такихъ лафетахъ, сѣрыя шинели; толпящіяся вокругъ, истомленныя болѣзнями, лишеніями, голодомъ... да, да, голодомъ, настоящимъ голодомъ, ничѣмъ другимъ, лица... Сплошной гулъ выстрѣловъ, трескъ и грохотъ лопающихся гранатъ и бомбъ, стоны раненыхъ, изувѣченныхъ, горы труповъ, а надъ всѣмъ этимъ сплошныя тучи чернаго дыма пожара, бѣлые клубы, вылетающіе изъ разгоряченныхъ жерлъ орудій... Тамъ и сямъ, на гребняхъ брустверовъ, гдѣ царитъ смерть и разрушеніе, тамъ въ воздухѣ треплются славныя клочья геройскихъ знаменъ нашей арміи, голодной, измученной, полубезоружной, но стойкой, мужественно-справлявшейся съ втрое сильнѣйшимъ врагомъ—ганделями, гешефтами, всѣмъ тѣмъ, что и въ данную минуту тревожитъ слухъ, вызывая всѣ эти печальные, тяготящіе призраки...

— Господа! къ станціи Раздѣльная подходимъ, Одесса близко!—возвѣщаетъ кондукторъ.

Одесса, впрочемъ, вовсе не близко—отъ Раздѣльной еще, если не ошибаюсь, четыре станціи, — около трехъ часовъ ѣзды, къ чему же это преждевременное предупрежденіе?.. Мнѣ это тотчасъ же объяснилъ одинъ изъ банкирствующихъ псевдонѣмцемъ, пассажиръ изъ «купэ вздоховъ».

— Это онъ на счетъ осторожности относительно багажа предостерегаетъ. Смотрите внимательнѣе, а то все вытащутъ. Выйдете на станцію, все забирайте съ собою... слышали—Одесса близко!..

Да, Одесса близко. Воровство въ вагонахъ, да и на станціяхъ достигло здѣсь апогея своего величія; тащутъ ручные саквояжи, тащутъ тяжелые сундуки изъ багажныхъ вагоновъ, тащутъ даже тюки съ товарныхъ платформъ... Кстати, вотъ остроумное приспособленіе для воровства послѣдняго рода—это приспособленіе выдумка тоже сыновъ Израиля:—на длинной веревкѣ навязываютъ желѣзный крюкъ, а другой конецъ веревки прочно привязываютъ къ шпаламъ; во время прохода поѣзда, конечно ночью, воръ забрасываетъ крюкъ на платформу и прячется. Движеніе поѣзда само уже дѣлаетъ остальное. Надняхъ такимъ образомъ стащили съ платформы тюкъ со спав-

шимъ кондукторомъ, это было версты за двѣ, именно не доходя Раздѣльной станціи.

Поѣздъ подошелъ къ Раздѣльной часовъ въ 9 вечера, конечно опять опоздавши значительно. Отсюда пассажиры на Кишиневъ должны пересаживаться въ другіе вагоны, и я вошелъ въ залъ-буфетъ, принявъ предварительно всѣ мѣры осторожности относительно своей поклажи. Довольно большая зала, заставленная посединѣ сервированными столами, была биткомъ набита военнымъ людомъ. Тутъ толпились въ облакахъ табачнаго дыма и пѣхотинцы, и инженеры, и кавалеристы, регулярные и иррегулярные... Тутъ были представители всѣхъ родовъ оружія. Довольно разнообразный буфетъ едва успѣвалъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ проголодавшихся воиновъ.

Подкрѣпившись и прождавъ еще добрыхъ три часа, я выѣхалъ дальше на вновь сформированномъ поѣздѣ и часовъ въ шесть утра дотащился наконецъ до Кишинева—именно дотащился, потому что для того, чтобы пройти какія-нибудь восемдесятъ верстъ, надо было потратить почти шесть часовъ времени, т. е. по тринадцати верстъ въ часъ,—это на лошадяхъ можно сдѣлать болѣе! Вѣтвь желѣзной дороги, идущая отъ Раздѣльной до Яссъ, черезъ Кишиневъ, проложена по такому зыбкому и непрочному грунту, что болѣе быстрая ѣзда положительно дѣло рискованное. У Корнешти, близъ Яссъ, есть даже такія мѣста, по которымъ поѣздъ идетъ не болѣе какъ пять верстъ въ часъ, т. е. наравнѣ съ пѣшеходомъ.

Говорятъ, отъ Яссъ дорога устроена лучше, и немудрено: тамъ она уже пролегаетъ не по нашимъ владѣніямъ. Поѣду—посмотрю.

III.

Седьмой часъ утра. Это еще не настоящій разсвѣтъ, а такъ, чуть-чуть брезжитъ. Блѣдная, туманная полоска свѣта протянулась на востокѣ; эту полоску неясными силуэтами пересѣкаютъ два-три безлистныхъ тополя и каменная колокольня деревенской церкви... Ближе виднѣются тяжелыя очертанія приземистыхъ крышъ, крытыхъ соломою, надъ ними торчатъ трубы, прикрытыя сверху горшками, топорщатся корявыя оголенныя вѣтви яблони, подпертыя вилками, на этихъ вѣтвяхъ, нахохлившись и спрятавъ головки—вереницами сидятъ

воробьи... Длинная, кривая улица тянется между малдаванскими хатками, блестятъ на ней безчисленныя, замерзшія лужи, глубокими извилинами чернѣютъ колесные слѣды... Пусто и тихо!..

Народъ еще спитъ; спятъ крѣпкимъ сномъ и постоянные обитатели, и пришлые, временные гости, а этихъ гостей не мало: спятъ они и въ тепло-нагрѣтыхъ хатахъ, растянувшись на земляномъ полу, спятъ и въ сарайчикахъ, подъ навѣсами, зарывшись въ душистое степное сѣно, съ головою покрывшись толстыми, сѣрыми шинелями; дремлятъ и лошади, стоя и лежа у телѣгъ, да у колодъ, на привязяхъ, и въ дремотѣ пережевываютъ длинные сухіе стебли, осторожно пошевеливаютъ ушами при малѣйшемъ неопредѣленномъ звукѣ... Спятъ и псы, свернувшись калачикомъ, и глухо ворчатъ во снѣ, потому — служба, обязанности свои исполняютъ... Не спитъ только какой-то гусь, важно прохаживающійся по задворку, — и не чуетъ этотъ гусь никакихъ для себя бѣдъ и напастей... А бѣда-то, вѣдь, близко... Вотъ изъ-за забора показалась голова въ кепи и въ башлыкѣ, намотанномъ на шею, показалась и спряталась. Песпкъ, цыганъ, открылъ одинъ глазъ, зарычалъ погромче и успокоился, сытый артельный конь шарахнулся со всѣхъ ногъ, телѣга затрещала, да тяжела, и поводъ недоуздка крѣпокъ... Храпнулъ конь, отряхнулся, гремя наборами, и тоже успокоился... А голова въ кепи и въ башлыкѣ показалась снова, значительно уже ближе къ безпечному гусю, показалась въ дырья забора и сѣрая шинель, ползущая на четверенькахъ... еще мгновеніе и катастрофа неизбѣжна... А съ другой стороны, изъ-за противоположнаго забора, сквозь сухую чащу прошлогодняго бурьяна тоже ползетъ что-то сѣрое, стремясь къ одной и той-же цѣли... Четыре руки разомъ хватаются за зѣваку-лапчатаго...

— Ты что же это, Митричъ? Нѣшто такъ можно?..

— Безпремѣнно приказано, чтобы борщъ былъ съ гусинымъ потрохомъ, — шепчетъ озадаченный Митричъ, капитанскій денщикъ.

— А ще, добряги, вы то моего сцапали, чи сосѣдьскаго?— и откуда только вывернулся коренастый молдаванъ въ бараньей шапкѣ и таковомъ же тулупѣ...

— А кто его знаетъ, онъ неклейменый... Должно полагать сосѣдскій!—чешетъ затылокъ Митричъ.

— Сосѣдскій, сосѣдскій!—увѣренно заявляетъ Миронычъ, тоже денщикъ, только не капитанскій, рангомъ пониже. — Твои, землякъ, бѣлые, мы знаемъ, а это, вишь ты, къ заду въ сѣрину отдаетъ; должно быть дикій, забредшій...

— И какъ это возможно, чтобы кто на домашнюю птицу польстился!

— Извѣстно дикій!..—одобряетъ Митричъ...

— То-то...—соглашается и молдаванъ. — На томъ краю, у церкви, тоже вотъ дикаго поросенка пѣймали, бываетъ...

— Это вѣрно... Чу-кось: никакъ повѣстку играютъ!..

— Да—вжежь!..

— Чатверто капральство выходи на улицу!.. Робята, робята, живо!..—постукиваетъ въ окошко ефрейторъ, пробираясь у самыхъ завалинокъ...

— Чатверто капральство выходи на улицу!..

Въ хатахъ закопошились; въ крохотныхъ окошкахъ засвѣтили огни, обозначивъ черные крестики оконныхъ рамъ... Съ края деревни, издалека, неслись дребезжащіе звуки мѣднаго рожка, кое-гдѣ завыли собаки, вторя этимъ рѣзкимъ звукамъ; заржалъ артельный конь, почуя утреннюю торбу... Митричъ съ Миронычемъ сократились куда-то въ пространство съ добытымъ гусемъ.

— А може и вправду дикій, — беретъ сомнѣніе коренастаго молдавана, и начинаетъ онъ покойно набивать свою коротенькую носогрѣйку-трубочку.

Часъ девятый, а можетъ быть и позже... У капитана Чубучковскаго часы показываютъ время самое неопредѣленное, онъ увѣряетъ, впрочемъ, что это по петербургскому меридіану, а значитъ все равно, что по кишиневскому, у штабсъ-капитана Башлыковича потерянъ ключъ отъ часовъ, и другого подходящаго не оказалось, у поручика Сыромяткина часы въ «почпикѣ», а у юнкера Голубчикова вовсе нѣтъ часовъ, одна цѣпочка съ кораловымъ брелокомъ и волосянымъ колечкомъ...

Въ маленькое окно свѣту проникаетъ достаточно. Хата тѣсная, низкая; большая глинобитная печь занимаетъ треть всего помѣщенія; у окна столъ съ выдвижнымъ ящикомъ, на столѣ самоваръ, складной, походный, два стакана, одно блюдечко, чайникъ англійскаго металла, съ вогнутымъ бокомъ, колотый

сахаръ въ холщевомъ мѣшкѣ, кучка солдатскихъ сухарей и надломленная булка... Тутъ же табакъ на газетной бумагѣ, пустая бутылка изъ-подъ «краснаго бессарабскаго», въ ней вчерашній огарокъ стеариновой свѣчки. У стола, т. е. между столомъ и стѣною, складная желѣзная кровать, покрытая коврикомъ, подушка въ розовой ситцевой наволочкѣ; у кровати стоятъ высокіе сапоги, свѣжо-смазанные, подальше деревянное корыто съ кускомъ мыла, праздно мокнущимъ на днѣ, у корыта сетеръ Азоръ, наблюдающій за семьей индѣекъ, помѣщенной за рѣшеткою, подъ печью; на земляномъ полу, въ выбоинахъ скопились лужицы, баба молдаванка бойко шлепаетъ по нимъ босыми ногами, ворочая передъ жерломъ печи всякими хозяйственными дрекольями... На печи ребятишки, изъ-за трубы видны только черномазыя, патлатыя головки и бойкіе глазенки, созерцающіе того, кто лежитъ на кровати, растянувшись во всю свою длину, головою подъ самые законченные образа и крашенные лубки, ногами чуть не до самаго противоположнаго угла... Это самъ капитанъ Чубучковскій, ротный командиръ, временный хозяинъ этого помѣщенія... Юнкеръ Голубчиковъ наливаетъ чай, уже налилъ и четвертый разъ робко произноситъ:

— Готово-съ, Родіонъ Никанорычъ, прикажите-съ!..

— Отстань!—сердито отказываетъ Родіонъ Никанорычъ и пускаетъ кверху подъ самый потолокъ густую струю дыма, любуясь, какъ эта струя расходится волнами по смазному, испещреному трещинами потолку, разгоняя веселыя группы таракановъ...

— Родіонъ Никанорычъ, оставьте,— рѣшается наконецъ заявить юнкеръ Голубчиковъ. — Вотъ ужъ двое въ стаканъ свалились...

— Отстань!—повторяетъ капитанъ, а все-таки, тяжело поднимается, осматриваетъ вокругъ себя сонными глазами, и сердито произноситъ:

— А лимону нѣтъ?

— Сыромяткинъ въ Кишиневъ поѣхалъ вчера, сегодня назадъ хотѣлъ быть; обѣщалъ привести... и лимоновъ привести, и икры,—докладываетъ Голубчиковъ.

— Капитанъ всталъ? — слышенъ въ сѣняхъ за дверями густой басъ Башлыковича.

— Чай кушаютъ, пожалуйте!..

Густое облако пара врывается въ растворенную дверь... На дворѣ морозъ, а въ хатѣ за ночь нагрѣлось, даже жарко...

Башлыковичъ вытираетъ рукою свои длинные заиндѣвѣвшіе усы и откашливается.

— Что новаго?

— Да что—скука!.. А у васъ?

— Тощища такая! И чего мы ждемъ, и чего мы ждемъ?! Вчерашнія телеграммы читали?

— Читалъ, то-есть оно не то что вчерашнія, а отъ двадцатаго октября. Слышалъ, впрочемъ, что все откладываютъ...

Башлыковичъ подмигиваетъ Чубучковскому и косится глазами на дебелую молдаванку, чуть не до половины влѣзшую въ печь.

— Jamais... — дѣлаетъ кислую гримасу капитанъ и отрицательно трясетъ головой...

— Нѣтъ, я вамъ скажу, вотъ тамъ у сосѣдей есть... — робко сообщаетъ юнкеръ Голубчиковъ.

— Сыромяткинъ не пріѣзжалъ?..

— Нѣтъ, скоро ждемъ...

— Ну, вотъ и утро... Такъ опять цѣлый день протянется, чертъ знаетъ что такое! экая скука!—энергично стучитъ по столу Башлыковичъ...

— Скучновато,—вздыхаетъ Чубучковскій, лѣниво прихлебывая пустой чай.

Юнкеръ Голубчиковъ молчитъ и сосредоточенно выводитъ пальцемъ на столѣ по мокрому мѣсту какія-то арабески...

— На-дя!—произноситъ онъ вдругъ, громко, черезчуръ уже увлекшись своимъ занятіемъ, и краснѣетъ, да какъ краснѣетъ: и лобъ и уши, и шея, все—вплоть до отложного воротника сѣрой шинели, до узенькой черной оторочки суконнаго галстуха.

Молчитъ хозяинъ, капитанъ Чубучковскій позѣвываетъ слегка, то полежитъ, то посидитъ, шестнадцатую папиросу крутитъ... Молчитъ и гость его Башлыковичъ, сумрачно такъ молчитъ, руки на груди скрестилъ, ноги въ половину хаты протянулъ, молчитъ и юнкеръ Голубчиковъ, весь столъ исписалъ узорами и таракана злосчастнаго въ блюдечкѣ топитъ... Хихикаютъ за печкою мальчуганы, звякаетъ горшками баба

молдаванка, молчитъ и сетеръ Азорка, позабывъ о своихъ индѣйкахъ... Тоска,—скука! Медленно тянется время, однако, таки тянется, не стоитъ...

Стоитъ на столѣ самоваръ, потухшій, похолодѣлый, царствуетъ вокругъ него все тотъ же безпорядокъ; не уложено, не убрано...

— Хоть бы третьяго кого принесла нелегкая, винтикъ, что-ли, съ болванчикомъ...—не то вздохнулъ, не то выругался Башлыковичъ...

— Я-съ!..—робко произноситъ Голубчиковъ.

— Ты?..—коситъ на него глазами капитанъ, и громко, разомъ, озлившись какъ-то, кричитъ во все горло:

— Митричъ, чертъ!... давай хоть обѣдать, что-ли!..

А на дворѣ, по замерзшей грязи звонко тарахтятъ колеса, звякаютъ подковами, скользятъ и спотыкаются усталыя молдаванскія кляченки...

Тпру, пріѣхали!

Голубчиковъ стремительно вылетаетъ въ дверь, растворивъ ее не руками, а собственнымъ туловищемъ. Башлыковичъ своею массивною фигурою загораживаетъ цѣлое окошко, даже въ хатѣ потемнѣло, Чубучковскій приподнимается на локоть и повеселѣвшимъ тономъ произноситъ:

— А, Василій Васильичъ, а мы васъ ждали, ждали!—слышится въ сѣняхъ радостный, дѣтскій еще голосъ Голубчикова...

— Да задержали тамъ, хотѣлъ было... Матушка, эй... я тебѣ платокъ привезъ... прійди ужо... сама только прійди... Всѣ дома!..—слышится тамъ же и голосъ Василія Васильича.

— Сыромяткинъ, свинья, ты что же это по три дня пропадаешь?.. Ну, что новаго?

— А ну-ка, что новенькаго?..

Неподвижное лицо Чубучковскаго оживляется ожиданіемъ, у Башлыковича даже брови приподнялись и онъ смотритъ въ упоръ, смотритъ вопросительно и ждетъ отвѣта... Голубчиковъ дыханье притаилъ, какъ собака на стойкѣ.

Да, что!—швыряетъ на скамью кепи поручикъ Сыромяткинъ.—Тьфу!.. Европа еще уступокъ понадѣлала.

На столѣ появляется, тѣмъ временемъ, борщъ съ гусинымъ потрохомъ.

Дѣло къ вечеру. Солнце еще, положимъ, не сѣло, однако скоро сядетъ... Длинныя тѣни легли черезъ улицу, верхушки тополей зарумянились, крестъ на колокольнѣ горитъ яркою звѣздочкою, подъ крестомъ грачи снуютъ въ воздухѣ, и далеко слышно ихъ гортанное карканье...

Солдаты въ своихъ сѣрыхъ шинеляхъ, съ башлыками завязанными на груди крестообразно, высыпали на улицу и сгруппировались по заваленкамъ; чернѣютъ между ихъ сѣрыми группами широкіе молдаванскіе тулупы—звонко хохочутъ бабы, потому—щекотки боятся, хрюкаетъ свинья, почесываясь у каменнаго забора, гармоника слышна въ той сторонѣ, гдѣ стоитъ шинокъ Янкеля Тузенберга... Скрипятъ и визжатъ немазанными осями длинныя повозки—дробины, запряженныя круторогими волами... Высоко нагруженный возъ съ сѣномъ застрялъ въ воротахъ, ни взадъ, ни впередъ... Солдатики помогаютъ усердно, кричатъ надсаживаются, воротная перекладина трещитъ даже...

— Ребята, заходи всѣ сразу, понапри разомъ!..—распоряжается молодцоватый служивый, шинель на распушку, а подъ шинелью красная кумачевка видна, пятномъ кровавымъ горитъ на солнцѣ, бабамъ въ глаза такъ и бросается...

Протолкали возъ, понаускали собакъ на хавронью, чесавшуюся у забора, попробовали было хоръ составить и въ кружокъ стали, да дѣло не клеилось, не ладилось... Прозвонилъ рожокъ сигнальный,—къ котламъ, къ ужину сзываетъ... Опустѣла мало-по-малу улица... Всѣ по куткамъ попрятались... Спряталось и солнце за косогоръ и замигали красноватые огоньки въ оконцахъ...

— А ну-ка!—лѣниво, вяло говоритъ Чубучковскій и шлепаетъ засаленнымъ тузомъ по столу...

— Не ходитъ!—уныло произноситъ Башлыковичъ и бьетъ его маленькимъ козыремъ.

— Коронка!—тоже не особенно весело провозглашаетъ Сыромяткинъ, показывая что слѣдуетъ.

— На-дя!..—опять выводитъ пальцемъ юнкеръ Голубчиковъ, только уже теперь не по столу, а по замерзшему стеклу крохотнаго оконца...

Стемнѣло... Потухъ, догорѣлъ золотистый свѣтъ на небѣ, тамъ и сямъ заискрились звѣзды... Пробили зорю вечернюю...

Все полегло спать, только часовые у околицы, да у квартиры ротнаго, торчатъ неподвижными столбиками—и въ шинкѣ Янкеля Тузенберга слышна оживленная возня и хриплый голосъ: «Врешь, братъ, не свяжешь, руки коротки!..»

Одно окно свѣтится ярче прочихъ, не то печь топится, не то свѣчка офицерская близко поставлена; сквозь закоптѣлое окно ничего не видать и прозрачными, волнистыми линіями сверкаютъ на немъ прихотливые морозные узоры. Двѣ темныя фигуры сидятъ на заваленкѣ, подъ самымъ окошкомъ и даровымъ свѣтомъ пользуются; обѣ фигуры въ шинеляхъ и башлыкахъ, значитъ служивые.

Артельщикъ изъ города вернулся, письма солдатскія привезъ, а въ числѣ этихъ писемъ было одно съ такимъ адресомъ:

«Въ Везулуцкій полкъ, шастая рота; перво капральство, Ягору Тихонычу Гвоздикову, сопственорушно, отъ яво жены Дарьи»...

Самъ-то Гвоздиковъ солдатъ еще молодой, на службѣ недавно, грамотѣ еще не успѣлъ научиться, вотъ онъ и упросилъ ефрейтора Гуляева прочесть ему письмо... Вышли они на улицу, таинственность соблюли при семъ важномъ дѣлѣ, и къ самому свѣтлому окошку пристроились.

Гуляевъ сидитъ важно, въ лѣвой рукѣ письмо держитъ, правой, указательнымъ пальцемъ по бумагѣ водитъ, читаетъ громко, отчетливо, хотя и запинается... Гвоздиковъ весь въ одно олицетворенное вниманіе превратился, глазъ съ письма не сводитъ, жадно слѣдитъ за пальцемъ грамотнаго товарища, навалился къ нему на плечо; самого чуть не лихорадка треплетъ и на глазахъ дрожитъ что-то свѣтлое, по пухлой щекѣ катится...

«А сноха твоя, Акулина,—читаетъ Гуляевъ,—тоже заочно кланяется, за бѣлы руки беретъ и въ сахарны уста цалуетъ»... Эта какая же у тебя сноха Акулина?..—прерываетъ онъ чтеніе, палецъ на мѣстѣ держитъ, а локтемъ въ бокъ подталкиваетъ...

— Сноха Акулина...—торопится объяснить солдатикъ,—это вишь ты, ейный братъ, моему дядѣ Листрату...

— Ладно!.. «въ сахарны уста»... ишь ты! Молода еще?..

— Нѣтъ... рябоватая такая... ейный братъ... читай, читай, голубчикъ, дальше... какъ тамъ это сказано? читай отсюдава!..

«Посылаю при семъ рубъ денегъ съ моимъ, значитъ, женинымъ благословеніемъ»...

— Рубль получилъ?

— Получилъ, какже, рубль-отъ получилъ; вотъ онъ рубль; здѣсь... Постой, да гдѣ же?

— Ладно, послѣ... «Посылаю рубль денегъ... а на счетъ турка, то ундеръ безсрошный, Макаръ Павлычъ, что у купца Еремина въ лѣсникахъ служитъ»... Какого полка?

— Кто?

— Ундеръ Макаръ Павловъ.

— А кто его знаетъ...

— Такъ!.. «ундеръ сказываетъ, что турка наплевать— ничего не страшно»... Ладно, сами узнаемъ! Ну, а ты, Егорка, боишься турку? а?..

Грамотный лихо подбоченивается и на неграмотнаго поглядываетъ; тотъ слегка тупится, молчитъ; пальцемъ въ посу ковырнулъ разокъ, рукавомъ утерся...

— Нѣтъ, чтожъ... ничего: нестрашно...

— Точно!.. «И завсѣмъ симъ, желая душевнаго и тѣлеснаго здоровья, потому какъ Господь Богъ, значитъ, и все какъ есть по закону»... Ишь, по закону!.. а вчера что дѣлалъ... песій сынъ?!

— Да, ну, читай дальше...

— А дальше ничего, «жена твоя Марья Петрова, по прозванью, по мужнину Гвоздикова», вотъ и все! Больше ничего нѣту... «Писалъ письмо сіе по ейной лишной просьбѣ цаловальникъ Зашибаевъ!...» Шабашъ!..

— Гдѣ эвто?..

— Что?

— Жена, значитъ, Марья?..

— А вотъ, это самое мѣсто, видишь?.. Вотъ мыслети стоитъ, потомъ азъ... видишь? Молчитъ солдатъ; и радъ бы видѣть, да слеза нависла подъ ресницею, глазъ туманитъ. Живые образы вызвали въ немъ эти мертвые каракули на сѣроватомъ листкѣ помятой бумаги, и въ жаръ-то его, и въ холодъ кидаетъ.

— Одначе, пора спать!—рѣшаетъ ефрейторъ.—Ну чего разрюмился—баба!.. А еще подъ турку собираешься!..

Разомъ тухнетъ окно. Обѣ фигуры моментально пропадаютъ

въ густомъ мракѣ. Капитанъ Чубучковскій сильнымъ дуновеніемъ погасилъ свѣчу и, заворачиваясь въ байковое одѣяло, сердито произнесъ:

— Митричъ,—поди погляди, кто это тамъ, подъ окномъ возится? Спать не даютъ, черти!

IV.

Бессарабская губернія, или Бессарабская область, по прежнему считается по праву одною изъ лучшихъ и богатыхъ мѣстностей южной Россіи. Эта страна имѣетъ всѣ шансы быть страною сытыхъ и довольныхъ. Она обладаетъ весьма значительнымъ количествомъ пунктовъ, удобныхъ для населенія,— и такихъ пунктовъ гораздо болѣе, чѣмъ неудобныхъ.

Кишиневъ, главный городъ губерніи, раскинулся именно на одномъ изъ такихъ послѣднихъ немногихъ пунктахъ, не представляющихъ никакихъ благъ для его стодвадцатитысячнаго населенія. Глядя на эти пестрыя массы одноэтажныхъ домиковъ и крытыхъ соломой мазанокъ, раскинувшихся на громадномъ пространствѣ, по скатамъ степныхъ балокъ, невольно задаешься вопросомъ: «и кой чортъ занесъ васъ сюда, когда подъ бокомъ, въ какихъ нибудь восьмнадцати, а то и менѣе, верстахъ отсюда, течетъ рѣка широкая, глубокая, многоводная и всякими жизненными благами обильная?.. А впереди, тоже не очень далеко, течетъ другая рѣка, еще лучшая, а за нею—еще. Эти рѣки прорѣзываютъ вдоль всю область, разносятъ по ней жизнь, довольство... Только въ Кишиневѣ облюбовали почему-то вашъ солнцепекъ и добровольными мучениками засѣли на немъ коротать свою недолговѣчную жизнь, еле сводить концы съ концами свои грошевые гешефты и гандели.

Впрочемъ, что же я! Кишиневъ тоже расположенъ на мокромъ мѣстѣ. Это мокрое мѣсто кишиневцы называютъ громкимъ именемъ рѣки. Рѣка, такъ рѣка, Богъ съ вами! Имя этой рѣки «Быкъ». Это не что иное, какъ непрерывная цѣпь болотъ, связанная общею водною жилкою. Верстъ на тридцать тянется эта цѣпочка по низинамъ степной балки и, въ жаркое время семимѣсячнаго лѣта, мѣстами пересыхаетъ вовсе, мѣстами образуетъ гніющіе, зловонные затоны, заражающіе воздухъ,

распространяющіе лихорадки и другія немочи. Водою же Кишиневъ пользуется изъ колодцевъ. По населенію и по типу своихъ построекъ Кишиневъ можно раздѣлить на три части: оффиціальную, главную, такъ сказать, гдѣ помѣщается вся администрація съ ея управленіями,—жидовскую и предмѣстья, напоминающія цѣликомъ безчисленныя молдаванскія деревни и села, разбросанныя по всему степному пространству Бессарабіи. Первая часть расположена правильными, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ улицами, имѣетъ большія квадратныя площади, изъ которыхъ одна даже поросла акаціею, почему и называется бульваромъ, и домики этой части, большею частію конечно, одноэтажные, блещутъ своей относительною чистотою и даже чѣмъ-то намекающимъ на архитектуру; вторая,—жидовская, изрѣзанная по всѣмъ направленіямъ кривыми, узкими улицами и переулками, заваленная мусоромъ, навозомъ, всякими нечистотами, изрытая глубокими промоинами, зловонная, вѣчно галдящая, тѣсно застроенная лачугами, складами, лавками, питейными и проч., и проч., такъ похожа на всѣ жидовскіе кварталы западно-и южно-русскихъ городовъ, что о ней и распространяться нечего. О третьей мы поговоримъ еще особо.

Тихо и мирно тянулась жизнь Кишинева и его обитателей. Казалось уже, что эта зеленая тина, затягивающая мокрое мѣсто,—виноватъ, рѣку Быкъ,—затянетъ и засосетъ самихъ кишиневцевъ конечно, только не жидовъ; тѣ, вѣдь, живутъ особой, своею собственною жизнью, имѣютъ свои собственныя связи, цѣли и стремленія и ничего общаго съ населеніемъ первой и третьей части... И вдругъ судьба предназначила этому забытому Кишиневу видную роль, подняла сразу его значеніе, обратила на него общее вниманіе, возведя его чуть не на степень историческаго пункта. И все это нагрянуло разомъ, заставъ врасплохъ и городъ, и его обитателей,—опять только не жидовъ,—тѣ съумѣли все предвидѣть, сообразить и даже приготовиться къ встрѣчѣ... И всѣ выгоды, всѣ блага, неизбѣжныя съ такимъ крупнымъ поворотомъ дѣлъ, блага, вызванныя усиленнымъ наплывомъ спроса и потребностей, цѣликомъ достались въ руки сыновъ Израиля. Всѣмъ же остальнымъ досталось только пользоваться разнообразіемъ впечатлѣній оживившихъ конечно домашнюю и общественную жизнь, города,

пріятными знакомствами—однимъ словомъ, только внѣшностью, а не самую сутью новыхъ событій.

Самая же *суть* сложилась такимъ образомъ:

Финансовое положеніе землевладѣльцевъ края, помѣщиковъ крупныхъ и мелкихъ, было далеко не въ цвѣтущемъ состояніи; не заложенныхъ имѣній находится въ данную минуту мало, да и врядъ ли находятся даже таковыя. Все и вся опутано долгами и едва только справляется съ ними, а то такъ и вовсе не справляется. Обо всемъ, что только носитъ характеръ избытка и чистой прибыли, давно уже забыто... и обнищалые помѣщики утратили было всякую надежду на болѣе благопріятный для нихъ поворотъ дѣлъ, апатично отдавшись въ руки жидовъ, подпавъ къ нимъ въ полную, чуть не безвыходную зависимость.

А тутъ еще трехлѣтній неурожай отъ засухи окончательно подкосилъ землевладѣльцевъ, введя ихъ въ новые, еще болѣе тяжелые долги и почти неисполнимыя обязательства.

Тѣ, у кого сохранились еще кое-какіе запасы, смотрѣли на нихъ какъ на мертвый капиталъ, потому что цѣны, искусственно пониженныя жидами, не представляли ничего выгоднаго, денегъ остать подъ залогъ этихъ запасовъ, было не откуда; банки, находящіеся въ рукахъ тѣхъ же жидовъ, легко и безпрепятственно снабжавшіе свою братію, относились весьма недовѣрчиво къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ и обставляли займы невозможными условіями. Будущіе урожаи не только на текущій годъ, но даже на два впередъ и болѣе были проданы, во всемъ богатомъ краѣ готовился кризисъ. И вотъ въ такую-то минуту нахлынули современныя событія, долженствовавшія поднять на ноги край, открыть ему широкую арену для сбыта своихъ произведеній, дать ему деньги, въ которыхъ онъ такъ нуждался, деньги немалыя, привезенныя въ сундукахъ и ящикахъ нашего интендантства, въ частныхъ карманахъ и кошелькахъ великихъ и малыхъ членовъ нашей арміи.

И деньги эти изъ сундуковъ и кармановъ были вынуты скоро, они тамъ не залежались, они разошлись быстро. Самыя необходимыя потребности были именно предметы земледѣлія: нужны были, сѣно, овесъ, мука, крупа, спиртъ, нужно было все то, что могло бы быть доставлено землевладѣльцами непосредственно изъ первыхъ ихъ рукъ, что должно было бы

обогатить именно эти первыя руки. Спросъ поднялъ цѣны, эти цѣны превзошли даже ожиданія съ помощью ихъ открылся легкій выходъ изъ стѣсненнаго положенія, открылась возможность скорѣе выйдти изъ заколдованнаго круга долговъ, сбросить съ себя невыносимо тяжелыя обязательства. Но для поставщиковъ какого-либо предмета первой необходимости арміи, потребовались залоги. Этихъ залоговъ помѣщики внести не могли; покупки изъ первыхъ рукъ малыми партіями, открытіемъ просто складовъ, куда бы могли землевладѣльцы и крестьяне везти то, что у нихъ есть, сдавать и получать непосредственно же чистыя деньги,—къ такимъ простымъ операціямъ прибѣгали только изрѣдка и то въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, все же было построено на системѣ крупныхъ подрядовъ, съ обезпечивающими залогами, съ контрактами, неустойками и всѣмъ тѣмъ, что носитъ сложный характеръ коммерческихъ предпріятій. Такія простыя слова, какъ покупка и продажа, исчезли вовсе изъ употребленія, все называлось иначе, какъ операціями; какъ, напримѣръ, мучная, спиртная, сѣнная операція и проч.

Я далекъ даже отъ мысли обвинять исключительно интендантство и охотно часть вины, можетъ быть и существенную часть, отношу къ самимъ землевладѣльцамъ, этимъ обиженнымъ *первымъ рукамъ*.

Для операцій не было достаточно даннаго времени: приходилось производить эти операціи быстро, въ очень короткіе сроки, и это-то обстоятельство выдвинуло на сцену евреевъ, несравненно болѣе способныхъ къ быстрымъ оборотамъ, чѣмъ эти апатичные, облѣнившіеся, неповоротливые, недальновидные землевладѣльцы... Большинство изъ нихъ не явились даже вовсе въ интендантство предложить свои услуги, и терпѣливо, сидя по домамъ, выжидали, когда «торба съ овсомъ сама пойдетъ на встрѣчу къ голодной лошади», по мѣстной поговоркѣ, «когда хлѣбъ пойдетъ за брюхомъ» по нашей русской пословицѣ. Интендантство можетъ быть и не прочь было бы обратиться къ нимъ, но для этого нужны были бы мѣстные дѣятели, хорошо знакомые съ краемъ, съ тѣмъ, гдѣ что лежитъ, откуда что получить можно. Большинство же операторовъ были люда наѣзжіе, изучать край было некогда, время уходило; войска все подходили и подходили, надобно было

работать спѣшно, и поневолѣ пришлось обратиться къ такимъ дѣятелямъ, которые наиболѣе способны на спѣшныя операціи... Я не знаю, насколько это справедливо, но, по крайней мѣрѣ, на этомъ строятся главные оправдательные мотивы интендантства. Надо отдать · полную справедливость интендантству, что колоссальныя работы, которыя ему предстояли, въ короткій промежутокъ времени доведены до конца, или это окончаніе близко. Эта кипучая дѣятельность, царствовавшая въ обширномъ зданіи кишиневской синагоги (гдѣ отведена квартира для полевого интендантства), заслуживаетъ безспорно вниманія. Я даже готовъ кое-что, не совсѣмъ красивое на видъ, отнести къ числу ошибокъ и неудачъ... только ошибокъ и неудачъ... (а не ошибаться можетъ только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ) но во всякомъ случаѣ, картина получилась далеко неотрадная, и современный событія не вызвали въ экономическомъ бытѣ производительныхъ классовъ кишиневскаго района желанныхъ и ожидаемыхъ результатовъ.

Съ начала января здѣсь начались порядочные морозы—невыносимая , не то осенняя, не то Богъ вѣсть какая погода, туманная, дождливая, съ какими-то гнилыми оттепелями прекратилась; не знаю надолго ли. Морозомъ сковало невылазныя грязи Кишинева и его окрестностей, и топкія, тяжелыя дороги превратились въ превосходныя шоссе, звонко гремящія подъ колесами повозокъ. Только и слышится кругомъ, и въ военныхъ и не военныхъ кружкахъ: «Вотъ бы теперь заблаговременно, да и выступать, пользоваться, такъ сказать, окрѣпшими путями... съ Богомъ!»..

Да, съ Богомъ!.. На каждомъ лицѣ написано это горячее желаніе выступать. Отъ стараго до малаго—все проникнуто этимъ желаніемъ, одною мечтою о скоромъ выступленіи; мечтою, ставшею чѣмъ-то завѣтнымъ, желаннымъ, непремѣнно имѣющимъ свершиться и свершиться скоро... Эта увѣренность царитъ прочно въ нашихъ рядахъ, поддерживаетъ ихъ бодрость, энергію, веселитъ душу и гонитъ прочь всякія болѣзни и немочи...

А вѣдь, дѣйствительно, гонитъ прочь. Скопленіе войскъ большое, люди и лошади размѣщены тѣсно по крохотнымъ

деревенькамъ и колоніямъ. Въ маленькихъ молдаванскихъ мазанкахъ помѣщается гораздо болѣе, чѣмъ онѣ могутъ вмѣстить. Даже при самыхъ изысканныхъ санитарныхъ мѣрахъ и благопріятнѣйшихъ климатическихъ условіяхъ, процентъ заболѣвающихъ долженъ увеличиться, а между тѣмъ, на дѣлѣ вышло наоборотъ, этотъ печальный процентъ не только не увеличился, но даже уменьшился сравнительно съ тѣмъ, что было при постоянномъ, мирномъ, такъ сказать, расположеніи частей... Въ настоящее время процентъ заболѣвающихъ не доходитъ даже до 2-хъ—небывалый минимумъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ 1,75.

Посмотрите на этихъ людей,—молодецъ къ молодцу... Много молодежи, безъусой, безбородой, но какіе бодрые, свѣжіе, румяные, какой веселый, увѣренный взглядъ, какой смѣлый, рѣшительный шагъ и лихая молодецкая выправка!

«Въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа», или наоборотъ—эта аксіома, въ данную минуту, въ рядахъ нашихъ войскъ находитъ лучшее себѣ подтвержденіе...

Усиленные, почти нечеловѣческіе труды, продолжительныя лишенія тяжелой, походной жизни—все это не такъ изнуряетъ русскаго солдата, не такъ тоготитъ его, какъ скучная, однообразная, медленно тянущаяся казарменная жизнь. Я много разъ на своемъ вѣку видѣлъ солдатъ близко, жилъ съ ними и имѣлъ слишкомъ много случаевъ убѣдиться въ этомъ выводѣ. И замѣтьте: чѣмъ ближе къ цѣли, ближе къ бою, чѣмъ болѣе впередъ, тѣмъ солдатъ бодрѣе, веселѣе, и плохо поддается разнымъ немочамъ и печалямъ. Извѣстно, что въ передовыхъ войскахъ всегда бываетъ меньше больныхъ, чѣмъ въ резервахъ, находящихся можетъ быть и въ лучшихъ санитарныхъ условіяхъ.

Здѣсь, въ Кишиневѣ и его окрестностяхъ, я видѣлъ много разъ, вижу ежедневно и нашу пѣхоту, и нашу кавалерію, не такую блестящую, парадную, какъ вы видите въ Петербургѣ, но ей Богу же болѣе грозную на видъ, болѣе соотвѣтствующую возложеннымъ на нее надеждамъ и ожиданіямъ: видѣлъ и артиллерію, немалую, да немалую. Меня даже поразили эти безконечныя вереницы орудій, проходящія на мѣсто назначенія... Я даже узналъ сколько ихъ именно, а вамъ не скажу, потому не смѣю, да оно и не слѣдуетъ. Скажу только, что очень

много, или, какъ мнѣ выразился одинъ, весьма почтенный генералъ: «достаточно».

Всѣ войска, какъ я уже сказалъ, расположены по деревнямъ. Молдаванскія деревни, это группы крохотныхъ мазанокъ съ соломенными крышами, съ таковыми же небольшими, тѣсными хозяйственными пристройками. Деревни эти разбросаны большею частію по скатамъ и низинамъ степныхъ балокъ; кое-гдѣ по близости хатъ торчатъ вытянутые въ линію и одинокіе тополи, кое гдѣ видны группы фруктовыхъ садиковъ, на солнечныхъ скатахъ балокъ расположены не хитро разбитые виноградники; общій же характеръ мѣстности, скорѣе степной, ровный и не представляетъ особенной живописности, особенно въ настоящее время, когда деревня оголена и вмѣсто зелени вашъ глазъ не видитъ ничего, кромѣ снѣжныхъ равнинъ, испещренныхъ чернѣющимися проталинами. Вотъ вамъ общая картина окрестностей Кишинева, и дальнихъ, и близкихъ, за весьма небольшимъ исключеніемъ.

Въ такихъ-то деревняхъ и живутъ теперь наши солдаты, занимая молдаванскія хаты... Этотъ усиленный постой не можетъ лежать бременемъ на жителяхъ уже потому, что войска продовольствуются самостоятельно, что называется, изъ котла. Люди ѣдятъ хорошо: на каждаго человѣка выдается по три (?) фунта мяса, что въ общей варкѣ болѣе чѣмъ достаточно, хлѣбъ превосходный; кромѣ того спиртъ выдается три раза въ недѣлю, а также и чай. Цѣлые дни, проводимые въ занятіяхъ и движеніи на сѣжемъ воздухѣ, возбуждаютъ усиленный аппетитъ, этому аппетиту есть чѣмъ удовлетвориться, а потому блѣдныхъ щекъ и исхудалыхъ лицъ вы здѣсь не увидите вовсе...

Большинство строевыхъ офицеровъ довольствуются тоже изъ общаго котла съ солдатами, и по ихъ отзывамъ, болѣе чѣмъ довольны этою неприхотливою, но за то здоровою, вкусною пищею. Во всякомъ случаѣ, они въ этомъ отношеніи счастливцы, сравнительно съ тѣми, которые состоятъ при всевозможныхъ безчисленныхъ штабахъ и управленіяхъ, расположенныхъ по городамъ и въ самомъ Кишиневѣ; этимъ послѣднимъ приходится обѣдать въ мелкихъ и очень грязненькихъ ресторанахъ, о которыхъ я еще поговорю въ своихъ очеркахъ современной кишиневской жизни.

На-дняхъ я присутствовалъ при осмотрѣ интендантскихъ транспортныхъ обозовъ. Объ этихъ обозахъ и ихъ назначеніи я считаю нужнымъ сказать предварительно нѣсколько словъ: при войскахъ существуетъ собственно два рода обозовъ: постоянные, военные обозы, существующіе при каждой части войскъ и временно формирующіеся транспорты, необходимые только въ военное время. Съ первыми наше общество довольно хорошо знакомо. Это тѣ самыя щеголеватыя, однообразно выкрашные, форменные повозки и ящики, которые вѣроятно каждому приходилось видѣть и на мирныхъ смотрахъ и маневрахъ и просто при всякомъ перемѣщеніи войскъ, однимъ словомъ, всякому представлялись не разъ случаи ознакомиться съ таковыми обозами.

Назначеніе этихъ обозовъ—итти слѣдомъ за боевыми частями, идти по тѣмъ самымъ дорогамъ, по какимъ идутъ и войска, и даже вовсе безъ всякихъ дорогъ, однимъ словомъ—оперировать вмѣстѣ съ войсками въ раіонѣ военныхъ дѣйствій. Требованія, которымъ должны удовлетворять такіе обозы, весьма сложны и постройка ихъ производится тщательно, обдуманно—на основаніяхъ, добытыхъ наукою и опытомъ. Совсѣмъ другое дѣло транспорты, формирующіеся только въ военное время, для нуждъ интендантства. Боевыхъ качествъ отъ такихъ обозовъ не требуется; ихъ назначеніе только перевозить запасы продовольствія внѣ раіона военныхъ операцій; они транспортируютъ между пунктами запасныхъ складовъ и имѣютъ полную возможность выбирать себѣ пути слѣдованія. Требованія, которымъ должны удовлетворять подобные обозы, не превышаютъ требованій обыкновенныхъ сельскихъ обозовъ, подвозящихъ къ городамъ всевозможные предметы сельскаго производства. Но, несмотря на эти умѣренныя требованія, значеніе такихъ обозовъ въ военное время весьма серьезно, а потому на ихъ сформированіе слѣдовало употребить немало вниманія и заботливости, чтобы послѣ не пришлось каяться, когда зло можетъ быть уже непоправимымъ. На осмотрѣ вотъ именно такого обоза мнѣ и пришлось присутствовать здѣсь, въ Кишиневѣ.

Когда я пріѣхалъ на довольно большую, въ половину нашего Царицына луга, Полицейскую площадь, я засталъ уже сплошные ряды троечныхъ и парныхъ повозокъ, стройно выстроившіеся на площади. Здѣсь было собрано полное отдѣленіе

*

транспорта, въ каждомъ отдѣленіи считается по 1,040 лошадей, всего же въ интендантскомъ обозѣ, собранной подъ Кишиневомъ арміи считается около 15,000 лошадей; количество не малое, на сформированіе котораго потребовалось много хлопотъ и усилій, особенно если принять въ разсчетъ небольшой, почти недостаточный промежутокъ времени, въ который все дѣло было начато и окончено.

Троечныя повозки—всѣ нашего народнаго русскаго образца, т. е. именно принадлежатъ къ разряду тѣхъ самыхъ повозокъ, неудобнѣй какихъ и выдумать ничего невозможно. Это повозки на деревянныхъ осяхъ, съ низкими колесами, съ высоко помѣщеннымъ ящикомъ, неукладистыя и довольно тяжелыя, онѣ имѣютъ всѣ шансы остаться въ грязи, едва только вздумаютъ въ ненастное весеннее время свернуть съ шоссированной дороги; парные, дышловые фургончики, на желѣзныхъ осяхъ представляютъ несравненно больше удобства: они устроены цѣлесообразнѣе, больше вмѣщаютъ клади, чѣмъ троечныя, хотя и везутъ только двумя лошадьми, а не тройкою, и несравненно легче на ходу. Жаль только, что такихъ повозокъ гораздо меньше, чѣмъ первыхъ—всего одна пятая часть обоза. Первыя повозки, т. е. русскія троечныя, какъ вамъ извѣстно, заготовлялись по волжскимъ губерніямъ и доставлены на мѣсто вмѣстѣ съ дугами и упряжью: если не ошибаюсь, онѣ съ доставкою и упряжью обошлись по 180 рублей—нельзя сказать, чтобы особенно дешево.

При каждомъ отдѣленіи состоитъ—не въ видѣ конвоя, а скорѣе въ качествѣ полиціи—взводъ донскихъ казаковъ, которые и стояли поодиночкѣ и попарно на флангахъ выстроившихся линій.

Когда начался смотръ, т. е. когда повозки начали проходить по-одиночкѣ на обозныхъ дистанціяхъ мимо начальника штаба и его свиты, я имѣлъ возможность осмотрѣть ихъ подробно. Надо сказать, что въ движеніи онѣ имѣли болѣе благопріятный видъ, чѣмъ на мѣстѣ. Эти маленькія мѣстныя лошаденки такъ бодро, даже горячо работали, натягивая веревочныя постромки, что солдатамъ-возницамъ, неловко сидящимъ на самой верхушкѣ возовъ, приходилось держать ухо востро и не распускать вожжей, хотя, впрочемъ, большинство троекъ выѣзжено весьма порядочно. Смотръ таки не обошелся безъ

приключеній или, какъ говорятъ моряки, аварій—нѣсколько телѣгъ было сломано, болѣе всего страдали оси и колеса, т. е. самыя существенныя части.

Утѣшительно только то обстоятельство, что на постройку такой повозки требуется только одинъ, слишкомъ хорошо знакомый нашему солдату инструментъ,—топоръ, а значитъ и починка ея не требуетъ большаго, а потому можетъ исполниться на походѣ съ тѣми средствами, какіе есть подъ руками у каждаго возницы, между тѣмъ какъ поломка телѣжной оси влечетъ за собою потерю всей повозки, если только по близости не окажется порядочной кузницы, что весьма легко можетъ случиться. Да, и самая починка такой повозки требуетъ несравненно болѣе времени. Какъ видите и за нашу, доморощенную, допотопную русскую повозку есть шансы, по мнѣнію нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ, весьма даже основательные...

Глядя на эту вереницу повозокъ, проходившихъ мимо меня рысцою, на извѣстныхъ интервалахъ, въ продолженіе почти полутора часа времени, мнѣ пришли въ голову слѣдующіе разсчеты: если на каждую повозку положить, конечно съ необходимымъ промежуткомъ, только 13 аршинъ, то отдѣленіе въ 350 повозокъ должно занять не менѣе трехъ верстъ, а такихъ отдѣленій не одно. Представьте же себѣ, весь обозъ, занимающій сорокъ двѣ версты непрерывною линіею, и замѣтьте, что это еще не весь военный обозъ, это только часть его, вспомогательная, потому что есть еще, какъ я уже говорилъ, спеціальные обозы при каждой отдѣльной части.

Самый громоздкій предметъ, представляющій наибольшія затрудненія въ нагрузкѣ—это сѣно, хотя бы и спресованное. На-дняхъ я присутствовалъ при опытахъ нагрузки такого сѣна въ вагоны желѣзной дороги, каждый прессованный тюкъ вмѣщаетъ до четырехъ пудовъ сѣна, которое уменьшено въ прессовкѣ болѣе чѣмъ на половину своего объема; такихъ тюковъ съ трудомъ укладывается на повозку восемь штукъ, да и то возъ достигаетъ слишкомъ большой вышины, причемъ значительно увеличивается его валкость. Въ вагонъ же сѣна укладывается едва только сто восемьдесятъ пудовъ, а принимая въ разсчетъ громадное количество этого предмета, необходимое хотя бы и для однодневнаго продовольствія лошадей всей

арміи—не трудно представить себѣ, что это одинъ изъ самыхъ неудобныхъ и затруднительныхъ предметовъ транспортировки.

V.

А пренепріятная вещь вставать въ четыре часа утра для того, чтобы попасть на желѣзную дорогу! Поѣзда изъ Кишинева въ Яссы, т. е. не то что въ самые Яссы, а только до границы, отходятъ—въ шесть часовъ утра; это очень неудобно, но тѣмъ не менѣе такъ заведено, хотя основательныхъ причинъ для такого ранняго времени выѣзда нѣтъ вовсе. Когда я выѣхалъ, весь Кишиневъ еще спалъ, и по безконечно длиннымъ, узенькимъ улицамъ его предмѣстій не видно было ни одной живой души, кромѣ стаи собакъ, свирѣпо и назойливо провожавшихъ мои дрожки. Было темно, холодно, сыро, ни одного огонька въ окнахъ. Только трубы паровыхъ мельницъ усердно извергали цѣлые потоки огненныхъ искръ и густые клубы красноватаго дыма. Не знаю почему, кажется, что которая нибудь изъ этихъ мельницъ сгоритъ непремѣнно и даже очень скоро, а съ нею сгорятъ и локомобили, и даже все то, что горѣть по своему свойству вовсе не можетъ, сгоритъ что нибудь даже не существующее, и въ графахъ случайныхъ убытковъ по несчастному случаю появятся длинныя-предлинныя цифры, ноли-поли-ноли... Я не говорю, что все это непремѣнно должно случиться, какъ нѣчто роковое, неизбѣжное,—мнѣ только это кажется, очень можетъ быть даже только потому кажется, что на Руси есть пословица: «пуганая ворона куста боится»...

Вотъ и вокзалъ—тамъ тихо и покойно... Спятъ начальники станціи, спятъ кассиры, спитъ буфетчикъ, прислуга, спятъ и пассажиры, забравшіеся еще съ вечера, не спятъ только неугомонные, вѣчно суетливые, безпокойные жиды; какъ тѣни шныряютъ между тюковъ и яшиковъ ихъ темныя фигуры—и слышно... все тѣже «гандели», гешефты цифры, цифры, цифры, цифры, и сливаясь въ глухомъ, гортанномъ шепотѣ... Звонокъ!.. Все мало по малу оживаетъ, протираетъ глаза, откашливается, потягивается, разыскиваетъ свои вещи, ругается съ просонковъ, вообще начинаетъ пошевеливаться... А поѣздъ все-таки опоздалъ. Вмѣсто назначенныхъ шести—мы выбрались изъ Кишинева въ половинѣ восьмого...

Солнце взошло, т. е. должно было взойди, судя по времени; за тяжелыми сѣрыми тучами его, впрочемъ, не видно стало свѣтло. Поѣздъ тронулся медленно, и версты двѣ, а то можетъ быть немного и больше шелъ малымъ ходомъ; дорога пролегаетъ низомъ долины рѣки Быка, огибая городъ; грунтъ, по которому пролегаетъ полотно дороги, топокъ и ненадеженъ, Это медленное движеніе даетъ возможность вдоволь полюбоваться панорамою Кишинева, который издали, съ того разстоянія, откуда уже не видна эта отвратительная жидовская грязь, откуда не слышенъ невыносимый запахъ чеснока, кажется весьма живописенъ. Весь склонъ горы усѣянъ крышами домовъ, длинными щелями тянутся улицы, пересѣкаясь между собою, надъ всѣмъ этимъ красиво поднимаются колокольни, башенки, стройныя группы тополей... Вотъ и цистерны, уже описанныя мною, со своею кипучею утреннею дѣятельностью, вотъ опять таже Инзова гора, вотъ и милліонные склады. Поѣздъ идетъ скорѣе... мало по малу все остается назади—и колокольни, и башенки и безчисленныя черепичныя крыши, и гигантскіе бунты мучныхъ тюковъ, все затягивается сѣроватымъ туманомъ, отходитъ на задній планъ, уступая свое мѣсто другимъ видамъ, другимъ явленіямъ... А дорога все еще идетъ низомъ, параллельно болотистымъ разливамъ рѣки «Быка». На замерзшихъ лужахъ-озерахъ чернѣютъ безчисленныя стаи грачей и воронъ, тамъ и сямъ вытертыми, пожелтѣвшими, щетинистыми низинами виднѣются прошлогодніе камыши, грязными, унавоженными линіями тянутся извилистыя дороги; словно грибы, кучками сидятъ приземистыя молдаванскія мазанки; такія же мазанки, только побольше немного, видны и дальше, окруженныя густыми зарослями сливныхъ и грушевыхъ деревьевъ; тамъ обитаютъ владѣльцы покрупнѣе, такъ сказать, помѣщики «кандибоу» какъ ихъ здѣсь называютъ, т. е. capŧ-di bove, что значитъ по-румынски бычачьи головы,—названіе очень мѣткое, существующее уже испоконъ вѣковъ, заимствованное изъ бессарабскаго герба (бычачья бѣлая голова на красномъ полѣ),—но тѣмъ не менѣе весьма подходящее, на столько подходящее, что самъ гербъ кажется спеціально для нихъ изобрѣтеннымъ являясь официальною,—закономъ установленною—сатирою-эмблемою—дѣятельности края и характеристикою его обитателей.

Безжизненно, тупо, однообразно, безпрогрессивно тянется жизнь молдаванскаго помѣщика въ Бессарабіи. Съ несчастнаго прутскаго похода Петра, и блестящихъ, побѣдоносныхъ походовъ на турцію Екатерины, великой женщины восемнадцатаго вѣка, оказывавшей тамъ гдѣ нужно столько энергіи и рѣшительности, — эта жизнь со всею своею обстановкою тянется одинаково. Лѣнивый, вялый трудъ, рутинное, чуть не допотопное хозяйничанье, обильно вознаграждающееся чуднымъ климатомъ и богатою, плодоносною почвою, замкнутая жизнь, жизнь ради удовлетворенія только своихъ насущныхъ, желудочныхъ потребностей, безъ всякихъ высшихъ цѣлей и стремленій; довольство весьма малымъ,—все это не вызываетъ прогресса въ производительности, устраняя потребности комфорта и роскоши... Крайняя узость взглядовъ и развитія скопы въ кованныхъ сундукахъ—серебряныхъ рублей и золотыхъ дукатовъ, мамалыга, длинный чубукъ, кислое вино, засаленныя карты, не менѣе засаленный халатъ на мерлушкахъ, сворка борзыхъ или смычекъ гончихъ, полудремотные вѣчные досуги лѣтомъ, въ тѣни фруктоваго сада, а зимою на турецкомъ диванѣ, передъ теплою печкою,—вотъ всѣ элементы жизни молдаванскаго помѣщика, этого «кандибоу»... Все это родитъ вялый, тяжеловатый характеръ, вызываетъ на полусонномъ лицѣ выраженіе, весьма соотвѣтствующее названію, необыкновенно какъ похожее на геральдическое, гербовое изображеніе.

Молодые кандибоу подростаютъ на родительскихъ жирныхъ хлѣбахъ, — подготовляя къ своему развитію только животныя свои страсти... Имъ скучно въ деревнѣ и они стремятся въ города, въ болѣе жизненные центры... Денегъ въ карманѣ много кутить есть на что, а кстати въ городахъ уже сидятъ всѣхъ родовъ хищники, посвятители во всѣ тайны и прелести разгульной жизни, эти посвятители являются въ лицахъ разныхъ ремонтеровъ, отставныхъ кавалеристовъ, наѣзжихъ бароновъ и графовъ, сомнительныхъ гербовъ и происхожденій... Попойки, карты, карты, карты... женщины въ пьяномъ чаду, скандальные подвиги... затѣмъ стѣснительныя обстоятельства, а за ними неизбѣжные жиды... Папеньки смотрятъ сквозь пальцы на похожденія своихъ телятокъ—«сами, молъ, были молоды, сами перешли всю эту жизненную школу» и терпѣливо достаютъ изъ «скрынь» свои рубли и дукаты, выручаютъ сынковъ, до

новыхъ стѣснительныхъ обстоятельствъ; тамъ опять выручаютъ пока есть возможность, пока не пресытится сама молодежь;— а потомъ?.. Потомъ, какъ неизбѣжная развязка всякой драмы и комедіи, благополучная женитьба на какой нибудь телочкѣ, молочной такой, сытой; нагулявшійся бычекъ возвращается подъ родительскую сѣнь,—а то и подъ женину—халатъ, лѣнивые досуги, трубка, гончія, борзыя, мамалыга, кислое вино... и пошло, и пошло... по стопамъ родителей; затѣмъ новое поколѣніе приплода, новые разгулы, новыя стѣснительныя обстоятельства, новые жиды и ремонтеры... сказка *про бѣлаго бычка* именно здѣсь получила свое происхожденіе, не даромъ же и на гербѣ бѣлая голова на красномъ полѣ...

Да, гдѣ обстоятельства начинаютъ быть затруднительными, тамъ геніемъ спасителемъ непремѣнно является жидъ. Эти послѣдніе умѣютъ не только во время явиться со своими услугами, но они даже устраиваютъ эти затруднительныя обстоятельства, замѣчательно устраиваютъ и, пользуясь тупостью и недальновидностью своихъ кліентовъ, эксплоатируютъ ихъ не на животъ, а на смерть, почти не выпуская ихъ изъ своей зависимости... Эта зависимость сознается самими кандибоу, но сознается смутно, какъ нѣчто роковое, неизбѣжное—эта зависимость вызываетъ въ жертвахъ тупую, безсознательную, безсильную ненависть къ потомкамъ Израиля, ненависть впрочемъ покорную, не вызывающую никакого противодѣйствія... Такъ все шло прежде, такъ идетъ теперь, такъ пойдетъ и дальше, на долгое время, по крайней мѣрѣ нѣтъ причинъ сомнѣваться въ этомъ примѣрномъ, жизненномъ постоянствѣ...

Мѣстность начинаетъ волноваться, справа и слѣва тянутся пологіе холмы, за ними даже что-то похожее на горы; на гребняхъ этихъ горъ синѣютъ густые дубовые лѣса, ниже сплошной кустарникъ, пріютъ безчисленныхъ волковъ, лисицъ и зайцевъ, раздолье для охотника. Молдаванскіе хуторки и деревни попадаются все чаще и чаще. Между горъ, по лощинамъ вьются дорожки и тропы, по нимъ тянутся вереницы воловьихъ подводъ, бойко бѣгутъ мелкія лошаденки, запряженныя въ санки и повозочки. Когда смотришь на эти тяжелые воловьи возы, и легкія санки,—невольно припоминаются древнія времена, когда перевязочныя средства были еще въ первобытномъ состояніи.— Обозы Аттиллы и другихъ вождей имени

были такого же вида, — тѣже тяжелыя неуклюжія, не всегда даже круглыя колеса, а такъ приблизительно подходящія къ кругу, неотесанныя, не мазанныя, на всю Бессарабію скрипящія оси, все то же самое. А эти санки: взяты два корневища сколочены вмѣстѣ поперечными брусьями, на нихъ поставлена плетеная корзинка вотъ и все... кое-какъ, чуть не за хвосты привязанная къ такимъ санкамъ пара клячъ,— нельзя же назвать упряжью эти петли шейныя съ веревочками,—въ санкахъ молдаванъ въ росписанномъ бѣломъ тулубчикѣ, непремѣнно съ трубкою въ зубахъ... Дуютъ такія санки—гдѣ попало, не разбирая дороги, оживляя собою эти нагія, покрытыя индѣ еще снѣгомъ, индѣ черными проталинками, змѣевидныя дорожки... По этимъ дорожкамъ, какъ очевидные признаки современныхъ событій, — тянутся и стройные военные обозы, тамъ и сямъ видны группы пѣшихъ и конныхъ, надъ первыми группами щетинятся штыки, надъ вторыми длинныя пики, съ флюгерами—значитъ регулярныя, безъ оныхъ значитъ иррегулярныя, гости съ Дона и Кавказа... Это все элементы пришлые... На выѣздахъ изъ селеній, на такъ называемыхъ выгонахъ, зеленѣютъ правильныя линіи артиллерійскихъ парковъ... Гдѣ слышна мелкая дробь барабана, гдѣ заунывные звуки мѣдныхъ рожковъ, даже выстрѣлы слышны по временамъ, это пѣхотинцы практикуются въ стрѣльбѣ, и изъ-за склона балки вылетаютъ и несутся по вѣтру бѣлые клубочки порохового дыма... Запасы сѣна, въ видѣ стоговъ, обнесенныхъ плетнями, съ перваго взгляда словно деревеньки какія-то, группируются у опушекъ... У одного изъ такихъ стоговъ донцы, охотники сдѣлали легкій привальчикъ, огонекъ разложили, жарятъ что-то... Потные кони стоятъ, понуривъ свои горбоносыя головы, за сѣдлами что-то сѣрое виситъ, въ торокахъ, псы сидятъ, навостривъ уши въ выжидательномъ положеніи... «Станція Каларашь»!.. выкликаетъ кондукторъ... Поѣздъ хрипитъ, сопитъ, выпускаетъ потоки запаснаго пара и неловко останавливается, на страхъ буферамъ... Пассажиры поднялись, взялись даже за мѣшки и саквояжи, да отъ сильнаго толчка выпустили все изъ рукъ и опустились снова на свои протертыя, засаленныя скамейки..

Каларашъ,—это большое мѣстечко, населенное преимущественно жидами здѣсь стоятъ... здѣсь стоятъ тѣ войска, которымъ стоять здѣсь слѣдуетъ; это уже не входитъ въ дозъ-

воленные предѣлы корреспонденцій, а потому я прохожу строгимъ молчаніемъ... Если уже говорить, что стоитъ, такъ это поѣздъ и надо сказать стоитъ довольно долго, хотя основательныхъ причинъ къ этому продолжительному стоянію и не имѣется... Отсюда поѣздъ и, ѣдетъ до станціи Корнешти. Мѣстность тянется дальше почти одного и того же характера, только гористѣй не много и лѣса встрѣчаются чаще... Въ Корнешти я долженъ былъ оставить вагонъ, чтобы воспользоваться любезнымъ предложеніемъ моихъ спутниковъ, свернуть вмѣстѣ съ ними немного въ сторону и навѣстить одного богатаго молдаванскаго помѣщика, кровнаго кондибоу, поближе посмотрѣть на обстановку его дома, что, конечно, меня интересовало очень.

Поѣздъ ушелъ уже безъ насъ и намъ предстояло позаботиться найдти лошадей для дальнѣйшаго слѣдованія, что оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ предполагали мои спутники. Подвернувшійся жидъ, обладатель единственной тройки, заломилъ за одинадцати-верстное разстояніе невозможную, неслыханную цѣну, которую мои спутники не хотѣли дать изъ *принципа*, чтобы *не баловать этихъ мерзавцевъ*, какъ они выражались... На почтовой же станціи намъ было отказано, въ виду скораго прибытія почты, военныхъ потребностей, нахожденія пункта слѣдованія *не по тракту* и по многимъ весьма уважительнымъ причинамъ, настолько уважительнымъ, что случайная встрѣча моя съ старымъ знакомымъ, — комендатомъ станціи Корнешти, разсѣяла всѣ эти причины какъ пухъ по вѣтру и въ наше распоряженіе предоставлены были сани, въ родѣ мною описанныхъ, и четверка разношерстныхъ, заморенныхъ клячъ, подхватившихъ насъ на полверсты довольно бойко. За этими первыми полуверстами дальнѣйшее слѣдованіе тянулось самымъ медленнымъ шагомъ съ частыми остановками для отдыха. Было еще впрочемъ довольно рано, дорога предстояла не длинная и мы разсчитывали добраться за свѣтло.

Дорога шла почти непрерывными горами, съ крутыми спусками и тяжелыми, длинными подъемами, мѣстами приходилось проѣзжать по дну тѣсныхъ овраговъ. Справа и слѣва тянулись густые лѣса и кустарныя заросли, на разчищенныхъ скатахъ, обращенныхъ на солнце, расположены были покрытые снѣгомъ виноградники, пестрѣвшіе черными, безпорядочно разбросанными корневищами виноградныхъ лозъ, желтые стебли

табачныхъ плантацій, съ свернувшимися отъ холода бурыми листьями, торчали изъ подъ снѣгу, всюду тянулись и пересѣкались безчисленные заячьи и лисьи слѣды, что-то живое, шустрое тако, мелькало по временамъ въ чащѣ, показывалось на мгновеніе и тотчасъ же стремительно пряталось, заслышавъ тяжелый санъ нашихъ клячъ, звонкое стеганіе нашего возницы молдавана... Часа черезъ два, а то и больше, пути мы подмялись на крутую гору, съ которой были видны почти всѣ постройки усадьбы, цѣли нашего путешествія. Намъ теперь предстоялъ еще одинъ спускъ и затѣмъ уже послѣдній подъемъ, прямо въ плетеныя ворота съ высокою перекладиной, казавшейся издали чѣмъ-то въ родѣ вѣсилицы, или вообще какого-то орудія пытки и истязанія.

— А вотъ и церковь,—указалъ мнѣ одинъ изъ спутниковъ,—она построена самимъ помѣщикомъ, а попъ для службы приглашается изъ другого прихода, когда помѣщику придетъ охота молиться.

То, что онъ назвалъ церковью, была простая мазанка, крытая соломой, на конькахъ крыши которой торчало два покривившихся, желѣзныхъ крестика;—не далеко отъ этого храма виднѣлся соломенный навѣсъ, на двухъ столбикахъ, а подъ навѣсомъ небольшой колоколъ съ веревкою. Стая грачей унизала всю крышу церкви и колокольни... черныя птицы неподвижно засѣдали на крестахъ, пристально слѣдя за нашимъ движеніемъ, поворачивая свои носатыя головы по мѣрѣ того какъ мы проѣзжали мимо.

Вотъ и ворота... Направо виденъ большой сарай для лошадей, около груды навоза, нѣсколько сломанныхъ повозокъ и саней, коляска съ проломленнымъ бокомъ и расплющеннымъ верхомъ; влѣво тоже сарай и тоже груды дымящагося навоза, такъ называемая дровяница съ массивными корявыми, дубовыми колодами и кучами щепы и сучьевъ; посрединѣ домъ самого помѣщика, большая мазанка подъ соломенною же крышею съ навѣснымъ, покосившимся на бокъ крыльцомъ,—съ четырьмя окнами на фасадъ, окнами почему-то прочно защищенными желѣзными рѣшетками и тяжелыми дубовыми ставнями.

— У этого помѣщика состояніе доходитъ до трехсотъ тысячъ,—шепнулъ мнѣ мой спутникъ, когда мы вылѣзли изъ

саней и стали подниматься по колеблющимся, прогнившимъ ступенямъ высокаго крыльца. Мальчикъ, въ короткой сѣрой курточкѣ, гостепріимно распахнулъ намъ дверь на обѣ половины, глупо улыбнулся, получивъ ласковаго подзатыльника, и мы вошли.

Насъ встрѣтила дочь хозяина, смуглая, худощавая молдаванка; меня отрекомендовали какъ заѣзжаго туриста, и хозяйка, съ самою привѣтливою улыбкою, произнесла чисто по русски:— «милости просимъ! Отецъ занятъ, но сейчасъ выйдетъ».

Въ сосѣдней комнатѣ въ это время раздавались громкіе голоса, что-то торговали и о чемъ-то горячо спорили — оказалось, что это пѣхотные офицеры, пріѣхавшіе за покупкою лошадей для обоза, сторговали было нѣсколько коней, на тысячу рублей, не сходились только въ одномъ дукатѣ, и вотъ этотъ-то злосчастный дукатъ былъ причиною оживленнѣйшихъ переговоровъ.

— Помилуйте,—горячился покупщикъ, типъ стараго служилаго армейца—помилуйте, я бы радъ! всею душою радъ... Что такое дукатъ? тьфу! одно слово... Но казенный интересъ, казенный интересъ прежде всего...

— Ай, ай, ай... Боже мой!..—стопалъ и нылъ хозяинъ.— Дукатъ большія деньги... Дукатъ это...

— Да еслибы мои собственныя —я бы ни слова... Я бы хоть сейчасъ, а то...

— Ай, ай, ай!.. Боже мой... Даромъ, почти сто даромъ... Буланные, напримѣръ, да вѣдь это...

Подали вишневую наливку въ большой бутылкѣ,—пронесли что-то подзакусочнаго характера...

— Казенный интересъ... Не мои же деньги въ самомъ дѣлѣ:—будьте здоровы!..

— Кушайте... опять гнѣдой! Ну, чѣмъ не конь?..

— Домашняя?..

— У меня ничего нѣтъ покупного,—все свое домашнее... и вино, и наливка, и щербеты, и все...

— Это и видно... Такъ какъ же?.. «Здравствуй донышко— прощай винцо»... Такъ какъ же? Ну, по рукамъ.

— Ай, Ай! Да, ей же Богу же, не...

И долго еще слышались стоны хозяина, громогласное «казенный интересъ прежде всего», и «будьте здоровы». Порѣ-

пили наконецъ подѣлить дукатъ на двѣ половины, хлопнули рука объ руку, раскраснѣвшійся покупщикъ и упрямый продавецъ хозяинъ вышли въ общую комнату, кажется совершено довольные другъ другомъ.

Хозяинъ былъ уже старикъ, лѣтъ восьмидесяти, красный и бодрый, безъ лысины, а съ густыми, коротко остриженными, бѣлыми какъ лунь, волосами и такою же короткою бородою... Красное, изрытое морщинами лицо, большой толстый носъ, живые, сверкающіе глаза, щетинистыя брови, нависшія надъ ними самъ одѣтъ въ короткій бараній тулупчикъ, широкіе, грубаго домашняго сукна шаровары на выпускъ, мягкіе сапоги и неизбѣжная турецкая трубка въ рукахъ. Дѣйствительно, по наружности это былъ самый чистокровный кандибау, котораго мнѣ когда либо встрѣчалось мнѣ видѣть. Онъ протянулъ мнѣ свою загрубѣлую, могучую десницу, произнесъ:—«Очень, очень радъ! Прошу садиться»,—и тотчасъ же залегъ на широкій турецкій диванъ, протянувъ ноги на его тикомъ крытыя подушки.

Помѣщеніе дома было распланировано такимъ образомъ: посрединѣ большая комната съ двумя печами, расположенными на противоположныхъ стѣнахъ, комнату эту освѣщали два окна, весьма небольшихъ, почти четыреугольныхъ, задѣланныхъ желѣзными рѣшетками, обстоятельство, производившее препепріятное впечатлѣніе, по обѣимъ сторонамъ печей находилось по двѣ двери, ведущія въ сосѣднія комнаты... Общій выходъ изъ дому только одинъ—изъ средней комнаты, эта же комната и есть главное мѣстопребываніе хозяина. Вся меблировка состояла изъ длиннаго турецкаго дивана съ подушками, стоявшаго во всю стѣну, подъ окнами, двухъ-трехъ грубыхъ стульевъ и такого же стола топорной работы. Въ простѣнкахъ между окнами висѣли накрестъ охотничьи ружья и нѣсколько лисьихъ шкуръ, по угламъ тоже стояли ружья; ложи турецкаго образца, стволы рострубомъ, замки кремневые, изъ-подъ диванной подушки, въ головахъ у хозяина тоже торчалъ ружейный прикладъ и переплетъ какой-то старой церковной книги съ застежками. Обѣ печки жарко топились и на пригрѣтыхъ мѣстахъ лѣниво потягивались въ сладкой дремотѣ два жирныхъ рыжихъ кота, любимцы хозяйки. Убранство боковыхъ комнатъ было совершенно одинаково: тѣ же турецкіе диваны, тѣ же окошки съ желѣзными рѣшетками — только въ одной

изъ нихъ стояли три сундука, скрывая, окованные жестью и желѣзными полосами, запертые тяжелыми висячими замками... Въ открытую дверь одной изъ этихъ комнатъ виднѣлась толстая ожирѣвшая отъ старости барыня въ платкѣ и ватной кацавейкѣ, барыня эта была сестра хозяина и занималась въ эту минуту, да и во всѣ остальныя, раскладываніемъ гранпасьянса, усердно шлепая по крышкѣ сундука до нельзя засаленными картами.

Разговоръ начался по обыкновенію съ погоды, перешелъ на политику: «скоро ли, молъ, война начнется и прійдутъ ли турки въ Кишиневъ», затѣмъ хозяинъ сдѣлалъ быстрый скачекъ на жидовъ, выругалъ ихъ самымъ непечатнымъ образомъ и со вздохомъ произнесъ:

— Вѣрите ли... какъ васъ зовутъ? извините запамятовалъ. Еслибъ Господь привелъ хотя бы одного жидовину собственными руками повѣсить, умеръ бы тогда покойно.

Кандибоу, кровный, истый кандибоу...

Подали обѣдать...

Грязная сервировка, грубыя салфетки, страшно! губы свинуть можно такими салфетками. Студень, приправленный до невозможности чеснокомъ, жирная, жареная индѣйка, мамалыга, т. е. кукурузная мука, обваренная кипяткомъ и довольно порядочное домашнее вино, затѣмъ опять разговоры о погодѣ, о политикѣ, о томъ, скоро ли прійдутъ турки въ Кишиневъ и такъ до сумерекъ, до вчерашняго чая «съ дульчесами» (дульчесы, слово, происшедшее съ итальянскаго, какъ и весь румынскій языкъ, означаетъ сладости), затѣмъ ужинъ, ни въ чемъ не уступающій обѣду и въ девять часовъ вечера—спать... Это обязательно для всѣхъ, и постоянныхъ, и случайныхъ обитателей дома Хозяинъ, какъ я уже сказалъ, ложится въ средней комнатѣ, откуда выходъ изъ дому, гости и прочіе живущіе въ боковыхъ. Помимо хозяина не взойдти, ни выйдти, невозможно, и при каждомъ подобномъ покушеніи вы разсчитываете услышать громкое, довольно грозное, хотя и нѣсколько тревожно, хозяйское:—«Кто идетъ?» Иногда этотъ окликъ сопровождается протягиваніемъ руки къ прикладу оружія, лежащаго подъ изголовьемъ.

Все это, начиная съ планировки дома и до мелочныхъ обычаевъ и привычекъ, все это остатки еще прежняго турец-

каго владычества, прежнихъ привычекъ, удивительно какъ прочно сохранившихся здѣсь, передаваемыхъ по завѣщанію отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну...

Въ восемь часовъ утра уже весь домъ на ногахъ, это зимою, лѣтомъ же гораздо ранѣе. Я воспользовался этимъ раннимъ вставаніемъ и до отъѣзда успѣлъ осмотрѣть всѣ приспособленія для выдѣлки вина, приспособленія весьма должно быть похожія на тѣ, съ помощью которыхъ библейскіе братья шалуны, надавили вина и упоили своего престарѣлаго родителя Ноя.

Мнѣ даже повозочку, такъ называемую петычанку,—съ парою лошадокъ, чтобы довезти меня до станціи Корнешты, не до той, откуда мы пріѣхали, а другой, ближе... Я распростился съ гостепріимнымъ хозяиномъ, привезъ дѣло не обошлось безъ цѣлованія, и поѣхалъ. Какъ ни скверно было ѣхать на саняхъ, но на колесахъ, безъ рессоръ, по этимъ твердымъ, замерзшимъ колчамъ ѣзда просто мученье... Какія нибудь пять верстъ показ[illegible] за сотню и къ величайшему моему удивленію, мы [illegible] таки до желѣзнодорожной будки, расположенной у входа въ селеніе – здѣсь станціи еще не устроено для пассажировъ и приходится ждать прибытія поѣзда на открытомъ воздухѣ, что въ ненастную погоду не совсѣмъ пріятно. На мое счастье, впрочемъ, день былъ довольно сносный, хотя и сѣрый. Подъѣхавъ къ станціи, я уже засталъ нѣсколько ожидающихъ пассажировъ, сидящихъ на своихъ чемоданахъ и четерпѣливо поглядывающихъ вдаль, по линіи рельсовъ.

Ожидать, [illegible] пришлось недолго.

Отсюда до Унген, т. е. до пограничнаго пункта, съ которымъ сходится яссная вѣтвь желѣзной дороги, всего двѣ станціи, около тридцати пяти верстъ, и если бы только не эта проклятая насыпь за Корнештами, вѣчно обваливающаяся, а потому опасная, то поѣздъ могъ бы въ часъ времени пройдти это разстояніе. Благодаря же насыпи, поѣздъ долго идетъ самымъ малымъ ходомъ, на что много тратится времени, да хорошо еще если ходитъ, а то и вовсе останавливается и пассажирамъ приходится искать другихъ способовъ передвиженія.

До перваго января сего года было только два поѣзда въ недѣлю, ходившихъ между Кишиневомъ и Унгенами, по четвергамъ и воскресеньямъ, между тѣмъ какъ отъ Яссъ къ Унгенамъ поѣзда ходили ежедневно. Румыны надумались и рѣшили

тоже отправлять поѣзды изъ Яссъ два раза въ недѣлю, именно съ перваго января, когда наши рѣшились-таки на ежедневную отправку поѣздовъ, вышло тоже самое, только ролями помѣнялись, что весьма неудобно для пассажировъ, ѣдущихъ заграницу и попавшихъ не на срочный поѣздъ. Такъ случилось и со мною. Въ Унгены я пріѣхалъ въ пятницу и мнѣ пришлось выбрать одно изъ двухъ: или ждать до воскресенья, или ѣхать въ Яссы на лошадяхъ; само собою разумѣется, что я предпочелъ послѣднее.

Въ Унгенахъ наша таможня и жандармское отдѣленіе для осмотра и визировки паспартовъ. Все это дѣлается, конечно, медленно, съ безконечными затрудненіями и проволочками. Я напялъ еврея съ коляскою и четверкою лошадей, сѣлъ уже, чтобы ѣхать, да опять бѣда! Жандармъ узналъ въ рыжемъ жидѣ, моемъ извозчикѣ, одного изъ самыхъ отчаянныхъ контрабандистовъ и задержалъ его, а такъ какъ другого возницы не оказалось, то мнѣ пришлось бы худо, еслибы начальникъ станціи не посовѣтовалъ итти *заграницу пѣшкомъ* и тамъ уже, на томъ берегу «Прута», напять лошадей. Я такъ и сдѣлалъ. Таможенный солдатъ подхватилъ мой чемоданчикъ и мы отправились по способу пѣшаго хожденія. Рѣка Прутъ въ этомъ мѣстѣ довольно широка и имѣетъ крутые обрывистые берега; черезъ рѣку перекинутъ желѣзный висячій мостъ на фермахъ, по которому пролегаютъ желѣзно-дорожные рельсы. По эту сторону нашъ таможенный сторожевой пикетъ, по ту—румынскій. Едва мы перебрались черезъ мостъ, какъ начались опять затрудненіе, снова потребовалось визировать мой бѣдный паспортъ, что нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не дѣлается; это обстоятельство задержало меня еще на полчаса, время, которымъ я воспользовался для пріисканія себѣ экипажа. Случайно я его отыскалъ очень скоро почти у самаго моста. Извозчикъ изъ Яссъ привезъ сюда на границу какого-то пассажира и теперь готовился ѣхать обратно. Я сѣлъ въ щегольскую двухмѣстную карету, запряженную парой въ шорной упряжи и поѣхалъ.

Странная вещь, право! Вѣдь вотъ повидимому все одно и то же; и люди тѣ же и языкъ тотъ же и вѣра, все, а совсѣмъ не то... зашелъ передъ отъѣздомъ позавтракать, мнѣ и сервировали чисто, и подали хорошо, понадобилось ѣхать, дали прекрасный покойный экипажъ, пришлось ѣхать по проселоч-

ной дорогѣ... Вѣдь и здѣсь была слякоть, тоже дожди, а потомъ сильные морозы, а дорога лучше, хотя пролегаетъ по одинаковому грунту. Незначительныя канавки, вырытыя по сторонамъ, дѣлаютъ свое дѣло, осушиваютъ дорогу, не даютъ застаиваться на ней дождевымъ лужамъ... Да почему же у насъ этихъ канавокъ не выроютъ?.. Изгороди у садовъ въ порядкѣ, предъ крылечками тѣхъ же самыхъ молдаванскихъ хотя мазанокъ чисто, подметено, не видать ни битой посуды, ни навозныхъ кучъ. Поля, виноградники, сады, все это распланировано правильно, не такъ безпорядочно и безтолково, какъ на нашей сторонѣ... А вѣдь жители, воздѣлыватели этихъ садовъ и полей, одни и тѣ же молдаване, кого же винить надо въ этой невыгодной для насъ разницѣ? Неужели же это свойство береговъ рѣки Прута, что вотъ молъ лѣвый берегъ вліяетъ невыгодно и не допускаетъ порядочности, а правый напротивъ—вліяетъ выгодно, располагаетъ къ порядку, къ уютности, гонитъ прочь все неряшливое, безтолковое, безпечное...

Дорога тянется проселкомъ, по самому берегу рѣки, пока не выберется на шоссе, идущее изъ Скулянъ до Яссъ .. По желѣзной дорогѣ отъ Унгенъ до Яссъ считается всего только шестнадцать верстъ, а по объѣздной дорогѣ почти вдвое,—но благодаря прекраснымъ, сытымъ лошадямъ и легкому экипажу, я почти незамѣтно проѣхалъ это разстояніе, и передъ вечеромъ, еще засвѣтло, увидѣлъ передъ собою туманную панораму столицы Молдавіи.

VI.

Вотъ уже трое сутокъ, какъ я въ предѣлахъ Румыніи, и трое сутокъ меня преслѣдуетъ политика. Это маленькое княжество, которое во все смутное время Балканскаго полуострова вело себя *паинькой и не шалило*, въ настоящую минуту ничѣмъ больше не занимается, какъ только политикою. На улицахъ, въ магазинахъ, въ вагонахъ желѣзной дороги, въ гостинницахъ, въ церквахъ, въ театрѣ, всюду — только и слышна политика, политика и политика. Послѣ большого генеральнаго сраженія больше всего толкуютъ и критикуютъ маневры—обыкновенно самые маленькіе офицерики; о какомъ-нибудь крупномъ произведеніи маэстро больше всего судятъ и

рядятъ ученики, о важныхъ семейныхъ вопросахъ энергичнѣй всякаго разсуждаютъ дѣти, о женщинахъ и достоинствѣ сигаръ лицеисты и правовѣды, пажи и подпрапорщики; таковъ ужъ должно быть законъ природы, а по сему же закону природы о политикѣ неустанно разсуждаетъ и предрѣшаетъ вопросы крохотная *пашька* Румынія.

Во всѣхъ дѣлахъ застой, торговли нѣтъ никакой, кредита тоже, положеніе натянутое, ненормальное, объ чемъ же и говорить, какъ не о политикѣ. И какъ наивны всѣ эти толки, въ какіе дѣтскіе образы складываются политическіе резюме... напримѣръ: Турція—это свирѣпый гигантъ, который спалъ, но теперь проснулся и готовится проглотить вселенную—«сильнѣе кошки звѣря нѣтъ». Англія это нѣчто въ родѣ Ніагары золота, самаго могущественнаго оружія въ мірѣ, Австрія—это страна интригъ и разныхъ хитростныхъ козней и коварныхъ замысловъ, Германія, впрочемъ Германіи не существуетъ вовсе, она вся состоитъ только изъ одного лица, съ высокимъ лысымъ лбомъ, съ тремя волосками, съ щетинистыми усами и суровымъ взоромъ лицо это молчитъ и ждетъ, но рано или поздно оно, однимъ мановеніемъ пальца разрѣшитъ разомъ всѣ сложные вопросы, разсѣчетъ всѣ хитро заплетенные гордіевы узлы; наивнѣе же всего въ мозгахъ румынскихъ политиковъ складывается понятіе о Россіи—эта страна, изволите ли видѣть, когда-то была довольно сильная, но въ настоящую минуту слабѣе даже Румыніи. Она раздирается внутренними смутами, казанская исторія разрослась здѣсь до размѣровъ колоссальной, всеобъемлющей революціи, не въ силахъ даже справиться съ этими внутренними смутами. Армія ея деморализована, плохо вооружена, финансы хуже турецкихъ... Послѣдняя война въ Сербіи уничтожила послѣднія силы Россіи; туда, видите ли, были посланы всѣ войска и израсходованы всѣ капиталы, и если Россія надѣется въ настоящую минуту на что-нибудь, такъ это только на поддержку Румыніи. Въ Россіи даже нѣтъ вовсе способныхъ генераловъ, поѣздка туда Донъ-Карлоса объясняется именно этимъ недостаткомъ... Вотъ молъ вамъ настоящій полководецъ! И это все толкуется тутъ, откуда постоянно ѣздятъ въ пограничныя мѣста Бессарабіи и могутъ лично, своими глазами видѣть нашу блестящую, сытую, довольную, хорошо вооруженную, рвущуюся въ бой армію.

Ну такъ вотъ и слышатся юноши лицеисты и правовѣды, столпившіеся въ фойэ театра Буфъ: «Ну что ты нашелъ, Мишель, хорошаго въ своей подслѣповатой Мокуръ. Вотъ я тебя св з къ моей Додо... Это, братецъ мой, женщина... огонь, страсть, бюстъ и все прочее!..

— А что скоро начнется война?—спросилъ меня первый румынъ, мой извозчикъ, еще въ Унгенахъ.

— Русскіе выступили уже?—спросилъ меня, съ первыхъ же словъ, хозяинъ гостиницы «Европа» въ Яссахъ—monsieur Glantz... Горничная принесла чистое бѣлье для моей постели и устроила ее превосходно я замѣтилъ ей это и поблагодарилъ, та глубоко вздохнула.

— Чего же вы это?—полюбопытствовалъ я.

— Ахъ, Боже мой, что мы будемъ дѣлать, когда сюда пріѣдутъ турки?—вздохнула она еще разъ и чуть не расплакалась...

Мнѣ отвели за три франка крошечный номеръ: холодный, нетопленный; за корзиночку дровъ взяли чуть не по франку за полѣно.

— Почему же такъ дорого?

— Вѣдь вы знаете какое нынче время,—таинственно сообщилъ мнѣ номерной кельнеръ.

Газеты въ рукахъ у каждаго, даже кучера сидятъ на козлахъ съ газетами въ рукахъ и неохотно отрываются отъ нихъ, когда надо браться за возжи. За обѣдомъ, за каждымъ блюдомъ слуга непремѣнно или сообщаетъ вамъ какую-нибудь политическую новость, или задаетъ вамъ самимъ самый наивный вопросъ политическаго характера. Все это, наконецъ, становится невыносимымъ, и вамъ много надо самообладанія, чтобы не разсердиться и не послать къ чорту кого-нибудь изъ этихъ политиковъ.

Вчера я сидѣлъ въ театрѣ, въ креслахъ, смотрѣлъ раздирательную драму «Катерина Говардъ», около меня сидѣлъ щеголеватый румынскій гусаръ, офицеръ, крутилъ усы и внимательно меня осматривалъ; я только одного боялся, чтобы онъ не заговорилъ со мной о политикѣ,—но то, чего я боялся, то именно и случилось. На мою бѣду онъ услыхалъ, какъ я въ антрактѣ заговорилъ по-русски съ однимъ изъ соотечественниковъ, гусаръ насторожилъ уши и, улучивъ минуту, спросилъ:

— Вы знакомы съ послѣдними новостями изъ Константинополя?

Я сдѣлалъ видъ, что ужъ очень занятъ пьесою и не разслышалъ вопроса,—это не помогло. Сосѣдъ повторилъ свой вопросъ и даже вѣжливо, чуть-чуть докоснулся до моего локтя.

— Отчасти,—отвѣчалъ я уклончиво и не безъ досады въ голосѣ.

— Кажется придется намъ драться,—забарабанилъ онъ пальцами по металлическимъ ножнамъ своей сабли.

— Кажется...

— Что, позвольте узнать, Россія готова къ войнѣ? я спрашиваю собственно о русской арміи...

— А ваша армія готова?—я оборвалъ при этомъ кусочекъ ни въ чемъ неповинной афиши...

— Наша армія всегда готова въ бой... Вы знаете, вѣдь у насъ—не такъ какъ у васъ... Мы готовы!

Гусаръ снова забарабанилъ пальцами по саблѣ, повелъ молодецки плечомъ и выпятилъ шитую шнуркомъ грудь венгерки.

— Я не сомнѣваюсь въ боевой готовности вашихъ войскъ—но готово ли ваше военное министерство, заготовлены ли склады провіанта, перевязочныя средства... Сколько мнѣ кажется...

— Все это вздоръ, намъ этого ничего не нужно,—улыбнулся мой гусаръ.—Объ этомъ должно заботиться русское интендантство; я слышалъ, что уже со стороны князя сдѣлано распоряженіе въ Кишиневъ...

— Вы думаете?..

Какъ я ни былъ золъ на политика, но ей-богу чуть не расхохотался, слыша подобную наивную нелѣпость, да еще сказанную такимъ увѣреннымъ тономъ.

— Если мы бутемъ драться впереди русскихъ войскъ за Россію, то ужъ насчетъ нашего стола это, безспорно, ея забота... А что вы думаете насчетъ того, гдѣ русскіе думаютъ переходить Дунай?

Я не отвѣчалъ, только пожалъ плечами, ничего, молъ, объ такихъ дѣлахъ и не думаю...

— Я бы посовѣтовалъ имъ не переходить его вовсе,—назойливо приставалъ неугомонный политикъ.

— Я бы васъ покорнѣйше попросилъ позволить мнѣ слушать пьесу,—сорвалось-таки у меня съ языка.

— Ого!—произнесъ озадаченный гусаръ, брякнулъ ножнами о ножку креселъ, скрестилъ на груди руки, нахмурился и все-таки оставилъ меня въ покоѣ.

Спектакль кончился довольно поздно, я вышелъ изъ театра и пошелъ пѣшкомъ. Яссы еще не освѣщены газомъ и тусклыя керосиновыя лампы уличныхъ фонарей мигаютъ подслѣповато, слабо освѣщая не широкія и чистенькія улицы. Магазины были закрыты, двери кондитерскихъ и ресторановъ горѣли безчисленными огнями, освѣщая передъ собою значительное пространство. Вотъ въ такомъ-то свѣтломъ мѣстѣ я замѣтилъ толпу человѣкъ въ пятнадцать, нерѣшительно остановившуюся передъ дверьми,—войти, молъ, или не войти?.. Я подошелъ ближе. Русскіе голоса, русскія рѣчи! Такъ и есть,—это наши добровольцы, возвращающіеся на родину... Боже мой, въ какомъ они видѣ! въ сербскихъ солдатскихъ шинеляхъ, на головахъ у кого военное кепи, у кого баранья, вытертая, заношенная шапка, у кого даже турецкая феска, сапоги не у каждаго, большинство въ грязныхъ опанкахъ. Были здѣсь и съ подвязанными руками, были и съ повязками на головахъ... Не зажили еще должно быть дьюнишскія раны, бѣдняги! Можетъ быть это были остатки батальона, который одинъ дрался противъ всей турецкой арміи, и когда все вокругъ бѣжало, объятое паническимъ страхомъ, онъ одинъ не побѣжалъ, а отступилъ, одинъ не былъ разбитъ, хотя и уничтоженъ чуть не на половину... И вотъ теперь стоятъ они тутъ, передъ дверьми скромной рестораціи, пересчитываютъ мѣдяки на мозолистыхъ, загрубѣлыхъ ладоняхъ, хватитъ ли, молъ, этихъ грошей на стаканъ дешеваго, кислаго вина, на кусокъ брынзы, сухого овечьяго сыра... Грустное, тяжелое впечатлѣніе произвела на меня эта толпа оборванцевъ... Скрипнула дверь, оттуда вышелъ широкоплечій старикъ съ сѣдыми усами, въ русскомъ полушубкѣ, съ георгіевскимъ крестомъ на груди и цѣлымъ рядомъ медалей.

— Нѣтъ, братцы, здѣсь *чистая*, цѣны высокія, не по карману... гайда дальше!—объявилъ онъ своимъ товарищамъ. Толпа колыхнулась, тронулась и пошла куда-то въ темный переулокъ, шлепая по жидкой грязи своими опанками.

Я вернулся въ гостиницу положительно разстроенный этою встрѣчею и въ самомъ скверномъ состояніи духа, и всю ночь грезились мнѣ—эти худыя лица, эти повязки, эти мѣдяки, звякавшіе въ заскорузлыхъ ладоняхъ, всю ночь слышалось:— «нѣтъ, братцы, здѣсь *чистая*, цѣны высокія, не по карману»...

А все-таки, сами по себѣ Яссы городокъ очень не дурной, чистенькій, красивый на видъ и жизнь въ немъ сложилась на ладъ чуть-чуть что не европейскій. И съ перваго раза, и послѣ, когда уже успѣешь приглядѣться, Яссы производятъ весьма пріятное впечатлѣніе. Нижняя, старая часть города, по обыкновенію, тоже заселена преимущественно евреями, я это замѣтилъ еще въѣзжая въ Яссы, въ пятницу вечеромъ, какъ разъ въ начало шабаша, замѣтилъ по шабашевымъ свѣчкамъ въ каждомъ почти окошкѣ низенькихъ домиковъ. На эту часть города, конечно, евреи уже наложили свою обычную печать, за то остальныя части положительно блещутъ своею чистотою, изящною архитектурою и миловидностью домовъ, больше частію одноэтажныхъ, рѣдко двухъ-этажныхъ, крытыхъ листовою жестью, что очень красиво, особенно въ солнечный день, когда городъ издали кажется серебрянымъ. Почти у каждаго дома дома растутъ красивыя группы деревьевъ, разбиты полисадники съ разнообразными садовыми затѣями; улицы и тротуары асфальтовые; изящныя извощичьи коляски и фаэтоны и роскошные ландо обывателей катятся по нимъ безъ стука и грохота. Лучшая улица, безспорно, «Strada caro», идущая отъ центра въ гору и мало-по-малу переходящая въ длинную, тѣнистую загородную аллею для прогулокъ; это самая аристократическая улица Яссъ, мѣсто катаній молдаванской знати. Здѣсь вы можете почти постоянно, въ хорошую, конечно, погоду, видѣть всю ясскую аристократію, стариковъ мужей и ихъ молоденькихъ женъ, большею частью красавицъ. Вообще, въ Молдавіи замѣтенъ обычай рано выходить замужъ и поздно жениться—отъ этого неравенства браковъ должно быть и произошло, какъ неизбѣжный результатъ, легкость нравовъ молдаванскихъ красавицъ, ожидающихъ въ данную минуту съ нетерпѣніемъ прибытія нашей арміи. Не могъ, чтобы не окончить политикою,—такое должно быть заразительное вліяніе ясскаго воздуха.

VII.

А право—славная страна Румынія, покрайней мѣрѣ та ея часть, которую я до сихъ поръ видѣлъ. Когда ѣдешь по желѣзной дорогѣ изъ Яссъ въ Галацъ, прорѣзывающей съ сѣвера на югъ пополамъ всю Молдавію, нельзя не залюбоваться прелестными пейзажами мѣстности, видимымъ довольствомъ, чуть не сытостью ея обитателей. Не смотря на то, что въ настоящую минуту природа Молдавіи представляется въ выгодномъ видѣ,—тучныя пажити и виноградники покрыты снѣгомъ, ручьи и озерки льдомъ, деревья оголены, на небѣ повисли сѣроватыя тучи, а все-таки не трудно замѣтить, что природа эта не мачиха для молдаванъ, а родная мать, да какая еще мать—нѣжная, любящая, предупредительная и наказывающая только изрѣдка, и то развѣ уже за непростительные проступки своихъ чадъ, напр. колоссальную лѣность или что нибудь въ этомъ же родѣ.

Впрочемъ, хотя лѣность молдаванъ и вошла даже въ пословицу, однако, когда смотришь на эти поля, сады и виноградники, приходишь къ выводу, совершенно противоположному. Тянутся равнины, съ легкими покатостями, видишь, что эти равнины хорошо разработаны, правильно разбиты на участки, между участковъ проложены дорожки, ровныя, съ боковыми канавками, деревца кое-гдѣ насажены, а не то что сами по себѣ зря выросли; начинаетъ мѣстность волноваться, горками пошла,—на всѣхъ солнечныхъ скатахъ виноградники, хорошо присмотрѣнные, гдѣ даже соломкою прикрыты отъ морозовъ (въ Бессарабіи у насъ вы уже этого не найдете вовсе). смотришь на сады,—и тамъ видна хозяйская рука, хозяйскій глазъ, предусмотрительный, заботливый. Старыя, развѣсистыя яблони стоятъ рядами, корни окопаны, длинныя нависшія вѣтви подперты рогатками, заборы и плетни въ порядкѣ, не топорщатся во всѣ стороны, не сквозятъ на свѣтъ безчисленными дырьями и пролазами, около колодцевъ чисто, даже пескомъ посыпано, чтобы не скользко было,—самыя мазанки, такія же какъ и у насъ, а выстросны лучше: и стѣны-то прямыя, и окошки прорѣзаны правильно, и карнизы выведены, мѣстами даже съ затѣями,—видно, что при постройкѣ употреблялся и отвѣсъ, и наугольникъ,—не тянъ да лянъ, какъ само

выйдетъ,—благо не валится. Да, молдаване умѣли-таки у себя устроиться за это короткое время своего, «въ нѣкоторомъ родѣ самостоятельнаго существованія»—они уже теперь сами себѣ господа, хотя, впрочемъ, никакъ еще не могутъ отдѣлаться отъ нѣкотораго почтительнаго страха къ туркѣ,—я говорю «почтительнаго», потому что нахожу этотъ эпитетъ чрезвычайно какъ подходящимъ. Болгаринъ, напримѣръ, нечего грѣха таить, сильно боится турку, да пельзя ему и не бояться, слишкомъ уже напуганъ, всю жизнь свою и жилъ и живетъ теперь подъ страхомъ, но онъ его боится непочтительно; онъ угрюмо молчитъ, когда турка около, молча терпитъ и гибнетъ; за то, только что удалось ему свободно вздохнуть, онъ сейчасъ же начинаетъ бѣшенно ругаться, онъ уже не скрываетъ своей накипѣвшей злобы и ненависти; сербъ хитрѣе: онъ въ глаза хвалитъ своего притѣснителя, ластится даже къ нему и подчасъ подличаетъ, а за глаза все-таки ругаетъ не стѣсняясь и жалуется на свою долю встрѣчному и поперечному: русскій попадется—такъ русскому, нѣмецъ—такъ нѣмцу, англичанинъ—такъ англичанину, и у каждаго-то особо, конфиденціально такъ сказать, защиты и покровительства попроситъ; черногорецъ почти что не боится, ненавидитъ турку отъ души и рѣжетъ ему носъ и голову открыто, не стѣсняясь особенно никакимъ политическимъ приличіемъ, боснякъ боится, ненавидитъ и рѣжетъ тоже, но рѣжетъ изподтишка, гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ. Румынъ (молдаванъ или валахъ все едино) — тоже не особенно долюбливаетъ турку, тоже и у него за старое накипѣло, но онъ не ругается, слова дурного не скажетъ лишняго, а почему?—почтительный страхъ питаетъ: «А ну какъ опять изъ-за Дуная нагрянетъ, да начнетъ производить слѣдствіе.

Страхъ передъ туркой—это въ Румыніи явленіе хроническое. Надо только поводъ, а въ поводахъ недостатка не бываетъ. Вотъ, напримѣръ, недавняя суматоха: на рѣкѣ Серети и съ турецкимъ пароходомъ, который зашелъ въ устье Серети по случаю сильныхъ вѣтровъ на Дунаѣ. Румыны открыли цѣлый злодѣйскій планъ. «Планъ турецкій состоялъ въ томъ,—чтобы подвести мины подъ мостъ Серети и взорвать его, а тѣмъ самымъ задержать наступленіе русской арміи, арміи, ежели бы таковая наступала пользуясь оппенгеймовскими рель-

сами».—Прошло уже три недѣли съ этого приключенія, но и теперь даже объ немъ говорятъ.

Стали холода усиливаться, Дунай началъ было замерзать по берегамъ, опять тревога, чтобы рѣка, какъ-нибудь, на бѣду румынамъ, совсѣмъ не стала—вѣдь тогда по льду очень удобно будетъ туркамъ гдѣ угодно переправляться, вышлютъ конныя партіи черкесовъ, или баши-бузуковъ и пошла писать. Пока тамъ еще придетъ русская армія. Хотя у румыновъ и свои есть войска, храбрыя, пѣтушащіяся донельзя, готовыя одни драться и даже за Россію заступиться въ видѣ одолженія, но румыны своимъ войскамъ не совсѣмъ-то довѣряютъ; молоды еще, не опытны, какъ бы ихъ какой баши-бузукъ не обидѣлъ. Обидѣть-то ихъ, положимъ, башибузукъ и не обидитъ, потому что войска какъ войска, сколько я ихъ тутъ не видѣлъ—хорошо вооружены и не дурно выучены и драться будутъ если съумѣютъ ихъ повести, но что молоды, это правда.

— Скоро-ли прійдутъ русскіе?—это вопросъ дня, вопросъ, который вертится на языкѣ у каждаго и въ этомъ вопросѣ, опять-таки задаваемомъ шепотомъ, а не полнымъ голосомъ, сказывается все тотъ же вѣковой, хроническій страхъ къ туркамъ, а потому шепотомъ, что страхъ-то все-таки—въ нѣкоторомъ родѣ почтительный.

Поѣздъ подходилъ въ сумерки къ интересному мосту, и не мечтавшему вовсе объ исторической извѣстности, солнце зашло, и только гребни крутого берега рѣки чуть-чуть золотились, внизу же чернѣли густые дубовые лѣса, подступавшіе вплотную желѣзной дороги. Поѣздъ пошелъ тихо, его колеса глухо гудѣли по желѣзной настилкѣ.

— Да, еслибы во время не предупредили, была бы катастрофа, — унылымъ голосомъ, качая головой, произнесъ мой сосѣдъ, не обращаясь ни къ кому особенно, а такъ, словно про себя, въ пространство...

Я понялъ, о чемъ шла рѣчь и сочувственно вздохнулъ, произнеся тоже вслухъ:—Да, это было бы большая непріятность!

Мой сосѣдъ внезапно оживился и тутъ же принялся разсказывать мнѣ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, сотый разъ слышанную мною исторію. Онъ даже сообщилъ, что уже приняты мѣры, строится укрѣпленіе по близости, на берегу рѣки, что даже пріѣзжалъ русскій полковникъ, который самъ и мѣсто

выбиралъ для постройки. И теперь, окончилъ онъ свой разсказъ, нагнувшись къ самому моему уху—пускай сунутся, пусть попробуютъ!..

Отъ Техуча до Галаца—часа два пути. Мы подъѣхали къ городу, когда уже было совсѣмъ темно, и только тысячи огоньковъ, замелькавшихъ въ правыхъ окнахъ вагона, указали намъ, что путешествіе наше окончилось.

Въ румынскихъ отеляхъ царитъ языкъ космополитовъ. Прежде всего, едва только передъ подъѣздомъ отеля остановится вашъ экипажъ, васъ засыпятъ вопросами чуть не на всѣхъ существующихъ языкахъ; это для того, чтобы скорѣе опредѣлить вашу національность и потомъ уже, сообразно тому, и дѣйствовать. Нѣтъ въ мірѣ прислуги назойливѣе прислуги въ румынскихъ отеляхъ; — прислуга эта не ждетъ вашего звонка, она врывается къ вамъ въ комнату—сама по себѣ—чуть не ежеминутно, спрашивая васъ, не понадобится-ли того, или этого. Все это очень напоминаетъ жидовскихъ факторовъ или мишурисовъ въ нашихъ западныхъ городахъ, впрочемъ это и не мудрено: большинство прислуги здѣсь все тѣ же жиды, получаютъ отъ хозяевъ отелей самое скромное содержаніе, а то и вовсе никакого, именно въ виду возможности заработка отъ пріѣзжающихъ.

Въ Галацѣ я узналъ о паденіи Мидхата и его ссылкѣ; оживленіе большое вызвало это извѣстіе, на столько большое, что даже со стороны въ глаза кидалось. Газеты чуть не вырывались изъ рукъ другъ у друга, въ ресторанахъ толпились оживленные кружки; все это говорило таинственно, сильно жестикулировало при этомъ и боязливо оглядывалось, когда кто нибудь входилъ новый и стучалъ дверью. Хозяинъ отеля «Конкордія», гдѣ я остановился, самолично, вмѣстѣ съ карточкою ужина подалъ и телеграмму.

— Ну, теперь уже, кажется, все будетъ кончено!—заявилъ онъ и тутъ же спросилъ:—А скоро, позвольте узнать, прій...

— Прикажите лучше принести дровъ и вытопить хорошенько, а то здѣсь въ комнатѣ холоднѣе, чѣмъ на воздухѣ, поспѣшилъ я прервать фатальный вопросъ.

Здѣшніе отели очень не дурны, только приспособлены къ климату теплому,—имѣютъ все, что нужно для жаркаго, про-

должительнаго лѣта и ровно ничего для короткой, но тѣмъ не менѣе,—весьма суровой зимы, вотъ, какъ напримѣръ, нынѣшняя.

У меня было нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ здѣшнимъ болгарамъ, и на другой день, утромъ, я отправился разносить ихъ по адресамъ. Колонія болгарская устроилась въ Галацѣ очень недурно. Есть между ними и люди вліятельные, члены болгарскаго комитета, съумѣвшіе сгруппировать около себя довольно значительные кружки, слава Богу, еще не разочарованы нами русскими, не теряютъ надежды на поддержку именно отъ Россіи, не падаютъ духомъ отъ своихъ многочисленныхъ, чуть не постоянныхъ неудачъ, сѣтуютъ только на то, что главная помощь со стороны Россіи направлена была не на нихъ, а на Сербію,—эту Польшу балканскаго славянскаго міра. Боже мой какъ всѣ они не любятъ сербовъ!—фразу:—«полякъ, сербъ, венгерецъ, грекъ—это все одно»! мнѣ приходилось слышать чуть не изъ устъ каждаго болгарина. Объ Черняевѣ—здѣшніе болгары всѣ безъ исключенія отзываются съ глубокимъ уваженіемъ. Явись онъ сюда—и всѣ они тотчасъ же охотно готовы сгруппироваться вокругъ него. О покойномъ Кирѣевѣ болгары отзываются съ энтузіазмомъ, впадаютъ даже, въ нѣкоторомъ родѣ, въ пафосъ и,—сколько разъ мнѣ приходилось видѣть, они плакали, вспоминали объ убитомъ...

Болгаръ, какъ я уже сказалъ, въ Галацѣ довольно много, точнаго счета они и сами не знаютъ; впрочемъ, они жалуются на уменьшеніе своей колоніи; это уменьшеніе—явленіе хроническое, и болгары винятъ въ этомъ свои смѣшанные браки. Выходитъ дѣвушка болгарка замужъ за румына, ея дѣти становятся уже совершенными румынами, вліяніе матери слабѣетъ и наконецъ совсѣмъ рушится, сама даже она, мало-по-малу, утрачиваетъ все свое общее съ болгарами и подъ старость окончательно обрумынивается—(это выраженіе болгаръ). Женится молодой болгаринъ на румынкѣ, опять-таки мужъ ухитряется подпасть подъ вліяніе жены и ея родичей, опять съ дѣтьми та же исторія. «Да, васъ, можетъ, здѣсь обрумынилось больше, чѣмъ въ Турціи потурчилось», жаловались не разъ здѣшніе болгары. Эта неустойчивость сильно замѣтна между болгарами, и если они сохранили еще въ Турціи свои историческія преданія, языкъ и вѣрованіе, то все это вовсе не слѣдствіе ихъ исторической живучести, а скорѣе слѣдствіе пол-

наго безсилія турокъ, полнѣйшей ихъ несостоятельности. Можетъ быть это мнѣніе и ошибочно, но оно основано и опирается на фактахъ, а факты эти не зачѣмъ трудиться подбирать и отыскивать, они сами попадаются на каждомъ шагу, признаются самими же болгарами. Впрочемъ это семейство не касается только исповѣданія... Болгаринъ стоекъ и вѣренъ своей церкви, и гдѣ только ни соберется ихъ маленькая община, первымъ дѣломъ строится свой собственный болгарскій храмъ, иногда въ размѣрахъ довольно скромныхъ, иногда же съ весьма широкими затѣями и планировкою, вотъ хоть бы здѣшній, галатскій. Эта церковь начала строиться лѣтъ пятнадцать тому назадъ, да задумана была слишкомъ уже широко, и не хватило средствъ довести постройку до окончанія. Это вышло очень красивое зданіе, пріобрѣтшее себѣ уже архитектурную извѣстность.

Я вернулся домой часа въ три пополудни. М. заходилъ, да не засталъ меня дома, подождалъ немного, не дождался, ушелъ и обѣщалъ опять зайти передъ вечеромъ, оставивъ на столѣ записку, въ которой предлагалъ мнѣ сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ весьма интересную прогулку. Что бы это такое было?.. Я сталъ его ожидать не безъ нетерпѣнія, а пока сѣлъ писать вотъ то, что вы читаете въ настоящую минуту.

Пришелъ М.

— Хотите на турецкій берегъ проѣхать? — спросилъ онъ меня, съ первыхъ же словъ, едва вошелъ ко мнѣ въ номеръ.

Я почувствовалъ, что у меня глаза расширялись больше, чѣмъ бы слѣдовало.

— Охотно, — поспѣшилъ я отвѣтить,— но, въ настоящее время, когда... и тотчасъ же подумалъ; какое же это, право, особенное настоящее время? Война не объявлена, и Богъ вѣсть когда, да и будетъ-ли еще объявлена! Посольство турецкое въ Питерѣ, русское въ Константинополѣ,—значитъ обѣ державы, такъ сказать, состоятъ въ дружескихъ отношеніяхъ... Паспортъ у меня въ порядкѣ... Одна бѣда: тамъ эти черкесы и баши-бузуки, народъ ничего общаго съ дипломатіей не имѣющій...

— Тамъ теперь ни черкесовъ, ни башибузуковъ нѣтъ,— началъ соблазнитель, словно угадавъ мою мысль—все это къ Силистріи, да къ Виддину стянуто, а то по домамъ разошлось;

въ нашей сторонѣ и солдатъ-то мало. Мнѣ все это Филипъ досконально разсказывалъ, да и безъ него здѣсь все извѣстно...

— Какой Филипъ?

— А русскій, изъ некрасовцевъ,—тульчинскій; ихъ сегодня много изъ гирлицы, съ рыбою пріѣхали, всѣ на пристани сидятъ... Они тутъ и ночевать будутъ... Самый этотъ Филипъ и свозитъ васъ и назадъ привезетъ.

— Какъ, васъ? А вы развѣ не вмѣстѣ со мною ѣдете,—перебилъ я его...

— Мнѣ это уже слишкомъ рискованно... Вы попадетесь, отдѣлаетесь. У васъ и паспортъ и консульство здѣшнее заступится,—а мнѣ...

Онъ весьма энергично черкнулъ пальцемъ по горлу и даже звукомъ пояснилъ все, что слѣдуетъ...

Мы одѣлись и вышли на улицу... Это безконечно длинныя «Strada Domneska»—Господская или главная улица, пересѣкающая весь Галацъ; мы по ней шли не долго и скоро свернули влѣво, по направленію къ отрывистому берегу Дуная. Передъ нами тянулась очень красивая, оригинальная такая, узкая перспектиеа разнокалиберныхъ домовъ и домиковъ, усѣянныхъ, словно заплатами, безчисленными балкончиками, висящими терассами, пестрыми вывѣсками, бурыми пятнами обсыпавшейся штукатурки... Неровная, крупно вымощенная мостовая, прорыта глубокими бороздами... И справа и слѣва, все лавки, лавки и лавки—съ самыми развообразными товарами... Въ спертомъ воздухѣ тѣсной улицы чувствовался и табакъ, и кожи, и соленая рыба, и жиды, и разныя пряности... Это самая торговая—strada di mare (почему mare!), ведущая круто внизъ подъ гору, на нижнюю дунайскую улицу, гдѣ и расположены пароходныя и лодочныя пристани.

Спустившись внизъ, мы повернули опять влѣво, и долго шли по гребню обвалившейся, весьма дурно содержанной набережной, шагая безпрестанно черезъ бревна, причальные канаты, пробираясь между закупоренными бочками и ящиками, между крохотными будочками, съ торчащими около нихъ румынскими граничарами, таможенными, въ своихъ высокихъ бараньихъ шапкахъ съ ястребиными перышками съ боку—эти граничары народъ покойный, мирный, къ дѣлу своему особенно не ретивый, да и стоятъ здѣсь больше для формы, потому что

въ настоящее время, когда... почти никакихъ дѣлъ, гдѣ бы нужно было посредничество таможни—не дѣлается.

Дунай, хотя и не замерзъ, но затихъ, опустѣлъ, и всѣ пароходы разныхъ европейскихъ фирмъ и компаній поднялись вверхъ, къ австрійскимъ берегамъ, гдѣ и зимуютъ, благо, на всякій случай отъ грѣха подальше... Съ версту почти пришлось пройти по набережной, пока совсѣмъ не кончилась каменная облицевка берега; здѣсь мы спустились ближе, къ самой водѣ, и я увидалъ длинную вереницу маленькихъ лодокъ съ сильно загнутыми къ верху концами, съ низенькими мачтами, но за то длинными, гибкими, красиво выгнутыми реями.— Косые паруса были убраны и лодки стояли на привязяхъ, а то просто до половины вытащенныя на песокъ. На берегу толпилось довольно много народу, все больше жиды купцы и мѣстные армяне. Въ ихъ гортанно-хрипломъ, или отчаянно визгливомъ говорѣ, отчетливо, звучно такъ слышалась покойная русская рѣчь,—да какая чистая русская!—слышалась по временамъ чистокровная, наша народная, ругань... «И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ» — эти звуки показались для меня въ настоящую минуту чѣмъ-то въ родѣ «дыма отечества».

Мы протискались впередъ. Десятка два русскихъ лицъ, съ бородами и безъ бородъ, съ голубовато-сѣрыми глазами, съ курносыми или прямыми носами, съ волосами, остриженными въ скобку, однимъ словомъ, наши собственныя, такъ и бросались мнѣ въ глаза, — даже въ одеждѣ никакой сторонней, чужой примѣси, тѣ же полукафтаны со сборками, тѣ же полушубки... Они говорили по-русски между собою, заговорилъ я съ ними, примолкли разомъ, переглянулись и всѣ на меня уставились.

— Филипъ уѣхалъ?—спросилъ М.

— Нѣтъ еще—одначе собирается—джильдакъ *) ставитъ... Вонъ онъ въ лодкѣ копается... Филипъ, ей! Филипъ! Иди, тебя человѣкъ спрашиваетъ... Это кто же такой?

Вопросъ относился ко мнѣ,—на меня даже безцеремонно указали пальцемъ, хотя я стоялъ рядомъ.

— Нашъ, не служащій... — отрекомендовалъ меня мой

*) Джильдакъ по-турецки парусъ, отъ слова джиль—вѣтеръ.

спутникъ.—Вонъ онъ по ту сторону, въ Затокъ съѣздить хочетъ...

— Позвольте, я еще не рѣшилъ...—попытался было я остановить М.

— Это дѣло насъ не касается... — покачавъ головою, заявилъ одинъ изъ полушубковъ и даже въ сторону отошелъ.

— Въ Затокъ?—почесалъ затылокъ другой.—Это зачѣмъ же его несетъ!

Вотъ вопросъ, на который я бы и самъ не могъ отвѣтить...

Тѣмъ временемъ подошелъ къ намъ Филипъ. Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ съ смышленнымъ лицомъ, въ синей чуйкѣ, поверхъ красной кумачневой рубахи.

— Тебя, что ли, тамъ оставить, или назадъ привезти?—спросилъ онъ меня безъ обиняковъ, тряхнулъ головою и добавилъ: позамѣшкался бы еще, одинъ уѣхалъ бы... Садись, что-ли!..

И не помню уже хорошо самъ, какъ я очутился въ лодкѣ и почувствовалъ подъ собою ея плавное колыханіе.

— Дукатъ впередъ дай.—протянулъ мнѣ руку Филипъ,—вотъ такъ-то оно лучше... А то тамъ тебя, пожалуй...

— До свиданья!—часа черезъ два прійду сюда васъ дожидаться!..—крикнулъ мнѣ съ берега М.—Если къ завтраму не будете, дамъ знать въ консульство!..—донеслось уже чуть слышно...

Лодка сильно накренилась, длинный, косой парусъ словно птичье крыло стлался надъ водою. Мы шли ходко, задѣвая бортомъ о мелкія льдинки, несшіяся внизъ по теченію.

«А то тамъ тебя пожалуй»... «дамъ знать въ консульство». Все это не могло подѣйствовать на меня успокоительно... Я бы и отказался теперь, да ей же Богу стало какъ-то совѣстно...

«Ну, что за бѣда! Дружественная держава, разрыва еще не послѣдовало, война не объявлена, паспортъ у меня въ порядкѣ, заграничный, куда хочу имѣю право ѣхать», утѣшалъ я себя... «человѣкъ я не военный, съ войною ничего общаго не имѣю... Только позвольте»... Тутъ я вспомнилъ одно прескверное обстоятельство: въ паспортѣ сказано, т. е. написано, что я капитанъ, тамъ добавлено впрочемъ, что въ отставкѣ; на эту добавку, пожалуй вниманія не обратятъ, а слово капитанъ,—это скверное слово, непремѣнно въ глаза бросится...

Но дѣло было сдѣлано и «безъ воли Аллаха единый волосъ и проч.»... Все это теперь мнѣ кажется только смѣшно и ничего больше, теперь, когда я покойно сижу и описываю свою вчерашнюю поѣздку, а въ данную минуту мнѣ было не совсѣмъ ловко, даже жутко не много...

— Ты откуда самъ-то?—спросилъ меня Филипъ; я отвѣчалъ.

— Такъ,—согласился онъ.—Ваши скоро прійдутъ сюда?..—опять тотъ же надоѣвшій до-нельзя вопросъ. Мнѣ пришла охота отвѣтить утвердительно.

— Уже вышли,—сообщилъ я ему:—скоро, должно быть, будутъ...

— Такъ...—Филипъ задумался.—Ну, а съ нами, что вы думаете дѣлать? это тогда, когда, на нашу сторону перейдете?

— Да, ничего... Что же съ вами дѣлать? Объ васъ-то, я думаю, и забыли совсѣмъ; зла за вами не помнятъ, да и не было зла никакого—живете вы тихо, смирно...

— Было дѣло... Нѣтъ, я къ тому: отпустите, вы нашего архіерея?

— Какого архіерея?

— А владыку Аркадія... Ваше начальство у насъ тогда трехъ архіереевъ забрало. Двое-то померли, а Аркадій, святой отецъ, живъ еще... Слышно гдѣ-то подъ Тверью, въ монастырѣ Спасо-Ефимовскомъ, въ заточеніи томится...

Признаюсь, я въ первый разъ слышалъ объ этомъ Аркадіи и предпочелъ отвѣчать уклончиво:—ничего, молъ, не знаю, это дѣло до насъ не касается...

— Знаю,—кивнулъ головою некрасовецъ.—Вѣдь у насъ и въ Твери, и въ Москвѣ, въ самомъ Питерѣ тоже есть головы, заступники, да толку никакого отъ нихъ нѣтъ, а ты мірской человѣкъ, гдѣ же тебѣ знать... Брось!—сурово заявилъ онъ, замѣтивъ, что я вынулъ сигару и принялся было ее закуривать.

— Намъ это не возбраняется,—черкнулъ я спичкою.

— Знаю... На берегъ выйдешь, коптись сколько хочешь, погань душу, а на лодкѣ не смѣй!

Дѣлать нечего, положилъ опять въ карманъ сигару... Вѣтеръ былъ не совсѣмъ попутный и намъ много пришлось лавировать и подниматься кверху, а уже оттуда спуститься съ теченіемъ къ Затоку. На лѣвомъ берегу, уступами раскинулась вся красивая панорама Галаца.—Правый, низовой бе-

регъ, почти въ уровень съ водою, тянулся влѣво, за нимъ далеко, далеко виднѣлся горный кряжъ, отроги Балкановъ; у самой воды, чуть-чуть виднѣлись низенькія крыши Затока.

— Не выберемся скоро... Съ часокъ пробьемся,—сообщилъ мнѣ Филипъ.

Солнце было близко къ заходу и на рѣкѣ стало холодно... Вѣтеръ дулъ порывами... Сальныя пятна (пленки тонкаго льда) поминутно шуршали о бока лодки.

Некрасовцамъ живется здѣсь въ гирлахъ не дурно. Прежде, до того времени, какъ они выражаются, *пока не заступила Молдава*, они группировались больше у Измаила въ томъ треугольникѣ, образуемомъ изворотомъ Дуная. Тамъ и теперь еще сохранились названія двухъ прежнихъ ихъ поселковъ: Некрасовка и Тузково. Теперь все это перебралось на правый, турецкій берегъ, къ Тульчѣ. На высотѣ Измаила уже начинается развѣтвленіе рукавовъ Дуная, образующее дельту, низменную, золотистую, заросшую густыми, непроходимыми чащами камышей, оберегаемую невылазными топями и трясинами. Здѣсь больше и расположились наши старовѣры эмигранты, занимаются, главнымъ образомъ, ловлею рыбы и сбываютъ ее въ Галацъ и Браиловъ, а то такъ и выше поднимаются, до Силистріи и Журжи, особенно въ глухое время на Дунаѣ, вотъ въ родѣ того, какъ нынѣшнее. Турецкія власти почти и не заглядываютъ въ эти мѣста, да оно для нихъ и небезопасно... Даже въ послѣднія событія чуть не всеобщаго террора Турціи некрасовцевъ не трогали и никакихъ наборовъ тамъ не дѣлали. Къ болгарамъ они относятся не совсѣмъ-то сочувственно, хотя и имѣютъ съ нѣкоторыми изъ нихъ постоянныя дружескія сношенія... Послѣднее время они начали было слегка пошевеливаться,—это осенью было, тогда у насъ, вы помните? Вообразили и даже писали о томъ, что безпокойство вызвано было поруганіемъ креста и имѣло религіозный характеръ —но въ дѣйствительности это броженіе было по поводу арестованія шестерыхъ некрасовцевъ, пойманныхъ въ перевозкѣ болгаръ на румынскій берегъ и доставкѣ имъ военной контрабанды... Теперь они если и испытываютъ что-то въ родѣ тревоги, такъ это въ ожиданіи перехода русской арміи—что-то съ ними тогда будетъ? и по поводу неуспѣшныхъ ходатайствъ о возвращеніи имъ ихъ владыки Аркадія,—безъ котораго у нихъ,

по ихъ же выраженію, «все равно, что въ дому безъ иконы». Оружія они не держатъ сами никакого, не потому только, что это строго запрещено турецкими властями, этого бы они не испугались, а просто потому, что оно имъ вовсе не нужно; вѣдь они рыболовы и только, а пиратствомъ, какъ говорили о нихъ, не занимаются вовсе. Вотъ насчетъ контрабанды оружія не требуется, не противъ кого употреблять его:—румынскіе таможенные,—тѣ прячутся отъ контрабандистовъ и вообще тщательно избѣгаютъ съ ними встрѣчъ, а турецкая стража легко довольствуется малою мздою,—подать, которую контрабандисты выплачиваютъ весьма охотно... Живутъ некрасовцы, особенно липованы — хорошо, съ достаткомъ, всегда сыты, одѣты исправно, снасть въ порядкѣ, особенно не роскошествуютъ, хотя денегъ много копятъ... Много, впрочемъ этихъ общинныхъ денегъ и потрачено, за послѣднія пять лѣтъ особенно, все на неудачныя попытки и ходатайство по освобожденію все того же владыки Аркадія.

Мы повернули... Парусъ перенесенъ былъ справа налѣво, лодка чуть не черпнула бортами, мѣняя галсъ—и понеслась вдвое скорѣе, чѣмъ мы шли передъ этимъ манеромъ... Правый берегъ съ селеніемъ Затокъ быстро приближался, словно не мы, а онъ шелъ намъ на встрѣчу... Я сталъ присматриваться къ берегу.

Нѣсколько мазанокъ группировалось безпорядочной кучкой по глинистому обрыву невысокаго берега, нѣсколько наотлетѣ отъ прочихъ стояла кафана, зданіе, господствующее надъ всѣми остальными, поодаль, на томъ же концѣ селенія, виднѣлось еще что-то порядочное съ черепичною крышею и высокими трубами. Между мазанокъ тянулась уличка, грязная, топкая, кое-гдѣ черезъ лужи перекинуты были бревна для прохода или просто выстланное соломою дорожки, все это было бѣдно, грязно, имѣло какой-то унылый оцыпанный видъ... У самой воды тоже землянка, около два столба, между столбами жердь—это таможенный шлагбаумъ; тутъ же торчалъ шестъ и на немъ трепался красный, оборванный по краямъ, флагъ съ бѣлою луною и звѣздочкою; у одного изъ столбиковъ стояло ружье со штыкомъ, на порогѣ мазанки сидѣлъ солдатъ въ фескѣ, фуфайкѣ, въ короткихъ штанахъ, ноги въ опанкахъ. Солдатъ этотъ занятъ былъ дѣломъ, клалъ заплату на свой мундиръ, значитъ, стоя на часахъ время не тратилъ... Завидя

насъ, выходившихъ изъ лодки, онъ обернулся къ двери и что-то крикнулъ; оттуда черезъ минуту показалась еще фигура въ солдатской шинели въ накидку, съ такимъ угольно-смуглымъ лицомъ, что мнѣ сначала показалось, что это негръ, или что нибудь въ этомъ родѣ... Этотъ смуглый замахалъ намъ руками, крикнулъ что-то, вѣроятно приказаніе остановиться на мѣстѣ, потому что Филипъ дернулъ меня за рукавъ и сказалъ:—Погоди,—а самъ пошелъ впередъ къ шлагбауму. Тѣмъ временемъ еще показались изъ землянки двѣ головы въ фескахъ, но не выходили сами, а только ограничились ролью наблюдателей. Поговорилъ Филипъ, вернулся.

— Пойдемъ въ корчму,—говоритъ мнѣ,—я ундеру сказалъ, что ты купецъ изъ Галаца, стерлядокъ у меня сторговать хочешь... У меня здѣсь еще паша лодка-садочекъ есть... Такъ вотъ ты самъ выбрать хотѣлъ и сюда пріѣхалъ. Ты это что? Спрячь, не надо!

Онъ замѣтилъ, что я, на всякій случай, вынулъ изъ кармана свой паспортъ...—Не надо,—говоритъ...—Оно хотя для всякаго человѣка, хотя бы на минуту съ той стороны пріѣхалъ, записка требуется, однако, коли спросятъ, такъ ты два *лева* приготовь и сунь въ руку. Это лучше, безпокоить послѣ не станутъ. Это они лучше любятъ, чѣмъ кто съ паспортомъ, либо съ запискою суется, къ тѣмъ придираются.

Совѣтъ разумный... Такъ я и сдѣлалъ, сунулъ въ руку *ундеру* два лева и пошли мы съ Филипомъ прямо къ кафанѣ.

— Ты по сторонамъ много здѣсь не поглядывай, въ книжку ничего не пиши. Я вѣдь знаю, зачѣмъ тебя сюда принесло... Будешь что мудрить, ей Богу, здѣсь брошу и назадъ не повезу. Ну, сиди здѣсь жди; черезъ часъ назадъ буду.

Кафана состояла изъ одной довольно большой комнаты, кое-какъ оштукатуренной глиною, побѣленною известью, потолокъ и стѣны были сильно закопчены отъ печного дыма, сама печь находилась у противоположной стѣны, напротивъ двери; подъ высокимъ и широкимъ каткимъ жерломъ, гдѣ стоймя тлѣло нѣсколько суковатыхъ полѣньевъ, устроено было что-то въ родѣ плиты, или желѣзной рѣшетки, на этой рѣшеткѣ жарился кусокъ мяса, положенный прямо на раскаленное желѣзо, отъ чего густой смрадъ валилъ изъ печки, распространяясь по всей комнатѣ; тутъ же кипѣлъ большой кофейникъ, а около

на приступкахъ печки стоялъ ящикъ съ двойнымъ помѣщеніемъ для сахарнаго песку и колотаго кофе. Вдоль оконъ стоялъ длинный, покоробившійся столъ и такія же скамьи, въ углу еще столикъ, поменьше и около два-три трехногихъ стула съ треугольнымъ сидѣньемъ и палкою вмѣсто спинки... Хозяинъ кафаны, не то грекъ, не то албанецъ, не то армянинъ, не то Богъ знаетъ что, только не турокъ, поздоровался со мною, не знаю почему, по-русски, хотя и прескверно—произнеся: «здрастуй, господинъ, садысь—тамо, пожалиста,» и указалъ мнѣ на отдѣльный столикъ; я принялъ его любезное приглашеніе, сѣлъ и спросилъ кофе.

За общимъ столомъ сидѣло еще два человѣка: одинъ въ родѣ хозяина кафаны, тоже неопредѣленной національности, а другой болгаринъ по типу, но должно быть изъ помаковъ, заѣзжій, потурченный болгаринъ, потому что держалъ себя развязно, смотрѣлъ смѣло и одѣтъ былъ порядочно, въ кожаныхъ сапогахъ, въ ватномъ халатѣ, а сверху баранья крытая сукномъ шуба, значитъ не изъ загнанной райи... Оба они часто на меня посматривали и говорили по-турецки, видимо говорили обо мнѣ. Наконецъ одинъ изъ нихъ, неопредѣленной національности, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, и опять на ломанномъ русскомъ языкѣ:

— Ты не въ Мачинъ ѣдешь?

— А что?—отвѣтилъ я тоже вопросомъ.

— Да то, что я бы, пожалуй, свезъ. У меня тутъ добрая пара, вотъ съ нимъ вмѣстѣ и поѣдете...—Онъ указалъ на своего собесѣдника.

У меня мелькнула въ головѣ такая идея: отъ Мачина можно проѣхать до Браилова, тамъ недалеко, то-есть не до самаго Браилова, а до берега, гдѣ переправа. Все это маленькое путешествіе можетъ быть не безъинтереснымъ, займетъ оно не болѣе сутокъ, а мнѣ все равно изъ Галаца путь предстоитъ на Браиловъ... Я уже разлакомился легкостью первой попытки и собирался на вторую.

— А сколько возьмешь?

— Ты посмотри прежде повозку и коней!—добрые кони!.. Теперь хоть и тяжелая дорога, а поѣду хорошо...

Онъ заставилъ меня выйдти изъ кафаны, обогнулъ за уголъ, гдѣ я увидѣлъ тощую пару, привязанную къ повозкѣ...

— Добрые кони!—повторилъ онъ еще разъ, отодравъ отъ хвоста одного изъ нихъ комъ грязи...

— Два дуката дашь?

— Нѣтъ, не дамъ! Дорого. Тутъ прямою дорогою пять часовъ ѣзды, а ты хочешь два дуката!..

— Пять часовъ?—посмотрѣлъ на меня возница.—Ну, нѣтъ, много больше... Ну, давай дукатъ съ половиною...

Дѣло было не въ полдукатѣ, а потому я сказалъ:

— Хорошо... Когда же ты ѣдешь?

— А вотъ часа черезъ два поѣдемъ. Темно станетъ и поѣдемъ. Тогда будетъ лучше. Давай задатокъ!

Я далъ ему немного серебряной мелочи и вернулся къ кафану. Болгарина уже тамъ не было; нанятый мною возница тоже остался на дворѣ. Скоро пришелъ и Филипъ; спрашиваетъ:—готовъ-ли я?—что онъ уже самъ все справилъ и въ Галацъ собирается. Я ему изложилъ свои новыя намѣренія и предположенія...

— Твое дѣло, какъ знаешь... Мнѣ что же, поѣзжай съ Господомъ!.. Только какъ бы чего худого не было.

— А что?

— Да ничего, всяко бываетъ.

Вернулся и возница мой и молча положилъ передо мною деньги, тѣ самыя, что я ему далъ. Молча повернулся и собрался было уходить. Въ дверяхъ показался солдатъ, за нимъ еще... Моя рука невольно потянулась въ карманъ за револьверомъ... Филипъ отошелъ въ сторону и усердно началъ копаться въ печкѣ.

Я не могъ понять, что такое случилось, но чувствовалъ, что кажется дѣло идетъ не ладно...

— Ну, Филипъ, намъ пора, ѣдемъ назадъ,— произнесъ я, собравъ все свое хладнокровіе.

— Пустятъ-ли теперь,—не оборачиваясь, глухо, прямо въ печку отвѣчалъ Филипъ.

— Пустятъ... ѣдемъ!

Я рѣшительно поднялся и не торопясь пошелъ къ двери. Солдатъ посторонился и далъ дорогу. Филипъ вышелъ за мною,— но тутъ меня остановили. Я почувствовалъ, какъ сзади наложили мнѣ руку на плечо, и основательно наложили... Обернулся. Тотъ же ундеръ; что-то говоритъ...

— А, говоритъ онъ,—перевелъ мнѣ Филипъ:—давай еще десять левовъ, тогда пустятъ назадъ, а то задержатъ.

— А, скажи ему, что дамъ. Только тогда дамъ, когда въ лодкѣ буду, а здѣсь не дамъ,—отвѣчалъ я, сообразивъ теперь, отчего вышла вся исторія и какъ ее распутать.

«Ундеръ» оказался сговорчивымъ. Мы безпрепятственно, хотя и подъ конвоемъ, дошли до берега и я шагнулъ въ лодку, Филипъ тоже... Два солдата ухватились за веревку и держали лодку. Я бросилъ деньги на песокъ, они выпустили веревку и мы оттолкнулись отъ берега баграми; одинъ изъ солдатъ даже помогъ намъ прикладомъ своего ружья.

Мы скоро выбрались на середину рѣки и, признаюсь, я вздохнулъ какъ будто свободнѣе. Лодка причалила къ Галатской пристани, когда уже совсѣмъ стало темно, на берегу встрѣтилъ меня М., и заявлять консулу не было никакой надобности.

VIII.

Между Галацемъ и Брайловымъ, кромѣ ежедневнаго поѣзда желѣзной дороги, ходитъ еще, также ежедневно, небольшой буксирный пароходъ, очень грязный, не приспособленный вовсе къ перевозкѣ пассажировъ, но тѣмъ не менѣе въ настоящее время занимающійся именно этимъ, не своимъ, дѣломъ. И зато спасибо, потому что поѣздъ единственный и идетъ въ самое неудобное время, между 1 и 3 часами ночи, а пассажирскіе, эти щеголеватые пароходы, непрерывно почти снующіе по Дунаю лѣтомъ, всѣ ушли, какъ я говорилъ, вверхъ, къ берегамъ Австріи, въ воды покойныя, политикою не взбаломученныя, — значитъ: не предложи грязненькій буксирный пароходикъ своихъ услугъ—было бы плохо.

Въ половинѣ второго по-полудни я пришелъ на пристань, а въ 2 ровно пароходъ далъ свой пустой, надтреснутый такой жалостливый свистокъ, и мы тронулись.

На палубѣ насъ было человѣкъ сорокъ пассажировъ, а скамеекъ едва хватило на половину этого количества, остальнымъ пришлось стоять, ну да полтора часа время небольшое и съ этимъ неудобствомъ мириться легко. Пароходъ довольно сильный, выгребаетъ отлично противъ теченія, усердно ломая

своими колесами плывущія по Дунаю льдины, мы подвигаемся впередъ ходко... Справа крутые, обрывистые берега Румыніи, слѣва низменный, унылый берегъ Турціи, тамъ дальше что-то въ родѣ горъ, но уже очень далеко... Вонъ Затокъ, хорошо мнѣ памятный, вонъ еще какое-то крохотное селеньице, а затѣмъ уже все пусто, ровно, тихо... Ни живой души, ни признака хотя какого-нибудь движенія. Пароходъ виляетъ, то идетъ почти подъ кручею румынскаго берега, то держится вдоль праваго турецкаго, нагоняя волну на его подмытую оледенѣлую окраину.

Вонъ что-то торчитъ на томъ ровномъ берегу, строеніе какое-то... Подходимъ ближе,—турецкій береговой блокгаузъ, крохотная мазанка, квадратная, стоитъ, на высокихъ сваяхъ, иначе бы ее затопило во время половодья, крыша соломенная, вся въ дырьяхъ, желѣзная труба торчитъ изогнутымъ колѣномъ, окна безъ рамъ, безъ стеколъ, сквозятъ квадратными просвѣтами. Пусто въ немъ, ни души, да и давно, кажется пусто, не только что оставлено жильцами, и близко-то, около, никакихъ слѣдовъ нѣтъ... Вонъ еще за версту дальше торчитъ такой-же блокгаузъ, а тамъ и еще чернѣетъ третій, и такъ вдоль всего берега, и въ каждомъ одинаково пусто... Странно. Въ настоящее время когда... То-то и есть, что прежде въ каждомъ такомъ домикѣ жило по два солдата береговой стражи, одинъ пѣшій, а одинъ конный, но это было въ покойное время, а и въ настоящее время, когда... Все это ушло, попряталось по той причинѣ, что небезопасно. Да и въ самомъ дѣлѣ: ну какъ оставлять тутъ эту малочисленную, попарно разбросанную вдоль берега стражу, не ровенъ часъ, кто съ румынскаго берега, положимъ не сами румыны, а такъ кто-нибудь изъ подосланныхъ москвитами, да темною ночью переправится на ту сторону и порѣжетъ всю эту стражу... Изъ опасенія такого печальнаго событія часовые и сняты... Это интересно, но интереснѣе еще то, что по румынскому берегу тоже стоятъ цѣпью домики, въ родѣ вышеописанныхъ и тоже всѣ пусты и покинуты, хотя въ покойныя времена въ нихъ жили граничары (не смѣшивайте пожалуйста здѣшнихъ румынскихъ граничаровъ австрійской Военной Границы, сравнивать тѣхъ и другихъ невозможно, это все равно, что сравнивать орловъ съ куропатками), и эти румынскіе стражи тоже

ушли съ своихъ постовъ, по такой же основательной причинѣ, какъ и турки... Оба борега стали пусты и оставлены безъ всякаго наблюденія, что хочешь, то и дѣлай... Обѣ стороны сильно боятся другъ друга и нельзя опредѣлить, которая изъ нихъ боится больше, кажется, что одинаково... И теперь, сотни двѣ-три русскихъ казаковъ могли бы совершенно безнаказанно переплыть Дунай, на всемъ этомъ пространствѣ, оперировать какъ угодно въ районѣ между Тульчею и Мачиналъ и по добру по здорову вернуться благополучно. Тоже самое могла бы продѣлать и любая конная партія черкесовъ и баши-бузуковъ на румынскомъ берегу, гдѣ бы они, конечно, нашли гораздо больше интереснаго, чѣмъ наши предполагаемые казаки въ Турціи.

И куда подѣвалась эта многочисленная турецкая армія, якобы собранная на Дунаѣ? Во всемъ Дунайскомъ вилайетѣ, то-есть, начиная отъ Рущука до самой почти Сулины, включая сюда гарнизоны Силистріи, Варны и другихъ, лежащихъ въ этой мѣстности крѣпостей, едва ли наберется до шестидесяти тысячъ, если еще эта цифра не преувеличена, а на сколько турки преувеличиваютъ въ своихъ даже оффиціальныхъ отчетахъ численность арміи, это видно даже изъ такихъ, напримѣръ: въ Тульчѣ считается полтора табора, т.-е. около полуторы тысячи человѣкъ, положительно же извѣстно, что тамъ едва ли четыреста, въ Мачинѣ считается до двухъ тысячъ, но какъ же эти двѣ тысячи довольствуются въ день всего тремя стами порцій хлѣба и помѣщаются въ одной половинѣ мачинской казармы, другая половина которой стоитъ даже раскрытая и безъ оконъ... Кавалеріи здѣсь нѣтъ вовсе, по той причинѣ, что ея содержать даже нечѣмъ, весь фуражъ давно пріѣденъ, а купить негдѣ: съ румынскаго берега продавать запрещено. Что же касается до иррегулярной сволочи, т.-е. черкесовъ и баши-бузуковъ, то ихъ съ августа мѣсяца и въ поминѣ нѣту въ этой сторонѣ, грабить и воровать уже больше нечего; да еслибы и были эти шакалы, то навѣрное бы рыскали вѣчно вдоль берега, а ихъ вотъ уже пятый мѣсяцъ, никто здѣсь не видѣлъ. Турецкія войска не получаютъ собственно отъ казны никакого довольствія, жалованья они уже около года и не видали, интендантства у нихъ здѣсь нѣтъ, это, впрочемъ, и слава Аллаху, а довольствуются они отъ

жителей, т.-е. кормятся, вопросъ: чѣмъ? такъ какъ несчастные, ощипанные придунайскіе болгаре сами голодаютъ и положительно нищенствуютъ. Не прирѣзана и не съѣдена только возовая скотина, и то потому, что ее берегутъ для военной транспортировки, и въ пищу идутъ только тѣ волы, что падаютъ отъ изнеможенія и безкормицы. Голодный тифъ и между народомъ, и въ войскахъ Дунайскаго вилайета еще пока не великъ, т.-е. не силенъ, но онъ уже существуетъ и съ каждымъ днемъ усиливается. Побѣги изъ турецкихъ рядовъ части и многочисленны, духъ падаетъ, вспышки фанатизма понемногу слабѣютъ, протянется еще мѣсяцъ, много два, и не знаю, съ чѣмъ будутъ встрѣчать турки нашу армію, если таковая двинется когда-нибудь къ берегамъ Дуная? То, что я говорю, касается мѣстности нижняго теченія рѣки, это вѣрно и тутъ нѣтъ ни преувеличеній, ни искаженій фактовъ; что касается средняго теченія Дуная и другихъ мѣстностей, не знаю, но не думаю, нѣтъ причинъ по крайней мѣрѣ предполагать, чтобы тамъ было иначе, т.-е. лучше. Хуже быть почти не можетъ. И странно та же нѣмецкая пресса, толкующая о слабости, малочисленности, плохомъ вооруженіи, болѣзненности и даже деморализаціи нашей арміи, разсыпается въ похвалахъ турецкой, превознося ея доблести, боевую готовность и хозяйственное благоустройство. Нѣмцы, наши псевдо-пріятели, а вѣдь они, кажется, большіе шарлатаны, чтобы не сказать просто на просто мошен....ки! изъ уваженія къ печатной бумагѣ и чистотѣ прессы воздерживаюсь отъ рѣзкихъ выраженій! Разскажу вамъ одинъ весьма недавній эпизодъ изъ современнаго быта турецкихъ войскъ въ Дунайскомъ вилайетѣ: на сѣверъ отъ Бабадага, небольшого городка, слегка даже укрѣпленнаго, лежащаго ближе къ Черному морю, т.-е. къ его береговымъ заточнымъ, соленымъ озерамъ, есть селеніе Конгачъ, въ этомъ селеніи расположена рота низама, человѣкъ восемьдесятъ не больше... Наступило такое время, что все уже было пріѣдено, посылали въ Бабадагъ, говорятъ и тамъ ничего нѣтъ, послали въ Исаччу, оттуда пишутъ, что для своихъ даже мало. Что дѣлать?.. Люди уже вторые сутки ничего во рту не имѣли. Рѣшились больше по начальству не посылать, а итти самимъ на рекви... Выступила рота сама по себѣ боевымъ походомъ и выступила по направленію въ Мачину, т.-е. на западъ. За-

шли въ одно селеніе, живетъ тамъ еще только три семьи, нашли въ одной мазанкѣ мамалыгу, накинулись, съѣли, человѣка четыре утолили немного голодъ, а прочимъ ничего не досталось; пошли дальше... Еще селеніе видать, зашли и туда тамъ уже совсѣмъ пусто, хоть шаромъ покати: видятъ стороною болгаринъ ѣдетъ, чуть-чуть подвигается на парѣ тощихъ воловъ и камышъ везетъ. Поймали его: «Давай воловъ!» Берите,—говоритъ болгаринъ спокойно,—волы не мои уже. «А чьи?» А не видите чьи, султанскіе! Видятъ турки, что дѣйствительно султанскіе, т.-е. такіе, что вошли въ опись на казенныя надобности и во весь бокъ у нихъ надлежащее тавро выпалено, рога лѣвые отпилены и на нихъ тоже печати; значитъ не смѣй трогать... Пришлось оставить болгарина въ покоѣ. Дня два бродила такимъ образомъ несчастная рота; нашли разъ рыбы соленой боченокъ, сварили шурпу, похлебку, съѣли... Наконецъ приходятъ къ Черню, это уже немного южнѣе Мачина, смотрятъ, тамъ уже маритъ тоже рота, только изъ другого отряда... Вы куда? А мы къ Бабадагу—хлѣбъ искать. «А вы?» А мы къ Мачину за такимъ же дѣломъ. Ну, такъ не ходите, тамъ все уже прикончено, не найдете ничего... Не ходите же и вы, потому и у насъ все чисто, ворочайте назадъ!.. Постояли роты, подумали, подумали: какъ же имъ быть теперь? А вѣдь голодъ не свой братъ, долго ждать да думать не дозволяетъ... И придумали пѣхотинцы отощалые такую штуку: всѣмъ кучею идти не приходится, толку не будетъ, а попробовать по одиночкѣ, у кого куда глаза глядятъ, можетъ быть лучше будетъ... Взяли, да и разбрелись. Такъ двѣ роты разомъ и дезертировали.

Это похоже немного на анекдотъ, но анекдотъ по теперешнимъ временамъ весьма правдоподобный. Я слышалъ этотъ разсказъ четыре раза въ разныхъ мѣстахъ и отъ разныхъ лицъ, и разсказъ повторялся приблизительно одинаково, съ неточностями и противорѣчіями самыми незначительными. Кое-кому изъ болгаръ удалось попрятать, зарывъ въ землю, въ укромныхъ мѣстахъ, небольшіе запасы кукурузы, запасы едва достаточные для того, чтобы не умереть имъ самимъ съ голоду... Турки это пронюхали, и теперь оффиціально назначены и командированы легкіе отряды, по три и четыре человѣка, съ спеціальною цѣлью розыскивать эти потаенные клады...

Говорятъ даже, что розыски эти увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ: въ одной деревнюшкѣ нашли дѣйствительно двадцать два ока кукурузнаго зерна. Шутка ли, двадцать два ока? Вѣдь это почти шестьдесятъ четыре фунта! Ну, теперь продовольствіе турецкой арміи, благодаря этой находкѣ, обезпечено надолго.

На пароходѣ откуда-то изъ темнаго люка, появился жидъ съ лоткомъ въ рукахъ, а на локтѣ разная дрянь въ видѣ дешевой галантереи: цѣпочки, шнурочки, ключики для часовъ, карандаши, конверты и всякая мелочь; на спинѣ у жида виситъ аспидная доска и грифель. Онъ предлагаетъ пассажирамъ писать на этой доскѣ какую-нибудь цифру, а самъ угадываетъ, четная она или нѣтъ. Если угадаетъ, вы ему должны дать франкъ; нѣтъ,—онъ вамъ какую-нибудь вещицу съ лотка, по желанію. Пассажиры съ видимымъ удовольствіемъ начинаютъ забавляться... Жидъ собираетъ франки, чаще угадываетъ и очень доволенъ... Вообще страсть ко всякому виду игры у румынъ развита до крайности, до какого-то болѣзненнаго состоянія. Въ ресторанахъ, у себя дома, въ вагонахъ, на пароходахъ, даже часто просто въ коляскахъ румыны не пропускаютъ случая поиграть. У нихъ даже все приспособлено для игры во время какого-нибудь движенія: карманныя лото, домино, пробочныя шахматныя доски съ фигурами на шпилькахъ, а чаще всего упрощенный четъ или нечетъ... Вотъ и въ данную минуту, ужъ на что проста и не хитра выдумка жида съ лоткомъ, ни одна вещица его, взятая отдѣльно, не стоитъ и полуфранка значитъ жидъ во всякомъ случаѣ въ выигрышѣ, а посмотрите, какъ всѣ столпились вокругъ него, какъ энергично играютъ и чертятъ грифелемъ на жидовской спинѣ, очереди просто добиться не могутъ; одна хорошенькая брюнетка, одѣтая по «Journal Amusant» т.-е. на головѣ цѣлый стогъ, спереди обтянуто, сзади взбито и приподнято, такъ та, какъ взяла грифель въ пальчики, такъ и не выпускаетъ; сердится, когда ее просятъ уступить свое мѣсто. Терпѣливо стоитъ жидъ, согнувшись и опершись руками на свои колѣна, а та все пишетъ, пишетъ, пишетъ...

Впереди синѣютъ браиловскія кручи; подъ берегомъ множество мачтъ щетиною лѣпятся у обрыва, рисуясь на его желтомъ, песчаномъ фонѣ путаницею своихъ снастей, крашен-

ныхъ рей, фестонами полуубранныхъ парусовъ: нѣсколько турецкихъ гальотовъ стоятъ на якоряхъ, почти на срединѣ рѣки, одинъ рѣжетъ прямо на насъ, подъ всѣми шестью парусами...

Противъ Браилова по берегу тянется турецкій поселокъ, немного лучше Затока; опять эта красная тряпка съ бѣлою луною и звѣздочкою, только тутъ уже вовсе нѣтъ солдатъ, ни одного штыка нигдѣ не торчитъ, зато на пескѣ плотно врѣзавшись въ него своимъ мѣднымъ туловищемъ, лежитъ старое-престарое орудіе, тонкое, длинное, съ горластымъ жерломъ въ видѣ головы какого-то чудища; бренные остатки прежняго мусульманскаго величія. Пушка эта продана сюда на румынскій берегъ для какого-то мѣдно-литейнаго завода, заготовляющаго рожки для вновь вводимаго въ Румыніи газоваго освѣщенія... Вѣдь здѣсь пока еще только незначительная часть самаго Бухареста освѣщена газомъ, а прочіе города, какъ я уже писалъ, довольствуются скромнымъ керосиновымъ освѣщеніемъ.

Со стороны Дуная, Браилова, собственно не видать; городъ скрытъ отъ глазъ путешественника высокимъ и совершенно отвѣснымъ берегомъ... Длинный подъемъ, большимъ объѣздомъ, тянется отъ пароходной пристани къ городу... Коляска ѣдетъ медленнымъ шагомъ, съ трудомъ взбираясь по довольно сносно шоссесированной дорогѣ. Начинаются городскія улицы, сперва грязненькія, плохо отстроенныя, но чѣмъ дольше, тѣмъ лучше, и наконецъ, когда вы въѣзжаете въ центральную часть города съ прекрасною большою квадратною площадью, обнесенною бульварами, вы убѣждаетесь, что маленькій Браиловъ, не разъ обогренной нашею русскою кровью, видавшій подъ стѣнами своими и Суворова, и Румянцева, и забалканскаго героя, представлявшійся воображенію чѣмъ-то въ родѣ грозной цитадели, на самомъ дѣлѣ очень мирный и красивый городокъ, имѣющій въ настоящее время почти все для удовлетворенія мирныхъ стремленій и почти ничего для вызова впечатлѣній воинственнаго характера.

Въ Браиловѣ, впрочемъ, настоящая вооруженность Румыніи становится нѣсколько замѣтнѣе. Вѣроятно здѣсь, что-нибудь стоитъ, потому что шитыя золотыми шнурочками донышки военныхъ кепи попадаются чаще. Гдѣ-то погромыхи-

ваетъ барабанчикъ, гдѣ-то въ трубочку поигрываютъ. Человѣкъ двадцать помпьеровъ, въ сѣрыхъ курткахъ, въ мѣдныхъ шлемахъ, выстроены въ два ряда на площади и чему-то учатся съ ружьями въ рукахъ и съ саблями у лѣваго бока. И къ чему это пожарнымъ оружіе, только одному Аллаху извѣстно. Знаменіе времени, должно быть.

Подъѣзжая къ отелю «Романіе», я видѣлъ этихъ воинственныхъ помпьеровъ и слышалъ ихъ грозное «онъ-дуо-тре!» выкликаемое съ прихлопываніемъ по бедрамъ и пристукиваніемъ каблуковъ, занялъ номеръ, какъ разъ окнами на ту же площадь, переодѣлся, сѣлъ за работу и все еще вижу рядъ мѣдныхъ шлемовъ и слышу все то же: «онъ-дуо-тре!»

— И зачѣмъ это ихъ учатъ такимъ глупостямъ, пожарныхъ-то вашихъ?—спросилъ я хозяйку гостиницы.

— Зачѣмъ?!—грустно покачала она головою...—Зачѣмъ?! Всѣ, кажется, тамъ будемъ, всѣ... Тяжелыя времена переживаетъ наша Румынія... Вотъ, напримѣръ, эта комната прежде два франка ходила, а теперь съ васъ меньше пяти, ну право же, взять невозможно...

Да, времена дѣйствильно тяжелыя!

IX.

Странное впечатлѣніе производитъ на путешественника Бухарестъ, этотъ главный пунктъ административной и политической жизни Румыніи.

Впечатлѣніе это можно формулировать такъ: «городъ, совершенно лишенный національнаго характера, городъ, создавшійся по какому-то чрезвычайно общему шаблону, гдѣ все сглажено, округлено, обезличено, если хотите; потому что копировать плохо, поверхностно, не значитъ создавать свое, имѣющее сколько-нибудь личный характеръ»,

Въ Бухарестѣ много, очень даже много нѣмецкаго, еще того больше французскаго, есть и итальянское, есть и жидовское, припахиваетъ какъ будто и турецкимъ, матушкою Русью даже отдаетъ, чуть не самою Москвою.., но все это скомкано вмѣстѣ, безъ раздѣльныхъ линій, и слилось въ какую-то пеструю, безформенную массу...

Идете вы по улицѣ города, вамъ будетъ казаться, что вы

гдѣ-то въ городѣ, давно вамъ знакомомъ. Ужъ не въ Парижѣ-ли? въ плохенькихъ его частяхъ, впрочемъ,—а пожалуй, и въ Вѣнѣ?.. похоже какъ будто... да не то. Вотъ мелькнуло что-то знакомое, кажется,—островерхая прусская каска и казенная выправка. Ну, такъ и есть, вы въ Берлинѣ. А впрочемъ. «Ваше сіятельство,—не прокатить-ли?!» слышится чисто по-русски, съ высоты козелъ извозчичьяго фаэтона.

Вотъ, напримѣръ, идетъ. Нѣтъ, это англичанинъ, человѣкъ тоже должно быть заѣзжій, какъ и вы сами... вотъ французъ, еще пара французовъ, вотъ на той сторонѣ улицы полдюжины нѣмцевъ, да еще какихъ нѣмцевъ, чистокровныхъ, пивныхъ, берлинскаго образца, хотя и не въ каскахъ, а въ цилиндрахъ. Вотъ австрійскія банкиры іерусалимскаго происхожденія. Вонъ что хотите, только не румыны. А между тѣмъ, все это, что вы видѣли, вовсе ни англичане, ни французы, ни пруссаки, все это чистокровные румыни, все это филипески, іонески, барбески, булдушаны, конески... всякіе «ески» и «апы». Вы убѣждаетесь наконецъ въ этомъ, размѣниваясь при случаѣ визитными карточками.

«Calea mogosoi» это центральная, аристократическая улица, мѣсто прогулокъ между завтракомъ и обѣдомъ — бухаретскій Невскій проспектъ. На перекресткахъ, особенно противъ театра, гдѣ тротуары нѣсколько шире, — а вообще-то они очень узки и для прогулокъ неудобны,—стоитъ сплошная толпа джентльменовъ, со стеклами въ глазахъ и безъ оныхъ, даже съ биноклями. Все это любуется проѣзжающими мимо дамами. Коляска за коляскою тянутся цугомъ: тощія клячи въ шорахъ (опять-таки—или англизированныя, или объунгаренныя, т. е. подстриженныя и убранныя по унгарски (венгерски) горячатся и подпрыгиваютъ. Въ нѣдрахъ экипажей — дамы лежатъ, сидятъ, полулежатъ, полусидятъ, однимъ словомъ позируютъ... всѣ до одной въ роляхъ. Вотъ ѣдутъ кокотки парижскія, вотъ то же самое, только вѣнскаго образца, вотъ пара стройныхъ, холодно-цѣломудренныхъ миссъ... вотъ мулатка Кора съ густымъ вуалемъ, закрывающимъ ея, будто бы обезображенное выстрѣломъ лицо... вотъ московская генеральша съ двумя проживалками и четырьмя моськами. Но это все только кажется, по крайней мѣрѣ всѣмъ этимъ проѣзжающимъ дамамъ, замѣтьте :— дамамъ весьма красивыхъ формъ и типовъ очень

хочется, чтобъ такъ казалось, чтобъ ихъ принимали не за тѣхъ, кто онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Онѣ всѣ до такой степени изоврались и исковеркались, что подчасъ просто забываютъ свое румынское происхожденіе и начинаютъ *прикидываться* румынками. Это бываетъ большею частью лѣтомъ на дачахъ. Тогда онѣ надѣваютъ свой національный, роскошно-вышитый шелкомъ и золотомъ румынскій костюмъ и снимаютъ съ себя въ этомъ костюмѣ фотографическіе портреты, въ группахъ и поодиночкѣ, гдѣ онѣ фигурируютъ граціозными румынскими пейзанками. Говорятъ, что тогда, т. е. лѣтомъ, онѣ рѣшаются даже объясняться на своемъ родномъ румынскомъ языкѣ. Вѣдь вотъ отвага-то!..

Страсть казаться не тѣмъ, что они есть, страсть что-либо или кого-нибудь передразнить развита у румынскихъ баръ («бояръ») больше, чѣмъ у обезьянъ. И всякій-то изъ нихъ изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы выдумать что-нибудь новое, блеснуть, такъ сказать, оригинальностью въ выборѣ своего образца для копировки, и эта копировка идетъ, начиная съ незначущихъ мелочей, съ повязки галстуха, прически, съ манеры говорить и двигаться, — и идетъ все дальше и дальше, переходя даже предѣлы еще возможные, достигая до вопросовъ о дѣятельности уже серьезной, какъ, напримѣръ, парламентская дѣятельность, гдѣ уже ради этой обезьяньей страсти жертвуется интересами страны, интересами ея внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній.

Въ какомъ, напримѣръ, представительномъ собраніи больше всего самыхъ противоположныхъ партій, самыхъ рѣзкихъ контрастовъ, какъ не въ этомъ крохотномъ парламентѣ крохотной Румыніи; гдѣ, какъ не здѣсь, вы услышите больше всего трескучей, пустословной болтовни, ничего не имѣющей общаго съ интересами страны, болтовни совершенно *личнаго* характера? А почему? Потому что на первомъ планѣ стоитъ стремленіе что-либо изъ себя изобразить, чѣмъ-нибудь да обратить на себя вниманіе и этимъ самымъ лично выдвинуться. Особенно это замѣтно въ преніяхъ о внѣшней политикѣ. Ужъ куда только не пырляютъ тогда бѣдную Румынію! Одинъ говоритъ, что естественное ея направленіе—это полное сближеніе съ Австріей, его выслушиваютъ, даже возражаютъ, но возражаютъ для того, чтобы порекомендовать для этой же цѣли Германію, т. е. Прус-

сію.—«У насъ, молъ, и князь оттуда, и каски даже введены въ нѣкоторые рода войскъ, значитъ начало уже сдѣлано и останавливаться на полдорогѣ отнюдь не слѣдуетъ». Третій кричитъ: «Парижъ, Парижъ! это наша Мекка и Медина!» Четвертый скорбно вздыхаетъ о *черезполосности* съ Италіей и Римомъ: «мы вѣдь, молъ, сами романы, сѣмя легіоновъ Траяна».

Могла же выработаться здѣсь, въ этомъ парламентѣ, въ этой клѣткѣ съ «цѣпкохвостыми» — даже *турецкая* партія (волчья партія въ овечьемъ стадѣ). Представитель этой партіи пресловутый Іонъ Гика, онъ же и вице-президентъ сената. Партія эта прямо и открыто требуетъ солидарности съ Турціей, приглашенія ея войскъ для защиты Румыніи со стороны Прута, стремленія къ Константинополю, откуда только и можетъ быть приливъ блеска и благосостоянія для Румыніи, откуда только и можно ожидать всѣхъ благъ цивилизаціи, науки, мира и развитія...» Существуютъ даже *іонжисты*, которые нисколько не стыдятся передъ народомъ своей клички, гордятся даже ею и носятъ на своихъ умныхъ головахъ турецкія фески съ кисточками, впрочемъ подъ черными цилиндрами.

Да, бѣдная духомъ, хотя богатая тѣломъ Румынія,—далеко отскочила отъ твоего добраго народа твое пестрое, исковерканное, изобезьянившееся барство. Пора бы тебѣ одуматься и вызвать своего Пантелея дѣдушку, шепнувъ ему на ушко: «Не жалѣй, Пантелей, дли такихъ-то людей, своей палицы ты — суковатыя...»

Чтобы понять, насколько велика рознь между румынскимъ народомъ и барствомъ, разсмотримъ, напримѣръ, какъ составилось понятіе о Россіи въ томъ и другомъ элементѣ. Народъ румынскій знаетъ Россію, онъ знаетъ также, что и у насъ живется не всегда дурно, онъ любитъ Россію и отзывается о ней сочуственно; онъ не можетъ, не хочетъ видѣть въ ней ничего для себя враждебнаго, ничего вреднаго. Болѣе тѣсное сближеніе съ Россіею кажется для румына простолюдина явленіемъ въ высшей степени естественнымъ, даже, если хотите, отчасти уже совершившимся. Никакихъ нелѣпостей и страшныхъ сказокъ про Россію не существуетъ въ средѣ румынскаго народа. Румынское же барство говоритъ такъ:

«Россія — это вѣчная гроза и страхъ надъ бѣдною Румыніею, которой приходится играть роль *аванпоста Европы*.

«Россія представляется имъ въ видѣ колоссальнаго рта съ страшными рядами острыхъ зубовъ, быстро пережевывающихъ все поглощенное этимъ чудовищнымъ ртомъ. Въ Россіи нѣтъ другой политики, кромѣ политики захватовъ и насилія, самыхъ коварныхъ замысловъ, направленныхъ ко вреду цивилизаціи, къ рабству и уничтоженію».

Народъ румынскій вспоминаетъ объ занятіи Румыніи русскими не безъ удовольствія, особенно, когда ему приходится сравнивать это время со временемъ занятія той же Румыніи, то-есть тогда еще Молдаво-Валахіи, австрійскими войсками. Народъ говоритъ такъ:—«русскіе хорошо стоятъ. Солдатъ русскій стѣснять хозяина не любитъ, онъ боится быть ему въ тягость, старается занять уголокъ поменьше, въ хорошую погоду даже внѣ жилаго помѣщенія. Онъ внимателенъ, охотно помогаетъ въ чемъ-нибудь по хозяйству, самъ первый предлагаетъ свои услуги. И дѣти-то къ нему успѣютъ привязаться. Онъ умѣетъ даже войдти въ интересы той семьи, въ которую помѣщенъ, становится скоро *своимъ* человѣкомъ и умѣетъ быть болѣе полезнымъ для этой семьи и дома, чѣмъ обременительнымъ. Оставляя этотъ домъ и семью, гдѣ судьба привела прожить ему извѣстное время,—русскій солдатъ оставляетъ по себѣ добрую память и хорошее общее впечатлѣніе, передъ которымъ легко забываются и стушевываются нѣкоторыя отдѣльныя, чисто случайныя шероховатости.

«Постой австрійцевъ,—это уже совсѣмъ другое дѣло. Тамъ уже все наоборотъ. Австріецъ врывается въ домъ нахально, не какъ гость случайный, а какъ завоеватель, занимаетъ лучшіе углы, нисколько не заботясь; австріецъ малымъ довольствоваться не любитъ, дерзокъ и требователенъ и часто любитъ хвататься за оружіе, благо ему не всегда удается честно попользоваться имъ на боевомъ полѣ; онъ пальцъ о пальцъ не ударитъ для хозяина и для того дома гдѣ живетъ, и ложится на этомъ домѣ и семьѣ тяжелымъ, не скоро забываемымъ бременемъ».

Спросите же теперь румынскаго барина: какое *занятіе* онъ предпочтетъ въ данномъ случаѣ: — русское, или австрійское? «Какое хотите, только не русское, и во всякомъ случаѣ посѣднее.—*Австрійцы народъ, по крайней мѣрѣ, европейскій, цивилизованный. Вѣдь у васъ тамъ пріѣдутъ по-*

жалуй, казаки?» — спроситъ онъ непремѣнно и при этомъ сдѣлаетъ самую скверную, не то презрительную, не то дурацки-перепуганную рожу.

Еще прошлою осенью, во время моей первой поѣздки на Балканскій полуостровъ, мнѣ пришлось плыть по Дунаю, на прелестномъ пароходѣ интернаціональной компаніи «L'orient»; за общимъ столомъ приходилось сталкиваться съ румынскими аристократами изъ Бухареста. Между прочимъ я долженъ былъ отвѣчать тогда на такіе дикіе вопросы: — Что ваши казаки дисциплинированы теперь хоть немного? не сажаютъ дѣтей на пики и не бьютъ всѣхъ встрѣчныхъ нагайками?

— Какъ же,—отвѣчалъ я имъ тогда,—казаки наши дѣтей до шестнадцати-лѣтняго возраста глотаютъ цѣликомъ, а нагайками бьютъ всѣхъ безъ исключенія;—это все равно, что освѣдомиться о здоровьѣ и пожелать добраго утра.

— Ахъ! — взвизгнула одна изъ дамъ и боязливо покосилась на свою дѣвочку, одѣтую сильфидою.

— Ну, полноте, вы шутите,—усумнились было въ истинѣ моихъ сообщеній.

— Да какже, право, вы спрашиваете меня такія глупости. Неужели же я долженъ вамъ отвѣчать серьезно?

Жалкія обезьяны!

Самъ по себѣ Бухарестъ городъ весьма недурной, если хотите, то даже красивый и благоустроенный — его отели прекрасны, весьма комфортабельны, напоминаютъ лучшіе отели большихъ европейскихъ городовъ—только ужасно дороги, куда дороже вѣнскихъ, берлинскихъ и даже нашихъ петербургскихъ. Во всѣхъ чисто-румынскихъ городахъ, какъ Яссы, Галацъ, Браиловъ, Краіова и другихъ, жизнь въ отеляхъ несравненно дешевле. Тамъ, напримѣръ, вы можете имѣть очень хорошій обѣдъ за два съ половиною, много три франка, здѣсь же за простенькій завтракъ въ одно блюдо холоднаго мяса съ васъ дерутъ шесть, и когда вы наивно спросите: это почему? — вамъ отвѣчаютъ: помилуйте, да развѣ въ Петербургѣ вы можете имѣть въ хорошемъ отелѣ завтракъ за полтора рубля?

Закончу это письмо маленькимъ эпизодомъ, анекдотическаго характера, эпизодомъ, надѣлавшимъ не малаго шуму въ здѣшнихъ аристократическихъ кружкахъ. Дѣло въ томъ, что во время пребыванія здѣсь проѣздомъ Донъ Карлоса (тогда

еще думали, что поѣздка эта не лишена якобы для Румыніи политическаго значенія, — а потому тотчасъ же образовалась партія карлистовъ, заказаны были даже басскія шапочки съ ленточками сзади,—такъ вотъ во время этого пребыванія магнатъ Григорій Суцо далъ балъ-раутъ для *высокаго гостя*, балъ, отъ присутствія на которомъ большинство иностранныхъ консуловъ благоразумно воздержались, ибо причины на то были, болѣе или менѣе солидныя. Пріѣхали только французскій дипломатическій агентъ, генералъ Дебенсъ (Башмаковъ какъ его здѣсь называютъ въ русскихъ кружкахъ) и греческій консулъ Рангабе—сынъ. Карлосъ не могъ не замѣтить этого отсутствія и сдѣлалъ довольно кислую гримасу; хозяйка дома поспѣшила загладить это скверное впечатлѣніе и представила ему наличныхъ. Начала она съ греческаго—Рангабе,—обошлось благополучно, размѣнялись взаимными любезностями, поговорили о томъ о семъ, взялись за Дебенса. Только что m-me Суцо проговорила его полный титулъ и дошла уже до самой сути, до имени, какъ генералъ взялъ да и повернулся къ принцу спиною, не дожидаясь конца представленія. Протянутая рука высокаго гостя повисла на воздухѣ, пріятная улыбка превратилась въ изумленный, вопросительный знакъ. M-me Суцо, страшно смущенная, не знаетъ какъ вывернуться. Аллахъ вѣдаетъ, какъ уже эту неловкость замяли и сгладили.

Вопросъ: для чего все это было продѣлано, что означала выходка французскаго генеральнаго консула и дипломатическаго агента? Если ему не хотѣлось быть представленнымъ проѣзжему принцу, такъ не лучше ли было сдѣлать, какъ сдѣлали его остальные коллеги, не пріѣзжать вовсе на балъ, а уже если разъ пріѣхалъ, то хоть предупредить хозяйку и не ставить ее въ нелѣпое положеніе.

Что здѣсь въ Бухарестѣ дѣйствительно хорошо, такъ это извозчичьи экипажи. Это все прекрасные парные фаэтоны и коляски, ѣздятъ скоро и такса за проѣздъ недорогая.

Большинство извозчиковъ и содержателей экипажей здѣсь въ Бухарестѣ, да и въ другихъ городахъ Румынскаго княжества—русскіе. Звуки роднаго языка, хотя бы и съ высоты

козелъ, поражаютъ васъ съ перваго шага вашего, когда вы оставляете вагонъ и выходите на подъѣздъ желѣзно-дорожнаго вокзала, по здѣшнему «дворца». Это очень пріятно и выгодно для русскаго же путешественника, потому что, не зная румынскаго языка, вамъ очень трудно, хотя бы въ первую минуту, сколько нибудь оріентироваться. Русскій возница чутьемъ угадываетъ соотечественника, привѣтствуетъ его на родномъ языкѣ и сейчасъ же предлагаетъ свои услуги для первыхъ, необходимѣйшихъ указаній.

Всѣ они, т. е. здѣшніе русскіе извозчики—скопцы-эмигранты, нашедшіе себѣ здѣсь, въ Румыніи, обѣтованную землю и покойное пристанище, за которое, впрочемъ, имъ приходится платить не малыя деньги. Румыны умѣютъ таки при случаѣ попользоваться. Представьте себѣ, что за каждую лошадь въ день городскихъ повинностей платится по франку; считая, что пара вырабатываетъ въ день среднимъ числомъ шесть франковъ, русскому извозчику приходится отдавать городу треть своего валового дохода, т. е. почти половину чистаго. И все-таки, благодаря необыкновенному усердію къ дѣлу, трезвости и выдержкѣ, наши скопцы умѣли здѣсь устроиться хорошо, живутъ почти богато, а уже во всякомъ случаѣ достаточно Есть даже такіе, что ухитряются скопить себѣ изрядный капиталишко, обзаводятся домами и служатъ центрами маленькихъ общинъ, всегда открывающихъ пріютъ для новыхъ членовъ, пробирающихся сюда изъ великихъ и малыхъ уголковъ нашей родины, даже изъ ея отдаленнѣшихъ мѣстъ.

Трудолюбивые, покойные, нравомъ тихіе, уступчивые, они пользуются здѣсь общимъ уваженіемъ и довѣріемъ, хотя надъ ихъ безусыми, безбородыми, то юно-женоподобными, то какими-то старушечьими физіономіями, румыны немного и подсмѣиваются.

Русскіе скопцы расположились въ Бухарестѣ всѣ вмѣстѣ, застроили цѣлый кварталъ въ сѣверо-восточномъ предмѣстьѣ города и оттуда снабжаютъ бухаретское барство и наѣзжій людъ своими покойными фаэтонами и быстроногими лихо съѣзженными парами...

На-дняхъ, наша русская оффиціальная колонія, т. е. консульство, была приглашена старшиною здѣшнихъ скопцовъ на блины; баронъ Стюартъ, нашъ уважаемый консулъ, сообщилъ

это предложеніе и мнѣ, и въ назначенное время нашъ кортежъ изъ трехъ колясокъ покатилъ *на званные блины* въ эту *русскую слободу*.

Проѣхавъ чуть не весь бухаретскій Невскій проспектъ, мы повернули вправо и принялись колесить и путаться по извилистымъ закоулкамъ этой части города. Въ Бухарестѣ насчитываютъ съ небольшимъ двѣсти тысячъ жителей, а впечатлѣніе, которое производитъ на васъ Бухарестъ своею раскиданностью, заставляетъ васъ думать, что населеніе его хватаетъ чуть ли не до полумилліона. Городъ построенъ очень просторно и разбросался на громадномъ пространствѣ. Еще на главныхъ улицахъ, чисто торговаго характера, дома стоятъ тѣсными рядами, сплошь, плотно прижавшись другъ къ другу, въ другихъ же частяхъ нѣтъ почти дома, чтобы около и вокругъ него не былъ разбитъ садъ и даже виноградники—все это очень красиво, гигіенично, хотя и страшно растягиваетъ разстоянія отъ одного пункта до другого. Вотъ по такимъ-то улицамъ мы и колесили, мимо прелестныхъ домовъ здѣшней аристократіи, построенныхъ со вкусомъ, но съ большими претензіями на что-то... Если только владѣлецъ дома хотя чуточку титулованъ, онъ уже непремѣнно украситъ фронтоны своего жилища эмблемами и гербами, выражающими его титулъ и даже родословную во всѣхъ мельчайшихъ оттѣнкахъ. Эта уже такая слабость здѣшняго барства.

Долго мы ѣхали мимо геральдическихъ львовъ, орловъ, оленей, мимо шестовъ съ коронами на верху и флюгерами, наконецъ, характеръ улицъ сталъ замѣтно измѣняться—онѣ стали уже, еще кривѣе и извилистѣе, грязнѣе и хуже обстроенныя... Показались положительно лачуги, неразработанные пустыри и длинные, покосившіеся заборы,—это предмѣстіе. Погода была прекрасная, весеннее солнце, хотя и въ началѣ февраля, сильно пригрѣло оттаявшую на поверхности землю и въ воздухѣ чувствовались аміачныя испареніи этихъ навозныхъ кучъ, зря наваленныхъ посреди улицъ.

Мы въѣхали въ ворота довольно большого, тѣсно застроеннаго двора и остановились у крыльца чистенькаго домика съ ярко побѣленными стѣнами и высокою черепичною крышею; дальше тянулись справа и слѣва, флигеля для женской половины, навѣсы для экипажей и просторныя конюшни; посреди

двора большой колодезь съ водопойными колодами. Хозяинъ дома, онъ же и старѣйшина скопцовъ, Алексѣй Андреевъ Матушевъ, встрѣтилъ гостей на порогѣ дома, привѣтствуя насъ: «Добро пожаловать, милости просимъ!..» Это уже старикъ, лѣтъ за пятьдесятъ, если не больше, колоссальнаго роста и могучаго сложенія; съ лицомъ ожирѣлымъ, женоподобнымъ, изрытымъ припухлыми морщинами, лицомъ безъ румянца, желтовато-восковымъ, съ волосами, остриженными въ скобку... Его тяжелая еле ворочающаяся фигура съ необычайно развитыми бедрами производила, по правдѣ сказать, препепріятное внечатлѣніе,—результаты грустнаго уродства, оскорбляющаго основные законы природы. Вмѣстѣ съ хозяиномъ дома вышелъ намъ на встрѣчу и его любимецъ, еще совсѣмъ молодой парень, Михайло; этотъ уже совсѣмъ смахивалъ на молодую и весьма даже красивую бабенку; одѣньте его только въ юбку и повяжите голову платкомъ и узнать его настоящій полъ будетъ положительно невозможно. Одѣтъ старикъ былъ въ широкіе темно-синіе шаровары, въ ситцевую рубаху безукоризненной чистоты и въ клѣтчатый жилетъ, поперегъ котораго красовалась маленькая золотая цѣпь съ множествомъ брелоковъ. Насъ провели черезъ узенькій чистый коррндоръ, въ небольшую горницу, треть которой занимала, заваленная пуховиками и подушками, прикрытая роскошнымъ стеганымъ одѣяломъ постель самого хозяина. Стѣны комнаты были сплошь увѣшаны фотографическими портретами, картинами писанными масляными красками и крошечными литографіями, между которыми красовались и наши старинныя, весьма интересныя по содержанію издѣлія Суздаля и Углича. Здѣсь были и разные генералы, и царствующій домъ, и сюжеты, содержанія религіознаго; на первомъ мѣстѣ красовался портретъ извѣстнаго Селиванова. какая-то сжелтая мумія съ жатымъ идіотическимъ черепомъ и сѣдыми прядями волосъ, рядомъ съ этимъ портретомъ, безусый и безбородый портретъ Петра третьяго, а съ другой стороны фельдмаршала Суворова, портреты, непремѣнно присутствующіе на стѣнахъ дома у всякаго сколько-нибудь зажиточнаго скопца. На противоположной стѣнѣ, тоже на самомъ видномъ мѣстѣ, изображеніе *агнца*, замѣчательное произведеніе скопческой фантазіи: на темно-синемъ фонѣ ночного неба, въ воздухѣ бѣлый агнецъ мужского пола, но съ женскимъ чело-

вѣческимъ лицомъ и длинными волосами; на груди у этого агнца красное сердце и въ него воткнуто семь мечей, надъ головою тоже ореолъ изъ семи стрѣлъ, бока прободены копьемъ... Внизу толпа, задравшая кверху голову и созерцающая видѣніе; подъ нею надпись, страшно затертая съ вылинявшей позолотою, подпись, въ которой я съ большимъ трудомъ могъ разобрать только нѣсколько словъ, а именно: «чистота голубика... Госп... доблена... гряди, жданный, съ вѣрою тя пріемлемъ»... Наверху тоже надпись — и въ лучахъ, исходящихъ изъ глазъ агнца, тоже видны какія-то слова, но прочесть ихъ уже не было никакой возможности и на вопросъ мой о томъ хозяину дома, онъ отвѣчалъ чрезвычайно уклончиво, чуть даже не отозвался незнаніемъ и поспѣшилъ перевести разговоръ на посторонніе предметы...

Двѣ канарейки звонко заливались въ клѣткахъ, подвѣшенныхъ надъ обѣденнымъ столомъ, съ галереи неслись гортанные крики зеленаго попугая, на окнахъ тоже громко и весело чиликали какія-то птички, все это видимо обрадовалось теплому весеннему дню, яркимъ лучамъ солнца, врывающимся въ небольшія, чисто промытыя окошки. Въ горшкахъ пахло кипарисомъ и деревяннымъ масломъ, восковыми свѣчами и раскаленною сковородою, на которую вѣроятно въ настоящую минуту лили приготовленное для блиновъ тѣсто. Скоро послѣ пріѣзда, мы засѣли по приглашенію хозяина за столъ и началось угощеніе. О, Господи! — для субъектовъ, одаренныхъ даже самымъ могучимъ и простымъ желудкомъ подобное пиршество должно бы быть послѣднимъ, еслибъ гость такъ же добросовѣстно отнесся къ каждому блюду, какъ усердно и добросовѣстно подчивалъ хозяинъ. Сначала, послѣ обычной вышивки въ русскомъ духѣ и вкусѣ, длинная серія рыбъ во всевозможныхъ видахъ, за этою серіею, такая же безконечная серія блиновъ, затѣмъ сласти, сласти и сласти. Спасибо старшему драгоману — выручилъ и не посрамилъ земли русской. Ужъ и такъ женоподобный Матушевъ — грустно качая головою, не безъ укоризны въ голосѣ замѣчалъ: «Эхъ, ваши превосходительства и ваши высокоблагородія обнѣмечили вы, какъ я погляжу, свои животики!»

Скопцамъ здѣсь, какъ я уже говорилъ, живется недурно. Община ихъ понемногу, но все-таки растетъ и растетъ, ком-

плектуясь не мѣстными неофитами, а прибылями изъ глубины Россіи. Между здѣшними скопческими центрами, какъ Матушева, Гужиковыхъ, Завалова и общинами московскими, а также и другими русскими, поддерживаются весьма дѣятельныя сношенія, идетъ почти постоянная переписка, и обо всякой малости, что только дѣлается на Руси, особенно въ ихъ средѣ здѣшнимъ скопцамъ «*все доподлинно извѣстно, потому грамота у насъ на первомъ мѣстѣ*» какъ говорили мнѣ здѣшніе вожаки. Подобный вожакъ, какъ напримѣръ Матушевъ, составляетъ почти все для своей общины; онъ и ея *владыко* и представитель и посредникъ между ними и начальствомъ, оберегатель ихъ интересовъ, хотя и не совсѣмъ безкорыстный. Онъ и главный операторъ, учитель сему почтенному искусству, онъ и судья въ спорныхъ дѣлахъ, возникающихъ между членами «агнцевыми голубятами», однимъ словомъ—все. Преемникъ ему, на случай его смерти, хотя и долженъ быть по приговору общины, или же присланъ откуда-нибудь свыше, хотя напримѣръ, изъ старшей московской общины, но большею частью подготовляется заранѣе самимъ старшиною. Вотъ какъ напримѣръ, этотъ Махайло, бойко-грамотный, толковый парень, себѣ на умѣ, правая рука Матушева, своего пріемнаго родителя.

Румынское правительство и сами румыны относятся къ нашимъ скопцамъ крайне терпимо и снисходительно; оно видитъ въ нихъ только чрезвычайно покойныхъ, трезвыхъ и дѣятельныхъ подданныхъ, исправнѣе всѣхъ платящихъ свои повинности и, какъ я уже говорилъ, весьма крупныя повинности,— тѣмъ болѣе что здѣшніе скопцы, вопреки своему правилу — энергично пропагандировать свое ученіе и пользоваться всѣми мѣрами для увеличенія числа своихъ членовъ, здѣсь въ Румыніи отъ пропаганды положительно отказались, даже препятствуютъ добровольному вступленію, еслибы такіе охотники нашлись, а что они находятся, то это вѣрно, ибо «житье наше честное и *прибыльное* зависть въ иномъ вызываетъ; такъ вотъ корысти больше ради».

Интересно знать, какъ бы румыны отнеслись къ скопцамъ, еслибы замѣтили ихъ пропаганду въ румынскомъ народѣ? Отнеслись ли бы они такъ же терпимо, или же вынудили бы скопцовъ—искать себѣ новую землю, обѣтованную?

Передо мною лежитъ нумеръ,—отъ 9-го февраля, «Journal de Bukarest;» неизвѣстный авторъ статьи задаетъ такой вопросъ: что будетъ, когда русскіе займутъ Румынію и откроютъ наступательныя дѣйствія противъ турокъ? Неужели, говоритъ онъ, опять повторится то же, что было въ прошедшую кампанію, т. е. русскіе будутъ загребать жаръ чужими руками (это румынскими-то руками), будутъ обстрѣливать турецкіе форты изъ румынскихъ пушекъ и румынскимъ порохомъ (?) и вездѣ, и всюду выставлять въ авангардъ и во всѣ опасные пункты румынскихъ солдатъ, скрываясь сами за ихъ спинами? Вся статья наполнена такимъ же вздоромъ и не знаешь, чѣмъ объяснить себѣ эти выходки, полнымъ ли незнаніемъ и непониманіемъ дѣла, значитъ только глупостью, или же просто подлостью. Эту статью въ настоящую минуту читаютъ во всѣхъ кафе, за столиками въ хорошенькой кондитерской «Фраскати», противъ театра навѣрное сгруппировались даже кружки и статья читается кѣмъ нибудь вслухъ, трактуется, цитируется, наводитъ на мысли. Она и меня навела на мысль, — мысль о храброй румынской арміи, вѣчной безкорыстной жертвѣ коварныхъ русскихъ интригъ и проч., и проч. и проч.

Кстати: съ calea mogosoi несутся стройные звуки военнаго оркестра; теперь 12 часовъ дня и время развода съ церемоніей, ежедневнаго. Мохнатый, рослый тамбуръ-мажоръ маршируетъ впереди хора, выкидывая штуки своею булавою, за нимъ шагаютъ музыканты, дуютъ усердно въ трубы, колотятъ въ барабаны, — за ними два всадника на тощихъ разбитыхъ клячахъ лорнируютъ дамъ и знакомыхъ и любезно раскланиваются, за этими рыцарями развернутое знамя и ряды... ряды... ряды... идутъ стройно, смотрятъ молодцами, одѣты исправно и вооружены тоже недурно. Ружья «пибоди» содержатся чисто и въ порядкѣ, чего же еще больше?! У румынъ четыре батальона стрѣлковъ, въ круглыхъ, валашскихъ шляпахъ съ полями и зелеными помпонами, если не ошибаюсь восемь батальоновъ линейной пѣхоты похуже сортомъ, но все-таки сносной; о внѣшнемъ видѣ этихъ войскъ я уже говорилъ въ корреспонденціи изъ Яссъ, полкъ жандармовъ, нельзя же безъ нихъ, жандармовъ въ прусскихъ каскахъ и прусской выправки, два полка гусаръ «ратіори», въ красныхъ венгеркахъ съ чер-

ными шнурами и бѣлыхъ коланахъ, соразмѣрной съ симъ числомъ войскъ артиллерія. Кромѣ всего этого—милиція, конная «калараши» и пѣшая «даробанцы» — это пограничная стража въ бараньихъ большихъ шапкахъ съ ястребиными перышками сбоку. Все это вмѣстѣ составляетъ силу довольно порядочную, около пятнадцати тысячъ человѣкъ, весьма достаточную, чтобы на первыхъ порахъ противостоять туркамъ, еслибы они вздумали переправиться черезъ Дунай и посѣтить прибрежную полосу. А между тѣмъ—если бы вы знали какая паника распространилась на-дняхъ въ Бухарестѣ, даже въ Бухарестѣ, когда узнали, что въ Рущукъ пришло еще двѣ или три тысячи кавалеріи. А почему распространилась эта паника? Почему они, т. е. румыны, думаютъ, что горсть турокъ въ какія-нибудь пять-шесть тысячъ человѣкъ, большето имъ и выслать нечего,—это фактъ,—можетъ смѣло и безпрепятственно пройти короткій промежутокъ между Журжею и Бухарестомъ, и въ одно прекрасное утро пройтись церемоніаломъ по тому же calea mogosoi, на страхъ и ужасъ всѣмъ этимъ жалкимъ копіямъ—англійскихъ денди, нѣмецкихъ бароновъ, венгерскихъ магнатовъ и парижско-вѣнскихъ кокотокъ? Да все по той же истинѣ, что «сильнѣе кошки звѣря нѣтъ» и по неувѣренности въ своихъ войскахъ, или, правильнѣе, по полнѣйшему убѣжденію въ ихъ несостоятельности. Подумаешь, что и правда—русскіе въ прошлую компанію разстрѣляли весь румынскій порохъ и погубили всѣхъ ея солдатъ, защищаясь ими какъ «мантилетами» отъ турецкихъ пуль и ядеръ. А эти воины, что ежедневно парадируютъ теперь, подъ торжественные звуки военной музыки,—это такъ только, одинъ миѳъ, безплотные призраки тѣхъ, погубленныхъ Россіею героевъ. Постыдились бы вы, румынскіе бары, хотя бы вашего бронзоваго Михаила храбраго, что верхомъ на горячемъ конѣ потрясаетъ въ воздухѣ своею сѣкирою, передъ подъѣздомъ сената. Вѣдь это онъ теперь вамъ грозитъ, именно вамъ, а не туркамъ, вы всмотритесь только въ него: его глаза прямо устремлены на окна сената, да еще на какія окна, на тѣ самыя, противъ которыхъ засѣдаетъ туркистъ Іонъ Гика и его туркофильствующіе поклонники.

Кстати, о желѣзныхъ путяхъ соединеннаго княжества. Теперь только румыны спохватились какою бѣдою можетъ гро-

зить имъ это направленіе желѣзнодорожныхъ линій. Главныя двѣ вѣтви идутъ одна отъ Ясъ къ Галацу, другая отъ Бухареста къ тому же пункту, образуя такимъ образомъ уголъ, вершина котораго лежитъ у самаго Дуная. Переправься турки здѣсь, т. е. между Галацомъ и Браиловымъ, и всѣ желѣзныя дороги въ ихъ рукахъ, имъ предоставляется два превосходныхъ пути наступленія,—княжество разрѣзано пополамъ между Ясами и Бухарестомъ всякое сношеніе становится невозможнымъ,—столицы изолированы одна отъ другой и спасеніе предстоитъ только изъ-за Прута; съ его лѣваго берега, откуда могутъ придти единственные историческіе охранители румынскаго народа, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ страшное пугало по мнѣнію румынскаго барства.

X.

Разстояніе, съ небольшимъ семьдесятъ пять верстъ, между Бухарестомъ и Журжевомъ, или Журжею, отвратительные струсберговскіе вагоны пробѣгаютъ часа въ три съ половиною времени... Жалкія подобія вагоновъ, это просто какія-то крохотныя клѣтки, досчатыя, разщелившіяся, прикрытыя блинообразными клеенчатыми подушками, на видъ весьма подозрительными, какъ извѣстные кожанные диваны нашихъ россійскихъ почтовыхъ станцій былаго типа. Клѣтки эти два раза въ день катаются по злосчастной вѣтви, соединяющей непосредственно съ Турціею столицу румынскаго княжества, злосчастной потому, что она, эта вѣтвь и служитъ главнѣйшимъ поводомъ страха бухарестскихъ обитателей: «а что какъ въ струсберговскихъ клѣтушкахъ на колесахъ, да вмѣсто мирныхъ пассажировъ засядутъ баши-бузуки съ того берега, въ какіе-нибудь четыре часа, прилетятъ сюда и произнесутъ свое грозное: «а подать сюда Тяпкина-Ляпкина». Положимъ, чалмомудрствующему Іонѣ Гикѣ и его доблестнымъ сподвижникамъ это будетъ на руку, да вѣдь остальнымъ-то каково!.. Говорятъ, что въ предупрежденіе подобной катастрофы приняты мѣры и даже весьма дѣйствительныя. Мѣры эти... вы думаете какія?.. Стянуть къ Журжѣ храбрыя румынскія войска; укрѣпить съ этой стороны позиціи, или что-нибудь въ этомъ родѣ?.. Ну право же нѣтъ. Хотите вѣрьте, не хотите, какъ

угодно, но только это такъ. Мѣры заключаются въ томъ, что «начальнику желѣзнодорожной станціи въ Журжево не велѣно ни подъ какимъ предлогомъ выдавать баши-бузукамъ билетовъ на проѣздъ до Бухареста. Начто же вамъ болѣе дѣйствительной мѣры!..

Ну-съ, такъ вотъ по этой-то злосчастной вѣтви и поѣхалъ я въ Рущукъ, запасшись предварительно болѣе удобнымъ паспортомъ, чѣмъ мой настоящій, въ которомъ, по несчастной страсти вездѣ и всюду выставлять чинъ и званіе предъявителя, означено «капитанъ» и пр. и пр. и пр.

День выѣзда моего былъ прекрасный, солнечный, теплый такой, какъ у насъ выдаются, и до изрѣдка, во второй половинѣ апрѣля мѣсяца. Снѣгъ вездѣ стаялъ, ручейки довольно грязной воды весело журча сбѣгали со всякой покатости, наполняя глубокія рытвины; у подножій солнечныхъ скатовъ, по берегамъ временныхъ лужъ зеленѣла молодая, весенняя, первая еще травка, красиво пестрѣли бѣленькія, голубыя и ярко желтыя звѣздочки «подснѣжниковъ». Въ самомъ воздухѣ чувствовалась весна, даже скотъ выгнанъ былъ на поля, и тамъ и сямъ виднѣлись парные плуги, запряженные волами и лошадьми вмѣстѣ, прокладывающіе первыя, черныя какъ уголь, дымящіяся борозды... Дѣти въ однихъ рубашенкахъ, босоногія рѣзвились на улицахъ, бродя и плескаясь въ лужахъ, группы красивыхъ женщинъ въ своихъ яркихъ платкахъ и въ бѣлыхъ рубахахъ, обильно вышитыхъ узорами, съ граціозно повязанными платками на головахъ, съ пучками пестрыхъ лентъ въ косахъ, толпились на скатахъ полотна желѣзной дороги... Все это смотрѣло такъ тепло, празднично, весело, все это такъ гармонировало съ пробуждающейся природою... и это въ первой половинѣ февраля!.. Благодатная страна, какъ бы хорошо жилось въ тебѣ, еслибы... Ахъ, оставимъ это вѣчное еслибы...

На половинѣ дороги станція «Комана», по которой поѣзда, идущіе изъ Бухареста въ Журжево и наоборотъ, встрѣчаются и пережигаютъ другъ другъ. Остановка четверть часа. Я вышелъ изъ вагона и тотчасъ же былъ окруженъ шумною толпою мальчиковъ и дѣвочекъ съ букетами свѣжихъ подснѣжниковъ въ рукахъ. Букетъ стоитъ одно бени, т. е. треть нашей копѣйки. Вотъ гдѣ бы закупать ихъ для овацій заѣзжимъ

пѣвицамъ каскадесамъ! Не поздоровилось бы имъ отъ такихъ приношеній.

Одна отвратительная сцена невольно обратила на себя мое вниманіе. Въ вагонѣ перваго класса сидѣлъ старикъ лѣтъ пятидесяти, наружности весьма почтенный и благообразной. Я видѣлъ этого старика на довольно почетномъ мѣстѣ, въ залахъ депутатскихъ собраній, въ Бухарестѣ. Аристократъ румынъ, чистокровный аристократъ, и на фронтѣ дома геральдическія изображенія... Вотъ этотъ-то старичекъ вылѣзъ изъ вагона, съ почтительною помощью какого-то воина, замѣтилъ въ толпѣ дѣтей прехорошеньку смуглянку, типъ ангеловъ Мурилло и подманилъ ее къ себѣ костлявымъ пальцемъ, сверкавшимъ при солнцѣ крупными брилліантами. Почтенный старецъ, прости корреспондента за подробности, по которымъ тебя не трудно будетъ узнать остальнымъ твоимъ собратьямъ. Впрочемъ, это имъ да послужитъ благимъ примѣромъ.

Дѣвочка подошла...

— Что это у тебя, моя миленькая?.. — зашамкалъ старецъ и пощекоталъ двумя перстами подъ загорѣлымъ подбородкомъ ребенка.

— Уно бени...—залепетала дѣвочка, протягивая свои пучечки подснѣжниковъ,—уно бени...

— Давай, давай ихъ сюда... А это вотъ хочешь?.. Посмотри, посмотри... Это хочешь взять, хочешь?

Аристократъ повертѣлъ передъ глазами смуглянки полуфранковою серебряною монеткою...

— Дай! Домине, добрый домине, дай! — запрыгала дѣвочка, стараясь поймать этотъ маленькій блестящій кружечекъ...

— Поцѣлуй, тогда дамъ...

Кое-кто изъ окружающихъ почтительно стали улыбаться; послышались голоса:

— Ну, ты, цѣлуй скорѣй, цѣлуй, «Домина» добрый вѣдь, цѣлуй скорѣе...

Ребенокъ торопливо, какъ-то украдкою, словно сознавая, что дѣлаетъ что-то нехорошее, нагнулся и чмокнулъ другую руку соблазнителя.

— Получи, — произнесъ тотъ и отдалъ монетку.—Ну, а сюда поцѣлуй!.. Вотъ сюда!..

Онъ нагнулся еще ниже и ткнулъ пальцемъ въ свои губы, сложившіяся въ эту минуту въ форму какой-то отвратительной устрицы сомнительной свѣжести...

Дѣвочка попятилась и замотала головою...

— Сюда—франкъ, цѣлый «леи» уно!—пояснила она, поднявъ кверху указательный палецъ.

Этого уже я никакъ не ожидалъ! Вотъ уже это было поистинѣ достойное развитіе, достойное самыхъ депутатствующихъ развивателей...

— И я, и я, поцѣлую... я дешевле возьму, я за два бени поцѣлую! — проталкивалась впередъ другая дѣвочка, тоже нестарше десяти лѣтъ, но только не такая миловидная, худенькая съ замѣтными рябинками на блѣдныхъ щечкахъ.

— Ну, ну, ну, ступай ты, замарашка!.. Ступай прежде умойся!— весело захихикалъ старецъ и полѣзъ опять въ свое купе перваго класса.

Звонокъ... Издали унылый звукъ рожка стрѣлочника, трель кондукторскаго свистка, два-три тяжелые вздоха локомотива и поѣздъ тронулся, оставляя сзади и платформу станціи Комана, и рѣзвую толпу не въ пору развитыхъ дѣвочекъ съ ихъ подснѣжниками, и красивый монастырь на пригоркѣ, съ его серебряными главами и живописными выступами древней, полуразвалившейся ограды...

Въ этой пустой, глухой, грязноватой сценкѣ высказалось все отношеніе румынскаго барства, этого чуждаго краю, исковерканнаго на иностранный ладъ, наболѣвшаго элемента къ средѣ простого румынскаго народа. Если не ошибаюсь, но кажется, этотъ любвеобильный старецъ, въ одномъ изъ засѣданій, на которомъ и мнѣ пришлось присутствовать, горячо говорилъ съ трибуны объ упадкѣ въ Румыніи народной нравственности. Коментаріи излишни.

Вотъ и Журжа. Подъѣзжая къ ней, вы видите влѣво красивую низменную долину рѣки Дымбовици: здѣсь она впадаетъ въ Дунай. Вдали видна въ туманѣ темно-синяя полоса самого Дуная и волнистая линія турецкаго берега. Рущукъ еще не видѣнъ, но окружающіе его холмы положительно господствуютъ и надъ рѣкою съ ея островами, поросшими мелкимъ лѣсомъ, и надъ этимъ берегомъ, и надъ самою Журжею, расположенною какъ разъ подъ выстрѣлами турецкихъ батарей, въ слу-

чаѣ, если этимъ послѣднимъ придется открыть канонаду по этому аванпосту самаго Бухареста...

Журжа городокъ довольно живописный, но только обладаетъ улицами, положительно невозможными для проѣзда. Наша несчастная коляска, которая взялась довезти насъ со станціи желѣзной дороги на пароходную пристань, кое-какъ, и то шагомъ, пробиралась по этимъ грязнымъ топямъ, натыкаясь, съ подозрительнымъ трескомъ рессоръ, на громадные камни мостовой и бревна гатей. Когда мы проѣзжали черезъ центральную площадь, на ней училось десятка два солдатъ, доробанцевъ, училось безъ ружей, по десяти минутъ, если не больше, балансируя на одной ногѣ подъ мѣрный распѣвъ долговязаго офицера съ галунами на форменномъ кепи.

Въ Журжѣ всего на всего стоитъ человѣкъ двѣсти солдатъ, это всѣ силы, съ которыми румыны приготовляются встрѣтить грознаго врага съ того берега, между тѣмъ какъ въ Бухарестѣ я видѣлъ-таки достаточно войскъ разныхъ родовъ оружія, праздно маневрирующихъ по асфальту, «soіea mogasoi», и на загородномъ шоссе; тамъ вѣрно они нужнѣе.

Чтобы добраться до пароходной пристани, надо проѣхать весь городъ и затѣмъ уже по отъѣздному пути спуститься на самый берегъ Дуная. Насъ встрѣтилъ еще на станціи желѣзной дороги драгоманъ русскаго консульства въ Рущукѣ. Любезность далеко не лишняя въ виду придирчивости румынскихъ таможенныхъ и полиціи, а главное, въ виду того обстоятельства, что переправляться приходилось на турецкомъ полувоенномъ пароходѣ, единственномъ, совершающемъ два раза въ день рейсы между Рущукомъ и Журжею. Да это еще ничего, если есть пароходъ, хотя и турецкій, а то случается, что и вовсе нѣтъ никакого парохода, особенно въ сильный вѣтеръ, когда этотъ несчастный пароходъ съ его неловкою прислугою боится быть выброшеннымъ порывомъ вѣтра на отмель, въ этомъ мѣстѣ Дунай почти сплошь усѣянъ подобными отмелями и песчаными островами... Въ такое время мнѣ разъ случилось переправляться, именно здѣсь, черезъ Дунай и пришлось отыскивать рыбачью лодку. Положительно скажу, что переплывать на гребной лодкѣ черезъ Дунай, да еще въ вѣтряную погоду, вещь въ высшей степени непріятная.

Начну съ того, что лодку таковую достать довольно трудно, не всегда даже найдутся охотники получить съ васъ лиру, или не менѣе двухъ дукатовъ. Но, положимъ, вы счастливецъ, и находите. Коренастый, черномазый румынъ, а можетъ быть и цыганъ, выдающій себя за румына, получаетъ половину платы впередъ, жметъ вамъ дружески руку въ залогъ вѣрности и ведетъ къ лодкѣ. Лодка эта длинная, довольно узкая, съ бортами не высокими, поперегъ три скамьи для гребцовъ, сзади на кормѣ тоже досчечка... вы садитесь. Съ вами садятся трое: одинъ на кормѣ съ рулевымъ весломъ, одинъ на носу, съ шестомъ и одинъ, т. е. третій у небольшой мачты, поставленной не для паруса, а буксирной веревки, привязанной къ ея вершинѣ. Человѣкъ пять хватаются за веревку и начинаютъ васъ медленно тянуть вверхъ противъ теченія, чтобы у того берега не отнесло слишкомъ уже далеко... Тянутъ, тянутъ васъ, иногда версты полторы протянутъ, наконецъ бросятъ, человѣка три еще посядутъ въ лодку и возьмутся за весла... Сперва идетъ дѣло довольно успѣшно, даже покойно, потомъ, по мѣрѣ того какъ васъ выноситъ на середину рѣки, волны накатываются энергичнѣй... Вы теперь только понимаете, что это довольно солидныя волны, не та легкая зыбь, что вамъ казалось съ берега, заставлявшая васъ даже удивляться, почему-то такъ мало охотниковъ за хорошую плату везти васъ на ту сторону?.. Бѣлые гребешки, такъ называемые зайчики плещутъ за бортъ и обдаютъ васъ холодными брызгами. Лодку сильно вскидываетъ и бьетъ по водѣ ея днищемъ, человѣкъ на носу и на кормѣ усердно работаютъ ковшами... Гребцы тяжело дышатъ, отъ нихъ даже паръ валитъ и на лбу выступаютъ крупныя капли пота, а вамъ холодно, даже сквозь пледъ пробираетъ вѣтромъ, насквозь пронизываетъ сыростью... Вотъ уже почти часъ вы на водѣ, а все на серединѣ рѣки—такъ по крайней мѣрѣ вамъ кажется... И тотъ берегъ ушелъ далеко, и этотъ что-то не приближается... Лодку отнесло уже гораздо ниже того мѣста откуда вы начали плаваніе, пронесло даже мимо той точки, гдѣ бы вы должны были пристать, и вы дасадуете, зачѣмъ васъ на буксирѣ не протащили дальше... Погодите, дѣло поправится. Разомъ, почти внезапно становится спокойно, лодка охотно слушается и руля, и веселъ, гребцы повеселѣли, рулевой ворочаетъ къ пристани

и лодка ваша теперь уже подвигается быстро, покойно и опредѣленно... Вы выбрались, значитъ, изъ средняго теченія и зашли въ покойную воду, защищенную отъ вѣтровъ тою песчанистою, обрывистою береговою кручею.

Привезшая васъ лодка не можетъ дожидаться здѣсь у этого берега, ее сейчасъ же прогонятъ, а отсюда васъ повезетъ уже турецкій каикъ и повезетъ совершенно одинаковымъ способомъ... По правдѣ, не совсѣмъ весело и покойно на душѣ, когда чувствуешь себя одинокаго на турецкой лодкѣ, по срединѣ рѣки, далеко отъ береговъ, между пятью или шестью горбоносыми лодочниками, непремѣнно турками, посматривающими на васъ несовсѣмъ-то благосклонно. Болгаринъ не имѣетъ права не только держать лодки, но даже быть лодочникомъ-наемщикомъ, эта уже такая мѣра предосторожности со стороны турецкихъ властей мѣра, надо сознаться довольно раціональная. Лодочниками могутъ быть только или мусульмане, или русскіе некрасовцы и липованы, этимъ послѣднимъ предоставлено широкое право ходить по водамъ Дуная (турецкимъ водамъ, конечно) подъ строгимъ наказомъ не принимать на свою лодку ни одного болгарина съ турецкаго берега, ни подъ какимъ предлогомъ. Впрочемъ, некрасовцы, пользуясь неудобствомъ надзора, не слишкомъ то слушаются этого строгаго наказа и контрабандною перевозкою болгаръ зарабатываютъ себѣ не малыя деньги, особенно въ низовьяхъ, гдѣ они уже полные хозяева и властители всѣхъ укромныхъ водныхъ пріютовъ, извѣстныхъ только имъ однимъ; а все нижнее теченіе Дуная, съ его рукавами, болотистыми берегами, непроходимыми камышевыми зарослями, изобилуетъ такими пріютами.

Отдѣльно переправляющіяся лодки пристаютъ только у таможни. Отсюда уже, послѣ осмотра, безцеремонно, грубаго и весьма тщательнаго, и визировки вашихъ бумагъ, васъ пускаютъ въ городъ, но уже отсюда вы состоите подъ надзоромъ, не всегда даже скрытымъ. За вами слѣдятъ явно, малѣйшій вашъ шагъ перетолковывается по своему, весьма даже невыгодно для васъ, и съ вашей стороны требуется много осторожности, выдержки, и такта, чтобы легко относясь къ непріятностямъ мелкимъ, не наткнуться на непріятность крупную, Богъ вѣсть, какъ еще могущую для васъ разыграться...

«Ты это зачѣмъ сюда забрался?» этотъ вопросъ вы невольно читаете въ глазахъ каждаго встрѣчнаго. Если вы не понимаете по-турецки, вы избавляетесь отъ удовольствія слышать много не совсѣмъ лестнаго на вашъ счетъ; если же, наоборотъ, понимаете, то вспомните, что вы христіанинъ, а потому постарайтесь возбудить въ себѣ побольше этого прекраснаго чувства—кротости и всепрощенія. Не благо вамъ будетъ, если вы окажетесь не кстати обидчивы.

Шагахъ въ двадцати отъ довольно крутого спуска, ведущаго къ самой водѣ, стоитъ небольшой деревянный домикъ, у подъѣзда котораго вѣчно толпится съ десятокъ доробанцевъ и таможенныхъ служителей. Здѣсь осматриваютъ багажъ и провѣряютъ паспорты. Мы обошлись безъ этой стѣснительной формальности, хотя должны были оставить экипажъ за шлагбаумомъ и пройтись немного пѣшкомъ. У самаго берега жалобно посвистывалъ грязный, маленькій пароходикъ подъ турецкимъ флагомъ, на палубѣ котораго взадъ и впередъ сновали босоногіе матросы въ небольшихъ чалмахъ, навороченныхъ поверхъ традиціонной красной фески съ кисточкою... Капитанъ парохода, въ темно-синемъ длинномъ сюртукѣ, съ галунами на воротникѣ и обшлагахъ, по одиночкѣ пропускалъ пассажировъ, пробиравшихся по узкой, колеблящейся дощечкѣ, перекинутой съ берега, за этою операціей зорко наблюдали два турецкихъ жандарма, въ старыхъ, сильно запошенныхъ мундирахъ... На берегу густая толпа окружила что-то, лежащее на пескѣ. Замѣтно волненіе, слышится самый оживленный говоръ, нѣсколько матросовъ-турокъ взобрались на снасти и заглядываютъ сверху, черезъ головы толпы, два-три штыка виднѣются надъ мирными фесками и бараньими шапками, должно быть часовые приставлены... «Въ чемъ дѣло?» Подошелъ я поближе,—румыны вѣжливо разступились, одинъ даже пригласилъ меня совсѣмъ впередъ, сказавъ съ пріятною улыбкою: «вонъ посмотрите!..» Навзничь, вытянувшись въ струнку, руки по швамъ, бокъ о бокъ рядомъ лежатъ два трупа, покрытые парусомъ, складки сырого полотна отчетливо обрисовываютъ двѣ выпуклости, мѣстами насквозь пропустили подозрительныя пятна бураго цвѣта, должно быть кровь.

— Этотъ, вотъ, штыкомъ проколотъ въ двухъ мѣстахъ, а этому пуля какъ разъ въ лобъ попала,—сообщилъ мнѣ кра-

савецъ-валахъ въ шитой рубахѣ, ниже колѣнъ и въ бараньей шубѣ въ накидку, мѣхомъ наружу...

— Погодите, собаки, достанется и вамъ скоро!—ругаются съ парохода матросы-турки.

— Да, мы ихъ хорошо проучили!—хвастается доробанецъ, одинъ изъ часовыхъ...—Долго теперь будутъ помнить и къ намъ за лѣсомъ соваться не станутъ... Насъ было всего навсего сорокъ человѣкъ...

— А ихъ?

— Ну, врешь, врешь!—кричитъ кто-то изъ лодки, полувытащенной на песокъ. — Это вамъ со страху батальонъ показался... Наши безъ ружей были съ одними топорами, а вы съ ружьями... Трусы вы, больше ничего!..

— Однако, это дѣло можетъ разыграться скверно,—зловѣще ворчитъ яко бы для себя горбатый носъ армянскаго происхожденія...

Сегодня ночью на одномъ изъ острововъ, лежащихъ между Рущукомъ и Журжею, верстахъ въ шести отъ послѣдней, разыгралась воинственная драма: туркамъ, видимо, очень нуженъ мелкій лѣсъ для своихъ фортификаціонныхъ работъ, а по близости города, на турецкой территоріи нѣтъ вовсе такого лѣса, да и никакого кромѣ нѣсколькихъ чахлыхъ общественныхъ садовъ-питомниковъ; вотъ турки и ѣздили на румынскіе острова, обильно поросшіе кустарникомъ, гдѣ и добывали себѣ все нужное для плетенія туровъ и фашинъ. По этому поводу уже не разъ были столкновенія съ румынами, вызывавшія энергичную переписку между префектомъ Журжи и рущукскими властями; переписка обыкновенно не вела ни къ чему и поѣздки турокъ за чужимъ лѣсомъ практиковались все чаще и чаще. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ были даже убиты два румынскихъ гарничара, убиты подло, врасплохъ захваченные на своихъ постахъ, у береговой сторожки, обстоятельство, надѣлавшее въ свое время много даже дипломатическаго шума. Вчера передъ вечеромъ отъ базарной пристани Рущука отчалили три лодки весьма подозрительнаго вида и потянулись вдоль берега, а за тѣмъ поднявшись верстъ на шесть, стали спускаться, держась къ отмелямъ острова Рамадана. Лодки эти были своевременно замѣчены съ румынскаго берега, и тотчасъ же отсюда были посланы сорокъ человѣкъ вооружен-

нихъ доробанцевъ, слѣдить за турками. Пользуясь наступившею темнотою, румыны обогнули островъ и напали на дровосѣковъ врасплохъ, отрѣзавъ имъ путь отступленія. Оказалось, что вмѣстѣ съ турками было десятка три болгаръ, которые на окликъ румынъ, тотчасъ же бросили свою работу и стали просить ихъ не трогать и отпустить, такъ какъ они попали сюда не своею волею, а приганы силою...

— А развѣ чужой лѣсъ рубить можно! —кричали имъ наступавшіе грознымъ строемъ румыны.

— А какже намъ не рубить, когда за спинами турецкія ружья!—оправдывались болгары.

Съ этимъ нельзя было не согласиться и румыны дали возможность болгарамъ свободно отретироваться на свои лодки, съ турками же, которыхъ было человѣкъ до пятидесяти, началась свалка, а такъ какъ эти послѣдніе были почти не вооружены, то перевѣсъ оказался на сторонѣ румынъ. Два турка были убиты, нѣсколько ранено и четырнадцать человѣкъ взято въ плѣнъ. Доробанцы не потеряли ни одного человѣка.

Съ большимъ торжествомъ и ликованіемъ вернулись побѣдители въ Журжу, захвативъ съ собою всѣ трофеи боя:— оба трупа, плѣнныхъ, нѣсколько десятковъ топоровъ, одну лодку и весь порубленный лѣсъ, какъ улику преступленія. Рущукскій комендантъ прислалъ офицера и двухъ солдатъ за тѣлами убитыхъ, но ему ихъ не выдали, говорятъ—нужны для слѣдствія. Турки ожесточены и вопіютъ о безчеловѣчности румынъ, румыны опираются на полную законность своего поступка. Дѣло только что начинается, и пока еще префектъ Журжи и комендантъ Рущука размѣнялись только первыми конвертами.

Третій свистокъ, пара и на пароходъ. Тамъ уже вся палуба завалена тюками, ящиками и боченками, весьма подозрительнаго вида, около каждаго красноватая лужица, должно быть видно; двѣ дамы, одна съ лицомъ закрытымъ снизу чадрою, значитъ мусульманка, тщательно подобрали свои драпировки и хотятъ пройдти на корму, да тѣсно все загорожено. Дрянной пароходъ нагруженъ не въ мѣру, сидитъ глубоко и какъ-то потрескиваетъ, наводя на душу тоску и сомнѣніе. Я на палубѣ, значитъ уже въ Турціи, надъ головою полощится

въ тепломъ весеннемъ воздухѣ красная тряпка съ луною и звѣздочкою; слышится команда на турецкомъ языкѣ. Человѣкъ десять матросовъ расположились на бортѣ, сильно налегли на багры. Пароходъ качнулся на бокъ; колеса ворочаются лѣниво, подъ килемъ глухо шуршитъ подонный песокъ.—Стой, надо стружать лишній товаръ, нагрузились не въ мѣру. Пришлось еще прождать съ полчаса; а толпа вокругъ турецкихъ тѣлъ все сгущается, ростетъ, комплектуясь прибывающими изъ города любопытными. Опять слышится тотъ же хвастливый разсказъ румынскихъ часовыхъ, опять недовольное ворчаніе и брань турокъ. Съ росписной, высокой, оригинальной такой кормы турецкаго галіота, стоящаго поблизости на причалахъ, несется по-русски, хотя съ восточнымъ акцентомъ, забористая, наша отечественная, народная брань.

— И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ, — замѣтилъ улыбаясь мой спутникъ, кивнувъ головою въ сторону, откуда неслись россійскіе звуки.

Наконецъ-таки справились, посвистали еще разокъ, уже не въ счетъ, и медленно тронулись вдоль глинистаго берега, огибая низменный песчаный островъ съ торчащимъ по срединѣ деревяннымъ блокгаузомъ. Клубы чернаго дыма потянулись за нами слѣдомъ, заражая воздухъ отвратительнымъ запахомъ кокса.

Красивая панорама развертывалась передъ глазами, когда мы обогнули безконечно длинную песчаную отмель и выбрались на середину Дуная. День былъ, какъ я уже говорилъ, теплый, солнечный, небо голубое, почти безоблачное. Рѣзко отчетливо рисуются на водѣ прихотливые, золотисто-желтые контуры отмелей, усѣянныхъ тысячами пернатой твари; турецкіе галіоты, распустивъ паруса, плавно лавируютъ между островами; влѣво на берегу безпорядочныя группы зданій Журжи съ золотыми крестами церквей, съ развалинами прежней крѣпости, надвинувшимися на самый край обрывистаго берега, а ниже мачты и мачты, цѣлый лѣсъ мачтъ и снастей, эффектно задрапированныхъ развѣшанными для просушки парусами, гир-

ляндами разноцвѣтнаго бѣлья, брезентами и всѣмъ тѣмъ, что только не мѣшаетъ высушить хорошенько, воспользовавшись яркими лучами весенняго солнца. На томъ берегу, по гребню крутого обрыва видѣнъ Рущукъ, ниже отдѣльно стоящее зданіе городской бойни, еще подальше торчатъ высокія трубы какого-то завода, ближе къ водѣ — станція желѣзной дороги, такъ называемая «Гара»,—приземистое длинное зданіе въ родѣ казармы; прямыя линіи рельсовыхъ путей заставлены вереницами вагоновъ и открытыхъ платформъ. Переѣхавъ Дунай, мы приближаемся именно къ этому пункту; здѣсь первая остановка для высадки пассажировъ, ѣдущихъ по желѣзной дорогѣ въ Варну, а уже отсюда пароходъ везетъ городскихъ пассажировъ на другую пристань, находящуюся верстахъ въ двухъ выше, уже въ самомъ городѣ.

Когда пароходъ подошелъ вплотную, я замѣтилъ два большихъ крупповскихъ орудія, мирно почивавшихъ на желѣзнодорожныхъ платформахъ: лежали только тѣла орудій, — станковъ по близости не было видно и признака. Эти двѣ пушки уже около мѣсяца лежатъ здѣсь, онѣ предназначены для вооруженія вновь созидаемыхъ отдѣльныхъ фортовъ,—ну, да объ этомъ послѣ. Пассажиры парохода не безъ интереса разглядывали эти два модныхъ колосса.

— «И такихъ намъ *еще много* пришлютъ изъ Константинополя!» — произнесъ громогласно стеганный архалукъ сомнительнаго происхожденія, не безъ отваги поглядывавшій на насъ, единственныхъ двухъ русскихъ на палубѣ парохода.

Высадили партію пассажировъ, думали просторнѣй будетъ, оказалось еще хуже: человѣкъ пятьдесятъ рабочихъ солдатъ, таскавшихъ какіе-то тюки съ платформъ въ пакгаузъ, бросили работу, бѣгомъ пустились къ намъ и гуськомъ стали перебираться на пароходъ по тонкимъ доскамъ сходней. Капитанъ было воспротивился, хотѣлъ протестовать, да куда тутъ, только выругали его, а все-таки заняли опять всю палубу. Мы должны были скромно отретироваться на самую корму. Что за неловкіе матросы эти турки!—это уже вошло даже въ пословицу: «Турокъ на водѣ, что рыба на берегу». Взгляните только, какъ неумѣло, копотно, неряшливо принимаются они за свое дѣло,—да и дѣло-то самое простое, немудреное, убрать при-

чалы, снять мостки, оттолкнуться немного баграми, легкій ходъ и все кончено.—Крикъ, шумъ, путаница, одинъ другому мѣшаетъ, тамъ конецъ веревки упустятъ въ воду, чуть даже мостокъ не полетѣлъ туда же, наконечники багровъ ломаются, бока парохода сильно трутся о пристань, того и гляди кожухи поломаютъ; на что требуется всего какія-нибудь полминуты времени, то цѣлую четверть часа тянется, капитанъ изъ себя выходитъ. Если у нихъ и въ военномъ флотѣ такіе же ловкіе матросы, то не мало труда будетъ англійскимъ капитанамъ и офицерамъ управляться съ ними, особенно на тяжелыхъ броненосцахъ, гдѣ каждое неловкое движеніе можетъ грозить гибелью. Впрочемъ объ этомъ я не печалюсь нисколько — «*чѣмъ хуже—тѣмъ лучше*». Милостью Аллаха, мы, наконецъ, отчалили. Пароходъ ползетъ вверхъ по теченію, почти подъ самымъ берегомъ. Крутые песчаные скаты стѣною громоздятся влѣво, у нихъ подножья тянется узкая береговая дорога, мѣстами заливаемая водою; сверху внизъ зигзагами вьются тропинки, по одной изъ нихъ карабкается вереница вьючныхъ лошадей, тощихъ, разномастныхъ,—всѣ подъ неуклюжими вьючными сѣдлами. Съ лошадьми человѣка три въ чалмахъ, въ короткихъ штанахъ, за широкими поясами заткнуто какое-то допотопное оружіе. Это баши-бузуки. Ихъ въ Рущукѣ, вмѣстѣ съ регулярными кавалеристами, считается около пятисотъ человѣкъ; это вся кавалерія, которая не составляетъ отдѣльнаго отряда, а разсформирована по другимъ частямъ, въ качествѣ ординарцевъ, посыльныхъ и обозной прислуги. По гребнямъ виднѣются чахлые сады изъ фруктовыхъ деревьевъ; это единственное мѣсто прогулокъ лѣтомъ, въ невыносимый зной, для рущукскихъ гражданъ. Дальше начинаются старыя укрѣпленія; на прямыхъ правильныхъ контурахъ бастіонныхъ фронтовъ замѣтны какія-то работы, кажется, возвышаютъ брустверъ и прорѣзываютъ новыя амбразуры. Десятка четыре солдатъ лѣниво шевелятъ лопатами, зѣваютъ и изъ подъ руки и щурясь на солнцѣ, слѣдятъ глазами за мимоползущимъ пароходомъ.

А вотъ и самый городъ начинается. Въ линію стоятъ дома европейской архитектуры, окрашенные желтою краскою, надъ большею частью изъ нихъ возвышаются мачты съ консульскими флагами; далеко отсюда не видать, онъ дальше, за этимъ

длиннымъ фасадомъ, что вытянулся надъ самою пристанью. Здѣсь идетъ уже искусственная набережная, интересная тѣмъ, что ее двѣнадцать лѣтъ подрядъ строятъ и выстроить не могутъ: что сегодня покончатъ, то завтра водою размоетъ, начинаютъ съизнова, вытребовавъ предварительно откуда слѣдуетъ нужныя суммы. Финансовая сторона инженернаго дѣла должно быть вездѣ одинаково складывается.

Какъ разъ противъ пристани, по срединѣ рѣки видѣнъ островъ, поросшій кустарникомъ, у его берега стоятъ два рѣчныхъ военныхъ турецкихъ парохода, команда бродитъ по берегу и огни разложила.—Пароходы эти шли мимо отъ Видина, да задержали ихъ здѣсь, по поводу вчера случившагося уже описаннаго мною *недоразумѣнія* о островѣ Рамаданѣ. Ужъ не собираются ли они бомбардировать Журжу, какъ австрійцы бѣлградскую цитадель? «Пошли имъ, пророкъ, такого же блестящаго успѣха!»

Матросы, подъ предводительствомъ капитанскаго помощника и двухъ полицейскихъ, заняли выходъ на мостки и никого не пускаютъ; начинается скучнѣйшая, безконечно длинная, придирчивая до мелочности—провѣрка документовъ. Благодаря любезности нашего консула и расторопности высланныхъ на встрѣчу консульскихъ кавасовъ, красивыхъ, рослыхъ молодцовъ въ блестящихъ албанскихъ костюмахъ,—я былъ избавленъ отъ всякихъ формальностей. Насъ пропустили прямо, хотя и не безъ подозрительныхъ взглядовъ, и черезъ минуту, сидя въ коляскѣ, мы уже медленно поднимались по длинной аппарели, ведущей снизу въ верхнюю часть города.

Рущукъ, пока вы въ него не въѣхали, очень живописенъ; особенно что его краситъ — это тонкія граціозныя колонки многочисленныхъ минаретовъ, увѣнчанныхъ коническими островерхими крышами и круглыми балкончиками, кольцомъ охватывающими верхнюю часть минарета. Подъемъ кончается, дорога круто поворачиваетъ налѣво назадъ, на этомъ поворотѣ расположилось оригинальное зданіе турецкихъ банъ; громадный куполъ положительно давитъ всю эту массу построекъ, подслѣповато глядящихъ на міръ Божій своими крохотными, задѣланными желѣзными рѣшетками оконцами. Отъ поворота начинается, идущая параллельно Дунаю, консульская улица, по ней и расположены почти всѣ, занятыя консульствами, строенія.

Проѣхавъ еще саженей полтараста, мы остановились передъ подъѣздомъ дома, во дворѣ котораго, высоко поднимаясь надъ всѣмъ окружающимъ, стояла, украшенная золоченою короною, мачта съ развивающимся на ней громаднымъ русскимъ флагомъ. Это новоотстроенный домъ нашего консульства, куда консулъ и его семейство перебрались только недавно, прежде же они жили на набережной. Интересенъ эпизодъ переѣзда консульства на новую квартиру, а главное самый актъ перенесенія мачты и поднятія флага. — Случай этотъ могъ легко вызвать уличные безпорядки, особенно въ такое смутное время, когда достаточно самаго ничтожнѣйшаго повода, малѣйшей искры, чтобы произвести пожаръ. Могло случиться, что въ тотъ самый моментъ, когда мачту повалятъ — это перетолковано было бы иначе, тѣмъ болѣе что въ средѣ мусульманскаго населенія Рущука уже ходили слухи о томъ, что скоро прикажутъ всѣмъ правовѣрнымъ ринуться на домъ ненавистныхъ представителей гяуровъ-руссовъ и срыть все и вся до основанія. Ужъ и такъ толпы народа весьма подозрительно бродили передъ окнами консульства, посылая на его голову всевозможныя злоѣланія. Василій Федоровичъ Кожевниковъ, нашъ уважаемый консулъ, распорядился въ этомъ случаѣ весьма удачно и предусмотрительно: всю работу перенесенія мачты и поднятія флага онъ поручилъ турецкимъ войскамъ, для чего приглашена была рота пѣхоты и хоръ военной музыки. Флагъ спущенъ былъ при звукахъ музыки и съ должнымъ салютованіемъ, затѣмъ мачта перенесена была тоже церемоніально съ музыкою, и поднятъ былъ флагъ, уже на новомъ мѣстѣ, тоже съ подобающими почестями. Весь церемоніалъ подѣйствовалъ весьма успокоительно на воинствующихъ гражданъ Рущука, турки стали расходиться, за то начали собираться болгары-горожане, поздравлять съ новосельемъ и передъ окнами консульства снова образовалась толпа, но уже съ инымъ направленіемъ: вмѣсто воинственныхъ криковъ, слышались привѣтствія, вмѣсто угрожающихъ жестовъ, видѣлись обнаженныя головы и руки, крестящіяся при видѣ развивающагося въ воздухѣ голубаго андреевскаго креста, подъ золоченою короною.

Не догадайся консулъ обратиться къ содѣйствію и помощи турецкихъ войскъ, готовыхъ на подобную услугу всегда ради

нѣсколькихъ дукатовъ — дѣло обошлось бы и не такъ торжественно, да и не такъ мирно.

Домъ нашего консульства не великъ, но распланированъ весьма удобно и красиво меблированъ. Радушные, гостепріимные хозяева дѣлаютъ съ своей стороны все, чтобы путешественникъ, уѣзжая изъ этого дома, вынесъ самое теплое, пріятное впечатлѣніе. Мнѣ отвели уютную маленькую комнату, гдѣ я и расположился какъ слѣдуетъ, такъ какъ собирался провести въ Рущукѣ не одинъ день, а подольше, чтобы по возможности больше видѣть и слышать всего, что только творится въ этомъ главнѣйшемъ тактическомъ и стратегическомъ пунктѣ обороны Дуная.

Передъ вечеромъ я послалъ за коляскою, на козлахъ которой, рядомъ съ неуклюжимъ туркомъ-кучеромъ, сѣлъ молодцоватый кавасъ въ бѣлой фустанелѣ и голубой курткѣ, съ длиннѣйшими откидными рукавами, и поѣхалъ прокатиться по улицамъ Рущука, особенно по его чисто турецкимъ предмѣстьямъ. Консульская улица своимъ продолженіемъ выходитъ на громадную, не совсѣмъ правильной формы, базарную площадь, пестрѣвшую густыми массами самаго разноплеменнаго народа. Вдоль площади тянулись длинныя ряды крохотныхъ лавочекъ, а то такъ и просто складныхъ столиковъ съ подвязаннымъ около рваннымъ парусиннымъ зонтомъ, слабой защитою товара отъ солнца и непогоды. Здѣсь, собственно, торгуютъ разными неприхотливыми съѣстными припасами: вареною кукурузою, печенымъ хлѣбомъ, жареной въ деревянномъ маслѣ рыбою и мясомъ, и всѣмъ тѣмъ, что такъ сильно даетъ себя чувствовать сколько-нибудь прихотливому носу, заражая и безъ того не особенно чистый, рыночный воздухъ.

Съ перваго взгляда замѣтно, что Рущукъ празднуетъ въ данную минуту свой военный сезонъ; куда не взглянешь, вездѣ преобладающимъ элементомъ въ группахъ на улицахъ солдаты и солдаты. Съ перваго впечатлѣнія кажется, что здѣсь ихъ собрано видимо-невидимо, хотя на самомъ дѣлѣ войска въ Рущукѣ очень немного, едва ли наберется съ небольшимъ восемь тысячъ. Размѣщены эти войска очень неудобно, казармъ мало, да и тѣ плохи, въ одной такъ даже почти нѣтъ крыши, а денегъ на ремонтъ взять неоткуда. Люди помѣщены большею частью въ мечетяхъ, обращенныхъ на время въ казармы, тамъ

они и спятъ, лежа въ повалку на голомъ земляномъ, или плитномъ полу; сырость въ этихъ полутемныхъ, плохо провѣтриваемыхъ и въ добавокъ тѣсныхъ зданіяхъ, страшная. Я самъ видѣлъ въ одной изъ нихъ зеленую грибовидную плѣсень, украшавшую стѣны отъ низа чуть не до самаго основанія бочкообразнаго свода. Постилокъ нѣтъ и постелью для солдатъ служатъ ихъ собственныя заношенныя до нельзя фермешныя шинели. Вотъ почему въ войскахъ сильно распространены простудные виды болѣзней и желудочный тифъ, страшное явленіе, особенно при плохой, безпорядочно и несвоевременно раздаваемой пищѣ. Еще гвардейскіе батальоны, составляющіе треть всего гарнизона, и одѣты получше и кормятся сносно, а остальные, сирійскіе таборы, эти тощіе, безусые и безбородые, точно кастраты какіе-нибудь, такъ на тѣхъ даже смотрѣть жалко. Худыя, со впалыми щеками, съ анатично-полураскрытымъ ртомъ, вяло двигающіяся фигуры, въ грязныхъ обверткахъ на ногахъ вмѣсто сапогъ, въ рваныхъ шинеляхъ сѣраго сукна, надѣтыхъ прямо на долгополую рубаху—толпами бродятъ по улицамъ и держатся преимущественно около съѣстныхъ лавокъ—голодъ не свой братъ, а продовольственная часть устроена, какъ я уже говорилъ, плохо. Одинъ изъ высшихъ турецкихъ офицеровъ рущукскаго гарнизона, желая похвастать содержаніемъ войскъ, показывалъ мнѣ послѣ установленное военнымъ министромъ росписаніе солдатскаго довольствія. Чего только тамъ нѣтъ! и мясо, и хлѣбъ, и пловъ, и кофе, ничего не забыто, но только все это остается на бумагѣ. Продовольствіе частей отдается съ подряда, въ одни руки; — прежде еще находились такіе легковѣрные, что брались за эти операціи, но впослѣдствіи, не получая ни гроша денегъ, окончательно разорились, вошли сами въ неоплатные долги и принуждены были бѣжать на ту сторону Дуная, спасаясь отъ своихъ уже кредиторовъ. Даже къ нашему консулу приходили подрядчики, прося покровительства, или по крайней-мѣрѣ пособія къ побѣгу; понятно, что подобныя просьбы отклонялись тотчасъ же. Вызовы на подряды идутъ каждый день, цѣны повышаются неимовѣрно, но никто уже не соблазняется этими цѣнами, разсчитывая совершенно вѣрно, что піастръ и червонецъ одно и то же, если нельзя получить ни того, ни другого. Тронули уже тѣ запасные склады, которые приготовлены на случай осады города

а это уже очень плохо. Турецкія власти положительно теряютъ голову, запутавшись въ своихъ хозяйственныхъ соображеніяхъ и прибѣгаютъ за совѣтомъ чуть не къ каждому консулу; даже почтеннѣйшаго Василія Федоровича не обходятъ, который имъ далъ самый лучшій совѣтъ, прямо достигающій цѣли; распустить войска по домамъ и тѣмъ избавиться отъ необходимости кормить всю эту голодную, вооруженную ораву. Кстати о вооруженіи. Я не знаю чему это приписать, но вездѣ, и въ обществѣ и въ прессѣ, вкоренилось убѣжденіе, что турецкія войска вооружены по крайней-мѣрѣ превосходно, называютъ даже систему Снайдера общепринятою въ турецкой арміи. Я самъ солдатъ и оружіе знаю, опредѣлить его систему могу безошибочно, пристально присматривался къ ружьямъ турецкой пѣхоты и видѣлъ ружья названной системы, но только у гвардейскихъ батальоновъ и постоянныхъ войскъ Европейской Турціи, что же касается до сирійскихъ батальоновъ, то всѣ они вооружены даже не скорострѣльными ружьями, а ударными, заряжающимися съ дульной части, преимущественно штуцерами «Минье». Я говорю, собственно, про гарнизонъ Рущука, но зная, что здѣсь собраны не самыя худшія войска, смѣю думать, что и въ другихъ мѣстахъ это болѣе или менѣе одинаково.

Въ Рущукѣ стоитъ, кажется, два, не болѣе, батальона египетскихъ войскъ «черныхъ»; эти несчастные южаки испытываютъ то же, что обезьяны въ звѣринцахъ сѣверныхъ городовъ, — они чахнутъ и гаснутъ. Свои эффектные костюмы, бѣлые, приспособленные для жаркаго солнца ихъ далекой родины, они давчо уже истаскали и, обмундированные по европейски, т. е. въ тѣхъ же форменныхъ сѣрыхъ шинеляхъ, чувствуютъ себя, кажется, не совсѣмъ ловко, тоскуютъ, мрутъ по пяти человѣкъ среднимъ числомъ въ сутки, а уцѣлѣвшіе ждутъ не дождутся, или уже война поскорѣе, или же отпуска домой, туда, гдѣ грѣетъ солнце, гдѣ можно хоть совсѣмъ голому лѣнивo лежать въ тѣни финиковой пальмы, а не сидѣть, какъ здѣсь, въ сыромъ и мрачномъ загонѣ — рущукской мечети. А между тѣмъ это очень и очень не дурные солдаты, куда лучше сирійскихъ! Они лихо, молодцами шли шестнадцатаго октября на штурмъ кревецкихъ позицій, они бы и теперь готовы драться, еслибъ не эти сѣрые туманы, безконечные дожди

и морозныя ночи въ нетопленныхъ мечетяхъ на мокромъ, отсырѣломъ полу, или, въ счастливыхъ случаяхъ, на прогнившей соломѣ, кишащей миріадами паразитовъ. Оригинально еще то обстоятельство, что турки ни платятъ имъ жалованья на томъ основаніи, что они состоятъ на службѣ у хедива, и тотъ уже обязанъ доставлять имъ все необходимое, а хедивъ разсчитывалъ въ этомъ случаѣ на турокъ, т. е. на константинопольское военное министерство, на томъ модъ основаніи, что его батальоны вытребованы не для его, *египетскихъ, такъ сказать*, надобностей. Впрочемъ, «черные» могутъ утѣшиться тѣмъ, что они не въ худшемъ положеніи относительно «бѣлыхъ», ибо не получать, потому что нѣтъ на это законнаго основанія и не получатъ, имѣя право на полученіе, — одинаково выйдетъ *не получать*, — слово, въ настоящее время самое популярное и наиболѣе практикуемое въ Турціи. Впрочемъ, я, кажется, увлекся немного, — я вамъ описываю не впечатлѣнія моей первой, вечерней прогулки по Рущуку, то, что я разсказываю, есть результатъ всего, вынесеннаго мною за мое недѣльное пребываніе въ этомъ городѣ, гдѣ я ежедневно совершалъ свои экскурсіи, какъ по улицамъ Рущука, такъ и по его холмистымъ окрестностямъ, гдѣ идетъ спѣшная, усиленная, но тѣмъ не менѣе безтолковая работа по возведенію новыхъ укрѣпленій, приспособленныхъ уже къ новѣйшимъ требованіямъ науки разрушать, т. е. военной науки.

Работы эти можно раздѣлить на двѣ главныя группы: на исправленіе и приспособленіе старыхъ верковъ и на возведеніе новыхъ, отдѣльно стоящихъ и фланкирующихъ другъ друга редутовъ. Начну съ описанія первыхъ, кстати и наблюдать ихъ несравненно удобнѣе, особенно въ праздничный день, когда широкіе брустверы бастіонныхъ фронтовъ обращаются въ мѣста прогулокъ для пестро одѣтыхъ компаній рущукскихъ гражданъ, — и христіанъ, и магометанъ вмѣстѣ. Турки, кажется, сами не придаютъ особеннаго значенія этимъ грознымъ на видъ бастіонамъ и не особенно скрытничаютъ, допуская свободный осмотръ. Что же касается до работъ на отдѣльныхъ веркахъ, о которыхъ я поговорю особо, то туда даже не допускаютъ наемныхъ, частныхъ рабочихъ, и всѣ работы производятся солдатами, для чего ежедневно выводятъ изъ города почти половину всего гарнизона. Работы, такъ сказать, рестав-

раціонныя, заключаются въ очисткѣ крѣпостныхъ рвовъ, занесенныхъ мусоромъ и заваленныхъ до половины всякими нечистотами, въ прорѣзкѣ новыхъ амбразуръ и въ перемѣнѣ барбетовъ, ибо турки разсчитываютъ получить изъ Константинополя болѣе современныя орудія, чѣмъ эти допотопные коронады, отъ которыхъ вѣетъ временами «Очакова и покореніе Крыма». Кромѣ того, со стороны Дуная насыпаются два длинныхъ траверса, защищающихъ, или вѣрнѣе закрывающихъ собою все внутреннее пространство обширнаго плацдарма, застроеннаго въ настоящее время крохотными домиками неряшливыхъ предмѣстій. — Эти всѣ работы по восточному фронту. Юго-западный фронтъ, самый длинный, противъ котораго на вершинахъ холмовъ заложены и новыя укрѣпленія, оставленъ въ томъ же видѣ, только на его плацдармахъ видны ряды вновь устроенныхъ блиндированныхъ бараковъ-землянокъ для помѣщенія гарнизона и закладываются два большихъ пороховыхъ погреба, закладываются широко и, судя по началу, врядъ ли, съ наличными средствами, работа эта можетъ быть окончена менѣе чѣмъ въ два мѣсяца времени. Всѣми работами руководятъ два англійскихъ инженера, препротивныя фигуры, каждый разъ попадающіеся мнѣ на встрѣчу. Въ бѣлыхъ фуражкахъ, въ какихъ-то бархатныхъ короткихъ курточкахъ, съ сигарами въ зубахъ, они цѣлый день рыскаютъ по окрестностямъ, верхомъ на горячихъ мѣстныхъ лошадкахъ и безпощадно хлещутъ гутаперчевыми хлыстами залѣнившихся солдатъ-рабочихъ; восемь разъ счетомъ я натыкался на красивое зрѣлище подобной гуманной расправы, чуть было разъ не стоившей жизни одному изъ истязателей. Дѣло въ томъ, что негръ солдатъ, взбѣшенный должно быть черезчуръ уже ловкимъ ударомъ хлыста, бросилъ лопату и схватилъ одно изъ близь стоящихъ ружей. Англичанинъ отдѣлался только тѣмъ, что успѣлъ во-время замѣтить это движеніе и, давъ шпоры, пустился на утекъ, грозя, впрочемъ издали, *бунтовщику* своимъ карманнымъ револьверомъ. Говорятъ, будто несчастнаго негра арестовали и хотятъ аркебузировать. Что дѣлать, *въ военное* время *дисциплина* дѣло самое первое!

Отдѣльные редуты возводятся верстахъ въ четырехъ отъ городскихъ стѣнъ; ихъ всего три и одна батарея, Богъ вѣсть зачѣмъ пріютившаяся въ лощинѣ, откуда ей и стрѣлять-то не

по кому. Редуты эти защищаютъ дорогу въ Разградъ, шоссе, ведущее въ Шумлу. Одинъ редутъ заложенъ на пять орудій большого калибра, два другихъ—каждый на три. Работа окончена пока только главная, земляная, т. е. выкопаны рвы и насыпи бруствера, но какъ тѣ, такъ и другіе еще не провѣрены, не одѣты, и представляютъ изъ себя какія-то безформенныя массы. Борбсты для орудій тоже еще не насыпаны,— да и орудій, предназначенныхъ на эти верки, привезено пока всего два, — это тѣ самыя, что мы видѣли на платформахъ желѣзной дороги. Новый губернаторъ и командующій войсками рущукскаго гарнизона, Садыкъ-паша съ отчаяніемъ видитъ, что работъ еще хватитъ на долгое время и вопіетъ о помощи къ Константинополю,—оттуда все обѣщаютъ и обѣщаютъ, но не шлютъ ни денегъ, ни пушекъ, а все больше инструкціи— и голословныя предписанія, *чтобы было, — да и шабашъ!* Впрочемъ сношенія Садыка-паши съ министерствомъ, тоже какъ и оборонительныя работы, можно раздѣлить на двѣ группы: оффиціальную и конфиденціальную. Къ первой относятся инструкціи, предписанія съ одной стороны и подробный отчетъ о томъ, что все обстоитъ въ должномъ порядкѣ — съ другой; ко второй—дружескіе совѣты: обойдтись какъ-нибудь, поприжать кого-нибудь, призанять, а то и просто отнять что-нибудь — съ одной, и печальные вздохи съ другой, что молъ уже все перепробовано, все перезанято, все и всѣ обобраны и рессурсовъ болѣе, какъ отъ самого Аллаха, ни откуда не предвидится.

Въ чемъ нѣтъ недостатка, такъ это въ динамитѣ, на который турки возлагаютъ самыя *розовыя* надежды. Подступы къ редутамъ обстоятельно и предусмотрительно минируются. Работы эти нетрудно опытному взгляду разсмотрѣть со стороны, далеко отстоящаго отъ города, стараго болгарскаго кладбища. Мины, рамы, сложенныя въ порядокъ срубами на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ будутъ употреблять въ дѣло, отчетливо и ясно блещутъ на солнцѣ своими новоотесанными гранями; рядами колышковъ и вѣхами обозначено направленіе минныхъ галерей и пункты предполагаемыхъ взрывовъ. Тутъ чаще всего приходилось мнѣ видѣть отвратительную фигуру англійскаго инженера, механически вымѣривающую шагами данное пространство. Садыкъ-паша и Фаазли-паша ежедневно катаются

въ коляскахъ по окрестностямъ, конвоируемые нѣсколькими регулярными всадниками, здѣсь же появляются иногда и коляски съ дамами, кокетливо скрывающими свои хорошенькія личики, скрывающими впрочемъ, на столько, что прозрачность чадры позволяетъ вполнѣ оцѣнить ихъ внѣшнія достоинства. Фу! какія презрительныя гримасы дѣлаютъ онѣ, когда имъ приходится встрѣтиться съ коляскою, кажущейся имъ почему либо подозрительною; разъ даже одна изъ такихъ красавицъ плюнула въ мою сторону, не сообразивъ, что отъ ея любезности я былъ защищенъ ея же собственнымъ вуалемъ. Я не въ претензіи, — что же, патріотизмъ дѣло весьма похвальное, въ какихъ бы формахъ онъ ни проявлялся.

Наконецъ, мои поѣздки по окрестностямъ, вѣроятно, обратили на себя вниманіе подозрительныхъ турокъ; вчера, напримѣръ, меня просто на-просто пригласили повернуть оглобли и избрать для прогулокъ какое-нибудь другое мѣсто; сегодня утромъ кучеръ-извозчикъ отказался на-отрѣзъ везти меня къ старому болгарскому кладбищу. Это была самая дѣйствительная мѣра, къ которой турки прибѣгаютъ постоянно. Если вы хотите, напримѣръ, куда-нибудь ѣхать по желѣзной дорогѣ, васъ запрутъ въ вагонъ и выпустятъ только на мѣстѣ конечной цѣли вашего путешествія, затѣмъ, мало того, васъ спросятъ къ кому вы пріѣхали и зачѣмъ; вы отвѣтить должны ясно и опредѣленно; получивъ отвѣтъ, полиція окружитъ васъ конвоемъ, якобы въ охраненіе вашей особы отъ случайныхъ непріятностей, и такимъ образомъ препроводятъ васъ куда слѣдуетъ. Въ случаѣ желанія вашего свернуть въ сторону, или сдѣлать экскурсію въ какой-нибудь внутренній пунктъ страны, васъ не задержатъ, препятствовать не будутъ, но только отдадутъ конфиденціальное приказаніе не смѣть давать вамъ лошадей; понятно, что послѣ такого приказанія найти экипажъ невозможно ни за какія деньги. Впрочемъ, всѣ эти уловки и хитрости продѣлываютъ съ вами только въ такомъ случаѣ, если объ вашемъ выѣздѣ увѣдомлено мѣстное начальство и представляете собою нѣчто застрахованное, отвѣтственное, вродѣ рекомендательнаго конверта, помѣченнаго въ накладной и занумерованнаго, иначе съ вами много церемониться не станутъ, а просто на просто арестуетъ якобы подозрительнаго человѣка и затѣмъ начнутъ гонять по этапу, съ одного пункта

на другой, держать по недѣлямъ въ тюрьмахъ, пока какая-нибудь счастливая случайность не избавитъ васъ отъ этой печальной непріятности. Продѣлки эти, между прочимъ, практикуются постоянно съ частными кредиторами правительства, особенно съ поставщиками продовольствія. Таскаютъ этихъ несчастныхъ до тѣхъ поръ, подъ предлогомъ подозрѣнія въ политическомъ проступкѣ, пока несчастный не поймётъ въ чемъ дѣло и не подпишетъ квитанціи, завѣривъ своею подписью и печатью, что Высокая Порта вполнѣ удовлетворила всѣ его законныя претензіи. До слѣдующей поѣздки, до того времени, когда путешествовать по Турціи можно будетъ при иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

XI.

Вчера передъ вечеромъ я проѣхалъ «Сучаву», пограничное мѣстечко на рубежѣ Австріи и Молдавіи. Отсюда идетъ прямая дорога на югъ, къ Галацу. Теперь я уже нахожусь, значитъ, въ странѣ, обреченной судьбою на всѣ выгоды и невыгоды военнаго положенія. Не отрываю глазъ отъ окна вагона, ищу первыхъ признаковъ того положенія, пока, впрочемъ, ничего не видно. Деревья зеленѣютъ, покрываясь молодою листвою, скотъ мирно пасется на лугахъ, на черныхъ разрыхленныхъ пашняхъ кипитъ работа, тяжело тянутся глубоко борозднящіе черноземъ плуги, поддергиваютъ легкія бороны—весенній посѣвъ уже давно начатъ и даже къ концу подходитъ. Все и вся дышитъ миромъ и, повидимому, довольствомъ; нигдѣ не видно ничего военнаго, сколько нибудь даже напоминающаго войну... Мы еще пока находимся внѣ района перемѣщенія войскъ, района, который по этому пути начинается отъ станціи Пашканы, гдѣ соединеніе ясской вѣтви съ главною идущею съ сѣвера на югъ, линіей. Часомъ къ восьми вечера доѣхали мы и до Пашканъ. Здѣсь уже картина мѣняется разомъ. Еще поѣздъ подходилъ къ станціи и давалъ выстрѣлы свистка, какъ уже до слуха пассажировъ стали доноситься удалые напѣвы русскихъ солдатскихъ пѣсенъ, громыханіе изукрашеннаго бубенчиками бубна и звуки сигнальныхъ рожковъ. Нашъ поѣздъ прошелъ мимо стоящихъ на запасныхъ рельсахъ военныхъ по-

ѣздовъ и остановился у станціи, бокъ о бокъ съ такимъ же. Это двигались къ Галацу саперные батальоны. Изъ оконъ вагона, съ платформъ видѣлись солдатскія головы въ кепи, лица все такія веселыя, здоровыя, большинство молодыя, даже безусыя. Въ товарныхъ, крытыхъ вагонахъ были устроены длинныя скамейки и постлана солома, для удобства и мягкости въ часы сна въ повалку, у стѣнъ приспособлены, такъ называемыя на солдатскомъ жаргонѣ, «пирамиды для ружей», просто на просто продольные брусья съ прорѣзами, чтобы ружье стояло плотно и не упало бы при толчкѣ. Въ каждомъ такомъ вагонѣ помѣщается по сорока человѣкъ, тѣсновато, но довольно весело, судя по крайней мѣрѣ по тому, что изъ нѣдръ каждаго почти вагона слышался самый оживленный, неумолкаемый говоръ и веселое хороводное пѣніе. Въ одномъ изъ вагоновъ такъ даже трепака отплясывали, на страхъ и трепетъ вагонному днищу. Кромѣ этихъ, пассажирскихъ, такъ сказать, вагоновъ, прицѣплены были и открытыя платформы, уставленныя обозными повозками, лазаретными фурами и походными экипажами командировъ; тамъ тоже, гораздо комфортабельнѣе только, устроилась обозная и лазаретная прислуга, расположившись въ самыхъ повозкахъ, нагруженныхъ и плотно обвязанныхъ веревками,—все это представляло зрѣлище довольно оригинальное и для глаза непривычное, по крайней мѣрѣ на этой, до сихъ поръ, съ самаго своего основанія, тихой и малолюдной дорогѣ. Длинныя платформы станціи и ея буфетъ кишѣли народомъ и все большею частью военнымъ: тутъ видѣлись мундиры чуть не всѣхъ родовъ оружія, все это съ аппетитомъ пило, закусывало, толковало между собою, приказывало и слушалось. Несмотря на видимую толкотню и суматоху, можно было замѣтить, однако, что путаницы не было— все знало куда идти и что дѣлать, а это очень важно и доказываетъ толковость и точность диспозиціи военнаго движенія, въ добрый часъ будь сказано! Пассажирскій поѣздъ, на которомъ я ѣхалъ, простоявъ свои условныя 20 минутъ, тронулся дальше. Несмотря на безчисленные военные поѣзда, идущіе по этому, не двойному замѣтьте, пути пассажирское движеніе не только что не пріостановлено, но даже не уменьшено; пріостановлены только, и то на короткое время, частные товарные поѣзда за неимѣніемъ вагоновъ, занятыхъ войсками.

Стемнѣло, когда мы оставили Пашканы и тронулись далѣе, а жаль — мнѣ говорили, что днемъ, по сторонамъ, по боковымъ дорогамъ, можно видѣть идущія пѣшкомъ войска и ихъ обозы, походные бивуаки и прочія военныя сцены. Въ данную минуту ничего этого не было видно, кромѣ непроницаемаго мрака и огоньковъ въ окнахъ придорожныхъ селеній. Кое-гдѣ, впрочемъ, краснѣлось какъ будто костровое зарево, не былъ ли то военный бивуакъ или просто пастушьи огни, — про то аллахъ вѣдаетъ.

На станціи Раманъ въ нашъ вагонъ вошелъ широкоплечій, высокій атлетъ, казачій офицеръ донецъ, опросилъ фамиліи пассажировъ, кто куда ѣдетъ и зачѣмъ, записалъ все это, при чемъ приложилъ не мало труда и усердія, видо до поту на широкомъ лбу и вышелъ, сказавъ: «ну, теперь господа, съ Богомъ, а какъ, значитъ, мнѣ такъ приказано, потому служба — ареваръ!» любезно раскланялся и откозырялъ всею ладонью. Знакомые, родные типы! Особенно знакомые мнѣ, пережившему на своемъ вѣку не мало всякихъ, «военныхъ временъ, перевидавшему не мало всякаго военнаго люда.»

Не доѣзжая какихъ нибудь пяти верстъ до Галаца приходится мѣнять вагоны: поѣздъ идетъ черезъ Барбошскій, знаменитый мостъ къ Браилову, а оттуда въ Бухарестъ, для ѣдущихъ же собственно въ Галацъ формируютъ особый поѣздъ, ѣдущій въ обходъ города. Прутъ впадаетъ въ Дунай, какъ вамъ извѣстно, верстахъ въ двадцати пяти ниже Галаца, у мѣстечка Ренн; рѣка эта своими разливами образуетъ громадныя заливныя озера, воды этихъ озеръ подходятъ чуть не вплотную къ самому полотну объѣздной желѣзной дороги. Кое-кто изъ пассажировъ, замѣтивъ въ темнотѣ блескъ водной поверхности, приняли это за Дунай и даже всполошились нѣсколько — «какъ же, молъ, такъ близко, а ну, какъ турки стрѣлять начнутъ!» пассажировъ этихъ успокоили, и мы благополучно добрались до Галацкой станціи, уже въ третьемъ часу утра.

Я боялся, что по случаю большого скопленія войскъ въ Галацѣ, трудно будетъ найти себѣ помѣщеніе, однако, мои опасенія не оправдались: войска расположены лагерями и всѣ гостиницы свободны; кромѣ того, много жителей Галаца, осо-

бенно береговой его части, позаботились своевременно выѣхать во внутрь страны, изъ страха бомбардировки города, частныя квартиры подешевѣли и пріѣзжему человѣку можно устроиться здѣсь пока довольно удобно.

По пріѣздѣ я узналъ отъ нашихъ офицеровъ слѣдующее:

Отъ Рени въ Галацъ идетъ шоссе, проложенное по самому берегу Дуная. Въ первые дни занятія нашими войсками Галаца, небольшой русскій отрядъ (пѣхота и артиллерія) шелъ по тому шоссе, направляясь къ Галацу. Верстахъ въ пяти не доходя до города изъ отряда, растянувшагося по дорогѣ, замѣтили на Дунаѣ большой турецкій мониторъ, шедшій подъ парами вверхъ, по теченію; за нимъ изъ-за острова выдвинулся другой, а далеко сзади виденъ былъ дымъ третьяго. Первое судно поравнялось съ отрядомъ; разстояніе, отдѣлявшее нашихъ отъ турокъ, было не болѣе 200 саж., даже на глазъ какъ будто менѣе. Людей на палубѣ судна не было видно, люки закрыты, однимъ словомъ на боевомъ положеніи; до слуха нашей колонны донеслась команда капитана монитора. По этой командѣ—жерла орудій показались въ отворившихся люкахъ, въ этихъ темныхъ четыреугольникахъ мелькнули головы артиллеристовъ въ красныхъ фескахъ. Минута была довольно критическая, для нашихъ конечно; что могли сдѣлать ружейныя пули или даже полевыя орудія противъ толстой брони—жертвы съ нашей стороны, казалось, были неизбѣжны. Отрядъ продолжалъ двигаться съ полнымъ спокойствіемъ, люди не ускорили и не уменьшили шага подъ жерлами турецкихъ орудій; они шли такъ же спокойно, какъ и до этой встрѣчи. Къ счастію, турки почему-то раздумали открывать огонь (въ высшей степени странное и непонятное явленіе). Черезъ нѣсколько времени ихъ суда обогнали отрядъ и прошли мимо Галаца, поднимаясь вверхъ по теченію.

Браиловъ расположенъ на крутомъ и высокомъ берегу—самый городъ замаскированъ со стороны Дуная гребнемъ этого обрыва. Турецкій берегъ противъ Браилова низменный здѣсь отъ главнаго русла отдѣляется широкій, судоходный рукавъ, такъ называемый Мачинскій, у раздѣла на самомъ берегу расположено небольшое турецкое село Гечети.

Вчера ночью два турецкихъ военныхъ парохода пришли

сверху и стали на якорь у Гечети. Сегодня наши артиллеристы попытались прогнать эти пароходы, что имъ и удалось какъ нельзя лучше. Дѣло происходило такъ: часовъ въ 12 дня два четырехфунтовыхъ орудія выкачены были на самый гребень обрыва и ровно въ половинѣ перваго открыли огонь— первый снарядъ перелетѣлъ надъ пароходами и ударился въ берегъ, второй сдѣлалъ рикошетъ по водѣ, не долетѣвъ до цѣли, третій снарядъ разорвался какъ разъ подъ носомъ турецкаго парохода и снесъ ему бугь-шпритъ—пристрѣлка сдѣлана и всѣ остальные выстрѣлы попадали какъ разъ. Послѣ перваго выстрѣла на томъ берегу замѣтно было, даже невооруженнымъ глазомъ, сильное движеніе. Батальонъ турецкой пѣхоты разсыпался вдоль берега, нѣсколько конныхъ черкесовъ понеслись по песчаной береговой косѣ въ Мачинъ и изъ Гечетской кафаны выбѣжали моряки, сѣвши на свои суда. Турецкіе пароходы стали отвѣчать послѣ шестого нашего выстрѣла: первый ихъ снарядъ пролетѣлъ высоко надъ головами второй далеко влѣво, ждали третьяго удачнѣе, но этотъ третій, оказался картечью брызнувшей безопасно по водѣ, что вызвало громкій смѣхъ какъ артиллеристовъ, такъ и всѣхъ присутствовавшихъ на берегу. Съ нашей стороны было сдѣлано всего 20 выстрѣловъ изъ четырехъ полевыхъ четырехфунтовыхъ, какъ я уже сказалъ, орудій; менѣе чѣмъ съ полчаса и оба парохода должны были отступить за островъ и скрылись въ Мачинскомъ рукавѣ—у нихъ снесены борты,—значитъ есть потеря и въ людяхъ и повреждено колесо. Турки еще разъ пытались выдвинуться изъ-за острова, но нѣсколько не менѣе удачно пущенныхъ снарядовъ заставили ихъ снова скрыться и на этотъ разъ уйти совсѣмъ. Судя по тяжелому и неловкому ходу этихъ судовъ, поврежденія должны быть весьма серьезны. Съ нашей стороны ни одного раненаго, ни убитаго. Жители Браилова, и въ томъ числѣ даже дамы, наблюдали съ берегового гребня за ходомъ перестрѣлки и аплодировали нашимъ артиллеристамъ. Завтра или послѣзавтра ждутъ еще сверху турецкихъ пароходовъ, а можетъ быть и мониторовъ: предполагаютъ, что турки захотятъ мстить. Наши по этой причинѣ сильно-заторопили окончаніемъ постройки береговыхъ батарей и постановки на нихъ осадныхъ орудій. Кампанія на Дунаѣ значитъ начата.

Въ Рени турецкія суда пытались пройти снизу, но были остановлены выстрѣлами съ нашихъ батарей и повернули обратно къ устьямъ. Съ того берега слухи о сильномъ упадкѣ духа въ рядахъ турецкихъ войскъ.

Сегодня, въ половинѣ двѣнадцатаго на Дунаѣ, нѣсколько ниже Рени, показался пароходный дымъ, но наши батареи приготовились къ встрѣчѣ; ровно въ полдень появился большой турецкій мониторъ и первый открылъ огонь по батареямъ, выстроеннымъ на возвышенномъ берегу между Рени и устьемъ Прута; наши пушки тотчасъ же отвѣчали. Получивъ нѣсколько удачныхъ ударовъ, пароходъ отступилъ, но черезъ четверть часа снова подошелъ на выстрѣлъ. Турецкое судно держало себя очень осторожно, боясь подводныхъ заграждений, протянутыхъ черезъ рѣку, на высотѣ нашей позиціи; до четверти третьяго продолжалась перестрѣлка, послѣ которой мониторъ отступилъ совсѣмъ, съ сильными поврежденіями. Одновременно съ этимъ и противъ Браилова изъ Мачинскаго рукава показались пароходы и въ числѣ ихъ одинъ вчерашній, пострадавшій наканунѣ меньше своего товарища; туркамъ и здѣсь не удалось прорваться къ Галацу. Подробности о потеряхъ нашихъ, если таковыя были, еще неизвѣстны; завтра вѣроятно узнаю и тотчасъ же сообщу.

Изъ оконъ гостиницы «Dacia», гдѣ я остановился, видѣнъ весь заворотъ Дуная и мѣстечко Рени можно было очень удобно наблюдать за ходомъ боя, клубы порохового дыма видны были отчетливо, звукъ выстрѣловъ доносился, впрочемъ, довольно слабо. Въ Галацѣ все и вся переполошилось страшно, на крышахъ, на балконахъ, на всѣхъ возвышенныхъ пунктахъ видны были толпы любопытныхъ, наблюдавшихъ за перестрѣлкою; къ тремъ часамъ дня на томъ берегу, полузатопленномъ еще водою, показались группы болгарскихъ бѣглецовъ и нѣсколько повозокъ, запряженныхъ волами. Несчастные, бродя по поясъ въ водѣ, пробирались къ берегу Дуная, съ ними были и женщины. Отсюда послали лодки, чтобы ихъ принять, оно и кстати, потому что вдали, верстахъ въ десяти уже видно нѣсколько каиковъ, въ бинокль даже очень ясно. Самъ Галацъ собственно беззащитенъ—здѣсь нѣтъ береговыхъ батарей, и

турки, если бы только могли прорваться у Браилова и у Рени, могли бы почти безнаказанно бомбардировать городъ, но у Рени прорваться невозможно, тамъ сильныя батареи и, какъ я уже сказалъ, подводныя заграждения и линіи; у Браилова же работы будутъ окончены еще дня черезъ два и съ мониторами, пока тянются наши полевыя орудія и, какъ видите, довольно успѣшно.

Потерею вчерашней перестрѣлки былъ на нашей сторонѣ только одинъ ребенокъ; покрытельскій снарядъ случайно залетѣлъ въ городъ и, не разорвавшись, пробилъ стѣну одного дома, въ прибрежномъ кварталѣ; завтра поѣду въ Браиловъ, узнать подробности сегодняшняго дѣла.

Сегодня рано утромъ я выѣхалъ изъ Галаца по соединительной вѣтви желѣзной дороги, ведущей черезъ Барабошскій мостъ въ Браиловъ. Дорога идетъ кружно, огибая всю нагорную часть берега, такъ что до Барабошской станціи надо ѣхать около часа времени, между тѣмъ какъ по прямой экипажной дорогѣ будетъ не болѣе пяти верстъ. У самой станціи видѣнъ длинный пугъ открытыхъ платформъ съ нашими осадными орудіями, назначенными для постановки на барабошскихъ и браиловскихъ батареяхъ. Берега укрѣпляются и вооружаются солидно и для всѣхъ турецкихъ мониторовъ и военныхъ пароходовъ, которые теперь находятся на Дунаѣ выше Браилова, предстоитъ участь весьма печальная: выходъ въ море обратно для нихъ теперь невозможенъ, а въ случаѣ успѣшныхъ дѣйствій нашихъ войскъ по ту сторону Дуная, суда эти или должны будутъ вступить въ рискованный бой съ нашими береговыми батареями, или спустить флагъ—конечно, это пока только розовыя мечты и предположенія, но тѣмъ не менѣе весьма осуществимыя, по крайней мѣрѣ наши артиллеристы смотрятъ на турецкіе рѣчные мониторы, какъ на свои призы. Дай Богъ! Въ одномъ вагонѣ со мною ѣдетъ, въ числѣ прочихъ пассажировъ, какой-то полковой казначей: онъ везетъ золото и серебро въ мѣшкахъ, для выдачи офицерамъ жалованія: до сихъ поръ еще не всѣ части получили звонкую монету и офицеры сильно терпятъ отъ низкаго курса бумажныхъ денегъ, еще бы: они смотрятъ на свои рубли,

какъ на четыре франка, а принуждены отдавать ихъ только за два съ половиною. Къ тому же румыны, пользуясь наплывомъ войскъ, подняли невѣроятно цѣны на все, даже самое необходимое. Можно ли повѣрить, если я скажу, что въ Петербургѣ у Бореля можно пообѣдать даже съ виномъ втрое дешевле, чѣмъ въ мерзѣйшемъ галанкомъ ресторанѣ. Казначей, мой спутникъ, везетъ ввѣренную ему сумму съ осторожностію, достойной добросовѣстнаго исполненія: самъ сидитъ на скамьѣ, передъ нимъ чинно въ рядъ мѣшки съ золотомъ, справа и слѣва по часовому съ оружіемъ рукахъ. Вся эта воинственная обстановка видимо смущаетъ туземныхъ пассажировъ, они жмутся въ противоположномъ кончѣ вагона и посматриваютъ на воинственную группу какъ-то боязно, искоса...

Справа и слѣва тянется холмистая равнина степного характера, тамъ и сямъ пасутся большія отары овецъ, изрѣдка бѣлѣются разбросанныя по степи молдаванскія хаты, торчатъ гибкіе шесты колодцевъ—журавлей. Густое облако пыли поднимается изъ-за ската холма и несется прямо на нашъ поѣздъ: это табунъ казачьихъ верховыхъ лошадей, пригнанныхъ сюда для водопоя изъ текучскаго лагеря; въ пыли мелькаютъ косматыя конскія головы, кивера донцевъ и ихъ длинныя пики. А вотъ опять мѣстность начинаетъ подниматься крутыми уступами, ниже того уступа влѣво блеститъ вода, зеленѣютъ густыя группы деревьевъ, одна за другою начинаютъ показываться красныя черепичныя крыши домиковъ съ бѣлыми трубами и неизбѣжными аистовыми гнѣздами—это станція Барабшъ и небольшое селеніе того же имени, на самомъ гребнѣ уступа бѣлѣются палатки нашихъ пѣхотинцевъ, ниже—живописными группами видны коновязи казачьихъ полковъ. Рѣка Серретъ огибаетъ этотъ крутой уступъ почти у подножья и, разлившись болотистыми поросшими кустарникомъ лугами, впадаетъ въ Дунай, который тоже ясно видѣнъ отсюда, особеннно съ вершины горы, гдѣ устроена наша батарея. Эта батарея устроена чрезвычайно оригинально, такъ что надо подойти сзади и вплотную къ ней, чтобы тогда замѣтить это грозное сооруженіе; съ Дуная же, даже со станціи желѣзной дороги, т. е. съ фронта ея непримѣтно вовсе. Стрѣлять по этой батареѣ можно только на дымъ ея выстрѣловъ, сама же она обстрѣливаетъ превосходно все устье Серрета и знамени-

тый Барабошскій мостъ. Поѣздъ остановился на нѣсколько минутъ на станціи, опять оживленная толпа военнаго люда, опять груды военныхъ грузовъ, опять платформа съ осадными орудіями, словомъ, все та же военная, боевая обстановка, царствующая теперь на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ Молдавіи, Большой и Малой Валахіи. Бойкое время переживаетъ теперь эта маленькая, торопящаяся нажиться на нашъ счетъ и не скажу, чтобы очень гостепріимная страна.

Барабошскій мостъ,—это по виду весьма обыкновенный желѣзнодорожный мостъ на четырехъ каменныхъ устояхъ и на сводчатыхъ желѣзныхъ фермахъ; успѣй его испортить турки, что мимоходомъ сказать, имъ почти ничего не стоило бы до прихода нашихъ войскъ, они надѣлали бы намъ не мало хлопотъ, разорвавъ главную нить всѣхъ нашихъ военныхъ сообщеній; но они не успѣли или не догадались, ну, и слава Аллаху! Гулко катится поѣздъ между мелькающихъ въ окна желѣзныхъ стропилъ и крестообразныхъ брусьевъ; дальше почти до самаго Браилова, берегъ идетъ низменный, слегка волнующійся, и уже у этого города снова поднимается выше, образуя браиловскія береговыя кручи.

Въ настоящую минуту Браиловъ сильно опустѣлъ, все, что только имѣло возможность по добру по здорову выбраться отсюда, выѣхало во внутреннія города страны, недавніе выстрѣлы турецкихъ мониторовъ надѣлали не мало тревоги въ городѣ. Когда я пошелъ осматривать то мѣсто на берегу, откуда былъ сдѣланъ нашъ первый дунайскій выстрѣлъ, то дорогою мнѣ указывали слѣды двухъ турецкихъ снарядовъ, попавшихъ въ городъ; одинъ изъ нихъ проломилъ изрядное отверстіе въ деревянной стѣнѣ публичнаго сада, развороталъ рикошетомъ нѣсколько камней посреди мостовъ и откатился, остановившись у фундамента противоположнаго дома. Вотъ уже три дня прошло съ того времени, а до сихъ поръ еще около этихъ слѣдовъ собирается толпа любопытныхъ, а въ этой толпѣ непремѣнно уже есть какой-нибудь очевидецъ, повѣствующій слушателямъ всѣ мельчайшія подробности событія. Другой снарядъ пробилъ стѣну въ маленькомъ береговомъ кабачкѣ и не разорвавшись остался посреди комнаты. Длинный бульваръ, ведущій къ нашей новостроющейся батареѣ № 3, упирается въ большую площадь, обстроенную казенными зда-

піями, эта самая высокая часть берега, отсюда, какъ на ладони видѣнъ весь разливъ Дуная, его противоположный берегъ и часть Мачинскаго рукава; у входа въ этотъ рукавъ раскинулось узкою полоскою небольшое турецкое селеніе Гечети, совершенно пустое въ данную минуту. Изрѣдка только, между домиками этого селенія, мелькаютъ конныя фигуры черкесовъ, слѣдящихъ за нашими фортификаціонными работами. Вотъ и тѣ два четырехфунтовыя орудія, что послали первыя ядра въ турецкіе пароходы. Они теперь уже скромно откачены съ своей боевой позиціи, тамъ теперь сооружаютъ батарею для орудій болѣе солидныхъ размѣровъ. Батальонъ солдатъ знаменитаго по севастопольской оборонѣ селенгинскаго полка, поставивъ ружья въ козлы и сложивъ свою боевую амуницію, усердно работаетъ кирками, лопатами и прочими подходящими къ дѣлу орудіями. Воловій обозъ только что подвезъ сюда лѣсъ для блиндажей и платформъ. Пушки уже привезены и надо ихъ только втащить и установить на свои мѣста, инженерные офицеры торопятся сильно, они говорятъ мнѣ, что имъ ужасно хочется къ завтрему привести все къ окончанію. Изъ-за зеленой линіи Мачинскаго острова видно три пароходныхъ дыма, это мониторы, спрятавшіеся за островомъ и не смѣющіе теперь высунуть носъ изъ своего прикрытія. Солдатикъ весь въ поту съ лопатою въ мозолистыхъ рукахъ, стоитъ на самомъ гребнѣ вновь насыпаннаго бруствера и потѣшаетъ товарищей. Онъ обращается къ туркамъ съ просьбою повременить денекъ и не уходить... «Голубчики мои, говоритъ онъ, отцы родные, обождите до завтра. Вотъ поставимъ наши пущеночки, мы васъ можетъ и тамъ облагодѣтельствуемъ»...

— Проси крѣпче, Сенька, проси!—хохочутъ слушатели и надсаживаются, выворачивая кирками пудовыя глыбы суглинковатой земли, никакихъ понужденій, ничего такого насильственнаго не требуется вовсе, всѣ отъ большого до малаго, какъ на свое собственное личное дѣло смотрятъ. Отрадно смотрѣть на такую тяжелую, указную, но не подневольную работу. И тотъ же самый солдатъ, въ мирное время, работая даже за деньги поденно, относится къ своему дѣлу совсѣмъ иначе, такъ вотъ и наровитъ протянуть лишній часокъ отдыха, урвать хотя минуту времени у ненавистной, а главное скучной работы.

Влѣво берегъ тянется вогнутою дугою, въ концѣ этой дуги къ Дунаю выдвигается высокій мысокъ; тамъ тоже копошатся люди, тоже кипитъ спѣшное боевое дѣло, возведеніе еще одной батареи, съ которой Мачинскій рукавъ можно обстрѣливать вдоль на большое разстояніе. Выборъ позиціи чрезвычайно удачный.

Дождя, слава Богу, прекратились: судя по состоянію неба, хорошая погода простоитъ довольно долго; это весьма утѣшительно и пріятно—просушитъ дороги, а, главное, сдѣлаетъ бивачную жизнь несравненно болѣе сносною, чѣмъ въ теченіе этой прошедшей недѣли.

XII.

Странныя вещи творятся вокругъ меня въ данную минуту. Во всей Румыніи что-то происходитъ и даже это что-то весьма грандіознаго свойства. Движутся массы войскъ, тянутся безконечные обозы и парки; и рельсы, и шоссе, и проселки, все занято этимъ движеніемъ, куда, что, зачѣмъ? Ничего неизвѣстно, не только намъ, пріѣзжимъ туристамъ, корреспондентамъ, но даже и мѣстнымъ жителямъ, и самимъ движущимся. Кого не спросите—одинъ отвѣтъ: пожиманіе плечъ и лаконическое «ничего не знаю». Спросите, гдѣ въ данную минуту такая-то часть? Хотя бы даже весьма крупная часть, тотъ же отвѣтъ, то же недоумѣвающее пожиманіе плечъ, и это не скрытность, не желаніе воздержаться отъ точнаго и опредѣленнаго отвѣта, нѣтъ — это дѣйствительно полное незнаніе. Я имѣлъ много разъ случай вполнѣ убѣдиться въ этомъ. Каждый членъ нашей арміи знаетъ только ту крохотную роль, которую долженъ исполнять точно и аккуратно, а къ чему служитъ эта роль, какъ она связана съ другими — это уже до него не касается. Все идетъ чинно, въ высшей степени точно и разсчитано. Вы видите сложный часовой механизмъ и его почтенную, аккуратную работу, но у этого механизма отняты показывающія результаты стрѣлки и вы лишены всякихъ показаній, вамъ остается только, если хотите, созерцать, созерцать даже съ нѣкоторымъ духомъ почтительности и уваженія къ созерцаемому и отложить всякія попытки узнавать, угадывать, предполагать и проч. въ этомъ родѣ. Никогда еще ни въ одной арміи главные ея дѣятели и руководители не сохра-

няли такъ умно и такъ тщательно главнѣйшую тайну своихъ плановъ, какъ въ настоящее время въ нашей дунайской арміи.

Сижу пока въ Галацѣ, это главный узелъ движенія, онъ какъ разъ по пути и терпѣливо жду прибытія сюда, или куда-нибудь поблизости главной квартиры и начала дѣйствительныхъ военныхъ боевыхъ операцій. Можетъ быть это совершится завтра, даже сегодня, можетъ быть пройдетъ еще недѣля, двѣ, три, ничего и никому неизвѣстно, конечно, кромѣ самихъ набольшихъ. Безспорно, это дѣлаетъ имъ великую честь, но куда какъ тяжело и томительно корреспонденту.

Бѣглецы съ того берега прибываютъ въ Галацъ ежедневно и по одиночкѣ, и болѣе значительными партіями. Большинство изъ нихъ, конечно, болгары изъ окрестныхъ деревень, разбросанныхъ по всей низменной полосѣ праваго берега. Турки стянули всѣ свои регулярныя войска къ крѣпостямъ и балканскимъ подножьямъ; Добруджа тоже почти очищена отъ регулярныхъ войскъ, тамъ ихъ осталось не болѣе шести тысячъ— страна предоставлена въ полное распоряженіе шайкамъ черкесовъ и башибузуковъ; эти голодные разбойники на своихъ тощихъ клячахъ рыщутъ по уцѣлѣвшимъ болгарскимъ селеніямъ, забираютъ остатки и чуть не поголовно рѣжутъ жителей. Все, что только осталось живымъ, бѣжитъ къ Дунаю и переправляется на наши берега.

Каждый день съ возвышенныхъ пунктовъ Галаца, откуда весь противоположный берегъ видѣнъ верстъ на тридцать какъ на ладони, вы можете наблюдать за этимъ отчаяннымъ бѣгствомъ; прежде, нѣсколько дней тому назадъ, видны были и преслѣдователи, не рисковавшіе, впрочемъ, близко подъѣзжать къ берегу и останавливающіеся всегда за чертою второго розлива рѣки, внѣ выстрѣла отсюда. Съ тѣхъ поръ же, какъ начали высылать отсюда маленькія казачьи команды для прикрытія бѣглецовъ, черкесовъ больше въ виду не показывалось. Ночью обыкновенно несчастные болгары оставляютъ свои жилища, захвативъ съ собою свои плачевные остатки добра и, подъ прикрытіемъ темноты, бредутъ по болотамъ, вязнутъ по колѣно въ грязи, а то и вплавь переправляются черезъ болѣе значительныя водныя затопи, выбирая дорогу попрямѣе и поближе къ цѣли — къ разсвѣту они уже достигаютъ берега Дуная... Сердце болитъ и ноетъ, когда наблюдаешь за этими,

медленно двигающимися человѣческими фигурами, въ сильный бинокль можно различить даже нѣкоторыя подробности... вонъ женщины съ дѣтьми на рукахъ, вонъ ряса священника, вонъ что-то движется тяжелое, неуклюжее — это тощій волъ, Богъ вѣсть какъ не попавшій въ голодные желудки черкесовъ, навьюченный узлами, кое-какою утварью, образами и церковными хоругвями... Здѣсь, въ Галацѣ, полиціи и береговымъ командамъ вмѣнено въ обязанность имѣть всегда на-готовѣ лодки для перевозки этихъ страдальцевъ. Завидѣвъ такую партію, лодка отчаливаетъ и идетъ къ нимъ, забираетъ ихъ на свою палубу и черезъ полтора, много два часа бѣглецы уже внѣ всякой опасности, но въ какомъ отчаянномъ положеніи! Это уже не люди изъ плоти и крови—это уже какія-то страшныя тѣни, едва-едва сохранившія образъ человѣческій... Вмѣсто щекъ глубокія сухія впадины, носъ завостренъ какъ у труповъ, въ ввалившихся глазахъ огонь горячки и изнурительной лихорадки, намокшія, грязныя до-нельзя, а то и окровавленныя лохмотья, увѣчное, израненное тѣло... какой-то несвязный лепетъ вмѣсто рѣчи и боязливое вздрагиванье при каждомъ рѣзкомъ звукѣ, при каждомъ неожиданномъ прикосновеніи.

Днемъ, на горизонтѣ, у самаго почти подножья горныхъ группъ, разбросанныхъ въ видѣ какихъ-то возвышенныхъ острововъ по всему сѣверо-восточному треугольнику дунайскихъ низовьевъ, можно замѣтить [illegible] столбы дыма, стелющіеся по вѣтру и мало-по-малу сливающіеся въ одно [illegible], сплошное облако, — это догораютъ [illegible] деревни и хуторы. Ночью [illegible] подвиги турокъ... Деревня [illegible], одна изъ [illegible] деревень праваго берега, [illegible] а [illegible], Гарбово, большое селеніе съ русскою церковью — [illegible], я не знаю, уцѣлѣло ли хотя что-нибудь на той сторонѣ? Впрочемъ, Затокъ, тотъ самый Затокъ, въ которомъ я былъ лично мѣсяца два тому назадъ, еще цѣлъ. тамъ не тронуто ни одного домика, только онъ пустъ теперь совершенно — это населеніе, впрочемъ, чисто турецкое, его обитатели поспѣшили удалиться, только не къ намъ, а въ Мачинъ и Исакчу; казаки-охотники, перебравшись на лодкахъ туда, уже не нашли тамъ ничего, кромѣ случайно забытаго въ лавкѣ мѣшка съ табакомъ сомнительнаго достоинства. Болгарамъ, жителямъ побережныхъ

деревень, до которыхъ доходятъ воды дунайскаго розлива, тамъ удалось добыть кое-какія лодченки, и на этихъ щепкахъ, рискуя пойти ко дну, они переплываютъ Дунай, борятся съ его быстрымъ, волнистымъ теченіемъ. Несетъ такую несчастную лодку внизъ, швыряетъ изъ стороны въ сторону, пока ее не выручитъ подоспѣвшее съ этого берега болѣе солидное судно. Вчера изъ-за зеленой осоки и густой заросли молодого плавника появился даже цѣлый плотъ, связанный изъ бревенъ и настланный плетнями, на этомъ плоту тѣснилось нѣсколько семей, человѣкъ двадцать, съ волами и овцами, по срединѣ стоялъ церковный престолъ съ книгами и сосудами, узелъ съ ризами и самъ священникъ, сѣдой, совсѣмъ дряхлый старикъ, въ изношенной, побурѣвшей отъ времени суконной рясѣ, вмѣсто пояса подхваченной веревкою, босой и съ крестомъ въ рукахъ деревяннымъ, околоченнымъ жестью. Тутъ же торчали хоругви и большой церковный крестъ, снятый съ крыши, даже колоколъ, маленькій, впрочемъ, захватили съ собою разоренные въ конецъ бѣглецы... Этотъ плотъ медленно вытянулся на баграхъ изъ затоновъ, вошелъ въ Дунай и уже на веслахъ переправился на ту сторону. Съ колокольни галатской болгарской церкви тоже должно быть замѣтили эту плавучую группу и встрѣтили ее звономъ своихъ колоколовъ и открытыми дверями для пріема и помѣщенія всѣхъ спасенныхъ священныхъ предметовъ.

Прибывшихъ съ того берега бѣглецовъ препровождаютъ обыкновенно на первыхъ парахъ въ мерію, тамъ ихъ считаютъ, записываютъ имена, мѣсто ихъ прежняго жительства, и уже потомъ, покормивъ конечно предварительно, распредѣляютъ ли по обывательскимъ домикамъ, на правахъ солдатскихъ постоевъ кромѣ того по подпискѣ собираютъ въ городѣ, впрочемъ, весьма незначительныя суммы для ихъ содержанія. Большинство болгаръ мужчинъ проситъ выдачи имъ оружія и мѣста въ рядахъ нашихъ солдатъ. Просьбы тѣмъ, кто оказывается годнымъ для военной службы, удовлетворяются—ихъ направляютъ въ спеціально сформированный для этой цѣли русско-болгарскій легіонъ, въ составъ котораго вошли и добровольцы, вернувшіеся изъ Сербіи и пожелавшіе продолжать воевать съ турками, отмстить имъ, какъ они вы-

ражаются, за Дьюнимъ и сербскія пораженія. Легіономъ этимъ командуетъ генералъ Столѣтовъ, тотъ самый, который былъ въ 1874 году начальникомъ ученой экспедиціи въ Аму-дарьинскую дельту—это генералъ крайне способный для подобной цѣли, отлично знаетъ славянскія нарѣчія и турецкій языкъ, знаетъ хорошо край, гдѣ ему придется дѣйствовать, однимъ словомъ, выборъ весьма удачный.

Третьяго дня и вчера единственный находящійся здѣсь буксирный пароходъ занятъ былъ собираніемъ судовъ, разбросанныхъ вдоль берега версты на три вправо и влѣво отъ города; это сдѣлано для того, чтобы облегчить надзоръ за берегами въ виду большей безопасности для самихъ судовъ. Теперь всѣ эти шкуны, барки и прочія суда станутъ къ общей пристани у русскаго агентства общества пароходства и торговли. Вдоль берега на всѣхъ пристаняхъ разставлены часовые казаки и мѣстные доробанцы—оно и кстати, потому что въ Галацѣ всегда находится нѣсколько тысячъ рабочихъ грековъ, армянъ, итальянцевъ и другихъ, самыхъ неопредѣленныхъ національностей; эти господа до войны существовали только тѣмъ, что работали поденно на пристаняхъ, разгружая и нагружая суда, они зарабатывали себѣ весьма достаточно не только для своего ежедневнаго пропитанія, но даже могли кое-что и отложить (средняя цѣна деннаго заработка 4 франка). Теперь же движеніе по Дунаю прекратилось, торговли никакой и вся эта голодная арава рабочихъ бродитъ по берегу, безъ всякаго дѣла, между ними большинство безъ взякихъ документовъ, народъ въ высшей степени подозрительный и, по всей вѣроятности, между ними есть и турецкіе шпіоны;—нѣсколько человѣкъ изъ нихъ уже арестовано, не знаю только на сколько сильныя оказались улики. Кромѣ казачьихъ постовъ еще содержатся конные разъѣзды—по берегу и по улицамъ что придаетъ городу видъ нѣсколько тревожный и воинственный, подобающій мѣсту и времени.

Въ Галацѣ нѣтъ театра, т. е. зданіе то въ видѣ длиннаго сарая безъ оконъ существуетъ, но оно пусто; единственнымъ развлеченіемъ нашихъ офицеровъ служитъ большой залъ отеля «Романія», гдѣ устроена эстрада, а на этой эстрадѣ подвизается полуфранцузская, полунѣмецкая, полужидовская каскадная труппа. Наши держатъ себя въ высшей степени

сдержанно, что немного удивляетъ мѣстныхъ обывателей, разсчитывавшихъ на широкій разгулъ и дымъ коромысломъ. Вечера въ «Романіи» начинаются обыкновенно довольно рано и также рано кончаются, офицеры, главнѣйшіе ея посѣтители,— должны ночевать обязательно въ лагеряхъ, да и вставать-то приходится имъ, что называется, со свѣтомъ, а потому долго засиживаться не приходится. Мѣстные обитатели группируются обыкновенно по вечерамъ въ кафе, разбросанныхъ чуть не на всѣхъ перекресткахъ города; тамъ идутъ толки, разговоры, предположенія и со всѣхъ сторонъ сыпятся самыя новѣйшія и самыя вѣрнѣйшія извѣстія. Главный предметъ всего этого словоговоренія, конечно, настоящая война и чего-чего только вы можете наслушаться здѣсь, просидѣвъ хотя полчаса въ какомъ-нибудь изъ этихъ кафе. Газеты исключительно только румынскія и нѣмецкія, разъ только я видѣлъ французскую иллюстрацію и ни разу ни въ одномъ отелѣ, ни въ одномъ ресторанѣ я не видѣлъ ни одной русской газеты—это уже не совсѣмъ любезно и предупредительно относительно гостей изъ-за Прута. Вообще, несмотря на кажущуюся оживленность и видимое многолюдство, всюду, куда ни посмотришь—въ городѣ царствуетъ самая томительная скука и застой во всѣхъ отношеніяхъ.

Поѣздъ изъ Галапа пришелъ поздно ночью, око трехъ часовъ: отсюда въ Бухарестъ идетъ другой поѣздъ, кромѣ этого ночного, въ девять часовъ утра. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ небольшимъ промежуткомъ времени и побывать на береговыхъ батареяхъ, отличившихся на-дняхъ взрывомъ монитора «Лутфи-Джелиля». Отправляться на эти батареи ночью нечего было и думать: во-первыхъ, мало что можно разсмотрѣть въ этомъ густомъ мракѣ, а, во-вторыхъ, меня, просто на просто, не пропустили бы за цѣпь часовыхъ. Надо было переждать нѣсколько часовъ, остававшихся до разсвѣта. Залы станціи желѣзной дороги заняты подъ канцеляріи комендантовъ и прочія военно-оффиціальныя надобности; въ распоряженіе пассажировъ предоставлены только буфетъ и крохотная столовая, вѣчно переполненные посѣтителями, преимущественно, конечно, нашими военными. Военные поѣзда приходятъ и отхо-

дятъ чуть не каждый часъ, комендантъ и начальники станціи суетятся несказанно. Слышны звуки военныхъ рожковъ и барабановъ, призывъ по вагонамъ. Казачьи урядники снуютъ по всѣмъ направленіямъ, розыскивая склады фуража. Офицеры толпятся у буфета, торопясь наскоро закусить, по плотно утрамбованному земляному полу веранды раздаются мѣрные звуки шаговъ въ порядкѣ проходящихъ командъ, все это покрывается рѣзкимъ свистомъ локомотивовъ, хаосъ звуковъ несказанный, сумятица повидимому страшная, а ничего, порядка довольно, поѣзда отходятъ и приходятъ во-время, даже частное пассажирское движеніе и то нисколько не тормозится отъ этого наплыва проходящаго воинства, отъ этой усиленной, хлопотливой дѣятельности. Личный персоналъ румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, конечно, ничего бы не могъ сдѣлать здѣсь своими собственными силами, если бы не были организованы военныя русскія комендантства желѣзнодорожныхъ станцій, и комендантствомъ этимъ денной и ночной работы болѣе чѣмъ достаточно. Подремавъ немного на стулѣ, я дождался таки восхода солнца и пошелъ по городу.

Для того, чтобы попасть на батареи, надо пройти весь Браиловъ, до самаго обрывистаго берега Дуная,—разстояніе это будетъ около трехъ верстъ, если не болѣе. Рано,—экипажей еще нѣтъ,—пришлось итти пѣшкомъ. Длинный, жаль только, что почти неимѣющій тѣни, бульваръ ведетъ черезъ весь Браиловъ, до самыхъ береговъ, итти удобно, да еще и не жарко, солнце только что всходитъ, и на улицахъ, во дворахъ, въ этихъ мизерныхъ домикахъ, что вереницами тянутся справа и слѣва, мало-по-малу просыпается все живое, копошится, выглядываетъ на свѣтъ божій заспанными глазами и лѣниво принимается за свою ежедневную работу. Черезъ часъ ходьбы я былъ уже у берега.

Передъ моими глазами раскинулась бойкая, военная боевая картина: у длинныхъ зданій таможни и складовъ, у казармы мѣстныхъ войскъ, на зеленомъ лугу, расположились наши бивуаки: здѣсь стройныя линіи ружейныхъ козелъ, тамъ, дальше, коновязи артиллерійскихъ лошадей. Утреннее солнце ярко освѣщаетъ зеленые, чистенькіе такіе бока зарядныхъ ящиковъ, сверкаетъ на ружейныхъ штыкахъ, на мѣдныхъ котелкахъ, привязанныхъ къ солдатскимъ ранцамъ. Группы пѣхотинцевъ

лежатъ, стоятъ и движутся по этому лугу. Кони весело ржутъ, чуя утреннюю порцію ячменя, невыносимо скрипятъ немазанныя оси мимо проходящаго воловьяго обоза, а ближе, по сю сторону водопромойнаго оврага, разнокалиберныя шеренги румынскихъ новобранцевъ хрипло выкрикиваютъ свое вѣчное: уно, дое, тре! подъ команду отставныхъ унтеръ-офицеровъ. Теперь время самаго горячаго призыва въ ряды и въ каждомъ городѣ можете видѣть этихъ будущихъ воиновъ, готовящихся къ ратному полю. Пока они еще въ своемъ платьѣ, кто въ чемъ попало; рядомъ съ модными пиджакомъ стоитъ длиннополая крестьянская рубаха, а за нею рабочая куртка, или шитая шнурами венгерка, дальше что-то вродѣ шлафрока, а такъ далѣе, съ изумительную пестротою и разнообразіемъ. Новобранцы подъучиваются немного, ознакомливаются съ оружіемъ и немедленно отправляются по своимъ частямъ, гдѣ уже и получаютъ форменную обмундировку. Прошелъ мимо этихъ новичковъ; миновалъ и бивуакъ нашихъ армейцевъ. На голубомъ фонѣ противоположнаго берега на самомъ гребнѣ обрыва грознымъ силуэтомъ тянется правильное очертаніе брустверa батареи и торчатъ четыре жерла колоссальныхъ орудій,—это батарея № 3. Артиллеристы группируются кто по своимъ ложементамъ, кто на брустверѣ и около, на лѣвомъ флангѣ батареи, на трехногомъ станкѣ большая зрительная труба и около нея нѣсколько человѣкъ нашихъ офицеровъ. Я направился къ нимъ, нашлись знакомые, поздоровались. Какая чудная широкая-такая картина развертывается передъ глазами съ этой высокой точки; точно съ птичьяго полета вы видите и главное русло Дуная, и его береговые розливы съ полузатопленными еще двориками и садами, и островъ Мачинъ, густо поросшій ярко-зеленымъ кустарникомъ, а за нимъ опять воды Мачинскаго рукава, далѣе плоская лента противоположнаго берега, на самомъ горизонтѣ красивая зубчатая линія горъ, все это такъ свѣжо, такъ прозрачно, такъ эффектно, роскошно освѣщено косыми розовыми лучами утренняго солнца. Прямо напротивъ батарей— у берега разрушенное турецкое селеніе Гечети. Оно служило прикрытіемъ для непріятельскихъ стрѣлковъ, а посему и предано казни; за нимъ нѣсколько правѣе, но значительно далѣе, на первыхъ уступахъ холмистой грязи, бѣлѣются кро-

хотныя точки—это лагерь турецкихъ войскъ;—еще правѣе и еще нѣсколько дальше, чуть-чуть видна на плоскости слѣдующаго холма мачинская казарма, а выше группа домиковъ самаго селенія; по Мачинскому рукаву кое-гдѣ движутся лодки, три длинныя струи дыма указываютъ мѣсто стоянки турецкой эскадры. Въ бинокль, а особенно въ эту большую трубу суда видны совершенно отчетливо, даже то, что на ихъ палубахъ. Тамъ стоятъ: одинъ большой двухтрубный пароходъ и двѣ панцырныя канонирки. Стоятъ, однако, на весьма приличномъ разстояніи отъ нашихъ пушекъ. Печальная участь ихъ старшаго товарища Лутфи-Джелиля заставила ихъ быть много трусливѣе, и осторожнѣе, а вотъ и останки покойнаго: прямо по направленію жерлъ нашихъ пушекъ видна вершина довольно толстой мачты, косая рея и веревки; это все, что осталось на поверхности воды, отъ колоссальнаго судна; все остальное, и пушки и люди, все тамъ внизу, на глубинѣ 22 футовъ, и мало-по-малу засасывается пескомъ и иломъ. Турки не рѣшаются даже подходить къ мѣсту катастрофы, а наши бываютъ частенько, конечно, не для того чтобы извлечь снова на свѣтъ Божій броненоснаго утопленника,—это и трудновато да и не своевременно,—ѣздятъ наши охотники на рекогносцировку и за каменнымъ углемъ. Турки заготовили его большое количество на томъ берегу, и намъ онъ оказался очень нуженъ, вѣдь наши пароходы уже работаютъ на пространствѣ между Рени и Браиловомъ. Третьяго дня ходила на ту сторону большая команда наша, на баржѣ, которую буксировалъ нашъ параходикъ; взяли у турокъ около тысячи пудовъ угля и благополучно отправились обратно, но тутъ случилось, т. е., правильнѣе, чуть было не случилось несчастіе и несчастіе крупное. Дѣло въ томъ, что у парохода что-то испортилось, говорятъ, въ винтѣ и оба судна поташило по теченію, какъ разъ на наши минныя загражденія. Опасность была громадная—съ батарей поданы были сигналы, съ несчастнаго парохода отвѣчали, что понимаютъ положеніе и принимаютъ мѣры; къ счастію, машинистамъ удалось во время исправить поврежденіе и справиться,—суда, команда и уголь вернулись благополучно и собираются опять ѣхать; сегодня вотъ тоже готовится экспедиція. Всѣмъ этимъ смѣлымъ экскурсіямъ турки или не хотятъ, или, вѣрнѣе, не смѣютъ, не въ

силахъ препятствовать; больше нечѣмъ объяснить ихъ видимую трусость и бездѣйствіе.

Съ батареи № 3 хорошо видна влѣво батарея № 4, мортирная, расположенная, на далеко выдающейся впередъ оконечности остраго мыса; съ этой батареи Мачинскій рукавъ видѣнъ вдоль, позиція превосходная для его обстрѣливанія.

Погостивъ часа два по батареямъ, отправился я обратно къ вокзалу желѣзной дороги, да и было уже время. Поѣздъ изъ Барабошъ подходилъ и я могъ продолжать свое путешествіе.

Все пространство между Бузео и Плоештами довольно ровное, и изъ оконъ вагона вы можете видѣть вправо и влѣво очень далеко. На поляхъ кипитъ мирная земледѣльческая работа, тяжелые плуги, запряженные четырьмя и даже шестью парами воловъ, бороздятъ тучную землю, готовятся къ посѣву, а по дорогамъ всюду идутъ безконечные обозы съ фуражемъ и провіантамъ. Это все направляется на временные пункты дневокъ и ночлеговъ проходящихъ командъ. Товарищество, взявшееся за продовольствіе арміи, во время пребыванія ея въ княжествахъ и даже за Дунаемъ, встрѣтило массу самыхъ непредвидѣнныхъ затрудненій. Главное — это недостатокъ въ краѣ сѣна, его дурное качество и затруднительность перевозки. Весна запоздала, рабочій скотъ занятъ пашней, перевозить некому. Однако, несмотря на всѣ эти невыгоды, кое-какъ справляются; работа кипитъ и днемъ, и ночью. Сѣно—это большое мѣсто товарищества, остальное все идетъ ладно. Впрочемъ, у насъ въ бессарабскихъ складахъ заготовлено болѣе 2-хъ милліоновъ пудовъ пресованнаго сѣна; вотъ немного поосвободятся вагоны, можно будетъ перевести. Передовая линія фуражныхъ и продовольственныхъ складовъ уже основана и магазины начинаютъ пополняться. Вообще приготовленія къ переходу войскъ идутъ хотя и нѣсколько медленно, да за то основательно. Впрочемъ и торопиться особенно некуда—вода Дуная нѣсколько дней какъ пошла на убыль, а при настоящемъ полноводьи переправа немыслима, или, покрайней мѣрѣ, слишкомъ затруднительна.

XIII.

Болгарскій легіонъ, ввѣренный въ командованіе генералу Столѣтову, состоитъ при главной квартирѣ. Въ началѣ своего зарожденія, еще въ Кишиневѣ, онъ едва достигалъ цифры 300 человѣкъ, значитъ не могъ еще назваться даже батальономъ; съ тѣхъ поръ, особенно съ переходомъ нашихъ войскъ въ предѣлы княжествъ, легіонъ этотъ сталъ быстро пополняться болгарами-волонтерами, какъ живущими въ Румыніи, такъ и бѣглецами изъ своей разоренной, поруганной родины. Почти ежедневно съ того берега приходятъ голодные, покрытые лохмотьями, часто изувѣченные страдальцы и первымъ ихъ словомъ, первою просьбою является не хлѣбъ, а оружіе. Вдохновленные жаждою мести, горячимъ желаніемъ спасти свою родину, они составляютъ превосходный боевой элементъ и, конечно, болѣе молодые и сильные, вступаютъ въ ряды болгарскаго легіона. Въ настоящую минуту численность этого священнаго отряда, какъ его здѣсь называютъ, достигаетъ уже до 3,000 человѣкъ. Легіонъ раздѣленъ на шесть дружинъ и каждая дружина ввѣрена офицеру, выбранному для этой цѣли необыкновенно удачно и счастливо. Большая часть этихъ офицеровъ побывали на своемъ вѣку въ бою, знакомы со всѣми сторонами боевой жизни и горячо преданы своему дѣлу; остальные кадры выбраны изъ лучшихъ людей арміи, и надо видѣть какъ быстро устанавливается теплая и прочная нравственная связь между ними и ихъ болгарскими питомцами. Легіонъ стоитъ просторнымъ лагеремъ по-дружинно въ палаткахъ, верстахъ въ трехъ отъ Плоэшть, обмундировка людей очень простая и довольно красивая, а главное удобная: короткій черный кафтанъ матросскаго покроя, красные погоны, барашковая черная шапка съ зеленымъ верхомъ, конечно высокіе сапоги и сѣрая солдатская шинель; вооруженіе легіона—ружья системы Шаспо; за самымъ небольшимъ исключеніемъ всѣ волонтеры грамотны, большинство даже довольно развито, охоты много и военное обученіе идетъ быстро: пробывшаго недѣлю въ строю новобранца вы уже не отличите отъ стараго солдата; болгары почти постоянно, по собственному желанію, заняты изученіемъ своего новаго бое-

вого ремесла, они легко и скоро ознакомились съ оружіемъ, усвоили себѣ всѣ тонкости и свойства системы Шаспо, порядочно стрѣляютъ и отлично ходятъ колоннами. Дисциплина строга, а главное сознательна, а это послѣднее стоитъ несравненно болѣе всякой палочной дисциплины и тупой покорности, выработанной нѣмецкими шпицрутинами.

Я пріѣхалъ въ Плоэшти сегодня утромъ и прямо съ дороги отправился въ болгарскій лагерь: тамъ должна была состояться торжественная церемонія освященія знамени, подаренпаго болгарамъ городомъ Самарою. Когда я завидѣлъ влѣво отъ дороги бѣлые, стройные ряды палатокъ, я замѣтилъ тамъ уже сильное оживленіе, дружины становились въ ружье и выстраивались передъ линіей лагеря. Знамя въ ящикахъ уже было привезено и духовенство—въ числѣ трехъ болгарскихъ священниковъ,—ожидало начала церемоніи у разставленныхъ на лугу столиковъ, покрытыхъ бѣлыми скатертями. Его высочество главнокомандующій долженъ былъ пріѣхать скоро, его ждали съ минуты на минуту, и съ нетерпѣніемъ поглядывали по направленію шоссе, ведущаго въ Плоэшти...

Знамя это привезено было лично городскимъ головою Самары Е. Т. Кожевниковымъ и гласнымъ П. В. Алабинымъ, которые на-дняхъ прибыли сюда, были радушно приняты въ главной квартирѣ и въ настоящую минуту участвовали въ церемоніи освященія знамени и врученія его болгарскому легіону. Полотно знамени шелковое трехцвѣтное: бѣлое, малиновое и свѣтло-синее, бѣлая полоса въ срединѣ—съ одной стороны вышитъ широкій прямоугольный крестъ, шитый по черному фону золотомъ и въ центрѣ этого креста образъ Иверскія Богоматери, на другой сторонѣ такой же крестъ и образъ Кирилла и Меѳодія; серебряное, золоченое копіе знамени исполнено по прелестному рисунку графа Рошфора, въ византійскомъ стилѣ, на лентахъ знамени золотомъ вышиты надписи, на одной: «городъ Самара болгарскому народу въ 1876 году», а на другой «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его».

Лагерь, какъ я уже сказалъ, расположенъ на большомъ зеленомъ лугѣ, на сѣверъ отъ него видна туманная, синѣющая цѣпь Карпатскихъ горъ съ бѣлыми, ярко сверкающими на солнцѣ гребнями. Погода была превосходная, только въ горахъ

группировались грозовыя тучи, кутая крутые скаты, сползая все ниже и ниже въ подгорныя долины плоэштскаго района. Е. в. главнокомандующій прибылъ въ $2^1/_2$ часа пополудни, дружины стояли въ густыхъ колоннахъ въ одну линію, противъ середины расположены были столы для знамени и молебствія. Служили болгарскій архимандритъ Амфилохій Михайловъ, изъ города Сливны и священникъ Петръ Дрогановъ изъ Тркова,—оба замѣчательны тѣмъ, что не разъ, съ оружіемъ въ рукахъ, боролись съ турками, во главѣ своихъ, вывели-ныхъ наконецъ изъ терпѣнія и возставшихъ прихожанъ. Тотчасъ же послѣ молебна и освященія приступили къ торжественной церемоніи набивки полотна знамени на древко. Первый гвоздь вбилъ самъ главнокомандующій; за нимъ начальникъ штаба генералъ Непокойчицкій, затѣмъ начальникъ легіона, оба привезшіе знамя самарцы и такъ далѣе, послѣдніе гвозди вбиты были выбранными рядовыми болгарами. Надо было видѣть, съ какимъ глубокимъ благоговѣніемъ приступали эти люди къ своему почетному дѣлу, каждый крестясь бралъ молотокъ, цѣловалъ древко и затѣмъ уже поднималъ руку для удара. Какое счастіе свѣтилось на этихъ простыхъ, смуглыхъ, типичныхъ лицахъ. Изъ толпы зрителей вывели старика болгарина въ красивомъ боевомъ, національномъ костюмѣ, въ шитой курткѣ, въ широкомъ калакѣ (поясѣ), за которымъ внушительно торчали рукоятки турецкихъ пистолетовъ и отдѣланный въ золото ятаганъ. Это былъ знаменитый болгарскій воевода Пеко Петковичъ,—32 года боровшійся съ турками, наводившій на нихъ страхъ и ужасъ, гроза Балканскихъ горъ, получившій двадцать восемь ранъ и однажды просидѣвшій въ турецкой тюрьмѣ два съ половиною года, прикованный за шею желѣзною цѣпью; слѣды этого страшнаго ошейника до сихъ поръ еще видны на широкомъ, загорѣломъ затылкѣ старика. Теперь онъ явился сюда въ ряды легіона, но его оставили при штабѣ этого отряда, въ качествѣ дядьки и пѣстуна молодыхъ волонтеровъ и для указаній во время похода въ Балканы, гдѣ ему извѣстны каждый камень, каждая незначительная тропинка. Зарыдалъ старикъ, когда ему дали въ руки молотокъ. Онъ взглянулъ на небо, на знамя, на главнокомандующаго и громко произнесъ: «да поможетъ Богъ пройти этому святому знамени изъ конца въ конецъ несчастную

землю болгарскую; да утрутъ этимъ знаменемъ наши матери, жены и дѣти свои скорбныя очи; да бѣжитъ въ страхѣ все нечистое, поганое зло передъ нимъ, а за нимъ станетъ прочный миръ и благоденствіе!» Гробовая тишина стояла въ толпѣ, когда старый Петковичъ произносилъ свои слова, и въ этой тишинѣ зазвенѣлъ его молотокъ, ударившій по серебряной шляпкѣ вбитаго гвоздя. Какъ нарочно, словно аккомпаниментъ этому слову, въ Карпатахъ блеснула молнія и оттуда донеслись глухіе перекаты громового удара. «Добрый знакъ, добрый!» загудѣло въ толпѣ.

Сплошною стѣною загораживала эта толпа самый столъ, на которомъ производилась церемонія, и стоящія въ колоннахъ дружины не видали еще своего знамени. Когда послѣдній гвоздь былъ вбитъ, его высочество главнокомандующій взялся за древко и поднялъ знамя, высоко развившееся въ воздухѣ. Мгновенно громкое, страстное «ура» грянуло по рядамъ дружинъ, тысячи черныхъ шапокъ взлетѣли на воздухъ, колонны дрогнули и рванулись впередъ, но мгновенно все замерло на своемъ мѣстѣ и стихло, когда раздалась команда: «Дружины смирно!»

Генералъ Столѣтовъ, командиръ дружины маіоръ Калитинъ и знаменщикъ преклонили колѣна. Е. В. главнокомандующій собственноручно передалъ имъ знамя, которое и заняло свое мѣсто передъ фронтомъ; затѣмъ колонны прошли церемоніальнымъ маршемъ, прошли смѣло, лихо, какъ старые солдаты, громко и дружно отвѣчая на привѣтствіе главнокомандующаго. Послѣ этого церемоніала Его Высочество сѣлъ въ экипажъ и, проѣхавъ еще разъ мимо остановившихся колоннъ, былъ снова привѣтствованъ криками ура и киданіемъ шапокъ кверху. Кончилась оффиціальная церемонія, началось живое искреннее ликованіе въ каждой колоннѣ, въ каждой группѣ распущенныхъ дружинниковъ. Въ палаткѣ генерала Столѣтова тоже собрались офицеры и пріѣзжіе гости, гдѣ былъ предложенъ хозяиномъ скромный, чисто военно-походный, бивуачный завтракъ, цѣлый жареный баранъ, солдатскій хлѣбъ, сулея съ мѣстнымъ виномъ и, ужъ какъ же безъ этого, оффиціально торжественное шампанское. Опять тосты, опять рѣчи, но не тѣ рѣчи, отъ которыхъ такъ и вѣетъ фракомъ и бѣлымъ галстухомъ, заученностью и отсутствіемъ даже тѣни естествен-

наго чувства, нѣтъ, тутъ говорилось коротко, просто, говорилось, что у кого на душѣ, не красно, но понятно и искренно. «Господа,—не разъ повторяли привезшіе знамя гости-самарцы—да для такой минуты, не только три тысячи верстъ, тридцать тысячъ проѣхать можно!» А по всему лагерю, сквозь мелкую дробь набѣжавшаго дождя, сплошнымъ гуломъ неслось ура дружинниковъ и надъ бѣлымъ полотномъ, словно птицы, взлетали ихъ круглыя, черныя шапки.

Болгарскій легіонъ имѣетъ слишкомъ высокое, святое назначеніе, чтобы имъ рисковать и подвергать его потерямъ. Его предполагаютъ беречь во время кампаніи; ему предназначено послѣ окончанія войны стать прочнымъ и могучимъ оплотомъ на своихъ родныхъ земляхъ, чтобы подъ его защитою покойно и безопасно пробуждалась и воскресала къ новой, болѣе счастливой жизни вѣковая страдалица — болгарская земля.

P. S. Привожу рѣчь Алабина:

«Прошелъ рядъ вѣковъ послѣ того какъ въ послѣдній разъ развѣвались болгарскія знамена въ рядахъ свободныхъ болгарскихъ дружинъ.

«Тѣ знамена потонули въ рѣкахъ крови на поляхъ Коссова, и вотъ опять надъ болгарской дружиной вздымается родное знамя.

«Издалека, черезъ всю русскую землю оно нами принесено къ вамъ, какъ бы въ живое свидѣтельство того, что оно дается вамъ не однимъ какимъ уголкомъ Россіи, а всей русской землей.

«На знамени этомъ начертанъ 1876 годъ, тотъ годъ, въ который вся Русь затрепетала при видѣ вашихъ невыносимыхъ страданій; тотъ годъ, который истощилъ мѣру долготерпѣнія нашего Великаго Государя, который нынѣ на возстановленіе попранныхъ правъ вашей отчизны вложилъ мечъ въ руки Своего Августѣйшаго брата.

«Да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази Его», писали мы на вашемъ знамени, когда не знали еще: суждено ли этому знамени виться надъ вами,—но чего жаждало наше сердце. И вотъ—оно вьется! Часъ воскресенія наступаетъ!

«Идите же подъ сѣнью этого знамени. Пусть будетъ оно

залогомъ любви къ вамъ Россіи и ея могучаго Отца. Пусть передъ этимъ знаменемъ, какъ передъ лицемъ воскресшаго Бога расточатся вѣковѣчные врази ваши. Пусть оно будетъ знаменемъ водворенія въ вашей многострадальной странѣ навсегда: мира, тишины и просвѣщенія!

«Пусть знамя это останется вашимъ потомкамъ памятью, что Императора Александра II вашъ народъ долженъ во вѣки звать такъ же, какъ мы его зовемъ: Царь Освободитель.

Третьяго дня, въ ночь съ 8 на 9, наши войска заняли Ольтеницу и смѣнили стоящія здѣсь румынскія батареи. Наши батареи заняли позиціи на берегу. Эта смѣна батарей произошла чрезвычайно быстро, въ виду у турокъ, которые почему-то не воспользовались удобнымъ для нихъ моментомъ и не пустили ни одного снаряда. Всѣ главнѣйшія выгоды и преимущества боевыхъ позицій между Ольтеницею и Туртукаемъ, конечно, въ пользу турокъ. Занимаемый нами берегъ, отъ самыхъ крайнихъ домиковъ Ольтеницы, разстилается широкою, низменною полосою, не прикрытой даже никакою растительностью; только у самой воды тянутся низкія заросли, сгущаясь вправо у впаденія Аржиса. Позиція наша опирается правымъ флангомъ на этотъ Аржисъ и совершенно обезпечена отсюда, какъ розливомъ самаго притока, такъ и лежащимъ за нимъ большимъ водянымъ затокамъ, образовавшимся отъ половодья, влѣво видно тоже что-то въ родѣ селенья и высокая башня,—это карантинъ. Въ прошлую компанію турки перешли сами на румынскій берегъ, заняли карантинъ, и на его болотистыхъ окружинахъ дали намъ бой, гдѣ не мало пострадали наши якутскій и селенгинскій полки, недостигнувъ никакихъ результатовъ. Наши батареи, какъ я уже сказалъ, расположены на самомъ берегу, войска прикрыты самимъ городомъ и стоятъ внѣ выстрѣловъ. Инженерная работа на батареяхъ окончена и орудія хорошо замаскированы. По ту сторону Дуная берегъ поднимается круто и довольно высоко, скаты его покрыты деревьями и кустарниками; нѣсколько правѣе, т. е. выше, въ небольшой сѣдловинѣ видны между зеленью красныя черепичныя крыши Туртукая, его двѣ-три мечети и колокольня православной церкви; надъ этимъ, на самомъ гребнѣ, бѣлѣютъ ряды пала-

токъ турецкаго лагеря, подальше немного еще видны палатки и тянется сѣроватая полоска брустверa турецкой батареи. Кромѣ того, нѣсколько ниже, уступомъ видна еще насыпь; къ батареямъ, отъ города наискось, пересѣкая береговой скатъ, идетъ дорога; въ бинокль вы можете ясно различить по ней движеніе и даже отдѣльныя группы... Перестрѣлка, и довольно жаркая въ то время, когда стояли румыны, стоившая этимъ послѣднимъ, какъ вамъ извѣстно, нѣкоторыхъ жертвъ, въ настоящее время, съ русскимъ занятіемъ позицій, поддерживается самая незначительная. Наши орудія отвѣчаютъ иногда на задиранія турокъ, чаще же хранятъ молчаніе,—не стоитъ молъ пока тратить зарядовъ. Развѣ только, когда замѣтятъ гдѣ-либо скопленіе войскъ или рабочихъ на брустверахъ, тогда посылаются двѣ-три гранаты и этого оказывается совершенно достаточно, чтобы помѣшать работѣ и на нѣсколько часовъ разогнать рабочихъ. Вотъ уже три дня, какъ мы занимаемъ ольтеницкія позиціи и до сихъ поръ еще не понесли никакой потери, чего, впрочемъ, нельзя сказать относительно турокъ. Нѣсколько нашихъ гранатъ лопнуло чрезвычайно удачно на самомъ брустверѣ. Часъ тому назадъ, на моихъ глазахъ, одна ударилась какъ разъ посреди довольно густой толпы рабочихъ, разорвалась и... я видѣлъ, какъ отъ мѣста катастрофы бѣжали во всѣ стороны турки и прятались въ ложементахъ; офицеры увѣряли меня, что есть и оставшіеся на мѣстѣ, что они даже видятъ тѣла, я, признаюсь, этого разсмотрѣть не могъ, но готовъ имъ вѣрить съ величайшимъ удовольствіемъ.

Ольтеница очень хорошенькій, чистенькій такой городъ, чрезвычайно просторно выстроенный, раздѣленный громадными зелеными площадями, служащими вмѣстѣ и пастбищами для скота; вокругъ низенькихъ, одноэтажныхъ домиковъ, крытыхъ серебристою жестью, раскинулись красивыя группы садиковъ; посреди города православная церковь, единственная, очень оригинальной архитектуры, около церкви тоже густой тѣнистый садъ и въ этомъ саду подъ старыми тополями видѣнъ насыпной холмъ и на немъ большая мраморная плита съ надписью: «Павшіе въ сраженіи съ турками подъ с. Ольтеницею 23 окт. 1853 г. нижніе чины полковъ селенгинскаго и якутскаго, пѣхотныхъ. 2 артиллерійской бригады батарей, батарейной № 2-го и легкой № 5-й—«пріидетъ часъ въ оньже всѣ сущіе

во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ». Въ головахъ у этой плиты видѣнъ другой памятникъ, повыше съ начертанными на немъ именами нашихъ офицеровъ: Жаворонкова, Прохоровича, Зиненка и Орѣхова—все это жертвы неудачной попытки атаковать карантинъ 27 лѣтъ тому назадъ.

Здѣсь у этихъ памятниковъ почти ежеминутно вы можете видѣть группы нашихъ солдатъ и казаковъ, а посреди ихъ одного грамотѣя, вслухъ читающаго надписи—люди благоговѣйно крестятся и цѣлуютъ крестъ, высѣченный въ заголовкѣ надписей. На-дняхъ собираются у павшихъ героевъ по всей формѣ, чтобы отслужить здѣсь панихиду.

Когда я подходилъ къ Ольтеницѣ, меня поразили пустыя, безлюдныя улицы города, запертыя ставни оконъ и дверей, отсутствіе всякаго движенія внутри домовъ и на дворахъ, и опустѣлые навѣсы сараевъ. Сперва я думалъ, что всѣ еще спятъ (было довольно рано, часовъ 5 утра), но вотъ солнце поднялось выше, стало даже сильно пригрѣвать; давнымъ-давно ожили русскіе бивуаки, а городъ все еще былъ тихъ и безлюденъ... Оказалось, что почти всѣ жители уже двѣ недѣли тому назадъ выбрались отсюда въ окрестности, болѣе покойныя и удаленныя отъ боевыхъ опасностей, оставивъ свои жилища подъ охрану замковъ и запоровъ, въ городѣ осталась открытою только единственная, довольно, впрочемъ, сносная гостиница и небольшой ресторанъ, гдѣ можно порядочно пообѣдать.

Войска наши стоятъ лагеремъ, по правую и по лѣвую сторону ведущей въ городъ дороги, и расположены на просторныхъ площадяхъ. Здѣсь царствуетъ самый строгій, чисто боевой порядокъ—всюду видны часовые и группы отдѣльныхъ карауловъ, по берегу и его окрестностямъ ведутся постоянные разъѣзды, казачьи аванпосты выставлены далеко вправо по Аржису и влѣво, внизъ по теченію Дуная, за карантиномъ. Все, что только можетъ служить орудіемъ переправы, каждый крохотный рабочій челнокъ, все забрано, причалено къ берегу и тщательно охраняется; а на томъ берегу, у пристани Туртукая видны какія-то большія лодки, увѣряютъ, что тамъ есть и мониторы, но не думаю; тѣ двѣ канонирки, что стрѣляли по румынскимъ батареямъ, ушли въ Силистрію, а больше не должно быть здѣсь военныхъ судовъ, кромѣ развѣ транспортныхъ барокъ... Насколько можно наблюдать въ сильныя зрительныя

трубы, въ Туртукаѣ тоже пусто, и кромѣ движенія военнаго, частной жизни почти не замѣтно. Вчера дошло извѣстіе съ того берега весьма печальнаго свойства: говорятъ, что турки просто на просто дорѣзали туртукайскихъ болгаръ; источники этихъ слуховъ, впрочемъ, весьма сомнительнаго свойства. Въ турецкій лагерь подъ Туртукаемъ прибыло на-дняхъ два табора мутегафиза, народнаго ополченія—кавалеріи у турокъ здѣсь почти нѣтъ. Дунай, начавшій было входить въ свои нормальные берега, сегодня что-то пріостановился, даже снова прибылъ немного. Причиною тому трехсуточные дожди, лившіе все это время почти безъ промежутковъ. Состояніе здоровья войскъ превосходно. Наши вновь устроенные госпитали первой линіи почти пусты и докторамъ пока остается только организаторская и хозяйственная работа; хлѣбъ войска получаютъ свѣжій, пшеничный, сухарные запасы берегутся для перехода на тотъ берегъ, желаннаго перехода, котораго наши—и солдаты и офицеры, и большіе и малые, ждутъ не дождутся съ самымъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ...

Главная тайна нашего штаба до сихъ поръ еще задернута самымъ непроницаемымъ покровомъ, но уже въ воздухѣ чуется близость чего-то рѣшительнаго. Можетъ быть въ ту минуту, когда вы получите это письмо, мнѣ придется описывать вамъ эпизоды переправы и боя на томъ берегу, который мы пока еще разсматриваемъ въ стекло бинокля.

XIV.

Поѣздъ, идущій изъ Бухареста къ Крайовѣ и Турнъ-Северину отходитъ рано утромъ. Къ часу отхода я и мои два спутника, тоже корреспонденты, условились собраться въ бухарестскомъ вокзалѣ, чтобы совершить эту поѣздку вмѣстѣ. Въ этотъ же день отходилъ выступалъ главный санитарный отрядъ румынской арміи, и видѣть его выступленіе, когда ѣхалъ уже на нашъ сборный пунктъ и принужденъ былъ терпѣливо переждать, пока не пройдутъ послѣдніе его ряды, вслѣдствіе чего чуть было не запоздалъ къ отходу поѣзда. Отрядъ выступалъ чрезвычайно торжественно, въ строгомъ порядкѣ, напоминавшемъ, впрочемъ, процессіи оперныхъ и балетныхъ армій по

сценѣ, изъ-за одной кулисы въ другую, недоставало только зрителей, потому что весь Бухарестъ еще спалъ, зеленыя жалузы на окнахъ были опущены, балконы заперты и, вѣчно оживленная суетливая главная улица была въ настоящую минуту пуста и безлюдна. Процессію начиналъ хоръ трубачей изъ шести человѣкъ, за нимъ рота пѣхотинцевъ съ ружьями. Тяжелые ранцы, мѣшки съ трехдневнымъ провіантомъ, запасная обувь, разобранныя части палатокъ, фляги съ водою, все это составляло грузъ довольно изрядный, немного развѣ менѣе того, что носитъ на себѣ нашъ солдатъ. Такой грузъ вѣроятно не всѣмъ былъ по силамъ, потому что я замѣтилъ какъ большинство румынскихъ воиновъ пожимало на ходу плечами, сгибалось напередъ, поддерживая даже свою ношу свободнымъ локтемъ. За этимъ отрядомъ «прикрытіемъ» верхомъ на тощихъ лошадкахъ позировали два всадника въ докторскихъ мундирахъ, а около нихъ справа и слѣва шли фельдшера, съ кожанными сумками черезъ плечо и съ цѣлыми аптечками въ широкихъ кожанчыхъ поясахъ, затѣмъ отрядъ санитаровъ-носильщиковъ, вмѣсто ранцевъ у нихъ были за спинами, свернутыя полотнища и рамки задниковъ носилокъ; длинныя палки этихъ носилокъ санитары держали въ рукахъ, на плечѣ, какъ ружья... Надъ отрядомъ развивалось бѣлое знамя съ краснымъ, прямоугольнымъ крестомъ, крестъ этотъ красовался и на каждомъ кепи и на рукавахъ всѣхъ чиновъ отряда. За отрядомъ носильщиковъ катились по два въ рядъ парные фургоны, на двухъ колесахъ; фургонъ такой можетъ вмѣщать очень удобно до шести человѣкъ раненыхъ. Эти экипажи предназначаются для вывоза раненыхъ прямо изъ огня боя, а потому и приспособлены для движенія не только по дурнымъ дорогамъ, но и безъ дорогъ вовсе; за фургонами чрезвычайно оригинальный на видъ отрядъ носильщиковъ, или правильнѣе, возильщиковъ съ колесными креслами-постелями; это очень удобная перевозная постель для раненаго: между двухъ колесъ укрѣплено кресло съ откидывающейся спинкою и вытягивающейся горизонтально подножкою, клеенчатый верхъ на подобіе верха коляскъ и кожаный фартукъ защищаетъ больного отъ дождя и солнца. Кресло-носилки очень легко и одинъ солдатъ везетъ его свободно. По крайней мѣрѣ въ данную минуту по гладкой мостовой улицы я не замѣтилъ въ людяхъ, запряженныхъ въ

такія кресла, особеннаго напряженія. За возильщиками группа докторовъ верхомъ, фельдшеровъ пѣшкомъ, и за ними длинный поѣздъ лазаретныхъ каретъ, уже четырехколесныхъ, запряженныхъ четверками. Эти кареты устроены также, какъ и наши лазаретные фургоны, каждая на двѣнадцать кроватей, расположенныхъ въ два яруса; койки подвѣшены на ремняхъ, снабжены эластичными матрасами, между койками свободный проходъ, дающій возможность доктору, даже во время движенія, подойти къ каждому больному, при каждой каретѣ фельдшеръ и два служителя, резервуаръ съ водою и ящикъ съ перевязочными и аптечными инструментами... Взводъ дербанцевъ въ бараньихъ шапкахъ и нѣсколько кавалеристовъ замыкали шествіе отряда, за первымъ начинался второй, такого же точно состава, за нимъ третій — всего четыре, численностью до трехсотъ человѣкъ каждый. Выступавшій изъ Бухареста отрядъ сформированъ только на-дняхъ, какъ дополненіе къ тѣмъ санитарнымъ средствамъ и медицинскому персоналу, который уже находится при каждой отдѣльной части войскъ. Вообще надо отдать справедливость румынамъ, они, въ этомъ отношеніи, въ короткое время успѣли сдѣлать довольно многое, какъ относительно постановки на военную ногу своей шестидесяти-тысячной арміи, такъ и по снабженію ея всѣмъ необходимымъ въ военное время. Пропустивъ отрядъ, занеся что нужно въ свой альбомъ, я поспѣшилъ на станцію, да и было пора: второй звонокъ дребезжалъ подъ сводами дебаркадера, когда я подошелъ къ окошку кассы. Здѣсь меня ожидало извѣстіе не совсѣмъ пріятное для путешественника. Мостъ между Слатиною и Пьятрою обрушился наканунѣ ночью, билеты по сему случаю выдаются только до Слатины, промежутокъ же оттуда до Пьятры надо проѣхать въ экипажѣ. Поѣзда къ Пьятрѣ дожидаться не могутъ, прямое сообщеніе съ Краіовой значитъ прервано и вмѣсто того чтобы быть тамъ, т. е. въ Краіовѣ въ 3 часа пополудни, врядъ-ли удастся попасть туда къ ночи, а то такъ и завтра утромъ. Дѣлать нечего, приходится подчиниться обстоятельствамъ; я и мои два спутника, корреспондентъ-рисовальщикъ Ф. и простой корреспондентъ Н. Д., взяли билеты только до Слатины. Насъ утѣшало еще то обстоятельство, что всякою остановкою, даже непредвидѣнною, можно воспользоваться съ выгодою, кстати посмотримъ что такое за

Слатина, о мѣстоположеніи которой намъ наговорили не мало чудесъ. Посмотримъ.

Дорога между Бухарестомъ и Слатиною сперва тянется по мѣстности ровной, довольно однообразной, только вдали синѣетъ гряда Карпатскихъ горъ, мало-по-малу, по мѣрѣ приближенія выясняющихся все болѣе и болѣе. Вся эта мѣстность занята теперь нашими войсками, здѣсь расположенъ правый флангъ нашей арміи, за Слатиною къ нему примыкаетъ лѣвый флангъ румынской, занимающей узкую полосу Малой Валахіи и дунайское прибрежье, отъ Журжева выше до Калафата и австрійской границы. На всѣхъ станціяхъ учреждены наши военныя комендантства, на линіи рельсовъ на небольшомъ разстояніи поставлены небольшіе надежные караулы изъ трехъ, четырехъ солдатъ, обязанныхъ стеречь путь. Бѣлыя палаточки такихъ карауловъ разбиты у самаго полотна дороги и строенія, молчаливыя фигуры часовыхъ на каждой дорогѣ напоминаютъ путешественнику о военномъ времени и положеніи края.

Съ каждою станціею мѣстность становится разнообразнѣй и разнообразнѣй, изъ-за синихъ, покрытыхъ лѣсомъ южныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ блеснули снѣжныя вершины главнаго гребня, тучныя пашни подступали вплотную къ дорогѣ— на нихъ кипѣла оживленная весенняя работа, виноградники на скатахъ холмовъ уже зазеленѣлись, обитыя жестью колокольни церквей сверкали на солнцѣ, между селеніями извивались проселочныя дороги, гладкія, ровныя, окопанныя канавами, часто даже обсаженныя деревьями. Довольствомъ и порядочностью дышитъ этотъ край. Представительное правленіе страны, несмотря даже на недобросовѣстное, блещущее отсутствіемъ патріотизма и преслѣдованіемъ своихъ личныхъ цѣлей, отношеніе румынскаго барства къ дѣлу народа, выработало въ нѣкоторой степени въ этомъ народѣ духъ самоуваженія, чувство достоинства и вниманіе къ общественному долгу и праву, а это уже очень много...

Часа въ 2 пополудни мы прибыли въ Слатину. Городокъ этотъ въ высшей степени живописенъ, онъ расположенъ въ узкихъ котловинахъ между трехъ возвышенностей: съ вершины одной изъ нихъ видѣнъ какъ на ладони весь городъ, вы мо-

жете прослѣдить отсюда каждый изгибъ его улицъ, пересчитавъ всѣ его домики.

По ту сторону города, за крутой горою, на гребнѣ которой видны недавно устроенныя батареи, разстилается прелестная зеленѣющая лѣсами долина р. Ольты. Серебряною лентою извивается рѣка по этой долинѣ, словно зеркало сверкаютъ ея безчисленные затоны образовывающіеся отъ весенняго разлива водъ. Внизу, у берега, живописно раскинулся большой румынскій лагорь, а по эту сторону, на лугу, около станціи желѣзной дороги, тянутся длинныя коновязи нашихъ кавалеристовъ, вагенбурги артиллерійскихъ и обозныхъ парковъ и былыя колонны солдатскихъ палатокъ. По дорогамъ къ рѣкѣ, поднимая густыя облака пыли, тянутся эскадроны на водопой; и съ водопоя; лошади сыты и не потеряли тѣла, несмотря на тяжелый походъ и дурное качество румынскаго сѣна, — люди смотрятъ положительно молодцами, веселы и всюду вы слышите знакомый, родной напѣвъ солдатскихъ пѣсенъ. Въ румынскомъ лагерѣ, наоборотъ, все тихо и какъ будто даже нѣсколько скучновато—этой беззаботной веселости, свойственной нашему солдату, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ; солдатъ-румынъ имѣетъ видъ нѣсколько меланхоличный, воинственная выправка и даже нѣкоторая лихость замѣтна только въ рядахъ ихъ стрѣлковыхъ батальоновъ, это положительно превосходныя войска, одаренныя всѣми нужными для дѣла боевыми качествами. Мы провели въ Слатинѣ около часа времени, наняли коляску въ Пьятру (верстъ 12) и поѣхали, захвативъ съ собою еще четвертаго попутчика, обязательнаго и веселаго бельгійца инженера. Проѣхавшись по отвратительной мостовой черезъ весь городъ, улицы котораго положительно кишѣли всякимъ военнымъ людомъ и русскимъ, и румынскимъ, мы выбрались къ Ольтѣ, проѣхали превосходный желѣзный мостъ на старомъ шоссѣ и свернули направникъ, проселкомъ. Черезъ часъ мы были въ Пьятрѣ; исковерканный желѣзнодорожный мостъ находится около этой станціи, съ дороги мы видѣли его обрушившуюся арку и нѣсколько разбитыхъ товарныхъ вагоновъ, лежащихъ на днѣ оврага, а на его скатахъ, у мѣста катастрофы, копошился народъ, разбиравшій обломки и рота военныхъ рабочихъ, занятыхъ возстановленіемъ разрушеннаго; работы много и, говорятъ, что дай Богъ въ двѣ недѣли исправить повре

жденія и возстановить сообщеніе между разъединенными пунктами.

Въ Пьятрѣ намъ объявили, что слѣдующій пассажирскій поѣздъ идетъ только завтра, въ 12 часовъ дня; положеніе пренепріятное, но, къ счастію, мы замѣтили товарные поѣздъ, готовый къ отходу,—отправились вести переговоры съ начальникомъ станціи. Поѣздъ оказался съ живымъ товаромъ, везли воловъ въ Краіову для продовольствія арміи. Начальникъ станціи объявилъ намъ, что одинъ изъ вагоновъ почти свободенъ, въ немъ только два вола и если мы хотимъ воспользоваться мѣстомъ, то можемъ отправиться хоть сейчасъ же. Понятно, что мы не раздумывали ни одной минуты и поспѣшили занять это свободное мѣсто; въ одной половинѣ вагона стояли два крупныхъ, круторогихъ вола, въ другой расположились мы всѣ четверо, кондукторъ и два кавалериста каларашa, конвоирующіе гуртъ. Широкія ворота вагона были отворены настежь, мы расположились очень комфортабельно на разостланныхъ на полу пледахъ и тронулись. Вся эта обстановка была очень оригинальна, забавляла насъ отъ души и конечно занесена въ наши альбомы; бельгіецъ-инженеръ острилъ всю дорогу, совѣтуя намъ между прочимъ не курить, не испросивъ позволенія у нашихъ рогатыхъ спутниковъ, тѣмъ болѣе, что вагонъ этотъ во всякомъ случаѣ «не для курящихъ». Поѣздъ торопился на мѣсто, а потомъ шелъ очень скоро и мало останавливался на промежуточныхъ станціяхъ, мы прибыли въ Краіово еще засвѣтло. Краіова — это очень большой и многолюдный городъ, столица дистрикта, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ страны. Во всѣ войны наши съ Турціей городъ этотъ находился вѣчно подъ страхомъ турецкаго нашествія. Турки всегда успѣвали занять нѣсколько пунктовъ на томъ берегу и уже непремѣнно Калафатъ, безъ котораго, собственно говоря, немыслима защита Видина, лежащаго хотя и на другомъ берегу, но значительно ниже подъ выстрѣлами калафатскихъ батарей.

На этотъ разъ турки, вслѣдствіе ли своей слабости, или полной бездарности людей, стоящихъ во главѣ, надѣлали не мало важныхъ, стратегическихъ ошибокъ, крупнѣйшая изъ нихъ между прочимъ оставленіе Калафата въ рукахъ румынъ. Тѣмъ не менѣе, въ первые дни послѣ объявленія войны, когда румынская армія, занимавшая Калафатъ, была еще слаба,

краіовцы сильно побаивались вторженія турокъ и заблаговременно очистили городъ, но затѣмъ все успокоилось, пришло въ порядокъ и краіовская мирная жизнь течетъ по прежнему покойно и тихо, почти не отражая въ себѣ волненій военнаго времени. Здѣсь даже не стоятъ войска и городъ поражаетъ васъ отсутствіемъ военнаго элемента. Всѣ войска стянулись на береговой полосѣ, вправо и влѣво отъ Калафата, отстоящаго отъ Краіовы верстъ на восемдесятъ; здѣсь нѣтъ вѣтви желѣзной дороги, но зато тянется превосходное шоссе и установлены ежедневные рейсы почтовыхъ повозокъ и большихъ дилижансовъ. Переночевавъ въ Краіовѣ, мы на другой день, рано утромъ, выбрались изъ города, нанявъ за 100 франковъ туда и обратно, прекрасную коляску и четверку тощихъ, еле передвигающихъ ноги клячъ. Нашъ возница находилъ нужнымъ останавливаться черезъ каждыя десять верстъ, гдѣ бы ни пришлось, хотя бы посреди поля — эти остановки были очень систематичны и однообразны.—Ну, что?—спрашивалъ кто-нибудь изъ насъ, когда коляска неожиданно останавливалась. «Надо освѣжить лошадей», — отвѣчалъ обыкновенно возница. Процессъ освѣженія заключался въ томъ, что клячамъ протирали ноздри, тянули ихъ зачѣмъ-то за уши, потомъ въ другую сторону за хвостъ, затѣмъ возница отходилъ въ сторону, свертывалъ себѣ папироску, докуривалъ ее медленно не безъ наслажденія и, осмотрѣвъ упряжку, снова лѣзъ на козлы. Кромѣ этихъ остановокъ мы имѣли еще три болѣе продолжительныхъ отдыха въ деревняхъ, около кабачковъ и кофеенъ. Всю дорогу намъ навстрѣчу и обгоняя насъ неслись коляски съ румынскими офицерами, тянулись длинные воловьи обозы съ фуражемъ и продовольствіемъ для войскъ и отряды резервистовъ. Да, положительно румынскіе солдаты не любятъ войны и смотрятъ на нее, какъ на неизбѣжное бѣдствіе, ниспосланное на нихъ провидѣніемъ; даже больные, возвращавшіеся въ фургонахъ изъ арміи, въ отдаленные лазареты, смотрятъ веселѣй, чѣмъ эти резервисты, медленно бредущіе по боковымъ тропинкамъ, проложеннымъ около шоссе, гдѣ грунтъ помягче. Впрочемъ, судя по отзывамъ и по тому, что мнѣ приходилось видѣть лично, румынскіе солдаты прекрасно дисциплинированы, послушны, добросовѣстно исполняютъ свой долгъ и подъ выстрѣлами держатъ себя молодцами.

Для молодой арміи, никогда еще небывалой въ огнѣ, не имѣющей даже никакихъ военныхъ преданій, арміи, сформированной въ очень еще недавнее и короткое время, больше нельзя и требовать.—Между прочимъ эта юная армія имѣетъ еще и другое, весьма не маловажное достоинство—это необыкновенная трезвость. Пьяный солдатъ—явленіе въ румынскихъ рядахъ совершенно немыслимое. Впрочемъ, это уже свойство самаго народа. Мы проѣзжали между Краіовой и Калафатомъ въ большой праздникъ, въ Духовъ день... Народъ не работалъ и группировался на улицахъ и около кофеенъ и я не видѣлъ ни одного подгулявшаго, несмотря даже на крайнюю дешевизну вина и на то, что у рѣдкаго хозяина нѣтъ этого вина собственнаго. Кромѣ того васъ поражаетъ необыкновенная любезность и вѣжливость другъ къ другу, относительно чужихъ пріѣзжающихъ. Вамъ стоитъ только вынуть папироску, какъ десятки рукъ протягиваютъ вамъ зажженныя спички или трутъ. Васъ всегда привѣтствуютъ снятіемъ шляпы и поклономъ. Даже женщины, сидящія группами въ тѣни своихъ хатъ, поднимаются при проѣздѣ экипажа. Нищихъ тоже нигдѣ не видно, въ деревняхъ впрочемъ, въ городахъ же, особенно въ Бухарестѣ, они появляются уже въ изрядномъ количествѣ.

Со второй половины дороги—мѣстность измѣняется сильно, а съ нею и характеръ деревень и типы построекъ. Этихъ маленькихъ хуторковъ и селеній, живописно разбросанныхъ по скатамъ горъ, окруженныхъ садами и лѣсомъ, здѣсь уже нѣтъ; селенія сгруппировываются вмѣстѣ, занимая большія пространства; они расположены гораздо рѣже, съ большими промежутками, какъ въ нашихъ степныхъ губерніяхъ; кругомъ разстилается необозримая равнина, и только впереди синѣетъ полоса далекаго противоположнаго берега Дуная, а за нею чуть обозначаются вершины Балканскихъ горъ. Подъѣзжая къ Калафату, вы можете уже различить главныя горныя группы, лежащія верстахъ въ ста и даже болѣе отъ Видина. Недостатокъ лѣса и его чудовищная дороговизна выработала совершенно особый типъ здѣшнихъ мѣстныхъ построекъ—это большія земляныя съ печью, широкимъ покатымъ, защищеннымъ крышею выходомъ и окнами, выглядывающими словно амбразуры батареи. На поверхности земли возвышается только крыша

и печная труба; болѣе возвышенными постройками являются только сараи для кукурузы: это просто на просто гигантскія плетеныя изъ хвороста корзины на столбахъ; полъ этихъ сараевъ тоже плетеный и воздухъ, проходя снизу, просушиваетъ зерно и не даетъ ему сырѣть и пускать отростокъ. На крышахъ этихъ сараевъ вы непремѣнно увидите косматое гнѣздо аиста и самую птицу, неподвижно стоящую на одной ногѣ, словно орнаментъ какой-нибудь, а не живое существо. На всякомъ высокомъ пунктѣ, на колокольняхъ, даже на гробообразныхъ крышкахъ могильныхъ крестовъ налѣплены такія гнѣзда. Видя въ человѣкѣ не врага а только друга и добраго сосѣда, эта полезная птица гнѣздится рядомъ съ нимъ, въ высшей степени довѣрчиво относясь къ своему сосѣду. Надо полагать, что аистамъ никогда не приходилось раскаяваться въ своемъ довѣріи. Съ громаднаго селенія «Галиче—маре,» лежащаго верстахъ въ двадцати отъ Калафата, уже начинаются снова признаки военнаго времени. Здѣсь расположена часть второй линіи румынской арміи, у входовъ селенія пѣшіе караулы, по дорогамъ, въ сторонѣ, видны разъѣзды кавалеристовъ.

Князь Карлъ румынскій, наканунѣ нашего выѣзда, поѣхалъ въ Калафатъ, навѣстить свою армію; слѣды его проѣзда остались на заставахъ городовъ и деревень, въ видѣ увядшихъ тріумфальныхъ арокъ изъ вѣтвей и кое-гдѣ и полевыхъ цвѣтовъ. Мы разсчитывали застать князя еще въ Калафатѣ, но подъѣзжая узнали, что онъ уже выѣхалъ оттуда и отправился вверхъ по берегу Дуная, для осмотра праваго фланга своей арміи. Въ день пріѣзда князя калафатскія батареи размѣнялись съ виддинскими нѣсколькими выстрѣлами, но безъ всякихъ результатовъ. Вообще обѣ враждующія стороны находятся въ положеніи выжидательномъ и торопятся окончаніемъ своихъ оборонительныхъ работъ. Румыны ждутъ со стороны турокъ попытки перейти Дунай, турки ждутъ того-же со стороны румынъ, по всей вѣроятности ожиданія обѣихъ сторонъ останутся только одними ожиданіями.

Осторожность, чисто военная, боевая, не знаю какъ со стороны турокъ, но со стороны румынъ наблюдается полнѣйшая; мы тотчасъ же испытали ее на себѣ. Верстахъ въ трехъ не доѣзжая до Калафата мы были остановлены небольшимъ

аванпостомъ, расположеннымъ у самой дороги—начальникъ аванпоста извинился передъ нами за эту остановку, но отпустилъ насъ не иначе, какъ подъ конвоемъ коннаго калараша, который долженъ былъ провести насъ къ какому-то маіору, а уже отъ того маіора насъ проведутъ далѣе по инстанціямъ. Поѣхали къ маіору. У самой городской заставы мы свернули съ дороги влѣво и мимо развалинъ прежнихъ, когда-то грозныхъ турецкихъ укрѣпленій Калафата, направились къ румынскому лагерю, палатки котораго бѣлѣли впереди, вытянутыя правильными рядами. Справа и слѣва вся мѣстность была изрыта, видны были явные слѣды бастіоновъ и ложементовъ, все это давно уже поросло травою, округлилось, сгладилось, кое-гдѣ впрочемъ видны еще остатки каменныхъ одеждъ брустверовъ, насыпанные барбеты прежнихъ батарей. Румынскій лагерь поставленъ очень тѣсно, палатки совершенно такого-же образца, какъ и наши, только офицерскія помѣщенія блещутъ большимъ комфортомъ и щеголеватостью. Маіоръ принялъ насъ также очень любезно, прочелъ записку начальника аванпоста и велѣлъ проводить насъ къ коменданту, живущему уже въ самомъ городѣ. Проѣздивъ съ полчаса по опустѣлымъ улицамъ Калафата, оставленнаго жителями, мы остановились у воротъ большого, довольно краснваго дома съ садомъ, гдѣ находилась комендантская квартира. Самаго коменданта не было дома, за нимъ тотчасъ же послали—любезность тоже не малая. Надо замѣтить, что еще въ Бухарестѣ намъ оффиціально заявили, что въ расположеніи румынской арміи не требуется ни засвидѣтельствованныхъ фотографій корреспондентовъ, ни ихъ бляхъ на рукавахъ, нуженъ только ихъ паспортъ, визпрованный у русскаго консула, такіе паспорты были конечно съ нами. Однако на дѣлѣ оказалось, что этихъ паспортовъ мало, отъ насъ потребовали дозволеніе отъ румынскаго военнаго министра и этого-то дозволенія у насъ не было. Комендантъ однако былъ настолько внимателенъ, что не очень формализировалъ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ; онъ только объявилъ намъ, что не можетъ допустить насъ лично бродить по позиціямъ, гдѣ намъ угодно и что завтра утромъ онъ пришлетъ къ намъ офицера, который покажетъ намъ все, что только возможно показать. Онъ даже прибавилъ, что съ помощью этого офицера мы увидимъ несравненно болѣе, чѣмъ могли бы увидѣть

сами и что офицеру вмѣнится въ обязанность дать намъ нужныя свѣдѣнія и объясненія. Чего же больше? Оставалось только поблагодарить обязательнаго коменданта и отправиться отыскивать себѣ ночлегъ, что вѣроятно осталось бы безъ успѣха, если бы намъ не помогъ тотъ же комендантъ, приказавъ провести насъ въ гостиницу, гдѣ хотя и не было свободныхъ комнатъ, но во всякомъ случаѣ велѣно распорядиться объ нашемъ помѣщеніи.

Гостиница находится на перекрестѣ двухъ большихъ улицъ; противъ нея временной ресторанъ для офицеровъ. Когда мы пришли сюда, то залъ гостиницы и ресторанъ были биткомъ набиты посѣтителями. Офицеры тѣсною толпою окружали столы, пили, закусывали, играли въ шахматы. Увидя насъ, они ухитрились таки еще потѣсниться и удѣлили намъ мѣстечко за столомъ, гдѣ мы и поужинали, чѣмъ Богъ послалъ. Для ночлега намъ отвели небольшую, боковую комнату рядомъ съ кухнею—половина этой комнаты завалена была посудою и складомъ провизіи. Постелей не было и мы расположились на узенькомъ диванчикѣ, на составленныхъ стульяхъ и просто на плитномъ полу, сомнительной чистоты, усѣянныхъ черными, лоснящимися, бѣгающими по всѣмъ направленіямъ тараканами. Ночлегъ былъ куда какъ неудобенъ и мы жалѣли, что не остались переночевать въ лагерѣ, въ солдатскихъ палаткахъ, но тѣмъ не менѣе усталость взяла свое и мы, по крайней мѣрѣ я, крѣпко заснулъ и проснулся только часу въ пятомъ утра, когда все уже было на ногахъ и зала ресторана снова начала наполняться своими обычными, военными посѣтителями. Черезъ часъ пришелъ и офицеръ, назначенный намъ въ проводники; это былъ очень красивый, статный гусаръ, высокаго роста, въ красномъ мундирѣ, съ черными шнурами. Заявивъ намъ, что онъ къ нашимъ услугамъ, онъ назвалъ свою фамилію и добавилъ, что коменданту небезъинтересно видѣть насъ передъ отъѣздомъ. «Вѣдь вы, вѣроятно, поѣдете сегодня часа въ два пополудни?» наивно спросилъ онъ насъ, давъ понять, что въ этомъ вопросѣ, гдѣ время такъ точно опредѣлено, кроется не то что бы нѣчто въ родѣ приказанія, а такъ, отеческій совѣтъ, не послѣдовать которому съ нашей стороны было бы и невѣжливо, да и несовсѣмъ благоразумно. Времени, значитъ, для насъ оставалось немного и терять его

напрасно не слѣдовало. Мы заявили, что готовы итти на прогулку, захватили наши альбомы и записныя книжки и тронулись въ путь.

Калафатъ расположенъ довольно правильно; его прямыя, параллельныя улицы ведутъ прямо къ Дунаю, прорѣзывая его крутой берегъ, другія улицы пересѣкаютъ эти подъ прямымъ угломъ, такъ что мѣста, занимаемыя самыми строеньями, образуютъ правильныя четвероугольники. Мы шли по одной изъ такихъ продольныхъ улицъ, постепенно поднимаясь все выше и выше. Пройдя съ версту, мы повернули къ рѣкѣ и скоро очутились на возвышенномъ пунктѣ, съ котораго намъ на ту сторону открылась величественная панорама. Дунай съ своими отмелями, заводами, островами и разливами, за нимъ Виддинъ, его укрѣпленія, его тѣсныя, чисто турецкія улицы и тонкія колонки минаретовъ; далѣе окрестности города, лагери турецкихъ войскъ, вновь возведенный фортъ, все это было передъ нами какъ на ладони. «Это лучшій пунктъ для наблюденій», сообщилъ намъ гусаръ,—но къ самому берегу, гдѣ идутъ наши работы, я бы васъ просилъ не подходить»... Мы поспѣшили вооружиться биноклями. На наше счастье утро было превосходное, воздухъ прозраченъ и въ стекла бинокля можно было разсмотрѣть всѣ детали, даже отдѣльныя фигуры.

Самый Виддинъ расположенъ на низменномъ берегу; со стороны Дуная его защищаютъ старыя каменныя крѣпостныя стѣны, цитаделью которыхъ служитъ древній болгарскій замокъ съ четыреугольными башнями и бойницами; за этими стѣнами видна сплошная масса полуплоскихъ крышъ, между которыми тянутся темныя щели узкихъ улицъ. Группа садовъ пестритъ городъ и сплошною зеленою массою окружаетъ его почти со всѣхъ сторонъ, бѣлые минареты отчетливо выдѣляются въ массахъ зелени, или на синеватомъ фонѣ далекихъ горъ, крытыя жестью коническія крыши этихъ минаретовъ сверкаютъ на солнцѣ точно зажженные факелы. Вправо отъ города, на небольшомъ возвышеніи, видна темная тяжелая масса большого форта, глядящаго на рѣку рядомъ своихъ глубокихъ амбразуръ; между этимъ отдѣльно стоящимъ фортомъ и ближайшими пунктами главной крѣпости, тянется защищенный брустверомъ ходъ, тамъ кипитъ самая дѣятельная работа,

тысячи солдатъ копошатся, поднимая насыпь, нѣсколько колоннъ пѣхоты стоитъ подъ ружьемъ; у самой рѣки кавалерійскій бивуакъ и опять батарея, защищающая мѣсто водопоя. За крытымъ ходомъ нѣсколько даже видѣнъ громадный лагерь, весь уставленный коническими палатками; одна палатка въ центрѣ громадныхъ размѣровъ—это помѣщеніе главнокомандующаго. За городомъ на горахъ видны еще два лагеря, тоже очень большихъ; но странно, тамъ положительно нѣтъ ни одного живого существа, не видать даже ни одного часового; румынъ-офицеръ, нашъ путеводитель, увѣряетъ, что они давно уже и постепенно замѣчаютъ то же явленіе, изъ чего заключаютъ, что это лагерь-декорація, расположенный ради страха румынамъ, но что въ сущности турки только занимаютъ нижніе лагери у форта и частью стоятъ въ городѣ, и что во всемъ Виддинѣ едва ли наберется болѣе 20-ти тысячъ войскъ. Очень можетъ быть; страсть турокъ и вообще азіатовъ мистифицировать врага количествомъ палатокъ и огнемъ по ночамъ давно извѣстна; они продѣлывали эти штуки и въ прежнія войны и даже въ прошедшемъ году въ Сербіи. Румынскія позиціи сильно господствуютъ надъ турецкими; онѣ состоятъ изъ ряда батарей, расположенныхъ на высотахъ и взаимно фланкирующихъ одна другую. Глядя на эти позиціи, я понялъ, что Виддинъ безъ Калафата ровно ничего не стоитъ и если румыны выжидаютъ, то только потому, что ихъ работы еще не готовы и тяжелыя орудія не всѣ еще поставлены на свои мѣста. Сильная канонада съ этого берега можетъ въ одинъ день превратить весь Виддинъ съ его фортами въ груду развалинъ. Надо замѣтить, что изо всѣхъ турецкихъ крѣпостей, только Виддинъ никогда еще не былъ взятъ. Турки называютъ его крѣпостью, сохранившей свою дѣвственность. Надо надѣяться, что теперь скоро прійдетъ и его очередь нападенія. Румынскіе артиллеристы, по крайней мѣрѣ, убѣждены въ этомъ и ждутъ не дождутся, скоро ли имъ приказано будетъ дѣйствовать какъ слѣдуетъ.

Налюбовавшись вдоволь разстилавшейся передъ нами картиной, набросивъ ее въ альбомъ и въ общемъ видѣ и въ деталяхъ, сдѣлавъ нужныя замѣтки, мы должны были вернуться въ городъ, да и было пора: у насъ едва осталось время наскоро пообѣдать, чтобы выѣхать въ предполагаемый

комендантомъ часъ отъѣзда. На другой день къ вечеру мы вернулись въ Бухарестъ и я тотчасъ же сѣлъ за приведеніе моихъ замѣтокъ въ порядокъ.

XV.

Желѣзнодорожная станція въ Плоештахъ въ этотъ день представляла собою зрѣлище чрезвычайно оживленное и оригинальное. Императорскій поѣздъ съ Августѣйшимъ путешественникомъ долженъ былъ сегодня на разсвѣтѣ прибыть въ Барабошъ, оттуда въ Браиловъ и къ восьми часамъ вечера быть здѣсь въ Плоештахъ. Съ ранняго утра къ станціи въ Плоештахъ прибыли десятки возовъ съ флагами, гирляндами, щитами, всякими декоративными приспособленіями, и къ обѣду все уже было окончено, убрано, прилажено и приняло видъ весьма парадный, отчасти даже величественный. Когда я шелъ пѣшкомъ, такъ какъ еще наканунѣ всѣ извощичьи экипажи были разобраны за большія неслыханныя деньги, пробравшись по этимъ узкимъ пыльнымъ, дурно мощеннымъ улицамъ, подошелъ къ станціи, тамъ уже собрался весь персоналъ встрѣчающихъ. Низкое, сараеобразное зданіе станціи было положительно скрыто отъ глазъ зрителя подъ массою флаговъ, развѣвающихся и рядами на высокихъ мачтахъ, и букетами изъ нѣсколькихъ вмѣстѣ, и цѣлыми гирляндами изъ матерій цвѣтовъ русскихъ, т. е. черныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ, и румынскихъ: синихъ, желтыхъ и красныхъ; изъ оконъ вывѣшены были пестрые ковры, куски матерій, гирлянды цвѣтовъ, и даже живыхъ, превосходныхъ розъ и лилій...

На длинной низкой платформѣ у рельсовыхъ путей, куда народъ «en masse» не пускали, расположились живыми группами наши офицеры, большіе и малые по чинамъ, румынскія власти, почетные иностранцы въ лицѣ военныхъ агентовъ, состоящихъ при нашей главной квартирѣ, черныя кучки депутатовъ въ цилиндрахъ и бѣлыхъ галстукахъ, сверкающія золотомъ и серебромъ ризы духовенства, весьма немного кое-гдѣ только мелькающихъ въ толпѣ, и то на заднемъ ея планѣ граціозныхъ дамскихъ фигурокъ и наша братья, скромные корреспонденты отечественной и иностранной прессы, разсыпавшіеся по всему протяженію толпы, съ торчащими изъ боко-

выхъ кармановъ записными книжечками альбомами. Замелькали голубые мундиры нашихъ россійскихъ жандармовъ въ одиночку, ослышалось знакомое: «господа, позвольте просить осадить назадъ!...» Изъ-за забора, тамъ, гдѣ толпа была попроще, вторя этому вѣжливому приглашенію раздалось еще болѣе знакомое родное: «осади назадъ, чертова голова, честью тебя, анафему, просятъ»... Корреспондентъ «Фигаро», де-Вестинъ, чутко прислушивается и заноситъ въ свою книжечку слово «anafema», а около ставитъ вопросительный знакъ; освѣдомлюсь, молъ, о значеніи послѣ.

Человѣкъ съ десятокъ донцевъ верхомъ на гнѣдинькихъ, степныхъ лошадкахъ, появились между запасными вагонами и вытянулись цѣпью, взявъ пики наперевѣсъ. Рисовальщики «Illustrat. universelle» и разныхъ нѣмецкихъ изданій съ картинками ринулись въ атаку на этихъ донцевъ, но не доходя нѣсколько пріостановились и стали ихъ торопливо набрасывать въ альбомы, озираясь, нѣтъ ли еще гдѣ пищи, поинтереснѣе... За толпою русскихъ офицеровъ, поперекъ платформы, тянется широкій коверъ, изображая собою дорожку между пунктомъ, гдѣ долженъ остановиться императорскій вагонъ и дверями залы перваго класса, превращенной, съ помощью драпировокъ въ какой-то индѣйскій павильонъ; по сторонамъ этого ковра стоятъ столы и на нихъ хлѣбъ - соль на серебряномъ блюдѣ. Лѣвѣе такой столъ окружаетъ румынская депутація, правѣе болгары съ митрополитомъ во главѣ. Обѣ группы стоятъ особнякомъ и замѣтно косятся другъ на друга. Румыны, покровительствуемые своими властями, занимаютъ позиціи повиднѣе, за черными фраками—серебряныя, уже у самыхъ дверей въ павильонъ, ризы духовенства; въ самомъ павильонѣ, чѣмъ-то перепуганной оторопѣвшей кучкою, прижавшись совсѣмъ въ уголъ,—стоитъ группа дѣвочекъ въ бѣленькихъ кисейныхъ платьицахъ съ трехцвѣтными шарфами черезъ плечо, онѣ собираются пѣть народный гимнъ. Тутъ же торчитъ тощая, блѣдная какъ смерть фигура учителя—въ синемъ фракѣ съ нотами подъ мышкою, ноты въ трубочку и перевязаны бантомъ съ букетовъ... Заглянулъ я въ павильонъ и подошелъ къ болгарамъ. Тамъ извѣстный Евлагій Георгіевъ изъ Бухареста, толстенькій человѣкъ съ Владимиромъ въ петлицѣ фрака и другіе представители старой буржуазной, консервативной болгар-

ской партіи—позвольте ихъ переименовать по городамъ. За Евлагіемъ Георгіевымъ слѣдуютъ: Михайло Родіоновъ изъ Бѣлграда, Николай Ценовъ изъ Браилова, Пандалей Абрамовъ изъ Галаца, Ангелъ Репановичъ изъ Александріи, Іокимъ Абрамовъ изъ Измаила, Нарче Поповичъ изъ Бузео, Афонасій Котроковъ изъ Слатины, Покаіотъ Ходжиметовъ изъ Плоештъ,—все купцы и люди богатые, давнымъ давно эмигрировавшіе изъ Турціи, даже потомки болѣе древнѣйшихъ эмигрантовъ, во время спасшихъ изъ подъ турецкаго ножа свои головы и капиталы, устроившіе и то и другое весьма выгодно въ Румыніи.

На блюдѣ, прислоненная къ хлѣбу, стояла маленькая овальная икона святыхъ Константина и Елены и солонка въ видѣ чаши для св. даровъ съ крупною солью.

У стола сидѣлъ въ креслахъ старикъ, съ большимъ крестомъ на шеѣ. Это былъ погоньянскій митрополитъ Панаретъ Рашевъ; у него былъ свернутый въ трубку адресъ... Старикъ погрузился въ глубокую думу и шевелилъ своими сухими губами... Депутатъ весьма почтенной наружности нашептываетъ ему на ухо. «Великія событія совершаются, великое время переживаемъ»,—провозгласилъ кто-то въ заднихъ рядахъ...

За депутаціями стоитъ хоръ нашихъ военныхъ музыкантовъ, далѣе во всю длину открытой платформы, стройный фронтъ почетнаго караула—первая рота третьей дружины болгарскаго легіона. Какіе молодцы все подобраны, смуглые; горбоносые; какъ лихо, отважно смотрятъ они изъ подъ своихъ черныхъ, барашковыхъ шапокъ съ золотыми крестами, надъ ихъ грозными рядами развивается знамя, даръ самарцевъ...

Этотъ фигляръ «де-Вестинъ» одинъ только нарушаетъ иллюзію, онъ усиленно проситъ какого-то пестраго полисмена дать ему лѣстницу: ему, видите ли, хочется окинуть взглядомъ всю картину сверху à «vol d'oiseau»; странное желаніе...

Художникъ англійскаго журнала «Graphic» слѣзаетъ уже съ крыши зданія съ надписью надъ входомъ «pentrobarbati»; онъ уже кончилъ рисунокъ и готовъ завязать тесемки альбома. Полюбопытствовалъ я заглянуть;—ничего—показываетъ.

— Да, помилуйте, у васъ уже все готово, даже то, чего еще не было.

— Ну, такъ что же?!..

— А если это все не такъ будетъ, а иначе?..

— А не все ли равно!..

Съ дороги, откуда далеко доносится сигнальный рожокъ— все стихло и замерло на мѣстѣ... Подъ навѣсомъ станціи задребезжалъ колокольчикъ...

Показался силуэтъ лба локомотива—вправо флагъ, влѣво флагъ, флагъ посерединѣ, впереди двухглавый орелъ, у крановъ паровика нашъ офицеръ, инженеръ путей сообщенія. Это подходилъ императорскій поѣздъ.

— На пле...чо!—раздается громкая команда...

— Слушай! — Первые аккорды торжественнаго марша заглушаютъ послѣднія слова команды... Поѣздъ тихо подходитъ и плавно, мягко, беззвучно останавливается, математически точно на указанномъ ему мѣстѣ...

Что-то произошло, что именно—трудно было разобрать... Грянуло неистовое, оглушительное ура; ряды болгарскаго легіона заволновались... Передъ его фронтомъ замелькали походныя офицерскія фуражки... Разомъ все стихло... Его Величество обошелъ ряды караула, похвалилъ солдатъ, милостиво обратился къ начальнику легіона и подошелъ къ болгарской депутаціи, остановившись на нѣсколько секундъ передъ румынскими депутатами. Здѣсь Государь изволилъ внимательно выслушать рѣчь, принялъ образъ и, поцѣловавъ его, оставилъ при себѣ; болгарскіе депутаты стояли въ какомъ-то умиленіи, большинство изъ нихъ плакало... Снова загудѣло «ура», не умолкая до самаго конца встрѣчи, пока Его Величество изволилъ пройти черезъ павильонъ, прослушавъ гимнъ, спѣтый дѣтскими голосами, и войдя на заднюю платформу станціи, сѣлъ въ приготовленную для него коляску парою...

Здѣсь картина уже мѣняла свой характеръ—оффиціальная сторона церемоніи уступила мѣсто болѣе простымъ, оживленнымъ выраженіямъ чувства восторга... Всѣ крыши сараевъ, всѣ заборы, все, откуда только можно было видѣть полотно, все унизано было живыми группами народа. Одна за другою подкатывали къ подъѣзду русскія четверки съ колясками, застоявшіеся кони горячились и безпрестанно взвивались на дыбы. Началась суматоха, всякій спѣшилъ поскорѣй найти свой экипажъ, сѣсть и попасть въ общій поѣздъ. Наши жандармы и казаки, надо имъ отдать полную справедливость, не безъ

опасности жизни, энергично шныряли между экипажами и ихъ бѣшенными четверками, возстановляя порядокъ...

Вотъ свели съ лѣстницы подъ руки сѣдого, какъ лунь старика, въ золотыхъ очкахъ и въ черномъ, глухо застегнутомъ сюртукѣ и усадили въ экипажъ — это былъ нашъ ветеранъ канцлеръ. Вотъ молодцовато прыгнулъ въ коляску плотный генералъ съ веселымъ, нѣсколько насмѣшливымъ выраженіемъ живыхъ глазъ—это нашъ бывшій посолъ въ Константинополѣ, Игнатьевъ... Экипажъ за экипажемъ въ карьеръ выносились со двора станціи, увозя дѣятелей современной политической драмы... и все это стремилось за императорскимъ экипажемъ... Цѣлое облако пыли взвилось въ воздухѣ... безконечное «ура» неслось вслѣдъ за поѣздомъ, и эта волна звуковъ катилась все далѣе и далѣе, распространяясь по всѣмъ изгибамъ и закоулкамъ улицъ Плоешть, скромнаго провинціальнаго городка, не помышлявшаго даже и во снѣ, что на его долю выпадетъ такая видная роль—быть центромъ великаго историческаго событія.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НА БОЕВЫХЪ ПОЗИЦІЯХЪ.

I.

Всего два съ половиною часа ѣзды отдѣляютъ Журжево отъ Бухареста. А какая разница въ обстановкѣ, конечно въ тѣхъ признакахъ этой обстановки, которые отражаютъ въ себѣ переживаемое въ данную минуту время. Въ Бухарестѣ войну напоминаютъ развѣ только нѣсколько сотенъ русскихъ военныхъ мундировъ, да крикливые возгласы разносчиковъ газетъ, возвѣщающихъ какую-нибудь новость дня, прилетѣвшую съ военнаго поля. Все остальное идетъ своимъ чередомъ, покойно, тихо, какъ и годъ тому назадъ, съ тою только разницею, что нынѣ несравненно прибыльнѣе, ибо много понаѣхало потребителей, а производительныя силы остались безъ измѣненія; вотъ эти-то производительныя силы и принялись эксплоатировать наѣзжихъ потребителей, благо, молъ, люди чужіе, да кстати, вопреки распространенному за границею мнѣнію, вовсе какъ будто даже и не обидчивые, допускающіе форсированную стрижку своей шерстки безъ всякаго протеста, а напротивъ, какъ будто даже съ нѣкоторою признательностью къ стригущимъ. Такъ вотъ, за исключеніемъ только этого явленія, жизнь въ Бухарестѣ, несмотря на войну, не измѣнила нисколько своего прежняго характера, или, вѣрнѣе, прежней суетливой безпорядочной, безпутной имитаціи жизни большихъ европейскихъ городовъ... Обязательныя для румынъ услуги нашихъ дипломатовъ, подготовлявшихъ въ Бухарестѣ текстъ конвенціи съ Россіею, избавили столицу Румыніи отъ «варварскаго нашествія»—славянскія полчища миновали Бухарестъ и обходятъ его стороною. Это еще болѣе сохранило мирный характеръ города, не измѣняя обыденнаго выраженія его пошленькой куаферской физіономіи.

Здѣсь въ Журжево и по пути къ этому пункту совсѣмъ не то. Едва вы отъѣхали отъ «Гарры-Филларета»—это буха-

рестко-журжевская станція желѣзной дороги — какъ уже чувствуете иной запахъ, на васъ бьетъ чѣмъ-то новымъ, особеннымъ, далеко не отзывающимся миромъ и благоденствіемъ. Кромѣ военныхъ, мало кто ѣздитъ по этой дорогѣ. Журжево опустѣло, оно перестало быть соединительнымъ узломъ между Европою и Турціею. (Вамъ, конечно, извѣстно, что изъ Бухареста на Рущукъ и Варну ведетъ путь въ Константинополь). Мирному и торговому человѣку тутъ теперь дѣлать нечего. Съ каждою станціею отъ Бухареста все меньше и меньше становится этихъ, и безъ того немногихъ, не военныхъ пассажировъ. Послѣднюю станцію уже вы ѣдете въ исключительно военномъ обществѣ, да какомъ военномъ, совершенно особенномъ, такомъ, что въ мирное время и не увидишь... Все боевые типы, суровые, своеобразные типы, которые вы напрасно будете искать въ рядахъ той же арміи на мирномъ положеніи — вы ихъ не найдете тамъ, т. е. найдете, ибо они тамъ и есть, но не замѣтите и пройдете безъ вниманія, такъ они сглажены, приформены, подведены подъ общую мѣрку и ранжиръ, обезличены, если можно такъ выразиться. Но, повѣяло свѣжимъ вѣтромъ — и эти обезличенные богатыри словно очнулись и стали преображаться, въ каждомъ рѣзко выдѣлилось его собственное я, его особенная отличительная черта; они становятся теперь уже типами, тѣми самыми свѣтлыми, боевыми типами нашей арміи, не разъ уже воспѣтыми нашими «писателями-художниками» и даже «не художниками». Сидитъ, вотъ напримѣръ, какой-то капитанъ — пѣхотинецъ — лицо загорѣло, какъ сапожное голенище, загорѣлый затылокъ рѣзко такъ двоится, отдѣляясь отъ бѣлаго воротника кителя, на головѣ капитанское кепи, надѣтое не безъ зуавскаго шика, бородка рыжеватая, клинышкомъ, усы торчкомъ, голубовато-сѣрые глаза прищурены, смотрятъ ласково и словно чего-то подсмѣиваются, виситъ у капитана на револьверномъ кобурѣ пестрый шелковый кисетъ съ табакомъ. Хочется капитану, видимо хочется, что-то возвѣстить всѣмъ съ нимъ ѣдущимъ, да прицѣпки нѣтъ настоящей, съ чего бы то-есть начать... Спялъ капитанъ кисетъ, поразвинулъ шнурки пальцами, нюхнулъ, погладилъ кисетъ по боку... Э, гм!.. Нѣтъ, никто на капитана вниманія не обращаетъ, т. е. ни малѣйшаго, и его знаменательное «э, гм!» пропадаетъ даромъ. Одинъ въ окно глядитъ и водитъ по

стеклу пальцемъ, указывая сосѣду, vis-à-vis, на движеніе по дорогамъ.

— Туда, вонъ, братецъ, на «Фрутештъ» обходная дорога; мы третьяго дня тамъ съ паркомъ бились... бились... воловъ припрягали, что ты думаешь?

— А генералъ приказалъ, чтобы было и безо всякихъ разговоровъ,—доносится изъ-за перегородки.

— Не можетъ быть?!

— Ей-Богу!..

Другой разговоръ:

— Она отъ меня, я за нею, она отъ меня, я за нею — вдругъ бацъ, хлопъ, дверь на ключъ...

— Хи-хи-хи! — трясетъ головою капитанъ съ кисетомъ, трогаетъ за колѣно сосѣда, какого-то румына, не понимающаго ни полслова по-русски, и подмигиваетъ ему глазомъ въ ту сторону, откуда слышенъ разсказъ о неудачной погонѣ и произноситъ:

— Ловкій народъ эти драгуны. Вы сами изволили служить въ военной службѣ?

Румынъ дико косится на капитана и отодвигается въ сторону.

— Нѣтъ... я къ тому...—замялся смущенный капитанъ и снова начинаетъ возиться съ своимъ кисетомъ.

— А спроси его лучше, Павелъ Матвѣичъ, зачѣмъ они, прохвосты, два франка двадцать баней за нашъ рубль даютъ, вотъ ты его что спроси!.. — вмѣшивается другой офицеръ, до сихъ поръ дремавшій въ углу вагона...

— Конечно, если бы генералъ не приказалъ пройти тамъ, да еще съ повозками, не было никакой возможности.

— А вы прошли?

— Генералъ приказалъ, какъ же не пройти?

— Во время хивинскаго похода... Представьте, господа!

— Это что? Кондукторъ! Какая станція, сколько минутъ? Эй, ты, съ кувшиномъ, поди, поди сюда! . . . .

. . . . . .

Катится и катится поѣздъ, стемнѣло уже. Влѣво на горизонтѣ блеснула свѣтлая водная полоса, подъ нею сизый туманъ стелется.

Дунай. У лѣвыхъ оконъ вагона нѣчто въ родѣ давки образовалось—любопытствуютъ пассажиры.

— При настоящемъ, усовершенствованномъ состояніи вооруженія обѣихъ воюющихъ сторонъ, принимая въ разсчетъ нравственное качество единицъ нашей и турецкой арміи и образующееся изъ нихъ совокупное качество массы, — лекторскимъ тономъ повѣствуетъ какой-то пожилой господинъ съ ленточкой въ петлицѣ.

— А если на ура!.. эдакъ прямо, на чистоту!..—подсмѣивается кто-то въ темномъ углу.

— Такъ, такъ!—одобрительно подсказываетъ капитанъ съ бисетомъ, даже приподнимается на скамейкѣ и начинаетъ потирать руки.

— Это хорошо было прежде, въ тѣ времена, когда...

— Завсегда хорошо, завсегда первое дѣло!—чуть не вскрикиваетъ капитанъ и самъ пугается своего возгласа, своего такъ рѣзко высказаннаго мнѣнія, да еще въ присутствіи чиновъ старшихъ.

Поѣздъ подходитъ къ Журжеву, справа и слѣва на запасныхъ путяхъ мелькаютъ въ окнахъ вагоновъ воинскіе поѣзда, на платформахъ видны тяжелыя очертанія осадныхъ орудій, обтянутыя брезентами лодки; за вагонами, по ту сторону насыпи, бѣлѣютъ палатки бивуака и между ними кучки солдатъ, длинные щетинистые ряды ружейныхъ козелъ.

Пока нашелъ коляску, пока справился съ багажемъ и отыскалъ себѣ комнату въ гостиницѣ «Европа», прошло съ часъ, поздно—четверть одиннадцатаго; къ генералу являться теперь неудобно. Отложилъ представленье до утра и пошелъ ужинать въ садикъ около гостиницы. Садикъ маленькій, но чисто содержимый, очень тѣнистый, такъ что даже и днемъ прохладно; въ концѣ сада нѣчто въ родѣ театра—деревянный балаганъ съ занавѣсью, обращенный въ настоящую минуту въ обѣденный салонъ. Тамъ у сервированныхъ столиковъ группа офицеровъ; идетъ оживленный говоръ о бомбардировкѣ со стороны Рущука, на которую мы не отвѣчали вовсе; нашелъ, по обыкновенію, много знакомыхъ, даже своихъ бывшихъ товарищей по службѣ; разговорились...

Бомбардировку начали турки съ праваго своего фланга. Они замѣтили наши работы на Малорошѣ, въ четырехъ верстахъ ниже отъ города и открыли по нимъ огонь. Затѣмъ бросили нѣсколько десятковъ бомбъ и въ городъ, но чрезвы-

чайно для насъ счастливо. Снаряды турецкіе ложились хорошо, хотя и не нанесли намъ никакого вреда. Задѣли только и нѣсколько попортили два греческія торговыя судна, стоящія на причалахъ у нашего берега, подъ защитою острова. Разорвало не болѣе 4 бомбъ, это здѣсь, въ городѣ, въ Малорошѣ гораздо болѣе; одна изъ бомбъ разорвалась за бульваромъ, осколки перенеслись черезъ деревья и одинъ изъ нихъ звякнулся о камень мостовой у самыхъ ногъ часового, у воротъ дома, занимаемаго квартирою начальника отряда; солдатъ даже бровью не моргнулъ, потрогалъ осколокъ концемъ сапога и сталъ себѣ покойно прохаживаться на своемъ посту, апатично позѣвывая и поджидая смѣны. На Малорошѣ, одиннадцати дюймовый снарядъ разорвался въ десяти шагахъ отъ генерала Скобелева младшаго, извѣстнаго нашего героя Средней Азіи, покорителя Коканскаго ханства. Скобелевъ покойно приказалъ отвести свой конвой за скатъ пригорка, а самъ остался на мѣстѣ, слѣдить въ бинокль за суетнею, поднявшейся на турецкихъ батареяхъ. Еще пронесся мимо снарядъ, надъ самою головою Скобелева; сверля воздухъ, уныло прогудѣло что-то, тоже довольно крупное и съ трескомъ разорвалось за нимъ, обдавъ бѣлый генеральскій китель комьями грязи... Турки пристрѣлялись, они отлично опредѣлили дистанцію, ихъ видимо бѣсила эта неподвижная, конная фигурка вся въ бѣломъ, монументомъ стоящая на пригоркѣ...

— Ну ужъ это совсѣмъ лишнее,—слышались здѣсь за ужиномъ въ садикѣ гостиницы «Европы» критическіе отзывы и толки.—И къ чему подвергать себя безполезной совершенно опасности, ну, я понимаю: итти на штурмъ, впереди солдатъ, итти чуть не на вѣрную смерть, вотъ какъ, напримѣръ, Дубасовъ и Шестаковъ—зная, что въ случаѣ удачи они нанесутъ непріятелю громадный уронъ, однимъ словомъ, погибнутъ съ пользою, а здѣсь ради Богъ знаетъ чего, на какой-то глупой канонадѣ съ берега на берегъ, безъ толку, безъ смысла...

Много было толковъ тутъ въ этомъ родѣ, и за и противъ. Но къ концу концовъ дѣло сходилось на то, и по моему весьма вѣрно: «Не стой подъ огнемъ генералы, покойно, съ видимымъ и полнѣйшимъ презрѣніемъ къ опасности— не будутъ пожалуй стоять и солдаты. Съ пользою или безъ пользы подвергать себя опасности и возможности смерти, это вопросъ очень уже

эластичный и, растягивая его, можно Богъ вѣсть до какихъ выводовъ дойти; вѣрно только то, что съ анализомъ подобныхъ вопросовъ армія не будетъ въ своихъ рядахъ имѣть такихъ часовыхъ, которые «потрогаютъ носкомъ сапога звякнувшій у его ногъ осколокъ бомбы», да и станутъ себѣ позѣвывать, не измѣняя вовсе своего покойнаго состоянія духа, словно это былъ не осколокъ, несущій смерть, а такъ, нѣчто совершенно безвредное, вѣтромъ нанесенное.

Уже поздно, усталость беретъ свое, вся публика изъ садика гостиницы «Европы» разошлась по квартирамъ, на улицахъ тихо, брякаютъ только по мостовой кованныя копыта казачьихъ разъѣздовъ... Рущукъ и весь противоположный берегъ заволокло какою-то мглою. Тамъ слышно глухое пыхтѣніе громаднаго паровика,—это за островомъ развелъ пары мониторъ, а можетъ и два. Съ рущукской станціи желѣзной дороги слышатся черезъ рѣку свистки локомотива; вдоль острова у самой лѣсистой его опушки, къ которой вплотную подступаютъ воды Дуная, мигаютъ какіе-то двигающіеся огоньки. А у насъ, по всему берегу, темно и тихо, ни малѣйшаго движенія, словно на всемъ протяженіи нѣтъ ни одного живого существа. Говорятъ, что это безмолвіе сильно смущаетъ турокъ, они все ждутъ чего-то неожиданнаго съ нашей стороны, и чего-то непремѣнно катастрофальнаго для нихъ. «Пуганая ворона куста боится». А турки уже пріобрѣли себѣ право считать себя пуганными.

Въ ихъ рядахъ реакція уже совершилась, прежней фанатической увѣренности въ успѣхѣ исхода борьбы нѣтъ и въ поминѣ, мѣсто этой увѣренности заняло тяжелое предчувствіе чего-то недобраго; они готовы сопротивляться и будутъ драться отчаянно, стойко, много жертвъ падетъ и съ нашей стороны, много крови русской прольется и даже очень скоро, критическая минута приближается, это очень хорошо чувствуется и въ нашихъ рядахъ, и на томъ берегу. Но все-таки не надо быть пророкомъ, чтобы опредѣлить исходъ борьбы, онъ не въ пользу турокъ, это сознаютъ теперь и сами наши враги, какъ дерущіеся съ нами, такъ и объявляющіе себя нейтральными.

Но какъ быстро падаютъ воды Дуная! Тамъ, гдѣ еще вчера вечеромъ разстилалась водная зыбь, тамъ сегодня голыя песчаныя отмели, гдѣ могла пройти глубоко сидящая килевая лодка, тамъ теперь перегоняютъ вбродъ барановъ. Острова,

почти залитые сплошь водою, теперь все растутъ и растутъ, вступая въ свои нормальныя очертанія. Наши саперы и понтонеры потираютъ руки отъ нетерпѣнія и все ставятъ рейки, показывающія спаденіе воды, они слѣдятъ за этими рейками, и дѣлаютъ на нихъ замѣтки съ тѣмъ же самымъ чувствомъ, съ какимъ выпускной кадетъ отмѣчаетъ числа и дни, даже часы, приближающіе его къ желаннымъ офицерскимъ эполетамъ. Даже въ воздухѣ чувствуется что-то особенное, это ощущеніе испытываютъ всѣ отъ малаго до великаго, отъ генерала до послѣдняго фурштата ѣздового.

II.

Въ послѣдній разъ я былъ въ Рущукѣ во второй половинѣ февраля текущаго года. Я довольно подробно описывалъ какъ самый городъ и его постоянную крѣпостную ограду, такъ и вновь заложенные, начинавшіеся только строиться его окрестные отдѣльные форты, расположенные на вершинахъ холмовъ, господствующихъ надъ мѣстностью. Тогда эти форты были едва намѣчены; много труда, много времени надо было, чтобы довести ихъ до окончанія, сдѣлать изъ нихъ дѣйствительно грозныя твердыни, способныя остановить натискъ силъ непріятеля. Прошло съ тѣхъ поръ три мѣсяца,—и нельзя не отдать должнаго туркамъ и ихъ руководителямъ, англійскимъ инженерамъ,—они превзошли себя... Съ сильнымъ биноклемъ въ рукахъ я обходилъ, цѣлый почти день, всѣ пункты, сколько нибудь удобные для наблюденія; зная хорошо Рущукъ, узнавъ отсюда чуть не каждый домъ, чуть не каждый садикъ его окрестностей, я пришелъ къ тому убѣжденію, что турки хорошо успѣли приготовиться къ осадѣ. Они и теперь непрерывно работаютъ, но это уже работа не капитальная, это уже, или роскошь, въ видѣ разныхъ, хитро распланированныхъ ложементовъ и маскированныхъ ходовъ, для половины которыхъ у нихъ и гарнизону не хватитъ, или береговыя работы, вызванныя какою-нибудь демонстраціей съ нашей стороны. Главнымъ оборонительнымъ пунктомъ служитъ безспорно фортъ «Левантъ-Табія» — вѣнчающій высокій холмъ, сильно господствующій надъ городомъ и всѣми остальными укрѣпленіями. Это Малаховъ курганъ Рущука, по выраженію

нашихъ саперовъ, поглядывающихъ на него, какъ голодные волки смотрятъ на жирнаго, матераго барана, посреди стада. Съ паденіемъ этого форта, Рущукъ держаться не въ состояніи.

Левантъ-Табія стоитъ ближе къ лѣвому флангу рущукскихъ позицій, если считать ихъ лицемъ къ Дунаю; собственно же говоря фронтъ этихъ позицій смотритъ на юговостокъ, прикрывая желѣзно-дорожный путь на Варну и загородное шоссе. Со стороны Журжева городъ самый видѣнъ дурно, онъ замаскированъ лѣсистыми островами, полузатопленными еще водою—окрестности же всѣ видны превосходно; далѣе линія наблюдательныхъ постовъ, вытянутая на нѣсколько десятковъ верстъ въ обѣ стороны отъ Журжева, по нашему берегу Дуная, не сводитъ, что называется, глазъ съ непріятельской стороны; тамъ замѣчается всякое малѣйшее движеніе, даже незначущая повидимому мелочь. Всѣ эти свѣдѣнія собираются вмѣстѣ, провѣряются и принимаются затѣмъ къ свѣдѣнію. Всякая частная попытка переплыть Дунай, съ того ли берега сюда или наоборотъ, невозможна; по всѣмъ дорогамъ патрули и посты, не пропускающіе живой души безъ предъявленія завѣтнаго слова пропуска, которое мѣняется каждую ночь, а то такъ и въ ночь два раза. Да и еще бы иначе! Два противника отдѣлены другъ отъ друга только шириною рѣки, они находятся подъ пушечными выстрѣлами одинъ отъ другого,—они оба можетъ быть наканунѣ столкновенія и столкновенія роковаго...

Я передъ вечеромъ вышелъ на городской бульваръ. Это очень хорошенькій, маленькій садъ, или вѣрнѣе аллея сада, однимъ концомъ выходящая на обрывистый спускъ берега. Здѣсь надъ обрывомъ выстроена красивая бесѣдка, около буфетъ и столики. Несмотря на то, что все это подъ выстрѣлами и третьяго дня здѣсь упало нѣсколько снарядовъ—бесѣдка и мѣсто около бесѣдки всегда оживлены посѣтителями. Правда, всѣ эти посѣтители большею частію наши офицеры, но есть кое-кто изъ туземныхъ жителей, кто оказался похрабрѣе и не бѣжалъ изъ города, какъ большинство; даже появляются дамы, правда, очень, очень немного... Все это сидитъ здѣсь на скамьяхъ и плетеныхъ стульяхъ, наслаждается вечернею прохладою, ароматомъ цвѣтущей акаціи и розъ, пьетъ свою обыденную «дульчесу», мѣстное вино и лорнируетъ ту-

рецкіе форты, ежеминутно ожидая, что вотъ, вотъ на гребнѣ котораго нибудь изъ нихъ вспыхнетъ бѣлый, дымный клубъ, затѣмъ что-то глухо стукнетъ, завизжитъ и завоетъ въ воздухѣ, надъ водою Дуная и долетитъ сюда, прямо въ средину всѣхъ этихъ прогуливающихся и кейфующихъ. Раза два дождались дѣйствительно; день, говорятъ, не ходили и не показывались, а потомъ снова появились, и вотъ сегодня, когда я пришелъ на бульваръ, тамъ были почти уже заняты всѣ наиболѣе удобныя позиціи. Я былъ не одинъ, а съ однимъ моимъ еще туркестанскимъ товарищемъ, адъютантомъ генерала Скобелева, М—вымъ.

— Кажется, что съ насъ сейчасъ наполеонъ потребуютъ,— сообщилъ онъ мнѣ.

— За что?

— А вотъ идутъ бенефиціанты.

Какой-то толстый старикъ, французъ, во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, дѣйствительно подходилъ къ намъ съ подозрительною пачкою въ рукахъ и сверткомъ афишъ подъ мышкою, съ нимъ рядомъ шла прелестная дѣвочка лѣтъ четырнадцати, въ короткомъ платьицѣ, даже слишкомъ короткомъ, особенно для четырнадцати-лѣтняго возраста.

Оказалось, что это директоръ странствующаго цирка и одна изъ его дебютирующихъ молодыхъ наѣздницъ, общая любимица всѣхъ здѣшнихъ нашихъ офицеровъ. Ради этой общей любви, конечно, совершенно платонической, дирекція цирка назначила бенефисъ, яко бы въ пользу фаворитки, въ данную минуту лукаво улыбающейся и протягивающей намъ пачку билетовъ.

Взяли, дѣлать нечего!

Бенефиціантка мало-по-малу обошла почти всѣхъ, присутствовавшихъ въ садикѣ и куда-то скрылась.

А вѣдь это очень оригинально! Циркъ съ акробатическими штуками, подъ выстрѣлами непріятельскихъ батарей. Французскіе солдаты устроили себѣ театръ въ лагерѣ подъ Севастополемъ, но позаботились помѣстить его все-таки внѣ сферы досягаемости русскихъ пушекъ, а эти о такихъ пустякахъ не заботятся... прелестно! «Чего намъ бояться, когда русскіе съ нами и мы около русскихъ!»—отпустилъ мнѣ эту военную любезность французъ директоръ, когда я сдѣлалъ ему нѣсколько

вопросовъ на счетъ храбрости какъ его лично, такъ и его галопирующихъ въ розовомъ трико грацій сомнительной свѣжести.

Пошли мы въ циркъ часу въ десятомъ. Передъ деревяннымъ балаганомъ, подъ навѣсомъ, хоръ нашихъ пѣхотныхъ трубачей наигрывалъ попури изъ военныхъ пѣсенъ. Вмѣсто рядовъ экипажей, на площади стоятъ группами казачьи и офицерскіе кони, осѣдланные, большинство публики собралось пѣшкомъ... Тамъ и сямъ изъ темныхъ улицъ, черезъ площадь, тянулась публика, то группами, то въ одиночку, всѣ въ бѣлыхъ кителяхъ и таковыхъ же фуражкахъ, отчетливо рисовавшихся во мракѣ.

Вошли въ ложи... Посѣтителей немного, а все-таки достаточно, и ни одного туземца, за исключеніемъ какого-то темно-синяго мундира, съ шнурочками на плечахъ, и то оказалось какое-то мѣстное муниципальное начальство, пользующееся мѣстомъ gratis... Однако было и нѣсколько дамъ, перебѣгавшихъ изъ ложи въ ложу и заигрывавшихъ съ нашими офицерами... Должно быть было очень весело, а главное просто, какъ и слѣдуетъ на боевой позиціи. Да и еще бы! Всѣ товарищи, всѣ уже успѣли познакомиться; чужихъ никого—чего же лучше?

Началось представленіе. Вдругъ на какомъ-то граціозномъ прыжкѣ дѣвы въ трико, вся аплодировавшая публика смолкла разомъ... Розовое трико прыгнуло верхомъ на спину гнѣдой клячи и схватилось за гриву... Одинъ изъ клоуновъ перекувырнулся, прихватилъ себя за затылокъ для комичнаго поклона, да такъ и замеръ въ этой позѣ...

— Это ружейные залпы,—спокойно, даже въ полголоса, произнесъ какой-то офицеръ, не торопясь выбрался изъ своей ложи и направился къ выходу... Казачьи офицеры, занимавшіе мѣста у самаго барьера, тоже гурьбою ринулись къ своимъ лошадямъ. Другой ударъ, но несравненно сильнѣе прежняго, потрясъ деревянный куполъ цирка...—А, это уже пушка!..—заявилъ громко кто-то изъ офицеровъ.

— Oui, c'est le canon,—согласился французъ директоръ, и визгливымъ голосомъ заоралъ всѣмъ выходящимъ:

— M-rs! Vingt minutes d'entracte!

Почему французъ полагалъ, что начавшаяся канонада будетъ продолжаться только двадцать минутъ, время, какъ разъ опредѣленное для антракта, это самому Аллаху извѣстно.

Повыбрались всѣ изъ цирка; стали прислушиваться. Посреди площади, какъ разъ противъ цирка, стоитъ высокая, одинокая каланча,—на ея [illegible] загорѣлся огонекъ,—это туда залѣзъ съ фонаремъ солдатикъ стрѣлокъ.

— Видно что-нибудь?—кричатъ ему снизу.

— Видно, ваше благородіе!..—доносится сверху.

— Гдѣ?

— На Маларошѣ. Турки съ того берега палятъ; наши молчатъ.

— И въ какого дьявола они изъ ружей дуютъ?—недоумѣваетъ полковникъ-кубанецъ въ высокой папахѣ, бочкомъ, не безъ граціи, сидя въ своемъ казачьемъ сѣдлѣ.

— Демонстрируютъ канальи...

Проскакало нѣсколько конныхъ,—въ темнотѣ не разберешь, кто именно... Изъ переулка выдвинулась голова пѣхотной колонны и ускореннымъ шагомъ потянулась по направленію къ Маларошу... Многіе изъ публики тоже сѣли на лошадей и отправились къ своимъ частямъ на всякій случай; большинство, впрочемъ, осталось.

А выстрѣлы слышались все чаще и чаще. Между ударами тяжелыхъ орудій съ турецкихъ батарей ясно доносился сухой трескъ ружейныхъ залповъ, хотя гораздо ближе къ берегу, почти у самой воды.

— Чтобы это значило?..

— Это Орловъ, должно быть, ихъ задралъ тамъ, выкинулъ какую-нибудь штуку, вотъ и переполошилъ турокъ,—слышалось предположеніе въ группѣ кубанцевъ.

— Съ него станется...

Одна изъ наѣздницъ, въ своемъ костюмѣ, въ коротенькой юбочкѣ и въ трико выбѣжала изъ цирка и, граціозно лавируя между лужами, пробралась къ офицерамъ.

— Фани, вы чего?

— Mais... c'est charmant!—лепетала Фани, приподнимаясь на цыпочки.

— Садись ко мнѣ въ сѣдло—видѣе будетъ!—пригласилъ какой-то всадникъ, горячившій своего горскаго коня.

— Bien merçie!

Наѣздница очень ловко съ помощью поданной руки вскарабкалась на коня и стала на немъ, опершись на плеча всадника.

Какая прелестная группа, какая оригинальная обстановка!

Ночь—темно, на маякѣ огонь, входъ цирка ярко освѣщенъ, толпа конныхъ и пѣшихъ... эта наѣздница, суровая боевая фигура и звуки канонады вдали...

— Турки солнце запалили,—доносится возгласъ съ высоты каланчи.

— Это еще что такое?

— Электрическій свѣтъ, господа, электрическій свѣтъ. Вишь какъ освѣтили себя... Тревога-то у нихъ должно быть не на шутку.

Дѣйствительно, на томъ берегу показался довольно странный лучъ свѣта—ружейная пальба слышалась все чаще и чаще.

— Генералъ уже проѣхалъ туда,—запыхавшись объявилъ пѣхотный офицерикъ...—Господа, что? кончилось?

— Что кончилось?

— Представленіе!..

— Нѣтъ, только антрактъ—сейчасъ второе отдѣленіе.

— Мѣста есть свободныя?

— Сколько хочешь, иди къ намъ въ ложу...

— А вотъ это одиннадцатидюймовая—эко гудитъ шельма... Опять!

— Съ позволенія почтенной публики...—суетится директоръ цирка...

— А и то правда—если надо будетъ, знать дадутъ.

— Держись, Фани, крѣпче—я такъ съ тобою и вкачу въ циркъ на лошади.

— Non, non, non,—визжитъ наѣздница. Съ высоты каланчи раздается крикъ пѣтуха и звонкій задушевный хохотъ солдатика стрѣлка. Это къ нему забрался клоунъ, тоже должно быть ради наблюденія.

Вернулись въ циркъ; началось второе отдѣленіе...

— Норъ-норъ!—щелкаетъ бичъ берейтора...

— Браво, Фани, браво!—неистово апплодируютъ зрители, выбравшись изъ ложъ и сидя на самомъ барьерѣ цирковаго круга.

А вдали все гудятъ выстрѣлы тяжелыхъ турецкихъ орудій, все еще слышатся трескучіе перекаты ружейной пальбы.

Хотѣлъ было я поѣхать туда, узнать на мѣстѣ, что тамъ творится, да нельзя, не пропустили бы черезъ аванпосты безъ пропуска, хлопотать же о полученіи такового было некогда, да и генералъ уѣхалъ—не у кого спросить. Рѣшилъ подождать разсвѣта и тогда узнать въ чемъ дѣло.

Кончилось представленіе въ циркѣ, кончилось и другое—на Маларошѣ. Пальба затихла, электрическій свѣтъ на томъ берегу погасъ; Фани и прочія наѣздницы отправились въ сосѣдній отель ужинать съ офицерами, пошелъ и я въ свой номеръ записать впечатлѣнія этого оригинальнаго дня—перваго моего дня на боевыхъ позиціяхъ настоящей компаніи, начавшагося обходомъ наблюдательныхъ пунктовъ и такъ эффектно закончившагося веселымъ спектаклемъ въ циркѣ, подъ акомпаниментъ стрѣльбы турецкихъ батарей и ружейной перепалки...

III.

Я былъ въ постелѣ, когда услышалъ стукъ въ дверь моей комнаты. Всталъ, отперъ. Вижу того же адъютанта генерала Скобелева, М-ва; шашка черезъ плечо, револьверъ на поясѣ, сапоги запылены, выраженіе лица сильно помятое, усталое.

— Генералъ вамъ лошадь прислалъ,—говоритъ онъ мнѣ,—хотите ѣхать смотрѣть, какъ будемъ островъ обстрѣливать.

— Еще бы, съ удовольствіемъ!

Наскоро одѣлся. Вышли.

Чуть только солнце выглядывало изъ-за горизонта, утро было такое славное, свѣжее, сѣли мы въ сѣдла, поѣхали. Городъ еще спалъ, его пустыя, большею частью оставленныя жителями, улицы безмолствовали. Во всѣхъ дворахъ, подъ навѣсами, на крыльцахъ, всюду виднѣлись наши солдаты, спавшіе подъ шинелями, съ ранцами въ головахъ; кое-гдѣ торчали часовые, вытягиваясь въ струнку при нашемъ приближеніи. Сѣвѣ, съ той стороны, гдѣ находилась, желѣзнодорожная станція, гудѣлъ дежурный локомотивъ и слышались звуки казачьей трубы, тамъ бивакируетъ паркъ нашей казачьей артиллеріи; чуть-чуть за валомъ виднѣлись его бѣлыя палатки и стройные свѣтло-зеленые ряды зарядныхъ ящиковъ.

Мы выбрались за городъ, въ его восточную заставу, на дорогѣ къ Малорому. Это туда, гдѣ ночью слышалась канонада и ружейные залпы. Дорогою К—въ разсказалъ мнѣ въ чемъ было дѣло. Турки, видите ли, заняли наканунѣ островъ, отдѣляющій боковое теченіе Дуная отъ главнаго устья, лежащій какъ разъ противъ Малороманскаго мыса, въ пяти верстахъ отъ Журжева—ниже. Противъ мыса на томъ же материковомъ берегу, построена сильная батарея у деревни Малотина. Эта позиція, цѣпью ложементовъ у небольшихъ укрѣпленій, растянутыхъ по берегу, соединяется съ главными центральными позиціями Рущука. Мы ѣхали теперь по лѣвому, нашему берегу, какъ разъ параллельно этой турецкой линіи. Наши сачеры, часовъ въ одиннадцать ночи, захотѣли оттащить нѣсколько лодокъ, стоявшихъ на виду, въ другое болѣе удобное мѣсто. Десятка два солдатъ успѣли сдѣлать это отчасти, оставалась еще одна лодка, когда турки съ острова должно быть услышали шумъ, а можетъ быть и замѣтили движеніе на водѣ. Тотчасъ же съ острова послышался сигналъ рожка, за нимъ другой подальше и вслѣдъ затѣмъ ружейный огонь по всей линіи. Вѣроятно они вообразили, что уже не пытаемся ли мы переправляться черезъ Дунай, потому что вслѣдъ за ружейнымъ огнемъ загремѣла орудійная канонада съ магротинской батареи и береговыхъ укрѣпленій. Тревога охватила весь правый флангъ турецкой позиціи, на вышкахъ засвѣтились электрическіе фонари—и все это ради десятка русскихъ сапероръ, тотчасъ же засѣвшихъ въ ложементы, а потому нисколько не пострадавшихъ отъ этого страшнаго огня турокъ. Въ темнотѣ турки стрѣляли зря, что называется на удачу, ихъ снаряды поражали совершенно пустой берегъ, не вырвавъ изъ нашихъ рядовъ. Генералъ Скобелевъ явился на мѣсто при первыхъ выстрѣлахъ, покойно выждалъ конца турецкаго неистовства, затѣмъ, когда все успокоилось, ему захотѣлось провѣрить, занимаютъ ли турки островъ, для чего и велѣлъ нѣсколькимъ стрѣлкамъ сдѣлать съ десятокъ выстрѣловъ изъ винтовокъ. На эти выстрѣлы турки тотчасъ же повторили свою канонаду, еще въ болѣе сильныхъ размѣрахъ, свисть и вой тяжелыхъ снарядовъ, прорѣзывавшихъ воздухъ, показывалъ, что непріятель пускалъ въ ходъ орудія самыхъ колоссальныхъ размѣровъ, яркія вспышки выстрѣловъ отчетливо виднѣлись

въ темнотѣ, давая возможность точно опредѣлять число орудій на ихъ батареяхъ... Часа два турки поражали пустое пространство, наконецъ мало-по-малу успокоились и къ разсвѣту затихли совсѣмъ. Вотъ теперь-то генералъ Скобелевъ, молодой (не забывайте, что Скобелевыхъ два, отецъ и сынъ), и захотѣлъ посерьезнѣй обслѣдовать островъ, для чего приказалъ выступить двумъ казачьимъ орудіямъ и выбралъ лично для нихъ позицію, въ верстѣ отъ Малороша, выше, какъ разъ противъ лѣсистой, полузатопленной водою, верхней оконечности острова.

Любоваться этимъ обстрѣливаніемъ и ѣхали мы въ настоящую минуту.

По мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, солнце уже значительно поднялось. Странное дѣло! Еще только половина пятаго утра, а жаръ уже довольно силенъ; утренняя свѣжесть стала смѣняться солнцепекомъ, а, какъ нарочно, дорога за городомъ шла по мѣсту совершенно открытому, — тѣни никакой. Время отъ времени намъ попадались маленькія группы стрѣлковъ и казачьи пикеты; такъ какъ вся эта дорога пролегаетъ подъ выстрѣлами турецкихъ батарей, то люди были скрыты въ канавахъ и конные посты, за исключеніемъ одиночныхъ часовыхъ, скрыты за пригорками.

— А вонъ и артиллерія!—указалъ мнѣ М—въ.

Съ лѣвой стороны, оттуда, гдѣ верстахъ въ трехъ на лугу виднѣлся большой казачій лагерь, дѣйствительно, приближаясь къ берегу, шли на рысяхъ два конныхъ орудія, они направлялись къ тому мѣсту, гдѣ виднѣлась группа спѣшенныхъ людей, а невдалекѣ стояли кучкою нѣсколько осѣдланныхъ коней. Тамъ былъ самъ Скобелевъ.

Мы поддали ходу и подскакали къ генералу.

Красивый блондинъ съ свѣтлорусыми бакенбардами и прелестными голубыми глазами, въ бѣломъ кителѣ, съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ прочихъ и разсматривалъ въ бинокль островки.

— Ей Богу, ни черта тамъ не вижу! — произнесъ онъ, обращаясь къ казачьему полковнику, стоящему подлѣ, въ кожанной курткѣ, въ шапкѣ на затылокъ и тоже съ биноклемъ въ рукѣ.

— Пустимъ гранату, другую, кто тамъ есть—окажется,— пожавъ плечами отвѣчалъ казакъ.

Орудія между тѣмъ подъѣхали и спялись съ передковъ, коноводы съ передками въ карьеръ понеслись за пригорокъ, артиллеристы на рукахъ подкатили пушки на самый береговой гребень.

Мы поздоровались съ генераломъ и тоже слѣзли съ лошадей.

— Пожалуй, попробуемъ!—зѣвнулъ генералъ.

— А странное дѣло,—продолжалъ онъ, ни къ кому собственно не обращаясь, а такъ въ пространство: — когда не спишь всю ночь, спать начинаетъ хотѣться.

— Это уже вторая ночь на ногахъ, ваше п—ство,—замѣтилъ М—въ.

— Въ самомъ дѣлѣ... Прикажите!

Казачій полковникъ махнулъ рукою. Первое орудіе грянуло—рѣзко завизжалъ снарядъ, летя настильно надъ Дунаемъ, и лопнулъ, не долетѣвъ саженей двадцати пяти до острова, по водѣ запрыгали сверкающіе всплески отъ осколковъ гранаты.

— Недолетъ, дьяволъ! — почесалъ затылокъ казакъ. — Второе.

Хватило и второе — граната лопнула въ кустахъ, тамъ тоже послышались всплески.

— Я говорилъ, что островъ еще затопленъ,—не безъ достоинства замѣтилъ полковникъ:—я говорилъ...

— Надысь ребята тамъ каикъ видѣли,—шепотомъ проговорилъ казакъ-коноводъ.

— Каикъ!.. корягу каку нибудь за каикъ, небось, приняли. Чу-кось, никакъ, загалдѣли на острову, тс!.. прислушайся, нѣтъ тихо!..

Дѣйствительно было тихо; на островѣ не замѣчено было ни малѣйшаго движенія. Должно быть турки оставили его еще до разсвѣта.

— Еще одинъ! скажите тамъ, только велите имъ дистанцію взять побольше,—распорядился Скобелевъ.

— Готово!.. Первое.

Опять ударъ, опять пронзительный, сверлящій звукъ полета, опять бѣлое облачко взрыва—и снова мертвая тишина на островѣ, безотвѣтность съ той стороны полнѣйшая, за то батарея Маротина не замедлила отвѣтомъ, оттуда завыло одиннадцати-дюймовое коническое ядро и тяжело ударилось у малорошской вышки, взрывъ глинистую землю.

— Отбой, чортъ съ ними, скажите орудіямъ, чтобъ шли на мѣсто,—скомандовалъ генералъ.

— Тишка, скачи духомъ въ лагерь,—засуетился казачій полковникъ,—скажи тамъ, чтобы самоваръ живо!.. Ваше превосходительство, къ намъ, чаю-съ!

Тишка, коренастый донецъ на худомъ рыжемъ меринѣ, раскачнулся раза два, прыгнулся къ шеѣ коня, огрѣлъ его съ маху нагайкою и пошелъ прыгать зайцемъ черезъ кусты бурьяна и рытвины, цѣликомъ, напрямикъ къ бѣлѣвшимся палаткамъ.

Мы сѣли на лошадей и поѣхали шагомъ туда же.

Малорошскій мысокъ острою косою врѣзывается въ русло Дуная,—эта коса довольно возвышенная, хотя холмъ Маротина, на противоположномъ берегу, гдѣ построена турецкая батарея, нѣсколько господствуетъ надъ нею. Когда вы смотрите отсюда на Малорошъ, вы видите только чуть приподнятую надъ поверхностью земли насыпь, еще будущей батареи — сторожевой, таможенный домикъ, давно покинутый его обитателями, и высокую деревянную вышку, выстроенную уже нашими казаками, по тому типу, какъ ихъ строятъ на Кавказѣ, т. е. просто — высокій козелъ изъ бревенъ; на верху нѣчто вродѣ настилки, для помѣщенія часовыхъ и длинное бревно, насѣченное зарубками, для лазанья—вотъ и все. Небольшое пространство между батареею, домикомъ и вышкою буквально изрыто сплошь турецкими снарядами, просто живого мѣста нѣтъ! Странное дѣло! Самый домикъ и вышка остались не тронуты, даже не задѣты, межъ тѣмъ какъ они-то именно и должны были служить прицѣльною точкою для турецкихъ орудій. Поневолѣ повѣришь тому, что, какъ говорятъ стрѣлки,—стоять передъ мишенью безопаснѣе, чѣмъ около нея. Нѣсколько дней тому назадъ, нашъ лагерь расположенъ былъ у самаго Малороша, но потомъ, чтобы не нести напрасныхъ совершенно потерь, отведенъ версты за полторы назадъ внѣ досягаемости туренкихъ снарядовъ, какъ я уже говорилъ.

Лагерь этотъ преимущественно кавалерійскій, его назначеніе высылать разъѣзды по всему протяженію берега; единственныя пѣхотныя части, расположенныя въ его районѣ, это пластуны, раскинувшіеся по близости самымъ живописнымъ, оригинальнымъ бивуакомъ, каждая группа этого бивуака такъ

и просится подъ карандашъ художника. Палатками пластуновъ не снабдили: во-первыхъ, взять этихъ палатокъ не откуда, дѣлать ихъ некогда, да и все равно — жить въ нихъ пластунамъ не приходится, развѣ днемъ покейфовать немного, а ночью пластуны всѣ почти въ расходѣ, шныряютъ подъ берегомъ, лежатъ въ секретахъ, отправляются въ различныя экскурсіи, по ихнему выраженію «вынюхиванія»; когда же тутъ, да и къ чему заботиться о такихъ пустякахъ, какъ напримѣръ, палатка. Пластуны говорятъ про самихъ себя такъ: «наше дѣло не регулярное, войско мы вольное, ползучее — на счетъ вынюху, да выгляду больше, къ хатѣ непривычное...» За то же и умѣютъ они приспособливаться, пуская въ ходъ во всѣхъ случаяхъ свою бурку, — вешь, безъ которой пластунъ немыслимъ. Бурка для пластуна все — и постель, и хата. Голый совсѣмъ раздѣнется, когда гдѣ плохо придется и въ воду лѣзть надо, а бурка съ нимъ. Завернувшись съ головою въ бурку, пластунъ всю ночь пролежитъ по горло въ водѣ, и ничего, хины ему послѣ принимать не придется. Они одѣты по-черкески, какъ и наши кавказскіе казаки, только далеко не такъ щеголевато и опрятно; глядя на эти изорванныя, засаленныя черкески, на эти папахи съ вылѣзшимъ волосомъ, удивляешься просто до какой степени неопрятности доходитъ пластунъ. Онъ словно щеголяетъ своими лохмотьями; если подарить ему новое платье, онъ его непремѣнно прежде истреплетъ и вываляетъ, а потомъ уже надѣнетъ, имъ чѣмъ грязнѣе тѣмъ лучше, отъ земли незамѣтнѣе. Вооруженъ пластунъ, ружьемъ со штыкомъ, шашкою и кинжаломъ, пистолетъ есть, но не у всякаго. Расположились они здѣсь въ лагерѣ нѣсколько особнякомъ, ружья въ козлахъ и на эти козла надѣты бурки — вотъ и палатки образовались, а то просто закорузлая, коломъ стоящая бурка, сама безъ подпоры шалашемъ держится. Дѣлаютъ и такъ: протянутъ веревку отъ одного ружейнаго козла къ другому и повѣсятъ на нее бурки. Солнце съ той стороны, они противоположной держатся, переберется солнце — и они переберутся. По всему бивуаку ихъ маленькіе огоньки дымятся, тамъ стряпня идетъ, варятъ и жарятъ, что кому Богъ послалъ за ночь. Тѣ, кто на рѣкѣ секретомъ лежали, ухитрились рыбы наудить на досугѣ, кто на сухомъ пути — другимъ чѣмъ раздобылся. Птичьи перья, подхваченныя вѣтромъ, словно

бабочки носятся по всему бивуаку. Есть у нихъ и баранина, посущественнѣе пища. Они весьма изобрѣтательны по части разнообразія своихъ досуговъ. Между ними много удивительныхъ комиковъ—и вы непремѣнно увидите густыя кучки, какъ самихъ пластуновъ, такъ и посторонніихъ зрителей, сгруппировавшіяся вокругъ какого-нибудь клоуна въ пластунской буркѣ. Звукоподражательныя способности у нихъ развиты поразительно. Они до такой степени натурально передразниваютъ крики птицъ и животныхъ, что нѣтъ никакой возможности не ошибиться. Это уже способность дѣтей природы. При мнѣ одинъ молодой пластунъ подтрунилъ надъ другимъ по-старше; обиженный вскочилъ и погнался за обидчикомъ, послѣдній задѣлъ ногою за что-то и упалъ, — преслѣдователь на него, и вдругъ раздался, въ высшей степени вѣрный натурѣ, визгъ пойманнаго порсенка и злое рычаніе собаки. У нихъ даже игры всѣ больше зоологическаго характера: напр., въ чеколку, въ глухаря-тетерева. Здѣсь въ лагерѣ, между прочимъ, я видѣлъ ихъ знаменитую игру въ «комара»,—эта игра состоитъ въ томъ, что двое становятся другъ противъ друга, прикрывъ лѣвою рукою свою лѣвую же щеку и держа правыя руки на отмашь, третій помѣщается между ними и начинаетъ подражать жужжанію комара; этотъ комаръ изрядно-таки щелкаетъ ихъ по прикрытымъ щекамъ, а тѣ должны бить его. Комаръ звенитъ и необыкновенно ловко увертывается отъ ударовъ, а самъ «жалитъ», да еще какъ! то и дѣло раздается хлопъ да хлопъ. Если комаръ попадется, наконецъ, подъ ударъ, онъ уступаетъ свое мѣсто другому и т. д. Всѣ пластуны, — свойство охотниковъ—страшные вральманы. Они разсказываютъ самыя нелѣпыя небылицы про свои похожденія, юмору въ этихъ разсказахъ бездна и, главное, разсказчикъ умѣетъ при этомъ сохранить внѣшній видъ полнаго спокойствія при разсказѣ, онъ говоритъ серьезно, не улыбается, въ то время когда слушатели его буквально катаются по землѣ отъ судорожнаго хохота. Вотъ бы гдѣ и у кого вамъ поучиться, господа наши великопостные, концертные разсказчики, изо всякихъ, якобы, бытовъ!

Увлеченные примѣромъ своихъ сосѣдей по бивуаку, донцы тоже пытаются отличиться на этомъ поприщѣ. Ну, куда! дѣло у нихъ не выгораетъ, несмотря на всѣ старанія. На сторожевой, аванпостной службѣ пластуны незамѣнимы, слухъ и зрѣніе

въ темнотѣ развиты у нихъ необыкновенно и сонъ-то у нихъ какой-то воровской, волчій; достаточно самаго малѣйшаго звука, чуть слышнаго шелеста и, повидимому, спавшій до сего времени крѣпко, даже прихрапывавшій пластунъ, шевелится и осторожно высовываетъ изъ подъ бурки свою голову. Стрѣлки они отличные, хотя еще не успѣли какъ слѣдуетъ свыкнуться съ оружіемъ новой, скорострѣльной системы и предпочитаютъ ему свои прежнія, отцовскія винтовки.

Ну, довольно пока о пластунахъ они въ прошлую компанію стяжали себѣ громкую славу своими лихими и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальными до-нельзя подвигами. Теперь уже, спустя двадцать четыре года, въ ихъ рядахъ мало, или даже почти не осталось, прежнихъ дѣятелей, но духъ живетъ тотъ же. Имъ теперь предстоитъ широкое поприще выказать этотъ духъ вполнѣ. Начало ихъ здѣшней службы позволяетъ надѣяться, что и дѣти съумѣютъ быть не хуже своихъ отцовъ и не посрамятъ славы пластунскіе. Не безъ удовольствія пробывъ часа три въ казачьемъ лагерѣ и съ аппетитомъ напившись чаю, мы вернулись въ Журжево около полудня, когда жаръ сталъ положительно невыносимъ. Вода Дуная спадаетъ быстро, со вчерашняго дня она понизилась болѣе чѣмъ на полтора фута, отмели огаляются почти на глазахъ, саперы ликуютъ. До завтра.

IV.

Двадцать четыре года подъ рядъ Журжа и Рущукъ, два близкіе сосѣда, жили въ великой дружбѣ и согласіи; они успѣли настолько слить вмѣстѣ всѣ свои интересы и великіе, и малые, что ихъ теперь и водою не разольешь, какъ говорится, и журжевцы, и рущукцы всѣ перезнакомились, передружились, перероднились даже между собою и вдругъ нежданно, негаданно объявили имъ, что теперь они враждующія стороны, и должны разомъ прервать всѣ прежнія связи и отношенія.

Конечно, формальная, внѣшняя сторона этого разрыва приведена въ исполненіе; ни съ того берега, ни съ этого, не можетъ перебраться ни одна живая душа, безъ риска быть пойманною, или попасть подъ пулю часового. Телеграфная проволока, соединяющая два прибрежные пункта, перерѣзана, но это все опять-таки только формальная, внѣшняя сторона разрыва,

внутренняя же связь, если можно такъ выразиться, — духовная, остается въ прежней силѣ и симпатіи румынъ, особенно береговыхъ, а также и журжевцевъ — лежатъ къ туркамъ и Рущуку, а никакъ не къ русскимъ войскамъ, въ которыхъ, не народъ румынскій, нѣтъ, но горожане и интелегенція постоянно относились и относятся и будутъ относиться всегда недружелюбно. Не будемъ вдаваться въ причины этой антипатіи, дѣло въ томъ, что она существуетъ...

Между Журжею и Рущукомъ идетъ переписка, путемъ, конечно, окольнымъ, черезъ Тріестъ и странно, письма эти доходятъ на шестой день, значитъ гораздо скорѣе, чѣмъ наши русскія отсюда въ Петербургъ, что тоже весьма знаменательно. Въ Журжѣ, въ кружкахъ ея обитателей, отлично знаютъ все, что дѣлается въ Рущукѣ, почему же и Рущуку не знать всего, что дѣлается въ Журжѣ... Наши войска поставлены въ необходимость маскировать тщательно свои намѣренія и приготовленія, не только относительно турокъ, но и относительно мѣстныхъ румынъ, а послѣднее представляетъ не мало затрудненій. Впрочемъ, относительно этого послѣдняго мѣра принята самая радикальная — всѣ дороги, прилегающія въ окрестностяхъ Журжи, въ районѣ театра военныхъ приготовленій, унизаны рядами постовъ и проѣздъ по нимъ никому не дозволяется, кромѣ лицъ, имѣющихъ на то письменное разрѣшеніе начальника отряда.

Лица эти, во всякомъ случаѣ, могутъ проѣхать только сами, но никакъ не съ своимъ кучеромъ или слугами, для послѣднихъ нужно тоже особое разрѣшеніе, и это разрѣшеніе выдается только для лицъ совершенно русскихъ, прибывшихъ съ нашею арміею. Въ извозчичьей коляскѣ, съ кучеромъ румыномъ, васъ не пропустятъ ни въ какомъ случаѣ; на первомъ же посту вамъ предложатъ, если хотите продолжать свой путь и имѣете на то разрѣшеніе, выйти изъ экипажа и итти пѣшкомъ, а извозчика вашего немедленно прогонятъ обратно въ городъ.

Всѣ эти и цѣлый рядъ подобныхъ мѣръ вызваны положительною необходимостью, особенно теперь, когда для турокъ подготовляется такой неожиданный репримандъ, отъ котораго имъ (да поможетъ намъ Богъ) не поздоровится.

Какую лихорадочную дѣятельность вызвала эта подготовка «репримандa», какое нервное возбужденіе замѣтно во всѣхъ

дѣятеляхъ, и великихъ и малыхъ, начиная отъ самаго энергичнаго, подражающаго своею неутомимостью, подполковника инженернаго А. Ф. Плюцинскаго 2-го, главнаго заправилы всего дѣла, до послѣдняго солдата сапера, отъ нашего главнаго старика генерала Скобелева-отца, начальника отряда, до послѣдняго казака—всѣ они просто и говорить разучились громко, а все какимъ-то таинственнымъ полушепотомъ. И день, и ночь вы видите ихъ конныя и пѣшія фигуры, какъ тѣни, снующія по всему громадному береговому протяженію, занятому работами...

Близко окончаніе этихъ работъ; не сегодня, такъ завтра, маска приподнимется и... воображаю, какую озадаченную мину изобразитъ на своей физіономіи Рафатъ паша, увидавъ передъ собою то... то, что своевременно будетъ мною сообщено очень подробно и обстоятельно.

Между прочими свѣдѣніями, которыя получаются съ того берега, извѣстно, что гарнизонъ крѣпости находится въ положеніи крайне тревожномъ—турки ждутъ опасности, чуютъ ее и мечутся во всѣ стороны, чтобы имѣть возможность предупредить эту опасность и встрѣтить ее во время. Самый малѣйшій тревожный признакъ, замѣченный на нашемъ берегу, мгновенно ставитъ ихъ на ноги и вызываетъ съ ихъ стороны мѣры, большею частью своей грандіозностью нисколько не соотвѣтствующія вызвавшему ихъ признаку.

Я уже писалъ, какую канонаду вызвали двѣ-три наши саперныя лодки подъ Малорошемъ... Наши аванпосты, особенно пластуны, замѣтивъ эту слабую сторону турокъ, съ артистическою изобрѣтательностью вызываютъ тревогу на турецкихъ батареяхъ и ставятъ ихъ таборы въ ружье.

Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, замѣчено было, что турки подозрительно отнеслись къ какой-то старой насыпи, остатку одной изъ батарей прежней кампаніи. Турки вообразили, что тамъ производятся новыя работы и пустили въ эту насыпь два-три снаряда, но не получивъ отвѣта, успокоились и оставили безвредную насыпь въ покоѣ. За то не оставили ее въ покоѣ кубанцы—они порылись немного ночью, пользуясь темнотою, прокопали нѣчто въ родѣ амбразуръ и положили въ нихъ бревна, обмотавъ ихъ соломою. Съ разсвѣтомъ турки очень озадачились, увидавъ готовую батарею съ грозно торчащими изъ ея амбразуръ жерлами колоссальныхъ орудій, и

тотчасъ же открыли по этой батареѣ - имитаціи самый убійственный огонь, стоившій имъ не мало весьма дорогихъ снарядовъ...

Кстати, здѣсь есть одинъ техникъ - артиллеристъ, который задался цѣлью, между прочимъ, вести расходныя статьи турокъ; онъ тщательно записываетъ каждый потраченный ими даромъ снарядъ, отмѣчаетъ сбоку его калибръ, родъ и стоимость и ежедневно подводитъ итоги — у него есть и графы прихода, куда онъ думаетъ заносить наши потери, но эти графы, пока еще, да хранитъ насъ Богъ и впредь, еще совершенно чисты, въ расходѣ же значится по сіе время уже болѣе 10,000 руб., изъ которыхъ почти 1,000 стоила туркамъ батарея кубанскаго изобрѣтенія.

Пластуны изощряются другимъ образомъ: они заготовляютъ днемъ, гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, мнимыя лодки съ мнимыми же гребцами и даже десантомъ; эти лодки устраиваются такимъ образомъ: берется большая коряга или негодная къ употребленію колода отъ водопоя; въ эту колоду понатыкаютъ сноповъ и фашиннику торчкомъ и пускаютъ такіе снаряды на воду, конечно, когда достаточно стемнѣетъ; надо видѣть самому, чтобы понять, до чего подобное сооруженіе на водѣ похоже на лодку съ людьми, особенно при этомъ бѣлесоватомъ, неопредѣленномъ свѣтѣ первой четверти луны... Эти пластунскія изобрѣтенія почти каждую ночь тревожатъ турецкіе береговые посты, заставляя ихъ стрѣлять залпами, вызывая даже огонь съ батарей!.. Когда вы пробираетесь днемъ по берегу, отъ поста къ посту, вы непремѣнно увидите шесты съ навѣшенными на нихъ бурками, а сверху прикрытые шапками—это все мнимые часовые. Настоящіе владѣльцы этихъ бурокъ и шапокъ сидятъ себѣ покойно въ сторонѣ и наблюдаютъ—и какое удовольствіе для нихъ, когда какая-нибудь турецкая пуля съ острова щелкнетъ по буркѣ.

— Ой, братцы, убилъ, ей-Богу, подлецъ убилъ!..—начнетъ кто-нибудь изъ нихъ притворно стонать и кататься по землѣ...

— Ничего не убилъ, вишь стоитъ, не валится,—утѣшаетъ другой.—Ты, братъ, возьми иголку да позаштопай рануто, сразу выздоровѣетъ...

— А кабы я самъ былъ теперь въ той буркѣ, супротивъ какого бы мѣста угодилъ-бы?

— Подь, прикинь—увидишь. Тс... лежи смирно, никакъ съ монитора шарахнуть хотятъ, гляди какъ ротъ разинулъ...

Пикетъ примолкаетъ и устремляетъ все свое вниманіе на какого-нибудь турецкаго панцырника, грозно открывающаго люки своихъ пушекъ.

Надо отдать полную справедливость туркамъ—они отлично пристрѣлялись, да и немудрено: имъ извѣстно разстояніе ихъ пушекъ отъ каждаго пункта нашего берега,—разстоянія эти вымѣрены ими заблаговременно съ самою аккуратною точностью. И если бы только наши саперы не умѣли такъ ловко маскировать свои работы—эти работы должны были бы сопровождаться значительною потерею въ людяхъ, пока же, какъ я говорилъ, у насъ за все время стоянки войска на журжинскихъ позиціяхъ, нѣтъ ни одного убитаго, ни раненаго...

V.

Передъ вечеромъ мы получили позволеніе осмотрѣть саперныя работы по берегу Дуная, между Журжевомъ и Слободзеею. Отправились. Нашъ маленькій кортежъ состоялъ изъ пяти всадниковъ—трое корреспондентовъ: я, Ф. и Н. Д., казачій офицеръ-артиллеристъ и трубачъ.

Начиная отъ самаго города, вся эта нижняя, береговая дорога занята чуть не сплошнымъ рядомъ военныхъ постовъ и карауловъ, никому постороннему ѣздить по ней не дозволяется. Даже для лицъ, принадлежащихъ къ арміи, и для тѣхъ, несмотря на ихъ форменный костюмъ, невозможно пробраться здѣсь, безъ предъявленія особаго на то дозволенія отъ начальника отряда, но какъ я уже сказалъ, позволеніе это мы имѣли, то и миновали первый караулъ безпрепятственно. Дорога идетъ по насыпной дамбѣ и носитъ на себѣ признаки чего-то въ родѣ шоссе, глубоко изборожденнаго, однако, массивными колесами тяжелыхъ крѣпостныхъ и осадныхъ орудій и зарядныхъ парковыхъ повозокъ. Намъ поминутно попадались на встрѣчу идущія обратно воловьи пары, доставившія на мѣсто свою военную кладь. Правѣе, за изрытою волнистою линіей старыхъ турецкихъ укрѣпленій, остатковъ прошедшей кампаніи, виднѣлись палатки какого-то бивуака; на поросшихъ бурьяномъ и крапивою брустверахъ толпились наши солдаты и казаки. Длин-

ною цѣпью тянулась линія часовыхъ,—изъ садовъ, что прилегали справа, вплотную къ дорогѣ, безпрестанно выходили маленькіе отряды пѣхотинцевъ, торопливо перебѣгали шоссе и исчезали въ другихъ садахъ влѣво отъ дороги, лѣпившихся уже по самому берегу. Это смѣнялись рабочія команды; тамъ, гдѣ мѣстность была болѣе открыта и не замаскирована безпорядочными группами построекъ румынскихъ хуторовъ, покинутыхъ жителями, и кое-какою растительностью, тамъ эти отряды пробирались по канавамъ, или же шли въ разсыпную, по одиночкѣ, чтобы не навлекать на себя подозрѣнія со стороны зрителей противоположнаго берега... Отсюда, съ дороги, по которой мы ѣхали, еще можно замѣтить кое-какіе признаки работы, но со стороны Дуная всѣ наши постройки замаскированы блистательно и до сихъ поръ еще турками не открыты, иначе они открыли бы адскій огонь со всѣхъ своихъ береговыхъ батарей, грозно глядящихъ на насъ своими обильно прорѣзанными амбразурами. Здѣсь существуетъ убѣжденіе, что половина этихъ амбразуръ пуста. Вотъ подождемъ настоящаго огня, тогда провѣримъ. Несмотря на то, что всѣ садики по дорогѣ положительно кишатъ нашими солдатами, особой суетливости замѣтно не было, и въ воздухѣ царствовала положительная тишина. Всѣ говорили вполголоса, на всѣхъ лицахъ выраженіе серьезное, покойное, въ каждомъ движеніи видна увѣренность; видно, что всякій знаетъ точно и обстоятельно свое дѣло, никто никому не мѣшаетъ, не путается. Кипитъ подъ руками спѣшная работа и замѣтно къ концу близится. Вонъ виднѣется батарея; изъ-за кустовъ ясно видны уже настланныя ея платформы, а настилка платформъ это уже послѣднее дѣло, за симъ остается только вооружить, то-есть поставить пушки; вонъ за старыми полуразвалившимися сараями, на гладко утрамбованномъ току, гдѣ до сихъ поръ мирно молотилась пшеница,—стоятъ ряды какихъ-то грозныхъ орудій пытки, топорщатся, кверху какіе-то окованные брусья, висятъ цѣпи желѣзныя съ крючьями, шестерни, зубчатыя колеса, вся обстановка инквизиціоннаго трибунала—это домкраты, подъемная машина, для снятія съ повозокъ тяжелыхъ орудій и постановки ихъ на боевые лафеты. Погребки для снарядовъ, крытые блиндажи для прислуги, все это готово и зіяетъ своими четвероугольными отверстіями въ желтоватомъ, глинистомъ

грунтѣ свѣжихъ насыпей. А вѣдь всего двое сутокъ собственно, какъ начались всѣ эти сложныя и обширныя работы. Саперы просто не нахвалятся своими помощниками, пѣхотинцами. «Охоты много,—говорятъ они,—понукать незачѣмъ, да и смекалка есть; разъ ему только укажи, а уже потомъ и не суйся,—самъ все дѣло понимаетъ». Нѣсколько разъ сворачивали мы съ дороги, слѣзали съ коней, пробирались на работы и снова возвращались. Съ какимъ-то особеннымъ, трудно объяснимымъ чувствомъ смотрѣлъ я и на эти группы работающихъ, и на тотъ берегъ, гдѣ такъ ясно, отчетливо видны линіи турецкихъ бастіоновъ, пестрыя крыши и узкія улицы Рущука, его сады, минареты— и дальше всего грозные форты... Говорятъ, отсюда можно изъ одиннадцатидюймоваго орудія достать до самаго Леванъ-Табія; фортъ этотъ расположился весьма невѣжливо къ нашимъ новостроющимся батареямъ, онъ стоитъ сюда своею открытою горжею, т. е. затылкомъ, бѣлыя стѣны его внутренней казармы такъ и просятся подъ выстрѣлъ; провожавшій насъ артиллеристъ просто ѣлъ ихъ своими глазами... «Ну, а сколько, по вашему, будетъ?» спросилъ я его.—Сколько? переспросилъ онъ, прищурился немного, прикинулъ что-то на пальцъ и вздохнулъ.—«Не было бы недолету, а черезъ не хватимъ, отвѣтилъ онъ, верстъ пятокъ съ половиною будетъ».

Но вѣдь это Леванъ-Табія; самый отдаленный отсюда пунктъ, прочіе форты и самъ городъ съ его старою оградою гораздо ближе, послѣдній такъ совсѣмъ лежитъ подъ выстрѣлами даже девятифунтовыхъ полевыхъ орудій, не только-что осадныхъ значительно болѣе крупныхъ калибровъ и дальнѣйшей досягаемости.

Выбрались въ послѣдній разъ на дорогу, здѣсь уже начинаются крайнія хатки Слободзеи; кубанецъ часовой остановилъ насъ, подъѣхалъ еще другой конный, спросилъ пропускъ, успокоился и далъ намъ дорогу. Длинная, пыльная улица деревни тянулась передъ нами безконечною лентою, тамъ и сямъ поднимались изъ-за зелени дымки солдатскихъ кухонь, у водопойныхъ колодъ, подъ журавлями фыркали и отмахивались хвостами отъ докучливыхъ мухъ вереницы осѣдланныхъ коней, по всѣмъ направленіямъ сновали всадники въ буркахъ и папахахъ. Что-то готовилось, куда-то собирались, это было очевидно... Батальонъ пѣхотинцевъ, въ ранцахъ, стоялъ подъ

ружьемъ, при насъ онъ и тронулся, ходко, но молчаливо, безъ музыки, безъ пѣсенъ, за батальономъ ни одной повозки—значитъ на легкѣ, куда-нибудь неподалеку.

VI.

Остановились мы у хаты, занимаемой начальникомъ бригады Т.

Здѣсь мы застали обоихъ Скобелевыхъ, и отца, и сына.

Молодцоватый старикъ сидѣлъ на складномъ, походномъ стулѣ и баловался чайкомъ, намъ тоже предложили чаю, да оно и кстати было: продолжительная прогулка вызвала самый волчій аппетитъ; хозяинъ квартиры, въ черной черкескѣ съ серебряными патронами, не забывалъ и своего долга хозяйской гостепріимчивости и прямыхъ своихъ обязанностей—то коврикъ постлать распорядится, то пошепчется съ какимъ-нибудь, только-что прискакавшимъ Богъ вѣсть откуда вѣстникомъ, за стаканами командируетъ къ сосѣду, бумажку подмахнетъ, опять пошепчется, только и слышны его отрывистыя фразы: «отъ первой сотни—взводъ!» «Господа, лимону»—«Эй, подай стулъ!» «Уже послано, ваше превосходительство»...

Посидѣли, потолковали, зашелъ я къ сосѣду, напротивъ, тамъ живетъ командиръ кубанскаго полка, извѣстный нашъ удалецъ, Кухаренко, онъ занятъ въ настоящую минуту важнымъ дѣломъ: куетъ самолично своего чуднаго арабскаго жеребца; это знатокъ и страстный любитель кавалерійскаго дѣла вообще и коней въ особенности.

Вокругъ стоятъ нѣсколько офицеровъ, все кубанцы, и съ самымъ строгимъ вниманіемъ слѣдятъ за ходомъ операціи.

— Эки у васъ сабли гремящія,—дѣлаетъ казакъ замѣчаніе уланскому полковнику...

— Не говори... Такая дрянь... Мы ихъ и такъ всегда подъ колѣно беремъ, чтобы звуку не давала...

— Въ ночномъ дѣлѣ просто бѣда... Я тебѣ съ своимъ полкомъ подъ носомъ пройду, ни одна собака не залаетъ, а у васъ троихъ уланъ за семь верстъ слышно...

А сборы уже кончаются... Солнце сѣло, темнѣетъ быстро... По улицѣ слышна дробная топотня конскихъ копытъ—это идетъ сотня гостей съ Урала: бородатые, все больше рыжіе

казаки, на своихъ крѣпкихъ, широкозадыхъ башкирскихъ коняхъ, подтянулись и выровнялись, замѣтивъ начальство...

— Эти потянутъ!.. — слышались замѣчанія кавказцевъ, пытливо оглядывавшихъ проходившихъ мимо казаковъ.

— Кони добрые!—авторитетно заявилъ и самъ Кухаренко.

Опять пріѣхало нѣсколько всадниковъ съ аванпостовъ, опять пошептались, что-то было отмѣнено, что-то вновь приказано... Оба Скобелевы сѣли на лошадей.

— Ну, пошли Богъ успѣха!

— Прислушивайтесь,—шепнулъ мнѣ на ухо М.,—на разсвѣтѣ пальба начнется...

— Гдѣ?

— У Парапана! — и онъ указалъ мнѣ рукою въ данную сторону. — Пойдите къ С. онъ вамъ разскажетъ въ чемъ дѣло.

Пошелъ я къ С. «Да что, говоритъ, минныя заграждения класть собираемся по главному фарватеру, а то эти мониторы зазнались: суютъ носъ, куда имъ не слѣдуетъ».

Постановка минныхъ заграждений, въ виду непріятеля, при помощи крохотныхъ нашихъ паровыхъ лодокъ и гребныхъ шлюпокъ, когда со стороны турокъ, изъ Рущука выслали «пароходо-фрегаты» и панцырныя суда, вооруженныя громадными орудіями—дѣло не шуточное, крайне рискованное и съ весьма слабыми шансами на успѣхъ. Немудрено, что у всѣхъ на лицахъ было такое — не то, чтобы легкое безпокойство, а этакъ, ожиданіе чего-то рокового, на что уже рѣшились и передъ чѣмъ отступать не приходится... Такое же выраженіе не разъ приходилось мнѣ наблюдать, за время прежнихъ моихъ боевыхъ кампаній, на лицахъ охотниковъ, вызванныхъ на штурмъ бреши, или что-нибудь въ этомъ же родѣ, послѣ чего, даже при успѣхѣ, живыми и цѣлыми возвращаются далеко немногіе изъ участниковъ.

— Пошли Господь!.. Дай Богъ вамъ всего... — слышалось вслѣдъ за отъѣзжающими...

Бѣлыя шапки обоихъ генераловъ мелькнули еще раза два между казачьихъ пикъ и черныхъ бурокъ кавказцевъ. Облакомъ пыли затянуло всю кавалькаду...

Дивизіонъ полевой артиллеріи, глухо гремя колесами по мягкому грунту дороги, тоже прошелъ черезъ селеніе, направляясь въ ту же сторону, куда скрылись казаки. Мы сѣли на

своихъ коней и потихоньку поѣхали назадъ въ Журжево, куда прибыли часу къ 12-му ночи...

Несмотря на позднее время, было не до сна. Сколько разъ выходили мы на берегъ и, затаивъ дыханіе, прислушивались не гремятъ ли уже выстрѣлы въ Парапанѣ. Разстояніе не велико, по прямой линіи верстъ пятнадцать, это не только пушечные выстрѣлы, но и ружейные залпы можно слышать, особенно ночью...

Прошелъ часъ... ничего неслышно... Еще часъ... тихо и покойно въ той сторонѣ... Что это: полная ли удача, положена ли мина такъ, что турки и не замѣтили, или просто не рѣшились даже и начинать рискованнаго дѣла? Опять мы ушли, опять вернулись на прежнее мѣсто... Вдругъ какой-то глухой ударъ пронесся по Дунаю и коснулся нашего слуха, за нимъ еще; потомъ на минуту стихло... Послышались другіе удары, болѣе слабые, но почти безъ промежутковъ, очевидно это ружейные залпы; снова тишина, тяжелая, томительная тишина. А въ Рущукѣ, за островомъ, слышно грузное сопѣніе паровика. Красный огненный хвостъ тянется за темнымъ островомъ, это идетъ къ Парапану на подмогу еще мониторъ и намъ онъ видѣнъ теперь уже ясно такъ, отчетливо, его профиль съ двумя мачтами и широкою приземистою трубою выдвинулся изъ-за острова и пересѣкаетъ свѣтлую полосу рѣки. Поспѣетъ онъ или нѣтъ... опоздаетъ? Новые вопросы, новое томительное сомнѣніе... И не мы одни наблюдаемъ все это— вонъ еще, и еще, въ кустахъ городского бульвара мелькаютъ группы, все наши, военные, вонъ и на гребнѣ берега, у пристани толпятся, изъ отеля «Бель-вю», что рядомъ съ бульваромъ, выскочило нѣсколько офицеровъ и торопливо оканчиваютъ свои туалеты... Безъ четверти три, я тотчасъ же посмотрѣлъ на часы, посмотрѣлъ машинально, при первомъ звукѣ выстрѣла... Тишина продолжалась не болѣе получаса; канонада послышалась снова и нѣсколько болѣе продолжительная... А уже начало сильно разсвѣтать. Мы и не замѣтили, какъ поблѣднѣлъ горизонтъ на востокѣ, какъ на крытыхъ жестью куполахъ колоколенъ заигралъ золотистый отблескъ... Уже совсѣмъ свѣтло стало, а выстрѣлы все гремятъ и гремятъ, съ большими или меньшими промежутками... Солнце взошло... Еще два, три залпа; наконецъ, все стихло.

Теперь надо ждать вѣстей оттуда; что-то окажется? Кто палъ, кто остался цѣлъ? Вѣдь всѣ участники на перечетъ извѣстны, всѣ знакомые... Удалось ли задуманное дѣло?..

Передамъ теперь разсказъ о дѣлѣ у Парапана, какъ онъ мною слышанъ былъ отъ очевидцевъ и участниковъ; что касается въ этомъ разсказѣ до главнѣйшаго его эпизода—подвига «Шутки» съ ея лихимъ экипажемъ,—то все слышанное мною провѣрено личными справками у самихъ героевъ дня—Скрыдлова и Верещагина. Мѣстность у Парапана такова: теченіе Дуная раздѣляется здѣсь двумя островами, Мичикомъ и Диналуемъ; первый выше второго. На высотѣ Мичика, на нашемъ лѣвомъ берегу, селеніе Парапанъ и вновь устроенная нашими саперами береговая батарея; нѣсколько ниже Диналуя, на томъ же берегу селеніе Малуй-Дижось. Между островами не широкій проходъ, противъ котораго, уже на турецкомъ берегу, видна небольшая природная бухта и около—сторожевой блокгаузъ; отъ этого пункта, вдоль по турецкому берегу, противъ острова Диналуя — въ нѣсколько ярусовъ тянутся ложементы для стрѣлковъ. Нашъ берегъ низкій съ безчисленными, болотистыми, водными затонами; турецкій—нагорный, покрытый деревьями и кустарникомъ (приложена схематическая карта мѣстности). Задача наша состояла въ томъ, чтобы, занявъ островъ Мичикъ стрѣлками, подъ ихъ прикрытіемъ, перегородить теченіе Дуная какъ по ту, такъ и по эту сторону острова минами и этимъ помѣшать дальнѣйшему плаванію турецкихъ мониторовъ изъ Рущука, парализировать окончательно вліяніе ихъ на переправу. Эскадра нашихъ паровыхъ и гребныхъ плюпокъ съ минерами должна была выйтти съ своей стоянки въ заводяхъ у селенія Малуй-Дижось, пользуясь темнотою стать на мѣсто работъ и начать класть загражденія. Сначала все шло хорошо: островъ былъ занятъ стрѣлками, лодки наши, послѣ долгаго и труднаго плаванія (мѣстами такъ даже ихъ приходилось стаскивать съ отмелей руками), пришли наконецъ, уже передъ разсвѣтомъ впрочемъ, на мѣсто и приступили къ дѣлу... На сторожѣ работъ въ проходѣ между островами, маскируясь нижнею оконечностію Мичика, стоялъ паровой катеръ «Шутка», подъ командою лейтенанта Скрыдлова съ десятью человѣками экипажа; здѣсь же находился и нашъ извѣстный художникъ В. В. Верещагинъ; на «Шуткѣ» были и торпеды

для атаки, на случай если бы появились турецкіе мониторы. Турки съ высокаго берега, когда начало разсвѣтать, замѣтили работы и открыли по нимъ огонь; наши стрѣлки съ острова и батарея съ берега отвѣчали; подъ этимъ огнемъ лодки продолжали работы, покончили съ однимъ проходомъ лѣвымъ и перешли уже въ правый, вдоль турецкаго берега... Минеры работали лежа въ лодкахъ, иначе они были бы всѣ перебиты пулями, такъ какъ находились отъ непріятеля на разстояніи самомъ близкомъ, чуть что не пистолетнаго выстрѣла. Казакъ уралецъ, не захотѣвшій лечь по совѣту матроса, проговорилъ съ усмѣшкою: «гдѣ имъ попасть!» и тотчасъ же свалился, съ разбитымъ пулею черепомъ... Быстро и покойно шли работы, до окончанія ихъ оставалось уже немного, какъ съ «Шутки», стоявшей, какъ я уже сказалъ, въ проходѣ между островами, въ верстѣ отъ работъ, ниже, замѣтили столбъ дыма, медленно подвигающійся со стороны Рущука; за островомъ нельзя было хорошо разсмотрѣть, что это именно за судно. Тотчасъ же «Шутка» выступила навстрѣчу и, обогнувъ верхнюю конечность Диналуя, увидала въ верстѣ отъ себя громадный пароходо-фрегатъ, идущій медленнымъ ходомъ на наши минныя работы. Лейтенантъ Скрыдловъ рѣшился немедленно атаковать колосса. Между тѣмъ, вѣдь уже было совершенно свѣтло, даже солнце начало всходить, и подобная атака, среди бѣлаго дня, понятно, была дѣломъ высшей отваги и рѣшительности. Чтобы дать понять всю разницу въ силахъ, я только сдѣлаю слѣдующее сравненіе. Турецкій пароходо-фрегатъ—большое судно до 20 футовъ высоты отъ ватеръ-линіи и до 200 футовъ длины, имѣетъ шесть орудій громадныхъ калибровъ и на своихъ кожухахъ малыя для стрѣльбы картечью, до 150 челов. экипажа, вооруженнаго штуцерами и столько же десанта—пѣхотинцевъ. На него налетѣла «Шутка» съ десятью человѣками экипажа, вооруженными револьверами; размѣръ «Шутки» съ небольшимъ 50 футъ длины и футъ высоты отъ ватеръ-линіи у кормы. Это все равно, что одиночному всаднику ринуться на батальонное каре. Но... «Шутка» готовила турецкому судну ударъ своею торпедою, она уже выдвинула ее передъ собою, на длинномъ, дрожавшемъ отъ быстраго движенія шестѣ. Турки знали это, и гигантъ сталъ позорно отступать передъ смѣлымъ пигмеемъ; это отступленіе превратилось скоро въ полное бѣг-

ство. Катеръ «Шутка», превосходный ходокъ, понесся на перерѣзъ пароходу и загналъ его къ самому берегу. Здѣсь «Шутка» пронеслась близко, мимо праваго колеса парохода, Скрыдловъ скомандовалъ «поворотъ», и ударъ былъ нанесенъ. Ударъ былъ направленъ вѣрно, въ самое опасное мѣсто, за колесомъ, у ватеръ-линіи... До удара, какъ съ палубы парохода, такъ и съ берега турки осыпали «Шутку» градомъ пуль... Съ кожуховъ было даже сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ картечью Экипажъ нашего катера былъ скрытъ подъ стальными блиндами; только Скрыдловъ и Верещагинъ были на виду—первый на своемъ командирскомъ посту у штурвала, второй на кормѣ у руля; и тотъ, и другой были ранены еще до удара: двѣ пули разомъ ударили Скрыдлова въ обѣ ноги, его правая рука была ушиблена обломкомъ, одна изъ ручекъ штурвала перебита въ двухъ мѣстахъ. Верещагинъ, почувствовавъ ударъ, даже не обратилъ на него вниманія, занятый своимъ дѣломъ: онъ волочилъ на буксирѣ такъ называемую крылатую мину... Въ тотъ моментъ, когда ударъ былъ нанесенъ, раздалась громкая команда Скрыдлова: «Рви!»—«Есть!»—послышался изъ-подъ блинды отвѣтъ минера; взрыва не послѣдовало, правые проводники оказались перебитыми пулями, положеніе «Шутки» было критическое, чтобы не сказать болѣе—отчаянное. «Рви по желанію!»—снова раздался голосъ командира, это значитъ, пускай въ ходъ другой проводникъ и пускай, уже не разсчитывая по ходу стрѣлки моментовъ. Отдали «рви» съ рискомъ для самого себя. Снова отвѣтъ «есть» и снова безъ результатовъ. И вторые проводники оказались испорченными: шестъ, поддерживающій выносную мину, сломанъ. Надо было отступать.

Между тѣмъ, на турецкомъ пароходѣ распространилась паника, когда «Шутка» нанесла ударъ въ бортъ парохода, всѣ бросились спасаться къ противоположному борту. Артиллеристы бросили свои орудія, капитанъ спрыгнулъ съ мостика, своего поста... На палубѣ парохода началась суетливая, безтолковая суматоха. Турки, очевидно, ждали взрыва и за симъ моментальной, всеобщей гибели. Но... Аллахъ должно быть взглянулъ на нихъ въ эту минуту благосклоннымъ окомъ...

Первый моментъ испуга прошелъ, всѣ снова бросились къ атакованному борту, начался адскій огонь по «Шуткѣ», ко-

торая уже получила довольно сильную пробоину картечью, въ носовой своей части. Скрыдловъ велѣлъ отступать. Онъ уже не могъ подняться съ мѣста, только команда его гремѣла также громко и отчетливо, покрывая собою звуки перепалки. В. В. Верещагинъ, самъ бывшій морякъ, не смотря на свою рану, работалъ наравнѣ съ матросами. «Шутка» дала полный ходъ. Вдругъ (представьте только себѣ положеніе нашихъ смѣльчаковъ) они замѣтили передъ собою темныя очертанія и пыхтящія трубы другого турецкаго судна, идущаго на выручку своего товарища; это былъ большой двухъ мачтовый броненосецъ, вышедшій передъ разсвѣтомъ изъ Рущука. Теченіемъ снесло «Шутку» гораздо ниже прохода между острововъ, и ей оставался только одинъ путь отступленія—это идти въ обходъ нижней конечности Диналуя, т. е. навстрѣчу приближающемуся монитору; вопросъ заключался въ томъ, кто изъ противниковъ прежде подойдетъ къ оконечности острова, успѣетъ ли «Шутка» проскользнуть подъ носомъ у турецкаго панцирника или тотъ загородитъ ей дорогу.

— Приготовь крылатую мину,—предупредилъ Скрыдловъ Верещагина.

— Готово,—отвѣчалъ тотъ.

Наши моряки рѣшились, во всякомъ случаѣ, бить мониторъ и гибнуть, такъ ужъ гибнуть вмѣстѣ.

Превосходный ходокъ «Шутка» неслась на всѣхъ парахъ. Мониторъ, вмѣсто того, чтобы итти на нее, сталъ уменьшать ходъ и даже совсѣмъ остановился; на его палубѣ послышались свистки, командные возгласы, снова запыхтѣли широкія трубы. Мониторъ пошелъ заднимъ ходомъ, «Шутка» нагнала на него страху... Вотъ вамъ явное наглядное доказательство той паники и недовѣрія къ своимъ судамъ, которыя вкоренились между турецкими моряками, особенно послѣ взрыва двухъ броненосцевъ у Браилова.

«Шутка», сильно уже осѣвшая, отъ большого количества воды, врывающейся въ картечную пробоину, успѣла сдѣлать поворотъ по теченію и зашла за островъ Диналуй; здѣсь судно остановилось и наскоро были сдѣланы исправленія, т. е. подведенъ парусъ подъ пробоину и откачена вода, подступавшая уже къ самымъ топкамъ... Вотъ въ какомъ положеніи оказалась «Шутка»: въ носовой части справа большая пробоина,

борты буквально изрѣшечены пулями и картечью, стальныя блинды пробиты, ручки штурвала перебиты; кромѣ самого Скрыдлова и Верещагина, всѣ остальные остались цѣлы, они были хорошо прикрыты блиндами; у минера, впрочемъ, прострѣлена фуражка...

Исправивъ наскоро главное поврежденіе, «Шутка» направилась вверхъ по теченію къ мѣсту работъ.

Благодаря необыкновенной отвагѣ и самоотверженію Скрыдлова—эти работы были доведены до окончанія. «Шутка» привлекла на себя все вниманіе непріятеля; только, когда уже наши рабочія лодки клали послѣднія мины, на турецкомъ берегу замѣчена была Скобелевымъ конная батарея, въ карьеръ несшаяся изъ Рущука къ мѣсту боя, и два батальона черныхъ стрѣлковъ, тоже идущіе бѣгомъ. Лодки наши успѣли однако быть вытащены на отмели Мичика, но турецкія гранаты начали ложиться между лодокъ—пришлось ихъ тащить дальше и снова спускать на воду. Самъ Скобелевъ ухватился за веревку. Всѣ безъ разбора принялись за дѣло. Тутъ уже не было ни чиновъ, ни различій—всѣ братья, всѣ работники одной равно дорогой для каждаго, славной работы. Суда наши, наконецъ, были спасены всѣ и къ половинѣ шестого утра все уже было кончено. Только турецкимъ мониторамъ теперь уже нѣтъ ходу вверхъ, отъ Рущука. У Парапана они неизбѣжно рискуютъ наткнуться на ряды нашихъ минъ, а это болѣе чѣмъ важно въ виду наступающихъ событій. Минныя загражденія наши совершенно обезпечены отъ порчи ихъ непріятелемъ: они находятся подъ защитою выстрѣловъ заблаговременно устроенныхъ нами сильныхъ береговыхъ батарей. Успѣхомъ ночного дѣла съ 7-го на 8-е мы обязаны необыкновенной предусмотрительности и знанію дѣла начальника отряда генерала Скобелева, расторопности и сметливости минеровъ, а главное бѣшеной отвагѣ лейтенанта Скрыдлова и его крохотнаго экипажа-малютки «Шутки».

Герой дня однако сильно огорченъ своими ранами, къ счастью не смертельными, которыя однако заставятъ его пролежать недѣли три въ постели. Самая же большая обида, по его мнѣнію, это то, что турецкая картечь испортила его мину. Не случись этого—отъ громаднаго турецкаго, двухмачтоваго военнаго парохода, въ данную минуту, не оста-

лось бы ничего на поверхности Дуная, развѣ бы только, какъ у его погибшихъ товарищей, торчалъ изъ подъ воды кончикъ изуродованной мачты.

VII.

Сегодня въ полдень полиція предупредила жителей о бомбардировкѣ, которой долженъ былъ подвергнуться городъ. Всѣ наши войска, находившіяся въ городѣ, были выведены и расположены бивуакомъ внѣ сферы досягаемости выстрѣловъ. Когда я вышелъ изъ дома, чтобы итти къ начальнику отряда, генералу Шмидту, хвостъ послѣдней колонны вытягивался уже въ концѣ улицы, у станціи желѣзной дороги. Близъ бивуака, въ небольшомъ лѣскѣ расположился и главный перевязочный пунктъ, разставилъ свои палатки, снарядилъ носильщиковъ и разложилъ инструменты, однимъ словомъ, наши медики и хирурги приготовились къ дѣлу, какъ и подобаетъ въ такую важную минуту. Дѣло въ томъ, что сегодня, ровно въ 3 часа пополудни, назначена была пристрѣлка орудій на нашихъ вновь возведенныхъ и вооруженныхъ батареяхъ, расположенныхъ между Журжевомъ и Слободзеею, а также и дальше, по тому же направленію. Пристрѣлка состоитъ въ томъ, что когда батарея уже вооружена, т. е. на нее поставлены орудія и подвезены снаряды, она должна ознакомиться съ тою мѣстностью, которую ей придется обстрѣливать, практически провѣрить разстояніе пальбы, однимъ словомъ, прорепетировать свою роль; для этого, конечно, надо сдѣлать по нѣсколько выстрѣловъ изъ каждаго орудія. Понятно, что турки не станутъ хладнокровно смотрѣть на подобную репетицію и будутъ отвѣчать; легко могло случиться, что ихъ батареи не оставятъ въ покоѣ и самого города Журжева, почему предупрежденіе полиціи было какъ нельзя болѣе кстати. Идя къ генералу, встрѣтилъ я Н.-Данченко и Федорова, корреспондента «Русск. Вѣд.»—они шли тоже къ начальнику отряда и съ тою же цѣлью, т. е. выхлопотать себѣ разрѣшеніе наблюдать за артиллерійскимъ боемъ съ самаго удобнаго для этого пункта, именно съ верхней площадки городской каланчи, стоящей посреди площади, какъ разъ въ центрѣ города. Съ этой точки обѣ линіи батарей, какъ нашихъ, такъ и турецкихъ, видны

превосходно, можно прослѣдить почти каждый выстрѣлъ и дать себѣ самый полный и точный отчетъ во всемъ происходящемъ передъ глазами. Генералъ припялъ насъ очень любезно, онъ распорядился приготовить билеты для насъ трехъ и еще два для корреспондентовъ англійскихъ: доктора Карика и корреспондента «Times» высокаго, тощаго джентльмена, бывшаго артиллериста, крайне интересовавшагося такимъ наглядпымъ сравненіемъ дѣйствій турецкій артиллеріи и нашей.

И безъ того на половину покинутый жителями городъ, теперь опустѣлъ окончательно; на его длинныхъ улицахъ невидно уже почти никакого движенія, всѣ или бѣжали, или попрятались, на нѣкоторыхъ дворахъ еще торопливо запрягались экипажи, по направленію къ станціи желѣзной дороги тянулись группы мужчинъ и женщинъ съ узлами на плечахъ; паника уже начинала охватывать мирныхъ обитателей Журжева, это было видно по ихъ, какъ-то тупо растерянпымъ выраженіямъ лицъ, по ихъ безтолковой суетнѣ... Невольно приходилось улыбаться, глядя, какъ иногда бѣглецы тащили съ собою совершенно нестоющіе спасенія предметы, забывая про болѣе цѣнные... Тамъ, глядишь, кто-нибудь просто изгибается подъ тяжестью корзины съ пустыми бутылками, тамъ двое тащутъ мягкій, тяжелый диванъ, или большое зеркало, узлы съ платьемъ связаны кое-какъ, наскоро, все вываливается оттуда, волочится по пыли... Какой-то полиціантъ-румынъ носится по улицамъ на своей тощей рыжей клячѣ, видимо безъ всякой опредѣленной цѣли—«поретъ горячку, что называется»; вмѣсто того, чтобы успокоить перепуганныхъ бѣглецовъ, онъ только безтолково кричитъ на нихъ, ругается и еще болѣе увеличиваетъ общее смятеніе. Всѣ лавки заперты, на площади открыто только двѣ кофейни, тамъ толпятся немногіе, какъ кажется рѣшившіеся остаться и выдержать бомбардировку; кое-кто такъ даже бравируетъ слегка и сидитъ у столиковъ съ кружками пива, или съ неизбѣжнымъ дульчесомъ; я думаю, что это храбрецы только до перваго выстрѣла, впрочемъ не стану дѣлать заключенія, начнется, увидимъ... а уже должно скоро начаться, стрѣлка часовъ показываетъ сорокъ пять минутъ третьяго, еще только четверть часа ожидать.

Журжинская каланча стоитъ какъ разъ въ центрѣ городской площади. Это—каменное зданіе, довольно высокое, господ-

ствующее надъ всѣми остальными постройками, подъ самою коническою крышею идетъ вокругъ всего карниза балкончикъ съ желѣзною рѣшеточкою. Когда мы подошли къ другой двери каланчи, насъ остановилъ часовой и потребовалъ разрѣшающіе входъ билеты; увидѣвъ ихъ, онъ пропустилъ насъ къ верху безпрепятственно. Узкая деревянная лѣстница съ прогнившими ступенями, съ безчисленными провалами, съ перилами самой сомнительной прочности вела на верхъ... Внутри зданія, въ этой каменной трубѣ царилъ самый неопредѣленный полусвѣтъ... Кто поднимался на верхъ, кто спускался, поминутно слышались предостерегательныя воззванія то съ той, то съ другой стороны: — „Осторожнѣй, чортъ“... — „А ты развѣ не видишь“... „Виноватъ, ваше благородіе...“ — „Ахъ ты!..“ „Тише, генералъ тамъ...“ — „Да помилуйте, тутъ бѣдная собачка щениться пришла; покою хочетъ, а онъ прямо претъ...“ — „Ишь нашла мѣсто...“ — „Осторожнѣй!“ Дѣйствительно на какомъ то крайне рискованномъ поворотѣ, у самыхъ ступеней лѣстницы, билось какое-то живое существо, жалобно повизгивающее и ласково, усердно такъ лижущее ноги проходящимъ.

Два-три нашихъ солдатика, караульныхъ башни, относились къ будущей матери гораздо съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ турецкой бомбардировкѣ, которая вотъ-вотъ должна была начаться и разразиться надъ Журжевымъ.

Поднялись, наконецъ, и выбрались на балконъ, ярко освѣщенный солнцемъ. Тамъ уже былъ и генералъ.

— Господа, лучшаго наблюдательнаго пункта нельзя и вы думать. Смотрите!—привѣтствовалъ онъ наше появленіе.

Дѣйствительно, видъ отсюда какъ на турецкія позиціи, такъ и на линіи нашихъ батарей превосходенъ. Вы можете отчетливо видѣть каждый мельчайшій эпизодъ и вмѣстѣ съ тѣмъ общее цѣлое.

Непосредственно отъ подножья каланчи, съ круглой площади радіусами тянулись улицы города, передъ нами развертывалась панорама зданій, между ними зеленыя группы садовъ, красивый фасадъ городской гимназіи, куполы церквей и колоколенъ, затѣмъ опять сады, сверкающій на солнцѣ Дунай и всѣ его острова и отмели... Влѣво Рущукъ со всѣми его батареями, вправо—самый обыкновенный, слегка возвышенный, кое-гдѣ поросшій берегъ, между Слободзеей и Журжевомъ, тотъ

самый берегъ, вдоль котораго въ нѣсколько дней, или правильнѣе, въ нѣсколько ночей, былъ возведенъ рядъ сильныхъ нашихъ батарей, до сихъ поръ еще незамѣченныхъ турками. Дѣйствительно, какъ я ни присматривался въ бинокль къ этому берегу и признака не видно какихъ-нибудь сооруженій, а между тѣмъ они есть, сейчасъ даже дадутъ знать о своемъ существованіи, снимутъ, такъ сказать, маску и снимутъ ее не безъ эффекта... Вынулъ часы, смотрю... и у всѣхъ другихъ часы въ рукахъ... глаза перебѣгаютъ съ циферблата на этотъ, повидимому, мирный берегъ и обратно... Стрѣлка ползетъ медленно, гораздо медленнѣе, чѣмъ бы слѣдовало, чѣмъ бы т. е. хотѣлось...

Я даже вздрогнулъ невольно... На самомъ дальнемъ концѣ линіи нашихъ батарей, на правомъ флангѣ, за Слободзеей даже вспыхнулъ бѣлый клубъ дыма... Я его ждалъ, а все-таки вышло какъ будто неожиданно. Другой дымъ вспыхнулъ въ Рущукѣ, это разорвало долетѣвшій снарядъ... Оба звука дошли до насъ въ той же послѣдовательности, но гораздо позже. Вотъ опять дымъ, опять разрывъ снаряда... Еще и еще. Турки не отвѣчаютъ... Въ Рущукѣ тревога, канонада для нихъ сюрпризъ совершенно... По скатамъ холмовъ между отдѣльными фортами, тамъ, гдѣ бѣлѣютъ ряды коническихъ палатокъ, суматоха страшная, носятся всадники, войска выбѣгаютъ и становятся въ ружье, ихъ ведутъ... Куда? Конечно, къ берегу, туда, откуда грозитъ врагъ. Нѣтъ. Густыя колонны турецкой пѣхоты скрываются за склонами холмовъ; ихъ просто выводятъ изъ сферы досягаемости выстрѣловъ, это тоже самое, что сдѣлали и наши заблаговременно. Бой предполагается, значитъ, исключительно артиллерійскій.

Вонъ видны какія-то части, пробирающіяся гуськомъ по траншеямъ, связывающимъ отдѣльно стоящія батареи—это прикрытія къ орудіямъ на всякій случай... Вотъ уже замѣтно движеніе и на самыхъ батареяхъ, тамъ очнулись должно быть... Первый дымокъ съ той стороны... Второй, третій... Турки отвѣчаютъ бѣшенно, съ остервенѣніемъ, они горячатся, снаряды падаютъ безтолково, большинство рикошетируетъ по Дунаю. Громадный столбъ бѣлаго дыма взвился между домомъ итальянскаго консула и береговою дамбою; это взрывъ—очевидно, но что именно взорвало—неизвѣстно: тамъ не можетъ быть

у нихъ никакого порохового погреба, я знаю это мѣсто хорошо, погреба вѣдь подобнаго рода не строютъ на открытыхъ городскихъ улицахъ... Грохотъ страшный. Каррикъ увѣряетъ, что видитъ въ свой бинокль взлетѣвшіе обломки чего-то... Бракенбери — корреспондентъ «Times'а» — говоритъ, что это взорвало на ходу зарядный ящикъ... Очень можетъ быть... Во всѣ пять записныхъ книжекъ занесенъ фактъ взрыва.

Двадцать пять минутъ четвертаго—еще ударъ, страшный, долетѣвшій до насъ трескучими перекатами—это съ батареи «Самойло», того самаго офицера, что взорвалъ «Лутфи-Джелилъ»; хватили какъ разъ по брустверу круглой каменной батареи, особенно выдающейся въ линіи турецкихъ береговыхъ укрѣпленій. Видна цѣлая туча красноватой пыли, тамъ блеснулъ огонь... Опять ударъ, опять туда же... Круглая батарея не отвѣчаетъ, она замолчала... На долго ли? Всѣ наши снаряды громятъ теперь другой пунктъ, какой-то длинный глинистый брустверъ, съ котораго идетъ самая оживленная стрѣльба: очевидно, что наши артиллеристы не разбрасываются, они условились, чтобы всѣ батареи поочередно громили одинъ и тотъ же пунктъ, пока его не заставятъ замолчать, а затѣмъ уже принимаются за другой—это разсчетъ вѣрный, система артиллерійскаго боя самая правильная... Вотъ и у турокъ, какъ кажется, возстановляется что-то въ родѣ порядка, очевидно явилась чья-то властная рука... Вдругъ страшный визгъ въ воздухѣ заставилъ всѣхъ насъ обернуться по новому направленію, вслѣдъ за этимъ визгомъ—ударъ и взрывъ, эт' хватили уже въ нашу сторону, бомба упала на черепичную крышу дома между зданіемъ гимназіи и гостинницею «Европа»—тамъ въ пыли и дыму ничего не видно... Нѣсколько десятковъ румынъ стремительно, въ разсыпную, бѣгутъ черезъ площадь. Это теперь уже въ нашу сторону бьютъ... огонь открытъ по городу и замѣтьте, городу невооруженному—надъ зданіемъ гимназіи флагъ съ краснымъ женевскимъ крестомъ.,. Первый выстрѣлъ именно по направленію этого предохранительнаго флага. Вотъ и второй ударъ—какъ разъ по крышѣ, у самаго флагъ-штока... Третій ударъ! еще какой-то домикъ, выглядывающій своею черепичною крышею и бѣлыми трубами изъ яркой зелени акацій, скрывается въ облакѣ пыли и смрадѣ...

Генералъ пошелъ отдать нужныя распоряженія... Мы только впятеромъ остались на каланчѣ...

— Здѣсь очень удобно, господа! — замѣтилъ Бракенбери и улыбнулся... Мнѣ даже показалось, что онъ толкнулъ локтемъ Каррика. — Отсюда такъ все хорошо видно... и жаль, что нашъ генералъ пошелъ искать болѣе удобнаго для наблюденія мѣста... Сказавъ это, онъ спокойно сталъ скручивать себѣ сигаретку.

— Это вызовъ!—шепнулъ мнѣ Федоровъ, и тутъ же добавилъ громко:—жаль, что не кого послать, да и некуда, чтобъ намъ привесли сюда обѣдать!

Богъ, молъ, тебѣ: получи и роспишись!..

А ей-Богу, не повѣрю, чтобы свистъ, или правильнѣе, этотъ отвратительно сверкающій воздухъ, металлически звенящій звукъ былъ бы особенно пріятенъ... Мнѣ часто на своемъ вѣку приходилось слышать эту адскую музыку и я къ ней относился хладнокровно только тогда, когда было что нибудь другое, болѣе поглощавшее мое вниманіе... До сихъ поръ мнѣ рѣдко, почти даже никогда не приходилось быть праздными зрителемъ и слушателемъ этихъ прелестей...

Ба!.. громъ взрыва на воздухѣ, характерный звукъ летящихъ во всѣ стороны осколковъ... что-то звякнуло внизу о стѣны каланчи,.. это шрапнель... снарядъ, рвущійся посредствомъ дистанціонной трубки, а не отъ удара...

— Это уже положительно обстрѣливаютъ нашу группу!— замѣтилъ Каррикъ:—иначе зачѣмъ имъ стрѣлять по городу шрапнелями, предназначенными исключительно для стрѣльбы по массамъ войскъ...

Жара невыносимая отъ накалившихся стѣнъ каланчи, особенно отъ ея жестяной крыши пылаетъ какъ отъ натопленной печки... Отъ этой оглушительной трескотни въ воздухѣ начинаетъ болѣть голова. За дымомъ и пылью, поднявшейся на улицахъ отъ разрушенныхъ зданій—плохо видно въ даль.. Но вотъ пахнуло вѣтромъ—позиція турокъ мало-по-малу снова начинаетъ открываться... Ого!.. это громятъ Журжево ближнія батареи—праваго фланга, не участвующія непосредственно въ артиллерійскомъ бою: онѣ бьютъ беззащитныя мирныя зданія безнаказанно и покойно. Всѣ выстрѣлы направлены все-таки по линіи женевскаго флага: этотъ кварталъ пострадалъ болѣе всего...

— Ура!..

— Что такое?

— Вторая батарея, эта длинная, глинистая уже стихаетъ... Она молчитъ... Смотрите, смотрите!

Всѣ пять биноклей направлены въ ту сторону... Въ записныя книжки заносится фактъ: «пять минутъ пятаго—вторая батарея Рущука сбита... Люди бѣгутъ съ батарей—линія турецкаго огня разорвана по срединѣ...»

— Въ церковь!.. трахъ!..

Дѣйствительно, у церкви видѣнъ взрывъ, тамъ подъ среднимъ карнизомъ большая пробоина. Не то дымъ, не то пыль и песокъ валитъ изъ оконъ, вѣрно и то и другое вмѣстѣ.

— Господа, болѣе стоять здѣсь нечего. Спустимся внизъ,— предложилъ кто-то...

Дабы не задѣвать самолюбія ни той, ни другой націи, я не назову имени. Кстати и предложеніе это было сдѣлано голосомъ весьма покойнымъ, въ которомъ вовсе не слышалось желаніе итти на утекъ...

— Теперь мы можемъ и итти,—не утерпѣлъ Федоровъ, чтобы не подчеркнуть слово теперь...

— Господа, осторожнѣй по лѣстницѣ!—возвѣстилъ намъ спустившійся впередъ Н. Данченко:—не задавите новорожденныхъ...

Пусто въ башнѣ и около, маленькій караулъ по приказанію генерала оставилъ свой опасный постъ. Какъ здѣсь хорошо, прохладно, въ этомъ сыромъ, сводчатомъ помѣщеніи нижней части каланчи, да кстати и совершенно безопасно... Теперь куда же?..

Я предложилъ сдѣлать маленькую прогулку по городу, именно къ гимназіи, чтобы дорисовать ея сильно пострадавшій уже фасадъ, затѣмъ заглянуть въ Европейскую гостиницу и побывать на бульварѣ, однимъ словомъ, обойти средній кварталъ... Теперь уже всѣ рискнувшіе остаться въ городѣ попрятались въ погреба и подвалы, только въ кофейнѣ на площади, подъ ея сводчатымъ куполомъ притаилось человѣкъ шесть румынъ и между ними бравурничалъ тотъ же самый полицейскій, только онъ былъ уже нѣшкомъ и жестикулировалъ особенно размашисто; храбрецъ былъ окончательно пьянъ и требовалъ, чтобы ему принесли сейчасъ живого турку и что онъ тогда ему покажетъ что-то... Мы пошли...

По совершенно пустымъ, засореннымъ битыми стеклами и обломками карнизовъ, улицамъ, бродила только маленькая кучка корреспондентовъ...

— Посмотрите, — протянулъ мнѣ свою записную книжку корреспондентъ «Times» и даже подчеркнулъ ногтемъ написанное: «Журжа, 24 іюня, подъ выстрѣлами. Очень интересно, но ни одного французскаго шута, въ родѣ Жана Вестина и графа Белина, и ни одного нѣмца, только три русскихъ и два англичанина».

Дѣйствительно, было немного странно, что ни одинъ корреспондентъ, кромѣ насъ пяти, не пожаловалъ сюда, тѣмъ болѣе, что ихъ предупреждали о томъ, что на дняхъ должно совершиться нѣчто весьма интересное. На другой день послѣ бомбардировки, ихъ, впрочемъ, появилось таки достаточно и они очень храбро разспрашивали о всемъ вчера случившемся.

Мы начали задуманный обходъ. Прошли мимо Европейской гостиницы, тамъ погромъ полный, вся стеклянная галлерея средней части исковеркана, въ стѣнахъ громадныя пробоины и закоптѣлые слѣды разрыва гранатъ, надъ кухнями крыша пробита, груды мусора и битаго стекла дальше... Вотъ и зданіе гимназіи; громадный бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ развѣвается и полощется въ воздухѣ, во всемъ лицевомъ фасадѣ зіяютъ черныя отверстія пробоинъ. Здѣсь мы остановились на нѣсколько минутъ.

Только что я кончилъ свой набросокъ, какъ страшный ударъ положительно оглушилъ насъ и въ то же мгновеніе, звукъ разрыва, блескъ красноватаго огня и отвратительный, не передаваемый визгъ летящихъ во всѣ стороны осколковъ. Ничего не видно, кромѣ сплошной тучи каменистой пыли, слѣпящей глаза... Что-то металлическое звякнуло почти у самаго моего плеча...

— Охъ, Господи!..

Кто произнесъ это, не знаю, но этотъ призывъ я слышалъ ясно, отчетливо... Ахъ, какое тяжелое, невыносимое мгновенье... Невольно сами собою закрываются глаза, зубы стиснуты... Ударъ слишкомъ уже близокъ; жертвы должны быть непремѣнно... Кто же?.. Все это я пишу спустя всего часъ времени, ощущенья еще очень живы и легко воспроизводятся.

Въ эту минуту я слышу еще и звукъ удара, и взрывъ, и визгъ осколковъ. Мнѣ кажется, что эти осколки я даже ощущаю на своемъ собственномъ тѣлѣ... Теперь мнѣ положительно страшно, я даже взбѣшенъ на себя, мнѣ стыдно за себя... И съ какой стати я здѣсь, когда имѣю полное право быть внѣ всякой опасности?..

— Однако хватило? — раздался спокойный голосъ Каррика. Онъ произнесъ эту фразу такимъ же тономъ, какъ бы говорилъ: «однако холодновато»... или что-нибудь въ томъ же родѣ. Н.-Данченко подбираетъ осколки на память, я увлекся примѣромъ и положилъ въ карманъ тоже кусокъ свинцовой оболочки разорвавагося снаряда—это тотъ самый кусокъ, что ударился въ стѣну въ полуаршинѣ отъ моего плеча.

— А что вашъ рисунокъ конченъ?.. Вы уронили вашъ альбомъ, вотъ онъ!..

Ахъ, какъ мнѣ не хотѣлось струсить въ это проклятое мгновенье, но, ей Богу, я струсилъ, да еще какъ!.. Мнѣ только досадно, замѣтили ли это мои товарищи или нѣтъ, мнѣ почему-то ужасно не хочется, чтобъ они замѣтили, я выдумываю, я пытаюсь придумать какую-нибудь маскирующую мой испугъ штуку, произнести какую-нибудь бравурную фразу, ничего не выходитъ.

Идемъ дальше. Вотъ и бульваръ; какъ тутъ хорошо, тѣнисто, прохладно, только хорошенькій павильонъ пробитъ насквозь; какая-то скамейка расщеплена, опрокинута и летитъ поперекъ дороги. На бульварѣ я вздохнулъ спокойнѣе, я не знаю почему, но мнѣ показалось, что здѣсь опасность несравненно меньшая. А снаряды ревутъ и ревутъ въ воздухѣ... Мы уже прошли бульваръ и какъ-то не хочется итти дальше въ эту жаркую улицу, завалепную обломками... Вонъ въ концѣ ея видна намъ наблюдательная каланча. Мы свернули туда. Въ эту минуту, Богъ вѣсть откуда, вывернулась женщина, полураздѣтая, обезумѣвшая отъ ужаса... Она мечется посреди улицы, завидѣла насъ, рванулась къ намъ, что-то говоритъ непонятное.

— Бѣгите туда, вотъ въ ту сторону, къ станціи желѣзной дороги, тамъ безопасно!

Она ничего не понимаетъ, не понимаетъ нашихъ жестовъ и мимики, съ помощью которой мы пытались объяснить въ чемъ дѣло.

— А вѣдь она не дурна!—не утерпѣлъ таки Н.-Данченко. Каррикъ и Федоровъ взяли ее подъ руки и повели силою, та упирается и молится Богу: она положительно помѣшалась отъ страха. А тутъ какъ на бѣду опять страшный ударъ, опять разорвало гранату и очень близко разорвало. Я слышу звонъ стеколъ и лязгъ оборванныхъ телеграфныхъ проволокъ. Несчастная женщина остолбенѣла и опустилась на мостовую. Хотъ на рукахъ неси. Мы такъ и сдѣлали. Приходимъ въ кофейню на площадь, подъ ея сводами относительно безопасно, это какой-то страшно уцѣлѣвшій уголокъ. Мы туда и втащили бѣдную женщину. Видимъ: не то идетъ, не то ползетъ вдоль стѣны что-то страшное, окровавленное... Кажется, человѣкъ, да, это человѣкъ, потому что можно разобрать слова въ этихъ жалобныхъ стонахъ и причитаніяхъ. Это несчастный кельнеръ нашей гостиницы; ему осколкомъ гранаты пробило черепъ, какъ разъ лобъ выше праваго глаза, пробило сильно и какъ еще онъ можетъ держаться на ногахъ, изумительно!.. Никто не подходитъ къ несчастному, всѣ даже отъ него въ сторону шарахнулись. Эта изуродованная, окровавленная фигура, воющая у дверей кофейни, видимо, всѣхъ пугаетъ. Каррикъ—докторъ, онъ знаетъ свое дѣло и тотчасъ же приступилъ къ осмотру раны и ея перевязкѣ. Какимъ молодцомъ управляется онъ съ своимъ дѣломъ. Облили несчастнаго водою, обмыли пробоину—глубока страшно, бѣлѣетъ мозгъ, рана смертельна. Перевязали ее носовымъ платкомъ, стащили со стола для той же цѣли какую-то цвѣтную салфетку. Хозяинъ румынъ протестуетъ и говоритъ что-то о десяти франкахъ. Требуемъ носилокъ—нѣтъ. Полиціантъ, до сихъ поръ бодрившійся, ослабѣлъ уже окончательно и бормочетъ какую-то безсмыслицу... Какъ все это гадко, противно!.. Мы втроемъ подхватили косякъ бѣднягу, потащили къ госпиталю, это не очень далеко, не болѣе версты, но турецкіе снаряды достаютъ и туда, тамъ вѣдь тоже Красный Крестъ на флагѣ, а это ихъ исключительная цѣль. Насъ пять, съ нами, какъ я уже сказалъ, двое англичанъ, шансы почти равны, кстати съ нами представитель газеты «Times». Мы составимъ протоколъ и попросимъ подписать также и этого представителя, онъ долженъ подписать, потому что фактъ очевиденъ. Мы такъ и сдѣлали.

На половинѣ дороги къ госпиталю, насъ чуть не сбила съ ногъ какая-то телѣга, безъ сѣдоковъ. Испуганные кони несутся стремглавъ; грядки телѣги въ крови, у одной лошади весь задъ въ крови тоже и она озлобленно брыкается. Вотъ видна у тротуара лужа крови и пятнистые слѣды куда-то внутрь двора. Изъ подвальной отдушины выглянула испуганная, блѣдная физіономія и, завидя насъ, моментально спряталась; изъ той же отдушины доносятся женскій голосъ и хныканье ребенка...

Мы наконецъ добрались до госпиталя. Сюда долетаютъ снаряды, но меньше; здѣсь, по крайней мѣрѣ, они не такъ гремятъ, мягкая почва луга не благопріятствуетъ разрыву не то что каменныя стѣны и мостовыя: тамъ почти каждая лопается. Половина седьмого, солнце еще, впрочемъ, довольно высоко, но свѣтитъ тускло, это потому, что воздухъ надъ городомъ наполненъ пылью и дымомъ—чувствуется сильный запахъ извести и смрада... Нѣтъ, я больше въ городъ не пойду, тамъ нечего дѣлать. Кстати есть обходная тропинка и по ней можно добраться до рельсовъ желѣзной дороги, а оттуда на станцію. Такъ я и сдѣлалъ и не одинъ я—мы всѣ, потому что едва только раненый былъ сданъ, мы всѣ собрались на лужайкѣ около шоссе и молча, не сговариваясь даже, потянулись по одной и той же тропинкѣ...

Нервы ослабли, утомленіе—и физическое и нравственное,—полное.

Вправо отъ нашей тропинки за канавою видно поле, тамъ бивуакируетъ рота нашихъ пѣхотинцевъ, а можетъ быть и немного болѣе, это поддержка береговыхъ карауловъ, расположенныхъ влѣво отъ города, по Дунаю. На бивуакъ, на моихъ глазахъ, упали три гранаты, одна лопнула, двѣ другія нѣтъ. Слава Богу, благополучно, никого не задѣло. Солдаты подбираютъ осколки и ищутъ куда-то закатившіяся нелопнувшія гранаты. Ага, а вотъ одна хватила какъ разъ у подъѣзда госпиталя, эта разорвалась десять минутъ тому назадъ, мы сами были на этомъ подъѣздѣ, опять граната и опять въ то же мѣсто. Положительно въ войнѣ съ турками выставлять бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ не слѣдуетъ, это самое лучшее средство сосредоточить именно сюда, на этотъ флагъ, всѣ выстрѣлы. Турки распорядились иначе, они прикрыли между-

народнымъ флагомъ свои пороховые погреба. Надъ каждою батареею ихъ тоже красуются бѣлыя знамена съ красною луною, замѣняющей женевскій крестъ. Въ этомъ легко убѣдиться: стоитъ только внимательнѣе смотрѣть въ бинокль, положительно надъ каждою батареею...

VIII.

Пришли на станцію,— здѣсь массы народа; все, что бѣжало изъ города, задержалось въ этомъ, почти безопасномъ, пунктѣ. Я говорю почти, потому что сюда достигали, и то изрѣдка, снаряды только самыхъ дальнострѣльныхъ орудій, какихъ у турокъ весьма немного, да и долетали эти снаряды совершенно случайно, самое же колоссальное зданіи станціи могло служить весьма солиднымъ прикрытіемъ. Только-что ушелъ длинный поѣздъ, увезя тѣхъ счастливцевъ, кто имѣлъ возможность уѣхать. На длинныхъ, крытыхъ платформахъ стояла сплошная толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей; все свободное пространство было завалено узлами, сундуками и прочимъ, наскоро захваченнымъ скарбомъ; все шумѣло, волновалось, даже плакало и съ безпокойствомъ присматривалось въ сторону несчастнаго города, откуда то и дѣло раздавались удары лопающихся гранатъ; за угломъ главнаго зданія, во дворѣ стояло пять колясокъ четверкою; въ нихъ сидѣли наши сестры милосердія крестовоздвиженской общины, въ своихъ скромныхъ сѣренькихъ платьяхъ и бѣлыхъ косыночкахъ на головахъ: онѣ въ составѣ санитарнаго отряда, направляющагося въ Александрію. Сестры вели себя молодцомъ, бодро, даже съ нѣкоторымъ любопытствомъ присматривались къ бомбардировкѣ и прислушивались къ грознымъ ея звукамъ, для большинства изъ нихъ слышанымъ впервые. Остановка была за укладкою ихъ безчисленнаго багажа; — молодыя сестры безпрестанно выскакивали изъ экипажей и выбѣгали изъ-за своего прикрытія. Очень уже любопытно было, должно быть. Пожилая дама съ почетнымъ крестомъ на груди ворчала и распекала ихъ, какъ и слѣдуетъ, за это неумѣстное любопытство. Наконецъ, весь кортежъ уложился и тронулся съ мѣста. Я пожелалъ имъ счастливаго пути, и главное поменьше дѣла.

— Ахъ, нѣтъ, напротивъ, побольше...—закричала мнѣ въ

отвѣтъ, съ высоты козелъ, совсѣмъ юная, миловидная брюнетка и тотчасъ же спохватилась, что будто нехорошо.

— Да, да... вы правы,—поменьше, поменьше! — поправилась она и даже привстала на козлахъ, такъ ей захотѣлось посмотрѣть, — куда шлепнется граната, провизжавшая саженяхъ въ полутораста отъ поѣзда.

Кучера хватили по своимъ четверкамъ и въ карьеръ понеслись, спѣша выбраться изъ обстрѣливаемаго пространства. Они такъ трусили до сихъ поръ, что пока пассажиры не усѣлись на мѣстахъ, надо было поставить казаковъ стеречь румынскихъ возницъ, иначе они бы всѣ разбѣжались, побросавъ даже своихъ лошадей и экипажи. Подобные факты случаются здѣсь безпрестанно.

А канонада начинаетъ какъ будто стихать, — тамъ, противъ чего работаютъ наши батареи, тамъ уже почти тихо... рѣдко, рѣдко слышенъ выстрѣлъ, со стороны турокъ... ихъ должно быть потрепали порядочно; эти же, что дѣйствуютъ противъ неотвѣчающаго имъ города, еще продолжаютъ неистовствовать. Часамъ къ восьми вечера однако и тамъ стало тише, а ровно въ восемь перестрѣлка совсѣмъ прекратилась и надъ полуразгромленнымъ городомъ воцарилась, наконецъ, тишина... тяжелая, томительная тишина, производящая совсѣмъ не успокоительное, а какое-то пренепріятное, тоскливое чувство.

Жажда страшная, во рту пересохло; спасибо коменданту, пригласилъ къ себѣ пить русскій чай. Вы не понимаете, что значитъ здѣсь русскій чай. Здѣсь вы только понимаете настоящее его значеніе и цѣну. Столикъ былъ вынесенъ на площадку, на немъ воздвигнулся нашъ родной, настоящій русскій самоваръ, а не эта противная теймашина. Что-то теперь тамъ, на нашихъ батареяхъ, — кто убитъ, кто раненъ? Все вопросы такіе жгучіе, самые волнующіе. Посылали на перевязочный пунктъ, онъ довольно далеко отсюда, версты три. Раскинулся докторскій бивуакъ, какъ его здѣсь называютъ, въ прелестномъ лѣску, новенькіе, еще необновленные красивые шатры, чистыя переносныя койки, ампутаціонные и перевязочные столы, еще не запятнанные кровью. Все это распланировано такъ уютно, комфортабельно, глядитъ празднично... Чуть-чуть не сказалъ привѣтливо... На всякій случай разсчитывали на потерю съ нашей стороны значительную, а потому

и приготовились какъ слѣдуетъ. Такъ вотъ посылали на этотъ самый пунктъ—тамъ ничего. Медики и хурурги безъ дѣла,—говорятъ: «странно, что это до сихъ поръ никого не волокутъ!» А вотъ и вѣстникъ съ батарей. По дорогѣ, прорѣзывавшей густой кустарникъ, заслоняющій отсюда линію огня, идетъ пѣшкомъ какой-то высокій плотный бородачъ въ бѣломъ кителѣ, это одинъ изъ артиллеристовъ... ближе подходитъ—знакомый, такъ и подмыло всѣхъ къ нему навстрѣчу.

— А здравствуйте, полковникъ... Ну, что добраго скажете?—послышались вопросы:—кто убитъ?

— Слава Богу, никого... все благополучно... Ахъ, это у васъ чай... чай... да... нельзя ли и мнѣ стаканчикъ?

Усадили добраго вѣстника.

— Я, — говоритъ онъ, и голосъ охрипъ совсѣмъ, такъ въ горлѣ пересохло.

— Я, — говоритъ онъ,—извините, меньше полдюжины стакановъ не въ состояніи выпить...

Пьетъ полковникъ чай, для скорости на блюдичко льетъ—и разсказываетъ. Наши артиллеристы держали себя молодцами—работали спокойно, спокойнѣе чѣмъ на учебномъ полигонѣ и несравненно хладнокровнѣе; причина совершенно понятна: здѣсь — гроза впереди, и онъ эту грозу бьетъ, что же тутъ волноваться особенно;—тамъ же гроза сзади и онъ ея бить не смѣетъ, а громитъ ни въ чемъ неповинныя, безотвѣтныя мишени, къ которымъ никакого озлобленія вовсе не чувствуетъ. Здѣсь дѣло, а тамъ—молъ только муштра.

Батареи всей нашей линіи работали систематично, онѣ не стрѣляли всякая противъ себя, не разбрасывали выстрѣловъ, а громили данныя точки поочередно... Наводка орудій была не торопливая съ точною провѣркою и выдержкою наудобнѣйшихъ моментовъ... просто на дымокъ снарядовъ не пускали. Одинъ словомъ, это была словно не молодежь, въ первый разъ находящаяся въ дѣлѣ, а старые бывалые ветераны... Разсказчикъ—опытный и многослужилый боевой офицеръ—съ особеннымъ удовольствіемъ говорилъ, что онъ ни въ офицерахъ, ни въ солдатахъ не замѣтилъ никакого стремленія къ бравадамъ и разнымъ фанфаронадамъ... никто не торчалъ зря на видныхъ мѣстахъ, съ традиціоннымъ покуриваніемъ сигары или якобы хладнокровнымъ крученіемъ папиросъ; никто

не позволялъ себѣ острить и балаганить, пѣть веселенькіе куплеты, какъ тоже многіе любятъ дѣлать... Всѣ вели себя необыкновенно просто и серьезно. Они дѣлали свое дѣло, строго относясь ко всякой его детали, они отлично сознавали, что каждое мгновеніе можетъ принести имъ смерть и... навѣрное были нравственно готовы къ этой смерти, а въ этой-то готовности, въ этой спокойной, религіозной рѣшимости умереть и заключается вся стойкость, вся могучая сила нашей арміи... И это правда. Если вы увидите въ бою, подъ выстрѣлами, джентльмена, напѣвающаго мотивы изъ Оффенбаха — знайте: онъ самъ себя бодритъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и шарлатанитъ... Помню я одного такого «колонеля» еще въ сербскую войну, когда турки обстрѣливали Дьюнишъ. Онъ—стоя впрочемъ за прикрытіемъ, щурилъ свои подслѣповатые глаза, со стеклами на носу, и гнусливымъ голоскомъ уродовалъ «Мадамъ-Анго»... Такому джентльмену я бы навѣрняка не довѣрилъ вести нашихъ солдатъ въ бой,— нельзя вѣдь рядомъ ставить крестъ и погремушку полишинеля... И солдатъ нашъ вовсе не любитъ этихъ бравадъ и гораздо симпатичнѣе и довѣрчивѣе относится къ начальнику, который не дозволяетъ себѣ подобныхъ выходокъ: солдатъ отлично чуетъ, гдѣ маскированная трусость, какъ бы искусно ее ни маскировали, и гдѣ истинное, простое геройство.

На батареяхъ нашихъ положительно свершались чудеса; на этихъ батареяхъ легло болѣе семисотъ снарядовъ, попадая въ брустверъ, или близко отъ платформъ, сзади;—снаряды рвались хорошо. У насъ ни одного убитаго, ни одного раненаго. Одна бомба ударилась, подъ амбразурою подъ самымъ дуломъ орудія, послѣдовалъ взрывъ, много земли и осколковъ взвились на воздухъ и закрыли собою и орудіе, и артиллеристовъ.

— Подай голосъ!..—крикнулъ офицеръ.

— Ничего... Все благополучно!—отвѣчали оттуда...

И дѣйствительно, улеглась пыль, разнесло дымъ вѣтромъ... Люди цѣлы, ни одной царапины, орудіе даже не задѣто... Другая бомба ударилась о крышу порохового погреба, духъ занялся у всѣхъ, ждали страшной катастрофы, но... бомба рикошетировала, вмѣстѣ съ разрывомъ, ея осколки вынеслись впередъ, въ пустое пространство—и погребъ остался цѣлъ.

Словно чья-то невидимая, но могучая рука простерта надъ нашими героями и отстраняетъ отъ нихъ вражескіе снаряды...

Съ первою, круглою батареею Рущука наши справились скоро; но со второю — возились довольно долго. Земляной, плотно-глинистый брустверъ ея оказался устойчивѣе каменнаго; затѣмъ перешли къ судамъ, этимъ большимъ пароходо-фрегатамъ, что стояли у военной пристани... Черезъ часъ, даже нѣсколько менѣе, суда эти уведены были тягою въ доки, значитъ имъ-таки досталось... Еще часъ до окончанія канонады, огонь турокъ сталъ замѣтно ослабѣвать... Ассигнованное для сегодняшняго расхода число снарядовъ приходило къ концу. Въ половинѣ восьмого приказано было забастовывать и въ восемь—затихло, какъ я уже говорилъ, все—и съ нашей, и съ турецкой стороны.

Стемнѣло. На разгромленныхъ улицахъ Журжева замелькали огоньки, изъ подваловъ и погребовъ повылѣзли спасавшіеся тамъ во время боя, вернулись и тѣ, которые убѣжали и выжидали гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ, неподалеку. Пришелъ я въ свою комнату въ европейскомъ отелѣ: тамъ только груды камня и разныхъ обломковъ... Одинъ изъ снарядовъ разорвался въ комнатѣ прислуги, разнесъ эту комнату въ дребезги, осколки хватили въ сосѣдній номеръ, тамъ тоже все исковеркано, дверь моей комнаты проломлена этими осколками, окно выбито, столъ перевернутъ, все въ полномъ безпорядкѣ, на полу осколки, одинъ такъ даже на кровать мою взобрался... Мѣсто значитъ занято, надо искать себѣ для ночлега другое... А тутъ слышенъ набатный колоколъ... Что такое?.. Говорятъ мнѣ «фого», «фого!» Значитъ пожаръ, огонь показался... Дѣйствительно, на площади у каланчи горитъ какой-то домъ, валятъ густые клубы дыма—это что-нибудь затлѣло отъ разрыва гранаты и теперь только разгорѣлось... Опять тревога, ждутъ что турки, завидѣвъ пожаръ и, совершенно справедливо полагая массу народа по близости, откроютъ снова огонь; но обошлось благополучно, — турки не стрѣляли. Они и сами должно быть много своей работы имѣли, не до того было... Съ береговыхъ постовъ доносятъ, что на разбитыхъ батареяхъ слышенъ шумъ работъ, должно быть спѣшатъ за ночь

поправить дѣло... Двухъ дѣтей привели раненыхъ, дѣвочку лѣтъ двѣнадцати съ разбитою ручонкою и мальчика съ выбитымъ глазомъ и осколкомъ свинца въ плечѣ. У берега завалило погребъ, а въ немъ, говорятъ были люди. Туда прошла партія рабочихъ съ лопатами. По разбитому кварталу бродятъ темные силуэты и мигаютъ фонари, тамъ обыскиваютъ пострадавшіе дворы, не окажется ли еще какой-нибудь жертвы?.. Петербургская гостиница, пострадавшая менѣе прочихъ, уже приводится въ порядокъ; сегодня ѣсть не даютъ, какъ ни просимъ,—а завтра утромъ обѣщаютъ, если только, впрочемъ, турки не начнутъ снова пострѣливать... Авось, не начнутъ!.. Завернулся въ бурку, присѣлъ на диванчикъ около воротъ кофейни и задремалъ...

. . . . . .

Какое непріятное впечатлѣніе производятъ эти исковерканныя улицы! Особенно наша, «Европейская»: по ней даже ходить невозможно. По ней тянется рядъ телеграфныхъ столбовъ, частью поломанныхъ, оборванныя проволоки путаются между ногъ, словно силки вездѣ протянуты, самая станція разбита окончательно. Тамъ былъ нашъ русскій телеграфистъ, онъ однако уцѣлѣлъ, успѣлъ во-время выбѣжать. Другая половина дома занята почтовымъ отдѣленіемъ, эта пострадала менѣе. Представьте себѣ, какой молодецъ румынскій чиновникъ, бывшій, впрочемъ, солдатъ. Онъ, уже когда канонада началась, все привелъ въ порядокъ, перенумеровалъ и отправилъ почту; онъ и теперь сидитъ у своей форточки и записываетъ что-то въ книгу. Зашелъ я туда, спрашиваю: «Будете что-нибудь отправлять сегодня?» «Отчего же нѣтъ, только пока нечего, вотъ развѣ вы дадите что-нибудь...» Въ конторѣ у него темно, горитъ свѣчка; окошко выбито осколкомъ и завѣшано одѣяломъ.

— А вы бы лучше уѣли, а то опять можетъ быть стрѣлять начнутъ—не обойдется, пожалуй, благополучно.

— Въ шесть уѣду. Я здѣсь долженъ сидѣть отъ 8 утра до 6 вечера,—отвѣчаетъ.

Крѣпко пожалъ я ему руку и пожелалъ отъ души досидѣть свой срокъ покойно.

Опять выстрѣлъ. Что такое?!. Это уже у насъ въ городѣ, хватило какъ будто орудіе, — что бы это значило? Нѣчто

вродѣ суматохи, бѣгутъ туда, бѣгутъ и оттуда. Оказалось, что двое румынъ нашли гранату не лопнувшую и съ великаго ума начали ее разряжать: та и лопнула; оба изуродованы, одинъ еще дышетъ; побросали ихъ на телѣгу и повезли въ госпиталь, хоть бы прикрыли чѣмъ-нибудь. Эти полиціанты возятъ раненыхъ по улицамъ, словно говядину какую-нибудь, сквозь дно телѣги кровь льется ручьемъ, слѣдъ по мостовой оставляетъ. Говоритъ, еще отыскали подъ мусоромъ нѣсколько тѣлъ,— одного грудного ребенка убило осколкомъ гранаты на рукахъ у матери и поранило послѣдней грудь: несчастная помѣшалась отъ горя и страха. Зашелъ въ «Петербургскую» завтракать; тамъ вѣдь вчера обѣщали дать что-нибудь. Народу собралось здѣсь уже достаточно, только все наши, не туземцы. Кто съ бивуаковъ пріѣхалъ, кто съ батарей. Тутъ и наши товарищи корреспонденты. Сыпятся градомъ перекрестные разсказы о вчерашнемъ днѣ, послушать—такъ у каждой головы лопнуло не менѣе двадцати бомбъ и гранатъ и всѣ на вершковомъ разстояніи. Осколками набиты всѣ карманы. — Одинъ такъ даже таскаетъ съ собою трехъ-пудовый снарядъ, собирается соорудить изъ него подсвѣчникъ на память...

Пришло извѣстіе, что опять хотятъ пострѣлять передъ вечеромъ, мѣшать туркамъ работать; ресторатеръ вслѣдствіе этого предлагаетъ ѣсть побольше и грозитъ, что съ полудня никто ничего не получитъ, все будетъ заперто. Жители вернулись сюда захватить что вчера не успѣли, и захватываютъ, торопятся страшно, боязливо оглядываются, прислушиваются, — посмотришь—такъ точно воруютъ, а не свое добро берутъ... На бивуакъ все прибываютъ новыя войска, откуда — неизвѣстно. Всѣ проселочныя дороги заперты, всюду посты, никого не пропускаютъ, даже самихъ военныхъ, кто бы онъ ни былъ, если у нихъ не окажется какой-то особенной, спеціальной для проѣзда по этой мѣстности записочки. Свободенъ только желѣзнодорожный путь и прогулки по городу, но отнюдь не вне его черты, особенно у Дуная по берегамъ, выше и ниже... Не сегодня, такъ завтра, позднее—послѣзавтра должно совершиться что-то грандіозное. Въ воздухѣ это слышится, какъ будто...

Весь воздухъ наполненъ пылью. Сотни тысячъ ногъ, вотъ уже болѣе недѣли, день и ночь, безпрерывно топчутъ сухую, глинистую почву маленькаго берегового городка и его окрестностей. Въ этихъ пыльныхъ тучахъ, неподвижно стоящихъ въ жаркомъ, раскаленномъ воздухѣ, словно тѣни движутся полки и обозы; трудно разобрать что-нибудь въ этомъ движущемся хаосѣ, трудно найдти кого-нибудь, трудно оріентироваться... а между тѣмъ, все это движущееся, почти не зная, не догадываясь даже куда оно идетъ, приходитъ на свое мѣсто, въ свое время, находитъ именно то, что оно должно найдти, никому не мѣшаетъ и ему никто не мѣшаетъ, путаницы никакой. Всѣми, видимо, руководитъ чья-то единая рука, чья-то могучая сила, проявляясь только въ кусочкахъ бумажекъ, гдѣ ясно, опредѣленно, въ часахъ и минутахъ, выражена воля этой силы. Вотъ общее впечатлѣніе, которое охватываетъ васъ сразу, — какъ только вы въѣзжаете въ Зимницу. Еще нѣсколько верстъ не доѣзжая, вы видите вправо и влѣво отъ дороги громадные бивуаки, раскинувшіеся на вытоптанныхъ луговинахъ; съ этихъ то бивуаковъ постепенно выдвигаются колонны, направляясь черезъ городъ къ берегу, къ мѣсту переправы, на эти-то бивуаки, — въ той же послѣдовательности, прибываютъ новыя войска, занимая только-что оставленныя позиціи. Здѣсь еще сравнительно воздухъ чище,—вы можете отчетливо разобрать гдѣ, что и какъ расположено. Вонъ стройная линія бѣлыхъ тантабри пѣхотинцевъ, вонъ безконечные ряды уланскихъ и гусарскихъ пикъ съ пестрыми флюгерами, вонъ зеленѣютъ ящики артиллеріи, ярко блестятъ на солнцѣ отполированныя на славу мѣдныя тѣла орудій, — вонъ рядъ тяжелыхъ фуръ обоза,—эти колоссальные вагенбурги, раскинувшіеся за войска и словно какіе-то города на колесахъ. Но чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ городу, минуя лагерь,—тѣмъ гуще и гуще пыльныя тучи, туманнѣе и неопредѣленнее становится вся эта живая, шумная военная картина. Здѣсь, говорятъ, поворотъ направо, такая-то улица, — ничего не разберешь. Мелькаютъ, правда, въ тѣни что-то въ родѣ крышъ съ высокими трубами, въ родѣ деревьевъ, утратившихъ даже зеленый цвѣтъ своей листвы; осторожно подвигаетесь вы впередъ, мимо васъ проносятся отдѣльные всадники, шныряютъ чуть не подъ ногами коней пѣхотинцы, слышны оклики, опросы, суматоха

страшная, въ частности положительная путаница, въ которой «чертъ ногу сломитъ», въ общемъ строгая гармонія и порядокъ. Кого не встрѣтишь, узнать невозможно; вотъ уже именно лица нѣтъ, образъ человѣческій утраченъ: и лице, и борода, и костюмъ, и конь все одного сѣраго, пыльнаго цвѣта, голоса хриплые, пересохшіе... только и слышишь: «Пронеси Господь вкорѣ черезъ эту Зимницу, чтобы ей пусто было!» и проноситъ ихъ Господь, въ свое время, и пронесетъ прямо на береговые спуски Дуная, на его плоскіе обмелѣвшіе острова, а оттуда по длинному мосту на ту сторону, въ Турцію, вклеватъ, въ бывшую Турцію, а теперь въ освобождающуюся, обновляющуюся, но еще не смѣющую ликовать страдалицу Болгарію.

Колонны войскъ изъ лагеря проходятъ черезъ городъ съ музыкою, люди въ немъ шагаютъ бодро подъ своими тяжелыми ранцами. Вотъ уже болѣе недѣли ежедневно, съ трехъ часовъ утра до 9 вечера, непрерывно проходятъ эти молодцоватыя колонны, а говорятъ, еще не прошло и половины всего, что предназначено къ переходу.

На самомъ берегу, въ центрѣ города, стоитъ особнякомъ небольшой двухъ-этажный домикъ съ садомъ, — здѣсь квартира Его Величества. Въ тѣни деревьевъ выстроился цѣлый городъ палатокъ и шатровъ большихъ и малыхъ,—это помѣщеніе многочисленной свиты. Развѣсистыя деревья задерживаютъ немного пыль; здѣсь воздухъ чище, отъ берегового гребня вѣетъ прохладою Дуная. Здѣсь же, какъ разъ противъ царской ставки, пріютился и первый перевязочный пунктъ, тоже въ садахъ, въ относительной прохладѣ и уютности, а вокругъ живописный бивуакъ...

Экипажи, щегольскіе и простенькіе, разбросаны въ перемежку съ разнокалиберными палатками, тутъ же и кони, группами стоящіе на привязяхъ, кучера въ красныхъ рубашкахъ, повара въ бѣлыхъ колпакахъ, денщики и вѣстовые всѣхъ мундировъ и частей, французскій говоръ, англійское пережевываніе и сплевываніе, нѣмецкое нытье и бойкая русская перебранка съ крѣпкими словами—хаосъ и пестрота невообразимая,—это таборъ разныхъ канцелярій, правленій, главныхъ и второстепенныхъ штабовъ, отдѣловъ, иностранныхъ агентовъ и проч., и проч., и проч., всего того, что, къ счастью, въ данномъ случаѣ, составляетъ хвостъ нашей арміи, не безъ пре-

тензіи, впрочемъ, на самообольщеніе считать себя ея головою. А какъ разъ напротивъ, черезъ дорогу только, въ пяти какихъ-нибудь шагахъ, картина мѣняется разомъ. Здѣсь уже все тихо, привѣтливо, просто. Каждое лицо, каждое слово дышетъ любовью, правдою, человѣчностью—это госпиталь и перевязочный пунктъ, здѣсь тяжело раненые, первыя жертвы грандіознаго перехода. Приняты всѣ мѣры для облегченія ихъ страданій, самъ Государь бываетъ тутъ ежедневно. Здѣсь работаютъ люди не изъ-за денегъ и почестей, здѣсь сестры милосердія и доктора не чиновники, а люди, явившіеся сюда работать ради науки и человѣчности. Когда вспомнишь, что дѣлалось на перевязочныхъ пунктахъ въ прошедшую кампанію и видишь, что дѣлается теперь, невольно снимаешь шляпу передъ этою метаморфозою,—спокойно и радостно становится на душѣ, самая война на половину теряетъ ужасающій характеръ оборотной стороны медали...

Я запелъ сюда измученный, усталый, сильный лихорадочный пароксизмъ вотъ уже съ ранняго утра не даетъ мнѣ покою; я былъ въ нервномъ раздраженіи, все кругомъ казалось мнѣ такимъ противнымъ, каждая мелочь меня злила и волновала желчь, но здѣсь я успокоился, на меня благотворно подѣйствовала симпатичная, теплая простота и уютность обстановки.

Если она такъ же успокоительно дѣйствуетъ и на раненыхъ, полуумирающихъ страдальцевъ—это уже много, это большая половина исцѣленія.

Госпиталь расположенъ въ саду. Днемъ койки съ больными стоятъ подъ деревьями, въ тѣни; онѣ не вытянуты казенными рядами, а разбросаны тамъ и сямъ, гдѣ поудобнѣе; этотъ безпорядокъ производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе домашности и отсутствія сухой формалистики; подальше, у стѣны сада, устроены чистенькіе очаги, тамъ готовится пища для больныхъ, готовится подъ строгимъ наблюденіемъ сестеръ милосердія, а то иногда и прямо ихъ собственными руками; бѣлье все тоже находится въ завѣдываніи сестеръ; на всемъ видна умѣлая, любящая рука женщины, несравненно болѣе способная устроить все уютно и комфортабельно. Доктора не сидятъ у себя по квартирамъ, періодически визитируя больныхъ;— они живутъ тутъ же, вмѣстѣ съ больными, для ихъ

посѣщеній нѣтъ урочныхъ часовъ: и днемъ и ночью, во всякую минуту, докторъ готовъ къ услугамъ больного, онъ говоритъ съ нимъ, присматриваетъ, онъ слѣдитъ за каждымъ явленіемъ, во-время предупреждая каждое самое ничтожное неблагопріятное условіе. Больной быстро привыкаетъ къ такому доктору и скоро начинаетъ слѣпо вѣрить въ каждое его слово, начинаетъ смотрѣть на него какъ на своего друга, забывая то прежнее упорное недовѣріе къ докторамъ и медицинѣ, господствующее въ нашемъ народѣ; а вѣдь больной этотъ—солдатъ, всего годъ тому назадъ, много два, вышедшій изъ этой самой народной среды, боящейся госпиталя больше самой болѣзни и смерти.

На этомъ пунктѣ лежали только тяжело раненые, все жертвы переправы; легко раненые всѣ уже были отправлены далѣе, въ госпитали 2-й линіи, въ Александрію, Поятру, въ Бухарестъ и другіе.

X.

Первая койка, попавшаяся мнѣ на глаза въ госпиталѣ, занята была молодымъ, красивымъ матросомъ, брюнетомъ съ небольшими усиками; его красивые глаза блестѣли слегка недобрымъ, лихорадочнымъ огнемъ; онъ капризился и все просился «посидѣть немного», а докторъ не позволялъ, я слышу фразу.

— Экой ты, право, упрямый... Вѣдь хуже будетъ... Ну-ну, смотри. Вотъ завтра придетъ Государь—пожалуюсь...

— Ну, ишкни... буду лежать, буду... А гдѣ сестрица? Ау, сестрица!..

— Чего кричишь, погоди... она пошла, вонъ сидитъ, смотри, она тебѣ же яичко варитъ... Смотри самъ, вонъ она!

И толстякъ докторъ съ добрымъ, веселымъ такимъ лицомъ отгибаетъ густую вѣтку яблони, чтобы показать капризнику сестрицу, сидящую на корточкахъ у огонька, помѣшивающую ложкою въ кастрюлькѣ.

Когда я подошелъ къ этому матросу, онъ улыбнулся, попросилъ откинуть немного одѣяло съ груди и указалъ мнѣ глазами на свой новенькій георгіевскій крестъ, приколотый къ больничной рубашкѣ.

— Самъ, Самъ пожаловалъ. Самъ и прикололъ,—проговорилъ онъ и улыбнулся.

Раненый гордился своимъ крестомъ, утѣшался имъ и непремѣннымъ долгомъ считалъ показать его всякому новопришедшему.

— Ну, да ты молодецъ,—шутитъ докторъ.—Ну, опять завертѣлся, экій право. Вѣдь, небось, при тебѣ же Самъ приказалъ, чтобы здоровъ ты былъ.

— Кто это?—спросилъ я у доктора.

— Семенъ Лопатинъ—матросъ, гребецъ съ семнадцатаго понтона...

— Такъ вотъ это кто!—Я слышалъ еще утромъ его исторію, провѣрилъ ее и передаю.

Семнадцатый понтонъ отплылъ со второю очередью передъ разсвѣтомъ... Едва онъ вошелъ въ свѣтлую полосу Дуная, освѣщенную луною, какъ турецкіе батальоны открыли по немъ убійственный огонь. Изъ сорока пяти человѣкъ пѣхотинцевъ минскаго полка, находившихся на этомъ понтонѣ, и восьми человѣкъ гребцовъ, въ нѣсколько минутъ не осталось и половины.

Понтонъ сносило между тѣмъ теченіемъ все дальше и дальше, огонь турокъ не прекращался, наши падали и падали, уже только четверо осталось, понтонъ не могъ выгребать, его несло бокомъ и несло прямо къ турецкому берегу. Вотъ и еще трое свалились, остался только одинъ и не желая отдаваться живымъ туркамъ, бросился въ Дунай. Пуля ударила ему въ плечо, раздробила ключицу; тяжело плыть съ одною рукою, но онъ все-таки плылъ, наконецъ ноги его почувствовали твердую почву, теченіемъ его вынесло къ острову, верстъ за пять ниже мѣста переправы... Замѣтили-ли турки эту крохотную точку на поверхности воды, или такъ зря, но только, въ ту минуту, когда несчастный выползалъ на берегъ, его догнала еще пуля и перебила другую руку, повыше кисти... Это былъ матросъ Семенъ Лопатинъ. 15-го утромъ выбрался онъ на островъ, 20-го былъ только случайно замѣченъ съ проходившаго мимо русскаго катера и привезенъ въ Зимницу... Пять дней подъ рядъ Лопатинъ былъ безъ пищи; раны у него сильно загнили, завелись даже черви, но онъ не потерялся. Каждое утро онъ спускался въ воду и просиживалъ тамъ по горло,—освѣжая себя и обмывая теченіемъ воды свои страшныя раны... Онъ разсказывалъ, что уже было терялъ надежду

на спасеніе (еще бы пять дней!) Онъ видѣлъ на томъ берегу движущіяся точки, но не зналъ кто это: наши-ли, или турки? Онъ не зналъ результатовъ переправы и думалъ, что она не удалась—это его болѣе всего огорчало. Наконецъ, на пятый день онъ услышалъ русскій говоръ и плескъ веселъ.

— Гляжу, разсказывалъ онъ:—ахъ, провалъ ихъ возьми! наши ребята... Михѣевъ—ау!..

Вотъ и услыхалъ его Михѣевъ. Забрали молодца и привезли. Государь тотчасъ же навѣстилъ больного.

На другой койкѣ сидѣлъ пластунъ съ характернымъ, чисто запорожскимъ типомъ лица; онъ сидѣлъ, потому что уже не могъ лежать, пуля прошла ему глубоко въ спину, задѣвъ позвоночникъ: вся нижняя часть тѣла была парализована, его даже слегка подвязали къ головной половинкѣ койки посилокъ приподнятой на шалнерахъ.

Онъ уже обреченъ смерти; пули у него даже и не вынимаютъ: напрасное только мученіе. Сестра милосердія, въ сѣренькомъ платьицѣ, съ бѣлой косынкою на головѣ, сидитъ около и что-то читаетъ ровнымъ, покойнымъ голосомъ.

Пластунъ слушаетъ внимательно, но, кажется, ничего не понимаетъ—его тусклые глаза неподвижно устремлены на одну точку, нижняя губа уже начинаетъ отвисать... Finita la comedia.

А вотъ и пѣхотинецъ минскаго полка, Александръ Рохъ.

У него пуля въ груди и перебита рука, кромѣ того сильный ушибъ черепа и глазной впадины: онъ изъ того взвода, который бралъ штыками водяную мельницу и весь истребленъ почти безъ остатка, но за то этотъ взводъ сдѣлалъ свое дѣло—идущіе за ними уже свободно прошли это сильное препятствіе, заваленное тѣлами и турокъ, и нашихъ... Когда всѣ части перемѣшались, когда бой завязался почти одиночный—вразбродъ, то турки, то русскіе поочередно перебѣгали это мѣсто. Набѣжала разъ небольшая партія, приколола тѣхъ нашихъ раненыхъ, что выказывали еще признаки жизни, принялись сапоги стаскивать, да подоспѣли наши, покололи въ свою очередь турокъ,—дальше пошли, а тутъ опять изъ-за кустовъ выскочило еще человѣкъ шесть турокъ, уже не солдатъ, а такъ, всякой сволочи, опять принялись пакостить.

— Я чую ихъ,—разсказывалъ Рохъ,—да и прихилился,

а на мнѣ лежитъ товарищъ Сѣденко, а другой товарищъ якъ сцѣпились съ туркомъ, такъ оба на меня тоже повалились мертвые, меня и не видать... такъ и отлежался, одна нога только торчала снаружи, съ той-то ноги моей и вкрали сапогъ, собачьи дѣти...

Вотъ еще прелестная группа: нѣсколько коекъ стоятъ тѣсно, между ними вертится молоденькая сестра милосердія. Румяная, такая веселенькая, темные волосы выбились изъ-подъ косынки. Она смѣется отъ души, звонко такъ и что-то растолковываетъ больнымъ, а тѣ такіе любопытные, даже с коекъ приподнялись и потѣшаютъ ее своими наивными вопросами; на одѣялахъ, въ безпорядкѣ валяются нумера «Иллюстраціи», тамъ все картинки изъ настоящей войны. Солдатъ эти картинки сильно занимаютъ, объясненіемъ этихъ картинокъ и занята молоденькая сестра милосердія.

— Вотъ и васъ всѣхъ такъ нарисуютъ, весь свѣтъ будетъ смотрѣть какіе молодцы минцы да волынцы. Всѣхъ нарисуютъ. Вонъ ходитъ бородатый съ бляхою, онъ и нарисуетъ, онъ затѣмъ и пришелъ сюда.

Бородатый съ бляхой, это, очевидно, относилось ко мнѣ. Я счелъ своимъ долгомъ подойти и поддержать обѣщанье сестры милосердія.

— Сестрица, вы намъ покажете, когда нарисуютъ насъ-то самихъ?..—проситъ одинъ.

— Важно! Я домой въ деревню пошлю, ваше благородіе, сдѣлай такъ: я, Гордѣй Васильевъ, третьей роты,—меня Гордѣемъ звать,—я это его, турку, въ животъ, а другой турка меня вотъ въ эвто мѣсто... такъ и нарисуй.

— Такъ и нарисую.

— Намъ царь кресты пожаловалъ, вотъ онъ, крестъ-то самый, ты такъ съ крестомъ и рисуй.

— Да вѣдь вы уже послѣ получили,—протестуетъ сестра милосердія.—Вѣдь вамъ здѣсь ихъ навѣсили, въ койкахъ, вы лежали.

— Ничего, нешто нельзя? Сдѣлай божескую милость, рисуй съ крестами... Самъ царь пожаловалъ, какъ же это...

— Ладно, ладно, съ крестами нарисую.

— На грудь поставь, сестрица, рученька твоя заболитъ, поставь на грудь, легче будетъ,—стонетъ кто-то сзади.

Обернулся. Лежитъ навзничъ солдатъ, какъ полотно блѣдный, во всю грудь компрессъ, около сестра, держитъ одною рукой чашку съ чѣмъ-то, другою рукой кормитъ раненаго съ ложечки. Заботитъ этого несчастнаго не его собственная грудь, пробитая осколкомъ гранаты, онъ даже предлагаетъ сестрѣ обратить эту самую грудь въ нѣчто въ родѣ стола, «легче, молъ, будетъ», безпокоитъ его больше, что вотъ, дескать, рученька сестрина утомится.

Солнце подвигается къ западу, тѣни движутся тоже, нѣсколько коекъ уже вступили въ освѣщенное пространство. Подошли больничары, осторожно, подъ личнымъ наблюденіемъ докторовъ, взялись за ручки коекъ и переставили ихъ куда слѣдуетъ. Неподалеку большой двойной шатеръ, тамъ возятся съ поливкою пола и посыпкою его свѣжею зеленью. Скоро вечеръ и туда на ночь перенесутъ всѣ койки съ больными. Пришло нѣсколько человѣкъ молодежи, все почти только что выпущенные студенты, они озабочены и, видимо, къ чему-то готовятся серьезному, сейчасъ начнется общая перевязка.

Съ отраднымъ впечатлѣніемъ на душѣ оставилъ я этотъ походный госпиталь. Спокойно какъ-то становится за нашихъ бойцовъ. Я думаю, что это впечатлѣніе испытываютъ и здоровые товарищи раненыхъ, навѣщающіе ихъ совершенно безпрепятственно. Видя этотъ уходъ, эту обстановку, ихъ не должна пугать перспектива попасть въ подобное же положеніе, а смерти они и безъ того никогда не боялись.

Въ церкви толпы народа, во дворѣ стоитъ взводъ пѣхотинцевъ, у воротъ хоръ музыки, сводчатыя двери церкви отворены настежь, въ ея глубинѣ видна тоже масса военныхъ, на самой паперти, подъ сводами, расписанными аляповатою старинною живописью, вынуто нѣсколько плитъ и вырыта глубокая, темная такая могила, груда земли лежитъ около. Слышно панихидное пѣніе. Всѣ стоятъ съ открытыми головами, на лицахъ выраженіе строгое, серьезное; это хоронятъ поручика гвардейской артиллеріи Тюрберта, погибшаго вмѣстѣ съ своимъ горнымъ взводомъ на разбитомъ понтонномъ паромѣ. Его тѣло только сегодня всплыло на поверхность, было вытащено и вотъ теперь погребается съ должнымъ воинскимъ почетомъ. Государь императоръ самъ присутствуетъ на этой печальной цере-

моніи. Я вижу также стройную фигуру августѣйшаго главнокомандующаго.

А вотъ у входа толпится группа иностранныхъ представителей. Длинная тощая фигура особенно выдается въ этой группѣ, какое непріятное лицо! Это полковникъ Уэлслей, тотъ самый, что писалъ объ русской арміи, яко бы она безъ сапогъ и вѣчно пьяна, поголовно. Неловко какъ-то становится, когда видишь его здѣсь, впечатлѣніе весьма похожее на то, когда въ стройномъ гармоническомъ оркестрѣ звучитъ одна только фальшивая нота. Да и на другихъ юный полковникъ производитъ, кажется, такое же впечатлѣніе — отъ него, видимо, сторонятся.

На церковный дворъ лицевымъ фасадомъ выходитъ длинное зданіе, занятое турецкими плѣнными. Двери его отворены ради притока свѣжаго воздуха, у входа часовые съ ружьями. Заглянулъ туда, тамъ съ десятокъ молодцоватыхъ солдатъ низама въ синихъ курткахъ съ красными обшивками и человѣкъ тридцать всякаго сброда,—черкесы и баши-бузуки. Вотъ уже истинные оборвыши, грязные, исхудалые, смотрятъ исподлобья, угрюмо, словно кусаться собираются. Какая разница съ солдатами низама: у нихъ такое покойное, честное выраженіе лицъ; жаль даже, что ихъ держатъ взаперти. Наши солдаты относятся къ нимъ радушно и внимательно.—«Это добрые ребята, стоятъ славно»,—говорятъ они,—«лихо бьются! не то, что эта рваная паскуда, посорѣзы проклятые! Шишь звѣрьемъ какимъ косятся... сволочь!.. Эй, низамскій товарищъ, покурить хочешь?»—и солдатикъ бросаетъ черезъ головы баши-бузуковъ скрученную папироску своему «низамскому товарищу».

Солдаты наши страшно озлоблены именно на эту рваную паскуду, на баши-бузуковъ, черкесовъ и мустагафизъ, да еще на рыжихъ, которые дѣломъ ихнимъ заправляютъ. Кубанцы и донцы тѣ спеціально собираются заняться вылавливаніемъ рыжихъ. Пошли имъ Богъ успѣха въ этомъ благомъ намѣреніи.

Стихаютъ аккорды печальнаго похороннаго гимна, съ улицы несутся другіе, уже мажорные звуки, это съ музыкою идутъ полки къ переправѣ, но этотъ день уже послѣдній, скоро стемнѣетъ, а завтра, съ разсвѣтомъ, потянутся впередъ новые и новые легіоны, добывшіе себѣ кровью своихъ передовыхъ бойцовъ свободную дорогу черезъ широкія воды Дуная.

XI.

Цѣлую недѣлю я не могъ ничего писать. Сильные пароксизмы лихорадки отняли у меня все время и положительно не давали возможности работать. Словно съ просонья принимаюсь за перо, силюсь дать себѣ отчетъ во всемъ, что случилось за эти дни, подвести итоги, составить наконецъ сколько-нибудь опредѣленное понятіе о томъ, что же наконецъ сдѣлано нами на этомъ берегу. Присматриваюсь, прислушиваюсь, бросаюсь изъ стороны въ сторону, собираю свѣдѣнія—въ результатѣ всего—ноль, т. е. не то, чтобы совсѣмъ ноль, а нѣчто черезчуръ уже общее, дающее возможность только самыхъ широкихъ предположеній, догадокъ, но ничего яснаго, опредѣленнаго, ничего такого, чтобы могло называться фактомъ.

Это общее выражается въ слѣдующемъ (потрудитесь взглянуть на карту). Вотъ вамъ Тырново, вотъ вамъ Бѣла, вотъ Никополь. Соедините эти три точки прямыми линіями и вы получите треугольникъ, сильно вытянутый къ Тырнову, врѣзавшійся, значитъ, острымъ клиномъ въ Балканы и опирающійся на Дунай. Въ этомъ треугольникѣ все наше. Здѣсь движутся и оперируютъ наши войска, здѣсь о туркахъ нѣтъ и помину, они словно сквозь землю провалились; о ихъ мѣстонахожденіи, за исключеніемъ, конечно, пунктовъ крѣпостей, ходятъ самые разнорѣчивые слухи.

Глядя на эти спокойно, безъ прикрытія движущіеся обозы, на эти группы уцѣлѣвшихъ болгаръ, выползшихъ, наконецъ, на свѣтъ Божій и мирно занявшихся уже своими чисто мирными работами, вы чувствуете себя совсѣмъ какъ дома, а не на вражеской землѣ, на самомъ театрѣ ожесточенныхъ военныхъ дѣйствій. Однако, вы все-таки чувствуете близость какой-то таинственной черты, отдѣляющей эту мирную территорію отъ другой, гдѣ все уже представляется въ совсѣмъ иномъ свѣтѣ. Вы не знаете, что дѣлается не только за этою чертою, но даже на ней самой, и не пытайтесь узнать, всѣ ваши попытки не поведутъ ни къ чему, про то знаютъ и вѣдаютъ только избранные, въ рукахъ которыхъ концы нитей всѣхъ текущихъ событій.

Дѣло въ томъ, что какъ сами передвиженія нашихъ войскъ еще по Румыніи составляли тайну, разрѣшившуюся такъ не-

ожиданно для всѣхъ у Зимницы, такъ и теперь все облечено въ такую же непроницаемую тайну, которая также разрѣшится неожиданно и даже очень можетъ скоро, но какъ и гдѣ, про то вѣдаетъ Аллахъ, впрочемъ не единый, а вмѣстѣ съ нашимъ августѣйшимъ главнокомандующимъ и его сѣдовласымъ Улиссомъ, генераломъ Непокойчицкимъ. Раздѣляетъ ли кто-нибудь еще эти свѣдѣнія — не думаю, хотя много есть такихъ, что любятъ прикидываться свѣдущими. Если вы обратитесь къ таковому съ вопросомъ, то онъ вамъ непремѣнно скажетъ: «Гм... не знаю», и даже протянетъ это «не знаю», съ явнымъ намекомъ на нѣчто совсѣмъ противоположное. Не смущайтесь и отойдите съ Богомъ: онъ дѣйствительно ничего не знаетъ, ему и знать-то ничего не надлежитъ, пока не дойдетъ дѣло до его собственной ролькн, которую ему во-время пояснятъ и укажутъ даже предѣлы этой ролькн: извольте, молъ, в. п—ство исполнить сіе—отъ сихъ и до сихъ, а объ исполненіи донести.

Старая истина: если вы хотите составить себѣ понятіе о личности полководца, прислушивайтесь, что говорятъ о немъ между собою солдаты. Здѣсь, въ ихъ рядахъ, вы часто можете слышать такого рода отзывъ о нашемъ маститомъ начальникѣ штаба.—«А нашъ старикъ что-то призамолкъ, глядн теперь въ оба, держи ухо востро». И вотъ всѣ чины арміи, отъ мала до велика, глядятъ въ оба, держатъ ухо востро и слѣпо вѣрятъ своему вождю, не скучая и не тяготясь вовсе этимъ кажущимся бездѣйствіемъ, этимъ полнымъ невѣдѣніемъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находится, на этомъ берегу, все наше, въ занятомъ нами треугольникѣ. И надо отдать полную справедливость... Все это до такой степени сбило съ толку турокъ, до такой степени держитъ ихъ въ глупѣйшемъ положеніи ежеминутнаго ожиданія удара, Богъ вѣсть откуда имѣющаго послѣдовать, что, по всѣмъ получающимся свѣдѣніямъ у нихъ происходитъ страшная и самая безтолковая путаница, близкая даже къ паническому метанію изъ стороны въ сторону. А наши войска все прибываютъ и прибываютъ: по цѣлымъ днямъ по острову, а потомъ по длинному понтонному мосту тянутся непрерывныя линіи пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи съ своими безконечными обозами. Перевезли уже и тяжелые локомобили, приспособленные для движенія по шоссе

и даже простымъ проселочнымъ дорогамъ; эти локомобили потащутъ, куда слѣдуетъ, нашу осадную артиллерію, парки которой тоже уже перевезены на эту сторону. Вчера разразилась страшная буря съ ливнемъ, да какимъ ливнемъ, настоящимъ тропическимъ; попортила эта буря немного нашъ мостъ, часовъ на пять остановила движеніе, да скоро все было исправлено и возстановлено. А между тѣмъ эта буря принесла и не малую пользу: освѣжила воздухъ, смыла всѣ нечистоты, накопившіяся въ раіонѣ передвиженій и бивуачныхъ остановокъ такого громаднаго количества войскъ, прибила нѣсколько пыль по дорогамъ, положительно не дававшую свободно дышать. Солдаты очень рады этому дождечку и говорятъ: «чтобы хоша разъ въ недѣлю отпускать по такому же»... Проходятъ колонны бодро, весело, на бивуакахъ вѣчныя пѣсни и погромыхиваніе бубна, кое гдѣ и музыка слышна... Болѣзней никакихъ не слышно, по крайней мѣрѣ прибыли больныхъ въ лазаретахъ пока не ощущается. Кое-кто изъ раненыхъ за послѣднее время уже вернулись въ ряды, вернулись по доброй волѣ, потому что таковымъ, въ видѣ льготы, представлено право побывки на родину. Кони подвелись сильно, особенно въ регулярной кавалеріи; опытные кавалеристы говорятъ, впрочемъ, что это ничего, въ настоящее тѣло, молъ, входятъ, жиръ лишній спускаютъ, на ходу будутъ легче. Они и доказываютъ это на дѣлѣ, дѣлая чуть не ежедневно, въ постоянныхъ рекогносцировкахъ, сумасшедшіе переходы... Громадное преимущество нашей кавалеріи передъ турецкой, какъ въ численности, такъ и въ качествѣ, выказалось въ этихъ рекогносцировкахъ блистательно: неожиданное появленіе нашихъ кавалерійскихъ отрядовъ, то тамъ, то сямъ, совершенно сбило съ толку Абдулъ-Керима и его штабъ, и ободрило несчастныхъ болгаръ, жителей деревень и городковъ, дало имъ наконецъ возможность легко вздохнуть и избавиться отъ частыхъ посѣщеній черкесскихъ шаекъ, очистившихъ уже почти всѣ окрестности занятой нами территоріи.

Кстати о черкесахъ. Какъ эти «звѣрства турокъ» ни надоѣли, пестря столбцы нашихъ газетъ въ продолженіе почти двухъ лѣтъ, однако не могу пройти молчаніемъ того факта, что рѣдко проходитъ день безъ того, чтобы откуда-нибудь да не привезли сюда разныя осязательныя доказательства этихъ

звѣрствъ въ видѣ болгаръ и болгарокъ, или уже покончившихъ свое существованіе, или еще дышащихъ, могущихъ разсказывать даже свои приключенія... Каждый разъ въ такомъ случаѣ приглашается извѣстный нашъ другъ полковникъ Уэллеслей и его почтительнѣйше просятъ присмотрѣться и прислушаться, тычутъ, что называется, носомъ. Выраженіе лица полковника въ такія минуты ужасно какъ напоминаетъ мнѣ выраженіе котенка, которому наглядно даютъ понять всю неприличность его поведенія.

Всѣ эти жестокости и звѣрства, конечно, приписываются черкесамъ, баши-бузукамъ, мустагефизу и проч. иррегулярной сволочи; я охотно готовъ согласиться съ этимъ и еще болѣе охотно готовъ снять это позорное пятно съ турецкихъ регулярныхъ батальоновъ, — они положительно подкупаютъ меня своимъ честнымъ поведеніемъ на боевомъ полѣ, необыкновенною стойкостью, полнымъ презрѣніемъ къ смерти — это достойные противники нашихъ пѣхотинцевъ. Говорятъ только,—это даже подтверждали сами плѣнные, — что турецкимъ войскамъ якобы сообщено къ свѣдѣнію о необычайномъ варварствѣ русскихъ, рѣшившихся поголовно истребить все турецкое: имъ говорили, что русскіе никого изъ плѣнныхъ въ живыхъ не оставляютъ и предаютъ немедленно мучительнѣйшей смерти. Говорятъ, будто бы въ этомъ предупрежденіи кроется причина стойкости и отчаянной храбрости турецкихъ батальоновъ. Очень можетъ быть, потому что мнѣ не разъ приходилось наблюдать плѣнныхъ и это ласковое, гуманное обращеніе съ ними видимо было для нихъ пріятною неожиданностью. Тутъ даже начинаетъ появляться такое мнѣніе: одинъ штабный колонель такъ даже высказывалъ его, какъ результатъ своихъ зрѣлыхъ и глубоко обдуманныхъ помышленій.

«Я бы, говоритъ онъ, ей Богу не держалъ бы долго у себя этихъ плѣнныхъ, далъ бы имъ пожить недѣльку, другую между нашими солдатиками, далъ бы имъ отдохнуть, поправиться, да и вывелъ бы всѣхъ вонъ: гайда по своимъ частямъ обратно, да и съ Богомъ!.. Повѣрите ли, голову свою штабъ-офицерскую, совсѣмъ, съ кепи и съ султаномъ, даю на отсѣченіе, если на ту рокъ это не подѣйствуетъ, такъ и начнутъ сдаваться батальонами... Помилуйте, господа, видимое дѣло: изъ-за чего имъ драться?.. Они давно увѣрены, что ихъ въ

концѣ-концовъ отсюда выгонятъ, ничего путнаго отъ войны этой они не ожидаютъ, дерутся съ отчаянія, да со страха палки—вотъ и шабашъ. Голодные, холодные, общипанные... изъ-за какихъ же благъ и драться-то имъ иначе»...

Такъ говорилъ полковникъ, говорилъ съ жаромъ и ей Богу не безъ резона, по крайней мѣрѣ я отъ души готовъ согласиться съ нимъ въ полезности отпуска плѣнныхъ, только, конечно, не черкесовъ и баши-бузуковъ, ихъ даже и солдаты наши отдѣляютъ. «Турокъ,—говорятъ они,—особо, а черкесъ особо; съ тѣмъ воюй, а этого души, потому онъ звѣрь, хуже волка бѣшеннаго»...

Странная вещь! Вѣроятное это тоже результаты гуманнаго турецкаго управленія страною. Полковнику Уэллеслею на это обстоятельство указано тоже. Мы занимаемъ теперь мѣста, весьма густо населенныя болгарами, т. е. считавшіяся и не безъ основанія густо населенными, между тѣмъ васъ невольно поражаетъ эта пустота городовъ и деревень, эта масса запущенныхъ полей и садовъ и пустота жилищъ... Положимъ, что турецкое населеніе бѣжало съ прибытіемъ русскихъ и очень дурно сдѣлало, скажу мимоходомъ, но нельзя же допустить, чтобы вмѣстѣ съ турками бѣжали и болгары изъ страха приближенія русскихъ солдатъ. Уэллеслей, впрочемъ, думаетъ, что это такъ; по крайней мѣрѣ, когда ему удавалось справиться, наконецъ, съ выраженіемъ заподозрѣннаго котенка и принять снова свой нахальный чисто англійскій тонъ, онъ силился объяснить данное явленіе именно такимъ образомъ...

Эта часть Болгаріи носитъ на себѣ явные слѣды опустошенія: виноградники, оставленные безъ надлежащаго ухода, полуистребленные, не подвязанные и не разчищенные обѣщаютъ очень скудный урожай. Прошлогоднее вино, впрочемъ, кое у кого еще сохранилось въ потайныхъ погребахъ и въ глиняныхъ кувшинахъ, по мѣстному обычаю закопанныхъ въ землю. Болгары охотно и съ видимымъ удовольствіемъ подчуютъ этимъ виномъ нашихъ и отказываются брать деньги; они говорятъ, что милостью Господа рады, что хоть этимъ могутъ почествовать дорогихъ гостей, давно жданныхъ ими; они, сколько разъ разочарованные въ своихъ свѣтлыхъ надеждахъ, теперь почему-то убѣждены, словно предчувствуютъ, что на этотъ разъ для нихъ настала дѣйствительная минута полнаго избавленія,

безъ возможности поворота къ старому, ненавистному порядку вещей.

Недостатокъ въ странѣ жизненныхъ припасовъ ощущается полный; особенно теперь, при наплывѣ такой массы войскъ, страна положительно не можетъ прокормить нашихъ армій и главныя массы продовольствія везутся съ того берега. Товарищество уже получило предписаніе открыть здѣсь свои дѣйствія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; въ Систовѣ, въ Тырновѣ, въ Бѣлѣ основаны большіе склады муки, зернового хлѣба и прочихъ продуктовъ, въ этомъ намъ немного помогли и турки, оставивъ въ нашихъ рукахъ въ Систовѣ и Тырновѣ большіе запасы пшеницы и кукурузы, предназначавшіеся сначала для продовольствія турецкой арміи.

Всякое мародерство въ нашихъ войскахъ строго запрещено: ни одна казацкая коса не смѣетъ прикоснуться къ чужой былинкѣ, фуражировки только допускается на поляхъ принадлежащихъ или казнѣ, или частнымъ туркамъ, эмигрировавшимъ при приближеніи нашихъ войскъ, и то только въ такомъ случаѣ, когда принадлежность этихъ полей туркамъ будетъ заявлена самими болгарами и доказана ими фактически.

При неожиданныхъ, а, главное, непредвидѣнныхъ перемѣщеніяхъ войскъ, неизбѣжно случается, что выдача провіанта и его доставка замедляется, но это не бѣда. Всѣ войска имѣютъ съ собою не менѣе трехсуточнаго запаса на всякій случай, и подобное замедленіе не можетъ вызвать вредныхъ послѣдствій. Самою затруднительною частью снабженія и здѣсь, какъ и въ Румыніи, является сѣно. Надѣются, что съ освобожденіемъ водъ Дуная отъ турокъ, многое въ этомъ направленіи измѣнится къ лучшему. Для нашей арміи откроется прекрасный водяной путь для перевозки всего того, что запасено заблаговременно въ нашихъ магазинахъ и складахъ на лѣвомъ берегу рѣки, въ нижнемъ ея теченіи. Примѣромъ тому служитъ освобожденное русло Мачинскаго рукава, по которому наши суда теперь двигаются безпрепятственно, снабжая всѣмъ необходимымъ оперирующій въ Дебруджѣ корпусъ Циммермана.

На дняхъ разнесся слухъ о какихъ-то неудачахъ нашихъ въ Азіи. Слухъ этотъ быстро распространился даже въ рядахъ нашихъ солдатъ. Во всякой другой арміи подобное извѣстіе вызвало бы нѣкоторое уныніе и даже упадокъ духа, здѣсь

это вышло не такъ, здѣсь существуетъ прочная, духовная связь между самимъ царемъ и послѣднимъ солдатомъ и эта связь такъ ярко, такъ наглядно выразилась въ томъ, что наши солдаты рѣшили утѣшить своего батюшку и утѣшить такъ, чтобъ совсѣмъ изгладилось всякое грустное настроеніе, вызванное какою бы то ни было неудачею. Отъ вниманія солдатъ не ускользнуло то нѣсколько грустное, даже печальное выраженіе лица монарха, съ которымъ онъ впервые появился здѣсь въ средѣ своей арміи; отъ солдатъ не ускользнула и та перемѣна къ лучшему, свершившаяся въ этомъ дорогомъ для нихъ и для всякаго русскаго лицѣ. «Мы ему и нахмуриться не дадимъ,—говорятъ они,—пусть только глядитъ на насъ и тѣшится, а ужъ мы постараемся»!.. Эту фразу и массу подобныхъ не разъ я слышалъ здѣсь повсюду.

XII.

Представляя образчики двухъ противоположныхъ мнѣній въ англійской литературѣ о туркахъ, ихъ культурномъ значеніи и ближайшей будущности восточнаго вопроса, мы должны оговориться, что вовсе не думаемъ ставить на одну доску тѣ двѣ книги, заглавія которыхъ нами выставлены. Общаго между ними только типографская внѣшность и заглавіе. Но во всемъ прочемъ, не только въ политическихъ воззрѣніяхъ, но даже въ серьезности и авторскомъ достоинствѣ это два противоположные полюса. Можно сказать даже, что о злобномъ памфлетѣ, не столько направленномъ въ защиту турокъ, сколько имѣющемъ цѣлью нападки на Россію, не стоило бы вовсе упоминать, до того полно нелѣпостей курьезное произведеніе господина, назвавшаго себя громкимъ именемъ Джона Милля. Хочется вѣрить, что подобные продукты принадлежатъ перу не англичанина, а переодѣтаго мадьяра или еврея; кстати же, этотъ Джонъ Милль въ числѣ прочихъ своихъ произведеній, къ литературѣ мало относящихся, поименовалъ біографію Дизраэли. Очень можетъ быть, что авторъ единоплеменникъ перваго министра или, что еще вѣрнѣе, просто наемный писака. Разбирать эту книжку, украшенную на оберткѣ оттоманскимъ знаменемъ, мы, разумѣется, не будемъ, а лишь въ концѣ статьи представимъ изъ нея нѣсколько перловъ, какъ ради контраста

съ серьезнымъ трудомъ Фримена, такъ и въ видѣ курьеза, показывающаго, до чего простирается иногда политическая недобросовѣстность. При всей невозможности проводить внутреннюю параллель между сочиненіями Фримена и Джона Милля, самое появленіе произведеній, столь противоположныхъ по качеству и классу авторовъ и по политическимъ взглядамъ въ одной и той же литературѣ, въ одно и тоже время служитъ характернымъ признакомъ современнаго настроенія англійскаго общества по отношенію къ восточному вопросу. Люди науки, какъ Фрименъ, люди политическаго прогресса, какъ Гладстонъ, стоятъ за изгнаніе турокъ изъ Европы. Близорукіе практики и политики-рутинеры, продажные журналисты, англо-индійскіе купцы и эксплоататоры распинаются за турокъ. Фактъ раздвоенія англійской политической мысли относительно современнаго момента восточнаго вопроса несомнѣненъ.

Господствовавшему въ новѣйшей политической исторіи Англіи узкобуржуазному взгляду Пальмерстона, продолжаемому нынѣшними правителями, частію по близорукости и рутинѣ (Дерби), частію, какъ думаетъ Фрименъ, по азіатскому происхожденію (Биконсфильдъ), противопоставляется пока еще не сильное, но замѣтно усиливающееся теченіе, которое стремится вернуть англичанъ къ политикѣ благороднаго Каннинга. Это уже не честолюбивые прожекты, не политическій маневръ, которыми думали объяснить агитацію Гладстона. Фрименъ, хотя и членъ анти-турецкой лиги, но больше ученый, чѣмъ политическій дѣятель. Успленіе партіи свѣта и прогресса въ восточномъ вопросѣ среди британскаго народа показываетъ, что общечеловѣческія черты, присущія такому чистополитическому съ виду вопросу, какъ восточный, мало-по-малу обнажаются. Мы не говоримъ, что непремѣнно это послѣднее теченіе восторжествуетъ среди англичанъ. Быть можетъ, одержитъ еще разъ верхъ противная политика, такъ какъ непосредственнымъ активнымъ дѣятелемъ въ британской политикѣ является все-таки еще буржуазія, а всякій элементъ барышничества, наживы, кулачества всѣхъ видовъ всюду, какъ по командѣ, становится враждебенъ балканскимъ христіанамъ и благосклоненъ къ туркамъ. Въ прекрасной книгѣ Фримена мы находимъ и объясненіе этого общечеловѣческаго оттѣнка русско-турецкой распри. Всякіе авантюристы, люди съ темнымъ прошлымъ, жадные до денегъ,

сознаютъ, что имъ въ нынѣшней Турецкой имперіи обширное поле для наживы. Суровый, варварскій, но не лишенный нѣкотораго своеобразнаго величія духъ прежнихъ оттомановъ смѣнился развратнымъ, изнѣженнымъ, но по прежнему варварскимъ духомъ придворной олигархіи, въ которой играютъ роль всякаго рода проходимцы, принявшіе мусульманство изъ-за выгодъ, и молодые турки, владѣющіе иностранными языками, но на этомъ, на европейскихъ титулахъ и костюмѣ и покончившіе съ европейской цивилизаціей, поддѣлку по которую они показываютъ Европѣ. Прежніе деспоты-султаны и наслѣдственные областные паши, хотя жестокіе, но заинтересованные нѣсколько въ сравнительномъ благосостояніи управляемой ими земли, смѣнились столь же кровожадными при случаѣ, но думающими только о наживѣ пашами и правителями, держащими въ рукахъ ничтожныхъ султановъ.

Книжка Фримена раздѣляется на историческую часть и разсмотрѣніе современнаго практическаго вопроса. Въ историческомъ изслѣдованіи авторъ лице вполнѣ компетентное. Въ числѣ его историческихъ трудовъ находятся такіе, которые показываютъ спеціальное изученіе Востока. Такова исторія сарациновъ, въ которой разсматриваемое нами сочиненіе служитъ дополненіемъ; таковы многія журнальныя работы со времени крымской войны. Въ спискѣ ихъ мы находимъ «опыты» о Византійской имперіи, о магометанствѣ, о греческомъ народѣ, о восточной церкви, о Черногоріи, изслѣдованія о расѣ и языкѣ, и т. п. Въ настоящій трудъ, и особенно въ его обширную и блестящую историческую часть вошли, безъ сомнѣнія, выводы изъ прежнихъ трудовъ ученаго автора. При всей живости, мѣстами даже страстности изложенія, читатель видитъ, что имѣетъ дѣло съ научнымъ, строго логическимъ и безпристрастнымъ умомъ, чуждымъ односторонности и политическаго озлобленія. Это могло бы усилить довѣріе къ автору его соотечественниковъ, которыхъ онъ, очевидно, и имѣетъ въ виду въ своей крайне подробной исторической аргументаціи. Мы постараемся привести лишь самыя существенныя черты ея и затѣмъ скажемъ о взглядахъ Фримена въ области практической политики относительно Балканскаго полуострова.

Считая четырехсотлѣтнее пребываніе турокъ на юго-востокѣ Европы ненормальнымъ явленіемъ, а самихъ турокъ постоян-

нымъ вооруженныхъ лагеремъ, власть ихъ чужеземнымъ военнымъ занятіемъ, которое съ тѣхъ поръ не потеряло такой своей отличительной черты, авторъ видитъ причину этого не только въ національномъ характерѣ оттоманскихъ турокъ и основныхъ свойствахъ магометанской религіи, но и въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ различія между восточной и западной Европой, которые облегчили туркамъ занятіе этихъ земель и непосредственно вліяли на отношенія турокъ къ покореннымъ національностямъ и на взаимныя отношенія этихъ національностей.

На востокѣ Европы различія расы и языка гораздо болѣе выпуклы и прочны, чѣмъ на западѣ; религіозная разность также больше обусловливаетъ тамъ собою характеръ той или другой національности. На западѣ, напримѣръ, политическому единству Франціи не грозитъ то обстоятельство, что въ предѣлахъ Франціи говорятъ на фламандскомъ, валломскомъ, бретонскомъ, баскскомъ и провансальскомъ языкахъ, и притомъ каждая страна имѣетъ одинъ изъ двухъ господствующихъ типовъ, романскій или тевтонскій, при полной исключительности и политическомъ ничтожествѣ всякихъ отступленій отъ нихъ, на юго-востокѣ Европы всѣ расы, которыя жили тамъ при началѣ историческихъ временъ, и нѣкоторыя изъ пришедшихъ въ позднѣйшее время, остаются настоящими націями, съ своимъ языкомъ, съ живымъ національнымъ чувствомъ, имѣя свою большую или меньшую долю участія въ текущей политикѣ. Греки, албанцы, румыны, соотвѣтствующіе, въ сущности, западно-европейскимъ баскамъ и бретонамъ, составляютъ на Балканскомъ полуостровѣ три живыя и обособленныя націи, рядомъ со славянами, которые пришли позже, подобно западнымъ тевтонамъ. Эта обособленность расъ и языковъ проявляется не только подъ турецкою властью, но и въ земляхъ австро-венгерской монархіи, и происходитъ, по мнѣнію автора, отъ двухъ причинъ: отъ различнаго положенія Римской имперіи на западѣ и на востокѣ Европы, и отъ присутствія на востокѣ такихъ элементовъ, какихъ не было на западѣ. Общими востоку и западу элементами являются первобытныя національности, затѣмъ римская власть и арійскія національности, появившіяся уже послѣ утвержденія римской власти; впрочемъ, размѣры и взаимныя отношенія этихъ элементовъ на востокѣ и западѣ были неодинаковы, вслѣдствіе

неодинаковаго характера римской власти въ томъ и другомъ случаѣ. Но особенность востока составляютъ неарійскія расы, зашедшія туда впослѣдствіи, и изъ нихъ преимущественно турки. Нѣкоторыя изъ этихъ неарійскихъ расъ такъ или иначе оевропеились, или ассимилировались со своими сосѣдями, какъ болгары, или, принявъ христіанство и цивилизацію съ запада, остались среди сосѣдей отдѣльною національностью, которую сохраняютъ и до сихъ поръ, таковы мадьяры. Славяне пришли въ Восточную имперію, какъ тевтоны въ Западную, въ качествѣ плѣнныхъ, наемниковъ и союзниковъ и, наконецъ, завоевателей, переняли религію имперіи и многое изъ ея цивилизаціи, но остались отдѣльнымъ политическимъ цѣлымъ, не сдѣлались ни греками, ни римлянами.

Существованіе греческой націи и греческой цивилизаціи (которая была выше римской) сохранило обособленными древнѣйшія національности, а полугреческій, полуримскій характеръ Восточной имперіи, въ соединеніи съ централизаціей всей ея власти въ одномъ городѣ, сохранилъ обособленность пришлыхъ національностей и, главнымъ образомъ, славянъ. Такимъ образомъ, греки, иллирійцы (албанцы), фракійцы (румыны) и славяне стояли особнякомъ при появленіи азіатскихъ завоевателей и остаются такими до сихъ поръ. При всемъ томъ, у нихъ оставалось и общее наслѣдіе, арійское происхожденіе, христіанская религія и вліяніе греческой и римской культуры. Оттоманскіе турки, заставъ уже такую обособленность восточноевропейскихъ племенъ, добились успѣха частью именно вслѣдствіе этой обособленности и недостатка единства между побѣжденными племенами. Сами турки не могли слиться съ подвластными племенами, не могли даже стать просто рядомъ съ прочими національностями юго-восточной Европы ни какъ сосѣди, ни какъ обыкновенные враги, потому что не имѣютъ доли въ общемъ наслѣдіи европейскихъ націй, т. е. не только принадлежатъ къ другой отрасли человѣческой семьи, но не имѣютъ участія въ ихъ исторіи, воспоминаніяхъ, цивилизаціи, а, самое главное, исповѣдуютъ магометанскую религію. Турки вышли изъ Турана, центральной Азіи и гораздо болѣе далеки отъ арійскихъ, даже отъ семитическихъ націй, чѣмъ каждая изъ этихъ послѣднихъ отъ насъ. Турки дальше отъ европейцевъ, чѣмъ такія, далеко ушедшія отъ насъ по культурѣ от-

расли арійскаго племени, какъ персы и индусы, дальше даже своихъ семитическихъ предшественниковъ, отъ которыхъ приняли магометанство, арабовъ и сарацинъ. Правда, турки въ Европѣ составляютъ, до нѣкоторой степени, искусственную націю, отъ примѣси европейскихъ ренегатовъ и христіанской молодежи, насильственно обращавшейся въ исламъ и въ турецкое войско; но основная закваска племени осталась та же самая, ассимилировались турками только эти европейскія примѣси. Примѣръ болгаръ и мадьяръ, которые, несмотря на родство съ турками, сами были ими порабощены, показываетъ, что причину несовмѣстимости турокъ съ европейской цивилизаціей слѣдуетъ искать не только въ туранскомъ происхожденіи ихъ, но и еще въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, сдѣлавшихъ турокъ навсегда чуждыми Европѣ. Причину этого Фрименъ видитъ въ національномъ существѣ европейскихъ турокъ, въ историческихъ условіяхъ ихъ жизни и въ особенности въ магометанской религіи. Болгары подчинились вліянію греческому, мадьяры—латинскому, и сообразно этому получили извѣстное участіе въ интересахъ окружающаго, получили тяготѣніе къ европейскимъ культурнымъ центрамъ. Турки, явившись безусловно только завоевателями, не были ни въ какомъ отношеніи учениками Европы. Если нѣкоторые новѣйшіе турки выучились европейскимъ языкамъ и стали носить европейское платье, то это не идетъ ни въ какое сравненіе съ тѣмъ глубокимъ нравственнымъ вліяніемъ, какое Римъ произвелъ на тевтоновъ, а Константинополь на славянъ. Но главную черту различія между турками и европейцами Фрименъ видитъ въ магометанствѣ. Болгары и мадьяры сдѣлались членами европейской семьи потому, что приняли христіанство одни въ восточной, другіе въ западной его формѣ. Тѣ и другіе могли усвоить себѣ религію и цивилизацію Европы потому, что явились въ Европу язычниками и отстояли отъ религіи и цивилизаціи Европы дальше, чѣмъ турки, которые пришли въ Европу уже магометанами. Они не могутъ сдѣлаться европейской націей, пока остаются магометанами, — поясняетъ авторъ, — а нѣтъ примѣра, чтобъ магометанская нація приняла другую религію, а именно христіанство. Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что полуцивилизація востока является помѣхой полной цивилизаціи запада, труднѣе поддается послѣдней, тогда какъ вовсе нецивили-

лизованныя, грубыя племена западной, сѣверной и восточной Европы легко усвоили себѣ религію и цивилизацію Рима. Правда, не каждое магометанское правительство отличалось такими дурными свойствами, какъ оттоманское, многія были гораздо лучше его, особенно для своего времени, но авторъ утверждаетъ, путемъ подробнаго анализа мусульманства, подкрѣпляемаго историческими примѣрами, что ни одно мусульманское правительство не можетъ дать своимъ иновѣрнымъ подданнымъ хорошаго правительства въ западно-европейскомъ смыслѣ, ни одна магометанская нація не въ состояніи сдѣлаться членомъ цивилизованной семьи націй, какъ европейскія христіанскія націи. Не обобщая вопроса о томъ, можетъ ли нація какой-либо третьей религіи успѣшно усвоить себѣ европейскую цивилизацію (въ доказательство такой возможности мы указали бы на Японію), авторъ разбираетъ культурныя отношенія между христіанствомъ и магометанствомъ и, какъ лучшимъ, т. е. наиболѣе рьянымъ, фанатическимъ выраженіемъ послѣдняго, оттоманскими турками. Христіанство и магометанство, по взгляду Фримена, постоянно болѣе соперничали между собою, чѣмъ какія бы то ни было другія религіи, и даже при самыхъ лучшихъ мусульманскихъ правителяхъ, невѣрные (а въ особенности христіане) не могли быть никогда поставлены на одинъ уровень съ правовѣрными; магометане всегда были властителями, а христіане или вообще не-мусульмане, подвластными, въ силу требованій Корана. Путемъ уплаты дани, они могутъ купить себѣ право на сохраненіе жизни и собственности и на отправленіе своихъ религіозныхъ обязанностей; въ качествѣ не-мусульманъ, они не подлежатъ непремѣнно смерти, заточенію или чему-нибудь подобному, и въ этомъ отношеніи ихъ положеніе лучше положенія еретиковъ при нѣкоторыхъ, особенно средневѣковыхъ христіанскихъ правительствахъ. Но даже религіознаго равенства нѣтъ. Христіанство можетъ пользоваться, самое большое, терпимостью, соединенною съ презрѣніемъ. Магометанинъ не можетъ принять христіанство подъ страхомъ смерти. Завоеванный мусульманами иновѣрный народъ, пока остается вѣренъ своей религіи, составляетъ обособленное низшее общество, которому напоминается во всемъ, что онъ подвластенъ мусульманамъ. При существованіи подобнаго закона, какъ бы хорошъ фактически ни былъ

данный мусульманскій правитель, практика неизбѣжно вырабатаетъ положеніе еще худшее, потому что основывается на воображаемомъ Божескомъ законѣ, который не можетъ быть отмѣненъ свѣтскими законоположеніями и правителями. Исторія показываетъ, что презрительная терпимость, обезпечиваемая христіанамъ мусульманскимъ закономъ, легко переходитъ, при случаѣ, подъ вліяніемъ людскихъ страстей, въ личное насиліе, выражающееся даже вспышками преслѣдованія. Христіанскіе подданные другихъ магометанскихъ правительствъ часто жили гораздо лучше христіанскихъ турецкихъ подданныхъ, но и самое лучшее ихъ положеніе, по нынѣшнимъ западно-европейскимъ понятіямъ, слѣдовало бы признать дурнымъ.

Дѣло въ томъ, что магометанство, прежде всего, религія завоевательная и миссіонерская, притомъ миссіонерская по принципу, путемъ меча, тогда какъ христіанство, когда и распространялось этимъ способомъ, то лишь по доброй волѣ королей и епископовъ. Мусульманство исключительно враждебно христіанству потому, что обѣ эти религіи представляютъ собою враждебныя взаимно системы соціальной и политической жизни, и притомъ имѣющія между собою много общаго. Отсюда ожесточенность борьбы между этими двумя религіями, какой не было при борьбѣ съ язычествомъ; язычники, которые приняли какъ христіанство, такъ и магометанство, въ обоихъ случаяхъ возвышались по нравственнымъ, общественнымъ и религіознымъ понятіямъ. Но христіанскія націи доступны прогрессу, потому что ихъ религія, установляя нравственныя евангельскія правила, не установляетъ правилъ общежитія, обязательныхъ для всякаго общества, для всякой эпохи. Коранъ же именно установляетъ такія правила, которыя могли составлять великую реформу для арабовъ VII столѣтія, но не годятся въ приложеніи ко всѣмъ народамъ и во всѣ времена. Такъ, отношеніе между духовною и свѣтскою властью у христіанскихъ націй не имѣетъ религіозной обязательности и устанавливается различно, а магометанская религія установляетъ разъ навсегда, что преемникъ пророка, калифъ, совмѣщаетъ въ себѣ и папскую, и императорскую власть, что между церковью и государствомъ различія нѣтъ, какъ нѣтъ его между религіозными и гражданскими обязанностями. По замѣчанію автора, такое поглощеніе свѣтской жизни религіозною въ исламѣ имѣетъ и

свою хорошую сторону, — способствуетъ усиленію нравственныхъ правилъ въ сношеніяхъ между правовѣрными и заставляетъ ихъ не стыдиться своей религіи, что далеко не всегда можно сказать о христіанахъ. Если бы исламъ не выходилъ за предѣлы Аравіи и не освятилъ такихъ древнихъ бичей восточнаго міра, какъ многоженство и рабство, то, по мнѣнію автора, Магомета можно бы было отнести къ числу величайшихъ благодѣтелей человѣчества. Но тѣ самыя черты, которыя составляютъ хорошую сторону исламизма во взаимныхъ отношеніяхъ мусульманъ, дѣлаютъ мусульманство худшею изъ всѣхъ религій при соприкосновеніи магометанъ съ иновѣрцами.

Дурныя свойства этой религіи выразились полнѣе всего въ оттоманскихъ туркахъ; у другихъ мусульманъ тѣ же тенденціи, по разнымъ причинамъ, не получили полнаго развитія. Суровый, фанатическій народъ, составлявшій въ началѣ скорѣе шайку авантюристовъ, чѣмъ націю, эти турки имѣли цѣлый рядъ правителей даровитыхъ по отношенію къ завоеваніямъ и господству надъ другими народами. Оттоманскіе турки были только завоевателями и не обладали ни однимъ изъ тѣхъ возвышенныхъ качествъ, какія иногда отличали другія магометанскія націи. Какъ только они перестали завоевывать, такъ начался упадокъ ихъ имперіи; поэтому ихъ нельзя и сравнивать съ первыми сарацинами или съ индійскими монголами. Сарацины на востокѣ и на западѣ занимаютъ свое опредѣленное мѣсто въ исторіи науки и искусства; турки никогда не занимали никакого; ихъ въ этомъ отношеніи должно поставить ниже арабовъ и персовъ.

Оставаясь магометанами, турки не могли дать національнаго правительства завоеванными ими, вполнѣ сложившимся націямъ, которыя остались христіанами и не поднялись сами — путемъ вѣнегатства, до уровня завоевателей въ Турецкой имперіи. Простое различіе между завоевателями и завоеванными могло бы еще сгладиться со временемъ, но, усиленный различіемъ религіи, процессъ завоеванія не забылся въ продолженіи почти 500 лѣтъ. Потому-то турки сами и составляютъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ сущности только оккупаціонную армію самаго худшаго сорта, вооруженный лагерь, который расположился на земляхъ другихъ, обезоруженныхъ націй и силою низложилъ законныхъ собственниковъ этихъ земель.

Разница противъ всякой другой арміи лишь въ томъ, что каждая имѣетъ дисциплину, которой нѣтъ среди турокъ. Только этимъ отсутствіемъ дисциплины и отличается турецкое чужеземное войско на греческихъ и славянскихъ земляхъ отъ нѣмецкихъ войскъ, недавно занимавшихъ Францію. Худшую часть оккупаціонной арміи турокъ составляютъ не солдаты султана, а простые вооруженные турки, рыскающіе гдѣ хотятъ и дѣлающіе что хотятъ.

XIII.

Фриманъ предостерегаетъ, что такія слова, какъ «государь», «подданный», «правительство», «законъ», въ примѣненіи къ туркамъ надобно принимать не въ общепринятомъ смыслѣ. Подданный британскій — членъ того политическаго организма, главою котораго англійская королева, но назвать болгарина оттоманскимъ подданнымъ, значитъ только признать, что онъ принадлежитъ къ той собирательной единицѣ, которую держитъ въ порабощеніи другая такая же единица, и что главою послѣдней оттоманскій султанъ, т. е. что болгаринъ-подданный не только султана, но и всѣхъ простыхъ турокъ. Въ цивилизованномъ обществѣ обязанности государя и подданнаго взаимны: подданный обязанъ вѣрностью государю, который дастъ ему охрану; государь оказываетъ покровительство подданному, который присягнулъ ему въ вѣрности; даже глава государства, не имѣющаго конституціи, составляетъ главу своей націи, имѣетъ общіе съ нею интересы и чувства. Это послѣднее примѣнимо еще къ отношеніямъ между султаномъ и настоящими турками: султанъ ихъ государь, глава ихъ націи, турки подданные султана, если не въ англійскомъ, то въ русскомъ смыслѣ. Но по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ султанъ вовсе не глава ихъ націи, онъ глава чуждой націи, которую они читаютъ своимъ злѣйшимъ врагомъ. Они не подданные его, потому что не видятъ отъ него покровительства, а потому не обязаны ему и вѣрностью. Они подвластны султану только въ томъ смыслѣ, что подчинены ему силою. Короче, власть турокъ надъ христіанскими націями основана на силѣ, а не на правѣ. Постановленія Корана, служащія основою свѣтскаго закона, разсчитаны на интересы правовѣрныхъ мусульманъ. Покровительство закона христіанину пустой звукъ, потому

что невѣрный не можетъ быть свидѣтелемъ противъ правовѣрнаго въ судѣ, если бы даже судъ и былъ склоненъ разобрать дѣло по справедливости. Это — въ теоріи. Практика можетъ быть и лучше и хуже, по обстоятельствамъ. Ясно, поэтому, что по отношенію къ христіанамъ въ Турціи слова «законъ» и «правительство» нельзя принимать въ обыкновенномъ смыслѣ. Сообразно этому, другія европейскія народности, живущія при неограниченномъ, конституціонномъ или республиканскомъ правленіи, могутъ желать преобразованія своего правительства въ томъ или иномъ смыслѣ, но никто не добивается полнаго смѣщенія его, т. е. даже недовольные все-таки желаютъ оставаться членами политическаго общества швейцарскаго, англійскаго, русскаго и т. п. Но христіанскіе подданные турецкаго правительства не могутъ желать только преобразованій, передѣлки его по извѣстному европейскому образцу, а желаютъ совсѣмъ отъ него освободиться потому, что вовсе не состоятъ членами турецкаго политическаго общества, а поставлены внѣ всякаго политическаго общества, они даже не могутъ желать сдѣлаться членами турецкой политической единицы, потому что принадлежатъ къ своей національности, не имѣющей ничего общаго съ турецкою, чужеземною и враждебною имъ. Авторъ также разъединяетъ, какъ должно понимать слова «Турція», «интересы, друзья, враги Турціи» и т. п. Если подъ Турціей понимать землю и народъ, надъ которыми властвуютъ турки, то не слѣдуетъ забывать, что истинные интересы Турціи противны интересамъ турокъ; интересы турокъ держать въ рабствѣ землю и народъ, т. е., Турцію; интересы Турціи—освободиться отъ рабства турокъ. Поэтому на недавней конференціи авторъ видѣлъ двухъ пашей, представителей турокъ, но не видалъ представителей Турціи, т. е., страны и народа. Выводъ изъ всего этого тотъ, что система, по которой порабощеніе массы народа считается у господствующаго племени религіознымъ долгомъ, неспособна къ реформѣ, и положить конецъ нынѣшнему состоянію вещей можно только или путемъ перемѣны религіи которой нибудь изъ сторонъ, что практически невозможно, или передачею власть въ руки тѣхъ, при комъ враждующія расы и религіи возможно поставить на равную ногу. Но это возможно только при христіанскомъ правительствѣ; магометан-

ское, даже самое лучшее, правительство можетъ, въ крайнемъ случаѣ, только оградить на разъ своихъ мусульманскихъ подданныхъ отъ преслѣдованія, отъ личнаго насилія; даровать общее равенство правъ оно не можетъ, не отказываясь отъ ислама.

Говоря о магометанахъ, авторъ различаетъ турокъ отъ сарациновъ, и оттоманскихъ турокъ отъ прочихъ турокъ. Сарацины покорили турокъ и обратили ихъ въ мусульманство, и съ тѣхъ поръ турки начинаютъ играть роль въ политической исторіи, въ видѣ различныхъ племенъ, сначала подвластныхъ калифамъ. Владѣнія калифовъ распались на части, которыми владѣли, большею частію, турецкіе властители подъ номинальною властью калифовъ. Въ XI вѣкѣ въ Азіи наибольшею властью пользовались сельджукскіе турки, которые направили свои завоеванія къ западу и имѣли больше столкновеній съ христіанами, чѣмъ какое бы то ни было изъ прежнихъ турецкихъ племенъ. Замѣчательно, что съ этихъ именно поръ и начинается притѣсненіе христіанъ подъ мусульманскимъ господствомъ. Даже при сарацинахъ христіанъ притѣсняли, иногда бывали и преслѣдованія, а турки, даже тѣ первые турки лучшаго образца, были грубѣе и фанатичнѣе сарациновъ, и ихъ то притѣсненія туземныхъ христіанъ и пилигримовъ вызвали тѣ громкія мольбы о помощи, которыя повели къ крестовымъ походамъ. Эти походы, ослабивъ и сельджукскихъ турокъ и Византійскую имперію, расчистили путь оттоманамъ. Авторъ считаетъ неосновательнымъ обвиненіе Византійской имперіи въ дряхлости и безжизненности за все время ея существованія. Напротивъ, нужно было обладать большою жизненностью и энергіею, чтобъ столько столѣтій отбиваться отъ враговъ, тѣснившихъ имперію со всѣхъ сторонъ, и по временамъ дѣлать еще пріобрѣтенія земель. Были періоды упадка, были періоды и процвѣтанія, но окончательнымъ упадкомъ можно считать только послѣднія полтора столѣтія, когда имперія раздробилась на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ и должна была отбиваться не только отъ турокъ, но и отъ славянскихъ народностей съ сѣвера, и даже отъ крестоносцевъ, основавшихъ было латинскую имперію и нѣсколько феодальныхъ владѣній. Въ послѣднее время имперія ограничивалась только Константинополемъ съ его округомъ и

нѣсколькими владѣніями въ Пелопоннезѣ и Малой Азіи. Первое появленіе оттомановъ авторъ, на основаніи легенды, описываетъ такъ: въ битвѣ между сельджукскими турками и монголами турки казались уже побѣжденными, когда къ нимъ на выручку явилась бродячая толпа неизвѣстныхъ турокъ съ дальняго востока, подъ предводительствомъ Эртогрула. Въ награду за помощь сельджукскому султану, пришельцы получили земли, которыя мало-по-малу выросли въ Оттоманскую имперію, расширяясь частію на счетъ никейскихъ грековъ, частію на счетъ другихъ турецкихъ эмировъ. На развалинахъ могущества сельджуковъ явилась власть потомковъ Огмана, сына Эртогрула, и ни одинъ восточный потентатъ не имѣлъ такого продолжительнаго существованія, какъ династія Огмана. Могущество оттомановъ пережило даже тѣ причины, которыя сломили первыя турецкія династіи, но оттоманы же и представляютъ примѣры такой нравственной порчи, какой не было у прежнихъ турокъ. Оттоманскіе турки никогда не были націей въ строгомъ мыслѣ слова. Характеръ бродячей орды провился у нихъ даже въ пору высокаго ихъ могущества. Народомъ осѣдлымъ, земледѣльческимъ они не сдѣлались нигдѣ. Гдѣ не было христіанъ, тамъ они властвовали надъ другими мусульманами. Оставаясь завоевательной арміей, они сначала не лишены были даже нѣкотораго своеобразнаго величія. Пока оттоманскіе правители были сильны завоевательны, до тѣхъ поръ существовала въ ихъ правленіи хорошая сторона. Сильный деспотъ больше слабаго подходитъ къ образчику хорошаго правителя. Какъ ни велики могутъ быть его собственныя преступленія, но онъ все-таки налагаетъ узду на притѣсненія другихъ. Когда сильная власть султановъ начала слабѣть, тогда-то и выказались черныя стороны турецкаго правленія. Къ произволу присоединилась подкупность, и слабые султаны не въ состояніи уже были держать своихъ слугъ въ порядкѣ. Не первые оттоманскіе правители были великими полководцами и, по своему, замѣчательными государственными людьми. Величайшимъ изъ нихъ и въ то же время однимъ изъ самыхъ жестокихъ былъ Магометъ II, который завоевалъ Константинополь.

Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ его очеркѣ царствованія первыхъ турецкихъ султановъ и разрушенія ими Визан-

тійской имперіи. Въ эпоху наибольшаго своего развитія, Оттоманская имперія занимала въ Европѣ огромное пространство, включая въ себѣ почти всю нынѣшнюю Венгрію и Подолію, въ Италіи Отранто, а въ качествѣ вассальныхъ земель: Трансильванію, Молдавію и Крымъ. Причину такого неслыханнаго успѣха авторъ видитъ какъ въ юношеской свѣжести самихъ оттомановъ, ихъ военномъ и религіозномъ энтузіазмѣ, способности первыхъ султановъ, такъ и въ разъединенности юго-восточной Европы, взаимной зависти ея владѣтелей, неимѣніи у многихъ изъ нихъ истинной основы національной жизни и раздорахъ между восточною и западною христіанскими церквами. Подобное тому едва не случилось съ самими оттоманами. Византійская имперія могла на мгновеніе считать себя спасенною отъ окончательнаго погрома, когда Тимуръ, принадлежавшій къ шіитской сектѣ, возбудилъ религіозную войну противъ суннитовъ и истребилъ оттоманское войско Баязета. При Сулеймане турецкое владычество въ Европѣ достигло высшей степени, а съ Селима II, именно съ несчастной для турокъ лепантской битвы стало клониться къ упадку: непосредственной потери отъ нея турки не потерпѣли, но обаяніе ихъ непобѣдимости было уже разсѣяно, а съ военною силою стала исчезать и нравственная ихъ сила; власть султановъ слабѣла, власть пашей увеличивалась.

Уже въ XVII столѣтіи ослабленіе имперіи было такъ замѣтно, что ждали ея паденія. Если этого не случилось до сихъ поръ, несмотря на безпрерывное внутреннее разложеніе, несмотря на постоянную потерю провинцій и освобожденіе подвластныхъ народностей, то [illegible]му причиною частію существованіе одной и той же царствующей династіи, освященной, въ глазахъ правовѣрныхъ, званіемъ калифовъ, преемниковъ пророка [illegible]тію въ счастливомъ положеніи Константинополя, которое давало возможность и Византіи долго держаться даже при худшихъ обстоятельствахъ, чѣмъ какимъ когда либо подвергались оттоманы.

Авторъ не находитъ въ исторіи другой столь громадной и живучей власти, которая бы вполнѣ основывалась на приниженіи и развращеніи народной массы. Другія обширныя монархіи, какъ, напримѣръ, Римская, дѣлали зло міру, но дѣлали и добро. Разрушая, Римъ также и создавалъ, покоряя на-

роды, вносилъ въ нихъ цивилизацію; даже притѣсняя подвластныхъ, оказывалъ на нихъ воспитательное вліяніе, передалъ Европѣ языкъ, право, религію. Турки не могутъ представить исторіи эквивалента за совершаемыя ими нѣсколько вѣковъ притѣсненія и насилія. Турецкое иго прочно установилось только благодаря раздорамъ между греками, славянами, франками, между католиками и православными; пятивѣковое рабство должно бы научить ихъ единенію и терпимости, но едва ли научило; даже въ новѣйшее время мы видѣли примѣры противнаго, и до сихъ поръ слышатся мнѣнія, что турецкое господство необходимо, какъ связующее звено между греками сербами, болгарами, которые иначе всѣ бы пересорились между собою.

Говоря о началѣ войнъ Россіи съ турками, авторъ замѣчаетъ, что цѣлью Россіи было открыть себѣ свободный доступъ къ морю, когда еще Петръ Великій добивался Азова, и что съ каждымъ шагомъ Россіи на счетъ Турціи, у подвластныхъ христіанъ являлась надежда сбросить иго турокъ прямымъ или косвеннымъ путемъ, и они мало-по-малу привыкли ожидать себѣ освобожденія изъ Россіи. Вообще возстанія подвластныхъ племенъ составляютъ характеристическую черту новѣйшей исторіи Турціи.

Рисуя отношеніе европейскихъ державъ къ этимъ возстаніямъ, авторъ съ величайшимъ сочувствіемъ относится къ дѣятельности Каннинга, разумнымъ и человѣчнымъ взглядамъ котораго греки обязаны участіемъ Англіи въ битвѣ при Наваринѣ. Правда, въ слѣдующей же тронной рѣчи короля наваринская битва названа была «несчастнымъ событіемъ»; великаго министра смѣнили маленькіе дипломаты, и Англія не раздѣлила славы Россіи и Франціи въ усмиреніи турокъ и освобожденіи Греціи. Говоря объ урѣзкѣ границъ этой страны, авторъ замѣчаетъ: «дипломатія обыкновенно не понимаетъ ни фактовъ прошлаго, ни потребностей настоящаго.

Дипломатія всегда думаетъ, что можетъ все уладить простыми словами и бумагами; мысли, желанія, чувства націй она упускаетъ изъ виду. Политика державъ относительно Греціи очень похожа на такое устройство швейцарскаго союза, при которомъ признано было бы возможнымъ соединить Ури, Швицъ и Унтервальденъ, допустить къ нимъ даже и Люцернъ,

но ни подъ какимъ видомъ не допускать въ союзъ Берна или Цюриха. Къ счастію, въ XIV вѣкѣ не было дипломатіи, и націи могли развиваться, въ XIX вѣкѣ существуетъ дипломатія и развитіе національностей стѣснено».

Съ горькимъ чувствомъ отзывается авторъ о крымской войнѣ, когда союзницей турокъ явилась та же Англія, которая помогла сокрушить ихъ власть въ 1827 году. Быть союзникомъ турокъ, объясняетъ авторъ, значитъ быть врагомъ тѣхъ народностей, которыхъ они угнетаютъ.

Шагъ за шагомъ разбираетъ Фрименъ совершившуюся на нашихъ глазахъ исторію парижскаго мира, лживыхъ турецкихъ реформъ, гатти—гумаюновъ и т. п. По его мнѣнію, тиранія сдѣлалась еще хуже, потому что исходитъ не отъ самихъ султановъ, а отъ шайки ихъ приближенныхъ. Съ усиленіемъ централизаціи исчезла послѣдняя надежда у притѣсняемыхъ на улучшеніе ихъ участи. Христіанами правятъ такіе люди, которые во всякой другой странѣ попали бы въ тюрьму или на висѣлицу. «Нѣтъ варвара опаснѣе того, который умѣетъ прослыть человѣкомъ цивилизованнымъ»,—замѣчаетъ авторъ. Прошлогднія болгарскія звѣрства были естественнымъ послѣдствіемъ принципа независимости и цѣлости Оттоманской имперіи и невмѣшательства державъ въ отношеніи между султаномъ и его подданными.

Если свободные греки и славяне помогаютъ своимъ притѣсненнымъ братьямъ, то странно говорить, по поводу этого, о чужеземныхъ интригахъ и агитаціи. Конституцію Мидхата авторъ считаетъ довершеніемъ централизаціи, уничтоженіемъ послѣднихъ слѣдовъ общинной самостоятельности и ухудшающимъ судьбу христіанъ средствомъ; благосклонный деспотъ можетъ еще высказать справедливость ко всѣмъ подвластнымъ ему націямъ, но парламентъ, общій для нѣсколькихъ націй, неимѣющихъ между собою ничего общаго и ненавидящихъ другъ друга, непремѣнно будетъ издавать законы въ интересѣ большинства и въ ущербъ меньшинству, т. е. христіанскому населенію. Притомъ, греки и славяне, участники въ европейской цивилизаціи, не могутъ отказаться отъ своего историческаго прошлаго и принять имя «оттомановъ». Традиціонное предубѣжденіе Англіи противъ восточныхъ христіанъ авторъ старается объяснить общимъ на Западѣ нерасположеніемъ къ

православной церкви, но при всемъ томъ подтверждаетъ, что въ англійскомъ народѣ произошелъ взрывъ негодованія противъ турокъ, когда ему было разъяснено, что они такое.

Нежеланіе министерства слѣдовать голосу англійскаго народа вызываетъ у автора много рѣзкихъ словъ о политикѣ «энергическаго ничегонедѣланія», которой слѣдуетъ лордъ Дерби, о еврейскихъ симпатіяхъ и враждѣ къ восточнымъ христіанамъ, лорда Биконсфильда, о безстыдномъ и узкомъ служеніи мнимымъ интересамъ Британіи со стороны Эллиота. Всѣхъ этихъ дѣятелей Фрименъ заклеймилъ по достоинству. Онъ заклеймилъ ту «новую нравственность», которая сказалась въ дѣйствіяхъ лорда Эллиота, и напомнилъ соотечественникамъ полныя негодованія слова Чатама по подобному же поводу, напомнилъ объ Англіи Каннинга и Кодрингтона, Байрона и Гастингса, которая должна искупить грѣхъ поддержки ея потомствомъ турокъ противъ христіанъ,—искупить во имя человѣчности, которая не можетъ быть заглушена доктриной интересовъ.

Главную ошибку Фрименъ видитъ на томъ, что съ турками обращаются, какъ съ цивилизованной націей, тогда какъ на нихъ нужно смотрѣть, какъ на варваровъ, хотя бы и переодѣтыхъ европейцами. Нужно удалить турецкія войска изъ христіанскихъ земель, лишить турокъ голоса по дѣламъ, касающимся христіанъ, затѣмъ образовать рядъ малыхъ, если не совершенно независимыхъ, то вассальныхъ государствъ. Авторъ считаетъ вассальство даже весьма полезною переходною формою устройства подвластныхъ туркамъ племенъ, потому что оно пріучаетъ ихъ къ единенію и союзу и составляетъ наименѣе крутой шагъ къ перемѣнѣ. Авторъ доводитъ умѣренность своихъ требованій до того, что допускаетъ мысль пожертвовать еще нѣкоторое время Константинополемъ, оставивъ тамъ турокъ, лишь бы этимъ путемъ обезпечить свободу окружающихъ греческихъ и славянскихъ земель. Въ Константинополѣ, на глазахъ европейцевъ, турокъ гораздо менѣе зловреденъ, чѣмъ въ Босніи и Болгаріи. Присутствіе турокъ даже полезно, пока греки и болгары не порѣшили своихъ распрей: оно не даетъ имъ окончательно перессориться (взглядъ, о которомъ мы уже упоминали). При вассальныхъ отношеніяхъ христіанскія земли будутъ освобождены, народности ихъ счастливы, потому что будутъ жить національною жизнью; султанъ останется не

менѣе счастливъ, потому что въ состояніи будетъ продолжать жить жизнью султановъ; мирное мусульманское населеніе вездѣ будетъ довольно, пострадаетъ только придворная олигархія, главный источникъ существующаго зла.

Обращаясь къ самому чувствительному мѣсту своихъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ, авторъ старается доказать, что при подобномъ рѣшеніи дѣла не пострадали бы и англійскіе интересы. Страданія Босніи и Крита не могутъ содѣйствовать англійскимъ интересамъ. Угнетенныя народности ищутъ дружбы Россіи, но также ищутъ дружбы и Англіи и если Англія оттолкнетъ ихъ отъ себя, то онѣ всецѣло подпадутъ вліянію Россіи и при конечномъ, неизбѣжномъ освобожденіи ихъ Англія въ результатѣ проиграетъ.

«Если Русскій Императоръ возсядетъ на престолъ новаго Рима»,—восклицаетъ авторъ, очевидно не изъ дружелюбія къ Россіи,—«то главною виною этого будутъ графъ Веніаминъ Биконсфильдъ и Эдуардъ Генри графъ Дебри». Впрочемъ, авторъ успокоиваетъ соотечественниковъ, что присоединенія Константинополя къ Россіи быть не можетъ. Цѣль русской политики—достигнуть исключительнаго вліянія на юго-востокѣ Европы, быть можетъ, даже посадить русскаго принца на константинопольскій престолъ, но присоединять къ Россіи новый Римъ немыслимо.

Царственный городъ не перестаетъ быть столицей, хотя бы его владѣнія ограничивались собственными его стѣнами, какъ не переставалъ быть такимъ даже въ минуты послѣдней агоніи латинскихъ и греческихъ императоровъ. «Константинополь не можетъ быть управляемъ Петербургомъ, какъ и Петербургъ Константинополемъ»,—заключаетъ авторъ. Какой бы принцъ ни сидѣлъ на константинопольскомъ престолѣ, онъ не можетъ оставаться ни англійскимъ, ни германскимъ, ни русскимъ; онъ будетъ туземнымъ государемъ. «Магическая сила мѣста заявитъ свои права»... Эта сила коснулась даже турокъ, конечно, не Абдулъ-Гамида, но Магомета II, который, овладѣвъ Константинополемъ, считалъ себя не только султаномъ, но и цезаремъ. Авторъ заключаетъ указаніемъ на силу вещей, силу исторіи, на безсиліе даже великой человѣческой воли, и вновь напоминаетъ своимъ соотечественникамъ о единственной разумной политикѣ по восточному вопросу, политикѣ 1827 года.

Что же касается постоянныхъ страховъ англичанъ за Индію, то Фрименъ напоминаетъ, что дорога въ Индію лежитъ не черезъ Константинополь, а чрезъ Египетъ, гдѣ и сосредоточиваются англійскіе интересы, и что въ Азіи на Англію и Россію наложенъ одинаковый долгъ, одна миссія—миссія просвѣтительная.

Какъ улыбнутся буржуазные британцы, читая эти восторженныя строки своего ученаго соотечественника!

Послѣ подробнаго изложенія основныхъ мыслей труда Фримена, вовсе не пристрастнаго къ Россіи, но во всякомъ случаѣ добросовѣстнаго и почтеннаго, несмотря на нѣкоторыя невѣрныя положенія, упомянуть о памфлетѣ Джона Милля можно только ради крайняго курьеза. Отыскивать тутъ какую-нибудь точку зрѣнія было бы лишнимъ трудомъ. Все построено на восклицаніяхъ въ родѣ того, что «турки—англичане Востока», народъ, по самому существу своему преданный свободѣ, почему и англичане, также преданные свободѣ, должны ихъ защищать отъ хищныхъ русскихъ полчищъ, производившихъ настоящія звѣрства въ Хивѣ и въ Польшѣ, и угрожающихъ туркамъ съ кнутомъ въ одной рукѣ, и съ мечомъ въ другой. Это—подлинныя звѣрства, а мнимыя болгарскія звѣрства вымышлены. Мало того: нужно спасти всю Европу не только отъ панславистской имперіи, которая готова поглотить Турцію и Австралію и чуть-ли не Германію, но и отъ проектируемой революціонерами панславистской республики,—отъ соціалистовъ и республиканцевъ, которые ринутся изъ Россіи неудержимымъ потокомъ на Европу, стоящую на стражѣ собственности и консервативныхъ началъ. Еще много поразсказано мудреныхъ вещей о страшныхъ заговорщикахъ, о «нигилистахъ», о «старовѣрахъ» и т. п. Рѣшительно, это писалъ не англійскій журналистъ, все-таки трезвый умственно, хотя и эгоистичный. Подъ почтеннымъ именемъ Милля скрывается если не еврей, не мадьяръ, то безличное, безнаціональное, продажное лицо, способное завтра же восхвалять доблесть и нигилистовъ и старовѣровъ, рядомъ съ гражданскими доблестями турокъ. Какова же, однако, публицистика свободной страны, въ которой, рядомъ съ серьезными историческими трудами, обращаются подобныя жалкія спекуляціи, «разсчитанныя на угоду низменнымъ страстямъ?»

XIV.

«Знакомство съ болгарами охладило къ нимъ русскихъ»,— это говоритъ агентъ «Гаваса». Онъ правъ, потому что это «охлажденіе», начавшееся съ первыхъ же дней перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, стало мало-по-малу выражаться яснѣе и яснѣе, опредѣленнѣе и опредѣленнѣе и не могло быть не замѣчено не только тѣми, кому оно по душѣ, но даже и тѣми, для кого оно было тяжелымъ и грустнымъ разочарованіемъ. Частные факты, мелкія случайности и столкновенія, все это, сгруппировываясь въ одно цѣлое, дало поводъ думать, что тѣ симпатіи, связывающія якобы два родственныхъ народа, пустая иллюзія, что этихъ симпатій не существовало даже вовсе, что болгары относятся къ своимъ «непрошеннымъ избавителямъ» съ недовѣріемъ, даже со страхомъ за свою будущность. Тѣ, кому любо все, что рождаетъ рознь и раздоръ въ мірѣ славянства, открыто и перомъ, и словомъ заговорили, что болгары, несчастныя игрушки русскихъ интригъ, поставлены теперь между двухъ кулаковъ, русскимъ и турецкимъ, и навѣрное предпочли бы второй, если бы имъ предоставили свободное право выбора. Тѣхъ, кому дорога духовная связь разрозненныхъ семей этого великаго славянскаго міра, традиціоннаго пугала запада, тѣхъ тоже охватило тяжелое сомнѣніе, для тѣхъ тоже чуть-чуть было не наступила печальная минута разочарованія.

Первое, что поразило русскихъ, едва только они вступили въ болгарскія земли — это относительное благосостояніе края. Болгарскія земли обработаны несравненно лучше турецкихъ, болгарскія жилища — это положительно дворцы въ сравненіи съ грязными турецкими лачугами, болгарскія церкви давятъ своимъ блескомъ и богатствомъ мусульманскія мечети, красующіяся только издали своими стройными, бѣленькими колоннами минаретовъ, вблизи же кажущіяся какими-то пустыми, запущенными сараями, годными только развѣ для загоновъ скота или подъ казармы баши-бузуковъ, кстати онѣ и служили въ послѣднее время преимущественно для этой послѣдней цѣли. Болгары одѣты чисто и опрятно, даже отчасти богато, турки же грязные, вонючіе оборванцы, внушающіе чуть-чуть что не сожалѣніе своимъ нищенскимъ видомъ; болгары

грамотны, у нихъ есть школы и даже не мало, уже во всякомъ случаѣ безконечно больше, чѣмъ таковыхъ въ самой Россіи—турки неучи и даже сановные изъ нихъ не всѣ могутъ подписать свое имя. Гдѣ же эта забитость, угнетенность, гдѣ же это деморализующее рабство и униженіе?! Взглянуть съ перваго раза, такъ въ самомъ дѣлѣ покажется, что по какому-то страшному недоразумѣнію перемѣшались роли, а на самомъ дѣлѣ угнетенные-то и есть настоящіе угнетатели, и не намъ, русскимъ, надо спѣшить освобождать болгаръ изъподъ турецкаго ига, а венгерцамъ стремиться на помощь къ несчастнымъ туркамъ, вотъ уже пять столѣтій стонущимъ подъ невыносимымъ гнетомъ деспотическаго болгарскаго владычества.

Холодно отнеслись болгары къ навѣстившимъ ихъ русскимъ, они недовѣрчиво смотрятъ на русскаго, запираютъ передъ нимъ двери своего дома, неохотно вступаютъ съ нимъ въ какое бы то ни было сношеніе, также точно дерутъ съ него за все двойную цѣну, благо тотъ по наивности платитъ за все забранное чистыми деньгами. Между болгарами много турецкихъ шпіоновъ, увѣдомляющихъ турокъ обо всемъ, что дѣлается въ рядахъ русской арміи, таковыхъ даже наиболѣе встрѣчается между болгарскими священниками, значитъ все-таки въ средѣ интеллигентной и обезпеченной. Если на встрѣчу русскимъ и выходили процессіи съ хлѣбомъ и солью, крестами, хоругвями и задушевными привѣтствіями, то это только потому, что должны же болгары заискивать у силы, они также точно вышли бы на встрѣчу и къ туркамъ побѣдителямъ, и къ нѣмцамъ, и къ англичанамъ, и къ французамъ, однимъ словомъ ко всякой внѣшней силѣ, появившейся у порога ихъ жилищъ, и напрасно русскіе смотрятъ на эти встрѣчи какъ на проявленіе задушевныхъ симпатій, какъ на святой долгъ почтить своихъ желанныхъ, долго жданныхъ избавителей.

Болгары, какъ и сербы, оказались плохими воинами, больше того, болгары отчаянные трусы, они готовы бѣжать отъ звуковъ перваго непріятельскаго выстрѣла, каждая лопнувшая въ ихъ колоннахъ граната, каждое провизжавшее надъ ихъ головами ядро производитъ въ ихъ рядахъ несказанное смятеніе. Болгары-легіонеры никакъ не могутъ, не хотятъ даже освоиться съ самыми основными, элементарными условіями дисциплины. Они едва только почувствуютъ усталость на походѣ,

самовольно снимаютъ ранцы и требуютъ себѣ отдыха. Болгары не хуже баши-бузуковъ готовы грабить, жечь и неистовствовать надъ турками, едва только тѣ поставлены въ невозможность самозащиты; подобныя продѣлки болгаръ не разъ даже набрасывали недобрую тѣнь на безупречно честное и дисциплинированное русское войско. А между тѣмъ, тѣ же болгары, получивъ отъ русскихъ оружіе, оказывались неспособными противустать самымъ незначительнымъ партіямъ турецкихъ мародеровъ и малодушно сдаютъ врагамъ оружіе, несмотря даже на то, что ничего не могутъ выиграть своею покорностью и отстранить ею отъ своихъ головъ безпощадный ножъ баши-бузуковъ. Какой жалкій народъ, какъ подумаешь, возможна ли хотя какая-нибудь симпатія къ подобному народу! Вѣдь все, что я говорю, это правда, на столько правда, что каждое слово можно подтвердить фактами. Читая газеты съ извѣстіями съ театра войны, въ этомъ легко убѣдиться, особенно если читать безъ разбора, да и такъ просто, изустно, въ средѣ арміи вы можете чуть не на каждомъ шагу слышать разсказы, подтверждающіе все вышесказанное. Но болгаръ за это обвинять нельзя, не они виноваты сами, а тотъ деморализующій гнетъ, давящій ихъ столько времени, и гнетъ, вызванный не волею турокъ, а какъ неизбѣжное явленіе, законное противодѣйствіе русскимъ интригамъ и происканъ. Вотъ одна весьма вѣская причина болгарамъ относиться къ намъ недовѣрчиво и недружелюбно, даже болѣе— считать насъ своими настоящими врагами.

Такъ говорятъ, такъ объясняютъ, хотя можетъ быть и не всегда по убѣжденію, враги славянства, и они даже могутъ подбирать доказательства своимъ словамъ, могутъ опираться даже на факты, на столько, къ сожалѣнію, убѣдительные и вѣскіе, что и между самими русскими, въ рядахъ даже нашей борющейся за Дунаемъ арміи, зародилось сомнѣніе въ искренности симпатіи избавляемыхъ и стало вызывать нѣкоторое разочарованіе и охлажденіе...

Все это весьма на руку нашимъ врагамъ, и тѣмъ, кто непосредственно съ оружіемъ въ рукахъ борется съ нами, и тѣмъ, кто зорко слѣдитъ за борьбою, со злобою встрѣчая всякій успѣхъ нашего оружія, громко аплодируя и празднуя всякую русскую неудачу.

Война сильна не численностью воюющихъ армій, не милліонами на нее затраченными, она сильна своимъ духомъ, своею руководящею идеею. Настоящая война именно свята и могуча этою идеею. Отъ главнокомандующаго до послѣдняго солдата всѣ равно и глубоко проникнуты ею. Дѣло роднаго намъ угнетеннаго славянства, наше родное, кровное дѣло. Съ этимъ знаменемъ мы непобѣдимы и успѣхъ за нами обезпеченъ. И это поняли хорошо наши враги, это-то ихъ и напугало. Понятно, что симпатіи наши, довѣріе и любовь къ тѣмъ, кого мы пришли освобождать, занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ этой идеѣ, и поколебать эти симпатіи было бы для нашихъ враговъ слишкомъ выгоднымъ выигрышемъ, чтобы они не постарались это сдѣлать, подыскавъ для этого всѣ данныя, благо эти данныя сами подъ руку подвертываются.

Старанія нашихъ враговъ въ этомъ направленіи отчасти уже увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Съ береговъ Дуная къ центрамъ Россіи уже начало проявляться нѣчто вродѣ разочарованія, что-то отрезвляющее, благо мы такъ склонны ко всякимъ псевдо-отрезвленіямъ, и если бы турки были нѣсколько поумнѣе, да сами бы не подлили масла въ огонь своими безчеловѣчными поступками съ болгарскими городами и селеніями, побывавшими въ рукахъ русскихъ и снова попавшими въ турецкія лапы, съ нашими плѣнными и ранеными, явнымъ цинизмомъ въ нарушеніи всѣхъ обычаевъ войны и правила чести, а хотя бы притворились на время людьми (потомъ, молъ, все равно), тогда, пожалуй бы, святость идеи настоящей войны значительно поубавилась бы и результаты ея стали бы сомнительнѣе. Но турки этого не сдѣлали, а враги наши не успѣли имъ подсказать во-время ихъ роли, турки, словно на зло своимъ европейскимъ друзьямъ, на каждомъ шагу изъ кожи лѣзутъ, чтобы доказать, что имъ не только нѣтъ уже мѣста въ Европѣ, но и въ Азіи, гдѣ тоже есть надъ кѣмъ тѣшить имъ свои звѣрскіе инстинкты. Позволю себѣ одно сравненіе, можетъ быть и странное, но, мнѣ кажется, вѣрное. Лордъ Биконсфильдъ долженъ теперь смотрѣть на Турцію такъ, какъ смотритъ охотникъ на скомпрометировавшую его собаку: онъ только что расхваливалъ ея дрессировку и умѣніе вести себя прилично, а скверный песъ, какъ на зло, тутъ же стащилъ со стола цыпленка и безцеремонно отнесся къ коврамъ

и паркетному полу комнаты... Мидхатъ, этотъ положительно умнѣйшій изъ современныхъ турокъ правду сказалъ, что потеря Рущука и Шумлы были бы для Турціи легчайшими потерями, чѣмъ эпизоды въ Каварнѣ и Эски-Загрѣ, эти кровавые эпизоды, которымъ теперь нѣтъ числа по всему пространству, обреченному служить театромъ военныхъ дѣйствій. И такъ, для поддержки духа нашей арміи, для поддержки симпатій ея къ несчастнымъ христіанамъ Балканскаго полуострова являются неожиданно сами же турки, упорно, самыми осязательными фактами отрицающіе все то, что говорится въ громкихъ, краснорѣчивыхъ, многоглагольныхъ рѣчахъ ихъ адвокатовъ, турки въ этомъ отношеніи словно поняли, что дѣло тутъ идетъ вовсе не о Турціи, не объ ихъ турецкихъ интересахъ, что умыселъ другой тутъ былъ. Не даромъ же они такъ недовѣрчиво отнеслись къ предложеніямъ Англіи впустить ея флотъ въ воды Босфора, занять красными мундирами турецкія южныя прибрежья. «Деньги, молъ, давайте, пушки, оружіе, снаряды — все давайте, все возьмемъ съ благодарностью, даже съ скромною надеждою на отдаленную уплату; а съ руками, молъ, подальше, или же рискните вмѣстѣ съ нами, открыто стать лицомъ къ лицу съ грозными силами, выдвинутыми Россіею».

Читая и слушая разсказы о томъ, что творилось два года подъ рядъ въ Болгаріи, намъ эта несчастная страна представлялась въ видѣ грудъ пепла и развалинъ; болгарскій народъ въ видѣ отдѣльно бродящихъ, обезумѣвшихъ отъ ужаса, голодныхъ, ограбленныхъ донельзя группъ, чуть живыхъ, и цѣлыхъ горъ изувѣченныхъ труповъ. У насъ даже вкоренилось убѣжденіе, что, ступивъ на болгарскую землю, мы очутимся въ пустынѣ, гдѣ нечего будетъ ѣсть и все надо брать съ собою заблаговременно, что намъ мало того, что придется везти за арміей все ея продовольствіе, но даже везти это продовольствіе и на долю болгаръ, прокормленіе которыхъ ляжетъ тоже, хотя на первое время, на наши собственныя плечи. Такъ думала чуть не вся Россія, такъ думала и наша армія, къ этому готовилось и наше интендантство, организуя колоссальные транспорты и склады. Пришли мы и видимъ цвѣтущія поля, обильную жатву, сытыхъ людей и полную возможность, за нѣкоторымъ исключеніемъ, довольствовать армію средствами

страны, этой самой разоренной страны, обращенной, якобы, въ мертвую пустыню. На нашей физіономіи, на которой выражалось до сихъ поръ самое христіанское сострадание и готовность помочь, покоилось выраженіе нѣкотораго недоумѣнія, словно на лицѣ какого-нибудь аристократствующаго филантропа, спустившагося въ подвалъ бѣдняка, гдѣ по полученнымъ свѣдѣніямъ царитъ нищета и голодъ, и вдругъ нашедшаго у него на столѣ хлѣбъ и кусокъ колбасы. Да ты, братецъ, тутъ пируешь!.. А намъ сказали... подумаетъ такой филантропъ и, пожалуй, спрячетъ снова въ карманъ приготовленную ленту, ограничась однимъ душеспасительнымъ словомъ, но на то онъ и филантропъ, то бишь членъ филантропическаго общества, чтобы такъ подумать и сдѣлать, а намъ въ отношеніи Болгаріи этого и думать, и дѣлать не приходится. Надо же помнить и знать, что чудная, богатая природа Болгаріи быстро сглаживаетъ все то, что разрушено и осквернено руками человѣческими. Что въ два года, вырѣзывая ежедневно хоть по сту человѣкъ, нельзя истребить и сотой доли восьмимилліоннаго населенія. Насъ поразило относительное довольство—только девятая часть того, что добываетъ себѣ трудолюбивое, трезвое, честное, безконечно-терпѣливое болгарское населеніе, а восемь-девятыхъ идетъ на потребу Константинополя и въ карманы хищнической турецкой администраціи. Какой же цвѣтущій видъ должна была бы имѣть Болгарія, еслибъ ея, добытыя руками ея сыновъ, средства, всѣ бы оставались въ рукахъ законныхъ владѣльцевъ! Надо и то сказать, что русской арміи пришлось посѣтить пока менѣе пострадавшія части страны, идя дальше вглубь, они успѣли взглянуть и на то, что очень похоже въ дѣйствительности на ихъ первоначальныя предположенія. Что болгарскія церкви сравнительно роскошны въ сравненіи съ турецкими мечетями — это и быть не можетъ иначе: болгары добрые христіане и изъ послѣдняго готовы дѣлиться съ своими храмами; мусульмане вездѣ и всегда апатично и небрежно относятся къ своимъ домамъ молитвъ. Всякій путешествующій въ мусульманскихъ странахъ легко могъ убѣдиться въ этомъ: въ самой Меккѣ мечети находятся въ крайнемъ запущеніи; грандіозныя сооруженія тамерлидовъ въ Самаркандѣ почти въ развалинахъ и въ настоящее время, какъ историческіе памятники, поддерживаются только

русскими. За мѣсяцъ до объявленія войны я былъ въ Рущукѣ и видѣлъ въ какомъ положеніи находились турецкія мечети, занятыя подъ казармы низама и египетскихъ батальоновъ. Солдаты мусульмане не стѣснялись даже отправлять внутри ихъ свои естественныя потребности. Что у болгаръ много школъ, что они въ большинствѣ грамотны — это еще болѣе должно поддерживать мысль о нетерпимости зависимости народа культурнаго, любящаго просвѣщеніе, отъ дикарей, хорошо знающихъ изъ своего Корана только тѣ строфы, гдѣ ихъ учатъ бить, жечь, насиловать и уничтожать съ лица земли все не признающее ихъ ученія.

По меньшей мѣрѣ наивно, если не просто нечестно, тыкать въ глаза болгарамъ, жалующимся на угнетенность, ихъ относительнымъ благосостояніемъ.

Турокъ нищенствуетъ отъ лѣни, если онъ слабъ и старъ,— если онъ еще силенъ, онъ разбойничаетъ, или по крайней мѣрѣ готовъ на разбой при первомъ удобномъ случаѣ, особенно если ему намекнуть свыше на безнаказанность.

Болгаринъ стыдится нищеты, протянуть руку за подаяніемъ для него позоръ; разоренный, онъ тотчасъ же пытается поправить свои дѣла, несмотря даже на то, что ждетъ новаго разоренія. Онъ, какъ пчела, вѣчно добываетъ себѣ новые и новые запасы меда, какъ бы пчеловодъ не эксплоатировалъ его трудъ; онъ, какъ муравей, вѣчно готовъ неутомимо задѣлывать дырья, сдѣланныя палкою въ его муравейникѣ. Въ одномъ только онъ выше пчелы; иной пчеловодъ, выламывая соты, все-таки оставляетъ часть на зиму, на пропитаніе. Турокъ неохотно слѣдуетъ примѣру такого пчеловода и готовъ не оставить ничего, нисколько не заботясь о своемъ кормильцѣ, дойной коровѣ—болгаринѣ.

Быстро сглаживаются на болгарской почвѣ слѣды турецкихъ преступленій, кровь смывается дождями, трупы тщательно зарываются въ землю, обгорѣлыя развалины, если только не всѣ обитатели ихъ перебиты, поправляются и принимаютъ снова видъ благоустроенныхъ человѣческихъ жилищъ, — если же обитатели перебиты всѣ до послѣдняго, то густой бурьянъ, виноградъ, плющъ и розы быстро покрываютъ собою печальные останки. Словно чудная природа, какъ и ея обитатели, ревниво охраняетъ порядокъ, уютность, приличный внѣшній

видъ, не выставляя всѣмъ на показъ своихъ бѣдствій, не навязываясь никому съ своими бѣдами и напастями... Болгаринъ даже жалуется неохотно и только черезчуръ уже близкія, кровавыя воспоминанія вызываютъ въ немъ готовность высказаться и показать свои свѣжія раны. Болгаринъ мягокъ и кротокъ, онъ даже къ своимъ притѣснителямъ относится не озлобленно и готовъ тотчасъ же забыть все нанесенное ему зло и оскорбленіе. Много, много нужно зла, чтобы вызвать въ болгаринѣ жажду мести, но не взыскивайте же съ него, если онъ подъ вліяніемъ этой жгучей жажды превратиться въ бѣшенаго звѣря, — да и въ такую минуту онъ можетъ убить своего врага, но не станетъ надъ нимъ издѣваться и подвергать его лишнимъ мученіямъ.

Наши солдаты чрезвычайно мѣтко, однимъ словомъ охарактеризовываютъ встрѣченную ими личность. Прозвище, разъ данное ими, вѣчно уже пойдетъ за получившимъ его субъектомъ. И болгары уже получили это прозвище,—слово: «добрая душа» стало нарицательнымъ именемъ всякаго болгарина. «Добрая душа, здорово! Добрая душа, а куда идетъ эта дорога?—Тамъ, ваше благородіе, добрыхъ душъ пять человѣкъ съ аванпостовъ привели», — вотъ фразы, которыя вы можете на каждомъ шагу слышать. Объ румынѣ этого нашъ солдатъ не скажетъ, — румынъ у нихъ давно уже заклейменъ прозвищемъ «цыгана, жида, христопродавца, мамалыжника лохматаго» и другими не менѣе лестными прозвищами.

Названіе «добрая душа» остается за болгариномъ даже въ тѣхъ случаяхъ, если этотъ послѣдній не оправдываетъ своей клички. «Да вотъ «добрую душу» вѣшали». — угрюмо отвѣчаетъ на мой вопросъ солдатъ, возвращавшійся, вмѣстѣ съ товарищами, съ экзекуціи надъ пойманнымъ и уличеннымъ шпіономъ,—къ несчастію болгариномъ. Да, случаи шпіонства между болгарами были, но развѣ во франко-прусскую войну не было шпіоновъ французовъ, готовыхъ на услуги нѣмцамъ, развѣ въ рядахъ нѣмцевъ не оказывалось французскихъ шпіоновъ, развѣ англичане въ Индіи не разстрѣливали своихъ же солдатъ, уличенныхъ въ корыстныхъ сношеніяхъ съ туземцами, развѣ не было никогда турецкихъ шпіоновъ даже между русскими?.. То мы толкуемъ о томъ, что болгары деморализованы своимъ безконечно долгимъ рабствомъ и удивляемся какъ эта несчаст-

ная расса сохранила еще слѣды своей культуры; то ставимъ имъ въ упрекъ отдѣльные случаи шпіонства. преступленія изъ рода тѣхъ, что неизбѣжны при всякой деморализаціи. Это такъ уже даже и не послѣдовательно!..

Болгары отнеслись къ намъ холодно — ихъ традиціонныя встрѣчи съ хлѣбомъ и солью носили характеръ нѣкоторой неизбѣжной формальности, а то такъ даже и запуганности, если хотите.

Холодно... положимъ... Впрочемъ, это понятіе относительное. Если вы разсчитываете, что васъ обдадутъ крутымъ кипяткомъ, а на васъ плеснутъ только умѣренно горячею водою. то это пожалуй покажется и холодно. А мы именно разсчитывали на крутой кипятокъ или, вѣрнѣе, на жгучее пламя самой страстной, братской любви и безконечной благодарности по гробъ, выданной намъ даже впередъ, авансомъ, когда еще и не было за что путемъ благодарить, когда дѣло освобожденія еще только начинается, а начало или, правильнѣе, конецъ невсегда соотвѣтствуетъ началу.

Неужели мы были увѣрены, что болгарскій народъ,—масса,—за все предъидущее время на столько слѣдилъ за политическимъ и историческимъ развитіемъ восточнаго вопроса, чтобы въ немъ могло выработаться полное убѣжденіе, что современныя событія суть финалъ всей драмы, что теперь для нихъ дѣйствительно занялась свѣтлая заря свободной будущности безъ возврата къ печальному прошлому. Сколько разъ подобная заря уже занималась и угасала безъ восхода солнца, сколько разъ несчастному народу приходилось поплатиться кровью за свои иллюзіи. Вѣдь еще свѣжо въ его памяти, когда хомяковскіе колокола, позвонивъ малое время на своихъ мѣстахъ, зазвонили потомъ на шеяхъ поповъ, позорно на веревкахъ ведомыхъ вокругъ церквей и по городскимъ улицамъ. (Охъ, ужъ эти колокола!) Да и въ настоящую кампанію сколько уже селеній и городовъ жестоко поплатилиеь за то только, что въ нихъ заглядывали русскіе и, не имѣя возможности включить ихъ въ районъ, прочно занятый нашими войсками, уходили снова. Что же мудренаго, что болгаринъ и пытается отстранить отъ себя гнѣвъ своихъ исконныхъ притѣснителей и не слишкомъ-то явно выказываетъ свои симпатіи освободителямъ, по крайней мѣрѣ пока не убѣдится въ томъ, что освобожденіе свершилось дѣйствительно, или хоть близко къ та-

кому результату. Въ Систовѣ мнѣ разсказывали наши офицеры, что въ предмѣстіи города, въ одномъ домѣ ихъ слезно просили хозяева не вводить солдатъ во дворъ и ничего отъ нихъ даже за деньги не требовать днемъ. Ночью же они сами вынесли солдатамъ и вина, и табаку, и мяса, — принесли даже подушки и одѣяла. Вѣдь это очень характерно и какъ нельзя болѣе ясно указываетъ на настоящее значеніе нѣкоторой холодности, замѣченной якобы въ отношеніяхъ болгаръ къ русскому воинству. А между тѣмъ, стоитъ только пройти извѣстному времени, стоитъ только болгарамъ нѣсколько успокоиться и заручиться увѣренностью въ прочности своего новаго положенія, дѣло мѣняется быстро, сближеніе болгаръ съ русскими развивается все шире и шире, какъ случилось въ томъ же Систовѣ, спустя нѣсколько недѣль послѣ его занятія.

Не ставьте же въ вину болгарину, что онъ просто-напросто боится скомпрометировать себя въ глазахъ своихъ грозныхъ властителей, пока не убѣдится окончательно, что эти властители не вернутся и не накажутъ его за государственную измѣну.

А все-таки, несмотря на эту вполнѣ законную, справдываемую примѣрами прошлыхъ войнъ, боязнь, навстрѣчу войскамъ нашимъ выходятъ депутаціи, выносится хлѣбъ-соль, образа и хоругви, говорятся рѣчи привѣтственныя, хотя можетъ быть у ораторовъ и дрожитъ голосъ, коснѣетъ языкъ и глаза боязливо бѣгаютъ по сторонамъ: не сидитъ ли гдѣ-нибудь спрятавшись какой-нибудь мѣстный вали или муфтій, а то такъ просто доброжелатель, готовый припомнить все ораторомъ содѣянное и высказанное и при случаѣ выдать его головою въ лапы турецкаго правосудія.

Знаете вы гдѣ надо искать настоящихъ выраженій того, что чувствуютъ въ отношеніи насъ болгары? Это въ дѣтяхъ. Ребенокъ не выдумываетъ того, что говоритъ, онъ повторяетъ то, что говорили при немъ въ семейныхъ тайникахъ, онъ готовъ высказаться при случаѣ безсознательно, безъ боязни отвѣтственности за высказанное Молодыя женщины и дѣвушки долго еще сохраняютъ это дѣтское свойство.

Вотъ эти-то юные субъекты не стѣсняясь выражали нашимъ солдатамъ свои задушевныя сампатіи. Сколько цвѣтниковъ было истреблено ради такой встрѣчи, сколько букетовъ

летѣло подъ ноги солдатъ и подъ колеса орудій; рѣдко въ петлицѣ какого кителя не красовалось цвѣтка, а эти звонкіе радостные голоса, это веселое прыганье черномазыхъ мальчиковъ, путавшихся между рядовъ, вскарабкавшись на сѣдла кавалеристовъ... Кто не видалъ подобныхъ сценъ—тотъ только можетъ сомнѣваться въ истинныхъ чувствахъ болгарскаго народа. Глядя на эти сцены, можно, я думаю, забыть нѣкоторую натянутость, доходящую даже до комизма, такъ сказать, оффиціальныхъ встрѣчъ процессій.

Болгары—трусы. Но эти трусы—едва только узнали, что въ Кишиневѣ открытъ пріемъ болгарскихъ волонтеровъ, добровольно, даже съ энтузіазмомъ, ринулись на призывъ и менѣе чѣмъ въ четыре мѣсяца образовали легіонъ въ восемь тысячъ человѣкъ. Я видѣлъ лично какое уныніе распространилось въ рядахъ этого легіона, когда въ Плоэштахъ сталъ распространяться слухъ—и даже весьма основательный—о томъ, что эти легіонеры не примутъ непосредственно участія въ первыхъ атакахъ войны, что ихъ будутъ беречь, какъ будущій оплотъ воскресшаго болгарскаго народа. Я видѣлъ и то ликованіе, распространившееся въ ихъ рядахъ, когда имъ объявили, что поведутъ въ огонь наравнѣ съ передовыми колоннами русской арміи.

Они плохо дисциплинированы; случаи самовольныхъ приваловъ и отдыховъ дѣйствительно были, но это были чисто частные личные случаи; не забудемъ, что въ рядахъ легіонеровъ были и слабые субъекты, почти дѣти — четырнадцати даже лѣтъ: немудрено, что они бросали тяжелые ранцы и садились на землю, не слушая приказанія итти. Но вѣдь отсталые есть и въ старыхъ, регулярныхъ, испытанныхъ войскахъ, почему же имъ не быть въ рядахъ непривычныхъ новобранцевъ...

Эти легіоны вошли, наконецъ, въ огонь; случалось, что они не выдерживали огня и колебались, но не бѣжали; этого про нихъ никто сказать не осмѣлится... Надо и то принять въ разсчетъ, что многое можетъ проигрывать отъ сравненія, а сравненіе для молодыхъ болгарскихъ дружинъ было самое невыгодное; имъ приходилось выдерживать это сравненіе съ идеальными батальонами русскихъ пѣхотинцевъ—и я ссылаюсь только на мнѣніе этихъ самыхъ идеальныхъ пѣхотинцевъ. Наши солдаты ни одинъ не отзовется о болгарскомъ волонтерѣ дурно. Тяжелыя потери, понесенныя уже легіонерами,

краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о ихъ мужествѣ. Такія потери несутъ только герои, отважно, грудью прокладывающіе себѣ дорогу, или малодушные бѣглецы, нагнанные по пятамъ преслѣдователей. А наши (болгарскія дружины тоже въ числѣ нашихъ) еще никогда не бѣжали.

Тѣ, которымъ очень хотѣлось закрѣпить за болгарами признаніе въ трусости, говорили и говорятъ еще о легіонѣ и его дружинахъ, что эти части обязаны своимъ кажущимся мужествомъ своимъ русскимъ кадрамъ, своимъ превосходнымъ русскимъ офицерамъ, пріобрѣвшимъ себѣ уже боевую опытность въ славныхъ туркестанскихъ батальонахъ (дѣйствительно, въ дружинахъ много служившихъ въ войскахъ центральной Азіи), но будь болгары предоставлены сами себѣ, они высказались бы совершенно иными. И это неправда, я ссылаюсь на свидѣтельства всѣхъ тѣхъ, кто былъ въ настоящее время въ Балканахъ въ районѣ занятыхъ нами частей этой горной мѣстности. Кто первыми являлись на помощь русскимъ и предлагали безкорыстно свои услуги, служили намъ развѣдчиками и проводниками, и какими проводниками! преданными, смѣлыми до самоотверженія, неутомимыми, превосходно знающими всѣ лазейки, всѣ тропы малоизвѣстной для насъ мѣстности. Кромѣ того, развѣ не приходилось намъ встрѣчать отдѣльные, самостоятельные отряды болгаръ, отыскивающими турецкихъ мародеровъ и жестоко расправляющихся съ ними.

Когда русскіе очистили Іени-Загру и въ городъ вошли турецкія колонны—этимъ послѣднимъ пришлось выдержать еще тяжелую борьбу съ жителями, бившимися на смерть, а не позорно бѣжавшими изъ города заблаговременно... Не стану перечислять тутъ отдѣльныхъ личныхъ подвиговъ болгарскихъ борцевъ за святое дѣло, скажу только одно: единственнымъ вѣрнымъ и безпристрастнымъ оцѣнщикомъ боевыхъ качествъ болгарина можетъ быть только русскій солдатъ, бьющійся съ нимъ рука объ руку, а по единодушному свидѣтельству нашего солдата, болгаринъ - волонтеръ считается добрымъ товарищемъ. Шутка-ли: «добрый боевой товарищъ русскаго солдата»—да вѣдь это патентъ на геройство!

Конецъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Н. КАРАЗИНА

СКАЗКИ

ДѢДА БОРОДАТАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе П. П. Сойкина.
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Отремянная, 12, соб. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 98, уг. Надежд.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 24 ОКТЯБРЯ 1905 Г.

ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА, СПБ., СТРЕМЯННАЯ, № 12.

МОИ СКАЗКИ.

Незнакомый слѣдъ.

Нашелъ рыжій мурашка можжевелинку и поволокъ въ свою родимую кучу; во всю муравьиную прыть помчался...

Ноша, вѣдь, не тяжелая, а дорога знакомая, гладкая, безъ сучка, безъ колдобинки; сегодня утромъ ужъ разъ десять по ней сбѣгалъ.

Бѣжитъ, пыхтитъ, торопится... Бацъ—и полетѣлъ кувыркомъ со всего разбѣга, добычу выпустилъ; со страха въ головѣ помутилось...

Очнулся мурашка, глядитъ: яма глубокая, да широкая!.. поднялъ голову:

— Ого-го-го! съ какой это я вышины грохнулся! Что за диковина! откуда это яма такая появилась? сколько лѣтъ живемъ въ околоткѣ, никогда такой здѣсь не было.

Обошелъ муравей по дну вокругъ, кое-какъ съ трудомъ, наверхъ выбрался, глядитъ внизъ, раздумываетъ, а тутъ другіе мураши-товарищи, кто съ ношею, кто порожнемъ ползутъ...

— Легче, братцы, дорога перегорожена!

— Что да кто, да какъ, да почему? — посыпались разспросы... бѣгаютъ по краю, суетятся, хлопочутъ...

Приковылялъ къ нимъ жучекъ-усачекъ.

— Тамъ, говоритъ, поправѣе желтаго лопуха, еще такая же выкопана.

— Далеко?—спросили муравьи.

— Да такъ, ежели по нашему, по жучиному, считать, такъ съ полверсты будетъ, а по вашему, муравьиному—наберется пояторы съ хвостикомъ.

Прыгъ къ нимъ чуть не на голову зеленый кузнечикъ.

— Что за народъ собрался?

Объяснили муравьи—такъ, молъ, и этакъ.

— Да нѣшто, одна здѣсь яма такая,—покрутилъ усомъ прыгунъ. — Я ужъ штуки четыре такихъ перемахнулъ! Это точно, что здѣсь ихъ прежде не было, а только намъ наплевать! Мы и не такія перескакивали!.. Вотъ, напримѣръ, это бревно—изволите видѣть? Гопъ, оставаться счастливо!

Только его и видѣли.

— Ишь, ты, скакунъ-верхолетъ!—проворчали муравьи.—Тебѣ хорошо! Тебѣ вездѣ дорога, а нашему брату, крючнику,—тоже полъ-версты обходу несладко съ кулями переть изъ-за этого овражища .. И какой лѣшій, прости Господи, его тутъ выкопалъ?!.

Набѣжалъ воинъ-муравей; только хотѣлъ на рабочихъ прикрикнуть, распечь за лѣнь, какъ слѣдуетъ, да замѣтилъ яму, призадумался, проворчалъ подъ носъ: «вотъ такъ оказія!» и послалъ гонца тревогу бить, войска вызвать изъ казармы.

Приполз еще жукъ рогатый, прибѣжала жуженица пустрая, улитка приползла на салазкахъ, божья коровка коралловая со стобелька слетѣла, нанесло вѣтеркомъ комаровъ съ полдюжины, прожужжала пчела съ золотымъ носкомъ, да пара мухъ зеленыхъ... Бабочка съ бѣлыми нѣжными крылышками неслышно припорхнула...

Только бы двое-трое на мѣстѣ сошлись, а то сейчасъ, пивѣсть что любопытныхъ со всѣхъ концовъ соберется. Такъ и теперь. Не успѣла золотая полоска луча солнечнаго, утренняго, на аршинъ по моху продвинуться, а ужъ у ямы диковинной такая пошла толчея, что многіе изъ зѣвакъ, наиболѣе любопытныхъ, на самое дно вверхъ тормашками кувыркнулись. Кому ничего, спола-горя, а кому плохо пришлось! Одинъ таракашекъ круглый какъ упалъ на спину, такъ и по сю пору все лежитъ-барахтается, лапками-коротышками дрыгаетъ, перевернуться не можетъ.

За малыми, кто и побольше стали подваливать. Первая мышка сѣрая приспѣла, увидѣла яму, со страха только пискнула. Шлепнула въ самую середину лягушка зеленая, придавила, было, кое-кого, да слава Богу вывернулись... Кубаремъ прикатился ёжъ колючій... Легче, невѣжа неотесанный! видишь—публика!?. Налетѣли воробьи... чего-чего... чѣмъ?—полюбопытствовали.

— Никто, ничѣмъ, а вотъ что! — указываютъ имъ на причину сходки.

Потолковали между собой воробьи, сразу заспорили, какъ бабы на базарѣ, сразу передрались, сразу и помирились.

Выглянула бѣлка изъ дупла, внизъ съ вѣтки на вѣтку спустилась: тоже, вѣдь,—куда любопытно!

Испуганно заворковали наверху голуби. Не видать ихъ робкихъ, въ густой зеленой чащѣ, только голосъ ихъ ласковый слышится...

Змѣя сѣрая, съ оранжевымъ брюхомъ, въ полой сухой листвѣ прошуршала. Пролазъ-хорекъ, сунулся, было, да поодаль, за сучкомъ, невидимкою притаился; заблестѣли, какъ угольки, глаза бархатнаго соболя; острыя ушки лисьи, настороженныя, изъ-за лопуховъ показались. Проходили мимо стороной волки вереницею, тоже остановились, выслали большака—провѣдать, въ чемъ дѣло? Ломая чащу, кряхтя и пыхтя, прибрелъ кабанъ-сѣкачъ, чавкая смачно клыкастыми челюстями.

Лось — быкъ здоровенный — набѣжалъ, попятился, было, назадъ, да рогами погрозилъ:—Никто, молъ, меня не трогай, а по какому случаю базаръ собрался—прошу повѣдать.

А наверху, на вѣтвяхъ дубовыхъ, еловыхъ, сосновыхъ, осиновыхъ, собралась вся пернатая публика:—тетерева да рябчики, малиновки да рябиновки, дрозды да скворцы, чижи да зяблики, даже филинъ-пугачъ въ глубокомъ, гниломъ дуплѣ закопошился.

Что только было въ лѣсу звѣрья по близости—всѣ собрались на сходку, другъ у друга переспрашиваютъ, въ чемъ дѣло—понять не могутъ. Насилу добрались толку. Да и то, спасибо, лисица выручила: попросила минуточку всего вниманія и доподлинно, обстоятельно все изложила, по порядку.

— Милостивыя государыни и милостивые государи! — начала она, обмахнулась хвостомъ, какъ вѣеромъ, и слегка въ лапку откашлялась.—Оно, конечно, муравьи, извѣстно, насѣкомыя, конечно, нельзя сказать чтобы глупыя, но, во всякомъ случаѣ, малыя; если сравнивать, напримѣръ, съ господиномъ лосемъ или хотя съ вами, господинъ кабанъ, то даже, можно сказать, микроскопическія...

— Къ дѣлу! къ дѣлу!.. нечего тутъ зубы заговаривать,—раздались нетерпѣливые голоса.

А кабану неловко стало, что, благодаря болтливости лисьей, на него обратилось общее вниманіе; онъ досадливо мотнулъ щетинистою мордой и прохрюкалъ:

— Прошу сократить предисловіе!

— Я, вѣдь, къ тому, собственно,—сконфузилась немного лисица, — что эти самые муравьи — причина всей тревоги. Одинъ изъ нихъ случайно нашелъ на своей дорогѣ яму; это само по себѣ ничего не представляетъ, ибо—что такое яма?.. пустяки, вздоръ! явленіе, ничего важнаго не представляющее, но, тѣмъ не менѣе, яма эта, я говорю про данную яму, тождественное повтореніе которой вы можете прослѣдить на весьма далекое разстояніе, что подтверждено уже многочисленными свидѣтельствами...

— Правда, правда!—раздались голоса.

— Такъ вотъ, я продолжаю: именно эта данная яма заслуживаетъ вниманія особеннаго... извольте осмотрѣть. Посторонитесь, господа! отойдите подальше, тогда будетъ всѣмъ видно... вотъ такъ!

— Да это, просто, слѣдъ!—крикнулъ кто-то изъ толпы.

— И совершенно вѣрно! — глубокомысленно подтвердила лисица.—И потому-то именно, что эта яма—слѣдъ, она и заслуживаетъ, какъ я уже сказала, особеннаго нашего вниманія... Слѣдъ,—повторила она,—но слѣдъ, значитъ, отпечатокъ чьей-либо ступни, ноги или лапы, а для того, чтобы былъ отпечатокъ, надо, чтобы была нога или лапа, надо, чтобы было существо, которому данная лапа принадлежала бы... Какое же это существо и какимъ образомъ оно забралось къ намъ въ лѣсъ, по какому праву, и каковы будутъ его дальнѣйшія намѣренія и дѣйствія въ этомъ лѣсу?.. все это надо обсудить, взвѣсить, провѣрить и, сообразно полученнымъ результатамъ, предпринять дальнѣйшія, весьма, можетъ быть, предохранительныя мѣры.

— Кому предохранительныя, а кому и наоборотъ: можетъ, и на зубокъ новинка какая попадется, — заговорили волки и при этомъ, для большей выразительности, зубами защелкали.

— Не говорите,—покачала головой лисица:—неизвѣстный врагъ опаснѣе двухъ видимыхъ; не говорите.

— Да чей же это слѣдъ можетъ быть?—хрюкнулъ кабанъ и вопросительно покосился на лося.

— Не изъ нашихъ,—отозвался лось:—у насъ и у моихъ сродственниковъ вотъ какой фасонъ—извольте посмотрѣть...

Всѣ убѣдились тотчасъ же, что лосье двойное копыто совсѣмъ не подходитъ къ дѣлу.

— Также и не мой! натурально!—примѣрилъ кабанъ.

Подскочилъ тутъ волченокъ, сунулъ въ ямку лапу и сконфузился, потому что всѣ даже захохотали, увидавъ такую несообразность.

Стали подходить звѣри другъ за дружкой, примѣривать свои ноги да лапки къ слѣду, куда тотъ больше, да такой длинный, развалистый, ну, вотъ совсѣмъ какъ-будто медвѣжій..

— Ба, медвѣжій!—раздались вдругъ догадливые голоса...

— Медвѣдь, медвѣдь!—зачирикали воробьи.

— А гдѣ же Михайло Ивановичъ, въ самомъ дѣлѣ?.. Что его не видать сегодня?.. не зима, вѣдь, чай, выспался!..

— Послать за медвѣдемъ... ребята, бѣги, кто попрытче!

— Я сбѣгаю!—вызвался зайчишко...

— Сиди, косоглазый, пускай вотъ сорока слетаетъ!..

А тутъ и посылать было незачѣмъ... Загудѣло по лѣсу, затрещало, засопѣло въ трущобѣ, рявкнуло такъ, что у робкихъ душа въ пятки спряталась...

Увальнемъ, въ раскачку, привалилъ здоровенный Михайло Ивановичъ... въ шубѣ весенней, потертой, во всѣ стороны бурая шерсть топоршится...

— Кому, молъ, меня понадобилось?

— Да вотъ, ваше степенство, — подвильнула лисица: — слѣдокъ тутъ одинъ посторонній, чужой, значитъ, разыскался— такъ не знаемъ, чей именно...

— Мой!—сразу отрѣзалъ медвѣдь, — какъ есть мой! Что же вы переполошились?.. Я хозяинъ добрый—отъ меня обиды мало кто видалъ...

— Охъ, не вашъ!—потупилась скромно лисица...

— Какъ не мой? — изумился Михайло Ивановичъ, пососалъ лапу, посмотрѣлъ на подошву...—Какъ же не мой? — повторилъ онъ.

— Да такъ-съ, у вашего степенства пяточекъ ноготковъ спереди обозначается, а тутъ, изволите видѣть, спереди начисто, гладко обрѣзано.

— Правда!—согласился Михайло Ивановичъ...

— Правда, правда!—подтвердили и прочіе звѣри.

— А коли правда, такъ объ чемъ же безпокоиться?—

вслухъ подумалъ медвѣдь.—Я съ когтями, тотъ безъ когтей... Пускай попадетъ въ мои лапы—небось, не поздоровится!..

— Да ужъ сильнѣй Михайлы Ивановича у насъ по всему лѣсу не отыщется!—загалдѣли разные голоса.

— Ну, это посмотримъ еще! — проворчалъ недовольный кабанъ.

— Спленъ и я, да Богъ зубовъ не далъ, — вздохнулъ лось...—а то бы...

— Ну, и мы тоже,—завыли волки:—мы гдѣ нельзя въ одиночку, гуртомъ что хочешь одолѣемъ.

Расходились ободренные звѣри, кричатъ:

— Пойдемъ, ребята, этого незваного, неожиданнаго выслѣживать... воочію повидаемъ!»

— Стой!—раздался сверху вороній голосъ: — не ходите! прежде меня, бывалаго-видалаго, выслушайте.

— Говори, старый, послушаемъ!

Слетѣлъ воронъ, бѣлый отъ старости, пониже, умостился на сухомъ суку, почистилъ носъ и началъ:

— Слѣдъ этотъ, вамъ незнакомый, невиданный, тому принадлежитъ, у кого нѣтъ ни зубовъ волчьихъ, ни когтей медвѣжьихъ, ни клыковъ кабаньихъ, ни силы лосиной; а всѣхъ онъ васъ сильнѣй—разумомъ. Попритихните всѣ вы, посбавите спѣси, когда онъ явится! Вотъ, чей это слѣдъ!.. Вотъ, кому вы теперь низехонько поклонитесь...

Не успѣлъ кончить бѣлый воронъ — завыло, заревѣло все звѣрье:

— Да какъ онъ смѣлъ! да какъ у него языкъ повернулся!.. Насъ стращать небылицами выдумалъ!.. Поймать его, ругателя, тащить на расправу!..

Волки кругомъ дубъ обступили, воютъ да вверхъ подпрыгиваютъ, птицу вѣщую достать наровятъ. Кабанъ зазвижалъ отъ злости, подъ корень дуба клыкъ запустилъ, съ корнемъ наровитъ выдернуть... Заревѣлъ медвѣдь, на дыбы поднялся, обхватилъ комель лапами, лѣзть собирается; залилось все рыло пѣною отъ ярости...

Вдругъ, словно молнія блеснула въ лѣсу... Потянулъ по кустамъ синеватый дымокъ, сѣрою въ воздухѣ запахло.

Дрогнули и стихли звѣри отъ нежданнаго громоваго удара, оцѣпенѣли... и видятъ — какъ ихъ первый силачъ-богатырь,

самъ Михайло Ивановичъ грохнулся и навзничъ растянулся. Струею кровь бьетъ изъ повисшаго уха!.. когтистыя лапищи безсильно вытянулись, когтями въ окровавленный мохъ вцѣпились...

Грохнулъ второй ударъ, вторая молнія блеснула... завизжалъ кабанъ, скакнулъ, какъ змѣею ужаленный, и рядомъ съ медвѣдемъ протянулся...

Во всѣ стороны прыснуло звѣрье... Въ мигъ вся поляна опустѣла; первою лисица, закрывшись хвостомъ, въ чужую чью-то нору юркнула.

Изъ чащи лѣса, на открытую поляну вышелъ человѣкъ...

Два пути.

Широко и обильно, во всѣ концы, растянулась зеленая степь. Сыто и весело живется на ней всякой твари. Сочный ковыль, пахучій чеберъ и мята, красавцы — тюльпанъ да присъ,—чистая вода сладкихъ, зеркальныхъ озеръ,—все дано Аллахомъ на потребу скоту и человѣку, и всякій долженъ благословлять Творца за все, что Имъ кому ниспослано и не завидовать другому, не желать мѣнять разъ назначенную ему дорогу.

Такъ повелѣлъ Аллахъ, и благо тому, кто слѣдуетъ безропотно Его велѣніямъ.

Въ этой чудной степи паслась пара молодыхъ лошадокъ. Одна была бѣлая, какъ снѣгъ, и звали ее за то «Снѣжокъ», другая—черная, какъ воронье крыло, и звали ее «Уголекъ». Кони были очень дружны между собою, вмѣстѣ росли и рѣзвились, вмѣстѣ щипали сочную траву и не знали никакихъ заботъ, никакого горя.

Разъ какъ-то, рѣзвясь и прыгая, набѣжали они на стараго-престараго, умирающаго верблюда. Безобразное, исхудалое животное кротко взглянуло на нихъ своими уже потухающими глазами и проговорило:

— Милыя дѣти! Кто изъ васъ возьметъ мою торбу, вонъ она лежитъ, забытая хозяиномъ, и принесетъ мнѣ хоть каплю воды изъ того свѣтлаго озера?..

— Вотъ еще!—надменно возразилъ Уголекъ,—стану я трогать эту гадкую, вонючую торбу, стану служить тебѣ! Мы лошади породистыя, намъ служить всякому не приходится.

Снѣжокъ только хотѣлъ повторить то же самое, да взглянулъ въ глаза умирающему и ему стало жалко старика безобразнаго. Онъ схватилъ торбу и понесся къ озеру, зачерпнулъ воды и принесъ напиться верблюду.

— Спасибо, дѣти, — произнесъ верблюдъ. — Поблагодарю васъ, чѣмъ могу, передъ смертью. Послѣдуйте моему совѣту. Скачите вы все на востокъ, къ полудню доскачете до забытой богатырской могилы, тамъ увидите долгоносаго аиста, крикнетъ онъ вамъ: за мною! Вы отъ него не отставайте. Остальное узнаете сами. Ты, Снѣжокъ, добрѣе, ты всегда уступай лучшее своему товарищу. Пойми ты это и помни!

Послѣднія слова верблюдъ произнесъ тихонько, только чтобы одинъ Снѣжокъ его могъ слышать, взглянулъ послѣдній разъ на молодежь, вздохнулъ глубоко-глубоко и умеръ.

— Что-же, поскачемъ!—тряхнулъ гривкою Уголекъ.

— Поскачемъ!—согласился Снѣжокъ.

И понеслись оба по указанному направленію.

Еще солнце не совсѣмъ поднялось на полдень, увидали они забытую могилу, а на ней, на вершинѣ косматаго гнѣзда, давно уже сидѣлъ долгоносый аистъ, поджидая нашихъ лошадокъ.

— За мною! — крикнулъ онъ повелительнымъ голосомъ, взмахнулъ огромными, сильными крыльями, подскочилъ и плавно полетѣлъ, стелясь надъ самою землею.

Снѣжокъ и Уголекъ поскакали за нимъ слѣдомъ.

Съ каждымъ шагомъ впередъ степь становилась бѣднѣе и печальнѣе, давно уже не видно сочнаго ковыля, давно не ласкаетъ глазъ красная точка тюльпана. Мертвая, сожженная солнцемъ пустыня, развернулась передъ глазами путниковъ.

— Не повернуть ли назадъ!—первый струсилъ Уголекъ.

— Нѣтъ, уже поскачемъ дальше,—произнесъ Снѣжокъ.

— Не отставайте!—грозно прокричалъ аистъ, словно замѣтивъ минуту сомнѣнія и колебанія...

Вспотѣли бѣдныя лошадки, глаза у нихъ помутились отъ жажды и зноя... ѣсть захотѣлось ужасно... а кругомъ ни кустика, ни былинки, все погибло отъ солнечнаго жара.

— Стой,—остановилъ скачку проводникъ,—здѣсь!—добавилъ онъ, и, отлетѣвъ въ сторону, спустился на землю.

И видятъ лошадки прямо передъ собою, вдругъ выросли два кустика: одинъ былъ сочный, свѣжій, весь покрытый чуд-

пыми зелеными листиками и красивыми алыми цвѣтами, другой—тощій, сухой, усаженный жесткими колючками.

— Чуръ, это мой!—накинулся на первый проголодавшійся Уголекъ.

— Вотъ, оно что!—вспомнилъ послѣднія слова верблюда Снѣжокъ и принялся за второй... Съ голоду и тотъ вкуснымъ показался.

Только позавтракали кони, апстъ и говоритъ:

— Ну, ребята, каждый изъ васъ съѣлъ свою долю. Какая кому досталась, такая и жизнь будетъ каждому.

Сказалъ эти слова и исчезъ, словно сквозь землю провалился.

Повернули назадъ пріятели, и только глубокою ночью возвратились на свои пастбища.

А на другое утро пріѣхали люди, накинули на Снѣжка и Уголька арканы и повели ихъ въ свои аулы.

Довольно, молъ, гулять! Подросли, окрѣпли, — пора и за работу приниматься.

Попалъ Снѣжокъ къ хозяину, землепашцу.

Тотъ кормилъ его и поилъ до-сыта, ласкалъ и холилъ, только и работать заставлялъ его также до-сыта.

Чуть свѣтъ ѣдетъ Снѣжокъ пахать землю, подъ ячмень да подъ просо, напашется вволю, отдохнетъ минутку,—гайда въ степь, за бурьяномъ да сѣномъ, покормится,—опять подъ сѣдло, либо въ гости, въ дальній аулъ, либо на охоту съ соколомъ. Каждую недѣлю, кромѣ того, на городской базаръ надо было возить тяжелую поклажу, а базаръ былъ далеко. Цѣлые сутки безъ отдыха приходилось быть въ дорогѣ.

— Что-же, можетъ, такъ и надо, можетъ быть, и хуже участь бываетъ,—думалъ Снѣжокъ, и не сѣтовалъ на покойнаго верблюда.

Объ участи своего друга онъ не зналъ ничего, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ разлучили—и не видалъ его, и не слышалъ о немъ ни отъ кого ни слова.

Разъ, какъ-то пахали они съ хозяиномъ, а день былъ жаркій и въ воздухѣ поднялись тучи мелкой пыли.

И видитъ Снѣжокъ, что въ этой пыли засверкало что-то дивное, замелькало золото и сталь, загремѣли трубы и литавры, и высоко колыхнулись красивыя гордыя знамена.

Изъ-за горы большое войско выступало и сплошною лентою тянулось на западъ.

Сначала все конные шли, безъ числа, безъ счету, длинныя пики словно лѣсъ шумѣли надъ головами всадниковъ, своими значками, да конскими хвостами крашеными.

За конными пѣшіе потянулись. Этихъ еще было больше. Шли они тихо въ строю, и у каждаго на плечѣ мултукъ (ружье), у каждаго мултука фитиль дымился.

За пѣшими повезли тяжелыя, мѣдныя пушки... словно громъ гремѣлъ у нихъ подъ колесами, цѣпи желѣзныя брящали, сверкали на солнцѣ грозныя тѣла золоченыя, покрытыя сплошь священными изреченіями Корана.

А позади всѣхъ ѣхалъ отдѣльно сѣдобородый всадникъ, опустивъ поводья, творя шепотомъ молитву, набожно перебирая сухими пальцами янтарныя четки.

Надъ старикомъ несли большое зеленое знамя, два молодыхъ конюха обмахивали его легкими опахалами.

Посмотрѣлъ на стараго вождя Снѣжокъ и сердце у него защемило.

Видитъ онъ копя подъ нимъ вороного. Выступаетъ конь гордо, грызя серебряныя удила, чепракъ на конѣ шелками вышитъ и жемчугомъ, узда и сѣдло сплошь дорогими камнями покрыты.

Узналъ Уголька Снѣжокъ; узналъ-ли Снѣжка Уголекъ— неизвѣстно, только погоспился будто въ его сторону: что это тамъ, молъ, за мужикъ такой на насъ глазѣетъ!..

— Гадкій верблюдъ, злой обманщикъ!— разсердился Снѣжокъ на покойника, — это онъ мнѣ, за мое добро, послалъ рабочую-тяжелую долю.

Ушло войско, скрылось изъ глазъ,— вернулись домой наши пахари.

Не спится Снѣжку, не хочется ѣсть даже... Все ему завидная доля товарища грезится.

Прошла недѣля.

Собрался хозяинъ-хлѣбопашецъ въ городъ, на базаръ, навьючили на спину своей лошади два тяжелыхъ мѣшка пшеницы, и отправились оба въ дорогу.

Стало солнце склоняться за полдень, обгоняютъ ихъ стороною волки да шакалы стаями несмѣтными.

— Куда это вы, разбойники, воры поганые?—крикнулъ имъ человѣкъ.

— А туда, — отвѣчаютъ шакалы да волки,—гдѣ намъ добрые люди большой пиръ приготовили.

Обгоняютъ ихъ орлы да ястребы, вороны да совы ночныя... такими стаями, что даже солнце померкло.

— Куда это вы, хищники непасытные?—крикнулъ имъ человѣкъ.

— А туда,—отвѣчаютъ орлы да ястребы, вороны да совы ночныя,—гдѣ добрые люди намъ большой, богатый пиръ приготовили.

Закатилось солнце за холмами, жалобный стонъ слышно въ воздухѣ вечернемъ носится... Поднялась солнцу на смѣну луна красная, поднялась повыше и сама поблѣднѣла, освѣтивъ крававое побоище.

Что ни шагъ шагнуть—то лежитъ мертвый или умирающій; вся земля пропитана черною кровью. Въ пыли и грязи валяются рваныя знамена, доспѣхи ратные.

И видитъ Снѣжокъ, лежитъ его товарищъ дѣтства, нѣтъ на немъ уже сѣдла богатаго, вмѣсто камней драгоцѣнныхъ, да золотого шитья, сплошь покрытъ зіяющими ранами... исколотъ, изрубленъ, а все силится поднять свою голову, а кругомъ сидятъ волки да шакалы, ждутъ, поджидаютъ послѣдняго вздоха, уже близкаго.

— Вотъ оно что!—снова вспомнилъ Снѣжокъ верблюда стараго, пожалѣлъ отъ души товарища и бодро, и радостно потащилъ далѣе свою тяжелую ношу.

Все дано Аллахомъ на потребу скоту и человѣку, и всякій долженъ благословлять Творца за все, что кому ниспослано, а а не завидовать другому, не желать мѣнять разъ назначенную ему участь.

Такъ повелѣлъ Аллахъ, и благо тому, кто безропотно слѣдуетъ его велѣніямъ.

Волкъ.

Голодно волку, бродягѣ сѣрому, холодно...

Гудитъ-завываетъ вѣтеръ по лѣсу, замело снѣгомъ проѣзжія дороги, засыпало тропы пѣшеходныя, толстою корою льда

затянуло воды рѣкъ и озеръ. Загнали морозъ и вьюги все живое и доброе по крытымъ дворамъ уютнымъ, по избамъ теплымъ.

Бродитъ одинокій на волѣ, безъ крова и пріюта, только сѣрый волкъ исхудалый. Черезъ чащи лѣсныя заиндевѣвшія, черезъ поля и луга опустѣлые изъ конца въ конецъ гоняетъ его голодъ лютый, неотвязчивый.

Коротокъ зимній день, долга морозная, звонкая ночь, и ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя отощалому бродягѣ. Гнететъ его одна забота, единое только помышленіе: чѣмъ бы раздобыться съѣстнымъ, чтобы хоть чуточку перехватить на голодные зубы, чтобы унять эту злую, болѣзненную рѣзь въ пустомъ желудкѣ, дотянуть, дожить кое-какъ до весны, до времени теплаго.

Бродитъ волкъ по снѣжнымъ сугробамъ, гдѣ шажкомъ, гдѣ рысцою, гдѣ въ припрыжку, да зубами пощелкиваетъ... Нѣтъ ему нигдѣ воровской поживы, нѣтъ нигдѣ куска хозяйскаго, для него припасеннаго.

Медвѣдь, «старшой» въ лѣсу звѣрь,—тотъ, небось, отъѣлся за лѣто, залегъ въ берлогу теплую и спитъ; зима ему не въ тягость, а въ отдохновеніе. Завела себѣ и лисица хитрая нору уютную... Кроты, сурки, суслики—вся эта мелочь полевая—всѣ по домамъ устроились и съѣстнымъ запаслись; заяцъ, на что дурачекъ, а и тотъ живетъ зиму припѣваючи, бѣгаетъ себѣ въ теплой шубенкѣ, да мерзлыя вѣточки оглодываетъ. Одному волку несладко живется зимою, на его только долю выпали всѣ напасти, всѣ бѣды времени зимняго.

И не найдется, [illegible], ни одной души живой—что бы пожалѣлъ его, кто бы протянулъ ему руку помощи, [illegible] всѣмъ досадить успѣлъ, некому да и не за-что добромъ помянуть его, разбойника.

Вотъ ему теперь «овечьи слезки и отливаются».

. . . .

Выбрался волкъ на опушку лѣсную, перебѣжалъ открытый пригорокъ, въ лощинку спустился, бѣжитъ на свой собственный слѣдъ озирается, хвостъ поджалъ, словно кто на него сзади дубиною замахнулся, и шерсть волчья клочьями щетинится; глаза горятъ огнемъ лихорадочнымъ...

Тамъ, на выходѣ, по косогору, за березовою рощицею чернѣются избы деревенскія, огоньки въ окнахъ въ сумеркахъ

свѣтятся, корова, слышно, мычитъ въ хлѣву, овцы блѣятъ въ тепломъ загонѣ, бабы у колодца заспорили, ссорятся, мужикъ топоромъ звонко постукиваетъ, сани налаживаетъ... Не спитъ еще деревня, — знать, рано!

Ждетъ не дождется волкъ часу ночного, поздняго, когда угомонится народъ, завалится спать на печахъ, да на лавкахъ, не забудетъ-ли кто, оплошный, калитку гдѣ незапертую, подворотню неприваленную, не выбѣжитъ-ли самъ собою теленочекъ глупый или другая какая-нибудь домашняя скотинка мелкая... Можетъ быть, пошлетъ Богъ, ему эту ночь посчастливится!

Ждетъ часъ, ждетъ другой, ждетъ терпѣливо залегши въ сугробѣ, и чутко прислушивается.

Вотъ и ночь желанная наступила. Крѣпнетъ морозъ, искрится снѣжное поле при лунномъ свѣтѣ, потухли въ окнахъ огни... Тихо кругомъ, безлюдно...

Тронулся волкъ съ мѣста и пошелъ въ обходъ, гдѣ что плохо лежитъ, выглядывать... Только добѣжалъ до выгона— завыли по дворамъ псы деревенскіе: чуютъ гостя недобраго... «Валетки», «Куцые», «Шарики», «Жучки»—всѣ на разные голоса заливаются: «Не подходи, молъ, близко, хозяина съ дубиною вызовемъ».

Тревожитъ, томитъ волка голоднаго это вытье, не по сердцу оно ему, какъ вору трещетка сторожа — злость разбираетъ, зубы острые дробь выколачиваютъ — эхъ, попалась бы ему теперь какая-нибудь собаченка досадливая, изъ-подъ воротъ сюда, на просторное мѣсто выскочила бы, не побрезговалъ бы и собачьимъ мясомъ, за одинъ разъ и злобу-то свою и утробу насытилъ-бы.

Хитры псы, сторожа деревенскіе, бывалые!

Ходитъ, бродитъ волкъ всю ночь по-пусту, ходитъ, бродитъ да зубами пощелкиваетъ.

Рано, до свѣту поднимается людъ деревенскій да за работу принимается. Уходить надо волку опять въ лѣсную трущобу по-добру, по-здорову... А голодъ пуще томитъ, словно ножами рветъ волчьи внутренности... Отощалъ, обезсилѣлъ бѣдняга, въ глазахъ круги пошли зеленые, еле-еле ноги переступаютъ, бредетъ-спотыкается, да на ходу снѣгъ подхватываетъ воспаленною пастью.

Забрелъ въ кочкорнякъ, въ мѣсто глухое, завалился, заплакалъ бы, если бы могъ съ горя, да слезъ нѣту... Лежитъ; отъ холода ежится и думу-думаетъ горькую:

«Тяжела моя жизнь бродячая, воровская, волчья! всему свѣту постылый, всякому врагъ заклятый, нѣтъ мнѣ за то ни покоя, ни радости... Помогъ бы только Господь до весны прожить—пойду свои грѣхи замаливать. Не трону никого — ни зубкомъ, ни коготкомъ,—ни овечки не трону, ни теленочка, ребенка малаго не обижу... Постъ на себя наложу, глазомъ искоса не взгляну на мясное... Нѣтъ, баста! плохо, неприглядно житье съ воровскою повадкою!..»

Чу!.. Полозъ скрипитъ санный, колечко у дуги побрякиваетъ, лошаденка бѣжитъ бойко, чуетъ знать волка, ушами прядетъ, пофыркиваетъ.

Въ саняхъ баба сидитъ, съ головою тулупомъ покрывшись, дремлетъ, кобылкою не правитъ,—сама-молъ, дорогу знаетъ до дому. За санями жеребеночекъ попрыгиваетъ маленькій, отъ матки отсталъ, звонко ржетъ,—и въ морозномъ утреннемъ воздухѣ колокольчикомъ его ржаніе разносится.

Откуда сила взялась у волка отощалаго, забылъ и свое горькое покаяніе, вылетѣлъ стрѣлою на дорогу, впередъ забѣжалъ и припалъ въ кустахъ, выжидаючи.

— Бабу-то не трону,—смекаетъ про себя разбойникъ,—ну ее! пожалуй, еще топоръ у ней припасенъ въ саняхъ, а вотъ этого отсталаго прыгунца попробую. То-то, думаю, онъ вкусный, кормленный!..

Паръ-богатырь.

Въ безлюдной степи собрались на совѣтъ злые духи пустыни. Первымъ прискакалъ Ураганъ; дунулъ направо, дунулъ налѣво, разнесъ, разметалъ сыпучіе барханы песчаные, мѣсто себѣ порасчистилъ—и сталъ выглядывать изъ-подъ руки, поджидать товарищей.

Ураганъ бѣшеный, злой богатырь, гроза караванovъ, сидѣлъ на горячемъ рыжемъ жеребцѣ, носящемъ страшное имя Смерчъ. Самъ богатырь былъ въ желтомъ распоясанномъ халатѣ, въ лисьемъ малахаѣ съ огненно-краснымъ верхомъ; борода у него была длинная, до пояса, косматая и, какъ песокъ, желтая, а въ рукахъ онъ держалъ большую метлу, было бы

чѣмъ подогнать лѣпивые барханы, заупрямившіеся, не слушающіе одного его приказа-дуновенія.

Скучно богатырю одному дожидаться... Горячится конь подъ сѣдломъ, удила грызетъ, землю роетъ стальнымъ копытомъ... Ничего не видать въ степи живого, не надъ чѣмъ отъ скуки потѣшиться...

Ползетъ змѣйка сѣрая, искрятся глаза у гадины, раздвоенный язычекъ шипитъ и вьется...

— Занесу!.. — крикнулъ Ураганъ, а самъ подсмѣивается въ бороду.

— Ничего, дяденька, заноси!.. мнѣ это сподручно...

— Знаю, потому и не трогаю,—проворчалъ богатырь.

Вереница волковъ тощихъ-претощихъ, голодныхъ, изморенныхъ между барханами, крадучись, пробирается.

— Я васъ!—заоралъ Ураганъ.

Метнулись въ страхѣ вороватые звѣри, прыснули во всѣ стороны.

— Э... ге-ге! послушайте, стойте!.. жалко мнѣ васъ стало!..— кричитъ имъ вслѣдъ богатырь: — гони, ребятки, на сѣверъ... Тамъ я для васъ обѣдъ приготовилъ: нагналъ проѣзжаго человѣка съ конемъ, закрутилъ, задушилъ, замучилъ, спать уложилъ, пескомъ прикрылъ... Гайда! поройтесь!.. то-то я добрый!..

— Спасибо, дяденька! — провыли волки и пустились въ прискочку по указанному направленію.

Такъ забавлялся, развлекался Ураганъ-богатырь, товарищей поджидаючи...

Долго ли, скоро ли—загудѣло по степи, холодомъ повѣяло, завыло, засвистало,—скачетъ Урагановъ братъ-зимникъ: дѣдъ-Буранъ. Прискакалъ, обнялся съ братомъ... Взвились винтомъ чуть не до неба и снова на землю спустились.

— Какъ поживаешь?

— Чудесно!.. Какъ ты?..

— Скучно лѣтомъ... зато выспался!.. Что же, пока мы съ тобою двое?

— Пока двое...

— Подождемъ, побесѣдуемъ...

Дѣдъ-Буранъ былъ на гривастомъ сивомъ конѣ, звали коня Пургою. Самъ дѣдъ въ бѣломъ овчинномъ халатѣ, въ такомъ

же малахаѣ, и борода у него была, какъ у брата, до пояса, только, какъ лунь, бѣлая... Тряхнетъ бородою—глаза занесетъ мелкими, льдистыми снѣжинками...

— И чего гнали мы, спѣшили!—разсуждаютъ межъ собою братья-губители.—Вишь его, ночь; только показалась звѣзда-предутренникъ: неповадно Зною, первому палачу людскому, съ его роднею въ такую пору показываться... Подождать, пока солнце взойдетъ, приходится...

Стали дожидаться.

Забѣлѣла полоса на востокѣ, вспыхнуло небо золотымъ свѣтомъ, понеслись надъ степью-пустынею невидимые голоса... Изъ-за высокихъ бархановъ проглянуло солнце...

— Теперь скоро!—рѣшили братья и оба на востокъ воззрились...

Тихо, словно не по землѣ ступаетъ, по воздуху плыветъ—медленно приближается Зной-богатырь... И глазамъ смотрѣть на него больно; лица разглядѣть нельзя въ его огненномъ сіяніи.

— Самъ одинъ, али съ дѣтьми, съ ребятами малыми?

— Захватилъ и ребятъ на совѣтъ, да поотстали, слѣдомъ бѣгутъ... Слышь, костями постукиваютъ?—отвѣтилъ Зной-богатырь...

А дѣти у него: сынъ Голодъ да дочка Жажда,—злые, презлые,—тутъ какъ тутъ, изъ-за ближняго бархана поспѣшаютъ.

Ѣдетъ Голодъ, костлявъ, [illegible]: очи [illegible], зубы оскалены—и ѣдетъ на тощемъ-претощемъ верблюдѣ, кожа да кости... Ѣдетъ и сестрица его Жажда, [illegible], вся въ [illegible], а сидитъ, еле держится, на [illegible] [illegible].

— Тутотка мы, тятенька! Поспѣли!

— Ну, теперь всѣ въ сборѣ!—загремѣлъ Ураганъ.—Приступимъ къ совѣщанію...

— Приступимъ!—отвѣчали всѣ хоромъ.

— Говорятъ, братья мои, что люди заступаться стали,—началъ Зной.—Мало того, что у себя [illegible] мы не могли одолѣть,—тѣни много, [illegible] деревья и насаждали, [illegible] съ [illegible] [illegible]. Говорятъ, будто мало имъ того мѣста, гдѣ сначала Богомъ вода была указана,—дальше въ пустыню, въ наше исконное царство, проводить ее собираются. Гдѣ, бывало, часа перегона отъ городскихъ стѣнъ до нашихъ предѣловъ не было,—теперь уже и въ день не проѣдешь... обидно!..

— Ну, это мнѣ плевокъ,—похвастался Ураганъ.—Разнесу, размечу, позасыплю пескомъ тѣ арыки, съ корнемъ деревья повыворачиваю... Гляди: мало ли я на своемъ вѣку царствъ обратилъ въ пустыню... Покажи, гдѣ еще такія новыя?..

— Сидѣли бы, небось, по своимъ норамъ, — заворчалъ дѣдъ-Бураръ,—а то къ намъ въ пустыню и въ одиночку, и цѣлыми караванами ходятъ, подъ носомъ у насъ понарыли колодцевъ... Норовятъ все лѣтомъ пакостить; зимою, небось, когда я на стражѣ, боятся...

— Что-жъ меня, значитъ, не боятся?—осердился на брата Ураганъ-богатырь, только что передъ тѣмъ расхваставшійся.

— Полагать надо!..

— А ты поразрой пески,—мало, что ли, найдешь костей человѣческихъ? Да!.. поди-ка поройся, — и счета не будетъ.. Чьихъ рукъ это дѣло?..

— Всѣ стараются! нечего считаться да ссориться...—перебилъ Зной,—не время!..

— Насъ тятенька даже въ города посылалъ, и мы тамъ немало находили работы,—затрещали костями дѣтки.

— Всѣ хороши, да въ одиночку не воины, — оборвалъ Ураганъ.—Я начну рвать, метать,—ты, Зной, опоздаешь...

— Я принеку здорово,—тебя, чертъ знаетъ, гдѣ носитъ въ то время попусту!—перебилъ Зной.

— Вотъ и мы съ сестрой тоже въ разладъ: рѣдко вмѣстѣ... Начну я свою работу, а у людей вода не отнята... ну, денекъ-другой промаятся, а тамъ и добредутъ до жилого мѣста...

— Я на воду невластна, — выстукиваетъ зубами сестрица,—воду тятенькина обязанность отобрать... мое дѣло послѣ брать за горло.

— Цыцъ! — крикнулъ Зной.—Такъ вотъ мы и собрались здѣсь для того, чтобы путемъ сговориться, позабыть ссоры да разлады и дѣйствовать сообща къ погибели человѣку и всему живому: разомъ дружно накидываться и зорко стоять насторожѣ неприкосновенности пустыни нашего мертваго царства.. Мертвое такъ и должно быть мертвое... и мы, вѣковые богатыри, страшная слава которыхъ давно уже прошла по всему свѣту, самими людьми достойно воспѣтая, не посрамимся во-вѣки...

— Кто противъ насъ въ союзѣ посмѣетъ?! — гаркнулъ Ураганъ.

— Кто дерзнетъ?!—загремѣлъ Буранъ.

— Сунься только! — затрещали, зашипѣли Голодъ съ Жаждою.

— Да будетъ такъ!—поднялъ руку въ знакъ клятвы старый, лучезарный Зной и такъ засверкалъ очами, что дѣдъ-Буранъ отвернулся.

— Легче, говоритъ:—борода таять начала!..

. . . . . .

Случилось тутъ пронестись степью вѣчному бродягѣ, путнику легкому—Перекати-поле.

Скакало оно, неслось, подпрыгивало, съ гребня одного бархана на гребень другого переносилось, зацѣпилось за кустикъ сухой, задержалось и слышало весь разговоръ собравшихся злыхъ степныхъ губителей.

— Охъ вы, горе-богатыри!..—заговорило Перекати-поле,— не такая пора теперь, чтобы словами похваляться, зря только хвастаться... Скоро настанетъ конецъ вашему царству злому... Идетъ, гремитъ, пыхтитъ да посвистываетъ новый богатырь, идетъ съ далекаго запада, гдѣ прошелъ, вѣковой слѣдъ оставилъ... желѣзомъ воду сковываетъ, цѣпи на пустыни двойныя накладываетъ... Да не врагъ людямъ идетъ, а другъ и покровитель: за его спиной, что за каменною стѣною, человѣку... Скоро и сюда появится, вашу степь окуетъ, загремитъ по желѣзу желѣзомъ, — и ляжете вы всѣ у его ногъ, какъ псы послушные, потому—ведетъ того богатыря могучаго человѣческій геній.

Задумались надъ этими словами вѣщими злыя силы пустыни, тревожно покосились на западъ и, понуривъ головы, тихо, шагомъ въ разныя стороны разъѣхались...

Орелъ на полетѣ.

Сидѣлъ орелъ въ густомъ ивнякѣ, кончалъ обѣдъ, добытый въ бою.

Подбилъ онъ сегодня на полетѣ бѣлаго, пушистаго лебедя, и вмѣстѣ съ этой добычей спустился на землю, прямо въ кусты, въ уютное, тихое мѣсто; съ жадностью принялся за лакомое лебяжье тѣло,—ничего не видитъ... Притихла зеленая травка, не колышатся голубыя звѣздочки полевыхъ цвѣтовъ

бѣлой ромашки съ желтыми донцами, недвижимъ сѣрый мохъ кочковатый... Разносится кругомъ нѣжный лебяжій пухъ и плавно садится на ивовыхъ кустахъ, цѣпляется на высокихъ стебляхъ репейника.

Не слышитъ, не замѣчаетъ ничего вокругъ себя хищникъ, глаза налились кровью, черныя перья топорщатся гребнемъ на сильной, упругой шеѣ, хриплый клекотъ въ горлѣ слышится.

Наѣлся орелъ, встряхнулся, расправилъ крылья и вокругъ озирается.

Чуть-чуть колышитъ лѣтній вѣтерокъ чащу кустовъ; гдѣ-то далеко, далеко заливается малиновка; трещатъ кузнечики; гудитъ шмель басомъ, зарываясь въ цвѣточные вѣнчики; шуршитъ ящерка въ сухой листвѣ, робко пробираясь къ ближнему ручью; выглянула улитка изъ-подъ шляпки березовика шевелитъ рожками; выползъ на свѣже-разрытую кучку земли дымчатый бархатистый кротъ, захотѣлось, знать, погрѣться и онъ... Въ тепломъ, ароматическомъ воздухѣ носится переливами тихій звонъ, мелодичный посвистъ... Такъ все мирно, привѣтливо...

Скучно-скучно вольной птицѣ!.. Закрываютъ густые кусты широкую, безконечную даль отъ зоркихъ орлиныхъ глазъ. Шагнулъ орелъ, расправилъ крылья, взмахнулъ разъ, взмахнулъ еще-еще и «взмылъ» надъ кустами.

Кругомъ залегли кочковатыя болота, за ними протянулась полосами свѣжая, глинистая пашня, за пашнями зеленая понизь, а по ней серебряной ниткою извивается ручей, а тамъ стоятъ группами ветлы, кудрявыя березы, за березами тянутся бурыя соломенныя крыши, худыя изгороди, а дальше чернѣетъ темною зубчатою стѣною еловый боръ.

Скучно орлу въ этихъ понизяхъ,—загораживаетъ черный боръ отъ орлинаго взора безконечную даль.

Плавно машутъ могучія орлиныя крылья, выше и выше заносятъ вольную птицу...

Вотъ и за боромъ, — показалась крутобережная широкая рѣка; плывутъ по ней тяжелыя баржи съ хлѣбомъ, со всякимъ добромъ, дымятъ и посвистываютъ легкіе пароходы, оставляя за собой длинныя, пѣнистыя борозды, снуютъ по мелководьямъ рыбачьи лодки, — сушатся растянутыя мокрыя сѣти на песчаныхъ косахъ; сбѣгаетъ съ косогора къ перевозу столбовая дорога, закутанная пылью... скрипятъ въ той сторонѣ троеч-

ные обозы, звенитъ почтовый колокольчикъ, тянутся гуськомъ вереницы пѣшеходовъ-лопатниковъ... Пестрѣютъ многолюдныя села узорными избами, тесовыми крышами, куполами церквей, а дальше-дальше стоятъ стѣною высокія горы...

Скучно орлу, скучно!.. что тамъ за горами, хочется увидать ему поскорѣй.

Взмахъ за взмахомъ сильныя крылья поднимаютъ въ высь крылатого царя. Вотъ онъ уже за тѣми [illegible] горами, за бархатными лѣсами, — и снова [illegible] холмистыя равнины. Большой городъ [illegible] золочеными главами, бѣлыми дворцами, [illegible] плотинами... Словно муравейникъ въ минуту нежданнаго сазора, — кишитъ этотъ этотъ городъ народомъ... Колокольный звонъ волнами бьетъ кверху... по землѣ далеко, далеко разносится... со всѣхъ колоколенъ слышенъ благовѣстъ... Великій праздникъ, знать, празднуетъ нынче тотъ городъ.

А за городомъ, за лѣсами, [illegible], судоходными рѣками, пашнями, полями, поемными лугами опять поднимаются горы и горы... скрываютъ даль и мѣшаютъ любоваться на чудныя картины зоркой птицѣ.

Мащутъ крылья орлиныя, сѣкутъ и рубятъ воздухъ, забираютъ все выше и выше.

За тѣми горами встаютъ новыя горы, — скалистыя, мрачныя, чернѣютъ межъ ними пропасти, сизыя тучи ползутъ по скатамъ, расползаются по лощинамъ и ущельямъ, а за тѣми тучами — еще и еще горы — на горахъ залегъ снѣгъ, искрятся на солнцѣ вѣчные льды, по нимъ пробѣгаютъ нѣжныя, голубыя тѣни облаковъ.

Да и за этими горами «тоже, чай, земля не клиномъ сошлась» смекаетъ орелъ, птица ничѣмъ недовольная; устали не знаютъ его стальныя крылья; что ни взмахъ, то все дальше и дальше куда-то внизъ, въ глубь, словно въ бездонную пропасть уходятъ — и рѣки, и города, и даже самыя горы...

А за тѣмъ высокимъ горнымъ кряжемъ, за тѣми вѣчными снѣгами и льдами, безъ конца — съ небомъ сливаясь, развернулось голубое море — корабли по немъ словно точки бѣлѣютъ парусами; — острова зеленѣютъ, крохотные, словно кустики...

— Ну, а за моремъ что? поглядѣть-бы, подняться повыше... не назадъ же спускаться такъ, «почитай ничего и не видѣвши».

Выше и выше, безъ устали, безъ страха взмываетъ орелъ... уже ничего и невидно стало внизу — и горы, и долины, и лѣса, и многолюдные города, море самое безконечное, все затянуло сплошь густыми тучами; громъ перекатами гудитъ далеко гдѣ-то внизу...

Нагнулъ голову орелъ, въ сплошныя тучи возрился... Въ чистомъ воздухѣ клекотъ его звучно, призывно раздался... вскинулъ вверхъ головою... Яркое солнце блеснуло прямо ему въ гордыя очи...

И дивное-диво царя пернатаго, мощнаго хищника смутило...

Такъ же, какъ и внизу, въ густомъ невякѣ, межъ болотныхъ кочекъ, въ царствѣ кротовъ, мотыльковъ и кузнечиковъ, въ царствѣ всякой мелкой, ползающей твари далеко казалось ему это солнце — такъ и теперь, съ этой страшной высоты— это яркое, вѣчное солнце ничуть къ нему не приблизилось...

Петька-зайчикъ.

Тихо въ лѣсу подъ вечеръ. Горятъ румянцемъ заката зардевѣвшія вершины березъ, а понизу давно полегли глубокія, синія тѣни...

Треснетъ ли что подъ ногою, снѣгъ ли осыпется съ вѣтки,—каждый легкій шумъ слышится ясно, отчетливо—и далеко по лѣсу разносится... Вотъ—и теперь—ворона каркнула гдѣ-то призывно, вонъ еще и еще—ей откликнулись другія вороны... Со всѣхъ сторонъ на зовъ слетаются... Гомонъ поднялся, нарушивъ вечернюю тишину, да какой!.. Что такое случилось, что ихъ встревожило?.. Куда спѣшатъ, крыльями хлопаютъ, куда слетаются?.. Да вонъ куда:—на бѣломъ снѣгу по сугробамъ, межъ кустами, чуть виднѣется кровавый слѣдокъ, и ведетъ этотъ слѣдокъ на поляну, а тамъ, какъ разъ по срединѣ, лежитъ заяцъ подстрѣленный: отъ стрѣлка-то ушелъ, да отъ смерти уйти некуда.

Лежитъ, бѣдняга, снѣгъ подъ нимъ подпотѣлъ, подмочилъ ему шубку насквозь... Лежитъ заяцъ, еле дышитъ и жалобно вокругъ поглядываетъ. А кругомъ сплошь вороны разсѣлись, вплотную къ зайцу подбираются, да шевелится онъ, еще дышитъ и ухомъ поводитъ, несчастный,—ну и страшно голоднымъ разбойницамъ, ждутъ терпѣливо, когда покончится.

Смертельная тоска гложетъ маленькое заячье сердчишко. И умереть-то не доведется покойно... Пожалуй, еще живаго рвать станутъ, носами долбить, глаза выклюютъ! И щуритъ зайченокъ эти плачущіе глазенки. Молитъ Бога по своему: Пошли скорѣе смерть, прекрати непосильныя мученія!..

Трещатъ кусты, раздвигаются, надъ кустами шапка большая, мохнатая колышется,—все ближе да ближе подходитъ. А вотъ и весь богатырь появился на опушкѣ поляны. Не великъ богатырь, аршинъ отъ земли, да грозенъ, больно, въ рукахъ эва какую хворостину держитъ—и говоритъ богатырь самъ словно съ самимъ собою:

— Что это за крикъ такой воронье подняло? Пду, думаю! что за оказія?.. А оно вонъ что. Кшъ, вы, каторжныя!.. Я васъ!

Разлетѣлись вороны въ стороны, да не очень далеко. Напугалъ ихъ богатырь-малышъ, а зайца вдвое.

— Ну, — думаетъ заяцъ, — теперь уже совсѣмъ конецъ пришелъ... намолилъ Господа...

Словно мертвый прикинулся—и духъ затаилъ, а богатырь-то подошелъ вплотную, забралъ зайца да за пазуху, въ теплый тулупъ запихнулъ.

— Не бойсь! Сиди смирно! Не съѣмъ! Зайца только господа ѣдятъ; наши не станутъ... Да лежи ты, не рвись!.. Говорятъ тебѣ толкомъ: не съѣмъ! не понимаешь, что-ли?

А зайцу, да еще до смерти напуганному, гдѣ же понять рѣчь человѣческую. Сообразилъ, только, что ему тепло стало и страшныхъ воронъ не слыхать больше. Каркаютъ гдѣ-то,—только далеко, сквозь полушубокъ еле слышится...

Тепло стало—пригрѣло, значитъ, спать надо... задремалъ длинноухій, да такъ сонный и былъ водворенъ въ новое жилище.

Уже и смѣялся же старый лѣсникъ Данило, когда сынишка его, Петька, домой съ добычею вернулся да началъ ее къ мѣсту пристраивать.

— Самъ поймалъ, что ли? Не хуже Шарика, или моего Валетки! Экій ты, парень, какъ я погляжу, прыткій!..

— Нѣшто я собака, чтобы зайцевъ ловить!.. Отъ воронъ отбилъ, онъ вишь стрѣленый!.. Ихъ-то, воронъ этихъ, страсть что набралось, видимо-невидимо!.. А я-то одинъ!.. Я ихъ прутомъ пугануль, что ихъ баловать?

— Ай, да молодецъ! Ну-ка клади его въ кошелку, суй подъ лавку, да гляди—какъ бы собаки не пронюхали...

— Не смѣютъ!..

Устроили зайца покойно, тепло и привольно. Молочкомъ напоили, корешокъ морковки подложили подъ самую мордочку, а на всякій случай корзину тряпкою сверху обвязали.

И сталъ зайчишко поправляться на новосельѣ. Недѣли двѣ прошло, лапка зажила, самъ потолстѣлъ, шубка стала такая мягкая, пушистая...

— Вотъ онъ теперь—словно Валетка нашъ, бѣлый, а къ веснѣ, гляди, словно Шарикъ, сѣрымъ станетъ,—говоритъ Данило сыну, а тому очень интересно, какъ это его заяцъ шубку мѣнять будетъ.

— Вотъ,—думаетъ,—пождемъ весны, увидимъ!

Полюбился заяцъ Петькѣ, должно быть, и самъ Петька полюбился зайцу,—такъ другъ за дружкою и бѣгаютъ. Друзья стали самые неразлучные, только не долго эта дружба тянулась.

Пришла весна желанная, точно что шубка заячья темнѣть начала, да съ шубкою и мысли заячьи перемѣнились. Надоѣли, знать, бѣгуну тѣснота лѣсниковой избушки—и разъ какъ-то пріотворилъ лѣсникъ окопце—воздуху въ избу впустить лѣснаго, свѣжаго, а снѣгъ почти дочиста стаялъ и на самомъ припекѣ зеленая травка заиграла на солнышкѣ...

Только и видѣли сѣраго! Скокъ на лавку, скокъ на подоконникъ, да черезъ окно во дворъ, да черезъ плетень, да въ кусты... мелькнулъ разокъ подальше, да и сгинулъ.

Думалъ Петька—вернется къ ночи... Погуляетъ и вернется... все-таки въ избѣ и теплѣе и покойнѣе, самъ разсудить долженъ... но разсужденіе зайца вышло совсѣмъ не Петькино. Такъ своего друга нашъ Петька и не видалъ больше. Попадались зайцы, только все другіе—дикіе, бродячіе,—а этотъ, ну вотъ словно сквозь землю провалился.

Заскучалъ мальчикъ, загорюнился, а старикъ Данило говоритъ:

— Чего плачешь? Ты вотъ его отъ смерти спасъ, выходилъ, на ноги поставилъ... Что же, ты его въ батраки, что ли, себѣ прочилъ? корысть какую имѣлъ, что ли?.. Зайцу воля нужна; ему эта воля самая отъ Бога предназначена, ну ты и не препятствуй! Онъ тебѣ за эту волю и ни вѣсть что отъ Бога вымолитъ.

— Ладно!—отмахнулся рукою Петька.—Убѣгъ, такъ убѣгъ! Ну его...—хотѣлъ сказать было «къ лѣшему», да опомнился во-время, застыдился такого помышленія и докончилъ, какъ слѣдуетъ.—Господь съ нимъ! Пущай гуляетъ! Мнѣ не надо!.. Не жалко даже, ни чутучку...

А самому-то очень жалко было ушастаго дружка, да не ревѣть же ему, мужику, отцовскому помощнику, какъ бабѣ,—вонъ хоть бы какъ Арина-солдатка, когда письмо принесли, что ея сына въ Туретчинѣ, на войнѣ, на смерть забили...

Заяцъ ушелъ—не бѣда, а настоящая бѣда подстерегала уже обитателей лѣсниковой сторожки... Да такая бѣда горькая, что даже самъ Данило безнадежно опустилъ свою голову...

Занемогъ Петька. Бродилъ онъ далеко отъ избы, примѣчалъ все, какъ птицъ весною все прибываетъ да прибываетъ, какъ онѣ гнѣзда строятъ, къ пѣнію разноголосому прислушивался, заглядѣлся, должно быть, что тамъ на верху творится, и прозѣвалъ у себя подъ ногами, попалъ въ яму съ водою, да съ головою въ ней окунулся... А вода-то холодная, прехолодная, да и на дворѣ было не тепло, вѣтрено. Испугался мальчикъ, да скоро оправился, сталъ барахтаться, за корни руками цѣпляться, бился-бился, а все-таки выбрался, усталъ, сѣлъ, а итти не можетъ; былъ онъ въ своемъ полушубкѣ зимнемъ, тотъ насквозь промокъ, а Петькѣ не догадаться снять его съ плечъ, да бросить.

И такъ холодно стало, зубъ на зубъ не попадаетъ, а сниметъ шубенку, думаетъ, еще холоднѣе станетъ. Поспѣлъ, опомнился, домой побрелъ. Боится, что батька ругать начнетъ, не торопится, чѣмъ ближе къ дому, шаги замедляетъ. Шелъ-шелъ, все отдыхать присаживался, а какъ до избы дошелъ—самъ не помнитъ. На бѣду еще отца дома не было, помочь ребенку, какъ слѣдуетъ, было некому. Пришелъ лѣсникъ подъ вечеръ,—не узналъ даже Петьку: такой страшный сталъ, поспѣлый, безпамятный. Насилу добился отецъ толкомъ, что случилось.

Ну, конечно, снялъ съ него сейчасъ всю одежду мокрую, натеръ всего водкою, печку растопилъ, на припечку уложилъ Петьку, покрылъ съ головою своею сухою шубою и сталъ въ горшкѣ мяту лѣсную парить, чтобы отпоить больного горяченькимъ.

Все бы это хорошо было, если бы во-время, а то опоздали

отцовскія заботы. Простоналъ, прометался Петька всю ночь, а къ утру смолкъ, успокоился.

Думалъ отецъ, не померъ ли—нѣтъ, пока живъ, слава Тебѣ, Владычица Небесная!.. Только такъ плохъ, что все равно помереть скоро надо—не выжить.

Метнулся лѣсникъ на деревню за знающими людьми, привелъ унтера Назарыча, грамотнаго человѣка, знающаго,—привелъ Арину-знахарку. Набѣжали еще бабы, изъ любопытства больше... Собрались всѣ у Петькиной постели—причитаютъ жалобно, и всякая свое средство совѣтуетъ.

Всѣхъ слушался горемычный Данило-лѣсникъ—все пробовалъ... Только Назарычъ сказалъ ему:

— Брось... гони ихъ всѣхъ помеломъ, лѣкарокъ этихъ, а то онѣ и живого, здороваго, уморятъ, а надѣйся больше на волю Божію—на Его святую милость... потому, кромѣ Бога, никто твоему Петькѣ не поможетъ. У него, вишь ты, огневица скоропалительная...

Не понялъ Данило, что за слово страшное сказалъ знающій унтеръ. Сообразилъ только, что дѣло плохо. Коротать ему остальной вѣкъ свой одинокимъ бобылемъ, безъ Петьки, значитъ—безъ всякихъ надеждъ на будущее, безъ любви, безъ радостей, и разревѣлся старый Данило, на всю избу, даже Шарикъ съ Валеткою—взвыли по своему.

— Молись Господу!..—еще разъ внушительно замѣтилъ Назарычъ, и добавилъ:—я, слышь ты, пойду домой и гробикъ твоему мальчику сколочу и выкрашу, какъ разъ готовъ ко времени будетъ—либо сегодня въ ночь, либо завтра къ вечеру,—больше ему не прожить. Дѣло вѣрное!..

— Что-жъ, постарайся для младенца,—махнулъ рукою Данило.

Хочетъ онъ удержать свой плачъ,—да не можетъ, все всхлипываетъ.

Прошла ночь, другая подошла... хуже да хуже ребенку, а къ полуночи кончаться началъ... тяжело такъ урывками дышитъ... воздуху немного забираетъ, а ротъ широко разѣваетъ.

— Словно рыбка... — замѣтила бабушка Арина.—Вотъ словно окунекъ, когда ежели на берегъ выволочатъ.

Положили Петьку подъ образа и свѣчечку восковую зажгли у изголовья.

Сталъ читать по книжкѣ Данило отходную... присѣла въ уголокъ, за печкою, бабушка Арина... собаки на дворѣ все воятъ да воятъ.

— Къ покойнику...—шепчетъ глупая баба.

Наступила полночь.

У Данилы строки путаются, слова мѣшаются, глаза подернуло туманомъ—шибко, неудержимо дремлется... Похрапываетъ Арина въ своемъ уголкѣ... Лежитъ Петька, не дышитъ будто, не шелохнется, глазки закрытые—глубоко провалились, самъ словно воскъ сталъ... не слышитъ даже, что таракашекъ по его личику ползаетъ.

Догорѣла свѣчка, затрещала легонько и погасла... Темно стало въ избѣ... Всѣ заснули,—даже собаки выть перестали... только вѣтеръ въ трубѣ гудитъ уныло, словно далекій, монастырскій колоколъ.

И чудится Петькѣ, что лежитъ онъ не здѣсь, не въ избѣ подъ образами, а въ глубокомъ снѣгу, на лѣсной полянѣ... болитъ у него ножка подстрѣленная, шубенка насквозь промокла, самъ весь избитъ... все болитъ, все ломитъ и ноетъ, силъ нѣтъ подняться... а кругомъ все вороны обсѣли, да страшныя такія, черныя, глаза горятъ, какъ уголья—все ближе, да ближе къ нему подбираются. Лежитъ Петька, безсильный, безпомощный и Бога молитъ, по своему, дѣтскому разумѣнію:—«Спаси меня, помилуй, Боже милостивый!—пошли смерть скорѣе, чтобы вороны живого еще не расклевали».

Гудитъ по лѣсу, трещатъ, ломятся кусты занидевѣшіе, а надъ кустами тамъ большая, мохнатая шапка колышется, все ближе да ближе подходитъ.

А вотъ, и весь богатырь на полянѣ появился... Не велику богатырь, да грозенъ больно, въ рукахъ эва какую хворостина держитъ, руки у него не руки, а лапки заячьи, и мордочка заячья, даже длинныя ушки изъ-подъ шапки топорщатся.

— Кш! вы, проклятыя!..—кричитъ богатырь на воронъ, вороны въ стороны отъ него... прочь полетѣли.

Подошелъ богатырь къ Петькѣ, забралъ его обѣими руками, да за пазуху.

Тепло стало Петькѣ за пазухой, а тепло, значитъ, спать надо... и боль вся ни вѣсть куда пропала... и вороны не слышны больше, не пугаютъ своимъ зловѣщимъ карканьемъ...

Крѣпко спалъ Данило, отецъ горемычный, крѣпко разоспалась Арина-солдатка... Солнечный лучъ ярко блеснулъ въ избенное оконце, и вся изба озарилась золотистымъ свѣтомъ... Очнулись старики, къ Петькѣ метнулись:—померъ, знать, похолодѣлъ уже.—А Петька сидитъ на лавкѣ, глаза у него свѣтло такъ, радостно смотрятъ, самъ улыбается... и говоритъ имъ:

— А меня ночью чуть вороны живого не заклевали... У меня ножку подстрѣлили... бѣда была просто, да меня зайчикъ выручилъ: воронъ хворостиною пугнулъ, меня за пазуху положилъ и сюда принесъ. Батька! Мнѣ очень кушать хочется...

И невдомекъ мальчику, почему старики смотрятъ на него какъ-то особенно, а потомъ передъ образами ничкомъ оба повалились...

Сообразили оба, какой такой зайчикъ спасъ отъ смерти неминучей больного мальчика.

«Слава тебѣ, Создателю Многомилостивому!»

И пошелъ по всей окрестности нашъ Петька называться не просто Петька, а «Петька-зайчикъ»... Только выросъ, когда здоровымъ мужикомъ сталъ, начали его величать—Петра Данилычъ Зайчиковъ.

Тѣмъ и увѣковѣчена была память свершившагося событія.

Дѣдушка-Буранъ, Бабушка-Пурга.

Тихо, тихо въ широкой, безпредѣльной степи.

Ни одинъ сухой стебелекъ не шевельнется, легчайшая порошинка, какъ осѣла, такъ и сидитъ, словно приклеенная... На курганѣ видна могила батыря *) степного, Богъ-вѣсть, когда похороненнаго, а надъ этою могилой торчатъ шесты съ цвѣтными тряпками, съ конскими хвостами — бунчуками **)... И тряпки эти, и хвосты спокойно висятъ, не колыхнутся, словно, вотъ нарисованы они на этомъ сизомъ, мглистомъ тонѣ вечерняго воздуха.

Щелкнетъ гдѣ, за версту, а то и больше, конская подкова о камень — далеко, звучно такъ по степи разносится... Собака залаяла гдѣ-то въ аулѣ дальнемъ, — словно, вотъ тутъ сей-

*) Батырь—багатырь.
**) Бунчукъ—знамя значекъ.

часъ, близко... Въ этой мертвой тишинѣ каждый малѣйшій звукъ отчетливо, ясно такъ слышится.

Не къ добру это могильное затишье!

Весь день не видать было солнца за сплошными, сѣрыми тучами, а тутъ, какъ къ самому краю неба оно опустилось, на минутку проглянуло, краснобагровую полосу зажгло на западѣ, безконечно длинныя тѣни отбросило отъ каждаго кусточка, отъ каждой кочки, отъ могильнаго кургана и отъ этихъ шестовъ съ хвостами и тряпками... Багровымъ свѣтомъ озарило степь, будто краснымъ, растопленнымъ золотомъ залило.

Не къ добру эта кровавая окраска!

Всѣ, кого въ пути застигла такая пора, всѣ, кто только отъ дому далеко отбился, всѣ спѣшатъ подъ кровъ, подъ защиту норъ и логовищъ, къ жилому теплу — домой... Звѣрье все мигомъ попрячется! табуны въ плотныя кучи собьются, волки и лисицы по щелямъ степныхъ балокъ *), подъ камни залягутъ... Собаки, на что ко всему привычныя, а и тѣ къ человѣку жмутся, къ порогу его войлочной кибитки или къ зимней землянкѣ, и оттуда выть начинаютъ—протяжно, жалобно...

Не къ добру это вытье заунывное!

. . . . . .

Чу!.. Разомъ ожила степь, «закурилася»... Словно, изъ подъ земли, всюду повыскакивали бѣлые зайчики, зарѣзвились, заскакали, заиграли на просторѣ... Крутятся, прыгаютъ, кувыркаются, мечутся въ разныя стороны, другъ-дружку съ ногъ сбиваютъ, пѣшему и конному подъ ноги кидаются, посвистываютъ полегоньку, весело... Да все ихъ больше и больше набѣгаетъ... Одинъ налетитъ на кустъ—разсыплется, а съ того мѣста десятокъ новыхъ вскакиваетъ...

Это разыгрались передовые вѣстники, дѣтки «Пурги-бабушки», скоро, значитъ, и сама она пожалуетъ.

Загудѣло, застонало въ степи... Сизыя тучи, словно волны дыма порохового, клубятся, вровень съ землею сгелятся, а въ этихъ тучахъ растетъ и близится страшный обликъ бѣдовой старухи.

Вотъ она, сѣдая, сгорбленная, шагаетъ широко, размашисто, топчетъ дѣтокъ своихъ, длинною метлою во всѣ стороны раз-

---

*) Балка—оврагъ.

метываетъ, а метла эта такая, что отъ востока до запада размахъ ея стелется, сама слѣдъ рѣжетъ глубокій, сама этотъ слѣдъ безъ остатка сглаживаетъ. Да и не молча работу свою злая старуха справляетъ: громко на всю степь жалуется, и брюзжитъ, и ворчитъ и вздыхаетъ тяжко, носомъ крючковатымъ посвистываетъ, зубами пощелкиваетъ.

Тяжело въ степи въ эту пору, тяжело звѣрю-скотинѣ, а все-таки горе ихъ пока полугоре, — горе впереди, горе, когда дѣдушка Буранъ самъ за своею старухою слѣдомъ пожалуетъ.

Словно не въ воздухѣ, не по землѣ, а далеко гдѣ-то, подъ землею, гулъ и громъ идутъ перекатами. Несмѣтный табунъ бѣлыхъ коней мчитъ Бурана-дѣдушку, въ распашныхъ саняхъ везетъ его, стараго да пьянаго. Кони дикіе, разнузданные, ржутъ и фыркаютъ; разметали по вѣтру гривы бѣлыя, жмутся кучею, рвутся въ стороны. Самъ буранъ высоко въ саняхъ стоитъ, головою въ небо уперся, шапка на немъ мѣховая, косматая, на плечахъ халатъ распоясанный, въ рукахъ «дубина омрозъ» вѣская, что не размахъ, такъ и валится лоскомъ все встрѣчное.

Расходился Буранъ-дѣдушка, на коней своихъ зычно гикаетъ, бѣгу сдавать не даетъ, знать, старуху свою нагнать хочетъ, да никакъ не нагонитъ все: та, вѣдь, тоже прытка, даромъ что пѣшая. И носятся они другъ за другомъ, какъ бѣшеные, все крутятъ да ломятъ, съ корней выворачиваютъ.

И нѣтъ на нихъ силы ровной, нѣтъ на нихъ угомону и устали, пока сами собою, своимъ хотѣніемъ, въ волю натѣшась, спать не улягутся.

И тогда спадетъ вѣтеръ, проглянетъ солнышко утреннее и зальетъ степь взбудораженную золотомъ, теплымъ, ласкающимъ свѣтомъ.

Заискрятся алмазами безконечные сугробы снѣжные, словно горы, словно волны моря, разомъ застывшія. Снова звуки живые въ чистомъ воздухѣ послышатся, снова все живое, мирное и немирное на свѣтъ Божій выглянетъ и начнетъ свою работу обыденную, вражескимъ набѣгомъ на время прерванную.

Пожаръ.

Подъ самое рождество, въ ночь, пошелъ Никита-лѣсникъ въ обходъ по лѣсу.

Не то морозитъ легонько, не то къ оттепели, и оледенѣлые сугробы снѣга шипятъ подъ широкими лыжами.

А ночь темная стояла, претемная!

Оставилъ Никита въ своей избушкѣ внучку Палашку, дѣвочку лѣтъ четырнадцати, сироту круглую, единственную свою радость и счастье, и наказалъ онъ Палашкѣ никому не отворять, собаку Жучку съ собою въ тепло посадить, ни на чей откликъ не отзываться и въ печи огня отнюдь не раскладывать, свѣту не держать—я, молъ, передъ разсвѣтомъ вернусь, успѣемъ изготовиться къ празднику.

Большой обходъ надо нынче Никитѣ сдѣлать; по кругу считать верстъ двадцать безъ малаго, на искосокъ—гдѣ спрямить дорогу—и то дай Богъ до свѣту управиться... А время какъ разъ такое, что надо востро держать ухо, зорко глазъ настораживать, самое, что ни на есть, воровское, разбойничье.

По всему уѣзду только и лѣсу осталось, что казенный, заказной, глубоко окопанный, да этотъ, помѣщичій, а больше нигдѣ не пенышка — голышу мужику деревенскому ни дровъ, ни на стройку раздобыть не откуда, только что покупкою на чистыя деньги, а деньги водятся далеко не у всякаго... Лѣсникъ Никита одинъ надъ лѣсомъ надсмотрщикъ, а охотниковъ своровать — видимо-невидимо. Строгаго права старый лѣсникъ, крутъ характеромъ, на сороковкѣ не поддѣнешь, рублемъ совѣсть его не купишь, значитъ, потайно надо. А старикъ хитеръ и зорокъ, на ногу прытокъ, на ухо чуткъ, за плечомъ, на ремнѣ, двустволка — неважная, а все двѣ смерти носитъ.—Въ одномъ мѣстѣ проглядитъ, въ другомъ накроетъ, и тогда уже плохо — никакими посулами не откупишься, до суда дойдетъ—тюрьмою кончится. Тюрьма—бѣда не великая, мужика задаромъ казенными харчами прокармливать, да семьѣ безъ мужика этого плохо приходится, кормить некому, а къ сосѣдямъ не пойдешь за кускомъ, — у самихъ въ обрѣзъ, а то и вовсе впроголодь...

По всей ихъ сторонѣ голь да нищета, а кабаковъ много— на это хватаетъ... Вездѣ плохо, а самое что ни на есть зло это «Драный поселокъ», дворовъ пятнадцать скучилось по краю оврага, одинъ къ другому вплотную, чуть не подъ одною крышею. Курныя избушки, что норы ушли въ землю по самыя оконца, покривились, покосились и только и держатся, не падаютъ, что другъ къ дружкѣ прислонились. Живетъ въ этихъ норахъ сплошная бѣднота и лѣсные воры, самые, по всей окрестности, первые. Много возни приходится старому лѣснику съ драповцами, и тѣ на лѣсника—какъ на звѣря дикаго глядѣли, убить грозились не разъ, въ болотѣ утопить, избу сжечь до тла, чѣмъ только не пугали, думали — струситъ старый, станетъ на ихъ продѣлки смотрѣть сквозь пальцы, дастъ хоть буреломомъ покормиться. Упрямъ Никита, не податливъ — ни на какую угрозу не откликается.

— Стану,—говоритъ,—имъ потокать, ворамъ каторжнымъ!

Однако все-таки остерегался, безъ заряженнаго ружья не выходилъ. Вотъ и теперь, самъ ушелъ, а внучкѣ приказалъ сидѣть запершись да притаившись, словно въ крѣпости за дубовыми ставнями, за крѣпкими болтами, съ собакою Жучкою— да такою злющею и сильною, что одна на трехъ мужиковъ полѣзетъ, ни отстоитъ хозяина.

Идетъ Никита-лѣсникъ обходомъ, далеко зашелъ, выбрался изъ чащи на горѣлую просѣку,—справа и слѣва темными стѣнами вѣковой лѣсъ чернѣется, шуршатъ лыжи, тяжело сопитъ, словно медвѣдь, лѣсникъ, шагаетъ размѣренно, поглядываетъ изъ-подъ косматой шапки, самъ думу тяжелую думаетъ...

Тюкъ-тюкъ!.. Словно топоръ по вѣткамъ обсѣкаетъ... да явственно такъ... вотъ, вотъ... съ полверсты не будетъ.

Тюкъ-тюкъ... въ другой стороны слышится. Загудѣло по лѣсу, застонало, рухнуло, будто, вѣковое дерево.

— Шалишь! — озлобился лѣсникъ, а самого страхъ обуялъ.—Кто-же это шалитъ тамъ, именно тамъ,—гдѣ нѣтъ ни проѣзду, ни проходу, ни выходу. Никогда прежде того здѣсь не было. Вотъ, по волчьему болоту, въ медвѣжьемъ хуторѣ— это все мѣста для воровства удобныя, подходящія, а чтобы тутъ... такого грѣха не бывало. Неужели лѣшій гуляетъ... чтобъ...

Только промолвилъ Никита это—загрохотало по лѣсу, засвистало.

— Съ нами крестная сила!

Перекрестился лѣсникъ—стихло.

— Такъ и есть, должно быть.

Свернулъ Никита въ сторону, глядитъ, а изъ занидѣвѣвшаго куста лошадиная морда подъ дугою киваетъ.

— Эге! такъ вотъ ты гдѣ!.. Погоди-же!..

Какъ кошка притаился лѣсникъ, согнулся, словно на четвереньки сталъ и прямо къ мѣсту порубки. Видитъ: захудалый мужиченко, не полушубокъ на немъ, а рвань одна, веревкою подпоясана, около свѣженоваленной ели возится. Не доглядѣлъ хорошо, свалилъ велику больно, не подъ силу, какъ теперь быть съ нею, не знаетъ. Сучья подрубилъ уже, санки подвелъ подъ комель, а кляча не беретъ, провалилась по брюхо въ снѣгъ, мотаетъ головою, а впередъ не подается. Видитъ Никита, что одинъ пріѣхалъ, безъ товарищей, Фомка изъ «Дранаго выселка».

— Вѣдь вотъ, подленъ-то... Что? не подсобить ли тебѣ, дяденька?

Услыхалъ Фомка зычный голосъ злого сторожа, пискнулъ даже, словно заяцъ пойманный, на снѣгъ присѣлъ и глазами заморгалъ.

— Прости, Ильичъ... никакъ это ты? это я, то есть... знаешь... такъ, чуть-чуточку... знаешь... ей-Богу не буду больше. Батюшка! да прости-же хоть для праздника святаго... окаянный ты... что, бишь, я, милый человѣкъ... ей-Богу не буду... ей-Богу, для праздника.

— А вотъ, будешь ты у меня съ праздникомъ. Я тѣ покажу—я тѣ!

— Никита Ильичъ... у меня тоже внучата махонькіе, лѣти-сироты... возьми дерево-то, подавись... хоть сучечки оставь,—обогрѣться нечѣмъ, воды хотя похлебать горячей... не для ого—для дѣтей прости.

— Ладно, разговаривай!

Сгребъ Никита лѣвою рукою Фомку за затылокъ, пригнулъ мордою въ снѣгъ, снялъ правою веревку запасную съ пояса, сталъ руки за спиною крутить, а руки такія тощія, одни кости, того и гляди сломятся.

— Вотъ я тѣ покажу, какъ воровать... я тѣ устрою... Тьфу!

Нѣтъ ни Фомки-вора, ни лошади его пѣгой, ни саней, ни ели срубленной. Стоитъ Никита въ лѣсу, по поясъ въ снѣгу, одинъ одинешенекъ и веревку въ рукахъ держитъ размотанную.

— Тьфу! Али пригрезилось!..

Перекрестился мужикъ на-отмашь. «Домой, думаетъ, пора! Вѣрно, лучше дома помолиться, да спать ложиться, передъ праздникомъ. Лампадку бы затеплить, передъ угодниками Божьими. Вотъ, вотъ. Вотъ и тѣ тоже, дрововцы проклятые, тоже думаютъ:—Не пойдетъ старый лѣшій дозоромъ подъ великій праздникъ, дома сидѣть будетъ, а мы и того,—намъ что праздникъ! Навеземъ лѣску—вотъ и будемъ съ праздникомъ!»

Думаетъ, сомнѣвается Никита Ильичъ, а все поближе къ избушкѣ своей подается. Вотъ, уже оврагъ перевалилъ, идетъ дровянникомъ, березнякомъ. А ночное время перешло уже за полночь. Въ груди что-то разомъ застыло, сердце словно остановилось, ружейный ремень, вамъ собою, скользнулъ съ плеча.

— Охъ, Господи... Не попусти!.. Помилуй!..

Надъ лѣсомъ вспыхнуло красное зарево, заиграло, расширилось — все жарче да жарче становится — и какъ разъ это зарево надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ избушка лѣсникова.

Рванулся Никита, пустился бѣгомъ, что есть мочи, волкомъ взвылъ на бѣгу, зловѣщее зарево все больше разгорается... и чудится лѣснику, что уже гарью запахло, слышенъ гулъ и трескъ пожарища, жалобно Жучка воетъ, запертая... Чу! и другой крикъ,—тоскливый, отчаянный, призывный.

— Дѣдушка!

Далеко до избы, не можетъ быть ничего слышно, а вотъ слышится-же!

Осатанѣлъ Никита, устали нѣтъ, удержу! Словно раненый медвѣдь по сугробамъ, по кочкамъ, сквозь оледенѣлыя заросли прорывается. Лыжи растерялъ, шапку сорвало, распоясался, только въ прикладъ ружья впились, словно впаялись, цѣпкія пальцы.

Бѣжитъ Ильичъ на выручку. Долго-ли бѣжалъ—прибылъ.

Догорѣла уже до тла его избушка, — только груда каленыхъ угольевъ дымится. Ни Жучка, ни внучка Палашка, — никто его не встрѣчаетъ.

«Добили ненавистнаго имъ, суроваго сторожа—дрововцы. Поздравили съ праздникомъ!..» думалось Никитѣ, вотъ вотъ

заплачетъ, — а слезъ нѣту... Реветъ не своимъ голосомъ безъ толку, въ горячія уголья чуть не голыми руками лѣзетъ, все думается отыскать Палашку обгорѣлую.

Бороду опалилъ, армякъ запскрился, закурился. Звѣрь, не человѣкъ, сталъ.

— Палашка!.. дѣвочка!.. милая... отзовися... Жучка! фью, фью! Родное дитятко... радость моя... голубонька! . . . . .

Долго-ли прошло время, коротко-ли, опомнился бѣдняга, окаменѣла душа. Глазъ вдругъ сталъ не въ мѣру зорокъ, ухо не въ мѣру чутко. Обошелъ кругомъ пожарище: «Эге!.. Вотъ, они, слѣды, вотъ еще!.. Вотъ, съ этого мѣста запаливать стали, по вѣтру погнали огонь, проклятые! Вотъ, опять на снѣгу лапти... Эти, вишь ты, у оконъ да у дверей стояли, не выпускали. Вы думали, все гнѣздо разомъ извели!.. Нѣтъ! — шалишь! Самъ-то остался. Онъ вамъ покажетъ теперь зубы — ладно!»

И надумалъ Никита лѣсникъ итти прямо къ «Драному поселку».

— Погоди-же! Будете и вы у меня съ праздникомъ!

Идетъ Никита озлобленный, думу думитъ такую:

«Вотъ, передъ свѣтомъ крѣпко спать будсте, по своимъ норамъ. Тоже зайду по вѣтру, тоже всѣхъ спалю сонныхъ, и стараго, и малаго. Огонь пущу краснымъ пѣтухомъ; кто выскочитъ, изъ ружья убью, руками передушу и въ полымя брошу. Палашенька, счастье мое пропащее, душа невинная!.. Я ихъ за твою погибель адскія муки претерпѣть заставлю».

Идетъ отчаянный человѣкъ, изъ лѣсу на проселокъ полевой вышелъ, въ оврагъ спустился, думаетъ, — этимъ ходомъ подойти сподручнѣе.

Сугробы не сугробы, а вровень съ ними крыши занесенныя «Драновскаго поселка»... Ни огонька нигдѣ въ окнѣ не видать, ни собакъ даже не слышно... спитъ голодное, холодное населеніе, бѣды не ждетъ пока ни откуда.

«Погоди-же... на томъ свѣтѣ проснетесь у меня, трижды анафемы проклятые! Въ геенѣ огненной,—ни на томъ, на этомъ свѣтѣ еще задохнетесь».

И не говоритъ этихъ страшныхъ словъ Никита, а сами слова у него въ пересохшемъ горлѣ клокочатъ, а наружу вырваться не могутъ.

Присѣлъ подъ первою крышею, снѣгъ разгребъ, полѣзъ въ карманъ за спичками. А вѣтеръ предъутренникъ сильнѣй подулъ, какъ разъ на подмогу злому умыслу.

Спитъ въ своимъ лачугахъ скученныхъ, обреченное на гибель, голодное населеніе.

Засинѣлся огонекъ, озарилось красноватымъ блескомъ лицо поджигателя, вспыхнула сухая промерзшая солома, — трескъ пошелъ. И вдругъ почудилось Никитѣ, что не солома горящая трещитъ, не талый ледъ шипитъ, а тысяча голосковъ такихъ нѣжныхъ, ласковыхъ, вотъ словно молодой рой летитъ надъ ульями, шепчутъ ему въ уши:

— Прости... прости... не губи дѣтокъ неповинныхъ. Тамъ и подростки, и малые, и грудные ребята есть. Прости — не губи... прости—не губи... ради святаго праздника, ради Младенца Святаго, Новорожденнаго. Прости, и тебя Богъ проститъ и помилуетъ. Прости... слышь ты, милый человѣкъ... ослѣпленный злобою, ненавистью. Прости, не мсти за зло зломъ. Помилуй ихъ, помилуй.

Руки опустились у Никиты, въ умѣ просвѣтлѣло. Грудью ринулся онъ на загоравшійся ворохъ соломы, руками разметалъ, затопталъ ногами, снѣгомъ завалилъ. Долго простоялъ на мѣстѣ—все слѣдилъ, не тлѣетъ ли гдѣ еще, не разгорѣлось бы. Потомъ покачалъ головою, перекрестился на-отмашь и пошелъ обратно на свое пепелище.

Долго итти отъ «Дранаго поселка»! Сюда бѣжалъ, не замѣтилъ какъ время шло, шагнулъ разъ, шагнулъ два — и на мѣстѣ, а теперь нѣтъ. Теперь дорога эта далеко растянулась! Золотистая полоска проглянула на востокѣ, а на поляну пришелъ Никита, уже солнышко выглянуло, и въ розовомъ блескѣ морознаго утра, въ серебрѣ инея—тонкая ленточка дымка протянулась. Стоитъ его сторожка цѣлая, невредимая, Жучка весело по двору бѣгаетъ, въ окнѣ видать яркій, радостный огонь затопленной печки, а внучка Палашка, шубенку накинувши на плечи, дверь пріотворила, стоитъ на порогѣ и дѣдушку своего дожидается.

Диву дался старый лѣсникъ, Никита Ильичъ, и сообразить не можетъ: «Что это все, во снѣ ли ему причудилось, или дѣйствительно, въ силу Святаго примиренія, Божье чудо свершилось?»

Ангелъ смерти

Бой затихъ.

Съ разсвѣта до глубокой ночи гремѣли выстрѣлы; сѣдою пеленою смраднаго дыма затянуло окрестности и въ этомъ дыму, въ разсыпную и сплошными, тяжелыми массами, двигались тысячи «сѣрыхъ» и «синихъ», истребляя другъ друга...

Весь день!.. Съ разсвѣта до глубокой ночи...

Тьма наступила и розняла истомленныхъ бойцовъ: «синіе» ушли далеко туда, въ глубину предгорій; «сѣрые» назадъ, въ ту синѣющую, лѣсную даль. Ни тѣ, ни другіе не сочли себя побѣдителями, никто не призналъ себя побѣжденнымъ; спорное поле осталось за павшими...

Тьма наступила... тьма побѣдила!.. Мертвое достояніе мрака!..

Страшная тишина смѣнила громъ боя... Снѣжныя тучи подвинулись съ горъ, рѣзкій, холодный вѣтеръ завылъ въ кустарныхъ зарослякъ, шевеля гривами павшихъ коней, лохмотьями одежды убитыхъ... И мнится: будто дышатъ во тьмѣ, пробуждаются трупы...

Тихій стонъ страданья слышенъ въ завываніяхъ леденящаго вѣтра.

Стынутъ тѣла, замерзаютъ кровавыя лужи... Работу свинца и желѣза кончаетъ безпристрастный морозъ, нѣтъ въ немъ ни злобы, ни состраданія; равны для него и «сѣрые», и «синіе».

Томительно долго тянется зимняя ночь; грустная здѣсь, веселая и свѣтло-радостная тамъ, гдѣ не гремѣли выстрѣлы, гдѣ люди живутъ въ миру, куда не разъ предсмертною мыслію проникали, и еще живые, и поверженные, бойцы...

Святая ночь Рождества, ночь мира и привѣта. Ночь, когда, при видѣ сверкающей огнями елки и радостныхъ дѣтскихъ лицъ, смягчается самое суровое черствое сердце, забывается горе и злоба... Зане—это ночь Благодати...

Здѣсь же, въ этой адской долинѣ, ночь невыносимой скорби и страданій. Ночь послѣдняго испытанія. Ночь гнѣва Господня!..

Блаженны убіенные... Счастливы успувшіе на-вѣкъ!.. И сколько здѣсь тѣхъ, кто засохшими устами, коснѣющимъ языкомъ молилъ Бога о смерти...

Томительно долго тянется зимняя ночь!

Вотъ приподнялся одинъ чуть-чуть, на локоть только... и громко застоналъ отъ боли... мутнымъ взоромъ старается всмотрѣться, что тамъ кругомъ?.. гдѣ онъ?.. гдѣ наши?..

— Братцы!.. Братцы!.. оставили...

Тоскливо забилось очнувшееся сердце, будя энергію жизни. Молніей пронеслось воспоминаніе дня...

«Идутъ... палятъ... бѣгутъ... падаютъ... штыки... ура!.. командиръ свалился... носилки... снова бѣгутъ... мечутся «синіе», мелькаютъ красныя фески въ кустахъ, дымъ застилаетъ очи, душитъ чрезмѣрно усталую грудь... рѣдѣютъ ряды... стали... упалъ и онъ...»

И все потемнѣло, все стихло разомъ... ни боли, ни малѣйшаго страданія... А теперь?!. зачѣмъ теперь эти муки?!. оставили... бросили... одинъ... одинъ!..

Нѣтъ! не одинъ... Вонъ, да близко какъ!.. вонъ еще, прямо въ упоръ на него уставились два страшные глаза... черное, какъ уголь, лицо тоже отдѣлилось отъ снѣга... также невыносимое страданіе положило печать на него—и страхъ смѣшался съ печатью скорби...

Это «синій» проснулся, и замѣтилъ врага... почудилось, что тотъ крадется тихо къ нему, безпомощному, умирающему—и невольно потянулась рука за оружіемъ... скользитъ слабая рука по ружейному прикладу, а нѣтъ силы поднять...

— Что же, добивай...—шепчутъ воспаленные глаза «синяго».

— Какой страшный!..—шепчетъ и «сѣрый»,—что же, добей! скажу спасибо.

Каждый произнесъ это по своему, а оба поняли другъ друга, и грустная улыбка скользнула по лицамъ и «сѣраго», и «синяго».

Улыбнулись и разсѣялся страхъ; подвинулись ближе другъ къ другу.

— Что, больно?..—спросилъ «сѣрый»,—куда попало?..

— Тяжело?..—спросилъ «синій»,—гдѣ болитъ?..

И снова оба поняли. Одинъ показалъ на свои, безпомощно волочащіяся ноги, другой на грудь, на изорванную штыками расшитую куртку.

— Попить бы,—проговорилъ «синій», просительно глядя на жестяную флягу у пояса «сѣраго».

— Пусто, братъ... поглотаемъ-ка снѣгу...—отвѣтилъ «сѣрый».

— Охъ, тяжко!..

— Тяжко и мнѣ... Смерть подходитъ...

И оба замолкли, снова пали головами на снѣгъ.

Время идетъ. Холодъ все крѣпче, да крѣпче.

— Живъ еще?..— опять приподнялся «сѣрый».

Видитъ, а «синій» привсталъ въ половину тѣла, обѣими руками опершись, жадно глядитъ куда-то, поверхъ этого конскаго трупа, поверхъ бугра, гдѣ безобразнымъ счелтомъ торчитъ разбитое колесо...

— Огонь!.. свѣтъ!..—шепчетъ онъ ясно, словно крикнуть пытается.

Опять по своему говоритъ, а «сѣрый» понялъ. Тоже вивидитъ свѣтлую точку и растетъ эта точка, будто костеръ вдали яркимъ пламенемъ разгорается.

— Полземъ!

— Полземъ!

Плечо къ плечу сошлись «сѣрый» и «синій», пытаются помогать другъ другу... стонутъ, вскрикиваютъ даже отъ боли, ползутъ... ползутъ... Да вдругъ оба стали и вопросительно смотрятъ другъ на друга...

— Бивакъ! Свои ли? А ну, какъ чужіе... враги?!.

И снова оба печально улыбнулись своему страху.

— Что-жъ, пополземъ! Авось, Господь милостивъ—допуститъ?

— Полземъ... Аллахъ безъ конца милосердъ...

А силъ больше нѣтъ, послѣднія попытки безплодны, немощно разбитое тѣло, словно земля сама озлилась на бѣглецовъ, крѣпко за нихъ уцѣпилась и держитъ... Слабѣе и слабѣе бьется сердце, мутится взоръ... А странно, все исчезаетъ изъ глазъ: и этотъ раздутый бокъ палаго коня, и эти чьи-то ноги, и рука, сжатая въ кулакъ, что видна была изъ-за пригорка, и это разбитое колесо, и заиндѣвѣвшая щетина кустовъ,—все затянуло предсмертнымъ туманомъ, а огонь, желанный огонь, все ближе и ближе, все яснѣе и яснѣе кажется. Не они къ нему, самъ онъ, плавно скользя надъ землею, плыветъ имъ навстрѣчу...

Неслышно вьютъ легкія бѣлыя крылья... Окутанное прозрачнымъ облакомъ приближается къ нимъ свѣтлое видѣніе, чаша въ рукахъ... Словно легкое пламя колышется надъ чашею, озаряя и дивный ликъ, и дивныя руки...

И оба, «сѣрый» и «синій», коснулись устами краевъ этой чаши.

Тотчасъ же исчезло видѣніе.

По оно унесло съ собою всѣ страданія, всѣ боли, страхъ и смятеніе, смѣнивъ ихъ отраднымъ и вѣчнымъ покоемъ.

Колодезь мира и жизни.

I.

Въ безводной степи, между высокими барханами сыпучихъ песковъ, тамъ, гдѣ чуть виденъ полузанесенный слѣдъ караванный, Богъ вѣсть когда,—Богъ вѣсть кѣмъ выкопанный, таится чудный колодезь.

На трое сутокъ пути, во всѣ стороны, нѣтъ, и не было никогда, ни одной капли воды; мертвая, холодная степь лежала вокругъ, но здѣсь, у этого одинокаго колодца, истомленные путники утоляли жажду и покойно отдыхали, набираясь силъ на новый многотрудный путь, вторую половину всего пройденнаго.

Холодная, чистая, какъ кристаллъ, животворная вода колодца служила одинаково всѣмъ: и мирному купцу, и набожному богомольцу, и хищнику-вору, рыскающему по степи на страхъ и тому, и другому. И всѣ свято чтили колодезь, съ молитвою подносили чашу съ водою къ изсохшимъ отъ жара устамъ, чтили самое мѣсто вокругъ колодца... И, до сихъ поръ, не находилась еще ни одна святотатственная рука, которая дерзнула бы осквернить пролитою кровью вѣковую святыню.

И назывался этотъ колодезь у всѣхъ однимъ именемъ: «колодезь мира и жизни».

Шагахъ въ десяти отъ чернаго зіяющаго жерла колодезнаго,—давно, какъ и не помнитъ никто изъ самыхъ старѣйшихъ, стояла старая, закопченая войлочная кибитка, больше чѣмъ на половину врытая въ желтый песокъ, и въ этой кибиткѣ жилъ, и зиму, и лѣто, старый Ходдай-Магометъ, благочестивый мулла, мудрый наставникъ и совѣтникъ во всѣхъ нуждахъ и сомнѣніяхъ человѣка, любимецъ великаго пророка, вдохновленный самимъ Аллахомъ всемогущимъ, святой стражъ святого мѣста.

Ходдай-Магометъ питался тѣмъ, что оставляли ему проѣзжіе. Да и немного нужно было неприхотливому старику: горсть варенаго риса, да чашка воды достаточны были для поддержанія его жизни.

Проходили дни, недѣли, цѣлые мѣсяцы,—никто не приходилъ къ нему, и его не тяготило, не смущало его душу это одиночество.

Съ мыслью о Богѣ, о Его безконечности и безпредѣльномъ величіи, молча сидѣлъ онъ въ благоговѣйномъ созерцаніи, и его сухія, блѣдныя губы, даже и во время сна, шептали однѣ только молитвы.

По вотъ, изъ далека-далека, степной вѣтеръ донесетъ мелодичный звонъ колокольчиковъ, чуть замаячатъ въ знойной мглѣ мѣрно идущія вереницы тяжело-навьюченныхъ верблюдовъ, старикъ торопливо тащитъ изъ своей кибитки кожаныя ведра, длинные волосяные арканы, раскладываетъ ихъ у жерла, собираетъ сухой пометъ для костровъ и, протянувъ свои костлявыя дрожащія руки, встрѣчаетъ прибывшихъ благословеніемъ покоя и мира. И не спрашиваетъ онъ никого, ни—кто, ни—зачѣмъ, ни—откуда?

Старый бекъ, Ширали-Кабаклынскій, когда еще былъ ребенкомъ, слыхалъ отъ своего отца про чуднаго старца Ходдай-Магомета; когда самъ бекъ состарившись, ходилъ съ богомольцами въ Мекку, Господь привелъ и ему видѣть лично святого стража святой воды, совсѣмъ схожаго съ описаніемъ отца-покойника. Ходило преданіе, что Ходдай-Магометъ, будто бы, самого Тимура заживо помнитъ, и люди этому преданію вѣрили.

Пути Всевышняго неисповѣдимы и нѣтъ предѣла его милостямъ.

II.

Давно уже спалъ жгучій жаръ и багровое солнце медленно опускалось за потемнѣвшіе барханы. Синяя тѣнь легла по лощинѣ и остыли за день накаленные пески.

До слуха Ходдай-Магомета донесся спѣшный топотъ конскихъ ногъ и скоро увидѣлъ онъ всадника о «дву-конь», направлявшагося къ колодцу.

Это былъ человѣкъ молодой, стройный какъ пальма, сильный какъ левъ, красивый какъ женщина. Дорогая одежда,

дорогое убранство коней, смѣлый и гордый взглядъ и величавая осанка, обличали въ немъ не простого путника, не купца, не пилигрима, не разбойника, вора-оборвыша.

Онъ слѣзъ съ вороного коня, перебросилъ поводья на сѣдло другого, тоже черпаго какъ смоль, безъ отмѣтинки,— и чудные бѣгуны встали какъ вкопанные, дружелюбно обнюхивая другъ друга.

— Да благословитъ Аллахъ прибытіе твое!—произнесъ Ходдай-Магометъ.

— Спасибо!—отвѣтилъ прибывшій и сѣлъ на песокъ, гремя чеканеннымъ, убраннымъ бирюзою оружіемъ.

— Мирный покой съ миромъ идущему!—помолчавъ съ минуту, произнесъ старикъ, и на его губахъ быстро мелькнула странная усмѣшка,—только мелькнула на мигъ, словно ящерка, молніей сверкнувшая черезъ тропинку.

А юный гость молчалъ, лежа на пескѣ, скрывая подъ внѣшнимъ покровомъ гордости явное смущеніе.

Пока ѣхалъ онъ дорогою, все такъ хорошо сложилось въ его головѣ,—все, что онъ долженъ былъ здѣсь говорить этому съдому старцу,—все, слово за словомъ, низалось на одну нить мышленія... Пріѣхалъ, увидѣлъ, пришла пора дѣйствовать—и порвалась эта нить, разсыпались по степи слова, языкъ не повинуется волѣ.

— Гдѣ люди твои, господинъ?—промолвилъ Ходдай-Магометъ.

— За мною идутъ... Отстали,—обрывисто отвѣтилъ пріѣзжій, и словно замѣтивъ опять мелькнувшую на губахъ старика усмѣшку, добавилъ, будто оправдываясь:—Они идутъ тихо, съ ними верблюды, навьючены тяжело... Они пріидутъ... Къ полуночи, я думаю, будутъ на мѣстѣ...

— Они не пріидутъ вовсе. Ты одинъ въ пути!—тихо промолвилъ мулла, такъ тихо, что гость и не слышалъ его словъ а только понялъ ихъ значеніе, и, смущенный, сталъ рыть песокъ ножнами кинжала.

Прошелъ часъ, прошелъ другой... Никто больше ни слова не говорилъ,—и тихо-тихо, было въ степи, только кони грызли стальныя удила, да нетерпѣливо фыркали, чуя близкую воду.

— У меня, тамъ...—началъ пріѣзжій красавецъ,—въ самой срединѣ города, на просторной площади—чудная мечеть, вся

изъ бѣлаго мрамора... Узорными лентами вьются по карнизамъ святыя изреченія, золотомъ горитъ круглый куполъ и, будто свѣчи, несутся въ небо стройные минареты... Мягкіе ковры устилаютъ полы и ступени... Тѣнистый садъ съ трехъ сторонъ окружаетъ этотъ домъ молитвы, и въ саду томъ журчатъ и струятся ручьи, вливая воду въ мраморные бассейны... Много муллъ и ученыхъ живетъ при этой мечети, и живутъ безъ заботъ и лишеній, живутъ какъ въ раю, наслаждаясь всѣмъ, что только дано человѣку для наслажденія... Хочешь, старикъ, жить тамъ, надо всѣми ими старшимъ, первымъ муллою моего города?

— Аллахъ указалъ мнѣ здѣсь мое мѣсто,—отвѣтилъ старикъ.

Пріѣзжій нетерпѣливо приподнялся на локоть.

— Тысячи-тысячъ народа сходятся въ мой городъ и благоговѣйно ждутъ у порога мечети святого слова... Хочешь одинъ говорить съ ними, хочешь одинъ учить ихъ?.. Вѣдь эти тысячи-тысячъ преклонятся передъ тобою, и во всѣ концы земли разнесутъ о тебѣ славу великаго пророка.

— Послѣдній ученикъ я,—не учитель. Не мнѣ суждено тягаться славою со славными... Напрасно ты тратилъ на меня свои лестивыя рѣчи!

— Упрямый старикъ!—вскочилъ на ноги красавецъ-гость и быстро подошелъ къ конямъ.

Тамъ онъ отвязалъ отъ сѣдла тяжелый мѣшокъ, оборвалъ шелковый шнурокъ, его связывающій, и на влажный отъ ночной росы песокъ посыпались, даже при свѣтѣ звѣздъ, огнемъ сверкающіе червонцы.

— Это—все твое,— говорилъ онъ задыхаясь:—все! Окажешь услугу, сдѣлаешь, что мнѣ надо, еще получишь вдвое, втрое... Получишь все, чего только у меня не потребуешь...

— Я золотомъ не питаюсь... И здѣсь, въ мертвой пустынѣ, мнѣ даже мѣдной чеки не нужно. Убери это... Оно горитъ, какъ кровь, а крови эти пески еще не видали...

Вспыхнули недобрымъ огнемъ глаза у гостя и рука сама собою потянулась къ оружію, а старикъ сидѣлъ покойно, только, словно въ дремотѣ, склонивъ на сухую грудь свою дряхлую голову.

— Не большой услуги прошу я у тебя... — заговорилъ снова гость, поборовъ охватившее его волненіе.

— Знаю,—чуть слышно произнесъ Ходдай-Магометъ.

И опять наступило долгое, обоюдное молчаніе.

— Со свѣтомъ зари утренней иди отсюда, старикъ,—снова раздался голосъ гостя.—Иди, пока не утомятся твои ноги, иди за песчаные холмы и жди тамъ до новой зари, до новаго восхода солнечнаго... Вотъ, о чемъ молю тебя, вотъ за что я сдѣлаю все, что ты пожелаешь.

— И прійдетъ эта новая заря, и вернусь я на свое мѣсто, — сказалъ въ отвѣтъ Ходдай, — и не найду я капли воды въ святомъ сосудѣ... Смерть заступитъ мѣсто жизни, стыдъ и позоръ лягутъ на мою сѣдую голову, грѣхъ великій, смертельный, на мою душу, горе и скорбь на неповинныхъ людей...

— Постой? — вскочилъ на ноги гость. — Такъ ты и это знаешь? Сквозь двойную кольчугу ты прочелъ въ моемъ сердцѣ... Колдунъ!

Гнѣвомъ вспыхнули его глаза, словно сама собою вылетѣла изъ ноженъ кривая шашка...

— А знаешь ли ты, вѣщій, знаешь ли ты, что съ тобою самимъ сейчасъ случится?..

— Знаю,—покойно, безъ страха глядя на гостя, произнесъ старикъ. — Знаю. Завтра же, въ этотъ самый часъ... Вонъ, смотри, надъ тѣмъ высокимъ барханомъ красная звѣзда поднимается... Въ этотъ самый часъ увижу я, какъ Аллахъ караетъ преступника.

— Такъ лжешь же, собака!—заревѣлъ проѣзжій и однимъ взмахомъ клинка раскололъ на-двое вѣковой черепъ святаго старца...

Безъ стона, безъ вздоха протянулось на пескѣ мертвое тѣло, но глухой, жалобный гулъ понесся между барханами... Чудилось, будто пески, мертвые сыпучіе пески, застонали, принявъ въ свои жаркія нѣдра кровь праведника.

Долго, въ тяжеломъ раздумьи, стоялъ убійца надъ трупомъ... Кони вороные громко заржали, и этотъ веселый звукъ пробудилъ хозяина.

Усмѣхнулся красавецъ, только невесела была эта усмѣшка, взвалилъ тѣло на спину коня, самъ сѣлъ на другого и поскакалъ въ барханы, дальше отъ опозореннаго, святого колодца, дальше отъ пути караваннаго, туда, куда некому и незачѣмъ заглядывать.

Тамъ онъ глубоко зарылъ тѣло въ горячій песокъ, снявъ прежде съ него истлѣлое отъ времени рубище, снялъ съ себя свой дорогой, ярко-цвѣтной бешметъ и стальную кольчугу, а самъ одѣлся въ платье убитаго; затѣмъ досталъ изъ переметной сумы коробку съ цвѣтными мазями и длинную, козью бороду, досталъ маленькое, круглое зеркальце и принялся передѣлывать свое красивое, молодое лицо—въ дряхлое, доживающее свой вѣкъ, — старое. Великій машкарабазъ *) Алламедъ научилъ его этому искусству.

Недолго возился за такимъ дѣломъ убійца и, окончивъ свою работу, вернулся пѣшкомъ къ колодцу, оставивъ коней на крѣпкихъ приколахъ, за высокими барханами, гдѣ ихъ ни одинъ посторонній глазъ не могъ видѣть.

Прійдя на колодезь, онъ тщательно засыпалъ пескомъ лужи почернѣлой крови, досталъ ведро холодной, чистой, какъ кристалъ воды, отпилъ немного и сѣлъ на порогѣ кибитки: ну, точь въ точь, какъ прежній сторожъ Ходдай-Магометъ, на своемъ, вѣками насиженномъ, мѣстѣ.

А на востокѣ вспыхнула и стала разгораться заря утренняя, разгоняя ночную тьму, золотя гребни далекихъ бархановъ, стоняя съ поблѣднѣвшаго неба безчисленныя, алмазныя звѣзды.

III.

Тѣмъ временемъ, шагъ за шагомъ, ходомъ неспѣшнымъ, тянулся по ровной степной дорогѣ большой караванъ.

Впереди по-парно ѣхали двѣнадцать всадниковъ, кони подъ ними были золотисто-рыжіе, одежды на всадникахъ ярко-красныя; кривыя сабли въ дорогихъ мягкихъ ножнахъ качались безъ звука сбоку у каждаго, за плечами висѣли круглые щиты кожаные, въ рукахъ копья длинныя, гибкія, бѣлыми буйволовыми хвостами оперенныя.

За конными передовыми шли сто человѣкъ пѣшихъ, всѣ лицами черные, какъ уголь, далекаго юга уроженцы, пришлые наемники. У этихъ были копья короткія, съ широкими лезвіями а за плечами гибкіе луки и колчаны, стрѣлами наполненные

*) Актеръ-комикъ.

Одежды на пѣшихъ были короткія, ноги босыя, мозолистыя, устали незнающія.

За пѣшими вели тридцать верблюдовъ, тяжело навьюченныхъ, покрытыхъ полосатыми попонами. За верблюдами опять шли пѣшіе лучники, стрѣлки черпокожіе, а за ними опять двѣнадцать всадниковъ-мальчиковъ, одинъ другого красивѣе, одинъ другого наряднѣе одѣтыхъ. Солнце весело играло на ихъ пестрыхъ чалмахъ, золотомъ шитыхъ, на дорогихъ уборахъ конскихъ.

Каждый всадникъ-батча держалъ въ рукахъ саазъ*) шестиструнный, и далеко неслась по равнинѣ ихъ чудная музыка

За музыкантами, окруженный блестящею, многочисленною свитою, ѣхалъ на малорослomъ, бѣломъ, какъ горный снѣгъ, иноходцѣ старикъ съ длинною бородою, съ нависшими сѣдыми бровями, отбросившими густую тѣнь на его глаза, глубокогналые, но все еще грознымъ повелительнымъ блескомъ сверкающіе.

Просто и скромно одѣтъ былъ этотъ величавый старикъ, бѣдпѣйшимъ казался онъ между своими слугами, только сухіе пальцы его мѣрно перебирали крупныя, не имѣющія цѣны, единственныя во всей вселенной, жемчужныя четки.

Роскошная свита ѣхала молча, боясь нарушить благоговѣйное созерцаніе повелителя, только горячіе кони, сдержанные стальными удилами, фыркали и храпѣли, робко косясь на свои длинныя, синеватыя тѣни.

За свитою вели сорокъ вьючныхъ муловъ, съ казною и пѣнностями, а за мулами—вереницею тянулись верблюды, покрытые дорогими коврами. На каждомъ верблюдѣ колыхался высокій шатеръ съ парчевою крышею, украшенный по угламъ пвѣтными перьями; длинныя, шелковыя занавѣси спускались до земли, скрывая отъ нескромныхъ взглядовъ посторонпихъ людей тѣхъ, кто сидѣлъ подъ этими шатрами.

Между верблюдами шли пѣшія женщины съ закрытыми лицами, а съ боковъ ѣхали на крупныхъ сѣрыхъ ишакахъ блѣдные люди, безъ усовъ и бородъ, но уже старые, сморщенные. Въ рукахъ эти люди держали обнаженныя сабли, сверкавшія на солнце, словно молніи.

---

*) Саазъ—родъ круглой балалайки.

Всѣхъ верблюдовъ съ шатрами было тридцать-одинъ и пер дній отличался отъ прочихъ особеннымъ великолѣпіемъ. Верблюдъ этотъ былъ бѣлый, а шатеръ на немъ голубой, вышитый золотыми и серебряными звѣздами.

За этими верблюдами или безъ конца простые, вьючные верблюды, съ дорожными шатрами, палатками, котлами, съѣстнымъ и постельнымъ запасомъ, а съ ними много простыхъ людей и рабовъ, подъ общимъ присмотромъ всадника, вооруженнаго длинною кожаною плетью.

Хвостъ всего каравана замыкалъ еще отрядъ всадниковъ, разославшій отъ себя назадъ, вправо и влѣво сторожевыхъ людей, зорко наблюдавшихъ за пустынною, мертвою окрестностью.

Это шелъ въ Термезъ, на поклоненіе великому чтимому святому, грозный Саидъ Ширъ-Али, владѣтельный ханъ Мозандерифа.

На тридцати верблюдахъ, подъ шатрами, ѣхали его тридцать женъ, по счету дней луннаго мѣсяца, а на тридцать-первомъ, подъ голубымъ шатромъ, красавица Ліа, любимая дочь хана, отъ первой его жены, давно уже умершей.

Уже восьмой день находится въ пути ханъ Саидъ Ширъ-Али, со своимъ гаремомъ, а цѣль еще далека. Еще нескоро придется имъ увидать широкія, спокойныя воды великой рѣки, и на томъ ея берегу, окутанныя знойною мглою, чудныя развалины чуднаго древняго города.

Тихо идутъ пѣшіе чернокожіе воины; тихо, сдерживая горячую прыть лошадей, ѣдутъ конные; мѣрно шагаютъ верблюды подъ ношею, мелодично позванивая своими шейными колокольчиками.

IV.

Сердечная ли тоска, скука или жаркая истома овладѣли красавицею Ліа, и она вся разметалась подъ своимъ шатромъ, чудная, полуобнаженная, лѣниво играя своими дорогими ожерельями.

Одна изъ пѣшихъ женщинъ незамѣтно приблизилась къ самому верблюду и осторожно окликнула красавицу.

— Ты спишь, госпожа?—спросила она шепотомъ, такъ, чтобы не услыхалъ этотъ безбородый, дремлющій на своемъ ишакѣ, тоже дремлющемъ, развѣсившемъ лѣниво свои длинныя уши.

Ліа нагнулась къ спрашивающей и чуть-чуть отодвинула край голубой занавѣски.

— О, еслибы я могла спать!—отвѣчала Ліа.—Нѣтъ, Джанымъ, давно уже глаза мои не знаютъ сна. О, какъ длинно, какъ мучительно долго тянется это путешествіе.

— Оно кончится скоро,—произнесла Джанымъ,—оно кончится гораздо скорѣе, чѣмъ ты думаешь, моя дорогая госпожа, мое вскормленное дѣтище.

— До Термеза еще девять дней пути,—замѣтила Ліа.—Я слышала, какъ говорилъ Турсукъ вчера, на ночлегѣ.

Джанымъ покосилась на безбородаго толстяка и усмѣхнулась.

— Турсукъ,—сказала она,—не можетъ знать того, что должны знать другіе.

— Да?!.—оживилась немного красавица, прильнула лицомъ къ самой занавѣскѣ и, помолчавъ съ минуту, словно борясь сама съ собою, дрогнувшимъ голосомъ сказала:

— Ну, Джанымъ, продолжай же, продолжай свою вчерашнюю сказку.

Улыбнулась Джанымъ, покосилась еще разъ на дремлющаго Турсука и исполнила волю своей госпожи, вскормленной ея грудью, ею взлелѣянной и выхоженной.

...«Долго думалъ молодой ханъ Искандеръ»,—начала, было, она, но Ліа прервала ее на первомъ словѣ.

— Называй его Девлетомъ. Слышишь? Я хочу, чтобы ты его такъ называла... Тебѣ вѣдь все равно, Джанымъ, милая моя, добрая...

— Хорошо, хорошо! — согласилась разказчица.—Девлетъ, такъ Девлетъ. Сказка вѣдь отъ этого не мѣняется... Такъ вотъ, «долго думалъ молодой ханъ Иск..., то бишь Девлетъ, и рѣшилъ, что жить ему безъ его красавицы.. » Какъ ее называть прикажешь, госпожа?

— Ліа,—чуть слышно прошептала дочь Саида-Ширъ-Али хана Мозашерифскаго.

— «... жить Девлету безъ Ліи никакъ невозможно. И во снѣ и на яву онъ видѣлъ всегда передъ собою чудный образъ своей возлюбленной.

«Съ тѣхъ самыхъ поръ, когда, бѣжавши изъ плѣна, подъ видомъ нищаго-богомольца, проходилъ онъ Мозашерифъ, когда старуха Джанымъ мелькомъ дала взглянуть ему на ту, что

прислала ему, уличному пѣвцу, хлѣба и корзину плодовъ,— онъ потерялъ покой, потерялъ всѣ утѣхи. и даже у себя дома, вновь окруженный роскошью и блескомъ, среди тысячъ чудныхъ женскихъ глазъ, глядящихъ на него съ восторгомъ любви, онъ не замѣчалъ этихъ взглядовъ, сердцемъ и душою помня только одни глаза, глаза звѣзды Мозанерифа».

— Красавецъ мой, бѣдный, милый!—шептала Ліа, внимательно слушая сказку своей кормилицы.

«Тогда ханъ Девлетъ рѣшилъ пренебречь завѣтами старинной, родовой вражды. Вопреки уговоровъ и совѣтовъ своихъ старшихъ и даже главнаго, Кязы, онъ снарядилъ къ хану Мозанерифскому мирное посольство съ богатыми дарами и униженно просилъ руки его дочери, соглашаясь впередъ на всѣ условія. Но онъ не зналъ, что каменное сердце хана давно уже не знало любви и было глухо къ примиренію.

«Ханъ отвергъ дары своего врага, съ позоромъ выгналъ изъ города его посольство и окружилъ двойною стражею жилище своей дочери. Думали всѣ тогда, что Мозанерифу не избѣжать ужасовъ свирѣпой, безпощадной войны. Вожди ханскіе дѣятельно готовили войска, народъ возводилъ высокія стѣны, копалъ глубокіе рвы, прорывалъ плотины и широкою полосою затопилъ всѣ дороги къ своему городу.

«Но Девлетъ храбрый, пылкій юноша не помелъ войною на своего врага, онъ щадилъ кровь отца своей возлюбленной, онъ кротко перенесъ оскорбленіе...

«Любовь побѣдила воина и сковала его сильныя руки».

— Такъ онъ покорился судьбѣ?—спросила Ліа:—онъ рѣшился одинъ страдать: пусть, молъ, само время излѣчитъ эти страданія?!. Малодушный!..

— Нѣтъ, дитя мое, онъ зналъ пословицу, говорящую, что и храброму, могучему льву, умная хитрость помогаетъ въ побѣдѣ.—и подготовилъ себѣ эту побѣду путемъ безкровной, глубоко обдуманной хитрости.

— Что же придумалъ онъ? Говори, не томи...

Турсукъ громко зѣвнулъ, широко раскрылъ свои безцвѣтные, заспанные глаза и поправился въ покойномъ сѣдлѣ. Джаныкъ отстала на шагъ отъ верблюда, щель голубой занавѣски словно сама собою сомкнулась.

— Не оттягивай тамъ, задніе! Чего разбрелись по сторо-

намъ! Въ кучу!—хриплымъ визгливымъ голосомъ закричалъ безбородый и черезъ минуту снова погрузился въ сонъ, заклевавъ своимъ длиннымъ, какъ у аиста, носомъ.

— Къ солнечному закату, сегодня,—приблизилась опять Джанымъ, мы прибудемъ къ колодцамъ «Мира и Жизни»,— святой мулла Ходдай-Магометъ поднесетъ всѣмъ по очереди чашу съ благословенною водою... Ты не пей изъ этой чаши.

— Въ чашѣ смерть?—съ ужасомъ спросила Ліа.

— Нѣтъ, но чаша для другихъ мирный сонъ, для тебя, моя красавица — заря твоего счастія.

. . . . . .

А караванъ все шелъ и шелъ, ханъ Саидъ-Ширъ-Али перебиралъ свои четки, подъ мѣрные звуки саазовъ безбородые дремали на ишакахъ, конная стража зорко наблюдала мертвую пустыню.

V.

Ханъ Девлетъ Кафирнегамскій, убійца святого Ходдай-Магомета, давно уже ждалъ каравана. Медленно двигалось жгучее солнце, медленно росли послѣполуденныя тѣни, казалось хану, что и конца не будетъ этому длинному, томительному дню.

Тяжелымъ камнемъ лежало у него на душѣ убійство праведника и скорбное сердце чуяло роковое возмездіе.

И то же сердце, въ то же время, билось иною тревогою, тревогою близкой радости, близкаго, неземного счастія.

Казалось, свѣтъ и тьма боролись въ этомъ сердцѣ, и на лицѣ хана Девлета отражались всѣ подробности этой борьбы, вызывая поочереди то сурово-тоскливое выраженіе, то улыбку райскаго блаженства.

«Не отраву смертельную влилъ я сюда, въ эту чашу, говорилъ самъ съ собою Девлетъ... Только мирный сонъ, глубокій, сладкій, полный чудныхъ сновидѣній охватитъ отца твоего и его спутниковъ. Три дня и три ночи волшебный сонъ не выпуститъ ихъ изъ своихъ объятій, а ты, моя жизнь, моя радость, тѣмъ временемъ, далеко улетишь со мною, на моихъ быстроногихъ скакунахъ, улетишь ко мнѣ, въ мой дворецъ, гдѣ заступишь мѣсто моей единственной горячо любимой жены-повелительницы. Я распущу весь гаремъ, я не хочу, чтобы другая женщина оспаривала у тебя твое право; ты

одна, а съ тобою и все, что можетъ дать только рай въ бою убитому праведнику.

«Отецъ твой пойдетъ на меня войною, я знаю... Я выйду къ нему навстрѣчу безъ войска, одинъ съ тобою, я приму его не какъ врага, а какъ отца, моего повелителя; и суровое сердце его смягчится при видѣ твоего счастія. Что сдѣлано, то сдѣлано, вернуть нельзя, и онъ проститъ насъ, особенно, если къ нашимъ рукамъ, протянутымъ къ нему съ мольбою, прибавятся еще двѣ маленькія ручонки.

«Два сильныя ханства, соединенныя вмѣстѣ, будутъ первенствовать надо всѣми остальными; отъ насъ будутъ зависѣть судьбы народовъ, отъ насъ исходить будутъ всѣ блага для вѣрныхъ, горе и смерть непокорнымъ. А тебѣ, святой старикъ, безразсудный упрямецъ, я воздвигну здѣсь высокую мечеть, я приведу сюда, въ мертвую пустыню, людей земледѣльцевъ; они разроютъ пески, поднимутъ воды, разсадятъ тысячи деревьевъ, и мертвое мѣсто превратятъ въ дивную, цвѣтущую долину, и назову я долину эту и мечеть твоимъ святымъ именемъ».

Такъ думалъ ханъ Девлетъ, повѣряя свои думы сыпучимъ барханамъ, пока сидѣлъ у колодцевъ и ждалъ прибытія каравана желаннаго.

А солнце словно остановилось на небѣ, словно раздумало склоняться на западъ, и жгучій, накаленный воздухъ замеръ, не колышется...

VI.

Уже звѣзды заискрились въ небѣ, когда подошли къ колодцу «Мира и Жизни» передовые всадники и слѣзли съ своихъ взмыленныхъ, усталыхъ коней.

— Благословенъ съ миромъ ѣдущій!—привѣтствовалъ ихъ мнимый старикъ и всѣ подходили къ его благословенію и набожно пили изъ священной чаши.

— Благословенъ съ миромъ идущій!—привѣтствовалъ Девлетъ грознаго хана Санда, и тотъ не призналъ въ этомъ дряхломъ старцѣ своего юнаго врага и довѣрчиво приложилъ свои сухія уста къ краямъ сосуда.

Всѣ напились вволю, всѣ,—и воины, и слуги, и рабы, и жены ханскія, и ихъ прислужницы,—только красавица Ліа и

ея Джанымъ помнили уговоръ послѣдней и не коснулись протянутой къ нимъ отравленной чаши.

Не успѣли рабы и слуги развьючить верблюдовъ и разсѣдлать коней, не успѣли разставить шатры и разостлать ковры ярко-цвѣтные, какъ одолѣлъ ихъ волшебный сонъ... и, словно поле битвы, усѣянное мертвыми тѣлами, такъ усѣялись спящими окрестности колодца «Мира и Жизни».

Не слыхали они ни звонкаго ржанія коней, ни рева забытыхъ, сбившихся въ кучу верблюдовъ, ни громка о крика испуга красавицы Ліа, когда старый, сгорбленный стражъ колодца протянулъ къ ней свои объятія.

— Ліа, моя Ліа! Не бойся!.. Это я, твой Девлетъ... Обними же, поцѣлуй меня, моя радость, мое счастіе!..

— Не подходи, гадкій старикъ! Прочь!..—кричала, отбиваясь, Ліа.—Мой Девлетъ молодъ и статенъ. Онъ будетъ здѣсь и страшно накажетъ тебя, забывшаго стыдъ и старость.

Засмѣялся Девлетъ, отступилъ назадъ и произнесъ:

— Ты подъ личиною старости не узнала своего жениха, не узнала молодого, статнаго Девлета... Смотри, какъ исчезнетъ эта скверная личина, смотри, какъ помолодѣетъ этотъ дряхлый старикъ... Нѣсколько капель воды — и сойдутъ эти лживыя морщины, движеніе руки — и слетитъ эта сѣдая борода... Смотри!

Страшный крикъ боли и отчаянія огласилъ степь на далекое пространство. Сильная рука Девлета не могла сорвать ложную бороду, она приросла къ его лицу... Лживыя морщины, углубились и вросли въ живое тѣло... Согнутая спина не разогнулась, слабыя, разбитыя ноги не окрѣпли вновь... Искусственная личина старости стала настоящею... Только сердце Девлета еще кипѣло молодою жизнью, билось молодыми стремленіями, молодою, жгучею страстью...

— Проклятый старикъ! — захрипѣлъ Девлетъ и поднялъ сухіе, сжатые кулаки къ ночному, усѣянному звѣздами, небу.

И слышитъ Девлетъ, что въ сторонѣ, у самаго колодца, кто-то тихо смѣется... Смотритъ туда, а старикъ Ходдай-Магометъ, убитый имъ вчера и зарытый въ глубокій песокъ, сидитъ снова на своемъ насиженномъ мѣстѣ и показываетъ ему рукою на востокъ, гдѣ надъ темнымъ краемъ ночного неба, въ ту минуту, вчерашняя, красная звѣзда поднималась...

Съ новымъ крикомъ проклятія кинулся на него Девлетъ, но призракъ безплотенъ и гнѣва не боится земного... Словно утреннее марево, съ восходомъ солнца, исчезъ образъ Ходдая-Магомета... и одинъ остался Девлетъ-ханъ посреди цѣлаго лагеря спящихъ сномъ трехдневнымъ.

Тогда отчаяніе овладѣло наказаннымъ, проклятымъ Богомъ убійцею, онъ бросился къ своимъ конямъ, вскочилъ въ сѣдло и понесся въ пески, безъ разбора, безъ цѣли, бросивъ поводья... Крикомъ, свистомъ и ударами плети гналъ онъ безпощадно коней, и все ему чудилось, что за нимъ, прыгая, какъ сайгакъ, съ бархана на барханъ, несется призракъ стараго Ходдая-Магомета, преслѣдуя его невыносимымъ, злобнымъ, насмѣшливымъ, старческимъ смѣхомъ.

VII.

Заждались молодого хана въ Кафирниганѣ.

Давно бы пора ему вернуться — обѣщалъ черезъ недѣлю, не больше—вторая къ концу подходитъ... Нѣтъ, какъ нѣтъ... И стража, на башняхъ высокихъ, глаза проглядѣла.

Грозенъ ханъ молодой, никому не велѣлъ слѣдить за собою, не сказался, куда уѣхалъ,—не знаютъ теперь, гдѣ его разыскивать надо.

И запало въ душу кафирниганцевъ страшное сомнѣніе:

Живъ ли ихъ юный правитель? Цѣла ли его голова—кто знаетъ! Можетъ быть, давно заметаетъ песокъ его бездушное тѣло?!

Собрались на совѣтъ всѣ старшины, аксакалы, помощники ханскіе, что дѣлать — не знаютъ... Ждать терпѣливо — душа противится, мучитъ тоскливое сомнѣніе...

Волнуется народъ на базарной площади, и у тѣхъ правителей за своего хана любимаго отчета требуетъ...

Пришелъ тѣмъ временемъ, къ городскимъ воротамъ, древній старикъ безобразнаго вида... Глаза его горятъ, какъ у помѣшаннаго, трясутся костлявыя руки, тощія ноги служить отказываются... Сгорбилась спина, будто ноша тяжелая виситъ за плечами, гнетъ къ землѣ своею непосильною тяжестью... И дивныя рѣчи этотъ старикъ говоритъ:

— Иль не узнали меня?! Хорошенько вглядитесь... Будто бы такъ ничего и не осталось отъ прежняго!.. Я—вашъ ханъ Девлетъ—самимъ Богомъ наказанный. Отнятъ у меня возрастъ мой юный, отняты мощь и краса, но сана моего никто съ меня не снималъ. И теперь вы мнѣ, какъ и прежде, подвластны. Смотрите сюда на этотъ палецъ!.. Не узнаете, что ли, печати моей властной? Зовите старшинъ, бейте въ набатъ, отворяйте настежъ ворота дворца моего!.. Ведите меня на покой—измученнаго, усталаго.

Молчитъ народъ ошеломленный, слушая странныя рѣчи пришельца. А вѣсть о тѣхъ рѣчахъ, словно молнія, всѣ углы Кафирнигана облетѣла.

Пришли старшины.

— Да не отъ тебя ли мы и узнать должны о нашемъ дѣйствительномъ ханѣ?! Только съ головою своею могъ онъ другому отдать свою властную печать! Не ты ли, проклятый небомъ, его окаянный убійца?

Зародилось чуть это подозрѣніе, а уже народныя толпы отъ гнѣва дрогнули,—и ропотъ глухой прокатился грозно подъ базарными сводами:

— Къ допросу! На судъ! На пытку!

— Ханъ нашъ на коняхъ вороныхъ выѣхалъ, говорятъ; что же ты пѣшій вернулся?..

— Кони отъ устали пали... Тамъ — далеко, въ песчаной пустынѣ, съ сѣдлами, со сбруею всею валяются...

Поскакали гонцы—назадъ вернулись, говорятъ:

— Вѣрно! Нашли палыхъ коней, вотъ, и сбрую всю въ цѣлости привезли драгоцѣнную.

Окружили старика вооруженною стражею... Рвется народъ въ слѣпой злобѣ, ножи заблистали въ рукахъ... Дѣти малыя и тѣ взялись за камни... Насилу справляются старшины, говорятъ:

— Погодите!.. Съ казнью поспѣемъ. Прежде въ чемъ дѣло выпытаемъ. Если не самъ онъ убійца, — такъ посланъ ими... Если безумiемъ одержимъ, — такъ откуда же кони ханскіе, откуда у него печать властная?..

Повели старика и заперли въ башнѣ. А тотъ бѣснуется, бранитъ всѣхъ, обзываетъ словами позорными и всѣхъ казнить собирается.

Безумный старикъ! Самъ себѣ страшную участь готовитъ...

. . . . . .

Только мрачныя стѣны тюремной башни видѣли, что тамъ въ эту ночь творилось... Какія мученія переносило это дряхлое тѣло... Къ утру изнемогли усталые палачи...

Не добились сознанія.

Очерствѣли сердца судей—убѣжденіе въ гибели хана утвердилось—приговоръ къ смертной казни составили. Полоумнаго на площадь передъ народомъ вывели и на лобное мѣсто поставили...

Всю ночь молилъ ханъ Девлетъ злополучный о смерти и прощеніи, перенося неслыханныя страданія—и зналъ, что никакія раны ни на шагъ не приблизятъ его къ желанной, радостной смерти...

Весь покрытый кровью, избитый, истерзанный предсталъ онъ передъ своимъ когда-то покорнымъ народомъ — и самъ покорно склонилъ подъ топоръ палача свою державную голову...

Взмахнуло высоко кривое желѣзо, блеснуло всѣмъ въ очи на солнце—и опустилось съ глухимъ ударомъ...

Клялся палачъ, что не выдало желѣзо,—насквозь прошло шею казненнаго и глубоко въ плаху врѣзалось...

Поднялся на ноги невредимо старикъ, и народныя волны отхлынули въ ужасѣ, творя молитвы и заклинанія, а старый Казы повелѣлъ:

— Оставьте его... Онъ проклятъ!.. Не глядите на него, не прикасайтесь!.. Самъ дьяволъ посѣтилъ насъ въ образѣ этого старца, а противъ злого духа, кромѣ молитвы, ничто не властно...

И сталъ съ того утра, какъ зачумленный, бродить по городу несчастный ихъ ханъ; всѣ бѣжали при его приближеніи и по домамъ прятались... Безъ пріюта, безъ состраданія, какъ тѣнь двигался Девлетъ по опустѣлымъ улицамъ и, громко рыдая, валялся въ пыли передъ узорными воротами своего дворца, передъ высокими стѣнами его тѣнистыхъ садовъ, гдѣ весело били, играя, фонтаны, гдѣ слышался плескъ воды и радостныя игры звѣздъ его гарема.

И многое узналъ, многое увидалъ властитель того, что въ другомъ положеніи осталось бы для него скрытымъ, невѣдомымъ.

Черныя души его любимцевъ, кому онъ довѣрялъ прежде, не требуя отчета, раскрылись передъ его глазами во всей своей наготѣ. Онъ видѣлъ, какъ мало-по-малу сглаживалась о немъ добрая память, какъ забывались всѣ его ласки и милости — ярко выступала только одна черная неблагодарность.

Уже теперь никто не сомнѣвался въ гибели хана Девлета— корысть всѣхъ обуяла и ослѣпила. Когда-то безупречно честные и преданные слуги ханскіе дрались и ссорились за его наслѣдство.

Новаго хана выбирать не спѣшили... Зачѣмъ! Никто не грозилъ войною Кафирнигану, ни откуда бѣды не предвидѣлось... Незаконные правители по своимъ домамъ спѣшили растаскивать добро ханское, воиновъ деньгами и подарками задаривали, чтобы смирно сидѣли — не мѣшали. Ханскихъ женъ-красавицъ межъ собою дѣлили.

— Нѣтъ, въ пустыню бѣжать!.. Дальше отсюда, въ мертвые, сыпучіе пески!.. Лучше, если глаза мои ничего этого не будутъ видѣть... Легче—если и голосъ человѣческій не будетъ достигать моего слуха!.. Будьте вы прокляты всѣ, какъ я проклятъ Всемогущимъ Аллахомъ!..

Такъ рѣшилъ ханъ Девлетъ злополучный и побрелъ отъ городскихъ стѣнъ далеко въ пустыню...

VIII.

Долго шелъ онъ, томимый жаждою, подъ палящимъ зноемъ, и тайная сила вела его къ колодцу «Мира и Жизни».

— Гдѣ же онъ, этотъ колодецъ? Гдѣ ты, мѣсто преступленія?

— Здѣсь!—отвѣтилъ незримый таинственный голосъ.

Высокіе сыпучіе барханы кругомъ, не видать закоптѣлаго верха кибитки — жилища святого старца; нигдѣ не чернѣетъ благодатное отверстіе—хранилище священной влаги.

— Здѣсь, подъ этими мертвыми, глубокими песками!— все шепчетъ невидимый голосъ.

И чудится Девлету, что голосъ этотъ знакомый... Отрадою и покоемъ вливаются звуки въ его наболѣвшую душу. Его воспаленные глаза оживились первою слезою... Лучъ надежды на прощеніе блеснулъ гдѣ-то далеко-далеко,—слабо, какъ пер-

вая звѣздочка на потухающемъ небѣ въ минуту заката солнечнаго...

— Аллахъ! Ты не можешь карать безъ конца! Ты милосердъ—и въ Твоемъ всеобъемлющемъ сердцѣ нѣтъ мѣста упорному мщенію! Помилуй меня, помилуй!.. Великій я грѣхъ совершилъ!.. Нѣтъ названія, нѣтъ мѣры моему злодѣянію... Безмѣрно жестоко и наказаніе, Тобою ниспосланное... Ліа моя, невинная, чистая Ліа! Заступись за меня передъ Богомъ! Ты свѣтлый ангелъ теперь!.. Ты простила!.. Проси Всевышняго о моей смерти и вѣчномъ покоѣ... Проси прекратить мои непосильныя страданія!..

Такъ молился Девлетъ, поднимая къ небу свои тонкія руки, оглашая пустыню стонами и рыданіемъ...

И видитъ онъ, будто на гребнѣ высокаго бархана свѣтлымъ облачкомъ мелькнула легкая тѣнь.

Мало-по-малу это облачко приняло чудную форму. Свѣтозарное лицо—образъ Ліи—ясно предстало предъ глазами молящагося, и чудный голосъ, голосъ неба—снова прозвенѣлъ въ жаркомъ воздухѣ.

— Я жажду... Напой меня... Дай мнѣ чашу съ водою...

Легкое видѣніе будто съ мольбою протянуло къ нему свои воздушныя руки...

— Здѣсь нѣтъ воды...—поникнулъ головою Девлетъ

— Она была...

— О, не кори меня—ты... Не упрекай, не добавляй чаши моихъ страданій, она уже и такъ переполнена!..

— Тогда ты напоилъ всѣхъ... Меня лишь обошелъ чашею... Повторяю опять:—я жажду, утоли мою жажду, и Аллахъ пошлетъ тебѣ спасеніе.

— Гдѣ я возьму воды... О, я несчастный!..

— Тамъ, подъ глубокими песками... Разрой ихъ, очисти святой колодезь, добудь благодатную влагу... Этотъ подвигъ повелѣваетъ тебѣ свершить Аллахъ...

— Гдѣ силы на такое дѣло, гдѣ людей я возьму, гдѣ время?..

— Руками разрой... одинъ.

— Это выше силъ смертнаго...

— Ты безсмертенъ.

Снова укоръ... Новое безпощадное напоминаніе!..

— Повинуюсь!—прошепталъ Девлетъ и опустился на ко-

лѣна; глубоко вонзились въ песокъ его костлявыя руки... Затуманили слезы глаза и затянуло все этимъ туманомъ...

Исчезъ образъ Ліи... Только, словно перезвонъ замирающихъ вдали колокольчиковъ каравана донеслось:

— «Вѣра и любовь горами двигаютъ»...

Рылъ Девлетъ, рылъ... Безъ устали, не глядя по сторонамъ... Сухой, горячій песокъ осыпался, вновь заполняя вырытое... Слышитъ—кто-то тихонько смѣется—тоже голосъ будто знакомый... Вздрогнулъ ханъ—взглянулъ и обдало его предсмертнымъ холодомъ.

Сидитъ на гребнѣ бархана убитый Ходдай-Магометъ, черепъ расколотъ на-двое,—кровь и мозги текутъ по лицу... Сидитъ страшный призракъ и хохочетъ, глядя въ упоръ на Девлета.

— Рой, безумецъ, рой!.. Глумится надъ тобою святое провидѣніе—копайся, какъ червь—жалкая жертва глумленія... Несчастный! Ты и повѣрилъ голосу съ неба!.. Нѣтъ, это темныя силы пустыни издѣваются надъ тобою... Рой!.. Что же ты остановился?.. Смотри—не зѣвай... Вонъ отъ твоей работы скоро и слѣда не останется... Рой! Копайся! Что же ты медлишь?..

— Сгинь, искуситель!..—простоналъ ханъ Девлетъ.

— Смотри, вонъ яма твоя съ краями уже сравнялась... Смотри, вонъ новые пески со всѣхъ сторонъ надвигаются... Не плошай... Не теряй напрасно времени...

Хохочетъ призракъ на гребнѣ бархана, и далеко по степи этотъ адскій хохотъ разносится пугая сайгачью стаю... А ночь наступаетъ... Спустилось багровое солнце и жаромъ удушливымъ пышутъ раскаленные за день барханы.

Сомнѣніе закралось въ душу искушаемаго... Охваченный этимъ сомнѣніемъ Девлетъ оставилъ свою работу...

Грозно поднялъ онъ голову къ небу, на изсохшемъ языкѣ заиграло, было, богохульное слово...

— Я жажду... Я страдаю, Девлетъ... Вѣра и любовь горами двигаютъ...

— Кто сказалъ?.. Кто?.. Опять... О, спаси меня ты, мой небесный покровитель!..

Всю ночь рылъ, безъ остановки, опомнившійся ханъ; всю ночь голосъ дьявола рвался ему въ уши, силясь и въ сердце проникнуть...

Къ разсвѣту уже по поясъ стоялъ онъ въ вырытой ямѣ...

Повѣяло прохладою, признакомъ близкаго утра; сонъ сталъ смыкать очи несчастнаго; нѣтъ силъ противиться сну...

Поднялось солнце, незримое въ тяжелыхъ тучахъ, вѣстникахъ урагана; свистъ и вой понеслись по степи. Закурились вершины барахановъ, двинулись съ мѣста горы песчаныя... Закружило, замело... и въ ревѣ бури ясно слышался голосъ искусителя...

Очнулся Девлетъ—и слѣда нѣтъ отъ его работы. На эти горы—новыя горы намело... Въ мутномъ удушливомъ воздухѣ слышенъ удаляющійся гулъ урагана, а съ нимъ и торжествующій голосъ сатаны:

— Гдѣ же твои небесныя силы!.. Вѣдь бури земныя имъ также подвластны!.. Что же .. Поройся еще, несчастный!.. Что же ты сталъ?.. Теперь уже немного осталось!..

— Я жажду... Я страдаю, Девлетъ! Вѣра и любовь горами двигаютъ...—чуть послышалось снова.

И снова подогнулись колѣна злополучнаго хана, снова его костлявыя руки врѣзались въ сыпучій песокъ...

Вдругъ кто-то тронулъ его за плечо.

Ходдай-Магометъ стоитъ, склонившись надъ нимъ, — но этотъ не тотъ, что сидѣлъ и смѣялся тамъ, на гребнѣ барахана,—этотъ смотритъ на него съ любовью, спокойно и величаво, какъ тогда, когда подносилъ путникамъ святую чашу. Говоритъ ему Ходдай:

— Ты не понялъ, сынъ мой, воли небесъ... Не этими жалкими «своими руками» ты долженъ свершить великій подвигъ... Я простилъ тебѣ давно, сынъ мой заблудшійся— и давно предстою за тебя передъ лицемъ самого Бога, отъ него и посланъ теперь разъяснить тебѣ, темному, Его святую волю. Иди отсюда,—иди, гдѣ больше народу—проповѣдуй по городамъ и селеніямъ истины вѣры, покайся во всемъ... По горамъ собирай жертвы, склоняй народъ именемъ Божіимъ, тронь ихъ сердца и во главѣ несмѣтныхъ толпъ работниковъ-богомольцевъ—съ кирпичами и лопатами возвращайся сюда и начинай работу очистки... Великій подвигъ свершишь, тогда искупишь вину свою и заслужишь полное помилованіе... Иди отсюда—съ миромъ!

Повѣрилъ Девлетъ и пошелъ... Долго ли шелъ, не помнилъ,—слышитъ глухое жалобное рыданіе...

Боже, это голосъ Ліи!.. Это она плачетъ... И слышатся слова сквозь слезы:

— Гдѣ твоя вѣра, гдѣ любовь!?. Только онѣ горами двигаютъ...

Прояснилось въ головѣ хана Девлета... Ясно ему стало коварство искусителя... Быстро вернулся онъ на мѣсто покинутой работы...

— Что же ты, маловѣрный?—снова предсталъ передъ нимъ Ходдай-Магометъ...

— Сгинь, сатана! Сгинь, проклятый призракъ... Зачѣмъ ты принялъ личину святого старца... Сгинь!.. «Вѣра и любовь горами двигаютъ».

И слышитъ Девлетъ, какъ окрѣпъ его голосъ, какимъ громомъ прогремѣлъ онъ въ пустынѣ, съ мощною силою забилось сердце—и едва только руки его коснулись песка, какъ самъ песокъ побѣжалъ прочь, расползался во всѣ стороны, словно въ бездонную пропасть уходилъ внизъ, въ глубину, и свѣтлая, серебристая, холодная струя рванулась ему навстрѣчу, брызнула ему прямо въ лицо живымъ потокомъ побѣжала по склону бархана... Поверхность воды, словно зеркало отразило синее небо, отразило и лицо его, хана Девлета, лицо прежнее, молодое, полное красоты и жизни... Нѣжныя руки обвили ему шею...

— Прощенъ, прощенъ!—вскрикнулъ онъ, охваченный порывомъ неземного счастья.

«Прощенъ!» повторилъ около него голосъ Сида-Ширъ-Али, грознаго хана Мозашерифа.

Очнулся Девлетъ... Видитъ знакомое мѣсто... Многолюдный караванъ кругомъ, роскошные шатры разбиты... Самъ онъ лежитъ на дорогомъ коврѣ, въ тѣни шелковаго навѣса, около него его красавица Ліа, окруженная прислужницами Ханъ Саидъ сидитъ тутъ же и ласково смотритъ на него, жениха своей любимицы-дочери... А святой старикъ, Ходдай-Магометъ, протягиваетъ ему чашу съ водою и говоритъ тихо... такъ тихо, что только одинъ Девлетъ его слышать можетъ:

— Я провѣдалъ твой замыселъ... Я напоилъ тебя твоимъ же питьемъ раньше, чѣмъ ты могъ исполнить свой черный замыселъ. Во время сна твоего я смягчилъ сердце хана Саида. Будь счастливъ—и помни твой страшный сонъ—этотъ сонъ тебя

многому научитъ... Живи и царствуй во имя «вѣры и любви»,— на счастіе твоему народу...

— Святой отецъ!..—прошепталъ въ отвѣтъ ханъ Девлетъ и поцѣловалъ полу рубища Ходдая-Магомета, отеревъ ею свои очи, полныя слезъ умиленія и счастья.

Такое событіе случилось на колодцѣ «Мира и Жизни», нынѣ названномъ колодцемъ «Любви и Вѣры».

Записано со словъ хранителя гробницы Термеза—на Аму-Дарьѣ въ Келифскомъ бекствѣ.

Литавры Магомета Тузая.

Урда *) ликовала, когда молодой ханъ Азретъ впервые вступилъ на тронъ Тимуридовъ. Его сверстникъ, такой же юный Магометъ-Тузай, любимый музыкантъ ханскій, грянулъ на своихъ золоченыхъ литаврахъ торжественную пѣснь славы и радости.

До глубокой старости жилъ ханъ Азретъ; состарился и Магометъ-Тузай, всюду сопровождавшій, во главѣ дворцоваго хора, своего повелителя и друга.

Гремѣли золотыя литавры и славу побѣды надъ врагами, и ликованіе торжествующихъ побѣдителей, и тихія радости любви и мира, и плачъ о погибшихъ герояхъ, сложившихъ на полѣ брани свои головы.

Умеръ ханъ Азретъ, и на его погребеніи, въ послѣдній разъ, скорбно прогудѣли литавры Магомета, вызвавъ обильныя слезы народа.

Взошелъ на престолъ новый ханъ, нелюбимый, своенравный и кичливый Дауръ, и спросилъ:

— Почему передъ хоромъ моимъ не вижу я этой старой собаки, почему не слышу литавръ? Одинъ трубы да флейты, воютъ, будто голодные волки въ пустынѣ!

Вышелъ изъ толпы Магометъ, говоритъ:

— Повелитель! не могу я извлечь изъ моего инструмента веселый бой ликованья, когда въ немъ не замерли еще звуки великой, неутолимой печали, по истинно-великомъ, незабвенномъ правителѣ.

---

*) Урда—дворцовая цитадель.

Разгнѣвался ханъ Дауръ, приказалъ сорвать со старика одежды и на его обнаженной спинѣ выбить веселую дробь съ перекатами. Хотѣлъ еще смерти предать, да народъ на колѣняхъ умолилъ,—и отпустилъ ханъ стараго литавриста съ позоромъ.

Нехорошо царствовалъ новый ханъ: судилъ не прямо, а криво, разорялъ города, казнилъ невинныхъ... Базары пустѣли, народъ разбѣгался, когда только завидитъ ханскихъ приспѣшниковъ... Застоналъ забитый народъ, зазнались враги приниженнаго обездоленнаго царства...

Двадцать томительныхъ лѣтъ прошли своею чередою. Пришли изъ Святой земли, гдѣ кости святого пророка покоятся, невѣдомые люди, хаджи-богомольцы, принесли въ даръ хану Дауру роскошныя новыя литавры, говорятъ:

— Умеръ старый Магометъ-Тузай въ Меккѣ, приказалъ, послѣ смерти своей, содрать со спины его кожу и натянуть ею литавры. Можетъ-быть, звуки ихъ напомнятъ тебѣ твою несправедливость и злобу.

Поникъ головою смущенный деспотъ, съ миромъ отпустилъ посланниковъ, заперся въ своемъ дворцѣ и долго думалъ великую думу.

Затѣмъ приказалъ отнести литавры на высокій курганъ, за городомъ, поставить ихъ тамъ, на самой вершинѣ, а надъ ними соорудить мазаръ съ куполомъ и священный бунчукъ Азрета покойнаго надъ входомъ мазара поставить.

Сталъ ханъ народомъ править, какъ слѣдуетъ, унялось его сердце злобное, смирились враги, отдохнулъ народъ... А все-жъ-таки Даура, словно тяжелое, загробное проклятіе, тяготитъ завѣщаніе Магомета-Тузая,—все нѣтъ ему ни покоя, ни радости.

Пошелъ ханъ Дауръ за городъ, поднялся на курганъ, оставилъ богатую свиту внизу, а самъ смиренно вошелъ подъ сводъ священнаго мазара.

И свершилося чудо.

Едва только ханъ склонилъ на порогѣ колѣна, какъ сами собою заиграли литавры Магомета-Тузая. Звукъ побѣды, звукъ торжества любви надъ злобою раздался подъ сводомъ, далеко разнесся во всѣ стороны, и бунчукъ покойнаго Азрета самъ собою преклонился передъ раскаявшимся, просвѣтленнымъ властителемъ.

Свѣтъ во мракѣ.

Въ жаркій день, посреди зеленаго луга, лопнула цвѣточная почка и пышно развернулась звѣздочка маргаритки.

Будто огненная искра засверкала она на солнцѣ, словно споря съ его могучими лучами.

Много маргаритокъ расло на этомъ лугу; — каждый день вспыхивали ихъ звѣздочки, каждый день блекли онѣ и опадали на землю мертвыми лепестками... и никто бы не замѣтилъ ново-распустившагося цвѣтка, если бы не его чудный, ярко-розовый цвѣтъ, не его особенная, чарующая красота.

И все вокругъ всполошилось и заговорило,—все встрепенулось, охваченное восторгомъ, все спѣшило весело и радостно привѣтствовать новорожденную, все стремилось высказать ей свою любовь, преданность и восхищеніе.

Даже гордый солнечный лучъ —и тотъ замедлилъ въ своемъ вѣчномъ движеніи и долго-долго любовался раскрытымъ вѣнчикомъ юной маргаритки, пока та не покраснѣла еще болѣе отъ скромности и смущенія, и на ея бархатномъ донышкѣ засверкала алмазомъ сладкая медовая слезинка.

Слава о необыкновенной красотѣ маргаритки быстро облетѣла вселенную.

Она далеко распространилась за предѣлы зеленаго луга, перенеслась черезъ шумный горный потокъ, поднялась на предгорья, проникла глубоко въ темную, ароматную чащу лѣсовъ, прогремѣла звонкою трелью въ золотистыхъ поляхъ хлѣба, заглянула и въ навозныя трущобы деревенскихъ задворковъ... Словомъ—она облетѣла весь міръ,—и отовсюду потянулись полчища новыхъ и новыхъ поклонниковъ маргаритки, искателей руки молодой красавицы.

Первыми прилетѣли легкіе мотыльки и ярко-крылыя бабочки, черные, сердитые шмели и шершни въ расшитыхъ золотомъ, бархатныхъ костюмахъ, а за ними прискакали свѣтло-зеленые и серебристые кузнечики въ блестящихъ атласныхъ костюмахъ, ловкіе и смѣлые скакуны, талантливые музыканты, затѣмъ, опоздавъ немного, приползли жуки—круглые и длинные, усатые и безусые, рогатые и безрогіе, въ крѣпкихъ боевыхъ латахъ и панцыряхъ, сверкавшихъ на солнцѣ всѣми оттѣнками радуги.

Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ выхвалялись передъ маргариткою своими преимуществами, устраивая по цѣлымъ днямъ состязанія въ умѣ, красотѣ, ловкости и силѣ... и не разъ уже опасный, запальчивый турниръ состязателей обагрялъ кровью мирную почву зеленаго луга.

Одни несли къ ея ногамъ громкую военную славу, другіе золото и перлы своихъ костюмовъ, третьи хвалились связями и близостью къ человѣку, а потому нѣкоторою властью и вліяніемъ,—все отвергала наша юная маргаритка, и не потому, чтобы стала ужъ очень горда, избалованная ухаживаніями даже самого луча солнца, нѣтъ—другое обстоятельство смутило покой юной головки, съ перваго же вечера ея рожденія заставило продумать, тоскуя всю длинную, темную ночь—и радостно встрепенуться только съ новымъ восходомъ дневнаго свѣтила.

«Да, это было вчера, думала маргаритка. Веселый день, первый день моей жизни, догаралъ... Солнце спускалось все ниже. Вотъ, только половина его видна за темными горами, вотъ оно и совсѣмъ скрылось... Какой тяжелый, несносный мракъ воцарился кругомъ, все исчезло въ этомъ мракѣ...» Все, что она видѣла вокругъ себя, все, чѣмъ только любовалась она въ теченіе дня... Значитъ, и ея не видать никому, и ею уже никто не любуется... Мракъ—могила красоты, неужели же этотъ мракъ безконеченъ?!..

Такъ думала и грустила маргаритка... Она, вѣдь, еще ничему не училась, и потому не знала, что ночь пройдетъ, что снова поднимется солнце и снова оживитъ и освѣтитъ весь міръ своими лучами.

Какъ она обрадовалась, какимъ живымъ румянцемъ вспыхнули ея поблекшіе отъ безсонной ночи лепестки... Горе прошло, но все-таки ее смущалъ страхъ приближенія новой ночи, новаго злого мрака...

И рѣшила маргаритка такъ:—«Всѣ они хвастаются своею силою, красотою, властью и богатствомъ, всѣ они готовы исполнить малѣйшее мое желаніе—пусть же суженый мой будетъ тотъ, кто принесетъ мнѣ свѣтъ во мракѣ!»

Едва только трубы комаровъ-герольдовъ протрубили волю юной царицы зеленаго луга,—какъ всѣ соискатели съ нетер-

пѣніемъ стали ждать ночи, чтобы отправиться на подвигъ отысканія свѣта.

Ночь наступила, грозная ночь,—и обагренное неба заката затянулось черною тучею. Порывисто загудѣлъ, завылъ въ горныхъ ущельяхъ вѣтеръ, глухой ропотъ пронесся по встревоженному лѣсу, сердито забурлилъ горный потокъ, словно сказочный богатырь, ворочая тяжелые камни,—и дрогнуло, попрятавшись въ норы, все живое; многіе изъ нашихъ рыцарей струсили и отложили свои поиски до болѣе благопріятнаго случая. Но, однако, нашлось не мало и такихъ смѣльчаковъ, которые, съ вѣрою и любовью въ безстрашномъ сердцѣ, смѣло ринулись на доблестный подвигъ.

На удачу, рискуя наткнуться на неожиданную опасность, подхваченные порывами вѣтра, несутся во тьмѣ крылатые искатели свѣта...

— Вотъ оно!..—крикнули разомъ сотни голосовъ.

Ослѣпительнымъ зеленымъ блескомъ прорѣзала молнія тяжелую тучу, освѣтивъ на мгновеніе и волнующіеся лѣса, и бурную пѣну потока, и дальнія горы, и косматыя кровли человѣческихъ жилищъ, прихотливымъ зигзагомъ пронеслась полъ-неба и треснула прямо въ высокій куполъ сторожевой башни.

— Вотъ оно!—повторили свой побѣдоносный крикъ мотыльки и мошки, жучки и бабочки.—Лови, хватай!

Грянулъ громъ по горамъ безконечными перекатами; скоро все погрузилось въ непроницаемый мракъ, только на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла пораженная башня, взвился красный столбъ пожарнаго пламени и повалили густые клубы раскаленнаго дыма.

— Туда! туда!—ринулись на новый свѣтъ мотыльки и мошки, жучки и бабочки.—Лови, хватай! То ушло—это за то нашихъ рукъ не минетъ!

Цѣлыя тучи крылатыхъ, стремительно вылетая изъ мрака, неслись на красное зарево пожарища, задыхались въ дыму, гибнули въ пламени; задніе, не зная участи переднихъ, смѣняли своими головами головы падшихъ.

Все летѣло впередъ и впередъ, охваченное одною мыслью: «къ свѣту, къ свѣту!..».

Страшный ливень быстро загасилъ пожаръ. Потухъ опасный свѣтъ, опомнились уцѣлѣвшіе бойцы.

— Нѣтъ,—рѣшили они:—это уже слишкомъ велико—не по силамъ! Надо искать, что поудобнѣе.

. . . . . .

Тихо мерцаетъ вдали огненная точка. Тамъ, за толстою книгою сидитъ, склонившись на руку, сѣдобородый ученый, проникая умомъ въ глубоко сокрытыя тайны міросданія; тускло мерцаетъ его нагорѣвшая лампада...

— Вотъ это будетъ наше!—про-себя смекнулъ жукъ-рогачъ.—Хвачу-ка я, пока другіе не замѣтили... Только бы приловчиться, да налетѣть съ размаха...

Разлетѣлся рогачъ-панцырникъ... Бацъ!.. и замертво повалился на землю, хватившись о незримое оконное стекло.

— Сразу два!—обрадовался мотылекъ, замѣтивъ золотистые огоньки въ чащѣ вѣтвей, въ самомъ дуплѣ столѣтняго дуба.—Ай, больно!.. помогите!

Бѣдняга попался въ раскрытый клювъ совы, соблазнившись ея, свѣтящимися во мракѣ, хищными глазами.

— Здѣсь, здѣсь!—засуетились бабочки и мошки... Но увы! то сквозь прорванныя тучи заискрились яркія звѣздочки. Далеко больно!.. Не долетишь и во вѣки!

А тѣмъ временемъ стихла буря; на востокѣ протянулась золотая полоска утренней зари, разгоняя мракъ... Встрепенулась освѣженная ночною грозою природа и, глубоко вздохнувъ полною грудью, стала просыпаться повсюду:—и въ горахъ, и въ долинахъ, и въ поляхъ, и въ жильяхъ человѣческихъ...

Румянцемъ загорѣлись вершины горъ. Жидкое золото полилось по небу, а въ этомъ золотѣ, гоня передъ собою легкую дымку утренняго тумана, появилось лучезарное солнце.

Поиски за «свѣтомъ во мракѣ» прекратились до слѣдующей ночи.

Насталъ новый день, а съ нимъ явились и новые поклонники красавицы-маргаритки.

Снова живые, веселые хоры крылатыхъ залетали вокругъ ея вѣнчика, снова толпы безкрылыхъ заползали у ея корней, жадно вглядываясь вверхъ, завидуя крылатымъ счастливцамъ. И видятъ всѣ, что между этими послѣдними нежданно-негаданно появился маленькій, невзрачный на видъ, сѣренькій не то жучекъ, не то червячекъ, маленькій, слабенькій, еле-еле ползающій.

— Ты куда это, замарашка?!—закричали на него со всѣхъ сторонъ.

— А туда же, куда и вы,—отозвался незнакомецъ и тихо поползъ къ гибкому стебельку маргаритки.

Проползъ, не Богъ вѣсть сколько, а ужъ усталъ, и прикурпулъ на отдыхъ подъ однимъ изъ ея листочковъ.

Засмѣялись насѣкомыя, стали надъ бѣднымъ путникомъ подтрунивать, стали задѣвать его разными злыми шутками, а то и щипками...

— Не трогайте его, оставьте!—вмѣшался тутъ въ дѣло старый паукъ-крестовикъ, выглянувъ изъ норки.—Подождите ночи! То, за чѣмъ вы гонитесь, чего такъ жадно ищите, то онъ имѣетъ въ себѣ самомъ.

— Какъ? у него «свѣтъ во мракѣ»?!—удивились тѣ, кто слышалъ слова стараго паука.—Ну-ка, покажи, замарашка!

Стали ждать ночи, съ нетерпѣніемъ уже поглядывая на пришельца. Даже маргаритка склонила свою головку и наблюдала некрасиваго гостя.

Дождались, наконецъ.

Едва только погасли послѣдніе отблески закатившагося солнца, какъ ожилъ, отдохнулъ сѣрый червячекъ.

Голубымъ, свѣтлымъ ореоломъ окружилось его слабое тѣльце. Серебристый свѣтъ этого ореола достигъ и до вѣнчика маргаритки, и еще краше, еще очаровательнѣе показалась она всѣмъ, залитая фосфорическимъ свѣтомъ пришельца.

— Ты—мой суженый!—пролепетала маргаритка и склонила къ жучку-свѣтлячку свою головку.

Женихъ былъ скроменъ и молчалъ, только блескъ его ореола все разгорался и разгорался, освѣщая теперь не только розовую звѣздочку невѣсты, но даже далеко кругомъ, вершка, по крайней мѣрѣ, на три, вплоть до самой ромашки и полуотрепаннаго одуванчика.

Всю ночь, до самаго разсвѣта гремѣлъ свадебный пиръ.

Чудный, музыкальный хоръ оглашалъ цвѣтущіе луга на громадное разстояніе. Всѣ крылатые артисты собрались на призывъ великаго капельмейстера, «Кузнечика-музыканта».

Тутъ были и сверчки-скрипачи, и осы-фаготы, и пчелы-віолончели, и шмели-контрабасы и комары-трубачи-флейтисты.

Цвѣточный золотистый медъ лился рѣкою. Ночное небо го-

рѣло дивной иллюминаціей—только луны не было: эта, самая главная освѣтительница ночей, какъ разъ въ это время, гдѣ-то отсутствовала, вѣроятно по своимъ служебнымъ обязанностямъ.

Ночныя бабочки, надушенныя даже до неприличія, шпанскія, зеленыя мухи, составили веселый хороводъ и кружились въ воздухѣ неутомимо. Черви и улитки, на что уже—до танцевъ непригодные, и тѣ вытягивали головки,—мотали ими изъ стороны въ сторону, дѣлая видъ, что тоже участвуютъ въ общихъ танцахъ.

А старики—жуки-рогачи и мохнатые пауки, сидя поодаль, гдѣ потемнѣе, шептались между собою, вспоминая былое и соглашаясь на одномъ:—что давно уже, на этихъ лугахъ, сколько не попомнятъ, не было такой веселой ночи.

Но далеко не всѣ насѣкомыя узнали о томъ, кто остался побѣдителемъ и избранникомъ красавицы-маргаритки. Много лѣтъ прошло, а поиски за «свѣтомъ во мракѣ», переходя изъ рода въ родъ, до сихъ поръ еще занимаютъ крылатыхъ героевъ этой сказки, и только лишь вспыхнетъ гдѣ-нибудь огонекъ ночью, какъ тотчасъ же міріады мошекъ мушекъ, жучковъ и мотыльковъ несутся на пламя и гибнутъ въ немъ, въ тщетныхъ попыткахъ урвать хотя бы капельку этого жгучаго свѣта, дабы исполнить прихоть легендарной красавицы.

СЪ ВЕРХОВЬЕВЪ ВОЛГИ НА ИСТОКИ НИЛА.

(Путевыя впечатлѣнія журавля).

I.

Богъ наградилъ меня очень хорошею памятью. Я помню себя и все, что меня окружало, почти съ перваго дня моего рожденія, — и теперь хочу подѣлиться съ вами, долгоносые, коротконосые друзья мои, кое-чѣмъ изъ моихъ воспоминаній.

Насъ въ семьѣ, кромѣ отца и матери, было двое. Въ благородныхъ журавлиныхъ семьяхъ иначе и не бываетъ. Я и моя сестра—родились въ одинъ часъ, и я даже очень хорошо помню осколки скорлупы зеленоватыхъ, испещренныхъ коричневыми пятнышками яицъ, валявшіяся, до поры-до-времени, на днѣ нашего гнѣзда-логовища.

Когда я впервые проглянулъ на свѣтъ, я былъ очень озадаченъ всѣмъ, что видѣлъ передъ собою и ровно ничего не понималъ изъ всего видѣннаго, но скоро — и личный опытъ, и мудрые совѣты родителей заставили меня понимать все окружающее, какъ слѣдуетъ всякой порядочной птицѣ, занимающей въ нашемъ царствѣ пернатыхъ одно изъ очень видныхъ мѣстъ, особенно, если стоишь во весь ростъ, да при томъ еще на пухлой, болотной кочкѣ.

Часъ нашего появленія на свѣтъ Божій былъ ранній, утренній. Солнце еще не всходило, но уже золотистый отблескъ озарялъ густой, ночной туманъ, сплошною пеленою стлавшійся надъ топкимъ болотомъ, окраину котораго заселяло десятка два сродственныхъ намъ журавлиныхъ семей.

Общая картина мѣстности сначала показалась мнѣ не очень-то приглядною, да къ тому-же я чувствовалъ пренепріятный, рѣзкій холодъ, и, поневолѣ, пожалѣлъ о своей прежней, тепленькой, хотя уже черезчуръ тѣсной и темной квартиркѣ, свѣжіе осколки которой, еще мокрые, валялись подъ нашими слабыми ножками.

Я видѣлъ только ближайшія мохнатыя кочки, нѣсколько жиденькихъ кустовъ лозняка, кое-гдѣ въ туманѣ свѣтилась вода—и больше ничего... Только надъ головою, очень ужъ высоко, разбѣгались вѣеромъ красивыя, золотыя, подрумяненныя снизу, легкія облака и тамъ, какъ мнѣ казалось, именно въ этихъ облакахъ, весело чирикали и посвистывали маленькія, незнакомыя птички.

Но очень скоро показалось солнце, стало замѣтно теплѣе, и весь туманъ почти разомъ поднялся и безъ слѣда разсѣялся въ согрѣтомъ воздухѣ. Тогда я просто пискнулъ во все горло отъ восторга, отъ какого-то небывалаго, неиспытаннаго еще чувства восхищенія... Такъ хорошо, такъ величественно, такъ ново было то, что развернулось передъ моими глазами.

Это была чудная, сливающаяся во всѣ стороны съ горизонтомъ, равнина, усѣянная кочками всевозможныхъ размѣровъ... и какими кочками! То покрытыми свѣжими, зелеными побѣгами камыша и осоки, то спрятавшимися подъ бурымъ и красноватымъ, бархатистымъ мохомъ, то, какъ кружевами, оплетенными причудливыми, ползучими растеніями, усѣянными голубыми, бѣлыми и желтыми цвѣточками. Мѣстами сверкали тонкія струйки воды, но мѣстами, словно зеркало въ узорныхъ рамахъ, стояли цѣлыя озера, особенно одно, довольно далеко впрочемъ отъ нашего гнѣзда, было такъ громадно, что я, какъ ни щурился, не могъ разглядѣть противоположнаго берега.

По небу теперь уже плавно плыли большія бѣлыя облака, и въ озерѣ эти облака также плыли, также сливаясь одно съ другимъ, также мѣняя свои причудливыя, округленныя формы. Въ воздухѣ, и въ одиночку, и по-парно, и цѣлыми крикливыми стаями летали разныя птицы—и въ озерѣ тоже... казалось даже, что рѣзкіе крики этихъ птицъ одинаково повторялись ихъ отраженіями.

Отца не было дома; онъ уже улетѣлъ спозаранку, какъ я послѣ узналъ, на охоту, но мамаша была съ нами и заботливымъ клювомъ почистила нашъ желтенькій пушекъ и даже расправила поочередно наши еще безперыя, крохотныя крыльца, годившіяся пока намъ развѣ только для того, чтобы выражать свой восторгъ передъ этими истинными чудесами невиданной природы.

— Однако довольно вамъ зѣвать по сторонамъ!—обрати-

лась она къ намъ.—Теперь вѣдь вы, мои милые карапузы, не въ яичныхъ колыбелькахъ, у васъ нѣтъ готоваго провіанта подъ носомъ и надо самимъ заботиться чѣмъ-бы набить ваши прожорливыя дудки.

Едва только она заговорила о съѣстномъ, какъ я почувствовалъ необыкновенный аппетитъ и сестренка моя должно быть тоже, потому что оба мы разомъ раскрыли свои желтые широкіе рты и пропищали:

— Ма... ма... ку... шать!

— Такъ вотъ, сейчасъ!—улыбнулась мама.—Пу-ну! не гарланить у меня! ѣсть я вамъ сейчасъ дамъ... Здѣсь на счетъ пищи сторона куда привольная! Только вы все-таки приглядывайтесь, какъ я стану добывать «жратву» — самимъ вѣдь потомъ придется продовольствоваться.

Мама наша была женщина добрая, но изъ простыхъ, потому и употребляла иногда грубоватыя выраженія въ родѣ «жратва» и «горланить»... Она сейчасъ-же шагнула разъ, шагнула два и принялась своимъ крѣпкимъ носомъ отдирать мохъ съ бока одной изъ сосѣднихъ кочекъ. Тамъ, подъ мокрымъ слоемъ кудряваго моху, оказалось множество жирныхъ, сочныхъ, аппетитно такъ извивающихся червей, и мы сейчасъ-же получили, каждый поровну, по чрезвычайно лакомому кусочку, причемъ и мама наша сама позавтракала, мимоходомъ проглотивъ съ полпожины червей и одну, нечаянно подвернувшуюся подъ ея клювъ, маленькую зеленую лягушку.

Солнышко да на сытое брюшко скоро пригрѣло насъ, и мы, сдвинувшись вплотную, сладко задремали, какъ вдругъ шумъ и свистъ большихъ, широко машущихъ крыльевъ разогнали нашу дремоту.

Громадный журавль, пепельно-сѣрый, съ бѣлымъ подбоемъ внизу, въ черной, лоснящейся шеею, черными хвостомъ, ярко-красными полудугами надъ бровями и съ роскошнымъ, висячимъ назалъ султаномъ на головѣ, тычкомъ, съ разлета усѣлся около самой нашей кочки и проговорилъ:

— А вотъ и я!

Это и былъ нашъ папа.

— Ага!—замѣтилъ онъ насъ.—Вотъ они какіе молодцы... Эко уроды! нечего сказать... Сыновья?

— Одинъ сынокъ, а то дѣвочка, дочка... Да ты только

посмотри какая!.. Вся въ покойницу бабушку! не безъ гордости отвѣтила наша мама и вторично принялась за оправку взъерошенныхъ туалетовъ.

Папа показался намъ сначала не изъ особенно нѣжныхъ; потомъ мы убѣдились въ его истинно-отеческой любви къ намъ, доходящей даже до геройства, но такъ безъ надобности, онъ не любилъ нѣжничать и, вполнѣ довѣряя насъ мудрости и опытности своей супруги, занимался исключительно общественными дѣлами, не вмѣшиваясь въ наше, такъ сказать, начальное воспитаніе.

Вотъ и теперь, для перваго визита, онъ только потолкалъ насъ поочередно клювомъ, словно счетъ провѣрилъ, одобрительно тряхнулъ хохломъ и, прискакнувъ на одномъ мѣстѣ, прокричалъ кому-то:

— А у меня, братъ, на дому съ прибылью!

Скоро въ отвѣтъ на его возгласъ послышалось старческое, хрипловатое: «поздравляю!» и, раздвигая осоку между кочекъ, появился еще одинъ взрослый журавль, очень уже старый, хотя шагавшій довольно еще бодро и съ увѣренностью.

— Ранніе!—проговорилъ гость. И, тоже перетолкавъ насъ носомъ, добавилъ: — Нынче, слава Богу, весна теплая... Повсемѣстно ожидаются ранніе выводки... Вотъ подрастутъ, окрѣпнутъ какъ слѣдуетъ къ «перелету»,—не будетъ такой убыли въ молодежи, какъ въ прошлый годъ.

Маменька наша печально вздохнула при этомъ и проговорила:

— Да, я тогда тоже обоихъ потеряла. Съ дунайскихъ гирлъ валиться стали... Послѣдняго уже на Балканскомъ кряжѣ бросили... Не хватило силенокъ эво какую путину отмѣрить... Совсѣмъ тогда бабы наши обезлѣтили!

Какой такой «перелетъ», какія дунайскія гирла, что это за штука кряжъ Балканскій; наконецъ, почему тѣ дѣти не выдержали, а на насъ надѣятся, все это для насъ, новорожденныхъ, была загадка сущая, а такъ какъ въ эту минуту, мимо самыхъ нашихъ носовъ, ползъ, съ трудомъ перелѣзая черезъ смятые стебли, широкій, плоскій черный жукъ съ длинными усами, то онъ больше заинтересовалъ наше вниманіе, чѣмъ серьезные разговоры старшихъ, и мы, не безъ страха, наблюдали ползущее чудище, косившееся на насъ весьма подозрительно своими гранеными, блестящими глазами.

Старика журавля, нашего сосѣда, звали «Долгоносъ - Всезнайка». Онъ былъ безсемейный, но дѣтей любилъ очень, особенно насъ, какъ членовъ семьи своего лучшаго друга «Горлана-Трубача»... такъ звали нашего папашу.

Онъ каждый день, да еще по нѣскольку разъ, навѣдывался къ нашему гнѣзду, помогалъ матери, болталъ по вечерамъ съ отцомъ о старинѣ, вмѣстѣ вытанцевывалъ вечерній привѣтъ заходящему солнцу и часто ночью, когда приходилось зачѣмъ-нибудь просыпаться, я ясно видѣлъ черный силуэтъ нашего стараго друга, неподвижно торчавшаго на часахъ, на ближайшей, самой высокой кочкѣ.

Его звали Всезнайкой не даромъ. Онъ, дѣйствительно, зналъ все, что слѣдуетъ знать высокообразованному опытному журавлю; онъ даже больше зналъ, но не любилъ хвастаться своею ученостью и разсказывалъ свои похожденія всегда кстати и толково, не то что другой журавль «Верхоглядъ» (сосѣдъ слѣва, съ девятой кочки) всего только два перелета совершившій на своемъ вѣку, а уже трубящій на все болото о своихъ подвигахъ, вѣчно повторяя одинъ случай, когда ему привелось, гдѣ-то въ Египтѣ, цѣлыхъ полчаса просидѣть на золотой крышѣ высокаго минарета, въ самомъ центрѣ большого, людnаго города.

Кстати о людяхъ.

Какъ-то утромъ отецъ нашъ замѣтилъ своему другу: «что это, молъ, тотъ не спитъ, а караулитъ по ночамъ?..»

— Въ нашей сторонѣ,—говорилъ отецъ,—слава Богу, «людей нѣтъ», значитъ, все чисто, честно и покойно.

— Нѣтъ пока, да скоро будутъ,—отвѣчалъ Долгоносъ-Всезнайка.—Дня три тому назадъ я видѣлъ дымокъ вонъ въ той сторонѣ, а вчера бычокъ съ колокольчикомъ подходилъ къ большому озеру. Значитъ, близко.

— Мужички, что-ли?—переспросилъ отецъ.

— Они самые будутъ, пастухи, человѣкъ съ пятокъ и собакъ съ ними пары три наберется.

— Ну, эти не тронутъ!—замѣтила мама.—Эта мелкота! У нихъ и снаряду дальнебойняго нѣту. Вотъ тамъ, дальше на полдень, живутъ изверги, настоящіе разбойники. А эти, супротивъ тѣхъ, настоящіе ягнята безобидные.

— Лѣтось и сюда, впрочемъ, навѣдывались, съ самопалами своими, да у насъ топко.

Все, что теперь говорилось, все было для насъ загадочно и тайно, пока впрочемъ... Скоро, когда мы научились бодро шагать по кочкамъ, и даже дѣлать невысокіе взлеты, мы узнали и сами все это, въ ежедневныхъ прогулкахъ, подъ руководствомъ добраго старого друга Долгоноса-Всезнайки.

II.

Дѣйствительно, мѣстность нашей родины была прекрасна! Да вотъ я лучше стану описывать ее по порядку.

Не только то, что видѣлъ нашъ глазъ съ точки нашего жилища, но гораздо дальше, хоть трое сутокъ лети во всѣ стороны, все разстилалась та же, покрытая кочками, прорѣзанная рѣками и озерами, равнина. «Всезнайка» объявилъ намъ, что равнина эта называется «большія Осташковскія болота». Теперь было начало лѣта, и всѣ болотистые розливы пестрѣли разнообразными цвѣтами... Ярко зеленыя бархатныя кулачки красиво перемѣшались съ озерами и болотистыми топями и служили мѣстомъ веселыхъ сборищъ и паствы всевозможнымъ породамъ утокъ, гусей, куликовъ и прочей водяной собратьи. Иногда мы замѣчали и нѣсколько высокихъ на насъ журавлей птицъ, но только издали похожихъ: это были цапли, непріятныя, прожорливыя и злыя птицы. Онѣ держались особнякомъ, поближе къ водѣ и ловко вылавливали тамъ зазѣвавшуюся рыбку. Въ укромныхъ мѣстахъ такихъ, чтобы никому со стороны не было замѣтно, расположились цѣлые поселки гнѣздъ и вездѣ копошились и попискивали крохотные желтенькіе дѣтеныши. Рядомъ съ нашимъ журавлинымъ селеніемъ, скучилась деревня сѣрыхъ утокъ «кряквъ» и ихъ дѣти, а ихъ было ужасно много, заходили къ намъ безъ боязни; наши ихъ не трогали, зачѣмъ обижать!?.. напротивъ даже, наши часовые заодно оберегали и сосѣдей. Гдѣ же тѣмъ нести настоящую военную службу! По вечерамъ, когда наши журавли собирались вмѣстѣ поболтать да посовѣтываться другъ съ другомъ, а потомъ и поплясать компаніей, и кряквы важно въ раскачку выползали изъ осоки и охотно дѣлились съ нами своими впечатлѣніями дня, разсказывали свои и бѣды, и радости, только одно скверно: ужасно сплетничали другъ на друга, хотя казалось, что между ними идетъ полный ладъ и согласіе.

«Всезнайка» объяснилъ мнѣ, что это всегда такъ бываетъ. всѣ сплетники, большіе лицемѣры; а это крупный недостатокъ во всякой порядочной птицѣ, и что, слава Богу, между журавлями этого порока до сихъ поръ не замѣчено.

Дни свои мы обыкновенно проводили такъ: проснувшись съ утренней зарею, мы отряхивались, расправляли крылья, прихлясывая при этомъ, чтобы нѣсколько размять затекшія во время сна ноги, а онѣ у насъ выросли предлинныя. Затѣмъ тотчасъ-же отправлялись на легкую прогулку, иногда съ папою и мамою вмѣстѣ, а чаще съ нашимъ старымъ другомъ. Во время прогулки мы знакомились со свѣтомъ, слушая разсказы и объясненія дядьки, а кстати и завтракали, очень даже аппетитно, потому что на кочкахъ стала уже поспѣвать черника, брусника и превкусная, хотя еще не покрасившаяся клюква. Иногда мы такъ увлекались этими прогулками, что возвращались домой уже совсѣмъ къ вечеру, какъ разъ къ началу совѣщательно-танцовальнаго собранія. Родители наши не безпокоились нашимъ продолжительнымъ отсутствіемъ, вполнѣ увѣренные въ мудрости и предусмотрительности «Долгоноса-Всезнайки», хотя мама всегда требовала, чтобы мы разсказали ей о всемъ видѣнномъ за день и слышанномъ.

Мы скоро сами научились понимать, гдѣ можно ожидать опасность и въ какомъ видѣ; мы начали уже распознавать друзей отъ враговъ, а вѣдь это такъ важно въ жизни. Мы, напримѣръ, поняли, что громадные, страшные такіе на видъ, быкъ и корова, съ длинными, острыми рогами, вовсе не опасны, хоть садись къ нимъ на спину, а что этотъ подлый, маленькій, юркій и красивый хорекъ и еще, тоже красивая съ виду, но презлая красновато-сѣрая лисица, большіе разбойники и страшные враги не только птичьихъ яицъ, но даже самихъ птицъ, особенно молодыхъ, выводочныхъ.

— Потому-то,—говорилъ намъ «Всезнайка»,—вы вѣроятно замѣтили, что всѣ птицы здѣсь построили себѣ гнѣзда вдалекѣ отъ сухихъ мѣстъ, такъ что ни съ одной стороны къ нимъ нельзя подобраться лихому звѣрю безъ риска, мало того, промочить насквозь свою щегольскую шубку, но даже и совсѣмъ потонуть въ жидкой трясинѣ.

Узнали мы еще и другихъ враговъ, горше первыхъ,—это были орлы и ястребы... Они высоко рѣяли въ воздухѣ надъ самыми на-

шими головами и потомъ разомъ, камнемъ валились внизъ, поднимаясь снова, но уже съ добычею въ когтяхъ: съ бѣднымъ куличкомъ, или чиркомъ, или молодымъ гусенкомъ. Появленіе этихъ хищниковъ всегда вызывало большую тревогу въ птичьихъ селеніяхъ; подымался страшный гвалтъ, маменьки расправляли крылья и прятали подъ нихъ дѣтей, мужчины грозно шипѣли и топорщились, а наши храбрые журавли трубили звонко тревогу и принимали такія грозныя позы, что часто это помогало въ серьезъ, и хищникъ не рѣшался спускаться, замѣтивъ съ высоты эти боевыя приготовленія.

Изъ вечернихъ разсказовъ прочихъ журавлей я слышалъ, что людей нельзя считать въ числѣ породъ, дружески расположенныхъ къ намъ, птицамъ, (да и не къ однимъ птицамъ, въ чемъ я скоро воочію убѣдился, увидавъ впервые этихъ двуногихъ животныхъ). Это случилось такимъ образомъ.

Пролетѣвъ какъ-то надъ большимъ озеромъ, мы замѣтили на томъ берегу, на песчаной косѣ высокіе столбы чернаго вонючаго дыма.

— Спускаться-ли?—боязливо спросила моя сестренка.

— Отчего-же? — замѣтилъ Всезнайка.—Мы здѣсь, на самый песокъ, не спустимся, а вотъ туда подальше, гдѣ растутъ эти кудрявые кустики. Тамъ мы увидимъ все, а сами не будемъ очень уже бросаться въ глаза. Надо вамъ и тутъ пріобрѣсти кое-какія полезныя познанія.

Сказано—сдѣлано.

Мы спустились въ кусты и очень скоро хорошо разсмотрѣли небольшую группу людей, столпившихся у разложеннаго костра. Недалеко отъ нихъ пестрѣло въ жидкомъ ельникѣ стадо коровъ и овецъ. Десятка два худыхъ, малорослыхъ лошадокъ держались особнякомъ, постоянно неистово отмахиваясь хвостами отъ докучливыхъ слѣпней и мошекъ.

Люди въ эту минуту, надо сказать, занимались прескверным дѣломъ: они только что зарѣзали молодого барашка и теперь сдирали съ него шкуру. Алая кровь брызгала на песокъ, перепачкала имъ руки, одежду и даже кое-кому лицо. Изверги эти были, должно быть, очень веселы: пѣли, смѣялись, одинъ даже приплясывалъ, хотя вовсе не граціозно. Около людей полукругомъ сидѣло нѣсколько собакъ, должно быть очень голодныхъ, потому что онѣ очень уже умильно

смотрѣли на баранье мясо, распустивъ свои слюнявые красные языки.

— Ахъ, что они дѣлаютъ? — съ ужасомъ вскрикнула моя сестра и даже зажмурила глазки. — Разбойники!.. Эти хуже орловъ и ястребовъ!..

— Ну, нѣтъ, несовсѣмъ, — замѣтилъ глубокомысленно Всезнайка. — Люди сами заботятся о своихъ животныхъ, выращиваютъ въ теплѣ ягнятъ, холятъ ихъ, кормятъ, оберегаютъ отъ волковъ, а вотъ въ награду за свои попеченія пользуются ихъ мясомъ и шкурками, а орлы, тѣ заботятся только о себѣ и хватаютъ чужое безъ разбора, тѣ живутъ разбоемъ, а эти, вишь ты, говорятъ «промысломъ». Послѣ, дѣти мои, вы узнаете, какая такая въ томъ и другомъ настоящая разница.

Только онъ это намъ сказалъ, какъ голодная стая собакъ должно быть замѣтила насъ и со свирѣпымъ лаемъ ринулась въ нашу сторону... Мы струсили порядкомъ и взлетѣли вереницею надъ кустами, далеко оставивъ позади нашихъ преслѣдователей.

— Имѣть сильныя крылья въ нашъ хищническій вѣкъ большое преимущество! — замѣтилъ при этомъ нашъ добрый пастухъ, Долгоносъ-Всезнайка.

Съ вечерней зари — вплоть до восхода солнца, надъ болотами, словно звенящій туманъ, носились цѣлыя облака комаровъ и мошекъ. Насъ они ни мало не безпокоили: у насъ вѣдь отросли такія плотныя, щитками наслаивающіяся перышки, что не прокусить никакому комарному жалу, зато людямъ, коровамъ, лошадямъ, собакамъ и всякимъ пушнымъ звѣрямъ отъ нихъ просто житья не было, особенно, когда, появились крупные сѣрые слѣпни и зеленыя мухи. Тогда только птицы одни и остались на своихъ мѣстахъ, а все остальное ушло куда-то далеко, вонъ за тѣ покрытыя лѣсами гряды холмовъ, чуть-чуть синѣвшіяся на западѣ... Пастухи наши тоже откочевали и въ нашемъ птичьемъ, болотномъ царствѣ стало совсѣмъ тихо и покойно.

Мы подросли уже очень замѣтно, почти стали одного роста съ папою и съ мамою, прочіе журавлята тоже,—и собралось насъ молодежи превеселая и многочисленная компанія. Утята, гусята, вообще вся дѣтвора, давно уже оперились какъ слѣдуетъ, и изъ желтенькихъ смѣшныхъ шариковъ превратились

*

въ настоящихъ птицъ. Стало какъ-то оживленнѣе на нашихъ болотахъ, словно населеніе ихъ ни вѣсть какъ увеличилось...

Кругъ прогулокъ нашихъ значительно расширился; мы могли въ одинъ часъ перелетѣть то, на что прежде и дня цѣлаго было много... Иногда мы такъ далеко залетали, что приходилось проводить ночь не дома, и мы научились спать, что называется однимъ глазомъ, выставляя дежурныхъ сторожей, смѣнявшихся по очереди. Въ одну изъ такихъ ночей намъ пришлось быть свидѣтелями ужасной кровавой сцены, оставившей глубокій слѣдъ въ нашихъ дѣтскихъ сердцахъ. Только что мы сладко задремали, стоя полукругомъ на одной ногѣ и подславъ подъ себя другую, какъ звонкія трубы сторожей заставили насъ проснуться и немедленно подняться на воздухъ. Тогда при свѣтѣ луны мы увидѣли слѣдующее: большая корова тяжело скакала по кочковатой равнинѣ и съ нею рядомъ ея теленокъ, обезумѣвшій отъ ужаса. За ними гнались четыре волка, воя и щелкая голодными зубами. Преслѣдователи были уже близко отъ несчастныхъ и смыкали свой кругъ, отрѣзывая дорогу къ отступленію.

— Отчего она такъ тихо скачетъ? — съ тоскою спросила моя сестра, но тотчасъ же и сама поняла причину этой медленности. Мать могла бы спастись сама, но не хотѣла оставить своего бѣднаго, слабаго ребенка...

Мы всѣ жалобно кричали, метались въ воздухѣ, хотѣли какъ-нибудь помочь бѣдѣ, но злые звѣри не обращали на насъ никакого вниманія и ринулись на несчастную маму, остановившуюся наконецъ и приготовившуюся къ отчаянному сопротивленію. Начался бой—страшный, неравный... Одинъ только разбойникъ подвернулся подъ ударъ крѣпкаго коровьяго рога, зато трое остальныхъ вцѣпились зубами за шею и горло, повалили мирное животное, — и началось варварское пиршество, отъ котораго у насъ даже перья на головахъ поднялись дыбомъ.

— Недурно! — прохрипѣлъ кто-то около насъ,—этакъ и на мою долю крохотка останется...

Это оказалась большая остроглазая рысь, съ кисточками на ушахъ, прошмыгнувшая мимо своимъ неслышнымъ кошачьимъ пробѣгомъ и присѣвшая неподалеку отъ боя, въ ожиданіи остатковъ послѣ пиршества.

— Видите, какіе разные взгляды на одни и тѣ же событія бываютъ въ жизни, — произнесъ нашъ наставникъ. — То, отчего мы пришли въ ужасъ, этого бандита ушастаго радуетъ... Гибель одного даетъ жизнь другому... Все какъ будто бы и законно, все правильно. А все-таки я очень радъ, что мы, журавли, принадлежимъ къ разряду птицъ травоядныхъ... Все какъ-то на совѣсти спокойнѣе!

«А червячки, а лягушенокъ?» — вспомнилось было мнѣ кое-что изъ прежде видѣннаго, но въ сравненьи съ тѣмъ, что творилось въ настоящую минуту передъ нашими глазами, — эти червячки и этотъ лягушенокъ показались такою мелочью, о которой не стоило и разговаривать.

III.

Лѣто проходило быстро, почти незамѣтно... Позднѣе стало всходить солнце — раньше и раньше наступали вечернія сумерки. Да и ночи пошли теперь далеко не такія теплыя, какъ бывало прежде, а разъ утромъ такъ даже побѣлѣла роса; словно мелкою блестящею солью осыпало наши, теперь уже сплошь бурыя, кочки. Мошки, комары, мухи злыя давно уже исчезли безъ слѣда, только крупные сѣрые оводы летали еще по одиночкѣ, да и то въ самый полдень, надъ пригрѣтыми солнцемъ мѣстами.

Дымки пастушьихъ костровъ снова появились на окраинахъ нашихъ болотъ, теперь уже гораздо ихъ было больше: куда не глянешь бывало, всюду чернѣютъ, заражая воздухъ сильною вонью... Вообще все предвѣщало начало рѣзкой перемѣны во всемъ окружающемъ «осени, а за нею длинной, суровой зимы», какъ говорилъ намъ нашъ другъ «Долгоносъ-Всезнайка». Имъ же первымъ былъ предложенъ на вечернемъ совѣтѣ вопросъ о перелетѣ, вопросъ, заставившій усиленно биться наши молодыя сердца, инстинктивно чувствующія весь интересъ предстоящаго длиннаго, разнообразнаго путешествія.

На этомъ совѣтѣ всѣ согласились, что «пожалуй и пора», но пересчитавъ наличный составъ нашей колоніи, рѣшили, для увеличенія силъ, дождаться партій съ сѣвера, пригласить ихъ отдохнуть въ нашихъ мѣстахъ и тронуться дальше уже всѣмъ вмѣстѣ.

— Большимъ войскомъ куда удобнѣе летѣть,—разсказывалъ намъ нашъ наставникъ. — Во-первыхъ, веселѣй и легче на счетъ смѣны, а во-вторыхъ, на счетъ становища безобиднѣе... По пути станціи-то окажутся и занятыми иное время, на маленькой каравань и не поглядятъ, спуститься не дадутъ, ну, а какъ силою идемъ, такъ тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, самъ убирайся куда знаешь!..

— Когда я залетѣлъ въ Каиръ (это въ Египтѣ),—вставилъ тутъ и «Верхоглядъ» свое слово,—то я былъ одинъ одинешенекъ... Между тѣмъ какъ и на золотой крышѣ сидѣло уже не менѣе тысячи голубей и ласточекъ; я, однако, не задумался ни одной минуты и прямо...

— Оставь! — внушительно, но дружески остановилъ его нашъ папа,—это мы уже столько разъ отъ тебя слышали, что, пожалуй, будетъ больше чѣмъ число голубей и ласточекъ, разлетѣвшихся врозь отъ твоего смѣлаго появленія...

— Я вѣдь къ слову...—смутился нѣсколько «Верхоглядъ» и зашагалъ къ уткамъ, болѣе охотно слушавшимъ обыкновенно его хвастливые разсказы.

Мы выбрали десятка два болѣе расторопныхъ журавлей и послали ихъ въ разныя стороны, чтобы выглядывали и сворачивали къ намъ перелетныя партіи для общаго сбора, и не прошло и трехъ сутокъ, когда на нашемъ становищѣ собралось такое журавлиное полчище, что на большомъ разстояніи всѣ кочки и луговинки были буквально усѣяны красивыми представителями нашей благородной породы.

Утки сосѣдней деревни собрались много раньше нашего и уже слетѣли въ путь, имъ вѣдь надо выгадывать каждый часъ времени, летаютъ онѣ куда тише нашего. Дубеля, бекасы и прочая мелочь поднялись еще раньше утокъ, и мы, прощаясь съ ними, обѣщали ихъ нагнать по пути и даже очень скоро...

Сняться съ мѣста мы порѣшили на ночь и весь день наканунѣ мы провели дома на отдыхѣ, не тратя силъ на безполезныя прогулки. Тогда же мы сдѣлали разсчетъ на треугольники, по тридцати журавлей въ каждомъ и учредили передовыя очереди, а также разсчетъ караульной службы на стоянкахъ... Запасовъ дорожныхъ мы никакихъ не брали, не зачѣмъ было... Вѣдь все,—что будетъ нужно, мы найдемъ по пути, мѣстами въ изобиліи, мѣстами, положимъ, и нѣтъ, но

вѣдь въ большомъ такомъ путешествіи нельзя разсчитывать на одни только удовольствія.

День самый передъ слетомъ мы, молодежь, положительно провели въ состояніи самаго безпокойнаго волненія и удивлялись равнодушію стариковъ, мирно и покойно дремавшихъ въ ожиданіи сумерокъ.

Какъ длиненъ показался намъ этотъ день, какъ безконечно лѣниво двигалось солнце, какъ скучна и уныла казалась намъ теперь наша когда-то милая, оживленная кормилица, болотная родина.

Солнце садилось такое красное, разливая по небу и по болотамъ зловѣщее пожарное зарево, въ воздухѣ была полная тишина; мы уже разбились на условные треугольники и ждали только сигнала къ поднятію... Стемнѣло...

Общимъ руководителемъ путешествія избранъ былъ единогласно Долгоносъ-Всезнайка, и первымъ долженъ былъ сняться нашъ треугольникъ, во главѣ котораго начать путешествіе долженъ былъ нашъ папа Горланъ-Трубачъ.

Ровно въ ту минуту, когда послѣдняя точка солнца исчезла въ темной мглѣ на горизонтѣ,—раздался рѣзкій трубный сигналъ предводителя, дружно подхваченный сотнями остальныхъ трубъ, и нашъ треугольникъ, не подымаясь сразу очень высоко, съ разбѣга, сначала низомъ, надъ самыми кочками, потомъ все выше и выше,—полетѣлъ плавно, въ тактъ, не горячась взмахивая крыльями. Мы летѣли, согнувъ слегка шеи, вытянувъ прямо носы, свободно откинувъ назадъ свои длинныя ноги, и направляли свой полетъ такъ, чтобы задніе не выходили изъ струи разсѣкаемаго передними воздуха, почему, конечно, заднимъ было гораздо легче; а чтобы труды путешествія раздѣлялись равномѣрно, для того и были заранѣе опредѣлены смѣнныя очереди передовиковъ, о которыхъ я говорилъ раньше.

Чѣмъ выше мы поднимались къ небу, тѣмъ темнѣе и темнѣе становилось тамъ внизу... Только озера и протоки свѣтились еще своими неяснымъ, окутанными туманомъ очертаніями, да слабо искрились, подслѣповато моргая, огоньки людскихъ становищъ и чуть-чуть доносились унылые звуки ихъ пѣсенъ, лай собакъ и отдаленное вытье проголодавшихся волчьихъ стай, очевидно подбирающихся къ скотскимъ загонамъ, но скоро и

это все перестало достигать нашего слуха и только равномѣрный, могучій взмахъ нашихъ крыльевъ, да свистъ разсѣкаемаго холоднаго воздуха нарушали глубокую тишину длинной осенней ночи.

Минута была торжественная! У насъ, у молодежи, захватывало духъ, слово не навертывалось на болтливый языкъ, всѣ мысли, все вниманіе устремлено было только на то, чтобы летѣть въ тактъ, равномѣрно, стройно взмахивая крыльями: смѣны передовиковъ производились также молча... А ночь стала такъ темна, что не только другихъ треугольниковъ, но даже своего всего мы не могли видѣть, какъ ни напрягали наше, непривыкшее пока къ темнотѣ, зрѣніе.

Усталости мы, казалось, не чувствовали вовсе, и только къ разсвѣту, когда на востокѣ засвѣтлѣла утренняя заря, мы замѣтили, что крылья наши стали какъ будто гораздо тяжелѣе, ноги уже не держались на отлетѣ назадъ и носы, словно къ концамъ ихъ по камню было привязано, невольно опускались внизъ, оттягивая наши дремотныя головы...

Пора было думать объ отдыхѣ, и вотъ снова раздался призывной сигналъ Долгоноса, по которому мы, также плавно, въ порядкѣ стали спускаться на землю, на новыя мѣста, не виданныя еще нами ни разу.

Я не могъ сообразить — много ли мы пролетѣли за эту ночь; сравнивая съ обыкновенными нашими перелетами-прогулками, я полагалъ, что мы разомъ сдѣлали почти то же, что дня въ три продѣлывали понемногу. Эту мою догадку подтвердилъ и нашъ папа, а ужъ онъ навѣрное не ошибался.

— Однако мы для перваго перегона порядкомъ отмахали! — замѣтилъ онъ, оглядѣвшись внимательно на этихъ новыхъ мѣстахъ.—Что, дѣтвора, притомились, чай?

— Вотъ ужъ нисколько! — пропищала моя сестра, но сію же минуту спрятала головку подъ лѣвое крыло и, приподнявъ правую ножку, сразу заснула самымъ крѣпкимъ сномъ, не обративъ даже вниманія на то, что какъ разъ подъ нею густо переплелись заросли превосходной, почти спѣлой клюквы.

Сколько я ни приглядывался къ этой новой мѣстности, я не находилъ пока ничего новаго и тоже предпочелъ немедленно послѣдовать примѣру сестры, такъ только, и то больше изъ подражанія старшимъ, ткнувъ носомъ направо и налѣво.

IV.

Спали мы недолго. Солнце еще не очень высоко поднялось надъ горизонтомъ, когда мы проснулись и, раскрывъ не безъ лѣни свои заспанные глазенки, не закрывали ихъ уже цѣлый день,—такъ ново и интересно показалось намъ все окружающее.

Опустились мы на небольшомъ болотцѣ, близъ веселой рѣчки, бойко бѣгущей между покрытыми кустарникомъ, чудными зелеными берегами... Невдалекѣ виднѣлась большая деревня. Окна новыхъ, украшенныхъ рѣзьбою избъ, весело играли на солнцѣ; за этою деревнею тянулись желтыя полосы крестьянскихъ полей, а на нихъ рядами, ну вотъ, такъ какъ и мы иногда становимся,—торчали кучами сложенные снопы хлѣба—«копны», какъ пояснилъ намъ Всезнайка,—«и копны такія, что не помѣшало-бы, при случаѣ, потыкать въ нихъ носами»—мы это потомъ сдѣлали и не напрасно!.. За полями шли небольшіе перелѣски, то темные — еловые, то березовые, съ красивыми бѣлыми, точно серебряными стволами и пожелтѣвшею, уже осыпающеюся листвою... За перелѣсками опять деревни, и много даже; нѣкоторыя изъ нихъ съ церквами,—высокими такими, бѣлыми башнями, съ золотыми крестами, на свѣтло-зеленыхъ круглыхъ куполахъ. Отъ деревни до деревни тянулись извиваясь между полей и лѣсковъ, сѣрыя полосы дорогъ, а одна дорога была широкая, особенно длинная, безъ конца просто; тянулась она все напрямикъ, и по бокамъ у нея торчали тонкіе шесты, съ натянутыми на нихъ проволоками... намъ все это очень подробно пояснялъ нашъ бывалый дядька, онъ даже называлъ какъ такія дороги называются, да я забылъ, не припомню никакъ... Такое смѣшное названіе!.. Вотъ еще:—мы замѣтили, что когда телѣжки, запряженныя лошадьми, катились по маленькимъ дорожкамъ, то ихъ почти и слышно не было, а какъ только онѣ сворачивали на большую, такъ принимались гремѣть и стучать такъ громко, что намъ даже издали, сначала конечно, страшно становилось.

Здѣсь людей было куда больше, чѣмъ на нашемъ прежнемъ родномъ становищѣ; вездѣ пестрѣли ихъ бѣлыя рубахи и красные платки на головахъ у женщинъ... И какіе они всѣ говорливые! Скотины было тамъ очень много!.. Въ какихъ-нибудь

двадцати взмаховъ крыльевъ—около насъ паслось стадо, позванивая своими бубенчиками—и я отлично замѣтилъ маленькаго чумазаго пастушенка, который, засунувъ въ ротъ кусокъ хлѣба и волоча по землѣ свой длинный веревочный кнутъ, глядѣлъ въ нашу сторону весьма подозрительно.

— Однако, въ прошломъ году здѣсь было много посвободнѣе!—произнесъ, обращаясь къ папѣ, Долгоносъ-Всезнайка.

— За дѣтьми не углядишь, въ такой сумятицѣ,—замѣтила и наша мама.

Папа же отрѣзалъ коротко:

— Надо перебираться!..

И старики, посовѣтовавшись немного между собою, собрали весь треугольникъ, и мы, нестройнымъ, путевымъ порядкомъ, а за-просто, гдѣ летомъ, гдѣ скокомъ перевалили на тотъ берегъ рѣчки и, перелетѣвъ березовую рощу, опустились на другой, уже сухой луговинѣ, гдѣ, все-таки, было нѣсколько уютнѣе и не такъ на юру, какъ прежде.

Здѣсь мы нашли другой треугольникъ съ Верхоглядомъ. Этотъ молодецъ, какъ намъ разсказывали не безъ улыбокъ, чуть было не поплатился головою за свои продѣлки... Онъ, видите-ли, узналъ, что всѣ великіе путешественники имѣютъ обыкновеніе оставлять въ интересныхъ мѣстахъ слѣдъ своего пребыванія. Вотъ онъ и спустился, пользуясь тѣмъ, что народъ еще несовсѣмъ проснулся, на печную трубу избы, какъ онъ говорилъ, самого волостного старшины, и только что опустилъ въ жерло носъ, чтобы написать свою фамилію, какъ вдругъ изъ трубы повалилъ густой дымъ; Верхоглядъ задохнулся, и чуть-чуть было не шлепнулся внизъ, во дворъ, гдѣ уже ждали его большая, косматая собака и баба съ длинною палкою...

— А все-таки я букву В успѣлъ написать!..—хвастался «великій путешественникъ».

Ему нельзя было не повѣрить, такъ какъ провѣрять его подвигъ охотниковъ не оказалось.

— Заклюй меня орелъ и проглоти самъ крокодилъ, если этотъ молодецъ не погубитъ когда-нибудь весь треугольникъ!—сказалъ нашъ папа, Горланъ.

— А, что это такое крокодилъ, папаша?—полюбопытствовала сестренка.

— Крокодилъ... это... А вотъ сама увидишь!..—отдѣлался отъ прямаго отвѣта папаша.

— Крокодилъ это, видите-ли, барышня... это такая злая и грязная скотина,—вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ присутствующихъ. Но, тутъ, совершенно неожиданно, раздался громовой звукъ, блеснулъ огонекъ и по ельнику, словно цѣпляясь за темныя вѣтви, потянулось небольшое дымное облачко.

Дослушивать о крокодилѣ было некогда и мы, сорвавшись съ мѣста разомъ, однако не въ разсыпную, полетѣли безъ оглядки прочь и опустились уже далеко, въ получасовомъ разстояніи отъ неожиданной опасности.

— Это, дѣти мои,— возгласилъ Горланъ-Трубачъ, обращаясь не къ намъ собственно, его дѣтямъ, а вообще ко всей молодежи нашей.—Это, что вы слышали сейчасъ, самое худшее на свѣтѣ... Это самая большая и серьезная опасность... Всѣ цѣлы?

Долгоносъ-Всезнайка уже справился еще на лету и поспѣшилъ отвѣтить:

— Слава Богу!

— Что это такое, однако?..—послышались молодые, встревоженные голоса.

— Это охотники!—сказалъ намъ папа.

— Тоже люди,—пояснилъ Всезнайка,—только люди съ ружьями... И я вообще совѣтую всѣмъ: чуть, хотя-бы издали, замѣтите такого, сейчасъ-же на утекъ... Вѣрнѣе будетъ!

— Однако, кто-же былъ на караулѣ? надо разслѣдовать—чья была очередь?—послышались недовольные голоса стариковъ.

Оказалось, что на караулѣ былъ Верхоглядъ — и бѣдный, великій путешественникъ тутъ-же получилъ весьма изрядную встрепку... Намъ съ сестрой стало даже его жалко.

— Примѣръ строгости необходимъ! Дисциплина во всякомъ дѣлѣ есть первое дѣло, хотя никого изъ насъ и не задѣло, то во всякомъ случаѣ зѣвакѣ Верхогляду досталось за дѣло.

— И вы думаете, что это стихи?—пожалъ помятымъ крыломъ Верхоглядъ.—Наборъ рифмъ и избитая мораль—больше ничего!..

Онъ презрительно поглядѣлъ на журавля-импровизатора и, встряхнувшись, пошелъ достаивать свой сторожевой постъ.

Этотъ день мы рѣшились провести на отдыхѣ и даже всю

слѣдующую ночь, въ виду того, чтобы уже потомъ—летѣть съ утра и до заката солнечнаго, а не ночью.

— По людямъ мѣстамъ—этакъ-то будетъ удобнѣе!—рѣшили старики.

Въ продолженіе дня мы нѣсколько разъ мѣняли мѣста стоянки и на ночь перебрались опять на новое мѣсто на сжатыхъ хлѣбныхъ поляхъ, гдѣ люди не успѣли свезти одного ряда заманчивыхъ копнушекъ. Мы именно имѣли въ виду это обстоятельство... Хотя эти наши замыслы, немедленно приведенные, впрочемъ, въ исполненіе, и щекотали непріятно нашу молодую совѣсть, но старики успокоили насъ, объяснивъ, что это хищеніе есть единственный родъ мести людямъ за ихъ уже ничѣмъ неоправдываемое покушеніе на наши головы.

— Вѣдь, вы знаете, господа, — говорилъ Всезнайка, усердно теребя роскошный ячменный снопъ,—люди насъ тоже ѣдятъ — и, мало того, предварительно еще вымачиваютъ въ уксусѣ.

Ночь прошла совершенно благополучно.

V.

Впечатлѣнія этого дня нашего путешествія были такъ новы, такъ богаты, что ихъ забыть не было возможности. Но впрочемъ по порядку.

До разсвѣта поднявшись, мы летѣли понизью, чуть не задѣвая ногами за вершины елокъ, но чуть только забрезжилъ свѣтъ, какъ мы стали подниматься выше и выше и съ каждымъ взмахомъ нашихъ крыльевъ передъ нами все роскошнѣе, все разнообразнѣй развертывалась чарующая картина: мы перетали какую-то очень широкую рѣку, видѣли мѣстами церкви и человѣческія жилища, не вытянутыя рядами, какъ прежде, а занимающія большія пространства, мы видѣли прямыя, какъ стрѣлы, дороги, по которымъ съ громомъ и грохотомъ катились цѣлые дома на колесахъ, и тащило ихъ впереди страшное чудище съ огненными глазами и длиннымъ дымнымъ хвостомъ. Мы видѣли другія дороги, по которымъ безъ конца тянулись все повозки, шли люди группами и въ одиночку и все больше въ одну сторону. Мы видѣли, но все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, когда, уже около полудня, передъ нашими

глазами раскинулся громадный городъ, чуть не сплошь, сверкающія золотыми куполами, безчисленныя церкви, одна другой краше. Городъ этотъ расположенъ былъ на громадныхъ холмахъ, и почти пополамъ его перерѣзывала рѣка, извиваясь красивою дугою. Черезъ эту рѣку мѣстами перекинуты были мосты, словно ниточки, связывая разрозненныя половины. Между массами каменныхъ зданій, зелеными, даже уже значительно пожелтѣвшими группами виднѣлись красивые сады; безчисленные улицы и переулки казались съ высоты хитро сплетенною сѣткою. Тысячи тысячъ народа толпились на этихъ улицахъ, говоръ и стукъ колесъ долетали даже до нашего слуха, но звукъ, чудный гармоничный звукъ, давно уже занимавшій наше вниманіе, теперь царилъ надо-всѣмъ, наполнялъ свѣжій осенній воздухъ и точно подлаживался подъ мѣрные взмахи крыльевъ нашихъ соединенныхъ треугольниковъ. Этотъ звукъ былъ повсемѣстный колокольный благовѣстъ.

— Какъ это весело, какъ это красиво!—безпрестанно твердила моя сестренка и даже закрывала иногда свои глазки, должно быть отъ избытка удовольствія.

Представьте-же себѣ мое удивленіе, когда я на одной изъ городскихъ площадей замѣтилъ нашихъ, то-есть такихъ-же какъ и мы журавлей, которые, вытянувшись въ рядъ, стояли неподвижно на одной ногѣ, поджавъ кверху другую.

Я тотчасъ-же сообщилъ свое открытіе сосѣдямъ, что тотчасъ-же пошло по рядамъ далѣе, дошло наконецъ до папы, и я отчетливо, несмотря даже на колокола, услышалъ его хохотъ, а также и замѣчаніе Всезнайки.

— Это не журавли, это солдаты.

— А что такое солдаты?—раздалось сразу нѣсколько молодыхъ голосовъ.

— Солдаты? это тоже люди съ ружьями, но съ ружьями, менѣе для насъ, птицъ, опасными.

— Зачѣмъ-же они стоятъ по нашему?—полюбопытствовала сестренка.

— Хорошему примѣру отчего-же не послѣдовать!—замѣтилъ Всезнайка.

А тѣмъ временемъ мы очутились надъ самою серединою города; нашъ мудрый наставникъ сказалъ намъ названіе его, да, хотя у меня и очень хорошая память, а это названіе я

забылъ. Да вотъ я опишу одну изъ его главныхъ примѣтъ, можетъ быть вы по ней угадаете? Слушайте!

Средній холмъ былъ опоясанъ широкою зубчатою стѣною съ разнообразными башнями. Эти стѣны спускались почти къ самой рѣкѣ, и у ихъ подножій зеленѣли ровные скаты, поросшіе деревьями. Въ серединѣ огороженнаго пространства высился громадный домъ съ золотою крышею и около этого дома тѣснились безчисленныя золотыя главы церквей, изъ которыхъ одна была особенно высокая,—выше всѣхъ въ городѣ, и именно изъ-подъ купола этой церкви гудѣлъ самый громкій колоколъ, покрывая своимъ басомъ звуки прочихъ колоколовъ, словно нашъ папа Горланъ, когда на совѣщаніе хочетъ добиться, чтобы всѣ его слушали.

Однако, какъ не великъ былъ городъ, но все-таки мы его очень скоро перелетѣли и до ночи успѣли много еще видѣть и тамъ, и сямъ, разныхъ городовъ по-меньше, разныхъ диковинъ и всего прочаго, и тогда только мнѣ пришла въ голову мысль сравнить наши родныя болота со всѣмъ, что теперь у меня передъ глазами. Ахъ, какое невыгодное сравненіе вышло для нашихъ скучныхъ болотъ... Фи!.. Положимъ, говоря:ъ— родина... Но что такое родина? Случайное мѣсто извѣстной случайности... Почему она можетъ быть дорога, почему мила?.. Когда здѣсь каждая точка, каждое мѣстечко было несравненно красивѣе и пріятнѣй... Не понимаю!

— А вотъ послѣ поймешь!— замѣтилъ одинъ изъ старыхъ журавлей, и мнѣ стало очень стыдно. Не потому стыдно, что, какъ оказалось, я мечталъ вслухъ, но потому, что у меня въ сердцѣ говорило что-то, будто я, мало того, что мечталъ вслухъ, но и довольно глупо.

VI.

Перелетъ этого дня показался намъ гораздо короче предыдущихъ, но это только казалось: слишкомъ уже много было интереснаго на пути, и этотъ живой интересъ сокращалъ время похода. Спустились мы къ ночи, на широкой полянѣ, среди густого осиноваго лѣса.

Здѣсь царствовала полная тишина.

Ближайшее человѣческое жилье находилось, по свѣдѣніямъ развѣдчиковъ, не ближе трехъ верстъ, а со стороны дороги

мы были скрыты совершенно густыми зарослями. Болотистый ручей пересѣкалъ поляну, и только что первые изъ нашего треугольника коснулись земли, какъ съ обоихъ его береговъ тревожно сорвались стаи мелкихъ куличковъ, раньше насъ занявшихъ это мѣсто для ночлега.

Папа поспѣшилъ ихъ успокоить и просилъ остаться покойно ночевать совмѣстно, что видимо обрадовало эту мелкоту и вызвало выраженіе крайней, съ ихъ стороны, признательности.

— А мы думали сбогнать васъ гораздо дальше къ югу!— обратился къ нимъ Долгоносъ.

— Да вѣдь куда торопиться,—отвѣчалъ одинъ изъ куличковъ.—Время лѣтнее, теплое, червя этого самаго сколько хошь. Мы это полегонечку.

— Напрасно! — укоризненно замѣтилъ имъ нашъ путеводитель.

— Замѣшкаетесь въ дорогѣ; застанутъ холода, перемерзнете. Вы откуда?

Куличекъ назвалъ какую-то мѣстность. Долгоносъ удивился.

— Эва!.. Да мы вчера только тамъ были... Давно-ли въ дорогѣ?

— Шестой день. Мы вѣдь полегонечку... Гдѣ намъ шибко-то!

— Однако, все-таки поторопливайтесь. Конечно, вамъ не туда, куда намъ,—замѣтилъ папа, гордо окинувъ взоромъ и нашу стаю, и сосѣдскую.—Вы вѣдь въ дунайскихъ гирлахъ зазимуете; но если будете такъ прохлаждаться, то захватятъ васъ морозы въ степи, худо будетъ.

— Ахъ, я помню одинъ ужасный случай съ дрофами... Самъ не видалъ, но мнѣ разсказывали,—вмѣшался «Верхоглядъ».

— Съ какими дорфами?—полюбопытствовала сестренка.

— Тоже птицы и даже прелестныя птицы, барышня. Такъ вотъ эти самыя птицы попались, благодаря неожиданному морозу, въ весьма печальное положеніе. Всю ночь, изволите видѣть, шелъ мелкій и теплый дождь и промочилъ ихъ до костей, а онѣ спали. Къ утру же морозъ, да какой!.. Крылья-то и оледенѣли: ни развернуть, ни взмахнуть, а тутъ, откуда не возьмись—пастухи.

— Ну...у!—протянули тревожные голоса слушателей.

— Тѣ отъ нихъ... куда тутъ!.. бѣгаютъ зря, а тѣ ихъ палками да живьемъ въ полонъ.

— Бѣдныя!

— Такое побоище разыгралось, и если бы не я...

— А ты-то тутъ причемъ?—расхохотался папа Горланъ.

Верхоглядъ смутился.

— А развѣ я сказалъ «я»... го-есть я хотѣлъ сказать: еслибы не солнышко, да не отогрѣло бы оно немного, всему табуну погибать пришлось бы безъ остатка. Это мнѣ разсказывали гуси, не мнѣ собственно, а моему двоюродному дядѣ. Помните знаменитаго Крутопляса, что два года провелъ въ плѣну и, несмотря на то, что ему каждую недѣлю подрѣзали крылья, все-таки ухитрился бѣжать, переодѣвшись собакою.

Ну тутъ уже и мы, дѣти, поняли, что разсказчикъ заврался окончательно—и дружный смѣхъ прокатился по всему лагерю, эхомъ отражаясь въ стѣнахъ густого осинника, задернутыхъ уже дымкою ночного тумана.

— Спать!—раздался сигналъ предводителя.

— Спать!—отозвались тамъ и сямъ голоса вождей.

— Спимъ! — отозвались десятки голосовъ, и столько же носовъ уткнулось подъ лѣвое крыло, быстро погружаясь въ успокоительный сонъ, полный грезъ о будущемъ, воспоминаній о впечатлѣніяхъ прошлаго.

— Слу...шай!..—доносилось изъ сторожевой цѣпи.

— Слуша...ай!—отражалось отъ неподвижныхъ стѣнъ еловаго лѣса.—Слушай! замирало гдѣ-то уже очень далеко, и вновь начиналось, гораздо ближе.

Это перекликались наши, вѣрные своему долгу, бодрствующіе часовые.

VII.

Еще было совсѣмъ темно, когда меня разбудилъ голосъ Долгоноса.

Нашъ предводитель отдавалъ какое-то приказаніе, и я разслышалъ только послѣднія слова его рѣчи:

— Вернуться до разсвѣта, и съ такимъ разсчетомъ, чтобы намъ поспѣть «въ горохи» до восхода солнца. Перелетъ небольшой, не болѣе получасу. Смотрѣть въ оба!

Сестрица моя тоже разслыхала слово «въ горохи», и съ поросенокъ сладко причмокнула языкомъ. Я тоже невольно подхватилъ сорвавшуюся съ носа капельку слюны.

Дѣло въ томъ, что давно уже слышали о прелестяхъ «гороха», но только до сихъ поръ намъ не приходилось ни разу его попробовать.

Распоряженіе нашего всезнающаго, мудраго путеводителя обѣщало намъ, наконецъ, этотъ вкусный, давно желанный завтракъ.

Конечно, ни мнѣ, ни сестрѣ уже болѣе не спалось.

Я видѣлъ, какъ два маленькихъ отряда нашихъ, одинъ въ числѣ трехъ, а другой—пяти журавлей, поднялись съ поляны и скрылись въ темнотѣ.

Оба отряда развѣдчиковъ пока полетѣли по одному направленію.

Неугомонный Верхоглядъ полетѣлъ вмѣстѣ съ ними.

— А ты бы остался!—крикнулъ ему папа.

— Напутаютъ, боюсь, безъ меня, — отозвался нашъ волонтеръ.

— Ты смотри, не напутай!..

Сестра моя окончательно проснулась и шептала мнѣ на ухо:

— Ахъ, это, помнишь, говорила мама?.. «это» гораздо вкуснѣе ячмени.

— Я, знаешь, — сообщилъ я ей свое предположеніе, — я сначала наѣмся, наѣмся такъ, чтобы уже больше было нельзя; потомъ набью себѣ, про запасъ, полный ротъ, за обѣ щеки... Какъ думаешь, какого вида этотъ горохъ?

Пока мы соображали, что такое за горохъ и какая у него внѣшность, возвратились первые наши посланные.

Они сообщили, что нынче горохи немного ближе къ деревнѣ, чѣмъ были въ прошломъ году, но за то со стороны человѣческаго жилья заслонены большими стогами сѣна, и если занять ихъ пока темно, то до восхода солнечнаго можно поживиться порядочно.

Скоро прилетѣли и остальные развѣдчики.

— А гдѣ Верхоглядъ?—встревожился папа.

— Остался тамъ. Сказалъ намъ: вы летите, а я здѣсь постерегу.

— Эхъ, напутаетъ! — подумалъ вслухъ Долгоносъ-Всезнайка...—Подъемъ!

Какъ ни тихо мы поднялись, однако, встревожили порядкомъ своимъ отлетомъ мирно дремавшихъ куличковъ. Тронулись мы небольшими партіями, такъ какъ для маленькаго пе-

релета строиться въ треугольники не стоило, и скоро въ воздухѣ запахло навозомъ и гарью печныхъ трубъ, вѣрнымъ признакомъ человѣческаго жилища.

Темные силуэты косматыхъ, приземистыхъ избушекъ выросли на чуть бѣлѣющемъ горизонтѣ; ближе, нѣсколько въ сторонѣ, виднѣлись болѣе крупныя, темныя массы.

— Новые стога! — шепнулъ, обращаясь къ папѣ, одинъ изъ развѣдчиковъ, опережая нашъ отрядъ.—Сюда, ребята! Забирай лѣвѣе!

Мы быстро спускались...

Вдругъ я запутался ногами во что-то цѣпкое и съ размаха ткнулся носомъ въ землю.

— Легче,—поддержалъ меня папа.—Вотъ это оно самое и есть!

— Что, что?!..

Сердце у меня забилось сильно, сильно. Я торопливо сталъ выпутывать свои ноги.

— Горохи!

Да, это были горохи! Это было нѣчто превзошедшее наше ожиданіе.

Длинные, спутанные стебли чуднаго растенія были сплошь усыпаны дозрѣвшими стручьями, полными превосходныхъ, сладкихъ зеренъ: иногда въ нихъ попадались и червячки, но особенно вкусные, вкуснѣе даже самого гороха...

Оживленная щелкотня и цѣпкій шорохъ послышались кругомъ.

— Не накидываться, — предостерегъ насъ Долгоносъ.— Тише, не шумѣть, до солнца еще далеко. Люди спятъ, собаки тоже; успѣемъ, не торопясь, наѣсться.

На стражѣ теперь стоялъ самъ нашъ предводитель. Онъ выбралъ мѣсто на вершинѣ стога, и мы ясно видѣли всю его стройную фигуру на фонѣ предразсвѣтнаго неба.

Подъ такою надежною охраною, конечно, можно было наслаждаться дарами природы совершенно покойно.

Немного только смущало насъ отсутствіе Верхогляда; его даже пробовали окликать въ темнотѣ, но отвѣта не получили.

Вдругъ со стороны деревни донесся до насъ жалобный крикъ, полный смертельнаго страха и отчаянія. Мы узнали голосъ нашего вѣтрянаго товарища.

Съ вершины стога послышался сигналъ тревоги. Вся жу-

равлиная стая сорвалась разомъ и въ безпорядкѣ кинулась на зовъ папа:

— Сюда, за мною!..

Мы перелетѣли оврагъ, по дну котораго блестя струилась маленькая рѣченка, и разсыпались на той сторонѣ, въ кустахъ ломняка.

Стало между тѣмъ свѣтать. Такъ какъ въ настоящую минуту мы находились въ относительной безопасности, то рѣшено было выждать утра и возможности узнать что-нибудь объ участи нашего бѣднаго товарища. Не бросать же его, въ самомъ дѣлѣ, не испробовавъ какихъ либо мѣръ къ спасенію.

Въ деревнѣ, между тѣмъ, поднялась тревога. То тамъ, то сямъ въ окнахъ зажигались огни; собаки громко лаяли, перекликаясь и, повидимому, собираясь въ одно мѣсто; ворота скрѣпя отпирались, и оттуда, тяжело переступая не убранныя подворотни, стали выходить коровы и лошади. Черныя, курчавыя овцы выкатывались на улицу, словно шарики, съ веселымъ, звонкимъ блеяніемъ. Дымъ повалилъ изъ трубъ. Заскрипѣло колодезное колесо, появились дѣти и бабы, кутаясь въ полушубки, почесываясь и лѣниво зѣвая въ руку.

Разсвѣтало быстро, и подъ синею зубчатою стѣною еловаго лѣса блеснули золотыя пятна свѣта, предвѣстники солнечнаго восхода.

Когда стало совершенно свѣтло, то на маленькомъ совѣтѣ рѣшено было послать двухъ опытныхъ и особенно зоркихъ журавлей, подняться повыше, надъ деревней, и разсмотрѣть что тамъ дѣлается.

Папа горланъ полетѣлъ самъ.

Мы слѣдили за отлетавшими съ самымъ живымъ лихорадочнымъ интересомъ.

Вотъ они высоко остановились, словно неподвижные кресты, надъ центромъ деревни, ярко освѣщенные снизу лучами солнца; вотъ описали большой кругъ и, медленно, опустивъ книзу носы, пролетѣли надъ улицею, слѣдя за ея изгибами, вотъ спустились низко-низко, такъ что намъ даже страшно за нихъ стало, и снова стремительно взвились ввысь, еще разъ пролетѣли надъ улицею, въ другомъ мѣстѣ спустились, снова поднялись и направились къ намъ.

Что-то скажутъ!?

Невеселыя вѣсти принесли вернувшіеся съ рекогносци-

ровки. Что собственно сталось съ бѣднымъ Верхоглядомъ, они сказать не умѣли; видѣли только, что передъ воротами поповскаго дома собралась большая толпа, а изъ сарая кто-то кричалъ, требуя веревки и ножницъ.

— Шабашъ!—раздался межъ нами чей-то голосъ.

— Дѣло дрянь!—согласился другой.

— Веревка, ножницы... О, эти шутки скверныя! съ ними не шутятъ.

— Друзья мои, — произнесъ, хотя и печально, но твердымъ голосомъ, нашъ предводитель.—Времени терять нельзя! Теперь нашего легкомысленнаго собрата можетъ спасти только самъ Богъ; мы безсильны оказать ему помощь. Да послужитъ вамъ всѣмъ этотъ печальный случай примѣромъ и предостереженіемъ. По треугольникамъ стройся, съ Богомъ!..

И мы съ болью въ сердцахъ, хотя и съ переполненными горохомъ желудками, тронулись въ путь, размышляя о непрочности счастья вообще и журавлинаго въ особенности.

VIII.

Всю дорогу насъ преслѣдовало самое печальное состояніе духа: мы до сихъ поръ встрѣчали все только удачи и радости, это было первое горе на нашемъ долгомъ пути.

А какъ на бѣду и погода испортилась. Съ сѣвера, словно въ догонку за нами, подвинулись сѣрыя тучи, пошелъ дождь; окрестности заволокло сѣдою мглою, а подъ нами сплошь тянулись печальныя пространства вырубленныхъ лѣсовъ, межъ которыми чернѣли разбухшія отъ дождя полосы осеннихъ запашекъ.

Нѣсколько разъ намъ удавалось опережать тучи, вылетать на свѣтъ Божій и отогрѣвать на живительныхъ лучахъ солнца наши озябшіе, намокшіе члены, но къ вечеру небо заволоклось все сплошь, и мы спустились на ночлегъ, на пустырь, на громадномъ пожелтѣломъ лугу, невдалекѣ отъ болотистаго перелѣска, на опушкѣ котораго пріютились нѣсколько жалкихъ избенокъ, маленькаго крестьянскаго выселка

Каково же было наше изумленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ радость, когда, спускаясь внизъ, мы замѣтили на лугу нашего Верхогляда, покойно прогуливающагося по межѣ и посматривающаго вверхъ, въ ожиданіи нашего прибытія.

— Бить тебя надо, негодяя! — накинулся на него нашъ предводитель.

— И вѣрно, что бить!—подтвердилъ папа.

— За что?—пожалъ намокшимъ крыломъ Верхоглядъ.

— За безпокойство общее!.. Вотъ за что!

— Повѣрьте, что я имѣлъ основаніе безпокоиться гораздо больше, чѣмъ вы, господа,—замѣтилъ Верхоглядъ.

— Ну, ладно, разсказывай, что случилось! гдѣ ты пропадалъ?

— А вотъ это другое дѣло! Конечно, я буду разсказывать и даже нѣчто весьма интересное. Только не сейчасъ, не сразу... А вотъ отдохните, оправьтесь, приготовьтесь хорошенько, а затѣмъ внимайте.

И Верхоглядъ гордо окинулъ взоромъ все собраніе.

— Да-съ, господа!—произнесъ онъ, помолчавъ съ минуту:—со мною случилось нѣчто совершенно особенное, и только моя опытность, находчивость и необыкновенное счастье при этомъ, дали мнѣ возможность находиться, въ данную минуту, между вами снова, а не оплакивать свою судьбу въ неволѣ, съ подрѣзанными, чуть не подъ корень, крыльями, на утѣху грязныхъ, деревенскихъ мальчишекъ... въ лучшемъ даже случаѣ...

— Да ну, не томи...—пискнула моя нетерпѣливая сестренка.

Но Верхоглядъ былъ неумолимъ. И только, когда мы оправились, отряхнулись, передохнули немного и чинно составили кругъ, въ центрѣ котораго помѣстился разсказчикъ, онъ, порисовавшись и даже поплясавъ немного, принялся за свое повѣствованіе.

— Покуда вы занимались горохомъ, милостивые государыни и государи,—началъ свой разсказъ Верхоглядъ:—я, признаться сказать, не особенный охотникъ до этой дряни... особенно въ виду финиковъ и кокосовъ...

— Это еще что такое? —перебила сестричка.

— Молчи!—толкнулъ я ее въ бокъ,—не перебивай.

Верхоглядъ помолчалъ и серьезно взглянулъ въ нашу сторону... оба мы невольно покраснѣли.

— Такъ вотъ,—продолжалъ онъ,—пока вы кушали горохъ, я отправился пройтись по деревнѣ. Я вообще люблю изучать нравы и обычаи людей и тому подобныхъ животныхъ, и съ этою только цѣлью заглядывалъ во дворы и даже въ окошки... Тутъ я замѣтилъ, что одно окошко приподнято и оттуда пре-

аппетитно пахнетъ свѣже испеченнымъ хлѣбомъ. Я вскочилъ на заваленку, всунулъ голову въ окно и сталъ осматриваться: въ избѣ было темно, слышался храпъ и сопѣніе нѣсколькихъ носовъ, а подъ печью хрюкали и возились крохотные поросята; на столѣ, недалеко отъ моего окна, лежалъ цѣльный хлѣбъ, прикрытый полотенцемъ, около стояла деревянная крашенная солонка и лежало нѣсколько красивыхъ деревянныхъ ложекъ. Мнѣ пришло въ голову взять одну изъ нихъ на память.

— Украсть по просту!—строго замѣтилъ Долгоносъ.

— Странное выраженіе! Англичане цѣлую иглу Клеопатры взяли изъ Египта и относительно ихъ никто такого выраженія не употреблялъ,—отвѣчалъ разсказчикъ.—Что же значитъ деревянная ложка сравнительно съ каменнымъ обелискомъ!

— Продолжай! – кивнулъ головою папа.

Такъ вотъ; только что я хотѣлъ просунуться въ окно еще немного, какъ вдругъ это подлое окошко щелкнуло и упавшая рама придавила мнѣ шею...

— Ай! ай! Боже!—послышались тревожные голоса.

— Боль была нестерпимая, я думалъ, что моя шея пополамъ... я невольно закричалъ во все горло... и принялся биться и рваться, изо всѣхъ силъ... стекла со звономъ полетѣли, въ избѣ всѣ переполошились, какая-то собака съ лаемъ и визгомъ пыталась схватить меня снаружи за хвостъ и ноги, но я брыкался отчаянно и не давался, а между тѣмъ зажгли огонь... «Такъ вотъ это кто! тащи его, хватай, бей!» послышались голоса. «Зачѣмъ бить! бери живьемъ!» заступился кто-то и не прошло минуты, какъ я былъ схваченъ, освобожденъ изъ подъ прищемившаго мнѣ шею окна, зажатъ между чьими-то грубыми колѣнами, а на голову мнѣ надвинули грязный, вонючій мѣшокъ... Я попался въ плѣнъ. Отъ боли, отъ недостатка воздуха, отъ непосильной, отчаянной борьбы я сначала потерялъ сознаніе... очнулся на воздухѣ... Меня несутъ, и кругомъ меня идетъ оживленный говоръ... Спорятъ о чемъ-то. «Тащи къ попу, на дворъ,—говоритъ чей-то голосъ...—онъ намъ ведро поставитъ...» —«А и то правда, — говоритъ другой.—У него уже есть одинъ, ему подъ пару...» —«Нѣтъ, братцы, и птица какая смѣлая! Я думалъ, что за лѣшій, а онъ вишь ты что вздумалъ!» —«А ужъ и напужалась же я, отцы мои!—заговорила баба, такимъ скверным, пискливымъ голосомъ, — ноги это отнялись, кричать не могу... Ахъ, ты

окаянный!..» — «Антипка, Васька, Грунька! подь сюда!.. журку пымали!» кричали дѣтскіе голоса. «Да это можетъ поповскій и есть?» — «Нѣтъ, дикій!..» — «И какъ это его оконцемъ пристукнетъ... въ лучшемъ видѣ!..» Заскрипѣли какія-то ворота, меня выпустили и сдернули съ головы мѣшокъ. Измятый, измученный, я рванулся и сталъ осматриваться: я находился въ небольшомъ сараѣ, дверь котораго только что плотно прихлопнули. По угламъ стояло нѣсколько кадокъ и большой, пустой ящикъ, дѣтская телѣжка безъ колесъ, кое-какая посуда, а на стѣнахъ висѣли хомуты и разная сбруя. «Здравствуй, товарищъ!» раздалось около меня. Я вздрогнулъ и сталъ всматриваться въ уголъ, откуда донеслось дружеское привѣтствіе... Каково же мое было изумленіе и радость!.. Я увидалъ журавля нашей породы, спокойно и нѣсколько грустно смотрящаго мнѣ прямо въ глаза. «Попался, бѣдный товарищъ», покачалъ онъ головою. — «Ты какъ же здѣсь?» спросилъ я. — «О, я уже давно... уже третій годъ... меня нашли въ лѣсу отставшаго, больного, принесли сюда... и...» — «Что же ты не ушелъ?» — «Крылья подрѣзаны, пѣшкомъ не уйдешь!..— проговорилъ онъ печально и чуть не заплакалъ.— Вотъ, погоди, подрѣжутъ и тебѣ!» У меня закружилась голова и въ глазахъ позеленѣло. Между тѣмъ, за дверью снова послышались голоса мужиковъ и бабъ. «Гдѣ же это журка-то вновь изыманный?» раздался чей-то вопросъ. — «А вотъ, батюшка, въ сарайчикъ къ вашему пока пустили. Подъ пару будетъ. Совсѣмъ одинъ къ одному,—ровненькіе!..» — «Счастливая мысль, дружище,— торопливо заговорилъ мой товарищъ по плѣну:—сейчасъ взойдутъ. Навѣрное тебѣ, прежде всего, обрубятъ крылья... Дѣлай, что я тебѣ прикажу,—и ты спасенъ». — Спасенъ!.. О, если бы!.. — «Войдутъ,—ты сиди въ углу смирно, не бойся!.. Относись къ людямъ довѣрчиво, какъ будто ручной, а я притворюсь дикимъ... Понялъ?» — «Понялъ». Едва только онъ успѣлъ это сказать, какъ дверь осторожно стала отворяться, и на порогѣ показались люди. Впереди всѣхъ старикъ, въ длинномъ сѣромъ подрясникѣ и съ туго заплетенною, сѣдою косичкою на затылкѣ, это и былъ самъ батюшка; за нимъ— двѣ косматыя, рыжія бороды, дальше, еще нѣсколько головъ, въ шапкахъ и безъ шапокъ, далѣе пестрѣли бабьи платки, между ногъ пролѣзали бѣлокурыя дѣтскія головки... Дверь сарая была плотно загорожена человѣческими фигурами и внутри

оттого было несовсѣмъ свѣтло. Мой спаситель принялся отчаянно биться и метаться по сараю, я же, помня совѣтъ, присѣлъ покойно у бочки и самыми невинными глазами смотрѣлъ на все происходившее. — «Вотъ это мой умникъ!» протянулъ руку ко мнѣ батюшка и погладилъ меня по головѣ... Я ни гу-гу.—«Лови его, лови, ребятки!» загоняй въ уголъ... Эко шустрый какой, сейчасъ видно, что дикій!» Но мой великодушный товарищъ по плѣну, бился какъ сумасшедшій, не даваясь въ руки.—«Эй!—крикнулъ батюшка, замѣтивъ, что наконецъ моего товарища зажали въ самый уголъ и нѣсколько человѣкъ навалились на него, какъ на меня передъ этимъ — «Эй, кто тамъ? Аришка! Добѣги къ матушкѣ, въ горницу, принеси веревку, да ножницы».—«Спасайся теперь!» простоналъ мой великодушный собратъ. И дѣйствительно была пора! Моментъ былъ самый благопріятный... Занявшись прежнимъ плѣнникомъ, вполнѣ убѣжденные, что онъ-то и есть новый, дикій, враги оставили меня совершенно безъ вниманія. Дверь сарая была отперта настежъ; я въ два прыжка очутился на дворѣ, сбилъ съ ногъ Аришку, съ веревкою и ножницами и мигомъ взвился на воздухъ.—«Прощай, другъ!—успѣлъ я крикнуть своему несчастному товарищу.—Имя твое будетъ занесено въ исторію!» Воображаю ихъ физіономіи, когда они, глядя на мой полетъ, спохватились и сообразили въ чемъ дѣло! Я летѣлъ безъ оглядки. Никогда въ жизни не приходилось мнѣ летать такъ скоро. Глядя на меня, никто-бы не подумалъ, что это журавль; навѣрное приняли-бы за ласточку или, по крайней мѣрѣ, за орла. Съ розмаху чуть не ударился о ель головой. Поднялся выше, зацѣпилъ за облако и разнесъ его въ дребезги... летѣлъ, летѣлъ... Но вы не подумайте, что это изъ страха—какіе пустяки! Страхъ это—чувство совершенно несвойственно журавлямъ вообще и мнѣ въ особенности. Я охотно бы остался еще немного посмотрѣть, что дальше будетъ, да вспомнилъ о васъ; мнѣ живо представилось ваше, совершенно понятное, безпокойство и волненіе, и я полетѣлъ васъ догонять. Удивляюсь, какъ это я обогналъ васъ, не замѣтивши!.. Вы какою дорогою летѣли?

Верхоглядъ окончилъ свой разсказъ этимъ вопросомъ, предложеннымъ самымъ равнодушнымъ тономъ, и оглядѣлъ собраніе.

— Великій подвигъ, великій! — проговорилъ Долгоносъ-Всезнайка.

— Достойный нашей великодушной и благородной породы!— подтвердилъ папа Горланъ.

— Я полагаю,—надменно произнесъ Верхоглядъ...—Вотъ вы все мнѣ не вѣрите, все подсмѣиваетесь.

Онъ, бѣдный, подумалъ, что это его величаютъ.

— Не о тебѣ рѣчь идетъ,—обрѣзалъ его нашъ старшина.— Ты только легкомысленный дуракъ, которому везетъ удивительно... я говорю о томъ, объ оставшемся... Ты говорилъ, что онъ уже три года въ плѣну?..

— Три года,—чуть слышно произнесъ окончательно смущенный вѣтреникъ.

— Ахъ, нельзя-ли вернуться... нельзя-ли его спасти!—засуетилась моя добрая сестренка.

Вся молодежь присоединилась немедленно къ ея возгласу.

— Спасти!—печально повторилъ Долгоносъ.—Журавль съ подрѣзанными крыльями уже не нуждается въ свободѣ. Ему все равно не прожить теперь, безъ покровительства человѣка...

— Да и, кромѣ того, онъ тамъ очень и очень нуженъ,— вмѣшался снова ободрившійся Верхоглядъ.—Не даромъ-же онъ и живетъ вмѣстѣ съ батюшкою. Онъ служитъ людямъ хорошимъ примѣромъ: мнѣ онъ успѣлъ шепнуть, что даже всѣ проповѣди сочиняетъ собственно онъ, а батюшка только учитъ наизусть и потомъ выдаетъ за свои.

— Опять ты за вранье! экой ты, право, неисправимый!..— остановилъ его папа...—Итакъ, дѣти мои, передъ сномъ пропляшемъ въ честь нашего героя-товарища торжественную плясху. Становись, начинай!

И мы всѣ, вытянувшись въ рядъ, исполнили самый замысловатый танецъ, несмотря на назойливый, холодный дождь, видимо зарядившій на всю ночь.

Верхоглядъ, ссылаясь на чрезмѣрную усталость, уклонился отъ этого обычнаго выраженія нашего торжественнаго настроенія духа.

IX.

Только передъ утромъ стало разъясниваться, подулъ холодный вѣтеръ, и мы поневолѣ вспомнили эпизодъ съ дрофами... Надо было скорѣе согрѣться, а то просто крылья отказывались служить, какъ слѣдуетъ. Къ тому же и насчетъ покормки здѣсь было очень плохо: несчастное поле, принадлежащее нищенскому

выселку, было давно сжато и снопы свезены, а кругомъ, сколько не видѣлъ глазъ, ничего не замѣтно было путнаго.

Опытные путеводители наши успокоили насъ сообщеніемъ, что на полдорогѣ встрѣтятся мѣста попривольнѣе... Въ дорогу, такъ въ дорогу!..

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ югу, мѣстность мѣнялась значительно... Своего роднаго темно-зеленаго ельника мы уже больше не видали, да и красавица березка стала появляться все рѣже и рѣже.

За то, взамѣнъ ихъ, подъ нами разтилались кудрявые, дубовые лѣса, частью уже терявшіе свою листву, частью еще сохранявшіе свой роскошный уборъ... И какой пестрый—красивый! Золотисто-желтый цвѣтъ, признакъ наступившей осени, смѣнялся то огненно-краснымъ, то темно-бронзовымъ. Кое-гдѣ, ярко-зелеными ковриками, сквозили мокрыя полянки, усѣянныя красными точками запоздавшихъ цвѣтовъ; дороги тянулись уже не сѣрыми пыльными лентами, а широкими, маслянисто-черными полосами, и по нимъ медленно ползли обозы телѣгъ, запряженныхъ волами. Волы эти были тоже особенные, большею частью свѣтло-сѣрые, съ громадными раскидистыми рогами, а около нихъ шли люди въ бараньихъ шапкахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ и такихъ же широкихъ шароварахъ... Почти у каждаго въ зубахъ дымилась трубочка, и шли они, понуривъ головы, лѣниво ступая по липкой, черноземной грязи дороги.

Встрѣчавшіяся намъ теперь деревни и села тоже были уже не того вида, что прежде. Здѣсь не было этихъ веселенькихъ, бревенчатыхъ домиковъ, съ высокими коньками и кружевною рѣзьбою по карнизамъ, съ рогатыми изгородями вокругъ, съ скрипучими воротами, усѣянными блестящими шляпками гвоздей... Здѣшнія человѣческія жилища были приземистыя, съ глиняными, выбѣленными стѣнами, съ крохотными окошками и съ тяжело нависшими, гладко причесанными, соломенными крышами. На заваленкахъ, подъ окнами этихъ домиковъ,—«хатъ», какъ ихъ здѣсь называютъ, сидѣли сѣдоусые старики, опершись на палки, а около нихъ копошились смуглые ребятишки; нѣкоторые изъ нихъ играли въ бабки, другіе просто весело шлепали босыми ногами по сверкающимъ на солнцѣ, дождевымъ лужамъ; у колодца толпились крикливыя, по обыкновенію, бабы, споря о чемъ-то, да такъ громко, что даже до насъ долетали ихъ задорные голоса... Поодаль отъ жилья, на

возвышенныхъ мѣстахъ, выстроились цѣлые ряды вѣтряныхъ мельницъ, грозно маша своими растрепанными отъ вѣтра крыльями; у мельницъ тѣснились воза, нагруженные бѣлыми мѣшками, и распряженные волы дремали около, лѣниво пережевывая свою вѣчную жвачку. Цѣлые города золотыхъ скирдъ окружали такія деревни, а далѣе тянулись безконечныя пространства убранныхъ полей и, уходя въ лиловатую даль, окутанныя легкою дымкою пара, растилались свѣжія пашни, а на нихъ кое-гдѣ, яркими пятнами, бѣлѣлись рабочіе волы, парами, по двѣ и по три—одна за другою, тяжело волоча за собою, глубоко врѣзавшіеся въ почву своимъ желѣзомъ, неуклюжіе плуги.

И эти поля тучнаго чернозема, и эти неустанно вертящіяся мельницы, и эти города золотыхъ скирдъ, и даже эта упорная медленность въ движеніяхъ—все говорило объ избыткѣ, сытости и довольствѣ.

— Тутъ и на нашу долю хватитъ,—сообщилъ намъ папа и сталъ перекликаться съ главарями сосѣднихъ треугольниковъ.

Рѣшено было спуститься на старыя жнива, поодаль отъ села, гдѣ, какъ оказалось, можно было довольно таки пособрать забытыхъ, разоренныхъ отъ сноповъ, колосьевъ, да и такъ, просто высорившейся, спѣлой пшеницы.

Шумно и весело, хлопая крыльями и хоромъ протрубивъ сигналъ къ отдыху, мы спустились на жнива и тотчасъ же принялись за покормку.

Одинъ Верхоглядъ былъ не въ духѣ. Онъ даже не болталъ разнаго вздору, по обыкновенію, и, лѣниво потыкавъ носомъ въ сырую, податливую почву, присѣлъ въ борозду, подтянувъ свои длинныя ноги.

— Боленъ, что-ли? — заботливо подошла къ нему наша мамаша.

— Боюсь, ногу не повредили-ли мнѣ давеча, — отвѣчалъ Верхоглядъ.—Да и шея того, побаливать что-то начала! Просто повернуть не могу!

— Это отъ окошка,—замѣтилъ кто-то.

— Должно быть. Спервоначалу-то, въ горячкѣ, я не замѣчалъ, а вотъ теперь здорово болѣть стала... гляди—индо пухнетъ!

Всѣ мы окружили нашего бѣднаго вѣтреника, выражали ему, какъ кто умѣлъ, свое соболѣзнованіе, а помочь чѣмъ не знали

— Смотри, не расхворайся въ серьезъ!—замѣтилъ Долгоносъ.—Отстанешь отъ міра—пропадешь!

— Я и то боюсь!.. Ну, да авось Богъ смилуется... Только бы погода постояла потеплѣе!

Порѣшили, чтобы Верхогляду съ этого перелета находиться въ хвостѣ, гдѣ полегче, и въ смѣну передовиковъ его не наряжать.

Подошелъ тутъ Долгоносъ-Всезнайка, пытливо посмотрѣлъ на Верхогляда, а тотъ такую жалостную позу принялъ, что я чуть не заплакалъ, на него глядя.

Папа отошелъ съ нашимъ предводителемъ въ сторону и стали совѣщаться о чемъ-то, все поглядывая искоса на больного; очевидно, что предметомъ совѣщанія былъ именно онъ самый.

Любопытная сестренка, бокомъ—да бокомъ, словно какъ увлекаясь зернышками, обильно разсоренными повсюду, подобралась поближе къ совѣщавшимся, и потомъ опрометью, не выдержала, и подбѣжала къ нашей группѣ... Глазенки у нея сверкали весело и радостно.

— Ничего,—проговорила она торопливо,—Долгоносъ говоритъ, что нога и шея, это ничего: поболитъ и перестанетъ. Вотъ крыло бы если, ну, тогда бѣда!.. Хотятъ теперь, ради него, нѣсколько дней перелеты дѣлать покороче, а привалы подольше. Старикъ сказалъ, что мы много уже про запасъ пути забрали; времени хватитъ.

— А ты, что болтаешь, сорока! - незамѣтно подошелъ тутъ папа и стукнулъ сестренку по затылку.

— Ай, папка! больно!—вскрикнула та...—ишь ты, «сорока»... самъ ты воробей!

И всѣ мы невольно расхохотались, такъ намъ смѣшно и не подходяще показалось—названіе «воробей», отнесенное къ такому рослому, красивому и статному журавлю, какъ нашъ папа.

Сестренка моя была общая любимица и ей многое прощалось, что несовсѣмъ согласовалось съ нашею суровою дисциплиною.

На этомъ привалѣ мы познакомилась, между прочимъ, съ парою великолѣпныхъ аистовъ. Это были красивыя, бѣлыя долгоногія и долгоносыя птицы, съ черными хвостами и черными же окаймленіемъ на концахъ крыльевъ, носы и ноги ихъ были ярко-краснаго цвѣта. Гнѣздо ихъ было на крышѣ крайней хаты,

у самой печной трубы. Эта пара была молодежь, какъ и мы съ сестрою, нынѣшняго весенняго выводка, и тоже готовились къ отлету! Стадо ихъ паслось нѣсколько подальше, по болотистой низинѣ, а эти прелетѣли сюда къ намъ, просто изъ любопытства: познакомиться, какъ они говорили, съ знатными иностранцами.

Премилыя были и весьма образованныя птицы.

Онѣ только оказались совсѣмъ иного съ нами мнѣнія о людяхъ:—люди, какъ они говорили, весьма мирныя и пріятныя животныя, и даже состоятъ съ аистами въ большой дружбѣ, и сами аисты никогда не отказываютъ людямъ въ покровительствѣ. Гнѣзда свои аисты вьютъ, большею частью, на крышахъ человѣческихъ жилищъ, и даже на крестахъ и куполахъ церквей, выбирая вообще мѣста видныя, открытыя и непремѣнно на солнцепекѣ.

— Терпѣть не можемъ,—говорили они,—этой сырой и скверной тѣни.

— А люди развѣ васъ не ѣдятъ?— просилъ одинъ изъ нашихъ.

— И не вымачиваютъ предварительно въ уксусѣ?—полюбопытствовалъ другой.

— О, никогда!—отвѣчалъ одинъ изъ аистовъ...—Они проникнуты такимъ къ намъ уваженіемъ, что не осмѣлились бы... Да при томъ, они обязаны намъ за массу пользы, которую мы имъ приносимъ, и отсутствіе вреда.

— Какая же отъ васъ польза?—спросилъ я, заинтересовавшись общимъ разговоромъ.

— А такая, что мы истребляемъ всякую гадость вокругъ ихъ жилищъ, убиваемъ змѣй.

— И никогда не трогаемъ ихъ хлѣба.

— Вкуса у васъ, значитъ, нѣтъ настоящаго,—язвительно замѣтилъ нашъ больной, пододвинувшись къ намъ поближе.

— О вкусахъ не спорятъ!—замѣтилъ, слегка поклонившись, одинъ изъ аистовъ...—Но во всякомъ случаѣ я не понимаю вашей боязни людей. Мы, напримѣръ, гуляемъ совершенно покойно по улицамъ и даже собаки на насъ не бросаются, гнѣздъ нашихъ не трогаютъ, во время перестилки крышъ даже поправляютъ, если что испортится за зиму, во время нашего отсутствія. А когда мы весною рано возвращаемся домой... О, еслибъ вы видали тотъ живой восторгъ и радость,

съ которыми насъ встрѣчаютъ люди! Наше возвращеніе для нихъ сущій праздникъ!

— Вы—одно дѣло, мы—другое,—вставилъ тутъ, молчавшій до сихъ поръ, нашъ папа.

— Позвольте мнѣ сказать слово,—вмѣшался Верхоглядъ. Онъ, по случаю нездоровья, былъ въ желчномъ настроеніи духа и ему почему-то захотѣлось срѣзать зазнавшагося немного аиста.

— Вы, господа, дѣйствительно оказываете нѣкоторыя услуги людямъ, но этого для нихъ мало. Люди вообще такіе эгоисты, мнѣ издали это виднѣе—и чувство благодарности у нихъ неособенно развито, а спасаетъ васъ именно этотъ самый человѣческій эгоизмъ.

— Это какъ же?..

— А очень просто: вы, господа аисты, питаетесь всякою дрянью, какъ вы сами изволили выразиться, и потому ваше мясо ни къ черту не годится! Извините за рѣзкое выраженіе; наше же мясо, благодаря преимущественно растительной пищи, промаринованное и хорошо приготовленное, составляетъ весьма лакомое блюдо, и потому...

— Удивительное достоинство быть годнымъ для чужого желудка,—презрительно пожалъ плечами аистъ.

— Есть чѣмъ хвастаться!—добавилъ другой.

— Я и не хвастаюсь, это законы судьбы! я только объясняю главную причину вашей безопасности. Вотъ, напримѣръ, галки, вѣдь это совершенно уже, съ позволенія вашего, дрянь, а тоже чувствуютъ себя недурно подъ общею кровлею съ человѣкомъ.

Но тутъ папа замѣтилъ, что разговоръ принимаетъ острый характеръ, поспѣшилъ замять дѣло и перемѣнить тему.

— Господа, не забывайте, что благородные аисты наши гости въ данную минуту.

Только что онъ хотѣлъ продолжать, и навѣрное что-нибудь удачное, какъ тутъ одинъ изъ аистовъ сталъ уже придираться. Ему, видите, обидно показалось слово «гость».

— Какъ мы гости!—вспыхнулъ онъ.—Это вы здѣсь прилетные гости, а на этихъ поляхъ полные хозяева мы. Знаете ли вы, господа, что это все земли, принадлежащія нашему селенію?

— Не будемъ спорить, господа,—поспѣшилъ Долгоносъ,—

а лучше, вполнѣ признавая права господъ аистовъ на ихъ земли, мы можемъ надѣяться, что тѣ не откажутъ намъ въ гостепріимствѣ и позволятъ мирно окончить нашъ привалъ. Не правда-ли, господа!

— О, это другое дѣло,—отвѣчали разомъ, польщенные такимъ оборотомъ дѣла, аисты.—Мы тоже на-дняхъ собираемся въ длинный путь.

— Въ Каиръ?

— Да, можетъ быть и далѣе немного.

— По нашему слѣду, значитъ.

— Своею дорогою. До свиданья, господа, счастливаго пути:

— До свиданья!

Аисты вѣжливо раскланялись и улетѣли.

Когда они скрылись, папа проворчалъ имъ вслѣдъ: проваливайте! и сердито добавилъ:—А—жаль! этимъ зазнавшимся нахаламъ не мѣшало бы задать хорошую встрепку.

— Опасно!—замѣтилъ Долгоносъ.

— Эхъ, кабы я былъ здоровъ! — досадливо воскликнулъ Верхоглядъ.

— Опасно,—продолжалъ нашъ опытный вождь,—потому что тронь мы только этихъ молокососовъ, какъ соберется громадная стая,—и намъ пришлось бы имѣть серьезное сраженіе.

— Такъ какъ я боленъ, то весьма для насъ невыгодное,—подхватилъ хвастунъ Верхоглядъ.

— Пожалуй!—улыбнулся Долгоносъ,—а, главное потому, что носы у аистовъ длиннѣе и крѣпче—это важнѣе! И повѣрьте, друзья мои, что и для сильныхъ міра самое мудрое правило—избѣгать войны, гдѣ можно кончить дѣло, хотя бы и плохимъ миромъ. Ну, пора въ дорогу!

Когда мы, выстроившись, поднялись довольно высоко и передъ нашими глазами развернулась чудная панорама съ далекимъ синѣющимъ горизонтомъ, и, какъ на ладони—обозначился планъ обширнаго села, со всѣми его окрестностями, мы замѣтили громадную стаю аистовъ, собравшуюся у мельницы. Тамъ, очевидно, шли оживленные переговоры и оттуда доносились воинственные крики.

— Хорошо, что во время! — сказала наша мама.—Эво, сколько ихъ тамъ собралось! видимо-невидимо!

Верхоглядъ, летѣвшій на этотъ разъ позади всѣхъ, теперь сталъ безпокойно оглядываться и даже поторапливать переднихъ.

Болѣзнь отнимаетъ бодрость духа, и нашъ герой сталъ немного трусить. Незадолго до солнечнаго заката—передъ нами заблестѣла громадная рѣка, одинъ берегъ которой былъ гористъ и спускался крутымъ обрывомъ, другой же разстилался совсѣмъ въ уровень съ водою, былъ покрытъ сплошь лѣсами, и въ темныхъ массахъ этихъ лѣсовъ свѣтились безчисленные водные заливы—затоны, обрамленные густыми порослями потемнѣвшаго камыша и осины. Длинныя песчаныя отмели тянулись вдоль этого низменнаго берега, и эти отмели были оживлены стаями утокъ, дикихъ гусей, куличковъ и всякой мелкой водяной птицы.

— Днѣпръ! ребята!—крикнулъ намъ папа Горланъ.—Это все перелетныя собрались. Здѣсь у нихъ главное становище:—тутъ и мы спустимся на ночь и на весь слѣдующій день.

— Дневка!—подтвердилъ Долгоносъ.

— Дневка, дневка!..—радостно загудѣло по всему клину и отозвалось въ другихъ, сосѣднихъ.

X.

Боже мой! какимъ шумомъ, гамомъ, галдѣніемъ и пискомъ встрѣтило нашъ слетъ все многочисленное, временное, какъ и мы сами, населеніе одного изъ затоновъ, еще издали намѣченнаго нами для ночлега.

Здѣсь были стаи сѣрыхъ чирковъ, занявшихъ окраину камышей; на срединѣ затона плавали группами дикіе гуси, глубоко ныряя за рыбкою; между ними замѣшались черные гагары и нырки, въ пескѣ копошились долгоногіе кулички, бойко шнырящіе по мелкимъ лужицамъ, правѣе, у старой, подгнившей, полусвалившейся ивы, стояло десятка два угрюмыхъ колпицъ, съ широкими носами-лопатками; гдѣ-то дальше, въ чащѣ осоки, протяжно, словно мычаніе вола, гукали выпи... И не перечесть просто кого, кого тутъ не было.

Мы же, чтобъ не особенно безпокоить прежде насъ прибывшихъ, заняли сухую полянку, саженяхъ въ двадцати отъ воды, всю сплошь покрытую мшистыми кочками. Здѣсь росло много ежевики, превкусной такой ягоды, и кромѣ того попадались жолуди, такъ какъ здѣсь преобладалъ лѣсъ дубовый, хотя и не очень уже рослый... Если бы эти жолуди были не такъ тверды, право это было бы недурное блюдо... Мы попро-

бовали, болѣе изъ любопытства, но, въ виду лучшаго, ограничились только пробою.

Съ нашей стороны можно было обозрѣвать весь затонъ и кромѣ того значительную часть самой рѣки, по которой въ данную минуту медленно плыла грузная барка съ громаднымъ бѣлымъ парусомъ... На баркѣ виднѣлись люди, но это было такъ далеко отъ насъ, что мы не безпокоились нисколько.

Часовые наши заняли мѣста очень удачно, что было весьма трудно, такъ какъ мѣстность оказалась закрытою, и количество часовыхъ пришлось значительно увеличить.

Въ эту ночь пришлось итти на стражу и мнѣ съ сестрою; той очень хотѣлось спать, но сознаніе важности поста невольно разгоняло дремоту.

Всѣ эти распоряженія и разстановки были окончены засвѣтло, и съ наступленіемъ темноты всѣ мы отлично освоились съ мѣстностью и вообще положеніемъ нашего лагеря.

Солнце сѣло, а съ его закатомъ мало-по-малу стихъ разнообразный говоръ и шумъ становища, и всю окрестность затянуло сплошнымъ, густымъ туманомъ, и въ этомъ туманѣ скрылись очертанія дальняго нагорнаго берега и даже темныя группы близко подступающаго къ намъ дубоваго лѣса.

Дневные голоса и звуки смѣнились новыми, невсегда понятными, полными страшной таинственности. Становилось невольно жутко на душѣ, словно предчувствовалась какая-то неотразимо надвигающаяся на насъ, смертельная опасность.

Вѣроятно, это съ непривычки такъ мнѣ казалось... Это была первая ночь моей сторожевой службы.

Сестра моя, которая торчала неподалеку отъ меня, незамѣтно, словно нечаянно, пододвинулась ко мнѣ поближе.

— Развѣ можно?—замѣтилъ я.

— Страшно!—созналась она, совершенно откровенно.

Къ полуночи туманъ сталъ рѣдѣть и надъ нашими головами вызвѣздилось темное ночное небо. Стало очень холодно.

Снова чуть обозначился противоложный берегъ и ясно протянулась покойная лента величавой рѣки.

Вдругъ я замѣтилъ, что по этой рѣкѣ беззвучно движутся какіе-то темные предметы... Какъ я ни присматривался къ нимъ, я ничего не могъ разсмотрѣть подозрительнаго: это просто были кучи хвороста и тростника, плывущіе по теченію, но откуда онѣ взялись?.. Зачѣмъ онѣ плывутъ очень уже—

какъ будто правильно, наконецъ, и несовсѣмъ по теченію, а забираютъ какъ будто бы наискось, какъ разъ къ стаямъ утокъ и гусей, сбившихся теперь вплотную, къ берегу...

Я тихонько посовѣтывался съ сестрою. Та тоже ничего не понимала и посовѣтовала сходить за папою, или кѣмъ-нибудь изъ старшихъ, сама и вызвалась.

Это было очень благоразумно. Не поднимать же сразу тревоги. Окажется послѣ вздоромъ, и поднимутъ насъ, новичковъ, на смѣхъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ къ намъ подошелъ папа. Онъ тоже замѣтилъ, что и я, и вглядывался теперь въ подплывающіе предметы съ явнымъ безпокойствомъ.

— Догадываюсь,—пробормоталъ онъ...—Тревогу!

И тотчасъ же затрубилъ самъ; часовые затрубили дружно.

Не успѣли наши голоса прогремѣть надъ сонными лагеремъ, какъ изъ подозрительныхъ плавающихъ кучъ вспыхнули огни, взвились дымки и оглушительно грянули выстрѣлы.

Боже, что произошло!

— Охотники, охотники!—раздались со всѣхъ сторонъ крики ужаса и отчаянія... Все сонное встряхнулось и съ оглушительнымъ хлопаньемъ крыльевъ ринулось къ лѣсу.

Мы тоже поднялись высоко надъ лѣсомъ и теперь намъ было видно все ясно. Къ намъ въ затонъ, пробравшись по узенькому проливу, подплыли три лодки, ловко прикрытыя хворостомъ, въ нихъ сидѣли люди съ ружьями и теперь безпощадно палили по сплошнымъ стаямъ утокъ, въ смертельномъ страхѣ мечущимся въ разныя стороны и снова возвращающимся подъ убійственный огонь охотничьихъ ружей.

Подстрѣленныя, раненыя и убитыя птицы звучно шлепались въ воду, разводя по ея поверхности окровавленные круги... утиные трупы несло по теченію и прибивало къ отмелямъ. Большой сѣрый гусь, съ подбитымъ крыломъ, наискось спускался къ лозняку—пытаясь спастись хоть въ его чащѣ, но его догналъ второй выстрѣлъ, и онъ, жалобно застонавъ, перевернулся и грузно ударился всѣмъ тѣломъ о песокъ.

А безпощадные охотники все палили и палили.

Наконецъ несчастныя жертвы догадались и всѣ сплошь потянулись къ лѣсу. Огонь прекратился...

Тогда охотники стали собирать добычу и укладывать въ свои лодки. Они все-таки далеко не могли подобрать всего, что

набили: много тѣлъ унесло теченіемъ, много осталось въ осокѣ неразысканныхъ, но и то лодки были наполнены чуть не до краевъ... Такая это была ужасная, безпощадная бойня.

Охотники причалили къ берегу и стали разводить огонь. Скоро запылало красное пламя и освѣтило ихъ фигуры и лица. Одинъ изъ нихъ сталъ ощипывать бѣднаго покойника чирка, другой поставилъ къ огню котелокъ съ водою... Нѣкоторые раздѣлись и начали купаться... А мы все это наблюдали, описывая въ воздухѣ, высоко надъ ихъ головами, широкіе круги.

— Дальше, дальше отсюда!—послышались между нами нерѣшительные голоса.

— Куда дальше!?—отозвался папа,—здѣсь мы въ безопасности, а спустимся—пожалуй, опять нарвемся на худшее.

И, дѣйствительно. Едва только онъ это произнесъ, какъ далеко, ниже по теченію, опять послышались выстрѣлы и опять замелькали зловѣщіе огоньки.

Это новая партія атаковала другое, еще болѣе многочисленное становище переселенцевъ.

Новая кровь! Новая бойня!

Стало понемногу разсвѣтать.

Мы теперь подались ближе къ нагорному берегу и, высмотрѣвъ удобное мѣсто, стали потихоньку спускаться, оставивъ небольшую партію нашихъ для наблюденій надъ врагами.

А тѣ выкупались, выпили чего-то изъ бутылокъ, поѣли, поболтали, посмѣялись вволю... и стали усаживаться въ лодки.

Усѣвшись, они направились тоже къ нагорному берегу, гдѣ, мы теперь замѣтили, раскинулось селеніе съ церковью и красивыми фруктовыми садами. Около этого селенія, вплотную у берега, стояло нѣсколько громадныхъ барокъ съ мачтами и и надъ одною высилась черная труба, начавшая дымить довольно усердно.

Посовѣщавшись немного, мы рѣшили вернуться на прежнюю стоянку. Теперь тамъ уже совсѣмъ безопасно, какъ объяснилъ намъ Долгоносъ. Охотники вполнѣ убѣждены, что дичь вся распугана ихъ ночною аттакою и нескоро соберется на потревоженномъ мѣстѣ.

Мы возвратились какъ разъ передъ восходомъ солнца и съ ужасомъ смотрѣли на свѣжіе, кровавые слѣды недавняго побоища.

— Пойди-ка сюда! — неожиданно подозвалъ меня отецъ. Да и ты тоже, обратился онъ къ моей сестрѣ

Оба мы, не знаю почему, сконфузились и явились на зовъ.

Мнѣ казалось, что я вполнѣ правильно и честно исполнилъ свой долгъ и потому совѣсть моя была покойна.

Папа отвелъ насъ незамѣтно въ сторону, такъ, чтобы другіе не слышали.

— Вотъ видите,—началъ онъ,—что значитъ терять напрасно золотое время. Если бы вы, замѣтивъ во время подозрительные предметы, сразу, не посылая за мною, а на свою отвѣтственность, подняли бы тревогу, то это было бы своевременно и охотники остались бы съ носомъ... крови бы пролито не было. А вы все раздумывали, да соображали, да за мною посылали, время и ушло... дѣло вышло дрянь!

— Я, папа,—началъ я оправдываться,—я боялся даромъ потревожить, потомъ бы надо мною насмѣшки пошли.

— И бѣды въ томъ никакой нѣтъ!.. посмѣялись бы да и перестали, а то посмотри сколько народу перебито, сколько теперь сиротъ и вдовъ!

— Папа, наши всѣ цѣлы...—началъ было я.

— Наши!..—передразнилъ папа, разсердившись совершенно неожиданно,—что такое «наши». Всѣ «наши», всѣ одинаковы должны быть «нашими»... это люди только выдумали глупости — будто есть чужіе и наши; есть разныя породы — это правда; есть и разные интересы у породъ, сообразно ихъ свойствъ и привычекъ, а когда дѣло касается жизни и смерти,— это для всѣхъ одинаково; «наши»... ишь ты какой аристократъ!..

— Папа, — вмѣшалась тутъ сестра; она какъ-то смѣлѣе спорила съ отцомъ, чѣмъ я.

— Ну, что скажешь?

— Отчего же гуси сами себя не берегли и утки тоже... Что же мы за всѣхъ должны стараться?!

— Отчего?!. Они тоже стерегутъ, да не умѣютъ; у нихъ вотъ этого меньше, чѣмъ у насъ, журавлей.

Папа легонько ткнулъ ей въ лобъ своимъ носомъ.

— А если намъ Богъ далъ лучшія способности, то мы и обязаны служить этими способностями и себѣ, и слабѣйшимъ насъ. Этимъ только мы и можемъ отблагодарить Бога, даровавшаго намъ высшія исключительныя способности... поняли!

— Поняли!—сказали мы съ сестрою въ одинъ голосъ.

— Ну,—сказала мама,—довольно ужъ имъ головы мыть!

Дѣти, чай, устали на службѣ за ночь, да перетревожились; имъ бы заснуть часокъ, а ты съ нравоученіями!

— Ничего, это впередъ пригодится, — улыбнулся папа и пошелъ розыскивать Долгоноса, да кстати провѣдать больного Верхогляда, который куда-то забился и его не видать было,— должно быть за кочками, гдѣ подремать приткнулся.

До полудня насъ никто больше не тревожилъ и мы успѣли отлично выспаться.

Рѣшили сократить дневку. Впечатлѣнія кровавой ночи разстроивали наше спокойствіе, и рѣшено было послѣ полудня сниматься и летѣть далѣе, придерживаясь пока теченія Днѣпра, вплоть, какъ разсказывали намъ, до города Кіева, и оттуда уже предполагалось взять немного западнѣе, по направленію къ дунайскимъ гирламъ.

XI.

«Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои...» Ахъ, это я увлекся и заимствовалъ у другого писателя... У кого, господа, не помните ли?

А, дѣйствительно, «чуденъ Днѣпръ!..» не знаешь просто чѣмъ любоваться больше: — правымъ ли гористымъ берегомъ, гдѣ крутые склоны сползаютъ прямо въ глубину водъ, отражаясь въ нихъ своими густо поросшими лѣсами гребнями, или безконечнымъ зеленымъ просторомъ лѣваго, низменнаго, богатымъ ковромъ разстилающагося вплоть до сплошной синевы безконечной дали! И тутъ, и тамъ разбросаны живописные городки и селенія, съ бѣленькими хатками, ютящимися въ зелени садовъ, съ церквами, съ отдѣльными богатыми барскими усадьбами, съ оживленными народомъ пристанями, съ ихъ кипучею жизнью.

А по рѣкѣ, и тяжело вверхъ, и легко, словно весело внизъ — тянутся и бѣгутъ торопливо суда, плоты и барки, подъ парусами, то мучительною береговою лямкою... пыхтятъ и шумятъ колесами красивые пароходы, оставляя въ воздухѣ длинные слѣды чернаго дыма... и въ этомъ дыму и, вылетая на просторъ, рѣятъ и носятся съ крикомъ бѣлыя чайки—мартынки, то задѣвая крыломъ водную поверхность, то ныряя въ глубь и вновь появляясь на свѣтъ съ серебристою блесткою—рыбкою въ клювѣ...

Тамъ и сямъ, ярко выдѣляясь въ синевѣ водъ, желтѣютъ длинныя, согрѣтыя солнцемъ, отмели, и на нихъ жизнь такъ и кипитъ, такъ и бьетъ ключемъ... Здѣсь становище рыбаковъ раскинуло свои сѣти для просушки,—тамъ смолятъ выволоченное на берегъ, пузатое днище разсохшейся барки, тамъ вяжутъ безконечно длинные плоты бревенъ, тамъ, въ тѣни обрыва, на узенькой береговой полосѣ, пріютилось отдыхающее стадо, пригнанное для водопоя, а неподалеку, красивою ярко цвѣтною группою, прямо въ воду, бабы и дѣти купаются, и съ веселымъ смѣхомъ плещутся въ водѣ, перекрикиваясь съ проходившими мимо судами.

Круто-рогіе волы забрели въ воду, чуть только спины виднѣются, и стоятъ, молчаливо наслаждаясь прохладою, спасаясь отъ назойливыхъ осеннихъ слѣпней и оводовъ.

Тысячи ручейковъ и рѣчекъ стремительно, сбѣгая по оврагамъ, вливаютъ свои воды въ общее, гостепріимное русло, шумитъ гдѣ-то неугомонное мельничное колесо, и издалека, волною несется колокольный звонъ-благовѣстъ... это съ той стороны, гдѣ чуть-чуть начинаютъ выясняться въ туманѣ группы монастырей и храмовъ колоссальнаго города...

— То Кіевъ, — оповѣстилъ насъ Долгоносъ.—Давно онъ стоитъ тамъ. И дѣды, и прадѣды наши летали, да что прадѣды!.. Тысячи поколѣній журавлиныхъ пролетали мимо, и всегда именно здѣсь, у Кіева, немножко на западъ, къ дунайскимъ гирламъ сворачивали.

— Старый городъ,—согласился нашъ папа.

— Великолѣпный городъ! — вскрикнула и моя сестра.— Только знаешь ли что? —добавила она, — если бы эту рѣку, Днѣпръ вашъ, да къ тому городу, помнишь, большому такому, тоже съ множествомъ церквей и домомъ подъ золотой крышею а ту маленькую сюда, то пожалуй...

— Если бы тебѣ да павлиный хвостъ,—перебилъ, засмѣявшись, Верхоглядъ.

Онъ сталъ поправляться и потому шутить.

— Да еще,—добавилъ онъ,—оленьи рога на голову, то пожалуй изъ тебя вышло... чортъ знаетъ, что изъ тебя вышло бы, а только не такая красивая, стройная журка, какъ ты сама.

Сестра хотѣла было обидиться на эту насмѣшку, но конецъ, очевидно, ей польстилъ и она кокетливо улыбнулась.

— Вѣчно съ остротами!

А между тѣмъ мы все приближались и приближались къ этому великолѣпному городу.

Расположенный на горномъ берегу, терассами спускаясь къ рѣкѣ, отражаясь въ ней, какъ въ зеркалѣ, своими разнообразными зданіями, Кіевъ поражалъ насъ своею величественною красотою. Гребни горъ, увѣнчанные монастырями, старинными храмами, съ тысячами золотыхъ и ярко-цвѣтныхъ главъ, съ тысячами причудливо-вырѣзныхъ крестовъ, такъ ясно, такъ отчетливо рисовались на голубомъ небѣ... Раскошные сады сбѣгали по склонамъ, лѣпились по карнизамъ обрыва, то развертывались широкими площадями, то тѣнистыми аллеями, обрамливая длинныя, многолюдныя улицы.

Два желѣзныхъ моста, хитро перекинутые черезъ широкій Днѣпръ, связывали городъ съ луговою стороною; по одному изъ нихъ, съ грохотомъ и громомъ, катились желѣзнодорожные поѣзда, по другому, легко постукивая, двигались повозки и экипажи и, съ котомками за плечами, брели длинныя вереницы пѣшеходовъ. Дальше, почти сливаясь съ главною массою города, возвышались снова соборы и храмы, обнесенные тяжелыми, каменными, зубчатыми стѣнами; вдоль этихъ стѣнъ толпились несмѣтныя группы людей, тоже съ котомками, то покойно отдыхающія въ тѣни стѣнъ, то торопливо тѣснящіяся въ темныхъ аркахъ воротъ.

Рѣзкими, черными пятнами въ пестрыхъ толпахъ выдѣлялись люди въ длинныхъ одеждахъ, въ высокихъ черныхъ клобукахъ; они расхаживали степенно, важно, и прочіе относились къ нимъ съ особою почтительностью.

Далѣе, за городомъ, правильными квадратами, бѣлѣлись палатки военнаго лагеря; тамъ блистало оружіе и слышались ружейные выстрѣлы, напугавшіе насъ сначала, но потомъ, когда мы замѣтили, что эти выстрѣлы, напугавшіе насъ сначала, но потомъ, когда мы замѣтили, что эти выстрѣлы къ намъ вовсе не относятся, оставлены нами скоро безъ всякаго вниманія.

Мы пролетѣли надъ этимъ лагеремъ, отвѣтили своими трубами на ихъ сигнальные рожки и трубы,—и скоро сѣрая мгла предвечерняго зноя и тучею стоящая надъ всѣмъ пространствомъ города пыль—стали затягивать какъ дымкою, чудную панораму. Мало-по-малу затихалъ городской шумъ, вовсе затихъ. Голубая лента Днѣпра отошла влѣво, а подъ нами разстилались

снова равнины полей и межъ ними прямая, какъ стрѣла, полоса большой каменной дороги.

Должно быть, на этотъ разъ мы забрались очень высоко. Солнце еще не дошло до горизонта, мы видѣли полное очертаніе его багрово-краснаго круга, а внизу, подъ ногами, уже спустилась ночная тѣнь и потухли въ этой тѣни послѣднія жаркія блестки монастырскихъ крестовъ, потухъ и золотистый блескъ, на поверхности Днѣпровскихъ разливовъ, чуть уже видныхъ отсюда, исчезающихъ безслѣдно въ сплошномъ туманѣ наступающей ночи.

Мы спустились опять на жнива, на совершенно открытой, удобной вполнѣ для наблюденій мѣстности, а потому для ночлега совершенно безопасной.

Заснули мы немедленно и крѣпко; такъ крѣпко, что когда я раскрылъ глаза, утренняя заря успѣла уже разлиться чуть не въ полнеба и послѣднія звѣзды чуть теплились, утопая въ блескѣ наступающаго дня.

— Шестой день пути! — оповѣстилъ насъ Долгоносъ...— Ого! Вотъ что значитъ здоровая молодежь, не то что прошлое лѣто. Важно отмахали.

— Въ прошломъ-то году мы сюда только на девятый попали,—сообщилъ папа.

— Да и то съ убылью!—вздохнувъ, добавила матушка.

— Если лѣтѣть съ толкомъ,—вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ старыхъ журавлей, дядя «Клу-Клу»—то можно весьма успѣшно путешествовать. Странно только, что мы здѣсь другихъ журавлей не встрѣтили изъ-подъ Урала, имъ-бы тоже пора здѣсь быть. Будемъ ждать, что-ли?

— А можетъ они раньше протянули, надо-бы справиться,— сказалъ папа.

— А вонъ дрофы бродятъ; тѣ здѣшнія... у нихъ-бы спросить!

— Можно.

Дѣйствительно, не болѣе какъ въ верстѣ отъ насъ паслись табуномъ какія-то крупныя, тяжелыя птицы, нѣкоторыя изъ нихъ, поднявъ головы, видимо, съ любопытствомъ посматривали въ нашу сторону. Кромѣ того, по близости, шурша по жниву, капошилось стадо куропатокъ, а почти между нами довѣрчиво шныряли крохотныя миловидныя перепелки.

Тамъ и сямъ слышался рѣзкій свистъ, и мы замѣтили какихъ-то маленькихъ, пестрыхъ звѣрьковъ—столбиками торчав-

шихъ на степныхъ кочкахъ... посвиститъ и спрячется, вновь покажется, станетъ на дыбки, свиснетъ и юркнетъ въ норку.

— Эко нынче сусликовъ, что здѣсь,—замѣтилъ дядя «Клу-Клу», то-то хлѣбу отъ нихъ здорово досталось!

Папа съ двумя журавлями полетѣлъ къ дрофамъ наводить справки, а мы мирно паслись, разговаривая о томъ, о семъ, какъ изъ небольшой лощины появился страшный, сѣрый звѣрь, робко оглянувшійся направо и налѣво и медленною, лѣнивою рысью побѣжалъ черезъ поля; по его торчащимъ ушамъ, по злымъ, налитымъ кровью глазамъ и по озлобленно оскаленному рту мы узнали волка. Животное должно быть очень устало, языкъ вывалился на сторону и густая пѣна валила изо рта, хвостъ былъ опущенъ и чуть не волочился по землѣ.

— Удирать!—мелькнуло у насъ въ головахъ, но тотчасъ-же мы сообразили, что не стоитъ. Волку было не до насъ. Онъ злобно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трусливо оглядывался назадъ и, наконецъ, пріостановился и припалъ къ густо-поросшей бурьяномъ межѣ, тяжело дыша и зализывая себѣ заднюю лапу.

Тутъ мы замѣтили вдали еще нѣсколько точекъ, болѣе опасныхъ для насъ, чѣмъ этотъ четвероногій хищникъ. Это были два всадника, шагомъ ѣхавшіе не сюда, а какъ будто-бы въ сторону, у каждаго на веревкахъ были по двѣ тощихъ собаки, за спиной у одного блестѣло что-то металлическое.

— Не ружье-ли?!—подумали мы.

— Нѣтъ, рожокъ,—словно угадалъ нашу мысль Долгоносъ.—Этихъ бояться нечего... намъ—то-есть нечего, а тому, подлецу, плохо придется.

Такимъ нелестнымъ эпитетомъ нашъ предводитель обозвалъ спрятавшагося въ межѣ, измученнаго долгою погонею, волка.

— Не замѣтятъ они... Богъ дастъ,—предположилъ я.

— Замѣтили уже. Вишь ты хитрятъ... стороною забираютъ, все правѣе да правѣе. Туда-то ему подастся некуда, такъ съ той стороны отхватываютъ.

Тутъ мы увидѣли, что дѣйствительно некуда: изъ-за складки мѣстности, словно изъ-подъ земли, еще вынырнуло двое верховыхъ и рысью подвигались впередъ... тоже съ собаками на своркахъ.

Замѣтилъ этихъ новыхъ и волкъ и, выбравшись изъ межи, ходкою рысью, даже въ прискачку, пошелъ наутекъ; хотѣлъ было назадъ, въ балку, да тамъ уже двое первыхъ выѣхали.

увидали звѣря и, спустивъ собакъ, понеслись во весь духъ, щелкая арапниками.

Мы были насторожѣ, но не улетали... очень уже интересно было посмотрѣть, чѣмъ кончится дѣло.

Волкъ метнулся въ сторону и понесся, какъ стрѣла. Струйка сѣрой пыли выдавала его въ бурьянѣ, обозначая дорогу, а тамъ ему наперерѣзъ неслись новые преслѣдователи.

Первая пара собакъ налетѣла на звѣря, спиблись; какая-то собака громко завизжала и отскочила прочь. Волкъ вырвался и опять наддалъ ходу, значительно опередивъ собакъ, круто повернулъ въ сторону.

— Уйдетъ... Слава Богу!—вскрикнула сестра.

— Уйдетъ, уйдетъ!—обрадовались и мы.

Но тутъ мы вспомнили корову съ теленкомъ и въ наши сердца закралось злое чувство, хотя и заслуженной мести.

Дѣйствительно, волку приходилось плохо: одна изъ собакъ, самая крупная, которая съ острою вытянутою мордою, съ роскошной бѣлой бахрамою на сильныхъ ногахъ, какъ молнія, выпеслась впередъ... волкъ припалъ и собака пропеслась надъ нимъ мимо; бѣдный хищникъ присѣлъ и защелкалъ зубами, потомъ стремительно рванулся опять въ сторону—опять, собравъ послѣднія усилія, заскакалъ, уже вдоль межи... свѣжая собака вся черная, какъ смоль, легкая и красивая, наскочила на него и вцѣпилась въ ухо. Первая оправилась и со всего размаха ударила волка грудью въ бокъ. Всѣ трое, съ дикимъ воемъ, покатились по пересохшей, кочковатой почвѣ жнива. Еще подоспѣли собаки... Наконецъ, одинъ изъ всадниковъ подскакалъ въ плотную, быстро спрыгнулъ на землю и выхватилъ изъ-за пояса ножъ.

Что-то произошло ужасное! Человѣкъ, собаки, звѣрь—все слилось въ одну безобразную кучу... Раздался раздирающій душу вой,—и все стихло разомъ.

— Го-го-го!—заоралъ во все горло человѣкъ, поднявшись на ноги и вытирая окровавленное желѣзо ножа.

— Го-го-го!—отвѣчали, подскакивая къ мѣсту боя, остальные всадники. Несчастный волкъ корчился въ послѣднихъ судорогахъ, растянутый крестомъ замершими въ схваткѣ собаками.

Поѣхали охотники дальше и увезли съ собою волчье тѣло. Вернулся и папа изъ гостей, отъ дрофъ... говоритъ, что дрофы не видали до сихъ поръ журавлей; мы, молъ, первыя прилетѣли

за эту осень, но что, молъ, слухъ пошелъ, будто скоро должны пожаловать... голуби дикіе пролетали, они видѣли третьяго дня.

— Видѣли, такъ видѣли!.. А тутъ что было? — справился папа.

— Да, волка травили. Вонъ поволокли.

— Ловко!

— А что, дѣдушка,—припомнила тутъ сестрица:—что это было: разбой или промыселъ?

— Ахъ ты, шустрая!—ухмыльнулся дѣдъ Долгоносъ, припомнивъ къ чему рѣчь идетъ.

— Это видишь ты, если хочешь, промыселъ... а еще скорѣе—заслуженная казнь за разбой и воровство «со взломомъ», то бишь, я хотѣлъ сказать, съ перекусываніемъ глотки. Казнь жестокая, но заслуженная вполнѣ.

— Брр... какъ страшно!

— Съ непривычки!—презрительно произнесъ Верхоглядъ.—Я разъ въ Египтѣ видѣлъ: люди казнили людей-же. Это были бѣлые люди, одѣтые съ ногъ до головы, а казнили они черныхъ людей совсѣмъ голыхъ, а потомъ въ другомъ мѣстѣ—я видѣлъ черныхъ людей, голыхъ, которые казнили бѣлыхъ, одѣтыхъ. Вотъ это такъ, по истинѣ, было ужасное зрѣлище!

— За что же они казнили?—полюбопытствовало нѣсколько голосовъ разомъ.

— Должно быть за дѣло. Я только не могъ узнать за какое именно.

— Ну, что вздоръ болтать, дѣтей на ночь тревожить,—перебила матушка. — Великій грѣхъ передъ Богомъ, пролитіе крови... у насъ, слава Богу, у журавлей, этого не водится.

— А у аистовъ есть!—замѣтилъ Верхоглядъ...—я видѣлъ.

— У людей научились!—отрѣзала мама.—Больно уже сжились вмѣстѣ!

— У дрофъ вотъ, — началъ разсказывать папа, — вчера подъ вечеръ тоже бѣда большая приключилась.

— Что такое?

— Да подстрѣлили у нихъ охотники четыре штуки... и какъ, подумаешь, хитро дѣло устроили. Вотъ правду говорятъ: «вѣкъ живи—вѣкъ учись»:—свернули къ нимъ съ дороги два воза съ соломою.—Ну, думаютъ дрофы, это не бѣда, неопасно! а не тутъ-то было. Ѣдутъ возы мимо, тѣ глядятъ, какъ дуры, бѣды не чуютъ. Проѣхали, близко-близко, и пошли кругъ за-

гибать. Да уже съ другой стороны выскочилъ изъ-подъ соломы охотникъ и выпалилъ. Далеко,—не попалъ! Дрофы снялись, да низкомъ, низкомъ, а съ возовъ-то раньше двое соскочили и залегли въ бурьянѣ, дрофы ихъ сперва не замѣтили. Пошли птицы на утекъ, да на залегшихъ этихъ и налетѣли. Хлопъ, да хлопъ... готово! Теперь, говорятъ, будемъ осторожнѣе.

— Осторожная птица тоже, — замѣтилъ Долгоносъ, — да проста больно, забывчива.

— Я разъ такъ спасъ цѣлое стадо,—вмѣшался Верхоглядъ.— Тоже при мнѣ заѣзжали этакъ, я замѣтилъ, да и кричу дрофамъ: берегись! Не туда! Сюда! Слава Богу, послушались.

— Эхъ, у тебя на всякій случай своя исторія!—засмѣялся Долгоносъ.—Ну, ладно! если и не было этого, то во всякомъ случаѣ могло-бы быть и очень похвально... Молодчина!

— Что-же тутъ неправдоподобнаго!—обидѣлся слегка Верхоглядъ. — Я, право, не понимаю!.. Вотъ, напримѣръ, хотите вѣрить—хотите нѣтъ, мнѣ все равно, но со мною былъ однажды такой случай: подкрался я разъ къ охотнику, тотъ спалъ крѣпко... Должно быть былъ пьянъ, потому что около него валялась пустая бочка отъ водки. Вижу—лежитъ заряженное ружье. Думаю:—прекрасно! Я сейчасъ это ружье—хвать!—и поднялся съ нимъ на воздухъ... Тяжело ли мнѣ показалось, неловко ли я взялъ, только вздумалъ перехватить на лету поудобнѣе—въ эту минуту ружье выстрѣлило само собою... Это бы еще ничего, но, подумайте:—какъ разъ мимо летѣлъ громадный орелъ и несъ въ когтяхъ куропатку — зарядъ попалъ прямо ему въ голову.—Тотъ крикнулъ, перевернулся и кубаремъ полетѣлъ на землю, да такъ хлопулся, что даже перья врозь полетѣли... Спустился я тоже... а куропатка жива!.. Протягиваетъ мнѣ лапку и говоритъ: «Благодарю, мой благородный избавитель. — Благодарю!.. Вы спасли мать ста двадцати семи дѣтей». Что же!.. Смотрю: — выбѣгаетъ изъ травы цѣлая туча; дѣйствительно, я сосчиталъ сто двадцать семь штукъ... и всѣ пищатъ: «благодаримъ, благодаримъ». Я былъ тронутъ до слезъ—говорю имъ: «будьте счастливы, а я исполнилъ только мой долгъ...»

— Ахъ ты забавникъ!—расхохотался во все горло папа...— Право! съ нимъ не пропадешь со скуки...

— Правда?—серьезно посмотрѣла въ глаза разскащика моя сестрица.

— Развѣ же я когда-нибудь лгу... развѣ я способенъ...

— Ну, спасибо!..

И сестра моя нѣжно пощекотала у него подъ крыломъ своимъ носикомъ.

Маменька многозначительно проговорила — гм!—и покосилась на папеньку. А папенька тоже повторилъ два раза «гм, гм!» и при этомъ добавилъ вполголоса, но довольно громко:

— Блажь!

XII.

Дѣйствительно, голуби не солгали. Не успѣли мы перекочевать съ нашихъ полей, какъ около разсвѣта послышался знакомый намъ родной свистъ и шумъ могучихъ крыльевъ, и громадная новая стая журавлей спустилась, не смѣшиваясь, однако, съ нами.

Съ ихъ стороны сейчасъ же отдѣлилось нѣсколько, должно быть, старшихъ, и навстрѣчу имъ важно выступили наши. Долгоносъ и папа, конечно, первые; Верхоглядъ тоже пристроился.

Оказалось, что это еще подъ Москвою соединившіяся партіи съ рѣки Камы и съ Урала—той же, что и мы породы... оказались даже кое-кто изъ старыхъ знакомыхъ, по прежнимъ совмѣстнымъ перелетамъ. Особенно у нашего дѣда Долгоноса... Одинъ изъ прибывшихъ, старый престарый журавль, даже поцѣловался съ нашимъ старикомъ и ради встрѣчи потанцевали вмѣстѣ крыло съ крыломъ... оба хорошо, даже очень хорошо, но все-таки нашъ пограціознѣе...

Дѣдушка познакомилъ своего стараго друга съ папою и мамою,—назвавъ того... «Мудрымъ Крыломахомъ».

— Мы древнѣйшіе друзья съ мудрѣйшимъ Долгоносомъ,—вѣжливо раскланялся предводитель Камско-уральскаго журавлинаго воинства.

— Да, старикъ! сколько мы съ тобою и горестей, и радостей извѣдали,—заговорилъ нашъ дѣдушка.

— Да—пожили! — вздохнулъ тотъ... — Какая у васъ молодежь прекрасная, сытая! и какъ сохранены хорошо въ дорогѣ... Да, съ такимъ вождемъ хорошо живется...

— Ну и твои тоже въ блестящемъ порядкѣ... Вотъ молодецъ-то водитъ... Куда мнѣ!

— Ну, полно! скромничаешь!

— Нѣтъ... право... А что безъ потерь.

— Не скажу... на третьемъ перегонѣ... покормились чего то и двое покончились изъ молодыхъ, да одинъ трехлѣтокъ подъ выстрѣлъ подвернулся.

— Ай! ай! ай! какъ же это?

— Да очень просто... Пулей, на очень далекомъ разстояніи... Мы и подозрѣвать не могли... Нынѣче у людей завелись ружья, которыя положительно сбиваютъ всѣ наши разсчеты...

Поразговорились старики, а за ними и мы, молодежь, перезнакомились очень скоро, и дружескій, веселый говоръ охватилъ все громадное пространство, теперь, дѣйствительно, несмѣтнаго журавлинаго становища.

Такъ какъ новоприбывшіе летѣли всю ночь, то имъ надо было дать отдохнуть этотъ день, а заодно и мы рѣшили остаться для совмѣстнаго полета далѣе.

Это былъ день счастливый... ни насъ, никого другого люди не безпокоили; носились, правда, въ воздухѣ два-три орла и съ десятокъ ястребовъ, но спускаться не посмѣли, въ виду такой силы.

Нашъ Верхоглядъ все время держался между чужими — опъ имъ тамъ, должно быть, повторялъ свои необыкновенныя исторіи... Сестрѣ это показалось обидно немного... Къ вечеру, однако, разскащикъ вернулся и за то уже до заката солнца держался около насъ, танцовалъ въ нашемъ кругу и самъ вызвался на часы, въ смѣну нашего треугольника.

Разсчетъ по клиньямъ, впрочемъ, не измѣнился.

До разсвѣта, бодрые, вполнѣ сытые и отдохнувшіе какъ слѣдуетъ, мы тронулись въ путь. Это было очень интересное, даже величественное зрѣлище. Даже люди на проѣзжей дорогѣ останавливались, и изъ подъ руки глядѣли вверхъ, какъ треугольникъ за треугольникомъ, стройно и плавно, послѣдовательно отдѣлялся отъ желтосѣрыхъ полей и вытягивался, занимая чуть не полъ неба.

Хоръ нашихъ трубъ рѣзко проносился, звеня въ свѣжемъ, будто немного морозномъ, утреннемъ воздухѣ. Но голосъ нашего папа Горлана былъ слышнѣе всѣхъ... Дрофы тоже собирались къ отлету и поглядывали на насъ, очевидно, съ затаенною завистью... Куда имъ за нами!

Въ этотъ день намъ пришлось летѣть надъ горящими лѣсами. Боже! какое это печальное зрѣлище!

Пожаръ охватилъ громадное пространство и шелъ низомъ, стелясь по самой землѣ; изрѣдка только, охваченное огнемъ высохшее дерево вспыхивало разомъ, красивымъ огненнымъ столбомъ,—и медленно догорало, судорожно извиваясь своими сучьями... зловѣщій трескъ и гулъ пламени разносились далеко... Тучи искръ и головешекъ неслись неудержимо по вѣтру и густые столбы чернаго смолистаго дыма тянулись далеко, заражая воздухъ удушьемъ и смрадомъ.

Сколько здѣсь гибло бѣдныхъ маленькихъ звѣрьковъ, сколько крохотныхъ птичекъ, задыхаясь въ дыму, не въ силахъ были улетѣть и падали внизъ, въ это море всепожирающаго пламени...

Въ одномъ мѣстѣ запылало небольшое дерево у опушки... Тамъ слышались крики тревоги и зовъ на помощь. Гдѣ-то за дымомъ—учащенно звонилъ колокольный набатъ... Сотни людей, какъ муравьи, копошились дальше, окапывая канавами подходы пожара къ другой деревнѣ, изъ домовъ которой торопливо вывозилось разное имущество.

Мы должны были описать большой кругъ стороною, чтобы не задохнуться самимъ въ этомъ дыму, но тяжелый запахъ гари насъ преслѣдовалъ до самой ночи, да и на другой день еще непріятно щекотало въ носу, и въ воздухѣ стоялъ синеватый, сухой туманъ, преслѣдовавшій насъ чуть не до полудня, до широкихъ степныхъ пространствъ, смѣнившихъ только-что нами покинутыя лѣсныя мѣстности.

Выжженная за лѣто солнцемъ, изрѣзанная кое-гдѣ балками (оврагами), рѣдко населенная, почти безжизненная степь не представляла собою ничего особенно привлекательнаго.

Кое-гдѣ, только по склонамъ балокъ, бѣлѣлись хохлацкія хатки, желтѣлись хлѣбныя скирды и пылили проѣзжія дороги... Мѣстами виднѣлись оригинальнаго вида колодцы, на которые Верхоглядъ указалъ намъ съ громкимъ хохотомъ.

— Это мы... не правда ли, очень похоже?!

— Какъ мы?..

— Колодцы эти называются журавлями... Ха, ха, ха!... Ну, скажите по правдѣ: напоминаетъ ли это насъ хоть сколько нибудь... жалкая пародія...

Впрочемъ, я не совсѣмъ согласенъ съ Верхоглядомъ... Когда такой колодецъ начинаетъ клевать, словно носомъ, добывая воду, то есть какое-то подобіе птицы... не журавля, конечно, но, пожалуй, аиста или цапли,—во всякомъ случаѣ презабавно!

Около такихъ колодцевъ съ жалобнымъ блеяніемъ толпились громадныя стада овецъ, — атары, какъ ихъ здѣсь называютъ, и громко ругались чумазые пастухи, съ длинными крюками въ рукахъ.

Попадались намъ также и бакчи,—поля, засѣянныя арбузами и дынями... Цѣпляясь и путаясь между собою, по сырой растрескавшейся почвѣ, ползли, переплетаясь, сухіе, тонкіе стебли, а на нихъ, грузно, лоснясь на солнцѣ—лежали темно-зеленые, желтые и почти бѣлые, тяжелые шары, «ткнуть носомъ въ которые весьма пріямно», какъ замѣтилъ нашъ папа.

— Это мы попробуемъ, со временемъ,—обѣщалъ Долгоносъ,— можетъ быть, даже на первомъ ночлегѣ.

Дѣйствительно, одна изъ такихъ бакчей оказалась по близости нашей остановки, и мы привели въ исполненіе обѣщанное дѣдушкою.

Вкусно и сладко; но больше годится для утоленія жажды, чѣмъ для настоящаго насыщенія. Дыни все-таки солиднѣе.

Мы пролетали много городовъ и городковъ, большихъ и маленькихъ селеній, видѣли въ сторонѣ синѣющія горы, но очень далеко и, наконецъ, на третій день отъ Кіева папа указалъ намъ впередъ, рекомендуя присматриваться хорошенько.

А впереди синѣлось необъятное водное пространство, съ которымъ сливалась, громаднымъ треугольникомъ, болотистая, заросшая камышами—мѣстность, вся изрѣзанная широкими и узкими водяными протоками.

— Дунайскія гирла!—сообщилъ дѣдушка Долгоносъ... — Прекрасная страна для насъ, голенастыхъ, и вообще для птицъ, не имѣющихъ къ водѣ особаго отвращенія.

— А это? — спросилъ я, указывая на темносинюю полосу на горизонтѣ, откуда несся какой-то особенный звукъ, не похожій ни на шумъ городовъ, ни на гулъ далекаго вѣтра, ни на что, болѣе или менѣе, намъ знакомое.

— Это Черное море.

— А, а!.. — протянула молодежь въ отвѣтъ.

И мы всѣ посматривали туда, на эту синюю далекую полосу — съ чувствомъ благоговѣнія, и даже не безъ страха... Море... это значитъ, такое громадное пространство воды, перелетѣть которое нельзя, не надѣясь на свои могучія крылья... ослабѣютъ — и булдыхъ!.. Погибель вѣрная!.. Мало того, что потонешь, а то еще живьемъ слопаетъ тебя какая-нибудь гро-

мадная рыбина,—какъ разсказывала маменька... «Да черезъ все-то море и не перелетѣть намъ—журавлямъ... Мы вѣдь, больше стороночкою, ближе къ берегамъ всегда придерживаемся»...

А дѣйствительно, хорошо и привольно въ Дунайскихъ гирлахъ! и какое множество разной перелетной птицы здѣсь собирается! Это, — что мы видѣли на Днѣпровскихъ затонахъ— это что!.. Пустяки! Тутъ мы увидѣли такія несмѣтныя сборища, что тогда только поняли выгоду летѣть большимъ народомъ... Просто потеряться можно!..

Въ гирлахъ мы познакомились въ первый разъ съ пеликанами. — Великолѣпныя, крупныя птицы — розовато-бѣлаго цвѣта, съ громадными носами и съ глубокими мѣшками подъ нижнимъ клювомъ... Онѣ заняты были рыбной ловлею, а рыбы, мимоходомъ замѣтить, здѣсь множество. Ловъ былъ удачный и обильный... Пеликаны глотали усердно и про запасъ набивали свои мѣшки, которые отвисли таки порядочно... угрюмыя птицы неособенно охотно вступали съ нами въ разговоры, больше отмалчивались; за то красавцы-лебеди, величественно поставивъ парусомъ свои роскошныя крылья, плавали, придерживаясь открытыхъ водныхъ пространствъ, ныряли, встряхиваясь и весело болтали, перекликаясь съ нами, занявшими береговую полосу.

Въ одномъ мѣстѣ десятка три цапель затѣяли было съ нами ссору изъ-за мѣста, но уступили передъ превосходствомъ силъ, не доходя до драки.

Невольно всрча, онѣ тяжело снялись, и, некрасиво оттопыривъ ноги, лѣниво полетѣли искать новаго мѣста.

Мы заняли одинъ изъ острововъ временно, просто для легкаго отдыха; кормиться намъ, журавлямъ, здѣсь было нечѣмъ— до рыбы мы не охотники! — Но еще было свѣтло, и отлетать на покормку, на материкъ, гдѣ виднѣлись кукурузныя поля, было небезопасно... Поля эти очень уже близко примыкали къ небольшому селенію, да вдобавокъ были еще огорожены плетнемъ. Мы предполагали пользоваться ими ночью и то не всѣ разомъ, а небольшими партіями.

Вообще, несмотря на роскошь природы и на видимое довольство обитателей, добываніе пищи все становилось труднѣе и труднѣе.

— Это общее правило, друзья мои,—замѣтилъ папа,—чѣмъ у людей всего больше, тѣмъ они скупѣе становятся и ревнивѣе

охраняютъ свое добро. Впрочемъ, они правы! Вообще я васъ предупреждаю, чтобы вы отсюда не особенно разсчитывали на сытые и вкусные обѣды. И этотъ постъ протянется вплоть до устьевъ Нила. Тамъ опять пойдутъ мѣста сытыя и привольныя...

— Развѣ уже близко?..—спросила сестра.

Она услышала слово «Нилъ», а объ этой сказочной рѣкѣ такъ много говорилось во время пути,—что одно названіе уже производило иллюзію. Въ словѣ «Нилъ» звучало что-то необыкновенно величественное и таинственное...

— Не особенно близко! — отвѣчалъ папа, — но въ виду малокормицы мы будемъ летѣть усиленными перелетами, а потому дня черезъ три, много четыре, увидимъ и Нилъ, и мертвыя песчанныя пустыни... и пирамиды, и обелиски, и сфинксы и многое другое, такое интересное, что я потому только не разсказываю вамъ впередъ, чтобы не портить вашихъ будущихъ впечатлѣній... Вообще забѣгать впередъ и предварять событій не слѣдуетъ.

Когда стемнѣло, полетѣла въ кукурузу первая партія, и скоро вернулась совершенно благополучно, плотно поужинавъ. Наша очередь была шестая.

Хотя насъ и смущали немного яркіе огни въ окнахъ сосѣдняго дома и громкій говоръ, почему-то не спящаго народа, но голодъ не шутка, и мы торопливо набивали себѣ зобы,—долбя носомъ тяжелыя сухія початки и выщелушивая оттуда превосходныя, мучнистыя зерна...

— А все-таки горохъ лучше! — замѣтила лакомка сестра.

— Недурно и это,—рѣшилъ я, наскоро глотая.

А Верхоглядъ, который, познакомившись съ сестрою, пристроился, съ позволенія папа, къ нашему клину, но подъ условіемъ строгаго повиновенія,—усердно возился около одного изъ стеблей, силясь оторвать цѣлый громадный початокъ.

— Не жадничай! — шепнулъ ему кто-то изъ сосѣдей.

— Не для себя! — подмигнулъ Верхоглядъ и, наконецъ таки, справился.

Мы разговаривали тихо и вообще старались не обращать на себя вниманіе людей, но собакъ мы не перехитрили... Тѣ нѣсколько разъ набѣгали на насъ съ свирѣпымъ лаемъ и заставляли насъ сниматься, и, на время, пока все успокоится, отлетать въ сторону.

Едва только мы заслышали шумъ крыльевъ новой, седьмой очереди, мы тотчасъ же уступили мѣсто и, собравшись въ порядокъ,—вернулись на островъ... Строгій порядокъ,—залогъ успѣха, особенно не дома, а на чужой сторонѣ, да еще въ такомъ многолюдномъ собраніи.

А ночь была длинная, темная-претемная, и на небѣ ярко горѣли безчисленныя звѣзды... Млечный путь разсѣкалъ небосводъ такъ рѣзко, такъ опредѣленно, какъ никогда я не видѣлъ до сихъ поръ, и тревожный гулъ недалекаго моря доносился до насъ еще громче: слышны были даже всплески и глухіе удары волнъ, разбивающихся о песчаное прибрежье.

XIII.

Такъ вотъ оно,—это самое море!

Сливаясь съ горизонтомъ, разстилалось необъятное, волнующееся, темносинее водное пространство и рокотало глухо, будто сердилось на насъ, осмѣлившихся такъ дерзко летѣть надъ его пучинами.

Бѣлыя чайки маленькія и громадныя, словно орлы, носились надъ поверхностью моря, много ниже насъ, прорѣзывая пѣнистые гребни волнъ, ныряя въ глубь, оглашая воздухъ рѣзкими, гортанными криками.

Въ волнахъ развивались, кувыркаясь и выскакивая наружу черные, лоснящіеся дельфины, гоняясь за рыбою... Въ воздухѣ было прохладно и чувствовался особенный запахъ, свойственный только соленымъ водамъ. По небу быстро бѣжали разрозненныя облака, предвѣщая болѣе сильный вѣтеръ; съ востока, на самомъ горизонтѣ, поднималось что-то грозное, обѣщая къ полудню нешуточную бурю...

Правѣе чуть виднѣлась узенькая полоска берега, едва замѣтными точками бѣлѣлись маяки... одинъ, другой, третій... едва обрисовывались въ синевѣ тумана очертанія какой-то крѣпости... Это мы покидали устья Дуная — его оживленныя гирла. Длинная лента чернаго дыма указывала, что тамъ идетъ пароходъ, почти подъ нами; накренившись на бокъ, поставивъ бѣлые паруса, тяжело качался большой трехмачтовый корабль, словно не двигался впередъ, а стоялъ на одномъ мѣстѣ... Вотъ тамъ еще видны паруса и еще... вонъ опять султаны пароходнаго дыма; тамъ дальше этотъ дымъ слился въ цѣлое об-

лако... Мы летимъ, быстро обгоняя парусные корабли, обгоняя сравнительно быстро идущіе пароходы...

Мы значительно сокращали путь, не слѣдуя за изгибами берега, и скоро замѣтили впереди, немного правѣе, синеватые гребни высокихъ горъ, частью окутанные облаками...

— Это балканскіе кряжи! — поясняли намъ, молодежи, бывалые.

Вонъ виденъ городъ—у самаго моря... Большой городъ съ высокими церквами и башнями, иного совсѣмъ вида, чѣмъ тѣ, что мы видѣли раньше. Вонъ опять, словно бѣлая иголка, торчитъ маякъ; вонъ длинныя тонкія линіи далеко выдвинутыхъ въ море каменныхъ стѣнокъ... Множество кораблей за ними, словно цѣлый лѣсъ мачтъ и парусовъ... Тутъ подъ нами море бурлитъ и шумитъ, волны все ростутъ и ростутъ, сердито набѣгая, сердито толкая и дробя одна другую, а тамъ, за этими стѣнками гладко, тихо, покойно, чуть покачиваются укрывшіеся тамъ корабли и межъ ними, направляясь къ пристанямъ набережныхъ, взадъ и впередъ шныряютъ тысячи маленькихъ лодокъ съ ящиками, бочками и людьми въ бѣлыхъ чалмахъ и красныхъ фескахъ.

— Варна!—говоритъ Долгоносъ.—За нею мы свернемъ къ берегу, и тамъ есть хорошее мѣстечко для легкой передышки.

— Не мѣшало бы! — Не знаю отчего, но перелетъ этотъ казался мнѣ, да и всѣмъ намъ, гораздо болѣе утомительнымъ. Верхоглядъ объяснялъ это сильнымъ вѣтромъ, положимъ— хоть и дувшимъ намъ не навстрѣчу, а все-таки сильно затруднявшимъ наше движеніе... Дѣйствительно, теперь замѣтно, что насъ невольно, вопреки нашего желанія, сноситъ все правѣе и правѣе,—что вовсе не входило въ наши разсчеты. Если бы дѣло было вначалѣ путешествія, то, пожалуй, мы бы и не справились, но теперь мы такъ втянулись въ походъ, такъ развилась сила взмаха нашихъ крыльевъ, что мы ничемъ не рисковали, особенно имѣя въ виду спасительную линію материковаго берега.

Пролетѣвъ Варну, наши треугольники раздѣлились и направились, немного расходясь, вѣеромъ, къ берегамъ. Это сдѣлано было въ виду густой населенности здѣшней страны, гдѣ очень трудно было найти пастбище для такого большого сборища; чтобы не очень обращать на себя вниманіе людей, да и вообще кого бы то ни было; а тѣмъ болѣе, что до ночи, до

ея спасительнаго мрака было еще довольно далеко,—и мы спускались единственно ради отдыха крыльевъ, достаточно притомленныхъ борьбою съ воздушными теченіями.

Наши спустились на совершенно голомъ полусклонѣ горъ, недалеко отъ линіи желѣзной дороги, по которой, гремя и тяжело вздыхая, катился длинный поѣздъ, направляясь къ городу... Обозъ съ двухколесными скрипучими арбами, запряженными черными буйволами, медленно ползъ по каменистой дорогѣ, пересѣкая желѣзную... Ближе къ намъ бродило маленькое стадо козъ, позванивая бубенчиками, подъ надзоромъ дѣвочки, съ вѣнкомъ изъ красныхъ цвѣтовъ на черноволосой головкѣ, сидящей бокомъ на сѣромъ ушастомъ осликѣ, мирно пипавшимъ засохшую, жесткую травку.

Нельзя сказать, чтобы мы были очень голодны, но аппетитъ все-таки начиналъ нѣсколько разыгрываться, а кушать было положительно нечего. Папа уже предполагалъ распорядиться посылкою развѣдочныхъ партій.

— Это вамъ, моя барышня! — подошелъ Верхоглядъ къ моей сестрѣ и положилъ къ ея ногамъ отличный полный початокъ созрѣвшей кукурузы.

Это онъ еще съ Дунайскихъ гирлъ захватилъ его съ собою и тащилъ всю дорогу.

— Это вамъ... кушайте на доброе здоровье!..

Сестра сконфузилась, но не отказалась,—а мама снисходительно улыбнулась и замѣтила, обращаясь къ папѣ:

— Хвалю... Обѣщаетъ быть мужемъ заботливымъ и распорядительнымъ.

— Да, только бы остепенился немного,—согласился папа.

Сестра сдѣлала видъ, что не слышитъ этихъ разговоровъ и, кокетливо тыкая носомъ въ початокъ, принялась растреплывать свой подарокъ, чтобы всѣмъ досталось изъ него хоть по нѣсколько зернышекъ.

— Кушайте и вы,—предложила она Верхоглядову,—иначе я ѣсть не стану.

— Извольте-съ, — подскочилъ тотъ и осторожно клюнулъ самъ, выбравъ при этомъ самое крохотное, невзрачное зернышко.

Все это было очень трогательно и мнѣ стало завидно, почему это я самъ жралъ — жралъ, а не догадался приберечь про запасъ, чтобы имѣть возможность тоже угостить кого

нибудь въ свою очередь—ну, хоть маму, напримѣръ, или даже самого папашу.

Но, признаться сказать, я не думалъ въ эту минуту ни о мамѣ, ни о папашѣ... Та журка, которая мнѣ пришла въ эту минуту въ голову, принадлежала не къ нашему треугольнику, да и не съ нашихъ болотъ; я замѣтилъ ее въ тотъ самый день, когда мы соединились съ уральскими клиньями, и она теперь гдѣ-нибудь далеко, — гдѣ именно, неизвѣстно. Меня только ободряла надежда, что въ устьяхъ Нила, какъ намъ обѣщано, мы должны опять соединиться въ общую группу... и тогда... тогда... О, тогда я буду умнѣе и, конечно, не хуже этого нахала Верхогляда, съумѣю быть пріятнымъ и даже привлекательнымъ.

Съ надеждою и вѣрою въ будущее, я такъ принялся за предложенное угощеніе, что даже увлекся немного и дождался таки, что сестра толкнула меня въ бокъ, укоризненно произнося:

— Довольно!.. Ахъ ты, маленькій обжора!

— Пускай кушаетъ, мальчикъ,—снисходительно вступился за меня Верхоглядъ.—Дѣти всегда обладаютъ усиленнымъ аппетитомъ.

Звучала ли насмѣшка въ его голосѣ, искренно ли онъ отнесся ко мнѣ, я не сообразилъ, но такъ вспылилъ за это непрошенное заступничество, что чуть было не затѣялъ драки.

Развѣдчики вернулись сообщить, что есть неподалеку небольшой виноградникъ, но тамъ теперь усиленно работаютъ люди, и подступиться къ нему ни съ какой стороны невозможно, но что воробьи разсказывали, будто верстахъ въ двухъ,—на рѣчкѣ, есть конопляники, а за ними тянутся болгарскіе огороды, съ бобами и чечевицею, и что селеніе къ этимъ огородамъ примыкаетъ задами домовъ, а потому, подобравшись съ вечера, ночью можно закусить какъ слѣдуетъ.

Рѣшено подождать ночи.

Снялись мы еще засвѣтло и въ разбродъ, чтобы не возбуждать подозрѣнія, направились по направленію, указанному развѣдчиками.

Скоро мы добрались до конопляниковъ и изъ-за ихъ густыхъ кудрявыхъ вершинъ замѣтили черепичныя крыши болгарскихъ домиковъ и бѣлую колонну минарета. Что насъ поразило не совсѣмъ пріятно—это обиліе косматыхъ аистовыхъ гнѣздъ на всѣхъ крышахъ, цѣлую шайку этихъ гнѣздъ на

минаретѣ и даже на всѣхъ высокихъ крестахъ кладбища, поодаль, и на окружающихъ это кладбище темнозеленыхъ кипарисахъ тоже все гнѣзда, и гнѣзда... самихъ обитателей этихъ мало было видно,—только кое-гдѣ торчали ихъ длинныя фигуры, почти огненнокрасные отъ косыхъ лучей заходящаго солнца, да въ воздухѣ, тамъ и сямъ рѣяли плавно эти друзья и союзники человѣка.

Или они не обращали на насъ вниманія, или дѣйствительно не замѣчали вовсе, только мы свободно заняли конопляники и осторожно пробирались ими, къ болѣе интереснымъ, бобовымъ грядамъ.

Здѣсь вѣдь не такъ какъ у насъ на сѣверѣ; здѣсь темнѣетъ разомъ. Не успѣетъ солнце спуститься, какъ наступаетъ непроницаемая темнота, и мы на эту темноту возлагали свои главнѣйшія надежды.

Ощупью добрались мы до бобовъ и принялись за усиленную работу, вполголоса перекликаясь, чтобы не растеряться.

Мнѣ пришло въ голову послѣдовать примѣру Верхогляда и набрать съ собою про запасъ, я надергалъ цѣлую кучу стеблей со стручками, перевивъ ими свою шею.

— Довольно! — послышался условный сигналъ къ отступленію... и мы снова стали понемногу отходить и отбѣгать снова въ конопляники. Въ такой темнотѣ трудно было попасть удачно на прежнее мѣсто стоянки и мы, находясь въ относительной безопасности, рѣшили дожидаться утра.

На разсвѣтѣ насъ встревожили озлобленные крики аистовъ и боевые голоса нашихъ. Гдѣ-то не очень далеко, однако, на противоположномъ концѣ селенія, очевидно, завязывалась крупная ссора.

Звуки этой ссоры разгорались все сильнѣе и сильнѣе, послышались даже удары крыльевъ—и крики раненыхъ.

Мы быстро выстроились, поднялись и ринулись стремительно къ своимъ, на выручку.

— Не выдавать! — громко закричалъ папа-Горланъ.

— Не выдавать! — подхватили остальные голоса...

Мы наддали маху изо всѣхъ силъ и поспѣли какъ разъ во время. Цѣлыя тучи аистовъ, чуть не впятеромъ на одного, напали врасплохъ на одинъ изъ треугольниковъ уральцевъ. Тѣ защищались энергично и стойко, но уже нѣсколько жу-

равлей было ранено и судорожно билось, путаясь въ густомъ, сухомъ бурьянѣ.

Съ боевымъ крикомъ мы накинулись на побѣдителей и смяли ихъ разомъ. Верхоглядъ, на моихъ глазахъ, налету сшибъ одного аиста и погнался за другимъ... Папа-Горланъ колотилъ направо и налѣво, но аистовъ было слишкомъ много и со всѣхъ сторонъ слетались ихъ новыя и новыя стаи... Тутъ снова послышались наши боевыя трубы—на выручку къ намъ—въ свою очередь неслись стремительно свѣжіе треугольники и впереди одного изъ нихъ Мудрый-Крыломахъ. Прибывшія силы мигомъ опрокинули аистовъ и заставили ихъ очистить поле битвы... Тѣ стали группироваться у кладбища, готовясь повторить атаку...

Очевидно, что бой готовъ былъ разгорѣться съ новою силою...

— Отступать! — раздалась команда Крыломаха.

— Зачѣмъ, какъ отступить?! — послышались недовольные голоса нашей молодежи.

— Отступать, не разсуждая, когда приказано! — грозно прикрикнулъ папа-Горланъ.—Молодежь, не рваться!.. Назадъ!.. Сверху виднѣе...

Дѣйствительно, мы услышали голоса наверху, подняли головы, а тамъ нашъ дѣдушка Долгоносъ съ двумя трехугольниками, соединенными въ одинъ, дѣлаютъ намъ предостерегающіе знаки... Они описываютъ большіе круги, повторяя гортанный, короткій крикъ тревоги.

Только что мы начали отступленіе, — какъ замѣтили людей, бѣгущихъ на мѣсто сраженія съ длинными ружьями въ рукахъ... Опасность была слишкомъ велика и, дѣйствительно, разсуждать было некогда.

Нѣсколько дымковъ вспыхнуло внизу, нѣсколько пуль просвистѣло мимо насъ, разрѣзая воздухъ, — къ счастью благополучно... Хотя аисты и друзья человѣка, какъ они сами хвастали, но звуки пальбы напугали ихъ не менѣе насъ, и они разсыпались врозь, не рѣшаясь преслѣдовать насъ, отступавшихъ.

Когда мы всѣ собрались въ безопасномъ мѣстѣ, началась немедленно провѣрка и разслѣдованіе причинъ кроваваго столкновенія.

Оказалось, что ссору затѣяли аисты, вступившись за чужое добро,—просто придрались, благодаря своей задорной на-

турѣ, наши не поддались—слово за слово, завязалась драка... началось по обыкновенію изъ пустого, а кончилось серьезнымъ кровопролитіемъ... Если бы не поспѣла наша помощь, можетъ быть произошло бы повальное избіэніе цѣлаго треугольника.

Съ нашей стороны не досчитались четырехъ журавлей, оставшихся на мѣстѣ боя, да штукъ десять было, болѣе или менѣе, легко раненыхъ, а изъ-за чего?

— Изъ-за бобовъ,—сказалъ кто-то.

— Нѣтъ не совсѣмъ изъ-за бобовъ. Аисты не ѣдятъ бобовъ и имъ не было бы жалко и обидно, еслибы мы объѣли хотя все поле... Они—вишь ты—вступились за добро человѣка и были правы,—рѣшилъ Клу-Клу.

— Бобы и вообще растительная пища созданы Богомъ для нашего употребленія,—заговорилъ папа-Горланъ.—Положимъ, что эти бобы посажены были человѣкомъ и принадлежали исключительно ему, да мы развѣ виноваты, что по близости не было бобовъ дикихъ, вольныхъ... А ѣсть надо!.. Еслибы человѣкъ относился къ намъ не враждебно, мы бы охотно оказали ему, въ свою очередь, посильныя услуги... Напримѣръ...

Тутъ папа немного опростоволосился. Какъ онъ ни придумывалъ подходящаго примѣра,—ничего подходящаго не навертывалось... Выручилъ папу Долгоносъ.

— Другъ нашъ, Горланъ, сказалъ великую истину: ѣсть надо! Въ этомъ то все и дѣло!

Съ этимъ мы всѣ невольно согласились и порѣшили, что съ этой точки зрѣнія—мы тоже были совсѣмъ правы.

— И всегда бываетъ, когда люди, послѣ горячей драки, начнутъ разсуждать о причинахъ и своей правотѣ,—вмѣшался въ разговоръ премудрый Крыломахъ,—то всегда обѣ стороны окажутся правыми. Я разъ былъ свидѣтелемъ громаднаго кроваваго побоища между людьми, въ этой же сторонѣ... Массы людей, въ синихъ одеждахъ и въ красныхъ фескахъ, шли съ одной стороны—и такія же массы людей, въ сѣромъ и бѣлыхъ шапкахъ,—шли съ другой, на встрѣчу. Обѣ стороны кричали—за праваго Богъ! и, призывая этого единаго Бога, вступили въ драку... Да какую! что наша утренняя—передъ тѣмъ ужаснымъ побоищемъ... И обѣ стороны были правы, обѣ стороны были одинаково искренно убѣждены въ своей правотѣ, и ради этой правоты охотно жертвовали своею жизнью... и оставшіеся въ живыхъ до сихъ поръ сохранили это убѣжденіе и переда-

дутъ его своимъ дѣтямъ... Изъ-за чего же они дрались?.. Вѣроятно, и я въ томъ увѣренъ, что развѣ души павшихъ героевъ, безразлично съ какой бы стороны они ни были, встрѣтившись «тамъ» вмѣстѣ, узнаютъ только истину, самую то правду... А здѣсь, на землѣ, въ этихъ вопросахъ, пока никто и никогда не разберется. А это что же! особенно отличившійся герой сегодняшняго боя, что онъ такъ разукрашенъ?—расхохотался старый философъ, обратясь въ мою сторону.

Тутъ только я замѣтилъ, что сдѣлался центромъ общаго наблюденія, и сконфузился окончательно.

Дѣло въ томъ, что вся моя шея была изукрашена красиво переплетшимися бобовыми стеблями, моимъ ночнымъ запасомъ, а Верхоглядъ подошелъ ко мнѣ и, ласково потыкавъ меня носомъ, замѣтилъ:

— Молодецъ! это хорошо слѣдовать доброму примѣру;— этакъ гораздо удобнѣе носить запасы, чѣмъ мнѣ мой кукурузный початокъ.

Однако, солнце поднялось и давно пора отправляться въ путь, народъ повсюду просыпался—трубы человѣческихъ жилищъ дымили усердно... отовсюду неслись звуки пробуждающейся жизни...

Пожалѣвъ павшихъ, помянувъ ихъ добрымъ словомъ,— тронулись въ путь, съ мѣста разбившись на отдѣльныя партіи.

Я успѣлъ все-таки отыскать заинтересовавшую меня журку-уралку и, подѣлившись съ нею бобами, уже на лету пристроился къ нашему треугольнику.

XIV.

Мы опять, для сокращенія дороги, направились напрямикъ моремъ, на этотъ разъ нѣсколько ближе, держась къ берегу... Весь этотъ берегъ, почти сплошь, пестрѣлъ садами, городками и селеніями, а впереди поднимались другіе берега,—высокіе, тянулись стѣною влѣво, и между тѣми берегами и нашимъ, вдоль котораго мы летѣли, словно узкія ворота, виднѣлся проливъ, а тамъ что-то неясно сверкало на солнцѣ своею бѣлизною и позолотою.

Надъ моремъ, еще не улегшимся послѣ свѣжаго ночнаго вѣтра, колыхался туманъ, начавшій слегка разсѣиваться подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей—словно занавѣсъ поднимался онъ передъ нами, открывая величественную картину... Узенькія во-

рота, казавшіяся намъ издали едва замѣтною щелью, теперь расширились, и мы увидали входъ въ проливъ, огражденный грозными укрѣпленіями. Тяжелыя очертанія угрюмыхъ крѣпостныхъ стѣнъ и громадныя пушки, выглядывающія изъ-за ихъ амбразуръ—такъ не подходили къ этимъ легкимъ изящнымъ замкамъ и дачамъ, повсюду раскинутымъ на красивыхъ берегахъ пролива, къ этой веселой зелени садовъ, къ этимъ чуднымъ гирляндамъ цвѣтовъ, окаймляющимъ балконы и изгороди... Громадные корабли и пароходы входили и выходили изъ пролива, оживляя картину и живописными группами тѣснились у береговъ, а дальше—виднѣлся безконечный городъ, съ такими стройными минаретами, съ такими величественными куполами, что я ничего подобнаго не видѣлъ... Здѣсь, у пристаней, собралось столько судовъ, самыхъ разнообразныхъ, что, казалось, они сошлись со всѣхъ морей міра. Да такъ и было... Тутъ же стояли и особенные корабли, тяжелые и грозные, какъ тѣ крѣпости, что сторожили входъ въ это, по истинѣ, райское мѣсто. Это и были корабли-крѣпости... военные корабли, какъ ихъ называютъ... Дальше отъ нихъ кипѣла жизнь и слышался смѣшанный гулъ голосовъ,—около нихъ было тихо и пусто, словно присутствіе этихъ желѣзныхъ чудовищъ пугало и отгоняло на далекое разстояніе все живое, веселое.

На противоположномъ берегу, словно оторванное продолженіе этого города, виднѣлись опять тѣнистые сады, густыя аллеи стройныхъ кипарисовъ и между ними опять уютныя зданія, обнесенныя вырѣзными балконами, обвитыя плющемъ и цвѣтами... Оба берега поддерживали между собою оживленное сообщеніе и, казалось, жили одною общею жизнью.

— Царь-Градъ,—сообщилъ намъ папа.—Константинополь то-же, а это,—онъ указалъ влѣво,—Скутари...

Ужасно хотѣлось спуститься именно здѣсь, поближе разсмотрѣть всѣ эти чудеса, но, повинуясь начальству, мы летѣли все дальше и дальше, оставляя за собою этотъ дивный городъ, съ его кипучею разнохарактерною жизнью.

Теперь мы неслись надъ другимъ моремъ, Мраморнымъ, хотя его прелестно синій цвѣтъ ничего общаго не имѣлъ съ этимъ камнемъ, за то въ этой густой синевѣ—водной поверхности, словно нарисованные, ярко выдѣлялись небольшіе острова, гдѣ мрамора было сколько угодно... Мы пересѣкали море съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и хотя чувствовали уже изряд-

ную усталость, но спуститься было некуда,—приходилось летѣть и летѣть... Къ счастью, легкій, ароматный, тихій, теплый вѣтеръ дулъ намъ въ догонку и облегчалъ путешествіе. Къ вечеру мы увидѣли опять живописный азіатскій городъ Бруссу. Мѣстность становилась сильно гориста—и давно уже на горизонтѣ виднѣлась какая-то особенная вершина, окутанная легкими облаками... Пролетѣвъ надъ Бруссою, откуда неслись заунывные звуки, призывающіе къ молитвѣ, мы направились къ подножью давно замѣченной нами горы и, обогнувъ ее, стали тихо спускаться на каменистую пологую долину, бѣдную зеленью, но зато обѣщающую намъ покойную ночь, такъ какъ нигдѣ не было видно человѣческихъ жилищъ, за исключеніемъ пастушьихъ шатровъ, сгруппированныхъ у небольшого родника, осѣненнаго раскидистою, старою смоковницею.

Гору, у подножья которой мы расположились на ночлегъ, называютъ Кешишъ-Дагъ. Въ часѣ хорошаго перелета отъ нея, нѣсколько ближе къ морю, чуть-чуть блестѣли въ вечерней мглѣ два порядочныхъ озера, но мы любовались ими только издали. Тамъ теперь мѣсто было занято другими, чужими породами, и, избѣгая новыхъ столкновеній, мы предпочли переночевать впроголодь, довольствуясь жалкими кустиками горной малины, кое-гдѣ торчавшими въ каменистыхъ разсѣлинахъ.

Былъ періодъ новолунія, и тонкій узенькій серпъ мѣсяца робко, и то ненадолго, обрисовался на небѣ.

Длинная осенняя ночь, то-есть не осенняя, а, по здѣшнимъ мѣстамъ, превосходная лѣтняя, теплая, какъ у насъ на сѣверѣ, въ половинѣ самаго знойнаго лѣта не бываетъ,—ночь эта прошла совершенно спокойно.

Я дремалъ и думалъ о своей журкѣ-уралкѣ... Гдѣ-то она теперь? Что подѣлываетъ, спитъ ли покойно или аппетитно кушаетъ?.. Меня весьма успокоивало то обстоятельство, что она была подъ надежною охраною: самъ премудрый Крыломахъ предводительствовалъ ея треугольникомъ. Гдѣ-то они теперь?

— А «наши»,—подошелъ ко мнѣ Верхоглядъ,—этотъ хитрецъ какъ будто-бы читалъ мои самыя сокровенныя мысли,—наши,—сказалъ онъ,—теперь помѣстились получше... Они тянутъ берегомъ и, вѣроятно, перелетѣли на Митилинъ...

— Это что такое?

— Островъ, недалеко отъ берега... Превосходный островъ... Я тамъ былъ однажды. Тамъ, глубоко врѣзываясь, чуть не до

середины острова, есть прекрасная бухта... Вѣчно въ ней тихо, какая бы буря на морѣ ни свирѣпствовала... Прежде это было самое излюбленное мѣсто морскихъ разбойниковъ.

— Ахъ, Боже мой, а «она» тамъ?!—вскрикнулъ я невольно, испуганный словомъ «разбойники».

— Кто она?

Я окончательно смутился.

— Эхъ, ты!—Верхоглядъ сочувственно засмѣялся. — Для насъ, журавлей, никакіе морскіе разбойники неопасны. — А славная журочка эта... «Черношейка!..» Я, знаешь, вчера познакомился съ ея мамою и папою...

Онъ уже и имя узналъ и всѣ подробности... Почему же это я все мѣшкалъ и зѣвалъ. Почему онъ такой прыткій и ловкій, а я словно не журавль, а филинъ какой-нибудь неповоротливый!.. Мнѣ стало ужасно досадно, и, если бы не звучащій непритворною искренностью голосъ Верхогляда, я бы непремѣнно отвѣчалъ ему рѣзкостью, но тутъ я промолчалъ... Только машинально повторилъ: «Черношейка».

— Ну, да, Черношейка! Конечно, ей далеко до твоей сестры, но, все-таки, премилая дѣвица... И я тебя отъ души поздравляю...

— Когда же мы опять увидимся?—спросилъ я, вполнѣ увѣренный, что Верхогляду все извѣстно.

Онъ задумался и сталъ важно соображать что-то, должно быть очень серьезное. Онъ даже принялся носомъ чертить на пескѣ какія-то странныя линіи...

— Вотъ, видишь ли, —началъ онъ.—Мы теперь находимся здѣсь... Вотъ это—наша гора... Вотъ такъ, совсѣмъ на западъ пойдетъ берегъ Мраморнаго моря, потомъ круто повернетъ на югъ, пройдя вотъ тутъ,—онъ опять ткнулъ носомъ,—Дарданеллы, затѣмъ повернетъ опять круто на востокъ и образуетъ большой заливъ, а противъ этого залива и есть островъ Митилинъ, о которомъ я тебѣ говорилъ. Потомъ вдоль берега все будетъ множество маленькихъ островковъ, масса... Дрянь островочки, но отдыхать можно... и потомъ уже, если мы рискнемъ сильно сократить путь, и при этомъ вѣтеръ будетъ благопріятный, то можно перемахнуть прямо на островъ Кипръ, но я думаю, что мы перерѣжемъ заливъ Александрету нѣсколько сѣвернѣе, и потомъ все время на югъ, вплоть до Бейрута, Дамаска, на Іерусалимъ, Портъ-Саидъ, Александрію и, наконецъ, въ дельту великаго Нила...

Верхоглядъ увлекся своими познаніями, очевидно рисовался ими передо мною, неучемъ, и совершенно забылъ мой вопросъ... Я едва схватывалъ памятью этотъ рядъ именъ и названій, совершенно не понималъ чертежа на пескѣ и, наконецъ, рѣшился остановить разсказчика повтореніемъ своего вопроса.

— Да...—протянулъ онъ,—ты все насчетъ того-же... Я думаю, что раньше именно дельты, мы и не сойдемся вновь—цѣлымъ обществомъ... Я думаю, что нѣтъ; мѣста здѣсь, признаться сказать, не очень то сытыя... Въ пустыню, въ глубь страны забираться жарко, да и далеко, а по берегамъ—людновато... Но если мы полетимъ отсюда на Кипръ, то тамъ хорошо и, вѣроятно, тамъ намъ дадутъ хорошую передышку.

— Такъ можетъ быть на Кипрѣ?

— Да... Весьма возможно!..

— Скажи, пожалуйста, отчего ты все знаешь? Я вотъ, пролетѣвъ до сихъ поръ, положительно почти ничего не знаю! Кажется, спроси меня обстоятельно, гдѣ и какъ мы летали, кое-что помню, но начертить носомъ не могъ бы...

— Это потому, что это, мой другъ, твое первое путешествіе... Для тебя все ново, все тебя развлекаетъ, но я... я уже привыкъ наблюдать и даже дѣлать отмѣтки. Богъ дастъ сдѣлаешь, какъ я, столько перелетовъ... научишься и ты.

— А ты сколько сдѣлалъ?

Верхоглядъ заикнулся, но скоро справился и проворчалъ, какъ-то двумысленно, не то «второй», не то «двадцать-второй».

— Второй?—подчеркнулъ я не безъ злого умысла.

— Какая теплая ночь!—вздохнулъ онъ.—Твоя сестрица спитъ, кажется, очень крѣпко... Покойной ночи и тебѣ, дружище!.. А мнѣ... мнѣ что-то не спится... я еще погуляю и немного помечтаю...

Онъ закинулъ голову кверху, поправилъ крылья, взглянулъ на звѣздное небо, вздохнулъ и зашагалъ по долинѣ, скрываясь въ потемкахъ.

Смотрю, сестра моя проснулась, тоже вздохнула и шагнула въ сторону. Я сдѣлалъ видъ, что это все до меня нисколько не касается, уткнулъ голову подъ крыло и попробовалъ забыться...

— Ахъ, еслибы черезъ Кипръ!.. подумалось мнѣ... И я видѣлъ во снѣ Кипръ... Не знаю такой ли, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, но тотъ, что я видѣлъ во снѣ, не поддавался никакимъ, самымъ восторженнымъ описаніямъ.

Слѣдующій перелетъ мы совершали все время надъ очень гористою мѣстностью, не особенно густо, даже скорѣе скудно населенною... Въ долинахъ между горъ, на небольшихъ рѣчкахъ, виднѣлись бѣдныя селенія и поля... изрѣдка сады... Что обратило на себя наше вниманіе—это вооруженность обитателей... Безъ оружія не встрѣчалось, положительно, ни души... Раза три мы видѣли кровавыя сцены: какъ одни, спрятавшись за камнями, у дороги, поджидали другихъ и выскакивали неожиданно для тѣхъ, иногда убивая проѣзжихъ, а чаще просто отнимая у нихъ лошадей, быковъ или верблюдовъ... Непріятная сторона!

— Порядка мало!.. Сказано Турція!..—замѣтилъ папа.—Она и есть, да еще настоящая—Азіатская.

Наконецъ мы добрались до прелестнаго озера, лежащаго въ глубокой, горной котловинѣ и опустились. Здѣсь встрѣтилось и нѣсколько нашихъ партій, но, увы, между ними не было треугольника Крыломаха Премудраго...

— Кажется, черезъ Кипръ,—шепнулъ мнѣ Верхоглядъ свои соображенія.—Мы летимъ прямо на заливъ Адалія... иначе мы бы забирали значительно восточнѣе... Къ тому же и погода стоитъ великолѣпная для морского перелета.

Снявшись съ ночлега, пролетѣвъ надъ горнымъ ущельемъ, по дну котораго змѣилась, прыгая и пѣнясь по камнямъ, маленькая рѣчка, мы увидѣли небольшой, бѣленькій городокъ, отчетливо обозначавшійся на синемъ фонѣ моря.

Это и былъ заливъ Адалія, и мы, слѣдя за берегомъ, летя высоко, почти въ уровень съ гребнемъ горнаго хребта, спустились у мыса Анамуръ, на голомъ прибрежьѣ, усѣянномъ валунами и всевозможными ракушками...

XV.

Дѣйствительно, рѣшено было сдѣлать перелетъ прямо на Кипръ. Перелетъ не особенно длинный, въ виду тихой превосходной погоды, но въ этихъ мѣстахъ неожиданно поднимаются бури, и если, на нашу бѣду, разыграется таковая во время перелета, да еще встрѣчная, или сбивающая въ сторону, къ западу, то можетъ быть худо. Кажется, всѣ признаки погоды были для насъ благопріятны, и хотя между нашими стариками находились осторожные, совѣтовавшіе не довѣряться часто

обманчивой тишинѣ и летѣть вдоль берега, ограничившись только небольшимъ перелетомъ черезъ входъ въ Александретскую бухту, но большинство на совѣтѣ настояло на кипрскомъ направленіи, что для насъ, молодежи, особенно для меня,— было очень пріятно...

Я только не зналъ, гдѣ треугольникъ Крыломаха. Болтливыя чайки увѣряли меня, что вчера протянули какіе-то журавли на Кипръ, но какіе это были именно, узнать не пришлось; это чайки такія, по правдѣ сказать, дуры, что отъ нихъ никакого толку не добьешься.

— Наши не должны быть, — замѣтилъ Верхоглядъ,—потому что они летѣли много кружнѣе и обогнать насъ не могли никакимъ образомъ.

— Вѣрно!—подтвердилъ и папа.

Мы расположились отдохнуть какъ слѣдуетъ, кстати и дождаться другихъ партій. Стоянка была покойная, нарушаемая только крикливыми голосами чаекъ и немолчнымъ, вѣковымъ рокотомъ морскаго прибоя. Солнце палило невыносимо, и мы придерживались тѣневой стороны высокаго горнаго берега, изрѣдка сбѣгая къ водѣ, поплясать и покупаться въ пѣнистыхъ брызгахъ, набѣгающихъ на камни, зеленоватыхъ волнъ, каждый разъ выносящихъ на песокъ милліоны разнообразныхъ ракушекъ.

Къ ночи стали собираться и другія партіи и сообщили, что треугольникъ Крыломаха потянулъ сѣвернѣе, на Александрету, въ виду того, что у него молодежь послабѣе, и онъ на большой морской перелетъ не рѣшился.

Островъ Кипръ потерялъ для меня всякую прелесть.

Мнѣ даже пришло въ голову притвориться чрезмѣрно уставшимъ, авось либо, ради меня отмѣнятъ состоявшееся рѣшеніе, но совѣсть не допустила меня до такого униженія и я, скрѣпя сердце, подчинился общей участи.

— Теперь уже до Нила,—не то улыбнулся, не то проникнутый сочувствіемъ, шепнулъ мнѣ Верхоглядъ.

Онъ, положительно, видѣлъ все, что у меня въ сердцѣ.

За эту ночь еще догнали насъ два треугольника. Мы подвели счеты; оказалось, что все-таки, большинство было увлечено осторожностью премудраго Крыломаха.

Но погода, погода стояла прелестная и ничего не предчувствовалось подозрительнаго, что-бы могло поколебать наше рѣшеніе.

Мы простояли здѣсь весь день, и снялись чуть только побѣлѣла полоска горизонта на востокѣ.

Быстро удалялся отъ насъ покинутый нами, еще погруженный въ темноту, берегъ, но уже вершины горнаго хребта зарумянились и красиво выступали во мракѣ своею причудливо зубчатою линіею.

Верхоглядъ увѣрялъ, что будто бы онъ уже видитъ вершину Кіонистры, громадной горы, занимающей средину острова, но, какъ мы ни напрягали нашего зрѣнія, ничего похожаго на гору не замѣчали. Виднѣлось, правда, впереди какое-то голубое облако, но оно скоро перемѣнило мѣсто и расплылось въ общей синевѣ, значитъ не гора. Наконецъ, исчезли очертанія оставленнаго нами берега, и мы летѣли, казалось, въ центрѣ необъятнаго воздушнаго пространства. Подъ нами море, но оно гладко, какъ зеркало, и края его сливаются съ краями неба; надъ нами безпредѣльная высь, такая же покойная, такая же голубая. Солнце ослѣпительно сверкаетъ надъ нами; солнечный блескъ также ослѣпительно отражается въ морѣ и, казалось, также льетъ потоки живительной теплоты и нѣги.

Летѣть легко и весело, и не страшно нисколько! Мы такъ проникнуты всѣ довѣріемъ къ вождямъ, что насъ нисколько не тревожитъ эта безпредѣльность. И вотъ, мы еще не устали, мы еще совершенно бодры и готовы летать, хоть цѣлый день еще, а уже впереди насъ, теперь уже не для одного фантазера Верхогляда, а для всѣхъ насъ, ясно и отчетливо, словно выростая изъ водъ, поднимается туманная, Кіонистро, выростая медленно, но вѣрно, опредѣляясь своими контурами, словно вписящая въ воздухѣ, отдѣленная отъ линіи горизонта темною воздушною полосою.

Вотъ и другія, болѣе низкія вершины показываются. Вотъ отдѣляющая полоса сузилась и исчезла. Вонъ линія берега съ бѣлою бахромою прибоевъ; слышенъ и гулъ ихъ, видны и чайки крикливыя. Уже можно различать гирлянды плюща, повившаго скалы. Еще часъ пути, меньше даже, и мы спустимся на твердую почву.

Однако, солнце было уже въ зенитѣ, когда мы, дѣйствительно, спустились на землю, близъ устья небольшой рѣчки, пролетѣвъ надъ красивымъ городкомъ Левкозіей, окруженномъ роскошными виноградниками.

Успѣхъ этого перелета, прямо моремъ, безъ возможности

скораго отступленія на сушу, если бы понадобилось, значительно ободрилъ насъ, и будущій такой-же перелетъ, почти вдвое больше, на Бейрутъ, насъ теперь не пугалъ нисколько.

Ночь провели мы здѣсь-же, ничто насъ не тревожило, ничто также не предвѣщало перемѣны погоды къ худшему, а также съ разсвѣтомъ мы продолжали путь съ гораздо большею увѣренностью въ успѣхѣ, чѣмъ вчера, при первомъ опытѣ.

Около полудня мы не видѣли еще никакого признака земли, а внизу, подъ нами, до сихъ поръ гладкая водная поверхность стала подозрительно колыхаться, словно тяжело дышать, но беззвучно, безъ малѣйшаго всплеска, безъ всего, что бы напоминало волненіе.

— Ходу!..—послышалось спереди.

— Ходу, ходу!..—подхватило по нашимъ линіямъ.

Мы усилили летъ, неслись такъ, что далеко разносился звенящій гармоническій свистъ нашихъ крыльевъ.

А море начинало дышать тяжелѣе и тяжелѣе. Вѣтра нѣтъ, полное затишье; а подъ нами неподвижно стоящій корабль, съ повисшими парусами, тяжело скрипя, качается, то погружаясь глубоко въ воду своею разукрашенною кормою, то словно черпая своимъ острымъ носомъ. Въ его снастяхъ, ловко бѣгая по веревочнымъ лѣстницамъ, суетятся крохотные человѣчки, полуголые, въ красныхъ фескахъ; они торопливо убираютъ паруса. Слышны свистки, чуть доносятся снизу голоса команды.

— Неважно! — вполголоса проговорилъ Верхоглядъ и незамѣтно перемѣнилъ мѣсто.

Онъ обогналъ меня и помѣстился какъ разъ за моею сестрою.

— Посмотри влѣво,—шепнулъ онъ мнѣ.

Я исполнилъ его совѣтъ.

Тамъ поднималось что-то грозное, громадное, охватившее дугою чуть не полъ-горизонта и двигалось къ намъ, увеличиваясь въ ширину, гоня передъ собою тяжело клубящіяся облака.

— Ходу!—снова послышалось спереди.

Но мы уже и безъ того неслись во всю силу нашихъ крыльевъ, увы! начинающихъ уже чувствовать первые признаки утомленія.

Надъ поверхностью моря тревожно забѣгали бѣлыя пѣнистыя змѣйки, съ каждою минутою все увеличиваясь и уве-

личиваясь. Замѣченный нами корабль давно исчезъ изъ вида. Первый порывъ вѣтра налетѣлъ на насъ будто неожиданно, и тотчасъ же дугою выгнулъ прямыя стороны нашихъ треугольниковъ.

Мы, однако, еще не разрывались, дружно работали крыльями, но, странно, намъ казалось, что мы уже не двигаемся впередъ, а несетъ насъ вправо, несетъ неудержимо. Вдругъ, одновременно съ громовымъ, ужаснымъ, отбивающимъ разумъ, ошеломляющимъ ударомъ въ глазахъ у насъ блеснула зубчатая линія молніи. Вслѣдъ за этимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ наступилъ мракъ. Солнце чуть виднѣлось надъ нами темно-краснымъ, уже негрѣющимъ шаромъ.

— Не разрываться, сдавайся по вѣтру,—едва донесся голосъ папы.

Но уже исполнить это приказаніе не было возможности. Мимо, чуть не сбивъ меня съ пути, пронесся вырванный изъ клина журавль; онъ безпомощно, словно не птица, а тряпка какая-то, кувыркаясь въ воздухѣ, только мелькнулъ на мгновеніе и исчезъ въ темномъ пространствѣ. Вотъ еще одна жертва. Вотъ сестра моя жалобно пискнула и разомъ подалась внизъ, закинувъ головку, безнадежно задрыгавъ ногами. Я видѣлъ, какъ Верхоглядъ сразу хватилъ еще ниже, подъ нее, двѣ птицы сплотились какъ бы въ одну, но обѣ, судорожно борясь съ вихремъ, пошли наискось книзу и скрылись.

Самъ я уже не могу больше, не могу, не могу!.. Гибель неизбѣжна! Я никого не вижу кругомъ. Я одинъ. Поднимаюсь-ли я, лечу-ли впередъ—я ничего не сознаю, не чувствую. Кругомъ черныя тучи, внизу что-то реветъ, словно какое-то сказочное чудовище. И вдругъ меня съ ногъ до головы обдало холодными брызгами. Въ ушахъ зазвенѣло. Надо мною поднималась громадная зеленая гора съ пѣнистымъ гребнемъ, подо мною темная зіяющая пропасть. Я рванулся, собравъ послѣднія силы, взлетѣлъ ли я, нѣтъ, не знаю, но только съ размаха ударился о что-то твердое, упругое, словно натянутыя струны, и лишился сознанія.

Когда я пришелъ въ себя, я съ ужасомъувидалъ смуглыя человѣческія лица и почувствовалъ на своей спинѣ жесткую руку.

— Въ плѣну! — промелькнуло у меня въ головѣ, и тотчасъ-же съ первымъ представленіемъ о плѣнѣ, я вспомнилъ страшныя слова: «ножницы, веревка!..»

— Нѣтъ, живой!—послышался голосъ.

— Бѣдныя птицы,—проговорилъ другой, болѣе нѣжный должно быть женскій.

— Не замай, отлежится,—рѣшилъ кто-то третій.

И меня оставили въ покоѣ.

И вотъ я начинаю понемногу приходить въ себя и украдкою осматриваться.

Небо звѣздное, кое-гдѣ черными косматыми клочьями несутся обрывки тучъ, надо мною, мачта, но какая-то короткая, словно сломанная наполовину, откуда висятъ перепутанныя снасти, а между ними люди что-то торопливо дѣлаютъ, не разберешь хорошенько. Вотъ другая мачта чуть виднѣется; эта, кажется, цѣла. Освѣщенный красноватымъ свѣтомъ снизу, виденъ какой то парусъ, сильно вздутый, а за нимъ другой, поменьше.

Очевидно, я на кораблѣ, на его палубѣ, усѣянной обломками снастей; много людей занимаются ея уборкою. Стучитъ топоръ, слышны голоса. Свѣтъ идетъ снизу, черезъ окно, стекла котораго частью выбиты; вотъ что то выбросили за бортъ и это что-то шлепнулось грузно. Вотъ потянули какую-то веревку, задѣли меня, перевернули; я застоналъ отъ боли и кое-какъ отодвинулся, прижавшись къ бочкѣ, крѣпко привязанной къ своему мѣсту.

Я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ, безпомощнымъ.

— Лучше бы смерть,—подумалъ я, и тутъ же самъ началъ себѣ возражать: «Почему же смерть? А если я поправлюсь. Можетъ быть, у меня ничего не сломано, можетъ быть крылья мои цѣлы, устали только, а потомъ отдохнуть и опять пригодятся. Только бы не эти ужасныя, безпощадныя ножницы! А что моя журка, что сталось съ папою и мамою, что моя сестра и Верхоглядъ съ нею?»

Я вспомнилъ то ужасное мгновеніе, когда они оба исчезли въ пучинѣ, свернувшись въ одинъ клубокъ... «Кажется, это было одновременно и съ моей гибелью! Гдѣ-то они всѣ теперь? что съ ними?»

А сонъ одолѣваетъ и никакія мысли, никакіе страхи не въ силахъ его отогнать... Такъ тепло стало, отрадно... Ничего теперь не болитъ, только двигаться не могу: головы поднять не въ силахъ, ноги вытянуть.

— Ножницы... Только бы не ножн...

Я заснулъ и, сколько времени спалъ, не могъ отдать себѣ никакого отчета.

Представьте же себѣ мое изумленіе, мою радость, когда, проснувшись и почувствовавъ себя гораздо бодрѣе, я увидѣлъ, шагахъ въ трехъ отъ меня, тоже выглядывающаго изъ-за бочки, Верхогляда... Онъ дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки, которыхъ я сразу не разобралъ.

— А сестра?—невольно сорвалось у меня съ языка.

— Тс! Лежи смирно! отдыхай, набирайся силъ, но кажись больнымъ, въ этомъ возможность спасенія... Сестра здѣсь... Она не ушиблась, слава Богу!—добавилъ онъ...—Ну, и ночка-же!.. Я уже, впрочемъ, успѣлъ сдѣлать кое-какія наблюденія и, кажется, намъ посчастливилось.

Солнце всходило... Море успокоивалось... На палубѣ видно было только двое людей. Одинъ—высокій старикъ, въ клеенчатомъ пальто и красной фескѣ, другой—почти голый, въ короткихъ панталонахъ, босой и тоже въ красной замасляной шапочкѣ, съ длинною черною кистью на затылкѣ. Первый стоялъ на высокомъ мостикѣ и смотрѣлъ въ трубу; второй, сидя на связкахъ веревокъ, набивалъ себѣ трубочку, зѣвая и лѣниво потягиваясь.

— Всѣ спятъ! — шепталъ Верхоглядъ.—Эхъ, кабы силы! Но, что дѣлать... Терпѣніе, мой другъ, терпѣніе.

— Гдѣ мы? — спросилъ я.

— Я думаю, что мы попали на корабль богомольцевъ — это большое для насъ счастіе. Мы въ рукахъ людей сердобольныхъ и почти попутчиковъ. Корабль направляется въ Яффу. Я уже справился у капитана.

Верхоглядъ можетъ быть и дѣйствительно вѣрно узналъ направленіе корабля, но уже, конечно, не справлялся лично у его капитана. У него вообще развита слабость поврать и похвастаться высокими знакомствами, и эта слабость не оставляла его даже въ такомъ критическомъ положеніи, въ которомъ мы находились.

— Пить хочется до смерти!—проговорилъ я.

— А вотъ протяни голову немного и пососи эту мокрую веревку. Небось, вода дождевая пахнетъ жиромъ и смолой немного, но это отъ веревки.

Я исполнилъ совѣтъ и промочилъ запекшіеся языкъ и горло... Захотѣлось ѣсть... О, что бы я отдалъ теперь — не только бы

за горохъ или кукурузу, но даже за какую-нибудь дрянь, вродѣ червячка или мертвой рыбки... но близко ничего не было похожаго на пищу и приходилось покориться печальной участи.

Между тѣмъ, съ восходомъ солнца, палуба стала оживляться. Изъ люковъ выходили люди, почесываясь и крестясь на востокъ; появились и женщины, и дѣти.

— А, что наши журки?—произнесла одна старушка, отыскивая насъ глазами.

Скоро мы были окружены густою толпою, а сестру, которую я только теперь увидѣлъ, взялъ на руки какой-то старикъ въ черномъ и сталъ нѣжно гладить, отстраняя, однако, руку каждый разъ, какъ моя сестра пыталась его ущипнуть.

— Будь кротка,—замѣтилъ ей Верхоглядъ.

— А этотъ, кажется, больше всѣхъ умрился,—обратился ко мнѣ другой, тоже въ черномъ.—Это ихъ, бѣдныхъ, бурею отнесло отъ берега.

— Удивительное дѣло,—замѣтилъ старикъ, все еще держащій сестру на колѣняхъ.—Истинно, Промыселъ Господень!.. Безбрежность моря и единая, малая точка въ ономъ кораблѣ,—и привелъ Господь—Силъ, тварей, въ бурную стихію увлеченныхъ, изнуренныхъ и обреченныхъ погибели — прямо на сію единую точку... яко въ гавань мира и спасенія.

— Премудрость!—вздохнулъ тутъ другой черный.

— Журочки, журочки... бѣдненькія,—залепетали дѣтскіе голоса.

Маленькая бѣлокурая дѣвочка присѣла около меня на корточки и стала меня ласкать и гладить. А Верхоглядъ, должно быть оправившись раньше нашего, приподнялся на ноги и встрепенулся.

— Ай!—отскочилъ отъ него чумазый мальчикъ.

— Чего ты испугался... Онъ не тронетъ... Это птицы смирныя, безобидныя... Чего испугался!

А Верхоглядъ граціозно раскланялся направо и налѣво и сдѣлалъ, то-есть хотѣлъ сдѣлать, самое граціозное па... но ему не удалось, и онъ чуть не шлепнулся на палубу... Усталость еще не прошла окончательно и ноги служить отказались.

Тѣмъ не менѣе это движеніе очень понравилось всѣмъ окружающимъ. Послышался смѣхъ... Даже черный матросъ, оскаливъ свои бѣлые зубы, хрипло захохоталъ, а старый ка-

питанъ на мостикѣ, все время наблюдавшій эту сцену, весело крикнулъ.

— Да вы покормите чѣмъ-нибудь этихъ новыхъ пассажировъ... Эй, принести вареnаго рису съ кухни!

Ахъ, какъ это было умно!.. Какъ это было геніально, кстати!

— Кормить, кормить! Журокъ кормить... новыхъ пассажировъ! ха-ха-ха!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Очевидно, мы были центромъ всеобщаго вниманія... Ничего враждебнаго не замѣчалось въ этой толпѣ; напротивъ, всѣ смотрѣли такъ ласково, такъ привѣтливо.

— А ихъ-бы на вертелъ, а то въ супъ!—грянулъ неожиданно новый голосъ, обдавшій насъ холодомъ смертельнаго ужаса, и изъ темнаго люка, словно изъ-подъ земли, показалась звѣрская физіономія, въ бѣломъ колпакѣ и таковомъ-же фартукѣ... На поясѣ у него висѣло два страшныхъ ножа... и, если-бы не чашка съ превосходнымъ рисомъ, которую этотъ господинъ держалъ въ рукахъ,—вся его фигура представляла-бы только олицетвореніе смерти и жестокой безпощадности. Но рисъ, рисъ нѣсколько смягчилъ общее впечатлѣніе, и этотъ дивный рисъ скоро предложенъ былъ всецѣло нашему употребленію.

Страшно было, но мы кушали. Кушали и косились на человѣка съ ножами, а тотъ, закуривъ короткую трубочку, стоялъ около, растопыривъ ноги, и продолжалъ:

— Жаркое было-бы недурно!

— Да развѣ ихъ ѣдятъ?—спросила какая-то худая женщина съ ребенкомъ на рукахъ...— Нѣшто цаплю ѣсть можно? Она поганью питается.

— Это не цапли! это журавли... Не той совсѣмъ породы,— отвѣчалъ ей кто-то, очень прилично одѣтый и въ очкахъ на длинномъ носу.

Слава Богу, догадались! Насъ, благородныхъ журавлей, принять за мерзкихъ цапель... Этого еще недоставало! Право, даже обидно было слушать подобныя вещи. Мы потому только смолчали, что очень уже были заняты рисомъ.

Однако, поднятый вопросъ: можно-ли насъ ѣсть или нельзя, заинтересовалъ насъ не на шутку. Мы понимали хорошо роковое значеніе этого вопроса, но самолюбіе наше невольно страдало, особенно когда кто-то вполнѣ утвердительно заявилъ, что ѣсть можно, но не стоитъ: жестко и невкусно!

— А попробовали-бы замариновать предварительно,— сорвалось у меня съ языка.

— Дурррракъ!—толкнулъ меня въ бокъ Верхоглядъ,—проболтался!

Къ счастью, моя откровенность не принесла бѣды... къ предложенію, воспользоваться нашимъ мясомъ, отнеслись, какъ къ шуткѣ... Никому и въ голову не приходило причинить намъ какое-нибудь зло, и мы всецѣло попали на попеченія старика, говорившаго о Промыслѣ Господнемъ. А тотъ рѣшилъ дать намъ свободу, какъ только мы ступимъ на землю.

— Богъ ихъ спасъ и сохранилъ, и мы не посягнемъ и Волю Господню приведемъ въ исполненіе!—произнесъ онъ, и всѣ единогласно съ нимъ согласились.

Участь наша была обезпечена.

Долго еще шли вокругъ насъ разные, болѣе или менѣе интересные разговоры... Говорили о томъ, что часто случается, будто бури цѣлыми стаями загоняютъ на корабли разныхъ птичекъ... Говорили, что какъ-то тысячи ласточекъ, нанесенныя ураганомъ на этотъ же гостепріимный корабль, нашли на немъ себѣ надежное убѣжище и были доставлены на берегъ. Говорили даже, что разъ хищный разбойникъ—ястребъ попалъ въ такое-же положеніе и его-бы не тронули, но онъ дурно себя велъ и, неблагородный, при всѣхъ на глазахъ растерзалъ ручного голубя, принадлежащаго самому капитану... Конечно, этого злодѣя постигла немедленно смертная казнь... его застрѣлили!

Однако, что насъ смущало и печалило, это то, что насъ только трое находилось налицо изъ всего многочисленнаго треугольника... Что сталось съ другими? Гдѣ они? Погибли-ли безвозвратно или, можетъ быть, Божественный Промыселъ и ихъ коснулся своею рукою. Можетъ быть, и имъ удалось попасть на палубу корабля, а можетъ быть опуститься на какой-нибудь островъ.

— Тучи шли съ востока на западъ,—соображалъ, между тѣмъ, и что-то вычислялъ всезнающій Верхоглядъ.—Насъ захватило на полпути, между Ларнакою и Бейрутомъ. О! если вѣтеръ не мѣнялся и сохранилъ свое направленіе... Тамъ долго никакой земли нѣтъ, тамъ безъ конца все море и море! Вы представьте себѣ, что нашихъ могло пронести мимо самыхъ устьевъ Нила и попасть туда они не могли, подхваченные неудержимымъ, воздушнымъ теченіемъ... Это ужасно!

— Это ужасно!—подхватила, вздохнувъ, сестра.

Но мнѣ ничего не казалось ужаснымъ. Слова старика о Промыслѣ Господнемъ такъ глубоко запали мнѣ въ душу, что я почему-то былъ глубоко убѣжденъ въ спасеніи нашихъ и снова покойно задремалъ, чувствуя не безъ удовольствія, какъ послѣ насыщенія все возобновляются и возстановляются мои жизненныя силы.

Корабль медленно покачивало, количество парусовъ увеличилось. Отъ этихъ громадныхъ парусовъ на палубу легла прохладная тѣнь. Гдѣ-то звенѣла струна... откуда-то снизу, черезъ открытый стеклянный люкъ, неслись чудные гармоничные аккорды дивнаго, неизвѣстнаго инструмента. Люди казались такими добрыми, хорошими, и совершенно изгладились изъ памяти тѣ злые, что такъ безпощадно палили въ насъ на Днѣпровскихъ затонахъ.

— Яффа! — послышался голосъ съ передней части корабля.

— Яффа!—перевелъ намъ Верхоглядъ.

Онъ, когда я проснулся вновь отъ этого крика, преважно похаживалъ на мостикѣ, рядомъ съ капитаномъ, пританцовывалъ и вообще велъ себя самымъ фамильярнымъ образомъ.

Матросы дружно хохотали, глядя на его продѣлки.

Я тоже почувствовалъ себя въ полныхъ силахъ, разбудилъ сестру, и мы стали прогуливаться по палубѣ, шагая черезъ свернутыя кольцами веревки и даже черезъ вытянутыя, босыя и обутыя ноги пассажировъ,—крѣпко спавшихъ на подостланныхъ коврахъ, пользуясь пріятною тѣнью распущенныхъ парусовъ корабля.

Замѣтивъ насъ, Верхоглядъ соскочилъ съ мостика и присоединился къ нашей компаніи.

— Теперь,—сказалъ онъ,—не зѣвать!.. Мы отдохнули достаточно!.. Судьба была къ намъ необыкновенно благосклонна! Злоупотреблять — даже Божьимъ милосердіемъ—не слѣдуетъ. Люди добры къ намъ, но это настроеніе можетъ измѣниться... Берегъ близко!.. Видите этотъ бѣлый прибой, за нимъ уже песчаная отмель... Вонъ и маякъ виднѣется... Разъ, два, три!.. за мною! съ Богомъ!

Мы не дали себѣ времени обдумывать предложеніе Верхогляда и послѣдовали его примѣру, подскакнули слегка, разбѣжались и поднялись на воздухъ, выбравъ болѣе широкій про-

межутокъ въ этихъ многочисленныхъ, хитро перепутанныхъ корабельныхъ снастяхъ.

Теперь мы были внѣ всякой опасности.

Сзади мы слышали крики; кто-то кричалъ: «а журавли-то улетѣли!..» Слышался чей-то дѣтскій плачъ. Я обернулся.

Я видѣлъ у борта толпу людей и между ними, высоко надъ головами, худую руку старика, посылающую намъ напутственное благословеніе.

Я едва удержался отъ слезъ. Какъ могутъ быть хороши люди, если они этого захотятъ!.. О, зачѣмъ они невсегда хотятъ быть таковыми.

А все-таки лучше отъ людей подальше!

XVI.

Забравши сначала выше, мы инстинктивно направились въ сторону отъ развертывающейся передъ нами панорамы Яффы. Мы держались правѣе и, перелетѣвъ черезъ буруны, опустились на открытомъ песчаномъ мѣстѣ... Недалеко виднѣлся родникъ, съ бассейномъ, отдѣланнымъ бѣлымъ мраморомъ, около него росла группа чахлыхъ пальмъ, и въ тѣни одной изъ нихъ сидѣла смуглая женщина съ ребенкомъ, а около стоялъ высокій глиняный кувшинъ, наполненный уже водою... Нѣсколько женщинъ шли, удаляясь, съ такими же кувшинами на головахъ... Подальше, поднимая столбы красноватой пыли, мелодично позванивая колокольчиками, тянулся верблюжій караванъ подъ охраною вооруженныхъ всадниковъ.

Все это было для насъ ново и очень интересно.

Хитрецъ Верхоглядъ тотчасъ же предложилъ намъ избрать изъ своей среды предводителя... Онъ очень хорошо зналъ, что это право принадлежитъ ему безспорно, но того требовали законы, и ему, очевидно, пріятно было испытать, въ первый разъ въ жизни, удовольствіе быть избраннымъ.

Рѣшеніе послѣдовало единогласно, хотя и я не былъ оставленъ вниманіемъ: Верхоглядъ предложилъ избрать меня.

— Теперь, друзья мои, извольте же повиноваться мнѣ безпрекословно!—произнесъ нашъ новый вождь.—Даже и вы сами, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, моя повелительница!—кокетливо обратился онъ къ сестрѣ.—Во-первыхъ, господа, насъ трое. Это число позволяетъ намъ немедленно образовать

треугольникъ. Если-бы насъ было двое—это, увы, было бы невозможно.

И онъ намъ принялся чертить на пескѣ, доказывая эту неоспоримую истину.

— Я съ нимъ,—онъ указалъ на меня,—держимъ поочередно стражу и занимаемъ также поочередно передовое мѣсто. Вы, сударыня, освобождаетесь отъ всякихъ служебныхъ обязанностей.

Положимъ, что это былъ уже несовсѣмъ законный произволъ, но я не находилъ нужнымъ замѣтить этого, а сестра тѣмъ болѣе.

Верхоглядъ быстро освоился съ мѣстностью и хорошо опредѣлился. Онъ сообщилъ намъ, что перелетъ будетъ предстоять намъ отсюда, придерживаясь морского берега, прямо на Портъ-Саидъ и Дамьетту.

— На Нилъ!—окончилъ онъ свои соображенія и предложилъ намъ сдѣлать, пока для пробы, маленькій перелетъ... Во-первыхъ, дальше отъ этого родника, куда, все-таки, приходятъ люди, а во-вторыхъ, для пробы крыльевъ послѣ перенесенной нами изрядной передряги.

Мы пролетѣли часа два и опустились снова на отмели, уже окончательно мертваго, пустыннаго берега.

Къ вечеру мы нѣсколько отдохнули и нетерпѣніе летѣть на Нилъ, гдѣ намъ улыбалась мысль—узнать хотя что-нибудь объ участи нашихъ родныхъ и товарищей, было такъ велико, что рѣшено было сдѣлать перелетъ ночью... По крайней мѣрѣ, большую часть перелета, чтобы завтра меньше осталось.

Мы построились: впереди Верхоглядъ, за нимъ я съ сестрою, почти рядомъ, и полетѣли.

Чудная звѣздная ночь, теплая, дышащая нѣгою, стояла надъ спящею землею. Ощущеніе свободы было такъ пріятно... опасностей болѣе никакихъ не предвидѣлось. «О, какъ было бы хорошо, если бы мы нашли своихъ здравыми и невредимыми!»

Верхоглядъ вралъ всю дорогу безъ умолку.

Онъ намъ разсказывалъ, напримѣръ, какъ капитанъ корабля уговаривалъ его остаться и поступить къ нему въ помощники, какъ онъ отказывался, ссылаясь на свое высокое положеніе, какъ предводителя треугольника, какъ капитанъ жалъ ему ногу съ пожеланіями счастливаго пути и какъ, наконецъ, обнималъ его, прося не забывать и не упустить случая какъ-нибудь навѣдаться еще разъ.

— Весь корабль и весь вареный рисъ къ вашимъ услугамъ,—говорилъ капитанъ,—а повара бояться нечего... Тотъ хоть и негръ, но хорошо воспитанъ и не посмѣетъ мариновать перваго друга своего капитана.

Оба мы хохотали отъ души и дѣлали видъ, что вѣримъ разскащику безусловно, а тотъ разошелся такъ, что заявилъ будто бы капитанъ гдѣ-то въ Англіи заказалъ себѣ превосходныя настоящія журавлиныя крылья и рѣшилъ послѣ выйти въ отставку и поступить въ журавли, вполнѣ надѣясь, что онъ, Верхоглядъ, не оставитъ его, въ свою очередь, своимъ высокимъ покровительствомъ.

Къ разсвѣту мы замѣтили впереди, то потухающую, то вспыхивающую снова огненную точку—это былъ далеко выдвинутый въ море маякъ Портъ-Саида, до котораго, впрочемъ, было еще очень далеко.

Маяки всегда строятъ такъ, что ихъ, особенно съ высоты журавлинаго полета, видно очень издали. Кажется и близко, особенно ночью, вотъ, вотъ сейчасъ уткнешься, а между тѣмъ летишь, летишь и конца нѣтъ.

Дѣйствительно, когда разсвѣло окончательно, мы только, и то издали, увидали чуть замѣтную розоватую колонну, наверху которой сверкала какая-то искра. Это первые лучи восходящаго солнца играли, отражаясь въ стеклахъ маячнаго фонаря, въ виду котораго, въ ожиданіи очереди прохода, качалось множество паровыхъ и парусныхъ судовъ, а между ними шныряли маленькіе, весело посвистывающіе пароходики.

Влѣво, рѣзко выдѣляясь въ ярко-желтомъ фонѣ песковъ, тянулась прямая, какъ стрѣла, узкая водная полоса канала, и по ней медленно ползли колоссальные корабли, распространяя надъ собою цѣлыя тучи чернаго дыма.

За Портъ-Саидомъ, уходя въ туманъ, разстилалась низменная равнина, мѣстами покрытая зеленью камышей, мѣстами желтѣвшая песками, вся изрѣзанная безчисленными водными протоками. Эту низменность отъ Портъ-Саида отдѣляла невысокая гряда сыпучихъ песковъ.

— Дельта!—указалъ намъ Верхоглядъ...—Вотъ она здѣсь начинается!

Сердца наши забились сильнѣе.... Страхъ и надежда смѣнялись между собою, то рисуя намъ радостныя картины встрѣчи, то печальную будущность сиротства и горькихъ воспоминаній.

Мы расположились на отдыхъ именно въ этой, отдѣляющей чертѣ сыпучихъ песковъ, и къ полудню, зорко высматривая внизу и по сторонамъ, плавно неслись надъ дельтою Нила, вдыхая его сырыя испаренія.

— Сюда!—радостно крикнулъ Верхоглядъ.

Мы замѣтили небольшую группу журавлей, пасущуюся на берегу лѣниваго, еле ползущаго протока.

Мы рванулись къ нимъ такъ стремительно, что забыли дисциплину и разстроили свой треугольникъ. На наши радостные крики снизу отозвались такими же веселыми трубами. Это были наши... не нашего, то-есть прежняго треугольника, но другихъ... изъ тѣхъ, что тоже вынесли бурю. Изъ семидесяти журавлей этого клина осталось только шестнадцать, да и то чудомъ снесенныхъ прямо въ эти мѣста... Каковъ подневольный перелетъ! Прочіе затерялись въ морѣ—и нѣтъ о нихъ никакихъ извѣстій... Вѣроятно, погибли.

На робкій вопросъ нашъ о треугольникѣ папы-Горлана—эти ничего не знали. Они сами еще не оправились достаточно, чтобы отправиться на розыски, и приглашали насъ присоединиться къ нимъ.

— Кто у васъ старшій?—гордо спросилъ Верхоглядъ.

Ему отвѣтили.

Онъ направился къ указанному журавлю и сталъ съ нимъ совѣщаться, разговаривая вполголоса. Верхоглядъ убѣдилъ всѣхъ перемѣнить мѣсто стоянки. Ему это почему-то не понравилось. Предложилъ перебраться на другое, по моему, совершенно одинаковое, и, не откладывая въ долгій ящикъ, выбрать журавлей понадежнѣй и разослать ихъ на розыски. Впрочемъ, исполненіе этого охотно принятаго предложенія было отложено до утра.

Къ ночи къ намъ еще прилетѣло нѣсколько чудомъ спасенныхъ. Одинъ изъ вновь прибывшихъ сообщилъ, что видѣлъ папу-Горлана еще живымъ, еще энергично борящимся съ ураганомъ, и видѣлъ незадолго до своего собственнаго спасенія... Надежда увеличивалась. Едва дождались разсвѣта, какъ избранные развѣдчики отправились въ путь. Я тоже полетѣлъ съ ними, довѣреннымъ лицомъ отъ нашего треугольника, нѣсколько теперь увеличившагося, потому что Верхоглядъ немедленно присоединилъ прибывшихъ къ своимъ силамъ. Вообще, нашъ молодой вождь распоряжался гораздо энергичнѣй другого предводителя, и прочіе журавли смотрѣли на насъ не безъ нѣко-

торой зависти. Выбравъ себѣ товарища, я отправился на розыски. Едва мы отлетѣли немного, какъ я замѣтилъ на пескѣ, на самомъ солнцепекѣ два большихъ, неподвижныхъ, зеленовато-черныхъ предмета и принялъ ихъ за бревна, выброшенныя на берегъ волною; покрывавшая ихъ плѣсень еще болѣе увеличивала это подобіе... Каковъ же былъ мой ужасъ, когда я увидалъ, что эти бревна зашевелились и медленно поползли по песку, оставляя за собою глубокія борозды. Одно изъ этихъ бревенъ зѣвнуло и раскрыло страшную пасть, усѣянную острыми зубами. Эта пасть была такъ велика, что въ нее могли бы помѣститься разомъ не только цѣликомъ журавль, но даже пара гораздо крупнѣйшихъ пеликановъ. Я не зналъ, что это за чудище, товарищъ мой тоже, а спросить было не у кого. Ограничившись только легкимъ облетомъ стороною, мы продолжали путь и скоро увидали на маленькомъ, густо поросшемъ островкѣ, опять группу журавлей и между ними, къ величайшей моей радости, моего милаго, дорогого, никогда такъ сильно не любимаго, какъ теперь, папу-Горлана.

Кубаремъ слетѣлъ я внизъ, зацѣпился ногами, ткнулъ носомъ въ песокъ и едва только могъ произнести, задыхаясь и то сквозь радостныя слезы:

— Папа, мой папа!

Папа вздрогнулъ, какъ бы спросонка, пристально посмотрѣлъ на меня и тихо спросилъ, словно не замѣчая моей радости:

— А сестра?..

— Всѣ живы, всѣ,—закричалъ я,—и Верхоглядъ живъ, онъ у насъ теперь предводителемъ.

— Предводителемъ!..—грустно покачалъ папа головою.—Это хорошо, очень хорошо! А я уже не гожусь, старъ, должно быть, становлюсь. Погубилъ чуть не весь треугольникъ. Не послушался добрыхъ совѣтовъ, на силы свои понадѣялся. Ну, радъ, радъ, очень радъ, что хотя вы живы.

Я пристально взглянулъ на папу. Его узнать даже было трудно, такъ измѣнили его горе, да и утомленіе, быть можетъ. Я сталъ осматриваться.

— Не ищи, погибла!—проговорилъ папа.

И тутъ только я понялъ всю тяжесть его и нашей съ сестрой потери.

— Погибла на моихъ глазахъ,—продолжалъ онъ.—Захлестнуло проклятою волною и болѣе она уже не показывалась.

Я заплакалъ горько, горько.

— Бѣдная сестричка моя! Какъ то я ей передамъ это тяжелое извѣстіе.

Папа, узнавъ, что мы на розыскахъ, похвалилъ насъ за это, сказавъ: умно! и только; ссылаясь на свою усталость, отказался принять участіе въ общемъ дѣлѣ, но внимательно разспросилъ о мѣстѣ нашей стоянки и обѣщалъ къ вечеру присоединиться съ остатками, около него сгруппировавшимися.

Мы полетѣли дальше. Къ ночи наши дѣла настолько были успѣшны, что, кромѣ тѣхъ, что за усталостью не могли летѣть, я собралъ на наше становище около сотни журавлей, и нашъ лагерь сталъ немного напоминать своею многочисленностью прежнія стоянки. Дня три находились мы на тѣхъ-же мѣстахъ, все собирая разрозненныя полчища. Дѣдушка Долгоносъ прилетѣлъ со своимъ совершенно цѣлымъ треугольникомъ на второй день. Ему просто посчастливилось. Онъ сдѣлалъ роковой перелетъ на Бейрутъ на другой день послѣ нашего, и вполнѣ благополучно. Запоздай и мы хоть немного, хоть полсутокъ всего, о, какъ было-бы хорошо, сколько жизней сбереглось бы. Но кто-же могъ знать, что насъ ожидаетъ впереди, одинъ Богъ, и да будетъ Его святая воля! Мы подвели счеты. Оказалось, что потеряно было въ морѣ всего до двухъ сотъ журавлей изъ разныхъ треугольниковъ, добрая треть... ужасная потеря!

Къ концу третьяго дня стали появляться головы колоннъ Премудраго Крыломаха, осторожно летѣвшихъ вдоль берега. Мы начали устраиваться.

Выборъ Верхогляда въ вожди былъ утвержденъ. Его треугольникъ составили изъ остатковъ другихъ, потерявшихъ своихъ главарей. Положимъ, онъ самъ очень много разсказывалъ о своихъ подвигахъ, но главную вѣру дали показаніямъ моимъ и моей сестры. Но тутъ новому вождю пришлось попасть въ положеніе, несовсѣмъ удобное.

Я и моя сестра, по семейнымъ законамъ, должны были остаться въ треугольникѣ своего папа. Верхоглядъ не желалъ разставаться съ нами, главное, конечно, съ сестрою. Приходилось выбирать одно изъ двухъ: или отказаться отъ предводительства и остаться у насъ, или же разставаться. Верхоглядъ, впрочемъ, колебался недолго, а тутъ еще рѣшеніе ускорялъ каждый томный взглядъ моей сестрицы.

— Оно, положимъ, — проговорилъ нашъ молодецъ, — лестно, весьма даже лестно и вполнѣ заслуженно. Но это еще не уйдетъ, заслуги мои всегда оцѣнятся по достоинству, а пока, я надѣюсь дорогой пап... то-есть, я поторопился, я хотѣлъ сказать, многоуважаемый господинъ Горланъ, что вы ничего не имѣете противъ моего присутствія въ вашемъ треугольникѣ, подъ вашимъ благосклоннымъ покровительствомъ.

Папа отвѣчалъ только короткимъ и сухимъ: «оставайся!» и вопросъ былъ рѣшенъ окончательно, къ общему нашему удовольствію. Старый Долгоносъ тоже сильно горевалъ о погибели нашей милой, заботливой маменьки и старался, какъ могъ, утѣшать своего осиротѣвшаго друга.

«Круты горки да забывчивы», говоритъ пословица, и нѣтъ такого горя, которое не заслонялось бы навѣки новыми радостями, какъ и сама смерть смѣняется новою жизнью.

Что касается до меня, то я такъ заинтересовался своею милою Журкою-Уралкою, что Верхоглядъ совѣтовалъ мнѣ просить у кого слѣдуетъ о переводѣ, но Крыломахъ Премудрый устроилъ все какъ нельзя лучше. Разъ, передъ вечеромъ, онъ пришелъ къ намъ, да и не одинъ, а съ Черношейкою и, смѣясь во все горло, проговорилъ, обращаясь къ папѣ-Горлану:

— Эй, дружище, возьми ты мою дурочку къ себѣ на излѣченіе! Чортъ знаетъ, что съ нею дѣлается! Плохо кушаетъ, а еще того хуже спитъ. Я убѣжденъ, что она у тебя въ треугольникѣ поправится. Знаю я эту болѣзнь!.. Давно, положимъ, очень давно, это было, но еще помню... Такъ вотъ, бери ее подъ свое покровительство.

Папа согласился, и съ этого счастливаго вечера мы съ Журкою-Уралкою, съ милою моею красавицею Черношейкою, уже болѣе не разлучались.

XVII.

Уже здѣсь, въ низовьяхъ Нила, мы были вполнѣ обезпечены отъ зимнихъ холодовъ. Мы могли бы и здѣсь прожить повое лѣто, но предполагалось летѣть все дальше и дальше. Эти перелеты мы совершали не торопясь, зигзагами, то располагаясь на правомъ берегу, то переносясь на лѣвый. О сколько, по истинѣ, интереснаго встрѣчали мы на своемъ пути, проносясь плавно надъ этою страною чудесъ!

Наши старики, много разъ бывалые, опытные и все знающіе, разсказывали намъ, объясняя все видѣнное, называли по именамъ и припоминали любопытныя, связанныя съ данною мѣстностью, просто духъ захватывающія приключенія.

Верхоглядъ, удивительное дѣло, вралъ гораздо меньше, но ко всему присматривался и прислушивался; сестра моя была имъ, очевидно, довольна и дарила его своею полнѣйшею благосклонностью. Мы съ Черношейкою тоже были вполнѣ счастливы, и путешествіе наше могло бы считаться истинно райскимъ, если бы не нарушалось изрѣдка тревожными и даже печальными минутами. Впрочемъ, все надо вести по порядку.

Первое чудо на нашемъ пути, конечно, былъ Каиръ, этотъ удивительный городъ съ плоскими крышами, съ чудными зданіями, съ величественнымъ видомъ на Нилъ. Верхоглядъ указалъ мнѣ на золоченую крышу высокаго, чрезвычайно красиваго минарета, съ котораго онъ когда-то разогналъ голубей и ласточекъ. Узенькія темныя улицы города казались щелками, но въ нихъ копошилась и шумѣла кипучая жизнь, особенно въ тѣни крытыхъ базаровъ. Люди въ пестрыхъ и бѣлыхъ одеждахъ толпились на площадяхъ, занимали живописными группами мѣсто въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ, пили что-то изъ крохотныхъ чашечекъ и курили изъ длинныхъ, предлинныхъ трубокъ. Женщины, съ закрытыми лицами, какъ тѣни, бродили попарно и кучками, катались въ легкихъ изящныхъ коляскахъ и щебетали, какъ тѣ ласточки, милліонами сновавшія надъ городомъ. Между людьми просто по улицамъ бродили, похожія на насъ, птицы, только носы у нихъ были гораздо длиннѣе. Это ибисы, еще болѣе близкія къ человѣку птицы, чѣмъ наши знакомые аисты, и этихъ тоже здѣсь было довольно. Но что за красавцы эти краснокрылы! Мы ихъ въ первый разъ замѣтили, вытянувшихся въ одну линію, неподвижно стоящихъ вдоль берега, на отмели. Что-то испугало ихъ, и они взлетѣли на воздухъ, точно громадные, огненно-красные кресты распластались они въ знойномъ воздухѣ вечера и, вытянувъ длиннѣйшія шеи, потянулись по другую сторону. Куда они рослѣе насъ, журавлей! и носы у нихъ другіе совсѣмъ: короткіе, толстые и загнутые, какъ ложки. Вѣроятно, имъ нужны именно такой формы. Мы летали въ пески лѣваго берега и видѣли величественные ряды пирамидъ. Мы видѣли колоссальную голову, напоминающую голову человѣка, съ разбитымъ приплюснутымъ

носомъ и въ странномъ головномъ уборѣ, словно громадныя уши висящемъ по бокамъ этой головы. Голова торчала изъ песка; чувствовалось, что подъ этимъ пескомъ погребено какое-то, принадлежащее головѣ туловище, и все это такъ было велико, что настоящіе люди, даже верблюды, казались крохотными мушками. Мы видѣли стройныя финиковыя пальмы, видѣли, какъ ловко приспособились къ нимъ люди, чтобы лазить на самый верхъ подъ ихъ густыя тѣнистыя кроны, добывая оттуда спѣлыя грозди вкусныхъ фиников, мы даже пробовали эти финики,—ихъ такъ много валялось около, на пескѣ, да и тѣ, что наверху, конечно, были для насъ, крылатыхъ, болѣе доступны, чѣмъ для человѣка. Печальную мертвую страну представляютъ эти песчаныя пустыни, словно море, разливающееся по ту сторону пирамидъ, но и тамъ жизнь!.. На быстроногихъ верблюдахъ скачутъ по этимъ пескамъ смуглые люди, въ ярко бѣлыхъ плащахъ, тянутся караваны и носятся въ воздухѣ громадные хищники, грифы, зорко всматриваясь въ даль, Богъ знаетъ какъ далеко различая въ сплошномъ тонѣ песковъ бѣлѣющіяся кости и смрадные трупы павшихъ отъ изнуренія животныхъ.

Разъ ночью, когда полная луна свѣтила своимъ мертвымъ, холоднымъ свѣтомъ на уснувшую пустыню, мы видѣли животное съ красивою косматою гривою; этотъ звѣрь шелъ легкою кошачьей поступью, отбрасывая на пескѣ длинную тѣнь. Вотъ еще одна тѣнь мелькнула,—это другой звѣрь такого же вида, но безъ гривы. Они поровнялись, обнюхали другъ друга и залегли, помахивая своими длинными хвостами.

— Это львы, это страшнѣйшіе звѣри во всемъ свѣтѣ,— шепталъ моей сестрѣ Верхоглядъ.—Ихъ даже и люди боятся, а когда они начнутъ рычать, такъ это просто, словно раскатъ грома далекаго. Внушительно! Для насъ, журавлей, это, положимъ, пустяки,—добавилъ онъ самонадѣянно,—но для людей и прочихъ животныхъ, не скажу... Встрѣчаться не посовѣтывалъ бы.

Послѣ, по ночамъ, по закатѣ солнечномъ и передъ разсвѣтомъ, мы не разъ слыхивали рыканіе львовъ и жалобный вой сопровождающихъ этихъ царей пустыни жалкихъ шакаловъ, трусливыхъ воришекъ, дрянныхъ звѣрей, нестоящихъ ни малѣйшаго вниманія.

— Это еще все пустяки!—говорилъ Долгоносъ-Всезнайка, когда мы, возвращаясь съ прогулокъ, разсказывали свои при-

ключенія, описывали все видѣнное...—Это пустяки! Вотъ дальше, у верховьевъ Нила, у подножія Голубыхъ горъ, на большихъ внутреннихъ моряхъ-озерахъ, что мы увидимъ,— это много поинтереснѣе будетъ...

И мы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали обѣщанныхъ чудесъ, и все рвались впередъ и впередъ, открывая все новыя и новыя явленія, незнакомыя намъ, величественной природы.

И за ея подавляющими красотами, за этою, непрерывно смѣняющеюся новизною, мы все болѣе и болѣе забывали наши скромныя, родныя болота... Неблагодарные!.. мы забыли свою родину!..

Я говорю мы, то есть молодежь. Старики, напротивъ, тѣ собирались вмѣстѣ, высчитывали дни, когда наступитъ пора возвращенія, соображали, что теперь тамъ? и, говоря о забытыхъ нами мѣстахъ, выражались: «у насъ», а говоря о здѣшнихъ, такъ и говорили: «на Нилѣ, молъ».

На третьемъ перелетѣ (мы все время не покидали путеводной ленты Нила) пришлось намъ увидѣть древнія развалины и колоссальныя фигуры мемноновъ... нелѣпыя, лишенныя всякой красоты, едва сохранившіе подобіе человѣка, каменные сидячіе уроды, словно стерегутъ здѣсь теченіе Нила, отражаясь въ его стоячихъ затонахъ... А дальше густыя кроны роскошныхъ пальмъ букетомъ поднимаются надъ водою, и тамъ видна колонада, прямолинейныя очертанія полуразвалившихся воротъ, торчащія иглы обелисковъ, и все это покрыто сплошь причудливымъ узоромъ таинственныхъ, много тысячелѣтій сохранившихся, надписей...

Я помню, меня особенно занимали эти надписи... Очевидно, что это именно надписи, а не просто узоры, это невольно чувствуется. Разъ я, случайно отдѣлившись отъ другихъ, долго стоялъ подъ кускомъ карниза, свалившимся откуда то сверху... Никто мнѣ не мѣшалъ, кругомъ было тихо, и я погрузился въ созерцательное положеніе. Я всматривался въ загадочныя фигуры и силился постичь ихъ значеніе...

— Эй, ты, юный философъ! — раздалось неожиданно около меня.

Я даже вздрогнулъ.

— А ты, братъ, не забывай, что здѣсь не наши осташковскія болота,—толкнулъ меня дѣдушка Долгоносъ,—это былъ онъ,—здѣсь сразу попадешь кому-нибудь на зубъ... Посмотри,

*

вопъ крокодилъ изъ воды высунулся, это онъ на тебя засмотрѣлся, какъ ты вотъ на этотъ камень. Ну что нашелъ интереснаго?

Я сообщилъ ему, что именно меня интересуетъ.

Долгоносъ пристально посмотрѣлъ тоже, что-то припомнилъ и, къ величайшей моей радости, сказалъ:

— Это очень просто.

— Объясните, дѣдушка!—обрадовался я.

— А видишь ли вотъ этотъ первый знакъ, на что онъ похожъ?

Теперь для меня очевидно было, что первый знакъ выражалъ попытку художника изобразить дерево... Конечно, дерево это было нарисовано совсѣмъ по-дѣтски, но узнать можно было безошибочно.

Подошелъ тутъ Верхоглядъ къ намъ съ своею подругою... Еще захлопали крылья, это папа прилетѣлъ, тоже случайно, и съ нимъ штукъ пятокъ нашихъ. Моя Черношейка тоже подбѣжала: она всегда очень любила разсказы Долгоноса-Всезнайки. Однимъ словомъ, образовалось изрядное общество слушателей, и нашъ маститый учитель былъ, очевидно, нѣсколько польщенъ оказаннымъ ему вниманіемъ.

— Такъ, значитъ,—продолжалъ онъ потомъ и остановился,—дерево такъ дерево, запомните его начальную букву.

— Д,—подсказала Черношейка и сконфузилась.

— Почему не Θ? — захохоталъ какой-то дуракъ въ заднихъ рядахъ слушателей.

— Не дурить!—коротко отрѣзалъ папа...—Ну, валяй, друже... весьма интерресно! Дерево такъ дерево...

— Второй знакъ—голова какого-то животнаго, по ушамъ, надо полагать...

— Оселъ!—подсказалъ я.

— Запомнимъ О.

— Третій?

Тутъ нѣсколько голосовъ разомъ, узнавъ изображеніе, крикнули: ложка!

— Вѣрно!.. Четвертый знакъ просто голова негра или какого-нибудь другого, это все равно! Я полагаю, что художникъ хотѣлъ этою головою выразить букву Г. Затѣмъ опять повторяется оселъ, затѣмъ...

Тутъ уже мы всѣ хоромъ крикнули: «носъ!» и стали съ недоумѣніемъ между собою переглядываться...

Что это, простая случайность, или...

Нашъ маститый дѣдушка стоялъ, скромно опустивъ голову, какъ будто преклонившись передъ какимъ-то величественнымъ воспоминаніемъ.

— Дѣдушка, это вы?.. Это ваше имя?..—робко спросила сестра...

— Не думаю,—произнесъ онъ...—Вѣроятно, одинъ изъ моихъ предковъ... нашъ родъ Долгоносовъ,—одинъ изъ старинныхъ журавлиныхъ родовъ. Странно, однако, очень странно... Вотъ не ожидалъ!..

Нашъ ученый, но тѣмъ не менѣе скромный старикъ былъ, положительно, смущенъ своимъ открытіемъ... Вѣдь, надо-же было мнѣ остановиться надъ этимъ обломкомъ, надо же было появиться въ эту минуту Долгоносу, надо, чтобы собралась вся компанія, и такой ошеломляющій результатъ.

Лестно, крайне лестно, но, во всякомъ случаѣ, вполнѣ заслуженно.

— Сюда! сюда!—раздался тутъ голосъ Верхогляда.

Онъ раньше еще, въ первую минуту общаго недоумѣнія, куда то скрылся и теперь звалъ насъ зачѣмъ то. Вѣроятно, нашелъ что-нибудь крайне интересное.

Когда мы къ нему подлетѣли, онъ стоялъ, опустивъ носъ до земли, и внимательно что то разсматривалъ.

На пескѣ, на совершенно ровно-заглаженномъ мѣстечкѣ, тоже виднѣлись какіе то знаки. Верхоглядъ ихъ разсматривалъ очень внимательно.

— Какъ думаете, господа, это можно принять за волка?—спросилъ онъ, указывая на что то съ острыми зубами и торчащими врозь ушами.

— Ну, положимъ, волкъ!—согласился я и пристально посмотрѣлъ на шутника.

— Слѣдующій знакъ тоже дерево, но, замѣтьте, какое? Безъ сомнѣнія, елка,—читалъ Верхоглядъ.—Слѣдующее...

— Ракъ!—крикнулъ кто-то.

Тутъ кругомъ поднялся такой неудержимый, веселый смѣхъ, что даже дѣдушка Долгоносъ не обидѣлся на шутку-пародію Верхогляда и охотно присоединился къ смѣющемуся хору.

— Ахъ, ты шутъ этакій!.. ха, ха, ха! — гремѣлъ, выдѣляясь, голосъ отца.

— А я уже испугалась... — подошла тихонько сестра. — Я уже подумала-было, что вы хотѣли такъ обмануть насъ серьезно, изъ зависти къ заслуженной славѣ дѣдушки...

— Ну, могли ли вы это думать?.. Ну, похоже ли это на меня!.. — успокаивалъ ее Верхоглядъ.

— Да, братъ, — хохоталъ папа-Горланъ, — если ты хочешь увѣковѣчить свое имя, такъ матеріалъ выбирай покрѣпче, а то, ха, ха, ха!.. вишь ты, на пескѣ!..

— На пескѣ ничего вѣчнаго не построишь, — смѣялись и другіе. — Выбирай, братъ, камень покрѣпче, долби его поглубже, а то на пескѣ... ха, ха, ха!.. до перваго вѣтра, да что вѣтра, до перваго воробья, которому вздумается здѣсь прогуляться.

— А что еще лучше, еще прочнѣе, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятые камни, — вмѣшался тутъ премудрый Крыломахъ: онъ налетѣлъ на общее веселье, — это сердца журавлиныя или даже вообще сердца. Надо, чтобы славныя и добрыя дѣла глубоко врѣзались въ душу современниковъ, передавались такими же глубокими, неизгладимыми чертами въ сердца потомства и, изъ поколѣнія въ поколѣніе, безъ напоминающей помощи колоссальныхъ, а все-таки невѣчныхъ монументовъ, хранили вѣчную славу о добрыхъ и мудрыхъ своихъ предшественникахъ... Другъ Долгоносъ, здорово! отъ души поздравляю!..

Порѣзвившись здѣсь, на этомъ островѣ, поплясавъ немного, благо молодежи было достаточно и, проникнувшись еще большимъ уваженіемъ къ нашему престарѣлому вождю, мы полетѣли уже всѣ вмѣстѣ на ту сторону, покупаться въ пескахъ, и нарвались нечаянно на весьма печальную картину.

Вдоль берега, зорко всматриваясь въ густыя заросли необыкновеннаго по своей высотѣ камыша, мы замѣтили маленькую группу всадниковъ, повидимому нисколько для насъ неопасную, не только для насъ, но вообще для птицъ.

Люди были безъ ружей и везли плѣнниковъ, мирно и покойно сидящихъ у нихъ на рукахъ. Что это были за плѣнники, очевидно, птицы, да только какія, трудно было разобрать, такъ какъ головы у нихъ были прикрыты красными шапочками. Судя по опереніе, это были хищники. Ну, и слава Богу, туда имъ и дорога!.. Но, увы, эти плѣнники оказались предателями и союзниками человѣка въ его, вотъ уже по истинѣ, хищныхъ замыслахъ.

Широко заколыхались вершины густыхъ камышей, и изъ-за

нихъ, хлопая крыльями, поднялся прелестный, бѣлый, какъ снѣгъ, лебедь. Не успѣлъ онъ подняться въ половину своего взлета, какъ люди закричали, замахали руками и спустили своихъ прирученныхъ разбойниковъ. Два ястреба, какъ молніи, взвились на воздухъ. Одинъ поднялся выше и сталъ описывать кругъ надъ испуганнымъ лебедемъ, другой потянулъ низомъ, не давая ему спастись въ камышахъ, не пуская къ водѣ. Началась смертельная борьба, пока еще безкровная. Лебедь понесся прямо, разсчитывая обогнать преслѣдователя, тѣ за нимъ, замѣтно приближаясь къ намѣченной жертвѣ. Мы это все видѣли пока издали и теперь неслись на помощь къ лебедю, но опоздали. Верхній ястребъ, какъ камень, ударилъ бѣлаго красавца сверху и словно исчезъ, зарывшись въ его роскошное опереніе; другой ястребъ подрѣзалъ снизу, и въ то же мгновеніе въ воздухѣ пронесся жалобный крикъ смертельно раненаго лебедя, и онъ, вмѣстѣ со впившимися въ него врагами, безнадежно, неправильно маша окровавленнымъ крыломъ, наискось полетѣлъ на землю. Всадники съ дикими воплями торжества и побѣды гнали своихъ лошадей во всю прыть къ мѣсту паденія.

— Поздно! — остановилъ наше стремленіе помочь бѣднягѣ папа-Горланъ.—Поворотн назадъ... Цѣли нѣтъ принимать бой... Выручить не успѣли, а мстительность не наше дѣло... Стой, молодецъ, не рисковать!

И было какъ разъ во-время. Всадники замѣтили наше приближеніе и показывали руками въ нашу сторону. Одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади и старался отцѣпить ястребовъ отъ добычи, нахлобучивъ имъ на головы ихъ успокоительные колпачки.

Мы оттянули отъ берега и неслись надъ серединою рѣки въ полной безопасности, далеко опередивъ конныхъ людей съ ястребами. Подъ нами тяжело шелъ вверхъ по теченію пароходъ, таща на буксирѣ большія лодки, съ колесами во всю палубу, наполненныя вооруженными солдатами въ бѣлыхъ каскахъ, обвитыхъ зелеными, легкими вуалями. Вдали виднѣлись еще такія же суда и, кромѣ того, появилась цѣлая флотилія легкихъ лодокъ съ коротенькими мачтами, но зато ужасно длинными, тонкими и гибкими реями, паруса которыхъ своею формою напоминали колоссальныя ласточкины крылья.

XVIII.

Чѣмъ дальше поднимались мы по Нилу, тѣмъ становилось малолюднѣе. Характеръ мѣстности также измѣнялся значительно. Время года стояло такое, когда жара достигаетъ своей высшей силы. Близость раскаленныхъ пустынь еще болѣе усиливала нестерпимый зной, выжигая жалкія поля кое-гдѣ разбросанныхъ рисовыхъ плантацій.

— А у насъ теперь зима настоящая,—говорилъ папа.— Морозы, чай, такіе заворачиваютъ, что на славу, да и снѣгомъ все сплошь покрыло, тамъ чистая смерть, только вороны съ воробьями и выдерживаютъ, намъ не стерпѣть!

Онъ намъ объяснилъ причины нашихъ ежегодныхъ перелетовъ, и мы благословляли Бога, даровавшаго намъ могучія крылья, а съ ними и вѣчное лѣто.

Но и здѣсь становилось, наконецъ, невыносимо. Всѣ крайности никуда не годятся: великій холодъ и чрезмѣрный зной одинаково неудобны. А дальше, говорили намъ, гораздо лучше. Дальше, хотя и южнѣе, а пойдутъ глухіе, дремучіе лѣса, за облака поднимутся высокія горы, вѣчнымъ льдомъ покрытыя, умѣряющія жаръ. Тамъ великія озера, цѣлыя внутреннія моря. Тамъ рай сравнительно съ этою печальною, солнцемъ спаленною, мѣстностью.

Спустя недѣлю, мы проносились надъ пѣнистыми, бурливыми порогами Нила и видѣли, какъ гибнутъ, разбиваясь о камни, неловкія человѣческія лодки. Скоро послѣ этого мы прибыли на мѣсто, гдѣ рѣка раздваивалась. Влѣво шелъ широкій протокъ, Атбара, прямо—Баръ-эль-Абіадъ Болотистые разливы, покрытые дымкою тумана, окружали городъ. Это былъ Хартумъ. Мы предпочли миновать его поскорѣе, и были на то довольно основательныя причины: тамъ слышались выстрѣлы и лилась кровь; тамъ изъ-за чего-то дрались люди: говорятъ, давно уже дерутся въ этихъ мѣстахъ, дерутся три расы—черныя, смуглыя и бѣлыя. Чего-то подѣлить между собою не могутъ. Верхоглядъ пытался разъяснить намъ это, но какъ-то не особенно вразумительно выходило. Онъ намъ говорилъ, напримѣръ, что смуглые—это египтяне, и имъ очень непріятно, что сосѣди ихъ черные и отмыть эту черноту никакъ невозможно... Ну, убѣдились, что невозможно и оставь въ покоѣ, а то, нѣтъ, все еще пробуютъ высвѣтлить сосѣдей... Говорилъ онъ, что гдѣ то, далеко на сѣверѣ,

есть одна порода совсѣмъ бѣлыхъ людей Эти люди вѣчно предлагаютъ свои услуги, при каждомъ недоразумѣніи, между кѣмъ бы то ни было. Пришли эти люди и сюда, на помощь египтянамъ. Эти уже порѣшили, что если нельзя отмыть черноты то по крайней мѣрѣ выбѣлить ихъ, чтобы по наружности подходило... Принялись бѣлить, а вмѣсто того столько крови пролили, что вмѣсто бѣлой, получилась самая красная окраска Попытка ихъ не удалась, а платить за труды приходится смуглымъ, то есть египтянамъ. А тѣ уже совсѣмъ обѣднѣли, послѣднее у нихъ забирать начали бѣлые пришельцы; говорятъ они бѣлымъ: «господа, что же вы дѣлаете?» А бѣлые отвѣчаютъ: «какъ что, вносимъ въ ваши варварскія страны просвѣщеніе и, связавши васъ по рукамъ и ногамъ, этимъ самымъ уничтожаемъ невольничество, насаждаемъ свободу и равенство... развѣ это неясно?!» Такъ объяснялъ намъ Верхоглядъ все происходившее между людьми въ этихъ мѣстностяхъ, но, вѣроятно, онъ что-нибудь перепуталъ; впрочемъ, дальнѣйшія наши наблюденія, съ высоты птичьяго полета скорѣе подтвердили объясненіе Верхогляда, и мы мало-по-малу поневолѣ должны были ему повѣрить.

Однажды мы неслись надъ дивнымъ, дремучимъ лѣсомъ; глухой шумъ голосовъ привлекъ наше вниманіе, и мы увидѣли большую толпу людей, съ трудомъ прокладывающихъ себѣ дорогу въ непроходимой чащѣ.

Шли больше черные, полуголые и совсѣмъ голые; они несли на головахъ своихъ и на спинахъ громадныя тяжести, какіе-то необыкновенной величины бѣлые клыки, кувшины, наполненные водою, мѣшки съ рисомъ и прочее. Около шли пѣшкомъ и ѣхали верхомъ смуглые люди и жестоко хлестали бичами черныхъ, если тѣ приставали или падали отъ усталости. Много черныхъ было обременено цѣпями, и между ними виднѣлись даже женщины съ дѣтьми. И тѣхъ не щадили безпощадные бичи египтянъ и арабовъ.

Эти странные путешественники не знали, что при выходѣ на берегъ они какъ разъ наткнутся на лагерь бѣлыхъ, а намъ сверху все было отлично видно, какъ на ладонѣ. „Чѣмъ-то, думаемъ, все это кончится?“ Намъ даже радостно стало: вотъ думаемъ, бѣлые накажутъ смуглыхъ за ихъ жестокость къ черными, они отнимутъ тѣхъ, освободятъ и поколотятъ злыхъ. И за дѣло!.. Дѣйствительно, столкнулись, началась отчаянная

свалка... Много съ обѣихъ сторонъ побито было народу, одолѣли подъ конецъ бѣлые. Что же мы увидѣли на слѣдующее утро? Нѣсколько смуглыхъ было повѣшено на деревьяхъ, остальные шли въ цѣпяхъ и тащили тяжести, а черные тоже шли съ ними рядомъ и тащили свой грузъ, только теперь бичами хлестали не смуглые, а бѣлые, и хлестали даже съ большею ловкостью и энергіей. Мы видѣли деревни черныхъ, до тла сожженныя бѣлыми, видѣли разъ и мѣсто ужаснаго кроваваго побоища, гдѣ тѣла бѣлыхъ лежали цѣлыми грудами, привлекая гіенъ и крылатыхъ хищниковъ; невозможный смрадъ отравлялъ воздухъ на громадномъ протяженіи, и мы летѣли дальше и дальше, огибая печальныя мѣста человѣческихъ недоразумѣній. Наконецъ, мы надолго избавились отъ людей и попали въ такія пустыни, гдѣ, вѣроятно, нога человѣческая еще не заходила, то есть бѣлыя и смуглыя ноги.

Какіе дивные лѣса сплошь покрывали эту райскую мѣстность, какіе колоссы растительнаго міра возвышались своими кронами надъ всѣмъ, покрывая сплошною тѣнью громадныя пространства. Какіе чудные луга пересѣкали лѣсныя чащи, и по нимъ медленно протекали покойныя рѣки, несущія свои воды все въ тотъ же Баръ-эль-Абіадъ, какъ разъ по срединѣ прорѣзывающій эту цвѣтущую пустыню. Рѣдко, очень рѣдко попадались затерянные въ лѣсахъ шалаши деревень чернокожихъ, окруженные полями риса и пшеницы. Также и по большой рѣкѣ изрѣдка появлялись тяжелыя лодки съ вооруженными людьми и изъ подъ навѣсовъ, покрывающихъ палубы, слышался все тотъ же знакомый стонъ неволи и брязгъ цѣпей, да свистящее хлопанье бича по голому, потному тѣлу.

Ужасная страна! Богато одаренная Богомъ, отравленная человѣческою злобою!

Спустившись на ночлегъ, предварительно тщательно осмотрѣвъ окрестности, для чего мы описали громадный кругъ, мы расположились на лугу, недалеко отъ пальмоваго лѣса, кишащаго попугаями и обезьянами. Дѣло было передъ закатомъ солнца, сумерокъ здѣсь не бываетъ, и густой мракъ почти моментально смѣняетъ яркій, солнечный свѣтъ дня. Стаи попугаевъ устраивались засвѣтло на ночлегъ... За пальмовымъ лѣсомъ разстилалось небольшое озеро, съ густо заросшими берегами; это озеро нѣсколькими притоками связано было съ рѣкою. Тамъ слышались грузные всплески и тяжелое сопѣніе

какихъ то черныхъ массъ, — это были купающіеся бегемоты, безобразные колоссы, тяжело и неуклюже ступающіе по сушѣ зато легко ныряющіе и плавающіе въ водѣ, какъ въ своей болѣе близкой стихіи.

Въ сторонѣ отъ опушки росло отдѣльное дерево, далеко раскинувшее свои вѣтви, пустившее внизъ, до самой земли, пѣлую бахрому воздушныхъ корней; къ этому дереву подошло какое-то странное животное, съ короткимъ туловищемъ, на высокихъ, какъ у верблюда, ногахъ, и съ длинною шеею; голова животнаго была маленькая, сухая, съ небольшими рожками и красивыми черными глазами.

— Это жираффа,—подсказалъ Долгоносъ,—антилопа кроткая и мирная, ни для кого неопасная, робкая, но должно быть очень вкусная, и я постараюсь ее предостеречь... Я вижу грозящую ей опасность.

Сказавъ это, Долгоносъ пригласилъ папа, и оба они, внезапно поднявшись, пролетѣли мимо жираффа, задѣвъ ея на лету своими крыльями... Какъ разъ было во время! Только что испуганная антилопа отскочила, и тяжелою раскачною рысью отбѣжала къ опушкѣ пальмовника, какъ изъ подъ кроны одинокаго дерева, словно новая живая вѣтвь, показалась громадная змѣя, конвульсивно извилась въ воздухѣ, крѣпко обвивъ хвостомъ древесный стволъ, и снова спряталась въ густыхъ зеленыхъ массахъ.

Проводить ночи въ такихъ мѣстахъ было весьма опасно, страшная темнота мѣшала зоркому наблюденію, а луна была на ущербѣ и появлялась послѣ полуночи. Съ наступленіемъ мрака, повсюду загорались огоньки безчисленныхъ свѣтлячковъ, то неподвижные, то беззвучно перелетающіе съ мѣста на мѣсто. Въ чащѣ изрѣдка сверкали и парныя зеленоватыя точки и слышалась безпокойная возня обезьянъ, встревоженныхъ приближеніемъ пантеры... На отмеляхъ ходили крокодилы... На свѣтломъ фонѣ, отражающаго звѣздное небо, озера появились массивные черные силуэты,—это были слоны, пришедшіе на водопой. Мы еще засвѣтло видѣли ихъ, когда они, какъ будто чѣмъ-то раздраженные, шли лѣсомъ, одинъ за другимъ, изрѣдка втягивая воздухъ своими хоботами и потомъ выпуская его съ рѣзкимъ звукомъ, похожимъ на свистокъ парохода. Всплески воды и шелестъ камышей отъ набѣжавшей волны показывали, что слоны вздумали купаться. Въ это время надъ

горизонтомъ показался оранжево-темный дискъ восходящаго мѣсяца, и таинственный фосфорическій свѣтъ, мало-по-малу, сталъ разливаться по кронамъ тропическаго лѣса.

Какая картина! Какое неизмѣримое, безконечное величіе творчества!

Но тутъ произошелъ такой переполохъ, такой адъ, что мы снялись разомъ и, какъ угорѣлые, пустились на утекъ, стараясь только не разбиться врозь, а держаться кучею.

Раздался ревъ пантеры, испуганные вопли обезьянъ и попугаевъ. Все переполошилось, послышались чьи-то жалобные, зовущіе на помощь, стоны. Ураганомъ, круша все на пути, пронеслись слоны, а мы летѣли дальше и дальше, и только со свѣтомъ опустились снова и то, выбравъ мѣсто подальше отъ всевозможныхъ засадъ и опасностей.

Да, здѣсь не заснешь такъ спокойно, какъ у насъ, на нашихъ мирныхъ сѣверныхъ болотахъ... А спать хочется... Треволненія истекшаго дня и этой тревожной ночи даютъ себя чувствовать: глаза смыкаются, такъ бы и заснулъ, да подозрительны очень эти спящіе на пескѣ крокодилы... Только и надежда, что на чуткое ухо, да зоркіе глаза нашихъ часовыхъ. Здѣсь словно все наоборотъ: здѣсь не ночь, а скорѣе день приноситъ покой и отдохновеніе; съ наступленіемъ же темноты пробуждается злая воля и вырываются наружу разбойничьи инстинкты. Приходится измѣнять свои сѣверныя привычки и приноравливаться.

Нѣтъ, теперь я понимаю, почему мы выводимъ своихъ дѣтей не здѣсь, а на сѣверѣ. Здѣсь дай Богъ только свою шкуру уберечь, гдѣ уже тамъ нести заботливую службу высидки и воспитанія. Впрочемъ, приспособляются же ко всему здѣшніе, постоянные обитатели... Да, но на то они и здѣшніе, а мы залетные, сѣверные. Недаромъ старики говорятъ о сѣверѣ: «въ нашихъ мѣстахъ»,—теперь и мы, молодежь, стали подумывать о значеніи слова: «наши мѣста», и эти чудныя красоты южной природы, мало-по-малу, стали утрачивать для насъ свое чарующее обаяніе.

XIX.

Подвигаясь, не торопясь, все южнѣе и южнѣе, проводя время то въ дорогѣ, то по цѣлымъ недѣлямъ на одномъ мѣстѣ,

если встрѣчались мѣста поспокойнѣе, обиліе корма мы находили повсюду,—мы, наконецъ, увидѣли на горизонтѣ нѣжныя очертанія горъ, принятыя нами сначала за облака. Какъ должны быть велики эти горы, если мы ихъ увидѣли задолго, чуть не за недѣлю раньше, чѣмъ мы прибыли къ ихъ подножію.

Вѣчные льды, покрывавшіе вершины этихъ горъ, были для насъ недосягаемы. Даже орлы и грифы приближаются только къ ихъ окраинамъ. Каково же было наше изумленіе, когда мы увидѣли выше облаковъ, почти въ уровень съ началомъ ледника, но далеко отъ него, летящій въ воздухѣ предметъ необыкновенной формы. Это былъ пузырь, должно быть громадный, но намъ издали казавшійся небольше крохотной редиски; къ нему снизу была подвѣшена корзиночка, и въ ней копошилось что-то живое. Скоро мы разглядѣли, что это: это были люди... Да, люди! Тѣ самые люди, которымъ Богъ отказалъ въ крыльяхъ, ради, конечно, нашего спокойствія; которымъ суждено пресмыкаться только тамъ, внизу,—эти люди забрались въ области, вовсе имъ не принадлежащія.

Бѣдныя птицы!

Мы долго наблюдали это необыкновенное явленіе, особенно Верхоглядъ, — тотъ съ героическою смѣлостью летѣлъ сколько могъ ближе къ пузырю, такъ что разсмотрѣлъ все весьма обстоятельно, рискуя, главнымъ образомъ, попасться въ когти стаи грифовъ, сопровождавшихъ забравшихся не въ свое мѣсто людей, не только съ одинаковымъ съ нами любопытствомъ, но даже съ остервенѣніемъ.

Вдругъ изъ корзинки вспыхнулъ дымокъ, до нашего слуха донесся чуть слышный выстрѣлъ, и одинъ изъ грифовъ, перекувырнувшись, комкомъ полетѣлъ внизъ, исчезая въ облакѣ.

Эге! надо значитъ относиться къ данному явленію съ уваженіемъ.

И понятно. Только геній человѣка могъ достигнуть возможности добраться до облака, подняться на эту высоту.

— Но не летѣть куда хочется, — пояснилъ вернувшійся Верхоглядъ,—я замѣтилъ, что люди могутъ пока только произвольно подниматься и опускаться, и то до времени, а несетъ ихъ вѣтромъ не по ихъ волѣ, а часто даже вопреки ихъ желанію, что весьма легко можетъ привести къ погибели.

— И ты правъ! — подтвердилъ Долгоносъ. — Лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ я видѣлъ не здѣсь, а значительно

сѣверцѣй, такой же шаръ разорванною вдребезги тряпкою висѣвшій на деревьяхъ, а внизу бездыханное, почти безформенное тѣло человѣка. Научные опыты безъ жертвы не обходятся. Но только какъ они сюда попали? Это удивительно!..

Долго мы провожали глазами воздушный шаръ; наконецъ, онъ скрылся, незамѣтно какъ то, словно растаялъ въ этомъ синемъ воздухѣ. Больше мы его никогда и не видѣли, и участь воздушныхъ путешественниковъ осталась для насъ неизвѣстна.

Черезъ пять дней мы, перелетѣвъ черезъ горный кряжъ, да и не одинъ, не на самой высотѣ, надо льдами, а выбравъ мѣста пониже, увидѣли безконечную, водную равнину громаднаго внутренняго моря—и здѣсь, близъ его береговъ, предполагалось провести время вплоть до возвращенія на родину...

— На родину... Да, великое, чудное слово.

— Знаешь, милый, — говорила мнѣ моя Черношейка,—я все время ищу здѣсь клюквы; удивительное дѣло, — нигдѣ нѣтъ ни одной ягодки!.. Чего-чего здѣсь нѣтъ, но клюквы... А говорятъ еще страна, необыкновенно богатая.

— Нѣтъ, сударыня,—засмѣялся Верхоглядъ,—клюквы теперь вы не найдете; здѣсь еще до этого не дошли... Клюква—это штука тонкая и не носу здѣшнихъ дикарей ее клевать, такъ-то-съ!

— Жаль! — передернула крылышками Черношейка,—а я бы теперь, кажется, всѣ финики, всѣ бананы и орѣшки—все-все бы отдала за одну ягодку.

«Это всегда такъ бываетъ: женщины всегда особенно хотятъ того, чего нельзя достать», подумалъ я и сталъ придумывать, чѣмъ бы мнѣ утѣшить мою капризницу.

Но она уже забыла о клюквѣ и съ наслажденіемъ запустила носикъ въ кокосовый орѣхъ, спѣлый, упавшій со страшной высоты на камень и расколовшійся отъ того надвое.

Невдалекѣ отъ нашего становища было селеніе негровъ... Высокій частоколъ окружалъ группу плетеныхъ домовъ, круглыхъ, какъ боченки, смазанныхъ глиною, и съ высокими конусообразными крышами... По близости были и ихъ поля съ маисомъ (кукурузою), тоже обнесенныя частоколомъ; между полями и деревнею расположены были загоны для скота, огороженные еще выше, и на гребни частокола наложены были еще колючія растенія, съ иглами, острыми и куда болѣе длин-

ными, чѣмъ наши журавлиные носы,—предосторожность отъ пантеръ и львовъ, какъ намъ объяснили старшіе.

Совсѣмъ голые люди часто показывались вблизи насъ, но они были безъ ружей, а потому менѣе опасны. Я говорю «менѣе», ибо опасность все-таки существовала: люди эти такъ ловко пускали стрѣлы изъ луковъ и даже просто руками швыряли короткіе дротики, что довѣряться особенно ихъ близости не слѣдовало. Двое изъ нашихъ уже поплатились за свое довѣріе, и мы оплакивали ихъ печальную участь... И что удивительно: дядя Клу-клу, старый, опытный журавль, а прозѣвалъ бѣдняга. На моихъ глазахъ его насквозь пронзила острая стрѣла, и черный человѣкъ съ торжествомъ потащилъ его въ свою хижину. Дикари уходили надолго куда-то далеко, оставляя въ деревнѣ только женщинъ и дѣтей; тогда было почти безопасно, особенно по ночамъ, навѣдываться въихъ кукурузники, что мы и дѣлали. Аисты и тутъ свивали свои гнѣзда на вершинахъ двухъ или трехъ конусовъ, но ихъ было немного и съ нами уживались они покойно. Мы отъ нихъ многое узнавали о жизни чернокожихъ... Эти аисты нѣсколько меньше нашихъ и проводятъ тутъ круглый годъ, безъ перелета, держась поближе къ человѣку, они лучше выдерживаютъ здѣшнія зимы, а какія это зимы! «Это просто, говорили они, дожди, и дожди безъ конца, прерываемые иногда свирѣпыми бурями». Подчасъ бываетъ жутко, и если бы не люди, съ которыми они и здѣсь въ полномъ согласіи, то было бы плохо.

Познакомились мы и съ гигантскими марабутами. Что за дивная птица! и съ такимъ роскошнымъ опереніемъ, что люди грабятъ ихъ безпощадно. Вотъ еще удовольствіе носить дорогія одежды!

Когда мужчины возвращались изъ похода, они еле шли, такъ были отягчены добычею. Главное, что они приносили, это были слоновые клыки, груды которыхъ складывались у порога домиковъ, а то и просто у наружной изгороди.

У нихъ были лодки, грубо сдѣланныя и тяжелыя на ходу, иногда они нагружали эти лодки клыками и уплывали въ озеро; куда они плавали, мы пока еще не знали. Аисты говорили, что далеко, на томъ берегу, живутъ тоже люди и забираютъ охотно клыки, вымѣнивая ихъ на другіе товары. Дѣйствительно, когда лодки возвращались, то уже безъ клыковъ, а негры были необыкновенно веселы, пѣли, плясали и пили водку

изъ боченковъ; женщины и дѣти всегда радовались такому возвращенію, пили тоже, и на ихъ курчавыхъ, смѣшныхъ такихъ головахъ появлялись цвѣтные платки и разныя украшенія.

Разъ какъ-то небольшая партія мужчинъ, вернувшись съ охоты, привела съ собою бѣлаго человѣка съ связанными руками, съ окровавленною головою, измученнаго, еле переставлявшаго ноги. Очевидно, что несчастный былъ плѣнникъ.

Они его накормили, напоили, развязали руки и заперли въ загонъ, приставивъ двухъ часовыхъ съ длинными копьями.

— Охъ, не къ добру они это сдѣлали! — сообщилъ намъ старый Марабу,—это рѣдко обходится имъ безнаказанно!

Мы не понимали, въ чемъ дѣло, но не прошло и недѣли, какъ мы были разбужены въ самую полночь заревомъ пожара, трескомъ пламени, пожиравшаго шалаши, стрѣльбою и криками отчаянія. При яркомъ свѣтѣ огня мы увидѣли, что партія бѣлыхъ и смуглыхъ людей окружила деревню и безпощадно истребляетъ ея обитателей... Мы не видѣли, погибъ ли плѣнникъ въ этомъ пожарѣ, былъ ли онъ освобожденъ, но не успѣло еще взойти солнце, какъ на мѣстѣ деревни остались только груды пепла и всюду валялись черныя тѣла мужчинъ и женщинъ. Даже дѣтей не пощадили кровожадные мстители! Бѣлые забрали лодки, нагрузили ихъ клыками и скотомъ и поплыли къ югу, и мы почти до конца лѣта остались единственными обладателями созрѣвшаго кукурузнаго поля.

Сначала наше положеніе показалось намъ весьма пріятнымъ; просто праздникъ наступилъ какой-то, точно эти разгромленныя мѣста, эти поля и все, что на нихъ осталось, поступило въ наше распоряженіе какъ законное наслѣдство, конечно, за вычетомъ доли апстовъ, бѣдняковъ, потерявшихъ въ огнѣ свои косматыя гнѣзда. Но дышать здѣсь скоро стало невыносимо... Вонь отъ разлагающихся труповъ далеко заражала воздухъ, и мы принуждены были перемѣнить мѣсто нашей стоянки. Зато сколько собралось здѣсь крылатыхъ и четвероногихъ хищниковъ! Ихъ злобный вой и безконечныя драки долго еще нарушали тишину ночей и прекратились только съ возвращеніемъ нѣсколькихъ негровъ, чудомъ спасшихся отъ ночного побоища, пришедшихъ сюда на пепелищѣ оплакивать покойниковъ и возобновить свои жилища.

И намъ очень стыдно стало, что мы, думая, что всѣ перетакъ безжалостно опустошали ихъ кукурузныя плантаціи.

Мы даже простили имъ смерть дяди Клу-клу и другого нашего товарища, хотя въ душѣ и догадывались, что именно за это преступленіе покаралъ ихъ Господь, а разъ покаралъ, то и намъ слѣдовало укротить свою злобу и встрѣтить несчастныхъ съ миромъ. Да, поди-ка встрѣть!.. Вернулись люди, вернулись съ ними и ихъ зубы. Со злымъ свистомъ прорѣзала воздухъ стрѣла и впилась въ землю, какъ разъ около моей Черношейки; еще бы немного, и я остался бы сиротою... Люди, даже черные люди, положительно неисправимы!

XX.

По смерти дяди Клу-клу осталась его подруга, не молодая, но и не старая еще, тучная Журка, и нашъ папа взялъ ее подъ свое покровительство. Онъ такъ добросовѣстно погрузился въ новыя заботы, что замѣтно охладѣлъ къ намъ, говоря, будто мы настолько уже выросли и возмужали, что можемъ жить и своимъ разумомъ, но дѣдушка Долгоносъ оставался съ нами попрежнему... У него давно уже не было подруги, и онъ постоянно держался по близости насъ, навѣщая и Верхогляда съ моею сестрицею.

А дѣдушка сильно постарѣлъ за это время и ослабѣлъ. Онъ уже больше отдыхалъ, чѣмъ леталъ, какъ мы, по окрестностямъ и говорилъ, что только и мечтаетъ, только и молитъ Бога, чтобы Онъ, Милосердый, послалъ ему смерть дома, на родинѣ, позволилъ еще разъ взглянуть на наши милыя осташковскія болота.

Время подходило къ концу февраля и, изъ разговоровъ между стариками, мы заключили, что время нашего отлета приближается. Странно, чѣмъ меньше оставалось этого времени, тѣмъ оно тянулось медленнѣе и медленнѣе. Сначала мы ограничивались только тѣмъ, что свои ежедневныя прогулки совершали исключительно по сѣверному направленію, и такимъ образомъ, мало-по-малу, оставляли эти мѣста, оттягивая снова къ Хартуму. Въ послѣднихъ числахъ февраля мы уже почти всѣ сгруппировались близъ устья Голубого Нила, на окружающихъ это устье обширнѣйшихъ болотахъ. Отсюда предполагалось организовать правильный походъ, дождавшись остальныхъ партій, кочевавшихъ въ верховьяхъ этого притока, въ Абиссиніи.

— Съ недѣльку погуляемъ здѣсь, да и съ Богомъ!—вздыхая, говорилъ дѣдушка Долгоносъ.

Онъ что то частенько сталъ вздыхать, особенно къ ночи... Перелеты съ большихъ озеръ онъ дѣлалъ съ трудомъ уже, иногда даже отставалъ и нагонялъ уже на дневкахъ.

— Бодрись, старина!—утѣшалъ его нашъ папа...—Мы вотъ тутъ долго будемъ отгуливаться, силъ набираться. Кушай больше, не утомляйся зря, дастъ Богъ, и сберешь силы.

— Не полагаю!—вздыхалъ Долгоносъ.—Только бы до Филе добраться, хоть бы до этого-то мѣста, и то слава Богу!..

Это нашъ старикъ вспомнилъ о разобранныхъ нами іероглифахъ, тамъ, на «Филе»; тщеславіе, значитъ, заговорило... Мы поняли это, но не подали и вида, что понимаемъ.

Говорить при живомъ о его надгробной эпитафіи, по меньшей мѣрѣ неделикатно.

Погода становилась туманнѣе, не холодно, нѣтъ, а какъ то душно въ воздухѣ.

— Тамъ, на озерахъ, уже, я думаю, начались дожди,—сообщалъ премудрый Крыломахъ.—Я разъ только во всю свою жизнь задержался тамъ позднѣе немного... Больныхъ было много между нами, я съ ними и остался. Ну, я вамъ скажу, времячко было! Не дай Богъ въ другой разъ... Птицы, крылатыя птицы, и эти гибли, тонули въ этихъ невозможныхъ ливняхъ... страшное дѣло! Слова эти оказались пророческими. Дня черезъ четыре, по прибытіи нашемъ на болота устій Голубого Нила, къ вечеру поднялся такой густой туманъ, что невидно было ничего на длину даже нашего носа. Мы съ Черношейкою прилегли бокъ-о-бокъ, забравшись подъ зонтичный листъ какой-то пальмы, и рѣшились выжидать. Казалось, мы остались только одни на всемъ свѣтѣ, еслибъ не окликъ Верхогляда, гдѣ-то недалеко.

— Эге!—крикнулъ онъ. Гдѣ ты тамъ? Что-то недоброе готовится!..

— Да, ну, не пугай!—откликнулась ему моя Черношейка.

А было чего испугаться не на шутку.

Туманъ бы это еще ничего, но страшно было это грозное затишье, страшенъ былъ этотъ удушливый воздухъ, пропитанный какъ будто сѣрою. Багрово-красный свѣтъ виднѣлся въ сторонѣ заката, но онъ быстро потухъ, и наступилъ непроницаемый мракъ. Вдругъ гдѣ-то далеко прокатился громъ, и долго-долго не умолкали его глухіе раскаты. Вотъ словно вѣтерокъ пахнулъ надъ нами... Вѣтеръ ли это? — можетъ быть такъ, испуганная птица пролетѣла близко, у насъ надъ головами.

Снова раскаты грома, ближе значительно! Молніи нѣтъ, только туманъ все гуще и гуще, будто это уже не туманъ, а окружаетъ насъ водное пространство... Опять ударъ грома, и разомъ разразилась гроза, зашумѣлъ ужасающій ливень.

— Тону!..—простоналъ кто-то недалеко.

На насъ набѣжала волна... Откуда она взялась, не понимаю. Мы взлетѣли немного, но сила ливня одолѣла силу крыльевъ. Съ трудомъ пролетѣвъ нѣсколько шаговъ, мы, положительно, упали, а не спустились, къ счастью не на землю, а на какія то гибкія, хитро перепутанныя вѣтви... Кое-какъ, работая и ногами и крыльями, мы удержались на этомъ зыбкомъ помостѣ. Подъ нами ревѣла и пѣнилась вода. Минута была критическая.

Но тутъ насъ ослѣпила такая молнія, что въ сравненіи съ нею то, что мы видѣли въ бурю надъ моремъ, показалось намъ пустою вспышкою... Разразился такой ударъ, что отнялъ у насъ разомъ и сознаніе и память. Очнулся я, меня, увы, уже одного несетъ волною, ударило обо что-то, опять понесло и, наконецъ, я зацѣпился въ какихъ-то зарослях. Кое-какъ справился я и сталъ понемногу соображать. А ливень все хлещетъ и хлещетъ. Безъ вѣтра, прямо, отвѣсно льются струи холоднаго дождя, и, казалось, конца этому не будетъ. А какой шумъ при этомъ! Я попытался крикнуть. Напрасная попытка! Словно у самаго кончика носа оборвался мой крикъ и замеръ. Громовые удары теперь слѣдовали почти непрерывно... Зеленоватый свѣтъ молніи не потухалъ. Усталый до нельзя, я не въ силахъ уже былъ держаться. Всѣ мои члены окоченѣли, и меня понесло снова.

— Ну, думаю, теперь уже пришла моя окончательная погибель!

Наконецъ, я почувствовалъ подъ собою твердую почву, и въ то же время ливень прекратился разомъ. Пронесся сильный порывъ вѣтра, словно по мановенію волшебнаго жезла, разсѣялся мракъ и надо-мною ярко и отчетливо заблистало созвѣздіе южнаго креста. Вѣтеръ усилился, унося далеко черныя тучи, съ ихъ громами, молніями и этимъ безпощаднымъ ливнемъ, и долго еще слышенъ былъ глухой, замирающій шумъ пронесшейся надъ нами настоящей тропической бури.

— Я живъ, слава Богу... Но что съ нашими?..

И всѣ эти наши въ настоящую минуту сливались въ одномъ образѣ дорогой Черношейки.

— Что съ нею?!

До разсвѣта нечего было и думать о розыскахъ. Взошедшее солнце быстро отогрѣло мои окоченѣвшіе члены. Я очутился на какомъ-то островѣ, безъ малѣйшаго признака растительности. Первое, что я увидѣлъ передъ собою, была страшная пасть крокодила, медленно подползавшаго ко мнѣ своими неуклюжими движеніями. Я чуть не лишился чувствъ со страха, но это было мгновеніе. Я рванулся, отскочилъ на нѣсколько шаговъ. Безобразный врагъ приподнялся на переднія лапы и злобно щелкнулъ своими челюстями. Къ счастію, трупъ какой-то маленькой антилопы, бѣлѣвшій на желтомъ пескѣ своимъ задкомъ, привлекъ на себя вниманіе чудовища, и я былъ спасенъ. Кое-какъ справившись съ намокшими крыльями, я, не безъ труда, перелетѣлъ съ этой отмели на твердый берегъ и здѣсь сталъ собираться съ силами. Часа черезъ два я чувствовалъ себя совершенно бодрымъ и тотчасъ же отправился на поиски. Скоро я нашелъ небольшую группу нашихъ, разсказывавшихъ мнѣ просто чудеса о своемъ спасеніи. Нѣсколько журавлей, менѣе измученныхъ, согласились мнѣ помогать. Мы поднялись на воздухъ и стали медленно описывать круги, все расширяя и расширяя поле своихъ наблюденій. И наблюденія эти увѣнчались успѣхомъ. Прежде всего я замѣтилъ папу-Горлана со вдовою Клу-клу. Я очень обрадовался и спустился къ нимъ поздороваться. Но долго времени не терялъ; я только запомнилъ мѣсто, гдѣ папа приказалъ собираться къ вечеру.

— Старика разыщите!—крикнулъ онъ мнѣ вслѣдъ,—это главное!

Но, конечно, мы съ нимъ расходились во мнѣніяхъ о «главномъ»; по моему, главное, что я искалъ, я нашелъ только къ полудню. Моя Черношейка, слава Богу, осталась жива; ее такъ забило между камнями у самаго берега, что выбраться безъ посторонней помощи было бы для нея невозможно.

— Ахъ, какъ я хочу кушать!—это первое, чѣмъ она меня встрѣтила.

Этотъ дѣтскій эгоизмъ сначала непріятно кольнулъ меня въ сердце, но радость находки была такъ велика, что мнѣ было не до упрековъ. Помогши подругѣ выбраться на просторъ, мы тотчасъ же перелетѣли съ нею къ кустамъ, гдѣ можно было найти завтракъ, и я совершенно забылъ объ обязанности продолжать розыски. Правда, что какъ только мы утолили пер-

рый голодъ, такъ тотчасъ же подумали объ этой обязанности, и уже оба принялись за дѣло съ особеннымъ рвеніемъ. Скоро мы увидѣли журку, летавшую понизью и безпокойно поглядывающую направо и налѣво.

Это была сестра.

— А Верхоглядъ?—крикнулъ я ей.

— Не знаю!..—проговорила и заплакала.

Мы присоединили ее къ нашей группѣ и полетѣли дальше.

Осматривая пристально окрестности, мы замѣчали много труповъ всевозможныхъ животныхъ,—это все были жертвы ночного ливня. Мы видѣли и трупы нашихъ, невыдержавшихъ борьбы съ потокомъ, но этихъ было, къ счастію, немного.

Осмотрѣвъ ихъ, мы не нашли между ними ни Долгоноса, ни Верхогляда.

— Должно быть спасены!—проговорилъ кто-то.

За Верхогляда я не очень безпокоился. Этотъ смѣлый, сильный и находчивый малый навѣрное сумѣлъ вывернуться изъ бѣды, но нашъ ослабѣвшій старикъ, нашъ, всѣми любимый, дѣдушка тревожилъ насъ всѣхъ, и для удобства розысковъ мы раздѣлились на нѣсколько партій. Къ полудню вернулись мы къ тому мѣсту, гдѣ утромъ я видѣлъ папу. Тамъ уже было десятка два журавлей и съ ними вдова Клу-клу, но папы уже не было.

— Старика ищетъ!—объяснила намъ его отсутствіе вдова.—Чудакъ! поѣсть даже не захотѣлъ; какъ отдохнулъ, и отправился.

Это было совершенно понятно.

— Летятъ! летятъ!—раздались радостные голоса.

Дѣйствительно, по взмаху крыльевъ приближавшихся къ намъ журавлей мы узнали и папу-Горлана и Долгоноса. Они летѣли рядомъ, почти вплотную, и папа поддерживалъ старика, помогая ему осторожно спуститься. Папа сообщилъ намъ, что видѣлъ и Верхогляда, но что тотъ, узнавъ отъ кого-то, что сестра моя спасена, полетѣлъ помогать другимъ.

— Гадкій!—проговорила сестра.

— Молодецъ!—укоризненно кивнулъ ей Долгоносъ,—такъ и слѣдуетъ.

— Одобряю!—согласился и отецъ.

И сестра успокоилась.

— Къ вечеру собрались всѣ уцѣлѣвшіе. Потери наши на этотъ разъ, славу Богу, были незначительны.

Верхоглядъ прилетѣлъ послѣднимъ и принесъ кусочекъ ка-

кой-то украшенной галупомъ тряпки, какъ доказательство, какъ увѣрялъ онъ, того, что провелъ страшную ночь на спинѣ слона, и вотъ эту тряпочку онъ оторвалъ отъ его сѣдла на память. Нашъ герой разсказывалъ, что подхваченный ливнемъ, онъ несся куда то во мракѣ ночи, но присутствія духа не терялъ. Улучивъ удобную минуту, онъ рванулся кверху и успѣлъ подняться такъ высоко, что досталъ, ощупью, конечно, до высокой кроны финиковой пальмы. Первымъ дѣломъ онъ поѣлъ фиников и собирался, захвативъ одну вѣточку съ собою, отыскивать свою подругу, но въ ту же минуту пальма съ страшнымъ трескомъ повалилась внизъ, и онъ чуть-чуть не попалъ съ размаха въ пасть крокодила; онъ даже задѣлъ его лѣвою ногою по зубамъ. Это была ужасная минута, которую онъ всю жизнь не забудетъ. Вмѣстѣ съ пальмою его несло по теченію, пока эта пальма не наткнулась на какое то судно. Онъ слышалъ голоса людей и чувствовалъ запахъ гари и дыма. Сосѣдство было очень опасное и, переведя духъ за стѣнкою капитанской рубки, Верхоглядъ снова полетѣлъ, но выбился изъ силъ и ударился грудью о чей то громадный задъ. Судя по хвосту, онъ узналъ слона и ловко взобрался къ нему на спину. Животное это, должно быть, принадлежало важному лицу, очевидно самому Хартумскому губернатору, потому что на его спинѣ было дорогое сѣдло, украшенное золотою бахромою и снабженное красивою бесѣдкою. Въ этой то бесѣдкѣ, спустивъ предварительно сторы, Верхоглядъ провелъ остальное время ужасной ночи, и къ разсвѣту, когда все стихло, оставилъ гостепріимную спину, замѣтивъ приближеніе людей.

— Я весьма сожалѣю, моя милая подруга,—обратился онъ къ сестрѣ,—что не донесъ вамъ своей финиковой вѣточки, но если вы узнаете употребленіе, которое я изъ нея сдѣлалъ, то, вѣроятно, за это не посѣтуете.

— Добрый малый,—вступилъ тутъ въ разговоръ дѣдушка Долгоносъ.—Это онъ мнѣ далъ позавтракать финиками. Я совершенно изнемогалъ, когда увидѣлъ Верхогляда; онъ первый нашелъ меня безпомощнымъ, покормилъ и улетѣлъ на розыски.

Все это насъ такъ тронуло, что разсѣяло всякія сомнѣнія въ фантастичности разсказа Верхогляда... Мы знали, что онъ многое тутъ привралъ, но вѣрить хотѣлось, и мы повѣрили.

Въ томъ то и дѣло, что надо умѣть отличить обыкновенную ложь отъ поэтическаго вдохновенія. Лгать всякій сумѣетъ,

для этого надо только немного забыть свою совѣсть, но сочинять дано далеко не всякому. Сочиняютъ только натуры избранныя, и вамъ нѣтъ никакого дѣла, никакого интереса знать, было-ли дѣйствительно все такъ, какъ разсказываютъ, лишь бы это разсказанное васъ заняло, вамъ понравилось бы и облагораживало ваши понятія.

Тронуло васъ, подѣйствовало на душу и сердце, ну, и спасибо! А то находятся такіе любители полицейскаго розыска, что сейчасъ станутъ обливать васъ ушатомъ холодной воды.

— Позвольте, господа,—закричатъ они,—гдѣ же это видано было, чтобы журавли, не имѣя ни чернилъ, ни бумаги, вели бы свои путевыя записки?

Неправда ли, что подобное замѣчаніе было бы по меньшей мѣрѣ неостроумно!

Конечно, бывшая вдова Клу-клу, нынѣ моя любезная мачиха, выслушавъ разсказъ Верхогляда, замѣтила, грубо немножко, но зато коротко:

— Все вретъ!

Но ей это извинительно. Она особа глупая, мало развитая умственно, папѣ она понравилась только своею тучностью и спокойнымъ характеромъ. Но вѣдь какой же она критикъ! Я думаю, что даже самые недалекіе чирки, и тѣ бы не придали ея критическимъ способностямъ никакого значенія.

Вечеромъ, впрочемъ, Верхоглядъ, разговаривая съ сестрою, признался, что онъ собственно не помнитъ хорошо, что съ нимъ происходило во время катастрофы, но кажется ему, что именно то, что онъ разсказывалъ, даже нѣсколько больше.

— А финики?—спросила сестра.

— Финики, это истина,—отвѣчалъ Верхоглядъ,—финики были дѣйствительно финиками.

Въ тотъ же вечеръ вопросъ объ отлетѣ былъ рѣшенъ окончательно.

XXI.

На другой день мы приступили къ новому раздѣлу на треугольники и выбору предводителей. Дѣдушка Долгоносъ наотрѣзъ отказался отъ званія главноначальствующаго, ссылаясь на свою старость и полное утомленіе, и на его мѣсто единогласно былъ избранъ нашъ папа Горланъ-трубачъ. Въ начальники отдѣльныхъ треугольниковъ также единогласно былъ выбранъ Верхоглядъ.

Тотъ сдѣлалъ видъ, будто бы давно ожидалъ этого, и въ своемъ избраніи не видитъ ничего особеннаго, и покойно провѣрилъ сданныя подъ его начальство тридцать двѣ журавлиныя пары.

Онъ просто и ясно выразилъ имъ свои взгляды на дѣло.

— Я буду справедливъ,—сказалъ онъ,—но строгъ безпощадно во время похода и общественной службы. Внѣ же всего этого, прошу васъ, господа, всѣхъ считать меня своимъ добрымъ старшимъ товарищемъ.

Но что меня удивило и привело въ восторгъ, это мое личное избраніе, приравнивающее меня къ положенію, занимаемому теперь Верхоглядомъ. Я, право, сначала не повѣрилъ, но большинство голосовъ, поданныхъ за меня, было такъ внушительно, что избраніе мое состоялось безъ всякаго противорѣчія. Я, впрочемъ, подумалъ, что здѣсь играло большую роль желаніе сдѣлать пріятное для моего, всѣми глубоко уважаемаго, папы. Послѣ я уже зналъ, что кандидаты въ вожди были просто указаны дѣдушкою Долгоносомъ, а его авторитетъ былъ настолько силенъ, что съ его указаніемъ всѣ согласились безъ возраженія. Я рѣчи не говорилъ, я сказалъ только, что во всемъ буду слѣдовать примѣру и указаніямъ папаши. Дѣйствительно, это было самое лучшее, что я могъ придумать въ эту торжественную минуту.

— За исключеніемъ, впрочемъ, морскаго перелета,—замѣтилъ папа.—Лучше дня два лишнихъ, зато вѣрнѣе.

Мы рѣшили подождать здѣсь только премудраго Крыломаха со своими, чтобы потомъ летѣть сообща вплоть до Дунайскихъ гирлъ, гдѣ, конечно, мы должны были раздѣлиться по двумъ разнымъ направленіямъ. Ждать пришлось недолго, не прошло и сутокъ, какъ явились нѣсколько отставшіе треугольники Крыломаха, уже готовые въ дальнее путешествіе. Мы тронулись въ большой походъ съ юга на сѣверъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня и скоро увидѣли на горизонтѣ волнистыя линіи песчаныхъ пустынь, прилегающихъ къ нижнему теченію Нила. Въ первую же ночь мы опустились въ окрестностяхъ Вади-Гальфа и провели эту ночь безъ всякихъ приключеній. Моя Черношейка просто не спускала съ меня глазъ; она относилась ко мнѣ съ такою любезною предупредительностью, такъ ласково, что мнѣ просто не хотѣлось думать, играетъ ли въ этомъ роль мое избраніе, или это все было бы также, если бы я оставался въ рядахъ простымъ журавлемъ, безъ ореола общественнаго довѣрія. Въ два слѣдующихъ перелета мы достигли Филе съ его многовѣковыми раз-

валинами. Дѣдушка Долгоносъ такъ ослабѣлъ, что на первомъ перелетѣ отсталъ на нѣсколько часовъ. Ради него мы должны были сдѣлать невходящую въ наши разсчеты дневку. Здѣсь же, прибывъ къ Филе, старикъ безпомощно опустился на землю и положительно отказался продолжать совмѣстное путешествіе. Грустно провели мы весь вечеръ вокругъ нашего умирающаго бывшаго вождя и опытнаго руководителя. Долгоносъ лежалъ какъ разъ у обломка, на которомъ мы прочитали его имя. Ночь была тихая и лунная... Шакалы жалобно завывали на томъ берегу, и краснѣли во мракѣ мигающія точки огоньковъ на рыбачьихъ лодкахъ.

Старикъ говорилъ намъ:

— Живите мирно, живите, не желая никому зла, а если вамъ кто сдѣлаетъ зло, не мстите. Помните, что всякая месть безсильна и не приноситъ утѣшенія. Никого не осуждайте, помня, что и вы всѣ способны на поступки, достойные осужденія. Держитесь всегда въ крѣпкомъ союзѣ. Союзъ—сила, и помните, что общественный долгъ и общее дѣло выше вашего личнаго. Любите,—любовь все... Единственно только любовь есть мать всѣхъ земныхъ радостей и наслажденій. Сила любви сильнѣе силы смерти, и если я умираю спокойно, то только потому, что въ предсмертныя мои минуты, когда вы будете далеко отъ меня, я съ любовью буду слѣдить за вами, живо представляя себѣ всѣ ваши радости возвращенія на нашу чудную, дорогую родину. Ко сну клонитъ!—прошепталъ онъ чуть слышно и смолкъ.

А къ разсвѣту, когда все было готово къ отлету, нашъ Долгоносъ лежалъ, вытянувъ прямо ноги, подогнувъ свою хохлатую голову подъ окоченѣвшее крыло, и тысячи черныхъ мурашекъ ползали по немъ совершенно безнаказанно.

Мы снялись молча, и весь перелетъ это печальное молчаніе не нарушалось ни разу. Вотъ и Каиръ. Вотъ и зеленыя равнины дельты Нила. Вотъ и чудная синяя полоса Средиземнаго моря. Прежнія впечатлѣнія возстановлялись сами собою; карта нашего путешествія рисовалась теперь совершенно ясно и отчетливо, только воображеніе наше забѣгало впередъ и впередъ, и мы уже, хладнокровно пробѣгая глазами всѣ эти знакомыя красоты востока, живо представляли себѣ наши кочковатыя болота, наши убранныя цвѣтами родныя кочки, съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ожидая конца путешествія. У Дунайскихъ

гирлъ легіоны премудраго Крыломаха разстались съ нами. Трогательно прощался старый главарь съ нашимъ папою; онъ говорилъ, будто предчувствуетъ, что это его послѣднее путешествіе.

— А знаешь, другъ мой,—говорилъ онъ,—когда присутствуешь при такой прекрасной, честной смерти, какою умеръ нашъ незабвенный Долгоносъ, такъ, право, самому умирать нисколько нестрашно.

— Ну, полно! — утѣшалъ его папа, — поживемъ еще и полетаемъ.

Но премудрый Крыломахъ былъ правъ, предчувствіе его не обмануло. Болѣе мы съ нимъ уже никогда не встрѣчались.

XXII.

Мы уже весело и бодро, по временамъ издавая радостные трубные звуки, неслись надъ темными еловыми лѣсами сѣвера. Былъ конецъ марта. Еще далеко не вездѣ сошелъ снѣгъ, но уже солнышко пригрѣвало изрядно. Только ночи были холодныя и по утрамъ порядочно морозило. Но съ каждымъ днемъ становилось все теплѣе и теплѣе. Вотъ и апрѣль съ своими шумно бѣгущими, вешними водами, съ первою зеленью, первыми цвѣтами подснѣжника... Уже недалеко осталось.

Радостное событіе предшествовало нашему возвращенію на родину.

Къ намъ присоединился новый журавль, тотъ самый плѣнникъ, о которомъ разсказывалъ Верхоглядъ. Онъ говорилъ, что такъ пріучилъ къ себѣ людей, что они оказали ему полное довѣріе и забыли подрѣзывать крылья. Всю зиму онъ провелъ въ тепломъ сараѣ, вмѣстѣ съ курами и другою домашнею птицею. Передъ весною о немъ вспомнили и онъ услыхалъ разъ страшное слово «ножницы», тогда онъ рѣшился бѣжать. Крылья его настолько подросли, что онъ могъ дѣлать невысокіе перелеты, достаточные однако, чтобы перелетѣть заборъ и даже крыши сосѣднихъ сараевъ. Онъ выбралъ удобную минуту и бѣжалъ.

Первое время онъ проводилъ въ сосѣднемъ ельникѣ, рискуя замерзнуть или умереть съ голоду; питаться ему приходилось изрѣдка, отрывая изъ-подъ снѣга замерзшія, почернѣлыя ягодки брусники, а то такъ и просто расклевывая павшія сосновыя шишки. Стало теплѣе, стало и сытнѣе. Крылья между тѣмъ все отростали и отростали; онъ могъ уже порядочно летать; практика

докончила дѣло. Сегодня утромъ онъ услыхалъ въ воздухѣ высоко надъ собою наши трубы, увидѣлъ насъ, почувствовалъ разомъ удесятерившіяся силы и догналъ первый треугольникъ.

— Вѣдь не прогоните-же меня вы, братцы? Примите меня, пока чужого, въ ваше общество,—просилъ онъ.

Ну, конечно, его приняли съ восторгомъ и нескрываемою шумною радостью. Встрѣча освободившагося плѣнника съ Верхоглядомъ была, поистинѣ, трогательна.

Еще два три усиленныхъ перелета, и мы, наконецъ, дома.

Мы въ этотъ день миновали Москву. Летѣли мы надъ нею ночью. Весь городъ, особенно церкви, были ярко иллюминованы огнями; тысячи народу окружали храмы, наполняя не только ихъ внутреннее пространство, но даже дворы и прилежащія улицы. Всюду теплились милліоны крохотныхъ огоньковъ и надъ всѣмъ этимъ стоялъ немолчный, знакомый намъ благовѣстъ колоколовъ. Это была ночь великаго праздника, и повѣрите ли, что мы, птицы, раздѣляли какъ будто радость и тихій миръ, царствовавшій въ эту минуту въ сердцахъ человѣческихъ.

Это былъ свѣтлый привѣтъ родины, торжество нашего возвращенія.

На третій день мы увидѣли на горизонтѣ Осташковскія болота... Наши кочки!

Мы неслись съ такою скоростью; я думаю, что съ большею, чѣмъ мы тогда удирали отъ налетавшей на насъ бури, и стали спускаться. Мѣста наши мы нашли далеко не въ такомъ прекрасномъ видѣ, какъ мы ихъ оставили. Было еще рано, снѣгъ только что сталъ, и бѣдная зелень чуть-чуть, кое-гдѣ пробивалась сквозь бурый, прошлогодній мохъ. Но съ каждымъ днемъ все принимало понемногу прежній живописный видъ, и мы, не теряя времени, принялись за устройство становища. Наше старое гнѣздо занялъ, по праву, папа съ своею новою женою. Я съ Черношейкою, выбравъ прелестную кочку, принялись устраиваться по близости. Верхоглядъ, съ моею сестрою, шагахъ не болѣе въ сорока отъ насъ. Работа кипѣла быстро и черезъ недѣлю гнѣзда были готовы, да такія, что прелесть! особенно наше. Я нечаянно наткнулся на кусокъ стараго войлока, должно быть забытаго пастухами, и, понемногу расщипавъ его на куски, перетаскалъ весь. Хватило вволю на устилку, даже можно было подѣлиться съ папа и Верхоглядомъ. Скоро въ нашихъ гнѣздахъ появилось по два прелестныхъ зеленовато-сѣ-

рыхъ съ бурыми крапинками яйца, и наши милыя подруги жизни мирно и покойно усѣлись на нихъ, вполнѣ обезпеченныя подъ нашею взаимною охраною.

Какъ незамѣтно прошло урочное время высидки! Помню, я разъ возвратился съ поисковъ за кормомъ и засталъ у себя въ гнѣздѣ двухъ пресмѣшныхъ, но дорогихъ сердцу птенчиковъ. Я тотчасъ же крикнулъ своему сосѣду Верхогляду:

— А у меня, братъ, на дому съ прибылью!—и услышалъ его, уже нѣсколько хрипловатое:

«Поздравляю!»..

АНДРОНЪ ГОЛОВАНЪ.

I.

Всю ночь бушевала снѣжная мятель, «пурга» по-здѣшнему; не затихла и къ утру, а, напротивъ того, съ разсвѣтомъ еще сильнѣе разыгралась.

Въ лѣсу въ такую мятель еще ничего, полъ-горя; густая чаща древесныхъ стволовъ, непролазныя дебри кустарныхъ зарослей защищаютъ путника отъ чудовищныхъ ударовъ разгулявшагося вихря, дробятъ волны снѣжныхъ шкваловъ, осаживаютъ ихъ у опушекъ высокими наметами; быстро выростаетъ этотъ спасительный валъ, принимая на себя новые, хлестко набѣгающіе наносы,—и если только Богъ поможетъ оплошавшему промышленнику, застигнутому непогодою на открытомъ мѣстѣ, добраться до такого вала, если сохранилось у него еще силъ преодолѣть это препятствіе, пробиться сквозь эту снѣжную, еще пока рыхлую, не слежавшуюся массу,—онъ спасенъ!.. Въ его ушахъ уже не раздается заунывный вой и разбойничій посвистъ злого вѣтра; его лицо не рѣжетъ, словно ножами, оледѣнѣлымъ снѣгомъ; его глаза уже видятъ, куда идти, какого направленія держаться; усталая, надорвавшаяся грудь дышитъ вольнѣе... Тихо, уютно въ темномъ, дремучемъ лѣсу, валитъ снѣгъ сверху, да только покойно; мягкія, бѣлыя звѣздочки ровнымъ слоемъ устилаютъ кочковатую мшистую почву, заваленную сплошь осеннею перегнилью, пожелтѣлою листвой, корявымъ, сухимъ буреломомъ; словно теплый паръ стелется по низу, синеватымъ туманомъ, инеемъ осѣдая на болѣе высокихъ вѣтвяхъ деревъ; отъ этой тишины, отъ этого относительнаго тепла клонитъ ко сну, одолѣваетъ неотвязная дремота измученнаго путника, и не боится онъ теперь этого сна, смѣло готовится къ ночлегу, выбираетъ корягу съ корневою ямою около, стаскиваетъ сюда сучья посуше, моху, листья,—черезъ минуту и огонекъ готовъ; весело потрескиваетъ красное пламя, перебѣгая съ сучка на сучекъ, коробя смолистую кору; шипятъ

отъ жару и словно плачутъ оледѣнѣлые прутья, а тамъ, гляди, и самая толща пня тлѣть начинаетъ... Такой костеръ уже безъ присмотра, разъ наложенный опытными руками, всю ночь прогоритъ, до самаго свѣта грѣть будетъ спящаго: заворачивайся только съ головою и съ ногами въ теплый волчій яргакъ, да и спи себѣ съ Богомъ, покойно.

Но горе, великое горе, тому, кто, захваченный пургою врасплохъ, не добредетъ до жилья, пріюта человѣческаго, не добредетъ до лѣса, пріюта всякой четвероногой твари; «желѣзный человѣкъ»—якутъ и тотъ не пытается даже бороться съ мятелью, переворачиваетъ свои легкія санки и ложится подъ нихъ, отдавая себя на волю Господню... Высокій снѣжный курганъ намететъ въ такомъ мѣстѣ, и, когда стихнетъ, уляжется непогода, случается, что и хватитъ у бѣдняги силъ выкарабкаться изъ-подъ снѣга, а то такъ и остается тамъ, вплоть до весны, когда солнце и теплые ливни растопятъ снѣгъ, раскроютъ его холодную могилу.

Опытные люди заблаговременно предвидятъ близость пурги,—и какъ только появятся на горизонтѣ ея грозные признаки, принимаютъ мѣры. Предвидя пургу, хозяинъ и скотину свою обережетъ, во дворъ загонитъ, собакъ даже припрячетъ и не гонитъ на улицу; варнаку-бродягѣ и тому дастъ пріютъ, не боясь исправничьяго наѣзда,—который сумасшедшій, не жалко своей головы, презирая мятель, самъ рвется въ путь, Христомъ Богомъ умолитъ такого не ѣздить, а оставаться. Торгашъ дворникъ за пріютъ и тепло не беретъ даже денегъ въ такую пору, только за харчи на счетахъ выкладываетъ — не задержать путника, дать ему выѣхать, силою не остановить, если больно упрямится, по-здѣшнему, значитъ принять великій грѣхъ на свою душу, самому себѣ впередъ такую же лютую смерть готовить. Таковъ уже обычай ведется по всей Сибири съизстари, и на нарушителя этого обычая люди смотрятъ, какъ на нехристя, чортова брата... Нѣтъ преступленія бо́льшаго—отказать путнику въ пріютѣ передъ пургою, хотя въ этой сторонѣ случаются и такіе путники, что, пожалуй, пріюта, жилья человѣческаго больше, чѣмъ самой пурги боятся, съ дороги, доброю волею, сворачиваютъ, завидя жилье, словно медвѣдь травленый, большой обходъ дѣлаютъ и боязливо косятся на привѣтливые дымки надъ трубами приземистыхъ избъ, тревожно прислушиваясь къ лаю собакъ въ той сторонѣ,

робко вздрагивая при каждомъ звукѣ, издалека долетѣвшаго, болѣе всего страшнаго человѣческаго голоса.

Такіе боязливые попадаются, впрочемъ, рѣдко,—они бываютъ только изъ тѣхъ, что плохо знаютъ русскій народъ и въ первый разъ пользуются своею краденою волею.

Вотъ и этотъ изъ такихъ, должно быть. Цѣлый день просидѣлъ онъ за кустами у самой опушки лѣсной; передъ нимъ разстилалась снѣжная, слегка волнистая, совершенно открытая мѣстность, только на горизонтѣ чуть-чуть синѣлись далекіе лѣса; къ тѣмъ лѣсамъ и надо было пробраться бродягѣ!.. Ну, какъ увидитъ кто на открытомъ мѣстѣ?! Тиха, безлюдна равнина, да дорога по ней змѣится, санная проѣзжая, не слишкомъ, положимъ, торная, безъ столбовъ верстовыхъ, а все-таки людьми проложенная, не медвѣдями,—медвѣжьихъ тропъ этотъ человѣкъ уже привыкъ не бояться и пользовался ими безъ страха и смущенія. Вела эта людская дорога по склону пригорка, пропадала за нимъ, а потомъ снова показывалась, поворачивая влѣво оврагомъ, снова всползала на верхъ и опять исчезала; и вотъ тутъ-то, въ этомъ самомъ мѣстѣ чуть чернѣлась разорванная цѣпью съ дюжину курныхъ избушекъ и покривившаяся колокольня старой деревянной церкви—это послѣднее обстоятельство болѣе всего пугало человѣка, засѣвшаго въ опушкѣ, въ чащѣ обезлиственнаго орѣшника.—Рѣшилъ онъ выждать ночи, когда стемнѣетъ, и разсчитывалъ, что за эту длинную, зимнюю ночь успѣетъ онъ незамѣтно пройти верстъ тридцать, а тамъ, къ утру значитъ, навѣрное, снова въ лѣсу очутиться, снова въ безопасности, до слѣдующей перебѣжки по открытому мѣсту...

Видѣлъ человѣкъ, что къ вечеру что-то странное стало твориться въ воздухѣ; багровымъ краснымъ шаромъ блеснуло солнце на самомъ горизонтѣ, въ эту минуту его только и видно было за весь день, заалѣли гребни холмовъ, словно червоннымъ золотомъ окрасились... Тихо, тихо стало кругомъ... каждый звукъ, самый легкій, далекій и тотъ отчетливо въ этой гробовой тишинѣ слышался... Верстъ за пять въ деревнѣ уныло завыли собаки, а кажется будто вотъ, вотъ тутъ, сейчасъ, за этимъ кустомъ, заголосили косматые сторожа.. Чуть видна по дорогѣ быстро двигающаяся, черная, двойная точка: то бѣгутъ саночки, запряженные маленькою, толстоногою лошаденкою, а скрипъ полозьевъ такъ и рѣжетъ ухо; чекнула подкова, за-

дѣтая на бѣгу о другую, словно въ колоколъ ударило; крикнулъ, погоняя, сѣдокъ, такъ и загудѣло по степи отъ этого выклика, и къ замирающему звуку его голоса присоединилось что-то другое, злобное, свистящее, словно какія-то невидимыя крылатыя чудовища заносились надъ снѣжною равниною, срывая мановеніемъ своихъ крыльевъ мелкую снѣжную пыль... Быстро погасли послѣдніе отблески багроваго золота—«закурилась степь», по мѣстному выраженію, а еще пока ничего, все кругомъ хорошо видно, не сплошь, а отдѣльными струями налетаетъ вѣтеръ, сорветъ снѣгъ съ открытаго гребня, покружитъ его немного и броситъ. Здѣсь уже опять тихо, а въ другомъ мѣстѣ опять кружится,—это и есть самые злые признаки, послѣдніе уже вѣстовщики свирѣпой пурги, подвигающейся съ сѣверо-востока.

«Пора!» думаетъ человѣкъ за кустами, беретъ свою суковатую палку, оглядывается еще раза два кругомъ и рѣшается, наконецъ, показаться изъ своего убѣжища...

Настоящая пора—его сразу хлестнуло сильнымъ порывомъ вѣтра, чуть съ ногъ не сбило и сѣрую шинель распахнуло;—странная эта шинель была у путника, совсѣмъ не по здѣшнему климату одежда—одно сукно, да и то чуть не все въ клочьяхъ, мѣху никакого не подложено, за то на спинѣ, ради украшенія, желтый квадратикъ былъ нашитъ, какъ разъ между лопатокъ, по самой серединѣ,—шапка на головѣ у человѣка была якутская мѣховая, на шеѣ намотанъ платокъ цвѣтной, на ногахъ штаны сѣрыя же, короткія, а самыя ноги—одна въ сапогѣ, а другая тряпьемъ обернута и веревочками перевязана; на этой-то ногѣ путникъ носилъ особое украшеніе, тяжелый браслетъ, съ болтавшимся на немъ одинокимъ звѣномъ желѣзной же цѣпи... Тяжелъ ли былъ этотъ браслетъ, или отъ другой какой причины, только путникъ шагалъ неровно, онъ все, именно эту, украшенную ногу оттягивалъ на ходу, сильнѣе наступая на другую ногу, лишенную украшенія...

Не старъ былъ этотъ человѣкъ, да и не особенно молодъ, борода курчавая, небольшая, носъ прямой—тонкій, глаза большіе такіе, темные, а вокругъ глазъ еще того темнѣе, щеки впалыя, блѣдныя, шрамъ свѣжій на одной изъ нихъ, должно быть на сучекъ въ лѣсу напоролся...

Хлещетъ путника вѣтромъ въ бокъ, хлещетъ съ затылка, бьетъ прямо въ лицо, а онъ все себѣ идетъ, приваливая на

одну ногу, и не боится онъ пурги, правда, еще только начинающейся; его даже будто радуютъ, тѣшатъ эти снѣжные порывы, быстро заметающіе за нимъ глубокіе слѣды его ногъ, и украшенной и неукрашенной...

И онъ все шелъ и шелъ.

Теперь онъ уже ничего не видѣлъ вокругъ себя—охваченный со всѣхъ сторонъ, разыгравшимся во всю свою силу, снѣжнымъ вихремъ. Сбился онъ съ пути, съ разъ взятого направленія, или нѣтъ, онъ уже не могъ сообразить... Онъ шелъ и только... Вся его задача была въ томъ, чтобы переставлять ноги и плотнѣе кутаться въ свою изодранную, сѣрую шинель... Всѣ его силы, вся энергія, всѣ мысли, казалось, сосредоточились на выполненіи этой единственной задачи.

Одинокій, затерянный въ хаосѣ сибирской пурги—этотъ человѣкъ пока еще шелъ.

II.

Лѣсъ, кругомъ лѣсъ, безъ конца, безъ просвѣта.

Вѣками растутъ эти колоссальные кедры и лиственица, и падаютъ, подкошенные своею старостью, а не топоромъ человѣческимъ. Рухнетъ, насквозь прогнившій, проточенный червемъ, уже потерявшій листву вѣковой гигантъ, застонетъ кругомъ отъ его паденія, тысячи молодыхъ порослей и побѣговъ раздавитъ его грузное, изрытое временемъ, поросшее косматымъ мохомъ тѣло,—не бѣда!.. Нѣтъ убыли лѣсу! Новыя тысячи зеленой молодежи, питаясь трупомъ прадѣда, вновь поднимутъ свои кудрявыя головки,—обовьютъ его, какъ вѣнкомъ, уберутъ, прикроютъ, нескоро и найдешь такую могилу.

Не на ровномъ мѣстѣ выросъ этотъ лѣсъ, съ горы на гору стелется его дремучая, непролазная чаща, прорѣзанная глухими оврагами, суходолами, топкими, гніющими болотами, частыми, споконъ вѣка проложенными тропами звѣриными, населенная обильно всякою живою тварью, гнѣздящейся и вверху, высоко въ этихъ кудрявыхъ, развѣсистыхъ кронахъ и въ дуплахъ корявыхъ стволовъ, и въ трущобахъ низовыхъ кустовъ, и въ мягкомъ коврѣ перегноя и мха, подъ корнями, далеко расползшимися, между собою перепутанными—не разберешь даже, какой корень какому дереву даетъ питаніе... Милліонами голосовъ стонетъ, звенитъ и переливается эта разнообразная жизнь, и въ этихъ звукахъ слышна не одна и та

же мелодія, нѣтъ—тутъ опытное ухо слышитъ и мотивы разсвѣта, и мотивы полуденнаго жара, и пѣсню вечерняго заката, и длинную колыбельную пѣснь глухой темной ночи... Тутъ слышны и звуки тревоги, гнѣва, кровавой борьбы—тутъ слышны голоса любви и мира... Рѣдко только, очень рѣдко раздается здѣсь голосъ человѣческій, а уже съ этимъ голосомъ, непремѣнно, какъ неразлучный спутникъ его, громовой ударъ ружейнаго выстрѣла...

Смотришь съ высокой горы на такой лѣсъ... Безъ конца, теряясь въ синевѣ небосклона, разстилается волнующееся море разнообразнѣйшей зелени, всевозможныхъ формъ и оттѣнковъ... Вонъ цѣлымъ обществомъ сплотились во-едино кудрявыя, мелкохвойныя лиственицы, усѣянныя золотистыми шишками; вонъ свѣтлымъ пятномъ, словно изумрудъ, горитъ на солнцѣ веселая береза, и сквозь кружева ея зазубренныхъ листочковъ просвѣчивается серебристо-бѣлый стволъ; а рядомъ гигантъ кедръ, выше всѣхъ головою—темный, такой угрюмый, не только внизъ, на то, что тамъ, подъ ногами—даже на вершины сосѣдей густую тѣнь стелетъ... Дальше, тамъ, гдѣ словно раздвинулся немного лѣсъ, окружая мокрую поляну, дрожатъ пепельно-зеленоватые листья осины, съ сѣрыми матовыми стволами, чернѣетъ извилистый сукъ, засохшій, расщепленный ударомъ молніи, а дальше опять пошла мѣшанина, всего понемногу, а за нею полосою идутъ развѣсистыя кроны сосенъ, краснѣютъ высокіе, прямые, какъ колонны, стволы, залитые душистою смолою,—и такъ все дальше и дальше, пока уже глазъ не можетъ различить подробностей въ этомъ вѣчномъ царствѣ растительнаго міра.

Хорошъ лѣсъ лѣтомъ, чуденъ и осенью, одѣтый золотомъ и пурпуромъ умирающей листвы, грандіозенъ и величественъ въ суровую зиму, покрытый серебрянымъ инеемъ и тяжелыми снѣговыми шапками.

Этотъ лѣсъ, о которомъ я теперь разсказываю — глухая тайга сибирская...

Въ концѣ зимы, въ началѣ марта,—время самыхъ свирѣпыхъ, налетныхъ мятелей и быстро наступающихъ за ними первыхъ признаковъ весны, туманныхъ оттепелей—по тропѣ, проложенной днищемъ глубокаго оврага, чуть замѣтно вьющейся въ концѣ кустовъ, шли два человѣка и съ ними кудлатая, остроухая, вертлявая собаченка, весело помахивавшая на ходу

своимъ пушистымъ, въ колечко свитымъ, хвостикомъ. Дѣло было рано утромъ, только-что разсвѣло; морозное, голубое небо просвѣчивало вверху; чуть слышно хрустѣлъ снѣгъ подъ мягкою обувью пѣшеходовъ; зато какъ колокольчикъ звонилъ, и разносился по лѣсу, подавленный эхомъ веселый лай собаченки.

Шедшій впереди былъ мужчина высокаго роста, широкоплечій, съ густою рыжею бородою, съ загрубѣлою, словно дубленою, кожею на лицѣ, изрытомъ и морщинами, слѣдами времени, и другими знаками, слѣдами былыхъ боевыхъ схватокъ. Большіе сѣрые глаза бородача смотрѣли сурово и пристально впередъ, словно пронизывая лѣсную чащу. Онъ шелъ твердою и быстрою поступью, не заботясь о своемъ спутникѣ, а тому не разъ приходилось вподбѣжку догонять своего товарища.

На головѣ у него была шапка мѣховая, изъ пушистаго лисьяго хвоста; одѣтъ онъ былъ въ косматомъ волчьемъ полушубкѣ, шерстью внутрь, шерстью и наружу; ременный поясъ съ тяжелою мѣдною пряжкою плотно стягивалъ его талію; за поясомъ сзади топоръ, за плечами сибирка-винтовка, «гранчатка», по здѣшнему, съ подогнутыми къ стволу подсошками; въ рукахъ крѣпкая вязовая рогатина, съ перекладиною и широкимъ ножемъ на концѣ, прикрученнымъ прочно къ древку сыромятными ремнями; на широкой спинѣ прилажены были на всякій случай пара якутскихъ лыжъ, неравно «оттеплетъ» такъ чтобы нога въ глубокомъ снѣгу не вязла; изъ мягкаго сапожнаго голенища выглядывалъ роговой черенокъ охотничьяго ножа, дополнявшаго вооруженіе рыжебородаго.

Другой спутникъ былъ ребенокъ лѣтъ десяти, одѣтый такъ же, какъ и его «батька», только оружія малому не полагалось, а волокъ онъ холщевую сумку съ ржаными лепешками и кускомъ вяленой оленины, и волокъ онъ эти запасы не на плечахъ своихъ, а на маленькихъ саночкахъ, которыя были захвачены, конечно, не съ такою только скромною цѣлью, а вѣрно для чего-нибудь другого, на всякій случай.

Странное впечатлѣніе производилъ своимъ видомъ этотъ ребенокъ, усердно старающійся не отстать отъ большого, и безъ того судьба наградила его большою головою, не по росту, а тутъ еще эта шапка косматая, на самыя уши надвинутая, словно не идетъ, а катится, подпрыгивая, этотъ живой, косматый шарикъ; и какіе глазенки были у этого шарика — темные, живые, точно у соболя, такъ и бѣгали они по сто-

ронамъ, веселымъ огонькомъ искрились. Ожиданіе чего-то, крайне интереснаго, выражалось въ этихъ глазахъ; съ дѣтскихъ губъ не разъ уже срывались нетерпѣливые, короткіе вопросы.

— Онъ теперь спитъ, батька? — запыхавшись говорилъ ребенокъ.

— Спитъ, — коротко отвѣчалъ батька, не оборачиваясь на ходу, мелькомъ не взглянувъ на спрашивавшаго.

— А мы его разбудимъ? — снова, помолчавъ, начиналъ ребенокъ.

— Разбудимъ!

— Онъ большой, батька, страш...шенный... зубища, вокакіе!.. лапы когтятыя!..

— А кто его знаетъ; должно, большой.

— А больше того, что прошлый разъ мы убили?

— Молчи!

Съ полчаса шли молча. Батька ни слова, сынишка тоже молчитъ, хоть и хочется ему снова начать свои разспросы; только собаченка зачуяла что-то подъ гнилой валежиной, снѣгъ лапами роетъ, визжитъ, заливается. Назадъ отскочила, припала на переднія лапы, оглянулась на путниковъ, а тѣ уже порядочно отошли. Подумалъ песикъ, повертѣлъ головою, приподнялъ заднюю лапку, тявкнулъ еще разокъ на прощанье съ валежиною и тѣмъ, что подъ нею пряталось, и пошелъ скачками догонять хозяевъ.

— Батька, а батька! Дай нонѣ я пальну... Ты его на рогатину примай, а я пальну.

— Дурный... — отвѣтилъ батька, и на этотъ разъ улыбнулся, пріостановился на ходу и смазалъ сына легонько рукою по шапкѣ. — Да ты, «головань», и винтовки въ рукахъ не удержишь.

— Что-жъ, она не тяжелая. Батька, а батька!.. а онъ ревѣть будетъ?..

— Зареветъ, небось!

— У, у, у! — потрясъ головою ребенокъ и глаза даже зажмурилъ, пытаясь подражать медвѣжьему реву.

— Молчи! — снова обрѣзалъ батька. — Смотри, у тебя Варнашка лепешки поѣстъ. Вишь, какъ санки обнюхиваетъ. Знай свое дѣло, береги провіантъ, медвѣжонокъ!..

— Медвѣжонокъ! — «Головань» весело засмѣялся. — Медвѣжонокъ о четырехъ лапахъ, батька!..

— А ты о скольких?

— Я-то?!.

Поглядѣлъ Голованъ на свои рукн, на ноги взглянулъ «и вирямь, думаетъ, четыре, только какже это?» Раздумье взяло ребенка, заставило его помолчать немного, а тѣмъ временемъ всѣ трое забрались въ такую чащу, что еле-еле продирался передній, прокладывая своими мощными плечами дорогу въ этой сплошной путаницѣ оледенѣлыхъ вѣтвей низовой заросли.

Долго они шли по такой дорогѣ, да и дороги уже не было, тропа далеко сзади осталась, цѣликомъ ломили, значитъ; раза два топоромъ приходилось прорубаться; часа два поработали этакъ, стало какъ будто просторнѣй.

Пріостановился большой, озирается, духъ затаплъ «Голованъ», Варнашка съ наскоку вбѣжала на большую, вывороченную бурею коряжину, а коряжина эта вся сучьями завалена, толстымъ слоемъ снѣга покрыта, только чуть, въ одномъ мѣстѣ, вровень съ землею, небольшая продушина чернѣетъ. Дыбомъ, щетиною поднялась шерсть на собачьемъ хребтѣ, захлебывается лаемъ Варнашка и сверху на эту самую продушину смотритъ.

— Горячится, собака проклятая,—процѣдилъ сквозь зубы большой.—Эй, Голованъ, уйди прочь, стань вонъ тамъ у сосны, да поглядывай, а близко не суйся.

— Я, батька...

— Уйди же ты, каторжный!..

Заторопился бородатый, сразу по куржаку *) на хворостѣ узналъ, что самъ дома. Теперь одна забота: какъ бы не выскочилъ до времени. Отмѣрилъ глазомъ девять шаговъ, шапку снялъ, перекрестился, наладилъ гранчатку, пороху на полку подсыпалъ, пальцемъ кремень ощупалъ, рогатина подлѣ, вотъ она, топоръ тоже въ снѣгу торчитъ, рукояткою кверху, чтобы во время схватиться было удобно. Готово!

И Варнашка понялъ, что готово, пуще принялся лаять, лапами рыться; поворачивается даже песъ отъ злости, такъ и рвется въ продушину; а Голованъ отбѣжалъ было по приказу отцовскому, а теперь опять близко подошелъ, шагахъ въ трехъ за отцомъ держится.

---

*) Куржакъ—иней, образующійся отъ дыханія медвѣдя у отверстія берлоги—у лаза.

— Бери его, бери!—покрикиваетъ бородатый на собаку; нырнулъ въ дыру кускомъ промерзшей, оледенѣлой коры. Крѣпко лежитъ хозяинъ, не хочетъ показываться.

— Бери его, бери!..

Словно мячикъ, кувыркомъ свернулся сверху Варнашка. Большая, темная масса разомъ раздвинула продушину, разметала сучья и ринулась на охотника. Гулко грянула трехчатка, да пуля пошла верхомъ, по самому темени хватила всколзь. Отъ могучаго удара когтястой лапы, рогатина подлетѣла кверху и въ снѣгъ тычкомъ ткнулась.

— Врешь, не уйдешь!—прохрипѣлъ бородачъ. Ножъ только у него въ рукахъ остался. И видитъ Голованъ, что оплошалъ на этотъ разъ батька. Возятся оба въ глубокомъ снѣгу, такъ и брызжетъ алая кровь, а чья, медвѣжья или человѣчья, не разберешь сразу, вѣрно и та, и другая.

Сгребъ ребенокъ топоръ въ обѣ ручонки; блѣдный, какъ снѣгъ, губа закушена, приноравливаетъ, какъ отца выручить, и ничего ему не страшно; онъ этого рева, что гудитъ по лѣсу, какъ будто и не замѣчаетъ. Задѣлъ его медвѣдь лапою, отлетѣлъ онъ кубаремъ шаговъ на пять, поднялся на ноги, опять къ медвѣдю, а тотъ уже недвижимъ лежитъ, рыломъ въ снѣгъ уткнувшись, только уши его круглыя чуть вздрагиваютъ, да вставшая дыбомъ шерсть медленно укладывается.

— Батька!—окликнулъ ребенокъ.

Чуть-чуть простоналъ батька подъ медвѣдемъ. И видны только отъ батька ноги въ сапогахъ да пола волчьяго полушубка...

— Батька... Батька!..

И стона уже больше теперь не слышно...

— Батька!..

Варнашка теребилъ медвѣдя сзади, такъ и впился въ него, околѣлаго, зубами, Голованъ тоже ручонками ухватился за мѣхъ, тащитъ. Не подъ силу ребенку такая тяга.

А кругомъ-то все выворочено, изрыто, весь снѣгъ въ крови, ручьемъ эта кровь рыхлый снѣгъ буравитъ. Воронье налетѣло, насѣли по сучьямъ и иней съ пихъ отряхиваютъ.

— Батька! батька!..—безъ устали, надрываясь, кричитъ ребенокъ, не плачетъ только, а дуетъ обоими кулаченками по неподвижной черной головѣ звѣря съ бѣлою проточиною посрединѣ, и голосъ его охрипъ, надорвался, уже не слышится

въ немъ ничего свѣжаго, дѣтскаго, такъ только вытье одно, на Варнашкино похоже.

Часъ прошелъ, другой уже къ концу близится; обезсилѣлъ Голованъ, припалъ на медвѣжью голову, то забудется на минуту, словно заснетъ, то снова очнется и звать своего батьку примется.

Темнѣть стало въ лѣсу, снѣговые хлопья сверху мягко падаютъ, тепло такъ стало; Варнашка уже къ санкамъ навѣдался, закусилъ и снова лаять принялся, забѣгая то спереди, то съ боковъ, то сзади, а Голованъ спитъ... Какъ онъ заснулъ, и не замѣтилъ. И не сонъ это былъ, а тяжелый обморокъ отъ волненія и крайней устали.

III.

Долго-ли, коротко-ли спалъ Голованъ, только слышитъ онъ, что Варнашка теперь уже его самого теребитъ зубами за воротъ и поворачиваетъ на самое ухо, да такъ жалостливо, боязно скулитъ песъ, будто чуетъ что-то недоброе.

Очнулся ребенокъ, дрожитъ весь отъ холода; промерзла напотѣлая рубаха. Темно кругомъ; стѣною, безъ просвѣта, надвинулись со всѣхъ сторонъ старыя сосны... Черная темень внизу; вверху, высоко-высоко, чуть теплится серебряная звѣздочка.

Дыбомъ встала шерсть на собакѣ, хвостъ словно прилипъ къ заду; не знаетъ на какую лапку ступить песикъ и къ мальчугану жмется, встать не даетъ на ноги.

А кругомъ слышно, какъ потрескиваетъ сухой валежникъ, лязгаютъ голодныя челюсти. Тамъ и сямъ въ густой чащѣ искрятся красныя искорки.

Понялъ въ чемъ дѣло Голованъ; видѣлъ и слышалъ все это не разъ, въ длинныя зимнія ночи, выглядывая въ крохотное оконце батьковой сторожки. Оробѣлъ малышъ, потому зналъ, чѣмъ дѣло кончиться можетъ.

— Падаль зачуяли, окаянные,—мелькнуло у него въ головѣ отцова поговорка.

Взвизгнулъ Варнашка, словно ошпаренный; въ два прыжка очутился у лаза берложьяго, мелькнулъ на мгновеніе его пушистый хвостъ въ темной дырѣ и скрылся, скатился туда же и Голованъ за нимъ,—да и въ самую пору. Завыло волчье

горло, другое подтянуло, тамъ третье, четвертое, черныя пятна вынеслись изъ кустовъ на поляну, одинъ съ разбѣгу черезъ медвѣдя издохшаго перемахнулъ и у самаго лаза острымъ рыломъ въ снѣгъ ткнулся. Въ мигъ собралось ихъ штукъ тридцать; которые сразу теребить «падаль» принялись, которые полукругомъ сѣли у берлоги и воютъ жалобно, задравъ морды кверху.

— Пронеси Господь, съ нами сила крестная...—шепчетъ Голованъ. Сложутъ, язва каторжная, моего батьку!

А въ глубинѣ берлоги ворчитъ и похрюкиваетъ что-то, да еще въ два голоса; какъ вскочили Голованъ съ собакою сюда, такъ и начали хрюкать, а то молча сидѣли, притаившись. Это были медвѣжата недѣльные, большеголовые такіе, коротенькіе. Одинъ бочкомъ, бочкомъ, по стѣночкѣ пробирается, глупъ малый, не соображаетъ, что страшнѣе, новые ли гости или тѣ, что у входа сидятъ. Добрался дуракъ до лаза, да какъ фыркнетъ вонъ и вздохнуть не успѣлъ, какъ только клочья отъ него полетѣли.

Трое остались въ ямѣ: Голованъ, Варнашка да другой медвѣжонокъ, сидятъ всѣ трое молча. Пробовалъ было Мишка царапнуть мальчика лапою, когда тотъ уже очень близко подобрался и ощупывать его началъ, да тотъ его кулаченкомъ по рылу, вотъ онъ и стихъ, смирился.

Цѣлую ночь пировали волки на полянѣ. Сквозь берложій лазъ видно было, что такое голодное звѣрье продѣлывало.

Рвали и теребили звѣри издохшаго медвѣдя, да стащить не могли съ мѣста, не потому, что не подъ силу было, а безъ толку дѣло дѣлали, въ разныя стороны тянули, елозятъ только медвѣжій трупъ по батькину тѣлу, да глубже его въ снѣгъ заталкиваютъ, трещитъ изодранная зубами медвѣжья шкура, хрустятъ его кости на волчьихъ зубахъ. Одинъ ледащій волченокъ, не пускаютъ его старые къ настоящему кушанью, такъ онъ поясъ ременный раздобылъ и гложетъ, прихвативъ его передними лапами, зубами о желѣзо лязгаетъ, должно быть пряжка попала. Жрутъ волки, давно знать такой добычи не видали! Иной отхватитъ шматъ медвѣжатины, въ сторону отбѣжитъ, къ кустамъ, да тамъ и заляжетъ озираючись. Тѣ, что лазъ сторожили, поодиночкѣ, одинъ за другимъ бросили къ чорту свою службу, да къ общему дѣлу пристали. Одинъ, въ суматохѣ, лапою напоролся на что-то, должно быть, въ снѣгу на косарь рогатный наткнулся, взвылъ, отпрыгнулъ

и лапу свою окровавленную сталъ зализывать; другой на него наскочилъ, да зубами за загривокъ, разодрались въ кровь, и еще къ нимъ пристали.

Адъ въ лѣсу, да и только! Сопятъ, визжатъ, воютъ, словно угорѣлые мечутся волки; стономъ стонетъ лѣсъ, птица, перепуганная, всполошенная шумомъ, порхаетъ, сѣрый сычъ загудѣлъ въ дуплѣ. Зубъ на зубъ не попадаетъ отъ страха у Голована, Варнашка насторожился, сидитъ теперь бодро; сюда молъ, не доберутся, а медвѣженокъ клубкомъ косматымъ забился въ уголъ, не разберешь въ этомъ клубкѣ, гдѣ голова, гдѣ лапы. И тепло какъ въ берлогѣ, привольно, мягко, такъ бы и не вылѣзъ отсюда. И спать хочется, и страхъ беретъ. «Пронеси Господь, съ нами сила крестная!».

И куда это ушли волки? было ихъ такъ много, а теперь ни одного нѣтъ. Слѣды на снѣгу ясно видны, утолоку сдѣлали страшную! Кругомъ, даже на пизахъ кустарника клочья шерсти, тряпье, все въ крови. И въ лѣсу свѣтло стало: вверху небо золотистое, межь стволовъ, за оврагомъ тоже яркимъ золотомъ просвѣчиваетъ. Варнашка изъ берлоги выскочилъ уже и ночные слѣды обнюхиваетъ. Оглодали медвѣжью тушу порядкомъ волки, ногу батькину, что видна была изъ-подъ нея, тоже. Воронъ что слетѣлось на эту красную, исковерканную «падаль», голосу иного не слыхать за ихъ карканьемъ. Вылѣзъ и Голованъ, по отцовской привычкѣ скребетъ ученкою свой затылокъ, думаетъ: «что же ему теперь дальше дѣлать надо?».

Только медвѣженокъ лежитъ себѣ, знай, клубкомъ, выглянулъ было разъ изъ-подъ лапы, да увидѣлъ человѣка съ собакою, и снова закрылся.

День насталъ морозный, солнечный; засверкалъ, заискрился серебромъ лѣсъ, словно въ нарядъ самый праздничный убранный; поднялось солнце уже высоко, добралось лучами своими и до этой утолоки окровавленной.

IV.

Ѣсть захотѣлось Головану, да такъ, что даже рѣзь въ животѣ почувствовалъ мальчикъ.

Отыскалъ онъ салазки,—волки ихъ въ кусты затащили; отыскалъ и котомку, порванную въ клочья. Былъ въ этой котомкѣ кусокъ мяса сушенаго,—волки съѣли; были еще ле-

пешки, тѣхъ волки ѣсть не станутъ,—претитъ имъ отъ хлѣбнаго; гдѣ жъ эти лепешки? не видать нигдѣ, сколько ни шарилъ по снѣгу руками Голованъ; затерялись, не найдешь, а можетъ, и Варнашка слопалъ,—успѣлъ таки песъ позавтракать, недаромъ онъ невинными такими глазами вверхъ поглядываетъ, словно его служба теперь такая, чтобы за воронами надзоръ держать.

А ѣсть очень хочется Голованю, да и морозъ не свой братъ, насквозь пробираетъ, хотя и тихо въ лѣсу, невѣрно. А дома тепло, дома у нихъ печка есть большущая, пузатая, жаркая—во какое! Какъ натопитъ, бывало, батька, такъ хоть рубаху снимай,—жарко!—Дома есть и мясо, и лепешки, и щи остались въ горшкѣ, съ капустою и грибами... щи эти хоть и холодныя теперь,—батька-то ихъ, передъ уходомъ, въ сѣнцахъ на полкѣ поставилъ, надъ дверями,—да ихъ разогрѣть долго-ли... Дома все есть!..

Такъ думалъ и соображалъ Голованъ и, надумавшись вволю, сталъ собираться домой, туда, гдѣ его ожидаютъ всѣ эти, соблазнительныя для голоднаго желудка, сокровища...

Батьку-то какъ же тутъ оставить?.. А вѣдь его не донести на рукахъ, самъ не пойдетъ, потому поколѣлъ... то, бишь, померъ, а можетъ, это медвѣдь померъ, а батька поколѣлъ... разница-то есть, а въ чемъ—не сообразишь; да впрочемъ все едино: поколѣлъ, померъ, одно слово, значитъ, теперь его нѣту... Вотъ какъ былъ у насъ большой бѣлый песъ,—звали его Полканъ,—здоровый песъ былъ,—разъ волка одинъ за шиворотъ сгребъ и въ избу къ намъ втащилъ,—да тоже поколѣлъ, и нѣтъ его. Полкашку батька тогда въ оврагѣ зарылъ, батьку также зарыть нужно, только какъ же его зарывать?! Вѣдь снѣгъ, земли нѣту, а батька Полкашку,—это хорошо Голованъ помнилъ,—въ землю зарылъ, а не въ снѣгъ, значитъ, и батьку въ землю надо—это значитъ послѣ, потому что послѣ снѣга опять земля будетъ, а послѣ земли опять снѣгъ, тамъ опять земля,—и когда земля бываетъ, тогда тепло и зелено все, а снѣгъ,—холодно и бѣло. А домой все-таки надо, тамъ щи и лепешки. «Варнашка, пойдемъ домой!»—закончилъ Голованъ свои размышленія, стоя надъ безобразною массою изуродованныхъ труповъ.

Забралъ Голованъ санки, уложилъ на нихъ отцовскую винтовку, топоръ, ножъ, весь снарядъ охотничій, что только по-

собралъ да отыскалъ въ изрытомъ снѣгу, потащилъ свой возъ, да тяжело, не подспулу пришлось; вотъ бы Варнашку запрячь на подмогу, да молодъ окаянный, не привыченъ къ такой работѣ; вишь! гоняетъ по кустамъ, словно очумѣлый; былъ бы Полкапъ, тотъ собака солидная, тотъ возилъ здорово; надо, видно, бросить санки до другого раза; надумано—сдѣлано. Затолкалъ Голованъ санки съ кладью въ медвѣжью берлогу, вспомнилъ и про ея жильца, что съ нимъ ночь короталъ,—какъ же его тутъ оставить? Вѣдь онъ тоже, чай, ѣсть хочетъ, самъ кормиться не можетъ; надо и его взять въ избу, на готовые харчи.—«Ну, ты, ворочайся! Идемъ съ нами косолапый!..»

Упирается косолапый, хрюкотню такую поднялъ, какъ его за уши на свѣтъ Божій поволокли, царапаться началъ; съѣздилъ его Голованъ раза два по мордѣ, долго возился, упарился возившись, а выволокъ таки, отвязалъ отъ саней веревку и намоталъ ее медвѣженку на шею; потянули друга милаго и какъ потянули: Голованъ веревку-то черезъ плечо себѣ перекинулъ, обѣими руками за конецъ взялся и тащитъ, а Варнашка сзади за штаны медвѣженка похватываетъ, прыти поддаетъ; тотъ бѣжитъ, обертывается, а все-таки впередъ подается. Съ часъ шли такъ, а потомъ присмирѣлъ звѣренышъ, попривыкъ, пошелъ вольнѣе.

Далеко пришлось идти до дому; труднѣе всего было оврагами да густолѣсьемъ на знакомую тропу выйти; спасибо, Варнашка пособилъ, тотъ дорогу лучше Голована помнилъ: какъ только видитъ песъ, что сбиваться начали, сейчасъ свою службу вспомнитъ, броситъ медвѣженка, отбѣжитъ впередъ, въ стороны помечется немного, сразу начуетъ дорогу и лаять примется:—иди, молъ, сюда прямо на голосъ.

Раза два отдыхать всѣ трое принимались. Великъ-ли день зимній, хотя бы и въ началѣ марта,—не успѣли и разглядѣть путники, какое-такое солнце бываетъ, а оно уже и спряталось за деревьями. Впрочемъ, всѣ трое на торный путь изъ трущобы засвѣтло выбрались—помогъ Господь! Еще пройти съ часъ—и дома будутъ... Вонъ видна на увалѣ старая сосна, громомъ разбитая; съ этою сосною поровняться да на горку взобраться, оттуда уже видны будутъ кедровники черные, а влѣво отъ пихъ—дичковая заросль, что по веснѣ, вся розовая, бѣлымъ цвѣтомъ покрывается; тамъ и избенка ихняя... близко, значитъ!..

А въ хорошемъ мѣстѣ пріютилась батькова избенка!

На южномъ, солнечномъ скатѣ оврага, въ гущинѣ дикихъ яблонь, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ кончается тѣнь отъ столѣтнихъ кедровъ, когда солнце, въ лѣтнюю пору, достигаетъ самаго высокаго мѣста на своемъ пути и отсюда уже начинаетъ клониться къ западу,—виднѣлась старая, поросшая мохомъ и травою, сѣрая крыша, а надъ нею черная, закоптѣлая, обуглившаяся даже труба, плетневая, густо смазанная глиною и снутри, и снаружи. Изба была въ одинъ срубъ, тепло замшена мохомъ; оконце выходило маленькое, всего въ полъ-аршина; и въ рамѣ, заклеенной бумагою, даже кусочекъ стеклышка вставленъ, чтобы видѣть было хорошо. Дверь была въ одинъ щитъ, на березовыхъ, крученыхъ петляхъ, и запиралась снутри колышкомъ; съ той стороны, гдѣ дверь, былъ еще полусрубокъ прилаженъ, въ родѣ сѣнцовъ выходило; надъ избою крыша на два ската, а надъ сѣнцами въ одинъ, навѣсомъ; изъ сѣней тоже дверь наружу, потяжеле и покрѣпче и на желѣзныхъ петляхъ, а запоромъ у этой двери служилъ большой брусъ и закладывался этотъ брусъ тоже въ желѣзныя петли,—такую дверь не выломаешь сразу, какъ ни надсѣдайся. Внутри избы больше половины всего мѣста занимала печь, обыкновенная русская, только не изъ кирпичей сложенная, а глинобитная, безъ лежанки и съ покатымъ верхомъ; между печью и стѣною полати для спанья изъ плетня ивоваго и мохомъ сухимъ настланы; надъ палатями, на стѣнѣ, на колкахъ вся охотничья снасть развѣшена; подъ палатями двѣ кадки для запасу и ларь самодѣльный изъ горбылей, глубокій такой: какъ, бывало, Голованъ залѣзетъ туда, чтобы достать со дна, что надо, такъ безъ отцовской подмоги назадъ не выберется. У окошка, въ переднемъ углу, столъ, доска на двухъ пняхъ, и другая доска пониже—скамейка, а на дворѣ, подъ окошкомъ, тоже такая-же скамейка прилажена снаружи; въ переднемъ углу—черная, закопченная доска и на ней два пятна посвѣтлѣе: батька все крестился на эту доску, когда куда въ дорогу собирался... Въ сѣняхъ жерди протянуты, и на жердяхъ, на распялахъ шкуры сушились. Около сѣней, къ стѣнѣ самой навалена была куча хворосту, чтобы топливо подъ рукою было. Шагахъ въ десяти отъ избы, пониже ко дну оврага, гряды отецъ выкопалъ, сажалъ что-то, да ничего путнаго, кромѣ крапивы, не выросло; а еще ниже,

на самомъ днѣ—ключъ билъ, родникъ, и такой бойкій, что зимою, въ самые страшенные морозы не замерзалъ—обледенѣетъ весь, сосульками уберется, а все бьетъ живая струя и паръ отъ нея по дну оврага стелется.

Въ эту-то избу и добрались наши путники втроемъ, въ ту самую пору, какъ только въ лѣсу путемъ темнѣть начало.

Зналъ Голованъ, какъ надо отворять тяжелую сѣнную дверь,—онъ вѣдь всегда отворялъ ее своему батькѣ: взобрался онъ на кучу хвороста, оттуда на плоскую крышу, тамъ жерди пораздвинулъ, внизъ спустился, стащилъ брусъ съ петлей—ну, и готово! пожалуйте, милости просимъ!

Расхозяйничался Андронъ на славу. Первымъ долгомъ «косолапаго» въ ларь запряталъ—сиди, молъ, тамъ смирно! Затѣмъ ототкнулъ затычку, что въ трубѣ была, хворосту сухаго натаскалъ въ печь, досталъ огниво отцовское съ полки, огонь высѣкъ, растопилъ мигомъ, такъ что даже паръ повалилъ отъ нахолодѣвшихъ бревенъ сруба; досталъ и горшокъ съ полки надъ дверями и въ самый огонь сунулъ... Варнашка тоже помогать хотѣлъ, все подъ ногами вертѣлся да по угламъ нюхалъ, на заднія лапки поднимался и въ ларь норовилъ заглянуть, когда туда Мишку засадили:—какъ, молъ, тамъ устроился жилецъ на новой квартирѣ?..

А уже ночь настоящая настала; красная полоса свѣта легла изъ оконца вдоль по снѣгу, до самыхъ яблонь-дичковъ дотянулась... Досталъ Голованъ лепешекъ; немного ихъ, однако оказалось, всего штукъ десятокъ;—одну самъ закусилъ, другую Варнашкѣ, а третью медвѣженку въ ларь бросилъ; только не ѣстъ тотъ, церемонится; и здѣсь, какъ и въ берлогѣ, въ уголъ забился и въ клубокъ косматый свернулся.

Обжегся Андронъ Голованъ, какъ хватилъ изъ горшка первую ложку щей,—не торопись, значитъ, ѣшь полегоньку, степенно, какъ батька, бывало, ѣдалъ: возьметъ ложку, хлебнетъ, откуситъ хлѣба, ложку на столъ положитъ, ѣдко прожевываетъ... Такъ и Голованъ началъ ѣсть, по примѣру отцовскому...

V.

Не такъ, чтобы уже очень давно,—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Голованъ началъ сознавать самого себя и все то, что вокругъ него дѣлалось, онъ видѣлъ и зналъ только своего

батьку, эту самую сторожку, — въ томъ самомъ видѣ, какъ она и теперь была,—лѣсъ кругомъ, эти кедры, эти яблоньки-дички, этотъ родникъ, стараго кобеля Полкашку, покойника уже, и щенка Варнашку, успѣвшаго уже превратиться въ здоровую мохнатую собаку-сибирку.

Все это облеклось передъ нимъ въ образы опредѣленные и вполнѣ сознательные, даже изученные имъ до нѣкоторой степени. Все остальное или не существовало для него вовсе, или же рисовалось въ его воображеніи въ самыхъ неясныхъ, туманныхъ очертаніяхъ.

Батька, это большой такой человѣкъ, больше всего живого, что только видѣлъ Голованъ въ лѣсу, за исключеніемъ развѣ медвѣдя, да и то, когда тотъ на дыбки станетъ; волоса у батьки и борода рыжіе,—совсѣмъ такіе, какъ шерсть у лисицы лѣтомъ,—шапка мѣховая, съ наушниками, рубаха бѣлая,—а иногда и красная,—короткій полушубокъ, высокіе сапоги съ гвоздями,—самыя головки шкурою обернуты и ремнями у щиколотокъ прикручены. У батьки есть двѣ винтовки, обѣ грапчатки; одну онъ съ собою бралъ, а другая все время на своемъ мѣстѣ виситъ безъ дѣла; батька говорилъ ему, что та была несчастливая винтовка... Голованъ не разъ уже спрашивалъ у батьки: «зачѣмъ несчастливая?» да батька не говорилъ, ругался только каждый разъ на такой вопросъ.

Батька каждый день уходилъ изъ избы, а иногда и по нѣсколько дней пропадалъ; его, Голована, тогда запиралъ дома и строго-настрого не приказывалъ огня разводить въ печи... Провіанту Голованъ отпускалось въ такіе дни готоваго, и Полкашка уходилъ съ батькою, а Голованъ сидѣлъ и ждалъ... Когда батька возвращался, Голованъ еще издалека слышалъ его приближеніе.

Батька всегда свисталъ громко, — такъ громко, что какъ только прокатится по лѣсу отцовскій посвистъ, такъ даже всѣ птицы въ яблонникѣ перестанутъ чирикать, примолкнутъ.

Первымъ подбѣгалъ къ двери Варнашка и лапами началъ царапаться; песъ съ одной стороны просится, скулитъ, а ребенокъ съ другой толчется и кричитъ:—Ба-а-а-атька!

А батька его никогда съ пустыми руками домой не возвращался, всегда что-нибудь да притащитъ: то лисицъ пару, то кабана приволочетъ на салазкахъ или на еловыхъ вѣтвяхъ, то козу дикую; маленькихъ еще звѣрьковъ приносилъ часто и птицу разную.

Сейчасъ разспросы пойдутъ:—что за звѣрь, да какъ его батька добылъ?..

Батька всегда охотно говорилъ объ этихъ дѣлахъ; сынишкѣ разсказывалъ такія хорошія вещи, такія занятныя, что послѣ его разсказовъ всю ночь Голованю не спится и чудеса мерещатся.

Батька печь растопитъ, поѣсть сваритъ, добыча на полу лежитъ, посреди избы, около добычи Полкашка, клубкомъ свернувшись, и Голованъ съ другого бока, а батька разсказываетъ... Отрывисто говоритъ, словно сердится что-то,—нѣтъ-нѣтъ, да черезъ слово-другое и выругается, а занятно выходитъ, такъ-бы и слушалъ все, безъ конца, безъ передышки!

Много узналъ диковинъ Голованъ изъ разсказовъ отцовскихъ. Всякаго звѣря—лапку только покажи ему, хоть хвоста кончикъ,—сразу узнаетъ... Зналъ онъ и изюбря, и лося, и рысь—кошкую злую, хитрѣйшую, и хорька, и бѣлку, и глухаря птицу, и корсака, и россомаху, и куницу, и курну, и барсука—острорылаго землекопа; соболя только два раза видѣлъ...

Отецъ тогда шибко ругался, доволенъ былъ, значитъ, уже очень. Голованъ даже слова его помнилъ, какъ онъ говорилъ, держа звѣрька за переднія лапки и помахивая мягкимъ, пушистымъ хвостомъ по лицу ребенка.

— Эхъ, рѣдки стали, подлецы! — говорилъ батька.—Это, братъ, что?! понюхай-ка! знаешь, чѣмъ пахнетъ? Не знаешь!.. то-то, дуракъ! — Коли бы на день да по такой штукѣ, — да что на день, на недѣлю бы пришлось такъ...

Тутъ батька только рукою махнулъ и отвернулся, не договорилъ дальше...

Это все очень хорошо Голованъ помнилъ.

Разъ, только разъ всего, приходили сюда еще двое, такихъ точно, какъ батька, видомъ: и одежа такая, и росту такого же, и тоже съ винтовками; собакъ только, какъ Полкашка съ Варнашкою, съ тѣми не было. Откуда пришли эти двое—Голованъ не зналъ, куда ушли—тоже.

Когда они пришли, батьки дома не было. Голованъ одинъ сидѣлъ въ избѣ, взаперти, по обыкновенію, и очень испугался, завидѣвъ гостей въ окошко,—такъ испугался, что забился въ уголъ, подъ шкуры, и примолкъ, не отозвался, когда тѣ кричали и дверь трясли изо всей мочи.

Ребенокъ помнилъ, что пришлецы Максима звали какого-то; послѣ уже, когда батька вернулся, Голованъ узналъ, что батька-то и есть этотъ самый Максимъ.

Когда всѣ трое вошли въ избу, гости въ уголъ взглянули, подъ крышею, гдѣ доска черная съ свѣтлыми пятнами висѣла, и что-то руками сдѣлали, этакъ на крестъ, ото лба на животъ, отъ одного плеча на другое. Батька тоже дѣлалъ это иногда, да Голованъ не зналъ—зачѣмъ, а теперь, когда и другіе сдѣлали, онъ понялъ только, что должно быть такъ и надо, и самъ принялся за то же. Батька ничего про это ему не разсказывалъ и не объяснялъ, а тотъ и не спрашивалъ... Только съ этого времени черная доска получила для ребенка какое-то особенное, полное таинственности значеніе; онъ даже сталъ пугаться этихъ, расположенныхъ треугольникомъ, свѣтлыхъ, словно протертыхъ чѣмъ-то, пятнышекъ, особенно когда приходилось оставаться одному, глазъ-на-глазъ съ этою загадочною доскою.

Съ тѣхъ поръ, какъ ушли эти двое, никто больше не приходилъ, то-есть не то, чтобы вовсе никто,—приходили волки зимою, чуть не каждую ночь, и выли, глядя на жилье; разъ даже хорекъ подрылся въ сѣни: — такихъ только, на батьку похожихъ, никого не приходило.

Батька звѣря и птицу приносилъ изъ лѣсу, а муку, изъ которой они лепешки пекли, масло жидкое, зеленое, соль и еще воду какую-то, горькую, прегорькую, изъ села. А что такое это село, Голованъ, не зналъ,—зналъ только, что гдѣ-то очень далеко; потому что, когда батька приносилъ вышесказанные предметы, то всегда дней пять, а то и больше не былъ дома. Приходилъ всегда сердитый и на вопросъ Голована: «а гдѣ это, батька, село?»—недобрымъ голосомъ, даже съ предварительной затрещиною, отвѣчалъ:

— А тамъ, куда тебѣ и носа своего совать не зачѣмъ...

Ну какъ же тутъ его разспрашивать о селѣ,—похоже ли оно на лѣсъ или на что-нибудь другое?..

Годъ тому назадъ онъ узналъ только дорогу, по которой можно было попасть въ это таинственное село. Это было тогда, когда батька сталъ его иногда брать въ свои походы. И то Голованъ узналъ далеко не все, что слѣдовало.

Разъ они долго-долго шли по лѣсу, ночевали два раза и

огонь тогда разводили. Сперва шли знакомыми для ребенка мѣстами, а потомъ свернули такимъ глухимъ мѣстомъ, что ину пору батька топоромъ прорубался; на третьи сутки мелколѣсье пошло, за большимъ оврагомъ, гдѣ протекалъ сердитый ручей и каменья большущіе лежали, вывороченные. Шли они все на моховую сторону, то-есть на ту, съ которой деревья наиболѣе опушены мохомъ, значитъ, на сѣверъ. Выбрались они, наконецъ, на широкую тропу, и ужъ эта тропа вывела ихъ вовсе изъ лѣса.

И вотъ, видѣлъ тутъ Голованъ диковину—большую, большую гору, совсѣмъ голую,—ни одного-то на ней кусточка,—и поднималась эта гора безъ конца, въ самый край неба упиралась. Здѣсь батька велѣлъ Голованю сидѣть и его дожидаться и изъ кустовъ на опушку не вылѣзать,—а самъ пошелъ прямо на гору, все меньше и меньше становился, наконецъ, совсѣмъ сталъ — одна точка, съ муху величиною и спрятался.

Хотѣлъ было и Голованъ пойти по отцовскимъ слѣдамъ, да побоялся. Разстались они рано, рано утромъ, всю ночь шли передъ этимъ, а вернулся батька, когда солнце уже совсѣмъ сѣло, и принесъ мѣшокъ муки, другой мѣшочекъ поменьше, что-то въ синюю бумагу завороченное и бутылку воды горькой, а четыре шкуры, что съ собою взялъ, не принесъ—должно быть, въ этомъ самомъ селѣ оставилъ.

Вотъ все, что зналъ Голованъ о селѣ.

У Голована и мать была; только страшная мать, совсѣмъ не такая какъ у другихъ бываетъ.

Вотъ у медвѣженка, напримѣръ, тоже мать была—медвѣдица большая, что батьку задавила. Не разъ случалось батькѣ козъ убивать съ дѣтенышами,—тоже матокъ значитъ,—свиней съ поросятами; одну убили разъ такую, что батька у нея изъ живота повынималъ поросятокъ, крохотныхъ, голенькихъ еще... сколько гнѣздъ онъ видалъ, даже тутъ близко въ яблонникѣ: сперва яички тамъ, а послѣ птенчики пойдутъ; и мать у нихъ есть и отецъ,—мать сѣренькая, а отецъ покрасивѣе, или желтый весь, или съ хохломъ, или съ грудкою красною, какъ ягодка на кустахъ. Подъ самою крышею у нихъ даже есть такое гнѣздо, и каждую весну сидитъ въ немъ матка-самочка; а у него не такая мать, совсѣмъ особенная. Она тамъ, по ту

сторону ручья, подъ старою сосною лежитъ. Глядѣть, такъ просто куча земли, на муравьиную издали похожая, поросшая густымъ бурьяномъ, а надъ этою кучею два бруска, крестъ-на-крестъ гвоздемъ сколоченные... вотъ и все!..

Батька ходилъ сюда съ нимъ вмѣстѣ и его одного отсылалъ. Это бывало обыкновенно послѣ того, какъ батька, не ходя на охоту, цѣлый день просиживалъ на порогѣ молча и все изъ бутылки горькую воду прихлебывалъ... Сдѣлается такой страшный, глаза покраснѣютъ, шататься начнетъ, когда встанетъ на ноги, и руками за все хватается. Вотъ тогда и пойдутъ за оврагъ.

Придутъ, бывало, отецъ постоитъ молча съ минуту, насупится, брови сдвинетъ, а шапку объ земь ударитъ—потомъ зареветъ, какъ волкъ, завоетъ, ляжетъ грудью на кучу и землю цѣлуетъ, а рукою все со лба на грудь, съ одного плеча на другое.

Его, Голована, тоже заставитъ землю цѣловать...

— Тебя, волченокъ, родила, сама погибла,—сказалъ онъ разъ ему въ такую минуту и такъ зло поглядѣлъ на него, что ребенокъ испугался и въ кусты спрятался; а послѣ все прошло. Послѣ того всякій разъ батька ласковѣе на сына поглядывалъ, по косматой головенкѣ гладилъ его; спать ложился, спалъ долго, все метался и говорилъ что-то во снѣ,—не разберешь что, какъ будто звалъ кого-то; а на другой день все проходило, все начиналося по старому... до новаго посѣщенія.

Какъ только отецъ останется дома и за бутылку съ горькою водою возьмется, такъ уже Голованъ и зналъ, что пойдутъ они за оврагъ, къ матери, и все, что за этимъ должно слѣдовать.

Вотъ какая мать была у Андрона Голована.

VI.

Съ мѣсяцъ прошло времени, какъ сталъ жить одинъ Голованъ безъ своего батьки.

Медвѣженокъ уже попривыкъ къ своему новому положенію, пересталъ быть дикаремъ, огрызаться да царапаться. Теперь онъ уже на заднія лапы становился и изъ ларя выглядывалъ съ любопытствомъ, безъ всякаго страха осматривая все, что только въ избѣ дѣлалось. Варнашка надзоръ имѣлъ за молодымъ звѣренкомъ самый строгій и совсѣмъ вонъ изъ ларя вылѣзать не дозволялъ... Запахъ такой пошелъ отъ Мишки по

дому, крѣпкій, какъ вотъ въ берлогѣ бываетъ и около нея, когда къ лазу на вѣтеръ подходишь...

Мало-по-малу стали привыкать Головань съ Варнашкою къ своему одиночеству, а то сначала тяжело было обоимъ и страшно даже, особенно ночью.

Собака иногда по цѣлымъ часамъ выла и бѣгала куда-то надолго, по старымъ слѣдамъ... Головань или въ избѣ, или около держался, поблизости,—боялся все одинъ отлучаться далеко отъ дому.

Еще до свѣта, рано утромъ, по старой привычкѣ просыпался Головань и первымъ дѣломъ огонь разводилъ въ печи. За ночь въ избѣ становилось холодно, и даже бѣлый иней проступалъ на замшенныхъ бревенчатыхъ стѣнахъ, особенно у окна и въ углу, гдѣ висѣла доска темная. Труту и сухого корья было запасено вдоволь еще батькою: живо разгорались дрова въ печи, свѣтло становилось въ избѣ, весело трещало красное, живое такое пламя. Просыпался Мишка, ворчалъ и лѣзъ на дыбки; просыпался Варнашка, потягивался, оттягивалъ назадъ то одну лапу, то другую, махалъ своимъ хвостомъ и царапался въ дверь, озираясь на молодого хозяина: «выпусти, молъ, дѣло есть важное!» Черные тараканы за печью, усатые такіе, тѣ не любятъ свѣта, тѣ сейчасъ бѣготню подымутъ суетливую и по щелямъ прячутся... Начинаетъ Головань свое хозяйничанье.

Заботливый батька наготовилъ провіанту довольно: три окорока медвѣжьихъ, кабаньихъ штукъ пять, сушенаго мяса, тонко рѣзаннаго, въ ремни скрученаго,—вязка, только поднять подъ силу; осталось еще и муки не мало, соли, даже воды горькой въ бутылкѣ, да она теперь уже не требуется; попробовалъ было ребенокъ этой воды, изъ любознательности, да потомъ цѣлый часъ плевался; Мишкѣ далъ, такъ тотъ ничего, даже облизываться началъ и опять потянулся рыломъ за прибавкою.

Стряпня Голована была незатѣйлива: отрѣжетъ мяса вяленаго, положитъ въ горшокъ, нальетъ воды—и въ огонь: какъ пойдутъ поверхъ пузыри, забулькаетъ черезъ край, значитъ готово—тащи назадъ и ѣшь на здоровье. Варнашка его стряпнею не брезгалъ. А вотъ лепешки ему не удавались сначала: и помнитъ онъ хорошо, какъ ихъ батька изъ муки дѣлалъ, а не такъ выходило,—то уголь углемъ вытащитъ изъ печи, то совсѣмъ какъ будто и въ печи не были,—сырыя; а то и такъ

бывало: съ одного боку черно, даже дымъ идетъ, а съ другого—одно тѣсто комковатое. Впрочемъ, ѣсть можно было. Мишка лепешками тѣми пробавлялся; что не доѣстъ, въ уголъ ларя запрячетъ и прикроетъ чѣмъ ни попало, чтобы никому постороннему незамѣтно было.

Цѣлый день возится Голованъ, то въ избѣ по хозяйству, то въ сѣняхъ, то на дворѣ; Варнашка отъ него ни шага,— вмѣстѣ разговоръ ведутъ и отлично понимаютъ другъ друга; когда близко что-нибудь недоброе подбирается, собака первая зачуетъ и вѣсть дастъ: ея лай, вытье, злое рычаніе, маханье хвостомъ, дыбомъ шерсть на загривкѣ, все это было ясно Голованову; изъ всего этого слагались цѣлыя сложныя понятія, цѣлыя представленія для ребенка; даже сравнительно бѣдные способы подобныхъ выраженій у медвѣженка-мишки, и тѣ скоро поняты были Голованомъ, и мохнатый, подростающій на славу, косолапикъ, скоро сроднился съ мальчикомъ, пересталъ быть существомъ ему чуждымъ, отвѣтивъ на привязанность молодого хозяина такою же сильною, если даже не сильнѣйшею привязанностью. Всѣ трое сдружились и составили семью, хотя и нѣсколько оригинальную, но, навѣрное болѣе прочную и вѣрную, чѣмъ многія, исключительно, человѣческія семьи.

Приходилось Голованову отлучаться, если и не очень далеко, то все-таки на столько, чтобъ часа на два, на три не возвращаться: мальчикъ бралъ съ собою Варнашку, а Мишка оставался взаперти; помня, въ подобныхъ случаяхъ наставленія батьки, Голованъ слово въ слово передавалъ эти наставленія медвѣженку, и тотъ понималъ: понималъ, впрочемъ, только, что послѣ этой рѣчи ребенокъ уйдетъ и вернется не скоро. Мишка, слушая наставленіе, понятно, скучалъ и угрюмо пряталъ свою, широкую во лбу и заостренную книзу, морду, между передними лапами.

Въ одну изъ такихъ отлучекъ, медвѣженокъ и вылѣзъ въ первый разъ изъ ларя, конечно, самовольно, за что и былъ наказанъ судьбою. Звѣрь поднялся на дыбки, уцѣпился лапами, сталъ карабкаться и перевѣсилъ тяжелый ларь; значитъ, и въ мишкѣ за это время вѣсу прибыло достаточно—ларь качнулся на-бокъ, мишка ткнулся рыломъ сразмаху объ полъ, поднялъ ревъ страшный и заметался по избѣ, сперепугу сворачивая съ мѣста скамьи и все, что на пути попадалось. Всѣ эти препятствія еще болѣе пугали медвѣженка; онъ шарахнулся въ

двери,- вышибъ ее плечомъ и очутился въ сѣняхъ; тамъ, вверху, подъ крышей, сіялъ лазъ, гдѣ просвѣчивало сѣрое небо и колыхалась вершина сосѣдняго дерева. Мишка туда, цѣпляясь когтями по срубу, что по лѣстницѣ, выбрался на крышу, распугалъ, въ свою очередь, воронъ и голубей, да тамъ и засѣлъ, не рѣшаясь уже спуститься внизъ, ни опять назадъ въ темныя сѣни, ни по кучѣ хворосту и бурелому на наружный дворикъ; тутъ его, на крышѣ, и нашли вернувшіеся Головань съ Варнашкою и на прежнее мѣстожительство водворили, только уже не въ ларь, а держали на свободѣ.

VII.

Теплѣе и теплѣе становилось съ каждымъ днемъ.

Сплошные туманы, за ночь поднявшіеся въ лѣсу, такъ и не расходились до полудня, скрывая за собою всѣ окрестности. Густая сѣрая завѣса стояла въ воздухѣ неподвижно, навѣвая тоску и скуку на все живое. И не только опытный, зоркій глазъ промышленника, но и болѣе острое зрѣніе дикаго звѣря не въ силахъ было проникнуть за эту глухую завѣсу, хотя сколько-нибудь въ даль... Въ пяти шагахъ исчезала земля подъ ногами... Эти дичковыя заросли, съ ихъ молодыми темно-малиновыми отпрысками, этотъ серебристо-матовый ивнякъ, эти черные кедры, залитые смолою, поросшіе клочьями сѣдого моха, все это скрылъ за собою туманъ... Жутко, боязно, тоскливо становится человѣку передъ этою нѣмою, неумолимою стѣною; нѣсколько шаговъ впередъ и—тамъ уже все полно таинственности, неизвѣстности... Привычныя къ лѣснымъ походамъ ноги теряютъ свою увѣренность, исчезаютъ разстоянія, теряется мѣра, зрѣніе безполезно... Всѣ звуки лѣса иначе раздаются въ этихъ густыхъ, плотныхъ тучахъ паровъ и дико, фальшиво принимаются ухомъ промышленника... И въ такую пору, въ лѣсу, сильнѣе чувствуется страхъ полнаго отчужденія отъ всего остального міра, страхъ забытости, одиночества.

Сидитъ Андронъ Головань на порогѣ своей избушки и робко поглядываетъ на эти тяжелыя туманныя стѣны, надвигающіяся на него со всѣхъ сторонъ; настороживпись сидитъ съ нимъ и Варнашка и моргаетъ глазами при каждомъ звукѣ весенней капели... Сильнѣе забилъ бойкій родникъ въ оврагѣ, сюда доносится его живой говоръ, только не такой, какъ всегда, а

особенный—глухой такой, басистый, словно льютъ изъ ушата въ большую глубокую бочку. Грачи налетѣли, не видно ихъ, а тамъ, гдѣ-то, уже очень высоко, слышно ихъ гортанное карканье и тревожное хлопанье мокрыми крыльями... Что-то грузное пробирается кустами, за оврагомъ, трещитъ и ломится сухой буреломъ и валежникъ, носовой сапъ и словно вздохи ворчливые доносятся оттуда... и Мишка, заслышавъ эти именно звуки, завозился въ сѣняхъ, безпокойно озирается и нерѣшительно отвѣчаетъ на нихъ похожимъ сапомъ, похожими вздохами... Это онъ, значитъ, родича своего почуялъ, тоже косолапаго, которому, должно быть, шибко надоѣлъ его берложій постъ, и, зачуявъ тепло, рѣшилъ онъ выбраться оттуда раньше, чѣмъ слѣдуетъ по обычаю... Вотъ онъ и бродитъ теперь, на каждомъ шагу проваливаясь по самое рыло въ разрыхленный снѣгъ, мокнетъ въ колдобинахъ, рѣжетъ лапы объ ледъ, взломанный имъ же самимъ на лѣсныхъ лужахъ.

Раздрябли, размокли отъ этихъ весеннихъ тумановъ невылазные глубокіе снѣжные сугробы и наметы; нога по колѣно проваливается, а гдѣ и по поясъ увязнуть можно, если не совсѣмъ съ головою; на лыжахъ даже шагу ступить нельзя, и тѣ засасываетъ... Быстро таетъ толстая ледяная кора на бочагахъ, на болотахъ; пухнутъ, вздуваются мелкіе ручьи и ломятъ ледъ своими прибывающими водами...

Рѣки бушуютъ въ оврагахъ; и съ грохотомъ, съ плескомъ катятся ихъ грязныя, пѣнистыя волны, смывая все на пути, все, что ни встрѣтятъ въ своемъ бѣшеномъ напорѣ. Столѣтнія деревья, подмытыя въ корняхъ половодьемъ, клонятся, клонятся, исподволь сползаютъ, наконецъ, совсѣмъ,—и несетъ вешняя вода эти гигантскіе кедры и сосны, измалывая въ щепы ихъ вѣковые смолистые трупы...

Иные голоса, иные звуки оглашаютъ теперь таежныя дебри, и, покрывая собою весь этотъ вешній гулъ, изрѣдка проносится грозный раскатъ перваго весенняго грома.

Весна идетъ!

И въ эту глухую, заваленную снѣгомъ, промерзшую, непролазную, дикую тайгу—тоже забирается желанная гостья.

Въ такую пору человѣкъ въ лѣсъ не заглядываетъ: тамъ онъ ничего не найдетъ себѣ путнаго, а на смерть можетъ на каждомъ шагу натолкнуться. Въ эту пору и для звѣря на-

стаетъ бездорожье, и тотъ норовитъ, гдѣ бы выбрать мѣстечко повыше да посуше, чтобы выждать и пересидѣть эту бурливую пору.

Иной день выдастся красный; туманъ поднимется и исчезнетъ, словно разойдется весь въ воздухѣ, истреплется въ клочья, цѣпляясь въ кудрявыхъ вершинахъ лѣса; синее небо проглянетъ, колыхнетъ теплый вѣтеръ деревья, словно дождь польются съ намокшихъ черныхъ вѣтвей потоки воды; мелкая птаха зачирикаетъ весело, много ея уже весны ради налетѣло; а снѣгъ такъ и таетъ, такъ и убываетъ на глазахъ: по оврагамъ, на южныхъ склонахъ, на взлобкахъ уваловъ, на открытыхъ полянахъ уже давно чернѣютъ, разростаясь съ каждымъ часомъ, кочковатыя, поросшія прошлогоднею желтою травою, заваленныя мягкимъ ковромъ полой, гніющей листвы, проталины... Почки на ивнякѣ, на осинахъ, на мелкой заросли пухнутъ и лопаются, разнося въ воздухѣ смолистый, чудный такой запахъ весны и пробуждающейся жизни.

Но все-таки еще много пройдетъ времени, пока уляжется расходившаяся на славу весна, пока сбѣгутъ излишнія, все разрушающія воды, войдутъ ручьи въ свои законные берега, хотя немного просохнетъ разбухшая почва, окрѣпнутъ тропы, можно будетъ ступать по нимъ ногою человѣческою. Тогда уже все зелено кругомъ, тогда въ тѣневыхъ мѣстахъ, въ густой чащѣ широкихъ листьевъ, забѣлѣютъ граціозныя гроздочки бѣлыхъ, душистыхъ ландышей, словно голубыя звѣзды загорятся на солнцѣ подснѣжники, запестрятъ на скатахъ уваловъ желтые одуванчики и розовымъ цвѣтомъ одѣнутся дичковыя заросли. Тогда вылѣзутъ изъ своихъ берлогъ и остальные косолапые и жадно наваливаются на молодые побѣги травы пострѣла, желтовато-зеленою, сочною щетиною покрывающіе землю всюду, куда только ни доберется оживляющій лучъ весенняго солнца.

Истый промышленникъ не любитъ такого времени. «Красно-то красно, да не путевое»,—говоритъ онъ, и звѣрь худъ, совсѣмъ за зиму отощалый, и шерсть на немъ ни къ чорту не годится, клочьями лѣзетъ, гроша не стоитъ, да и бить его не годится, не по Божьему будетъ, потому онъ, весны ради, о потомствѣ думаетъ, старается; его убить теперь, все равно, что цѣлую семью уничтожить, это даже и неразсчетливо; въ такую пору промышленникъ сидитъ дома и къ охотничьей,

лѣтней порѣ сготовливается. Батька Максимъ, тоже вотъ, все сидѣлъ дома, гранчатки правилъ, чистилъ, вывѣрялъ, дробь раскатывалъ свинцовую, пули лилъ, снасть чинилъ,—и въ село не ходилъ даже за бездорожьемъ, а съѣстной запасъ на годъ заготавливалъ, чтобы на все лежачее время хватало бы.

VIII.

И вышла такая бѣда, что къ этому самому лежачему времени—именно съѣстного запаса и не хватило у Голована съ его сожителями.

Кормились они вволю—«своя рука владыка, мѣры не знала», да и Варнашка много кралъ изъ сѣней. Муку почти всю Голованъ истратилъ на лепешки своего издѣлія, а что осталось въ пересыпѣ, подъ полатями, такъ-то Мишка выскребъ дочиста, воспользовавшись отсутствіемъ хозяина и сторожа. Ужъ ругалъ его, ругалъ Голованъ за это, всѣ слова бранныя перебралъ, какія только у батьки перенялъ, были и такія слова, что и значенія ихъ не зналъ мальчикъ, а произносилъ и грозился избить «косолапаго» до полусмерти, а тотъ себѣ глядитъ на мальчугана да лапами рыло мучное обтираетъ и облизывается. Варнашка тоже было лаять принялся, да бросилъ,—вспомнилъ, должно быть, песъ, что и самъ въ такихъ дѣлахъ не чистъ; ну, да вѣдь бранью что возьмешь, запасы все-таки вышли, и добывать ихъ надобно.

Голованъ, однако, не особенно унывалъ при этихъ обстоятельствахъ. Вышли, такъ вышли! У батьки тоже не безъ конца тянулись, выходили, онъ тогда въ село сбирался, а Голованъ развѣ не можетъ пойти въ село?.. Страшно-то оно, точно что страшно, дѣло новое, совсѣмъ незнакомое, а пойти, отчего не пойти? пойти можно!

Мальчикъ уже разъ собрался идти, да чуть не потонулъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ въ лѣтнюю пору и признака воды не было, значитъ, надо было обождать, не время еще!

И вотъ, прождавъ еще съ недѣлю, кое-какъ прокормившись остатками и уложивъ въ котомку немного на дорогу, Голованъ собрался снова, крѣпко-накрѣпко заказавъ Мишкѣ-вору: «изъ дому ни шагу!»

Пустился въ путь Голованъ вмѣстѣ съ Варнашкою.

Ново и чудно казалось ребенку въ этомъ быстро-зеленѣю-

щемъ лѣсу; и собака чувствовала себя въ какомъ-то особенномъ, восторженномъ состояніи духа, какъ угорѣлая носилась въ разныя стороны, описывала круги, весело лаяла безъ толку и значенія; то принималась какъ будто искать что-то внизу, подъ кочками, взрывая лапами сырую землю, да такъ усердно, что клочья моха летѣли во всѣ стороны; то, задравъ морду кверху, пускалась вдогонку за птицами и, остановившись неподвижно на всемъ скаку, слѣдила за ихъ полетомъ своими живыми, разгорѣвшимися глазами...

И Головану не шлось тихо, степенно, какъ подобаетъ истому промышленнику, такъ вотъ его и подмывало пуститься бѣгомъ, взапуски съ Варнашкою... Крикнулъ ястребъ высоко, высоко, да рѣзко такъ, словно сталью по стеклу царапнулъ; Головань тоже перенялъ у него этотъ выкликъ, перенялъ, да и смолкъ, испугался самъ своего голоса, подхваченнаго лѣснымъ эхомъ...

Бойко, ходко подавались впередъ наши путешественники. До самаго полудня шли безъ отдыха. Внимательно оглядываясь, узнавалъ Головань знакомыя мѣста. Узналъ и вѣтлу старую, дуплистую, снизу обугленную. Здѣсь они разъ съ батькою кабана-дикаря палили, оттого и обуглилось... Вспомнилось это дѣло Головану, да такъ живо, такъ ясно, что ему даже померещился батька, съ пучкомъ горящаго смольняка наклонившійся надъ толстымъ, щетинистымъ трупомъ «лѣсовика-хрюкалы». Вотъ тутъ именно и было это дѣло: здѣсь батька, здѣсь онъ сидѣлъ, опорки у него еще развязались и онъ ихъ налаживалъ... Тутъ вотъ Полкашка лежалъ и мухъ зеленыхъ ловилъ рыломъ, чавкалъ все, а Варнашки съ ними не было, Варнашка еще махонькій былъ, онъ въ сѣняхъ въ кошолкѣ лежалъ и все скулилъ, просилъ чего-то...

Каждое мѣсто, каждая примѣта въ лѣсу наводила на Голована все новыя и новыя воспоминанія, и онъ шелъ и шелъ впередъ, не замѣчая, какъ уже начали измѣнять ему его крохотныя ножки, неладно обутыя, безъ отцовскаго присмотра... И Варнашка уже угомонился, идетъ степенно, рядомъ съ хозяиномъ, по сторонамъ переставъ уже метаться, сталъ вопросительно поглядывать на Голована: «что-же, молъ, не порали и привальчикъ легонькій сдѣлать да перекусить чѣмъ пообычаю?»

Распуталась одна нога на ходу, присѣлъ Головань переобуться, да такъ и заснулъ, самъ непомня, какъ это случи-

лось, привалился головкою на котомку и захрапѣлъ, а Варнашка обнюхалъ его, оглядѣлся кругомъ, поворчалъ и свернулся тоже клубочкомъ.

Проснулся мальчикъ, а солнце уже на склонъ пошло, перевалило свою самую высокую точку подъема; прохладно такъ стало въ лѣсу, даже и слишкомъ прохладно. Озябъ Голованъ, проспавши на сырой холодной землѣ; закусилъ, подѣлился съ товарищемъ и снова въ путь пустился, оглядѣвшись и намѣтивъ пока еще знакомую дорогу.

Заночевали они первый разъ въ дорогѣ, выбравши укромное мѣстечко: на увалѣ, за большимъ камнемъ. Пробовалъ было мальчикъ огонь развести, да дѣло не выгорѣло: сколько онъ ни бился, не загорается, да что хочешь, сырье, и трутъ что-то пересталъ дѣйствовать, сколько ни щелкалъ Голованъ о кремень отцовскимъ огнивомъ.

Мальчикъ щелкаетъ, искорки красныя отскакиваютъ, Варнашка глядитъ и за каждымъ ударомъ глазами моргаетъ, а все нѣтъ толку, все ничего не выщелкивается и не вымаргивается, такъ и бросили, легли спать безъ тепла и въ потемкахъ.

А жутко, страшно такъ стало въ лѣсу, въ эту темную, сырую, холодную ночь таёжную.

IX.

Оставшись одинъ взаперти сторожить избу, медвѣженокъ Мишка, выждавъ малое время, полѣзъ знакомымъ ходомъ на крышу и первымъ дѣломъ сталъ объѣдать молодую траву, проросшую въ щеляхъ прогнившихъ бревенъ; затѣмъ всталъ на заднія лапы, дотянулся до вѣтвей, свѣсившихся надъ избою, и ими тоже не побрезговалъ; потомъ посидѣлъ покойно съ часикъ, отмахиваясь лапами отъ назойливо-летавшихъ надъ нимъ золотистыхъ осъ, гнѣздо которыхъ сѣрымъ кошелькомъ висѣло подъ самою трубою; хотѣлъ было внизъ спускаться, наружу, прогулки ради, да вдругъ боязливо хрюкнулъ, попятился, потянулъ носомъ воздухъ и, бочкомъ подобравшись къ лазу, проворно юркнулъ внизъ, да и притаился тамъ въ сѣняхъ, забившись въ уголъ, по своему обыкновенію.

Звѣря испугало явленіе, совершенно неожиданное и новое; онъ зачуялъ и замѣтилъ глазомъ это явленіе прежде, чѣмъ самъ былъ замѣченъ... Онъ успѣлъ удрать и спрятаться, да

надежно-ли? Медвѣженокъ слышалъ ясно, что это что-то, такъ его напугавшее, идетъ прямо сюда, все ближе и ближе и... наружная дверь слегка дрогнула и заскрипѣла подъ напоромъ какой-то посторонней силы...

Между стволами кедровъ появилось новое живое существо; оно, постоявъ неподвижно на мѣстѣ, нерѣшительно двинулось впередъ и скрылось въ дичковой заросли... Слышно было, какъ шелестѣли и колебались вѣтви, густо усѣянныя розовымъ цвѣтомъ, какъ шуршалъ палый листъ подъ ногами, какъ треснулъ подломившійся сучокъ... Прошла минута, другая... Все вновь затихло и успокоилось, но, вотъ, снова колыхнулся кустъ, совсѣмъ на окраинѣ заросли, въ какихъ-нибудь двадцати шагахъ отъ сторожки, высунулась сперва голова, да низко такъ, у самой земли, потомъ плечи, потомъ и весь человѣкъ вылѣзъ, проползъ еще шага три на четверенькахъ, и, наконецъ, поднялся на ноги...

На человѣкѣ были одни только лохмотья, — всюду выглядывало худое, голое, изможденное, покрытое рубцами и запекшимися ссадинами, тѣло; голова его казалась громадною, несоотвѣтствующею росту, такъ взбиты, всклочены, спутаны колтуномъ были его покрытые грязью волосы; борода заросла чуть не до самыхъ глазъ, а глаза, эти двѣ глубокія, черныя ямы, на днѣ которыхъ тусклымъ блескомъ свѣтились двѣ живыя точки, смотрѣли дико, не такъ, какъ смотрятъ глаза человѣческіе.

А смотрѣли эти страшные глаза прямо на жилье, такъ неожиданно открытое ими въ этомъ глухомъ мѣстѣ, куда, казалось, и нога человѣческая не должна была бы заходить.

Это былъ тотъ самый человѣкъ, что, не страшась пурги, пустился смѣло на борьбу съ снѣжнымъ ураганомъ... Это былъ тотъ самый, съ желѣзнымъ кольцомъ на ногѣ, съ желтымъ квадратомъ на сѣрой шинели: только теперь на немъ этой декорированной шинели не было и признаковъ.

Какъ онъ не погибъ въ снѣгахъ, какъ онъ добрался таки до опушки намѣченнаго имъ на горизонтѣ лѣса, какъ провелъ онъ здѣсь, въ лѣсу, остатокъ суровой зимы? Все это знаетъ одинъ Богъ; онъ самъ не могъ бы дать отчета во всемъ случившемся съ нимъ за это время.

Питаясь кореньями, кое-какъ добытыми изъ-подъ снѣга,

изнемогая отъ холода, проводя безконечные дни и еще болѣе безконечныя ночи безъ огня, прячась, какъ звѣрь, чтобы не попасться на глаза человѣку, какъ человѣкъ, чтобы не попасться на зубы звѣря, таская за собою всюду свою больную, искалѣченную желѣзомъ ногу,—онъ жилъ...

Эта жизнь была для него пыткою, рядомъ тяжелыхъ, невыносимыхъ страданій, и страданій безъ цѣли, безъ значенія; а онъ жилъ, онъ не пытался умереть... Мало того, онъ избѣгалъ смерти, онъ напрягалъ всѣ свои усилія къ тому, чтобъ сберечь, продлить эту проклятую жизнь, и дрожалъ отъ страха передъ опасностью, торжествовалъ, избѣгая этой опасности... Онъ боролся за свою жизнь, какъ борется за эту жизнь калѣка, волкъ, потерявшій свои зубы отъ старости, какъ борется рабочая кляча, изнемогающая отъ непосильной и вѣчной работы, безъ отдыха, какъ борется все то, что живетъ однимъ животнымъ инстинктомъ, повинуясь естественному чувству самосохраненія и борьбы, безъ какого-либо участія сознательной мысли, безъ умственнаго разсчета: «да стоитъ-ли сама данная жизнь, чтобы ради ея сохраненія вести эту невыносимую, безконечную, безотрадную борьбу!..»

Для того, чтобы сдѣлать такой разсчетъ, надо быть человѣкомъ; онъ и былъ имъ, но это было давно, это было еще до того, какъ началась эта лѣсная жизнь... Это было... это тянулось и послѣ... гасло-гасло, мало-по-малу, и погасло совсѣмъ; но когда именно—это нельзя себѣ представить, это само собою пришло, медленно, исподволь, неотразимо, но всетаки пришло...

И вотъ у него сохранился только внѣшній образъ человѣка, да и то еще если разсматривать его пристально и съ должнымъ вниманіемъ, а больше ничего не осталось человѣческаго... оно или погибло совсѣмъ, или, можетъ быть, живетъ еще, чуть-чуть теплится, но уже само собою, безъ толчка извнѣ, безъ посторонняго усилія, не оживетъ, не разгорится снова яркимъ и свѣтлымъ пламенемъ.

Съ нимъ случилось то, что должно было случиться. Дикая природа одолѣла одинокаго, нравственно уже разбитаго, лишеннаго помощи, оружія для борьбы, человѣка; она переработала его по своему, оставивъ ему только одни животные, въ самой природѣ живущіе инстинкты и во главѣ ихъ инстинктъ самосохраненія.

И человѣкъ этотъ пересталъ быть человѣкомъ. Онъ одичалъ.

Онъ бродилъ, не сознавая мѣста, не сознавая разстояній... Теперь было ему лучше, чѣмъ зимою, теплѣе... Легче корешки отрывать и больше ихъ гораздо стало... Недавно у него пиръ былъ, настоящій пиръ. Онъ нашелъ забытый капканъ, а въ капканѣ звѣрька, давно уже околѣвшаго... онъ сначала испугался было немного... испугался, впрочемъ, одной части своей находки, именно капкана. Странная вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, штука! Ну, а потомъ оправился, сообразилъ, какъ надо высвободить звѣрька и, высвободивъ, унесъ его въ кусты, забился въ самую глушь и началъ ѣсть; всего не могъ, конечно; что осталось, подъ пень спряталъ и сучьями завалилъ, да вѣрно не совсѣмъ аккуратно, потому что, когда на другой день опять пришелъ на это мѣсто, ужъ тутъ, оказалось, кто-то прежде него похозяйничалъ.

Одичалый даже взвылъ съ горя и зубами защелкалъ... Попадись ему теперь воръ, кто бы онъ ни былъ, онъ бы въ клочья его изорвалъ, да воръ-то, хитеръ небось, удралъ во-время...

Вотъ онъ теперь, случайно и сюда прибрелъ, съ какой стороны именно, Богъ вѣсть... Онъ видѣлъ только еще издали темныя шапки вѣковыхъ кедровъ, на нихъ и шелъ, потомъ замѣтилъ семью бѣлокъ-сибирокъ, прыгающихъ по развѣсистымъ вѣтвямъ; онѣ его заняли, онъ ближе подошелъ, оглянулся, вскрикнулъ и остолбенѣлъ...

Онъ увидалъ человѣческое жилье.

Въ первое мгновеніе этого открытія, его какъ громомъ ударило въ голову; онъ даже присѣлъ и закрылся руками... Потомъ отошло, полегчало, только въ груди забилось, заколотилось что-то усиленно, скоро, такъ что даже больно стало... Онъ снова приподнялся, снова выглянулъ и быстро ринулся въ чащу заросли, раздѣлявшую его отъ этого жилья. Ползкомъ, не замѣчая, какъ хлестали и царапали его раздвигавшіеся сучья, онъ выбрался на опушку заросли и опять припалъ къ землѣ, повинуясь невольному чувству охватившей его паники... Здѣсь онъ лежалъ долго, высматривая изъ своей засады, и, наконецъ, рѣшился подойти вплотную къ этому неожиданному, полному таинственности, жилищу.

А какъ работалъ его слухъ въ эту минуту!.. Малѣйшій звукъ: полетъ осы, шуршаніе усатаго жука, пробиравшагося по дверному косяку, упавшая на землю сосновая шишка, все это такъ звучно, такъ отчетливо отражалось въ его ухѣ.

Сквозь толстыя, бревенчатыя стѣны онъ ничего не могъ видѣть, но слухъ убѣдилъ его, что внутри пусто, что тамъ никого нѣтъ, въ самой то есть избѣ, а въ сѣняхъ есть, въ сѣняхъ кто-то притаился и чуть дышитъ, только не человѣкъ, нѣтъ... значитъ, нестрашно.

Одичалый протянулъ руку и тронулъ за дверь. Заперта, не подается... Въ сѣняхъ завозилось и зацарапалось по стѣнѣ.

Это Мишка рѣшилъ убраться подобру-поздорову и направился къ верхнему лазу...

Подъ медвѣжьими лапами крыша затрещала, сухой хворостъ полетѣлъ во всѣ стороны... перепуганный звѣрь черезъ голову перевалился съ крыши на дровяную кучу и пустился на утекъ въ лѣсъ, за оврагъ; человѣкъ, перепуганный не меньше звѣря, бросился въ другую сторону и снова залегъ въ кустахъ, не добѣжавъ даже до кедровика.

Прошло еще нѣсколько минутъ томительнаго, болѣзненно-усиленнаго сердцебіенія... Одичалый видѣлъ, что именно сидѣло въ избѣ и что ушло оттуда; это его нѣсколько успокоило.

Медвѣдь! такъ что же такое, что медвѣдь? Медвѣдь вовсе дѣло не страшное, да еще такой маленькій; а если медвѣдь здѣсь, такъ значитъ людей нѣту; чего же бояться.

А что — строятъ ли медвѣди такія избы, они ли здѣсь хозяева, или, можетъ, кто другой, да теперь только въ отлучкѣ, а могутъ и вернуться, — все это были соображенія слишкомъ уже сложныя,—одичалому не по силамъ. Вотъ копченымъ мясомъ изъ сѣней пахнетъ;—это вѣрно! это онъ понимать можетъ и добраться до этого мяса весьма ему желательно. Надо, значитъ, попытаться.

Потянувъ носомъ по данному направленію, человѣкъ снова направился къ дверямъ, снова тронулъ ихъ рукой и сталъ ощупывать косяки, какъ, молъ, эта дверь отворяется... Плечомъ поналегъ, не подается.

— А какимъ ходомъ медвѣдь вышелъ?—мелькнуло у него въ головѣ.

Онъ обошелъ кругомъ, взлѣзъ на кучу хвороста, оттуда на крышу и заглянулъ внизъ... Здѣсь, значитъ. Сперва онъ спустилъ въ отверстіе свои ноги, и здоровую и искалѣченную, потомъ опустился самъ, держась на кистяхъ рукъ, повисъ и, освободивъ руки, упалъ, застонавъ отъ боли. Онъ упалъ, какъ

разъ, на больную ногу, звякнувъ желѣзомъ о что-то въ сѣняхъ, тоже желѣзное...

Какъ темно здѣсь. Сѣрымъ пыльнымъ лучемъ врывается сюда свѣтъ сквозь отверстіе въ крышѣ, колышется паутина въ этомъ лучѣ, золотистою точкою блеснула большая, налетѣвшая муха и потухла, скрывшись снова во мракѣ, и внизу темно, только на землѣ обрисовалось свѣтлое пятно, такое же неровное, клочковатое, какъ и само отверстіе... И какъ сильно теперь копченымъ мясомъ пахнетъ, горѣлымъ чѣмъ-то, и кислый запахъ невыдѣланныхъ шкуръ тоже въ носъ лѣзетъ... Все это такое пріятное, новое, то есть уже черезчуръ старое, только давно-давно, совсѣмъ забытое.

А вотъ, мало-по-малу, все свѣтлѣе и свѣтлѣе становится, глаза привыкаютъ, обрисовывается и вторая дверь, полуоткрытая, и вороха самыхъ шкуръ на распялахъ, и уголъ бочки, выдвинувшійся изъ темноты своимъ пузатымъ бокомъ, — все теперь видно. А одичалый сидитъ на землѣ, озирается и третъ рукою свою больную ногу...

Всталъ онъ, перешагнулъ черезъ порогъ въ избу... Тутъ уже совсѣмъ свѣтло. Его глаза смотрѣли на все, щурясь и перебѣгая съ предмета на предметъ, его руки цѣпко хватались за что ни попало и все ощупывали; онъ даже началъ гладить этими исхудалыми руками закопченное чело печки, словно хотѣлъ убѣдиться: давно-ли она топлена? потомъ онъ увидалъ на стѣнѣ висящій на полкѣ мѣховой яргакъ, торопливо сорвалъ его и натянулъ себѣ на плечи; это ему, очевидно, понравилось, онъ даже дико захохоталъ и сталъ прыгать... и вдругъ, словно опомнившись, разомъ пересталъ смѣяться, прекратилъ свою пляску, устремилъ глаза въ уголъ, гдѣ висѣла черная, пятнистая доска, и зашевелилъ губами, открывая свои черные зубы, изъѣденныя цингою, дряблыя десны...

Это созерцательное состояніе продолжалось долго... Изъ сѣней все-таки пахло окорокомъ, надо было только разыскать, гдѣ же именно лежитъ этотъ привлекательный предметъ, и одичалый, не снимая чужого яргака, такъ пріятно, ласково грѣющаго ему острыя плечи и его тощую, съ ясно очерченными угловатыми лопатками и хребтовою грядкою, спину, пошелъ на поиски.

Чутьемъ онъ скоро отыскалъ большую кость съ остатками

мяса и принялся ее глодать... слабыя десны не выдержали этой бѣшеной жвачки, ротъ несчастнаго наполнился кровью, а онъ все грызъ и грызъ, пока острая боль въ животѣ не заставила его выпустить изъ рукъ свою добычу...

Онъ опять шагнулъ черезъ порогъ... и вдругъ струсилъ и метнулся къ окну... послышался металлическій, бренчащій ударъ, и когда одичалый былъ у самаго окна, этотъ звукъ повторился снова... Это звякалъ о что попадалось обрывокъ цѣпи, на его кожаномъ браслетѣ... Причину страшнаго звука онъ скоро понялъ и снова успокоился...

Струя вѣтра, ворвавшись изъ сѣней въ открытую дверь, ударила прямо въ печное жерло и коснулась кучи не совсѣмъ еще остывшей золы; подъ этою грудою сѣраго пепла замелькали красныя искорки. Одичалый замѣтилъ ихъ и снова захохоталъ; онъ даже нагнулся, влѣзъ чуть не съ плечами въ жерло и самъ принялся дуть на уголья, изо всей мочи...

— Огонь, огонь!—прошепталъ онъ совершенно ясно, отчетливо, и сталъ кидать въ печь все, что находилъ удобнымъ, чтобы поддержать горѣніе.

Къ счастію, у самой печи лежала вязанка сухого валежника. Кто знаетъ: еслибъ этого не случилось, въ печь полетѣло бы что-нибудь такое, что могло бы пригодиться и на другое, болѣе полезное дѣло.

Огонь разгорался живо, освѣщая это тощее лицо землистаго цвѣта, заросшее по глаза грязною щетиною... Пріятное ощущеніе костроваго тепла видимо дѣйствовало на одичалаго и дѣйствовало успокоительно. Онъ сѣлъ на полу, какъ разъ противъ печи, положилъ голову на согнутыя, поднятыя кверху колѣни, охватилъ эти колѣни руками и не спускалъ глазъ съ этихъ бойкихъ, красныхъ языковъ пламени, вылетавшихъ даже наружу и облизывавшихъ закругленное, закопченное печное чело...

Накиданныя щедрою, не хозяйскою рукою дрова разгорѣлись на славу; яркій свѣтъ огня поборолъ слабый лучъ денного свѣта, врывавшійся въ крохотное, заклеенное бумагою оконце; во всѣхъ углахъ, на полкахъ все стало видно отчетливо; каждый предметъ далъ отблескъ и отбросилъ отъ себя на стѣну черную, мигающую тѣнь...

Одичалый сталъ осматриваться кругомъ. Его это все видимо занимало, и занимало сильно. Вдругъ онъ громко закричалъ и вскочилъ съ своего мѣста... Онъ увидѣлъ предметъ,

который вспомнилъ и узналъ сразу... Онъ вспомнилъ его значеніе, потому что и самый предметъ, и его значеніе долго-долго господствовали въ его мозгу, долго составляли его единую мысль, единую мечту, единую слабую надежду.

Умирающій отъ жажды не кинется такъ къ сосуду съ водою, скупой маніакъ не бросится съ такою алчностью на груду золота, какъ одичалый бросился на этотъ предметъ, сорвалъ его со стѣны и снова опустился на землю, ослабѣвъ и отъ такого энергичнаго порыва, и отъ охватившаго его иного, давно имъ неиспытываемаго волненія.

Этотъ предметъ былъ напилокъ, простой стальной напилокъ, висѣвшій на стѣнѣ, на ременной петелькѣ.

Батька Максимъ этимъ напилкомъ оглаживалъ кремни для своихъ винтовокъ. Головану онъ не надобился вовсе и висѣлъ праздно, рядомъ съ кое-какими прочими инструментами, тамъ, гдѣ его въ послѣдній разъ повѣсила рука хозяйская...

Какъ только это скромное орудіе очутилось въ рукахъ «одичалаго», тотъ, не теряя времени, сталъ ощупывать свое кандальное кольцо на ногѣ и, стиснувъ зубы, сверкая разгорѣвшимися глазами, поднесъ напилокъ къ спаямъ этого кольца.

Раздался скрипучій, рѣжущій ухо звукъ, одичалый, съ видимымъ наслажденіемъ, слушалъ эту музыку и все пилилъ и пилилъ...

Потъ градомъ текъ по его впалымъ щекамъ, прокладывая грязные волосы, руки дрожали отъ напряженія, инструментъ поминутно соскакивалъ съ пути и ёрзалъ прямо по голой ногѣ, по этой красной, кольцеобразной опухоли, что должно было бы каждый разъ вызывать острую боль, но одичалый этой боли не чувствовалъ, весь погруженный въ свое занятіе.

Напилокъ проложилъ въ желѣзѣ себѣ глубокую дорогу; теперь онъ уже ходилъ ровно, скрипя и визжа на всю избу, глубже и глубже проникая въ этотъ желѣзный браслетъ, послышался послѣдній лязгъ, затѣмъ одна половина кольца отпала, глухо стукнувъ о земляной полъ, другая съ обрывкомъ цѣпи осталась въ лѣвой рукѣ человѣка...

Окончивъ работу, тотъ долго-долго смотрѣлъ на свою освобожденную, наконецъ, ногу и вдругъ, судорожно сжавъ руками голову, зарыдалъ, какъ ребенокъ, и изъ этихъ темныхъ, провалившихся глазъ полились слезы, заискрившіяся свѣтлыми каплями на косматой бородѣ одичалаго.

---

*

— Проклятое, проклятое...—бормоталъ онъ, съ отвращеніемъ и ужасомъ глядя на эти перепиленные обломки кольца, на этотъ неподвижно лежавшій на полу обрывокъ цѣпи.

Потомъ онъ отодвинулся отъ ненавистнаго для него предмета, отодвинулся порывисто, какъ будто сторонился отъ чего-то ядовитаго, смертельно опаснаго; желѣзные обломки лежали попрежнему неподвижно, а ему показалось, что они тоже поползли за нимъ, что они преслѣдуютъ его, гремятъ и металлически-скрипучимъ голосомъ шепчутъ:

— Нѣтъ, не уйдешь... куда, пріятель?!.. Мы за тобою, всюду за тобою! Всю жизнь мы будемъ грызть твою ногу, всю жизнь, а когда сдохнешь, когда истлѣетъ твое тѣло, на голыхъ костяхъ останемся,—не уйдешь ты отъ насъ, не освободишься...

— Проклятое, проклятое!—бормоталъ несчастный и все двигался дальше и дальше. Доползъ до порога, не перелѣзъ, перевалился какъ-то черезъ него всѣмъ тѣломъ и судорожнымъ движеніемъ захлопнулъ за собою дверь...

Въ сѣняхъ онъ вздохнулъ свободнѣе и успокоился. Онъ даже улыбнулся, всталъ на ноги и, отыскавъ внутренній запоръ наружныхъ дверей, растворилъ ихъ настежъ... Волна свѣжаго, ароматическаго воздуха пахнула на него, обдавъ его запахомъ цвѣтущихъ зарослей. Покрывающійся листвою лѣсъ глухо шумѣлъ своими вершинами. Маленькія птички носились понизу, черкая своими крылышками о сочную, усѣянную цвѣтами траву... Тучи комаровъ и мошекъ съ мелодичнымъ звономъ стояли въ воздухѣ туманными пятнами; какой-то сѣренькій звѣрекъ пробирался кустами и, завидѣвъ человѣка, юркнулъ въ сторону, мелькнувъ въ чащѣ чернымъ кончикомъ своего пушистаго хвоста...

Надъ лѣсомъ, изъ-за оврага, надвигалась тяжелая, темносизая туча, мало-по-малу закрывая собою виднѣвшіеся межъ вершинами кедровъ клочки голубого неба.

Все предвѣщало грозу, и грозу страшную, весеннюю... Въ воздухѣ, въ этомъ усиленномъ розмахѣ и раскачиваніи высокихъ кронъ, въ этомъ тревожномъ, низовомъ полетѣ птицъ, въ этомъ глухомъ, Богъ вѣсть откуда доносящемся рокотѣ, во всемъ чувствовалось ея приближеніе!

Одичалый сѣлъ на порогѣ и съ жадностью, полною грудью вдыхалъ въ себя наэлектризованный воздухъ. Прошелъ паническій страхъ, успокоились его разбитые нервы... Даже въ

головѣ стало какъ будто яснѣе, шире начала работать мысль... Возстановлявшаяся память рисовала передъ нимъ давно забытыя картины... Въ его глазахъ, въ чертахъ его лица появилось что-то особенное, похожее даже на человѣческое выраженіе.

Онъ видимо преображался. И это свѣтлое, отрадное преображеніе началось въ немъ вслѣдъ за минутою освобожденія отъ своего позорнаго кольца, какъ будто въ этомъ кускѣ желѣза заключалась вся суть, вся мощь оскотинившей его силы...

X.

Внизу было тихо, а вверху все сильнѣе и сильнѣе колыхались темно-зеленыя вершины кедровъ, отряхивая съ своихъ вѣтвей высохшія за зиму, прошлогднія шишки.

Молодой, серебристый листъ осинника дрожалъ и трепался на своихъ тонкихъ стебелькахъ; издали казалось, будто миріады мотыльковъ осыпали эти деревья и вьются вокругъ безчисленнымъ, неугомоннымъ роемъ... Къ сплошному шуму дремучаго лѣса присоединился какой-то зловѣщій посвистъ,—этотъ звукъ раздавался все чаще и чаще, и съ каждымъ его налетомъ тревожнѣе и тревожнѣе метались птицы, забиваясь въ дупла деревьевъ, въ чащу низовой поросли, даже подъ навѣсы крыши сторожки покойнаго батьки Максима...

Рои комаровъ и мошекъ спустились еще ниже; теперь они уже туманомъ осѣдали надъ самою травою и ихъ звона уже не слышно было вовсе. Всѣ голоса терялись въ общемъ гулѣ, надвигавшемся съ сѣверо-востока, вмѣстѣ съ этой тяжелою, темно-сизою тучею...

Темно стало въ лѣсу, ни одного клочка голубого неба нигдѣ не просвѣчивало; вершины кедровника казались теперь совсѣмъ черными, словно въ трауръ одѣтыми; за каждымъ розмахомъ стволовъ слышался подозрительный скрипъ и сухой стукъ отъ ударовъ одной вѣтви о другую...

Растворенная дверь сама собою затворилась и снова распахнулась: человѣкъ, сидѣвшій на порогѣ, подвинулся къ косяку, прижалъ на дверь своимъ плечомъ и, опершись локтями о колѣни, сидѣлъ и ждалъ...

Онъ зналъ, что творится вокругъ него, онъ понималъ хорошо значеніе всѣхъ этихъ признаковъ лѣсного урагана—гроза его не пугала, а даже какъ будто радовала: что-то похожее

на улыбку осѣняло теперь его лицо... Онъ сидѣлъ и ждалъ, покойно перенося свой взглядъ, то на дичковую, волнующуюся заросль, то на эти колыхающіеся гиганты-кедры, то туда, за ручей, гдѣ виднѣлась безконечная колонада стволовъ и между ними вывороченные, обросшіе мохомъ, расколотые, можетъ быть, прежними грозами,—громадные камни, залегшіе надъ обрывистымъ склономъ лѣсного оврага.

Разомъ стихло въ лѣсу и успокоилось... Черный воронъ каркнулъ, камнемъ, сверкнувъ крыльями, ринулся внизъ и, не долетѣвъ немного до самой земли, снова расправилъ крылья и наискось, словно подкосивъ молодой бурьянъ, скрылся въ его гущинѣ...

Двѣ козы выскочили изъ кустовъ, переглянулись, замѣтили, должно быть, человѣка и, сдѣлавъ громадный скачокъ, мелькнувъ своими бѣлыми задками, исчезли снова...

Вдругъ, все освѣтилось зеленымъ, яркимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ... Мгновеніе—и разразился страшный ударъ грома—и покатились во всѣ стороны его трескучіе, безконечные отголоски, подхваченные эхомъ...

Крупныя капли дождя точно пули защелкали о землю, дробясь о камни, смачивая толстые слои палаго листа, сбивая цвѣтковыя завязи, рикошетомъ отскакивая отъ гребня крыши, на плечи, на голову, на колѣни сидящаго на порогѣ.

А тотъ все сидѣлъ, ничѣмъ не обнаруживая намѣренія уйти отъ грозы, схорониться отъ нея въ какое-нибудь укромное мѣстечко, убѣжище, хоть въ эту же самую избу, что была у него за спиною, на порогѣ которой усѣлся онъ въ данную минуту...

За первымъ ударомъ грома послѣдовалъ второй, еще рѣзче, еще продолжительнѣе. Разомъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ вспыхнули молніи и засверкали ихъ слѣпящіе зигзаги...

Въ воздухѣ запахло сѣрою, синеватый дымъ заклубился между деревьями. Дождь усиливался и усиливался, превращаясь мало-по-малу въ сплошной ливень.

Еще молнія!.. Ея стрѣла ударила совсѣмъ отвѣсно, гдѣ-то близко... Раздавшійся за нею ударъ грома заставилъ даже «одичалаго» вздрогнуть и инстинктивно прикрыть голову руками... Одна изъ кедровыхъ вершинъ расщепилась надвое, и по ея комлю, прыгая съ вѣтки на вѣтку, забѣгали голубоватые огоньки... Гдѣ-то за оврагомъ, съ трескомъ ломая все по пути своего грузнаго паденія, рухнуло вѣковое дерево... Жалобный вой по-

слышался въ той сторонѣ и смолкъ, заглушенный новыми и новыми ударами грома.

Цѣлые потоки воды струились съ крыши, грязными пѣнистыми ручьями сбѣгая къ оврагу. Снова, какъ въ водополье, выступилъ изъ береговъ ближній ручей; цѣлыя озера воды скопились въ котловинахъ, на всѣхъ низкихъ мѣстахъ... Ураганъ только крыломъ своимъ захватилъ эти мѣста, а грядами, по его слѣдамъ, ложились вывороченныя съ корнемъ деревья.

Наступилъ непроницаемый мракъ, полный гула, грохота, свиста, хлестанья холоднаго ливня, треска гибнувшихъ сосенъ и буковъ... Удары молніи освѣщали на мгновеніе весь этотъ хаосъ, и съ каждымъ ударомъ какъ будто сильнѣе и сильнѣе разыгрывалась прихотливая мощь урагана.

А человѣкъ на порогѣ все сидѣлъ неподвижно, подставивъ свою голову разгулявшемуся ливню. Надѣтый на его плечи «чужой» яргакъ промокъ насквозь, несмотря на свою дубленую шкуру. Его босыя ноги по щиколотку полоскались въ дождевой канавѣ, образовавшейся отъ крышной капели. Избянной срубъ подозрительно вздрагивалъ отъ напора вѣтра, лицевая половина крыши уже оголилась: разметанная вихремъ, и безобразно, вкось и вкривь торчали ея обнаженныя ребра, будто кости полуоглоданнаго трупа.

Печь въ избѣ еще не прогорѣла и красныя огненныя искры, снопомъ вырываясь изъ трубы, гасли, тлѣя на смоченной крышѣ. Не будь дождя, разсѣянность одичалаго не обошлась бы дешево. Отъ жилища покойнаго Максима, законнаго наслѣдства отсутствующаго Голована съ товарищами, навѣрное, не осталось бы ничего, кромѣ груды угольевъ и пепла.

Много за полночь стала затихать гроза. Прекратился ливень... Рыхлая, заваленная толстымъ слоемъ лѣсного перегноя почва быстро всасывала въ себя дождевую воду... Раскаты грома слышались уже гдѣ-то далеко и все тише и тише; на расчистившемся небѣ засверкали яркія звѣзды... «Большая медвѣдица» раскинулась надъ самыми пострадавшими кедрами, и «Оріонъ», опоясанный своимъ серебрянымъ поясомъ, поднимался уже надъ лѣсомъ, предвѣщая близость разсвѣта.

Въ дуплахъ деревьевъ, гукая и перекликаясь, стонали совы и неистово завывалъ колоссальный ушанъ-филинъ. Летучія мыши, по всѣмъ направленіямъ, чертили прохладный воздухъ

своимъ быстрымъ, беззвучнымъ полетомъ. Въ мокрой травѣ, словно изумруды, засвѣтились свѣтляки—и какъ много ихъ!.. Всюду, куда ни взглянешь,—и тамъ, на полянѣ, и на низовьяхъ кустовъ, и вотъ здѣсь, ближе, на этихъ грудахъ смокшаго, почернѣлаго хвороста,—всюду искрятся эти красивыя, зеленоватыя блестки...

«Одичалый», все, знай, сидитъ на своемъ мѣстѣ, словно приросъ къ нему и оторваться не можетъ, только положеніе его тѣла теперь измѣнилось, голова на грудь свѣсилась, самъ на бокъ перекосился, совсѣмъ опершись на дверной косякъ, одна рука на груди, за пазухой яргака, а другая безжизненно плетью повисла...

Онъ теперь спалъ, и спалъ крѣпко. Ему снилось . .

. . . . . .

Хорошій, свѣтлый сонъ ему снился. Этотъ сонъ пробудилъ въ немъ человѣка. Первый шагъ былъ сдѣланъ напилкомъ; дѣло этого простого, нехитро слаженнаго куска насѣченной стали, довершилъ благотворный, спасительный сонъ.

Онъ проснулся утромъ, когда солнце высоко поднялось надъ деревьями и стало согрѣвать его, намокшаго, своими живительными лучами, и проснулся онъ уже неодичалымъ.

XI.

Какъ тепло! Какъ чудесенъ этотъ освѣженный, очищенный грозою, утренній воздухъ!

Лѣниво потянулся, очнувшійся отъ глубокаго сна человѣкъ и поднялся на ноги... Онъ пристально, съ выраженіемъ живого любопытства осмотрѣлся кругомъ, осмотрѣлъ сторожку и даже обошелъ вокругъ нея... Затѣмъ онъ шагнулъ черезъ порогъ, осмотрѣлъ сѣни, раздумывая и соображая что-то, безпрестанно прикладывая свою ладонь ко лбу... Онъ повторялъ это движеніе, какъ будто страдалъ сильною головною болью, но его лицо не выражало собою ничего болѣзненнаго, оно было спокойно, а глаза такъ даже весело смотрѣли изъ своихъ темныхъ впадинъ...

Человѣкъ этотъ былъ только немного слабъ на ногахъ и все еще прихрамывалъ... Сонъ, сырость мокраго отъ дождя тряпья, покрывавшаго его тѣло, отъ этого намокшаго, лубомъ стоявшаго мѣхового яргака, вызвали въ немъ лихорадочную дрожь, но яргакъ былъ уже сброшенъ и лежалъ у порога, а

жаркое солнце быстро высушивало тряпье и прогоняло эту несносную дрожь...

Человѣкъ изъ сѣней снова вошелъ въ избу; онъ прежде всего увидѣлъ куски желѣза на полу и съ отвращеніемъ оттолкнулъ ихъ съ дороги ногою. Затѣмъ онъ снова заглянулъ въ печь, снова растопилъ ее жарко, но теперь уже акуратно, тщательно собирая и укладывая въ огонь топливо...

На полкѣ, какъ разъ подъ темною доскою, лежала какая-то толстая книга, старая, почернѣвшая, съ мѣдными, прорѣзными застежками... Отблескъ отъ огня на этихъ застежкахъ, главное, и обратилъ его вниманіе. Онъ привсталъ колѣномъ на скамью, дотянулся рукою до этой книги, жадно схватилъ ее, не обращая вниманія на паука, выскочившаго изъ-подъ книги и торопливо побѣжавшаго по его рукѣ, и развернулъ какъ разъ по срединѣ.

Онъ началъ читать. Сначала онъ читалъ про себя, шевеля губами, потомъ эти шевеленія стали живѣе и живѣе, выразительнѣе и выразительнѣе. Въ избѣ послышались сперва неясные звуки, изъ этихъ звуковъ составились слова, затѣмъ живымъ потокомъ полилась человѣческая рѣчь...

Всю ночь пролежалъ въ кустахъ трусливый бѣглецъ, медвѣженокъ-Мишка. Передъ началомъ грозы онъ было хотѣлъ вернуться домой, на мѣсто, насиженное, привычное, «свое собственное»... Тихо, осторожно подобрался звѣрь къ избѣ, а тамъ возится—нѣчто чужое, съ роду имъ невиданное, какое-то громадное, страшное такое чудище и скрипитъ на всю окрестность желѣзомъ о желѣзо.

Попятился медвѣженокъ, задомъ, задомъ, да опять въ кусты... Переждалъ часикъ, видитъ гроза надвигается, страшно и тутъ на дворѣ оставаться, какъ быть?!.

А чудище это на порогъ вылѣзло и усѣлось какъ разъ въ дверяхъ, не даетъ косолапому ходу, да и только.

Уже онъ и сзаду обходилъ, большой кругъ кустами сдѣлалъ, все хоронился, какъ бы не замѣтили его... Зашелъ съ дровяницы... Теперь бы только наверхъ взлѣзть, а дверь проклятая какъ хлопнетъ отъ вѣтра — и опять завозился, заерзалъ «не въ пору гость», опять спугнулъ Мишку и заставилъ его удирать безъ оглядки.

Всю ночь такъ промаялся несчастный: и грозы страшно, и того еще страшнѣе...

Слѣпитъ молнія глаза медвѣженку, знай только отмаргивается, сѣчетъ его дождемъ, пробрало его мохнатую шубу, рушатся деревья кругомъ, того и гляди задавятъ горемыку... А въ избѣ бы въ теплыхъ сѣняхъ теперь хорошо бы спалось, уютно, тепло, сухо... «Вѣдь принесла же его не въ добрый часъ нелегкая!»

Такъ и промаялся косолапый до самаго утра. Смотритъ теперь: «всталъ, убрался, проклятый». Смотритъ медвѣдь на отворенную настежь дверь, смотритъ на черный столбъ дыма, поднявшагося изъ трубы, безконечнымъ хвостомъ потянувшагося надъ зарослями, думаетъ: «Ишь ты, расхозяйничался!»

И стало молодого, глупаго звѣря разбирать любопытство. Пойду, молъ, что будетъ, то будетъ, да понаблюдаю поближе...

Вотъ и пошелъ.

Бормочетъ что-то въ избѣ, все громче да громче, яснѣе да яснѣе... Плавно такъ рокочетъ, словно ручей лѣтомъ по каменькамъ пробирается, занятно слушать, и страшнаго ничего нѣтъ въ этомъ рокотѣ...

Стоитъ мишка уже близко, въ какихъ-нибудь всего пяти шагахъ отъ порога; то одно ухо насторожитъ и голову на бокъ наклонитъ, то другое и голову нагнетъ на другую сторону, а самъ все впередъ да впередъ, крадучись, припадая брюхомъ къ самой землѣ; вотъ и въ самый порогъ уткнулся...

И словно понимаетъ звѣрь эти слова. Ужъ теперь оба уха насторожилъ, морду внизъ, въ землю уткнулъ и лапою черезъ порогъ тянется...

А чтеніе продолжается безъ остановки... Страшное чудище посреди избы стоитъ, книгу въ обѣихъ рукахъ держитъ, не замѣчаетъ приближенія четвероногаго слушателя. А мишка неуклюже, бокомъ перевалилъ черезъ преграду, попятился снова, увидавъ воочію человѣка, да тотъ на него не смотритъ, вотъ онъ и успокоился. Теперь какъ разъ противъ избяной двери, что изъ сѣней вела, усѣлся... Чуть только вздрагиваютъ его маленькія ноздри, да лукавые, ребяческіе еще глаза щурятся.

Дочиталъ человѣкъ, вздохнулъ и поднялъ свои очи.

Такъ неожиданно появившійся мишка съ перваго взгляда показался ему громаднымъ, взрослымъ медвѣдемъ; онъ громко,

испуганно вскрикнулъ и выронилъ книгу, звякнувшую объ полъ своими мѣдными застежками.

Этотъ хриплый, полный ужаса крикъ, заставилъ Мишку сдѣлать прыжокъ назадъ, кувырнуться черезъ порогъ и безъ оглядки драть въ заросли... Ошеломленный, охваченный ужасомъ звѣрь занятъ былъ теперь только одною мыслью: дальше и дальше бѣжать отъ этого непонятнаго, неизвѣстнаго, издающаго такіе дикіе звуки существа, и онъ бѣжалъ.

Онъ уже миновалъ заросль, не сползъ, а скатился на дно оврага; разбрызгивая своимъ тѣломъ воды ручья, перебрался на тотъ берегъ, спрятался было за первымъ камнемъ, да почудилось ему, что за нимъ гонятся, и онъ бѣжалъ дальше, бѣжалъ, оставляя за собою слѣды своего испуга, «срамной» слѣдъ, какъ говорятъ звѣропромышленники.

XII.

Почти въ сорока верстахъ отъ опушки лѣса, на рѣкѣ Орочнѣ, по ея нагорному берегу, раскинулось село «Чумленое».

Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, а можетъ быть, и немного больше, это было село большое, многолюдное, съ новою деревянною церковью св. Николы и называлось оно не настоящимъ печальнымъ именемъ, а по своему храмовому празднику, селомъ Никольскимъ. И жилось въ тѣ поры въ этомъ селѣ бойко и прибыльно, по той главной причинѣ, что большой трактъ иркутскій проходилъ какъ разъ черезъ это село, гдѣ была и почтовая станція казенная, съ крашеными полосатыми столбами у крыльца, съ фонаремъ на одномъ и доскою съ цифрами на другомъ.

Кромѣ почтоваго проѣзда и товарный обозный путь проходилъ тутъ же; кромѣ казенной станціи, четыре заѣзжихъ двора тутъ было, бѣлая харчевня одна и кабаковъ четырнадцать. За полверсты не доѣзжая, большой этапный загонъ издали краснѣлся своею крашеною крышею на казармѣ... Начальство тоже жило здѣсь, хоть и не такъ, чтобы очень важное, ну, а все-таки начальство... Весело жилось тогда въ селѣ Никольскомъ.

Черные дни для села настали послѣ одной ревизіи великаго генерала, пріѣхавшаго въ Сибирь изъ Петербурга. Эта ревизія всколыхнула всю за долгія времена настоявшуюся

грязь и тину сибирскую, много зла съ корнемъ повырывала, много только такъ подкосила, оставивъ корешки нетронутыми, много радостей принесла однимъ, не мало слезъ и горя другимъ, однимъ словомъ сокрушительно-очистительнымъ ураганомъ пронеслась по краю и крыломъ этого урагана зацѣпила и село Никольское.

Первою и великою бѣдою для села было то, что большой трактъ пошелъ попрямѣе и поудобнѣе и миновалъ этотъ новый трактъ наше село, да такъ миновалъ, что верстъ на полтораста отскочилъ въ сторону...

Опустѣло село проѣзжимъ людомъ, повѣсили носы и постоянные его обитатели. Этапъ со всѣмъ начальствомъ перенесенъ былъ на новый трактъ, заѣзжіе дворы пропустовали съ годикъ, да тоже покинуты были хозяевами, изъ четырнадцати кабаковъ тринадцать поснимали съ своихъ воротъ елки да шесты съ бутылками... Тихо такъ стало на селѣ, какъ уйдутъ бывало въ рабочую пору мужики на поле, да въ луга, такъ и не видать въ немъ никого кромѣ десятка старухъ-бабушекъ съ внучатами на избянныхъ завалинкахъ.

А тутъ скоро и новая бѣда нагрянула, еще горше первой. Занесли съ китайской границы два наемщика-батрака какую-то болѣзнь, чудную, да тяжкую... Разгулялась эта болѣзнь по селу на славу. Докторовъ нѣтъ, начальства близко тоже, знать дать во время поопасались мужики, и пошли они другъ за другомъ валиться, какъ мухи подъ осень. Священникъ старикъ, отецъ Митрофанъ, одинъ изъ первыхъ померъ, онъ принялся было лечить заболѣвающій народъ, да хоронить покойниковъ по обряду съ трехдневною выстойкою на церковной паперти, заразился самъ да и отдалъ Богу душу, дьяконъ Никанорка, тотъ промысловалъ въ то время, капканы на лисицъ ставилъ, въ село по три мѣсяца не заглядывалъ, тотъ уцѣлѣлъ, да услыхалъ про сельскую бѣду, совсѣмъ уже назадъ не вернулся.

Съ мѣсяцъ, въ самую злойную пору бушевала болѣзнь на селѣ, безъ удержу, безъ пощады и выморила все это село дочиста; только и спаслись тѣ, кто, какъ Никанорка-дьяконъ, въ лѣсу таскались.

Многіе годы пропустовало село Никольское, прослыло оно тогда чумленымъ, да такъ и осталось на вѣчныя времена съ этимъ прозвищемъ. Стало снова заселяться исподволь, да только народомъ совсѣмъ иного склада и дѣла.

Въ настоящее время жило здѣсь нѣсколько семей промышленниковъ, построившихъ себѣ на отлетѣ отъ прежней улицы десятокъ теплыхъ избъ съ сараями. Занимались они больше пушною добычею, да рыбою въ рѣкѣ Орочнѣ, малость пахали для хлѣбнаго корму, сѣно косили, потому лошадей держали для ѣзды и коровъ для ребятишекъ. Прибылъ вскорѣ послѣ того, Богъ вѣсть откуда, кабатчикъ Пашка, поставилъ ведро водки даромъ міру и открылъ свою торговлю.

Пушной товаръ возили ново-поселяне подъ конецъ зимы на трактъ, да хлопотно было возить, времени много тратилось, опять и товаръ безъ приспособленной возки портился за долгую дорогу... Выручили тогда изъ бѣды чумленцевъ добрые люди купцы-кулаки. Тѣ сами два раза въ годъ наѣзжать сюда начали, какъ прослышали, сколько мѣхового добра скопляютъ звѣроловы. Пріѣдутъ эти купцы, бывало, навезутъ вина, ситцевъ разныхъ, желѣзнаго издѣлія, сукна толстаго, денегъ тоже захватятъ съ собою и давай мѣняться, и звѣроловамъ хорошо и купцамъ того много лучше. Такъ и завелись здѣсь сами собою два раза въ годъ, изъятно отъ казенныхъ сборовъ и всякаго надзору, не попавшія ни въ какой статистическій списокъ, никакому начальству невѣдомыя ярмарки.

Опустѣлая церковь святаго Николы была глухо-наглухо новыми обитателями заколочена и вся утварь церковная собрана и въ землю зарыта, не потому что въ ней надобности не было, а потому, что новаго письма образа были и книги новой печати по никоновскимъ переводамъ, а теперешнимъ прихожанамъ все старописнаго требовалось и это старописное они хранили у мужика Ермила Сытаго, въ задней клѣти, гдѣ и службу справлялъ молельщикамъ этотъ Ермила Сытый, потому что за архіерея у нихъ считался.

Вотъ какъ въ настоящее время сложилась жизнь въ селѣ Чумленомъ, бывшемъ Никольскомъ.

Всполошилось сегодня все село чумляковъ и собрались передъ кабакомъ цѣловальника почти всѣ его обитатели, кто только на селѣ оставался.

Поймали мужики, самъ архіерей Ермилъ-Сытый и Манзуръ-Кузьма, на полѣ верстахъ въ пятнадцати мальчика незнакомаго, совсѣмъ дикаго какого-то, и привели сюда, а съ мальчикомъ и собаченка прибѣжала, презлющая, такъ за ноги и норовитъ хватить. Вкругъ этого пойманнаго мальчугана и стол-

пились чумляки, допросъ ему чинятъ, а Пашка полведерка на заваленкѣ выставилъ.

— Идемъ это мы,—разсказываетъ Ермилъ Сытый,—а этотъ пробирается сторонкою. Мы его окликнули, онъ сперва было пріостановился, а какъ стали подходить, онъ какъ прыснетъ въ бокъ да за кочки, въ болотину... Что за диковина! Я, это, съ одной стороны, Кузьма съ другой, только-только обошли, онъ какъ выскочитъ, да бѣгомъ, мы за нимъ, онъ отъ насъ... Насилу-насилу изоблавили... Я кричу Кузьмѣ: «не тронь! Вишь человѣкъ», а Кузьма: «какой человѣкъ, говоритъ, звѣрь особенный, облизьянъ». Чуть его по виску не ошарашилъ...

— Да, ошарашилъ,—перебилъ тутъ Кузьма Манзуръ...—визжитъ, какъ поросенокъ, когда брать начали, кусается. Эвось какъ зубами прохватилъ, въ кровь!..

— Диковина!—подхватилъ Пашка цѣловальникъ.—Да ты что за человѣкъ? отвѣчай, коли слово какое знаешь.

Приступилъ онъ съ грознымъ допросомъ къ ребенку, а тотъ прижался къ завалинѣ, собака къ нему прижалась тоже—оба смотрятъ дико, испуганно, оба въ грязи, не разберешь масти. Мальчикъ молчитъ, какъ пень, а собака ворчитъ злобно и боязно вмѣстѣ, хвостъ поджала и зубы клыки острые скалитъ: значитъ «не трогай!»

Подошелъ тутъ еще одинъ мужикъ Пиканоръ, бывшій дьяконъ, здоровый, рыжій такой, подошелъ, приглядѣлся пристально, головою покачалъ, опять приглядѣлся.

— А поди-ко сюда, дядя Иванъ!—гаркнулъ онъ во все горло.

— Здѣсь,—отозвался дядя Иванъ, тоже рыжій, такой же здоровый. Онъ на задворкѣ своемъ грапчатки мылъ. Не хотѣлъ бросать важнаго дѣла не кончивши, ради какой-нибудь бездѣлицы.

— Да поди сюда! толкомъ те говорятъ, чтобъ тя язвило! иди, что-ли.

— Чаго требуется?—раздвинулъ толпу дядя Иванъ.—Грапчатку съ отвинченнымъ казеникомъ въ одной рукѣ держитъ, а въ другой прутъ ивовый съ тряпкою.

— А погляди-ко на этого малыша, никакъ знакомый?!

Смотритъ дядя Иванъ, смотритъ снова Пиканоръ, бывшій дьяконъ, смотритъ на нихъ и мальчикъ и уже не такъ пугливо и словно знакомое что-то представляется. А Варнашка,

почуявъ запахъ пороховой гари, отдалилъ свой хвостъ и махнулъ имъ раза два въ знакъ легкаго успокоенія.

— Да вѣдь это Максимовъ мальченко,—вымолвилъ, нагляд-ѣвшись въ волю, дядя Иванъ.

— Да я и самъ гляжу, что Андрошка, надо полагать,— поддакнулъ и Никаноръ-дьяконъ.

Были эти звѣроловы тѣ самые, что прошлою зимою въ сторожку приходили, признали мальчика, стали разспрашивать. Первымъ дѣломъ накормили, обмыли, рубаху чистую надѣли, обдержали его денекъ, чтобы онъ оглядѣлся да въ разсудокъ пришелъ, а все-таки настоящаго толку не добились.

Узнали только всѣ мужики, что онъ точно сынъ Максима, по прозвищу блаженнаго, того самаго, что въ лѣсу особня-комъ жилъ не мало верстъ отсюда и съ прочими людьми не любилъ знаться. Услыхали отъ Андрошки, что медвѣдица батьку задавила, а батька медвѣдицу, узнали, что есть еще медвѣ-женокъ-мишка, что этотъ медвѣженокъ теперь избу сторожитъ, а печку топить не смѣетъ, потому что Андронъ, уходя на село, строго заказалъ мишкѣ не смѣть топить печки; узнали также, что лепешекъ нѣтъ уже больше у нихъ и мука вся изъ бочки вышла, что за этою мукою и пришелъ Голованъ, а воды горь-кой ему не надо.

— Ишь ты, подлецъ какой,—замѣтилъ при этомъ цѣловаль-никъ Пашка,—этакаго добра да не требуется.

Много узнали мужики изъ короткихъ, отрывочныхъ отвѣ-товъ Голована и сообразили то, что надо идти въ лѣсную сторожку дяди Максима, самимъ навѣдаться и все осмотрѣть, а то изъ разсказовъ Голована выходитъ только, что случилось въ лѣсу съ дядею Максимомъ,—прозваннымъ за свой нравъ и жизнь блаженнымъ, лучшимъ промышленникомъ во всемъ около-лодкѣ, самымъ добычнымъ и заговореннымъ,—случилось, во-преки этому заговору, что-то неладное, а это неладное надо самолично освидѣтельствовать.

Дня черезъ два собрались въ путь мужики. Пошли: дядя Иванъ, Никаноръ-дьяконъ, Ермила Сытый и еще старичекъ одинъ, сѣдой какъ лунь, Якимъ Желѣзновъ, изъ бѣглыхъ, лѣтъ восьмидесяти, ужъ и языкъ настоящій потерявшій, а такъ только шамкавшій, однако на ногу еще крѣпкій, могущій хоть какой угодно походъ сломать и непремѣнно навязав-шійся идти вмѣстѣ съ прочими въ тайгу, провѣдать жилье

блаженнаго дяди Максима, ежели уже покойника, то помяни Господь его душу.

Забрали провіанту на всякій случай мужики, и всѣ шестеро: четыре мужика, Андрошка и песъ Варнашка вышли изъ села, чуть только зорька утренняя замигала надъ поросшею сочною травою нагорною луговиною

XIII.

Прожилъ сутки человѣкъ изъ лѣса въ Максимовой избѣ, прожилъ и вторыя, за ними третьи, обжился, привыкать уже сталъ къ мѣсту, никто изъ настоящихъ хозяевъ сюда не возвращется.

Сама изба, построенная человѣческими руками, все, что въ ней прилажено и приспособлено было для жилья, предметы домашней утвари: оружіе, снасти, каждая мелочь, все это уже было изучено человѣкомъ изъ лѣса, даже получило особенную оцѣнку въ его глазахъ, все это такъ стало походить на что-то, какъ будто даже его собственное, что онъ сталъ пугаться одной мысли, когда-либо бросить все это и бѣжать снова въ лѣсъ, уступить свое мѣсто другому, болѣе законному хозяину.

А что этотъ хозяинъ существуетъ, что онъ даже незадолго до его прихода ушелъ отсюда, это было ясно человѣку изъ лѣса: онъ на каждомъ шагу убѣждался въ существованіи этого таинственнаго, закончаго хозяина, ждалъ его со страхомъ, недоброе чуя въ его приходѣ.

Вѣдь онъ столько времени провелъ въ лѣсу, какъ звѣрь, нѣтъ, хуже звѣря, у звѣря нѣтъ на ногахъ желѣзныхъ колецъ; онъ столько выстрадалъ, столько перенесъ лишеній и невзгодъ, столько тяжелой борьбы за каждый моментъ своего существованія. Этотъ лѣсъ сокрушилъ его, этотъ лѣсъ посягнулъ даже на его разумъ. Вѣдь если бы еще немного времени, если бы онъ не наткнулся нечаянно на это жилье, если бы это жилье со всѣмъ, что въ немъ, не повѣяло на него благотворно, не вызвало бы реакціи, пробужденія отъ тяжелаго, томительнаго кошмара одичалости, чтобы было тогда?!.

И вернуться снова въ этотъ страшный, проклятый лѣсъ!.. Да развѣ же это возможно!

Положимъ, то, что заставило его бѣжать въ лѣсъ, то было еще ужаснѣй, но это было давно, это уже нѣсколько изгла-

дилось изъ памяти; оно не такъ живо, не такъ уже ярко рисуется, возстановляясь въ его воображеніи; между тѣмъ какъ картины и эпизоды послѣдней жизни въ лѣсу, за исключеніемъ какихъ-то темныхъ, непонятныхъ промежутковъ времени, живо стоятъ передъ его глазами, заставляютъ его съ ужасомъ просыпаться по ночамъ и долго потомъ дрожать на яву, ощущая на лбу, вызванныя страхомъ, капли холоднаго пота.

А здѣсь, въ избѣ, хорошо, здѣсь и лѣсъ кругомъ, какъ будто не тотъ, что тамъ, далеко, совсѣмъ иной, жилой и уютный. Здѣсь въ избѣ печь. Онъ затопитъ печь и сидитъ, любуется, воды въ котелкѣ вскипятитъ, положитъ туда кусокъ мяса варить; какъ это все хорошо! Онъ даже, затопивъ печь, выходилъ во дворъ, даже къ самымъ кедрамъ пробирался и оттуда съ наслажденіемъ смотрѣлъ на эту струю синеватаго дыма, вьющагося надъ закопченною трубою.

И рисуются въ его воображеніи въ такія минуты еще незабытыя, дорогія лица, чудятся они ему тамъ, будто въ избѣ сидятъ они и огонь развели, а онъ былъ въ отлучкѣ и теперь возвращается, и его ждутъ.

Подходя къ избѣ, онъ даже въ окно заглядывалъ и барабанилъ пальцами, стучалъ кулакомъ въ дверь, кричалъ: «а ну, отворите, друзья!» и, вздохнувъ глубоко, самъ отворялъ дверь и входилъ одинокимъ, забытымъ.

Жилью, этому самому жилью, онъ обязанъ былъ своими сладкими иллюзіями, здѣсь онъ послѣ стольнихъ лѣтъ нашелъ первую книгу и читалъ ее.

Приходи же ты, законный обитатель и собственникъ, и выгони отсюда этого чужого, выгони, если у тебя рука поднимется на это святотатственное дѣло.

И вѣрилось, инстинктивно чуялось этому чужому, что его отсюда не выгонятъ. А ну, какъ...

Вчера вотъ ночью ему почудился будто бы собачій лай вдалекѣ... Онъ вскочилъ, выскочилъ на порогъ сѣней и слушалъ, затаивъ дыханіе, зажавъ руками свое усиленно-бьющееся сердце.

Затѣмъ онъ, шатаясь, вошелъ въ избу, его нервная система не выдержала потрясенія, и это потрясеніе разразилось истерическимъ припадкомъ. Онъ рыдалъ и смѣялся, его грудь словно клещами раздирало; онъ не стоналъ, упалъ на колѣни, распростерся на земляномъ полу передъ темною доскою, что висѣла высоко въ углу, и...

Онъ дѣлалъ теперь то, что уже давно, десятки лѣтъ, чуть не съ дѣтства еще было забыто, онъ молился.

Странная была эта молитва! Въ ней не было словъ, въ ней не выражалось никакихъ просьбъ, ни желаній; это было просто охватившій всю его натуру религіозный экстазъ, доводящій до изступленнаго, безсознательнаго состоянія.

За этою молитвою послѣдовалъ продолжительный обморокъ, отъ котораго онъ очнулся только утромъ, очнулся больной, разбитый, не понимая что такое и отчего это случилось.

А мишка-медвѣженокъ тотъ разъ такъ перетрусилъ, что даже и близко отъ избы пересталъ держаться. Бродилъ онъ все по лѣсу, да и шибко пришлось по медвѣжьему вкусу это вольное бродяжничество! Травы молодой, особенно голубого пострѣлу, теплыми днями вволю повыгнало, объѣдается просто мишка этою новинкою, медвѣжьимъ салатомъ, кору молодыхъ побѣговъ гложетъ, за птицами сдуру гоняется, скрадетъ *) какую-нибудь пичужку, выскочитъ, а она отлетитъ въ сторону, на ближній кустъ, и стрекочетъ, словно подсмѣивается надъ неловкостью косолапаго.

Въ жаркіе дни, въ лѣсныхъ базисахъ, въ лужахъ, густо поросшихъ осокою и купавками, полощется звѣрь, лягушекъ распугиваетъ; валежину нашелъ рогатую, съ утра до самаго полудня съ нею провозился, все съ мѣста на мѣсто перекатывалъ эту колоду, лапы позанозилъ и очень доволенъ остался, когда приволокъ, наконецъ, ее къ скату оврага и внизъ спровадилъ... житье просто мишкѣ въ лѣсу! Думаетъ звѣрь: «полно, ужь надо-ли когда-нибудь назадъ, въ избу, ворочаться?!..».

Только онъ это задумалъ, чу!.. знакомые послышались звуки. Голосъ Варнашкинъ, да звонкій такой, такъ и заливается. Шибко обрадовался звѣрь своему другу, напроломъ черезъ чащу ринулся, напересѣкъ, выскочилъ на тропу, а песъ-пріятель тутъ какъ тутъ, хвостомъ вертитъ отъ удовольствія, даже повизгиваетъ и со всѣхъ концовъ косматаго друга обнюхиваетъ.

И мишка весело хрюкаетъ, лапою повалилъ пса, вмѣстѣ на землѣ валяются, не замѣтили какъ и третій подбѣжалъ, самъ Андрошка, за гриву мишкину ухватился и ругается:

---

*) Подберется незамѣтно (мѣстное простонародное выраженіе).

— Ты чего же это избу бросилъ, каторжный?!.

А тутъ и мужики подошли, окружили, ходу нѣтъ отъ нихъ, дубьемъ загораживаютъ, хохочутъ, взявшись за бока, и диву дивятся, глядя на провинившагося батрака и сердитаго хозяина.

Мишка, какъ увидалъ мужиковъ, не хуже того раза перетрусилъ снова, да, что дѣлать, самъ Андронъ налицо, дѣться некуда; да эти не орутъ такъ, эти, вишь, ободрили звѣря, приласкали; сѣдой дѣдушка корочку вкусную далъ поглодать, а Ермилъ Сытый водки посулилъ поднести, какъ домой дойдутъ.

Сдѣлали на мѣстѣ встрѣчи привальчикъ легонькій и пошли далѣе.

XIV.

Человѣкъ изъ лѣсу въ это утро избу подмелъ, все вычистилъ, даже сѣни привелъ въ порядокъ, доску темную и ту снялъ и долго-долго мылъ ее и протиралъ тряпкою. Выступили изъ-подъ густого слоя копоти красныя полосы, блеснула и позолота, мѣстами, писанный ликъ въ терновомъ вѣнцѣ выказался, строгій такой, истощенный. Долго глядѣлъ, впивался глазами въ изображеніе человѣкъ изъ лѣса и на мѣсто поставилъ отмытую доску. Затопилъ печь, самъ надѣлъ порты и рубаху чистую покойнаго Максима, вышелъ на порогъ и сѣлъ, словно чуяло его сердце, что именно сегодня должны вернуться настоящіе домохозяева.

И какъ же забилось, какъ екнуло это самое сердце, когда, уже не во снѣ, а въявь, послышался лай собаки за оврагомъ, и въ лѣсномъ шумѣ отчетливо, ясно загалдѣли голоса человѣческіе.

— Батька!—крикнулъ было Голованъ, издали замѣтивъ человѣка на избянномъ порогѣ, но зоркіе глаза ребенка сразу поняли, что это не батька, а другой кто-то.

— Да, эвось, дядя Максимъ,—произнесъ было и Никаноръ-дьяконъ,—что же ты, пострѣлъ, сказывалъ, что батьку медвѣдица задавила?!

— Задавила,—словно про себя промолвилъ Голованъ и замялся: итти, молъ, къ избѣ, или нѣтъ?

А чужой человѣкъ стоитъ на колѣняхъ у дверей, земные поклоны отвѣшиваетъ подходящимъ и руки съ мольбою протягиваетъ.

Обступили его, стоятъ молча полукругомъ: старый Якимъ Желѣзновъ смотритъ, глаза щуря, и соображаетъ что-то, дядя

Иванъ затылокъ скребетъ, Никаноръ-дьяконъ первымъ дѣломъ черезъ головы, внутрь избы заглядываетъ, нѣтъ ли тамъ еще кого? Андрошка къ Ермилинымъ поламъ прижался, Мишка задомъ пятится, а Варнашка такъ и насѣдаетъ на чужого, вотъ-вотъ норовитъ его зубами тяпнуть какъ разъ за эти худыя, вытянутыя руки.

— Не гоните!..—глухо, словно не горломъ, а грудью, проговорилъ чужой человѣкъ.

— Да ты самъ откуда будешь и кто такой?!—спросилъ, наконецъ, Ермилъ Сытый.

— Не гоните,—снова повторилъ чужой.

— Откуда, говорятъ?

— Оттуда, изъ лѣсу...

Указалъ рукою на лѣсъ бѣдняга и зарыдалъ, въ ногахъ валяется, твердитъ одно сквозь слезы «не гоните», да и только. Задумались мужики передъ порогомъ, смѣкаютъ, что либо человѣкъ не въ своемъ разумѣ, либо изъ такихъ, что ужь черезъ край хватилъ горя и напастей разныхъ, да и не изъ сѣрыхъ онъ будетъ, по облику видать, только во всякомъ случаѣ не изъ такихъ, что гнать слѣдуетъ.

— Очнись, милый человѣкъ, никто тебя гнать не хочетъ,— какъ смогъ, ласковѣе сказалъ Ермила Сытый.—Да посторонись, другъ, дай и намъ въ избу ходу. Будетъ же тебѣ ревѣть-то, воронья снѣдь, сказываютъ, «не погонимъ»!..

Забрались мужики въ избу, расхозяйничались, всему осмотръ подробный сдѣлали. Обѣдъ изъ принесенной провизіи на славу состряпали, потомъ для совѣта засѣли и порѣшили такъ:

Мальчонку съ собой взять въ деревню, а этого здѣсь въ избѣ оставить, оставить ему и снасть, и винтовку, и боевого запасу, пускай, молъ, промыслуетъ, по Максимову наслѣдству. Блаженный, да послѣ блаженнаго. Чтобы, молъ, на село къ намъ не приходилъ, потому отъ грѣха подальше, мало ли что бываетъ, а что къ нему, въ избу, время отъ времени будутъ навѣдываться промышленники, оно имъ и сподручно, когда жилье есть, ину пору непогоду пересидѣть, обогрѣться тоже зимою.

Разспросовъ этому блаженному никакихъ не чинить, потому ихъ самихъ претитъ отъ одного слова «допросъ», а тутъ еще сами этакимъ богопротивнымъ дѣломъ да заниматься станутъ. Не подобаетъ!

— Богъ тебѣ судья, кто ты былъ и что сдѣлалъ, Богъ надъ тобою одинъ и останется, такъ-то!

Сообщили это рѣшеніе блаженному, тотъ все время на деревянницѣ сидѣлъ; какъ услышалъ, глаза у него даже заискрились. Андронъ тѣмъ временемъ все пытался мишку опять въ ларь засадить, да неудачно: выросъ звѣрь, не хочетъ въ ларь садиться, а если влѣзетъ, то сейчасъ-же вонъ оттуда, свободно и безъ всякой посторонней помощи.

Ночь прошла; переночевали всѣ, кто въ избѣ, кто на дворѣ, около; ужинать сварили каши съ саломъ; дивились, какъ блаженный эту кашу обработывалъ; наложили ему въ отдѣльную миску, сѣлъ онъ на порогѣ, Варнашка около, уже помирились, да такъ изъ общей посудины и пользовались...

— Какой вѣры? Вѣроисповѣданія какого придерживаешься?— полюбопытствовалъ было Никаноръ, бывшій дьяконъ.

— Да, ну, тебя, жеребячья порода!—прошамкалъ старый Якимъ,—чего пристаешь къ нему: «какой вѣры, какой вѣры?..» да ты самъ, долгогривый, какой? Христіанской, что-ли?! Самъ вѣдь никоновецъ, чего же допрашиваешь.

— Не никоновецъ, а по исправленному, святой памяти, патріархомъ Никономъ,—началъ было Никаноръ.

— Цыцъ! ражій волкъ!—рявкнулъ Ермилъ Сытый,—уговоръ помнишь! Аль забылъ?! Такъ я напомню.

— Да, ну, васъ!—махнулъ только рукою никоновецъ и полѣзъ въ котомку, гдѣ у него бутылка была заготовлена.

На другой день, оставивъ блаженнаго дома, пошли на то мѣсто, гдѣ Максимъ погибъ; мальчикъ дорогу имъ указывалъ. Отыскали берлогу, отыскали оглоданныя волками кости медвѣжьи и человѣческія, похоронили останки Максимовы, забрали и санки со снастью, вырубили топоромъ восьмиконечный крестъ на корѣ сосны, надъ могилою, и домой вернулись, прогулявъ за этимъ дѣломъ безъ малаго двое сутокъ.

— Пора и въ село собираться,—говорятъ Андрону:—ну, малый, готовься въ дорогу!

Андронъ какъ понялъ, что отъ него требуютъ, такъ и руками и ногами: «не хочу въ село, не хочу изъ батькиной сторожки». Убѣжалъ было въ лѣсъ отъ такого предложенія, насилу его изоблавили. Какъ же быть, не тащить же ребенка, словно звѣреныша какого, противъ воли его, въ мѣшкѣ силою.

Якимъ Желѣзновъ тутъ рѣчь сталъ держать всему собранію, и началъ онъ эту рѣчь, помолившись и поклонившись, по старому обычаю, на всѣ четыре стороны:

— Таперича,—говорилъ онъ,—отецъ евойный, Андрошкинъ, померъ, и померъ онъ какъ слѣдъ быть, значитъ, на чистоту, и есть онъ, Андронъ, таперича, круглый сирота, потому и матери у него тоже нѣту. Господь, милостивецъ, печется и денно и нощно о всѣхъ тваряхъ земныхъ и водныхъ и, таперича, сироту тоже своимъ надзоромъ не оставилъ, послалъ ему человѣка блаженнаго, изъ лѣсу, и быть этому человѣку отцомъ Андрону, за мѣсто покойнаго дяди Максима. Такъ-то! Все, значитъ, сіе указуетъ перстъ Господень, и вы персту сему не должны, ни Боже мой, перечить и супротивъ прати.

— И это дѣло,—погладивъ бороду, поддакнулъ Ермилъ Сытый.

— Оставаться, значитъ, Андрошкѣ въ лѣсу, потому устами младенца воля Божья сказывается.

Такъ закончилъ свое слово старикъ Якимъ Желѣзновъ, такъ и порѣшили дѣло прочіе звѣроловы.

Передъ отходомъ своимъ еще совѣтъ дали остающимся; теперь уже рѣчь держалъ не Якимъ, а самъ Ермилъ Сытый.

— Живите здѣсь, братцы, всѣ четверо, потому вѣдь всѣ всего четыре штуки,—онъ указалъ пальцемъ по-очередно, словно подсчитывая, на блаженнаго, на мальчугана, на медвѣженка мишку и на пса Варнашку.—И живите по Божьему. Коли Богъ пошлетъ кого, пріютите; ты, набольшій, ты замѣсто отца остаешься, такъ ты это помятуй завсегда и печись о маломъ. Къ лѣсу приглядѣлся, такъ промысловать можешь и не праздный. Коли что понадобится, въ село Андрошку присылай. Онъ разъ нашелъ дорогу и другой разъ найдетъ, провожай его до опушки, а самъ не ходи, потому ты вѣдь не изъ сѣрыхъ, ты можетъ изъ такихъ, что выслѣживаютъ, а у насъ на селѣ неровенъ часъ это случиться можетъ, особливо какъ парвешься на день наѣзжій, мѣновой. Такъ ты уже лучше сиди безвылазно въ лѣсу и наблюдай свой этапъ, строй избу, потому тоже это самое жилье завсегда намъ въ промысловое время пригодиться можетъ... понялъ?!

— Понялъ! — съ переполненнымъ чувствомъ благодарности сердцемъ отвѣчалъ блаженный, никакъ только не соображая одного, что такое значитъ: «человѣкъ не изъ сѣрыхъ, а по-

тому такой, что можетъ быть выслѣживаемый, и потому опасный».

Оставили мужики всю провизію, что съ собою притащили, забрали шкурье, что только нашли въ сѣняхъ на растягахъ, добычу покойнаго дяди Максима, и ушли, порѣшивъ къ общему удовольствію и судьбу блаженнаго, и Андрошкину; сотоварищи, организовавъ себѣ на зимнее, промысловое время, «обчественный», какъ они называли, *этапъ*, надежное пристанище и даже до времени складочное мѣсто.

Межъ собою порѣшили обо всемъ этомъ зря не болтать, особенно при чужихъ людяхъ, во время наѣзжее, мѣновое.

XV.

Хорошо зажили обитатели Максимовой избы на новомъ, порѣшенномъ положеніи.

Андронъ скоро привыкъ звать батькою человѣка изъ лѣсу; этотъ человѣкъ даже полюбился мальчику больше, чѣмъ его прежній батька; тотъ былъ грозенъ больно и суровъ, рѣдко отъ него на долю ребенка перепадало ласковое слово, а этотъ мягкій, обходительный, не крикнетъ даже на мальчугана никогда, а все съ ласкою обращается. Отецъ покойникъ, правда, добычливъ былъ шибко на звѣря и птицу, и уже очень интересныя вещи про звѣрье разсказывалъ; этотъ тоже много хорошаго говоритъ, совсѣмъ новаго, страсть тоже занятнаго, хотя вовсе непохожаго на батькины Максимовы росказни.

Максимъ горькую воду пилъ, и это питье всегда сопровождалось большими непріятностями для ребенка, а этотъ не пьетъ горькой воды вовсе, а бутылку бережетъ на полкѣ, на всякій иной случай...

Мысленно не разъ Голованъ сравнивалъ своего прежняго батьку съ новымъ, и каждый разъ такое сравненіе не было особенно выгодно для покойнаго... и съ каждымъ днемъ совмѣстной жизни, ребенокъ все болѣе и болѣе привязывался къ человѣку изъ лѣса, вытѣсняя изъ своего сердца и памяти образъ батьки Максима, такъ что этотъ образъ отошелъ уже на совсѣмъ отдаленный планъ, рисуясь въ представленіяхъ Голована въ самыхъ неясныхъ чертахъ, вызывающихъ всегда болѣе непріятное, нежели пріятное воспоминаніе.

Скоро, еще скорѣе мальчика, привязался къ новому хо-

зяину и Варнашка песъ; упорнѣе всѣхъ косился и обходилъ при встрѣчѣ бокомъ, ворчалъ и даже зубы скалилъ Мишка-медвѣженокъ, да и тотъ скоро покорился, особенно послѣ того раза, какъ человѣкъ изъ лѣса нашелъ за оврагомъ, въ дуплѣ, улей дикихъ пчелъ, выцарапалъ оттуда сладкіе, сочные соты и принесъ эту находку въ избу... Правда, тутъ непріятность маленькая для всѣхъ случилась: за похитителемъ ворвался цѣлый рой, раздраженныхъ покражею со взломомъ, крылатыхъ собственниковъ, и досталось же всѣмъ отъ нихъ: у кого носъ раздуло огурцомъ, у кого ухо вспухнуло, у мишки такъ даже глаза закрылись на день. Насилу откурились осажденные, да зато послѣ великій праздникъ насталъ.

Новый батька оттопилъ соты въ котелкѣ, медъ густой, темный такой, особо слилъ, а ярко-желтый воскъ особо; говорилъ Головану, что изъ этого воска свѣчи будетъ дѣлать и, что отъ этихъ свѣчей свѣтло и недымно, какъ отъ печки, будетъ у нихъ въ избѣ, когда темныя, долгія ночи зимнія начнутся.

Заинтересовался мальчикъ, что такое за свѣчи, да такъ заинтересовался, что даже сталъ желать: «какъ бы это зима скорѣе приходила!»

Новый батька тоже ходилъ на охоту, всегда съ Головаюмъ, только мало удачи было сначала. Понималъ Андронъ, что этотъ недавно будто ведетъ промысловое дѣло, не такъ споро выходитъ у него все, какъ у стараго батьки. Ну, а потомъ дѣло пошло ладнѣе. Заходили тоже разъ сюда, уже передъ осенью, тотъ же дьяконъ Никаноръ со старикомъ Якимомъ Желѣзновымъ, долго говорили съ батькою, ночевали, съ разсвѣтомъ всѣ трое ушли и Варнашку взяли, Мишку съ Андрономъ дома оставили и цѣлую недѣлю въ лѣсу путались.

На пользу пошла новому батькѣ эта охотничья недѣля... Смѣтки-разуму было у него довольно, больше даже, чѣмъ надо на такое дѣло, а смѣлостью Богъ не обидѣлъ... Послѣ этой недѣли совсѣмъ наладилось промыслованіе...

Кромѣ мѣховой добычи, еще дѣло было затѣяно. Новый батька кедровые да сосновые пни рылъ по близости и въ кучу стаскивалъ; много возни было съ этою работою: тяжелые пни, иной такой крѣпкій, что и не расколешь его, цѣлый день съ топоромъ возившись; однако, терпѣніе все одолѣвало. Кучи эти

батька землею засыпалъ, дерномъ рѣзаннымъ обкладывалъ, желоба проводилъ изъ ивняка долбленаго, а потомъ подвалитъ съ одного конца сухолому разнаго, разведетъ огонь, страсть! въ десяти шагахъ стоять жарко, и дастъ этому огню прогорѣть хорошенько. Цѣлую недѣлю, а то и больше все дымитъ такая куча, такъ, полосою черный дымъ и стелется по лѣсу; по желобамъ черное, густое потечетъ, батька дегтемъ называлъ и собиралъ этотъ деготь въ боченки пересѣки, да мало такихъ оказалось, батька самъ началъ долбить подходящую посудину.

Пчелъ дикихъ перевелъ въ яблоковую заросль и колоды долбленыя своего издѣлья имъ понаставлялъ, перегородокъ въ нихъ понадѣлалъ... послѣ у нихъ уже много меду было и воску накопилось столько, что съ залишкомъ на свѣчи хватило, а залишекъ этотъ продать, такъ можно, какъ батька говорилъ Андрону, новую гранчатку купить, со всѣмъ приборомъ.

Дивились мужики, какъ приходили, хотя и очень рѣдко повторялись такія посѣщенія, всѣмъ затѣямъ батькинымъ, звать его досужливымъ начали; забирали деготь, захватывали меду, шкурье, все, что добыто, а въ избу провіанту подносили...

Батька голубей развелъ; они и прежде прилетали было на крышу, да немного, а теперь и селиться здѣсь гнѣздами стали, когда имъ нарочно отведена была для этого часть чердака. Шибко хотѣлось батькѣ куръ развести, какъ просилъ достать ему изъ села пару; обѣщали все, да что-то не достали должно быть.

Какъ начнетъ батька соображать да разсказывать, что онъ только еще собирается завести да устроить, такъ просто глаза разгорятся у Андрона; и сталъ онъ теперь уже много понятливѣй прежняго, уже онъ теперь зналъ не то только, что самъ глазами видѣлъ да руками ощупывалъ, а многое даже такое, чего и не слыхалъ и не видалъ до этого, потому что, когда батька работаетъ, сынъ его названный все около него, а батька не молчитъ, у батьки и руки и языкъ въ ходу, все разсказываетъ и только такъ, ясно, не со злостью да урывками, какъ покойный Максимъ.

Разсказовъ батькиныхъ даже большіе мужики и тѣ заслушивались бывало, такъ оно занятно выходило.

Сколотилъ батька большущую доску, выстрогалъ ее ладно да гладко; и поставилъ эту доску въ сѣняхъ къ свѣту лицомъ.

— Это зачѣмъ, батька?—полюбопытствовалъ Голованъ, размазывая пальцемъ свѣтлую смолу, что сочилась на свѣжей струганкѣ.

— А это великое дѣло будетъ,— отвѣчалъ батька, гладя его по головѣ.—Это ты будешь грамотѣ учиться, а учатся для того, чтобы свѣту больше тебѣ было. Какъ выучишься, такъ самъ увидишь, какая разница быть грамотнымъ или быть человѣкомъ темнымъ.

— И Мишка учиться будетъ? — спрашивалъ заинтересовавшійся ребенокъ, не спуская теперь глазъ съ доски.

— Коли пойметъ, пусть и Мишка учится,—засмѣялся батька.

Время стояло такое, что и безъ ученья грамотѣ дѣло было, батька отложилъ это ученіе до зимы. Изо дня въ день шла покойная духомъ, рабочая жизнь. Батька веселый сталъ, меньше и меньше задумывался уже, какъ прежде бывало, въ мальчикѣ подросточкѣ души не чаялъ, да и какже иначе: въ этомъ ребенкѣ, Богомъ ему ниспосланномъ, сосредоточилась вся его жизнь, онъ теперь составлялъ цѣль этой жизни, онъ воскресилъ ее.

Лѣсъ дремучій, безконечный лѣсъ охватилъ его со всѣхъ сторонъ и отрѣзалъ его всего остального міра, но кромѣ лѣса стояла между нимъ и этимъ міромъ еще другая преграда, несокрушимая, неперелазная хотя и невидимая простымъ глазомъ.

Онъ умеръ для того міра, а здѣсь въ этомъ новомъ міру судьба послала ему вновь и новую жизнь, и новыя привязанности.

Человѣкъ изъ лѣса мечталъ, что онъ можетъ и долженъ сдѣлать изъ этой чистой первобытной, цѣльной натуры, каковъ былъ сынъ покойнаго дяди Максима; онъ увлекался въ своихъ мечтахъ даже за предѣлы возможнаго. Когда онъ говорилъ что нибудь ребенку, онъ не сводилъ съ него глазъ и съ жадностью ловилъ на его лицѣ каждую черту, сколько нибудь выражавшую, что ребенокъ его понимаетъ ясно; когда этого не удавалось, когда онъ убѣждался, что его слова не были поняты, онъ долго обдумывалъ и взвѣшивалъ свои собственные способы выраженій, искалъ въ нихъ причину непонятности, но никакъ не въ недостаткѣ способностей мальчика, мучился, страдалъ и все-таки, послѣ долгихъ, терпѣливыхъ усилій, добивался таки того, что трбовалось.

А время шло своимъ чередомъ.

Мишка въ холѣ да на привольныхъ кормахъ подросъ, всѣхъ своихъ лѣсныхъ собратій перегналъ ростомъ, просто звѣремъ большимъ сталъ выглядывать, былъ бы при маткѣ, давно бы братишекъ своихъ малыхъ пѣстовалъ. Самъ темно-бурый, къ спинѣ и темени совсѣмъ черный, на лбу звѣздочка бѣлая, на груди тоже бѣлая проталина; изъ самыхъ, что ни на-есть свирѣпыхъ долженъ былъ быть по этимъ примѣтамъ, его даже мужики большіе, когда приходили, поопасывались; да привыкъ онъ къ духу и виду человѣческому, сдружился съ людьми и звѣрь былъ ласковый, даже услужливый, а къ тому же великій забавникъ: какъ примется кувыркаться да меду просить у большака, такъ просто всѣ за животы хватаются отъ смѣха, на всѣ продѣлки глядючи.

И Варнашка большимъ псомъ сталъ, степеннымъ сторожемъ и настоящимъ помощникомъ въ промысловомъ дѣлѣ, пересталъ зря по глупости брехать на вѣтеръ, когда и подастъ голосъ, такъ съ толкомъ. Съ медвѣдемъ въ большой дружбѣ состоялъ попрежнему, а спалъ врозь: мѣдвѣдь въ сѣняхъ, а песъ всегда на дворѣ у порога.

Андронъ Голованъ тоже выровнялся ростомъ, головою уже по поясъ хваталъ батькѣ и силы понабрался не по лѣтамъ, другому и взрослому не поднять то, что мальчикъ шутя взваливалъ себѣ на спину. Шустрый сталъ мальчуганъ, понятливый, на все способный: только намекни ему, а онъ уже и сообразилъ, словно за старое, давно знакомое дѣло принимается.

Пришло время грамотѣ учиться, такъ сразу сталъ перенимать эту науку у батьки; что онъ начертитъ углемъ на доскѣ, запомнитъ и самъ чертить тоже примется. Въ мѣсяцъ работы уже цѣлыя фразы на доскѣ писанныя разбиралъ и самъ слова складывалъ.

Разъ Никаноръ-дьяконъ, заставъ нашихъ за такою работою, упрекнулъ было батьку:

— Ты чтожъ это, человѣче,—сказалъ онъ,—гражданской грамотѣ его обучаешь, а не съ часослова началъ?

— Доберемся и до этого, — отмолвился только батька,— всему свое время.

И замялъ сейчасъ разговоръ, перейдя на то, какъ надо будетъ на выдру ловушки ставить, потому они на лѣсныхъ озе-

рахъ мѣсто такое отыскали, что непремѣнно выдра водиться должна, какъ примѣты показываютъ.

Осень пришла. Пожелтѣлъ листъ на деревьяхъ, опадать сталъ; еще чернѣе выдѣлялись кедры и сосны на этомъ желто-красномъ фонѣ лѣса. Натрясли цѣлый уголъ въ сѣняхъ дикихъ яблокъ, насушили грибовъ, наготовили на зиму; этими мелочами покойный Максимъ никогда, бывало, не занимался, бабствомъ непутевымъ называлъ; топлива наготовили, гора горою, выше избы самой, и сложили эту гору теперь на иномъ мѣстѣ, болѣе удобномъ, какъ разъ съ сквозной стороны, чтобы дрова дровами, а и отъ вѣтру тоже была защита. Щели, какія только свѣтились въ срубѣ, всѣ тщательно законопатили, завалину землею обвалили, плетень вычинили, а гдѣ и новый заборъ сдѣлали.

Устроилъ тоже батька сани большія, хоть и легкія на ходу: «это, говоритъ, Мишка таскать будетъ; мы его пріучимъ, вотъ какъ снѣгъ выпадетъ». Уже и шлею на медвѣжью шею изготовилъ, все какъ слѣдуетъ сладилъ.

Задумывался онъ только надъ тѣмъ, что изба тѣсновата какъ будто, а какъ ее пораздвинешь, да и темно въ избѣ, окно-то больно мало. Ну да, Богъ дастъ, перезимуемъ, а тамъ у него планы были такіе, чтобы упросить мужиковъ подсобить на общественное дѣло и сообща выстроить избу большую, свѣтлую, на двѣ половины и непремѣнно чтобы съ банею.

Разъ долго что-то не навѣдывались пріятели изъ села, а надо было. Послалъ батька Голована. Помня уговоръ самому на село не соваться, проводилъ его до опушки, даже на гору поднялся и оттуда все слѣдилъ глазами за ребенкомъ.

Сколько онъ мучился, сколько перенесъ, пока тотъ не вернулся; все ему худое мерещилось, все ему казалось, что вотъ ушелъ туда мальчуганъ и только онъ его и видѣлъ, что уже болѣе его Андронъ къ нему не вернется. Пройди еще послѣднее ожиданіе, и батька не вытерпѣлъ бы, онъ самъ пустился бы на поиски за сыномъ и какъ разъ влопался бы въ бѣду, пожалуй, потому что въ эту именно пору прибыли на село два чужихъ чиновала: урядникъ казачій съ казеннаго этапу и мѣщанинъ одинъ нерчинскій, что иногда навѣдывался въ село Чумленое соболей скупать и тѣмъ отъ прочихъ торгашей-скупщиковъ отличался, что никакого товару другого,

кромѣ соболей, ему не требовалось. Захватитъ сколько есть, двѣ-ли штуки, три-ли, хоть одну, и ѣдетъ себѣ назадъ, на своей саврасой кобылѣ.

И разсказывали эти два заѣзжихъ человѣка, что въ Нерчинскѣ года два тому назадъ одного бѣглаго розыскиваютъ: примѣты разосланы повсюду и награды обѣщано пять сотенныхъ бумажекъ тому, кто либо самого розыскиваемаго доставитъ, либо укажетъ начальству мѣсто его жительства.

Ермилъ Сытый, Никаноръ-дьяконъ бывшій, дядя Иванъ, Якимъ Желѣзновъ старый, всѣ прочіе мужики даже и глазомъ не моргнули, слыша такія рѣчи, только Пашка цѣловальникъ словно воззрился въ говорящаго и про себя въ бороду промолвилъ:

— Пять сотенныхъ деньги, за нихъ можно бы постараться, да гдѣ ты его отыщешь, этого бѣглаго острожника, мало ли въ побѣгахъ кажинный годъ гибнетъ. Полтора года, сказываютъ, прошло, что-ли?— переспросилъ онъ уже громко.

— Можетъ и больше немного, — отвѣчалъ казачій урядникъ. — Я самъ бумаги не видалъ, а сказывали въ этапной канцеляріи.

XVI.

Батька съ сыномъ пошли однажды на дальнія озера. Дѣло было уже глубокою осенью.

Находились эти озера за высокимъ кряжемъ, и дорога къ нимъ пролегала трудная; пока еще горами да сухимъ лѣсомъ ничего, а дальше за спускомъ болотины все залегли да топи, такія трясины, что, не зная путемъ мѣста, и не выберешься, какъ залѣзешь сдуру. Черезъ эти трясины, по кочкамъ да по корнямъ сплетшимся, хитрыми извилинами шли кабаньи тропы вплоть до самыхъ камышей, издали желтѣвшихся своею густою щетиною. Тамъ въ одномъ мѣстѣ ива выросла какъ-то, и у этой самой ивы батька, еще лѣтомъ, выдолбивши челнокъ, держалъ это нехитрое суденышко на привязи. На челнокѣ этомъ можно было перебраться на островки, что шли цѣпью по самой серединѣ озера, а на одномъ изъ этихъ островковъ повыше замѣчены были и слѣды выдровой зимовки; тутъ батька лѣтомъ тоже видалъ и самыхъ звѣрьковъ, какъ они высовывали изъ-подъ воды свои круглыя, усатыя головы; видѣлъ даже на берегу двухъ: грѣлись они на солнышкѣ, а какъ зачуяли че-

ловѣка, проворно такъ, на своихъ коротвихъ лапкахъ, опять къ водѣ удрали, только круги пошли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они нырка задали.

Утокъ тоже здѣсь на озерахъ было видимо-невидимо. Во время весенняго прилета, такъ по ночамъ, бывало, не видать самой птицы, а только звонъ стоитъ во тьмѣ отъ взмаховъ безчисленныхъ крыльевъ. Лебеди здѣсь, долгошеи, стаями плавали, гуси разводили семьи; что разной голенастой птицы, просто царство пернатое!..

Водилась тутъ и гадина разная, надо было съ осторожностью ходить въ этихъ мѣстахъ, а то и на смерть свою набрести можно было бы. Однимъ словомъ, мѣста были чудесныя.

Вотъ и собрались провѣдать эти самыя мѣста отецъ съ сыномъ.

Отецъ взялъ гранчатку, топоръ, лопатку вмѣсто весла, сынъ перекинулъ черезъ плечо холщевую сумку съ харчами; еще до полудни перевалили кряжъ, начали спускаться.

Обрамленныя желтыми камышами, широкою полосой зеленовато-бурой трясины, а дальше сплошною стѣною дремучаго синяго лѣса, эти озера развернулись передъ ихъ глазами со всѣми своими островками, со всѣми мельчайшими извилинами топкихъ береговъ. Высоко сводомъ синее осеннее небо, бѣлыя облака бѣгутъ по немъ, а внизу въ озерахъ то же небо, тѣ же облака. Тамъ словно серебромъ блеснуло солнце, скользнувъ своими косыми лучами въ водѣ, тамъ всколыхнулась мелкая темно-свинцовая рябь; тамъ тихо, покойно, какъ въ зеркалѣ, отражаются на гладкой поверхности каждый островокъ, опрокинутый внизъ вершинами своихъ деревьевъ, каждый полетъ птицы издалека мелькающей своими бѣлыми крыльями. Вотъ вереницею тянутся, да низко такъ, запоздалые гуси. Вонъ, черные орлы плавно носятся надъ берегомъ, поджидая и подстерегая, не выкинетъ ли имъ прибоемъ на сухое мѣсто, какую-нибудь уснувшую рыбину. Вонъ и семья кабановъ тропинкою къ водѣ пробирается, вязнутъ тоже тяжелыя твари, чуть вытаскиваютъ изъ тины свои ноги. Старый кабанъ-сѣкачъ, весь смолой залитый, цѣлое лѣто о сосны чесался должно быть, передомъ идетъ, рыло-пятакъ поднялъ и сверкаетъ на солнцѣ своими острыми клыками, злобно, подозрительно смотрятъ крохотные глазки, дыбомъ торчитъ жесткая грязная щетина, такъ и ходятъ косматыя стоячія уши и слышится его отрывистое предостерегательное похрюкиваніе.

Сдѣлали тутъ наши привалъ, огонекъ развели, потому день хотя и солнечный былъ, а все-таки холодновато въ лѣсу, особенно здѣсь съ навѣтренной стороны; такъ и пронизываетъ насквозь этимъ злымъ осеннимъ вѣтромъ. Сидятъ, закусываютъ, любуются видомъ на озера со всѣмъ, что на этихъ озерахъ живетъ и движется, разговариваютъ, а Варнашка тоже около лежитъ и гложетъ кость, зажавъ ее между передними лапами.

— Вотъ, видишь ты эти самыя озера,—говоритъ названный батька, — они другъ съ дружкою протоками связаны, можно эти протоки и порасчистить, тутъ большаго труда не будетъ. А озера эти далеко идутъ, я знаю, вонъ за тою горою огибаютъ серпомъ, верстъ на сто не меньше, а тамъ рѣка изъ послѣдняго большая выходитъ. Я помню эту рѣку, я ее видѣлъ, я чуть не утонулъ въ ней, когда переплывалъ,—добавилъ онъ, задумавшись и словно припоминая какое-то обстоятельство, давно уже минувшее.—Тогда они стрѣляли еще по мнѣ.

— Кто стрѣлялъ?—испуганно спросилъ ребенокъ,—развѣ человѣка можно стрѣлять; волка стрѣляютъ, медвѣдя. Дядя Никаноръ вотъ бѣлокъ все бьетъ изъ гранчатки, а человѣка развѣ стрѣлять можно?!.

— Значитъ, можно, — промолвилъ батька. — А можетъ, я тогда человѣкомъ не былъ, можетъ быть меня за волка и считали.

— За волка?!,

— Э, да нѣтъ, не къ тому я началъ!—словно опомнившись и тряхнувши головою, продолжалъ батька.—Такъ вотъ значитъ, по этимъ озерамъ можно до рѣки добраться, а тамъ уже широкая дорога; это и есть настоящій путь изъ лѣсу.

— Вотъ у насъ челнокъ-долбушка есть, маленькій онъ, для такого дѣла не годится, а можно вѣдь большія лодки построить, можно такія сдѣлать, что всю нашу избу цѣликомъ поставить на нихъ можно. На этихъ лодкахъ надо возить изъ лѣсу все, что здѣсь добываемъ. Здѣсь вотъ, гдѣ мы сидимъ, можно уголь жечь, деготь гнать, лѣсъ валить, доски пилить, тесъ, зимою, когда морозомъ стянетъ трясину, можно хоть цѣликомъ самыя большія деревья къ озеру стащить на санкахъ, тамъ ихъ въ плоты вязать на льду-то, а какъ растаетъ по веснѣ, гони водою эти плоты куда хочешь. Вода вѣдь дѣло великое, многосильное!..

— Тутъ и избѣ нашей мѣсто, а не тамъ, гдѣ она теперь стоитъ, въ трущобѣ невылазной, да не такую, впрочемъ, избу надо здѣсь, и не одну... надо большія избы, большіе сараи, чтобы гдѣ было запасать все да хранить до времени; надо, чтобы здѣсь народу много жило и жилъ бы этотъ народъ дружно, вотъ какъ мы съ тобою... тогда все хорошо пошло бы...

— Въ лѣсу тоже нужны избы, въ разныхъ мѣстахъ, особнячки. Эти избы народъ бы сберегали, промышленники притонъ въ нихъ имѣли бы, а здѣсь главное мѣсто сходки; тутъ и склады общественные... Тутъ больницу можно завести, знаешь, когда кто занеможетъ? не знаешь ты еще этого, что значитъ занемочь, дай Богъ и не знать тебѣ никогда, да все можетъ случиться. Больница такое мѣсто, жилье, гдѣ всѣхъ больныхъ складываютъ и лечатъ ихъ, травы имъ даютъ полезныя, кормятъ, присматриваютъ за ними... Школу тоже для дѣтей... Вѣдь не одинъ ты на свѣтѣ маленькій мальчикъ. Я вотъ тебя учу грамотѣ, разсказываю все, что знать слѣдуетъ; и другимъ тоже надо учиться, а школа—это большая, свѣтлая изба, и въ ней дѣти въ свободное время собираются, и ихъ учатъ. Одинъ человѣкъ большой учитъ ихъ разомъ всѣхъ—и писать учитъ, и читать, и тоже хорошія вещи разсказываетъ... Вотъ все бы это здѣсь надо и все это можно сдѣлать, только бы дядя Иванъ, да Никаноръ, да Ермилъ, Якимъ тоже, всѣ бы мужики взялись дружно за дѣло, все можно было бы сдѣлать. Дикія эти мѣста, безлюдныя, мало кто, а можетъ кромѣ насъ и совсѣмъ никто сюда не заглядывалъ, и много лѣтъ пройдетъ еще—не заглянутъ, а то бы совсѣмъ все перемѣнилось... Сколько добра въ лѣсу пропадаетъ, все бы пошло на пользу...

Говоритъ батька, а Андронъ слушаетъ, не все хорошо понимаетъ, а слушаетъ и все на озеро озирается, чудится ему: и лодки большія уже идутъ по нимъ, и плоты безъ конца тянутся, и мужики на берегу копошатся. Дымъ валитъ столбомъ на горѣ, избы стоятъ большія, все такія, какъ тотъ разъ онъ въ селѣ видалъ, и сидятъ полукругомъ все мальчики маленькіе, а батька въ серединѣ стоитъ, доска струганная около него, и чертитъ батька углемъ на этой доскѣ, а тѣ еще пока не понимаютъ что, понимаетъ только онъ одинъ, Андронъ, и читаетъ, слѣдя за углемъ батьки, длинное слово «Благосостояніе», то самое слово, надъ складомъ котораго онъ, недѣли три тому назадъ, особенно усердствовалъ.

Живо прошелъ въ отцовскихъ занятныхъ розсказняхъ часъ отдыха, минутою одною показался этотъ часъ Андрону. Поубрали оставшуюся снѣдь въ котомку, оглядѣлъ батька гранчатку, переобулись какъ слѣдуетъ для ходьбы по трясинным тропамъ и тронулись въ путь.

Нелегка была дорога лѣсомъ да горами, еще того тяжелѣе пошла низомъ... Бились, бились путники, насилу только къ вечеру добрались до камышей, за которыми уже чистыя воды начинались; вышли прямо къ ивамъ, гдѣ челнокъ былъ привязанъ; а тутъ опять бѣда: вода сошла пониже, челнокъ-то на сухомъ мѣстѣ оказался. Это пустяки, долго ли его спихнуть, да расщелился онъ отъ засухи, нельзя спустить на воду, не проконопативши какъ слѣдуетъ, затонетъ...

Принялись за работу. Моху кругомъ въ волю; часа два возились однако, совсѣмъ темнѣть начало. Рѣшили во всякомъ случаѣ ночевать не здѣсь въ болотѣ, а на островѣ; тамъ много суше, тамъ даже есть одно мѣсто песчаное и сосняком поросшее; тамъ и посмолить можно будетъ челнокъ, только бы въ немъ на ту сторону выбраться.

Стащили долбушку въ воду, ничего—держитъ. Сѣлъ осторожно на кормовую сторону батька съ лопатою, Андрона впередъ посадилъ, съ строгимъ наказомъ сидѣть смирно и не ворочаться, а Варнашку не пустили, Варнашка вплавь можетъ держаться за лодкою. По срединѣ сложили добро и оружіе.

Валокъ челнокъ, того и гляди перекувырнется; сидитъ онъ теперь глубоко въ водѣ подъ грузомъ, каждое движеніе размѣрять да взвѣшивать надо. А плыть не близко; глазомъ-то кажется, будто вотъ онъ, островъ-то, рукою подать, а поди, доберись сначала до его берега.

Холодновато стало подъ вечеръ, да и вѣтеръ усилился. Здѣсь между островкомъ еще тихая полоса, чуть только рябь набѣгаетъ, а по ту сторону, по большему озеру, даже зайчики бѣлые забѣгали... Солнце садилось за тучи и красное такое стало... Безпокойно поглядываетъ батька въ ту сторону. «Ужъ не вернуться ли?» думаетъ. А ворочаться теперь уже нѣтъ никакого разсчета, отъ острова-то, пожалуй, теперь ближе будетъ, чѣмъ отъ матераго берега — да и на островѣ лѣсъ есть, починку можно справить... Работаетъ батька усердно лопатою...

— Вода набирается!—остерегъ его Голованъ—онъ вѣдь на

самомъ днищѣ сидѣлъ, такъ живо почувствовалъ холодную воду, просочившуюся сквозь сухую конопатку...

— Вижу, что вода—ничего не подѣлаешь... Скоро доберемся, небось, не затонемъ...

Сунулъ батька лопату прямикомъ въ воду, не досталъ однако дна, хоть и просвѣчиваютъ оттуда длинные, перепутанные стебли водорослей...

Варнашка бодро плыветъ за ладьею, только пофыркиваетъ носомъ; въ сторону было погнался за какою-то чуркою, принявъ ее за живое существо, да замѣтилъ во время свою ошибку, сконфузился и сталъ на прежній курсъ, къ песчаной отмели...

— Батька, вода все больше набирается!..

— Вижу, что больше,—задыхаясь, отвѣтилъ батька, изо всей мочи налегая на лопату...

Потянулся ребенокъ, чтобы гранчатку убрать, да рожекъ съ порохомъ отъ подмочки спасти, набѣжала зыбь въ эту самую минуту, качнуло челнокъ, мальчикъ за бортъ рукою схватился, суденышко еще больше накренилось, черпнуло воды краемъ...

— Сиди смирно!..

Шагахъ въ двадцати отъ берега, немного не доплыли, пошелъ челнокъ ко дну, до краевъ водою переполненный; взвылъ Варнашка, глядя на крушеніе, и около кружится... Ничего, обошлось благополучно—показалась намокшая голова батьки, струями вода течетъ съ бороды... Здѣсь точно уже неглубоко было, всего по грудь батькѣ. Головану нельзя стоять, онъ ухватился за плечо отцовское, и ногами бьетъ по водѣ, а гранчатку и сумку не выпускаетъ, зубами держитъ за ременную перевязь...

Выбрались кое-какъ на берегъ, насквозь промокши,—такъ и обдало ихъ холоднымъ вѣтромъ, зубы дробь выбиваютъ... Бѣгомъ бросились въ молодой сосенникъ, тамъ затишье. Огонь разводить принялись, да вотъ бѣда—трутъ подмокъ, надо еще сыскать что подходящее .. Часа два возились съ огнемъ —пока запылало яркое пламя; тогда поразднѣвались оба донага, стали сушиться... Поѣсть бы теперь хорошо чего горячаго, да нечего, утопили провизію вмѣстѣ съ самодѣльною лодкою... Какъ согрѣлись, легли спать не ѣвши, на тощій желудокъ, а ночью дождь пошелъ, да ливень осенній, холодный къ утру, такъ даже съ изморозью закрутилъ...

Задумался батька,—какъ же быть теперь съ обратною дорогою? Челнока со дна одному не поднять, да его теперь, чай, такъ тиною засосало, что и не отыщешь скоро, а здѣсь же на островѣ не зимовать, на ту, на свою сторону перебираться надо. Бросилъ онъ и выдру слѣдить, ну ее къ нелегкому, другая теперь, болѣе серьезная забота...

Долго думалъ батька и надумалъ: навязать пучки хворосту побольше, да на этихъ вязанкахъ и перебраться; принялись за работу... Съ холоду-то горячо за дѣло взялись; батька подсѣкаетъ вѣтви, Андронъ въ кучи стаскиваетъ на берегъ и вяжетъ, а дождь, какъ на зло, не перестаетъ, сѣрыя сплошныя тучи все небо обложили, туманомъ берега затянуло, только гулъ безконечнаго лѣса съ матерой стороны сюда доносится.

Вырубилъ батька жердь длинную, обчистилъ сучья, осмотрѣлъ вязанки, скрѣпилъ ихъ, какъ могъ, и спустилъ на воду; усѣлся, хорошо держитъ, хоть и ноги въ водѣ; усадилъ Андрона, тотъ смѣется, все ему, малому, забавно; усадили и Варнашку—поплыли... Снесло ихъ вѣтромъ далеко отъ двухъ ивъ, отъ того мѣста, куда кабанья тропа выходила; пришлось потомъ еще долго сквозь камыши пихаться шестомъ. Прибыли къ ивамъ, совсѣмъ измучившись, даже Варнашка и тотъ носъ повѣсилъ, хвостъ опустилъ и воетъ на вѣтеръ жалобно... Насилу-насилу добрались до сухаго пути, до лѣсного затишья; опять огонь развели, опять сушиться начали, еще ночь провели озябшіе, на тощій желудокъ.

Ночью батька проснулся отъ сильной головной боли, проснулся и наклонился къ спящему Андрону—этотъ бредитъ во снѣ, не разберешь словъ, а воркотня одна... Взялъ его за руку батька, нахмурился, положилъ ладонь свою ребенку на голову... Словно котелъ нагрѣтый, такъ и пышетъ... Всю ночь остальную просидѣлъ батька, не смыкая глазъ надъ спящимъ сыномъ, сдѣлалъ надъ нимъ шалашъ изъ хвойныхъ вѣтокъ. Чуть свѣтать начало, проснулся Голованъ и первымъ дѣломъ пить запросилъ.

Заторопился батька домой—пошли. Только теперь Андронъ далеко не такъ прытко шагалъ, какъ сюда—на второй же верстѣ сталъ приставать, поблѣднѣлъ весь въ лицѣ, ноги подкашиваться начали, а только присѣлъ на минуту, опять всего въ жаръ кинуло...

Тутъ уже зналъ батька, что ему надо дѣлать. Взялъ онъ ребенка на руки, какъ перышко вскинулъ и, позабывъ свою

головную боль, позабывъ усталость, словно не чувствуя своей довольно тяжелой ноши, зашагалъ такъ, что и на лошади не всякій бы догналъ его по этимъ, еле проходимымъ лѣснымъ тропинкамъ...

Разнемогся бѣдняга Голованъ не на шутку... Одолѣли таки этотъ желѣзный, хотя и крохотный организмъ осенняя непогода да двѣ ночи подъ дождемъ послѣ невольнаго купанья; понялъ батька, что тутъ уже не отдѣлаться мальчугану легкою простудною хворостью, а надо будетъ, пожалуй, со злою болотною горячкою помѣряться силами... А болѣзнь эта въ здѣшнихъ краяхъ смертельный врагъ человѣка, отъ нея и взрослые богатыри не часто выздоравливаютъ, а ребенку гдѣ же перенести...

Добѣжалъ батька съ больнымъ дѣтищемъ на рукахъ до дому, ногою дверь вышибъ съ разбѣга, Мишку только нацугалъ съ просонковъ; тотъ ласциться сталъ къ прибывшимъ, ноги ребенку обнюхиваетъ, Андронъ не слышитъ медвѣжьихъ ласкъ, положилъ его батька на скамью, яргакъ подъ бокъ сунулъ, а онъ и лежитъ пластомъ, глаза закрылъ, стонетъ въ жару и руками безсознательно за голову хватается...

Живо батька печь растопилъ, обѣ двери настежъ, чтобы воздухъ освѣжить въ избѣ, воды согрѣлъ и мечется то отъ больного къ печи, то отъ печи къ больному и тоже все за голову хватается. . Мяты-бы, липоваго цвѣту, чаю... Господи! ничего-то у нихъ нѣту, а можно бы, вѣдь и не трудно бы все запасти было въ свое время... Да не запасено...

Проклинаетъ себя батька за такую оплошность,—кинулся къ полкѣ подъ образомъ, тамъ бутылка стояла съ водкою, неужели же дядя Никаноръ послѣдній разъ, какъ приходилъ, всю вылопалъ... Нѣтъ, слава тебѣ Господи, есть еще немного!..

Раздѣлъ онъ Головапа донага, натеръ его всего остатками водки, надѣлъ рубаху сухую, чистую, завернулъ въ яргакъ, прикрылъ сверху шкурами, самъ у изголовья сѣлъ и глазъ не спускаетъ съ этого пылающаго дѣтскаго личика... Пить все проситъ Андронъ, только и твердятъ его запекшіяся губы: «пить да пить»... А батька уже позаботился, бросилъ въ котелокъ съ кипяткомъ горсть кислицъ-яблокъ, ждетъ только, чтобы вскипѣли...

Быстро прошелъ первый день заботъ, настала ночь, тяжкая ночь для больного... Изныла душою батька, слушая дикій, не-

связный, безтолковый бредъ ребенка, глядя на эти воспаленные, то мутно уставленные въ одну точку, то сверкающіе лихорадочнымъ блескомъ глаза... А Варнашка, какъ на бѣду, все воетъ на дворѣ, да такъ уныло, словно бѣду какую-то песъ чуетъ...

Прошла и эта печальная ночь... Утромъ какъ-будто полегчало больному... Жаръ унялся, и пришелъ сонъ покойный, ровный... Добрый знакъ!.. Повеселѣлъ и батька и вышелъ на дворъ, подышать свѣжимъ воздухомъ да поразмяться на теплomъ осеннемъ солнышкѣ...

И самому ему неможилось, да въ заботахъ о сынѣ боль не чувствовалась, сама собою проходила. Ходитъ батька по двору, всѣ лѣчебныя средства перебираетъ; знаетъ онъ многое да гдѣ бы взять можно было...

— Хины бы,—думаетъ онъ,—это первое дѣло,—зубами даже заскрипѣлъ отъ злости на свое безсиліе, на полную невозможность добыть это спасительное средство.—Нѣтъ, не умретъ онъ,—разсуждаетъ самъ съ собою батька,—натура цѣльная, нетронутая, выдержитъ... не умретъ... не можетъ умереть... объ этомъ и думать нечего... Вотъ скоро, даже очень скоро, переломъ,—четыре-пять дней какихъ-нибудь, только наблюдать за жаромъ, чтобы жаръ этотъ не усилился чрезмѣрно, а тамъ... тамъ уже пойдетъ все хорошо... это пустяки... какая тутъ смерть!.. и похожаго ничего нѣту... Вздоръ!.. Варнашка!.. поди сюда, дуракъ, поди! Ну говори, умретъ онъ, ну, скажи,—да, ну же...

Подошелъ песъ, на человѣка смотритъ невесело и хвостомъ не вертитъ по обыкновенію, а все на двери избяныя оглядывается.

— Э, глупый! ты ничего не понимаешь—ты дуракъ, вотъ тоже струсилъ, какъ я сначала. А теперь, смотри на меня, видишь,—вѣдь я ничего не боюсь, я покоенъ... мнѣ даже весело... ну, смотри на меня... и ты будь покоенъ и Мишкѣ скажи, чтобы не волновался, я говорю тебѣ: живъ будетъ... Бу-детъ живъ! Пойми ты!..

Выкрикнулъ батька послѣднія слова, такъ выкрикнулъ, что даже гулъ пошелъ по лѣсу... да какъ заплачетъ вдругъ и, шатаясь, подальше отъ избы, чтобы ребенокъ не слыхалъ во снѣ этихъ надрывающихъ душу рыданій, да не проснулся бы до времени.

Тихо, тихо, словно не къ себѣ домой, а къ чужому добру, за худымъ дѣломъ, подкрался батька къ избѣ, осторожно перешагнулъ за порогъ и поглядываетъ на спящаго, а у того

опять загорѣлись недобрымъ румянцемъ щеки и по лбу красноватыя, расходящіяся пятна выступили.

Схватился за голову названный отецъ, ноги подкосились... Сѣлъ онъ на порогъ и прислушивается...

— Пить...—лепечетъ ребенокъ и снова метаться начинаетъ, снова руками въ воздухѣ размахиваетъ; яргакъ съ себя сбилъ, шкуры раскидалъ,—приподняться хочетъ, да голова уже очень тяжела стала, словно свинцомъ налитая, къ изголовью притягиваетъ, перевѣшиваетъ...

Забылъ въ этотъ день батька про себя, ѣсть даже себѣ не сварилъ, и Варнашка остался впроголодь... А Мишка на цѣлый день въ лѣсъ удралъ продовольствоваться, — онъ уже теперь частенько сталъ изъ дому шататься, въ силу звѣрь вошелъ, увѣренность въ себѣ почувствовалъ.

День за днемъ проводили, ничего отраднаго не принесли эти дни несчастному названному отцу; по временамъ, особенно подъ утро, если солнце на минутуту показывалось, ребенокъ чувствовалъ себя бодрѣе, даже отца узналъ и Варнашку легонько по головѣ гладилъ, а потомъ снова становилось хуже и хуже. А погода, какъ на бѣду, тоже хмурилась,—время-то уже къ зимѣ близилось. Листъ послѣдній опалъ, по ночамъ морозы всю землю бѣлымъ налетомъ одѣвали, днемъ дожди зачастили и вѣтеръ холодный дулъ съ сѣвера. Разъ утромъ даже снѣгъ выпалъ, да растаялъ за день отъ дождя, только грязи прибавилъ. Не въ удобное время расхворался Андронъ Голованъ, самое для поправки тяжелое.

А мужики-звѣроловы, словно на-зло, не идутъ да и только; правда, имъ теперь и дѣлать-то здѣсь въ лѣсу нечего, а все бы могли зайти провѣдать отшельниковъ. Теперь вотъ провизія выходитъ, а кого послать за нею; опять чаю хорошо бы раздобыть, ужъ этого добра навѣрно на селѣ достать можно; очень хорошо бы, полезно было поить мальчика тепленькимъ чайкомъ... Думалъ батька самому сходить, да страшно: какъ мальчугана хвораго одного оставить на Варнашкинъ присмотръ!.. О томъ, что самому не слѣдъ въ людное мѣсто показываться, батька и не вспомнилъ, онъ бы теперь для Андрона—чорту на рога полѣзъ, а не то, чтобы какого этапнаго испугался... Просто не зналъ, что и дѣлать бѣдняга, и рѣшилъ, наконецъ, идти самому на село, какъ только, хотя самую малость, сынъ поправляться станетъ.

Все онъ соображалъ, сколько времени долженъ онъ потерять на этотъ походъ, все онъ припоминалъ, гдѣ они ночевали, сколько уходили за день, разсчитывалъ и потомъ сокращалъ все ровно на половину, предполагая бѣгомъ и день и ночь, съ самыми только малыми роздыхами, совершать свое путешествіе.

Вчера вотъ, передъ вечеромъ, больной въ первый разъ заговорилъ съ нимъ ясно и сознательно; онъ даже присѣлъ на скамейкѣ и держался, сидя безъ чужой помощи,—силы, значитъ, начали возвращаться.

Какъ обрадовался отецъ, видя эти добрые признаки. Ужъ онъ ухаживалъ за мальчикомъ, ухаживалъ,—вымылъ его всего водою теплою, шкуры-покрышки перемѣнилъ, старыя въ складѣ провѣтриться повѣсилъ, Мишкѣ не велѣлъ въ дверь скрестись, и даже въ рыло его за это ткнулъ ногою.

Сегодня день тоже прошелъ ничего, слава Богу,—больной даже ѣсть запросилъ. Наскребъ кое-какъ остатковъ крупы батька, уныло поглядѣлъ на пустое дно берестянки, гдѣ эта крупа хранилась, сварилъ, сталъ кормить... Только глазами ѣстъ больше ребенокъ, смотритъ на кашку, чуть только тронулъ ея на языкъ и оттолкнулъ мисочку. Сберегъ отецъ эту мисочку, тщательно обвязалъ и на полку верхнюю поставилъ. Вѣдь послѣдняя, не кормить же его хвораго копченымъ мясомъ...

— Надо идти, надо идти...—волнуется батька.—Эки, дьяволы! лѣтомъ, небось, чуть не каждую недѣлю таскались, а теперь и носу не высунутъ изъ своего села, черти! Обабились, непогоды боятся, а еще промышленниками называются!.. Надо самому идти!.. Пять дней, пять ночей... ну, положимъ, не пять, положимъ четыре, Господи! Да что же мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать?!.

— Батька, зачѣмъ ты смотришь такъ страшно! проговорилъ неожиданно ребенокъ. Онъ давно слѣдилъ глазами за отцомъ, какъ тотъ все волосы себѣ ерошилъ, да по избѣ изъ угла въ уголъ мѣрялъ.

— Что, голубчикъ мой, что родной!—кинулся къ нему отецъ. Куда же ты встаешь! Нельзя еще, лежи! Вѣдь ты слабъ, мой милый, лежи...

— Я немного, батька, похожу тоже, надоѣло лежать-то... Я могу... посмотри, я могу!..

И ребенокъ попытался спустить ноги со скамьи, коснулся

уже пола своими исхудалыми ногами, хотѣлъ встать, да трудно. Улыбнулся мальчикъ и снова убралъ ноги подъ шкуры.

— Холодно,—проговорилъ онъ и съежился, свернулся калачикомъ.

Подкинулъ батька еще охапку сухолому въ печь. Опять о чаѣ вспомнилъ, что ужъ куда хорошо бы было теперь-то сварить этого душистаго, вкуснаго чаю...

«И вотъ можетъ еще денекъ такой, какъ сегодня, и пойду... Ей-Богу пойду... Видимое дѣло, что вся опасность миновала— видимое дѣло, поправляется мальчикъ. Позывъ къ ѣдѣ есть, возвратъ силъ чувствуется... ощущеніе холода тоже хорошій признакъ... Еще одинъ такой день и пойду, ей-Богу, пойду... Тѣхъ, до морозовъ, до снѣгу путевого не дождешься, надо идти самому, надо!..

Еще день прошелъ, тоже съ добрыми признаками; оно, можетъ быть, этихъ добрыхъ признаковъ и не было, да желаніе ихъ видѣть было сильно очень у батьки, вотъ онъ и видѣлъ во всемъ хорошее да хорошее... Варнашка тоже пересталъ выть, ужъ онъ цѣлую недѣлю не воетъ, разъ только, да и то совсѣмъ не потому, а волка, должно быть, почуялъ—это тоже важное предзнаменованіе, инстинктъ собаки — великое дѣло. Наука еще не дошла, почемъ знать, а тутъ есть основаніе, навѣрное, есть... Смотрика-ка, какъ весело смотритъ песъ, стоитъ на порогѣ, языкъ высунулъ на бокъ и смотритъ на Андрона, словно глазами его въ лѣсъ на охоту выманиваетъ.. «Поди сюда, глупый, поди, мой умница, дай я тебя расцѣлую»!..

И батька обнялъ пса за шею и цѣлуетъ его въ глаза, въ голову, а мальчикъ улыбается—ему это занятно кажется.

XVII.

Выпалъ первый снѣгъ, ровною бѣлою скатертью легъ онъ на поля. Пріѣхалъ въ село Чумленое мѣщанинъ нерчинскій, соболятникъ, и подкатилъ на соврасомъ въ легкихъ санкахъ прямо къ воротамъ Пашкинскаго кабака.

Чужому, наѣзжему человѣку всегда рады. Часу не прошло, другъ за другомъ пособрались всѣ чумленцы, каждый будто такъ, за своимъ дѣломъ, не для чего-нибудь другого зашелъ— набилось полно народу питейное заведеніе. Мѣщанинъ новости разсказываетъ, какъ на тракту купца варнаки зарѣзали про-

шлую недѣлю, а у купца того, говорятъ, кромѣ товару, деньгами десять тысячъ было; какъ поймали одного нѣмца въ Нерчинскѣ съ казеннымъ золотымъ пескомъ; какъ баба въ Ягоднѣ ребенка родила съ телячьей головою; какой такой новый становой наѣхалъ къ намъ смѣнять стараго, потому на стараго доносовъ много ужъ очень было въ губернію... Много занятнаго разсказываетъ словоохотливый мѣщанинъ, наливаясь горячимъ чаемъ за самоваромъ—какъ не послушать такихъ росказней!..

Всѣ, кто только жилъ въ Чумленомъ да не находился въ отлучкѣ, всѣ сошлись. Пашка цѣловальникъ усердствуетъ, въ аршинъ балычину выложилъ на прилавокъ, пирогъ поставить приказалъ бабамъ, самъ стоитъ за стойкою у окна, ему и здѣсь-то всѣхъ видно, и на улицѣ кто пройдетъ, тоже не минуетъ его шустраго, пронырливаго глаза.

— И пріѣзжали еще наши съ Ирбита,—говорилъ мѣщанинъ,—жалуются всѣ, страсть!.. Вѣрите ли, братцы, какъ понечѣ на мѣховой товаръ цѣны падаютъ, упаси Господи! просто такихъ низкихъ цѣнъ и не слыхивали; долженъ былъ, надысь, что тогда у васъ собралъ, въ убытокъ себѣ спустить, потому, говорятъ, что дальше, то дешевли будетъ...

— Что же такъ?—усомнился Ермилъ Сытый, въ бороду себѣ посмѣиваясь,—какая тому причина будетъ?

— А такая причина,—понизилъ голосъ пріѣзжій и даже не безъ таинственности кругомъ оглядѣлся,—такая причина, что изъ вѣрныхъ устъ извѣстіе есть... Война будетъ, во-что!..

— Эта какая же война-то, съ кѣмъ?

— Да уже тамъ какая война и съ кѣмъ—это дѣло не наше, а времена, охъ-охъ, какія тяжелыя подходятъ!..

Вздохнулъ глубоко мѣщанинъ и сталъ себѣ цѣдить изъ чайника новую чашечку.

— Это ты, братъ, намъ кажинный разъ про цѣны толкуешь, якобы на упадъ идутъ эти цѣны самыя, и тоже который разъ войною пугаешь...—заговорилъ степенно Ермилъ Сытый.— А мы тебѣ одно слово держимъ, что война не война—намъ все единственно, и какіе у тебя тамъ барыши будутъ, какіе убытки, это тоже твое, не наше дѣло, копѣйкою меньше со старой цѣны мы не спустимъ—вотъ-те и сказъ!

— Да кто мы, за кого говоришь ты—мы. Вишь ты заладилъ, мы; да я съ твоею милостью и дѣловъ водить не стану, я вотъ съ прочими честными промышленниками, а не

съ тобою—знай свою моленную «подпольную» да береги, чтобы туда кто не заглянулъ, кто тебя за пастыря не почитаетъ,— озлился пріѣзжій.

— Ты мнѣ о моленной не говори, потому самъ не знаешь, есть ли такая, али зря люди болтаютъ, а что не со мною дѣло ведешь, такъ тебѣ же хуже, потому все дѣло у меня во гдѣ! Видишь?..

И Ермилъ сжалъ свой здоровый кулачище и протянулъ его по направленію къ мѣщанину-соболятнику.

— Безъ моего слова съ тобою здѣсь и разговаривать-то никто не станетъ.

— Знаю я, милый человѣкъ, знаю, что ты здѣсь голова; чего во гнѣвъ приходить изволишь!.. Экіе сердитые стали они у тебя нонечѣ,— подмигнулъ онъ другу своему Пашкѣ цѣловальнику,—али къ первопутку это?

— Къ первопутку, должно быть, — усмѣхнулся цѣловальникъ, пристально въ окно вглядываясь.—Кого же Богъ несетъ, незнакомый совсѣмъ какъ будто... Робята, гляньте: кто это, вонъ черезъ плетень напрямикъ сюда переходитъ?

Выглянулъ въ окошко Ермилъ Сытый и нахмурился, посмотрѣлъ Никаноръ-дьяконъ: «Пшь ты нелегкая его несетъ»,— проворчалъ и на мѣщанина покосился; посмотрѣлъ и самъ мѣщанинъ, проговорилъ: «Совсѣмъ лѣшій, какъ его, значитъ, на картинахъ представляютъ»,и спросилъ: «Кто такой это будетъ?»

А черезъ заборъ перелѣзъ и шелъ, спотыкаясь о замерзшія гряды, покрытыя снѣгомъ, такъ что только кочерыжки капустныя торчали наружу, ни кто иной, какъ «человѣкъ изъ лѣса», безъ шапки, съ всклокоченными волосами, въ разорванномъ мѣховомъ яргакѣ съ суковатою дубиною въ рукахъ. Шелъ онъ словно пьяный, шатаясь, чуть не упалъ, задѣвъ за порогъ и, не отворивъ руками, а всѣмъ тѣломъ сунувшись, распахнулъ дверь, ввалился въ избу, да тутъ и сѣлъ какъ куль, еле переводя дыханіе отъ чрезмѣрной усталости.

— Зачѣмъ пришелъ? — вполголоса спросилъ его старикъ Якимъ Желѣзновъ,—онъ всѣхъ ближе къ нему находился.

— Андронъ боленъ... хлѣбъ вышелъ, чаю надо...—коснѣющимъ языкомъ пролепеталъ человѣкъ изъ лѣса.—Заморился я очень... силъ нѣтъ... Помоги мнѣ, Господи!..

Тихо стало въ избѣ. Всѣ разступились и смотрятъ, и знакомые, и незнакомые, всѣ смотрятъ молча, кто съ участіемъ,

кто подозрительно поглядываетъ на этого страннаго, замореннаго человѣка.

Подошелъ старикъ Желѣзновъ къ прилавку, налилъ стаканъ водки, поднесъ человѣку изъ лѣса.

— На, выпей поскорѣе, отойдетъ, полегчаетъ...

— Уведи ты его, дѣдушка, отсюда отъ грѣха; уведи скорѣе къ себѣ, тамъ я зайду ужо, потолкуемъ, — шепнулъ ему на ухо Ермилъ Сытый.

— Кто же таковъ будетъ? — снова полюбопытствовалъ мѣщанинъ - соболятникъ, когда дѣдушка, помявшись съ минутку для приличія, всталъ и ушелъ, уведя съ собою «человѣка изъ лѣса».

— А кто его знаетъ, мало ли всякаго народа въ этихъ мѣстахъ шатается!—отвѣтилъ равнодушнымъ тономъ цѣловальникъ Пашка, а самъ такое лицо состроилъ, что читать на этомъ лицѣ надо: «Догадываюсь, кто, да не только догадываюсь, а даже увѣренность имѣю...»

— Незнакомый какой?

— Кому нѣтъ, кому, можетъ, и знакомый.

— Кто же такіе ирбитскіе-то пріѣзжали?—рѣзко перевелъ разговоръ на другой предметъ Ермилъ Сытый.

— Едреновы купцы съ трубчаниновскими приказчиками, во кто!—не задумываясь, совралъ мѣщанинъ.

— Старика Едренова знаю,—отозвался Никаноръ, бывшій дьяконъ.

— Ермилъ, подь-ко сюда!—высунулся изъ дверей Якимъ-дѣдъ. — Подь скорѣе, любезный, дѣло есть насчетъ капканной постановки...

Хитрилъ старикъ тоже. Извѣстно, какая тамъ капканная постановка, да нехитро выходило.

Даже фыркнулъ подлецъ цѣловальникъ, а мѣщанинъ пріѣзжій только покосился на Ермила и еще налилъ чашечку.

Всталъ Ермилъ будто не-хотя. «Сейчасъ ворочусь», говоритъ. Не спѣша натянулъ на плечи полушубокъ.

— Дѣдушка, а дѣдушка!—крикнулъ Пашка.—Да что ты мнешься, свои люди! Веди сюда пятисотеннаго. Мы его чайкомъ да водочкою побалуемъ... Веди, что ли! Экій народъ скрытный да пуганый...

Ермилъ до дверей дошелъ, а тутъ вернулся прямо къ прилавку, кулачищами оперся, да такъ въ глаза цѣловальнику и

уставился. Тотъ даже попятился и боязливо кругомъ оглядѣлся: ребята, молъ, выручайте.

— Какое ты слово сейчасъ сказалъ? — медленно, съ разстановкою произнесъ Ермилъ.—Какое слово такое?! О какомъ пятисотенномъ вспомнилъ? Есть у тебя крестъ-отъ на шеѣ, али нѣту, а если есть, такъ покажи сначала, какой; можетъ, такой, «коимъ не возбраняется человѣку на человѣка бѣду накликать, алчности ради кровь ближняго предати».

— Да за такое слово тебя и прирѣзать не грѣхъ, ей-же ей!— припаперъ съ другой стороны и Никаноръ, бывшій дьяконъ.

— Да отстаньте, лѣшіе, чего пристали,—засмѣялся цѣловальникъ, только смѣхъ у него небольно смѣшенъ вышелъ.— И вправду пристали, медвѣжье... Извѣстно пошутилъ, что же такое! отъ шутки ничего не станется.

— Ты-то шути, да незашучивайся,—предостерегъ его Ермилъ и вышелъ вонъ изъ избы, по «капканьему дѣлу» вызванный.

Не сидѣть же и прочимъ цѣлый день въ заведеніи; у каждаго тоже свои дѣла нашлись, да и мѣщанинъ пріѣзжій менѣе словоохотливъ сталъ, позѣвываетъ. Бабы ему за перегородкою постель постлали и баню уже съ дорожки сготовили.

Разошлись мужики.

— Думаешь, тотъ самый? — вполголоса спросилъ гость у у хозяина, когда они вдвоемъ остались.

— Полагаю, такъ; самъ листа съ примѣтами не читалъ, а сказывали, что есть бумага...

— Есть, есть; самъ знаю, что есть.

— Таперича его накормятъ, а тамъ назадъ спровадятъ, только ежели не оченно далеко отсюда, да не должно быть, чтобы очень далеко, дальше Максимовой избы негдѣ жить ему.

— Гдѣ это Максимова изба?

— Не знаю, самъ въ тайгу не хожу, незачѣмъ, да и опасно.

— До опушки хоша бы выслѣдить.

— Чего?

— Нѣтъ, это я такъ... А что, не слыхать, есть черныши съ просѣдью... Попадались, чай, передъ осенью?

— Маловато... У Манзура запасена парочка, да у Ваньки штука, у Ермила еще прежнихъ пятокъ спрятано, безъ него не отдадутъ.

— Этотъ архипастырь вашъ, язва его жги, на семь еще полтину накидываетъ.

— Цѣну знаетъ.

— Придется дать, хоть въ убытокъ, а придется... Эхъ, времена, времена!

Вздохнулъ соболятникъ, разуваясь да залѣзая подъ стеганое ватное одѣяло и еще поверхъ натягивая халатъ изъ оленьяго мѣха, шерстью внутрь и наружу.

— Ври больше, — ухмыльнулся цѣловальникъ. — А о тебѣ сноха Прасковья соскучилась: «Когда же это, да когда Иванъ Митричъ пожалуетъ?» А вотъ онъ, Иванъ Митричъ, и пожаловалъ, — дождалась, гладкая!..

— И вовсе неправда, вы ему, Иванъ Митричъ, не вѣрьте. Вретъ все, безстыдникъ, — отозвался тонкій голосъ Прасковьи съ полатей.

— Привезъ я тебѣ, лебедка, нонѣ платъ китайскій, по синему полю бѣлая птица съ желтыми крыльями и краснымъ носомъ, — во весь ротъ зѣвая, протянулъ мѣщанинъ-соболятникъ.

— Мягко ли спать-то постлано?

— Спасибо, лебедка, спасибо. Ужъ всегда ты мнѣ, какъ слѣдъ быть, логовомъ у-ва-жишь...

Заснулъ гость пріѣзжій съ дороги часокъ-другой до обѣда. Припереъ Пашка заведеніе, самъ ходитъ полегоньку; бабамъ не велѣлъ горшками да мисками звякать, не обезпокоили бы.

Крѣпко спалъ въ «заведеніи» гость-пріѣзжій, еще крѣпче спалъ заморенный, мало что не до-смерти, «человѣкъ изъ лѣса» въ курной землянкѣ Якима Желѣзнаго.

Никаноръ съ Ермиломъ ему сготовляли тѣмъ временемъ все, что требовалось изъ запасовъ: чаю четверку завернули въ бумажку, даже сахару фунтъ добыли. Удивлялись звѣроловы, какъ ухитрился этакую дорогу человѣкъ такъ скоро отмахать, просто диву дались, на что сами ходоки первые въ округѣ. Разсказалъ имъ уже все человѣкъ изъ лѣса, что у него случилось; жалѣли мужики мальчика, крѣпко жалѣли, обѣщали черезъ недѣлю, какъ торги пошабашатъ, непремѣнно навѣдаться. Успокоились, когда услыхали, что Андронъ, слава Богу, теперь поправляется, что даже встаетъ самъ и по избѣ ходитъ; однако, все-таки рѣшили сегодня же въ ночь выпроводить «блаженнаго» отсюда, ужъ очень смущало Ермилу слово кабатчика шуточное «пятисотенный!»

Какъ только смерклось какъ слѣдуетъ, разбудили заморенаго, напоили его, накормили, Никаноръ съ Якимомъ взялись проводить до лѣсу, а Ермилъ дома остался наблюдать за пріѣзжимъ да за продавцами, чтобы цѣны «по малодушію своему» безъ него не скинули.

Вышелъ Ермилъ на улицу. часу въ девятомъ вечера, глядитъ: что за диковина!.. Саврасый въ запряжкѣ у кабака стоитъ, держитъ его самъ Пашка, а мѣщанинъ, запоясываясь, съ крылечка сходитъ.

— Куда это, поштенный? Аль уже домой безъ товару собрался, на ночь глядючи?..

— Здравствуй,—не прямо отвѣтилъ соболятникъ,—нѣтъ, зачѣмъ домой... это вишь ты...

— Это онъ мнѣ продать савраса хочетъ,—перебилъ бойко потряхивая возжами, горяча коня, цѣловальникъ Пашка.—Подъ верхомъ-то я его видѣлъ, а каковъ ходъ въ упряжи—не знаю...

— Хорошо бѣжитъ, ужъ говорю тебѣ...—поддакнулъ тутъ и мѣщанинъ,—такъ бѣжитъ, что на-поди... словно рысакъ наѣзженный...

— И не закидывается?..

— Ни Боже мой... на возжахъ идетъ; всею грудью въ хомутъ ложится. Диво—не конь! Вѣрь на слово — нечего и пробовать...

— Какъ, безъ пробы... Безъ пробы невозможно.

— Врутъ,—думаетъ Ермилъ.—А что, ребятки, и я съ вами... я давно что-то въ санкахъ не ѣзжалъ.

Посмотрѣлъ цѣловальникъ на мѣщанина, тотъ на него взглянулъ. «Какъ же быть теперь!» соображаютъ.

— Не тѣсновато-ли будетъ втроемъ,—почесалъ затылокъ Пашка, вымѣряя глазами крохотныя саночки, на длинныхъ, широкихъ, словно лыжи, полозьяхъ.

— Извини, поштенный, ужъ другой разъ когда прокатимъ,—рѣшительно отрѣзалъ мѣщанинъ нерчинскій и сѣлъ въ сани.—Садись пріятель!—протянулъ онъ за рукавъ Пашку, бери самъ возжи, я на чистоту...

Только сѣли, саврасый съ мѣста подхватилъ; пыль снѣжная ударила въ лицо Ермилу... глазъ протереть не успѣлъ, а они уже далеко,—крайнюю избу огибаютъ... Выбѣжалъ и архипастырь за околицу, глядитъ... Нѣтъ, слава-ти, Господи, совсѣмъ въ другую сторону погнали.

Вернулись наши наѣздники однако поздненько, уже совсѣмъ свѣтать начало; должно быть большой крюкъ сдѣлали; не ради одной пробы такъ коня замылили, что паръ отъ него валилъ облакомъ, бока подвело и подколѣнки дрожали, подгибаясь.

Пріѣздъ ихъ выслѣдилъ Ермилъ и порѣшилъ, что дѣло какъ будто не совсѣмъ чисто выходитъ.

Утромъ же вернулись и Никаноръ, бывшій дьяконъ, и Якимъ Желѣзновъ, дѣдушка. Они проводили «человѣка изъ лѣса» до опушки, сдали ему салазки съ провизіей. Разсказывали тоже, что видѣли слѣдъ санный, когда возвращались, и пересѣкалъ этотъ слѣдъ ихъ дорогу, какъ разъ у горы послѣдней, за болотами. Дивились они шибко этому необычному слѣду, а когда Ермилъ сообщилъ имъ, въ чемъ дѣло, тоже призадумались и согласились, что дѣйствительно нечисто что-то выходитъ...

Торопливо повелъ мѣщанинъ свои дѣла, полтинку сверхъ семи набавилъ, недолго оспаривая, уложилъ въ санки девять штукъ чернышей съ просѣдью, даже, сверхъ обыкновенія, у Манзура шесть волчьихъ шкуръ купилъ по семи гривенъ за штуку, пообѣдалъ, да послѣ обѣда и махнулъ домой, на большой трактъ, пообѣщавъ въ скорости еще разокъ, до глубокаго снѣга, повидаться.

А вечеромъ Ермилъ въ кабакѣ сказку разсказывалъ, какъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, жилъ тоже одинъ паренекъ ледащій и позарился тотъ паренекъ на сорокъ рублей посуленнаго вознагражденія, да и продалъ человѣка одного гонялаго,— такъ что же случилось послѣ этого? тотъ-то «преданный» пострадалъ вельми, а предателя нашли въ лѣсу на-двое, межъ деревьевъ разорваннаго... такъ-то!

Не понравилась эта сказка что-то Пашкѣ цѣловальнику.

Спѣшно возвращался батька къ себѣ въ сторону, салазки за собою волокъ, все сомнѣніе брало его дорогою, да раздумье, хорошо-ли онъ распорядился, въ порядкѣ-ли все дома застанетъ...

Когда онъ ушелъ, мальчикъ на ногахъ уже былъ хоть и пошатывался, а все-таки держался, спалъ ту ночь хорошо, поѣлъ немного.. чего же лучше? Не велѣлъ ему батька изъ избы ни шагу, а дома сидѣть, да больше лежать, чѣмъ сидѣть, печку топить два раза въ сутки и трубы не закрывать вовсе, чтобы воздухъ всегда чистый былъ, легкій. Дровъ онъ

запасъ ему достаточно и въ избѣ сложилъ; Мишку изъ сѣней выгналъ, можетъ, молъ, и на дворѣ почевать, не маленькій, а Варнашку въ сѣняхъ водворилъ... Отлично, значитъ.

Вотъ теперь вернется самъ съ провизіей, застанетъ сына уже совсѣмъ молодцомъ... Недолго отсутствовалъ, можетъ быть, уже совсѣмъ поправился хворый. Дай-то Господи!..

Пной разъ и худое думалось батькѣ дорогою, да такое худое, что онъ, самъ того не замѣчая, въ бѣгъ переходилъ и злился все на салазки, что тѣ мѣшаютъ, тяжело нагружены, да за пни все цѣпляются...

Чѣмъ ближе была цѣль его похода, тѣмъ безпокойнѣе и безпокойнѣе билось отцовское сердце. Выбиваясь изъ силъ, онъ ускорялъ свои шаги, сокращалъ часы отдыха, самъ себя обманывалъ, стараясь не замѣчать эту ноющую боль въ спинѣ и поясницѣ, это дрожаніе ногъ въ колѣняхъ. Онъ хваталъ снѣгъ и набивалъ себѣ ротъ, чтобы унять этотъ жгучій жаръ, сжигавшій его внутренности... Тѣло его было окончательно изнурено и разбито непосильнымъ трудомъ, его поддерживали и гнали къ цѣли только непомѣрное возбужденіе и энергія.

Онъ все шелъ...

Вотъ уже недалеко, часъ ходьбы... даже меньше. Вонъ уже сквозь оголенный лѣсъ чернѣютъ желанные кедры. Вотъ и слѣды Мишкины идутъ отъ ручья... Уже совсѣмъ близко...

Какъ болѣзненно сжалось и замерло его сердце, когда съ той стороны донесся жалобный вой собаки. Это выл Варнашка въ сѣняхъ... больше некому выть...

Батька пріостановился, вздохнулъ усиленно полною грудью, бросилъ санки. Недалеко, послѣ взять можно, и побѣжалъ далѣе.

— Андронъ!—крикнулъ онъ, видя уже глазами избу и кучу дровъ около, и эти запертыя двери сѣней. — Андронъ, дитя мое... мальчикъ мой, дорогой!..

Никто не отвѣчаетъ, никто не выходитъ на встрѣчу, только Варнашка, заслышавъ хозяйскій голосъ, еще жалобнѣе завыла и начала царапаться въ дверь, защелкнутую по обыкновенію изнутри засовомъ.

— Андронъ! — не вскрикнулъ, прохрипѣлъ, надорвавши горло батька и кулаками высадилъ окно...

Тихо въ избѣ... пусто... Варнашка перебѣжала теперь сюда изъ сѣней, какъ бомба вылетѣла изъ окна, прямо подъ ноги прибывшему, все воетъ, оборачиваясь назадъ, глядя въ это

черное, четвероугольное отверстіе, съ обрывками бумаги и прилипшимъ кусочкомъ стеклышка къ сломанной перекладинѣ.

И дверь вылетѣла такъ же, какъ окошко...

— Мальчикъ мой, малюточка,—кричитъ отецъ, хватаясь за дверные косяки...

У печи, давно потухшей и даже холодной, не то лежитъ, не то сидитъ, согнувшись въ три погибели, какой-то комочекъ, завернутый яргачиною... Рука только одна видна изъподъ мѣха, и рука эта синяя, холодная, какъ ледъ, твердая, окоченѣлая и ногти на ней совсѣмъ черные...

Схватилъ на руки этотъ комочекъ батька, поднялъ: такъ и застыли скорчившіеся члены, не разгибаются. Больше сутокъ, какъ померъ, должно быть, несчастный мальчишка...

XVIII.

Не прошло и недѣли, какъ уѣхалъ мѣщанинъ-соболятникъ, какъ нежданно-негаданно нагрянули въ село Чумленое двое саней и конныхъ казаковъ шестеро.

Въ первыхъ саняхъ, запряженныхъ тройкою, гусемъ, сидѣлъ новый становой, усатый такой, брови сдвинуты вмѣстѣ, такъ и срослись, лицо тощее, щеки провалистыя да желтыя такія, прозеленью пошли даже — золъ должно быть становой, какъ медвѣдь, къ зимѣ жиромъ не запасшійся. Со становымъ помощникъ этапнаго начальника—этотъ знакомый—прежній, мягкій въ голосѣ; самъ былъ прежде ссыльнымъ да выслужился, доносы все писалъ анонимные, — ласковый, добрый, никто отъ него слова не слыхалъ браннаго, и колодниковъ иначе и не называлъ, какъ «голубчики вы мои, несчастненькіе».

Въ другихъ саняхъ — писарь и четыре этапныхъ солдата съ ружьями. Остановились у кабака по обыкновенію.

Сбили все село Чумленое на ноги. Всѣмъ велѣлъ становой въ кабакъ собираться; только собралось-то не больно много, человѣкъ съ десятокъ, у кого только какія ни на есть бумаженки были, а прочіе всѣ, издали еще завидѣвши грозный поѣздъ, тягу дали и въ кустахъ по оврагу запрятались.

Начались допросы, и простые и перекрестные, загуляло перо писарское по бумагѣ. Пашка сейчасъ самоваръ и наливки запасной поставилъ.

Становой съ командою прибылъ утромъ, а къ обѣду, того

же дня, пригналъ и мѣщанинъ нерчинскій на своемъ саврасомъ,—продажа коня этого цѣловальнику Пашкѣ, надо полагать, разстроилась.

Пріѣхалъ мѣщанинъ и удивляется, что молъ за съѣздъ, что случилось?.. Ужъ не уголовщина ли какая—оборони Господи!?.

— Какое дѣло случилось, это мы еще доподлинно не знаемъ, а что твоя тутъ есть частица, такъ это, пожалуй, что и правда, — отвѣчалъ ему Ермилъ Сытый, ожидая своей очереди подъ надзоромъ казачьимъ.

Въ числѣ заблаговременно схоронившихся былъ, конечно, и бывшій дьяконъ, самовольно промѣнявшій кадило на гранчатку охотничью... Только онъ, сообразивъ обстоятельства и заподозривъ истинную цѣль наѣзда, ушелъ не въ оврагъ, а прямо къ лѣсу, порѣшивъ предупредить блаженнаго объ облавѣ и спрятать его гдѣ-нибудь въ иномъ глухомъ мѣстѣ. Ушелъ дьяконъ вмѣстѣ съ Якимомъ Желѣзновымъ. Тотъ долженъ былъ въ избѣ оставаться, замѣсто хозяина—коли молъ набредутъ на жилье, такъ чтобъ подозрительности не было.

Они, всѣ трое съ Ермиломъ, давно предчувствовали недоброе и заранѣе уговорились, какъ надо дѣйствовать—оттого Ермилъ и покойно ждалъ допроса, подсмѣиваясь, въ какихъ дуракахъ останутся предатели, и что имъ за то надлежитъ въ воздаяніе сдѣлать!..

Спѣшатъ Никаноръ съ Якимомъ, тоже день и ночь идутъ, а все не такъ ходко, какъ по той же дорогѣ шагалъ самъ «блаженный». Наконецъ-то прибыли на мѣсто...

Изба заколочена, Варнашка у порога лежитъ, тощій-претощій, даже не всталъ гостямъ на встрѣчу, а только хвостомъ махнулъ раза два, ласково...

Подумали мужики, обошли кругомъ... Неужли же дома никого нѣту? такъ зачѣмъ же собака не съ ними, а тутъ осталась?!. Окликнули: нѣтъ отвѣта. Повозились у дверей,—отперли... Первымъ вошелъ Никаноръ, да какъ бросится назадъ...

— Съ нами сила крестная!—шепчетъ бывшій дьяконъ, а самъ побѣлѣлъ весь и губы трясутся.

Сунулся и Якимъ Желѣзновъ, и тотъ назадъ подался и произнесъ:

— Вотъ такъ грѣхъ случился... Эко горе какое!..

Заглянули теперь оба: Лежитъ ребенокъ у печки, какъ тогда былъ, такъ и лежитъ... рядомъ доска, что въ углу висѣла, надвое топоромъ расколотая, а на аршинъ отъ полу висятъ ноги человѣческія... Темно вверху избы, гдѣ перекладины, ничего не видно, а что есть немного свѣту изъ оконца, такъ освѣщаетъ только этимъ свѣтомъ ноги въ опоркахъ, веревочками перевязанныхъ.

Тѣмъ временемъ къ лѣсу приближался весь казенный поѣздъ и съ нимъ мужики чумленцы, взятые, замѣсто провожатыхъ, въ таежныхъ трущобахъ всѣ тропы знающихъ.

А снѣгъ повалилъ хлопьями, давно засыпалъ слѣды Никанора съ Якимомъ, тѣ, что они къ избѣ проложили, засыпалъ и тѣ, что назадъ отъ избы шли.

Тѣло ребенка они съ собой взяли, чтобы похоронить послѣ въ мѣстѣ хорошемъ, по христіанскому обычаю, а къ избѣ подвалили хворосту и подпалили ее, вмѣстѣ съ трупомъ самоубійцы, рѣшивъ, что эта изба опоганенная, никому не будетъ на пользу, только молъ отъ нея «нечисти» въ лѣсу прибавится—такъ и сдѣлали.

И пепелъ отъ этой избы остыть успѣлъ, когда подвелъ. наконецъ, Ермилъ Сытый къ мѣсту всю компанію, пропутавшись безъ малаго недѣлю по тайгѣ попапрасну.

Конецъ.

Duke University Libraries
D04589923/